

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Полное издание в одном томе
с иллюстрациями Г. Доре и Ф. Байроса
Перевод и комментарии Д. Мина

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Данте Алигьери.
Неизвестный художник Английской школы
конца XVI — начала XVII века.*

Данте Алигьери

**БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ**

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(0)4
УДК 821.131.1-93
Д19

Подбор иллюстраций
К. Козлов

Обработка иллюстраций
А. Яскевич

Верстка
М. Судакова

Дизайн обложки
А. Яскевич

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение Алькор»

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmergo с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшенирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение Алькор»

Д19 **Данте Алигьери. Божественная комедия:** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2020: — 896 с.: ил.

Произведение великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321) «Божественная комедия» — бессмертный памятник XIV века, который является величайшим вкладом итальянского народа в сокровищницу мировой литературы.

ISBN 978-5-9603-0549-5 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0550-1 (кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ К 1-МУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемый здесь перевод „Divina Commedia“ Данте Алигьери сделан Дм. Ег. Мином, одним из самых талантливых русских поэтов-переводчиков. Д. Е. Мин долгое время занимал кафедру судебной медицины в Московском университете, где он в течение 8 лет был проректором, исполняя временами должность ректора и попечителя округа. Но ни лекции, ни административные обязанности, ни деятельное участие в специальных журналах не заслоняли от него мира великолепных поэтических творений, который издавна притягивал к себе его чуткую к красоте душу. Серьезный ученый, каким он был, не мог никогда заглушить поэта, каким он явился в своих переводах, передававших звучно русскою речью перлы европейской поэзии во всей их духовной красоте. Основательно зная не только французский, немецкий, итальянский и английский языки, но и древние — латинский и греческий, Д. Е. Мин мог в подлинниках ознакомиться с величайшими литературными произведениями. Он в совершенстве владел стихом и, вероятно, поэтому для своих переводов избирал вещи, облеченные исключительно в стихотворную форму. Таким образом были им переведены: «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, «Король Иоанн» Шекспира, «Дон Жуан» и «Осада Коринфа» Байрона, «Колокол» Шиллера и много других классических произведений.

Но любимым детищем Д. Е. Мина был перевод «Божественной Комедии» Данте. Еще во времена молодости он перевел на русский язык пятую песню «Ада», встретившую восторженный отзыв С. П. Шевырева и напечатанную в 1844 г. в «Москвитянине». Вслед за этим отрывком «Божественной Комедии» появились еще два, один в 1849 г. в «Современнике», другой — XXI и XXII песни «Ада» — опять в «Москвитянине».

Но более десяти лет прошло с тех пор, как Мин впервые решился испытать свои силы в переводе „Divina Commedi“, когда он в 1855 г. решил представить на суд русских читателей первую часть «Божественной Комедии» целиком. Он перевел ее терцинами¹, какими написано и само великое творение Данте, присоединив к переводу свои объяснения, состоящие преимущественно из указаний исторического и географического характера. Его пугало сознание огромности предпринятого труда, и в предисловии к «Аду» Мин обращался к тени поэта с его же словами:

Yagliami 'l lungo studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar lo tuo volume:

Будь благ ко мне за долгое ученье
И за любовь к красе твоих стихов!

Еще десять лет прошло, и появилась только I песнь второй части поэмы — «Чистилища», напечатанная в 1806 г. в «Русском Вестнике». В 1878 году Мин, больной, расстался с Московским университетом, а в 1883 г. переехал в Петербург. Здесь, на свободе, он с увлечением и безраздельно отдался своим литературным трудам, без усталости работая над переводом «Божественной Комедии», от которого он не отрывался и во время постигшей его болезни в последние годы жизни. Он не боялся смерти, но желал не умереть до тех пор, пока не увидит в печати перевода всего бессмертного творения Данте со всеми сделанными им комментариями. Судьба не дала осуществиться этому желанию: перевод был уже совершенно готов к появлению в свет, как смерть в 1885 г. подкосила его автора.

Надо видеть самому рукописи Д. Е. Мина, чтобы судить, какой это исполинский труд, как переводчик обдумывал каждое выражение, каждое слово, немилосердно уничтожая готовый перевод в поисках лучшего изображения мысли творца «Божественной Комедии». Прежние переводы уже не удовлетворяли его теперь, и местами от них он не оставлял, что называется, камня на камне. С такою же тщательностью обрабатывал он и объяснения к тексту, помещенные целиком в нашем издании.

¹ Терцина — строфа из 3 пяти- или шестистопных ямбических стихов, причем первый и третий стихи каждой строфы рифмуют между собою, а средний — с первым и третьим следующей строфы и т. д.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы изучение Данте подвинулось сильно вперед, и кое-что из толкований Д. Е. Мина на «Божественную Комедию» уже не имеет того значения, что прежде. Но мы не сочли возможным изменять эти объяснения, желая оставить весь труд таким, каким он вышел из-под пера поэта-переводчика. Во всяком случае и теперь эти комментарии достигнут цели, намеченной в свое время их автором: «с помощью их читатель-незнарок будет в силах уразуметь создание в высшей степени самобытное и будет в состоянии насладиться его красотою».

Большой части изданий и переводов Данте обыкновенно предшествуют биография поэта и история его времени. Мин не присоединил их к своему переводу, отлагая этот труд до появления всей поэмы на русском языке.

Стараясь сохранить единство в этом издании и дать место исключительно голосу самого переводчика, мы помещаем здесь только краткие сведения о Данте, взятые из новейших изысканий о творце «Божественной Комедии».

Предисловие взято из издания 1855 г. не полностью.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ ЧАСТИ I «АДА»
К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ 1855 г.

Прошло более десяти лет с тех пор, как я впервые решился испытать свои силы в переводе *Divina Commedia* Данте Алигьери. Вначале я не имел намерения переводить ее вполне, но только в виде опыта перелагал на русский язык те места, которые, при чтении бессмертной поэмы, наиболее поражали меня своим величием. Мало-помалу, однако ж, по мере изучения *Divina Commedia*, и чувствуя, что был в силах преодолеть, по крайней мере отчасти, одну из важнейших преград в трудном деле — размер подлинника — я успел в течение двух лет окончить перевод первой части Дантовой Поэмы — Ада. Более нежели кто-нибудь сознавая всю слабость моего труда, я долго скрывал его под спудом, пока наконец ободрительные суждения друзей моих, которым читал я отрывки из своего перевода, а еще более необыкновенно лестный отзыв г. профессора С. П. Шевырева заставили меня в 1841 г. в первый раз представить на суд публики V песню Ада, помещенную в том же году в «Москвитянине».

После того я напечатал еще отрывок в Современнике, издававшемся г. Плетневым, и наконец, в 1849 году, XXI и XXII песни в «Москвитянине».

Убедившись, что труд мой не совсем ничтожен и если не имеет в себе никаких особенных достоинств, то по крайней мере довольно близок к подлиннику, я теперь решаюсь вполне представить его на суд любителей и знатоков такого колоссального творения, какова *Divina Commedia* Данте Алигьери.

Считаю нужным сказать несколько слов о самом издании моего перевода.

Такой поэт, как Данте, отразивший в своем создании, как в зеркале, все идеи и верования своего времени, исполненный стольких отношений ко всем отраслям тогдашнего знания, не может быть понятен без объяснения множества намеков, в его поэме встречающихся: намеков исторических, богословских, философских, астрономических и т. д. Потому все лучшие издания Дантовой Поэмы, даже в Италии, и особенно в Германии, где изучение Данте сделалось почти всеобщим, всегда сопровождаются комментарием более или менее многосторонним. Но составление комментария дело чрезвычайно трудное: кроме глубокого изучения самого поэта, его языка, его воззрений на мир и человечество, оно требует основательного знания истории века, этого в высшей степени замечательного времени, когда возникла страшная борьба идей, борьба между духовною и светскою властью. Кроме того, Данте есть поэт мистический; основную идею его поэмы различные комментаторы и переводчики понимают и объясняют различно.

Не имея столько обширных сведений, не изучив поэта до такой глубины, я никак не беру на себя обязанности, передавая слабую копию с бессмертного оригинала, быть в то же время и его истолкователем. Я ограничусь присоединением только тех объяснений, без которых читатель-незнарок не в силах уразуметь создание в высшей степени самобытное, и, следовательно, не в состоянии наслаждаться его красотою. Объяснения эти будут состоять большею частью в указаниях исторических, географических и некоторых других, касающихся до науки того времени, особенно астрономии, физики и натуральной истории. Главными руководителями в этом деле мне будут немецкие переводчики и толкователи: Карл Витте, Вагнер, Каннегиссер и в особенности Копиш и Филалет (принц Иоанн Саксонский). Где нужно, я буду делать цитаты из Библии, сличая их с Вульгатою — источником, из которого Данте черпал так обильно. Что касается до мистицизма Поэмы Дантовой, я приведу по возможности кратко только те объяснения, которые наиболее приняты, не вдаваясь ни в какие собственные предположения.

Наконец, большей части изданий и переводов Данте обыкновенно предшествуют жизнь поэта и история его времени. Как ни важны эти пособия для ясного уразумения дивно таинственного творения, я не могу в настоящее время присоединить их к изданию моего Д. Алигьери. «Божественная комедия. Ад» 6-го перевода; впрочем не отказываюсь и от этого труда, если бы интерес, возбужденный моим переводом, потребовал его от меня.

Вполне счастливым почту себя, если мой перевод, как ни бесцветен он перед недостигаемыми красотою подлинника, хотя на столько удержит за собою отблеск его величия, что в читателе, не наслаждавшемся

красотами Divina Commedia в подлиннике, возбудит желание изучить ее в оригинале. Изучение же Данте для людей, любящих и постигающих изящное и великое, доставляет такое же наслаждение, как и чтение других поэтов-гениев: Гомера, Эсхила, Шекспира и Гёте.

Предоставляю судить людям, более меня сведущим, умел ли я удержать в моем переводе хотя слабую искру того божественного огня, которым освещено гигантское здание, — та поэма, которую так удачно сравнил Филалет с готическим собором, фантастически причудливым в подробностях, дивно-прекрасным, величаво-торжественным в целом. Не страшусь строгого приговора ученой критики, утешая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть бессмертного творения на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого. Но, ужасаясь мысли, что дерзким подвигом оскорбил тень поэта, обращаюсь к ней его же словами:

Vagliami 'l lungo studio e 'l grande amore,
Che m'han fatto cercar lo tuo volume.

Inf. Cant I, 83-84.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Шесть веков отделяют нас от великого творца «Божественной Комедии». Литература о Данте росла за это время непрерывно, захватив в свои пределы и легенды, пришедшие из тумана седой старины, и очищенные строгой критикой труды новейших ученых.

Современником гениального поэта был известный флорентинский летописец Джiovанни Виллани († 1348 г.), автор „Istorie Florentine“. Ему же выпало на долю дать первые биографические сведения о Данте. Но ряд биографов в настоящем смысле этого слова открывается не им, а знаменитым соотечественником Данте — Джiovанни Боккаччо (1313—1375 гг.). Его «Жизнь Данте», появившаяся на свет около 1364 г., выдержала более 20 изданий; но поэт оказался мало-достоверным историком: „Vita Dantis“ — прекрасный роман, характеризующий скорее творчество его автора, чем личность его героя. Не меньше легендарных сведений вошло в небольшой очерк („De vita et moribus Dantis insignis comici“) другого флорентийского летописца, Филиппо Виллани, племянника упомянутого выше Джiovанни Виллани. Легкомыслие двух последних биографов задумал исправить известный гуманист Леонардо Бруни из Аретцо (1369—1444), бывший в ту пору государственным секретарем во Флоренции. Его «Vita di Dante» в свое время ставилась очень высоко, но критика не замедлила и в его труде найти много ошибок.

Писатель и дипломат Джiovаннo Манетти († 1459 г.), пользуясь сочинениями Боккаччо, Виллани и Бруни, составил свое жизнеописание Данте, лишенное таким образом всякой оригинальности. Самое важное в нем — указание на существование двух портретов Данте, кисти Джотто: одного — в церкви Santa Croce, другого — во дворце Praetoris Urbani (Palazzo del Podesta). Еще менее значительна биография Данте, написанная Джiovанни Марио Филельфо († 1480 г.), заставившая одного из позднейших критиков сказать, что для характеристики поэта она может послужить источником «столько же, сколько и Дон-Кихот»! В том же XV веке сведения, взятые у Виллани, произвели на свет еще одну сокращенную биографию Данте, составленную Доменико Бандини из Аретцо.

Вот все, что было сделано для освещения личности поэта в Средние века, если не считать множества отдельных заметок биографического характера, разбросанных в комментариях к самой «Божественной Комедии». Уже сыну самого поэта, Пьетро, приписывают такого рода заметки. Из других комментаторов известны в этом отношении Киозе из Монтекассино, Джiovанни Бертольди Серравалла, Франческо де Бутти и Бенвенуто Рамбальди из Имолы.

Когда появились печатные книги, комментированные издания «Божественной Комедии» сопровождалась небольшими биографиями поэта, не заключающими, конечно, в себе новых данных и приводившими старые почти без всякой критики. Таковы были издания Ландино (1481), Веллутелло (1544) и Даниелло (1568). Время для научной разработки Дантовской литературы еще не наступало, и только в XVIII столетии принялись за нее, — сначала Пелли, а потом Тирабоски в своей «Истории итальянской литературы». Еще позднее приступили к исследованию архивов во Флоренции, и в вышедшей в 1861 г. „Storia della Vita di Dante Alighieri“ автор ее, Фратичелли, сообщил множество ценных документов, до той поры неизвестных. Нельзя сказать, чтобы и в XIX веке не привлекала возможность, сохраняя легенды, удержать романтический характер биографии великого поэта. С легкой руки действовавшего в этом направлении Карло Тройя („Veltro allegorico“, 1826), появилась „Vita di Dante“ Чезаре Бальбо (1839). Его сочинение, увлекательно и мастерски написанное, произвело большой шум в Италии и было причиною появления многих биографий, написанных в анекдотическом духе („Vita“, Миссирини и др.). Но это увлечение прошло; не проходило только желание изучать все, что касается творца «Божественной Комедии». Длинная вереница новых имен связана с именем Данте Алигьери: не называя их всех, довольно отметить Джузеппе Тодескини, Имбриани, Исидоро дель Лунго, Д. Диаконис, Адольфо Бартоли († 1893), Биаджи и Пассерини.

Благоговейное проникновение в жизнь и творчество Данте давно и далеко перешло за пределы его родины: ему отдавались и отдельные исследователи, и целые общества, избравшие для себя исключительной задачей изучение Данте. В Италии действует на этом поприще «Дантовское общество» (Società Dantesca Italiana), в Германии — „Deutsche Dantegesellschaft“, и подобное же литературное общество плодотворно работает в Америке. Можно составить целую библиотеку из сочинений, посвященных Данте на всех европейских языках¹. Чтобы легче было разобраться в этом богатом материале, в тридцатых годах только что минувшего столетия в Италии задались целью сделать свод Дантовской библиографии. После продолжительной работы, в 1846 г. вышло 3 тома составленной гр. К. де-Батинь „Bibliografia Dantesca“. После его смерти эту работу продолжали: Карпеллини, выпустивший четвертый том, в 1866 г., Лега — пятый том в 1883 и Биаджи — шестой том в 1888 г. Здесь рассмотрены и манускрипты, и печатные труды, но драгоценная работа далеко не полна², и Дантовская библиография ждет новых сил.

«Суровый Дант», как удивительно образно характеризовал его гениальный Пушкин, своею личностью не увлек еще настолько русских последователей, насколько увлек он их западных соотечественников, и «Дантовская литература» на русском языке чрезвычайно неопытна. В 1833 г. напечатал свою статью о Данте в «Записках Московского университета» С. П. Шевырев; в 1855 г. в «Отечественных Записках» появился очерк Кудрявцева «Данте, его век и жизнь», а в 1866, 1868 и 1888 гг. — статьи о Данте Александра Н. Веселовского («Вестник Европы»). Небольшой очерк посвящен Данте в «Исторических очерках итальянской литературы» Пинто (СПб., 1866), и переведены на русский язык сочинение Вогеле (перев. Алексея Н. Веселовского Москва, 1881) и труд Симондса: «Данте. Его время, его происхождение, его гений» (перев. М. Корш. СПб., 1893). Кроме перечисленных работ можно отметить еще очерки и статьи В. Лесевича, М. Ватсон и В. Чуйко. Но особенно много трудился над Данте Ф. И. Буслаев. Лекции его о творце «Божественной Комедии» остались не напечатанными; их рукопись хранится теперь в Румянцевском музее.

Данте Алигьери родился во Флоренции в 1265 году. Мы не имеем точных сведений о месяце и о дне его рождения, хотя в Италии считают днем его рождения 14 мая. Сам Данте говорит («Рай», XXII, 115), что родился под знаком Близнецов. Так как в 1265 году солнце вступило в этот знак зодиака 18 мая и вышло из него 17 июня, то на основании этого можно вывести заключение, что автор «Божественной Комедии» родился между 18 мая и 17 июня 1265 года.

Относительно родословной Данте мы также находим некоторые сведения у самого писателя. Данте встречает в «Раю» (XV, 130) своего предка, рыцаря-крестоносца Каччагвиду, жившего в конце XI или в первой половине XII века и происходившего из древнего римского рода Франджипани. По сохранившимся преданиям, один из отдаленных представителей этой фамилии, по имени Элизео, был в числе других римлян прислан Карлом Великим во Флоренцию и много потрудился над восстановлением и благоустройством этого города, разрушенного и сожженного Аттилой. Элизео основался во Флоренции и стал ее гражданином. Потомки его, оставив свою прежнюю фамилию, стали называться в память его Элизеями, и одним из представителей этого древнего рода и был рыцарь Каччагвиду, о котором упоминается в «Комедии». Он был женат на девушке из знатного рода Альдигьери из Феррары и имел от нее нескольких детей. Желая сохранить имя своих предков, жена Каччагвиды дала одному из своих сыновей имя Альдигьери.

¹ Необходимо здесь особенно отметить прекрасное исследование Ф. К. Крауса: „Dante, sein Leben und sein Werk, sein Verhältniss zur Kunst und Politik“ и труды Скартаццини, как появившиеся в Германии, так и издающиеся в Милане „Encyclopedia Dantesca“.

² Дополнением к этому труду могут служить: „Catalogus Bibliothecae Dantecae“, Петцольда, и „The Dante-Collections in the Harvard College and Boston public Libraries“, Лана.

Впоследствии буква *д* выпала, и потомки этого сына Каччаигвиды, оставившего по себе доблестную память, приняли в честь его фамилию Алигьери. Отец Данте происходил по прямой линии от первого Альдигьери. О нем не сохранилось никаких сведений, кроме того, что он был женат два раза: первая жена его — мать Данте — донна Изабелла, была, по существующим предположениям, дочерью Дуранте; имя второй жены было Лапа ди Киариссимо Чьялуффи.

Самое имя Данте признается многими за обычное во Флоренции сокращение имени Дуранте.

Дом, где, как говорят флорентинцы, родился знаменитый писатель, обращен теперь в музей, но действительно ли здесь родился Данте — подлежит сомнению. Леонардо Бруни из Аретцо высказывает предположение, что подлинный дом, где увидел свет Данте, находился на площади Св. Мартина, так как в этом квартале жило несколько поколений Алигьери с XII века. Если это предположение признать основательным, то дом отца Данте должен был находиться в улице Св. Маргариты, ведущей с площади Св. Мартина на Корсо, именно против маленькой церкви Св. Маргариты.

О матери писателя, умершей очень рано, мы ничего не знаем. Известен только пророческий сон, виденный ею незадолго до рождения сына. Ей снилось, что она находится на зеленом лугу под высоким лавром, недалеко от прозрачного ручья, и что здесь у нее родился мальчик. Он вырос в очень короткое время, питаясь одними плодами и водой из ручья, и сделался пастухом. Окрепнув, он стал стараться всеми силами добраться до ветвей вскормившего его дерева, но оборвался и упал. Когда же он поднялся, то из человека превратился в павлина. Боккаччо, рассказывая в своем жизнеописании Данте об этом сне, пытается разъяснить его аллегорическое значение. Лавр, под которым родился Данте, знаменует, согласно указаниям астрологии, такое расположение светил при рождении мальчика, которое благоприятно высоким дарам духовным и поэтическому таланту: это дерево Феба, и его ветвями увенчивают поэтов. Плоды, которыми питался Данте, — произведения поэтов и разные науки, которыми писатель был «напитан» в высшей степени. Чистая вода ручья, вспоившая его, означала обширное знакомство с философией. Быстрый рост и превращение в пастуха указывает на превосходство разума Данте, которое было настолько велико и замечательно, что посредством учения он в короткое время усвоил все нужное для того, чтобы сделаться пастырем духовным, подателем пищи нуждающимся в ней душам. Его старания добраться до ветвей дерева — знаменуют страстное желание писателя добиться лаврового венка, как свидетельства принесенной людям пользы. Падение, последовавшее за этим, — есть не что иное, как смерть, похитившая Данте в то самое время, когда он всего более мечтал о том, чтобы быть увенчанным лаврами.

Под превращением пастуха в павлина Боккаччо очень своеобразно понимает оставленное Данте миру наследие, главным образом «Божественную Комедию», свойства которой, по мнению толкователя сна, имеют большую аналогию со свойствами павлина. Последний известен четырьмя характерными свойствами: прекрасным оперением, на котором сверкает сто глаз; безобразными ногами и медленной походкой; неприятным для слуха голосом и, наконец, благоуханным, непортящимся мясом. Перья, покрывающие тело этой, по мнению Боккаччо, прекраснейшей между пернатыми и совершающей наиболее далекие странствования птицы, символически изображают чудное описание странствия, представляющего собою внешние рамки «Комедии», разделенной при этом на сто песен (число, равное количеству глаз на хвосте павлина). Подобно тому, как все тело павлина, по-видимому, поддерживается безобразными ногами, так и народный язык, на котором держится все здание «Комедии», очень груб с внешней стороны рядом с тонким и изящным стилем других поэтов; но в действительности ничто не может сравниться с красотой слога Данте и его соответствием современным потребностям. Медленность походки павлина обозначает скромность стиля, составляющую необходимое условие строгой «Комедии». В неприятном, режущем ухо голосе павлина Боккаччо усматривает очень удачный намек на страшный, громовой голос Данте, бичующего грехи и пороки людей, приводящего своими образами в трепет добрых и омрачающего злых... Наконец, содержание самой «Комедии» толкователь сна находит подобным мясу павлина, так как все в ней полно

непреложной, простой истины, которая не только не подлежит порче, но, наоборот, чем дальше, тем больше открывает благоухание своей непроходящей сладости. Легко может быть, что этот символический сон матери Данте относится также к числу тех легенд и преданий, которых так много связано с именем великого писателя.

Данте рано остался круглым сиротой на попечении своих родственников. Где он учился в детстве и ранней молодости — остается до сих пор невыясненным. Из слов первых его биографов, Боккаччо и Филиппо Виллани, мы узнаем, что мальчик в самых юных годах уже проявлял редкую любознательность и страсть к изучению наук и, главным образом, к *artes liberales*, т. е. к литературе. По свидетельству Леонардо Брунни, его учителем в детстве был известный ученый того времени, Брунетто Латини. Действительно ли Данте был его учеником, трудно сказать, за отсутствием прямых на то указаний, но тем не менее несомненно, что тесное общение и беседы с этим высокообразованным человеком, старинным другом его отца, оказали большое влияние на развитие Данте, а два литературных труда Латини, „*Tesoro*“ и „*Tesoretto*“, послужили основой для разносторонних энциклопедических знаний автора «Божественной Комедии».

По-видимому, представляется наиболее достоверным, что Данте, обладая редкой памятью и выдающимися способностями, многому научился в детстве самоучкой, — и только значительно позднее окончил свое образование в какой-нибудь высшей школе, в которой, главным образом, изучил схоластику. В общем, Данте мог назваться человеком всесторонне образованным: он изучал историю, литературу, иностранную и отечественную, философию, богословие, астрологию, математику, диалектику, риторику, строительное искусство, рисование, музыку и пение. Кроме того, он владел несколькими иностранными языками: так он свободно читал в подлиннике своих любимых латинских поэтов — Вергилия¹, Горация и Овидия, и сам писал по-латыни стихи на возвышенные темы, стараясь подражать классическим образцам. Он знал также провансальский и старофранцузский язык, а по мнению некоторых, и греческий, хотя последнее маловероятно; несколько встречающихся в рукописях Данте греческих слов, вроде *χῶμη, φδῆ, τράγος* и т. п. еще не доказывают его знакомства с языком.

В 1274 году Данте, будучи девятилетним мальчиком, встретился на майском празднике, который устроил у себя в доме Фалько Портинари, уважаемый флорентинский гражданин, с его дочерью Биче (уменьшительное имя Беатриче). Хотя мальчик Данте и раньше видал ее, но на этот раз встреча произвела на него такое сильное впечатление, что эта восьмилетняя девочка с необыкновенно нежными и правильными чертами лица, серьезная и развитая не по летам, стала царицей его сердца, и образ ее запечатлелся в его душе на всю жизнь. Вторично Данте встретился с Беатриче только девять лет спустя, когда она была уже замужем, и полюбил ее еще с большею страстью, отдавшись своему чувству всем своим существом. Беатриче была для него светлым лучом, озарившим его молодость, высоким идеалом женской красоты и нравственной чистоты, которому Данте пламенно поклонялся всю свою жизнь. Она была, кроме того, вдохновительницей его поэтического дара как при своей жизни, так и после смерти, постигшей ее на двадцать четвертом году жизни. Она ушла, а Данте остался в такой скорби, в таком безумном отчаянии, что родные и друзья опасались одно время за его жизнь и рассудок. Он был глух ко всем обращаемым к нему убеждениям и утешениям и проводил дни и ночи в слезах и горестных воплях, совершенно перестав заботиться о себе и о своей внешности. Худой, обросший бородой, Данте был почти неузнаваем и своим видом возбуждал жалость не только друзей, но и совершенно посторонних лиц. В таком угнетенном состоянии он оставался довольно долго, пока целительное время не принесло ему, наконец, некоторое утешение в горестной потере. Видя, что Данте начинает несколько успокаиваться и выходить из своего уединения, родственники стали убеждать его жениться, доказывая ему более или менее вескими доводами всю необходимость этого шага. Данте долго противился и отклонял этот родственный проект, но наконец уступил общему давлению и женился на девушке, выбранной для него родственниками.

Публий Вергилий Марон (70 год до н. э. — 19 год до н. э.) — известнейший древнеримский поэт. В переводе Дм. Ег. Мина используется написание Виргилий, более популярное в то время. В данном издании оно заменено на современный вариант — Вергилий.

О семейной жизни писателя мы также знаем очень немного. Женился он, по-видимому, в 90-х годах XIII века, но самый год его женитьбы в точности неизвестен. Его жена, донна Джемма, происходила из рода Корсо Донати, с которым Алигьери, принадлежавшие к враждебной Донати флорентинской партии Черки, были издавна во вражде и примирились только теперь, благодаря вступлению с Донати в родство. Многие биографы Данте выставляют донну Джемму чем-то в роде Ксантиппы, не имея при этом никаких веских доказательств ее дурного характера. Сам Данте обходит свою семейную жизнь молчанием и в своих произведениях нигде не упоминает о своей жене, что дает нам основание предполагать, что донна Джемма во всяком случае не была сколько-нибудь выдающейся личностью и не оказала никакого влияния на духовный мир своего супруга.

Даже относительно числа детей Данте мнения резко разделяются. Одни биографы насчитывают у него четыре сына, другие — шесть сыновей и одну дочь, третьи, наконец, пять сыновей и две дочери. Но позднейшие историки и исследователи Данте признают только упоминаемых в официальных документах двух сыновей его — Пиетро и Джакопо, допуская вместе с тем вероятность существования, кроме того, двух дочерей: старшей Антонии и младшей Беатриче, впоследствии постригшейся в монастыре Св. Стефана в Равенне.

Перейдем теперь к общественной деятельности Данте; но раньше представим его внешний облик, воспользовавшись для этого описанием великого поэта, сделанным Боккаччо. «Он был среднего роста; когда он достиг зрелого возраста, он ходил слегка согбенный, ровной и важной поступью. Одежда его всегда была сообразна с его положением и с его годами. Лицо у него было продолговатое, нос он имел орлиный, глаза скорее большие, чем маленькие, выдающиеся скулы, и нижняя его губа выступала сравнительно с верхней. Цвет лица у него был смуглый, волосы и борода густые, черные и кудрявые. Лицо его всегда выражало напряженность серьезной мысли». Что касается его привычек, то «как дома, так и в обществе он был удивительно серьезен и методичен и отличался большою вежливостью и учтивостью, чем кто бы то ни было. Аппетит у него был крайне умеренный; он умел ценить тонкие блюда, но обыкновенно употреблял простую пищу и порицал людей, которые тратят много времени на устройство своих обедов. Он говорил редко, если с ним не заговаривали; но, когда было нужно, он мог быть очень красноречив и умел выражаться изысканно без подготовки. В занятиях своих он отличался усердием». «Но, — говорит Леонардо Бруни, — достойно удивления, что он, несмотря на свое усердие в умственных занятиях, никогда не казался исключительно преданным науке, и в молодости всегда был веселым и приятным товарищем».

И хотя Джованни Виллани уверяет, что «наука сделала Данте несколько высокомерным, презрительным, надменным, и что он, подобно философам, не умеющим надлежащим образом обходиться с другими, не умел вести разговора, интересного для непосвященных», — в общем, судя по большинству отзывов, он был, говоря словами Боккаччо, человек „sommamente composto, cortese, civile“, т. е. в высшей степени положительный, учтивый и вежливый.

«И если он бывал иногда раздражителен, — добавляет к этому Филельфо, — то никогда не раздражался без серьезной причины. Гнев его должен был походить на извержение вулкана».

Впервые Данте выступает на гражданском поприще в 1289 году, когда двадцатичетырехлетний юношей принимает участие в сражении при Кампальдино. Сражение это происходило между аретинцами и некоторыми выходцами из Флоренции, с одной стороны, и флорентинцами вместе с выходцами из Аретцо, изгнанными в то время дворянами и простолюдинами гвельфами, с другой. Данте находился в передовом отряде флорентинских всадников, отряде, подвергавшемся наибольшей опасности. После сильного натиска аретинцев, флорентинская конница была смята и отступила к пехоте, что повело, в свою очередь, к поражению аретинцев, которые опрометчиво устремились за отступавшим неприятельским отрядом и таким образом оставили свои пехотные войска далеко за собой, ослабив и себя, и пехоту. Для того, чтобы был понятен политический строй Флоренции того времени, необходимо вкратце рассказать, каково было положение дел в этом городе в XIII веке.

Флоренция раньше остальных итальянских городов получила вместо аристократического правления демократическое.

Рождение Данте совпало с тем периодом времени, когда после поражения флорентинцев при МонтAPERти (1260 г.) власть захватили в свои руки гибеллины, наиболее сильная аристократическая партия. Но это продолжалось недолго. Призвание папой Урбаном IV Карла Анжуйского и гибель короля Манфреда в сражении при Беневенте (1266 г.) снова привели во Флоренцию гвельфов, власть которых была в ней надолго упрочена, благодаря трагическому прекращению фамилии Гогенштауфенов (битва при Тальякоццо и казнь Конрадина — в 1268 году), а также благодаря одержанной в следующем году победе над сиенцами. Но всего более способствовало упрочению власти за гвельфами то обстоятельство, что к ним примкнул весь народ. Городское управление подверглось реформе, и в результате во Флоренции явилась двойная администрация, представлявшая два враждебных лагеря. К одному принадлежала городская община, в которую входило дворянство и средний класс горожан, имевшая во главе *подесту*; к другому — подчинявшаяся *капитану* народная община, которую составлял простой народ. Обе эти флорентинские партии представляли собой нечто вроде двух вечно враждебно настроенных республик, причем в народную республику не допускался ни один дворянин. С течением времени народная партия становилась все сильнее и сильнее, и вражда между обоими лагерями все разгоралась. Борьба этих двух партий дала папе Николаю III повод вмешаться в политическую жизнь Флоренции, да и сами жители ее стали желать водворения в городе мира. Папский легат Латино дей Франджипани прибыл во Флоренцию и заключил 19 ноября 1279 года с флорентинцами обеих партий мирный договор, который в числе других пунктов (выбор в течение первых двух лет папой подесты и капитана, обязательство каждого из них держать к услугам папы по 50 конных и пеших солдат и т. д.) заключал амнистию гибеллинов и возвращение им конфискованных имений. Но это подчинение Флорентинской республики папской власти продолжалось недолго, и едва было получено во Флоренции известие о Сицилийской вечерне, как народ счел себя свободным от всех обязательств по отношению к папе. Демократическая партия потребовала трех вещей: независимости от папы, императора и Анжуйского дома, окончательного уничтожения периодически крепнувших и навязывавших себя правлению гибеллинов и, кроме того, — ослабления и унижения грандов, как бы они ни назывались: гибеллинами или гвельфами. Мирная реформа 1282 года привела в исполнение часть этой намеченной программы, так как теперь правление перешло в руки приоров. Коллегия приоров избиралась только на два месяца; каждая шестая часть города (*Sesto*) имела своего представителя, а во главе этой менявшейся шесть раз в году синьории стоял *гонфалоньер юстиции*. Вскоре последовали новые меры, направленные против гибеллинов. В 1285 году Корсо Донати добился того, что все имперские земли, прилегающие к флорентинским владениям, были признаны в юридической зависимости от флорентинской коммуны. К этому времени относятся сражения между пизанцами и генуэзцами (поражение первых при Мелории), изгнание гвельфов из Ареццо и, как следствие этого, вражда между этим городом и Флоренцией, результатом которой было упомянутое сражение при Кампальдино, в котором участвовал Данте. В то же время дух Флорентинской республики стал принимать все более демократический характер, и наконец в 1293 году прошел предложенный приором Джигано дела Белла закон, по которому все гранды и патриции были совершенно устранены от правления: на участие в нем имели право только лица, приписанные к какому-нибудь цеху и действительно занимавшиеся каким-нибудь ремеслом. Но патриции все же не признавали себя побежденными и всеми мерами добивались падения своего врага, Джигано дела Белла. Недавно избранный папа Бонифаций VIII сильно хлопотал в это время о том, чтобы Тоскана и ее столица Флоренция признали свою зависимость от его власти. Флорентинские гранды ничего не имели против того, чтобы заручиться властью именем папы, но народ упорно не желал зависимости ни от папской, ни от императорской власти. Предлог для открытого проявления вражды двух партий вскоре нашелся. Упомянутый выше Корсо Донати, один из наиболее влиятельных патрициев, велел своим приверженцам схватить мессера Симоне Галестрони; из-за этого возникло побоище, в котором было несколько раненых и один убитый. Несправедливый приговор подесты возбудил восстание, во время которого Джигано стал во главе партии последнего. Это, в свою очередь, вскоре привело к его добровольному удалению из города, за которым последовало „in contumacia“ его изгнание; он умер вдали от родины, во Франции.

Таково было положение дел во Флорентинской республике, когда Данте начал свою общественную деятельность. Во Флоренции это было время наиболее кипучего оживления. В растущем не по дням, а по часам городе строили новые мосты, прорывали каналы, воздвигали новые стены; Арнольфо ди Камбио работал над церковью Крещения (Baptisterium), начал церковь Santa Croce и заложил фундамент собора. В то же время Флоренция зажила полной духовной жизнью, которую вдохнули в нее такие выдающиеся граждане ее, как Брунетто Латини, Джиованни Виллани, Дино Компаньи, Гвидо Кавальканти и, наконец, Данте.

Года 1293—1300 были, по сохранившимся сведениям, очень тяжелы для Данте в материальном отношении. Хотя состояние, унаследованное им и его братом Франческо от отца, было и не особенно велико, тем не менее у Данте было несколько домов в самой Флоренции, несколько поместий, а также разное ценное движимое имущество. И, несмотря на это, Данте сделал между 1293—1300 годами довольно значительный денежный долг, на наши деньги около 14 тысяч рублей. Главным кредитором был родной брат Данте — Франческо. На что понадобилась Данте эта сумма — неизвестно. На веселые ли пирушки, которым он охотно отдавал свое время в молодости, или общественная карьера требовала от него таких издержек, — как бы то ни было, несомненно, что Данте прекрасно сознавал свою полную неспособность копить деньги и умножать свое достояние, и точно будто поэтому с какой-то особенной яростью обрушивался при всяком удобном случае на скупых и алчных людей.

В 1295 году Данте был членом Совета Ста (*Consilium Centum Virorum*) и в качестве такового высказался за то, чтобы флорентинские гранды также могли быть избираемы в число приоров, под условием приписки к одному из цехов. В этом же году он принимает участие в выборах приоров. В период 1296—1297 года Данте был, по-видимому, вторично членом Совета Ста, что можно заключить из следующего, встречающегося у Бартоли, Фратичелли и др., выражения: *Dante Alegherii consuluit secundum propositiones praedictas...*

Между 1297 и 1300 годом Данте приписался к цеху аптекарей (*dei medici e speciali*), как это можно видеть из регистров упомянутого цеха за эти года. На основании этого обстоятельства, Данте, в числе многих других его знаний, приписывали также и знакомство с медициной, что между прочим, по предположению некоторых, не раз давало ему позднее, в годы изгнания, заработок и средства к существованию.

В мае 1299 года Данте отправился в качестве посланника от Флорентинской республики в ближний город С.-Джеминьяно, для ведения переговоров о выборе нового капитана тосканских гвельфов. Впрочем относительно достоверности этого факта позднейшие биографы Данте высказывают сомнение, не находя официальных подтверждений как этой политической миссии писателя, так и последующих, которых насчитывают не менее четырнадцати. С 15 мая по 15 августа 1300 года Данте занимал должность приора.

В дополнение сделанного краткого разъяснения политического строя Флоренции надо прибавить, что, кроме издавна существовавших в ней враждующих между собой партий гвельфов и гиббеллинов, в ней образовались к концу XIII века еще две новые: Черных и Белых. Обе эти партии возникли первоначально в Пистойе, где после изгнания гиббеллинов (в 1295 году) фамилия Канчелльери разделилась на две партии: члены одной стали называться Белыми (в честь Бианки¹, одной из родоначальниц этой фамилии), а члены другой — Черными. Вскоре зверский поступок одного из Белых, Бертакки де Канчелльери (он приказал отсечь руку ранившему его сына за игрой Лоре Канчелльери, сыну Гульельмо де Канчелльери, из партии Черных, когда Лоре пришел к нему с извинением за свою вину), подал повод к кровопролитному столкновению, в котором принял участие весь город. Флорентинцы, имевшие верховный протекторат над Пистойей, в видах прекращения междоусобий, приказали вождям обеих партий переселиться во Флоренцию. Но результатом этой меры явилось то, что раздоры вспыхнули и в самой Флоренции, и народ в ней также разделился на партии Черных и Белых. Первая партия имела предводителем Корсо Донати,

¹ Bianca — по-итальянски белая.

а вторая — Виери Черки. Эти междоусобия были очень на руку папе Бонифацию VIII, который уже давно предьявлял на Тоскану свои права, в качестве главы римской церкви, и не упускал случая к вмешательству в дела всей этой страны и, главным образом, Флоренции. Правление последней, ввиду все более разгоравшихся внутренних смут и борьбы двух новых партий, обратилось к папе за посредничеством. Но Виери Черки отказался признать его авторитет и примириться по его приказу с Корсо Донати. К тому же в скором времени был обнаружен возмущивший общественное мнение заговор трех флорентинцев, находившихся в тайных сношениях с папой против республики. Бонифаций VIII усиленно хлопотал о том, чтобы потушить это дело, и даже обратился к герцогу Саксонскому, прося у него заступничества за трех обвиняемых, участь которых он принимал очень близко к сердцу.

Партия Черных не имела ничего против принятия папской власти и желала призвания Карла Валуа в качестве папского заместителя при заключении мирного договора. На тайном собрании в церкви Св. Троицы Черные порешили отправить к папе посольство, но об этом плане узнало правительство, и Совет усмотрел в поступке Черных государственную измену. Глава партии Черных — Корсо Донати — был приговорен к смерти, причем его имущество должно было быть конфисковано, остальные же заговорщики — к изгнанию. При этом, чтобы избежать обвинения в партийности и пристрастии, и в виду скорейшего умиротворения умов, было предложено присудить одновременно к изгнанию и некоторых главарей партии Белых; в числе изгнанных Белых был поэт Гвидо Кавальканти, которого Данте в „*Vita Nuova*“ называет своим первым другом. Кавальканти заболел в изгнании и умер вскоре после своего помилования. Папа, несмотря на неудачи, не оставлял своих происков, тем более, что положение флорентинского правительства было в то время очень затруднительное и почти невыносимое, так как обе партии были восстановлены против него за суровый приговор над главарями как Белых, так и Черных.

Какое же участие принимал во всех этих политических событиях Данте? К тому времени, как они разыгрались во всей полноте, он уже отбыл свой срок в должности приора, но, если верить свидетельству Джованни Виллани, пользовался в партии Белых, к которой принадлежал, большим влиянием и энергично протестовал против политики папы Бонифация VIII. Тот факт, что в апреле 1301 года Данте было поручено наблюдение за городскими строительными работами, доказывает его тогдашнее единомыслие и хорошие отношения с правительственными сферами. В этом же месяце его имя упоминается и среди членов *Consilii Capitudinum*, а в июне он принимает участие в заседании Совета Ста, где разбиралось требование папы, высказанное через кардинала Маттео ди Акваспарта, о посылке сотни солдат в папские войска. В протоколе упомянутого заседания значится, что Данте стоял за то, чтобы требование Бонифация не было исполнено ни под каким видом, и остался при своем мнении, когда вопрос был поставлен, с некоторым ограничением, на голосование. Еще раньше, в 1296 и 1297 гг., Данте дважды отказал королю Карлу в поддержке его похода против Сицилии: из этого можно видеть, что Данте был открытым врагом французов и противником их вмешательства в судьбу Флорентинской республики, что, по мнению Фратичелли, и было главной причиной изгнания Данте.

При таких политических воззрениях писателя представляется крайне неправдоподобной его поездка в Рим, в октябре 1301 года, с дипломатической миссией к папе (который, кстати сказать, имел в то время резиденцию не в Риме, а в Ананьи). Всю эту поездку и приписываемые Данте самодовольные и гордые слова, будто бы сказанные им после его избрания главой посылаемой к папе делегации: *se io vo, chi rimane? se io rimango, chi va?* (если я поеду, кто останется? если я останусь, кто поедет?) — надо, по всем вероятностям, отнести к области вымыслов, которыми изобилует история жизни Данте. Трудно в самом деле представить себе, чтобы флорентинское правительство избрало для завершения переговоров с папой именно Данте, который, без всякого сомнения, был для Бонифация *persona ingrattissima*, и в равной мере трудно допустить, чтобы сам Данте, хорошо знавший натуру и характер Бенедетто Гаятани, имел особенно сильное желание броситься льву прямо в пасть...

Вскоре флорентинцы узнали на опыте, какого умиротворения умов и страстей они могли ожидать от французов. В день праздника Всех Святых 1301 года Карл Валуа вступил в город в сопровождении безоружной свиты и был принят с большими почестями. Собранием духовных и светских властей, происходившим 5 ноября того же года в церкви Santa Maria Novella, было постановлено признать за Карлом верховное главенство над городом (синьорию) и даровать ему полномочие для водворения общественного спокойствия. Принц, со своей стороны, дал клятвенное обещание посвятить все силы своей миссии — умиротворению города и все свои заботы благу граждан.

Как хорошо сдержал он свою клятву, мы можем видеть из того, что первым же его делом было вооружить свою свиту, а вторым — отдать приказание Корсо Донати, находившемуся наготове около города, выломать ворота, прогнать приоров и открыть все тюрьмы. Флоренция пережила затем пять ужасных дней полной анархии, во время которых разнузданная чернь свободно грабила и разносила дома и лавки Белых. Повсюду в городе свирепствовали убийства, разбои и пожа-

ры. Когда же, по-видимому, все имущество Белых было уничтожено или разграблено, Валуа взял в свои руки бразды правления и раздал все государственные должности Черным.

27 января 1302 года новым правительством был обнародован первый декрет об изгнании Данте и его единомышленников. В обвинительном акте приведены семь обвинительных пунктов: 1) обман; 2) недозволённые способы наживы; 3) денежное и иное вымогательство; 4) подкуп при выборе должностных лиц и при проведении законов и постановлений; 5) присвоение себе больших доходов с республики, чем следовало по закону; 6) враждебное отношение к папе и к принцу Карлу, а также интриги против умиротворения республики, и 7) потворство и покровительство междоусобию в Пистойе и последовавшему изгнанию верных сынов римской церкви, Черных, а также преступные замыслы отделить Пистойю от Флоренции и помешать ее подчинению власти папы и насадителя мира Карла. Кроме этого, в акте говорится, что четверо из обвиняемых — Dominus Palmerius, Dante, Orlanducciis и Lirrus — были законным порядком вызваны на суд нунцием Флорентинской общины, но не явились, и поэтому *in contumacia* были присуждены к денежной пене в размере 5000 малых золотых флоринов каждый. Вследствие неявки обвиняемых, говорится далее в декрете, они считаются как бы признавшими себя виновными и помимо денежной пени присуждаются к возврату незаконно, посредством вымогания, приобретенных ими денежных сумм. Если же обвиняемые не возвратят упомянутых денег в трехдневный со дня обнародования судебного приговора срок, то все их имущество будет конфисковано. Но даже в том случае, если бы кто из них внес присужденные суммы, он, невзирая на то, должен быть изгнан из всей Тосканской области на два года. В особенности же в статутах городского управления должна быть увековечена память о Пальмиери, Данте, Липпи и Орландуччи, как об обманщиках и совершавших подкупы, и лица эти должны быть навсегда отстранены от всяких должностей и бенефиций во Флоренции и во всей ее области.

За этим декретом последовал 10 марта того же 1302 года второй, от имени подесты Канте де Габриелли, в котором упоминаются в качестве присужденных к изгнанию еще несколько человек, а в общей сложности всего пятнадцать лиц. Обвинительные пункты приведены те же, что и в первом декрете, и прибавлено, что так как осужденные не предстали на суд в назначенный срок, то они объявляются состоящими в опале и изгнании, и если они когда-либо будут замечены на флорентинской территории, то будут казнены огнем.

Еще со времен Кимона и Фемистокла было у политических партий в обычае обвинять жертвы своей ненависти в более или менее незначительных преступлениях, оставляя в тени главный пункт обвинения, в котором, собственно, и заключалась разгадка всего дела. При чтении обвинительного акта Данте и его единомышленников бросается в глаза та же уловка: нетрудно заметить, что подкладка этого судебного процесса чисто политическая, а именно — оппозиция Данте и его партии подчинению Тосканы папе, «умиротворителю» Карлу Валуа и прятавшимся за спиной последнего Черным. Что же касается остальных возведенных на Данте обвинений, то нравственный облик и мировоззрение писателя совершенно исключают даже мысль каких-либо оснований для этой клеветы. Суровое наказание, к которому присуждены «лихоимцы» («Ад», XXI), — вот ответ писателя на эти недостойные обвинения, а знаменитое пророчество Каччаиавиды («Рая», XVII, 46-48: Как Ипполит должен был покинуть Афины из-за коварной, постыдной мачехи, так и ты должен будешь расстаться с Флоренцией...), — накладывает вечное, несмываемое клеймо на преступление той коварной мачехи, которая присудила к изгнанию славнейшего из своих сынов.

Данте удалился из Флоренции без семьи, оставив в городе жену и детей, в то время еще малолетних. Он имел все основания быть спокойным за участь своих близких, так как жена его состояла в родстве со всеми главными вождями враждебной Данте партии. Для самого же писателя настали тяжелые годы лишений и бесприютных скитаний по чужим странам. Из всего его состояния уцелела только незначительная частица, которую жена Данте отстояла от грабителей под видом своего приданого. На доходы с этих уцелевших крох прежнего состояния и существовала семья Данте. Лично он ничем не пользовался из этих доходов и должен был сам изыскивать себе средства к существованию.

Вскоре после своего изгнания осужденные Белые сделали при помощи гибеллинов несколько попыток вернуться во Флоренцию, и между ними и флорентинцами произошло три кровопролитных столкновения при Мутелло (в 1302, 1303 и 1306 годах). В конце концов Белые понесли тяжелое поражение. По-видимому, вскоре после отъезда из Флоренции между Данте и его товарищами произошло разногласие, и он отделился от них еще до испытанного ими в 1303 году поражения при Мутелло. Весьма возможно, что попытки осужденных добиться возвращения на родину с оружием в руках не были по душе Данте, и его неодобрение их образа действия и послужило поводом к возникновению между Данте и его товарищами разлада. Оставив своих сотоварищей, Данте отправился в Верону и поселился в семье дела Скала под защитой «великого Ломбардца» («Рая», XVII, 71), который, по новейшим исследованиям, был Бартоломео, старший сын Альберта дела Скала, умерший в начале 1304 года. Год его смерти указывает, между прочим, на то, что Данте прибыл в Верону не позднее 1303 г., а может быть, — и в 1302 году, отделившись от остальных изгнанников. Здесь, в Вероне, Данте впервые увиделся с Каном Великим, будущим славным предводителем гибеллинов, тогда еще девятилетним мальчиком. Впоследствии Данте имел случай испытать на себе его великодушие. После смерти Бартоломео дела Скала Данте покидает Верону, так как все говорило за то, что новый владетель этого города, Альбоин, относился неблагоприятно к беглецу. Намек на это мы видим в пророчестве Каччагвиды («Рая», XVII, 58), где говорится, что его потомок узнает со временем, «как солон чужой хлеб и как труден подъем и спуск по чужим лестницам». Неоднократно встречаем мы у Данте жалобы на бедность, которую ему пришлось испытать по произволу граждан прекрасной дочери Рима, Флоренции, отдохнуть в которой так жаждет его усталый дух после долгих скитаний по Италии в качестве странника, осужденного жить чуть ли не подаянием (*peregrino, quasi mendicando* — собственные слова Данте).

В период времени между 1304 и 1306 годами Данте, по свидетельству Боккаччо, жил в Болонье и, по-видимому, доканчивал в местном университете свое образование. Но ясного подтверждения этому предположению нигде не встречается, и поэтому можно считать достоверным только то, что Данте посетил Болонью, без определения срока его пребывания в ней. Также несомненно, что в 1306 году Данте был на короткое время в Падуе. С небольшим месяц спустя, мы встречаем Данте уже в Луниджане у маркиза Маласпина. Здесь Данте выступает, согласно сведениям архива города Сарданы, в качестве посредника при заключении мирного договора между маркизом Франческино Маласпина и епископом Антонио Луна. Фратичелли говорит, что в центральной части древнего фамильного замка Маласпина сохранились до нашего времени развалины башни, известной под именем *Torre di Dante*, а недалеко находится и дом Данте, где, по-видимому, некогда жил писатель.

Ко времени пребывания Данте в Луниджане относится совершенно вымышленный рассказ о свидании Данте с монахом монастыря Santa Croce, расположенного на вершине горы Корво, братом Иларием. Рассказ этот находится в получившем большую известность «Письме монаха Илария к господину Угуччione дела Фаджиола, славнейшему из сановников итальянских», которое признается новейшими исследователями Данте чистейшим вымыслом.

Где находился Данте между 1307 и 1309 годами? Мы не имеем на то никаких документальных сведений. Некоторые биографы говорят о его пребывании в 1308 году в Форли, где он занимал должность секретаря при Скарпетта Ордалаффи, но в виду отсутствия каких-либо достоверных подтверждений этого факта, приходится отнести к нему с большим недоверием. Гораздо более вероятно заслуживает поездка Данте в Париж в 1308 году.

Не раз обсуждался биографами писателя вопрос, был ли Данте в Париже в качестве учащегося или учителя? Трудно предположить, чтобы в Париже той эпохи Данте мог давать уроки итальянской поэзии или народного итальянского языка, или, как уверяют иные, мог бы читать лекции по богословию, так как нигде в его биографии не упоминается о том, чтобы он был подготовлен к такой лекторской деятельности. Наоборот, все говорит в пользу того, что именно в парижском университете Данте приобрел те схоластические познания, которые он выказывает в «Раю» и в своем сочинении «О монархии». При этом надо сделать оговорку, что изучение богословия и других наук в парижском университете несколько не мешало Данте давать в то же время уроки, хотя

бы риторики или диалектики, так как в Средние века в качестве преподавателей этих предметов чаще всего приглашались именно студенты-богословы, как наиболее зрелые и развитые.

Перейдем теперь к путешествию Данте в Англию и Фландрию, особенно интересовавшему умы за последние годы. Подробностями пребывания Данте в Англии занимались многие английские ученые (Barlow, Plumtre, Maxwell Lyte и др.); но самый тщательный подбор фактов, относящихся к предполагаемой поездке Данте в Англию и говорящих в пользу ее, был сделан Гладстоном. Он же касается попутно и пребывания поэта во Фландрии и утверждает, что в «Чистилище» (XX, 46) Гуго Капет потому главным образом упоминает о четырех фландрских городах — Дуэ, Генте, Лилле и Брюгге, завоеванных Филиппом Красивым, что писатель лично видел и знал их. Но это служит слабым доказательством того, что Данте был во Фландрии, так как в своих произведениях он нередко упоминает о таких странах (как, например, Богемия, Африка и даже Индия), где он заведомо никогда не был в жизни.

Далее Гладстон приводит («Ада», XV, 1-6) описание берега одного круга в аду, сильно напоминающее дамбу между Брюгге и Виссантом. Виссант был в ту эпоху такою же гаванью для переправы в Англию, как теперь Остенде или Флиссинген, и если Данте был здесь, то, по всем вероятностям, по пути к берегам Темзы. Затем Данте приводит некоторые факты из истории Англии, которые, согласно Гладстону, он, несомненно, узнал в его стране, так как рассказ о них производит впечатление личных воспоминаний: таков рассказ о простоте образа жизни английского короля Генриха III («Чист.», VII, 130) и еще более характерное сведение о том, что сердце принца Генриха Корнваллийского, убитого Гвидо Монфором в церкви, в Витербо, служит предметом поклонения на берегах Темзы. Это любопытное указание в самом деле немного говорит в пользу путешествия Данте в Лондон¹, так как тот факт, что сердце этого убитого принца было заключено братом его Эдуардом в золотой футляр и повешено на столб одного из лондонских мостов, — не пользовался настолько большой известностью, чтобы о нем непременно знали в Италии. Вернее, это сердце было одной из лондонских достопримечательностей, которые показываются иностранцам. Сам Гладстон признает, что не все приводимые им аргументы в пользу посещения Данте Англии одинаково убедительны, но, тем не менее, высказывает надежду, что в общей сложности они делают это путешествие в высокой степени вероятным. Очень горячо дебатировался английскими исследователями вопрос о том, занимался ли Данте в Оксфордском университете, причем ими приводились даже местные воспоминания о нем, но на этот счет мы не имеем доказательств ни в ту, ни в другую сторону, точно так же, как и вообще насчет этих двух путешествий Данте.

Со вступлением на римский престол императора Генриха VII, Данте начал принимать участие в политике и в судьбе Италии, и это имело громадное влияние на образование у него тех взглядов на имперскую власть и ее отношение к папскому престолу, какие он впоследствии изложил в своем сочинении «О монархии».

Когда Альбрехт Австрийский был убит в 1308 году своим родственником Иоанном Отцеубийцей, то под давлением архиепископа Балдуина Трирского выбор пал на брата убитого императора, графа Генриха Люксембургского, получившего при короновании имя Генриха VII. Новоизбранный император задался целью поднять престиж римского престола и подчинить своей власти отпавшие от Римской империи земли. Вскоре после своего восшествия на престол он уже выступил из Германии для усмирения той части Италии, которая не признавала его власти, и обложил осадой город Бресцию.

Узнав об этом, Данте стал лелеять надежды на поддержку императора и на возвращение во Флоренцию. Историки упоминают о трех письмах Данте к флорентинцам и к императору Генриху VII, относящихся к 1311 году. На них значится пометка: Тоскана („scriptum in finibus Thusciae sub fonte Sarni“), что указывает на то, что Данте находился в это время в Тоскане. Мы не имеем оснований сомневаться в подлинности этих документов, и поэтому приходится заключить, что в 1311 году Данте был в долине верхней части р. Арно (sub fonte Sarni). По свидетельству некоторых биогра-

¹ Более подробные сведения об этом путешествии Данте можно найти у Ruelens'a: Dante in Flandria — Revue Franco-Italienne, 1855 г.

фов, Данте имел до осады Бресции свидание с Генрихом в Асти, Турине, Милане или Генуе, но представляется очень странным, что Данте ни в своем сочинении «О монархии», ни в «Комедии» — нигде словом не обмолвился о таком важном событии своей жизни. Весьма вероятно, что этого свидания в действительности вовсе и не было.

Между тем Флорентинская республика ввиду опасности, грозившей ей в лице Генриха VII, нашла своевременным и полезным для себя простить некоторых изгнанников. Она обнародовала одну амнистию в конце апреля 1311 года и затем другую — в сентябре того же года. Но в списке помилованных как первой, так и второй амнистией имя Данте не значилось.

Осада Бресции заставила Генриха VII потерять много времени и стоила императору нескольких лучших его друзей. В своем письме к императору Данте высказывает ему порицание за то, что он, вместо того чтобы идти на Флоренцию, теряет время в Ломбардии. Но военные силы Генриха были не особенно значительны, и поэтому, имея в виду всевозможные несчастные случайности, император принужден был охранять себе обратный путь из Италии, хотя бы при помощи осады крепостей Верхней Италии. В апреле 1312 года Генрих появился в Пизе и в мае того же года вступил наконец в Рим, где был коронован после кровопролитных стычек с орсиниевско-французской партией. Однако несмотря на одержанную победу, Генрих не мог держаться в Риме и повернул назад к Пизе, чтобы сразиться в бою с Робертом Неаполитанским. Но в Буонконvento он захворал, — едва ли не от отравленной облатки с причастием, данной ему доминиканцем Бернардо Монтепульчано, — и в августе скончался. По свидетельству биографов Данте, Бруни и Боккаччо, Генрих VII по пути в Рим обложил осадой Флоренцию. В это время Данте обращался с грозными воззваниями к флорентинцам, угрожая их правителям мстостью императора, но сам не поднял оружия против родного города и удалился, не желая присутствовать при обложении Флоренции войсками Генриха. Этот поступок писателя вполне соответствовал таким образом его образу мыслей и действий в 1302 году, когда он выразил свое несочувствие товарищам за попытки вести междоусобную войну.

Останки покойного императора были привезены в Пизу. В 1315—1316 году ему был воздвигнут величественный памятник. Под эпитафией на гробнице изображен орел, держащий в клюве дощечку со следующими словами: «Quidquid facimus, venit ex alto» (Все наши дела назначены свыше). Как в редакции надгробной эпитафии, так и, главным образом, в этом изречении, которое держит в клюве орел, некоторые историки видят отголосок мнений самого Данте. Это наводит на предположение, что писатель принимал участие в сочинении эпитафии, т. е., иначе говоря, был в это время в Пизе. В это время вождем гибеллинов в Пизе был Угучионе делла Фаджиола, державший в подчинении и Пизу, и Лукку. Нет ничего невероятного в том, что при нем Данте мог быть вполне в безопасности в обоих городах и в качестве поэта, и на основании прежнего своего положения — руководителя королевской партии, принять участие в составлении начертанной на памятнике императора эпитафии.

Последующие годы после смерти Генриха VII были наиболее важными в истории поэтического творчества Данте, так как в это время им были задуманы и частью написаны большинство тех произведений, которыми он снискал себе бессмертие. Что касается до указаний на то, где жил Данте между 1313 и 1316 годами, когда он нашел себе последний приют в Равенне, то мы более чем когда-либо должны сознаться, что все дошедшие до нас сведения об этом периоде скитаний Данте не подтверждаются никакими несомненными документальными доказательствами. Не останавливаясь подробно на перечне городов, в которых, по преданиям, пребывал Данте за эти несколько лет, упомянем только, что он часто переезжал из одного места в другое, скитаясь по Ломбардии, Тоскане и Романье и пользуясь покровительством разных владетельных фамилий.

В 1315 году (в октябре или ноябре) наместником короля Роберта Неаполитанского, кавалером Раниери д'Орвьето, был издан новый обвинительный акт против Данте, и на этот раз и против сыновей его, за единомышленность с партией гибеллинов и враждебное отношение к партии гвельфов. Осужденные *in contumacia* были приговорены к изгнанию из флорентинской области, имение их поступало в общественное пользование; если же изгнанники будут когда-либо замечены на территории Флоренции и схвачены, то должны быть обезглавлены. В этом обвинительном приговоре

мы впервые встречаем, во-первых, причисление Данте к партии гибеллинов, что указывает между прочим на то, что Данте за последнее время, вероятно, открыто высказывался за Генриха VII и за императорскую власть, а затем распространение приговора и на сыновей его. Существует предположение, что Данте, в бытность свою в Лукке, призывал их к себе и что они, принимая деятельное участие в событиях, навлекли на себя подобный приговор. Принимая во внимание, что сыновьям писателя было в то время лет 17-18, нет ничего невероятного в том предположении, что они обнажили оружие за Генриха или под его личным начальством, или под начальством Угуччионе.

В следующем году флорентинское правительство обнародовало помилование мятежникам, но на таких тяжелых условиях, как будто изгнанники были разбойниками и убийцами. Они должны были, чтобы заслужить амнистию, отбыть тюремное заключение и затем подвергнуться публичной унижительной церемонии покаяния. И тем не менее тоска по родине и нищета побудили многих товарищей Данте по изгнанию согласиться на все эти унижения. На Иванов день в 1317 году — флорентинцы нарочно выбирали этот день для помилования преступников в честь патрона города — возвращенные изгнанники с полным смирением, в дурацких колпаках для вящего позора, и со свечами в руках шли за так называемой колесницей Св. Иоанна и затем, по уплате наложенного на них штрафа, были в честь чтимого городом святого отпущены на свободу. Но Данте был слишком горд для того, чтобы согласиться на подобное унижение. Как ни сильно тосковал он по родине, он решился при таком положении дела оставаться в изгнании и продолжал свои скитания по Италии, посетив, по мнению некоторых, чуть не все города ее.

По-видимому, к концу 1316 или, может быть, и в 1317 году Данте прибыл в Равенну, где пользовался гостеприимством владетельной семьи Полента. Боккаччо говорит, что повелитель Равенны, Гвидо Новелло Полента, сжался над Данте, скитавшимся по Романье без пристанища, и пригласил его к себе. Тронутый этим вниманием и терпевший всевозможные лишения, писатель немедленно принял приглашение и прибыл в Равенну, где повелитель ее принял его с почестями и обещал Данте, что он найдет у него приют до самой своей смерти и отныне не будет нуждаться ни в чем необходимом. Некоторые историки высказывали мнение, что годы, проведенные Данте в Равенне, были для него счастливыми. Но опровержение такого заключения мы видим в XVII песне «Рая», где писатель, говоря о своей жизни в изгнании, не может указать в продолжение ее ни одного отрадного и умиротворяющего душу эпизода. По свидетельству Боккаччо, Данте преподавал в Равенне итальянскую поэзию и имел много учеников, что представляется весьма правдоподобным. В Равенне на Via Dante до сих пор показывают дом, надпись на коем гласит, что здесь жил знаменитый писатель. Впрочем, есть много оснований полагать, что это лишь одна догадка: где находился подлинный дом, служивший жилищем поэту, — совершенно неизвестно.

Из своих четверых детей Данте, по укоренившимся преданиям, вызвал к себе двух сыновей — Пиетро и Джакомо и дочь Беатриче. Другая же его дочь Антония осталась вместе с матерью во Флоренции. Относительно Беатриче сложилась легенда, более или менее правдоподобная, что молодая девушка прибыла в Равенну, чтобы служить поддержкой и утешением старевшему отцу-изгнаннику, и затем после его смерти постриглась, как было упомянуто раньше, там же в монахини.

Данте скончался в день праздника Воздвижения Креста Господня в 1321 году. Относительно года его смерти согласны все его биографы, но что касается месяца и дня, то мнения разделяются. Одни говорят, что он умер в июле месяце, другие — в сентябре. Последнее признано более достоверным, ввиду указания Боккаччо, что Данте скончался «в день св. Креста», т. е. или 13 сентября вечером, когда церковь уже празднует наступление праздника, или же 14 числа.

Боккаччо рассказывает, что Данте умер на пятьдесят шестом году своей жизни, как истый христианин, примирившись со всеми. Великодушный покровитель покойного, Гвидо Полента, велел возложить на останки Данте в гробу «украшения поэтов»; самые почетные равеннские граждане несли гроб на руках до кладбища миноритов со всеми почестями, подобающими такому покойнику. Гвидо Полента шел за гробом, который при общих рыданиях был опущен в каменную гробницу, существующую и доныне. Вернувшись затем в дом, где жил и умер Данте, Гвидо, по равеннскому обычаю, произнес блестящую и длинную речь, в которой прославлял высокую ученость

и добродетели покойного и, утешая его друзей, дал им обещание, если Бог сохранит за ним власть и продлит его жизнь, воздвигнуть Данте великолепный памятник. Но уже в следующем году Гвидо Полента был изгнан из Равенны, и таким образом его проект соорудить памятник Данте остался невыполненным. До половины XV столетия могила Данте находилась в заброшенном состоянии, и только в 1441 году правивший городом в качестве претора Венецианской республики Бембо, отец известного кардинала, позаботился о приведении гробницы и могилы в надлежащий вид, о чем сам и оповестил в сочиненной им эпитафии.

Обновленная гробница сохранила прежний вид; в каменной нише наверху помещен бюст писателя, высеченный из истрийского мрамора; Данте изображен в профиль, облокотившимся на попи́тр. Черты лица Данте — общеизвестного характерного типа; выражение лица поэта — обычное ему: задумчивое и грустное. Это рельефное изображение писателя как бы поддерживают с двух сторон две колонны, соединенные наверху резным архитравом. Весь памятник сделан в стиле нового ренессанса. В XVI и XVII веках могила Данте находилась снова в полном забвении, но в 1780 году папскому легату кардиналу Луиджи Валенти Гонзаго гробница Данте показалась слишком скромной, и он поручил архитектору Камилло Мориджия воздвигнуть над ней мавзолей, сохранившийся и до нашего времени. Над входной дверью сделана надпись: *Dantes poetae sepulchrum*. Наконец, в 1865 и 1876 годах последовали новые украшения гробницы и мавзолея писателя.

Не только при жизни Данте был осужден на скитание, но и после его смерти останки его не сразу нашли себе мирное и вечное успокоение в гробу. Прежде всего, еще в XIV веке, по словам одного юриста, Бартоло Сассоферрато, останки Данте, как еретика, едва не были вырыты из земли и преданы сожжению. Этот подвиг хотел совершить папский кардинал Бертран дель Поджетто, торжественно сжегший перед этим сочинение Данте «О монархии», и только вмешательство некоторых влиятельных флорентинцев спасло Италию от позора. Но этого мало. Флорентинская республика, сознав наконец свою несправедливость к поэту, в продолжение пяти веков усиленно хлопотала о том, чтобы останки великого гражданина покоились в стенах его родного города. Но равеннцы упорно не соглашались на выдачу праха Данте. Когда в начале XVI века папа Лев X послал от себя доверенных лиц для вскрытия гробницы Данте, то она оказалась пустой. В ней нашли несколько костей и два лавровых листа — и больше ничего. Много трактовалось об этом таинственном исчезновении останков поэта, и на основании позднейших исследований приходится заключить, что францисканские монахи, из опасения, чтобы кто-нибудь не похитил смертные останки Данте, проломали часть стены за саркофагом и унесли прах писателя. Но до 1865 года исчезновение останков держалось в строгой тайне, и как флорентинцы, так и равеннцы были в полной уверенности, что прах писателя покоится в гробнице. В 1865 году, при подготовительных работах для юбилейных торжеств в честь Данте, два каменщика наткнулись около часовни Браччиофорте, находившейся невдалеке от мавзолея Данте, на деревянный ящик, угол которого торчал из стены. На крышке этого ящика стояли слова: *Dantis Ossa | desuper revisa die 3. iunii 1677*. На нижней части его было начертано: *Dantis Ossa | a me Fra Antonio Santi | hic posita | Anno 1677 die VII octobris*.

В ящике оказались кости и череп, который был подвергнут тщательному наследованию и сравнению с сохранившейся маской Данте. Историки воздерживаются от окончательного заключения, действительно ли то были кости поэта, но многие из них относятся к этому факту критически. Действительный же при этой находке не поддается описанию. Вскоре найденные останки были переложены в новый, орехового дерева ящик, который затем был вставлен в свинцовый гроб. Этот же последний был торжественно водворен в каменную гробницу мавзолея, где, наконец, должны были найти себе успокоение многострадальные останки, заключенные в гробу. Но будь то подлинные кости Данте или нет, мы можем утешать себя мыслью, что если даже его смертные останки и утеряны для нас, то зато дух великого писателя живет в оставленных им человечеству великих произведениях, среди которых первое и главное место занимает «Божественная Комедия».

Во главе остальных, менее значительных, сочинений Данте стоит „*Vita nuova*“ («Новая жизнь»), — произведение, весьма важное для понимания «Божественной Комедии». Новую

жизнь дала поэту любовь. С первой встречи с Беатриче он восторженно мечтал о ней, и его мысль, казалось, ни на минуту не отлетала «от этого одного из самых лучезарных ангелов неба». Но любовь поэта была особенная: она «отрывала мысль от всех низменных вещей, являясь наполовину религиозным чувством». Самые различные эпизоды наталкивали его на любовные гимны, пока не призвал «справедливый Господь его милую даму наслаждаться славою под хоругвью Пресвятой Девы Марии». Но чудные видения не оставляли печального Данте и после смерти Беатриче. «Я увидел», говорит он в заключении своей «Новой жизни», — «такие вещи, что решился не говорить ничего об этой блаженной даме, пока не буду в состоянии говорить о ней более достойным образом. К этой цели я стремлюсь всеми силами, и она это знает. Поэтому, если воля Того, Кто дает жизнь всему, такова, чтобы жизнь моя продолжалась еще несколько лет, я надеюсь написать для нее такое произведение, какое никогда раньше не было написано ни для одной женщины». И великий поэт написал это произведение: то была «Божественная Комедия».

Другое его произведение, „Convivio“ («Пир»), представляет как бы дополнение к «Новой жизни», рассматривая любовь с философской точки зрения, проникнутой некоторым мистицизмом. Эта же вечная тема разработана во многих мелких стихотворениях, образовавших впоследствии сборник, известный под названием „Canzoniere“ («Песни»). Но соединены в одно эти песни были уже после смерти поэта, и среди них есть такие, в подлинной принадлежности которых творцу «Божественной Комедии» можно справедливо усомниться.

Особняком стоят «Трактат о народном красноречии» и труд, выяснивший политические взгляды поэта, „Monarchia“, — сочинение, в котором он занялся разработкою сильно волновавшего его вопроса, стараясь определить границу между властью пап и императоров, т. е. между духовного и светского владычества.

Бурная, полная скитаний жизнь Данте заставила его вести обширную переписку, которая дает богатый материал для характеристики Данте. Но века знают великого поэта преимущественно, как творца «Божественной Комедии», являвшейся в сотнях изданий на своей родине и в сотнях переводов по всему свету.

Первый рукописный экземпляр поэмы, как полагают, был переслан в 1322 г. сыном Данте Джакомо, Гвидо да Полента, бывшему в то время капитаном (*capitano del Popolo*) в Болонье. Он не дошел до нашего времени. Число сохранившихся рукописных списков поэмы не вполне удостоверено; по исследованиям Кардуччи, в 1876 г. их было 510. Большая часть этих списков находится в библиотеках Флоренции, Рима, Милана, Фриула, Турина. Из остальных замечательны манускрипты, хранящиеся в Париже и Лондоне. Число печатных изданий в одной Италии превышает 400. Старейшее — теперь чрезвычайно редкое издание, вышедшее в Фолиньо (*Foligno*) в 1472, затем издания, появившиеся в Мантуе (1472), Иези (1472) и Милане (1473).

Остается сказать несколько слов о переводах «Божественной Комедии». Уже к XIV веку стали появляться переводы поэмы на латинский язык — язык европейских ученых в Средние века. В XV столетии «Комедия» была впервые переведена на испанский язык, а затем перешла через Апеннины на север и стала достоянием всего образованного человечества. В некоторых странах переводы выходили десятками. Но нет надобности останавливаться подробно на этом победоносном шествии великого гения. Достаточно сказать, что теперь «Божественная Комедия» переведена на французский язык, немецкий, английский, португальский, голландский, шведский, датский, польский, чешский, венгерский, новогреческий, румынский, армянский (в отрывках), еврейский («Ад») и санскритский (рассказ об Уголино).

В заключение приведем перечень русских переводов. Кроме перевода Д. Мина, есть еще три перевода всей поэмы: два стихотворные — Д. Минаева (1874—76) и А. Федорова (1894), и один прозаический — В. Чуйко (1894). Первая часть «Божественной Комедии», «Ад», переведена стихами В. Петровым (1871) и Н. Головановым (1899) и прозой Е. Кологривовой (Фан-Дим, 1875), С. Зарудным (1887) и П. Каншиным (1894). «Чистилище» появилось в переводах А. Соломона и М. Горбова и сверх того есть переводы отдельных эпизодов из «Божественной Комедии», сделанные А. Норовым, А. Орловым и П. Вейнбергом.

АД

ПЕСНЬ I

Темный лес. — Холм. — Три зверя. — Вергилий. — Борзый Пес.

1 В полудороге нашей жизни трудной
В неведомый я темный лес вступил,
Утратив путь прямой в дремоте чудной.

Так горек он, что горше смерть лишь мало! 7
Но ради благ, мне посланных с небес,
Скажу и то, что мне в лесу предстало.

4 Ах, тяжело сказать, как страшен был
Сей лес густой, столь лютый, задичалый,
Что в мыслях он мой страх возобновил!

И сам не знаю, как вошел я в лес: 10
Столь крепкий сон меня в тот миг постигнул,
Когда в глазах мой правый путь исчез!

1. По словам монаха Гилария, Данте начал писать свою поэму по-латыни. Первые три стиха были следующие:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo,
Spiritus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cuicumque suis (data lege tonantis). —

«In dimidio dierum meorum vadam ad portas inferi». Vulgat. Biblia.

В полудороге нашей жизни трудной, т. е. на 35 году жизни, — возраст, который Данте в своем *Convivio* называет вершиною человеческой жизни. По общему мнению, Данте родился в 1265 г.: стало быть, 35 лет ему было в 1300 г.: но, сверх того, из XXI песни Ада видно, что Данте предполагает начало своего странствия в 1300 году, во время юбилея, объявленного папою Бонифацием VIII на Страстной неделе, в Великую Пятницу, — в год, когда поэту исполнилось 35 лет. На самом деле его поэма написана гораздо позже; поэтому все происшествия, случившиеся после этого года, приводятся как предсказания.

2. Темный лес, по обыкновенному толкованию почти всех комментаторов, означает человеческую жизнь вообще, а в отношении к поэту — его собственную жизнь в особенности, т. е. жизнь, полную заблуждений, обуреваемую страстями. Другие под именем леса разумеют политическое состояние Флоренции того времени, которую Данте называет *trista selva* (Чист. XIV, 64) и, соединяя все символы этой мистической песни воедино, дают ей политическое значение. Вот, напр., как граф Пертикари (*Apolog. di Dante. Vol. II, p. 2: fac. 38: 386 della Proposta*) объясняет эту песнь: в 1300 г., на 35 году жизни, Данте, избранный в приоры Флоренции, скоро убедился среди смут, интриг и неистовств партий, что истинный путь к общественному благу потерян, и что сам он находится в темном лесу бедствий и изгнания. Когда же он пытался взойти на холм, вершину государственного счастья, ему представились непреодолимые препятствия со стороны родного его города (Барса с пестрою шкурою), гордости и честолюбия французского короля Филиппа Красивого и брата его Карла Валуа (Льва), и корысти и честолюбивых замыслов папы Бонифация VIII (Волчицы). Тогда, отдавшись своему поэтическому влечению и возложив всю надежду на воинские дарования Кана Великого, синьора веронского (Пса), написал он свою поэму, где, при содействии духовного созерцания (*donna gentile*), небесного просветления (Лучи) и богословия (Беатриче), руководимый разумом, мудростью человеческою, олицетворенною в поэзии (Вергилием), проходит он места наказания, очищения и награды, наказуя таким образом пороки, утешая и исправляя слабости и награждая добродетель погружением в созерцание высшего блага. Из этого видно, что конечная цель поэмы — признать нацию порочную, терзаемую раздорами, к единству политическому, нравственному и религиозному.

5. Лютый — эпитет, не свойственный лесу; но так как слово лес употреблено здесь в переносном смысле и означает, по одним, жизнь человеческую, по другим — Флоренцию, волнуемую раздорами партий, то это выражение, надо полагать, не совсем покажется неуместным.

6. Данте избежал этой жизни, исполненной страстей и заблуждений, особенно раздоров партий, в которые он должен был вмешиваться как правитель Флоренции; но жизнь эта была так ужасна, что воспоминание о ней снова рождает в нем страх.

7. В подлиннике: «Так горек он (лес), что смерть немногим боле». Вечно горький мир (*lo mondo senza fine amaro*) есть ад, (Рая XVII, 112). — «Как естественная смерть прекращает наше земное существование, так смерть нравственная лишает нас ясного сознания, свободного проявления нашей воли, а потому нравственная смерть немного лучше самой смерти физической». Штрекфусс.

11. Сон означает, с одной стороны, человеческую слабость, потемнение внутреннего света, недостаток самопознания, одним словом — усыпление духа; с другой стороны — сон есть переход к духовному миру (См. Ада III, 136).

*В полудороге нашей жизни трудной
В неведомый я темный лес вступил...
(Ад, Песнь I, тер. 1)*

- 13 Когда же я подошв холма достигнул,
Где кончилась долина страшных бед,
Где ужас сердце с места мне подвигнул, —
- 16 Я вверх взглянул и — вот! уж холм одет
Вдоль плеч в лучи планеты той великой,
За ней же все стремятся прямо вслед.
- 19 Тогда на время стих мой ужас дикий,
Над морем сердца бушевавший в ночь,
Протекашу с тревогою толикой.
- 22 И словно тот, кто, всю собравши мочь,
На берег вышел, чуть дыша, из моря
И с грозных волн очей не сводит прочь:
- 25 Так и мой дух-беглец, со страхом споря,
Взглянул назад, чтоб обозреть тот путь,
Где из живых никто не шел без горя.

- И, телу дав немного отдохнуть, 28
Я стал взбираться, пункт ища опорный
Все в той ноге, что упиралась в круть.
- И вот, почти в начале кручи горной, 31
Покрыт пятнистой шкурою, кружась,
Несется Барс, и легкий, и проворный.
- Чудовище не убегало с глаз, 34
Но до того меня в пути теснило,
Что думал я вернуться уж не раз.
- Уж день светал и солнце восходило 37
Меж звезд, с ним бывших в час, когда в эфир
Божественной любовью дня светило
- Впервые вдвинуто в прекрасный мир. 40
Все льстило мне, что я пойду успешней:
И дивный мех животного, и мир

13. Холм, по объяснению большей части комментаторов, означает добродетель, по другим — восхождение к высшему благу. В подлиннике, Данте пробуждается у подошвы холма; подошва холма — начало спасения, та минута, когда в душе нашей возникает спасительное сомнение, роковая мысль, что путь, по которому мы шли до этой минуты, ложен.

17. Планета, ведущая людей прямой дорогой, есть солнце, которое, по системе Птолемеевой, принадлежит к планетам. Солнце имеет здесь не только значение материального светила, но, в противоположность месяцу (философии), есть полное, непосредственное познание, божественное вдохновение. Копиш.

19-21. Даже отблеск божественного познания уже в состоянии отчасти уменьшить в нас ложный страх перед «долиною страшных бед», т. е. земною жизнью, полною слез и бедствий; но вполне он исчезает только тогда, как мы совершенно исполнимся страхом Господним, как Беатриче (Ада II, 82-93). Копиш.

26. Т. е. взглянул в темный лес и эту долину бедствий, в которой оставаться — значит умереть нравственно. **29-30.** При восхождении нога, на которую мы опираемся, всегда стоит ниже. «Восходя от низшего к высшему, мы подаемся вперед медленно, только шаг за шагом, только тогда, как твердо и верно встанем на низшее: восхождение духовное подчинено тем же законам, как и телесное». Штрекфусс.

33. Барс (uncia, leuncia, lync, catus pardus Окена), по толкованию старинных комментаторов, означает сладострастие, Лев — гордость или властолюбие, Волчица — корысть и скупость; другие, особенно новейшие, видят в Барсе Флоренцию и гвельфов, во Льве — Францию и в особенности Карла Валуа, в Волчице — папу или римскую курию, и, согласно с этим, дают всей первой песне смысл чисто политический. По объяснению Каннегиссера, Барс, Лев и Волчица означают три степени чувственности, нравственной порчи людей: Барс есть пробуждающаяся чувственность, на что указывают его быстрота и проворство, пестрая шкура и неотвязчивость; Лев есть чувственность уже пробудившаяся, преобладающая и не скрываемая, требующая удовлетворения: потому он изображен с величавою (в подлиннике — поднятой) головою, голодный, злой до того, что воздух вокруг него содрогается; наконец, Волчица — образ тех, которые вполне предались греху, почему и сказано, что она «многим жизнь сделала проклятой», потому и Данте она совершенно лишает спокойствия и с каждым часом более и более подвергает в ядоль нравственной смерти.

37-40. В этой терцине определяется время странствия поэта. Оно, как сказано выше, началось в Великую Пятницу на Страстной неделе, или 25 марта: стало быть, около весеннего равноденствия. Впрочем, Филалет, основываясь на XXI песне Ада, полагает, что странствие свое Данте начал 4 апреля. — Божественная любовь, по представлению Данте, есть причина движения небесных тел. — Меж звезд — обозначается созвездие Овна, в которое в это время вступает солнце.

Чудовище не убегало с глаз;
Но до того меня в пути теснило,
Что думал я вернуться уж не раз.
(Ад, Песнь I, тер. 34)

<p>43 Предутренный, и сладость неги внешней, —
 Но все ж не так, чтоб страха не вселил
 Явившийся мне Лев из дебри здешней.</p> <p>46 Он на меня, казалось, выходил,
 Голодный, злой, с главою вверх поднятой,
 И, мнилось, воздух в трепет приводил.</p> <p>49 Он шел ко мне с Волчихой, столь чреватой,
 При худобе, от похотений всех,
 Что многим жизнь соделалась проклятой.</p> <p>52 Она являет столько мне помех,
 Так страшный вид ее мой шаг торопит,
 Что я терял надежду на успех.</p> <p>55 И словно тот, кто деньги вечно копит,
 Лишь срок пройдет и не уплочен долг,
 В отчаянии о том грустит и вопит:</p> <p>58 Так потерял я мир души; а Волк
 Все наступал и гнал меня всечасно
 В ту сторону, где солнца луч умолк.</p> | <p>Пока стремглав я падал в мрак ужасный,
 Глазам моим предстал неожиданный друг,
 От долгого молчанья тихогласный.</p> <p>— «Помилуй ты меня!» вскричал я вдруг,
 Лишь увидал его в пустынном поле,
 «Кто б ни был ты, хоть человек, хоть дух!»</p> <p>А он: «Я дух, не человек я боле!
 Родителей ломбардцев я имел,
 Но в Мантуе рожденных в бедной доле.</p> <p>Sub Julio я поздно свет узрел
 И в Риме жил в век Августа счастливый;
 Во дни богов в лжеверьи я коснел.</p> <p>Я был поэт, и мною воспет правдивый
 Анхизов сын, покинувший свой град,
 Когда сожжен был Илион кичливый.</p> <p>Но ты зачем бежишь в ту скорбь назад?
 Что не спешишь на радостные горы,
 К источнику, к началу всех отрад?»</p> |
|--|---|

41-43. Поэт, оживленный сиянием солнца и временем года (весною), надеется умертвить Барса и завладеть его пестрой шкурой. Если Барс означает Флоренцию, то спокойное состояние этого города весною 1300 г., когда партии белых и черных находились между собою в совершенном, по-видимому, согласии, действительно могло родить в поверхностном наблюдателе событий некоторую надежду на продолжительность мира. Но это спокойствие было только кажущееся.

45. Как символ Франции, которая «потемняет весь христианский мир» (Чист. XX, 44), Лев представляет здесь насилие, непомерную физическую силу.

49. Волка Писания Данте превратил в Волчицу (lupa) и тем еще резче очертил алчность римской курии (если ее должно разуместь под именем Волчицы), ибо lupa в латинском языке имеет еще другое значение. Вся поэма Данте направлена против римской курии (Ада VII, 23 и след., XIX, 1-6 и 90-117, XXVII, 70 и след.; Чист. XVI, 100 и дал., XIX 97 и д., XXXII, 103-160; Рая IX, 125 и д., XII, 88 и д., XV, 142, XVII, 50 и д., XVIII, 118-136, XXI, 125-142, XXII, 76 и д., XXVII, 19-126).

63. Тихогласный; в подлиннике: fioso, охрипавый. Это тонкий намек на равнодушие современников Данте к изучению творений Вергилия.

64. В подлиннике: Miserere de me — воззвание не к одному Вергилию, но и к божественной благодати. У подошвы горы Чистилища души насильственно убиенных поют то же (Чист. V, 24).

68. Вергилий родился в местечке Андес, нынешней деревушке Банде, иначе Пьетоле, близ Мантуи, на Минчио. Отец его, по одним известиям, был земледелец, по другим — горшечник.

70-71. Он родился в 684 г. от основания Рима, за 70 лет до Р. Х., при консулах М. Лицинии Кассе и Кн. Помпее Великом, в октябрьские иды, что по нынешнему календарю соответствует 15 октября. — Вергилий — поэт Римской империи (princeps poetarum), говоря, что он родился при Юлии Цезаре, хочет этим прославить имя его: на Цезаря Данте смотрит как на представителя Римской империи; изменившие Цезарю Брут и Кассий наказуются у него жестокой казнью (Ада XXXIV, 55-67). — Sub Julio есть одно из тех латинских выражений, которых так много встречается в поэме Данте, по принятому обыкновению не только поэтов, но и прозаиков того времени.

72. Этими словами Вергилий, кажется, хочет оправдаться в своем язычестве.

76-78. Вергилий спрашивает, почему Данте, будучи христианином, не спешит на путь истинный, ведущий на счастливую гору или холм? Данте не отвечает ему на это, но из уст его вырывается восторженная

Он на меня, казалось, выходил,
Голодный, злой, с главою вверх поднятой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил...
(Ад, Песнь I, тер. 46)

ПЕСНЬ I

79 — «Так ты Вергилий, — тот поток, который Катит рекой, столь мощной, волны слов?» — Я отвечал, склонив стыдливо взоры.	Ведь этот зверь, смутивший грудь твою, Идти в свой путь людей не пропускает, Он всех теснит и губит всех в бою. 94
82 О дивный свет! О честь других певцов! Будь благ ко мне за долгое ученье И за любовь к красе твоих стихов.	И свойством он столь вредным обладает, Что, в алчности ничем не утолен, Еще сильнее вслед за едой алкает. 97
85 Ты — автор мой, наставник в песнопенье; Ты был один, у коего я взял Прекрасный стиль, снискавший мне хваленье.	Он с множеством животных сопряжен, А сколько их еще с ним соединится? Но близок Пес, пред кем погибнет он. 100
88 Взгляни, вот зверь, пред ним же я бежал... О, помоги, премудрый, мне в кручине! Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал».	Не медь с землей Псу в пищу обратится, Но добродетель, мудрость и любовь; Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится. 103
91 — «Держать ты должен путь иной отныне», Тот отвечал, увидя скорбь мою: «Не то погибнешь в дикой сей пустыне.	Италию-рабу спасет он вновь, В честь коей дева умерла Камилла, Турн, Эвриал и Низ пролили кровь. 106

похвала поэту. Этим, кажется, выражено желание поэта, испытавшего скорби жизни, найти утешение в поэзии.

79-81. Вергилий в Средние века был в большом почете: простой народ смотрел на него, как на чародея и прорицателя, энтузиасты — как на полухристианина, чему поводом служила, кроме славы его, переданной от древности, его знаменитая четвертая эклога. Он был любимый поэт Данте, долго изучавшего и ставившего его необыкновенно высоко, как видно из многих мест его поэмы. Впрочем, у Данте Вергилий есть не только любимый его поэт, но и символ человеческой мудрости, знания, вообще философии, в противоположность Беатриче, которая, как мы увидим в своем месте, олицетворяет собою мудрость божественную — богословие.

87. Т. е. стиль итальянский. Данте уже прославился своею *Vita Nuova* и стихотворениями (*Rime*).

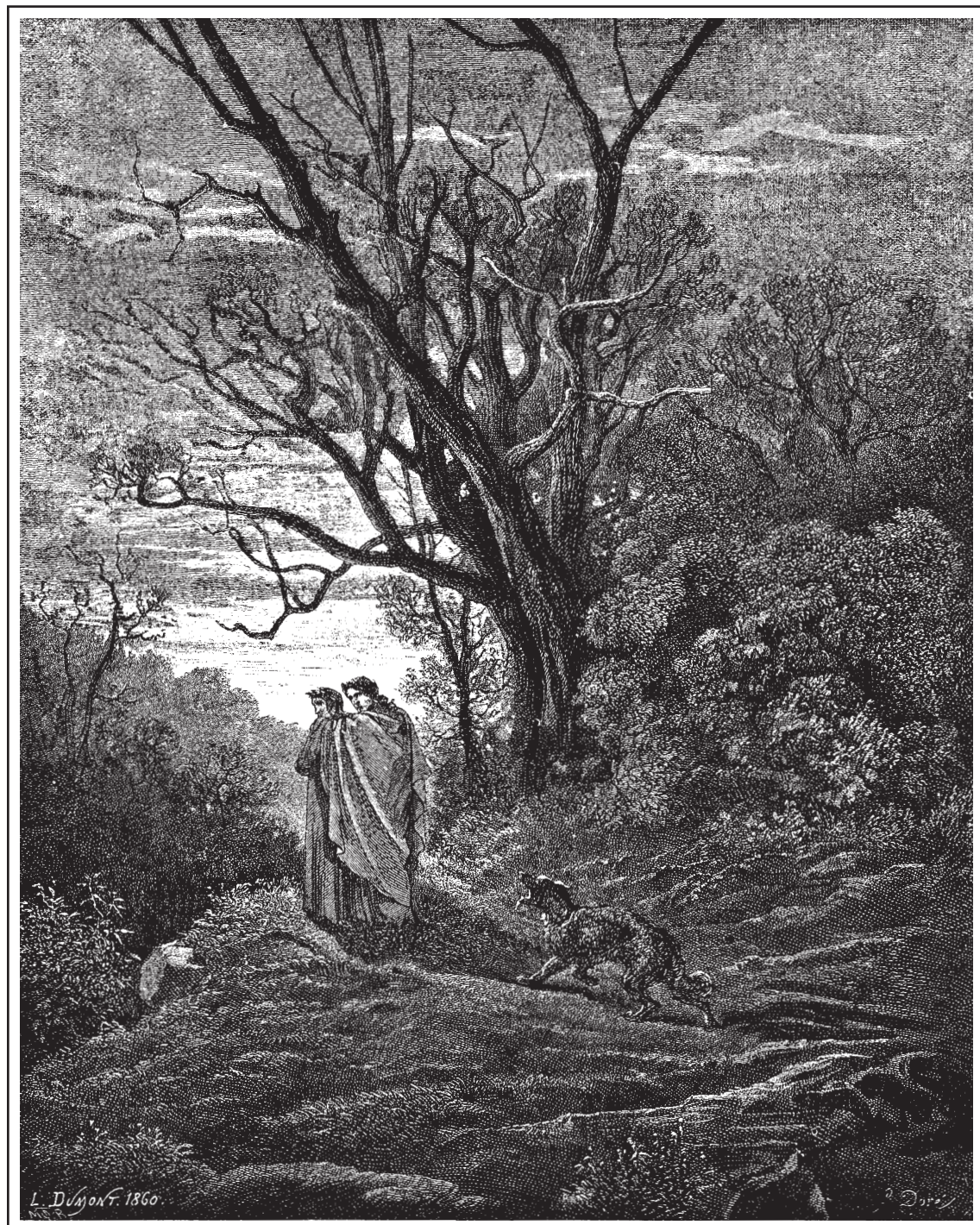
102. Под именем Пса (в подлиннике: борзого — *veltro*) большая часть комментаторов разумеют Кана Гранде (Великого) дела Скала, властителя Вероны, благородного юношу, оплот гибеллинов и впоследствии представителя императора в Италии, на которого Данте и его партия возлагали большие надежды, но который в то время, как надежды Данте начали было осуществляться, скончался, в 1329 г., на 40-м году жизни. Но так как Кан родился в 1290-м, а в 1300-м, в год странствия Данте в замогильном мире, был 10-ти лет, то должно думать, что Данте это предсказание о нем вставил впоследствии, или совершенно переделал начало поэмы. *Trova (Veltro allegorico di Dante, Fir. 1826)* в этом Псе видит Угуччионе дела Фаджиола, предводителя войск Кановых, того самого, которому он посвятил свой *Ад* (Кану посвящен Рай) и который еще ранее 1300-го и до 1308-го, когда Кан был еще малолетен, восстал за гибеллинов в Романьи и Тоскане против гвельфов и светской власти пап. Как бы то ни было, Данте скрыл имя того, кого должно разуметь под символом Пса: может быть, состояние политических дел того времени требовало этого.

103. Медь здесь употреблена вместо металла вообще, как в подлиннике: *peltro* (по-лат. *peltrum*, смесь олова с серебром, вместо серебра или золота. Смысл тот: он не прельстится приобретением владений (земли) или богатств, но добродетелию, мудростию и любовью.

105. Меж Фельтро и меж Фельтро. Если разуметь под именем Пса Кана Великого, то этим стихом определяются его владения: вся Марка Тривиджiana, где находится город Фельтре, и вся Романья, где гора Фельтре, — стало быть, вся Ломбардия.

106. В подлиннике: *umile Italia*. Кажется, Данте подражал здесь Вергилию, который в 3-й песне *Энеиды* сказал: *humilemque videmus Italiam*.

111. «Но завистью дьявола вошла в мир смерть». Прем. Солом. II, 24.

— «Держать ты должен путь иной отныне»,
Тот отвечал, увидя скорбь мою:
«Не то погибнешь в дикой сей пустыне...»
(Ад, Песнь I, тер. 91)

ПЕСНЬ I

<p>109 Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь запрет в глубь ада самого,
Откуда зависть в мир ее пустила.</p> <p>112 И так сужу для блага твоего:
Иди за мной; странюю вековечной
Со мной уйдешь ты из лесу сего.</p> <p>115 Услышишь вопль жестокий, бесконечный,
Скорбь древних душ увидишь в той стране,
Вотще зовущих смерть в тоске сердечной.</p> <p>118 Узришь и тех, которые в огне
Живут надеждою, что к эмпирею
Когда нибудь взнесутся и оне.</p> <p>121 Но в эмпирей я ввесть тебя не смею:
Там есть душа достойнее стократ;
Я, разлучась, тебя оставляю с нею.</p> | <p>Сам Тот Монарх, Кто небом не объят,
За возмущенье пред Его заветом
Не даст, чтоб мной в Его вступали град. 124</p> <p>Он Царь везде, но там Он правит светом; 127
Там град Его, престол и высший свет.
Блажен, кто жить Им избран в царстве этом!»</p> <p>И я: «Молю я сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его же ты не ведал, — 130
Да избегу и сих, и горших бед,</p> <p>Веди в тот край, о коем ты поведал, 133
Чтоб мне предстать к вратам Петра святым,
И тех узреть, чью скорбь ты сам изведал».</p> <p>Здесь он пошел, и я вослед за ним. 136</p> |
|---|--|

115-117. Души великих мужей древности, содержащиеся, по понятиям Католической Церкви, в преддверии ада или Лимбе и не спасенные крещением. Они умерли телом, но желают второй смерти, т. е. уничтожения души.

118-120. Души в чистилище.

122. Намек на Беатриче, являющуюся Данте в земном раю (Чист. XXX) и ведущую его на небо.

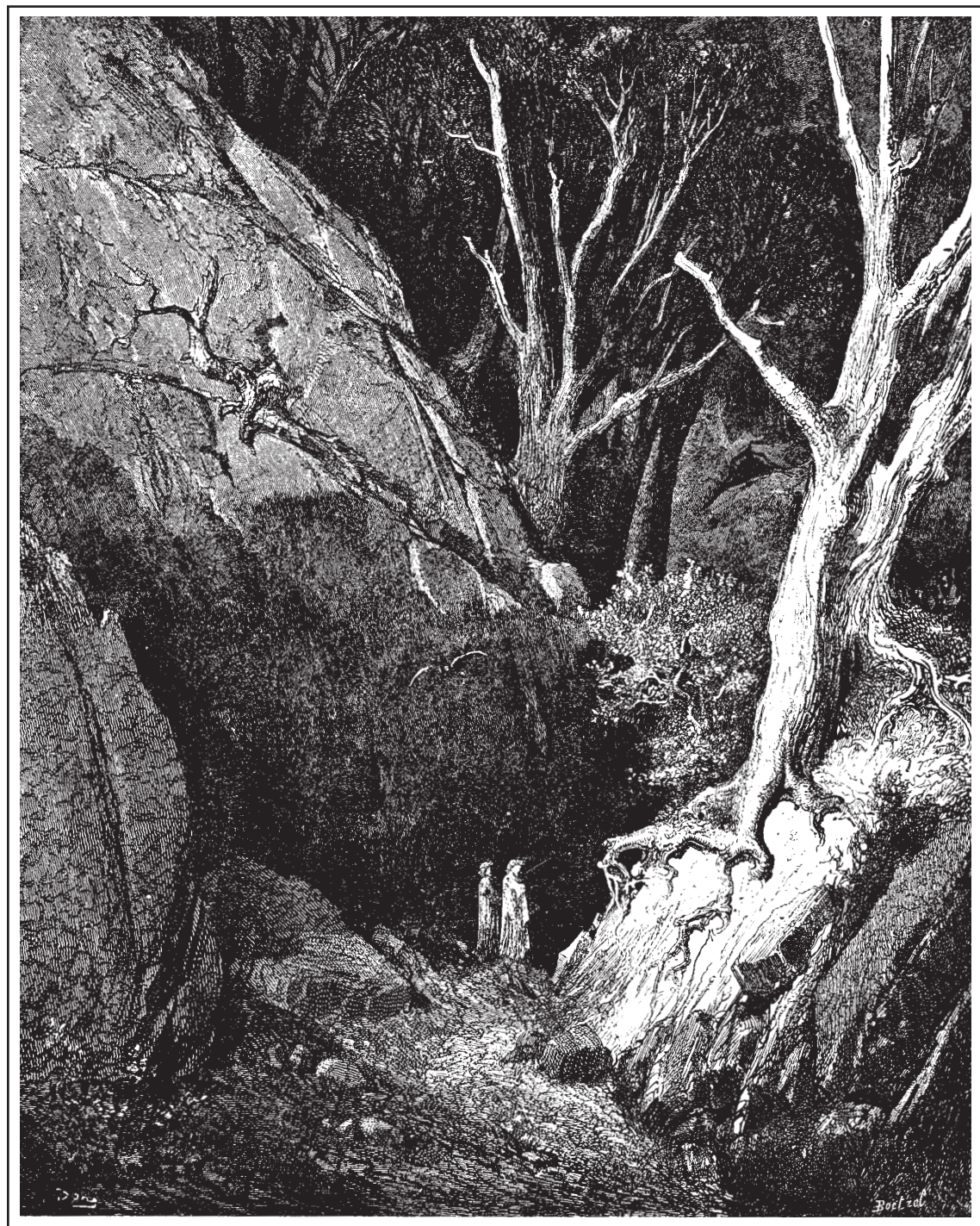
124. В подлиннике: Imperadore. Император, как высший судья на земле, поэту кажется достойнейшим подобием Высшего Судьи на небе.

125-126. Бог не хочет, чтобы разумом человеческим (Вергилием) достигали высшего небесного блаженства, которое есть дар свыше. Копиш.

127-128. По представлению Данте, могущество Божие господствует всюду, но престол Его в высшем небе (эмпирее), в котором другие девять кругов неба вращаются около земли, составляющей, согласно с системой Птолемея, средоточие вселенной.

132. Горших бед, т. е. ада, чрез который я пойду.

134. Святые врата Петра — врата, описанные в Чист. IX, 76. Скорбящие — обитатели ада.

Здесь он пошел, и я вослед за ним.
(Ад, Песнь I, тер. 136)

ПЕСНЬ II

Опасения Данте, рассеянные Вергилием. — Три небесные жены. — Начало странствования.

1 День уходил и мрак вечерний пролил
На всех покой, дозволив отойти
От их трудов. Лишь я один неволил	Сосуд избранья в небе был потом,
Да снищет там той вере подкрепление,
Что мир ведет спасения путем.	28
4 Свой дух на брань и с ужасом пути,
И с жалостью, о чем воспоминанье
Должно рассказ правдивый повести.	А я зачем пойду? Чье тут веленье?
Я не Эней, не Павел; сам не зрю,
Так кто ж во мне узрит к тому влечение?	31
7 О высший дух, о Музы, к вам воззванье:
Здесь с благородством, память, передай
Внесенные в скрижаль твою сказанья.	Так, если я сей подвиг сотворю,
Страшусь, в безумие он мне вменится.
Мудрец, ясней поймешь, чем говорю».	34
10 Я начал так: «Сначала испытай
Всю мощь мою, поэт-путеводитель,
Потом со мной в загробный путь ступай.	Как тот, кто хочет, но начать страшится,
Полн новых дум, меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что хотел решиться, —	37
13 Ты говорил, что Сильвиев родитель,
Еще живой и тленный, нисходил
Свидетелем в бессмертную обитель.	Так я сробел на мрачной круче той;
Так мысль моя, с обдуманьем, истлела,
Хоть был сперва я предан ей одной.	40
16 Но если жребий так ему судил,
То, рассудив, какой достигнул славы
Сей муж, и как правдив, и кто он был, —	— «Коль речь твою постигнул я всецело»,
Великодушного вещала тень,
«Душа твоя с боязни ослабела.	43
19 Почтет его достойным разум здравый:
Он избран был, чтоб некогда создать
Великий Рим и стать отцом державы, —	Боязнь людей отводит каждый день
От честных подвигов: в тревоге ложной
Так зверь пугается, завидя тень.	46
22 Державы той, где, подлинно сказать,
Всевышний Сам святой престол поставил
Наместникам Петровым восседать.	Но выслушай, — и страх рассей тревожный, —
Кто моему пришествию вина
И что открыл мне жребий непреложный.	49
25 В сем странствии — ты им его прославил —
Узнал он путь к победе над врагом
И там тиару папам предоставил.	Я с теми был, чья казнь не решена;
Там, слыша глас жены святой и честной,
Я спросил: что повелит она?	52

1. Вечер 25 марта, или, по Филалету, 8 апреля.

10-12. В колебаниях разума проходит целый день; наступает ночь и с нею новые сомнения: решимость, возбужденная разумом, исчезла, а вера колеблется. Данте спрашивает себя: способен ли он свершить отважный подвиг?

13. Эней, сын Венеры и Анхиза, отец Сильвия от Лавинии, руководимый Сивиллою кумской, нисходил в тартар (Энеиды VI) для того, чтобы узнать от тени отца своего Анхиза, каким образом он может одержать победу над Турном, царем рутулов.

22. Подлинно сказать — намек на то, что дух гибеллинов побуждал его скрыть истину, или сказать противное. Ломбарди.

52. Т. е. в Лимбе, где помещены великие мужи древности (см. прим. к Ада I, 115-117). — Чья казнь не решена, в подлиннике: *che son sospesi*. Язычники, заключенные в Лимбе, остаются в сомнении насчет окончательной своей участи; они находятся в среднем состоянии между мукой и блаженством и ждут Страшного суда (Ада IV, 31-45, и Чист. III, 40 и д.).

53. Жена святая и честная (в подл.: *donna beata e bella*) — Беатриче, символ божественного учения, богословия (см. ниже ст. 70, примеч.). — «Божественное учение нисходит к томящемуся, некогда Бога не послушавшему человеческому разуму для того, чтобы он исполнил истинное свое назначение — руководить человек». Копиш.

ПЕСНЬ II

55 Ясней звезды светился взор небесной
И тихим, кротким голосом в ответ
Она рекла с гармонией чудесной:

58 « — О, Мантуи приветливый поэт,
Чья слава свет наполнила далеко
И будет в нем, пока продлится свет!

61 Любимец мой, но не любимец рока,
Преграду встретил на брегу пустом
И вспять бежит, испуганный жестоко.

64 И я страшусь, так сбился он путем,
Что уж не поздно ль я пришла с спасеньем,
Как в небесах я слышала о нем.

67 Иди ж к нему, и мудрым убежденьем
Путь для его спасенья уготовь,
Избавь его и будь мне утешеньем.

70 Я, Беатриче, умоляю вновь!
Любовь меня подвигла в ад из края,
Куда стремлюсь всем сердцем, и любовь

Мне речь дала. Представ к Владыке рая, 73
Поэт, не раз я похвалюсь тобой».
Умолкшей ей я начал: « — О святая!

Дщерь благости, тобою же одной 76
Стал смертный род превыше всех творений
Под небом тем, чей круг наименьшой!

Так рад свершить я смысл твоих велений, 79
Что, и сверша, все б мнил, что медлю я;
Не повторяй же мне своих молений.

Но объясни, как в страшные края 82
Без трепета нисходишь в их средину
От звезд, куда парит душа твоя?»

— «Когда тому ты хочешь знать причину», 85
Она рекла: «короткий дам ответ,
Как я без страха к вам схожу в пучину.

Страшиться должно лишь того, что вред 88
Приносит нам; пред чем же страх бесплодней,
Как не пред тем, в чем пагубы нам нет?

55. Под именем звезды здесь разумеется солнце, названное по преимуществу звездой (Даниелло, Ландино, Веллутелло и др.). Небесная мудрость в Библии нередко сравнивается с солнцем; так, о ней в кн. Премудр. VII, 29, сказано: «Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; в сравнении со светом она выше».

60. Пока продлится свет. Я следовал здесь тексту манускриптов нидеобатинского, библиотек Корсини, Киджи и др., которому следует Ломбарди и Вагнер (II Parnasso Italiano), где: quanto 'l mondo (в других: moto), Iontana.

70. Беатриче, дочь богатого флорентинского гражданина Фалько Портинари, с которою Данте, еще на девятом году своей жизни, встретился впервые в первый день мая 1274 г. По обычаю того времени, первое число мая праздновалось песнями, плясками и гуляньем. Фалько Портинари пригласил к себе на праздник своего соседа и друга Аллигиери Аллигиери, отца Данте, со всем семейством. Тогда, во время детских игр, Данте влюбился страстно в восьмилетнюю дочь Фалько Портинари, впрочем так, что Беатриче никогда не узнала о его любви. Таково повествование Боккаччо о любви Данте, — повествование, может быть, несколько украшенное поэтическими вымыслами. Впрочем, Данте и сам рассказал о любви своей в сонетах и канцопах (Rime) и в особенности в своей Vita Nuova. Беатриче, вышедшая впоследствии замуж, скончалась в 1290 г. на 26-м году. Несмотря на то, что чувство первой любви Данте сохранил во всю жизнь, он вскоре по смерти Беатриче женился на Джемме Донати и имел от нее двух сыновей и двух дочерей. Он не был счастлив в супружестве. — Под символом Беатриче, как мы неоднократно говорили, Данте разумеет богословие, любимейшую науку его времени, — науку, которую он основательно изучал в Болонье, Падуе и Париже.

76-78. Под небом тем, чей круг наименьшой. Здесь разумеется луна, которая, принадлежа к планетам в системе Птолемеевой, вращается ближе всех прочих светил к земле и, стало быть, совершает меньший круг (см. примеч. к Аду I, 127). Смысл тот: человек божественным учением превышает все создания, находящиеся в подлунном мире.

83. Средин (в подлиннике: in questo centro). Земля (см. примеч. к Аду I, 127), по Птолемею, находится в центре вселенной. Дантов ад помещается внутри земли, как мы увидим ниже, — стало быть, составляет, по его понятиям, настоящий центр всего мира.

*Я начал так: «Сначала испытай
Всю мощь мою, поэт-путеводитель,
Потом со мной в загробный путь ступай».*
(Ад, Песнь II, тер. 10)

ПЕСНЬ II

<p>91 Так создана я благостью Господней,
Что ваша скорбь меня не тяготит
И не вредит мне пламень преисподней.</p> <p>94 Жена благая в небесах скорбит
О том, к кому тебя я посылаю;
Ея слезой был суд над ним разбит.</p> <p>97 Она, призвав Лючию-свет из рая,
Рекла: «Твой верный ждет, чтоб ты пришла
Помочь, и я тебе его вверяю».</p> <p>100 Лючия, враг жестокостей и зла,
Подвинулась и мне, с ветхозаветной
Рахилью восседавшей, так рекла:</p> <p>103 «— О Беатриче, глас к Творцу нетщетный!
Спаси того, кто так тебя любил,
Что для тебя бежал толпы несметной.</p> <p>106 Не слышишь ли, как плач его уныл?
Не зришь ли смерть, с которой он сразился
В том омуте, где океан без сил?»</p> <p>109 Никто так быстро в мире не стремился
От пагубы, иль к выгодам своим,
Как мой полет от слов тех ускорился</p> <p>112 С скамьи блаженных к пропастям земным:
Так верю я в дар слов твоих, который
Вознес тебя и тех, кто внемлет им!»</p> <p>115 Так мне сказав, сияющие взоры
Она в слезах вновь возвела горé,
Тем окрылив к тебе полет мой скорый.</p> | <p>В угоду ей, я прибыл к той поре,
Как заградил сей зверь в пустынном поле
Твой краткий путь к прекраснейшей горе. 118</p> <p>Так что ж? Зачем, зачем же медлить доле?
Что на сердце питать боязнь сию?
Зачем бросать отвагу с доброй волей, 121</p> <p>Коль три жены блаженные в раю 124
Хранят тебя повсюду без отсрочки,
И я тебе так много благ сулю?» —</p> <p>Как вялые, пониклые цветочки 127
В ночной мороз, при первом блеске дня
Встают с стеблей, раскрывши лепесточки, —</p> <p>Так бодрый дух вмиг оживил меня; 130
Столь дивная влилась мне в грудь отвага,
Что начал я, полн силы и огня:</p> <p>— «О, слава ей, подательнице блага! 133
О, честь тебе, что правым словесам
Уверовал и не замедлил шага!</p> <p>Так сердце мне с желаньем по стопам 136
Твоим идти возжег ты мудрым словом,
Что к первой мысли возвращаюсь сам.</p> <p>Идем! Крепка надежда в сердце новом: 139
Ты мой учитель, вождь и властелин!» —
Так я сказал, и под его покровом</p> <p>Вступил путем лесистым в мрак пучин. 142</p> |
|--|---|

85-90. Только тогда не ощущаем мы страха не только пред ужасами земными, но и адскими, когда, как Беатриче, проникнуты мудростью божественной, страхом Господним (См. примеч. к Аду I, 19-21).

91-93. Хотя Вергилий с прочими добродетельными язычниками не наказуется никакими муками и хотя в Лимбе нет адского огня, тем не менее слова Беатриче верны, потому что Лимбе все-таки есть часть ада.

97. Лючия (от lux, свет), как мученица католической церкви, призывается на помощь теми, которые страждут телесными очами. Это, кажется, заставило Данте избрать ее предпочтительно для той роли, которую она играет в его поэме. О ней упоминается в Чист. IX, 55, и Рае XXXII, 137.

102. Рахиль — символ жизни созерцательной (Чист. XXVII, 100-108), как сестра ее Лия — жизни деятельной. — Весьма глубокомысленно помещает Данте учение божественное (Беатриче) возле Рахили, вечно погруженной в созерцание неизреченного Блага. Ландино.

104-105. Любовь к Беатриче Данте возвысился над толпою, с одной стороны, предавшись поэзии, с другой — изучая богословие, которое олицетворяет собою Беатриче.

108. Под именем омота (в подлиннике: fiumana, — водоворот, gorges, aquarum congeries. Vocab. della Crusca) разумеются тревожения жизни; бури житейские превосходят все волнения океана.

*Жена благая в небесах скорбит
О том, к кому тебя я посылаю;
Ее слезой был суд над ним разбит.
(Ад, Песнь II, тер. 94)*

ПЕСНЬ III

Двери ада. — Преддверие адское. — Ничтожные. — Папа Целестин V. — Харон. — Переправа через Ахерон. — Землетрясение.

<p>1 «Вступают мною в град скорбей к мученьям,
Вступают мною к муке вековой,
Вступают мною к падшим поколениям.</p> <p>4 Был правдой двинут высший Зодчий мой;
Создал меня перст Божий всемогущий,
Премудрость высшая и дух святой</p> <p>7 Любви первой, прежде твари сущей,
Но после вечных, и мне века нет.
Оставь надежду всяк, сюда идущий!»</p> <p>10 В таких словах, имевших мрачный цвет,
Я надпись зрел над входом в область казни
И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»</p> <p>13 И, как мудрец, вещал он, полн приязни:
— «Здесь места нет сомненьям никаким,
Здесь да умрет вся суетность боязни.</p> <p>16 Мы входим в край, где, я сказал, узрим
Скорбящий род, навеки погубивший
В себе весь ум и благо вместе с ним».</p> <p>19 И, длань свою тут в руку мне вложивши,
Мой дух лицом спокойным ободрил
И ввел меня в мир таинств, в ад вступивши.</p> | <p>Там, в воздухе без солнца и светил 22
Не молкли вздохи, плач и вопль великий,
И я заплакал, лишь туда вступил.</p> <p>Смесь языков, речей ужасных клики, 25
Стон адской боли, рев безбожных хул
И с плеском рук вой хриплый, скрежет дикий, —</p> <p>Там в гул слились и ввек кружится гул 28
В пучине, мглой вне времени покрытой,
Как прах степей, как скоро вихрь подул.</p> <p>И я, с главою, ужасом повитой, 31
Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?»</p> <p>А он в ответ: «Здесь мается семья 34
Ничтожная, — тот жалкий люд, что в мире
Жил без хулы и славы бытия.</p> <p>Злых ангелов ты зришь в их гнусном клире, 37
Что, за себя стоя лишь за одних,
Пребыли с Богом ни в вражде, ни в мире.</p> <p>Да не сквернится, небо свергло их 40
И ад глубокий выбросил их племя,
Чтоб грешники не стали лучше их».</p> |
|---|--|

1-9. Знаменитая надпись над дверью ада. В первых трех стихах выражено учение Церкви о бесконечности адских мук, четвертый указывает на причину создания зла — правосудие Божие. Последний стих выражает всю безнадежность осужденных. Передать вполне эту дивную надпись во всем ее мрачном величии нет никакой возможности; после многих тщетных попыток я остановился на этом переводе, как на более близком к подлиннику.

18. Весь ум (в подлиннике: *il ben dello'ntelletto*) есть Бог. Злые утратили познание Бога, единственное благо душ.

21. Вергилий вводит Данте под свод земли, покрывающий, по представлению поэта, огромную воронкообразную пропасть ада. Об архитектуре Дантова ада мы скажем подробнее в своем месте; здесь же заметим только то, что бездна эта, широкая сверху, постепенно суживается книзу. Бока ее состоят из уступов, или кругов, совершенно темных и только местами освещенных подземным огнем. Самая верхняя окраина ада, непосредственно под сводом земли, его покрывающим, составляет жилище ничтожных, о которых говорит здесь Данте.

31. С главою, ужасом повитой. Я следовал тексту, принятому Вагнером: *d'orror la testa cinta*; в др. изданиях: *d'error la testa cinta* (неведеньем повитой).

34-36. Жалкий люд (в подлиннике: *l'anime triste*; *tristo* имеет значение печального и злого, темного), не заслуживший в жизни ни хулы, ни славы, есть несметная толпа людей ничтожных, бездеятельных, не оставивших по себе памяти ни добрыми, ни злыми делами. Потому они вечно останутся незамеченными даже самим правосудием: им нет уничтожения, нет им и суда; оттого-то они и завидуют всякой участи. Как людей бездеятельных, точно они никогда и не жили, по выражению поэта, мир забыл про них; они не стоят

43 — «Учитель», я спросил, «какое ж бремя
Их вынуждает к жалобам таким?» —
А он: «Для них не стоит тратить время.

46 На смерть надежда не блестит слепым,
А жизнь слепая так им нестерпима,
Что участь каждая завидна им.

Их в мире след исчез быстрее дыма; 49
К ним милосердия нет, их суд презрел!
Что говорить об них? Взгляни и — мимо». —

И я, взглянув, в толпе их стяг узрел: 52
Он в вечном бегстве так взвивался сильно,
Что, мнилось, отдых — не ему в удел.

55	За ним бежал строй мертвых столь обильный,
Что мне не верилось, как жребий сверг
Такое множество во мрак могильный.	И, пристыжен, я взор потупил снова
И, чтоб вождя не оскорбить, к брегам
Реки я шел, не говоря ни слова.	79
58	И, кой-кого узнав из них, я вверх
Взглянул и тень того узрел, который
Из трусости великий дар отверг.	И вот в ладье гребет навстречу к нам
Старик седой под древними волосами,
Крича: «О горе, злые, горе вам!	82
61	Вмиг понял я (в том убеждались взоры),
Что эту чернь презрели навсегда
Господь и враг, ведущий с Ним раздоры.	Здесь навсегда проститесь с небесами;
Иду повергнуть вас на том краю
В тьму вечную, и в жар, и в хлад со льдами.	85
64	Позорный сброд, не живший никогда,
Был бледен, наг и так язвим роями
Слепней и ос, слетавшихся туда,	А ты, душа живая, в их строю,
Расстанься с этой мертвою толпою!»
Но, увидав, что недвижим стою, —	88
67	Что кровь с их лиц катилась ручьями
И, с градом слез смешавшись в пыли,
У ног съедалась мерзкими червями.	«Другим путем», сказал, «другой волною,
Не здесь тебя перевезут в тот край:
Полегче челн прибудет за тобою».	91
70	И, зрение напрягши, я вдали
Узрел толпу у волн реки великой,
И я спросил: «О вождь, благоволи	А вождь: «Харон, не смей кричать и знай:
Так там хотят, где каждое желанье
Уж есть закон; старик, не вопрошай!»	94
73	Мне объяснить, что значит сонм толикой
И что влечет его со всех сторон,
Как вижу я, сквозь сумрак степи дикой?»	У кормщика тут стихло колыханье
Косматых щек, но огненных колес
Усилилось вокруг очей сверканье.	97
76	— «Все сам поймешь», на это молвил он,
«Как станем мы у берега крутого,
Где катится печальный Ахерон». —	За то нагих, усталых душ хаос
Вдруг побледнел и застучал зубами
От страшных слов, что кормщик произнес,	100

участия: они не стоят даже, чтобы говорили о них. Вечный мрак тяготеет над ними, как над темным лесом в первой песне (слич. также Ада IV, 65-66), который есть верный их представитель. Как в жизни занимали их мелкие заботы, ничтожные страсти и желания, так здесь терзают их бесполезнейшие насекомые — мухи и осы. Кровь, теперь ими в первый раз проливаемая, может служить только в пищу гнусным червям. Копиш и Штрекфусс.

52-54. Данте в число ничтожных помещает и трусов, знамя которых, малодушно покинутое ими в жизни, теперь обречено на вечное бегство, столь быстрое, что, кажется, ему никогда не остановиться.

58-60. Как ни бесцветна, ни темна жизнь людей, осужденных находиться здесь, Данте узнает между ними некоторых, но кого — он не считает достойным говорить. Особенно он указывает на тень кого-то, отвергшего великий дар. Комментаторы угадывают в ней то Исава, уступившего брату своему Иакову право первородства; то императора Диоклетиана, который в старости сложил с себя императорское достоинство; то папу Целестина V, который, по проискам Бонифация VIII, отказался в пользу последнего от папской тиары. Наконец некоторые видят здесь робкого согражданина Данте, Торреджиано деи Черки, сторонника белых, не поддержавшего своей партии.

78. Ахерон древних Данте помещает на самой верхней окраине воронкообразной пропасти ада, в виде стоячего болота.

79-81. Во всей поэме Данте изображает с необыкновенно нежностью отношение свое к Вергилию, как ученика к учителю, достигая почти драматического эффекта.

*«Оставь надежду всяк, сюда идущий!»
В таких словах, имевших мрачный цвет,
Я надпись зрел над входом в область казни
И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»
(Ад, Песнь III, тер. 10)*

ПЕСНЬ III

103 И клясть стал Бога, матерей с отцами,
Весь род людской, рожденья место, час
И семя семени с их племенами.

106 Потом все тени, к берегу теснясь,
Навзрыд заплакали в краю жестоком,
Где будет всяк, в ком Божий страх угас.

109 Харон же, бес, как уголь сверкая оком,
Дав знак, погнал в ладью толпу теней
И бьет веслом отсталых над потоком.

112 Как осенью срывает вихрь с ветвей
За листом лист, доколе без останку
Ветвь не отдаст земле одежды всей, —

115 Так грешный род Адамов спозаранку,
За тенью тень, метался с берегов
На знак гребца, как птица на приманку.

118 И поплыл сонм по мутной мгле валов;
Но прежде чем сошел на берег сонный, —
На том брегу уж новый был готов.

— «Мой сын», сказал учитель благосклонный, 121
«Умершие пред Господом в грехах
Из всех земель парят к реке бездонной

И чрез нее торопятся в слезах: 124
Суд праведный так сердце им сжимает,
Что обратил в желанье самый страх.

Душа благая в ад не проникает: 127
Вот почему так встречен ты гребцом.
И ты поймешь, на что он намекает».

Лишь кончил он, как мглистый дол кругом 130
Потрясся так, что в хладный пот доныне
Всего меня бросает мысль о том.

Из недр земли исторгся вихрь в пустыне, 133
Как молния, сверкнул со всех сторон,
И, чувств лишась, в той плачущей долине

Я пал, как тот, кого объемлет сон. 136

83. Старик седой — Харон, которому Данте в ст. 98 придает вид демона с огненными колесами вокруг очей. Мы увидим ниже, что Данте многие мифические лица древности превратил в бесов: точно так монахи Средних веков поступали с древними богами. Мифологические фигуры имеют в поэме Данте большую частью глубокий аллегорический, смысл или служат для технической цели, придавая пластическую округленность целому. Впрочем, обыкновение смешивать языческое с христианским было в общем употреблении в средневековом искусстве: снаружи готические церкви нередко украшались мифологическими фигурами. — Харон в Страшном Суде Микеланджело написан по идее Данте. Ампер.

87. Тьма, жар и холод характеризуют в общих чертах и правильной последовательности три главных отдела ада, в котором лед находится на самом дне (Ада XXXIV).

93. Данте — не легкая тень, как другие души, а потому тяжесть его тела слишком обременила бы легкую ладью теней.

95-96. Т. е. на небе. Этими же самыми словами Вергилий укрощает гнев Миноса, адского судии (Ада V, 23-24).

98-99. Пластически верное изображение беззубого старика, который, когда говорит, приводит в сильное движение щеки и бороду.

100. Это души прочих грешников, не принадлежащих к сонму ничтожных и долженствующих услышать от Миноса приговор, сообразно которому они займут места в аду.

102. Слова Харона повергают грешников в ужас и отчаяние. Неподражаемо страшно представлено их состояние в эту решительную минуту.

112. Подражание Вергилию, хотя у Данте сравнение несравненно прекраснее:

Quam multa in silvis autumni frihore primo
Lapsa cadunt folia. Aeneid. VI, 309-310.

121-123. Это ответ Вергилия на вопрос, предложенный ему Данте выше (ст. 72-75).

125-126. Правосудие, подвигшее Бога создать место казни, побуждает грешников, как бы по собственному их желанию, занять уготованную им обитель.

136. Свою переправу через Ахерон Данте покрыл непроницаемой тайной. Поэт погружается в сон, во время которого чудесным образом переносится на другой берег, точно так, как в первой песне (Ада I, 10-12) он в глубоком сне входит в темный лес. В таком же мистическом сне возносится он к вратам Чистилища (Чист. IX, 19 и далее.). Он засыпает также перед вступлением в земной рай (Чист. XXVII, 91 и далее.).

*И вот в ладье гребет навстречу к нам
Старик седой под древними власами,
Крича: «О горе, злые, горе вам!»
(Ад, Песнь III, тер. 82)*

ПЕСНЬ IV

Круг первый: Лимб католической Церкви. — Младенцы и добродетельные язычники, не очищенные крещением. — Патриархи, поэты, герои, философы и другие знаменитые люди древности.

- 1 Загрохотав, гром прервал сон могильный
В моей главе; я в ужасе вскочил,
Как тот, чей сон нарушен был насильно.
- 4 И, успокоясь, взор я вкруг водил
И вглядывался пристально в стремнины,
Чтоб опознать то место, где я был.
- 7 И узнаю: я на краю долины
Тех скорбных бездн, где вечно грохотал
Немолчный гул от криков злой кручины.
- 10 Так был глубок и темен сей провал,
Что я, вперив глаза в туман, под мглою
В нем ничего на дне не различал.

— «Теперь спущусь в сей мир слепой с тобою», 13
Весь побледнев, так начал мой поэт,
«Пойду я первый, ты иди за мною!»

Но видя, как он бледен, я в ответ: 16
— «О, как пойду, коль духом упадешь
И ты, в моих сомненьях ясный свет?»

А он: «От скорби к тем, в чей мир вступаешь, 19
В моем лице вдруг жалость разлилась;
И скорбь мою за ужас ты считаешь.

Идем; путь дальний в ад торопит нас!» 22
Тут он пошел и ввел меня в то зданье,
Где первым кругом бездна обвилась.

7-8. Долина скорбных бездн. Архитектура ада так ясно описана в поэме Данте, что внимательный читатель без всякого дальнейшего описания легко может составить полное представление о ней. Впрочем, для того, чтоб читатели не затруднились в составлении этого представления (что возможно только по прочтении всей поэмы), мы предлагаем здесь краткое описание Дантова ада. Впоследствии мы будем говорить подробнее как об архитектуре и размерах ада, так и вообще о космологии *Divina Commedia*, причем к концу поэмы приложим необходимые рисунки. — Ад, по представлению поэта, согласно, впрочем, с верованиями Средних веков, помещен внутри земли, так что дно его находится в центре земного шара, который сам, по системе Птолемеевой, составляет средоточие вселенной (см. примеч. к Аду I, 127 и II, 83). Это воронкообразная пропасть, прикрытая сверху шарообразным сводом, или обитаемой нами земной корой. Воронка эта, опускаясь к центру земли, постепенно суживается и около земного центра оканчивается цилиндрическим колодцем. Внутренняя стена воронки разделена на уступы, или ступени, которые в виде кругов опоясывают бездну. Таких уступов, или кругов, девять, из которых девятый составляет упомянутый выше колодезь: на них-то и размещены грешники по роду своих грехов, а в конце колодца, на самом дне ада, погружен Люцифер. Каждый круг сверху граничит утесистой стеной, к низу граничит с пустотой бездны. Чем ближе к центру, тем более суживаются концентрические круги ада, тем жесточе наказание. Седьмой круг, где наказуется насилие, разделен сверх того на три меньших круга (*gironi*); восьмой же, в котором казнятся различные виды обмана, распадается на 10 также концентрических рвов или долин (*bolge*), но притом так, что все они соединены между собой утесистыми отрогами или мостами, идущими от стены вышележащего рва к стене нижележащего. Наконец, девятый круг или цилиндрический колодезь, в котором наказуется величайший грех по Данте — измена, состоит из четырех отделений. В XXIX и XXX песнях Ада есть указания, по которым можно вычислить размер всего ада и каждого круга в отдельности. — Нравственное значение архитектуры Дантова ада подробно изложено в XI песне. Чем тяжелее преступление, тем ниже в аду помещается в наказание совершивший его, так что величайший грех, измена, казнится в девятом кругу, а виновник величайшего греха, Люцифер, составляет центр земли и воспринимает наибольшее наказание. Все круги суживаются к центру: это потому, что чем тяжелее преступление, тем реже оно встречается и, стало быть, тем меньше нужно места для помещения причастных ему грешников. По этой же причине несметная толпа людей ничтожных занимает, как мы видели, самое обширное пространство: весь верхний круг адской воронки (см. примеч. к Аду III, 21). Таким образом геометрическое строение Дантова ада согласуется с его нравственным значением.

ПЕСНЬ IV

<p>25 Там — сколько мог я слышать — не рыденье,
 Но воздыханий стон стоял один
 И воздух вечный приводил в дрожанье</p> <p>28 Стон горести, — не мук: среди долин,
 Несметные, густые там стояли
 Толпы детей и женщин и мужчин.</p> <p>31 И вождь: «Что ж ты не спросишь уж вначале,
 Кто духи те, которых зришь теперь?»
 Так ведай же, пока пойдем мы дале.</p> <p>34 В них нет греха; но в этом им, поверь,
 Заслуги нет без таинства крещения;
 Крещение же есть вашей веры дверь.</p> <p>37 До христианского родясь ученья,
 Они Творца не чтили божеством;
 И сам я к ним внесен без искупленья.</p> <p>40 Сим недостатком, не иным грехом
 Погибшие, мы только тем страдаем,
 Что без надежд в желаньях лишь живем».</p> | <p>Великой скорбью дух мой был снедаем, 43
 Когда узнал, сколь славные мужи
 Сошли в сей Лимб, меж адской мглой и раем.</p> <p>— «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи», 46
 Так начал я, «да буду тверд в той вере,
 Ее же свет ни в чем не терпит лжи, —</p> <p>Отверзлись ли кому здесь в небо двери 49
 По собственной заслуге иль чужой?»
 И, разгадав вопрос мой в полной мере,</p> <p>Он мне: «Еще я нов был с сей толпой, 52
 Как вдруг, венцом победы пламеная,
 Притек Могучий и вознес с Собой</p> <p>Тень праотца в обитель эмпирея, 55
 И Авеля, и Ноя, и закон
 Создавшего пророка Моисея.</p> <p>Им Авраам, Им царь Давид спасен, 58
 Израиль с чадами, с отцом и с ними
 Рахиль, для коей так работал он,</p> |
|--|---|

9. Здесь, у самого обширного отверстия пропасти, крики всего ада сливаются, как у отверстия огромного рупора и превращаются в гром, прерывающий сон поэта. В более глубоких, отдельных кругах, этот общий гром криков уже не так явствен, потому что отражается выдающимися краями кругов. Копиш.

13. Данте называет подземный мир слепым, потому что он лишен света истинного познания (см. примеч. к Аду III, 18).

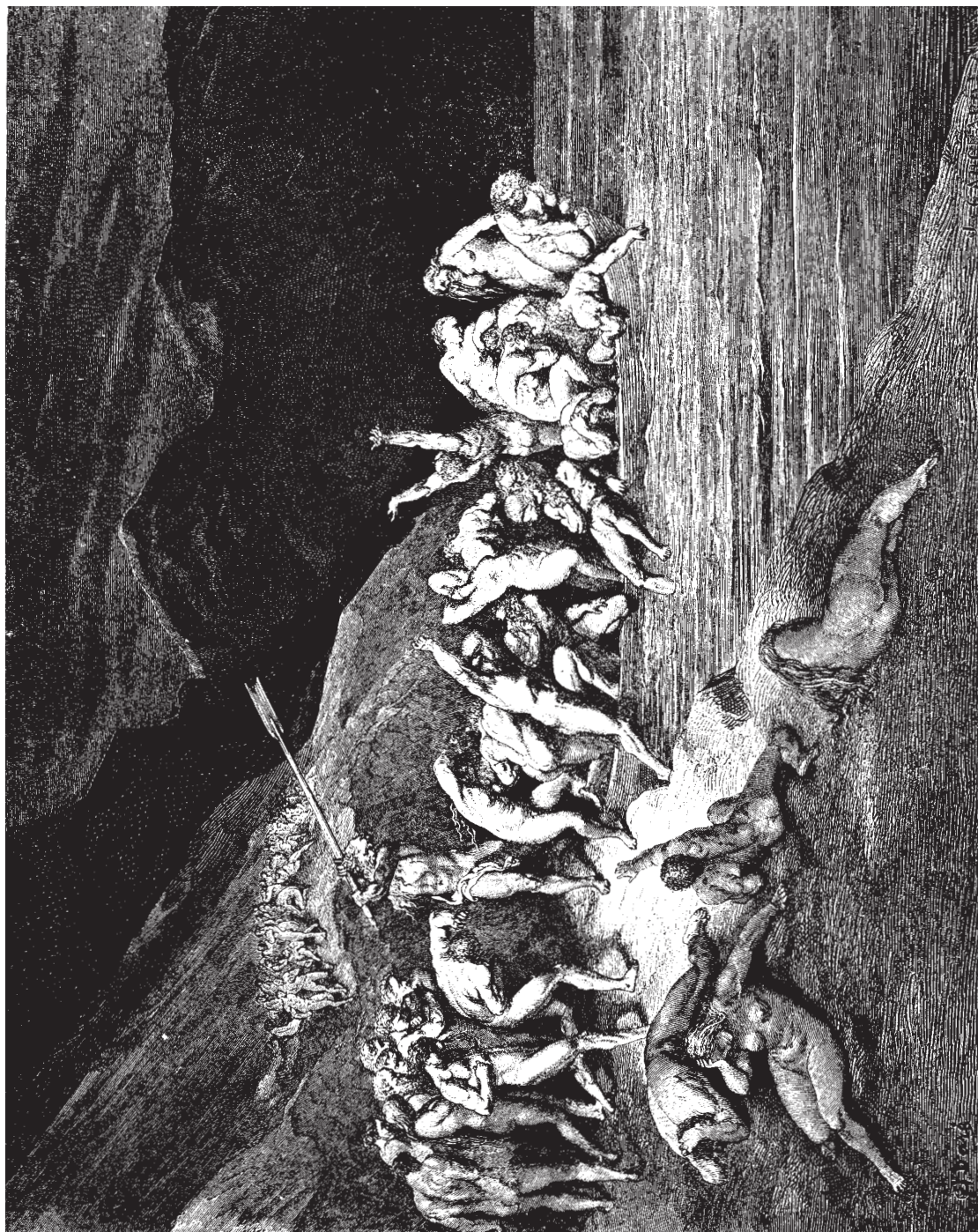
24. Поэты входят в преддверие ада, или Лимб, где, по понятиям Католической Церкви, помещены добродетельные язычники и невинные дети, умершие до принятия св. крещения (Чист. VII, 31-36 и Рая XXXII, 79-81). Этот круг есть уже начало ада, тогда как пространство, где помещены ничтожные и трусы, а также река Ахерон, находятся совершенно вне ада (см. примеч. Ада III, 21). По представлению поэта, Лимб разделен на два concentрических круга: внешний, более обширный, покрыт вечным мраком и вмещает в себе язычников добродетельных, но неизвестных, ничем не прославившихся в жизни, а также неокрещенных детей; второй круг, прилежащий ближе к адской бездне, озарен светом, отделен от первого семью стенами и ручьем, имеет вид зеленеющего холма, постепенно возвышающегося, и служит обителью для героев и других славных мужей древности.

37. Живя до Р. Хр., они не воздали надлежащего поклонения истинному Богу, ибо не веровали, подобно добродетельным евреям, в пришествие Мессии (Рая XX, 103 и XXXII).

42. Естественное состояние людей неверовавших. «Достигнув всего земного, они не имеют предчувствия и надежды увидеть высший свет; а так как ничто земное не в силах успокоить дух и удовлетворить его стремления, то вся жизнь их проходит в вечном томлении, в бесплодных порывах к неведомой цели. Так и души, заключенные в преддверии ада, которое, собственно, не есть еще место казни, несмотря на зеленеющий вечно холм и прекрасный ручей, напоминающие им красоту земли, несмотря на искусства, которыми жизнь наша становится краше, несмотря даже на свет, их окружающий, тем не менее томятся желанием небесного света». Штрекфусс.

52. Вергилий умер за 52 года до смерти Христа (см. примеч. Ада I, 70-72).

54. Могучий, в подлиннике: un Rossente. Имя Христа ни разу не упоминается во всем Аду, но всегда заменяется перифразом.

*Харон же, бес, как уголь сверкая оком,
Дав знак, погнал в ладью толпу теней
И бьет веслом отсталых над потоком.*

(Ад, Песнь III, тер. 109)

ПЕСНЬ IV

- 61 И многие соделались святыми.
Но знай, до них никто из всех людей
Не пощажён судьбами всеблагими.
- 64 Так говорил он; мы же шли своей
Тропой сквозь лес дремучий и высокий, —
Лес, говорю, бесчисленных теней.
- 67 И отошли ещё мы недалеко
От места сна, как вдруг я огонь узрел,
Полубитый сводом мглы глубокой.
- 70 Ещё вдали от нас он пламенел,
Но рассмотреть я мог уж с расстоянья,
Сколь честный сонм тем местом овладел.
- 73 — «О честь искусств и всякого познания!
Кто сей народ, возмогший приобрести
Такой почет от прочего собранья?»
- 76 И он мне: «Имя то, ему же в честь
Молва меж вас гремит тысячекратно,
Склонило небо так их предпочесть».
- 79 Меж тем вдали раздался голос внятно:
— «Воздайте честь певцу высоких дум!
Дух отходивший к нам грядет обратно».
- 82 И четверо, лишь смолк приветствий шум,
Тут вышли к нам, чтоб ввесть в свою обитель;
Был образ их ни светел, ни угрюм.

- И начал так тогда благой учитель: 85
— «Смотри, вон тот, несущий меч побед,
Предшествуя троим, как повелитель?» —
- То сам Гомер, верховный наш поэт; 88
Второй — Гораций, злой сатирик света,
За ним Назон, Лукан — последний вслед.
- За то, что все мы именем поэта 91
Прославились, как здесь гремел глагол, —
Мне честь от них, а им хвала за это».
- Так славную всю школу я нашел 94
С наиславнейшим всех времен поэтом,
Летающим всех выше, как орел.
- Поговорив с собой, они с приветом 97
Предстали мне, причём учитель мой
Весь просиял улыбки чудным светом.
- Потом ввели меня в свой славный строй, 100
Тем удостоя высочайшей чести —
Вступить шестым в круг мудрости такой.
- Так к свету шли в беседе мы все вместе; 103
Но о словах, какие шли у нас,
Я умолчу, приличных в том лишь месте.
- Подходим к дивной крепости, семь раз 106
Обвитой вкруг высокими стенами
И ручейком, пленительным для глаз.

59. Иаков 14 лет служил Лавану для получения руки его дочери Рахили.

61. Рая XXXII.

66. Толпу хотя добродетельных, но неизвестных язычников, Данте не без основания называет лесом теней, конечно, имея в виду темный лес первой песни (Ада I, 2 и примеч. к II, 34-30). Копиш.

67-68. Т. е. от того места, где находился Данте, когда Вергилий сказал ему: «Теперь спущусь в сей мир слепой с тобою», ст. 13.

68. Огонь. Где-то среди мрака, покрывающего Лимб, горит пламя, которое и освещает обитель героев. — Полубитый сводом мглы глубокой, в подлинн.: *Ch' emisperio di tenebre vincia*. Я перевел это темное место, согласно объяснению Копиша: если свет озаряет какое-нибудь место, тогда окружающий мрак, наподобие небесного свода, будет лежать над светом и давать ему вид полушария.

72. Честный сонм. Это герои и великие мужи древности. Данте может рассмотреть их уже издали, потому что они помещены на холме, постепенно возвышающемся.

80-81. Этот год есть приветствие Вергилию, который и в обители славы приемлется с подобающею почестью.

86. Меч в руке Гомера — символ воспетых им битв.

91. Т. е. имя певца (ст. 80).

93. Великие натуры воздают честь друг другу, низкие друг другу завидуют. Копиш.

99-100. Здесь, в обители героев, не только нет вздохов, которыми потрясают воздух неизвестные язычники в темном отделе Лимба, но даже заметна радость при виде чужой славы.

101-105. Задушевные думы поэтов, зародыши будущих творческих их созданий, не должны быть преждевременно обнаруживаемы. Копиш.

106. Дивная крепость (в подлиннике: *un nobile castello*) — зеленеющий холм, который, будучи озарен светом и окружен семью стенами, возвышается по внутренней окружности Лимба над адской бездной. Семь стен, по толкованию Ландино и Веллутелло, означают семь добродетелей, доступных и язычникам: благоразумие, воздержание, справедливость, силу, разум, науку и мудрость, или, по объяснению Даниелло,

*«...Они Творца не чтили божеством;
И сам я к ним внесен без искупленья».
(Ад, Песнь IV, тер. 38)*

ПЕСНЬ IV

<p>109 Как по суху, пройдя ручей с певцами,
Через семь ворот я вышел на простор,
Эмалью светлой блещущий пред нами.</p>	<p>Там был и Брут, Тарквиния изгнавший;
Там Марция среди матрон и дев
И Саладин, вдали от всех мечтавший.</p>
<p>112 Как величав там был теней собор!
Как очи их медлительны и строги!
Как сладкозвучен резкий разговор!</p>	<p>Я взор возвел, и мне явился дух —
Учитель тех, что в мудрость ум вперяют,
И с ним семья философов вокруг.</p>
<p>115 Там в стороне взошли мы на отлогий,
Возвышенный, весь озаренный дол.
Где собрались все мира полубоги.</p>	<p>Все чтут его, все на него взирают;
Один Сократ и пламенный Платон
К нему места всех ближе занимают.</p>
<p>118 На бархате лугов я там нашел
Великих сонм и, восхищен картиной
Пленительной, в восторг я вдруг пришел.</p>	<p>Там Демокрит, кто случай ввел в закон;
Там Диоген с Фалесом, с Гераклитом;
Там Эмпедокл, Анаксагор, Зенон.</p>
<p>121 Электра там со всей своей дружиной,
Где Гектор мной был узнан и Эней;
В броне там мечет Цезарь взор орлиный.</p>	<p>Там с сборником всех качеств знаменитым
Диоскорид; там Туллий, Лин, Орфей
И моралист Сенека с их синклитом;</p>
<p>124 Камила там, Пентезилея с ней
И царь Латин, поодаль восседавший
Близ дочери, Лавинии своей.</p>	<p>Геометр там Евклид и Птоломей,
Там Гиппократ и комментатор смелый
Аверроэс с Галеном средь врачей.</p>

семь свободных искусств, составлявших в Средние века так наз. *trivium* и *quadrivium* (грамматику, риторику, диалектику, арифметику, музыку, геометрию и астрономию). Ручей объясняют как эмблему красноречия. Копиш принимает первое объяснение: он говорит: кто не обладает этими добродетелями, тот не может проникнуть в обитель героев, потому и ручей вокруг города служит для того только, чтоб защитить обитель славных от вхождения в нее людей недостойных, не прославившихся никакой доблестью.

121-123. Электра (*Electra scilicet, nata magni nominis, regis Atlantis*. Dante. *De Monarchia*, 2) — дочь не Агамемнона, но Атланта, супруга Аталана, основавшего, по словам Рикордано Малеспини, древнейшего летописца флорентинского, город Фиезоле, из которого возникла впоследствии Флоренция (Ада XV, 73). Она мать Дардана, основателя Трои, потому и окружена троянцами: Гектором, защитником Трои, Энеем, основателем Римской Империи (Ада II, 13-27), и Цезарем, первым ее императором (примеч. к Ада I, 70-72), который, родом от Иула, сына Энеева, также был троянского происхождения.

123. Светоний говорит о черных, живых глазах Цезаря — «*nigris vegetisque oculis*».

124. Камила, воинственная дочь Метаба, царя вольсков, пала за Лациум Пентезилея, царица амазонок, сражалась и пала за Троию.

125. Латин и Лавиния — тесть и супруга Энея.

127. Луций Юний Брут. — Марция — супруга Катона Утического (Чист. I, 79).

В подлиннике еще поименованы: Лукреция, супруга Коллатина, обезглавленная Секстом Тарквинием; Корнелия, мать Гракхов, и Юлия, дочь Цезаря, супруга Помпея Великого.

120. Саладин, султан никейский, благородный противник христианского Рима, естественно, находится один вдали от прочих римских героев. Поместив его в число славных мужей, Данте хотел выразить свое беспристрастие.

130-131. Учитель и проч. — Аристотель. Чтоб взглянуть на него, Данте должен поднять голову. Он не называет его по имени, воздавая тем ему особенную почесть, ибо уверен, что Аристотеля узнает каждый и без наименования.

136. Демокрит из Абдеры полагал, что мир возник из случайного соединения атомов. — В подлиннике: *che'l mondo a caso rone* (который основал мир на случае).

140. Диоскорид — греческий врач, писавший о свойствах трав и камней, о ядах и противоядиях.

*То сам Гомер, верховный наш поэт;
Второй — Гораций, злой сатирик света,
За ним Назон, Лукан — последний вслед.
(Ад, Песнь IV, тер. 88)*

ПЕСНЬ IV

145 Но не могу исчислить сонм их целый:
Предмет великий так стремится мой ум,
Что отстает нередко речь от дела.

Тут из шести пришлось расстаться двум:
И я иной дорогой за поэтом
Из тишины спустился в вечный шум

148

И в край пришел, не озаренный светом.

151

142. Птоломей — географ и астроном, основатель системы мироздания, которой следует Данте в своей поэме.

144. Аверроэс из Кордовы — арабский философ, известный в Средние века своим толкованием на Аристотеля.

148. Из шести поэтов отходят двое — Данте и Вергилий.

ПЕСНЬ V

Круг второй: плотские сластолюбцы. — Минос. — Франческа из Римины.

	«Как ты вошел? С кем в путь дерзнул
вниз во второй, пространством
меньший круг,
Где больше мук, от них же воют тени.	19
4	Скрежещет там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа, судит
И шлет, смотря, как обовьется вкруг.	22
7	В ад, говорю, лишь злая тень прибудет,
Она во всем тут кается, и сей
Грехов всевидец, только лишь рассудит,	25
10	Какой в аду приличен круг для ней, —
Хвост столько раз он вкруг себя свивает,
На сколько вниз ниспасть ей ступеней.	28
13	Толпа пред ним вовек не убывает:
Всяк в очередь приходит на допрос,
Поведает, услышит, вниз слетает.	31
16	— «О ты, пришлец в жилище горьких слез!»
Узрев меня и вдруг прервав подробный
Допрос теней, вскричал ко мне Минос,	34
	Простором врат себя не обольщай». А вождь ему: — «К чему твой оклик злобный?»	
	В путь роковой идти нам не мешай:
Так там хотят, где каждое желанье
Уж есть закон; Минос, не вопрошай!»	
	Тут начало к нам долетать стенанье
Ясней, ясней, и вот уж я в стране,
Где потрясло мне сердце душ рыданье.	
	Я был в краю, где свет умолк вполне,
Где воздух выл, как в бурю воет море,
Когда все ветры меж собой в войне.	
	Там адский вихрь, бушуя на просторе,
Без отдыха мчит души в царство мглы,
Крутит, бичует, умножает горе.	
	Когда ж примчит к окраине скалы, —
Со всех сторон тут плач, и стон, и крики.
На промысел божественный хулы.	

2-3. Чем ближе круги ада к центру земли, тем более суживаются (см. прим. к Аду IV, 7-9).

4. Минос, сын Юпитера и Европы, мифологический судья мертвых, преобразован, подобно Харону, в беса (см. прим. к Аду III, 83). По объяснению некоторых, он олицетворяет собою пробужденную злую совесть.

17-18. Минос прерывает отправление своей обязанности: значит, Данте не принадлежит к числу грешников. В первой песне он был только представителем греха других.

20. Намек на Вергилиево изречение: «facilis discensus Averni».

23-24. Теми же словами, которыми Вергилий укротил гнев Харона (Ада III, 95-96), укрощает он и адского судию. Это повторение одних и тех же слов дает Вергилию характер чародея и заклинателя, — характер, который он носил в Средние века.

28. В подлиннике: *luogo d'ogni luce muto*. Я решился удержать эту смелую метафору, часто встречающуюся у Данте.

34. Окраина скалы есть внутренний край адского круга, граничащий с бездной: сюда устремлены души бурею, как корабль, разбивающийся о подводный камень.

37-39. Здесь наказуются сладострастные (i peccator carnali). «Как в жизни вечно стремилась их необузданная страсть, лишая их спокойствия, так и здесь беспрепятственно кружит их адский вихрь. Как в жизни голос страсти увлекал их против воли на утесы и в пропасти, где погибли они духовно, а нередко и физически, так и здесь, в стране вечного наказания, повинуются они тому же голосу. И вот, встречая опасность, они обвиняют не самих себя за то, что навеки покорили дикой ослепляющей страсти дар божественный — разум и свободную волю, но с тем же безумием, в той же слепоте обвиняют божественную силу и промысел». Штрекфусс.

52. Из грешников этого круга Данте упоминает преимущественно о женщинах, может быть потому, что женский пол наиболее склонен к греху, здесь наказуемому. Каннегиссер.

58. Семирамида, царица вавилонская и ассирийская, названа «владычицей всех наречий» или потому, что поведовала многими народами, или потому, что Вавилон, ее столица, был местом смешения

Скрежещет там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа, судит...
(Ад, Песнь V, тер. 4)

ПЕСНЬ V

<p>37 И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские все слепцы,
Затмившие свой разум страстью дикой.</p> <p>40 И, как густой станицею скворцы
Летят, когда к зиме подходит время,
Так буйный вихрь несет во все концы,</p> <p>43 Туда, сюда, вниз, кверху, злое племя:
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчится всех страданий бремя.</p> <p>46 И как, крича печально, журавли
Несутся длинной по небу чертою,
Так поднята тем вихрем от земли</p> <p>49 Толпа теней, и нет конца их вою.
И я спросил: «Кого за тяжкий грех,
О вождь, казнят такой здесь страшной мглою?»</p> <p>52 И мне учитель: «Первая из тех,
О коих знать ты хочешь, полн участия,
Царицею была наречий всех.</p> <p>55 Так силен был порок в ней сладострастья,
Что, скрыть желая грех свой, средь граждан,
Ввела разврат законом самовластья.</p> | <p>То тень Семирамиды: царский сан,
Как пишут, Нин супруг ей дал в подвластной
Ему стране, где злобствует султан. 58</p> <p>Другая жизнь покончила в несчастной 61
Любви, забыв Сихео свой обет;
Последняя — тень Клеопатры страстной».</p> <p>Елена здесь, причина стольких бед; 64
Здесь и Ахилл, тот воин быстроногий,
Что был сражен любовью средь побед.</p> <p>Здесь и Парис, здесь и Тристан, — и много 67
Мне указал и назвал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгим.</p> <p>Пока мой вождь мне исчислял царей, 70
И рыцарей, и дев, скорбел я духом
И обморок мрачил мне свет очей.</p> <p>— «Поэт», я начал, «весь прильнул бы слухом 73
Я к голосу четы, парящей там
И по ветру несомой легким пухом».</p> <p>А он: «Дождись, как вихрь примчит их к нам; 76
Тогда моли любовью, силой гнета
Влекущей их, и — прилетят к мольбам».</p> |
|---|---|

языков. О ней есть предание, которое гласит, что она законом дозволила сыновьям жениться на матерях, и сама вышла замуж за сына, которого впоследствии убила. На этот закон намекается в ст. 55-56. Семирамида послужила Данте превосходным образцом необузданной чувственности, потому он и избрал ее в предводительницы вереницы теней. В Средние века ходила в народе легенда о подобной веренице душ, носящейся по ночам среди бури.

60. Странами, где царствовала Семирамида, управляли во времена Данте султаны турецкие и курдистанские.

65. Ахилл, влюбленный в Поликсену, был умерщвлен стрелой ее брата Париса.

67. Парис или похититель Елены, жены Менелая, или знаменитый в Средние века герой рыцарского романа этого имени. — Тристан, первый странствующий рыцарь, из цикла легендарных сказаний о короле Артуре. Он был влюблен в Изотту, или Изольду (Белорукую), супругу Марка корнуаллийского, своего дяди, и за то убит отравленной стрелой последнего.

74. Эта чета теней Паоло и Франчески. Боккаччо в своем комментарии к Дантовой поэме так рассказывает трагическую историю этих двух любовников. Между Гвидо да Полента, властителем Равенны и Червии, и домом Малатесты ди Римини существовала давнишняя фамильная вражда. Наконец раздор между двумя домами был улажен, причем положено было для прочности дружбы выдать Франческу, прекрасную дочь Гвидо, за Джанчиотто, сына Малатесты. Как скоро об этом узнали, один из друзей Гвидо дал ему заметить, что дочь его едва ли согласится выйти за хромого, безобразного Джанчиотто, отличавшегося сверх того свирепостью нрава; а потому советовал прибегнуть к хитрости. Хитрость эта состояла в том, чтобы сам Джанчиотто не являлся для свершения брачного обряда, а прислал бы вместо себя одного из своих братьев. Гвидо, желавший иметь зятем Джанчиотто, как

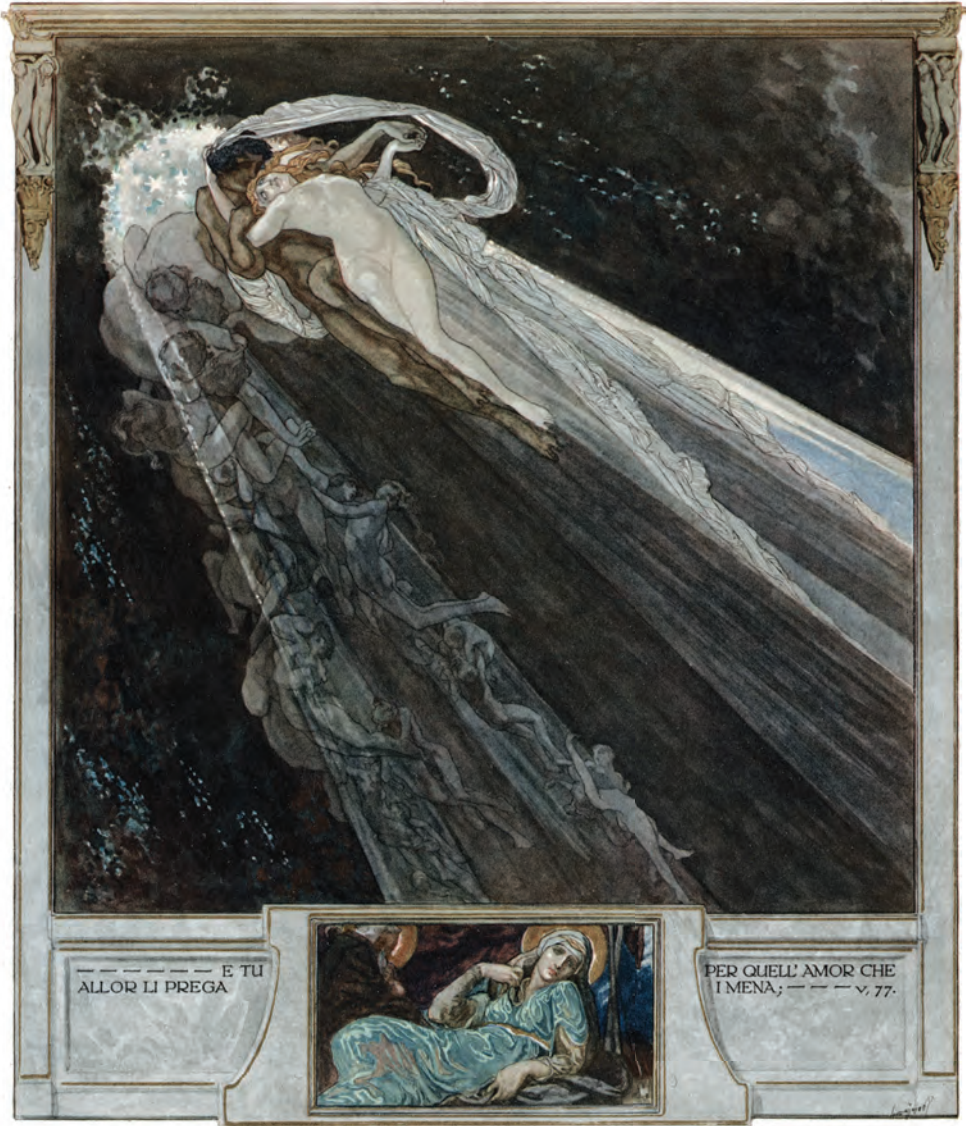

*Там адский вихрь, бушуя на просторе,
Без отдыха мчит души в царство мглы,
Крутит, бичует, умножает горе.*
(Ад, Песнь V, тер. 31)

— «Поэт», я начал, «весь прильнул бы слухом
Я к голосу четы, парящей там
И по ветру несомой легким пухом».
(Ад, Песнь V, тер. 73)

ПЕСНЬ V

----- E TU
ALLOR LI PREGA

PER QUELL' AMOR CHE
I MENA; — — — v. 77.

человека весьма умного, а главное — прямого наследника своего отца после его смерти, воспользовался советом друга. Таким образом, один из братьев ДжIANЧИОТТО, Поло или Паоло, прекрасный образованный юноша, прибыл вместо брата, чтобы обвенчаться с Франческой. Франческа тот час же влюбилась в него страстно и вскоре была с ним обвенчана. Паоло увез ее в Римини; но и там она узнала обман только на другой день, когда, проснувшись, вместо Паоло нашла около себя ДжIANЧИОТТО. Глубоко оскорбленная этим поступком, она тем с большей силой предалась своей страсти к Паоло. Ежедневно виделись они в отсутствии ДжIANЧИОТТО, уехавшего из Римини по своим делам. Но они были недостаточно осторожны: один из слуг ДжIANЧИОТТО, подслушав их разговор, известил об этом

ПЕСНЬ V

<p>79 Лишь только ветер склонил их к нам с полета,
Как я вскричал: — «Убитые тоской,
Приблизьтесь к нам, коль нет на то запрета!»</p>	<p>Любовь, чью власть мы познаем легко, 100
Вот эту тень мой красой пленила тела,
Погибшей так, что вспомнить тяжело.</p>
<p>82 Как голубки на зов любви живой,
Недвижные простерши крылья, в лоно
Гнезда летят лишь волею одной, —</p>	<p>Любовь любить нам любящих велела 103
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не охладела.</p>
<p>85 Так, разлучась с толпою, где Дидона,
Сквозь адский мрак они примчались вновь:
Столь силен был призыв мой, полный стога!</p>	<p>Любовь в одну могилу нас свела; 106
Того, кем мы убиты, ждут в Кайне!»
Такая речь из уст их к нам текла.</p>
<p>88 — «О кроткий дух, в ком дышет к нам любовь.
Пришедший в тьму сквозь этот мрак
презренный
Взглянуть на нас, проливших в мире кровь!</p>	<p>Я, внемля им, поник лицом в кручине 109
И до сих пор не подымал главы,
Пока поэт: «В каких ты думах
ныне?»</p>
<p>91 Когда бы нам был другом Царь вселенной.
Молили б мы, да даст Он мир тебе
За скорбь об нас в тоске неизреченной.</p>	<p>И, отвечав, я продолжал: «Увы! 112
С какою негой дум, с каким желаньем
Они сошли к мученьям в эти рвы!»</p>
<p>94 Что б ни спросил о нашей ты судьбе, —
Все выслушав, мы скажем на просторе,
Покуда ветр как бы затих в борьбе.</p>	<p>Потом, опять к ним обратясь, с рыданьем 115
Сказал: «Франческа, грустный твой рассказ
Меня до слез растрогал состраданьем.</p>
<p>97 Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья, там, куда нисходит По,
Чтоб мир найти со спутниками в море.</p>	<p>Но объясни: томлений в сладкий час 118
Чрез что и как неясные влеченья
Вдруг сделались понятными для вас?»</p>

своего господина. ДжIANчиотто в бешенстве возвратился в Римини и начал следить за любовниками. Подметив, что Паоло вошел к Франческе, он поспешил за ним; но, найдя двери запертыми изнутри, начал сильно стучаться и называл Франческу по имени. Любовники тотчас узнали его по голосу. Паоло умолял Франческу выпустить ее мужа, надеясь скрыться чрез потайную дверь и тем спасти честь Франчески. Но второпях он зацепился платьем за железный крюк потайной двери в ту самую минуту, когда ДжIANчиотто ворвался в комнату. В бешенстве он бросился на Паоло с обнаженным кинжалом. Чтобы спасти Паоло, Франческа кинулась между ним и мужем; кинжал, направленный в грудь Паоло, погрузился ей в сердце. Увидев у ног своих мертвую Франческу, ДжIANчиотто тем с большей яростью бросился на своего брата и заколол его. Это случилось 4 сентября 1289 г. Племянник этой Франчески, Гвидо V Полентский, был до смерти Данте искренним его другом и лучшим покровителем.

85. В этой толпе, по-видимому, находятся души тех, которые вследствие преступной любви кончили жизнь насильственной смертью.

96. Даже адская буря на время замолкает, пока Франческа рассказывает печальную историю своей любви.

97-99. Франческа родилась в Равенне, которая стоит при впадении реки По в море.

107. Кайна, одно из отделений девятого круга, названное так по имени Каина; в нем наказуются братоубийцы.

109-111. Данте вспоминает здесь собственную слабость.

122. По толкованию одних, это намек на слова Вергилия: Infandum regina jubes renovare dolorem; но с большим вероятием должно разуметь здесь Боедия, который в книге своей De consolatione сказал:

«Любовь в одну могилу нас свела;
Того, кем мы убиты, ждут в Каине!»
Такая речь из уст их к нам текла.
(Ад, Песнь V, тер. 106)

121 И мне она: «Нет большего мученья,
Как вспоминать бывшего счастья быт
В дни бедствия: твой вождь такого ж мненья.

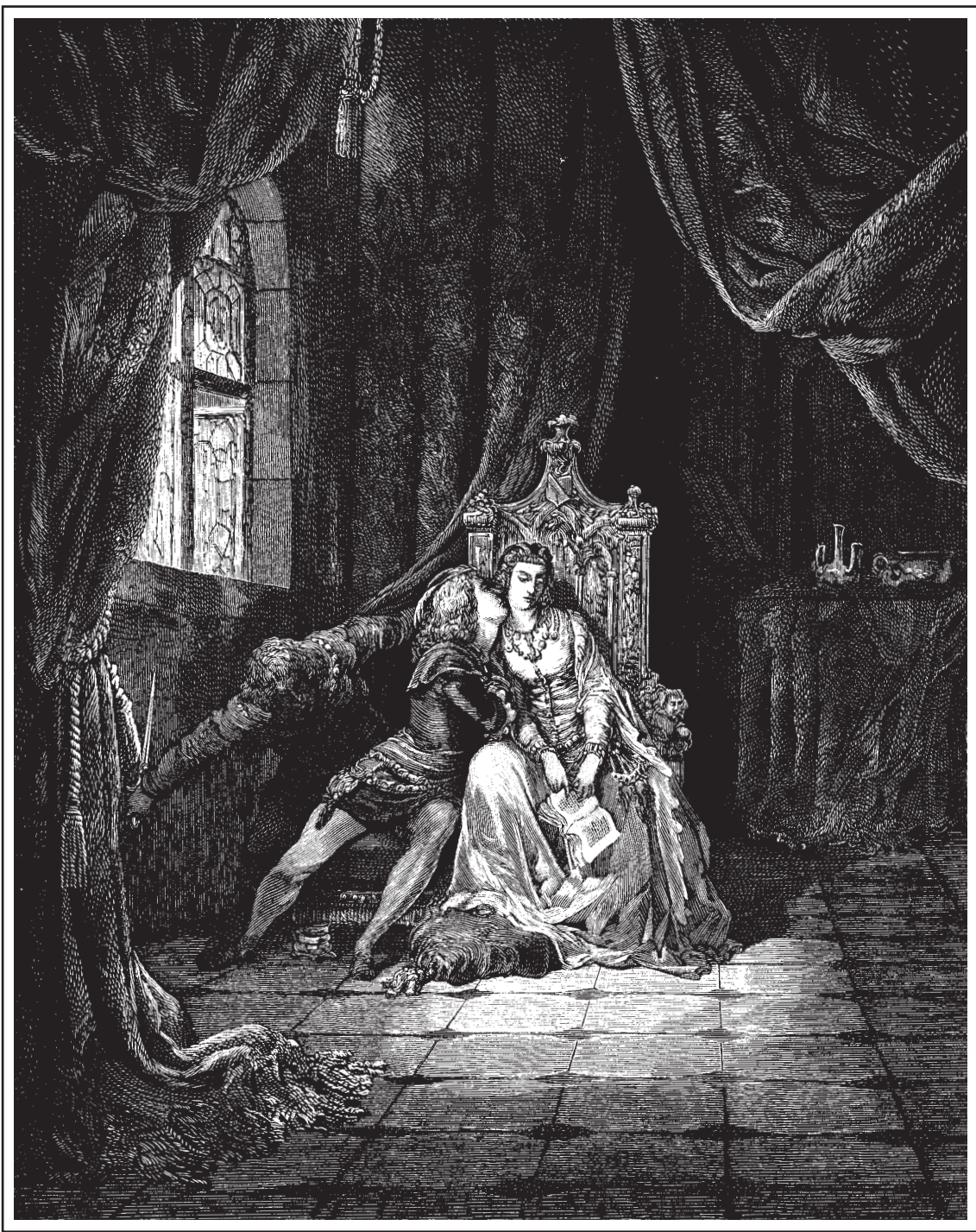
124 Но если так, душа в тебе горит
Узнать, как страсть возникла в нас вначале, —
Скажу, как тот, кто плача говорит.

Однажды мы, в миг радости, читали,
Как Ланчелот любовью скован был.
Одни мы были и беды не ждали.

Не раз бледнел у нас румянца пыл
И взор его встречал мой взор туманный,
Но лишь в тот миг роман нас победил,

127

130

*«Когда прочли, как поцелуй желанный
Улыбкой уст был приманен к устам,
И он, теперь уж мне навеки данный,
Весь в трепете, к моим прилипнул сам...»*

(Ад, Песнь V, тер. 133)

ПЕСНЬ V

133 Когда прочли, как поцелуй желанный
Улыбкой уст был приманен к устам,
И он, теперь уж мне навеки данный,

136 Весь в трепете, к моим прилипнул сам...
Был Галеот твой автор, книга злая!..
В тот день мы дальше не читали там».

Так говорила тень: меж тем другая
Так горько плакала, что наконец
Я обомлел, как будто умирая,

И пал без чувств, как падает мертвец.

139

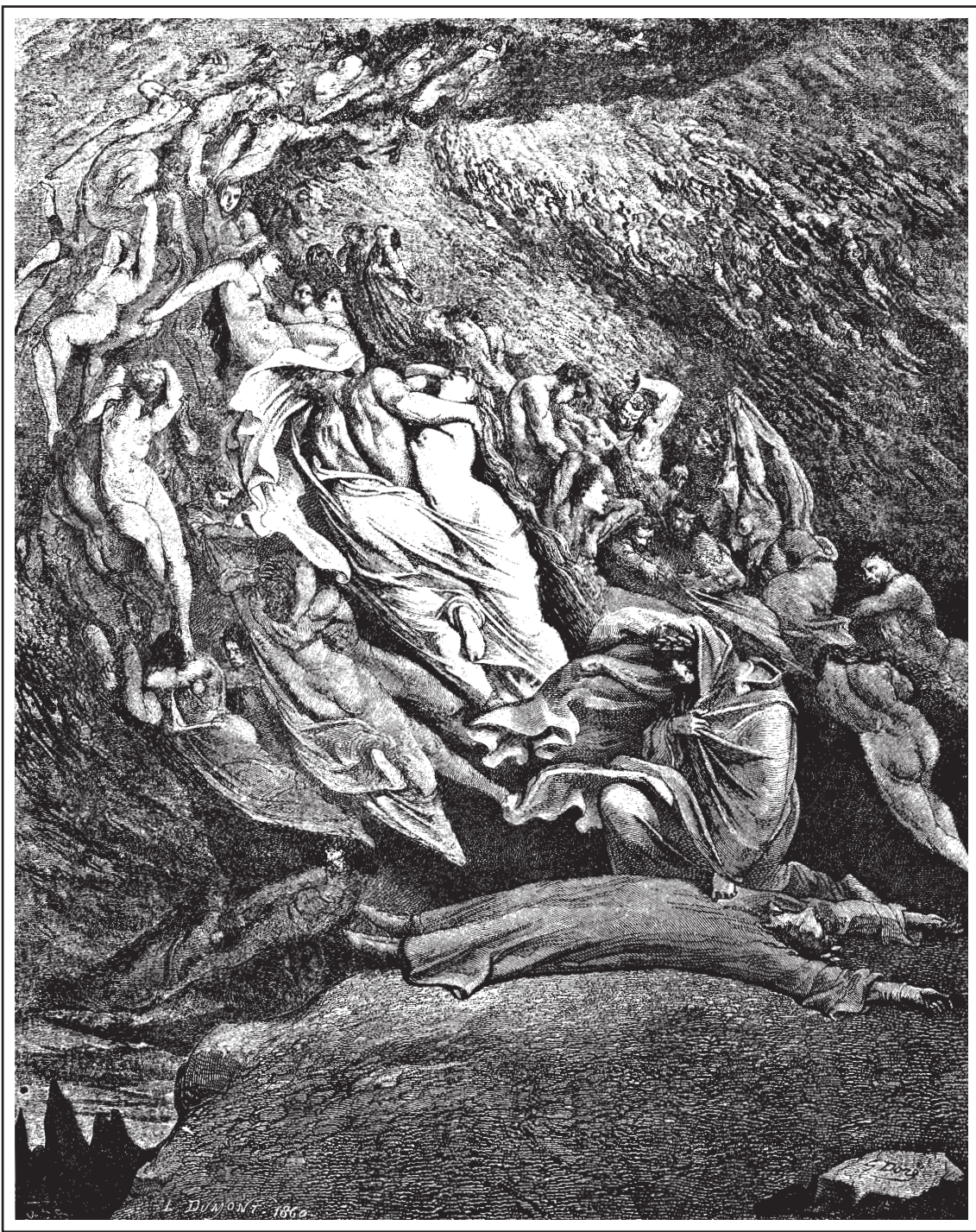
142

«In omni adversitate fortunae infelicissimum genus infortunii est fuisse felicem». Книга эта была для Данте утешеньем по смерти его Беатриче.

128. Ланчелот озера, рыцарский роман из цикла сказаний о Круглом Столе. Ланчелот был сын свергнутого с престола короля Бан де Бенуа; его спасла и воспитала «Царица озера». Впоследствии он отличился рыцарскими подвигами при дворе короля Артура и влюбился в его супругу Жиневру. Ланчелот был любимым романом высшего круга во времена Данте.

137. Галеот, король d'outre les marches, сперва воевал против Артура, но, побежденный Ланчелотом, примирился с Артуром также при помощи последнего. В благодарность Галеот сделался посредником в любовной интриге между Жиневрой и Ланчелотом. С того времени всех людей подобного рода называли Галеотами.

Так говорила тень: меж тем другая
Так горько плакала, что, наконец,
Я обомлел, как будто умирая,
И пал без чувств, как падает мертвец.

(Ад, Песнь V, тер. 139)

ПЕСНЬ VI

Круг третий: обжоры. — Цербер. — Чьякко. — Плутус.

<p>1 С возвратом чувств, к которым вход закрылся
При виде мук двух сродников, в тот миг,
Когда мой дух весь горестью смутился, —</p>	<p>Как псы, там воют нечестивцы в яме 19
Спасая бок один другим, не раз
Перевернутся с горькими слезами.</p>
<p>4 Вид новых мук и новых грешных лик
Я всюду зрел, где взор мой ни возвращался,
Где б я ни шел, ни двигался: проник</p>	<p>Лишь адский червь — завидел Цербер нас, — 22
Он зубы вдруг и рты разинул;
От бешенства все члены он потряс.</p>
<p>7 Я в третий круг, где холодный дождь спускался,
Проклятый, адский, вечный; никогда
Ни в мере он, ни в свойствах не менялся.</p>	<p>Тогда мой вождь ладони вдруг раздвинул, 25
Схватил земли и полной горстью ил
Чудовищу в зев ненасытный кинул.</p>
<p>10 Град крупный, снег и грязная вода
Подъемлют там во мраке гул несвязный;
Земля, приняв их, там смердит всегда.</p>	<p>Как злобный пес, что с голода все выл, 28
Стихает вдруг, когда насытит брюхо
Добычею, которую схватил, —</p>
<p>13 Злой Цербер, гад свирепый, безобразный,
По-песьи лает пастью там тройной
На грешников, увязших в луже грязной.</p>	<p>Так стихнул вой пса ада, злого духа, 31
Чей вечный лай так грешным омерзел,
Что лучше б им навек лишиться слуха.</p>
<p>16 Он с толстым брюхом, с сальной бородой,
С когтями на лапах, с красными глазами
Хватает злых, рвет кожу с них долой.</p>	<p>Чрез сонм теней, над коим дождь шумел, 34
Мы молча шли и поставляли ноги
На призрак их, имевший образ тел.</p>

1. Обморок, в который упал Данте в конце предыдущей песни, как бы запер двери чувств для впечатления внешнего мира. Филалет.

1-3. Данте не говорит, каким образом перешел он из второго круга в третий, вероятно потому, что хотел намекнуть читателю, что душа его и по возвращении в нем чувств так сильно была потрясена горестною судьбою двух любовников, что он не обратил никакого внимания на путь, теперь им пройденный. Оно пробудилось в нем только при виде новой казни. Штрекфусс.

7. В этом кругу казнятся обжоры (*i miseri profani*). «Дождь, этот благодатный дар неба, оплодотворяющий землю, здесь во мраке, недоступном для солнечного света, ничего не производит, кроме отвратительной грязи и смрада: дары неба тщетно расточаются для сластолюбцев. Грешники погружены в грязь: не то же ли случилось с ними и в жизни? Они не в силах из нее подняться; тщетно пытаюсь из нее освободиться, они тотчас же снова упадают (ст. 91-93) и притом вперед головою, вместилищем их духовных сил: до того она отяжелела, что сама клонит их к земле». Копиш и Штрекфусс.

13. Подобно Харону и Миносу, Вергилиев Цербер превращен в трехглавого беса, который имеет вид исполинского червя или змея. Червем, который точит мир, назван и Люцифер (Ада XXXIV, 107). Он с тройною пастью, с толстым чревом, с сальной (в подлинн.: с черной и сальной) бородой, с красными глазами — полное олицетворение обжорства. Он насыщается грязью: этим выражена ценность того, чем сластолюбцы стремятся удовлетворить свои желания, ради чего они забывают о высшем назначении человека — о развитии высших духовных сил. Лай Цербера оглушает грешников: это голос злой их совести, для которой в грязи своей они охотно желали бы быть вечно глухими.

26-27. Подражание Вергилию, Аен. VI, 420.

Cui vates, horrere videns jam colla colubris,
Melle soporata et medicatis frugibus offam
Objicit, Ille fame rabida tria guttura pandens
Corripit objectam, atque immania terga rasolvit
Fusus humi, totoque ingens extenditur antro.

Тогда мой вождь ладони вдруг раздвинул,
Схватил земли и полной горстью ил
Чудовищу в зев ненасытный кинул.
(Ад, Песнь VI, тер. 25)

<p>37 Все на земле лежали вдоль дороги;
Один лишь дух, увидя, что иду
С учителем, привставши, сел в тревоге.</p> <p>40 — «О ты», сказал, «идущий здесь в аду,
Узнай меня, коль можешь? Ты родился,
Когда еще был жив я, на беду».</p> <p>43 А я: «Твой вид так мукой исказился,
Что он исчез из памяти моей,
Так что с тобой едва ль я где сходился.</p> <p>46 Скажи ж, кто ты, казненный мукой сей,
Хоть, может быть, еще не самой сильной,
Но чья же казнь противнее твоей?»</p> <p>49 И он: «Твой край, так завистью обильный,
Что лется вон из чаши за края,
Питал меня в той жизни домогильной.</p> | <p>У вас, граждан, был Чьякком прозван я; 52
За гнусный грех обжорства в этом роде,
Ты видишь сам, как дождь сечет меня.</p> <p>И не одна я злая тень здесь внове, 55
Но та же казнь тут скопищу всему
За тот же грех». И смолк на этом слове.</p> <p>— «До слез, о Чьякко», я сказал ему, 58
«Растрогало твое мне душу горе!
Но, если знаешь, объясни: к чему</p> <p>Дойдет наш город, где весь люд в раздоре? 61
Кто правый в нем? Открой причину нам,
Зачем он ввергнут смут в такое море?»</p> <p>А он в ответ: «По долгим распрям, там 64
Дойдут до крови; партия Лесная,
Изгнав врагов, их ввергнет в страшный срам.</p> |
|--|--|

35-36. «Несмотря на то, что грешники, наказуемые в этом кругу, имеют человеческий образ и кажутся действительными существами, они так ничтожны, что их нельзя отличить от зловонной грязи, в которую погрязла их душа. Как грязь, Данте попирает их ногами, обращая на них столько же внимания, как и на грязь настоящую». Каннегиссер. — Вообще, однако ж, заметим, что у Данте тени в аду еще не совсем освобождены от земли, существо их еще связано с некоторою материальностью; в Чистилище они более духовны; наконец в Раю души называются уже не теньями, а светильниками, ибо вечно окружены светом оживляющей их радости.

49. Флоренция в это время была разделена на партии Белых и Черных, споривших между собою о первенстве (см. ниже).

52. Чьякко есть или сокращенное Джакопо, Яков, или прозвище, которое на флорентинском наречии значит свинья. Невероятно, чтобы Данте в обращении к этому грешнику употребил сказанное слово в насмешливом тоне при том глубоком участии, которое он принимает в его судьбе. Во всяком случае эта игра слов между Чьякко — Яков и чьякко — свинья резко характеризует представителя греха, здесь наказуемого. Этот Джакопо или Чьякко, по словам древнейших комментаторов, был судьей и веселый собеседник, приятный в обществе. О нем упоминает Боккаччо: Decamer. IX, 8.

60-63. Данте спрашивает о судьбе родного города, потому что весной 1300 г. во Флоренции происходили еще неурядицы.

64. Для ясного уразумения предсказания Чьякко необходимо знать политическое состояние Флоренции того времени, тем более, что эти исторические сведения послужат нам впоследствии ключом для объяснения многих мест Дантовой поэмы.

В конце XIII столетия Флоренция, изгнав партию гиббеллинов, наконец могла насладиться некоторым временем миром; но это спокойствие было непродолжительно. Пистойя в это время входила в состав Гвельфского союза в Тоскане, имея такое же народное правление, как и Флоренция. Одна из знаменитейших фамилий этого города, Канцелльери, разделилась на две линии: члены одной называли себя по матери Бианки, Белыми, члены другой, в противность ей, назвались Черными. Эти партии давно уже враждовали между собою и нередко приходили в кровавые столкновения; но в 1300 г. вражда их загорелась с новою силою. Амадоре, один из партии Черных, поссорившись, ранил своего родственника Ванны (из партии Белых). Отец Амадоре, человек миролюбивого характера, отправил сына к отцу раненого извиниться в своей запальчивости; но этот последний, вместо того, чтобы слушать оправдания, велел схватить Амадоре и, сказав, что мечом, а не словами решаются такие оскорбления, отрубил ему правую руку. Это злодейство тотчас разделило весь город: одни приняли сторону Черных, другие Белых. Но распря не ограничилась одной Пистойей, а тотчас же передалась и Флоренции, где враждебный дух

<p>67 Чрез три же солнца победит другая,
Изгнав Лесных с пособием того,
Кто лавирует, берег огибая.</p> <p>70 Поднявши лоб при помощи его,
Она врагу тяжелый мир предпишет,
Хоть негодуй, хоть плачь он оттого.</p> <p>73 Два правых там, но их никто не слышит:
Спесь, зависть, скупость — вот те искры три,
От коих там душа во всяком пышет».</p> <p>76 Он смолк, терзаем горестью внутри,
И я: «Еще спрошу я у собрата —
Немного слов еще мне подари.</p> | <p>Столь славные: Теггййо, Фарината,
И Рустикуччи, Моска и Арриг
И прочие гонители разврата, —</p> <p>Ах, где они? Дай весточку об них!
Узнать об них горю от нетерпенья —
В аду ль пьют желчь? в раю ли радость их?»</p> <p>А он: «В числе чернейших! Прегрешенья
Различные стадили их ко дну;
Коль будешь там, их встретишь, без сомненья.</p> <p>Когда ж придешь в ту сладкую страну,
То обо мне пусть вспомнят там живые!
Но замолчи, я под дождем засну».</p> | <p>79</p> <p>82</p> <p>85</p> <p>88</p> |
|---|--|---|

гвельфов и гибеллинов еще не совершенно был подавлен. Во Флоренции сторону Черных приняли члены старинного дворянского рода Донати (под предводительством Корсо), а сторону Белых новый дворянский дом Черки (под начальством Виеро). Смуты и кровопролитные драки происходили по всему городу. В это время Флоренция управлялась приорами, избиравшимися ежегодно по 6 человек, каждый на два месяца. Желая прекратить волнения, они, согласно с преданием, по совету Данте, бывшего с 15 июня по 15 августа предшедшего года приором Флоренции, изгнали из города предводителей обеих партий: Черных в Перуджию, Белых в Сарзану. Это было в феврале 1301 г. В то время Черные обратились к папе Бонифацию VIII с просьбою прислать им правителя для водворения у них порядка. Между тем Белые, как менее виновные, вскоре были призваны обратно, под предлогом, что климат Сарзаны был для них вреден, и действительно многие из них погибли от болезней. Возвратившись в город, они успели в конце 1301 г. изгнать и остальных из партии Черных, которые и удалились к своим вождям в Перуджию. Между тем Бонифаций, покровительствуя Черным, как истым гвельфам, отправил, вероятно, по их же проiscaм, Карла Валуа, брата французского короля Филиппа Красивого, во Флоренцию в качестве миротворца. Начальство города приняло его с почетом и, по принесении им клятвы в полном повиновении законам республики, уполномочило его преобразовать и успокоить республику. Вскоре, однако ж, он ввел в город вооруженное войско. Этой минуто воспользовались Черные, ворвались в город и пять дней кряду опустошали его огнем и мечом. Карл не принял решительно никаких мер для прекращения этих смут и только заботился о том, чтобы всеми зависевшими от него средствами добыть поболее денег; вместе с тем он изгнал из города под различными предложениями всех неприянных ему граждан, между прочими и нашего поэта с жестокостью Белых. Впрочем, многие из этой партии оставались в своих домах и после отбытия Карла из Флоренции (в 1302 г.) и только в 1304 г. были окончательно изгнаны. Филалет и Вегеле (Dante's Leben und Werke, 1852, 117 и др.).

65. Партия Лесная (la parte selvaggia) — партия Белых, названная так потому, что ее предводитель Виеро был уроженец лесной провинции Валь ди-Ниеволе. К ней принадлежал Данте. — Другая партия — Черных.

67. Т. е. по истечении трех солнечных годов партия Черных победит Белых. Данте считает от изгнания Белых в июне 1301 г. до 1304 г., когда окончательно были изгнаны Белые.

69. В подлиннике: *che testè piaggia; piaggiare* (от *piaggia*), собственно: лавировать около берега, *louvoyer le long de la côte*, отсюда в политике: *louvoyer*, играть двусмысленную роль (*Vocabolario Dantesco* par L. G. Blanc, 1852). — Здесь, очевидно, разумеется Бонифаций VIII (см. выше).

73. Ответ на второй вопрос Данте. Кто эти два правых, трудно решить. Думают, что Данте разумеет здесь себя и друга своего, Гвидо Кавальканти. Скорее можно допустить, что эти правые — Бардуччио и Дживовани да Веспиньяно, о которых упоминает флорентийский историк Виллани (Villani, X, 179).

79-81. Несмотря на все грехи этих государственных людей Флоренции, Данте не может не отдать справедливости великим их талантам. Все они, исключая Арриго, из благородной гибеллинской фамилии

*«У вас, граждан, был Чьякком прозван я;
За гнусный грех обжорства в этом роуе,
Ты видишь сам, как дождь сечет меня».*

(Ад, Песнь VI, тер. 52)

ПЕСНЬ VI

<p>91 Тут, покосив глаза свои прямые,
Он на меня взглянул, чело склонил
И пал лицом, как прочие слепые.</p> <p>94 И вождь сказал: «Надолго он почил!
Звук ангельской трубы его разбудит,
Когда придет Владыка грозных сил.</p> <p>97 Свой гроб найти Он каждого принудит;
Все восприимут плоть и образ свой,
Услышат то, что век греметь им будет».</p> <p>100 Мы тихо шли под бурей дождевой,
Меся в грязи теней нечистых кучи
И говоря о жизни неземной.</p> | <p>И я: «Учитель, меры злополучий 103
Умножатся ль в день страшного суда,
Иль станут легче, иль все так же жгучи?»</p> <p>А он: «К науке обратись, туда, 106
Где сказано, что тварь чем совершенней,
Тем больше ей как благ, так и вреда,</p> <p>Хоть, правда, род сей, проклятой в геене, 109
Век совершен не может быть вполне,
Ждет тем не меньше казни утонченной».</p> <p>Мы огибали крут сей в тишине, 112
То говоря, чего здесь не намечу;
Когда ж пришли, где сходят к глубине,</p> <p>Там смертных враг встал Плутус нам навстречу. 115</p> |
|--|---|

Физанти, помещены в более глубоких кругах: Фарината между ереснархами (Ада X, 32), Тегяйо и Рустикуччи — между содомитами (XVI, 41-44), Москва — между сеятелями расколов (XXVII, 106). См. ниже.

93. Слепые духом.

103-105. «Как глубокомысленно спрашивает Данте об отдаленной будущности и грядущем состоянии душ, после воскресения мертвых в день Страшного Суда при виде грешников, прилепившихся всей своей душою только к низкому настоящего!» Копиш.

105. В подлиннике: o saran sì cocenti.

106-108. Вергилий обращает его к Аристотелевой философии, которая учит, что чем более совершенствуется существо, тем становится восприимчивее для радости и скорби. Св. Августин говорит: «Cum fiet resurrectio carnis, et bonorum gaudia et malorum tormenta majora erunt».

114. Они приходят к внутренней границе третьего круга, где спуск в четвертый круг.

115. Плутус, или Плутон — мифологическое божество богатства.

— «Молчать! — вскричал, — проклятый волк, молчать!
В самом себе сгорай от лютой страсти».
(Ад, Песнь VII, тер. 8)

ПЕСНЬ VII

Круг четвертый: скупые и расточители. — Плутус. — Фортуна. — Круг пятый: гневные и завистливые.

<p>1 — «Pарè Satan, парè Satan aleppe!»
 Так Плутус хриплым голосом вскричал;
 Но мой мудрец, все знавший в том вертепе,</p> <p>4 Чтòб ободрить мне душу, так сказал:
 — «Не бойсь! Сколько б ни имел он власти,
 Не преградит нам схода с этих скал».</p> <p>7 И, обратясь к его надутый пасти,
 — «Молчать! — вскричал, — проклятый волк,
 <div style="text-align: right;">молчать!</div>
 В самом себе сгорай от лютой страсти.</p> <p>10 Не без причин мы сходим в эту падь:
 Так там хотят, где мщеньем
 <div style="text-align: right;">Михаила</div>
 Сокрушена блудливой силы рать».</p> <p>13 Как, спутавшись, надутые ветрила
 Слетают с мачт, коль бурей их снесло, —
 Так рухнула чудовищная сила.</p> <p>16 Тут мы вошли в четвертое русло,
 Сходя все глубже скорбною дорогой
 К брегам, вместившим всей
 <div style="text-align: right;">вселенной зло.</div></p> | <p>О суд Господень! Кто сберет так много, 19
 Как здесь я зрел, мучений и работ?
 Почто наш грех карает нас так строго?</p> <p>Как над Харибдой мчит водоворот 22
 Валы к валам, дробя их в споре диком, —
 Так здесь крутится адский хоровод.</p> <p>Нигде я не был в сонме столь великом: 25
 Здесь, с двух сторон, всем суждено
 <div style="text-align: right;">вращать</div>
 Пред грудью тяжести с ужасным криком,</p> <p>Сшибаться строй о строй, затем опять 28
 Катить назад, крича друг другу с гневом:
 — «Зачем бурлить?» — «Эй, вы, зачем
 <div style="text-align: right;">держатъ?» —</div></p> <p>Так с двух концов, на правом и на левом, 31
 По круту мрачному, среди препон,
 Кружатся здесь с презрительным напевом.</p> <p>Кто прокатил полкруга, принужден 34
 Тот вспять катить свой груз на бой
 <div style="text-align: right;">злословный.</div>
 И я, почти до сердца потрясен,</p> |
|--|---|

1. Непонятные и непередаваемые слова. Комментаторы, при всем старании, до сих пор не отгадали их значения. По мнению большей части из них, *парè* есть греческое *παρά*, или латинское *para* 'е, восклицание удивления; *aleppe* — есть *aleph*, — название первой еврейской буквы. Согласно с этим, слова Плутона будут выражать его обращение к Сатане, с выражением изумления при виде живого пришельца в ад. Смешением языков — греческого с еврейским — выражено то, что алчность к золоту, символом которой служит Плутон, бог богатства, свойственна всем языкам и народам. Итальянский ориенталист Ланци принимает слова эти за еврейские и переводит их на итальянский язык так: *Splendi, aspetto di Satana, splendi, aspetto di Satana primaio!* (Сверкай, о сатанинский образ! Блистай, образ первого дьявола!) Другие думают, что Данте из ненависти к папам, считая алчность их за причину всех бедствий, написал *парè* вм. *пара* 'е; в таком случае стих этот будет значить: папа — Сатана верховнейший! Наконец Бенвенуто Челлини уверяет, что слова эти не что иное, как восклицание, употреблявшееся в парижских судах: *Paix, paix, Satan, allez, paix!*

8. Плутону придан образ волчий для обозначения его алчности (Ада I, 49).

10. Падь — слово, сколько мне известно, мало употребительное, означающее глубокую долину (см. Словарь церковно-славян. и русск. языка). Я решился употребить его как близко выражающее итальянское *сиро*.

13-14. Этим сравнением превосходно выражена надутая спесь людей ничтожных, гордящихся внешним блеском.

22-23. Это сравнение заимствовано из особенного явления природы, *rintorpo*, бывающего в Мессинском проливе, когда сильные ветры дуют против течения воды. Филалет.

24. Здесь крутится адский хоровод; в подлиннике: *qui la gente riddi*. Слово *riddare* в *Vocabolario della Crusca* объяснено так: *danzare, menar la ridda ballo di molte persone fatto in giro* — плясать, особый танец, вроде хоровода. Этим словом Данте выражает круговое движение осужденных в четвертом кругу.

ПЕСНЬ VII

37	Спросил: «Мой вождь, кто этот люд
виновный?»
И неужель с тонзурой те кругом,
Что слева, все носили сан духовный?»	На вечный спор устремлены их силы:
Те без волос, а эти, сжав кулак,
В великий день восстанут
из могилы.	55
40	И он в ответ: «Все, все они умом
В их прежней жизни столько были слепы,
Что никогда не знали мер ни в чем.	Их мотовство, их скупость — царства благ
Лишили их, им драки дав в замену,
И чем украсить пошлость этих драк?»	58
43	О том ясней твердит их вой свирепый,
Лишь с двух сторон сойдутся там вдали,
Где их грехи рождают спор нелепый.	Вот здесь-то, сын, ты и познай измену
Даров, Фортуне вверенных судьбой,
Которым мир такую придал цену.	61
46	Здесь кардиналы, папы здесь в пыли, —
Духовный клир с печатью постриженья:
Все в скупости безмерной жизнь вели».	Все золото, что было под луной
И есть теперь, не даст пребыть в покой
Из этих душ усталых ни одной!»	64
49	— «Мой вождь», спросил я с чувством
омерзенья,
«Могу ли я узнать хоть одного
В сей сволочи, вращающей камня?»	— «Учитель мой», спросил я: «что ж
такое
Фортуна, если уж в когтях у ней,
Как намекаешь, благо все земное?»	67
52	А он: «Мечта пуста! До того
Их всех затмил мрак жизни их постылый,
Что ты узнать не можешь никого.	А он: «Увы, безумный род людей,
В каком неведеньи ваш ум блуждает!
Вкусы же плод премудрости моей.	70

30. В подлиннике *perchè tieni e perchè burli*. *Burlare* — глагол темного происхождения, принадлежащий к ломбардскому наречию; по Вагнеру, он аналогичен с немецким: *wirten, wirteln*, с английским: *to curl, hurl, whirl*. По объяснению толкователей, он имеет значение глагола: кидать, расточать, причем дает понятие и о крутовом движении. Я решился передать его словом бурлить, которое употребляется преимущественно, когда говорится о воде, шумящей в водовороте. — «Зачем бурлить?» — кричат скупые; а «зачем держать?» — отвечают им расточители.

31-35. «Картина, изображающая состояние души скупых и расточителей, глубоко задумана и выполнена с неподражаемым искусством. Тягостное, мучительное стремление тех и других совершенно бесплодно: обе стороны хлопочут только из-за того, чтобы, встретившись, прийти во враждебное столкновение. Обе стороны необходимы одна для другой: скупые ищут расточителей, чтоб получить больше, чем законные, выгоды, а расточители сближаются с скупыми, чтоб приобрести новые средства к удовлетворению своей наклонности к мотовству. Но так как одни живут за счет других, то естественным следствием их взаимного столкновения бывает вражда, вражда мелкая, выражающаяся не презрением, как в натурах сильных, но низкою бранью и взаимным обвинением в противоположном грехе. Так и здесь мы видим скупых и расточителей, вращающихся перед грудыю тяжести — худо понятого богатства — с двух противоположных сторон круга, доколе в его середине они не столкнутся вместе: тогда укоряют они друг друга, сшибаются и опять, без смысла и пользы катят назад свои камни, чтобы снова столкнуться с прежнею враждою». Штрекфусс.

40-48. Со времен Иннокентия IV папский двор стал прибегать к самым недостойным средствам для приобретения себе денег.

52-54. В этой низкой толпе нет ни одного грешника с именем.

56. На итальянском языке есть пословица относительно мотов: *dissipare in sino ai pelli* — все промотать до самых волос.

58. Царство благ (в подл.: lo mondo pulcro) обозначает не райскую, но земную жизнь, помраченную пороком скупости.

61-69. Фортуна — добрый, Плутон — злой гений богатства.

70-71. Вергилий защищает Фортуну от нападений Данте, который, придав ей когти, по-видимому, относит ее к числу адских, злобных сил.

73-87. По Аристотелевой философии, каждое небо имеет своего двигателя, свою интеллигенцию, которою оно приводится в движение. Древние эти силы называли богами, Платон назвал их идеями и полагал, что их столько, сколько в природе различных родов вещей: так одна управляет всеми богатствами, другая — всеми людьми и проч. По понятиям Данте, двигатели небес (*beati motori*) получают свою силу свыше и потом разливают ее повсюду (Рая II, 112-129). — И так Фортуна, согласно учению Аристотеля, есть гений всех даров счастья, от нее зависят все перемены в земных благах, как от двигателей светил небесных их движение. Как интеллигенции разливают во вселенной небесный свет, отблеск славы Создателя, так Фортуна управляет земным блеском.

*Здесь, с двух сторон, всем суждено вращать
Пред грудью тяжести с ужасным криком,
Сиибаться строй о строй, затем опять
Катить назад...*

(Ад, Песнь VII, тер. 26)

87. Т. е. как другие интеллигенции, или боги, как называли их древние язычники, управляют сферами неба и светил небесных.

95. Первые творения суть Ангелы.

96. Шар или сфера Фортуны есть область земных благ, управляемая ею; сравнение взято от сфер неба, управляемых интеллигенциями.

98. Как мы пошли — относится к последнему стиху первой песни Ада. Странствие Данте началось в конце дня, когда звезды восходили над горизонтом; теперь они склоняются: значит, полночь уже прошла, наступает 26 марта или, по другим, 5 или 9 апреля. Странствие поэта по сие время продолжалось шесть часов.

100. Поэты приходят в пятый круг, где казнятся души гневных. «Кипящий, мутный поток, образующий болотистое озеро Стикс, есть символ гнева, жар которого овладевает человеком и потемняет его рассудок. Волны потока, более мутные, чем черные, обозначают, что гнев есть следствие не столько злых наклонностей,

ПЕСНЬ VII

<p>73 Тот Царь, чей разум ум наш превышает,
Создавши сферы, дал вождей им с тем,
Чтоб свет, который от одной сияет,</p> <p>76 Распределялся поровну по всем;
Так и земному блеску Он с престола
Послал вождя-владычицу затем,</p> <p>79 Чтоб в род и род, из крови в кровь, средь дола,
Порой менял блеск тщетный перст ее
Вне вашего ума и произвола.</p> <p>82 Вот почему дарует сей судья
Тем царствам мир, а тем — раздор, тревоги,
Скрываясь, как под травой змея.</p> <p>85 Ваш разум ей не пресечет дороги!
Она судья, царь, вождь в своем кругу,
Как и в своих кругах другие боги.</p> <p>88 Прерыва нет у ней в ее бегу;
Как вихрь, ее необходимость носит
И шлет менять все в мире, как слугу.</p> <p>91 А мир на крест ее-то и возносит,
И даже тот, кто б должен восхвалять,
Ее клянет и без вины поносит.</p> <p>94 Но дивная не хочет вам внимать;
С блаженством первосозданных, во славе,
Она свой шар не престаёт вращать.</p> <p>97 Теперь сойдем к тягчайшей душ расправе!
Хор звезд, всхлотивших в час, как мы пошли,
Склоняется, и медлить мы не вправе».</p> <p>100 Мы через круг к обрыву подошли;
Под ним кипел поток, лиясь в тлетворный,
Из вод его истекший, ключ вдали.</p> | <p>Цвет мутных вод в нем был багрово-черный, 103
И по теченью этих серных вод
В другой мы круг сошли тропой неторной.</p> <p>Болото, Стикс прозваньем, создает 106
Здесь этот ключ, как скоро из утробы
Угрюмых скал, к подошвам их падет.</p> <p>И я, взглянув на тонкие трущобы, 109
Увидел в тине целые полки
Теней нагих и с видом гневной злобы.</p> <p>Они дрались не только в кулаки, 112
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг с друга рвали зубом плоть в куски.</p> <p>И вождь: «Стоишь, мой сын, ты пред тенями 115
Тех грешников, в ком гнев безмерен был,
И верь ты мне, что здесь и под волнами</p> <p>Вздыхает люд, увязший в топкий ил: 118
Смотри, как кверху пузыри он гонит
Везде, куда б ты глаз ни обратил!</p> <p>И каждый здесь, погрязший в тину, стонет: 121
„Мы были мрачны в светлой жизни той,
Нося внутри дым зависти, и тонет</p> <p>Наш мрачный хор за то в грязи густой!“ 124
Клокочет в их гортанях песнь такая,
Сложить же в речь нельзя им голос свой».</p> <p>Так, делая большой обход вдоль края 127
Болот, со мной по суше шел певец
И, с грязных душ очей не отвращая,</p> <p>Мы добрались до башни наконец. 130</p> |
|--|--|

сколько потемнения внутреннего света, внезапной потери самосознания. Здесь, на поверхности болота, гневные на самих себе испытывают, каким тяжким бременем были они для ближних на земле. Как люди злые и завистливые, они погружены в грязную стихию: они не могут произнести целиком ни одного слова, потому что мутная и злая среда, в которой живут они, ни на минуту не дает им сосредоточиться в самих себе, лишая их спокойствия и при каждом проявлении их внутренней жизни еще сильнее волнуется». Штрекфусс.

121. В тину погружены, вероятно, души тех, которые, в противоположность гневным, таили в душе своей, как медленный огонь, зависть и скрытую ненависть.

*И вождь: «Стоишь, мой сын, ты пред тенями
Тех грешников, в ком гнев безмерен был...»
(Ад, Песнь VII, тер. 115)*

ПЕСНЬ VIII

Круг пятый: гневные. — Флегиас. — Филиппо Ардженти. — Город Дите. — Вергилий и демоны.

- 1 Я продолжаю. Прежде чем мы стали
К подножию высокой башни сей,
К ее вершине взор уж мы вперяли,
- 4 Заметив блеск двух огоньков на ней
И третьего огня в ответ им знаки,
Чуть видные за далью для очей.
- 7 И я спросил у моря знаний всяких:
«Что за огни? и что им говорит
Тот дальний свет и кто зажег их в мраке?»
- 10 И вождь: «Твой взор и сам уж различит,
Кого здесь ждут над грязною водою,
Коль в дым болот он от тебя не скрыт».
- 13 Лук с тетивы со скоростью такую
Не мечет стрел на воздух никогда,
С какой, я видел, там несло волною
- 16 Челн крохотный навстречу к нам тогда.
Им управлял один безвестный кто-то,
Крича: «Злой дух, пришел и ты сюда!»

— «Флегьяс, Флегьяс, напрасная забота!» 19
Сказал мой вождь, «затем на этот раз
Мы сядем в челн, чтоб переплыть болото».

Как человек, кто, выслушав рассказ 22
О сыгранной с ним шутке, втайне злится, —
Так сам в себе бесился Флегиас.

Вождь, сев в ладью, велел и мне садиться, 25
И лишь тогда, как я уселся в ней,
Казалось, челн готов был погрузиться.

И древний челн, приняв своих гостей, 28
Вмиг полетел, топь более глубоко
Браздя со мной, чем с ношею теней.

Так мы неслись вдоль мертвого потока: 31
Вдруг кто-то всплыл, весь в тине, близ меня,
Вскричав: «Кто ты, идущий прежде срока?»

И я: «Иду, но не останусь я! 34
А сам ты кто, столь с виду безобразный?»
И он мне: «Видишь, плачет тень моя!»

1. Я продолжаю (Io dico seguitando). Для пояснения этих слов комментаторы приводят следующее предание: до своего изгнания Данте написал только первые семь песен, которые и остались во Флоренции. Спустя несколько лет после того жена Данте между вещами, спасенными ею во время разграбления Дантова дома, нашла эту рукопись и немедленно отправила ее к маркизу Морелло Маласпине в Луниджану, где в то время находился Данте, с просьбою передать рукопись поэту и убедить его продолжать начатую поэму. Таким образом Данте опять получил свою собственность и словами я продолжаю связал нить прерванного рассказа. Впрочем, другие толкователи Данте сомневаются в истине этого предания.

4. Два огонька дают знать перевозчику, что прибыли двое, третьим отвечает сам перевозчик на поданный ему сигнал. Ландино.

19. Флегиас, царь лапитов, мстя за дочь свою, обольщенную Аполлоном, завоевал Дельфы и сжег Аполлонов храм. Уже для древних этот грех казался так ужасен, что они поместила Флегиаса в Тартар. Вергилий (Аеп. VI, 618 etc.) говорит о нем:

Phlegiasque miserimus omnes
Admonet et magna testatur voce per umbras:
Discite justitiam moniti et non temnere divos.

Весьма глубокомысленно Данте сделал его перевозчиком, переправляющим души через болото гневных, сквозь чад, испаряемый этим болотом, в адский город, защищаемый возмущившимися ангелами и населенный неверующими. — Обращение Флегиаса в единственном числе означает гнев, который не позволяет ему видеть, сколько прибыло. Ландино.

27. Данте своим телом обременил легкую ладью, предназначенную для перевозки теней. — Подражание Вергилию. Аеп. VI, 413.

44-45. Вергилий (разум) чувствует вместе с Данте отвращение от порока, но одобряет справедливый гнев.

*Вождь, сев в ладью, велел и мне садиться,
И лишь тогда, как я уселся в ней,
Казалось, челн готов был погрузиться.
(Ад, Песнь VIII, тер. 25)*

37 Но я ему: «Так сгинь же, неотвязный,
Проклятый дух, и плачь в гнилом ручье!
Теперь узнал я, кто ты, хоть и грязный».

40 Он обе руки протянул к ладье.
Но оттолкнул его мой вождь, взывая:
«Прочь к псам другим! иди к своей семье».

43 Потом, обняв меня, в уста лобзая,
Сказал мне: — «Будь благословенна ввек
Зачавшая тебя, душа живая!

46 Он в мире был надменный человек;
Жизнь не украсив добрыми делами,
Он в бешенстве нам путь теперь пресек.

49 О, сколько т а м великих меж царями!
Как свиньям, всем в грязи им здесь тонуть
С проклятием ужасным между вами».

52 И я: «Мой вождь, хотелось бы взглянуть,
Как злобный грешник в волны погрузится.
Пока еще не кончен нами путь».

55 И мне учитель: «Прежде чем
домчится
Ладья к брегам, дождешься ты конца:
Сим зрелищем ты должен насладиться».

58 Тут видел я, как душу гордеца,
Толпы теней, терзая, вглубь помчали,
За что досель благодарю Творца.

— «На Филиппо Ардженти!» все кричали, 61
И он, свирепый флорентинец, сам
Себя зубами рвал и грыз в печали.

Но замолчим, его оставя там. — 64
Тут вопль внезапный так пронзил мне уши,
Что вдоль взирать я волю дал очам.

И вождь: «Сейчас, мой сын, восстанет с суши 67
Град по прозванью Д и т е, где, стена,
Его граждан толпятся злая души».

И я: «О вождь, и сам уж вижу я, 70
Как там встают мечети в дымном смраде
Багровые, как будто из огня».

И вождь: «Огонь, горящий вечно в граде, 73
Багровыми нам кажется их из тьмы,
Как видишь сам ты в этом нижнем аде.

Глубоких рвов, меж тем, достигли мы 76
Вкруг безутешной тверди той; железной
Казалась мне ограда сей тюрмы.

Свершив вкруг стен великий путь объездный, 79
Мы вышли там, где сильный кормчий — бес,
— «Идите вон!» вскричал, «здесь входят
в бездны».

И вот, тьмы тем, низвергнутых с небес, 82
Неистово вопили нам у входа:
«Кто, кто такой, еще до смерти, влез

61. Филиппо Ардженти, очень богатый флорентинец из фамилии Кавуччиули, ветви Адимари, прозванный Ардженти за то, что подковал свою лошадь серебряными подковами, был, по словам Боккаччо (Decam. IX, 8) очень вспыльчив, так что при малейшем поводе приходил в неистовый гнев. — Адимари были «Черные» и личные враги Данте.

67-68. Адский город (слич. Ада III, 3), названный Дите, или Дис (одно из названий Плутона или Люцифера), составляет шестой круг ада, отделенный от пятого (болотистого Стикса) стеною и глубокими рвами. Многие думают, что Данте заимствовал идею об адском городе у Вергилия (Aen. VI, 549 etc.)

71. Назвав башни адского города мечетями, Данте придает ему характер демонского города, а вместе с тем дает знать, что населяющие его грешники не следовали в жизни учению Христовой Церкви.

72. «Производил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру, и вы были выхвачены, как головня из огня». Амоса, IV, 11.

78. Вечный огонь, раскаляющий стены адского города, есть тот самый божественный свет любви и истины, который в чистилище возжигает надежду, а в раю составляет высочайшее блаженство душ или светов; но в аду он уже не светит и не согревает врагов Божиих, отрекшихся от божественной любви, но не возмогших совершенно от нее отрешиться. Эта глубокая идея проведена, как мы увидим, во всей поэме Данте (Ада XIV, 28, XV, XIX, 25, XXVI, 42; Чистил. XXV, 112 и Райа V, 118). Копиш и Рут.

Он обе руки протянул к ладье.
Но оттолкнул его мой вождь, взывая:
«Прочь к псам другим! иди к своей семье».
(Ад, Песнь VIII, тер. 40)

<p>85 Так смело в царство мертвого народа?»
Но мудрый мой учитель сделал знак,
Чтоб объяснить им втайне цель прихода.</p> <p>88 Тогда сказал, немного стихнув, враг:
«Войди один, а этот пусть с кручиной
Уйдет за то, что в наш прокрался мрак.</p> <p>91 В безумный путь пускай один единый
Идет, как знает; ты ж ступай сюда,
Кто ввел его столь мрачною долиной».</p> <p>94 Представь себе, читатель, как я был тогда
Смущен проклятым словом: уж обратно
Не чаял я вернуться никогда.</p> <p>97 — «О милый вождь, о ты, кто благодатно
Семь раз и боле отстранял беду,
Где погибал я невовратно, —</p> <p>100 Не дай», сказал я, «сгибнуть мне в аду,
И если враг идти мне не позволил,
Пойдем назад по прежнему следу!»</p> <p>103 Но он, мой вождь, мне в сердце бодрость
пролил,
Сказав: «Смелей! дороги роковой
Нам не прервут: так жребий соизволил.</p> <p>106 Жди тут меня, и дух унылый свой
Питай надеждами; вернусь я вскоре
И в мире сем не разлучусь с тобой».</p> | <p>109 Так он пошел, и я расстался в горе
С отцом моим, полн на сердце тревог
Где да и нет боролись в страшном споре.</p> <p>112 Что вождь сказал им, слышать я не мог;
Но с ними он не пробыл и минуты,
Как, впуски пустившись за порог,</p> <p>115 Ворота в град захлопнул враг наш лютый
Ему пред грудью и, оставшись вне
Пошел он шагом медленным от смуты.</p> <p>118 Потупив взор, утративший вполне
Все мужество, он говорил, вздыхая:
«Кто в дом скорбей пресек дорогу мне?»</p> <p>121 И мне потом: «Мой гнев в лице читая,
Не трепещи! я укрошу их хор,
Что б ни творил он, град свой охраняя.</p> <p>124 Уж мне не нов такой от них отпор:
Он явлен был у тех ворот начальных,
Что каждому отворены с тех пор.</p> <p>127 На них ты видел надпись слов
печальных,
И вот чрез них уже грядет теперь
Из круга в круг один в пучинах дальних</p> <p>130 Тот, чья рука нам в град отворит дверь».</p> |
|---|--|

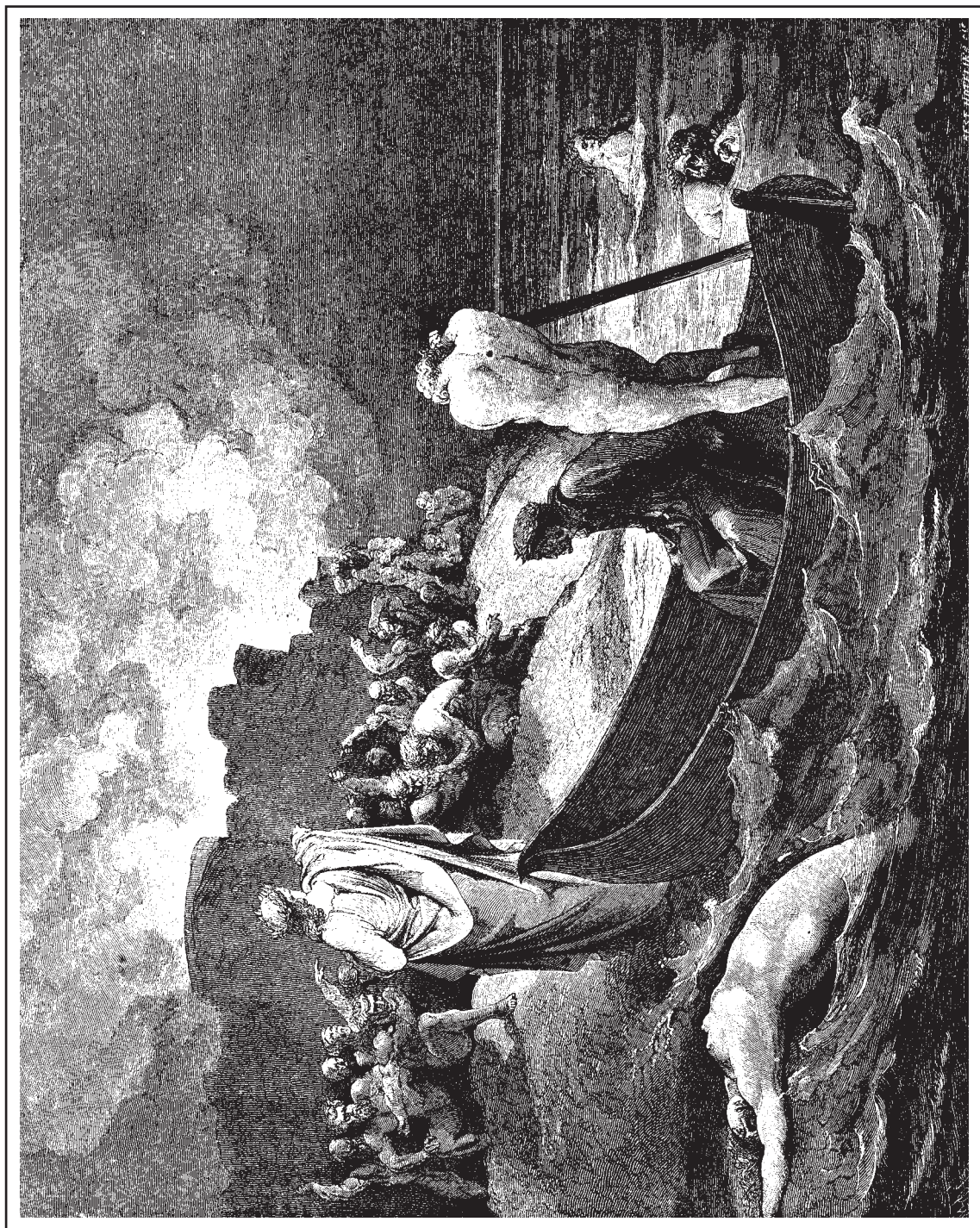
75. Нижним адом Вергилий называет следующие круги в отличие от вышележащих, в которых наказуется одно только неводержание, тогда как ниже наказуются злоба и грех дикой животности (См. Ад, XI, 79).

76. Воды Стикса вливаются во рвы вокруг города, а потому в них можно проникнуть из этой адской реки. Филалет.

81. Тут вступаем мы в шестой круг, где наказуются еретики, особенно основатели еретических сект (ересиархи).

82. «Здесь, на рубеже истинного глубокого ада, Данте видит толпы ангелов, свергнутых с неба с Люцифером. Они, столько же с яростью, сколько и с предусмотрительностью, заграждают вход пришельцу, руководимому разумом. Еще разум они и согласны были бы принять (ст. 89), вероятно, с целью овладеть им и тем лишить странника его руководительства; но человека, ведомого разумом, они уже никак не хотят впустить. Им непременно хочется отпустить Данте одного, без Вергилия: оставленный разумом, человек неминуемо становится жертвою заблуждения, которое и наказуется в этом огненном городе. Вергилий передает им волю неба, но демоны запирают врата города: они не хотят уже слушать и разума, как скоро он говорит им о повиновении Богу. Но Вергилий не теряет упования на высшую силу: она, как враг всякой лжи, как непреложная защитница истины, должна рано или поздно явиться на помощь уповающему». Копиш и Штрекфусс

111. Возвратится он, или нет?

Но мудрый мой учитель сделал знак,
Чтоб объяснить им втайне цель прихода.
(Ад, Песнь VIII, тер. 86)

ПЕСНЬ IX

Город Дите. — Эрихто. — Три фурии. — Посланник с неба. — Круг шестой: ересиархи.

<p>1 Тот цвет, которым страх покрыл мне щеки,
Когда назад пришел наставник мой,
Его понудил скрыть свой гнев жестокий;</p> <p>4 Как тот, кто внемлет, он стоял немой,
Затем что в даль не мог вперить он взоры
Сквозь воздух черный и туман густой.</p> <p>7 «Но победить должны ж мы их отпоры...
А если... нет... ведь т о т мне обещал...
Как медлит он, помощник наш нескорый!»</p> <p>10 И, видя ясно, как он прикрывал
Последней речью слов своих начало,
Я смысл иной чрез то им придавал.</p> <p>13 И новый страх мне речь его внушала:
Я тайный смысл найти старался в ней,
Быть может, худший, чем она скрывала.</p> <p>16 — «На дно печальной раковины сей
Сходил ли кто доселе с той ступени,
Где безнадежность лишь казнит теней?»</p> | <p>Так я, и он: «Из нашей смертной сени 19
Путем, в который я теперь вступил,
Немногие досель спускались тени.</p> <p>Но я в сей град однажды послан был 22
Эрихто злой, что силою чар умела
В плоть облекать отшедших в мрак могил.</p> <p>Едва сложил с себя я узы тела, 25
Как тень извлечь она велела мне
Из черного Иудина предела.</p> <p>Темнейший круг, лежит он в самом дне — 28
Всех далее от высшей в небе сферы;
Я знаю путь, доверься ж мне вполне.</p> <p>Среди болот, в зловонном дыме серы, 31
Сей град скорбей, куда войти нельзя,
Не укротив в нем бешенства без меры».</p> <p>Что он еще сказал, не вспомню я, 34
Затем что взор мой привлекли тут стены
Высокой башни, где в клубах огня</p> |
|---|--|

7-9. В этих недосказанных фразах выражено волнение Вергилия. Сперва он старается успокоить себя и Данте, потом, в прерванном предложении, выражает сомнение насчет прибытия обещанной помощи, наконец, опять вспоминая об обещании им покровительства, заключает речь свою нетерпением по причине медленного явления желанной помощи.

16-18. Данте, видя колебание Вергилия, начинает сомневаться, в состоянии ли его учитель вести его далее. Поэтому он желает знать: знакома ли самому Вергилию дорога в ад; но вопрос свой предлагает он с той почтительностью, которую требует его отношение к Вергилию, как ученика к учителю (См. Ада IV, прим. к ст. 79).

16. Печальная раковина (в подлин.: *la trista conca*). Так называет Данте воронкообразную бездну ада, которой концентрические уступы действительно имеют сходство с извилинами раковины (см. Ада IV, прим. к 7-8). Из переводчиков Данте один только Ратисбонн в своем переводе Ада на французский язык удержал эту метафору:

— «Jamais», lui demandai-je, «en cette triste conque,
A-t-on vu pénétrer, maitre, un esprit quelconque
Condamné seulement à languir sans espoir?»

22-27. Волшебница, Эрихто из Фессалии, которая в поэме Лукана (*Pharsal. VI, 727 etc.*) вызывает из могилы, по просьбе Помпея Младшего, душу одного умершего, чтобы узнать от него окончательный исход гражданской войны. Это случилось спустя 30 лет после смерти Вергилия; но Эрихто, его современница, могла пережить поэта и своими заклинаниями заставить его сойти в ад за душою, о которой говорит Лукан. По мнению Каннегиссера, весь этот поэтический вымысел имеет значение чисто аллегорическое, именно Вергилий хочет сказать, что он уже сделал опыт сошествия в ад в своей Энеиде, так что под первым сходжением в ад должно разуметь изображение подземного мира в VI песне Энеиды, к чему он был подвигнут и одушевлен Эрихто, волшебницею, т. е. поэзиею, и притом в молодости, при первом пробуждении в нем мыслительной силы, при первой победе его духа над материею, ибо Энеида принадлежит к его ранним тво-

*«Мегера слева с яростью внутри,
Алекто справа плачет в горе диком,
А Тезифона между них».*

(Ад, Песнь IX, тер. 46)

37 Вдруг поднялись три фурии геенны,
Имевшие окровавленный вид
И женские движенья, стан и члены.

40 Из гидр зеленых был их пояс свит;
Не волосы спадали им на лица,
Но аспиды, керасты Эвменид.

43 И тот, кто знал служительниц царицы
В сем царстве вечных слез, сказал: «Смотри;
Вот страшные эринии темницы!

46 Мегера слева с яростью внутри,
Алект справа плачет в горе диком,
А Тезифона между них». — Все три

49 Когтями грудь себе терзали с криком,
Ломая руки с бешенством таким,
Что в ужасе припал к певцу я ликом.

— «Медуза, к нам! Их в камень превратим!» 52
Так, вниз глядя, из всей взывали мочи;
«О, если б знал Тезей, как дерзким мстим!»

— «Стань к ним спиной; закрой скорее очи! 55
Когда Горгону взор увидит твой,
Уж не придешь назад из адской ночи». —

Так вождь сказал и сам меня спиной 58
К ним повернул и, к большему спасенью,
Зажал мне очи собственной рукой. —

О вы, чей ум способен к размышлению, 61
Под покрывалом странных сих стихов,
Прислушайтесь к сокрытому ученью! —

Уже по гребням мутных тех валов. 64
К нам несся гул и грохот, полный страха,
Потрясший твердь обоих берегов,

рениям. Даже указание Вергилия, что он сходил в самый нижний круг, в круг Иуды, в четвертое отделение девятого круга, есть, по мнению Каннегиссера, намек на то, что Сивилла, описывающая Энею Тартар и его муки, заканчивает свое изображение ада казнью изменников (Аен. VI, 608-624). — С большою вероятностью однако ж полагает Копиш, что Данте воспользовался здесь какой-нибудь средневековою, теперь утраченною, легендою из цикла сказаний о чародействе Вергилия (Ада I, прим. к 70-72).

29. В подлин.: *più lontano dal ciel, che tutto gira*. Здесь можно разуметь или небо вообще, или высшее небо, эмпирей в особенности (Ад. I, прим. к 127).

42. Керасты, особый род ядовитых змей с рогами (*coluber cerastes*).

43. Царица вечных рыданий — Геката или Прозерпина.

45. Фурии или эринии, по одним, символ отчаяния, по другим — поколебавшейся веры в Бога. Данте удержал их тройственное число, определенное уже и в мифологии, во-первых, потому, что три есть число таинственное, во-вторых, потому, что оно напоминает тройственное число животных в первой песне, наконец, потому, что соответствует трем родам грехов, наказуемых за стенами адского города: ереси, насилию и обману. Каннегиссер.

52. Медуза, одна из прекрасных горгон (почему и названа она в ст. 56 Горгоною), была обольщена Нептуном в храме Паллады, богини мудрости; за это богиня превратила в змей ее прекрасные волосы, так пленившие Нептуна, а голову, отсеченную по ее же повелению Персеем, поместила на своем щите, наделив ее силой превращать в камень каждого, кто на нее взглянет. — О значении головы Медузы см. ниже.

54. Тезей содействовал другу своему Перифою в его отчаянном предприятии — похитить Прозерпину. Оба они были закованы в цепи фуриями, но Тезей был освобожден впоследствии Геркулесом. Фурии теперь сожалеют, что они не удержали и не наказали Тезея, ибо этот пример их слабости подал еще другому из живущих на земле — Данте — дерзкую мысль сойти в ад.

61-63. Здесь в первый раз Данте указывает читателю на глубокий смысл, тающийся под внешнею оболочкою его стихов: во всей поэме он неоднократно напоминает об этом. Какой именно смысл скрывается в особенности в этой песне, комментаторы объясняют различно. По мнению Штрекфусса, фурии, как стражи шестого круга, где наказуются еретики, суть символы того фанатизма и ожесточения, которыми во все времена отличались последователи сект, особенно недавно возникших; в том же смысле и голова Медузы есть олицетворенная ересь, которая, как доказывает быстрое распространение всех новых сект, каждого, обращающего на нее взоры, готова вовлечь в свое заблуждение и тем лишить духовно свободы. — Копиш в змеиноволастой голове и окаменяющем взгляде Медузы, прекрасной поругательницы храма мудрости, видит

О, как разгневан был пришельца зрак!
Придя к дверям, он поднял жезл железный,
И вмиг пред ним их отпер злобный враг.
(Ад, Песнь IX, тер. 88)

символ могущества духовного греха, который отчуждает душу от божественной жизни и Бога, превращая ее как бы в мертвый, немой камень. За стенами, пред которыми стоят теперь поэты, в глубоком, истинном аде нет ни одной души, грехи которой проистекали бы из естественных побуждений; напротив, все здесь наказуемые грешники опозорили силу духа, дав ему превратное, неестественное направление. Поэтому человек всею силою ума и разума должен уклоняться от грехов духа, от этой головы Медузы с окаменяющим взором. Этим объясняется ревность Вергилия (разума), с которою он укрывает своего ученика от страшного видения.

67. От слияния холодного воздуха с теплым возникает ветер. Данте, вероятно, имел в виду слова Цицерона: «Placet Stoicis eos anhelitus terrae, qui frigidi sint, cum fluere coeperint, ventos esse: cum autem se in nubem

ПЕСНЬ IX

67	Так мчится вихрь, — когда, рожден из праха
Борьбой жаров и холода, на лес,
Вдруг налетит и в ярости с размаха	85	Вмиг понял я, что то посол из рая,
И на вождя взглянул. Он дал мне знак,
Чтоб я молчал, очей не подымая.
70	Крушит, ломает, мчит суки деревьев
И, пастырей гоня с лугов со стадом,
Уходит, горд, пыль взвивши до небес.	88	О, как разгневан был пришельца зрак!
Придя к дверям, он поднял жезл железный,
И вмиг пред ним их отпер злобный враг.
73	Мой вождь, открыв глаза мне, молвил:
«Взглядом
Всмотрись туда по древней сей волне,
Где дым с болот встает острейшим чадом».	91	— «О подлый род, изгнанный с тверди
звездной!»
Рек с страшного порога им посол, —
«Откуда в вас дух злобы бесполезной?»
76	Как от змеи, их недруга в войне,
Лягушки скачут над трясиной лужи,
Пока собьются в кучу все на дне, —	94	Как смели вы попать Того глагол,
Его же мощь все сокрушает грани?
Что множите пучину ваших зол?
79	Так в тысячах, я зрел, метались души,
Смущенные явленьем одного,
К нам шедшего по Стиксу, как по суше.	97	Зачем рога устави́ли для брани?
Не ваш ли Цербер — вспомни, дерзкий род, —
Несет на вые след могучей длани?»
82	Он прогонял от лика своего
Сгущенный воздух, шуйцей отвеивая,
И, мнилось, был измучен оттого.	100	Он вспять отшел путем нечистых вод,
Не обменяя в тот раз ни словом с нами,
Как человек, кто, полн своих забот,

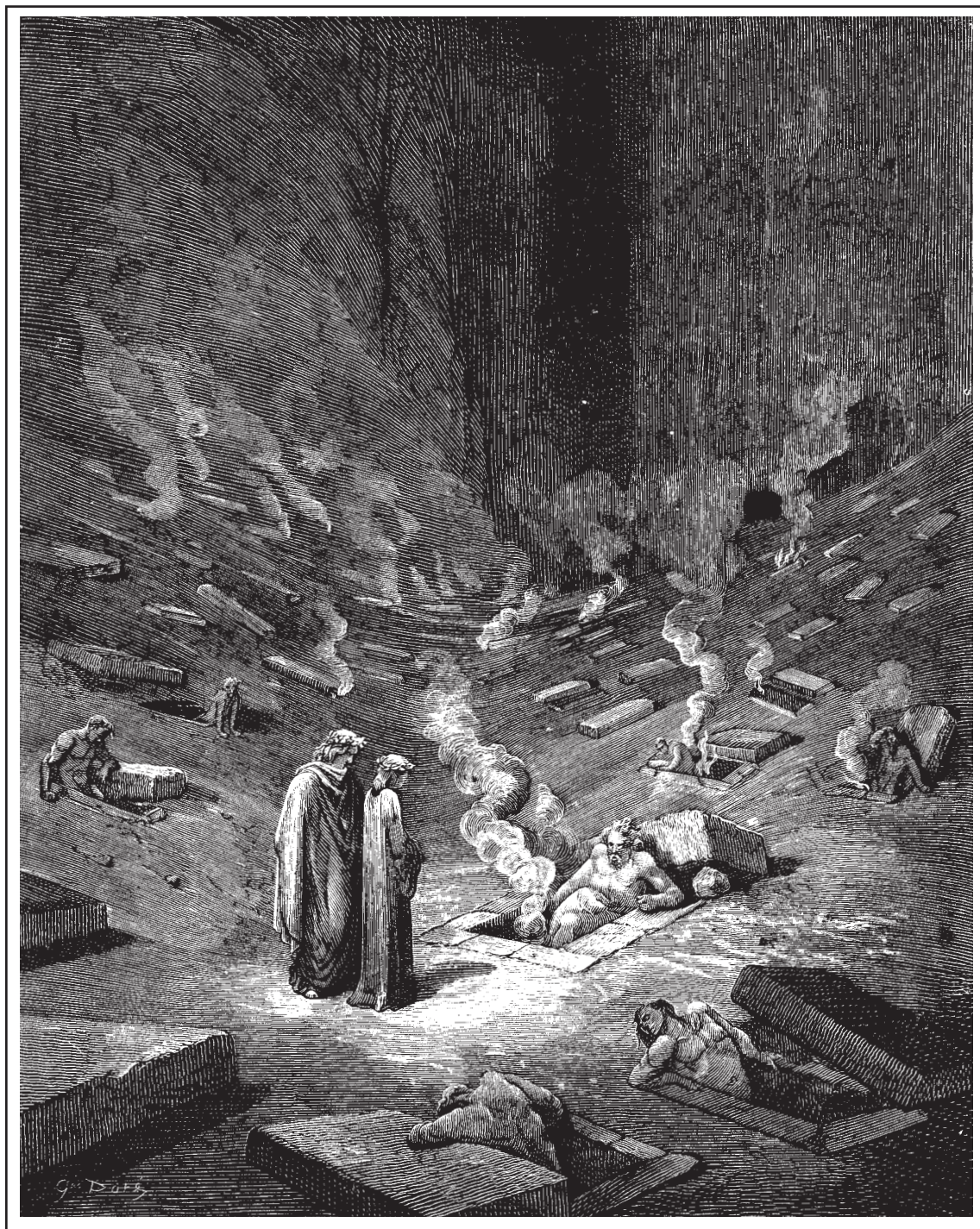
induerint, ejusque tenuissimam quamque partem coeperint dividere, atque disrumpere, idque crebrius facere, et vehementius, tum et fulgura et tonitrua existere». Cic. De divinat. Lib. II, 44. Ломбарди.

98. Согласно с древним мифом, Гераклес, низойдя в ад, наложил цепь на выю Цербера и извлек его из ада: намек на бесполезность сопротивления высшей воле и силе. — Цербер тут только символ строптивости или самого Люцифера, а слова: вспомни и пр., указывают или на падение Сатаны, или на спасение человека. Каннегиссер.

101. По замечанию одного старинного комментатора, ангелы начинают говорить с Данте только в чистилище: это потому, что Данте в странствовании своем по аду еще не очищен от грехов, но созерцает и действует, еще покрытый ими, или, лучше сказать, есть представитель греха других. — «Не трудно отгадать, что этот ангел, являющийся теперь на помощь Данте, руководимому Вергилием. Не ту же ли божественную силу мы видим везде в истории человечества, в те времена, когда люди в ослеплении начинают борьбу против воли Провидения? Значение этой воли: человек, цель твоя — стремление вперед! Среди разгрома бури свершается эта воля там, где встречает себе сопротивление. А когда Господь яростно гнева своего наказует сопротивляющихся, тогда отдельные личности важны пред судом Его, поскольку они нужны как часть неизмеримого целого». Штрекфусс.

112-113. Арль, город Прованса на реке Роне, где она умирает быстроту течения, образуя по берегам своим топкие болота. Пола, город в Истрии, при заливе Кварнаро, или Кварнеро (*Sinus fanaticus* древних, названный так по причине опасного в нем мореплавания). В окрестности этих городов находится множество могильных курганов, о происхождении которых существуют различные предания; между прочим архиепископ Тюрпин, упоминая в своей «Истории Карла Великого» о курганах близ Арля, называет их кладбищем семи святых епископов.

127. Еретики, особенно учителя ереси (eresiarche), восприимлющие казнь в шестом круге ада, заключены в могилах, раскаляемых пламенем. Крыши с могил, или собственно с гробниц, приподняты (sospesi, т. е. стоят в полунаклонном положении, так что готовы упасть каждую минуту); но в день Страшного Суда они упадут и закроют могилы навеки (Ада X, 10). Всякое колебание веры в Бога, всякое отрицание жизни божественной, а стало быть и бессмертия души, по учению Данте, есть уже ересь. Поэтому в шестом круге

— «Ересиархам мука здесь от Бога! —
Он отвечал, — здесь всех сектантов стон;
Ты не поверишь, как в гробах их много!»
(Ад, Песнь IX, тер. 127)

ПЕСНЬ IX

<p>103 Не зрит того, кто пред его глазами. —
И тут направили мы в град стопы,
Подкреплены святыми словесами.</p> <p>106 Уж нам никто не возбранял тропы;
И я, желая знать, какие роком
Заключены в той крепости толпы,</p> <p>109 Лишь внутрь вступил, как вкруг озрелся оком
И увидал отвсюду ширь полян,
Где стон стоял в мучении жестоком.</p> <p>112 Как там, близ Арль, где разлился Родан,
Иль как у Полю, где залив Кварнары
Омыл границу Италийских стран, —</p> <p>115 Могилами изрыты крутояры, —
В таком же здесь являлися числе
Ряды могил, но с видом горшей кары.</p> | <p>Огонь, змеясь меж ними по земле, 118
Так раскалял их стены, что так сильно
Руд ни в одном не плавят ремесле.</p> <p>Был с каждой ямы снят покров могильный 121
И неся вопль столь ярый из могил,
Что понял я, как мук в них изобильно.</p> <p>— «Учитель мой, кто это», я спросил, 124
«Под арками казнится здесь так строго,
И отчего так голос их уныл?»</p> <p>— «Ересиархам мука здесь от Бога!» 127
Он отвечал, «здесь всех сектантов стон;
Ты не поверишь, как в гробах их много!</p> <p>С подобным здесь подобный заключен, 130
Но разный жар вмещают их гробницы». —
И, вправо взяв, пошел со мною он</p> <p>Меж полем мук и крепких стен темницы. 133</p> |
|---|---|

содержатся неверующие, вольнодумцы, атеисты, материалисты, эпикурейцы, еретики всякого рода, а не сектаторы, основатели ложных религий и расколов, производившие раздел и тревоги между людьми: последние помещены ниже (Ада XXVIII). Ривароль. — «Отвергнув существование вечной жизни, еретики и их лжеучители заключены теперь в тесные пределы раскаленных гробов; только теперь сознают они всю узкость своего мудрования и это сознание объемлет их в образе тесного гроба, раскаляемого, но не освещаемого тем самым светом вечной истины, который они отвергали, тем пламенем, который не вредил Беатриче (Ада II, 93), в котором души очищающихся живут надеждою (Ада I, 118) и который для праведных составляет источник их блаженства (Ада VIII, прим. к 73). Еретики запрут в судный день с телами в могиле: это значит, что они останутся навсегда неспособными, как бы умершими для блаженства вечной жизни: отвергнув ее существование, они совершили над собою как бы духовное самоубийство. Как самоубийцы настоящие (Ада XIII, 103-106) навсегда будут лишены своего тела, так и духовные никогда уже не увидят радостей божественной жизни. Тесные пределы их гробов, пылающих светом божественной истины, есть сущая противоположность свободному круговращанию блаженных в самой крайней сфере небесного света. Узкое поле их воззрения есть их собственная мука». Копиш.

129. Другими словами; еретиков гораздо более, нежели сколько ты думаешь. Кажется, это намек на великое множество сект, распространившихся по Италии во времена Дантовы. Филалет.

ПЕСНЬ X

Круг шестой; еретики. — Фарината дельи Уберти. — Кавальканте Кавальканти. — Император Фридрих II.

<p>1 Так узкою тропинкой меж стенами
Той крепости и полем злых скорбей
Пошел мой вождь, а я — за раменами.</p> <p>4 О высший ум, с кем в адской бездне сей
Вращаюсь я, твоей покорный воле,
Исполнь желание души моей.</p> <p>7 — «Могу ль», спросил я, «видеть в этом поле
Томящихся в могилах? Крыши с них
Все подняты и стражи нет уж боле».</p> <p>10 И он в ответ: «Запрут навеки их,
Как все придут с полей Иосафата
В оставленных в земле телах своих.</p> <p>13 Тут погребен со школою разврата
Тот Эпикур, который мир учил,
Что дух погибнет с телом без возврата.</p> <p>16 Здесь на вопрос, что мне ты предложил,
И на твое тайное сомненье
Сейчас дадут ответ из сих могил».</p> <p>19 А я: «Мой вождь, я утаил мышленье
В душе затем, чтоб кратким быть в словах,
В чем ты не раз давал мне наставленье».</p> | <p>— «О ты, тосканец, в огненных стенах 22
Идущий здесь с такою скромной речью,
Благоволи помедлить в сих местах!</p> <p>Я узнаю по твоему наречью, 25
Что в славном ты отечестве возник,
Где, может быть, подвергнут я злоречью».</p> <p>Такой со дна одной могилы крик 28
Вдруг вылетел и, ужасом объятый.
Я к моему учителю приник.</p> <p>— «Что делаешь?» сказал мне мой вожатый: 31
«Оборотись! Перед тобой восстал
До пояса дух гордый Фаринаты».</p> <p>К его лицу я взоры приковал 34
А он вставал, подняв чело и плечи,
Как будто ад всем сердцем презирал.</p> <p>И меж гробов к герою страшной сечи 37
Толкнул меня неспешно мой певец,
Сказав: «Твои да будут кратки речи».</p> <p>Лишь подошел я к гробу, как мертвец, 40
Едва взглянув, спросил как бы с презреньем:
— «Кто прадеды твои, живой пришел?»</p> |
|---|---|

10-12. Поля Иосафата, около Иерусалима, будут местом Страшного Суда, согласно с пророком Иои-лем (Гл. III, 2). Туда соберутся все племена земные, и оттуда души, вместе с телами, возвратятся в страну блаженства, или осуждения, и тогда только грешники вполне восчувствуют весь ужас присужденных им казней (Ада VI, 94-96 и XIII, 103-108). По объяснению прежних толкователей, могилы еретиков закроются после Страшного Суда, потому что по воскресении мертвых ересь прекратится и, следовательно, не будет более неверующих (см. Ада IX, примеч. 127).

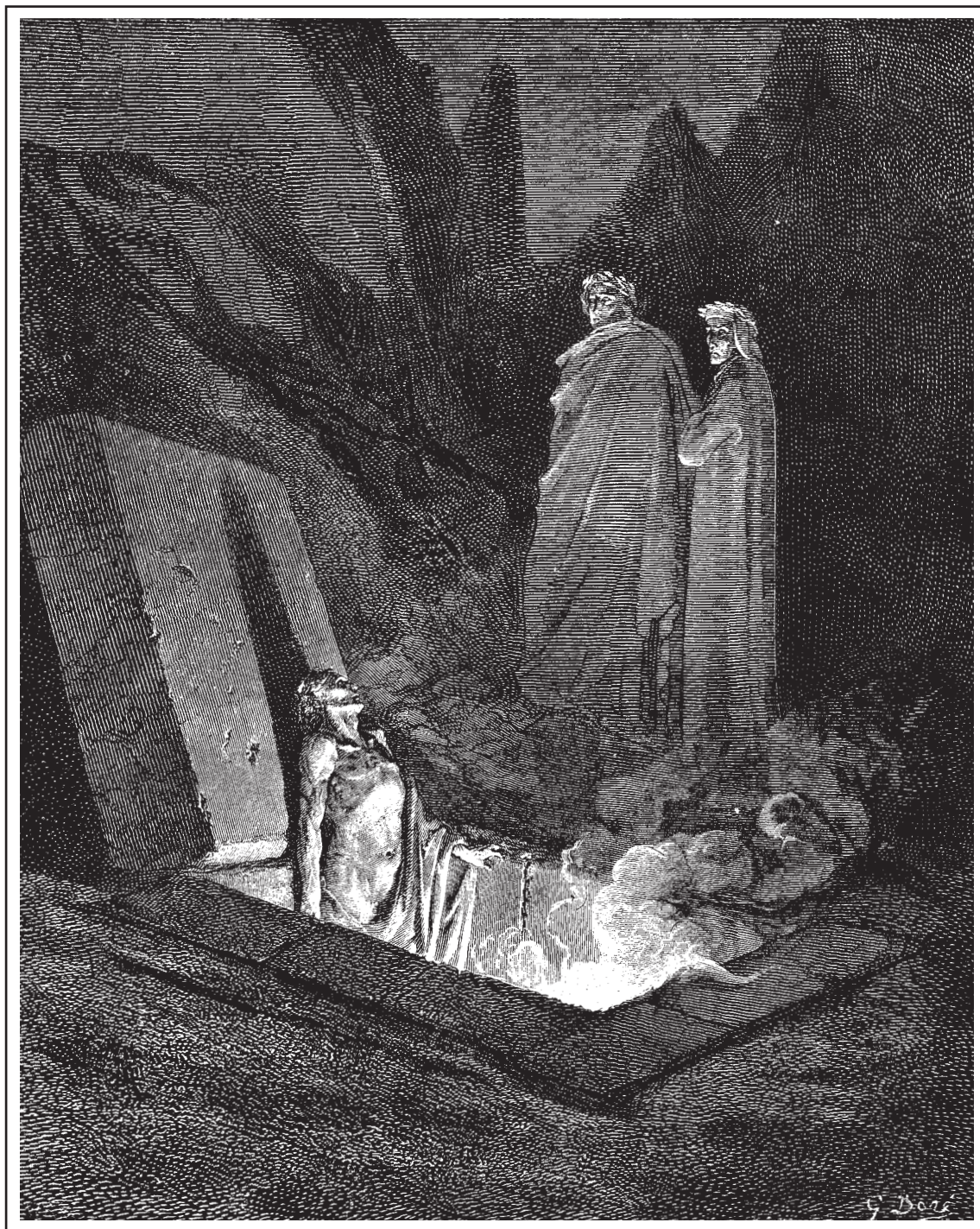
13-15. По понятиям Данте, названия еретика заслуживают все, религиозные понятия которых уклоняются от учения Христовой Церкви, хотя бы эти неверующие и не принадлежали к числу христиан и даже жили до Христа, между язычниками. Потому в число еретиков помещает он и язычника, Эпикура с его школою, учившего, что душа умирает вместе с телом.

16-18. Вопрос Данте состоял в том, можно ли видеть грешников, заключенных в этих гробницах, причем, он не высказал Вергилию тайного своего желания узнать об участи своих сограждан, Фаринаты и Кавальканти, эпикурейский образ мыслей которых был ему хорошо известен.

21. Эти слова относятся или к наставлению, сделанному Данте Вергилием в III песне Ада, или к сжато-сти Вергилиева стиля вообще, достигшей у нашего поэта высшей степени.

31-93. Здесь необходимо сделать беглый обзор исторических событий, на которые намекает в этих стихах Данте.

Враждебные партии гибеллинов и гвельфов в первой половине XIII столетия стали известны и во Флоренции, откуда первые, находясь под особенным покровительством императора Фридриха II,

— «Что делаешь? — сказал мне мой вожатый: —
Оборотись! Перед тобой восстал
До пояса дух гордый Фаринаты».
(Ад, Песнь X, тер. 31)

изгнали последних в 1248 г. Но по смерти Фридриха народ, выведенный из терпения жестоким правлением гибеллинов, призвал снова гвельфов в январе 1250 г., уничтожив прежний образ правления, взамен установил новое, избрав особого предводителя народа (*capitano del popolo*) и присоединив к нему совет из двенадцати старшин; сверх того были избраны 36 народных вождей и установлены 20 знамен с особыми значками для того, чтобы народ в случае нужды мог собираться вокруг них. В это время город укрепили новыми стенами, построили мост чрез Арно при церкви Св. Троицы, многие города и крепости были присоединены к Флоренции, имя которой сделалось страшным для всей Италии, торговля ее процвела, искусства и ремесла усовершенствовались. Но это благосостояние города было непродолжительно. Гибеллины, большая часть которых удалась в Сиену, втайне продолжали свои пронски и обратились с просьбою о помощи к побочному сыну Фридриха II Манфреду, который в то время, взойдя на сицилийский престол своего отца, восстал против церкви. Манфред, будучи расположен, подобно своему отцу, к гибеллинам, прислал им на помощь 800 немецких рыцарей под предводительством какого-то графа Иордануса, с которыми изгнанники, а также союзные сиенцы, немедленно осадили находившийся в союзе с Флоренциею город Монтальчино. Нужно было во что бы то ни стало вовлечь флорентинцев в сражение: с этой целью Фарината дельи Уберти, один из знаменитых полководцев своего времени, удалившийся вместе с прочими в Сиену, отправил двух монахов миноритов, Кальканьи и Спедито, во Флоренцию с письмом от сиенских начальников, которые притворно уверяли, что «сиенцы, выведенные из терпения тиранией гибеллинов, желают покориться флорентинцам и что с радостью отворят им ворота св. Вита, если они вышлют войско к реке Арбии». Хитрость удалась как нельзя лучше: несмотря на возражения Тегьяйо Альдобранди (Ада XVI) и Чекко Герардини, высокомерные флорентинцы решили начать войну. Немедленно собрано было значительное войско, к которому присоединились союзники из Лукки, Пистойи, Пало, Сан-Миниати, Сан-Джеминьяно, Вольтерры и Колле ди-Вальдельсы; с торжественной пышностью оно направилось к Арбии, распустив красные знамена и даже взяв знаменитый вечевой колокол *Martinella*, который на этот раз справедливо назван был в насмешку *la campana degli asini* — ослиный колокол. На пути присоединились к ним отряды из Орвието и Перуджи, так что войско, пришед к р. Арбии, состояло более чем из 3000 всадников и 30 000 пехоты. Едва только остановились они у холма Монталерти при Арбии (сражение, здесь происшедшее, упоминается у Данте под тем и другим именем), как ворота Сиены растворились; но из них вместо ожидаемой мирной депутации города, понесся к ним навстречу вооруженный отряд немецких рыцарей, который, сопровождаемый сиенцами и гибеллинами, врубился в ряды флорентинцев. Началась страшная битва, тем ужаснейшая для гвельфов, что в рядах их находилось множество гибеллинов, которые, сбросив теперь с себя личину, передалась на сторону врагов. Один из этих изменников, Бокка дельи Аббати (Ада XXXII, 76-123), обрубил руки флорентинскому знаменосцу Джакопо дель-Вакка де-Падзи: падение знамени было началом общего расстройтва флорентинского войска. Четыре тысячи пали на месте; множество пленных, оружие, знамена и даже вечевой колокол *Martinella* достались в руки победителей; спасшиеся гвельфы бежали в Лукку. Это кровавое побоище происходило 4 сентября 1260 г. Гибеллины с торжеством вошли во Флоренцию и во имя Манфреда избрали графа Гвидо Новелло де Конти Гвиди подестою города. Не довольствуясь однако ж этим, они в чрезвычайном собрании в Эмполи, под председательством графа Иордануса, решили срыть до основания стены и башни Флоренции, как гнезда упорного гвельфизма. Тогда-то Фарината дельи Уберти, душа этой войны, один восстал против общего решения и твердым голосом объявил, что «он только затем обнажил меч, чтоб снова быть гражданином Флоренции, и что один готов защищать ее с мечом в руке до последней капли крови». Таким образом Флоренция была спасена, — заслуга, которою Фарината гордится и в аду. — По смерти Манфреда, павшего в сражении при Беневенте против Карла Анжуйского (1265 г.), гибеллины вынуждены были сделать некоторые уступки: они позволили избрать 30 вождей из народа, разделили жителей на 12 вооруженных цехов, назначив им старшин, и наконец вернули гвельфов. Вскоре последние взяли верх над гибеллинами, а народ вышел из повиновения, что заставило графа Гвидо Новелло, наместника Манфредова и главу гибеллинов, бежать со своею партией в ближний г. Прато. Впрочем, на другой день, раскаявшись в своем необдуманном поступке, он сделал приступ к Флоренции, но был отбит. Впоследствии гибеллины еще раз были призваны назад; но в 1267 г., когда Карл Анжуйский отправил графа Монфорте во Флоренцию, они были окончательно изгнаны в первый день Пасхи. В числе изгнанных находился Адзуччо Арригетти, предок Мирабо. Копиш. Филалет. Вегеле.

33. Фарината, победитель при Арбии (см. выше). Современники считали его за величайшего атеиста, утверждавшего, что все в этой жизни кончается со смертью, а потому думавшего, что не должно отказывать себе ни в каких удовольствиях. По этой причине Данте поместил его между эпикурейцами и даже искал его в третьем кругу, между обжорами (Ада VI, 79). Не будь он причастен этому греху, Данте едва

<p>43 И я, пред ним склонясь с благоговеньем,
Не утаясь, все высказал вполне.
Тогда, подняв вверх брови, он с смущеньем</p>	<p>Сказал он с плачем: «Если в мир слепой
Проникнул ты таланта высотой,
То сын мой где ж? зачем он не с тобой?»</p>
<p>46 Сказал: «Враги то злые были мне
И нашей партии, и нашим дедам,
За то я дважды их грошил в войне».</p>	<p>А я ему: «Иду не сам собою:
Там ждет мой вождь, за кем иду вослед;
Его ваш Гвидо презирал душою».</p>
<p>49 — «Ты их изгнал, но все ж вернулись следом»,
Я отвечал, «они со всех сторон;
Твоим же путь к возврату был неведом». —</p>	<p>Род казни сей и слов его предмет
Его мне имя прочитали вскорее:
Вот почему и прям был мой ответ.</p>
<p>52 Тут рядом с ним из гроба вывел вон
До бороды лицо другой безбожный:
Я думаю, встал на колени он.</p>	<p>Вдруг, на ноги вскочив, вскричал он в горе:
«Как? Презирал! Уж нет его в живых?
Уж сладкий свет в его не блещет взоре?»</p>
<p>55 Вокруг меня водил он взор тревожный,
Как бы затем, чтоб видеть, кто со мной:
Когда ж угас надежды луч ничтожный,</p>	<p>Когда заметил он из глаз моих,
Что медлю я, сомненьем беспокоим,
Он навзничь пал и навсегда затих.</p>

ли поместил бы в аду этого мужа, которого он так высоко ценит за его любовь к отечеству, великодушие и в особенности за спасение Флоренции, того мужа, которого флорентинский историк Виллани недаром называет вторым Камиллом.

42-51. Предки Данте были гвельфы. Они были изгнаны два раза: в 1218 г., за 12 лет до битвы при Арбини, но через два года возвратились снова, и во второй раз, после битвы при Арбини, в 1260 г., после чего, спустя семь лет, в 1267 г., гвельфы опять взяли верх над гибеллинами и выгнали их из Флоренции. В начале XIV века гибеллины окончательно были изгнаны и с того времени навсегда находились в изгнании, несмотря на все свои попытки возвратиться.

53. Это Кавальканте Кавальканти, знаменитый флорентинский гвельф, которого, как и Фаринату, современники подозревали в атеизме. Сын его, Гвидо Кавальканти, был философ и замечательный поэт, искренний друг Данте. Подслушав разговор Фаринаты с Данте и узнав последнего по звуку его голоса, Кавальканте заключает, что если Данте мог проникнуть в ад высотой своего таланта, то и Гвидо, как глубокомысленный философ, должен находиться вместе с ним.

58-59. Кавальканте, как закоснелый атеист, приписывает странствование Данте в аду не божественной помощи, но величию его таланта (*ingegno*). Копиш.

61-63. Данте отвечает, что ведет его не высота таланта, а разум (Вергилий), не всегда руководящий людей даровитых. Гвидо, более философ, чем поэт, писавший в легком, провансальском роде, не имел такого уважения к Вергилию, какое питал к нему Данте, не изучал его творений и, стало быть, не мог создать ничего подобного Божественной Комедии.

67-73. Слова: он презирал, заставляют Кавальканте думать, что сын его умер. «Кавальканте до сих пор стоял на коленях; но при этих словах он вдруг вскакивает на ноги и, видя, что Данте медлит отвечать ему, опрокидывается в могилу: не многими словами, но как прекрасно выражены любовь и горесть отца! Это изображение удрученного горем отца еще более выигрывает в эффекте от контраста, который представляет слабодушный, но глубоко любящий Кавальканте с мощным, величаво гордым образом Фаринаты». Штрекфусс.

67. Мысль о смерти ближних вдвое прискорбнее для людей, не верующих в бессмертие души. Копиш.

76. Отрицатели вечной жизни тем сильнее сочувствуют жизни земной и событиям политическим. Копиш.

79-81. Лик жены, гнетущей злое семя, есть луна — Диана древности. Смысл текста следующий: не пройдет 50 месяцев (4 года и 2 месяца), как ты узнаешь, как тяжелы изгнаннику бесполезные попытки возвратиться в свое отечество. Данте, вначале гвельф, впоследствии сделавшийся гибеллин-

73 Меж тем другой великодушный, коим
Я призван был, — лица не изменя,
Был недвижим с нерушимым покоем.

76 — «Да», продолжал, речь к первому склоня,
«Мысль, что досель мое в изгнании племя,
Томит сильней, чем этот одр, меня.

79 Но лик жены, гнетущей злое семя
Не проблеснет в пятидесятый раз,
Как взвесишь сам, сколь тяжко это бремя.

82 И если в мир ты ждешь возврата час,
Скажи, зачем столь лютые ловитвы
Народный суд направил против нас?»

85 И я: «Побойше той страшной битвы,
От коей стал ток Арбии кровав,
Внушило нам во храме те молитвы».

88 И, головой со вздохом покачав,
Он мне: «Не я один был в деле этом;
К тому ж я шел с другими не без прав.

91 Но там, где общим решено советом
Скрыть до основ Флоренцию, лишь я
Ей был щитом один пред целым светом.

— «О, да найдет мир ваша вся семья!
А вы с меня», сказал я, «сбросьте сети,
В которых мысль запуталась моя. 94

Коль понял я, в мгле будущих столетий 97
Ваш вечный взор к событиям парит,
Но в настоящем слепы вы, как дети».

А он: «Мы зрим, как дальнозоркий зрит, 100
Лишь только то, что вдалеке таится:
Нам Высший Вождь еще сей свет дарит.

Когда ж событие близко, иль свершится, 103
Тогда в наш взор нисходит темнота:
Мир скрыт от нас, коль весть к нам не домчится.

Но ты поймешь, что прозорливость та 106
В нас вся умрет в тот миг, когда грядущим
Всем временам запрут навек врата».

Тут я с укором, совесть мне грызущим, 109
Сказал: «Поведай падшему тому,
Что сын его еще со всем живущим.

И если я не отвечал ему, 112
То лишь затем, что был в недоумении
Насчет того, с чего вы сняли тьму».

ном, был изгнан из Флоренции в январе 1302 г.; в марте того же года приговор над ним подтвердили и еще с большею силою произнесли его после попытки гибеллинов проложить себе путь во Флоренцию вооруженною рукою. Но так как Данте предполагает свое странствование в замогиальном мире в 1300 г., то выходит, что от этой эпохи до времени его изгнания протекало только два года и, стало быть, 50-месячный срок, назначаемый Фаринатою, будет слишком велик. Надобно думать, что срок этот относится не к первому его изгнанию в 1302 г., а к гораздо более позднейшим попыткам его возвратиться во Флоренцию, когда он был членом совета двенадцати, управлявшего в Пистойе партией Белых (гибеллинов). В это время (1304 г.) в первый раз блеснула Данте надежда к возвращению в отечество: по просьбе Белых папа Бенедикт XI отправил во Флоренцию кардинала Никколо ди Прато в качестве миротворца с тем, чтобы содействовать возвращению изгнанников. Но эта надежда поэта исчезла с внезапным отбытием кардинала из Флоренции 5 июня 1304 г., т. е. спустя 4 года и 3 месяца после замогиального странствования поэта.

83-84. Фамилия Уберти, к которой принадлежал Фарината, всегда была исключается из списков изгнанников, получавших право возвратиться во Флоренцию.

87. По словам Макиавелли, народные собрания во Флоренции до 1282 г. всегда происходили в церквях.

91. Собрание, на которое здесь намекается, было в Эмполи (см. выше).

95-90. Данте кажется загадкою, почему тени грешников могут узнавать будущее и ничего не знают о настоящем, как Кавальканте, ст. 68.

100-105. Согласно с богословским учением Фомы Аквинского, грешники могут познавать только общее, отвлеченное, напр. будущее, но не знают ничего отдельно существующего, чувственного. Напротив, блаженные души все созерцают и видят в Боге.

108. Т. е. в день Страшного Суда, когда крыши закроют гробы еретиков (ст. 10-15 и примеч.).

ПЕСНЬ X

- Где страшный смрад валил из-под земли. 136

136. «Вся эта песнь отличается высоким драматическим эффектом и разнообразием превосходно обрисованных характеров. Какая противоположность между двумя отрицателями вечной жизни! Фарината, этот гордый победитель при Арбини, забывшая о муках и как будто презирая целый ад, озабочен только судьбою отечества и своей партии; и рядом с ним менее великодушный Кавальканте, при одной мысли о смерти и (по его понятиям) уничтожении сына опрокидывающийся в могилу в отчаянном горе. А как удивительна при этом постановка обоих поэтов: Данте, еще очень восприимчивого к земным заботам, ищущего везде познания и нередко пожинающего горе, везде обнаруживающего свойства чисто человеческие: слабость и величие, гордость и страх, и мудрого его вождя Вергилия, который повсюду указывает стремление к высшему, небесному, сам же, как посланник высшей силы, как исполнитель воли божественной, везде является бесстрастным, ничему не сочувствующим». Рут.

ПЕСНЬ XI

Круг шестой: еретики. — Гробница папы Анастасия. — Разделение адского города.

<p>1 На оконечности гряды высокой,
Сложенной в круг из взгроможденных скал,
Пришли к тюрьме мы более жестокой.</p> <p>4 Но как со дна из бездны вылетал
Ужасный смрад, то вождь мой для защиты
За крышею большого гроба стал.</p> <p>7 И надпись я прочел гробницы вскрытой:
«Во мне здесь папа Анастасий спит,
Фотином в грех с прямой дороги сбитый».</p> <p>10 — «Нам неспеша спускаться надлежит,
Чтоб чувство свыклось с едким испареньем,
И смрад потом не будет ядовит».</p> <p>13 Так вождь, и я: «Займи ж мой ум ученьем,
Чтоб не погиб без пользы этот час».
И он: «Вполне с твоим согласен мненьем.</p> | <p>Мой сын», вождь начал, «здесь в скалах, висясь, 16
Три меньших круга сходят ступенями,
Как и вверху, где были мы сейчас.</p> <p>Все три полны проклятыми тенями; 19
Но чтоб ясней ты ада понял строй,
Узнай, зачем воздвигнута он кругами.</p> <p>Цель всякой злобы, в небе проклятой, 22
Одна — обида; путь же к ней двоякий:
Или насилие, иль обман людской.</p> <p>Обман есть грех одних людей, и всякий 25
Обман — так Богу ненавистен он! —
Сильней всего на дне казним во мраке.</p> <p>Весь первый круг насилию посвящен; 28
Но как вредить трем лицам силой можно,
То в три кольца круг этот разделен.</p> |
|--|---|

2. Почему спуск из шестого круга в седьмой состоит из разрушенной скалы, объяснено ниже (Ада XII, 34 и д.).

5. Этот смрад поднимается с кровавой реки ниже лежащего седьмого круга (Ад. XII, 46) и есть символ худой славы, оставленной по себе грешниками, наказуемыми в этом кругу. Копиш.

8-9. У библиотекаря Анастасия, летописца IX века, находится известие, которое гласит, что папа Анастасий II, вступивший на престол папский около 497 г., принял, несмотря на сопротивление епископов, еретическое учение фессалоникийского диакона Фотина, придерживавшегося лжеучения Акакия, патриарха константинопольского. Тот же летописец уверяет, что папа Анастасий погиб чудесным образом от внезапно приключившейся с ним ужасной болезни в то время, когда защищал свою ересь перед собором епископов. Лондино. — Показание летописца, которому следует Данте, кажется неверным, потому что во времена Фотина, жившего около 350 г., не было никакого папы этого имени. Тем не менее Данте воспользовался этим случаем, чтобы показать, что и папа может быть еретиком и что, стало быть, его суд непогрешителен только в том случае, когда он не противоречит решению вселенского собора. Филалет. — Гробница папы граничит с кругом, где наказуется насилие: это значит, что ересь в душе сильных мира сего близка к насилию. Копиш.

17. Три меньших круга (в подлиннике: *cerchietti*, т. е. более тесные, более концентрические) суть три остальных круга ада, находящиеся в пределах адского города: седьмой, восьмой и девятый. Все они глубже и глубже нисходят ко дну ада и, чем глубже, тем более суживаются, наподобие ступеней амфитеатра, сценой которому служит замерзший Коцит, в который погружен Люцифер, взмахами своих крыльев сам его замораживающий, в знаменование того, что казни грешников есть их собственное дело. Копиш.

20. Поэтому Данте впоследствии уже не спрашивает о том, какой именно род греха наказуется в каждом отделе ада, а только осведомляется об особенных согрешениях и обстоятельствах жизни отдельных грешников. Филалет.

22. В этой песне Данте излагает нравственное построение своего ада, классификацию грехов, так последовательно и ясно, что почти нет надобности входить в какие-либо дальнейшие толкования. Но так как для многих читателей изложенное в прозе кажется более понятным, то мы предлагаем краткий обзор грехов и их наказаний, распределенных сообразно с архитектурным построением Дантова ада (слич. Ада IV, примеч. к 7-8).

Но как со дна из бездны вылетал
Ужасный смрад, то вождь мой для защиты
За крышею большого гроба стал.

(Ад, Песнь XI, тер. 4)

Все грехи человеческие, по Аристотелю (см. ниже), можно разделить на три класса, именно: на грехи, происходящие или от невоздержания, или от безумной животности (*matta bestialitate*), или от злости (ст. 82-84).

Грехи, происходящие от невоздержания, менее важны (ст. 70-88), потому что невоздержание предполагает не злую волю, но только потемнение самопознания, потерю воли. Поэтому во втором, третьем, четвертом и пятом кругах ада, еще вне пределов адского города, составляющего начало истинного ада (Ада VIII, 75 и примеч.), наказуются менее жестоко сладострастные, обжоры, скупые вместе с расточителями и гневные. Символом этого отдела ада служит тьма (см. Ада III, примеч. к 87).

За ними, в шестом кругу ада, следуют еретики и открывают собою ряд грешников, наказуемых уже в истинном аде. Но и этих грешников нельзя еще назвать истинно злыми, потому что грехи их произошли собственно не от злой склонности. Тем не менее они наказуются за раскаленными стенами и связуют собою грешников первого рода с последующими.

ПЕСНЬ XI

<p>31 Творцу, себе и ближним вред безбожно
Несет насилие — ближним и в изъян
Стяжанию их, как докажу неложно.</p> <p>34 Вредит насилие ближним болью ран,
Увечьем, смертью, их же достойно —
Огнем, разбоем, притеснением стран.</p> <p>37 За то убийц и всех, разящих дланью,
Разбойников, грабителей навек
В кольце здесь первом предали
терзанию.</p> <p>40 Сам на себя, на дом свой человек
Заносит длань, и — гибнет невозвратно
В кольце в т о р о м здесь каждый, кто пресек</p> <p>43 Сам жизнь свою, кто, промотав
развратно
Именье, горем отягчил главу
И плакал там, где мог бы жить приятно.</p> <p>46 Наносится насилие Божеству,
Когда хуление сердце изрыгает
И благодати Его, и естеству.</p> | <p>За то в кольце малейшем суд сжигает 49
Клеймом своими Каорсу и Содом
И тех, чей ум от Бога убегает.</p> <p>Обман, грызущий совесть всем, на том 52
Свершаться может, к т о с доверьем внемлет,
Иль к т о не мнит впустить с доверьем в дом.</p> <p>П о с л е д н и й в и д, мне кажется, 55
разъемлет
Лишь цепь любви, природы общий дар;
За то второй великий круг объемлет</p> <p>В гнезде своем грех симонии, чар, 58
Лесть, ханжество, татьбу и святотатство,
Подлог, менял и прочий зла нагар.</p> <p>Н о п е р в ы й в и д забыл любовь, 61
богатство
Природное и то, что слито с ней,
Чем зиждутся доверие и братство.</p> <p>А потому в кругу меньшом, где всей 64
Вселенной центр, где Дис царит ужасный,
Томятся все предатели людей».</p> |
|---|---|

Прямая цель истинно злых наклонностей есть обида, к которой две дороги: или насилие, или обман. Первое заслуживает меньшего наказания, чем последний, потому что сильные страсти, как недостатки природные, могут содействовать к тому, что человек, увлеченный ими, прибегает к силе, тогда как обманщик обдуманно и хладнокровно употребляет во вред другим свой разум — этот дар, которым человек отличается от всех других тварей. Потому и сказано, что обман свойствен только человеку. — Quum autem duobus modis, i. e. aut vi, aut fraude fiat injuria: fraus quasi vulpeculae, vis, leonis videtur utrumque homine alienissimum, sed fraus odio digna majore. Cicero, De officiis, I, 13, 41.

Насилие, соответствующее безумной животности Аристотеля, наказуется в седьмом кругу (XII-XVI), составляющем второй отдел ада, символом которому служит огонь или жар. Круг этот распадается на три отдела смотря по тому, кому наносится насилие: ближним (XII), самому себе (XIII), или Богу (XIV-XVII, до ст. 78). В первом отделе помещены: мучители, поджигатели и разбойники; во втором: самоубийцы, отчаянные игроки и расточители своих имений, а также все решающиеся на отчаянные подвиги с целью самоубийства; в третьем: преданные содомскому греху, ростовщики и богохульники.

Обман, истекающий из глубокой злости человека, и потому только ему свойственный, составляет третий, самый нижний отдел ада. Обман бывает двоякого рода, смотря по тому, над кем он совершается: над теми ли, кто имеет доверие к обманывающему, — стало быть, над тем, с кем мы, кроме природной связи любви, соединены еще союзом доверенности и братства; или над тем, кто не имеет доверия, когда, следовательно, нарушаются только общие законы человеческой любви. Обман второго рода наказуется в восьмом кругу, разделенном на 10 отделений, в которых казнятся собственно обманщики, а именно: соблазнитель и пользовавшиеся слабостью обоих полов (ruffiani); лстецы; симонисты или торговавшие дарами Св. Духа; прорицатели; светские симонисты или менялы (barattieri) и взяточники; лицемеры; хитрые тати и святотатцы; злые советники; сеятели расколов и подделыватели всякого рода (Ада XVIII-XXX). — Обман первого рода, или измена, величайший грех, истекающий из высшего эгоизма души человеческой, наказуется в последнем — девятом кругу ада, где символом ему служит

67 И я: «Мой вождь, твое ученье ясно,
И верное понятие мне дает
О бездне сей и черни ей подвластной.

70 Но род, скажи, погрязший в ил болот,
Кружимый вихрем и разимый градом,
И та толпа, что вечный спор ведет,

73 Зачем не здесь, за раскаленным градом,
Наказаны, коль подлежат суду;
А если нет, за что ж казнятся адом?»

76 А он в ответ: «Зачем в таком бреду,
Против обычья, ум твой где-то бродит?
Иное ль что имеет он в виду?»

79 Не помнишь ли то место, где выводит
Твой Аристотель в Ифике из всех.
Три склонности, на них же казнь нисходит:

82 Невоздержанье, злость, безумный грех
Животности, и как невоздержанье
Наказано от Бога легче тех?

Итак, коль вник вполне ты в это знание 85
И взвесил грех всех этих проклятых,
Приемлющих вне града наказание, —

То сам поймешь, зачем от прочих злых 88
Отлучены и с меньшим гневом мщенья
Млат правды Божьей сокрушает их».

— «О солнце, врач расстроенного зренья! 91
Так ясно ты решаешь, что уму
Равно полезны знания и сомненье.

Но возвратись назад», я рек ему, 94
«И объясни: чем Бога оскорбляет
Дающий в рост? Рассей мне эту тьму». —

— «Кто изучал Философа, тот знает, 97
Что стройный чин», сказал он, «естества
Свое течение воспринимает

Из разума, искусства Божества, 100
И если в физику ты вник, то, много
Не рывшись в ней, найдешь сии слова:

вечный холод. Изменники в свою очередь распадаются на четыре класса: на изменников ближнему, другу, отечеству или городу и Богу (Ада XXX-XXXIV).

50. Содом, известный город в Палестине, преданный противоестественному греху и за то вместе с Гоморрой и другими городами сожженный огнем небесным.

Каорса. Купцы, преданные лихоимству, во многих законах Средних веков назывались Lombardi и Saorcini или Sawarcini, Caturcini etc. Название Saorcini и пр. они получили, вероятно, от Каорсы или Кагора (по-лат. Cadurcum), города в Лангедоке, откуда вышли первые ростовщики.

55. Т. е. общие законы любви, врожденные нам самой природой.

57. Т. е. восьмой круг, где наказуются простые обманщики.

61-63. Более тесную, более родственную любовь, из которой возникают доверие и родственные, дружественные отношения.

64-66. Меньший круг, есть девятый, имеющий вид колодезя, на дне которого погружен во льды Дис (Плутон,), Люцифер, Вельзевул, — имена, у Данте однозначные.

70-72. Гневные (Ада VII, 110 и д.), сладострастные (V, 31 и д.), обжоры (VI), скупые и расточители (VII, 25 и д.).

79-85. Вергилий подразумевает здесь Ифику (Этику) Аристотеля, который в кн. VII, гл. I, говорит: «Относительно нравов должно избегать трех вещей: невоздержания (ἀκρασία), порока (χαῖα) и животности (θηριότης)». Под именем первого разумет он неумеренное наслаждение естественными удовольствиями (ἡδέα φύσει) и разделяет последние на такие, которые основаны на потребностях нашего тела (ἀναγκαια), и на такие, которые хотя и не составляют наших потребностей, однако ж сами по себе приятны (αἰρετά), напр. желание победы, славолубие, стремление к обогащению, гнев и пр. Грехи подобного рода наказуются у Данте вне пределов раскаленного города.

Под именем животности Аристотель разумет удовлетворение побуждений, которые уже и сами по себе неприятны (кн. VII, гл. V), куда он относит множество неестественных жестокостей, людоедство, неестественную похоть и т. д. Все эти пороки у Данте, под общим названием насилия, помещены в седьмом кругу, куда причисляет он сверх того и богохульство, как грех, по природе несвойственный человеку, также лихоимство, по той же самой причине, как мы увидим ниже.

103 „Искусство ваше подражает строго,
Природе так, как дядьке ученик,
Так что искусство как бы внук есть Бога“.

106 Из этих двух, коль мыслями ты вник
В начало книги Бытия, и должно
Расти и множиться: но ростовщик,

109 Во всем держась стези иной и ложной,
Расторг в душе корыстной, полной зла,
Союз искусств с природой непреложной.

Но следуй мне; идем, уж ночь прошла; 112
Трепещут Рыбы на эфире звездном
И Колесница уж на Кавр легла,

А спуск еще далек, где сходят к безднам». 115

Наконец, порок Аристотель противопоставляет добродетели (ἀρετή), под именем которой разумеет он познание прямого, доброго (кн. VII, гл. XIII). Из этого видно, что «порок» Аристотеля почти ничем не отличается от «обмана» Дантова: ибо тот и другой состоят в злоупотреблении высших свойств духа со злою целью. Когда дух направляется к злему, тогда все, из него исходящее, есть обман, прикрытый только личиною истины. Сюда же Данте отнес и измену, как высшее проявление обмана, и соединил и то и другое под одним общим именем «злости». Филалет. Копиш.

103-104. Аристотель говорит в своей Физике, кн. II, гл. 2: «Искусство (τέχνη) подражает природе».

106-107. «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его». Бытие II, 15. — «В поте лица твоего будешь есть хлеб». Там же, III, 19. — Из этого следует, что человек должен удовлетворять своим потребностям, обращая в свою пользу силы природы с помощью изобретательности.

109-111. «Природа и искусство даны человеку, как производители его жизни. Природа дает для человека необходимое для жизни, а искусство обрабатывает данное ею. Ростовщик нарушает законы природы, потому что он заставляет деньги производить деньги, что не в законе природы; а так как искусство наше закон свой берет с природы же, то нарушает он закон всякий». Шевырев. — В этом воззрении Данте на ростовщиков видно господствовавшее в Средние века мнение о незаконности всякого роста. Филалет.

113-114. В этих стихах Данте, как и везде при обозначении времени, определяет с астрономической точностью начало утра. Созвездие Рыб появляется над горизонтом, созвездие Большой Медведицы (в просторечии называемой Колесницею) лежит на Кавре. Кавр, или Кор (Saurus, Corus) есть ветер, дующий с NNW и на Востоке называемый *ronente maestro*. По вычислению астрономов созвездие Рыб 9 апреля 1300 года начало подниматься из-за горизонта в 3 часа, а в 5 часов было уже совершенно над ним, из чего должно заключить, если возьмем за основание 9 апреля, что настал пятый час; это же положение созвездий для 6 апреля того же года будет означать 4 часа 48 минут, а для 26 марта — 2 часа 4 мин. См. у Филалета Die Hölle, p. 73-74.

ПЕСНЬ XII

Первое кольцо седьмого круга: насильватели ближних. — Тираны и убийцы. — Минотавр. — Кентавры. — Несс. — Хирон. — Эццолино. — Обиццо д'Эсте. — Гвидода-Монфорте.

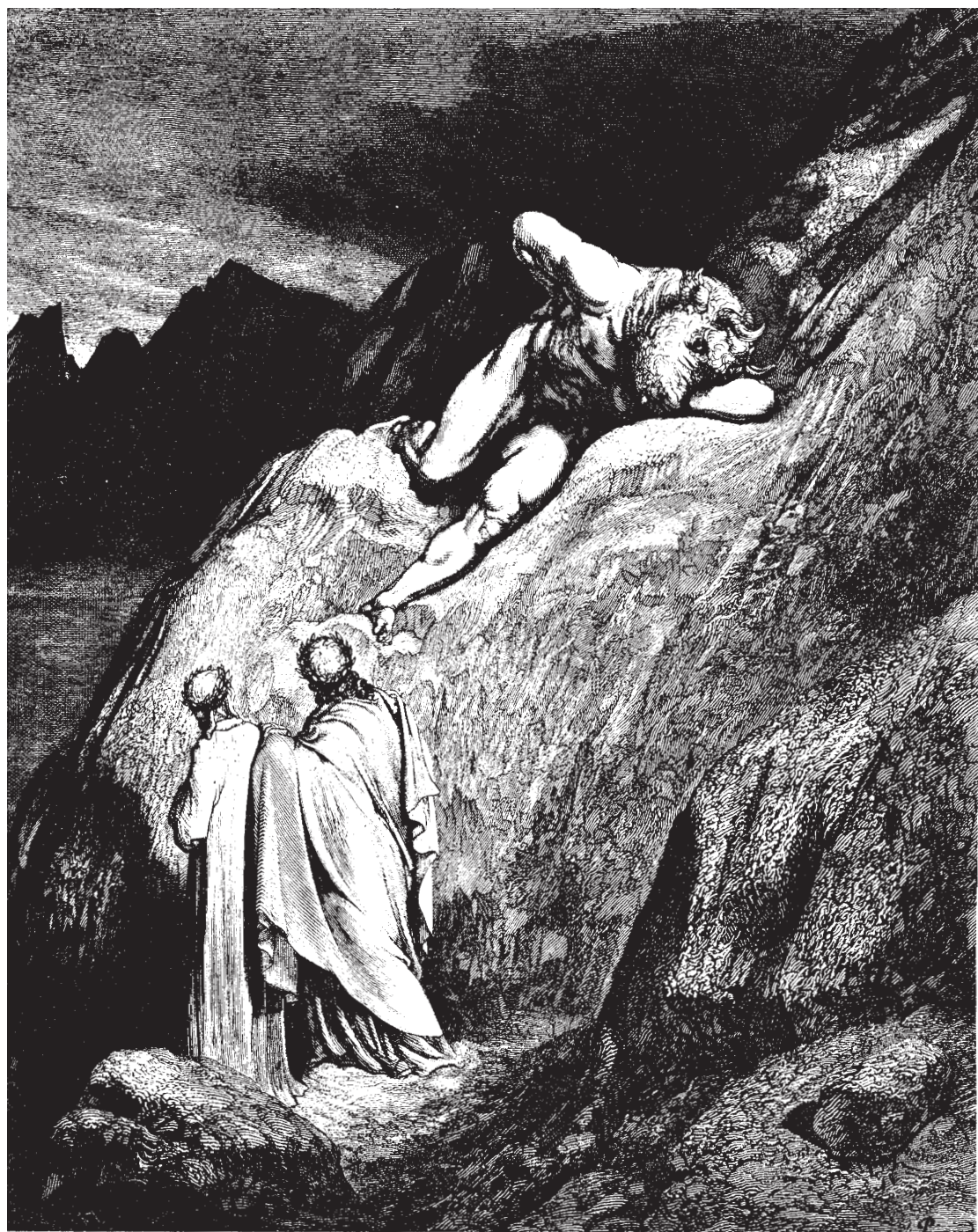
<p>1 Тот край, куда мы шли с гряды спуститься,
 Был дик, и тем, что он в себе вмещал,
 Ужасен так, что мог бы всяк смутиться.</p> <p>4 Каков вблизи от Трента тот обвал,
 Что свергнут был в Адиг землетрясеньем
 Иль, может быть, простым паденьем скал,</p> <p>7 Где с вышины, откуда он паденьем,
 Обрушен в дол, так труден спуск, что взор
 Едва найдет тропинку по камням, —</p> <p>10 Таков и здесь был спуск в ущелье гор.
 Заняв меж них обрушенные скаты,
 Разлегся ужас Крита и позор,</p> <p>13 Подложною коровою зачатый.
 И, видя нас, себя кусать он стал,
 Как дикий зверь, весь бешенством объятый.</p> <p>16 — «Ты думаешь», мой мудрый вождь вскричал,
 «Что царь афинский здесь перед тобою,
 Кем на земле убит ты напавал?»</p> <p>19 Прочь, лютый зверь! Прочь! Не твоей сestroю
 Руководим, приходит в этот круг,
 Но вашу казнь узреть идет со мною».</p> <p>22 Как вол, в тот миг порвавший цепи вдруг,
 Как поражен смертельным был ударом,
 Без сил бежать, лишь прыгает вкруг, —</p> | <p>Так Минотавр метался в злобе даром. 25
 И опытный мой вождь вскричал: «Беги!
 Теперь спустись, пока он в гнев яром».</p> <p>По грудам скал ускорил я шаги, 28
 И не один там камень вниз скатился
 Из-под моей, столь новой здесь, ноги.</p> <p>Я думен шел, а вождь: «Ты изумился 31
 Обвалу скал, где страж их — адский гад
 Так в бешенстве передо мной смирился.</p> <p>Так ведай же: когда в глубокий ад 34
 Я в первый раз сходил с сего гранита,
 В развалинах еще здесь не был скат.</p> <p>Но вмиг пред тем (коль тайна мне раскрыта), 37
 Как Тот пришел, Кто славный столь венец
 Из круга верхнего отъял у Дита,</p> <p>Так дрогнул смрадный дол с конца в конец, 40
 Что думал я: вселенную объяла
 Любовь, чья мощь, как полагал мудрец,</p> <p>Не раз в хаос весь мир уж обращала, 43
 И в тот момент весь древний сей утес
 Распался, здесь и ниже, в два обвала.</p> <p>Но взор впери в долину горьких слез! 46
 Вон кровь кипит, где в муке бесконечной
 Все те, кто вред насильем брату нес».</p> |
|--|---|

4-9. О местности здесь описанного обвала есть разные предположения. По мнению Маффей, тут говорится об утесе при Риволи, обрушившемся в Адиг, когда Данте находился у Бартоломео дела Скала в Вероне. Другой подобный горный обвал находится при Марко, на расстоянии часового путешествия от Ревередо, где Данте находился несколько времени. Наконец третий очень высокий обвал горы Ченджио Россо, где теперь Кастелло дела Пиетра, находится в 2 ½ милях от Ревередо.

34-36. Ада IX, 22-27 и примеч.

37-40. Намек на землетрясение во время кончины и сошествия Искупителя в Лимб для избавления праотцев (Ада IV, 53 и примеч.).

41-43. Эмпедокл, греческий поэт и философ, которого учение Данте знал, вероятно, из опровержений Аристотеля, принимал четыре стихии и два движущих начала: любовь или сочувствие (φιλία) и раздор или разделение (ἐχθρά, νεῖχος). Эти два начала попеременно господствуют во вселенной: когда господствует любовь, элементы сливаются, и мир, теряя свой вид, обращается в довременный хаос, из которого он возник, и, наоборот, когда между элементами господствует раздор или разделение, мир возникает снова.

Заняв меж них обрушенные скаты,
Разлегся ужас Крита и позор,
Подложною коровою зачатый.
И, видя нас, себя кусать он стал...
(Ад, Песнь XII, тер. 11)

ПЕСНЬ XII

49 О гнев слепой, о гнев бесчеловечный!
Ты в краткой жизни нас палишь в огне,
А здесь в крови купаешь в жизни вечной!

Просторный ров увидел я на дне;
52 Как лук, вокруг всей долины он сгибался,
Как объяснил тогда учитель мне.

И между рвом и кручей гор скитался
Со стрелами кентавров буйный род,
Как на земле в охоту он пускался.

Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд, а трое, выбрав пуки
Острейших стрел, метнулись к нам вперед.

55

58

ПЕСНЬ XII

61	— «Зачем пришли? Какие ждут вас муки?»
Кричал один из них. «Оттуда с гор
Ответствуйте, не то — мы спустим луки!»	Потом огромную он пасть разинул
И молвил: «Братья, видите ль, на дно
Какие камни тот, что сзади, сдвинул?»	79
64	И вождь: «Войдем с Хироном в договор,
Лишь спустимся с скалистого навеса;
Твой гнев всегда на вред тебе был скор».	Так мертвецам сходить не суждено!
Но добрый вождь, пред грудью став широкой,
Где сходятся два естества в одно,	82
67	И, дав мне знак, сказал: «Ты видишь Несса!
За Дианиру умерев, излил
Сам из себя он месть на Геркулеса.	Ответил: «Да, он жив; я ж, одинокий,
Явить ему обязан мир скорбей:
Не прихоть нас, а рок ведет высокий.	85
70	С ним рядом — тот, что взор на грудь
склонил, —
Гигант Хирон, кто воспитал Ахилла;
А третий — Фол; он вечно гневен был».	Кем вызван я на новый подвиг сей,
Пришла из стран, поющих
алилуя;
Не хищник он, я не из злых теней.	88
73	Вкруг ямы рыщет в тысячах их сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.	Но силой той, Чьей волею иду я
В сей страшный путь, молю тебя нам дать
Проводника, чтоб, слуг твоих минуя,	91
76	Лишь мы вошли в их страшные ряды,
Хирон зарубкою стрелы закинул,
Назад за челюсть пряди бороды.	Нам указал, где брод нам отыскать,
И взять его на круп свой согласился:
Ведь он не дух, чтоб в воздухе летать».	94

45. Т. е. здесь и во рву лицедеров (Ада XXIII). Не без основания остались в этих двух местах следы землетрясения, бывшего в минуту кончины Спасителя: в этот день кровавое насилие привело в исполнение то, что было задумано и решено лицедерием.

47-48. Теперь пред очами тиранов и убийц кровь ими умерщвленных поднимается более или менее высоко и бьет горячим ключом, как из свежей раны. Шекспир в последнем монологе Макбета, может быть, имел в виду кровавую реку Данте. Копиш.

56. Баснословные кентавры, чудовища, полулюди, полукони, суть так же символы необузданной животности, как и Минотавр.

63. Кентавр, готовый немедленно пустить смертоносную стрелу, прекрасно выражает дикую склонность насильственников к убийству. Еще более изумимся глубокомыслию поэта, если вспомним, что зверообразные кентавры, символы насилия против ближних, были внуки гневного Флегияса (Ада VIII, 15-24) и дети высокомерного тирана Иксиона и, следовательно, происхождением своим обязаны необузданному гневу и высокомерной гордости. Ко пиш.

64-60. Мудрый Вергилий не хочет иметь дела с необузданным Нессом, но вступает в переговоры с более мудрым Хироном, главою кентавров. Хирон, сын Сатурна и нимфы Филлары, олицетворяет собою (ст. 70-71) самосозерцание, углубление в самого себя и раскаяние, господствующее здесь после неистовства насильвателей на земле. Разверзание огромной пасти у Хирона напоминает скрежетание зубов у Миноса (Ада V, 4). Копиш. — У Хирона, как известно, воспитывался Ахиллес, гнев которого имел такие бедственные последствия.

67-60. Несс, один из кентавров, похитил прекрасную Дианиру, за что и был убит ядовитой стрелой Геркулеса в то время, когда переносил ее на спине через р. Алфей. Чтобы отомстить Геркулесу, он, умирая, дал Дианере любовный напиток, приготовленный из своей собственной крови. Когда потом Геркулес изменил Дианере, она, желая опять привлечь его к себе, смочила кровью кентавра одежду, назначенную для Геркулеса. От этого он подвергся таким страшным мукам, что в отчаянии съел себя на костре.

72. Фол, один из неистовейших кентавров, на брачном пиршестве Пирифоя, царя лапитов, участвовал в похищении его невесты Гипподамии.

*Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд, а трое, выбрав пуки
Острейших стрел, метнулись к нам вперед.
(Ад, Песнь XII, тер. 58)*

- 97 Тут к правому соску Хирон склонился
И молил: «Несс, ве́ди их тем путем,
Где менее всего наш рой столпился».
- 100 Тут двинулись с надежным мы вождем
Вдоль берега кипящей алой крови,
Где кипятся выл страшно люд кругом.
- 103 Я видел сонм, погрявший в кровь по брови,
И нам кентавр: «Казнят тиранов тут, —
Тех кровопийц, которых нет суровей».
- 106 О злобе дел они здесь слезы льют;
Здесь Александр и Дионисий лютый,
Который был так к сицилийцам крут.
- 109 А этот с черной гривой, пресловутый,
Злой Аццолин, и белокурый с ним —
Обиццо д'Эсте, в ад с земли столкнутый

- Не сыном — нет, а пасынком своим». 112
Я на певца взглянул, а он мне: «Надо,
Чтоб этот был здесь первым, я — вторым».
- Немного дальше стал кентавр у стада, 115
Где каждый грешник был по горло весь
В кровь погружен в сем Буликаме ада.
- И Несс: «Смотри, от всех поодаль здесь, 118
Вон изувер, пронзивший в Божьем храме,
То сердце, что на Темзе чтут поднесь».
- Потом мне грешники явились в яме 121
Кто по́ пояс, кто по́ плечи в крови,
И многих здесь признал я в Буликаме.
- Все мельче становились струи 124
И наконец лишь покрывали ноги —
Вот тут-то в брод мы ров и перешли.

88-89. Беатриче (Ада II, 70).

94-99. Несс, когда-то перенесший на спине своей Дианиру через Алфей, теперь точно так же должен перенести и Данте через поток крови (ст. 126 и 139).

107. Комментаторы не согласны между собою, какого Александра разумеет здесь Данте: Александра ли Македонского или Александра — тирана города Ферей в Фессалии. Последний, достигший высшей власти убийством своего брата и жестоко истребивший жителей Скотуссы в Фессалии, скорее может быть поставлен рядом с Дионисием, тираном сиракузским, чем Александр Македонский, о котором с такой похвалою отзывался Данте в своем *Convivio*. Впрочем, древние комментаторы, и в особенности Пиетро ди Данте, сын поэта, разумеют здесь первого.

110. Аццолино или Эццолино ди Романо, или д'Онара, зять Фридриха II, жестокий властитель Тревиджи, наместник императора над большею частию Верхней Италии, один из неистовейших мелких тиранов этого несчастного времени, о чем свидетельствует надпись над его могилою:

Hic jacet Sunzini tumulus canis et Ezzelini
Quem lacerant manes tartareique canes.

В битве при Кассано против властителей Ломбардии он был смертельно ранен, попал в плен и, не допустив перевязать свои раны, умер в Сончино в 1260 г. — Он был среднего роста, черноволос и на лбу, над самым носом, имел длинный черный волос, который поднимался, когда Аццолино приходил в гнев. На это намекает и Данте. Бенвенуто да Имола.

111. Обиццо II, маркиз эстский, властитель Феррары, Модены и Реджио. О его тиранических действиях ничего неизвестно. Данте поместил его в ад, во-первых, потому, что он, как ревностный гвельф, содействовал вступлению Карла Анжуйского в Италию и вместе с ним восстал на Манфреда; во-вторых, потому, что Феррара была отдана ему с неограниченною властью, так что один современный писатель выразился о нем так: *Stipulatione facta syndicus constitutus Obisoni dominium defert plenissimum ita, ut omnia possit justa vel injusta pro suae arbitrio voluntatis. Plus potestatis tunc est illatum novo Domino, quam habet deus aeternus, qui injusta non potest*. По словам Бенвенуто да Имола, он был убит своим сыном, которого Данте за такое злодеяние называет пасынком (*figliastro*).

114. Т. е. Несс объяснит тебе лучше, чем я.

119-120. Этот непоименованный грешник — граф Гвидо Монфор, наместник Карла Анжуйского в Тоскане. В 1271 г., в Витербо, в храме во время совершения литургии, когда возносились освященная

*Вкруг ямы рыщет в тысячах их сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.*

(Ад, Песнь XII, тер. 73)

ПЕСНЬ XII

127 — «Как ток кипучий здесь, в конце дороги,
Мелеет с каждым шагом, так равно
И там», сказал наш спутник быстроногий.

130 Все больше вниз он углубляет дно,
Доколь опять сольется с тою бездной,
Где завывать тиранству суждено.

Там Божий гнев свершает суд возмездный 133
Над Пирром, Секстом, над бичом людей —
Аттилой; там десницею железной

Он выжимает слезы из очей 136
Двоих Реньеров, Паццо и Корнето,
Наполнивших дороги грабежей».

И в брод назад пошел он, молвив это. 139

жертва, Гвидо Монфор пронзил сердце английскому королю Генриху III, сыну Ричарда Корнваллийского, только что возвратившемуся из крестового похода против Туниса, в отмщение за смерть своего дяди, Симона Монфора, графа лейстерского, убитого, по повелению короля, во время возмущения в 1265 г. Пронзенное сердце короля было отослано в Лондон, где на мосту через Темзу поставлена была статуя убитого с чашею в руке, в которой хранилось сердце, с надписью: *Cor gladio scissum do, cui consanguineus sum*. — Не без основания помещен отдельно от прочих грешников убийца, обagrивший кровию Божий храм.

123. Буликаме — собственно, название горячего ключа близ Витербо (о котором подробнее см. примен. к Аду XIV, 79-80); впрочем, так же назывался ключ около Тиволи.

134-135. Аттила — царь гуннов, прозванный бичом земли. — Пирр, царь эпирский, и Секст Помпей (по другим Секст Клавдий Нерон), морской разбойник, воевавший по смерти Цезаря против триумвиров: оба враги римлян, к империи которых Данте везде обнаруживает особенное сочувствие.

137. Реньер да Корнето, грабивший во времена Данте по большим дорогам в Папских владениях. Другой свирепый Реньер, из древней флорентинской фамилии Пацци, из Валь д'Арно, грабил, по повелению Фридриха II, владения римских прелатов, за что со всем своим потомством был отлучен от церкви.

ПЕСНЬ XIII

Второе кольцо седьмого круга: насилие против самого себя. — Гарпии. — Пьер делле Винье. — Сиеней Лано. — Рокко де Моцци.

1	Несс не достиг еще на онпол брода,
Как уж вошли мы в дикий бор одни,
Где не было и тропки для прохода.	25	Вождь, кажется, мог думать, что в сомненьи
Подумал я, не скрылся ль здесь в кусты
От нас народ, рыдавший в отдаленны.
4	В нем, скорчившись, растут кривые пни;
В нем все темно, без зелени, без цвета,
В нем яда полн бесплодный терн в тени.	28	И потому сказал он: «Если ты
Хотя сучок здесь сломишь в роще темной,
То вмиг рассеются твои мечты».
7	В такую глушь бесплодную, как эта,
Не мчится вперь с возделанных полей,
Меж Чéчины лежащих и Корнета.	31	Вблизи от нас терновник рос огромный;
Я ветвь сломил с него, но пень с тоской:
— «За что ломаешь?» простонал мне томно.
10	Вьет гнезда там рой гарпий, гнусных фей,
Прогнавших рать троян с Строфадов
криком,
Предвестьем грозных будущих скорбей.	34	И, почернев от крови пролитой,
Вскричал опять: «Что множишь мне
мученья?
Иль жалости не знаешь никакой?»
13	С широкими крылами, с женским ликом,
С когтиами на лапах, с чревом птиц, они
На странных пнях кричат в смятеньи диком.	37	Мы были люди, ныне мы растенья,
Но будь мы души змей самих, и к ним
Иметь ты должен больше б сожаленья».
16	— «Здесь, прежде чем пойдем мы», начал мне
Мой вождь, «узнай: ты во второй долине,
И будешь ты дотоле в сей стране,	40	Как с одного конца горит, другим
Шипит и пенится сучок зеленый
И на ветер, треща, бросает дым, —
19	Пока к ужасной не придешь пустыне;
Смотри ж теперь и ты увидишь то́,
Чтó подтвердит слова мои огньи».	43	Так исходили здесь и кровь, и стоны,
И, уронив ту ветку, я стоял
Как тот, кто в страхе ищет обороны.
22	Со всех сторон я слышал вой, но кто
Стонал и выл — не видел и в смятеньи
Я стал, от страха обращен в ничто.	46	— «Злосчастный дух!» мудрец мой отвечал,
«Когда б мой спутник верить мог преданью,
Которое в стихах я рассказал, —

2-6. Непроходимый дикий бор, здесь изображенный, со скорченными деревьями, не приносящими ничего, кроме бесплодного терна, уже вообще представляет картину того болезненного состояния, того дикого ожесточения, в котором теряется душа, наклонная к самоубийству. Коппиш.

9. Чечина — река, впадающая в море на юг от Ливорно; Корнето — город в Папских владениях. Страна между Чечиной и Корнето известна под именем Мареммы — поморье, отличающееся нездоровым климатом, обилием водящихся здесь кабанов и змей.

10-15. Наклонность к самоубийству возникает вследствие слишком мрачного, как бы извращенного представления будущего. Эти представления олицетворены здесь в образе гарпий, смутивших Энея и его спутников страшным предзнаменованием в то время, когда они пристали к Строфадам, островам на Ионическом море, и изгнавших их оттуда осквернением пищи (Aen. III, 254-277).

17. Т. е. во втором отделе седьмого круга, где наказуются самоубийцы и расточители своих имений (Ада XI, 40).

19. Ада XIV, 4.

*С широкими крылами, с женским ликом,
С когтями на лапах, с чревом птиц, они
На странных пнях кричат в смятеньи диком.*

(Ад, Песнь XIII, тер. 13)

- 49 Он до тебя и не коснулся б дланью.
Я сам скорблю, что ваш чудесный плен
Подвиг меня к такому испытанью.
- 52 Скажи ж, кто ты, чтоб скорби сей взамен
Он освежил тебе цвет славы шаткой,
Придя на свет из мрака адских стен».
- 55 И терн: «Так сильно манишь речью сладкой,
Что не могу молчать, и для того
Прилипнуть дайте мне к беседе краткой.
- 58 Я тот, кому от сердца своего
Доверил Фридрих два ключа, чтоб ими
Я запираю и отпираю его,
- 61 Так что он тайн уж не делил с другими;
Я ж, преданный весь долгу, средь трудов
Сил не берег и сон утратил с ними.

- Блудница ж та, что с кесарских дворцов
Бесстыжих глаз вовек не отвращала,
Смерть общая и язва всех дворов,
- Против меня весь двор воспламеняла
И, Августу то пламя передав,
Свет радости в мрак скорби превращала
- Тогда мой дух, надежду потеряв,
Мечтал, что смерть спасет меня от гнева,
И, правый, стал я пред собой неправ.
- Но корнем этого, клянусь вам, древа:
Всегда хранил я верности обет
И не ронял достоинства царева.
- Так пусть же тот из вас, кто узрит свет,
Там честь мою спасет от поруганья
И отразит завистников извет».

21. Намек на Энеиды III, 22 и д., где Эней повествует, как он, прибыв, по разрушении Трои во Фракию, услышал голос Полидора, одного из Приамидов, превращенного в дерево, с которого Эней сломил ветви для увенчания жертвенника. К этому же рассказу относятся и дальнейшие слова Вергилия, ст. 46-49.

57. В подлиннике: *a ragionar m' invesci. Invescarsi* (от лат. *viscum*, клей, употребляемый для ловли птиц), собственно, значит прилипнуть к ветвям, намазанным птичьим клеем, *se prendre au gin* (Vocab. Dantesco par L. G. Blanc). Душа грешника, сознавая невинность свою в приписываемом ей преступлении, увлеченная надеждою, что память о ней опять с честью восстановится между людьми, охотно вступает в разговор, так сказать липнет к беседе, как птица, привлеченная приманкой, липнет к ветвям, намазанным клеем. Штрекфусс.

58. Этот говорящий — Пиетро делле Винье, секретарь и любимец императора Фридриха II. Он родился в Капуе от бедных родителей, учился в Болонье и, обладая красноречием, знанием юриспруденции и поэтическим талантом, скоро поступил в секретари к императору, которому много помогал в издании законов. От него остались одни из первых и лучших сонетов и собрание писем. Вскоре он впал в немилость, был заключен в темницу и, по словам некоторых, ослеплен по повелению императора. В отчаянии он умертвил себя, бросившись из окна темницы в то время, когда император проходил мимо, или, как другие уверяют, раздробив себе голову о стену в церкви St. Andrea в Пизе. Причина немилости к нему императора неизвестна: одни говорят, что он открыл замыслы своего государя врагу его, папе Иннокентию IV, другие, что он, по соглашению с тем же папою, хотел отравить его. Винье был очень богат, а потому немудрено, что имел много завистников. Данте оправдывает его в приписанном ему преступлении, которое, впрочем, никогда не было доказано. Филалет.

59. Под именем ключей (в подлиннике: *ambo le chiavi*) комментаторы разумеют способность возбуждать по произволу любовь и ненависть в одном и том же сердце.

59-61. Бенвенуто да Имолла в доказательство, как велико было доверие Фридриха к Винье, приводит следующее: во дворце в Неаполе находилась на стене картина, на которой император был представлен сидящим на троне; подле него на ступенях трона стоит Пьетро делле Винье; внизу народ умоляет государя о правосудии следующими словами:

Caesar amor legum Friederice piissime Regum
Causarum telas nostrarum solve querelas;

на что Фридрих отвечает:

Pro vestra lite Censorem juris adite,
Hic nam jura dabit vel per me danda rogabit:
Vinea cognomen Petrus est sibi nomen.

*Вблизи от нас терновник рос огромный;
Я ветвь сломил с него, но пень с тоской:
— «За что ломаешь?» — простонал мне томно.
(Ад, Песнь XIII, тер. 31)*

<p>79 И, выждав миг, — «Среди его молчанья»,
Сказал поэт, «минут теперь не трать
И спрашивай, коль есть в тебе желанья».</p>	<p>Он падает в сей лес и, как пришлось,
Лежит на дне, куда повергнет рок,
Где и пускает стебель, как колос проса.</p>
<p>82 Но я ему: «Сам спроси опять
О всем, что мне сочтешь полезным ведать:
Душа скорбит; нет сил мне вопрошать».</p>	<p>И ствол растет искривлен и высок,
И гарпии, кормясь его листьями,
Творят тоску и для тоски исток.</p>
<p>85 И вождь: «О, если хочешь ты отведать,
Как рад тебе помочь сей человек,
То, узник-дух, благоволит поведать,</p>	<p>Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внидем: правый суд небес
Нам не отдаст, что отняли мы сами.</p>
<p>88 Как в эти пни здесь души суд облек,
И, если можешь, объясни: ужели
Из членов сих не вырваться им ввек?»</p>	<p>Потащим их мы за собою в лес;
У каждого из нас в бору угрюмом,
Повиснет тело на шипах древес».</p>
<p>91 Тут колючий терн вздохнул еще тяжеле,
И вздох его сложился так в слова:
— «Короткий дам ответ: как скоро в теле</p>	<p>Вниманья полн, весь предан грустным думам,
Еще я ждал от терна новых слов,
Как был смущен внезапно страшным шумом,</p>
<p>94 Свирепый дух все узы естества
Расторгнет самовольно, суд Миноса
Уж шлет его в жерло седьмого рва.</p>	<p>Как тот ловец, к кому из-за кустов
Несется вепрь и вслед за ним борзые
При треске сучьев, громком лае псов.</p>

64. Зависть.

67-72. Эта украшенная речь, наполненная антитезами и другими риторическими фигурами, где имя Кесаря и Августа поставлено вместо императора, вполне соответствует характеру ловкого, классически (по-тогдашнему) образованного придворного. Филалет.

73. Но корнем этого, клянусь вам, древа, потому что Винье умер незадолго до рождения Данте и, следовательно, недавно находится в аду.

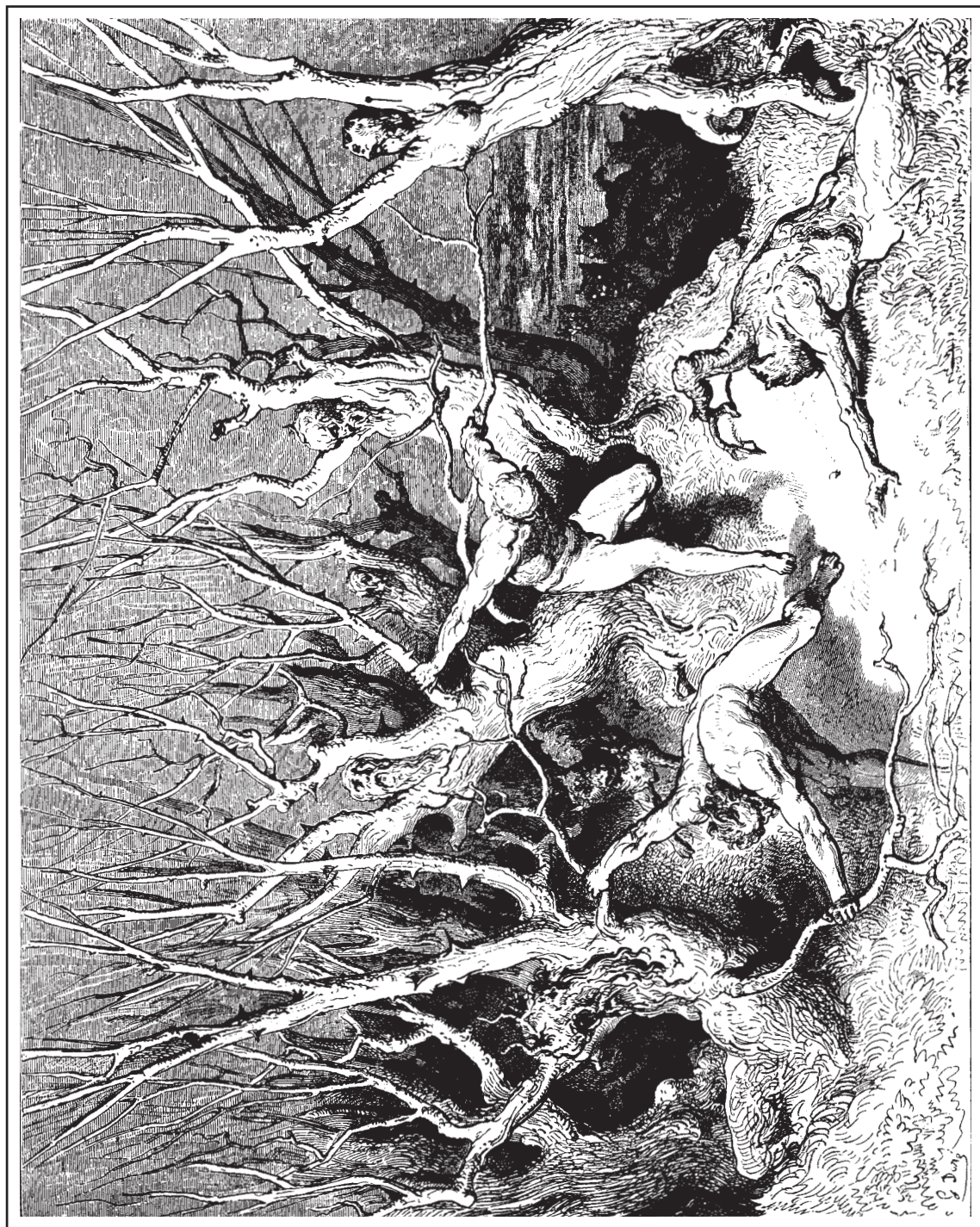
75. Винье, высоко ценящий Фридриха за его действительные заслуги, не знает, что он, как еретик, казнится в шестом кругу ада, потому что тени грешников не могут знать настоящего (Ада X, 100-108). Ломбарди.

94-108. В этих стихах обстоятельнее изображена казнь (внутреннее состояние души) самоубийц. «Когда душа, предавшись мрачным думам, утратит разум и, в отчаянии, насильственно отторгнется от тела: тогда в сознании своей недостойности носить человеческий образ она как бы нисходит на низшую ступень в лестнице жизни; нарушая закон, которому инстинктивно повинуются все животные, — закон самосохранения, она превращается в безобразно скорченный, бесплодный терновник, на ветвях которого смутные представления будущего, подвигшие ее на преступление, гнездятся вечно в образе отвратительных гарпий. Ей уже нет от них более защиты, и только бесполезными жалобами она проявляет свою жизненность. Если и возвратится ей когда-нибудь тело, то лишь затем только, чтобы оно, повиснув на ее ветвях, вечно напоминало ей о ее преступлении. Обитать в теле она и сама считает себя недостойною». Копиш.

97-98. Намек на то, что самоубийцы все заслуживают одного наказания, что между ними нет различия в виновности, как между другими насильниками, ибо у всех была одна цель — прекращение собственной жизни. Каннегиссер.

102. В подлиннике: *Fanno dolore, ed al dolor finestra*, т. е. причиняют боль, ибо эти листья составляют как бы плоть и члены грешников и, нанося раны, дают заключенному духу путь выражать стонами и вздохами свою боль. В е н т у р и.

109. В числе насильников против самих себя казнятся и те, кто делал насилие своему имению (Ада XI, 43-44), безумные моты, особенно азартные игроки; их не должно смешивать с теми, которые расточали свое имяние в удовольствиях (Ада VII). — «Как эти последние провели всю жизнь свою в бессмысленных

*И вот, в крови, налево, к нам нагие
Несутся двое с скоростью такой,
Что вокруг ломают сучья пней кривые.*
(Ад, Песнь XIII, тер. 115)

ПЕСНЬ XIII

115	И вот, в крови, налево, к нам нагие
Несутся двое с скоростью такой,
Что вокруг ломают сучья пней кривые.	И говорит: «О Якоп Сант'Андреа!
Что вздумалось тебе за куст мой лечь?
Моя ль вина, что вел ты жизнь злодея?»	133
118	Передний был: «О смерть, укрой,
<div style="text-align: right;">укрой!»
Меж тем другой, не столько быстроногий,
Вопил: «О Лан, с потехи боевой</div>	Мой вождь, чтоб душу в разговор вовлечь,
Став пред кустом, спросил: «Кто ты,
в котором
Из стольких ран струится кровь и речь?»	136
121	«При Топпо так тебя не мчали ноги!»
И, к ближнему кусту во весь опор
Примчась, свился с ним в узел от тревоги.	И куст в ответ: «О души! Вы, чьим взором
Здесь довелось увидеть казнь того,
По чьей вине растерзан я с позором! —	139
124	За ними вдруг наполнили весь бор
Станицы псиц голодных, черной масти,
Как стан гончих, спущенных со свор.	Сберите сучья терна моего!
Я в граде жил, сменившем столь коварно
Старинного патрона своего.	142
127	Но не избег укрывшийся их пасти:
Псы, растерзав его в куски, в куски
Размыкали трепещущие части.	За то он губит град неблагодарный
Своим искусством, и когда бы снят
Был истукан его с моста на Арно,	145
130	Тут вождь подвел меня за кисть руки
К тому кусту, который, кровью рдея,
Без пользы был сквозь сломанны сучки, | То граждане средь пепла и громад,
Оставленных Аттилой при разгроме,
Вотще б трудились, воздвигая град.

Повесился там в собственном я доме!» | 148

151 |

стремлениях, так первых преследовали необузданные страсти, олицетворенные в аду в образе псид (древние называли гарпий псидами Зевса); в отчаянии призывают они смерть, но смерть не является: душа не умирает; с ужасом, ища спасения от вечно преследующих забот и страстей, кидаются они на первого, им на пути встретившегося; но, вреда другим, тем скорее становятся жертвою своих собственных внутренних и внешних гонителей». Штрекфусс.

120. Лано, сиенец, один из членов знаменитого клуба гастрономов в Сиене, о котором упоминает Данте (Ада XXIX, 130), промотав все свое огромное имущество самым беспутным образом, отправился с войском сиенцев в Арещо на помощь флорентинцам. В сражении при Ниве дель Топпо, где сиенцы были разбиты, он, опасаясь угрожающей бедности и потому тяготясь жизнью, бросился в ряды неприятелей, где и погиб, несмотря на то, что мог бы спастись бегством. Поэтому другая тень упрекает его в том, что при Топпо он не был так скор, как теперь. В сражении он искал смерти и нашел, здесь он ищет ее и не находит.

121. Сражение при Топпо. В 1288 г. гвельфы городов Тосканы сделали вторжение во владение гибеллинского города Ареццо и, по обычаю, в день Иоанна Крестителя, праздновали турнир под стенами города. Но на возвратном пути сиенцы, слишком рано отделившиеся от флорентинцев, около местечка Ниэве или Пиеве дель Топпо, в Валь ди Кьяне, наткнувшись на засаду ареццинцев и были разбиты наголову. Сражение это Данте называет боевою потехой (*giostro*). Giov. Villani. L. VII. с. 120.

133. Якопо, падуанский дворянин, из фамилии Сант'Андреа, знаменитый мот своего времени. Как пример его безумной расточительности, рассказывают, что однажды, гуляя по р. Бренте, он забавлялся тем, что под звук музыки бросал множество золотых монет в реку; в другой раз он зажег свою виллу для того, чтоб показать гостям своим великолепное зрелище пожара. Бенвенуто да Имола.

143-150. Здесь разумеется Флоренция.

151. Неизвестно, кто этот говорящий самоубийца. Одни называют его Рукко де' Моцци, другие Лотто дельи Альби. Последний был флорентинец, который, промотав свое богатство, для получения денег произнес неправильный приговор судебный и потом в отчаянии повесился в собственном доме.

ПЕСНЬ XIV

Третье кольцо седьмого круга: насилие против Бога. — Капаней. — Старец Критский. — Происхождение адских рек.

<p>1 К родной стране подвигнутый любовью,
Я, подобрав сучки, их возвратил
Тому, чей куст уж чуть храпел под кровью.</p> <p>4 Здесь мы пришли туда, где смежен был
С вторым отделом третий, где суровый
Суд праведный весь ужас свой явил.</p> <p>7 Чтоб начертить верней вид казни новый,
Скажу, что в степь пришли мы наконец,
Где с ложа содраны всех трав покровы.</p> <p>10 Ту степь обвил лес скорби, как венец.
Как был и лес обвит рекой жестокой;
Здесь на меже со мною стал певец.</p> <p>13 Весь грунт там был песок сухой, глубокий,
Подобие имевший с степью той,
По коей шел Катон в поход далекий.</p> <p>16 О Божья месть, как должен пред тобой
Смириться в страхе каждый, кто читает
О том, что здесь я видел пред собой!</p> | <p>Стада нагих теней там взор встречает, 19
Все горько плачут в бешеной тоске;
Но, мнится, суд различный их терзает:</p> <p>Одни лежат там навзничь на песке, 22
Сидят другие скорчась в страшном поле,
А третьи вечно ходят вдалеке.</p> <p>Теней кругом ходивших, там всех боле, 25
Под мукой же лежавших меньше всех,
Зато сильнее скорбят о лютой доле.</p> <p>Дождит огонь на всех полянах тех, 28
Спускаясь тихо длинными клоками,
Как падает без ветра в Альпах снег.</p> <p>Так Александр над храбрыми войсками 31
Зрел в Индии, в давно минувши дни,
Огонь, сходявший до земли клубами,</p> <p>Причем войскам велел он, чтоб они 34
В песок топтали каждый пламень ярый,
Пока все вместе не слились огни.</p> |
|--|--|

5. Во втором отделе седьмого круга казнятся насильники самих себя. (Ада XI, 40 и д.); в третьем отделе, в который теперь вступают поэты, казнится насилие против Бога (Ада XI, 40-51).

10-11. Лес самоубийц (Ада XIII, 2 и д.); река жестокая — кровавая река, в которую погружены насильники ближних (Ада XII, 46 и д.). Здесь, как и во многих других местах, поэт делает наглядным воронкообразное устройство ада с его кругами, суживающимися все более и более ко дну бездны (Ада IV, 7 и примеч.).

15. Т. е. подобный пескам Ливийской степи, по которой Катон Младший провел остаток римских войск по смерти Помпея для соединения с войском Юбы, царя нумидийского. Lucan. Pharsal. XI.

22-24. Богохулителю лежат; ростовщики сидят, скорчившись (Ада XVII, 35-78); содомиты вечно мчатся (Ада XV, 16 до XVI, 89). Последних всех более — намек на чрезвычайное распространение этого порока в Италии во времена Данте.

28-29. О значении огня в поэме Данте мы говорили выше (Ада VIII, 73 и IX, 127, примеч.). Здесь еще яснее показано значение этой стихии. — «Огонь божественной любви и истины, этот источник вечного блаженства праведных, этот путь очищения для кающихся, даже для доблестных героев в Лимбе разливающий яркий свет, огонь этот, как мы видели, уже для отрицателей бессмертия (Ада IX, 127 и примеч.) составлял орудие вечной муки. Но для еретиков он еще не проявляется в виде огня: он раскаляет только их могилы, эти символы вечной смерти, которую они проповедовали. Только здесь, в сознании душ, согрешивших непосредственно перед Богом, только здесь, в обители насилия против Бога, божественный огонь становится прямым орудием казни. Но и здесь нисходит он не в виде света, но отдельными жгучими клоками, потому что полное божественное познание недоступно грешникам: только отдельные искры божественного огня любви и истины долетают до них; только отдельные мысли о Боге доступны им, но и те нисходят к ним, как муки, не светят, но только сжигают их. Согрешив непосредственно перед Господом или богохулением, или противоестественным осквернением любви, или осквернением искусства — лихоимством, они разделились на три стада, из которых каждое испытует свою меру казни. Богохулителю, пораженный как бы громом, лежат в бесплодной песчаной

степи; в дерзком бессилии, они и теперь еще вызывают на спор небо, и эта непомерная гордыня сильнее, чем проявление любви божественной в пламени, карает их безумство — мысль глубокая, олицетворенная в Капанее! — Второе стадо, осквернившее любовь, вечно бежит с ужасом от чистого ее пламени, прожигающего вечным клеймом позора чело оскверненных; тогда как для обратившихся с любовью к Богу (Чист. XXVII, 23-57), для блаженной Беатриче (Ада II, 93), для самого язычника Вергилия, это пламя не губительно. Наконец, третье стадо — ростовщики — так сказать, свертываются сами в себя, еще доселе крепко сжимают пустые мешки из-под золота и тщетно стараются удалить от себя мысль о благодати Божией, против которой согрешили, — эти клоки пламени, которые, падая на них беспрестанно, сжигают их». Копиш.

36. Пока все вместе не слились огни, т. е. пока отдельные волны пламени не слились вместе. Неизвестно, откуда заимствовал Данте это сказание об Александре Великом; может быть, он почерпнул его из подложного письма Александра к Аристотелю; в этом письме между прочими удивительными рассказами об Индии говорится и об огненном дожде.

<p>37 Так точно там спускаются пожары,
Чтоб зажигать, как под огнивом трут,
Пески степей для удвоенья кары.</p> <p>40 Как в танце tresca, — век не тихнет труд
Несчастных рук, которыми те хоры
Жар свежий с тех стряхают там и тут.</p> <p>43 И начал я: «Учитель, ты, который
Все победил, кроме нечистых сил,
При входе в град с тобой вступивших в споры, —</p> <p>46 Кто сей гигант, кто, словно позабыв
Пожар, лежит надменный и столь гордый,
Что, мнится, дождь его лишь не смягчил?»</p> <p>49 Тогда вскричал сам великан простертый,
Познав, что я о нем спросил певца:
— «Каков я был живой, таков и мертвый!</p> <p>52 Пусть Зевс измучит сына-кузнеца,
Из чьей руки взял в гнев молний стрелы
Пронзить мне грудь в день моего конца;</p> | <p>Пусть утомит и в безднах Монджибеллы,
У черных горнов, всю его семью,
Крича: „Вулкан, спаси, спаси, о смелый!“</p> <p>Как восклицал в Флегрийском он бою, 55
И пусть громит меня он всею силой, —
Все ж не вполне он вкусит месть свою».</p> <p>Тогда мой вождь вскричал с такою силой, 61
Как никогда он не взывал громчей:
— «О, Капаней, за то, что и могилой</p> <p>Не укрощен, наказан ты больней, 64
И злость твоя жесточе всякой казни
Карает грех надменности твоей!»</p> <p>И мне потом сказал он, полн приязни: 67
— «Он был в числе семи царей у Фив;
Пред Господом не ведал он боязни</p> <p>И, как сперва, поныне нечестив; 70
Но, как я рек ему, клеймом достойным
Ему послужит гордых дум порыв.</p> |
|---|--|

40. В подлиннике: *Sanza riposo mai era la tresca Delle misere mani*. Tresca — особого рода танец, бывший в моде во времена Данте в Неаполе и состоявший в том, что пляшущие становились друг против друга, причем один из них, которому все должны были подражать, подымал то ту, то другую, то обе руки вместе, откидывал их то туда, то сюда и вертелся то в ту, то в другую сторону: стало быть, отмахивание рук грешников сравнено с этим танцем чрезвычайно метко. Бенвенуто да Имола.

44-45. Т. е. у врат огненного города (Ада VIII, 115 и д.).

51-60. Этот говорящий гигант — Капаней, мифическое лицо, выведенное Данте как символ порока, здесь наказуемого, подобно Миносу, Церберу, Плутону, Флегиясу, Минотавру и др., один из семи царей, осаждавших Фивы в междоусобной войне братьев Этеокла и Полиника. — Данте не без умысла умалчивает здесь о других богохульниках, ибо все безумие этого греха сосредоточивает в одном языческом образе хулиателя Зевса. Копиш.

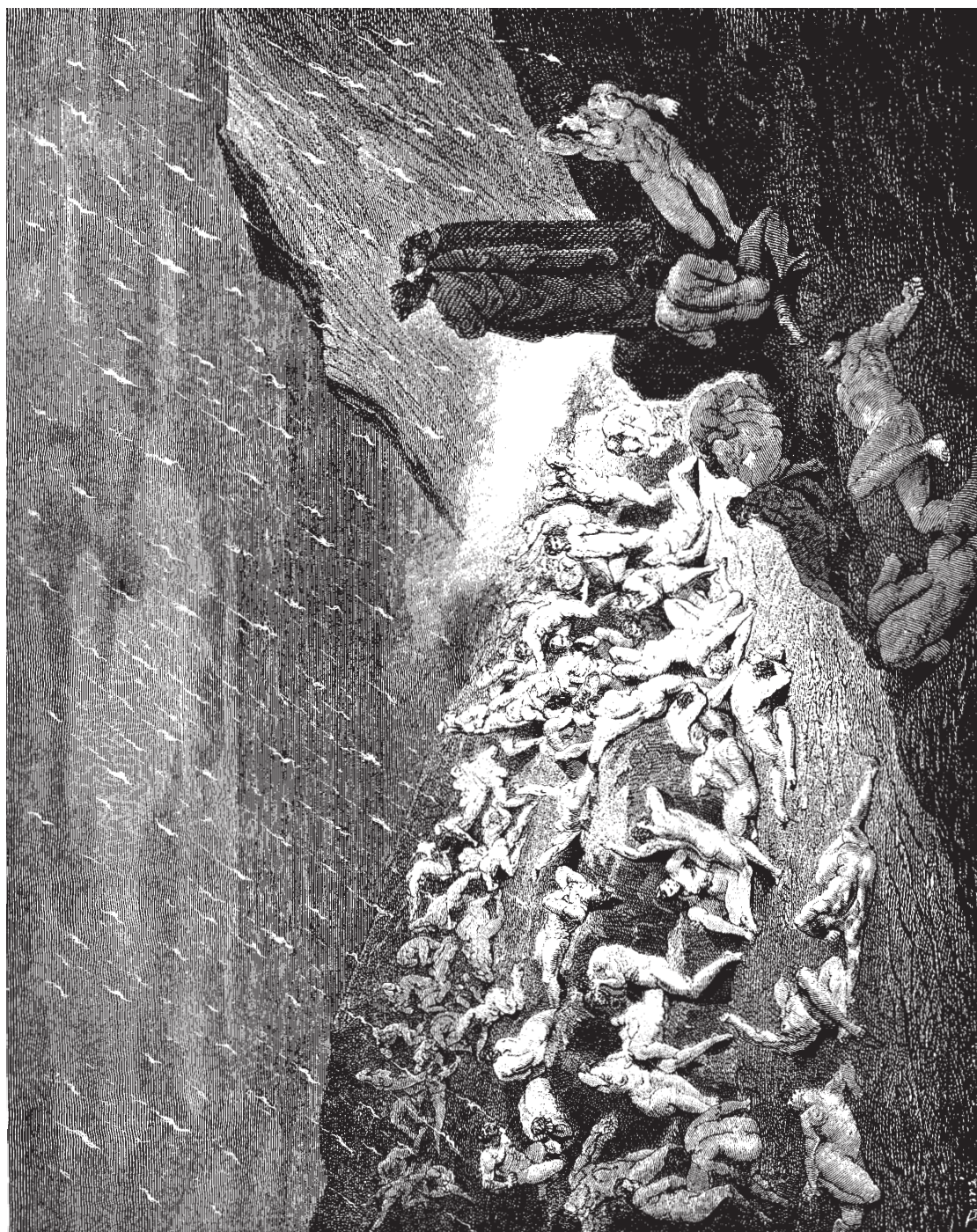
55. Монджибелло (от араб. гибэль, гора) — народное название Этны, в недрах которой, согласно мифологии, Вулкан с циклопами ковал молнии для Юпитера.

58. Капаней намекает на войну гигантов в фессалийской долине Флегре против Зевса и других богов, где гиганты были побиты молнией, выкованной Вулканом Юпитеру.

79-80. Горячий серный ключ Буликаме на расстоянии полмили от Витербо, есть бассейн горячей воды, имеющий вид раковины. Его вода, особенно пригодная для вымачивания конопли и льна, во времена Данте проведена была каналами в различные бани; служила ли она для той цели, на которую намекает Данте, неизвестно; впрочем, недалеко от него находится другой горячий ключ, который и поныне называется *Bagno delle Donne*. Филалет.

86. Т. е. первые врата ада (Ада III, 1 и д.).

94-120. Здесь описывается статуя Времени — одна из глубокомысленнейших аллегорий Данте. Статую Времени Данте помещает на острове Крите, — отчасти для того, чтобы аллегорию свою примкнуть к циклу греческих мифов о Кроносе, царствовавшем в золотом веке, почему и сделан намек (100-102) на Рею, мать Зевса, которая спасла своего сына от алчности отца его тем, что повелела корибантам, жрецам своим, заглушать своими криками и звуками кимвалов детский плач его; отчасти потому, что Крит, как замечает Ландино, находится между тремя тогда единственно известными частями Старого Света, а потому может

Одни лежат там навзничь на песке,
Сидят другие скорчась в страшном поле,
А третьи вечно ходят вдалеке.
.....
Дождит огонь на всех полянах тех <...>
(Ад, Песнь XIV, тер. 22)

73 Теперь иди за мною; но по знойным,
Пескам степей не направляй следа:
Вблизи лесов пойдем путем спокойным».

76 В молчании достигли мы туда,
Где выбегал из лесу ключик малый,
Чей красный цвет мне страшен навсегда.

79 Как Буликаме бьет ключом в каналы,
Где грешницам убежище дано, —
Так здесь в песках поток струился алый.

82 Его бока с откосами и дно
Был голый камень: здесь-то, мне казалось,
И был наш путь, где проходить должно.

85 — «Среди всего, что здесь тебе являлось
С тех пор, как мы вошли в ворота те,
Где всем порог доступен, не встречалось

88 Нам ничего столь важного нигде,
Как этот ключ, достойный замечанья,
Над коим гаснут все огни в дожде».

Так вождь сказал и, алчущий познания, 91
Я стал просить, чтоб пищи дал пиит,
К которой так возжег во мне желанья.

И вождь: «Есть в море дикий остров, Крит, 94
По имени, при чьем царе обида
И брань смущать не смели юный быт.

Гора там есть: она прозваньем Ида, 97
Встарь вся в ключах и в зелени лесов,
Теперь грозна угрюмостью вида.

Нашла там Рея сыну верный кров; 100
Там от отца он тем лишь был избавлен,
Что детский плач крик заглушал жрецов.

Гигантский старец в той горе поставлен: 103
Обращены к Дамьетте рамена,
Но лик, как в зеркало, на Рим направлен.

Глава его из золота создана, 106
Вся грудь из чистого серебра, а дале
До самых бедр простая медь одна.

быть принят за символ всего земного шара. Старец помещен внутри горы: это указывает на таинственность времени и непостижимость его происхождения. Он стоит прямо, лучшею своей частью — золотой головою — обращенный к небу; к земле, к аду — он слагается из материалов все худшего и худшего достоинства. Эти различные материалы — золото, серебро, медь и железо — означают четыре века человечества. Спину старец обращен к Дамьетте, городу в Египте: это потому, что род человеческий берет свое начало на Востоке (Египет причислялся тоже к Востоку), от которого, однако ж, с введением христианства он отвратился, как от колыбели язычества. Взор старца устремлен на Рим, как на город, от которого, по понятию Данте, зависит спасение мира. Одна нога статуи глиняная: этим обозначается возрастающая с каждым днем изнеженность, развращение и нравственная порча человечества; нога эта правая, потому статуя Времени и упирается на нее сильнее, чем на левую. Ноги статуи означают четвертый, последний период времени или владычество римлян, причем левая означает Рим языческий от его начала до распространения христианской веры в Римской империи — она железная, потому что римляне в первые семь веков своего владычества отличались воинственностью, строгостью нравов, суровым законодательством, силою характера. Напротив, правая нога из глины означает Рим христианский или Римско-германскую империю, — период, когда политическое и нравственное состояние времени отличалось распадением и порчею, и все христианство времени Данте представляло хаотическое брожение. Нравственный смысл аллегории заключен собственно в ст. 112-115. Морщины покрывают все части тела, кроме головы, литой из золота: только в золотом веке не знал человек горя; но с первым грехопадением, с началом серебряного века, являются на свет и грехи, и горести. Затем смелым оборотом мысли Данте опять связывает нравственный смысл своей аллегории с мифическим: слезы сливаются и, проточив пещеру, в которой стоит старец, пролагают себе дорогу в бездну ада и здесь образуют четыре мифологические реки. Самые реки, по толкованию древних комментаторов, основанному на этимологическом значении их имен, означают четыре степени греховности или, вернее, греховного горя: Ахерон, первая река, через которую Харон перевозит грешников, есть утрата всех радостей; Стикс, где ходит ладья Флегияса, означает отчаяние; Флегетон, через который Несс переносит Данте, значит огненные терзания совести, и наконец Коцит означает громкий плач и скрежет зубов грешников. От греха происходит все наше горе (Ада XXXIV, 36): потому поток горестей, возникая вследствие современного разврата, стремится реками

- 109 Оттоле вниз стопы из лучшей стали,
Лишь правая из глины; подпертой
Стопою правой, он стоит в печали.
- 112 На каждой части, кроме золотой,
Прорезаны струями слез морщины,
И слезы те, пробив здесь грот пустой,
- 115 Бегут со скал, по склону сей долины,
В Стикс, Ахерон и Флегетон; потом
Свергаются вдоль узкой сей ложины
- 118 В тот круг, где дальше схода нет, и в нем
Падут в Коцит; на что ж Коцит походит,
Увидишь сам, и я молчу о том».
- 121 И я: «Но если на земле исходит
Источник сей, то почему же он
Лишь только тут впервые к нам выходит?»
- 124 А вождь: «Сей край, ты знаешь, округлен
И хоть далеко ты проник в пучину,
Все влево в ад спускаясь чрез наклон, —

- Все ж не обойден круг и в половину; 127
Итак при виде новых здесь вещей,
Дивиться так имеешь ли причину?»
- И я: «Где ж Лета? Ты молчишь об ней; 130
О Флегетоне ж только то заметил,
Что он возник из слез в пучине сей».
- «Хвалю твои вопросы», он ответил, 133
«Но ты и сам решишь один из них,
Коль клокотанье алых волн подметил.
- «Найдешь и Лету, но не в безднах сих, 136
А там, куда душа идет омыться,
Когда покается в грехах своих.
- Но нам пора от леса удалиться; 139
Старайся же идти мне вслед: взгляни,
Гранит плотин не может раскалиться,
- Затем что пар здесь гасит все огни». 142

слез к отцу всякой скорби, к Люциферу, где и замерзает в Коците, там, куда тяготеет всякая тяжесть, где скопляется всякое горе (Ада XXXIV, III). Каннегиссер. Копиш. Филалет.

100-111. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его — железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Даниила, II, 32, 33.

114-119. Очень вероятно, что четыре адские реки, по представлению Данте, образуются одна из другой: таким образом источник Стикса в четвертом круге (Ада VII, 101-108) имеет подземную связь с Ахероном, а Флегетон (кровавая река первого отдела седьмого круга), в свою очередь, происходит из Стикса, воды которого, протекая под огненным городом шестого круга, нагреваются до точки кипения. Побочный рукав Флегетона, который теперь перед поэтами, вероятно, тоже протекает под землю под лесом самоубийц, что подтверждается самим глаголом, употребленным в ст. 76, *spicciare*, что значит — бить из земли ключом; а также тем, что Данте, до сих пор шедший с левой стороны, впоследствии, перейдя поперек песчаную степь, идет уже по правому берегу потока, не упоминая нигде о своей переправе через него: из этого должно заключить, что он, вероятно, обогнул поток при самом его истоке. Филалет.

131-135. Слово Флегетон происходит от греч. *φλέγω*, *φλέγεω* (горю). Вергилий удивляется, почему Данте не узнает Флегетона в кровавом кипятке этого потока. Это место комментаторы приводят как доказательство тому, что Данте знал греческий язык, что очень сомнительно.

136-138. Лету, реку забвения, Данте находит на вершине чистилища (Чист. XXVIII, 25-130).

142. Берега потока каменные и потому защищены от огня. В заключение этой песни приведем следующее замечание: «На внешней окружности круга скупых и расточителей Данте встретил источник; имея его справа, Данте спустился в круг гневных: здесь источник вливается в Стикс. Оставив его, поэт делает длинный обход, опять направляясь влево, к высокой башне, где его принимает в ладью Флегиас. Но так как Данте может идти сквозь огненный дождь только под защитой паров потока, то он, раз покинув его, теперь по необходимости должен к нему возвратиться, а так как поток протекает прямо и Данте, взяв влево, от него удалился, то он должен был повернуть направо, чтобы опять возвратиться к потоку; он так и сделал при первой к тому возможности, именно в то время, когда он вступил в круг еретиков. Это объяснение показывает, с какою точностью Данте задумал малейшие топографические подробности своего ада и как сильно он рассчитывал на сосредоточенное внимание читателя». Бре де ла Мат.

ПЕСНЬ XV

Третье кольцо седьмого круга: насилие против природы; содомиты. — Брунетто Латини. — Франческо д'Аккорсо. — Андреа де'Моцци.

<p>1 И так мы шли по каменной плотине,
Где дым с ручья, сгущаясь средь высот,
Гасил огонь в волнах и на твердыне.</p> <p>4 Как воздвигают меж Гуцандтских вод
И Бригге, против грозного набега
Валов морских, фламандцы свой оплот</p> <p>7 И как вдоль Brentы падуанцы с берега
Плотины строят подле vill своих,
Покуда зной не сгонит с Кернтов снега, —</p> <p>10 Таков здесь вид плотин береговых,
Хоть здесь не столь громадно и высоко
(Кто б ни был он) строитель создал их.</p> <p>13 Уж были мы от леса так далеко,
Что усмотреть его не мог бы взор,
Когда б назад к нему вперил я око.</p> <p>16 Тут вдоль плотин нам повстречался хор
Теней, на нас глядевших в беге скором,
Как в новолуние вечером дозор</p> | <p>Глядит, с другим встречаясь дозором, 19
И как, прищурившись, старик-портной
Ушка иголки ищет слабым взором, —</p> <p>Так нас искал зеницами их строй. 22
Вдруг кто-то взял меня за полу платья
И завопил: «Вот чудо предо мной!»</p> <p>И я — лишь тот простер ко мне объятья — 25
Взглянул на лик его, и черный цвет
Лица, прожженного клеймом проклятья,</p> <p>Не помешал узнать мне с детских лет 28
Знакомый образ. Наклонясь, с тревогой
Воскликнул я: «И вы здесь, вы, Брунет?»</p> <p>А он: «О, сын мой, не вини ты строго, 31
Коль я, Брунет, с тем строем отлучась,
Назад с тобой пройду еще немного!»</p> <p>Но я: «О том и сам молю я вас 34
И, если вам угодно, с вами сяду,
Дозволь лишь тот, с кем шел я здесь сейчас».</p> |
|--|---|

1-3. Флегетон, мы видели (Ада XIV, 141), протекает между двумя набережными. Набережные эти каменные, а потому не могут загораться от падающих ключев огня; вообще огонь здесь и не падает, потому что гаснет в парах, поднимающихся с кипящей реки.

4. Гуцандт, или Виссант — небольшой остров к северо-западу от Брюгге, некогда имевший город и несколько деревень, но впоследствии все более и более уменьшавшийся от напора морских волн, что и заставило голландцев устроить здесь большую плотину.

7-9. Brenta, р. в Верхней Италии, протекает чрез падуанские владения и берет свое начало в той части Альп, которую в старину называли Киаментана, ныне Кернтские Альпы. Они покрыты снегом, который, тая от жара весною, заставляет Brentу выступать из берегов, отчего нередко происходят опустошительные наводнения.

19. Несмотря на падающие огни, этот круг темен: огонь небесный не светит грешникам, но сходит только для их мучения.

30. Брунетто Латини, родившийся в 1220 г., из фамилии да Скарниано, принадлежал к знаменитым ученым того времени. Он был гвельф и после победы, одержанной гибеллинами при Арбии (Ада X, 31-93 и пр.), принужден был удалиться во Францию. Когда, по смерти Манфреда, гвельфы опять взяли верх, он возвратился в родной свой город Флоренцию и в 1230 г. был назначен заложником мира, заключенного при содействии кардинала Латино между гибеллинами и гвельфами. В 1284-м он был избран в писцы республики и умер в 1294 г. От него дошли до нас следующие сочинения: *Il tesoretto*, аллегорико-дидактическая поэма на итальянском языке; *Il tesoro*, род энциклопедии, трактующей о различных предметах и писанной на французском языке, как на языке «plus dilettable et plus commune à tout languis»; *Il rataffio*, стихотворение, состоящее из набора флорентинских поговорок и шуток, *in terze rime*. — Данте удивляется, встретив его здесь; современники Брунетто подозревали его в подлогах — грех, который наказуется в последнем отделении следующего восьмого круга. Ландино.

ПЕСНЬ XV

- 37 — «О сын», он мне, «кто здесь причтенный
к стаду,
Хоть миг помедлит, будет на земле
В огне лежать, сто лет не движась сряду.
- 40 Иди; а я здесь при твоей поле
Пойду вослед, потом сольюсь с отрядом,
Что там идет, о вечном плача зле». —
- 43 Я не посмел, спустясь с дороги, рядом
С ним проходить; но молча, как вассал
Почтительный, пошел с поникшим взглядом.
- 46 — «Какой же рок, иль случай», он
сказал,
«Ведет тебя до срока в мир ужасный
И кто тебе дорогу показал?»
- 49 — «Там наверху», сказал я, «в жизни ясной,
Я, прежде чем был полон возраст мой,
Вдруг потерял в долине путь опасный.
- 52 Вчера я утром из страны немой
Уж убегал, как вдруг его там встретил:
Он сим путем ведет меня домой». —
- 55 — «Иди ж вослед звезде», Брунет ответил,
«И в пристань славы ты войдешь за ней,
Коль в жизни той все верно я заметил.
- И не прерви мне смерть так рано
дней,
То, видя ход светил столь благотворный,
Я б был в трудах опорой твоей.
- Но твой народ, неблагодарный, вздорный, 61
Встарь с Фьезоле к вам спеший на беду
И сохранивший грубость жизни горной, —
- Войдет с тобой, за все добро, в вражду, 64
И поделом: где терпкий плод рябины,
Там сладких фиг нельзя созреть плоду.
- С л е п ы м он встарь прослыл не без 67
причины:
Он скуп и горд, завистлив и жесток.
О, сбрось с себя ты нравы сей общины!
- Такую честь тебе готовит рок, 70
Что станут все искать в тебе сочлена;
Но — далее от клюва сей цветков.
- Пусть скот Фьезолы жрет своих, как сено, 73
Но лишь цветка не трогай, если там
Взойдет такой из их гнилого тлена;
- Еще возможно вырасть семенам 76
Тех римлян, кои сохранились в этом
Гнезде злодейств, противных небесам».

38-39. Ибо грешники в таком случае становятся сопротивляющимися высшей воле, как богохулителю (Ада XIV, 22 и д.). Копиш.

40. Данте идет по плотине, а учитель его находится ниже.

49-51. Намек на первые три стиха первой песни.

53. Т. е. Вергилия. Комментаторы говорят, что Данте потому не назвал по имени Вергилия, хотя о том спрашивает Брунетто, что Брунетто вообще не уважал мантуанцев и в сочинении своем *Il tesoro* между множеством цитат из классиков почти совсем не приводит Вергилия.

55-57. Брунетто был математик и астролог и при рождении Данте предсказал ему великую славу по звездам, составив ему гороскоп, на что намекает ст. 57.

61-63. Первоначальные жители Флоренции были выселенцы горного города Фиезолы, основавшие новый город на расстоянии часового путешествия от старого. Виллани вечный раздор между флорентинцами приписывает тому обстоятельству, что первые обитатели Флоренции были частью римляне, частью фиезоландцы: потомки первых удержали свой аристократический характер, потомки же последних отличались грубостью нравов, занесенных первобытными переселенцами из страны гористой и дикой, где и поныне ломают камень. Филалет.

67. Предание это Виллани рассказывает так: Атилла (он смешивает его с Тотилою), подступив к стенам Флоренции, убедил ее жителей отворить ему ворота под тем предлогом, что он будто бы пришел к ним на помощь против их врагов пистойцев; но едва вступил он в город, как предал его разграблению, приказав умертвить важнейших его граждан. Старинные комментаторы Данте сообщают другое предание: в 1117 г. флорентинцы обязались защищать Пизу против луккийцев в то время, когда сами пизанцы

*Вдруг кто-то взял меня за полу платья
И завопил: «Вот чудо предо мной!»
(Ад, Песнь XV, тер. 23)*

ПЕСНЬ XV

<p>79 — «О, если б Бог внимал моим обетам»,
Я отвечал, «так рано б не пресек
Он ваших дней, вас разлуча со светом!</p> <p>82 В душе своей я впечатлел навек
Ваш добрый вид отеческий, бесценный,
Узнав от вас, чем может человек</p> <p>85 Достичь бессмертия в сей жизни тленной,
И как ценю я вас, пока дышу,
Мои уста всей возвестят вселенной.</p> <p>88 Что вы сказали, в сердце запишу
И пояснить мне эту весть с другою,
Вознесшись в рай, я в небе упрошу.</p> <p>91 Меж тем и вам всю душу я раскрою:
Лишь не терзался б совестью мой дух,
А я готов идти на брань с судьбою.</p> <p>94 Во мне привык к таким задаткам слух;
Верти ж по прихоти своей заветной
Фортуна шар, как посох свой пастух!»</p> | <p>Тут, обернувшись, мне сказал приветно 97
Мой вождь, ко мне направа взор очей:
— «Кто замечает, тот внимал не тщетно».</p> <p>С Брунетом я не прекращал речей 100
И спрашивал: кто здесь в толпе унылой
Из спутников известней и знатней?</p> <p>И он: «Узнать иных не худо б было, 103
Но умолчать приличней о других;
Чтоб всех назвать, мне духу б не хватило.</p> <p>Короче — сонм духовных здесь одних, 106
Людей ученых, славы громозвучной;
Один и тот же грех пятнает их.</p> <p>Здесь Прискиан с толпою злополучной, 109
Франциск д'Аккорсо мчится с ним вокруг
И, если видеть хочешь зуд докучный,</p> <p>То вот и тот, кто был слугою слуг 112
Перемещен от Арно к Баккильону,
Где сокрушил ему хребет недуг.</p> |
|--|--|

воевали ос. Майорку. По возвращении победоносных пизанцев флорентинцам в награду за их службу дозволено было сделать из добычи пизанцев выбор между прекрасными бронзовыми воротами и двумя колоннами из порфира. Флорентинцы выбрали последние и только на возвратном пути заметили, что колонны были повреждены огнем и после выкрашены красной краской. За это флорентинцев прозвали слепыми, а пизанцев — изменниками.

71. Все (в подлиннике: *l'una parte e l'altra*), т. е. как партия Белых, так и Черных, стало быть вся Флоренция. Только по смерти великого поэта постигли флорентинцы все величие гения своего соотечественника и тщетно домогались иметь в стенах своих хоть прах великого человека.

72. Вероятно, поговорка. Хотя Данте принадлежал некоторое время к партии Белых (гибеллинов), однако ж образ их действия вскоре оттолкнул его от них; поэтому его прадед Каччагвида хвалит его за то, что он «сам для себя стал своею партией».

a te fia bello

Averti fatta parte per te stesso (Paradiso XVII, 68-69).

74-79. По словам Боккачо, Данте вел свой род от римской фамилии Франджипани.

90. Т. е. у Беатриче.

94. То же самое он уже слышал от Чьякко (Ада VI, 64 и д.) и Фаринаты (Ада X, 79). В подлиннике: *Non è puova agli orecchi miei tale arra*. Арра значит задаток, который дают купцы в Италии в обеспечение того, что торг состоится верно. Данте хочет сказать этим словом, что он верит в исполнение предсказания. Филалет.

99. Намек на слова Вергилия в Энеиде: *Superanda omnis fortuna ferendo est*.

106-107. Итальянское: *clerico* (духовный) значит вместе с тем и ученый; *litterati* в Средние века назывались те, которые занимались латинским или, как тогда говорили, грамматическим языком.

109. Прискиан — знаменитый грамматик VI века из Цезареи Каподокийской. Кажется, он помещен в этот класс грешников как представитель наставников юношества, которые во времена Данте преимущественно были преданы греху, здесь наказуемому.

115 Но продолжать нельзя уж по закону
Мне дальше речь: я вижу уж давно,
Как новый дым несется там по склону.

118 Уж близок строй, где быть мне не должно.
Прошу одно: читай мое Тесого,
Мой славный труд, где жить мне суждено».

Тут, повернув, помчался он так скоро, 121
Как бы в Вероне взапуски бежал
К сукну, и мог сравниться с тем, который

Приз выиграл, — не с тем, кто проиграл. 124

110. Франциск д'Аккорсо (Accursius) — отличный правовед Средних веков, сын знаменитого учителя римского права. Он был профессором болонского университета и умер около 1294 г.

111. В подлиннике еще резче: *tal tigna* — такая короста.

112. Т. е. папою, который титулуется: *Servus servorum Domini*.

113. Андреа де'Модзи — флорентинец, бывший делегатом кардинала Латино, когда этот был отправлен Николаем III в Тоскану как посредник для примирения гвельфов и гибеллинов. В это время (1286 г.) Модзи был поставлен в епископы Флоренции; однако ж в 1298 г. Бонифаций VIII переместил его в Виценцу, на р. Баккильоне, где он и умер. Причина его перемещения неизвестна. Комментаторы думают, что Данте поместил его в ад за то, что он был гвельф.

119. Это сочинение, о котором мы говорили выше, состоит из трех частей: одной — исторической, другой — нравственной, третьей — риторической; все три носят следующие заглавия: обыкновенные монеты, драгоценные камни, чистое золото.

122-124. В Вероне ежегодно, в первое воскресенье великого поста, молодые люди бегали взапуски; победитель получал *raio*, или кусок зеленого сукна.

ПЕСНЬ XVI

Третье кольцо седьмого круга: насилие против природы, содомиты. — Гвидо Гверра, Тегьяйо Альдобранди и Жакопо Рустикуччи. — Гюйльельмо Борсьере. — Водопад. — Герион.

1 Я был уж там, где долетал с долины
К нам гул воды, бежавшей в низший круг,
Поднявши шум, как в ульях рой пчелиный.	22 Как платье сняв и маслом уместясь,
Бойцы пред тем, как им вступить в сражение,
Друг с друга прочь не сводят зорких глаз, —
4 Тогда три тени, отделившись вдруг
От душ, бежавших цепью непрерывной
Под жесточайшим ливнем страшных мук,	25 Так каждый дух ко мне лицом в круженье
Тянулся так, что бег их быстрых ног
Всегда в ином был с шеей направленьи.
7 Помчались к нам, подъяема крик призывный:
— «Постой! Судя по платью, ты идешь
Из нашей родины богопротивной».	28 — «О, если гнусный этих мест песок»,
Сказал один, «презренье лишь возбудит
К мольбам теней, столь страшных от обжог, —
10 О, как спалил, как изувечил сплошь
Все члены им огонь ужасной нивы!
Досель их вид меня приводит в дрожь.	31 То наша слава пусть тебя понудит
Сказать, кто ты, кому и адский мрак
Преградою для стоп живых не будет!
13 Наставник мой услышал их призывы
И, обратясь ко мне: «Повремени!
Для этих душ должны мы быть учтивы.	34 Вот он, за кем иду я шаг за шагом,
Теперь нагой, обугленный, убогий,
Так знатен был, что не поверит всяк.
16 И я б сказал, — когда бы здесь огни
На зыбь песков так страшно
не змеились, —
Что лучше б ты так мчался, чем они».	37 Он храбрый внук Гвальдрады жизни
строгой, —
Тот Гвидо Гверра, что в течение лет
Мечом и разумом свершил так много.
19 Вновь начался (лишь мы остановились)
Их прежний плач; когда ж догнали нас,
Как колесо все трое закружились.	40 Другой, бегущий по пескам мне вслед,
Был Альдобранди, тот Тегьяйо славный,
Чьим именем гордиться должен свет.

1. Данте теперь у границы, отделяющей седьмой круг от восьмого, куда Флегетон свергается ужасным водопадом (см. далее, ст. 92 и д.).

9. Т. е. из Флоренции.

16-18. Эти тени были на земле столь знаменитые люди, что если бы теперь они не были наказаны, как содомиты, огненным дождем (или, другими словами, если бы не препятствовал тебе огненный дождь), то было бы приличнее тебе бежать к ним навстречу, нежели им.

22-27. Картина, начертанная в этих шести стихах, может показаться с первого взгляда не совсем ясною; но чем более мы ее рассматриваем, тем яснее и пластичнее она становится. Тени этого отдела седьмого круга не смеют остановиться ни на минуту (Ада XV, 37-39 и прим.): потому трем грешникам, желающим говорить с Данте, не остается ничего более, как беспрестанно кружиться пред ним. Но так как глаза их постоянно устремлены на Данте, с которым тени разговаривают, в то время, как их ноги делают круговое движение, то очевидно, что направление их лиц и шен не может совпадать с направлением ног. Такое положение шен и круговое движение уподобляют грешников бойцам, которые еще до начала боя стараются взаимно улучшить удобнейшую минуту для нападения. Штрекфусс. — Такое движение очень легко себе представить, если вообразим трех людей, бегающих по кругу и устремляющих глаза на один предмет, вне их круга находящийся. Ф и а л е т.

37-39. Гвальдрада (иначе Вальдрада, собственно Ингильтруда) — прекрасная флорентинка, дочь Беллинчиона Берти, которого так выхваляет прадед Данте Каччиягвида за простоту нравов (Рая XV, 112 и д.). Вилла-

43 А я, здесь крест несущий с ними равный,
Я — Рустикуччи и, поверь, вполне
Обязан всем жене моей злонравной».

46 О, если б мог я не сгореть в огне, —
Я б кинулся стремглав к сынам проклятья
И, знаю, вождь то разрешил бы мне!

49 Но страх сгореть, как эти злые братья,
Сдержал меня и победил тотчас
Во мне желанье к ним лететь в объятья.

52 — «Не презирать», я начал, «но об вас
Скорбеть велит мне ваша здесь судьбина,
И буду я всю жизнь тот помнить час,

55 Когда из слов вождя и господина,
С кем я иду, вполне уразумел,
Какие три к нам мчатся гражданина.

Я ваш земляк, и славу ваших дел 58
И имена, столь славные для града,
Всегда ценить с любовью я умел.

Покинув желчь, к плодам сладчайшим сада 61
Стремлюсь я: вождь мне верный их сулит;
Но в центр сперва низринуться мне надо».

— «О, долго, долго пусть твой дух живет 64
Стопы твои», он продолжал, «и доле
В веках пусть слава за тобой блещет!

Честь и отвага, о скажи, всегда ли 67
Живут, как жили, в городе родном
Иль навсегда из стен его бежали?»

Гюйльельм Борсьер, гонимый там огнем, 70
Недавний гость средь нашего собрания,
Терзает нас рассказами о нем».

ни рассказывает, что император Оттон IV, увидав однажды Гвальдраду на одном торжестве во Флоренции, осведомился о ней у ее отца. Тогда Берти похвалился перед императором, сказав, что он может приказать Гвальдраде поцеловать его. Услышав это, Гвальдрада отвечала отцу, что поцелуй ее может принадлежать только будущему ее супругу. Этот ответ так понравился императору, что он тотчас приискал ей жениха из числа своих баронов, Гвидо Гверру II, из старинной фамилии графов Гвиди (Конти). Один из сыновей Гвальдрады, Руджиери, был отцом здесь упоминаемого Гвидо Гверры, ревностного гвельфа, хотя предки его принадлежали к императорской партии. После сражения при Арбини (Гвидо Гверра вместе с другими не советовал начинать войну с сиенцами, Ада X, 31-93 и прим.), он бежал из Флоренции и, удалившись в Романью, вскоре стал во главе изгнанных гвельфов. В сражении при Беневенто против Манфреда, Гвидо Гверра командовал частью войск Карла Анжуйского и был главнейшим виновником одержанной победы. Троян принимает четырех, Аммирато (в истории графов Гвиди) пятерых сыновей Гвальдрады: Гвидо, Террино, Руджиери, Марковольдо и Агинольфо; одни из них были гвельфы, другие — гибеллины. Данте упоминает о многих членах этой знаменитой фамилии. Филалет. Каннегиссер.

40-42. Тегьяйно Альдобранди, из знаменитой флорентинской фамилии Адимари, гвельф, подеста Флоренции. Он, как мы видели (Ада X, 31-93 и прим.), не советовал идти в поход против Сиены в 1260 г., кончившийся поражением гвельфов при Арбини. О грехе его, равно и Гвидо Гверры, ничего неизвестно.

44-45. Якопо Растикуччи — богатый и многоуважаемый флорентинец из плебейской фамилии, жалуетса на злую жену, которая, возбудив в нем ненависть ко всему женскому полу, была главнейшей причиной его вечной гибели. Об нем, а также о Тегьяйно Альдобранди, Данте осведомлялся уже у Чьякко (Ада VI, 80).

61-63. Т. е. я убегаю от пороков и ищу добродетели: намек на цель замогильного странствия, развитую в первых двух песнях.

70. Гюйльельмо Борсьере, образованный и весьма приятный в обществе флорентинец. О нем упоминает Боккаччо в своем Декамероне.

73-75. В XIII веке Флоренция значительно усилилась, обогатилась и стала обнаруживать сильное влияние на всю Италию; вместе с тем от переселения в нее чуждых, большей частью плебейских родов, а также от усилившегося влияния этих новых пришельцев, обогатившихся торговлею и промышленностью, она мало-помалу приняла характер города чисто демократического. Первым поводом к усилению демократии служило слабое управление графа Гвидо Новелло, который для того, чтобы оградить власть свою от влияния гвельфов (Ада X, 31-93 и примеч.), учредил в 1266 г. семь больших цехов, *arti maggiori*, и даровал им право вмешиваться в дела правления. В 1282 г. управление городом (*signoria*) перешло в руки так наз. *Priori degli arti e della libertà*, избравшихся из цехов и кварталов города, и наконец в 1293 г. знамени-

<p>73 — «Иной народ и быстрые стяжания
Внесли раздор и гордость в округ твой,
Флоренция, дом скорби и рыдания!»</p> <p>76 Так, взор подняв, вскричал я, и с тоской,
Как смотрят те, кто внемлют грустной вести,
Переглянулись тени меж собой.</p> <p>79 — «О, если ты», все три сказали вместе,
«Всем говоришь так смело, как и нам,
Как счастлив ты, что не боишься мести!</p> <p>82 И так, пройдя по темным сим местам
И возвратясь под своды звезд прекрасных,
Когда с восторгом скажешь: я б ы л а т а м, —</p> <p>85 Поведай людям и об нас несчастных!»
И, круг расторгнув, бросились бежать,
Как на крылах, среди песков ужасных.</p> <p>88 Нельзя так скоро и а м и н ь сказать,
Как быстро с глаз моих три скрылись духа,
И вождь счел нужным путь свой продолжать.</p> | <p>Я шел недолго с ним, как уж до слуха 91
Достиг шум вод столь близкий, что едва
Звук наших слов могло расслышать ухо.</p> <p>Как тот поток, который мчит сперва 94
Свой бег с Монвезо на восток по воле,
От левых склонов Апеннин, сливая</p> <p>Там Аквакетой между гор, доколе 97
Не свергнется в долину у Форли,
Где имя то не носит уже боле,</p> <p>И как гремит он страшно невдали 100
От Бенедетто, падая с вершины,
На коей жить и тысячи б могли, —</p> <p>Так здесь, свергаясь с каменной стремнины, 103
Ток мутных вод подьемлет страшный гром,
Слух оглушая грохотом пучины.</p> <p>Мой стан обвит веревкой был кругом, 106
Которой мнил в погоне безуспешной
Поймать я Барса с расписным руном.</p> |
|--|--|

тый демагог Жиано дела Белла издал известные *ordinamenti della giustizia*, в силу которых дворянство не только лишено было права быть избираемым в приоры города, но и подверглось притеснительным, почти тираническим мирам. Филалет.

75. Нельзя не подивиться мастерскому обороту этого места: Данте, отвечая теньям, обращается не к ним, но делает воззвание к самой Флоренции; этим состояние души поэта выражено живее, нежели самым подробным описанием. В этом воззвании, произнесенном с поднятым кверху взором, живо представляется изгнанник, в душе которого любовь к отечеству, скорбь о бедственном состоянии родины борется с негодованием за оказанную ему несправедливость. Не менее мастерски выражен намерок теней, выслушавших его воззвание, на то, что откровенное выражение мыслей может иметь для поэта дурные последствия. Биаджиоли.

82-84. Этой терцине подражал Tacco, Ger. liber. XV.

Quando mi gioverà narrare altrui
Le novità vedute, e dire: io fui.

94-102. Река Монтоне в Романьи, протекающая вдоль Апеннинских гор, мимо аббатства St. Benedetto nell'Alpi, недалеко от города Форли, где она меняет первоначальное свое название Аквакета на имя Монтоне. Эта река, берущая свое начало из горы Визо (*mons Vesulus* древних, названная у Данте Монвезо), направляется к востоку по левой стороне Апеннинских гор и, не сливаясь с рекою По, как другие реки, впадает в Адриатическое море. Водопад, образуемый этой рекою, теперь очень незначителен.

101-102. Аббатство St. Benedetto nell'Alpi принадлежало во времена Данте графам Гвиди, именно графу Руджиери Довадоло, сыну Гвидо Сальватико, у которого Данте, как полагают, жил несколько времени. Данте, сказав, что там могли бы жить и тысячи, намекает, что при богатстве монастыря и меньшей жадности его администраторов, он мог бы вместить в себе гораздо больше монахов, нежели сколько в нем действительно находилось. Другие разумеют не монахов, но сельских жителей, потому что Руджиери Довадоло, друг Данте, предполагал соединить в этом месте множество деревень в один город, но смерть воспрепятствовала ему исполнить это намерение. Боккаччо. Троиа.

103. Каменная стремнина есть обрыв между седьмым и восьмым кругом.

105. Дикое волнение греховного потока скоро делает слух наш глухим к божественному учению. Копиш.

ПЕСНЬ XVI

- 109 Веревку ту над бездной тьмы кромешной
Я снял с себя, как вождь мой приказал,
И, в клуб сматав, вручил ему поспешно.
- 112 И вождь, склонясь направо и от скал
Немного отойдя, что было мочи
Швырнул ее в глубокий тот провал.
- 115 — «Знать нечто новое из мрака ночи»,
Подумал я, «на новый знак всплывет,
Уж если вождь вперил так в бездну очи».
- 118 О, как для нас всегда опасен тот,
Кто не в дела вникать лишь наши станет,
Но созерцать и наших мыслей ход!
- 121 — «Сейчас», сказал он, «тот наверх предстанет,
Кого я жду, и сон твоей души
Пройдет, лишь взор твой на виденье глянет».

- Об истине, носящей образ лжи, 124
Чтоб без вины осмеян не был с нею,
О человек, поведать не спеши!
- Но здесь молчать, читатель, я не смею: 127
Я зрел — клянусь Комедией моей,
Коль дорожу любовью к ней твоею, —
- Я зрел во мгле воздушных тех полей 130
Ужасный образ, кверху выплывавший,
Кто б в страх привел храбрейших из людей.
- Так, вверх стремясь и ноги подобравши, 133
Всплывает тот, который, бросив челн,
Нырнул на дно, чтоб якорь, там застрявший
- Между камней, вытащить из волн. 136

106-112. По некоторым известиям, Данте в молодости был предназначен для поступления в монахи францисканского ордена. Монахи этого ордена опоясываются веревкою. Что разумеет Данте под этим бросанием веревки в пропасть, комментаторы объясняют различно. С исторической точки зрения, этим обстоятельством означен тот момент, когда Данте сложил с себя монашеский чин, вступая в который он надеялся некогда избежать раздоров партий своего города, хотел изловить этого Барса (Ада I, 31-43 и примеч.), и когда он отдался потоку политического тревобления. В нравственном смысле веревка — символ хитрости: хитросплетениями ума надеялся Данте одолеть Барса, символ сладострастия, и теперь, чтоб вполне получить отвращение к обману (Ада XVII, 1 и д.), разум (Вергилий) повелевает ему, чтоб он сам сбросил с себя всякую, даже малейшую хитрость; ибо кто еще и сам не отрекся хитрости, тот вместо того, чтоб ненавидеть обман, поклоняется ему. Только теперь, когда повержен в адскую бездну клубок веревки, символ покинутых хитростей, пред духовными очами нашего поэта выступает из мглы ада обман, во всей отвратительной наготы. Копиш.

ПЕСНЬ XVII

Третье кольцо седьмого круга: насилие против искусства; ростовщики. — Герион. — Скровиньо. — Буйямонте. — Спуск в восьмой круг.

<p>1 — «Вот он, злой гад с хвостом остроконечным,
Дробящий сталь и твердость стен и скал!
Вот кто весь мир зловоньем губит вечным!»</p> <p>4 Так начал вождь и знак рукою дал,
Чтоб грозного приблизить великана
Ко мраморам, где путь наш пролегал.</p> <p>7 И страшный образ гнусного обмана
Главой и грудью к берегу приник,
Но не извлек хвоста из мглы тумана.</p> <p>10 Был лик его — людей правдивых лик:
Столь короткими глядел на нас
глазами!
Но, как у змей, был хвост его велик.</p> <p>13 Мохнатые две лапы под плечами,
А грудь, бока и весь хребет как жар
Испещрены узами и кружками.</p> | <p>Цвета одежд у турок и татар 16
Не так с лица, не так с изнанки ярки,
Не так хитер в тканье Арахны дар.</p> <p>Как иногда стоят на взморье барки, 19
Полу в воде, полу в песке до ребр,
И как у вод, на бой готовясь жаркий,</p> <p>Сидит в стране прожор-Тедесков бобр, — 22
Так на меже, замкнувшей степь гранитом,
Сел мерзкий гад, с лица приветно-добр.</p> <p>Он хвост крутил в пространстве, мглой 25
покрытом,
Как скорпион, вращая острием,
Вооруженным жалом ядовитым.</p> <p>— «Теперь», сказал учитель мой, «сойдем 28
С дороги нашей к лютому дракону,
Простертому на берегу крутом».</p> |
|---|---|

1. Обман, названный ниже, в ст. 97, Герионом, поднимается из глубины восьмого круга к седьмому: намек на то, что обман может возвыситься до насилия, точно так, как и насилие нисходит до обмана (ст. 43 и прим.). Герион в мифологии был трехглавый великан, рожденный Хризаором, возникшим из крови Медузы. Его сестра Ехидна, наполовину — нимфа, наполовину — дракон, по-видимому, ближе подходит к описанному здесь чудовищу. От нее родились между прочим Сфинкс и Лернейская Гидра. Герион был трижды убит Геркулесом за изменническое похищение его волов: вот причина, почему Данте избрал Гериона в символы обмана и высшего его проявления — измены. Все изображение этого чудовища отличается удивительной пластичностью; вся аллегория проникнута глубоким смыслом. Лицо Гериона — лицо справедливого и кроткого: обман старается нравиться; зато лапы покрыты до самых когтей шерстью, как у кошки, так что когти выходят из-под шерсти тихо и незаметно; тело его кончается змеиным хвостом, вооруженным ядовитым жалом скорпиона, — намек на то, что обман в начале привлекает, под конец губит свою жертву; он весь испещрен узами и кружочками, символами изворотливых путей и хитрого укрывательства, к которым прибегает обман. Он причаливает к берегу осторожно, только головою и грудью, хвост же его скрывается и свободно вьется в тумане, для того чтобы ничто не препятствовало его губительному действию. Копиш. Штрекфусс.

6. К каменной набережной Флегетона.

18. Арахна — знаменитая ткачиха, осмелившаяся состязаться в искусстве с Палладой; она была превращена в паука. Ovid. Metam. VI.

21. На бой готовясь жаркий, т. е. приготавливаясь ловить рыбу. Пиетро ди Данте, сын поэта, приводит в своем комментарии старинное поверье, будто бы бобр, желая поймать рыбу, опускает хвост в воду, для того, чтобы маслянистой жидкостью, отделяющейся с его хвоста, приманить свою жертву. Неосновательность этого поверья доказывается, между прочим, тем, что бобр вовсе не питается рыбою.

22. Еще Тацит называл германцев обжорами, и эта обидная слава о них, по-видимому, долго держалась в Италии, поддерживаясь, может быть, и тем, что во время частых походов германских императоров в Италию итальянцы, народ вообще умеренный в пище, должны были нередко кормить на свой счет германцев. Французы и до сих пор говорят: boire comme un Allemand.

23. По внутренней окраине седьмого круга идет каменная набережная, как продолжение гранитного берега Флегетона. Филалет.

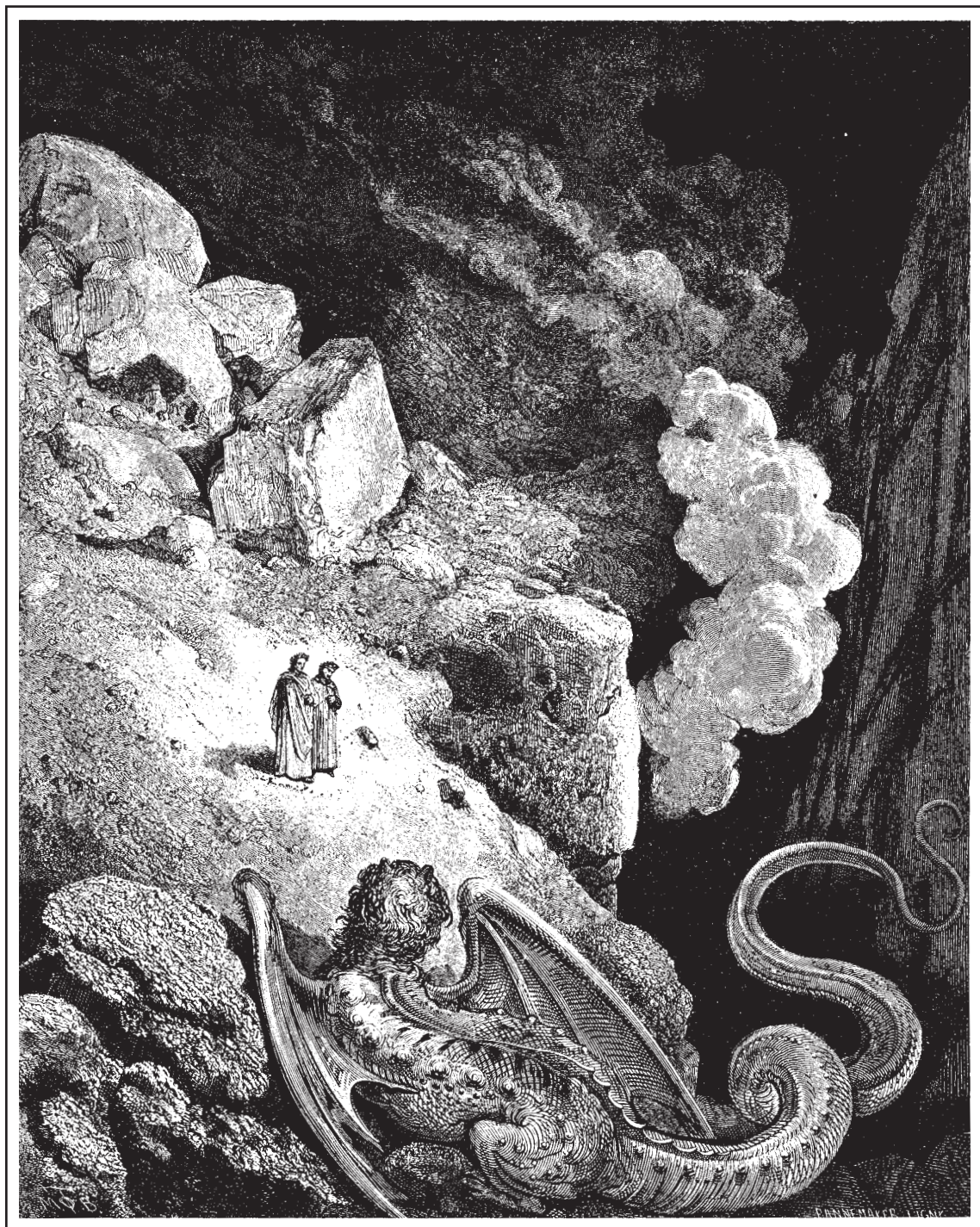

28-29. Прямые пути не ведут к обману.

35-36. До сих пор Данте находится еще в третьем отделе седьмого круга и теперь видит третье собрание насильственников — собрание ростовщиков (Ада XIV, 23). Они, как мы видели, сидят, скорчившись, под огненным дождем. Мешки, повешенные на их шеях (ст. 56), указывают на их алчность к золоту и дают поэту возможность, не упоминая об именах этих грешников, сказать об их роде описанием гербов, изображенных на мешках; большая часть грешников этого класса принадлежала к дворянским фамилиям, преимущественно флорентинским, так как дворянство Флоренции во времена Данте особенно занималось лихоимством.

40. Грех этих теней так унижителен, что они не заслуживают продолжительной с ними беседы (см. Ада III, 51).

43. Они сидят у самого края бездны восьмого круга: намек на то, что насилие ростовщиков близко граничит к обману. Копиш.

— «Вот он, злой гад с хвостом остроконечным,
Дробящий сталь и твердость стен и скал!
Вот кто весь мир зловоньем губит вечным!»

(Ад, Песнь XVII, тер. 1)

- 31 И так, спустясь направо вниз по склону,
Шагов мы с десять берегом прошли,
Чтоб от огня найти там оборону.
- 34 И вот, когда к нему мы подошли, —
Сидевшее в песках теней собрание
Над пропастью я увидал вдали.
- 37 Тогда мой вождь: «Чтоб полное познание
О круге сем ты мог отсель извлечь, —
Поди», сказал, «взгляни на их терзанье;
- 40 Но коротка твоя да будет речь!
А я — склоню его первоначально
Дать в помощь нам громаду мощных плеч».
- 43 Так берегом на выступ самый дальний
Седьмого круга шел один, пока
Пришел к сидевшей там толпе печальной.
- 46 В очах их зрелась страшная тоска;
То там, то здесь руками тушат духи
То пыл огней, то жгучий жар песка.
- 49 Так летом псы, в дни тяжкие засухи,
То рылом чешут, то ногой, где их
Кусают блохи, оводы иль мухи.

- Я заглянул в лицо теней иных, 52
На коих тлели хлопья огневые;
Но никого не мог признать из них.
- Зато у всех заметил я на вые 55
Мешки, имевшие свой герб и цвет:
В гербы впились взоры их немые.
- И я увидел, ближе подошел, 58
На желтом кошельке предмет лазурный,
И был со львом по виду схож предмет.
- И далее я зрел, как кровь пурпурный, 61
Мешок, на коем молока белей
Написан гусь. И вот, со злостью бурной,
- Вскричал мне кто-то, на суме своей 64
Имевший в белом поле голубую
Свинью: «Чего ты смотришь в яме сей?»
- Прочь, прочь от нас! Но так как ты живу 67
Имеешь плоть, — то ведай: Витальян
Соседом мне тут сядет одесную.
- Я, падуанец, здесь между граждан 70
Флоренции. Чу! как кричат их орды:
— «Приди, приди, наш первый атаман,

44. Данте может безопасно идти здесь один, ибо его лучшая натура уже достаточно защищает его от омерзительного греха этих душ. Копиш.

49-51. Мысли о божественной любви и истине, ниспадающие на ростовщиков в виде отдельных ключев пламени (Ада XIV, 29 и примеч.), для униженной души их столько же беспокойны, как для животных отвратительные насекомые; эта низкая картина еще резче очерчивает их пошлую низость. Копиш.

54. Имена их так же неизвестны, так же недостойны воспоминания, как и имена людей бездеятельных и трусов (Ада III, 22 и д.) и скупых (Ада VII, 53 и 54). Только по цвету и изображениям опозоренных ими гербов можно распознать их. Копиш.

57. Мешки на шеях ростовщиков не только символы их позорной страсти, но в то же время источник новой для них муки, ибо воспоминание о прошедшем богатстве при виде этих мешков становится для них еще мучительнее.

58-60. Герб флорентинской фамилии Джиянфильядди, из партии гвельфов.

61-63. Герб флорентинской фамилии Убриакки, из партии гибеллинов.

64-65. Герб падуанской фамилии Скровиньи. Один из членов этой фамилии построил в Падуе капеллу Агепи, где находится картина Джотто «Страшный Суд». Бер.

68. Виталиано дель Денте, богатый дворянин, известный ростовщик в Падуе. Все эти грешники еще были живы в 1300 г.

70-73. Это говорит Ринальдо Скровиньи; первый атаман (il cavaier sovrauo) — мессер Дживанни Буиамонти де'Биччи из Флоренции, величайший ростовщик своего времени. На гербе его были три птичьих клюва (becchi), или, по словам Пиетро ди Данте, три козла (tres hirzi).

74-75. Жесточайшая ирония. Простой народ в Италии обыкновенно делает эту гримасу, когда хочет показать, что сказанное в похвалу кому-нибудь должно разуметь в противном смысле. Би аджи оли.

Простор почуя, хвост он обращает,
И бьет хвостом, как угорь, страшный зверь,
И лапами он воздух загребает.

(Ад, Песнь XVII, тер. 103)

73 И принеси три клюва — герб свой гордый!
И, рот скривив, он высунул язык,
Как вол, когда он лижет влагу с морды.

76 И я, страшась, что слишком вдаль проник
(А вождь велел не медлить мне в долине),
Пошел от душ, поднявших страшный крик.

79 Уже вождя нашел я на вершине
Чудовища, и со спины крутой
Он мне сказал: «Будь смел и силен ныне!

82 Вот сходят здесь по лестнице какой!
Сядь впереди, а чтоб хвостом он раны
Не мог нанести, я сяду за тобой».

85 И, как больной пред приступом квартаны,
Когда начнет синеть уж цвет ногтей,
Трясется весь, лишь взглянет на туманы, —

88 Так вздрогнул я от сказанных речей;
Но, как герой войска для предпринять,
Так он бодрил меня на подвиг сей.

91 Воссев на плечища, хотел сказать я:
— «О вождь!..» (и речь, как я не ожидал,
Вдруг замерла)... «прими меня в объятья!»

Но тот, кто жизнь мне столько раз спасал, — 94
Лишь только я уселся, как руками
Обвил меня и, крепко сжав, сказал:

— «В путь, Герион, широкими кругами! 97
Но медленней спускайся: не забудь,
Какой ты груз несешь теперь плечами!»

Как с пристани челнок отходит в путь 100
Назад, назад, — так вдаль он отступает,
И вдруг туда, где находилась грудь,

Простор почуя, хвост он обращает, 103
И бьет хвостом, как угорь, страшный зверь,
И лапами он воздух загребает.

Нет, не сильней, ты оробел, поверь, 106
О, Фаетон, когда бразды оставил,
Зажегши твердь, как видно и теперь;

Иль ты, Икар, как солнца жар расплавил 109
На крыльях воск и вслед тебе вдогон
Кричал отцу: «Сын, худо путь направил!» —

Как я сробел, когда со всех сторон 112
Узрел себя в воздушном океане,
Где виделся глазам один дракон.

82. Слич. Ада XXXIV, 82.

85-88. В подлиннике: *Qual' è colui, ch' lia sì presso' I riprezzo Della quartana*. Прекрасное сравнение, взятое от пароксизма лихорадки: чувствуя приближение озноба, когда уже посинели ногти, больной, желая согреться, трясется уже при одном взгляде на сырой туман, причину его болезни, и этот страх ускоряет самый приступ лихорадки. Квартана (*intermittens quartana*) есть четырехдневная лихорадка, самая жестокая и убийственная из всех типов перемежающейся. Я решился употребить это техническое медицинское название.

96. Разум (Вергилий) защищает Данте от угрожающего орудия обмана, как (Ада IX, 58-60) от обаяния духовного греха.

97. Герион, см. выше, прим. к ст. 1. Герионом назывался также один испанский король, прославившийся хитростью и обманами. Бер.

100-102. Это сравнение заимствовано от корабля, который, будучи обращен носом к земле, не может выйти из гавани иначе, как противоположною своею частью, т. е. кормою, а потому кажется идущим назад. Портирелли.

106-107. В своем *Convivio* Данте приводит мнение пифагорейцев, полагавших, что Млечный путь есть действие солнца, которое, уклонившись когда-то со своего пути (вероятно, намек на известную басню о Фаетоне, *Ovid. Metam. II, 200* etc.), сожгло эту часть неба. Впрочем, он более склоняется к мнению Аристотеля, объяснявшего Млечный путь скоплением в этом месте великого множества малых и тесно сгущенных звезд. Филалет.

109-111. Дедал с сыном Икаром улетел из Крита на восковых крыльях; крылья Икара, слишком высоко поднявшегося, растаяли от солнца, и дерзкий воздухоплаватель упал в море, названное по его имени Икарийским.

ПЕСНЬ XVII

115 Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане
И нисходя; но я лишь ощущал,
Как ветер в лицо и вниз мне дул в буране.

118 Уже от нас направо я внимал,
Как с страшным шумом водопад свергался,
И, наклонясь, я заглянул в провал.

121 И тут еще сильнее я испугался:
Везде огни, повсюду грешный крик,
И в трепете я весь к вождю прижался,

124 И понял я, во что сперва не вник,
Что мы кружась спускаемся; все боле
К нам близилося мучений каждый миг.

Как сокол, реявший весь день на воле, 127
Когда ни птиц, ни чучел не нашел,
При крике ловчих: «Эх, пропало поле!»

С высот, куда сперва так быстро шел, 130
Теперь слетает в кольцах и садится
Вдали от всех, измучен, дик и зол, —

Так Герион нас посадить стремится 133
На тот обрыв, где высилась скала,
И лишь успел от нас освободиться,

Как вдруг исчез, что с тетивы стрела. 136

117. Ветер, дующий в лицо, происходит от кругового движения, ветер снизу — от опускания Гериона.

122. Огонь в яме (bolgia) симонистов (Ада XIX, 25 и д.) и злых советников (Ада XXVI, и д.).

128. Чучело употребляется у сокольников для натаскивания соколов.

133-136. Герион (обман) не в духе, потому что не мог повредить своей добыче (Ада XVIII, 19-20 и проч.).

ПЕСНЬ XVIII

Круг восьмой: Злые-ямы. — Яма первая: сводники и соблазнитель. — Венедикто Качьянимико. — Язон. — Яма вторая: лстецы. — Алессио Интерминей. — Таида.

<p>1 Есть край в аду, по имени Злы-ямы;
Он весь из серых, как чугуи, кремней,
С такой же вкруг стеною в виде рамы.</p> <p>4 Как раз в середине лютот нивы сей
Широко зев разинул кладезь Дита,
О коем ниже расскажу полней.</p> <p>7 Итак, сей круг меж твердых стен гранита
И кладезя окраиной обвит,
В которой десять злых долин прорыто.</p> <p>10 Какой та местность получает вид,
Где вьются, все сближаясь у средины,
Вкруг замков рвы, стенам надежный щит, —</p> <p>13 Подобный вид имеют здесь долины,
И как по рвам идут от стен мосты
При крепостях, — так от подошв стремнины</p> <p>16 Здесь тянутся скалистые хребты,
Идя чрез рвы и их края до лона
Колодезя, где все в одно слиты.</p> | <p>Здесь, сброшены плечами Гериона,
Мы очутились. Влево вождь пошел,
А вслед за ним и я пошел со склона.</p> <p>19</p> <p>Иную скорбь я вправо тут нашел,
Иных мучителей, грехи иные,
Которых был весь полон первый дол.</p> <p>22</p> <p>На дне паслись там грешники нагие:
Одни из них стремились против нас, —
Шли с нами, но быстрее, чем мы, другие.</p> <p>25</p> <p>Так римляне, в огромный сонм столпясь,
Шли по мосту в год славный юбилея,
От множества в два строя разделясь:</p> <p>28</p> <p>С одной руки — перед челом имея
Вал крепости, текли к Петру во храм,
С другой — к горе тянулись в виде змея.</p> <p>31</p> <p>Меж серых скал я видел, здесь и там,
Чертей рогатых; их бичи и плети
Жестко били грешных по хребтам.</p> <p>34</p> |
|--|--|

1-18. Восьмой круг, в котором казнятся обманщики, у Данте назван Malebolge. Bolgia значит, собственно, ранец, мешок, также монашеский капюшон, а в дальнейшем значении — яма, ров. Комментаторы думают, что Данте для того употребил это слово, что мешок, особенно капюшон, может быть принят за символ укрывательства, скрытности, обмана. Anonimo. Так как слово Malebolge в итальянском пробуждает определенное понятие, то я счел за нужное заменить это слово русским, которое по возможности выражало бы подобное понятие; к сожалению, я не мог придумать лучше того, которое употреблено мною. — Как обман (без доверия) прибегает к различным ухищрениям и изворотам, так и место его казни отличается сложностью своего устройства; впрочем, поэт описывает его с такою ясностью, что описание почти не требует дальнейших объяснений. Пространство между высокою стеною, с которой свертается Флегетон, и глубоким колодцем, на дне которого погружен Люцифер, разделено на десять концентрических рвов (bolgia), которые, идя уступами один ниже другого и приближаясь к колодезю, все более и более суживаются в диаметре своего круга. Чрез все эти рвы перекинуты утесы, образующие мосты, которые, идя от внешней стены восьмого круга, приближаются в виде радиусов к глубокому колодцу, где и оканчиваются на внешней его оградке. Все это устройство Данте делает читателю очень наглядным, сравнив восьмой круг со рвами и перекинутыми чрез них мостами вокруг средневековых замков. К этому надобно прибавить, что мосты эти служат не только для того, чтобы можно было переходить по ним чрез рвы, но также, как замечает Ломбарди, для придания прочности всему зданию, и в этом их должно представить себе перегородками, поперечно идущими от стены одного углубления к стене другого близлежащего, так, впрочем, что внизу они имеют отверстие в виде ворот для прохождения грешникам, под мостами находящимися (Ада XVIII, 73-74). Абекен.

5. Колодезь, где казнится измена и куда погружен Люцифер во льдах Коцита, достигающий до центра земли и составляющий средоточие вселенной. О нем говорится ниже (Ада XXXI, 130 до XXXIV, 79).

19. Герион, казавшийся вначале таким доброжелательным, теперь, видя, что не может повредить поэтам, грубо сбрасывает их со своих плеч (Ада XVII, 133-136 и примеч.).

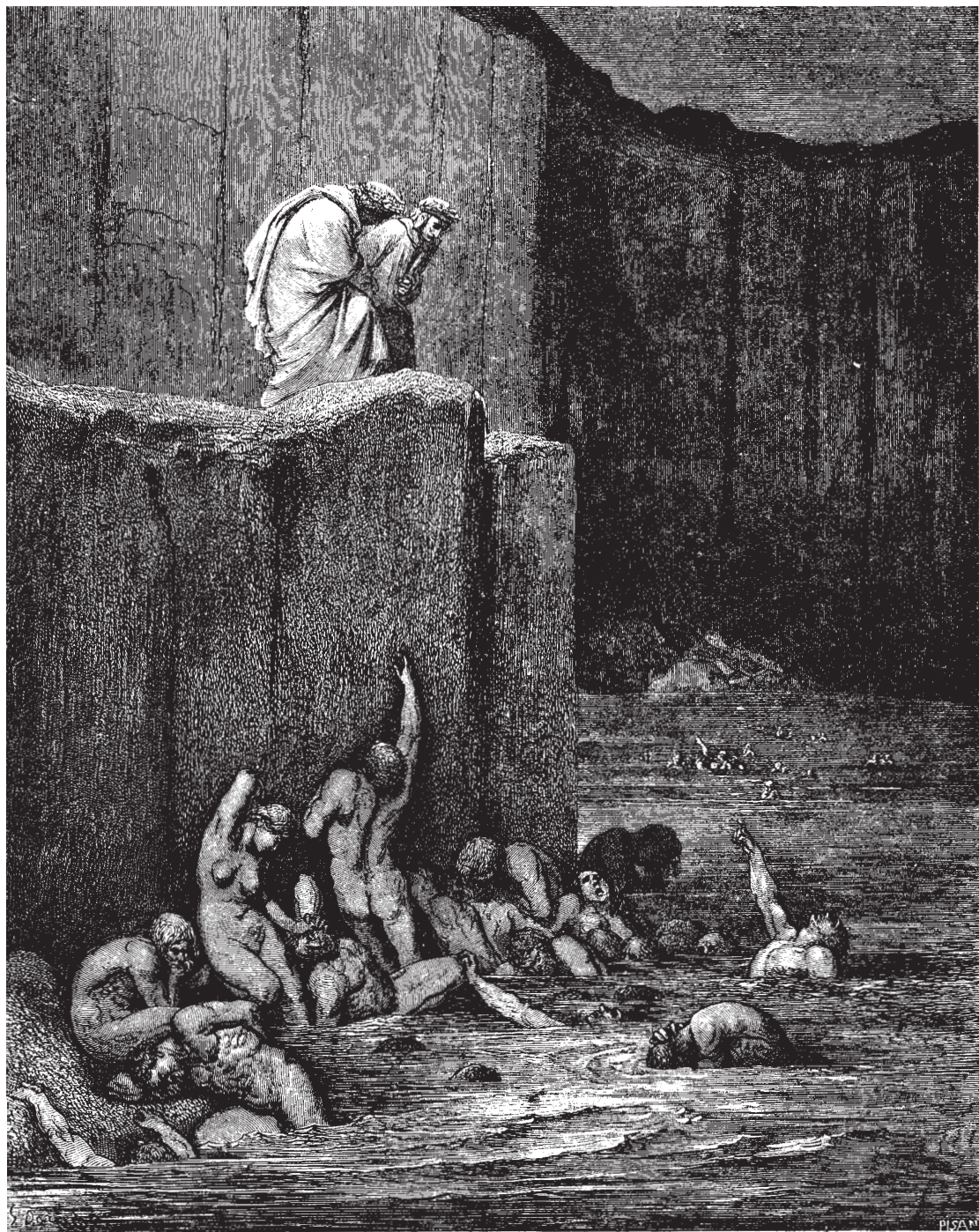
Меж серых скал я видел, здесь и там,
Чертей рогатых; их бичи и плети
Жестоко били грешных по хребтам.
(Ад, Песнь XVIII, тер. 34)

20-21. Поэты переходят теперь по мостам десять отделений восьмого круга, начиная с внешнего обширнейшего и оканчивая внутренним, самым меньшим. Они идут сперва налево, так, что восьмой круг у них с правой руки.

28-30. Празднование юбилея первоначально учреждено иудеями. В подражание им Бонифаций VIII был первый из пап, учредивший празднование юбилея через каждые 100, Климент VI — через 50 лет; позднейшие же папы определили срок более короткий. Первый юбилей при Бонифации VIII был объявлен в 1300 г. с целью всемирного покаяния и примирения, причем всем пилигримам в Риме отпускались их грехи. По этому случаю прибыло в Рим такое множество богомольцев со всей Европы, что римляне принуждены были разделить мост Св. Ангела канатом по длине его на две части, так, чтобы одни шли по одной, а другие возвращались по другой стороне.

31-33. Вал крепости есть крепость Св. Ангела; гора, вероятно, Janiculus, или Monte Cavo, или наконец Montorio, где храм St. Pietro in Montorio.

*Мы на него взобрались, и сквозь мрак
Увидел я народ, увязший в тине,
Извергнутой, казалось, из клоак.
(Ад, Песнь XVIII, тер. 112)*

ПЕСНЬ XVIII

37	О, как высоко скажут тени эти,
Лишь хлопнет бич! И нет здесь никого,
Кого бы ждал второй удар иль третий.	Я тот, кто продал юную Гизолу
Любви маркиза, чем меж земляков
Предал ее злых толков произволу.	55
40	Пока я шел, мой взор на одного
Упал, и я воскликнул тут же: «Мнится,
Не в первый раз гляжу я на него!»	Не я один, болонец, пал в сей ров:
Так много нас вмещают эти стены,
Что не осталось столько языков	58
43	Я шаг сдержал, чтоб в тени убедиться,
И сладкий вождь, остановясь со мной,
Позволил мне с дороги воротиться.	Болтать s i r а меж Рено и Савены;
А чтоб вполне был в этом убежден, —
Ты вспомни, как жадны мои сочлены».	61
46	Бичуемый поникнул головой,
Надеялся укрыться, но напрасно!
Я молвил: «Ты, так взор
склонивший свой,	Так говорил; вдруг был он поражен
Злой плетью демона, который крикнул:
— «Прочь, сводник, прочь! Здесь нет
продажных жен».	64
49	Когда твой образ говорит мне ясно, —
Ты Бенедіко Каччианимик?
За чтó ж попал ты в щелок столь ужасный?»	Я к моему вожатому приникнул
И в несколько шагов достиг туда,
Где из стены утеса мост возникнул.	67
52	А он: «Ответа не дал бы язык;
Но, звонкому вняв твоему глаголу,
Я вспомнил мир, в котором я возник.	Мы на утес взобрались без труда
И, вправо взяв, мы им пошла оттуда,
Сей вечный круг покинув навсегда.	70

35-36. Пред совестью этих грешников гнев обманутых ими супругов и родственников восстает в виде рогатых демонов, от бичей которых души вечно бегут, как содомиты от пламени (Ада XIV, 24). Коппиш.

49. Данте боится, что в этом кругу все обманчиво.

50. Венедико или Венетико, из фамилии Каччианимичи, принадлежавшей к партии Джереми (так в Болонье называли гвельфов), по словам Бенвенуто да Имولا, убедил сестру свою отдаться маркизу Аццо VIII Эсте, по другим — отцу его Обиццо II (Ада XII, 111, и примеч.), для того, чтобы чрез эту услугу получить значение в городе. Данте, вероятно, это происшествие хорошо было известно, ибо Гизола вышла замуж за Никколо дельи Альдигиери из Феррары, с родом которого Данте был в родстве по своей прабабке, супруге Каччагвида, от которого и получил прозвание Алигвери. Троица (Veltro Allegorico, p. 31).

51. В подлинн.: a si pungenti salse. Salsa (от sal, salsus) значит рассол, щелок; но Salse называлось также узкое, дикое ущелье в 3 милях от Болоньи, куда бросали трупы самоубийц, злодеев и умерших без покаяния. Строкки. По другим, так называлась улица в Болоньи, где секли преступников.

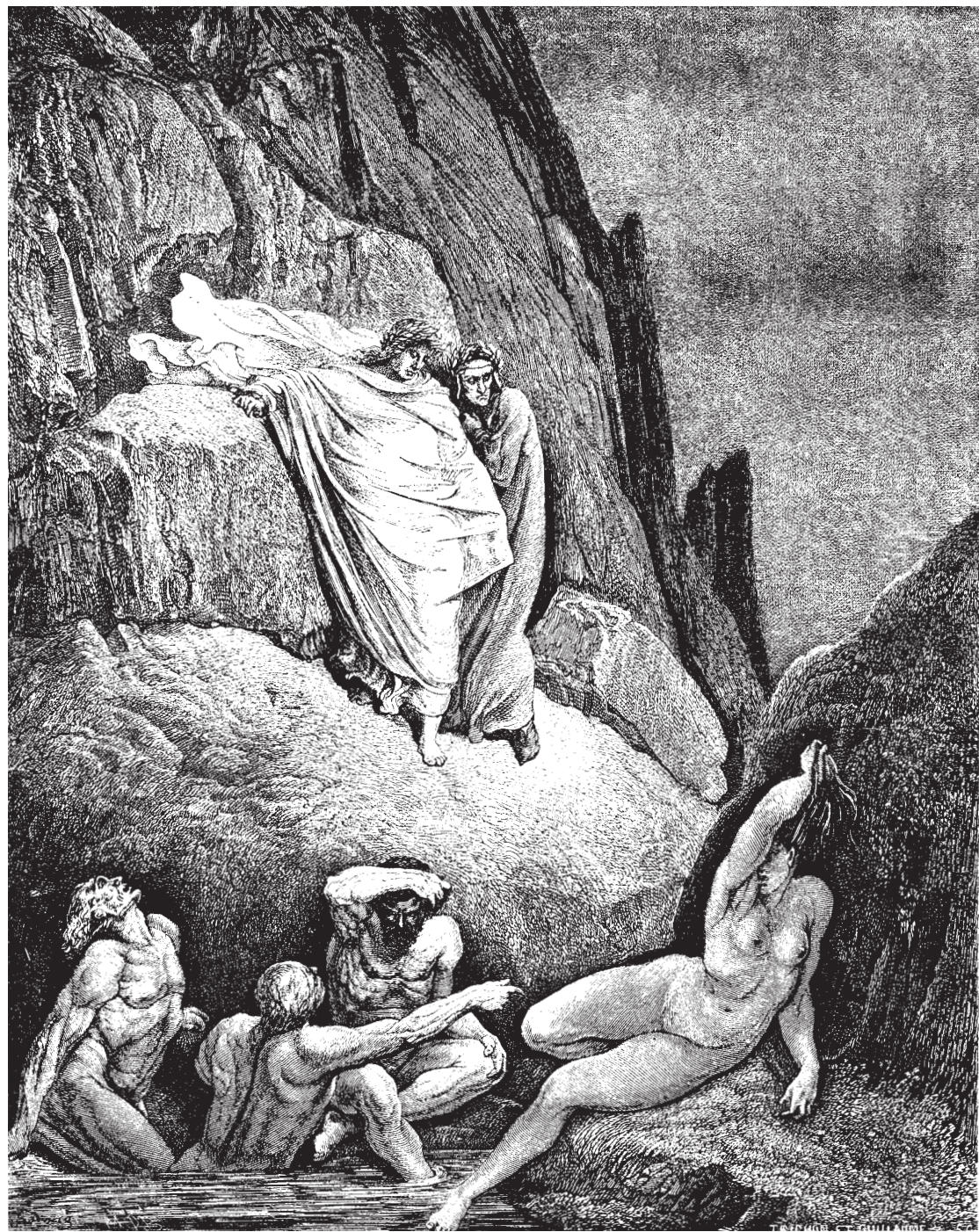
53. Тени говорят хрипло (Ада I, 63 et pas.); живые, как Данте, звонко.

60-61. Болонья лежит между двух рек, бегущих с Апеннинских гор и впадающих в По: Савена и Рено. *Sira* на болонском наречии есть утвердительная частица вместо *si* и здесь приведена, чтобы выразить услужливость этого рода грешников. Смысл тот: в этом рве гораздо более болонцев, нежели сколько вмещает их теперь целый город.

62-63. Бенвенуто да Имбола, говоря о болонцах, изображает их людьми придворными (*curiales, courtois*), от природы кроткого характера; он говорит, что жители Болоньи из всех итальянцев самые гостеприимные и приветливые для чужеземцев, не только не скупые, но расточительные и весьма склонные к удовольствиям. При этом он замечает, что Данте, учившийся в болонском университете, вероятно, и сам имел случай убедиться в этом. Филалет.

72. Сей вечный круг, т. е. седьмой круг насилвателей.

75-78. До сих пор поэты шли по боковой плотине, или стене рва, а потому могли видеть в лицо только один из строев грешников, именно тот, который бежал им навстречу. Теперь они всходят на утес, перекинутый

«Как грязная там дева средь подруг
Скребет себя ногтями в яме скверной,
То вдруг присядет, то привстанет вдруг.
То тень Таиды, грешницы неверной<...> ».
(Ад, Песнь XVIII, тер. 130)

<p>73 Когда ж пришли туда, где каменей груды
Дает внизу бичуемым проход, —
Мне вождь сказал: «Дождемся здесь, покуда</p> <p>76 К нам повернет лицо душ новый сброд:
Вглядеться ты еще не мог в их лица,
Пока ты с ними рядом шел вперед».</p> <p>79 И с древних скал узрел я вереницы
Других теней, бежавших под утес,
Которых гнали демонов станицы.</p> <p>82 И добрый вождь, предвидя мой вопрос,
Сказал: «Смотри, вот исполни! В Аиде
Он терпит боль, не проливая слез.</p> <p>85 Какая спесь в его державном виде!
Сей дух — Язон, отнявший без дружин
Умом и мужеством руно в Колхиде.</p> <p>88 Он посетил и Лемнос, где в один
Злосчастный день, в ожесточенный пьяном,
Избили жены всех своих мужчин.</p> <p>91 Там ласками и сладких слов туманом,
Он Изифилу в цвете лет прельстил,
Увлечшую подруг своих обманом.</p> | <p>И бросил там ее, и позабыл: 94
За этот грех казнится высшей властью;
И за Медео рок ему отмстил.</p> <p>С ним идут все, кто так прельщают страстью; 97
Но ты узнал довольно здесь толпу
И первый ров с его ужасной пастью».</p> <p>Я был уж там, где узкую тропу 100
Крест на крест край второй пересекает,
Служа мосту упором в этом рву.</p> <p>И в этом рве я слышал, как стелает 103
Народ, как там он дышит тяжело,
Как сам себя ладонью ударяет.</p> <p>Там плесенью скалы обволокло 106
Зловонье дна, сгущаемое бездной,
И с носом брань и с зрением вело.</p> <p>Ров так глубок, что было б бесполезно 109
Смотреть на дно, в зловонный сей овраг,
Не взлезши вверх, где свис утес железный.</p> <p>Мы на него взобрались, и сквозь мрак 112
Увидел я народ, увязший в тине,
Извергнутой, казалось, из клоак.</p> |
|---|--|

в виде моста через ров, и отсюда могут смотреть прямо в лицо обоим строям, смотря по тому, куда направят взор — направо или налево.

79. Стоя на мосту, они оборачиваются направо и смотрят прямо в лицо обольстителям, навстречу которым, не без значения, бежит первый строй грешников: между ними та же противоположность, какая между скупыми и расточителями (Ада VII, 25 и д.). Копиш.

83-96. Язон, предводитель аргонавтов, прибыл на остров Лемнос незадолго перед тем, как тамошние женщины умертвили в одну ночь всех мужчин; только Изифила, обманув подруг своих, спасла жизнь своему отцу, царю Фоанту. Аргонавты пробыли два года на Лемносе; в течение этого времени Язон обольстил Изифилу и потом, увлекаемый главною целью похода, оставил ее. В Колхиде он прельстил царскую дочь Медео и с ее помощью завладел руном; но вскоре изменил и ей, женившись на дочери Креона.

99. В подлиннике: e di color, ch'n se assanna. Assannare — глагол, составленный из sanne или zanne, клыки, как бы о к л ы к а т ь, живописно рисует форму этого рва, скалы которого торчат, как клыки адского чудовища.

103-105. Во втором рве казнятся лстецы и прелестницы. Как презрителен в глазах поэта этот порок, видно из той казни, которую он присудил ему. Штрекфусс.

105. Лстецы никому не вредили, но унизили самих себя, потому и поднимают на себя руки. Копиш.

106-107. Не без причины ров этот необыкновенно глубок; глубина его означает страшное падение человеческой природы в лице лстецов; глубокое значение имеет и то, что низость лести можно видеть только тогда, когда смотрим на нее прямо сверху. Копиш.

122. Алессио Интерминен, из фамилии Кастракани, глава лукских гибеллинов и Белых, изгнанный со всею своею партией в 1301 г. Он ни слова не мог сказать без лести: omnes unguebat, omnes linguebat, etiam velissimos et mercenarios. Бенвенуто да Имола.

ПЕСНЬ XVIII

115 И одного заметил я в пучине
 Столь грязного, что разобрать нельзя,
 Кто был он, светский иль в духовном чине.

118 Он мне кричал: «Зачем ты лишь в меня
 Упер глаза меж грязными тенями?»
 А я: «Затем что, сколько помню, я

121 Видал тебя с сухими волосами:
 Ты, Алессио Лукский, мне знаком!
 Вот почему слежу тебя глазами».

124 А он, себя ударив кулаком:
 — «Кто льстит, как я, тот в этой яме кайся:
 Без устали болтал я языком».

Тогда мне вождь: «Теперь лицом подайся 127
 Вперед еще немного в этот круг
 И рассмотри глазами постарайся,

Как грязная там дева средь подруг, 130
 Скребет себя ногтями в яме скверной,
 То вдруг присядет, то привстанет вдруг.

То тень Таиды, грешницы неверной, 133
 Что на вопрос: „Довольна ль мной?“ — в ответ
 Любовнику сказала: „Ах, чрезмерно!“

Но далее смотреть мне мочи нет». 136

124. В подлиннике: *battendosi la zucca* — ударив по тылке, намек на водяную сладкоречивость льстецов.
 133-136. Таида (Таиса), возлюбленная Тразона в Теренциевой комедии «Евнух». Разговор, здесь приведенный, происходил собственно не между Таидою и Тразоном, но между последним и Гнатом, через которого Тразон послал в подарок Таиде прекрасную невольницу. «*Magnas vero agere gratias Thais mihi?*» спрашивает Тразон; «*inguentes*», отвечает Гнатон. — Здесь поэт приводит вымышленное лицо, так же точно, как он употребляет мифологические, баснословные лица и существа, ибо заботится не столько об исторической их верности, сколько о воплощении своих глубоких идей в одежду, по возможности близкую к натуре. Каннегиссер.

ПЕСНЬ XIX

Круг восьмой. Яма третья: симонисты. — Папа Николай III.

<p>1 О, Симон-волхв, о племя жалких братий!
О, хищники, сквернившие сребром
И златом дар Господней благодати,</p> <p>4 Входя в союз с единым лишь добром!
Для вас должна греметь труба отныне,
Для вас, взятых навеки третьим рвом. —</p> <p>7 Приблизились уж к третьей мы пучине,
Взойдя на мост до той его черты,
Где падал взор отвесно в ров к середине.</p> <p>10 О высший разум, как искусен ты
На небе, на земле и в злобном мире!
Твой строгий суд — пучина правоты.</p> <p>13 На дне, с боков, в багровом там порфире,
Я зрел везде отверстия круглых нор,
Не уже тех, а также и не шире,</p> | <p>Какими полн прекрасный мой собор 16
Сан'Джиованни, где обряд крещенья
Творят в таких купелях с давних пор.</p> <p>Одну из них разбил я для спасенья 19
Упавшего в нее среди игры:
И вот печать, чтоб разогнать сомненья!</p> <p>Из зева каждой ямы до икры 22
Вон выставлял стопы злодей проклятый,
Все ж прочее скрывал во мгле норы.</p> <p>У всех подошвы стоп огнем объаты 25
И так рвались составы вон из ямы,
Что разорвали б верви¹ и канаты.</p> <p>И как струится пламя по краям 28
Горячих тел, упитанных в елее, —
Так здесь огонь от пальцев полз к пятам.</p> |
|---|--|

1. О Симоне Волхве сказано в Деян. Апост. VIII, 18-20: «Симон же, увидев, что чрез возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погиль с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги». По имени этого Симона, всякое приобретение и раздача должностей духовных за деньги названы симониею — грех, наказуемый в третьем рве. Казнь состоит в том, что грешники погружены головами в узкие отверстия так, что только ноги их до икр торчат снаружи; подошвы же ног горят пламенем, скользящим по ним взад и вперед. Для пап-симонистов предназначена особая яма, и грешники, в ней заключенные, наказуются сильнее прочих; в этой яме всегда погружен только один грешник, который и остается в ней до тех пор, пока не придет на смену другой, виновный в том же (ст. 76-78): тогда предшественник погружается на дно могилы.

5. Т. е. труба поэзии.

10. Не без значения Данте опять упоминает здесь о мудрости божественной: о ней упоминает он везде, где в аду проявляется пламя, символ божественной любви и истины (Ада VIII, 73 и XIV, 29).

17-18. В флорентинской крестильнице (Battisterio San' Giovanni), на каменном помосте возле стен были в прежние времена пробиты узкие углубления в виде купелей, снабжавшиеся водою из колодцев; в них священники крестили новорожденных. Эти углубления сверху прикрывались решетками для того, чтобы защитить священника от натиска народа: ибо во Флоренции в первые времена крестили только в Battisterio San' Giovanni и притом два раза в году: накануне Пасхи и Троицына Дня, а потому стечение народа бывало весьма велико. Это обыкновение и сами купели существовали до 1579 г.; впрочем, в пизанской крестильнице и до сих пор можно видеть эти каменные урны крещения.

19-21. Однажды несколько детей играло в Battisterio около этих купелей; один ребенок упал в углубление и так в нем увяз, что не мог вылезть и едва не утонул. На крик его сбежался народ; но никто не знал, как пособить утопающему, пока наконец не явился Данте, бывший тогда приором города, и собственными руками не разбил топором камень, окружавший углубление. Бенвенуто да Имолла. — За этот поступок человеколюбия многие враги Данте обвиняли его в нечестии; оправдываясь в несправедливом обвинении, Данте в ст. 21 говорит: спасенный да будет моею печатью, т. е. да будет свидетелем правоты моего поступка.

¹ Верви — веревки (устар.).

*Имел я вид духовника-монаха,
Кого, чтоб жизнь продлить, убийца злой,
Уж врытый в ров, все кличет из-под праха.*

(Ад, Песнь XIX, тер. 49)

31 — «Кто это, вождь, в мученьях всех сильнее
Там корчится?» поэта я спросил:
«Зачем огонь над ним горит краснее?»

34 И вождь: «Коль хочешь, в ложе сих могил
Я на руках снесу тебя тем склоном;
Сам спросишь, кто и чем он согрешил».

37 А я: «Твое желанье мне законом!
Ты вождь; ты видишь ясно мыслъ во мне,
И я с тобой готов ко всем препонам».

40 Тут мы, к четвертой подойдя стене,
Спустились влево, чтобы стать в юдоле
На продыравленном и узком дне.

43 И добрый вождь меня из рук дотоле
Не выпускал, пока не добрались
Мы до норы, где грешник выл от боли.

46 — «О злобный дух, стоящий верхом вниз,
Кто б ни был ты, уткнутый здесь, как плаха»,
Так начал я, «коль можешь — отзовись!»

Имел я вид духовника-монаха, 49
Кого, чтоб жизнь продлить, убийца злой,
Уж врытый в ров, все кличет из-под праха.

Но дух кричал: «Так ты уж надо мной, 52
Так ты уж надо мной, о Бонифатий?»
На много ж лет солгал мне список мой!

Что́ скоро так на лоне благодати 55
Пресытился тех благ, для коих смел
Нанести жене прекрасной срам объятий?»

Как тот, кто вдруг вопроса не сумел 58
Понять, стоит смущенный, без ответа, —
Так я стоял, как будто онемел.

Тогда Вергилий: «Отвечай на это: 61
Ведь я не тот, не тот, кого ты ждешь».
И повторил я те слова поэта.

По грешнику тут пробежала дрожь; 64
Вздохнув, сказал он в скорби несказанной:
— «Так от меня желаешь ты чего ж?»

35. Внутренняя стена этих ровов везде ниже, чем наружная, ибо весь этот круг идет наклоном к Коциту. 40-42. Т. е. они переходят мост и, придя к внутренней стене, лежащей между третьим и четвертым рвами, спускаются на дно третьего рва.

43-44. Ров этот так ужасен, что Данте может приблизиться к грешникам только при помощи разума, на руках Вергилия. Копиш.

49-51. Это сравнение заимствовано от ужасной казни, производившейся во времена Данте над убийцами — так наз. *proraginare* (зарывать в землю, как виноградную лозу), казни, состоявшей в том, что убийцу заживо зарывали в землю головою вниз. Нередко случалось при этом, что преступник, желая хоть несколько продлить жизнь, уже засыпаемый землею, неоднократно призывал духовника, под предлогом открытия новых преступлений.

52. Этот говорящий грешник есть папа Николай III (из фамилии дельи Орсини), папствовавший в 1276-1280 гг. О нем говорит Виллани: «Пока он был простым монахом и потом кардиналом, он отличался честностию, доброю нравственностию и, как говорят, был девственник; сделавшись папою, он ревновал в пользу своих, сделал многое для их возвеличения и был первым из пап, при дворе которого открыто производилась симония в пользу папских родственников, отчего они обогатились владениями, замками и золотом» (*Libr. VII, cap. 54*). Николай был расположен в пользу гибеллинов, потому Виллани, как гвельфа, можно подозревать в пристрастии. Впрочем, нам достоверно известно, что этот папа возвел в кардинальское достоинство трех своих родственников, а племянника Бертольдо Орсини сделал графом Романьи; вообще его считают первым из пап, содействовавшим развитию так наз. nepotismo. Он замечателен между прочим и тем, что отправил своего племянника, кардинала Латино, в Романью и Тоскану для примирения партии, содействия возврату изгнанников и дарования отпущения грехов гибеллинам. Филалет.

53-54. Грешник, слыша вопрос Данте, но не видя вопрошающего, думает, что уже прибыл ожидаемый им и долженствующий сменить его папа Бонифаций VIII, что кажется ему несколько преждевременным, ибо, по его расчислению, Бонифаций должен явиться несколькими годами позже. Под именем «хартии» должно разуметь или письменное предсказание, или каббалистическое расчисление, по которому Николай III уже при жизни знал год смерти Бонифация VIII. Он умер в 1303 г.

57. Прекрасная жена — это церковь, которую Николай III обесчестил симониєю.

67 Но если ты спустился в окаянный
Сей ров затем, чтоб обо мне узнать,
То знай: я папа, мантией венчаный.

70 И впрямь была медведица мне мать!
Для медвежат там греб в мешок я золото,
А здесь и сам попал в мешок, как тать.

Сквозь эту щель уже не мало взято
Пап-симонистов, бывших до меня;
Все подо мной исчезли без возврата.

И я за ними свергнусь в пыл огня,
Приди лишь тот, за коего ты принят,
Когда вопрос поспешный сделал я.

73

76

<p>79 Но он скорей, чем я, сей горн покинет,
Где верхом вниз я ныне водружен:
Вослед за ним придет (и вглубь нас вдвинет)</p> <p>82 С заката жрец, поправший весь закон
Числом деяний более злодейских,
И будет он, сей новый Иасон,</p> <p>85 (О нем прочти ты в книгах Маккавейских),
Во Франции в почете у царя,
Как был и тот в пределах иудейских».</p> <p>88 Быть может, был я дерзок, говоря
Такие речи с укоризной злою,
Но я сказал: «Спаситель наш, даря</p> | <p>Ключи Петру, какой к тому казною
Подвергнут был и требовал чего?
Поверь, не боле, как: иди за Мною!</p> <p>А Петр и те, кто вместо одного
Погибшего в сан выбрали Матфея,
Сребра ль, или злата ждали от него?</p> <p>Так стой же здесь; правдива казнь злодея!
Здесь береги мешок с казной своей,
Для коей шел на Карла не робея.</p> <p>И если б я не уважал ключей,
Которыми, облекшись в сан высокий,
Ты в светлой жизни властвовал, злодей, —</p> | <p>91</p> <p>94</p> <p>97</p> <p>100</p> |
|--|--|--|

73-74. Здесь должно разумеать, вероятно, папу Иннокентия IV, заклятого врага Швабского дома, Александра IV, Урбана IV, призвавшего Карла Анжуйского в Италию, и Климента IV.

79. Николай умер в 1280 г., а потому в 1300-м, в год замогильного странствия Данте, исполнилось 20 лет, как он ввергнут главою в ров; тогда как между смертью Бонифация (1303) и его преемника в аду Климента V (1307) протечет только 4 года.

81-83. По смерти Бонифация VIII и кратковременного папствования Бенедикта XI (1303-1304) конклава разделился на две партии: французская желала избрать Наполеона Орсини, противная ей — Маттео Орсини. Наконец, после долгих прений избран был, при содействии французского короля Филиппа Красивого, архиепископ бордосский Бертран под именем Климента V, заключивший предварительно с королем самые позорные условия. Между другими условиями он обещал королю осудить тамплиеров и разрешил ему право конфисковать имущество евреев во Франции. Папа Климент V замечателен еще тем, что, вопреки вековому обычаю, венчан на папство не в Риме, а в Лионе, а также тем, что всеми зависевшими от него духовными средствами старался доставить престол Византийской Империи Карлу Валуа, брату Филиппа. Он умер в один год с Филиппом Красивым, вскоре после того, как произнес несправедливый приговор над тамплиерами (в 1307 г.): таким образом сбылось предсказанное им обоим на костре Иаковом Моле, гроссмейстером ордена. От приговора Данте не спасло Климента и то, что он был благосклонно расположен к гибеллинам и содействовал вступлению Генриха VII (любимца Данте) в Италию. — Для лучшего обзора прилагаем здесь список пап, о которых упоминается в поэме Данте.

Иннокентий IV	1243—1254	} вероятно, под голову Николая III в третьем рве.
Александр IV	1254—1261	
Урбан IV	1261—1265	
Климент IV	1265—1268	

Междуцарствие в течение 33 месяцев.

Григорий X	1272—1276.
Иннокентий V	1276.
Адриан V	1276, в кругу скупых в чистилище.
Иоанн XXI	1276—1277.
Николай III	1277—1280, уткнул головою в третьем рве.
Мартин IV	1281—1285.
Гонорий VI	1285—1287, в кругу сластолюбивых в чистилище.
Николай VI	1288—1292.

Междуцарствие от 1292—1294.

Целестин V	1294, в первом круге ада.
Бонифаций VIII	1294—1303, заступит место Николая III в 3-м рве.
Бенедикт XI	1303—1304.
Климент V	1305—1307, заступит место Бонифация в 3-м рве. Филалет.

ПЕСНЬ XIX

<p>103 Я б посильней здесь высказал упреки;
Ваш алчный дух всем в мире омерзел,
Топча добро и вознося пороки.</p> <p>106 Вас, пастырей, евангелист прозрел,
Когда жену, сидевшую с царями
Средь злободетств, на многих водах зрел.</p> <p>109 Она с семью родилась в мир главами
И в десяти рогах (пока добро
Чтил муж ее), имела власть над вами.</p> <p>112 Вам Богом стали злато и серебро!
Неверных лучше ль вы? По крайней мере
Их Бог один, у вас их ныне сто.</p> <p>115 О Константин! Не обращенем к вере,
А тем, что первому отцу ты дал,
Как много зла родил ты в сем примере!»</p> | <p>Пока ему я это напевал, — 118
От совести ль, или от гнева бешен,
Он с яростью ногами потрясал.</p> <p>Зато мой вождь, казалось, был утешен: 121
С такой улыбкой слушал он слова,
В которых грех так праведно был взвешен.</p> <p>Тут, взяв меня в объятья, как сперва, 124
Он стал всходить опять тем самым скатом,
По коему сходил в пучину рва.</p> <p>И шел без устали со мной, прижатым 127
К своей груди, пока на мост не взнес,
Связующий провал четвертый с пятым.</p> <p>А как здесь крут и скользок был утес, 130
То груз спустил он тихо у стремнины,
Где нелегко б взбираться и для коз.</p> <p>Там мне открылось дно иной долины. 133</p> |
|---|--|

84. Иасон получил архиерейство от царя Антиоха Елифана вместо брата своего Онии, дав царю золота и обещав ввести в Иудее языческие обычаи. Кн. II Маккав. гл. IV, 7-10.

93. Св. Еванг. от Иоанна XXI, 19.

94-95. Вместо Иуды Искаротского. Деян. Апост. гл. I, 21-26.

98-99. Горькая насмешка, ибо в аду Николай III уже не обладает теми сокровищами, которыми так гордился на земле. Эта гордость заставила его требовать у Карла I, короля сицилийского, чтобы он выдал свою племянницу за его племянника. Получив отказ, папа отнял у Карла тосканский викариат и звание римского сенатора. Сверх того, он дал, как уверяют, позволение Иоанну Прочиде произвести восстание в Сицилии против Карла, взяв у Прочиды деньги, которыми снабдил его греческий император Палеолог, желавший повредить врагу своему Карлу Анжуйскому. Это позволение впоследствии, спустя полтора года по смерти Николая III, было причиною восстания сицилийцев против власти французов, известного в истории под именем Сицилийских Вечерен.

100-103. Это место доказывает, что Данте глубоко уважал папское достоинство и карал только опозоривших его пап.

Круг восьмой; яма четвертая: прорицатели и чародеи. — Амфиарай. — Терезий. — Арунс. — Манто. — Эврипил. — Михаил Скотт. — Асденге.

<p>1 О новой казни стих слагать мне надо
И тем предмет двадцатой песне дать
Канцоны первой — о взятых в глубь ада.</p> <p>4 Уже я был вполне готов взирать
В открытый ров, где грешники в кручине
Должны свой путь слезами орошать.</p> <p>7 И видел я, как в круглой той долине
Они в слезах свершают молча путь,
Как литии творят у нас доньне.</p> <p>10 К ним глубже в ров спешил я заглянуть,
И шею их — о диво! Мне казалось,
Взад свернуты от челюсти по грудь,</p> <p>13 Так что к спине лицо их обратилось.
И потому должно им взад идти,
Вперед же им смотреть уж возбранялось.</p> <p>16 Предположить, что мог произвести
В них паралич такие искаженья, —
Такая мысль несбыточна почти.</p> | <p>Коль Бог тебе, читатель, дал из чтенья
Извлечь свой плод, то сам вообрази,
Без слез я мог ли видеть их мученья,</p> <p>Когда увидел образ наш вблизи,
Столь извращенным, что слеза, рекою
Струясь меж плеч, кропила их стези!</p> <p>Поверь, я плакал, опершись рукою
К одной из скал, пока мне мой глава:
— «Ужель и ты безумствуешь с толпою?»</p> <p>Ведь жалость здесь лишь мертвая жива!
Преступник тот, кто скорбью неразумной
Зовет на суд премудрость Божества.</p> <p>Взгляни же вверх, взгляни! Вон тот безумный,
Кто взят землей ввиду фиванцев всех,
При крике их: „Куда из битвы шумной,</p> <p>Амфиарай? Что значит этот спех?“
А он все падал, падал в ад, доколе
Был схвачен тем, кто вяжет каждый грех.</p> |
|---|---|

3. Первою канцоною Данте называет первую часть своей поэмы — Ад.

14-15. Некоторые комментаторы находили эту казнь слишком низкою в художественном отношении, но, не говоря уже о пластичной верности, с которою она представлена, какой глубокий смысл она в себе заключает! Смысл этот следующий: если хочешь проникнуть в будущее, смотри на прошедшее. Прошедшее научает народы из истории, отдельные личности из их личной опытности. Только этим путем Бог позволил человеку (сколько вообще могут проникнуть во мрак времен его недальнорукости) с некоторою вероятностию прозревать в будущее. Стремление же проникнуть в будущее всяким другим путем есть стремление неестественное, те, которые увлечены таким стремлением, вместо того, чтоб идти вперед, идут назад и не видят того, что при естественном своем направлении они могли бы видеть под ногами. Штрекфусс.

17. В подлиннике: *parlasia* (старинная флорент. форма, от *παράλυσις*) — паралич, следствие удара.

28. В подлиннике: *Qui vive la pietà, quand'è ben morta* — игра слов, которую невозможно передать на русский язык. *Pietà* (лат. *pietas*, греческ. *εὐσέβεια*) объемлет собою понятие благоговейного страха ко всему божественному, или находящемуся под непосредственным покровом божества, начиная от страха Господня до благоговейного почитания родителей, как представителей божества, а также сочувствия несчастию ближних — сострадания. Во французском языке отсюда возникло «*piété* — благочестие и *pitié*» — сострадание; у итальянцев и то и другое выражается одним словом. Согласно с этим, смысл этого стиха будет следующий: здесь в аду высшее благочестие (*piété*) и любовь к Богу умерщвляются, если мы предаемся благоговению (любви) низшему, т. е. состраданию (*pitié*). Придерживаясь этого объяснения, предложенного Филалетом, я употребил здесь слово «жалость» в вышеприведенном значении.

34. Амфиарай, сын Оикла и Гипермнестры, прорицатель, один из семи царей, осаждавших Фивы. Зная час своей кончины, он вначале не хотел участвовать в этой осаде; но потом, убежденный своею женою Эрифилою, подкупленною Аргией, женою Этеокла, решился выйти в сражение и во время боя был поглощен расступившеюся землею.

<p>37 Вот он из плеч грудь сделал поневоле!
За то, что взоры слишком вдаль стремил,
Глядит назад, взад пятась в этом поле.</p> <p>40 Вот и Терезий, тот, что изменил
Свой вид и пол, которым для замены
Он в женщину себя преобразил,</p> <p>43 И должен был, для новой перемены,
Жезлом ударить свившихся двух змей,
Чтоб получить все мужские члены.</p> <p>46 Спinoй к нему — вот Арунс чародей!
Средь Лукских гор, где рудокоп Каррары,
Жилец скалы, ломает камень в ней,</p> <p>49 «В пещере белых мраморов жил старый,
Чтоб наблюдать оттуда без тревог
Ход звезд и море, совершая чары.</p> <p>52 А эта тень, что по груди до ног
Спустила кос всклокоченную груду,
В ней скрывши грудь, чтоб видеть ты не мог, —</p> | <p>Тень Манто злой, наш мир обшедшей всюду 55
И там умершей, где родился я.
Внимай же мне, что говорить здесь буду.</p> <p>Когда свой век свершил отец ей 58
И город Вакхов пал, как раб подвластный, —
Она вокруг все обошла края.</p> <p>Под Альпами, в Италии прекрасной, 61
Там, где Тироль германцам запер вход,
Есть озеро — Бенако вечно-ясный.</p> <p>Не тысяча, а больше быстрых вод 64
Меж Гарда и Камоники чрез склоны
Пеннинских гор в то озеро течет.</p> <p>Там место есть, где могут без препоны 67
Три пастыря вознестъ к народу крест
Из Брешии, от Трента и Вероны.</p> <p>И тут, где край покатистый окрест, 70
На брешиан и бергамасков взоры
Стремит Пескьера, крепость здешних мест.</p> |
|--|--|

36. Т. е. Миносом.

40. Терезий — фивский волхв, ударив волшебным жезлом двух вместе свившихся змей, превратился в женщину; но потом, по прошествии семи лет, найдя тех же змей, превратился тем же способом в мужчину. Ovid. Metam. III.

46. Арунт (Арунс) — этрусский гадатель, по словам Лукана, предсказал римлянам гражданскую войну и победу Цезаря. Лукан говорит, что он обитал *deserta moenia Lucae*, или, как другие читают, *Lunae*. Под именем *Luna* был известен старый город *Luni*, около устья Магры, по имени которого вся эта страна названа Луниджианою. Здесь поднимаются величественные горы, где ломают каррарский мрамор.

55. Манто — дочь Терезия, от коего научилась искусству гадания. По смерти отца она покинула родной свой город Фивы, спасаясь от тиранства Креона, завладевшего Фивами по смерти Этеокла и Полиника, долго блуждала по земле и наконец поселилась в Италии, где от речного бога Тиберина родила Окна, основателя Мантуи. Алипранд в своем *Chronicon Mantuanum* называет ее основательницей Мантуи.

56. Вергилий родился, собственно, не в Мантуе, но недалеко от нее, в местечке Андес (Ада I, 68 и примеч.); несмотря на это, он всегда считался мантуанцем. Все эти подробности об основании Мантуи Данте приводит для того, собственно, чтобы воздать честь любимому своему поэту.

59. Фивы — родина Вакха.

63. Нынешнее Гардское озеро римляне называли *Venacus*.

66. Пеннинские горы — *Alpes Poenae* древних.

67-69. Это место называется *Prato della Fame*, в 3 милях от Гарньяно, где сходятся рубежи трех епархий. Леондо Альберти пишет: здесь могли бы три епископа, каждый стоя в своем владении, подать друг другу руку.

72. Пескьера — горное укрепление.

78. Говерно — крепость; ныне Говерноло.

94-96. Когда графы Казалоди сделались властителями Мантуи, тогда Пинамонте де Буонакоссии, один из знатнейших жителей города, видя, как народ ненавидит вельмож, уговорил простоватого графа Альберто Казалоди, управлявшего тогда городом, удалить на время некоторых из знатнейших лиц Мантуи,

73 Сюда бежит излишек вод, который
Вместить в себе Бенако не могло,
И, став рекой, поит луга и горы.

76 И только лишь войдет в свое русло,
Уж Минчием зовется, не Бенаком,
До стен Говерно, где впадает в По.

79 Тут, вскоре встретясь с низким буераком,
Болотом ширится его волна,
Вредя в жары и жителям, и злакам.

82 Сюда проникнув, страшная жена
Находит край в болоте запустелый
И, дикостью страны привлечена,

85 С толпою слуг, для чар науки смелой,
Селится в ней, забыв весь смертный род,
И, кончив жизнь, здесь оставляет тело.

88 Потом окрест рассеянный народ
Пришел за ней в тот дикий край, но сильный
От неприступных вокруг него болот,

91 И град воздвиг над насыпью могильной
И без других гаданий, в память ей,
Он назвал Мантуей свой град обильный.

И город рос, все становясь людней, 94
Покуда Пинамонт не сплел в прельщенье
Гульца Казалоди своих сетей.

Так говорю, чтоб сам ты в заблужденье 97
Не впал, когда родной моей стране
Начнут давать не то происхождение».

И я: «Мой вождь, я убежден вполне 100
В твоих словах, и речь других пред ними
Покажется погасшим углем мне.

Но кто, скажи, достоин меж другими 103
Идущими мой взор к себе привлечь?
Лишь к ним стремлюсь я мыслями своими».

А он: «Вот тот с бородой до смуглых плеч 106
Был авгуром в те дни, когда Эллада
Так обезлюдела от грозных сеч,

Что в люльках лишь остались греков чада; 109
Он с Калхасом в Авлиде дал совет
Перерубить канат на гибель града.

Он, Эврипил по имени, воспет 112
В стихах моей трагедии высокой,
Где каждый стих ты знаешь с юных лет.

уверив его, что это единственный способ снискать навсегда благосклонность народа и упрочить свою власть. Как скоро легкомысленный граф на это согласился, хитрый Пинамонте, удаливший таким образом своих противников, захватил при содействии народа верховную власть, изгнал Казалоди и, чтобы вполне упрочить власть свою, умертвил остальных вельмож и сжег их дома. Спасшиеся никогда уже не возвращались, вследствие чего город значительно опустел.

97-99. Отсюда видно, что во времена Данте существовали различные мнения о происхождении Мантуи. Данте следует Вергилию, который, Аен. X, 198-201, рассказывает это же предание.

113. В своем послании к Кану Великому, которому посвящен Рай, Данте говорит: «Комедия отличается от трагедии по содержанию (*in materia*) тем, что трагедия в начале приятна и спокойна (*admirabilis et quieta*), под конец же или в развязке своей ужасна (*foetida et horribilis*). Точно так и в способе выражения (*in modo loquendi*) различаются они между собою тем, что трагедия высока и торжественна (*elate et sublimis*), комедия же низка и смиренна (*remisse et humiliter*), причем язык ее простой (*vulgaris*), каким говорят и женщины (*in qua et mulierculae communicant*)». Вот причина, почему Данте называет Энеиду трагедией, а свою поэму, писанную простым (итальянским, в отличие от латинского) языком, — комедией.

115-117. Михаил Скотт, из Balweary в Шотландии, врач и астролог императора Фридриха II, жил в середине XIII столетия и считался ученым человеком своего времени. Он написал комментарий на Аристотеля; писал также о философии, астрологии, алхимии, физиогномике и хиромантии. Еще до сих пор существует об этом чародее множество преданий в простом народе в Южной Шотландии, где каждая сколько-нибудь значительная постройка древности приписывается старому Михаилу, Уильяму Уэллсу, или черту. Согласно преданию, он погребен в знаменитом Мельрозском аббатстве, а его сочинения, по тем же преданиям, хранятся частью в этом древнем монастыре, частью в его могиле (см. Walter Scotts,

115 А этот с ним, калека кривобокий,
Михаил Скотт, который, точно, был
В магической игре знаток глубокий.

118 С Бонатти здесь Асдент себя сгубил:
Теперь и сам он видит, но уж поздно,
Что лучше бы он кожу драгвой шил.

121 С ним множество и ведем здесь плачут
слезно:
Забыв иглу, кудель и ткацкий челн,
Они на зельях волхвовали грозно.

Но время в путь! Уж Каин, терний полн, 124
За Кадиксом, на грани заповедной
Двух полусфер, коснулся синих волн.

Еще вчера был полон месяц бледный, 127
Как знаешь сам: тебе не раз с высот
Он лил в ночи сквозь лес свой свет невредный».

Так говорил, а мы все шли вперед. 130

Lay of the last minstrel, Cande II и прим.). Данте, по-видимому, разделяет мнение своих современников о Михаиле Скотте, назвав его глубоким знатоком магии.

118. Гвидо Бонатти, из Форли, — астролог графа Гвидо де-Монтефельтро, написавший одно сочинение о своей науке.

Асденте, — сапожник из Пармы, прославившийся своими предсказаниями также во времена Фридриха II. Его приводит Данте в своем *Convivio*, как пример того, что известность и истинное благородство не всегда совмещаются в одном и том же лице.

124. Простой народ в Италии думал, что темные пятна на луне представляют Каина со связкою терний на спине, — вероятно, намек на жертву, принесенную Каином Богу от плодов земли и отвергнутую Богом. Это поверие о темных пятнах на луне опровергнуто Данте, как сказка (Рая II, 36 и д.). — Захождение месяца, который за день перед тем был полон, означает утро, именно утро второго дня замогильного странствия. Обе гемисферы или полусферы означают восточное и западное полушария, коим границей служит Атлантическое море позади Испании (город Севилья — у Данте *Sibilia* — принимается здесь вместо всей Испании). По вычислению астрономов, если за начало замогильного странствия принять 9 апреля, выходит, что теперь половина восьмого часа утра; а если 6 апреля, то около 9 часов; если же принять 25 марта за первый день Дантова странствия, то нельзя получить никаких верных результатов. См. у Филалета. *Die Hölle*, p. 151.

127-129. Мерцание месяца, слабый свет человеческой мудрости, служило Данте путеводным светом, при помощи которого он достиг через темный лес человеческих заблуждений к подошвам холма, к началу спасения (Ада I, 13 и примеч.).

ПЕСНЬ XXI

Круг восьмой: яма пятая: менялы. — Сенатор из Лукки. — Злые-Лапы. — Злой-Хвост. — Комическая сцена у дьяволов.

<p>1 Так с моста на мост шли мы, рассуждая,
О чем молчу в Комедии моей,
И, на скалу взобравшись, там у края</p> <p>4 Остановились, чтоб взглянуть под ней
В другую щель, где тщетно выл в провале,
В ужасном мраке, полк других теней.</p> <p>7 Как липкий вар клокочет в арсенале
Зимой в Венеции, где весь народ
Смолит суда, негодные плыть дале</p> <p>10 По ветхости, и где кто строит бот,
Кто конопатит те суда, что шквалы
Изведали от многих непогод;</p> <p>13 Кто снасти вьет, кто тешет весла, фалы;
Кто на носу стучит, кто под рулем;
Кто парус штопает большой, кто малый, —</p> <p>16 Так творческим искусством, не огнем,
Растоплена, смола тут клокотала
И всюду липла на скалах кругом.</p> <p>19 Я в ров глядел, но видел в мгле провала
Одну смолу, как, дуясь в пузыри,
То пучилась, то гущей оседала.</p> | <p>Пока я ров обозревал внутри, — 22
Мой вождь с скалы, где я стоял, в мгновенье
Увлек меня, вскричав: «Смотри, смотри!»</p> <p>Я взад взглянул, как тот, кто ждет в волнении 25
Увидеть то, что может страх вселить,
И, кто, внезапно оробев, в смятении,</p> <p>Бежит, но глаз не может отвратить. 28
И видел я, как сзади дьявол черный
Гнался за мной по камням во всю прыть.</p> <p>О, как был страшен вид его тлетворный! 31
С каким злорадством, крыльями треща,
Он мчался бегом, легкий и проворный!</p> <p>На нем, поддет на острый горб плеча, 34
Сидел верхом злой грешник; дух же злобный
За жилы ног держал его, крича:</p> <p>«Вот староста от Зиты преподобной! 37
Гей, Злые-Лапы нашего моста,
В смолу его! А я товар подобный</p> <p>Добыть для вас бегу опять туда, 40
Где все продажны, кроме лишь Бонтуры;
За деньги там из не т выходит да!»</p> |
|--|---|

1. В пятом рве казнятся светские симонисты, люди, противозаконно торговавшие местами, раздававшие за деньги гражданские должности, и всякого рода взяточники (*barattieri*). Они погружены в озеро кипящей смолы, из которого от времени до времени выплывают, желая прохладиться. Но демоны, бегающие по берегам и вооруженные крючьями, хватают выплывающих, сдирают с них кожу и опять кидают в озеро. — «Как перед совестью убийц кровь насильственно ими убиенных выступает кровавою рекою (Ада XII, 17-48 и примеч.), так сознание черных, во мраке совершенных дел опутывает души этих грешников липкою, черною смоляною массою. Захотят ли они выплыть из среды, в которую погружены их грехи, их гнусное крючкотворство, воплощенное в толпу отвратительно страшных демонов, является перед их очами, как кентавры перед очами насильвателей ближних (Ада XII, 56 и примеч.), и тем с большею яростью и тем глубже погружают их в сознание своей греховности». Во времена народных несогласий класс гражданских чиновников обыкновенно отличается продажно-стью; а как продажен он был во времена Данте, видно из того, что поэт посвящает две целых песни этим грешникам. Копиш. Штрекфусс.

16. Не без значения смола в пятом рве растоплена не огнем, а силою божественной (*per divina arte*). Мы уже неоднократно говорили, что огонь у Данте есть символ божественного учения, света вечной любви и истины. «Грешники, здесь наказуемые, до того погружены в черной грязи своей греховности, что никогда уже не могут видеть божественное: в нечистой среде своей, в кипящем смоляном озере, они чувствуют одну только силу огня, но проявления его в свете уже не видят. Огонь любви и истины уже для содомитов светил очень слабо» (Ада XV, 19 и примеч.). Копиш.

- 43 Швырнув его, умчался бес понурый,
И никогда с такою быстротой
За вором пес не гнался из конуры.
- 46 Тот вглубь нырнул и всплыл, облит смолой,
А демоны из-под скалы висячей
Вскричали: «Здесь иконы нет святой!
- 49 Не Серккьо здесь; тут плавают иначе!
Так если знать не хочешь наших вил,
Чур, не всплывать из-под смолы горячей».
- 52 И сто багров ему всадили в тыл,
Крича: «В смоле здесь попляши сначала,
А там плутуй, когда достанет сил».
- 55 Так повара, не мешкая нимало,
Велят прислуге погружать в котле
Крючками мясо, чтобы не всплывало.

- Тут добрый вождь сказал: «Пока во мгле 58
Они тебя еще не увидали,
Приди, прижмись к какой-нибудь скале.
- И как бы тут меня ни оскорбляли, 61
Не бойся ты; я знаю все дела,
Они со мной и прежде в спор вступали».
- Здесь по мосту дошел он до угла 64
Шестой скалы, и тут-то было нужно
Явить ему все мужество чела.
- С той яростью, с той злобой, с коей дружно 67
Несутся псы на нищего, когда
Он вдруг попросит, стоя безоружно, —
- Из-за скалы взлетела их орда, 70
Подняв все крючья на него; но смело
Он крикнул: «Прочь, не делать мне вреда!

37. Зита, родом из Монте Саграто около Лукки, находясь в должности служанки в этом городе у некоего Фатинелли, отличалась своею благотворительностью и благочестием и, по смерти, причтена папою Николаем III к лику святых. — Староста от Зиты преподобной означает, стало быть, старосту из Лукки. Древние комментаторы (Франческо де Бути) называют этого непоименованного грешника Мартино Боттаио.

38. Злые-Лапы (Malebranche) — так названа адская стража этого рва в намек на алчность здесь казнящихся грешников; кажется, на каждом из мостов этого круга приставлена подобная стража.

39-40. Отсюда видно, что Злым-Лапам дозволено выходить на свет и приносить оттуда грешников. Слич. Ада XXVII, 113.

41. Очевидная ирония: Бонтуро Бонтури, из фамилии Дати, был именно один из самых продажных (archibarraterius, как говорит Бенвенуто да Имола) жителей города Лукки и отворил пизанцам за деньги Пизанские ворота (di Porta di Pisa) 18 ноября 1313 г. Подробнее о нем см. у Филалета. Die Hölle, p. 157.

42. Из всего этого видно, что жители Лукки особенно отличались своею продажностью. Annales Lucensis urbis. Vol. I, p. 320, говорят, что уже в 1225 г. многие луккские дворяне продали за деньги неприятелям замки, коими повелевали, и за то были отрешены от своих должностей.

48. Святая икона (il Santo Volto) — собственно, древняя статуя Христа, отличной, кажется, византийской работы. Она стоит в особенной небольшой капелле посреди собора в Лукке. О прибытии этой статуи из Иерусалима в Лукку существует преудивительная легенда, которую рассказывает Бенвенуто да Имола, прибавляя: Tu de hoc crede quod vis, quia non est de articulis fidei. Этот образ и поныне находится в большом уважении у луккийцев. Дьяволы, видя грешника, выплывшего из смолы скорчившимся и принявшим фигуру человека молящегося, с жестокою насмешкою намекают, что здесь уже не поможет ему никакое упование в чудотворный лик его города. Филалет.

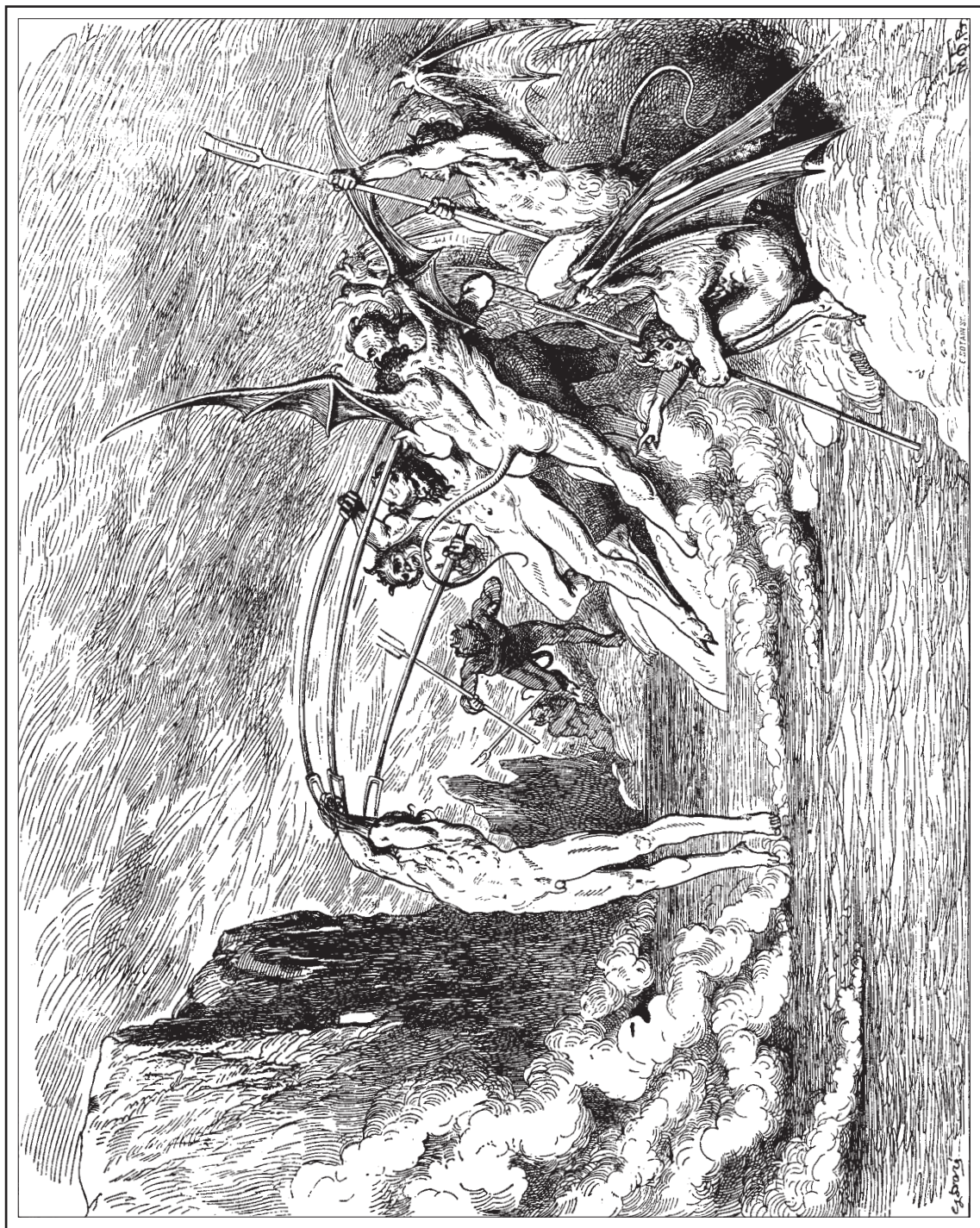
49. Серккио — река, протекающая недалеко от Лукки.

54. В подлиннике: Si che, se puoi, nascosamente accaffi — намек на обыкновение этих грешников ловить в мутной воде.

60. С грешниками этого рода необходима осторожность. Копиш.

63. Намек на первое странствование Вергилия в аду (Ада IX, 22 и д.).

85. Первое впечатление, произведенное Вергилием на демонов, равносильно тому, которое производит на какое-нибудь уличенное во взяточничестве судебное место известный своим бескорыстием неподкупный ревизор, уполномоченный правительством открыть и строго карать злоупотребления. Но этот

И сто багров ему всадили в тыл,
Крича: «В смоле здесь попляши сначала,
А там плутуй, когда достанет сил».

(Ад, Песнь XXI, тер. 52)

ПЕСНЬ XXI

73	Нет, прежде чем мне крюк вонзите в тело,
Пусть выступит один из ваших стай;
Потом уж рвите, выслушав, в чем дело».		В таком испуске (помню) был народ,
Когда, Капрону сдав по договору,
Он стиснут был врагами у ворот.	94
76	Все крикнули: «Ступай, Злой-Хвост,
<div style="text-align: right;">ступай!»
И выступил один (а те ни шагу)
И, подойдя, спросил: «Зачем в наш край?»</div>		К вождю прижавшись телом всем
в ту пору,
Глаз не сводил я с страшных образов,
Где доброго не представлялось взору.	97
79	— «Проник ли б я, Злой-Хвост,
в твою ватагу,
Когда бы мне», учитель мой в ответ,
«Не подали на подвиг сей отвагу		Все опустили крючья; но один
Сказал товарищам: — «Пырну...
хотите ль?...»
А те: «Ну что ж? Чего жалеть их спин?»	100
82	Рок благотворный и святой завет?
Пусти же нас: так небесам угодно,
Чтоб здесь живой за мною
шел вослед».		Но бес, с которым говорил учитель,
Туда поспешно обратиться, сказал:
— «Стой, Кутерьма! Стой смирно,
возмутитель!»	103
85	Вмиг сокрушил он в дерзком гнев бесплодный:
Он выронил свой острый крюк к ногам,
Сказав другим: «Пусть он идет свободно!»		И нам потом: «По грудам этих скал
Дороги нет: там встретит вас преграда;
Там мост шестой, обрушась, в бездну пал.	106
88	Тогда мне вождь: «О ты, сидящий там,
Прижавшись к камням свода мостового,
Иди ко мне: уж враг не страшен нам».		Но если в ад идти вам дальше надо, —
Идите сим вертепом; там готов
Вам мост другой, ведущий в пропасть ада.	109
91	Вскочив, я бросился к вождю, но снова
Все дьяволы надвинулись вперед,
Так что я думал, что не сдержат слова.		Вчера, поздней сего на пять часов,
Минуло ровно тысяча уж двести
И шестьдесят шесть лет, как пал он в ров.	112

страх, как мы видим, быстро проходит, и в подсудимых вскоре опять оживает надежда избавиться от уполномоченного силою или хитростью. Штрекфусс.

94-96. Капрона — пизанская крепость на берегу Арно. Жители Лукки завладели ею; но вскоре, осажденные тосканскими гвельфами, соединившимися с пизанскими изгнанниками по смерти графа Уголино, после 8-дневной осады принуждены были сдаться вследствие недостатка воды (в августе 1290 г.) на капитуляцию с условием пощады гарнизону. По повелению графа Гвидо де Монтефельтро, которому сдалась Капрона, все сдавшиеся были привязаны к канату и проведены до границы. Когда они таким образом проходили через лагерь, неприятель кричал: *arripca! arripca!* (на виселицу их!), что естественно наводило страх на побежденных. Можно думать, что Данте был очевидцем этого события, которое он приводит для сравнения со своим страхом; ибо на 25-м году он служил в войске гвельфов, к партии которых принадлежал по своему происхождению (*di nazione*), пока впоследствии политические обстоятельства не склонили его более на сторону гибеллинов.

112-114. Эта терцина есть самая важная для определения года и дня замогильного странствования Данте.

118-123. Имена этих, равно и двух упомянутых выше демонов, я старался заменить соответственными русскими, придерживаясь отчасти этимологического объяснения их значения, предложенного Ландино; я желал этим выразить тот фантастический страшный характер этих существ, который так удивительно драматизирован в следующей песне. — «Здесь надобно сказать, что все эти демоны, как заметил Шлегель, собственно не падшие ангелы, но фантастические чудовища в человеческом образе, не имеющие, впрочем, в себе ничего человеческого, кроме хитрости и диких страстей, каковы гнев и мстительность.

*Из-за скалы взлетела их орда,
Подняв все крючья на него; но смело
Он крикнул: «Прочь, не делать мне вреда!»
(Ад, Песнь XXI, тер. 70)*

ПЕСНЬ XXI

115 Я шлю туда моих взглянуть на месте,
Не всплыл ли кто там из смолы; туда
Идите с ними, без боязни, вместе.

118 Марш, Криволет, Давило, Пес-Беда!»
Тут крикнул он: «Десяток в те вертепы
Ты поведешь Курчава-Борода!

121 Марш, марш, Драконий-Зуб, и
Вихрь-Свирепый,
И Вепрь-Клыкан, и Душелов, и вы,
Злой Адский-Сыч и Красный-Черт нелепый!

124 Обшарьте все кипучие валы,
А их не троньте до того гранита,
Что уцелел, простертый через рвы».

— «О, что я вижу, вождь, моя защита?» 127
Воскликнул я. — «Пойдем, пойдем одни!
Ты знаешь путь; к чему ж нам эта свита?»

«И как ты сам, столь мудрый искони, 130
Не зришь, какие в их бровях угрозы
И как скрежещут в ярости они?»

И мне поэт: «Твой страх — пустые 133
грезы!
Пускай себе скрежещут их клыки;
Ведь то гроза в смоле той льющим слезы».

Плотиной влево двинулись полки; 136
Но наперед, взглянув на воеводу,
Все стиснули зубами языки,

И протрубил он под хвостом к походу. 139

Они то же самое, что Минос, Цербер, Минотавр и другие символы наказуемого порока и самой казни. Данте заимствует эти существа отовсюду, как из мира языческого, так и христианского, и пользуется всеми богатствами сказки и истории для олицетворения своих идей; но откуда бы ни почерпал он эти образы, он везде одушевляет их жизнью так, что его символы никогда не кажутся холодными, мертвыми аллегориями». Каннегиссер.

138. Этой гримасой диаволы дают знать Злому-Хвосту, что они смекнули обман, в который он вводит поэтов.

ПЕСНЬ XXII

Круг восьмой; яма пятая: менялы. — Наваррец Чьямполо. — Фра Гомита. — Микель Цанке. — Драка демонов.

<p>1 Видал и я, как всадники в атаку,
Или на смотр идут за строем строй,
И как бегут по данному им знаку;</p> <p>4 Видал, как мчатся и на вас грозой,
О аретинцы, шайки партизанов;
Как начинают на турнирах бой,</p> <p>7 По звуку труб, по грому барабанов,
Колоколов, по знаку с крепостей,
Как введено у нас и бусурманов;</p> <p>10 Но не видал, чтоб дудкой вроде сей
Сигнал давали пешим, или конным,
Иль морякам ни днем, ни в мгле ночей.</p> <p>13 Мы шли с десятком бесов к осужденным:
О страшный сброд! Но в церкви со святым,
В гостинице — с обжорой беззаконным.</p> <p>16 Я, впрочем, занят был тогда иным:
Я знать хотел устройство сей долины
И грешный род, который в ней палим.</p> <p>19 Как морякам изгибом спин дельфины
Дают намек, что время помышлять
Об участии судов их средь пучины, —</p> | <p>Так грешники, чтоб в коже боль унять, 22
Мелькнув спиной то там, то тут снаружи,
Быстрее молний прячутся опять.</p> <p>И, как лягушки у окраин лужи 25
Сидят, поднявши морды из воды
И спрятав с брюхом лапы неуклюжи, —</p> <p>Так вокруг сидят здесь грешников ряды; 28
Но каждый вмиг скрывается в пучину,
Едва завидит близость Бороды.</p> <p>Одна лишь тень (досель от страха стыну!) 31
Осталась, как лягушка, что из всей
Толпы подруг одна не скачет в тину.</p> <p>И Душелов, подкравшись первый к ней, 34
Поддел на крюк и на кудрях смолистых
Извлек ее, как выдру, из зыбей. —</p> <p>По именам я знал уж тех нечистых, 37
Заметив их при сборе и когда
Они скликались с берегов скалистых.</p> <p>— «Эй, Красный-Черт, скорей, скорей сюда! 40
Сдери когтями кожу с плеч безбожной».
Проклятая вся крикнула орда.</p> |
|--|---|

1-12. Торжественный тон, которым поэт начинает эту песнь, близок к комическому. Из этих терцин можно также видеть, что Данте хорошо понимал и военное искусство, что служит дополнением многосторонних сведений этого всеобъемлющего поэта. Штрекфусс.

5. Данте обращается здесь особенно к Арещо, потому что владения этого города во времена Данте всего более страдали от военных набегов (gualdane). Ландино.

8. В Средние века колокола (вечевые) служили для сигналов в военное время; таков в особенности был так наз. Martinella (Ада X, 31-93 и пр.) во Флоренции, при звуках которого собирались вооруженные цехи. Филалет.

14-15. В подлиннике: *ma nella chiesa Co'santi, e in taverna co'ghiottoni* — пословица, сходная с нашей: с волками жить — по-волчьи выть.

19-21. Здесь разумеется особенная порода китовидных (cetacea), часто встречающаяся в Италии: *Delphinus Delphis L.* Млекопитающее это дышит легкими, именно через два носовых отверстия, помещенных на верхней части головы, а потому часто должно выплывать на поверхность моря, причем выставляет изгибистую спину (*l'arco della schiena*). О нем говорит Плиний: *Praesagiunt et animalia. Delphini tranquillo mari lascivientes flatum, ex qua veniunt parte; item spargentes aquam turbato, tranquillitatem.* Филалет.

30. Выдра (*Mustela Lutra L.*) ловится и извлекается из воды крючками, как рыба. Ее длинная шерсть, гладко прилегающая к ее телу, когда с него стекает вода, служит прекрасным сравнением для грешника, облитого растопленной смолой. Филалет.

43 И я: «Узнай, учитель, если можно,
Кто тот несчастный, что попал в полон
К своим злодеям так неосторожно?»

46 Став близ него, учитель мой спросил:
«Где ты рожден?» — А он в ответ:
«В Наварре:
Там при одном сеньоре я служил.

49 Отец же мой сгубил себя
в пожаре
Слепых страстей и разорил весь дом —
Известный мот! Потом при государе

52 Тебальде Добром я служил рабом.
Тогда-то я предался гнусной страсти,
За что отчет здесь в пекле отдаем».

55 Тут Вепрь, у коего клыки из пасти,
Как у свиньи, торчали по бокам,
Одним из них стал рвать его на части.

58 Попался он, какмышь лихим котам!
Но Борода, обняв его, с досадой
Им крикнул: «Прочь, пока натешусь сам!»

61 И, бросив взгляд к вождю, сказал: «Коль надо
Что допросить, то спрашивай его;
Не то его раздернет это стадо».

И вождь: «Итак, скажи ты мне, кого 64
В смоле ты знаешь, кто латинин родом?»
А он: «Сейчас покинул я того,

Который жил в соседстве с их 67
народом.
О, если б с ним я скрылся в кипяток,
Я б не попался в когти к сим уродам».

Тут крикнул Вихрь: «Да долго ль ждать?» 70
и в бок
Всадил ему багор в пылу жестоком,
Рванул и вырвал из него кусок.

Уж налетел и Зуб-Драконий скоком, 73
Чтоб вырвать ногу, но десятник их
Кругом, кругом озрелся злобным оком.

Немедля вождь, лишь гнев в них приутих, 76
Спросил того, который с скорбью лютой
Глаз не сводил еще от ран своих:

— «Так с кем же ты расстался в те минуты, 79
Как на беду здесь к берегу пристал?»
А он: «То был Гомита, пресловутый

Монах Галлурский, всякой лжи фиал: 82
Блюститель пленных своего владыки,
Он блюл их так, что их любимцем стал.

48-55. Древние комментаторы называют этого грешника Чиамполо, или Джиамполо (Жан Поль). О нем известно, что он был сын некоего мота, разорившего все свое имение; мать Чиамполо, из благородной фамилии, отдала его в услужение одному барону короля Тебальдо, или Тибо; вскоре он попал в любимцы самого короля и, употребив во зло доверие к себе государя, бессовестно торговал его милостями. Этот король есть, вероятно, Тибо II из Наварры, граф Шампани, получивший за доброту свою прозвание Доброго; он умер в 1233 г. Он ограничил права и привилегии церкви; отличался, впрочем, ревностью в завоевании Святой Земли, а также своими заслугами в поэзии и музыке.

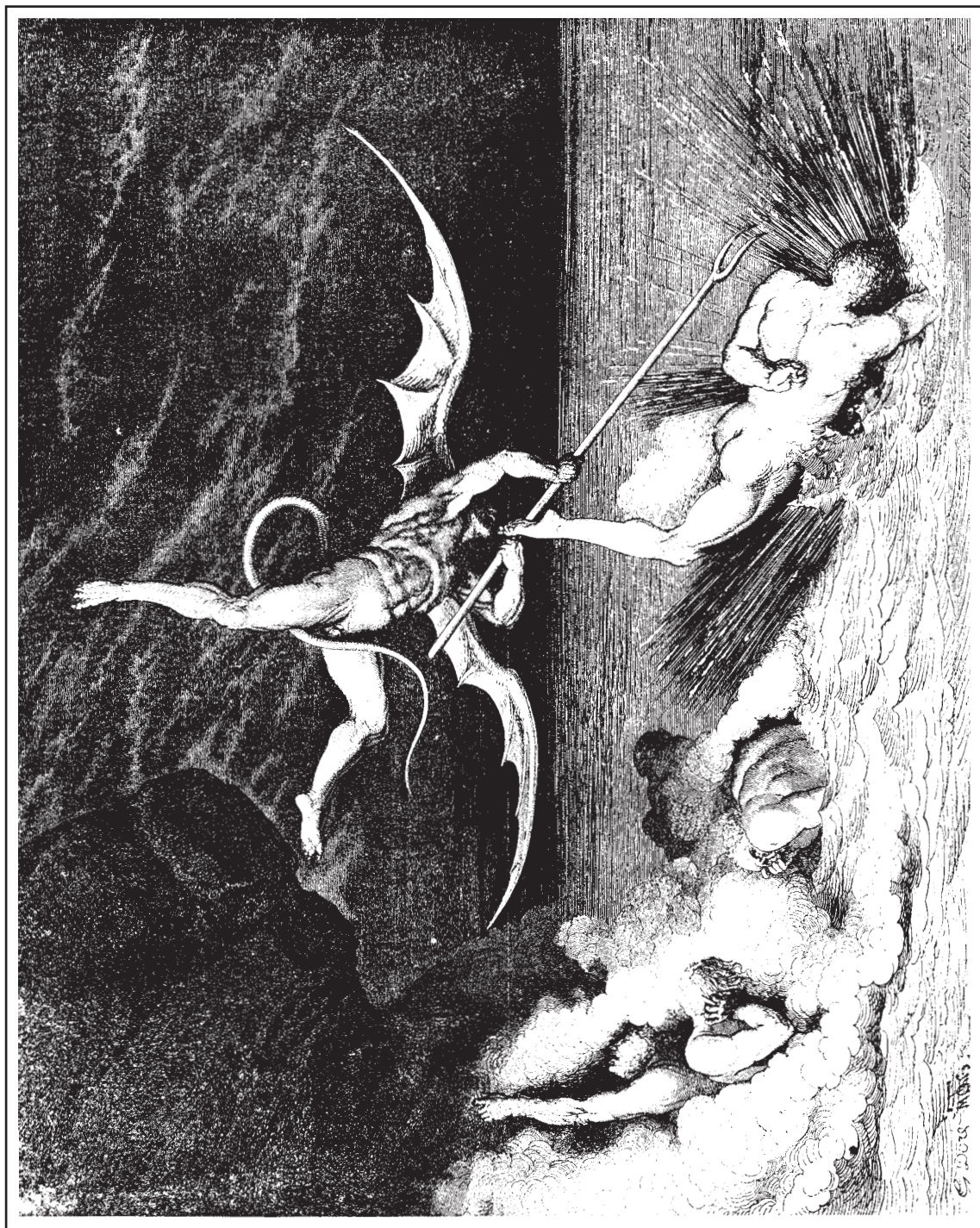
65. Латинский поэт Вергилий почти всегда называет итальянцев латинами.

69. Сопротивлением воле Божией он заслужил большее наказание (Ада XV, 37 и примеч.). Копиш.

73. Курчава-Борода не может сохранить никакого порядка в своей орде; общая участь начальников незаконных! Штрекфусс.

81. Сардиния, принадлежавшая в то время Пизе, состояла из 4 округов: Логодоро, Каллари, Галлура и Альбореа. Округом Галлура управлял Нино Висконти ди Пиза, коего полное доверие умел снискать себе монах Гомита. Пользуясь милостями своего повелителя, он делал всякого рода злоупотребления, продавал места, брал взятки, отпускал за деньги пленников на волю и наконец был повешен.

88. Микеле Цанке, сенешаль короля Эндио, побочного сына Фридриха II, владителя Галлуры и Торре в Сардинии. Цанке женился по смерти Эндио на его вдове Адалазии и завладел этою областью острова. Вероятно, он был в тайных сношениях с Гомитою.

*Не упустил наваррец этот случай,
Встал на ноги и в смолу — чебурах,
Чем и избег он казни неминучей.*

(Ад, Песнь XXII, тер. 121)

ПЕСНЬ XXII

<p>85 Он их пускал за деньги без улики,
Как говорит, и в каждом ремесле
Был взяточник не малый, а великий.</p> <p>88 Дон лодогорский, Цанке, с ним в смоле
Их языки усталости не знают;
И все толкуют о родной земле.</p> <p>91 Но посмотри, как там глаза сверкают!
Мешаются от ужаса слова...
Того и жду, что спину поласкают!»</p> <p>94 Здесь обернулся адский голова
К Сычу, сверкавшему глазами злобно,
И крикнул: «Прочь, зловеющая сова!»</p> <p>97 — «Хотите ль видеть, допросить подробно
Тосканцев иль ломбардцев», молвил плут
Испуганный, — «их подманить удобно.</p> <p>100 Пусть Злые-Лапы дальше отойдут,
Чтоб грешники не опасались мести;
А я, на этом месте сидя тут,</p> <p>103 За одного себя им выдам двести,
Лишь свистну им: таков у нас устав,
Чтоб всплывший свистом подавал всем вести».</p> <p>106 Тряся башкой и морду вверх подняв,
На то сказал Беда: «Хитер! Вишь штуки
Какие вздумал, чтоб прыгнуть стремглав».</p> <p>109 Но тот, кому дались все плутни в руки:
— «Хитер?! О, верно слишком я хитер,
Когда своим готовлю злые муки!»</p> <p>112 Тут Криволет, другим наперекор,
Сказал ему: «Что ж, прыгай; за тобою
Я не пушусь бежать во весь опор,</p> | <p>«Но крыльями взмахну я над смолою. 115
Каков-то будет у тебя успех,
Сейчас увидим, скрывшись за скалою».</p> <p>Послушайте, какой тут вышел смех! 118
Все притаились за скалистой кручей
И первый тот, кто спорил больше всех.</p> <p>Не упустил наварец этот случай, 121
Встал на ноги и в смолу — чебурах¹,
Чем и избег он казни неминучей.</p> <p>Такой прыжок их уничтожил в прах, 124
А пуще всех виновника тревоги;
Он мчится с криком: «Ты в моих руках!»</p> <p>Напрасный труд! Был ужас легконогий 127
Быстрее, чем крылья. Дух пошел ко дну,
А бес в полете повернул с дороги.</p> <p>Так, сокола завидя, в глубину 130
Ныряет утка; он же в гневе яром,
Измученный, несется в вышину.</p> <p>Меж тем Давило, разбешен ударом 133
И радуясь, что к драке есть предлог,
Пустился вслед за Криволетом с жаром.</p> <p>И только что плут скрылся в кипяток, 136
Как он над бездной, в воздухе висящий,
Впустил в собрата когти рук и ног.</p> <p>Но тот и сам, как ястреб настоящий, 139
Сцепился с ним когтями, дик и яр,
И оба вниз упали в вар кипящий.</p> <p>В один момент их рознял страшный жар, 142
Но вверх взлететь не в их уж было воле:
Так облепил им крылья адский вар.</p> |
|--|--|

120. Т. е. Криволет.

139. В подлиннике: Sparvier grifagno; так называются те ловчие птицы, которые берутся не из гнезд, но приучаются к охоте уже взрослые. Немецкие сокольники их называют: Wildfangsperber. Они смелее всех прочих ловчих птиц. Филалет.

142. Ибо смола растоплена божественною силой — per divina arte (Ада XXI, 16 и примеч.). Копиш.

¹ Чебурах — падать куда-либо, удариться обо что-нибудь.

*И только что плут скрылся в кипяток,
Как он над бездной, в воздухе висящий,
Впустил в собрата когти рук и ног.*

(Ад, Песнь XXII, тер. 136)

ПЕСНЬ XXII

145 Тут, сжалившись над их злосчастной долей,
К ним Борода на помощь шлет багры,
И четверо бесов, не медля боле,

И там и здесь сбежали к ним с горы
И, протянув к полусваренным крючья,
Их извлекли из смоляной коры.

148

И мы оставили их в злополучьи.

151

ПЕСНЬ XXIII

*Круг восьмой; яма шестая: лицемеры. — Веселые братья. — Каифа. — Анна. —
Фрате Каталано.*

<p>1 Мы молча шли одни, без адской свиты,
Он впереди, я сзади в тишине,
Как странствуют монахи минориты.</p> <p>4 При этой драке вдруг на память мне
Пришел Эзоп, изобразивший в басне,
Какмышь плыла с лягушкой по волне.</p> <p>7 Теперь и днесь значеньем не согласней,
Как эта баснь с той дракой, коль сравнить
Начало и конец их беспристрастных.</p> <p>10 И как из дум исходит мыслей нить,
Так родилась из этой мысль иная,
Чтоб первый страх во мне усугубить.</p> <p>13 Я думал так: ведь из-за нас их стая
Подвергнулась и сраму, и вреду,
Так что бесить должна их шутка злая.</p> <p>16 Ну, если гнев привьется на беду
К злой воле их, ведь злей они помчатся
За мной, чем пес по зайчьему следу.</p> <p>19 Я чувствовал, что дыбом становятся
На мне волосы, и, озираясь вспять,
Сказал: «Учитель, если не удастся</p> <p>22 Нам спрятаться, Злых-Лап не миновать!
Уж гонится за нами рой суровый;
Мне чудится, что слышу их опять».</p> | <p>— «Будь я стеклом с подводкою свинцовой, — 25
Не отразился б в нем так образ твой,
Как отражен во мне твой ужас новый.</p> <p>И так с твоим совпал весь помысл мой. 28
Он до того ему во всем подобен,
Что я из двух совет извлек такой:</p> <p>„Коль справа здесь настолько спуск удобен, 31
Чтоб мы сойти могли в ближайший ров, —
Нас не догонит враг, как он ни злобен“...</p> <p>Вождь не успел докончить этих слов, 34
Как я узрел их рой в полете диком
Так близко к нам, что нас схватить готов.</p> <p>Тут вождь схватил меня, как мать, что криком 37
Пробуждена и видя вкруг разлив
Пожара в доме, в ужасе великом</p> <p>Хватает сына и, едва прикрыв 40
Себя сорочкой, мчится с ним, готова
Сама сгореть, лишь только б он был жив.</p> <p>И с высоты утеса векового 43
Он лег спиною на отлогий скат,
Воздвигнутый как грань вкруг рва другого.</p> <p>По желобу так быстро с гор каскад 46
Не падает на мельницу в колеса,
Свергаясь с громом в ящики лопат, —</p> |
|--|--|

3. Монахи францисканского ордена, называемые миноритами (*frati minori*), из действительного или при-
творного смирения, ходят обыкновенно с поникшею головою: точно так идут теперь и поэты, задумав-
шись по случаю приключения, которого они были свидетелями.

4-6. В этой басне Эзоп рассказывает промышь, заключившую дружбу с лягушкою. Лягушка, же-
лая погубитьмышь, вызвалась путешествовать с нею вместе и для того привязала ее к себе. Прибыв
к болоту, лягушка нырнула в воду и утопиламышь. Пролетавший мимо коршун, заметив мертвуюмышь
в воде, схватил ее; но вместе с нею вытащил и привязанную к ней лягушку и проглотил обеих. Послед-
нее приключение сходно с этою баснею тем, что два демона, желая повредить друг другу, оба попали
в кипящую смолу, которая поглотила их, как коршунмышь и лягушку.

7. В подлиннике: *mo ed issa* — два областных слова, оба значущие теперь.

25. В подлиннике: *S'io fossi d'impioimbato vetro* — будь я стекло, обложенное свинцом, т. е. зеркало.

43. Мост через шестой ров разрушен землетрясением в минуту кончины Спасителя (Ада XII, 45
и примеч.); между тем поэты были уверены Злым-Хвостом (Ада XXI, 106-111) в целости этого моста
и для того, чтобы найти его, идут по внешней ограде шестого рва. По склону этой ограды, лежащей между
пятым и шестым рвами, скатывается теперь Вергилий, не найдя моста и видя близкую погоню демонов.

*Едва стопой коснулся дна певец,
Как из-за скал мелькнули их станицы
Над нами; но — тут страху был конец <...>
(Ад, Песнь XXIII, тер. 52)*

49 Как падал вождь с скалистого откоса,
Держа меня у сердца, как отец,
Не как мой спутник, и, скатясь с утеса,

52 Едва стопой коснулся дна певец,
Как из-за скал мелькнули их станицы
Над нами; но — тут страху был конец:

55 Затем что промысл творческой десницы,
Поставив их на стражу в пятый грот,
Пресек им выход из своей темницы.

58 Тут мы нашли повапленный¹ народ;
Он тихо брел все вокруг, подъемя стоны,
И вид имел убитых от забот.

61 И был одет он в рясы, в капюшоны,
Нависшие на очи, вроде тех,
Какие в Кельне чернецам скроены.

64 Под позолотой, ослеплявшей всех,
В них был свинец, столь веский, что соломой
Пред ним казался б Фридрихов доспех.

67 О род, векеи мантией гнетомый! —
Мы повернули влево и пошли
С толпой теней, томимых злой истомой.

70 Но грешники так медленно брели
Под грузом ряс, что мы, что шаг, то рядом
Все с новыми попутчиками шли.

И я вождю: «Найди под сим нарядом,
Кто делом здесь иль именем велик,
И на ходу окинь их область взглядом».

И кто-то, вняв тосканский мой язык,
Кричал нам вслед: «Куда во мгле загробной
Так мчитесь вы? Помедлите хоть миг!

Я дам, быть может, вам ответ подробный». 79
Тут обратясь сказал мне вождь: «Дождись,
Потом шаг в шаг иди с сей тенью злобной».

Я стал и вижу: двое к нам плелись; 82
Хоть с виду к нам они душой парили,
Но узкий путь и груз смиряли рысь.

Догнав меня, они, косясь, вперили 85
Безмолвный взор в лицо мне и потом,
Переглянувшись, так заговорили:

— «Ведь он живой! Смотри, как дышит ртом! 88
А если мертв и тот и сей, где ж столы
Тяжелые на этом и на том?»

И мне: «Тосканец, ты, пришедший в школы 91
К нам, лицемерам, льющим токи слез,
Сказать: кто ты, в труд не вмени тяжелый».

А я в ответ: «Родился я и взрос 94
В великом городе, где Арно плещет,
И плоть на мне, какую там я нес.

58-62. Смысл этой казни понятен каждому. О лицемерах сказано: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». Матф. XXIII, 27.

61. Древний комментатор Франческо де Бути рассказывает, что один из кельнских аббатов до того был высокомерен, что просил у папы дозволения братии своего монастыря носить рясы алого цвета, а шпоры и стремяна иметь серебряные. Чтобы смирить высокомерие аббата, папа повелел ему и его братии одеваться в черные рясы плохого покроя и употреблять деревянные стремяна. По другим, капюшоны кельнских монахов отличались только значительною величиною. Некоторые вместо Кельна читают Ключни — знаменитое бенедиктинское аббатство.

66. Согласно с преданием, император Фридрих II приказывал надевать на государственных изменников свинцовые рясы и в этой одежде сжигал их в котлах на костре — факт, исторически не доказанный и, вероятно, пущенный в народ врагами императора, подобно многим баснословным сказаниям об этом замечательном муже Средних веков. Филалет.

88. По представлению Данте, тени — только отражение души на окружающей их среде; они имеют все способности чувствовать, но не имеют дыхания — этого существенного признака жизни. Потому тени узнают в Данте живого, видя движения его рта (в подлиннике: гортани — gola) вследствие дыхания.

89. Стóла — богослужебное облачение католических священников.

¹ Повапленный — о человеке — очень дурном, но умело прикидывающемся очень хорошим.

97 Но кто же вы, на чьих щеках трепещет
Скорбь в стольких каплях и какая вас
Терзает казнь, что так далеко блещет?»

100 И мне один: «Под блеском этих ряс —
Свинец столь грузный, что от гирь тяжелых
Не так веса трещат, как кости в нас.

Болонцы мы, из ордена Веселых:
Он — Лодеринг, я — грешный Каталан;
Нас, как людей неопытных в крамолах,

Призвал твой город усмирить граждан;
А как мы их смирили в их крамоле, —
Вокруг Гардинго вам образчик дан».

103

106

109 Я начал: «Братья, наше зло»... но боле
Не мог сказать, увидя на земле
Пропятого концами трех дреколий.

112 Узрев меня, он, корчась в вечной мгле,
Вздуд бороду от вздохов средь злодеев,
И Каталан, то видя, молвил мне:

115 — «Пропятый сей в собраньи фарисеев
Советовал на муки принести
Единого за весь народ евреев.

118 За то, как видишь, поперек пути
Нагой лежит, чтоб сам он взвесил
время
Всех проходящих на своей груди.

121 На ту же казнь с ним свергнут в то же время
И тесть его, и тот синедрион,
Что был евреям всех их бедствий семя».

Тут я заметил, как был изумлен
Вергилий тем, который так позорно
К кресту в изгнании вечном пригвожден.

Потом сказал он брату: «Вас покорно
Я попрошу, коль можете, сказать:
Направо нет ли здесь тропинки горной,

Чтоб мы могли отсюда убежать
И не просить у черной той дружины
Проводника по сим местам опять?»

И тот: «Здесь ближе, чем ты ждешь,
с вершины
Навис утес, который, исходя
От главных стен, идет чрез все долины.

Он только здесь распался, преградя
Вам путь; но там вы можете на скаты
По камням скал взобраться без вождя».

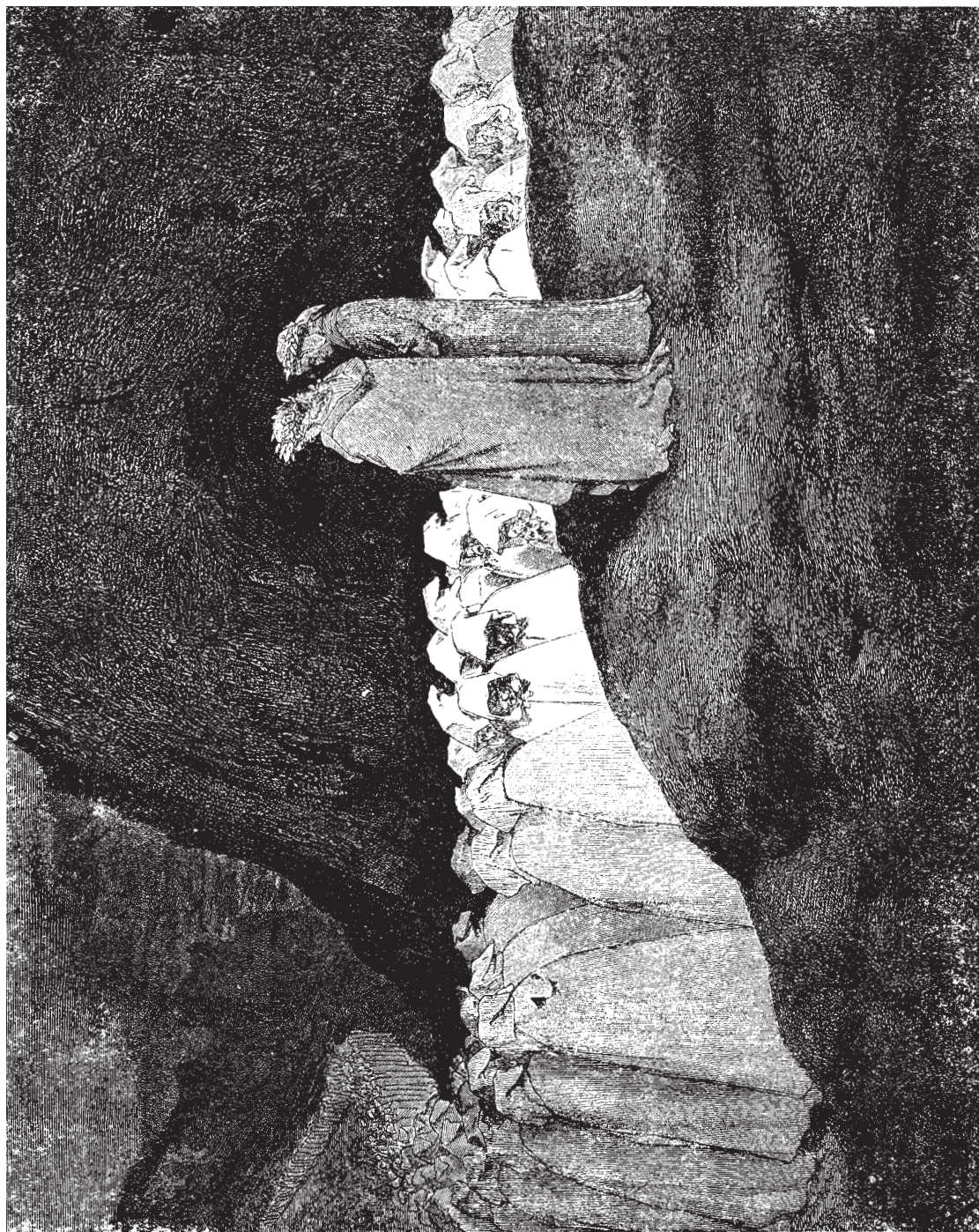
101-102. Вздохи и плач теней, отягченных свинцовыми мантиями, Данте сравнивает с весами, коромысло которых трещит под тяжестью груза.

103. В папствование Урбана IV многие дворяне из Болоньи просили у папы позволения учредить орден, в котором они могли бы вести жизнь благочестивую, не отрекаясь, впрочем, от своих богатств и не подчиняя себя монашеским обетам. Урбан дал им устав, не позволявший братии иметь золотые шпоры и узды, запрещавший вступать в какие-либо гражданские должности, разве только с миротворною целью, и позволивший подымать оружие только на неверных и врагов церкви. Монахи этого полусветского ордена носили красный крест с звездой на правом боку и назывались *milites Mariae*. Они обладали огромным богатством, пользовались полною свободой и вели разгульную жизнь, за что получили в насмешку от народа прозвание веселого братства (*frati godenti*). Боккаччо.

104. Когда граф Гвидо Новелло и его партия (Ада X, 31-93 и примеч.), после падения Манфреда, почувствовали всю шаткость своего положения, они призвали в подесты Флоренции Каталано Каталани или де Малавольти и Лодеринго дель Андало, двух монахов из упомянутого выше ордена, из которых последний был одним из его основателей. Первый из них был гвельф, второй гибеллин: выбором представителей двух партий надеялись водворить спокойствие в городе. Между тем Гвидо Новелло поссорился с 26 *buon'uomini* из цехов города и, так как попытка его распустить эту корпорацию встретила сопротивление со стороны народа, то он, по проискам двух монахов, вынужден был оставить город. Следствием этого было изгнание гибеллинов и отрешение обоих монахов от занимаемой ими должности. Виллани говорит: «Народ призвал этих двух людей и дал им помещение во дворце, в полной уверенности, что они, как обещала их почтенная одежда, останутся честными и избавят общину от неумеренных расходов. Однако ж, несмотря на то, что они принадлежали различным партиям, на деле оказалось, что оба они под монашескою рясою были хитрые лицемеры, заботившиеся более о своей, нежели об общей пользе». Villani, Lib. VII, cap. 3.

108. Гардинго — часть города во Флоренции; здесь находились дворцы Уберти, вождей гибеллинской партии, сожженные этими двумя подестами, подкупленными гвельфами. Впоследствии тут находился Palazzo di Signoria (теперь Palazzo vecchio).

111. Этот пригвожденный к трем колям грешник, лежащий поперек дороги, так что по его телу переходят прочие лицемеры, есть первосвященник иудейский Канафа, который говорил фарисеям: «И не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». Иоан. XI, 50. Он помещен вместе с тестем своим Анною (Иоан. XVIII, 3) и всем еврейским синедрионом в число лицемеров за то, что под личиною усердия к вере скрывал ненависть и зависть.

*Тут мы нашли повапленный народ;
Он тихо брел все вокруг, подъявля стоны,
И вид имел убитых от забот.
И был одет он в рясы, в капюшоны,
Нависшие на очи...*

(Ад, Песнь XXIII, тер. 58)

139 На миг челом поникнул мой вожатый,
Потом сказал: «Так нам солгал хитрец,
Цепляющий в той яме род проклятый!»

142 — «В Болонье я слышал», сказал чернец,
«Грехов бесовских множество; меж ними
Слышал я то, что дьявол — лжи отец».

Тогда пошел шагами вождь большими, 145
Был лик его слегка смущен и строг;
И я, расставшись с грешниками злыми,

Шел по следам его бесценных ног. 148

124-120. Вергилий изумляется, потому что в первое его странствование по аду (Ада XII, 34 и примеч.) Каиафа еще не был казнен.

125. Намек на разрушение Иерусалима Титом.

136-138. О причине, почему мост разрушен над рвом лицемеров, сказано выше (Ада XII, 45 и примеч.). Может быть также, он разрушен и потому, чтобы проходящим необходимо было спуститься в самый ров и, подошед ближе к лицемерам, видеть, что блестящая их одежда внутри свинец; ибо, смотря на лицемеров издали, наверное ошибешься. Штрекфусс.

*Я начал: «Братья, наше зло»... но боле
Не мог сказать, увидя на земле
Пропятого концами трех дреколий.
(Ад, Песнь XXIII, тер. 109)*

Круг восьмой; яма седьмая: тати. — Ванни Фуччи.

<p>1 В тот юный возраст года, в коем очи
Под Водолеем увлажяет Феб
И долгой сравнятся с днями ночи, —</p> <p>4 Когда чертит одетой в белый креп
Сестры своей лик иней, хоть и вскоре
Стирается пера его раскеп¹, —</p> <p>7 Пастух, с нуждой прошедший зиму в споре,
Встает, глядит и, видя, как бело
В долинах, бьет себя по бедрам в горе;</p> <p>10 Идет домой, вздыхает тяжело
И, как бедняк, что предпринять — не знает;
Но выйдет вновь и — сердце ожило!</p> <p>13 И видит он, как быстро мир меняет
Свое лицо, и вот, в зеленый луг,
Взяв посох свой, овец он выгоняет.</p> <p>16 Так и меня учитель ввел в испуг,
Когда оделась мглой его ланиты,
И также быстро исцелил недуг:</p> | <p>Пришед туда, где рухнул мост разбитый, 19
Он бросил мне тот взгляд, с каким предстал
Мне под горой впервые для защиты.</p> <p>Внимательно он обозрел обвал, 22
Обдумал путь и, распростирая объятия,
Схватил меня, чтоб внести на темя скал.</p> <p>И, словно тот, кто мыслит средь занаята, 25
Кто мысленно все видит впереди,
Он, прежде чем успел на камень встать я,</p> <p>Мне указал другой, сказав: «Взойди 28
На тот уступ; но убедись сначала,
Таков ли он, чтоб мог тебя снести».</p> <p>Нет, не взойти здесь в столах из металла! 31
Здесь даже мы: он — дух, я — им подперт,
Насилу лезли по камням обвала.</p> <p>И если б с этой стороны был борт 34
Длинней, чем с той, — не знаю, как к вершине
Достиг бы вождь; я ж был бы распростерт:</p> |
|---|---|

1-21. В последней трети января солнце вступает в созвездие Водолея, в котором оно и остается в первые две трети следующего месяца. И так время, о котором здесь говорится, есть половина февраля, когда ночи, за исключением утренних и вечерних сумерек, длятся почти 12 часов. В эту пору солнце в Италии прогревает уже так сильно, что снег составляет большую редкость: потому-то так и удивился бедный пастух, глядя на нивы, побелевшие от утреннего инея; но удивление его быстро проходит, ибо с восхождением солнца исчезает иней. Эта прелестная картина из сельской жизни отлично выражает состояние души поэта. Привыкнув видеть Вергилия всегда невозмутимо-спокойным, Данте вдруг замечает смущение в его лице; (Ада XXIII, 146), и, полагая, что оно происходит от невозможности взойти на страшный обвал горы, приходит в состояние того пастуха, который, ожидая с нетерпением возврата весны, вдруг видит побелевшие от инея, как от снега, нивы. Но смущение Вергилия не продолжительнее существования инея, и вскоре светлый лик его успокаивает тревогу Данте. Штрекфусс.

5. В подлиннике: sua sorella bianca: снег по-итальянски женского рода, как и иней (brina).

9. Естественное движение человека в отчаянии. Портирелли.

18. Т. е. целительным бальзамом своего приветного взора.

21. У подошвы холма в темном лесу (Ада I, 64).

31-33. «Путь этот до того был труден, что не только лицемеры, одетые в свинцовые рясы, не могли бы идти по нему, но даже мы: Вергилий — легкая тень, а я, им влекомый и поддерживаемый, — едва могли по нему двигаться».

37-40. Восьмой круг (Злые-Рвы) идет наклонною плоскостью к окраине колодца; потому внешняя ограда каждого рва всегда ниже, нежели ограда внутренняя (Ада XVIII, 1 и примеч.). Такое устройство Злых-Рвов имеет значение и нравственное: путь к худшему всегда легче, нежели путь к лучшему (Ада I, 26-30 и примеч.). Копиш.

¹ Раскеп — щель, трещина.

37 Но как Злы-Ямы склонены к пучине
Бездонного колодца, то таков
Порядок склонов в каждой злой долине,

40 Что здесь высок, там низоок спуск
с бортов.
Так наконец достигли мы той вышки,
Откуда пал последний камень в ров.

43 Но так ослаб от страшной я одышки,
Что, вверх взойдя, я дальше уж не мог
И тут же сел для краткой передышки.

46 — «Здесь надлежит, чтоб лень ты превозмог!
Кто на пуху лежит под одеялом»,
Сказал мудрец, «от славы тот далек.

49 Кто ж губит жизнь без славы в цвете вялом,
Тот по себе слабей оставит след,
Чем дым на ветре, пена вслед за валом.

52 Итак вставай, сбрось трусость всю, мой свет!
В ком груз телесный не убьет отвагу,
Из всех тот битв идет с вендом побед.

55 Что значит путь по этому оврагу?
Есть лестница длиннее сих могил;
Коль понял мысль, последуй ей ко благу».

Тогда я встал и больше проявил
Я сил в себе, чем их имел на деле,
Сказав: «Иди; я бодр и полон сил». 58

И мы пошли; но тут еще тяжеле,
Еще тесней и круче, чем сперва,
Был горный путь. Чтoб скрыть усталость
в теле, 61

Я вел с вождем беседу, хоть едва
Взлезал по камням. Вдруг исторгся слева
Из ямы крик, не сложенный в слова. 64

И я не мог понять его напева,
Хоть на мосту стоял над рвом седьмым;
Но этот крик был, мнилось, криком гнева. 67

Я в ров взглянул, но в страшной мгле под ним
От глаз живых скрывалось дно пучины.
И я сказал: «Учитель, поспешим 70

На край другой и там сойдем с стремнины:
Как слушаю, я не могу понять,
Так, вниз глядя, там вижу мрак единый». 73

— «Лишь действием могу я отвечать»,
Он мне сказал: «ведь мудрые прошения
Должны мы делом молча исполнять». 76

51. «Ибо надежда нечестивого исчезает, как прах, уносимый ветром, и как тонкий иней, разносимый бу-
рею, и как дым, рассеваемый ветром, и проходит, как память об однодневном госте». Кн. Премудр. Со-
лом., V, 14.

55-57. Намек на будущее восхождение Данте от Люцифера (Ада XXXIV, 82) на вершину горы чисти-
лища (Чист. XXVII, 124).

61. Поэты восходят на утес, который, образуя мост, ведет через седьмой ров и которого продолжение
разрушено над шестым рвом (Ада XXIII, 136).

82. «В седьмом рве казнятся тати: одни из них превращены в змей, другие еще носят человеческий образ;
от взаимного столкновения они подвергаются бесконечно разнообразным превращениям, переходят из од-
ного вида в другой, сливаются в необыкновенные образы, спутывают, ненавидят и губят один другого.
Читая эту и следующую песни, с одной стороны, изумляешься необыкновенной ясности, с которою выра-
жено одно из причудливейших созданий воображения; с другой, при рассматривании более внимательном,
убеждаешься, что и эта картина, дивная и вместе ужасная, не есть пустая игра фантазии, но что, напротив
того, изображает с поразительною верноcтью природу здесь наказуемого порока и людей, ему преданных.
Кому не известно, какое сильное влияние имеют один на другого воры, действующие заодно шайками?
Как ловко передают они друг другу свой язык, свои приемы и хитрости, переменяют свои роли и, так
сказать, превращаются один в другого? Как в самых тесных взаимных связях, необходимых для своего
преступления, презирают, ненавидят и далее, в случае нужды, выдают, губят один другого? Хитрые змеи-
ные извилины пути, на котором действуют тати, их внезапное исчезание и потом столько же неожиданное
появление, их беспрестанный страх быть открытыми — одним словом, все, чем отличается это постыдное

<p>79 Тут мы с моста сошли без замедленья
Там, где он был примкнут к восьмой стене,
Где ров мне вскрылся весь для обозренья.</p> <p>82 Я в нем узрел все виды змей на дне,
Свивавшихся столь страшными клубами,
Что вспомню их — и стынет кровь во мне.</p> <p>85 Пусть, Ливия, ты славишься песками,
Гордишься тем, что ты родишь фарей,
Хелидров, кенкров, амфисбен с ужами, —</p> <p>88 Все ж нет в тебе, нет даже средь степей
За Черным морем, нет у эфиопов,
Столь яростных, столь смертоносных змей!</p> <p>91 Меж этих-то свирепых, страшных скопов
В испуге бегал рой теней нагих,
Не находя ни нор, ни геллотропов.</p> | <p>Скрутив назад им руки, в почки их
Хвосты и головы втыкали змеи,
В узлы скрутившись на груди у них.</p> <p>И вот у скал, где прятались злодеи,
Вдруг кинулась змея на одного,
Пронзив ему плечо у самой шеи.</p> <p>Не начертишь так быстро <i>i</i> иль <i>o</i>,
Как вспыхнул он, как запылал жестоко
И, рассыпаясь в пепел, пал на дно</p> <p>И как, развеян по земле далеко,
Собрался пепел и моим очам
Явился тем, чем был, в мгновенье ока.</p> <p>Так умирает Феникс, по словам
Великих мудрецов, чтоб в блеске новом
Через пять веков опять явиться нам.</p> | <p>94</p> <p>97</p> <p>100</p> <p>103</p> <p>106</p> |
|---|--|--|

ремесло, представлено с неподражаемым искусством, в этой и в особенности в следующей песнях. Не менее глубокий смысл имеет и то, что осужденные в этом рве взаимно служат орудием своей собственной казни». Штрекфусс.

86-87. Исчисленные здесь породы змей заимствованы у Лукана и большею частью взяты из мира фантазии: хелидры — водяные змеи; кенкры (*cenchris*) — пестрые змеи; фарей — вероятно, так называемые очковые змеи, приручаемые нынешними индусами к пляске; амфисбены (от ἀμφί и βαίνω) — змеи одинаково толстые к голове и хвосту, почему и думали в древности, что они могут ползать и вперед, и назад. В подлиннике упомянуты еще яжулы — змеи, бросающиеся на добычу в виде стрел или дротиков.

89-90. Здесь приведены три пустыни, окружающие Египет: Ливийская налево от Нила; Аравийская за Черным морем (где, по словам Геродота, водились летучие змеи) и к югу — Эфиопская. Филалет.

93. Гелиотроп — камень из породы ясписов, темно-зеленого цвета, имевший, согласно с верованием простого народа в Средние века, свойство делать обладателя им невидимым. Тати не надеются уже найти какого-нибудь потаенного места или другого средства, чтобы скрыться от змей.

100. Буквы самые легкие для написания.

106-111. Подражание Овидию, *Metam.* XV, 393-400.

Non fruge, neque herbis,
Sed turis lacrimis, et succo vivit amomi.
Haec ubi quinque suae complevit saecula vitae,
Illic in ramis tremulaeae cacumine palmae,
Unguibus et pando nidum sibi construit ore.
Quo simul ac casias, et nardi lenis aristas,
Quassaque cum fulva substravit cinnama myrrha,
Se super imponit finitque in odoribus aevum.

109-111. Нард (*andropogon nardus*) — ароматное растение; аммом — эфиопский тмин; мирра — смолистый сок душистого дерева.

112-115. Сравнение с большим, страждущим падучею болезнию, которую в древности и в Средние века приписывали силе демона.

118. Мы неоднократно говорили, что у Данте все грешники, согрешившие непосредственно перед Богом, наказуются проявлением Его божественного света. Мысли этих грешников невольно обращаются к Богу, и вместе с тем мучают или внезапно уничтожают их. Последнее мы видим на этом святотатце. Он похитил принадлежащее Богу: потому мысль о Боге отнимает у него последнюю его собственность — его образ.

Мысль о Боге мгновенно уничтожила его в собственном сознании: он сгорает и рассыпается пеплом; но пепел опять собирается (ст. 105), грешник опять получает прежний образ, как Феникс, и получает для того, чтобы снова богохульствовать (Ада XXV, 1-3). Копиш.

119-120. Опять обращение к божественному правосудию, как при всех проявлениях пламени в аду (Ада XIX, 10 и примеч.).

124-126. Ванни Фуччи де Ладзери, побочный сын Фуччио Ладзери из Пистойи (почему Данте и называет его мулом), один из самых свирепых приверженцев партии Черных (о происхождении партии Черных и Белых см. Ада VI, 64, прим.). Согласившись с двумя молодыми людьми, он вызвался убить Фоккаччи Канчелиери из партии Белых; но так как последний скрылся, то они убили рыцаря Бертино, за что Фоккаччи со своей партией и племянником Бертино умертвил Детто из Черных Канчелиери. Тогда

109 Аммом он в снедь собирает
 по дубравам
 И слезы мирра, не зерно, не злак,
 И служит нард ему последним кровом.

112 И, словно тот, кто, сам не зная как,
 Вдруг падает, злой дух ли повергает
 Его во прах, иль корчи лютой мрак,

115 И как, восстав, он взором вкруг блуждает,
 Весь вне себя от страшной тяготы
 И, озираясь, тяжело вздыхает, —

118 Так встал и грешник. Боже правоты,
 Сколь грозные, карающие раны
 В отмение ниспосылаешь Ты!

Мой вождь спросил: кто был он? 121
 И, как пьяный,
 Он нам: «Недавно волею судьбы
 В сей лютый зев я канул из Тосканы.

«Как зверь, я был между людьми свиреп; 124
 Я Ванни Фуччи, мул и скот! Пистойя
 Была вполне достойный мне вертеп».

И я: «О вождь, пусть он, пред нами стоя, 127
 Расскажет нам, как он попал сюда,
 Прожив весь век средь крови и разбоя?»

Услышав то, не скрылся он тогда, 130
 Но на меня пытливым взор уставил
 И, покраснев от горького стыда,

начальство Пистойи, желая положить конец этому душегубству, изгнало из города обе партии, кроме Бертакки, отца Фоккаччи; но Фреди, один из Черных, успел пробраться в город и заколол Бертакку, после чего изгнанникам дозволено было возвратиться. Началась явная борьба между партиями; при малейшем поводе происходили кровавые драки; каждое убийство влекло за собою ряд новых. Так, по случаю одной такой стычки, Ванни Фуччи ограбил дом Царино де Ладзери, перешедшего к партии Белых, и завладел его боевою лошадыо. В другой раз солдаты подесты города хотели разогнать толпу вооруженных людей, собравшихся в доме Ладзери: узнав об этом, Ванни Фуччи ворвался в толпу, разогнал солдат и при этом убил одного из лучших рыцарей подесты. Тогда подеста, видя невозможность обуздать неистовство партий, принужден был после этого события сложить с себя достоинство градоначальника. Мы нарочно привели все эти подробности, чтобы, с одной стороны, показать, какими страшными смутами волновались в то время города Италии, а с другой, чтобы оправдать перед читателем Данте, присудившего такую лютую казнь человеку, причинившему столько бедствий Тоскане. **Ф** и л а л е т.

127-129. Данте, зная Ванни Фуччи, как человека кровавадного и грабителя, удивляется, почему он помещен между татями, а не в седьмом кругу, между насильниками ближних — разбойниками (Ада XII).

133-135. Он стыдится не своих убийств, но того, что уличен в унизительной краже.

137-139. Вот рассказ древних комментаторов об этом событии: однажды, во время карнавала, после шумной пирушки в доме честного нотариуса Ванни делла Моны или Новы, Ванни Фуччи, сговорившись с двумя товарищами, пробрался в ризницу собора Св. Иакова, похитил оттуда знаменитую церковную утварь и спрятал ее в доме Ванни делла Моны. Подеста города, узнав о покраже, велел схватить многих молодых людей, имевших худую репутацию, хотя и невинных в этом деле, и для получения сознания подвергнул их столь страшной пытке, что один из истязуемых, Рампино Форезе, умер среди истязания. Между тем Ванни Фуччи, удалившийся в это время из города, известил письмом, где скрывается утварь. Ванни делла Мону схватили и без дальнейшего суда повесили. Бенвенуто да Имола.

142-151. Считаем нужным привести здесь краткий перечень событий, на которые намекает Данте. Когда смуты в Пистойе достигли высшей степени (см. выше), одна партия, называвшаяся умеренною (posati) и более склонная к Белым, принудила старшин пистойских передать управление городом Флоренции, где в то время перевес был на стороне Белых. Присланные флорентинцами подеста и capitano действовали сначала в духе умеренных; но вскоре передали все места в городе Белым и, наконец, в 1301 г., поставили Андрея Герардини в подесты Пистойи с условием выгнать окончательно всех Черных, что и успел он вскоре исполнить при содействии народа. Итак, в это время «Пистойя разогнала всех Черных» (ст. 143). Между тем в самой Флоренции произошел переворот в пользу Черных (Ада VI, 64, примеч.), на что намекает следующий стих. Однако ж Пистойя все еще оставалась во власти Белых; но вскоре принуждена была начать войну с флорентинцами, которые, соединившись с луккийцами, начали отнимать у нее крепости одну за другою. Особенно долго защищался замок Серравалле против соединенных войск луккских и флорентинских под предводительством маркиза Морелло Малеспины. Наконец, в 1305 г., осаждена была

Скрутив назад им руки, в почки их
Хвосты и головы втыкали змеи,
В узлы скрутившись на груди у них.
(Ад, Песнь XXIV, тер. 94)

ПЕСНЬ XXIV

<p>133 Сказал: «Не то прискорбно, что оставил
Я мир, а то, что увидеть себя
С ворами случай я тебе доставил.</p> <p>136 Но не могу таиться от тебя:
Я здесь за то, что в ризнице соборной
Украл златую утварь, погубя</p> <p>139 Других безвинно казнию позорной.
А чтоб тебе не в радость был мой стыд,
Когда придешь из этой бездны черной, —</p> | <p>Пусть будет слух твой к сим вестям открыт: 142
Сперва Пистойя с Черными простится,
Потом Флоренция изменит вид.</p> <p>Из Вальдемагры, где все в тучах тмится, 145
Подымет Марс грозы кровавый пар
И на поле Пиченском разразится</p> <p>Жестокой битвы яростный разгар, 148
И весь туман разгонит ветром вскоре,
А вам всем Белым нанесет удар.</p> <p>Так говорю, чтоб сам ты ведал горе». 151</p> |
|---|---|

и самая Пистойя; луккйцами предводительствовал опять маркиз Малеспина. После долгой обороны голод, наконец, заставил пистойцев сдаться с условием, чтобы Белым были оставлены два замка в горах. Вслед за тем были изгнаны все Белые как из Пистойи, так и из Флоренции, дома их разрушены, а имущество конфисковано. Филалет.

145-146. Данте сравнивает маркиза Малеспину, владения которого находились в Вальдемагре, с паром, скопившимся в этой долине в грозовые тучи, разразившиеся наконец бурей в поле Пичено около Фачеккио, где Белые окончательно были разбиты, и это поражение было причиною изгнания этой партии из Флоренции (Villani, lib. VIII, c. 44). Может быть, под кровавым паром Данте разумеет Черных. Замечательно также, что Виллани упоминает о комете, явившейся в 1301 г. и сопровождавшейся черным дымом, что принимали за дурное предзнаменование, тем более, что она явилась в том месяце, когда Марс и Сатурн сходились в созвездии Льва. Не на это ли явление природы намекает Данте? Филалет.

Круг восьмой; яма седьмая: тати (продолжение). — Какус. — Аньель Брунеллески. — Бузоо дельи Абати. — Пуччо Шьянкато. — Чанфа Донати. — Кавальканти.

<p>1 При этом слове поднял обе руки
И высунул шиши грабитель сей,
Вскричав: «На, Бог! Возьми за наши муки».</p> <p>4 Но тут змея (с тех пор люблю я змей),
Вдруг кинувшись, ему стянула шею,
Как бы сказавши: продолжать не смей!</p> <p>7 Другая ж руки спутала злодею,
Так крепко сжав его в своих узах,
Что двинуть рук уж он не мог под нею.</p> <p>10 Пистойя, о Пистойя, что ж во прах
Не обратишь ты стен своих, да сгинут,
За то, что род свой превзошла в грехах.</p> <p>13 Никто в аду, где мрак на все накинута,
Не изрыгал таких хулений вслух,
Ни даже тот, кто с Фивских стен низринут.</p> <p>16 Он в ужасе умчался, нем и глух,
И слышал я, как вслед рассвирепелый
Кричал кентавр: «Где, где он, дерзкий дух?»</p> | <p>Не думаю, чтоб столько змей шипело 19
В Маремме, сколько над его хребтом
До плеч, где начиналось наше тело.</p> <p>Раскрывши крылья, восседал на нем. 22
Вдоль плеч протянутый дракон громадный
И на пути всех встречных жег огнем.</p> <p>И мне поэт: «Вот Какус кровожадный; 25
Не раз он лужи крови разливал
У Авентинских скал рукой нещадной.</p> <p>В число ж своих он братьев не попал 28
Лишь потому, что ловко ухитрился
Огромный гурт угнать вблизи тех скал.</p> <p>За эту кривду жизнью заплатился, 31
Приняв из рук Алкида, может, сто
Ударов палицы, хоть с трех свалился».</p> <p>Кентавр бежал, пока шла речь про то; 34
Тут к нам приблизились три тени новы,
Но их из нас не замечал никто,</p> |
|---|--|

2. Шиш — fiso — жест самый обидный в Италии. Sozomenes в своей Истории Пистойи рассказывает, что однажды пистойцы в обиду флорентинцам поставили при Карминьяно столбы с изображением руки, указывающей на Флоренцию и имевшей большой палец, просунутый между указательным и средним, и прибавляет: *Nam vulgus vocat eas ficas*. Филалет.

4. С этого времени Данте, вместо отвращения к змеям, почувствовал уважение, видя, как они наказали богохуителя.

10-12. Мы выше видели (Ада XXIV, 143 и примеч.), что ожесточение партий достигло в Пистойе высшей степени; ст. 12 намекает, по-видимому, на предков пистойцев, ибо город издавна много терпел от междоусобий, или, может быть, на тот остаток рассеянного войска Катилины, который, по разбитии возмутителей, поселился в Писторуме (лат. Pistojae) и состоял из самой безнравственной сволочи. Каннегиссер.

15. Капаней (Ада XIV, 51-60 и примеч.).

20. Маремма (см. прим. к Аду XIII, 9).

21. Тати вечно бегут, как содомиты и трусы (Ада XV, 38 и III, 52 и д.), а потому каждый останавливающийся наказуется Какусом, как неповинующийся воле Божией. Теперь он гонится за Ванны Фуччи.

25-27. Какус, сын Вулкана, живший в пещере под Авентинским холмом около Рима и занимавшийся разбоем, похитил четыре пары волов у Геркулеса, когда этот, отняв стада у Гериона (Ада XVII, 1 и примеч.), прогонял их по Италии. Для того, чтобы скрыть свое похищение, Какус прибегнул к хитрости: втащил волов в свою пещеру за хвост с тою целью, чтобы направление следов похищенных животных обмануло Геркулеса; но быки ревом своим открыли Геркулесу похитителя, который за то и погиб под его булавою. Данте придал этому разбойнику вид кентавра, вероятно, не поняв выражения Вергилиева: *semihomo*; огнедышащего же дракона он, вероятно, поместил на плечо Какуса потому, что Вергилий придает ему способность извергать из себя пламя и дым (*atros vomens ore ignes*): извергая из себя черный

- 37 Пока они не закричали: «Кто вы?»
Тогда рассказ прервал учитель мой
И мы умолкли, им внимать готовы.
- 40 Я их не знал; но как с людьми порой
Случается, так и теперь случилось,
Что одного по имени другой
- 43 Назвал, сказав: «Что с Чанфой
приключилось?»
И перст к губам прижал я, чтоб поэт
Прислушался, о чем здесь говорилось.
- 46 Теперь не диво, если веры нет
В тебе, читатель мой, к моим рассказам:
Я сам, что видел, счел почти за бред.
- 49 Едва успел я их окинуть глазом,
Как вдруг с шестью ногами змей взвился
К одной из трех и с ней сцепился разом.
- 52 Он средними вокруг чрева обвился.
Передними взял руки, пасть разинул
И вмиг зубами в щеки ей впился.
- 55 Потом вдоль бедр он задние раздвинул
И, между них свой гибкий хвост продев,
По чреслам сзади вверх его закинул.
- 58 Так плотно плющ не вьется вокруг дерев,
Как страшный гад вокруг ног, и рук, и выи
Опутал грешника и, присмирив,

- Слепились оба, словно восковые,
Смешав цвета, утратив даже вид
Того, чем был и тот и сей впервые. 61
- Так, если лист папируса горит, 64
То пред огнем бежит полоска цвета
Ни черного, ни белого на вид.
- Другие два кричат, глядя на это: 67
— «Аньель! Аньель! Как изменился ты;
Ты не один, ты и не два предмета!»
- Две головы уже в одну слиты; 70
Два образа в один, смешавшись, слились,
В одном лице погибли двух черты.
- Четыре лапы в две преобразились, 73
А бедра, грудь, живот и голова —
В такие члены, что мне и не снились.
- Уж вид их был не тот, что был сперва, 76
И, ставши дивом, в ужас приводящим,
Побрел тот призрак, ни один, ни два.
- Как ящерица, под бичом палящим 79
Каникул, мчится через путь к плетням
И кажется зарницей проходящим, —
- Так молнией сверкнул по животам 82
Других двух грешников огню подобный,
Как перец, черно-бурый змей, и там,

дым, он затемнял свою пещеру. — Какус, символ татьбы, а вместе с тем и символ казни татей, подобно Церберу, Минотавру и др., за эту хитрую кражу отделен от прочих кентавров, помещенных в первом отделе седьмого круга (Ада XII, 56).

32-33. Прекрасная картина гнева: Геркулес, символ силы, так разгневан хитростью, что в ярости продолжает наносить удары, хотя похититель погиб уже от первых ударов. Копиш.

43-50. Чианфа Донати (по другим Абати), из партии Черных, превращен уже в шестиногого дракона. Спрашивающий о нем — флорентинец Аньелло, или Анджелло Брунелески. Вероятно, они делились кражею при жизни: по этой причине они теперь сливают свою последнюю принадлежность — наружный образ — в одно целое, в такое чудовище, что ни один из них не знает, что кому принадлежит. Оба были флорентинцы, из партии гвельфов (Черных); более о них ничего неизвестно. Копиш.

64-66. По словам Пиетро Крешенцио, современника Данте, в Средние века нередко употребляли для светил в лампадах и свечах волокна папируса (papyrus), особенного тростника, из которого древние приготавливали бумагу. Даниелло полагает, что Данте употребил здесь галлицизм, сказав *rapigo* (*rapier*) вместо *carta*; но это едва ли справедливо, потому что во времена Данте еще не приготавливалась бумага из тряпья.

79-81. К числу многочисленных сравнений, верно схваченных Данте из природы, принадлежит, без сомнения, и это уподобление. Красивое животное, о котором здесь говорится, и быстрые, как молния, движения которого в жаркие летние месяцы, вероятно, памятли каждому, бывшему летом в Италии,

*Но тут змея (с тех пор люблю я змей),
Вдруг кинувшись, ему стянула шею,
Как бы сказавши: продолжать не смей!
(Ад, Песнь XXV, тер. 4)*

<p>85 Где первое питанье плод утробный
Приемлет в чреве, жалит одного
И падает пред ним в растязку злобный.</p> <p>88 Ужаленный не сводит глаз с него
И, недвижим, безмолвствуя, зевает,
Как если б зноб иль сон томил его.</p> <p>91 Он взор в змею, змея в него вперяет:
У ней из пасти, у него из ран
Клубится дым и, встретясь, их скрывает.</p> <p>94 Молчи о том, как средь Ливийских стран
Погиб Сабелл с Нассидием в союзе,
И выслушай, о чем скажу, Лукан!</p> <p>97 Молчи, Назон, о Кадме, Аретузе!
Пусть в ключ и в змия превратил ты их,
Все ж не завидую твоей я музе.</p> <p>100 Так двух существ не превращал твой стих,
Чтоб жизненные вызвать в них зачатки
К взаимному обмену форм своих.</p> <p>103 Обмен же форм в таком здесь шел порядке:
Сперва рассекся вилкой хвост змеин,
Потом срослись у раненого пятки.</p> <p>106 И голени и бедра в миг один
Слились так, что вскоре не осталось
Уж и следа, где связь двух половин.</p> <p>109 И хвост змеи стал тем, что потерялось
У грешника, и на его хребте
Грубела кожа, а у ней смягчалась.</p> | <p>Тот руки втягивал в плеча, а две
Передние конечности на гаде
Росли, насколько сокращались те.</p> <p>Потом, скрутясь, две лапы змея сзади
Слились в тот член, что человек таит,
Его же член распался на две пяди.</p> <p>Покуда дым менял в них цвет и вид
И покрывал то м у ланиты пухом,
На э т о м же сгонял его с ланит, —</p> <p>Один восстал, другой простерся брюхом,
Страшилищ-глаз не отводя на миг,
От их же сил менялись оба духом.</p> <p>Поднявшийся к вискам надвинул лик;
Из вещества ж, что здесь излишним стало,
У впалых щек поднялись уши вмиг.</p> <p>И что в лице осталось и не спало
Назад, на нем образовало нос
И вздулось в губы, сколько надлежало.</p> <p>Клюв падшего меж тем все рос и рос
И, как бывает с рожками улиток,
Втянул он уши в череп без волос.</p> <p>Язык, что был сперва в речах так прыток
Рассекся на два; два же лезвия
Змеи срослись, и — взвился дым, как свиток.</p> <p>Душа теперь, как гнусная змея,
С шипеньем страшным уползла в долину,
А тот плевал с проклятьем вслед ее.</p> | <p>112</p> <p>115</p> <p>118</p> <p>121</p> <p>124</p> <p>127</p> <p>130</p> <p>133</p> <p>136</p> |
|--|---|--|

есть обыкновенная ящерица, *Lacerta agilis* L. Она живет под камнями у стен и заборов и, согретая солнцем, с поразительною быстротою кидается за жучками и другими насекомыми, которыми питается. Едва ли можно изобразить короче и живописнее движения этого животного, чем в этих стихах. Филалет.

84-86. Т. е. в том месте, где зародыш в утробе матери получает кровь через пуповину.

94-96. Лукан в своей Фарсалии (IX, 763-804) повествует, что во время похода Катона Младшего (Ада XIV, 15 и примеч.) один солдат из его войска, по имени Сабелль, был уязвлен змеею по прозванию *seps* и тут же от внутреннего жара рассыпался пеплом. Другой солдат, Нассидий, по словам того же поэта, был ужален в то же время змеею *prester* и распух до того, что на нем лопнули железные латы.

97-99. О превращении Кадма в дракона см. Ovid *Metamorph.* VI, 563-602; о превращении Аретузы в ручей — V, 572.

141. Буозо (Буоссон) де Донати (по Петру Данте, дельи Абати).

149. Эти три тени суть Аньелло Брунелески, Буозо Донати и Пуччио Шинкато де'Галигаи; дракон с шестью ногами — Чианфа Донати, или Абати (ст. 43-50), черная змея — Франческо, или Гвельфо

ПЕСНЬ XXV

139 И, повернув к ней молодую спину,
Сказал: «Пусть там, где ползал я сперва,
Теперь ползет Буозо сам в пучину».

142 Так превращался рой седьмого рва
Из вида в вид! И новость сих видений
Да извинит в бесцветности слова.

И хоть мой взор здесь меркнул от волнений 145
И разум мой был ужасом смущен, —
Все ж не могли так утаяться тени,

Чтоб не признал я Пучьчо: только он 148
Из трех товарищей, с которых начат
Здесь мой рассказ, бежал не превращен;

Другой был тот, о ком Гавилле плачет. 151

Гверчио Кавальканте: этот последний, принявший теперь вид человека и передавший свою змеиную натуру Буозо Донати, был умерщвлен жителями местечка Гавилле в Валь д'Арно ди Сопра; родственники убитого страшно отомстили за него жителям этого города, почему и сказано, что он был оплакан Гавилле. Вообще о всех этих пяти флорентинцах мы имеем мало сведений; известно только, что двое из них: Чанфа Донати и Брунелески были Черные, а Буозо Абати и Кавальканте — Белые.

ПЕСНЬ XXVI

Круг восьмой; яма восьмая: злые советодатели. — Улисс и Диомед.

- 1 Ликуй, Флоренция! Моря и землю
Покрыла ты под сенью крыл своих
И о тебе в аду везде я внемлю.
- 4 В числе татей я встретил пять таких
Твоих граждан, что должен их стыдиться,
Да и тебе не много чести в них.
- 7 Но если нам пред утром правда снится,
Почувствуешь ты скоро то, чему,
Как он ни мал, сам Прат возвеселится.
- 10 Теперь пора исполниться всему!
Коль быть бедам, грозой пусть грянут скорой:
Ведь к старости я к сердцу их приму.
- 13 Мы прочь пошли. По лестнице, с которой,
Как по зубцам, спускались мы сперва.
Стал вождь взбираться, мне служа опорой.

- И, подвигаясь по обрывам рва 16
И гудам камней в том пустынном ложе,
С пособием рук мы двигались едва.
- О, как скорбел тогда, о как я, Боже, 19
Скорблю досель, лишь вспомню, что там зрел!
Но разум свой обуздываю строже,
- Чтоб мудрости не выйти за предел 22
В утрату благ, мне доброю звездой
Иль чем-то лучшим посланных в удел.
- Как много пахарь, лежа под горою, 25
В тот день, как царь, кем светел мир земной,
От нас едва скрывает лик свой мглою, —
- И в час, как мух сменяет мошек рой, 28
Как много зрит он светляков в долине,
Где он пахал иль чистил садик свой, —

1-2. Так как Флоренция, могущественный оплот гвельфов, не имела морских сил даже в эпоху наивысшего своего процветания, то стих этот надобно принимать только как выражение ее могущества и славы вообще. Каннегиссер.

7. Утренние сны, согласно с древним преданием, бывают обыкновенно правдивы. Овидий говорит:
«*Namque sub Aurora jam dormitante lucerna
Tempore quo cerni somnia vera solent.*»

Один старинный комментатор правдивы утренних снов объясняет так: «Обманчивые сновидения зависят большею частию от внешних влияний, преимущественно от обременения желудка, которое к утру обыкновенно проходит; но, когда душа наша, от таких уз освобожденная, как бы отторгается от своего тела и, так сказать, возвращается к родному ей, божественному естеству, тогда сны наши становятся правдивыми». Филалет.

8. Предчувствие бедствий родного города Данте приводит в форме сновидения. Несчастья Флоренции, на которые намекает поэт, были: во-первых падение моста Сагаја через Арно, в 1304 г., во время представления на реке адских мучений грешников, причем погибло множество народа; во-вторых, страшный пожар, произведенный Черными и истребивший 1700 домов, принадлежавших Белым; наконец, раздор между Черными, разделившимися на партию народа (под начальством Россо дела Феза) и партию вельмож (под начальством Корсо Донати), раздор, кончившийся убиением последнего.

9. Соседние города Италии ненавидели Флоренцию за ее притеснения. Так, упоминаемый здесь Прато, маленькая крепость, принадлежавшая Флоренции, был принужден заплатить в 1292 г. флорентинцам 10 000 флоринов пени за то, что не выдал им скрывшегося в нем убийцу. — Смысл этого стиха: не только отдаленные, но и ближайшие места, каков Прато, желают твоей гибели. Другие разумеют здесь кардинала Николая ди Прато, который после тщетных стараний примирить враждующие партии, вынужден был наложить в 1304 г. церковное запрещение на Флоренцию.

10-12. Все эти бедствия действительно заслужила Флоренция; они будут своевременны, если наступят теперь же; явись позже, они сильно опечалили бы самого Данте: ибо, по мере того как человек стареет, сильнее пробуждается в нем любовь к отечеству. Веллутелло.

13-15. В предыдущей песне (Ада XXIV, 72) поэты спустились по обрывам утеса на внутреннюю ограду седьмого рва: теперь Данте, поддерживаемый Вергилием, опять взбирается, как по лестнице, по этим зубцам (в подлиннике: *borni*, собственно те камни, которые в неоконченных стенах выдаются из здания), чтобы по ним взойти на мост, идущий через восьмой ров. Портирелли.

31 Так много пламеней узрел я ныне
Во рву восьмом, как скоро стал я там,
Откуда мне открылось дно в пучине.

34 Как тот, кто мстил медведями за срам,
Зрел колесницу Илии пророка,
Когда кони взвились уж к небесам,

37 И как за ними, напрягая око,
Он только пламя в небе различал,
Как облачко в сиянии востока, —

40 Так здесь они блуждали в зеве скал,
Свою корысть от глаз моих скрывая,
Хоть понял я, что каждый душу мчал.

43 Чтоб видеть ров, привстал с его моста я,
Так что, не будь вблизи тут камень, вниз
Я б мог упасть, не быв и столкнут с края.

И вождь, узрев, как я над ямой свис, 46
Сказал: «Внутри огней сонм душ витает;
Что их палит, им служит вместо риз».

А я: «Твое мне слово подтверждает 49
Лишь то, в чем сам почти я убежден,
И я хотел спросить уж: кто блуждает

В том пламени, что сверху разделен, 52
Как столб огня, поднявшийся когда-то
С костра, где братом Этеокл сожжен?»

И вождь: «Внутри томятся два собрата, 55
Улисс и Диомед: как на обман
Шли заодно, так и одна им плата.

Здесь сетуют они за хитрый план, 58
С каким коня ввели в ворота градские,
Откуда вышел славный род римлян:

19-21. В этой терцине выражено омерзение, которое питает поэт к грешникам, здесь наказуемым, (злым советникам), употребившим разум, дар божественный, на злые дела.

24. Высшее благо есть божественная воля, которую Данте всегда противопоставляет случаю или влиянию звезд. От Бога истекает свет разума, который, будучи употреблен во зло, всегда влечет гибель. Филалет. Копиш.

25-30. В этом уподоблении приведены с величайшею точностию все свойства очаровательного итальянского вечера: во-первых, время года, изобильное светящимися ивановыми червячками (*luciole*), именно летнее солнцестояние, когда солнце всего долее светит; во-вторых, время дня — приближение ночи, когда беспокойные дневные мухи утомляются и вместо них жужжат водяные мошки и комары (*zansara*). В это время крестьянин, отдыхая под горою, чтобы защититься от вечерних испарений плодородной, но вредной для здоровья долины, где он занимался сельскими работами, видит перед собою бесчисленное множество светящихся насекомых. Филалет.

40-42. В этом рве казнятся злые советники, которые, будучи облечены в пламенные купы и носясь в них взад и вперед, вечно чувствуют жгучую его силу. «Смысл этой казни следующий: кто подает злой совет другому, тот согрешает перед светом (разумом), данным ему в избытке, сравнительно с другими, Богом: они, так сказать, похищают его у Бога. Святые советодатели обращали свет своего разума к Богу, а потому, облеченные ими, как ризою, в единении с Богом, восходят на небо; напротив, свет (разум) злых советников, уклонившись от Бога, низводит их в ад, и чем более они от него уклоняются, тем жесточе им наказание. Они, по словам поэта, служат добычею огня, который похищает их души, «чтобы они познали, что чем кто согрешает, тем и наказывается». Премудр. XI, 17. Эти духовные тати совершенно укрыты от нашего взора, тогда как тати чужих имуществ лишены только внешней своей принадлежности — наружного вида (Ада XXIV и XV)». Копиш.

53-54. Этеокл и брат его Полиник, дети Эдипа, долго спорившие, кому должны принадлежать Фивы, умертвили наконец друг друга в поединке. Тела братьев положили на один костер; но поднявшееся с костра пламя раздвоилось, как бы в доказательство того, что безумная ненависть братьев не замолкла и по смерти.

«Tremuere rogi et novus advena busto
Pellitur, exundant diviso vertice flammae».

Statius, Theb. XIII, 430.

55-63. Улисс и Диомед заключены в одну огненную купу, как неразлучные строители хитроумных ковов на погибель Трои. Сюда принадлежат, во-первых, похищение Палладума, статуи богини мудрости,

*И вождь, узрев, как я над ямой свис,
Сказал: «Внутри огней сонм душ витает;
Что́ их палит, им служит вместо риз».*

(Ад, Песнь XXVI, тер. 46)

<p>61 Здесь слезы льют за ков, что Дейдами
Судил и мертвой слезы в Лимбе лить;
Здесь мучатся и за Палладий злые».</p>	<p>— «О, скрытые в один огонь навеки!
Коль услужил я в жизни вам вполне,
Коль много ль, мало ль услужил в том веке,</p>
<p>64 — «Коль можно им сквозь пламень говорить,
Молю тебя», сказал я, «вождь мой строгий
И, вновь моля, готов сто раз молить,</p>	<p>Когда я пел о славной старине, —
Не двигайтесь! Пусть один из вас опишет,
Где он погиб по собственной вине».</p>
<p>67 Позволь дожидаться мне, пока двурогий
Тот пламенник дойдет до сей скалы;
Смотри, как я склонен к нему с тревогой».</p>	<p>Из древнего огня столбом вдруг вышел,
Зарокотал громадный рог тогда,
Как будто он под сильным ветром пышет.</p>
<p>70 — «Мольбы твои достойны похвалы»
(Он мне) «и я исполнить их согласен;
Но удержи язык свой до поры.</p>	<p>И, как язык лепечет от стыда,
Так, вверх и вниз вершиною взволнован,
Изверг он голос и сказал: «Когда</p>
<p>73 Мне предоставь к ним слово; ибо ясен
Мне смысл твоих желаний; твой же клик
К ним, гордым грекам, может быть напрасен».</p>	<p>Цирцею бросил я, быв к ней прикован
Год с лишком близ Гаэты, прежде чем
Энеем град был так наименован, —</p>
<p>76 И, место выбрав, улуча тот миг,
Когда и где приблизились к нам греки,
В таких словах он голос к ним воздвиг:</p>	<p>Ни нежный сын, ни долг священный к тем,
О ком вздыхал в разлуке день я каждый,
К родителю, к жене, почтенной всем,</p>

упавшей с Олимпа и хранившейся в Трое, в храме ее замка; от обладания этой статуей зависела, согласно оракулу Аполлона, судьба Трои, почему Улисс и Диомед согласились похитить ее, и действительно похитили, пробравшись в замок Трои в одежде нищих (см. стр. 63). — Далее, по совету Улисса, греки построили деревянного коня, внутри которого спрятались сам Улисс и другие герои; трояне, поверив Синону, уверявшему, что конь построен как примирительное приношение Палладе, втащили громаду в Трою и для удобнейшего прохождения ее сломали далее часть стены; ночью спрятавшиеся воины вышли из коня, отперли ворота и впустили подошедшие к тому времени войска греков; тогда Эней, спасаясь из погибавшей Трои, бежал с немногими троянами и, прибыв в Италию, положил основание будущей Римской империи.

61. Дейдамия, дочь Ликомеда, царя скиросского. При дворе Ликомеда Фетида скрыла сына своего Ахилла, переодев его в женское платье, для того, чтобы спасти от опасностей, угрожавших ему, согласно с оракулом, при осаде Трои. Но Улисс скоро открыл Ахилла, явившись ко двору Ликомеда купцом с разными товарами, состоявшими из женских украшений и ратного доспеха: первые раскупили женщины, Ахилл же схватил оружие. Тогда Улисс уговорил будущего героя покинуть свою возлюбленную Дейдамию и идти вместе с ним под Трою.

73-75. Греки не стали бы отвечать Данте или по своей гордости, или из ненависти к латинам, потомкам троян. — Замечательно, что Данте нигде в своей поэме не вступает в разговор с лицами из древней греческой истории: не есть ли это намек на его незнание греческого языка? Филалет.

85-86. Громадный рог заключает в себе душу более разумного Улисса, во зло употребившего более света, т. е. разума, а потому и объятого большим пламенем. Древним назван огонь потому, что протекло много веков с тех пор, как в нем заключены эти души.

88-90. Мысль глубокая! Как трудно человеку лжи облечь в слово истину, которая, как огонь, его уничтожающий, объемлет его душу! Это явление еще разительнее выражено в следующей песне (Ада XXVII, 4-18). Нельзя не подивиться также глубокомыслию поэта, превратившего этих людей в огненные языки, — людей, которых язык, по слову апостола, был огонь, воспламеняющий круг жизни. «И язык — огонь, прикрывает неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспламеняет круг жизни, будучи сам восплаем от геенны». Посл. Иакова III, 6. Филалет.

97 Ничто во мне не утоляло жажды
Познать добро и зло далеких стран
И целый мир объехать хоть однажды.

100 В одной ладье и с горстью аргивян,
Не бросивших меня в моем скитании,
Пустился я в открытый океан.

103 Два берега узрел я до Испании
И до Марокко, сардов посетил
И видел там всех островов собрание.

106 Уж я с дружиной стал и стар, и хил,
Когда достиг до узкого пролива,
Где Геркулес запрет свой начертил,

109 Чтоб вдаль никто не простирал порыва.
Ушла Севилья справа из очей,
Налево Сейта скрылась в глубь залива.

— „Друзья, — я рек, — изведав средь морей 112
Сто тысяч бед в пути на запад чудный,
Ужель мы вечера последних дней

Не посвятим на подвиг многотрудный 115
И не проникнем по равнине вод
По ту страну от солнца в мир безлюдный?

Припомните, как знаменит наш род! 118
По-скотски ль жить мы рождены? Нет, зная
И доблести — вот цель земных забот“.

И силою столь краткого воззвания 121
Так страшно в них я распалил умы,
Что мог едва в них сдерживать желанья.

И, повернув к востоку руль кормы, 124
На веслах, как на крыльях, буйства полны,
Держась все влево, в путь помчались мы.

91-93. Следуя Вергилию, Данте принимает местопребывание волшебницы Цирцеи, превратившей спутников Улисса в свиней, недалеко от мыса Монте Чирчелло, между Террачиной и Гаэтой, — городом, так названным Энеем в честь его кормилицы Каэты.

95-96. Т. е. ни нежностью к сыну Телемаху, ни преданностью к отцу моему престарелому Лаэрту, ни любовью к супруге Пенелопе.

100-102. Этот неподражаемый рассказ о гибели Улисса, несколько не согласный с повествованием Гомеровым, служит новым доказательством тому, что Данте не знал греческого языка и не читал «Одиссеи» в подлиннике. Правда, в его время существовали уже перевод ее, сделанный Пиндаром Фиванским: но так как этот перевод отличался варварским языком, то и остался почти незамеченным современниками. Только по смерти Данте перевод «Одиссеи», исполненный под наблюдением Боккаччо и Петрарки Леонтием Пилатом, вошел во всеобщее употребление. Впрочем, если бы даже и была известна Данте Одиссея, он, вероятно, все-таки позволил бы себе это отступление, потому что, прибегая к мифологии и самой истории, поэт, как мы сказали, пользовался ими постольку, поскольку они могли служить ему для олицетворения его идей. До сих пор неизвестно, откуда заимствовал Данте этот рассказ об Улиссе: есть ли он его выдумка, или основан на средневековых преданиях? Об Улиссе было множество преданий уже в древности: так, еще Плиний и Солин называли Улисса основателем Лиссабона; так, у Тацита (De Germ. cap. III) сказано, что Улисс посещал берега северного Немецкого моря, где основал город Asciburgium. Наконец, даже в Средние века, вероятно, ходило в народе много сказаний как об Улиссе, так и о неведомых странах другого полушария.

105. Корсика, Балеарские и другие острова, омываемые Тирренским морем.

107-109. Т. е. до так называемых Геркулесовых столпов (Гибралтарского пролива), образуемых двумя горами, Абилой и Кальпой. Другими словами: Улисс достиг той границы, которая (по понятиям того времени) поставлена человеку самою силою божественной; перейти этот предел значит воспротивиться воле Бога. Копиш.

110-111. Севилья — город в Испании (Ада XX, 124 и примеч.); Сейта (Setta) — древнее название африканского города Сеута.

116. По понятиям того времени, другая половина земного шара была покрыта морем.

118-120. Эти-то слова и составляют главное преступление Улисса, как злого советника: ими он прикрывает греховность своего дерзкого предприятия, представляя его подвигом добродетели, подобно тому, как лжепророки (Иерем. XXIII, см. ниже) выдавали свои мечтания за что-то божественное, а потому и погибли, как Улисс, от вихря Господня. Копиш.

- 127 Уже я зрел весь хор светил безмолвный
Других небес, а наши каждый час
Все ниже, ниже западали в волны.
- 130 Пять раз пылал и гаснул столько ж раз
Блеск под луной с тех пор, как в океане
Злосчастный путь стремил все дале нас.
- 133 И вдруг гора явилась мне в тумане;
Век не видал я столь высоких гор.
Мы восклицаем в радости заране,

- Но вдруг померк от страха светлый взор: 136
Внезапно вихрь от новых стран родился
И прямо в борт ударил нам в упор.
- Три раза челн со всей водой вскружился, 139
В четвертый раз вверх подняло корму
И, как хотел Другой, нос погрузился,
- И сдвинуло над нами море тьму». 142

124-126. Обратив руль к востоку, они плыли на ЮЗ (т. е. на Юго-Запад), влево от прямой линии, проведенной на запад, пока не достигли острова Чистилища, помещенного Данте на другом полушарии прямо противоположно Иерусалиму, стало быть, под 32° ю. широты и 155° з. долготы по Гринвичскому меридиану, или почти в 450 немецких милях от северной оконечности Новозеландии. Филалет.

128. Других небес, т. е. Южного полушария.

130. Значит, они плыли 5 месяцев. Гора Чистилища отстоит от Кадикса почти на 2050 миль; если принять месяц ровно в 30 дней, выйдет, что в день они плыли около 13 миль, что не должно казаться слишком медленным, приняв в расчет несовершенство мореплавания во времена Улисса. Филалет.

133. Гора Чистилища (см. 124-126, примеч.).

137-138. «Вот, идет буря Господня с яростию, буря грозная, и падет на главу нечестивых». Иерем. XXIII, 19.

142. «Итак, в основе этого дивного рассказа об Улиссе лежит порицание человеческого высокомерия, тех хитросплетений ума, той изобретательности и предприимчивости, которые устремляют деятельность человека за пределы возможного: так точно уже Гораций в третьей оде второй книги изобразил нам мореплавание вообще как дерзкое нарушение воли богов. Потому Улисса, как он выведен здесь, можно сравнить с древними титанами или кентаврами, дерзнувшими на брань с самими богами, или с знаменитым Фаустом Средних веков, который для того, чтобы утолить жажду знаний и удовольствий, осмелился пожертвовать и жизнью, и вечным блаженством. Кроме того, повествование о гибели Улисса имеет тесную связь и с самою местностью Divina Commedia. Гора, от которой восстал вихрь, погубивший корабль Улиссов, есть гора Чистилища. К этой цели Данте не мог привести Улисса без того, чтобы некоторым образом не нарушить единства плана своей поэмы, а еще более потому, что этим совершенно опровергалась бы идея о недостижимости цели, лежащей вне пределов сил человеческих. Следовательно этим прекрасным эпизодом поэт заранее готовится к скорому переходу во второй отдел замогильного мира — чистилище». Каннегиссер.

ПЕСНЬ XXVII

Круг восьмой; яма восьмая: злые советодатели (продолжение). — Гвидо да Монтефельтро.

<p>1 Уж пламень смолк и, выпрямясь, ответа
Нам не давал и отошел к другим
С соизволения сладкого поэта,</p>	<p>И начал: «Ты, к кому мой глас раздался, 19
Ты, по-ломбардски молвивший царю
Улиссу: „Сгинь, с тобой уж я расстался!“</p>
<p>4 Как новый свет, пришедший вслед за ним,
Наш взор привлек к своим пылавшим вилкам,
Раздавшимся в них ропотом глухим.</p>	<p>Хоть, может быть, я тщетно говорю, — 22
Все ж я молю, остановись на время;
Смотри: я медлю, а меж тем горю!</p>
<p>7 Как Сицилийский бык, в чьем чреве пылком
(И праведно!) впервые поднял вой
Художник сам, чьим сделан он подпилком,</p>	<p>И если пал сейчас ты в злое племя 25
Из сладостной латинской стороны,
Откуда в ад принес грехов я бремя, —</p>
<p>10 Ревел так сильно стоном муки злой,
Что истукан, хоть вылит из металла,
Казался весь растерзанным тоской, —</p>	<p>Скажи: в Романье мир иль гром войны? 28
Ведь я из гор, отрезавших Урбино
От скал, где Тибр истек из глубины».</p>
<p>13 Так скорбь души, пока не обретала
Речам своим пути из тайника,
В треск пламени свой говор превращала.</p>	<p>Еще мой взор влекла к себе пучина, 31
Как, в бок толкнув меня, сказал поэт:
— «Сам говори: ведь это тень Латина».</p>
<p>16 Когда же с воплем прорвалась тоска
Сквозь острое, вдруг огонь заколыхался,
Волнуемый движеньем языка, —</p>	<p>И я, имев готовый уж ответ, 34
Не медля, так с ним начал совеща́нья:
— «О ты, чей дух весь пламенем одет!</p>

7-12. Перилл, афинянин, подарил Фалариду, тирану агригентскому, медную статую быка, устроенную таким образом, что когда сажали в нее человека и разогревали ее медленным огнем, то стоны несчастного совершенно походили на рев живого быка. Фаларид, приняв подарок, немедленно хотел испытать свойство статуи и для того употребил самого изобретателя, подвергнув его первого жестокой казни, им же изобретенной. Это уподобление намекает на то, что души, наказуемые здесь пламенем, похищенными ими у Бога, сами приготовили себе собственную муку.

13-18. Эта картина говорящего пламени превосходно задумана как в акустическом, так и нравственном отношениях. Слова говорящей души, не находя выхода из среды окружающего ее пламени, сперва производят только треск и ропот, какой издает разгорающееся пламя; но как скоро слова проложили себе дорогу сквозь острое пламени, тогда волны звука, возбужденные движением говорящего языка, сообщили колебание острию огня и вслед за тем послышались вразумительные звуки речи (слич. также Ада XIII, 40 и д.). Филалет.

21. В подлиннике: Issa ten'va, più non t'aizzo; issa и aizzo — слова ломбардского наречия, которым говорит Вергилий, будучи сам ломбардского происхождения (Ада I, 68 и примеч.). Этими словами Вергилий позволил Улиссу удалиться (ст. 3); они-то и подали повод явившемуся теперь духу спросить о политическом состоянии Романьи, страны, соседней с Ломбардиею.

29-30. Дух говорящий — граф Гвидо де Монтефельтро. Монтефельтро, родина графа, — возвышенная горная страна между Романьей и Тосканою; она простирается от г. Урбино до Монте-Коронаро, откуда берет начало Тибр.

37-39. Весною 1300 г., когда Данте предпринял свое поэтическое странствование в замогильном мире (Ада I, 1 и примеч.), в Италии действительно не было войны; зато искры ее повсюду тлели под пеплом.

40-42. Равенна находилась в это время под управлением Гвидо Поленты, покровителя Данте, который и умер при его дворе. В гербе фамилии Полента был орел, в половину белый на синем, в половину

<p>37 Без войн когда ж была твоя Романья?
В сердцах тиранов вечный там раздор,
Хоть явного и нет пока восстания.</p> <p>40 Как и была, Равенна до сих пор:
Орел Паленты так в ней угнездился,
Что к Червии сень крыл своих простер.</p> <p>43 Но город твой, что так упорно бился
С французами, задав им злой урок,
Теперь когтям зеленым покорился.</p> <p>46 Два пса Веррукьо, старый и щенок,
Так поступив с Монтаньей беспримерно,
Как и сперва, сосут из жертвы сок.</p> | <p>Но города Ламона и Сантерно,
Что год, то к новой партии ведет
На белом поле Львенок лицемерно.</p> <p>А тот, где сбоку Савио течет,
Как прилежит к горе он и долине,
Так меж тиранств и вольностей живет.</p> <p>Но кто ты сам, откройся, как доньше
Никто от нас не крылся, чтоб ты мог
Вознестъ на свет чело свое в гордыне».</p> <p>И, пророптав с минуту, острый рог
Взад и вперед тут пламя покачало
И так в ответ дохнуло от тревог:</p> | <p>49</p> <p>52</p> <p>55</p> <p>58</p> |
|---|---|---|

красный на золотом поле. Ей же принадлежала и Червия, маленький городок в 12 милях от Равенны, где в 1292 г. подестою был Бернардино Полента, брат несчастной Франчески. Филалет.

43-44. Этот город есть Форли, принадлежавший некогда тоже графу Гвидо де Монтефельтро, тому самому, с которым разговаривает теперь Данте. Еще в 1281 г. этот город неоднократно, но безуспешно был осаждаем французским генералом, каким-то Аппиа или де Па, по повелению папы Мартина IV; город защищал граф Гвидо де Монтефельтро. В следующем году Аппиа вошел в тайные сношения с некоторыми жителями города; но Гвидо, сведав об этом, велел казнить изменников. Между тем Аппиа подступил к городу с многочисленным войском, состоявшим большею частью из наемных французов. Чувствуя невозможность долго защищаться, Гвидо решился прибегнуть к военной хитрости. Утром 1 мая 1282 г. он тихомолком вышел в ворота (Porta Botta) с войском и жителями, оставив в городе только стариков и женщин. Аппиа немедленно вступил в город и, не подозревая обмана, оставил только слабый резерв под одним дубом вне города. Между тем Гвидо был недалеко и, воспользовавшись минутою вступления французов в город, напал на резерв, уничтожил его и стал на его место. Узнав, что французы предались в городе грабежу и пьянству, он ворвался в Форли и произвел страшное избиение; часть французского войска бежала к дубу, полагая найти там своих; но встретила резерв, оставленный графом, и тут же была уничтожена. Одним словом, поражение французов было полное. Многие приписывали эту военную хитрость астрологу графа Гвидо, Бонатти (Ада XX, 118). Таким образом Форли, как город, преданный гибеллинам, упрочил себе свободу на довольно долгое время. Филалет.

45. Это герб фамилии Орделаффи, член которой Синибальдо дельи Орделаффи управлял в 1300 г. городом Форли. В ее гербе находился зеленый лев; верхняя половина герба была золотая, а нижняя имела три зеленые и три золотые полосы. Из членов этой фамилии особенно был известен в свое время Скарпетта дельи Орделаффи, у которого, согласно преданию, жил несколько лет Данте во время своего изгнания и который позднее, в 1302 г., предводительствовал Белыми против Флоренции. Бенвенуто да Имола.

46-48. Здесь разумеются Малатеста и сын его Малатестино, прозванный del occhio (он был кривой), владельцы замка Верруккио, недалеко от г. Римини, жесточайшие из мелких тиранов в Романьи и поэтому прозванные Псами. Братями Малатестино были Джиованни или Джианчиотто Хромой, супруг несчастной Франчески, Паоло, ее возлюбленный (Ада V, 71 и примеч.), и Пандольфо, к которому впоследствии перешла власть этого дома. Малатеста был избран в предводители гвельфской партии города Римини, тогда как гибеллинская часть жителей находилась под управлением фамилии Парчитати, во главе которой стоял в то время Монтанья. Обе партии находились в непрерывной борьбе между собою, так что Парчитати наконец вынуждены были призвать на помощь упомянутого выше графа Гвидо де Монтефельтро. Опасаясь Гвидо, Малатеста прибегнул к хитрости. Он примирился с Монтаньей под тем условием, чтобы обе партии вывели войска из города, на что неосторожный Монтанья охотно согласился и даже отказался от помощи графа Монтефельтро. Однако хитрый Малатеста первый нарушил условия договора: часть своих солдат тайно разместили по домам, а другую, выведенную из города,

<p>61 — «Когда б я знал, что дать мне надлежало
Ответ тому, кто возвратится в свет, —
Поверь, ничто б огня не взволновало.</p>	<p>Когда ж увидел, что достиг той части 79
Стези своей, где время нам спускать
Все паруса и убирать их снасти, —</p>
<p>64 Но если правда, что из ада нет
Живым возврата, как слышал я прежде,
То, не страшась бесславья, дам ответ.</p>	<p>Что так любил, о том я стал рыдать 82
И каяться, надежду возлекая,
Что, бедный, тем снищу я благодать.</p>
<p>67 Я воин был; потом в святой одежде,
Отшельника мечтал вознестись в рай,
И сбыться бы наверно той надежде,</p>	<p>Но гордый князь новейших фарисеев, 85
Воздвигнувший войну на латеран,
А не на злых срадин или евреев, —</p>
<p>70 Когда бы жрец верховный — покарай
Его беда! — не ввел меня в грех новый;
А как и чем он ввел меня — внимай.</p>	<p>Как сущий враг для тех из христиан, 88
Кто не ходил брать Акры или смело
Торговлю вещь среди султанских стран, —</p>
<p>73 Пока костей и плоти нес оковы,
Что мать дала мне, я творил дела
Не львиные, а лисьи строил ковы.</p>	<p>Забыл в себе свой долг, свой сан всецело, 91
Во мне же опозорил светлый чин
Веревки той, что сушит в грешных тело.</p>
<p>76 Все хитрости, все извороты зла
Я знал и все держал их так во власти,
Что весть об них на целый мир прошла.</p>	<p>И как призвал Сильвестра Константин 94
С Сорактских гор, чтоб снять с него проказу,
Так он в надеждах, что лишь я один</p>

в ту же ночь ввел в Римини и при криках: «да здравствует Малатеста и гвельфы! смерть Парчитати и гибеллинам!» напал на противную партию. Парчитати были изгнаны, а Монтанья схвачен и посажен в темницу, где Малатестино, по повелению отца, после жестоких истязаний умертвил несчастного. Бен-венуто да Имола.

49-51. Имола, город на р. Сантерно, и Фаэнца, на р. Ламоне, находились в 1300 г. под управлением Макинардо Пагани, властителя Имолы, Фаэнцы и Форли, прозванного Дьяволом. Герб его был голубой лев на белом поле. Происходя от гибеллинской фамилии, и в Романье даже усердный поборник этой партии, он тем не менее служил с такой же верностью и флорентинским гвельфам по ту сторону Апеннин, в благодарность за то, что отец его Пиетро Пагани вручил ему управление общиной Флоренции. Во Флоренции, где климат сравнительно теплее, чем в Романье, он был гвельф, и гибеллин — в более холодной Романье, потому в подлиннике сказано: *che muta parte dalla state al verno*.

52-54. Чезена, на р. Савио, принадлежала то к той, то к другой партии, именно то дому Малатеста, то Монтефельтро. Предместье Чезены стояло на горе.

67-71. В историческом очерке политического состояния городов Романьи в конце XIII столетия, приложенном в конце книги, изложены подвиги этого замечательного мужа; здесь мы доскажем его остальную историю. После того как Гвидо принужден был покориться церкви (в 1282 или 1285 г.), он удалился в Пьемонт. В 1288 г. пизанцы, угнетенные гвельфами, по смерти Уголино в темнице, призвали Монтефельтро в Пизу и избрали его в подесты и саритано города. Гвидо, несмотря на отлучение его и его семейства от церкви, храбро оборонял этот город и успел заключить честный мир (в 1293 г.). Вскоре он возвратился опять в Урбино и в 1294 г., при Целестине V, окончательно примирился с церковью и получил отпущение грехов, причем были возвращены ему права и отданы дети, долго содержавшиеся в заточении. Наконец, соскучившись тревожениями бурной жизни, в ноябре 1296 г. Гвидо постригся в францисканском монастыре в Анконе, где часто видали его на площади вымаливавшим себе насущный хлеб. Он умер в 1298 г. — Папа Бонифаций VIII ненавидел знаменитую римскую фамилию Колонна, два члена которой, кардиналы Якопо и Пиетро, противились его избранию в папы, а Скиарра Колонна завладел папским имуществом. В 1296—1298 гг. был объявлен папою крестовый поход против этой фамилии: кардиналы были лишены своих достоинств, отлучены от церкви; дворцы их, находившиеся

<p>97 Уйму в нем жар горячки гордой сразу, —
Просил совета; я ж, сочтя его
За пьяного, молчал, не вняв приказу.</p>	<p>Лишь умер я, Франциск пришел за мной; 112
Тогда один из херувимов черных:
— „Не тронь! сказал: по всем правам он мой.</p>
<p>100 А он: „В душе не бойся ничего;
Прощу твой грех, лишь научи неложно,
Как Пенестрино срыть с основ его.</p>	<p>Принадлежит он к сонму мне покорных! 115
С тех пор, как дал совет он зло свершить,
Держу его за прядь волос позорных.</p>
<p>103 Рай отпирать и запирасть мне можно:
Ведь у меня на то и два ключа,
Чью мощь предместник мой почел ничтожной“.</p>	<p>Без покаянья грех нельзя простить; 118
А каясь, зла желать — то два понятия
Столь разные, что — как их согласить?“</p>
<p>106 И я, из слов столь важных заключаю,
Что, если я смолчу, мне смерть готова,
Сказал: „Коль, отче, с моего плеча</p>	<p>О, как я дрогнул, бедный, как, в объятья 121
Попав к нему, услышал: „Что? Не мнил,
Что логику и наша знает братья?“</p>
<p>109 Снимаешь грех, в него ж впадаю снова,
То выслушай: чтоб трон возвысить свой,
Будь в слове щедр и скуп в свершеньи слова“.</p>	<p>Тут он меня к Миносу притащил, 124
И тот, обвинившись восемь раз и даже
Хвост прикусив от злости, возгласил:</p>

в Латеранском квартале Рима, разрушены; имущество конфисковано и часть его отдана фамилии Орсини. Несмотря на это, кардиналы не повиновались и, по взятии города их Непи, нашли себе последнее убежище в почти неприступной крепости Пенестрино, ныне Палестрино (древ. Praeneste). Бонифаций, видя невозможность одолеть врага в стенах его твердыни, вызвал Гвидо де Монтефельтро из монастыря, наперед отпустил ему грехи прошедшие и будущие и требовал совета, как завладеть крепостью. Монтефельтро советовал много обещать и ничего не исполнить. Согласно с этим, папа обещал кардиналам полное прощение и возвращение им прежних их достоинств. Бросившись к ногам папы, кардиналы сдали Пенестрино; тогда Бонифаций повелел немедленно срыть до основания ненавистную крепость и на месте ее построил новую, под именем Città Papale. Фамилия Колонна, опасаясь за жизнь свою, рассеялась тогда по всем странам Европы. Один летописец присовокупляет к этому, что Гвидо вскоре потом впал в тяжкую болезнь, от которой и умер.

70. Бонифаций VIII.

76-78. По словам всех летописцев, Гвидо отличался как храбростью, так, в особенности, умением прибегать к военным хитростям: «in consiliis calliditate et artibus, per jam gestas victorias adeptas».

85. Бонифаций VIII. Фарисеями Данте называет тогдашнее римское духовенство по сходству его действий с хитрыми действиями этой Иудейской партии.

86. Латеран, дворец и храм в Риме, вблизи которых находились дворцы фамилии Колонна, разрушенные Бонифацием VIII (см. выше, примеч. к ст. 67-71).

88-89. Жестокая насмешка над современными событиями: за несколько лет до объявления крестового похода против Колонны пала Акра (St. Jean d'Acre), город в Сирии, последний оплот христиан на Востоке, причем, в осаде города помогали сарацинами христианские изменники.

90. Торговля с сарацинами воспрещалась во время войны церковными законами, ослабленными, впрочем, Иннокентием III. Этот стих относится к христианским купцам, нарушавшим сказанный закон из торговых интересов.

94-95. Согласно преданию, очень распространенному во времена Данте, император Константин вызвал папу Сильвестра из пустыни при горе Сирате (лат. Soracte, ныне Sant' Oreste), недалеко от Рима, чтобы он своими молитвами очистил его от проказы. «Dicunt quidem adhuc, quod Constantinus imperator, mundatus a lepra intercessione Sylvestri, tunc summi pontifici, imperii sedem, scilicet Romam, donavit ecclesiae, cum multis aliis imperii dignitatibus». Dante. De Monarch. 3.

105. Папа Целестин V, по проискам Бонифация VIII, добровольно сложил с себя папское достоинство (Ада III, 58-60 и проч.).

ПЕСНЬ XXVII

127 — „Иди в огонь, огня повинный в краже!“
Так вот за что я здесь горю огнем
И вечно огонь вокруг меня на страже».

130 Тут голос смолк, и вновь своим путем
Понесся пламень с ропотом и стоном,
Крутясь и корчась зыбким острием.

Мы прочь пошли, и я, и вождь мой, склоном 133
Скалы, туда, где новый свод из груд
Покрыл тот ров, в котором дань законом

Наложена на сеятелей смут. 136

124-126. Минос, восемь раз обвиваясь хвостом, определяет место казни для грешника — восьмой круг ада (Ада V, 4 и примеч.). «Угрызение совести, символом которой служит Минос, выражено здесь особенно сильно, ибо духовная скорбь в грешнике, наделенном столь высоким духом, должна быть весьма мучительна». Копиш.

Круг восьмой; яма девятая: сеятели смут и раздоров, гражданских и религиозных. — Мазомет Али. — Фра Дольчино. — Пьер да Медичино. — Курион. — Моска. — Бертран де Борн.

<p>1 О, кто бы мог, хотя б и вольным словом,
Хотя бы не за раз, изобразить
Всю кровь тех ран, что зрел во рву я новом?</p> <p>4 У всех язык тут слабым должен быть,
Затем что нет ни в памяти, ни в слове
Вместимости, чтоб это все вместить.</p> <p>7 Будь тот народ опять здесь наготове,
Что сетовал на почве роковой
Апулии о пролитой здесь крови</p> <p>10 От рук римлян, иль в долгой брани той,
Когда, как пишет Ливий без обмана,
Враг столько взял перстней в корысть с собой;</p> <p>13 И тот, чью мощь как силой урагана
Роберт Гискар так страшно разгромил;
И тот, что лег костями у Чеперана,</p> | <p>Где подлым всяк из апулейцев был; 16
И тот, кого Алард, старик лукавый,
Близ Талляякоццо без меча разбил,</p> <p>И всяк явись, — кто в ранах, кто безглавый, — 19
То и тогда всех этих язв роды
Ничто пред тем, что этот ров кровавый.</p> <p>Так не течет утративший лады 22
Иль днище чан, как здесь сиял пред нами
Рассеченный от чресл до бороды.</p> <p>Его кишки болтались меж ногами, 25
Виднелась печень с тем мешком, где в кале
Отходит то, что принято устами.</p> <p>Я взор в него, а он в меня вперял. 28
И, грудь руками растворив широко,
Сказал: «Смотри, как я себя раздрал!</p> |
|--|---|

1. Вольным словом, *con parole sciolte*, т. е. не стихами, а прозою.

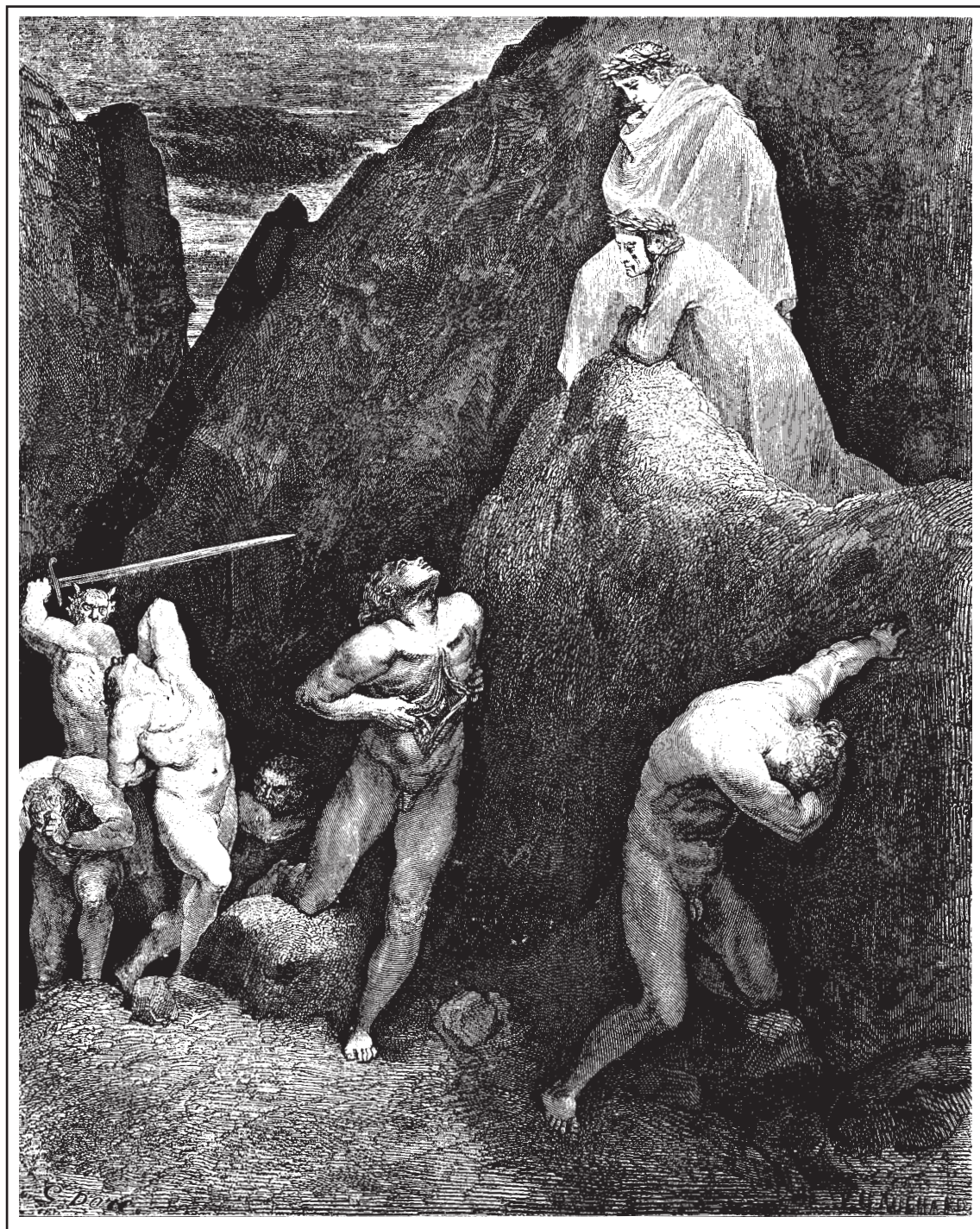
7-18. Здесь Данте намекает на пять великих войн, опустошавших Италию со времен римлян до начала XIV века, а именно:

7-9. I. Кровопролитные войны в Апулии до начала Пунических войн, особенно избиение 2000 апулийцев консулом П. Децием Мусом в 455 г. до н. э. (Tit. Liv. X, 15, 2);

10-12. II. Вторая пуническая война, продолжавшаяся 17 лет; здесь намекается особенно на битву при Каннах, в Апулии, где убито 50 000 римлян, так что Ганнибал отправил в Карфаген 3 меры колец, взятых с убитых римских всадников (Tit. Liv. XXIII, 12, 3);

13-14. III. Войны Роберта Гюискара. Танкред де Готвилль, из Нормандии, имел 5 детей от первого и 7 — от второго брака. Первые, и между ними в особенности Гунфрид, уже в начале XI века прочно утвердились в Апулии. В половине этого столетия явился в Италию старший сын от второго брака, Роберт Гюискар, по прозвищу Хитрый, женился на Сигесгуде, дочери ломбардского принца Гуаймара салернского, и вскоре завладел властью, особенно после того, как он победил сына и наследника своего тестя, юного Гизульфа, в 1070 г., и разбил жителей Амальфи. В мае 1084 г. он освободил папу Григория VII, осажденного в крепости Св. Ангела войсками императора Генриха IV, и, разорив Рим, отправился с Григорием в Салерно, где он вскоре и умер. Гюискара не должно смешивать с младшим его братом Рожером, завоевавшим Сицилию;

15-16. IV. Война Карла Анжуйского с Манфредом. Начало поражения Манфреда произошло при Чеперано, на границе Кампании, в нынешней провинции Терра ди Лаворо. Все историки согласны в том, что оборона переправы чрез Гарильяно при Чеперано была вверена Манфредом графу Джордано и графу Казерате: первый намерен был защищать ее; но Казерата отказался под предлогом, что войско Карла удобнее уничтожить, когда часть его, перешедшая через мост, будет отрезана. Эта измена апулийцев повлекла за собою гибельную битву при Беневенто, где Манфред был побежден и убит. Кажется, Данте смешал эти два события, ибо при Чеперано собственно битвы не было, хотя Пиетро ди Данте в своем комментарии и говорит, что сражение произошло как при Беневенто, так и при Чеперано. Далее он пишет, что Манфред, узнав об измене апулийцев при Чеперано, заставил их вторично принести ему присягу в верности; но они все-таки оставили его при Беневенто;

Я взор в него, а он в меня вперял.
И, грудь руками растворив широко,
Сказал: «Смотри, как я себя раздрал!»
(Ад, Песнь XXVIII, тер. 28)

17-18. V. Война того же Карла с Конрадином. На равнине при С.-Валентино, между Талльякочцо и Альбою, правильнее при Скуркола (Raumer's Geschichte der Hohenstaufen, 4, 597), произошло сражение, в котором юный Конрадин был разбит и взят в плен и, чему наиболее содействовал только что возвратившийся из Палестины старый французский рыцарь Алар де Вальери, давший совет Карлу напасть на неприятелей в ту минуту, когда они, разбив часть войск его, займутся грабежом. Каннегиссер.

21-24. Отношение ужасной казни к греху, здесь наказуемому, очевидно само собою. Неоспоримо также, что Данте, рассекая тела этих грешников, хотел противопоставить это словами; «Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом». I Посл. к Коринф. XII, 12, 13. Копиш.

31 Смотри, как здесь увечат лжепророка!
В слезах идет здесь предо мной Али,
Разрубленный от бороды до ока,

34 И все, кого здесь видишь, на земли
При жизни сеяли раскол и смуты, —
За то и казнь достойную нашли.

37 Там, позади нас, рубит демон лютый
И каждого из грешной сей толпы
В наш прежний вид приводит
в те минуты,

40 Когда свершим круг горестной тропы,
Затем что раны заживают снова,
Лишь вновь к нему направим мы стопы.

43 Но кто ты сам? Глядя с моста крутого,
Ты мнишь, что там от казни ты ушел.
Что по суду тебе уж здесь готова?»

46 — «Не мертвый он, не грех его привел
Сюда на казнь, — вождь крикнул негодуя, —
«Но чтоб вполне он знанье приобрел,

Мне суждено, да мертвый с ним схожу я 49
Чрез ад в ваш ров, идя из круга в круг,
И верно то, как то, что говорю я».

Тут более, чем сотни грешных, вдруг 52
Остановясь, в меня вперили взоры,
От дивных слов забыв и ярость мук.

— «Скажи ж ты Фра Дольчину, — ты, 55
который,
Быть может, вновь увидишь солнца свет, —
Чтоб он, пока в снег не оделись горы

И чтоб нейти за мной сейчас же вслед, 58
Запася хлебом; а не то в берлогу
Найдет к нему наваррец тайный след».

Так, к шествию одну поднявши ногу, 61
Мне Магомет сказал; потом скорей
Стал на ногу и вновь пошел в дорогу.

Другой, чей нос был срезан до бровей, 64
Проткнутый в горло и с одним лишь ухом,
Глядя на нас, стоял в толпе теней,

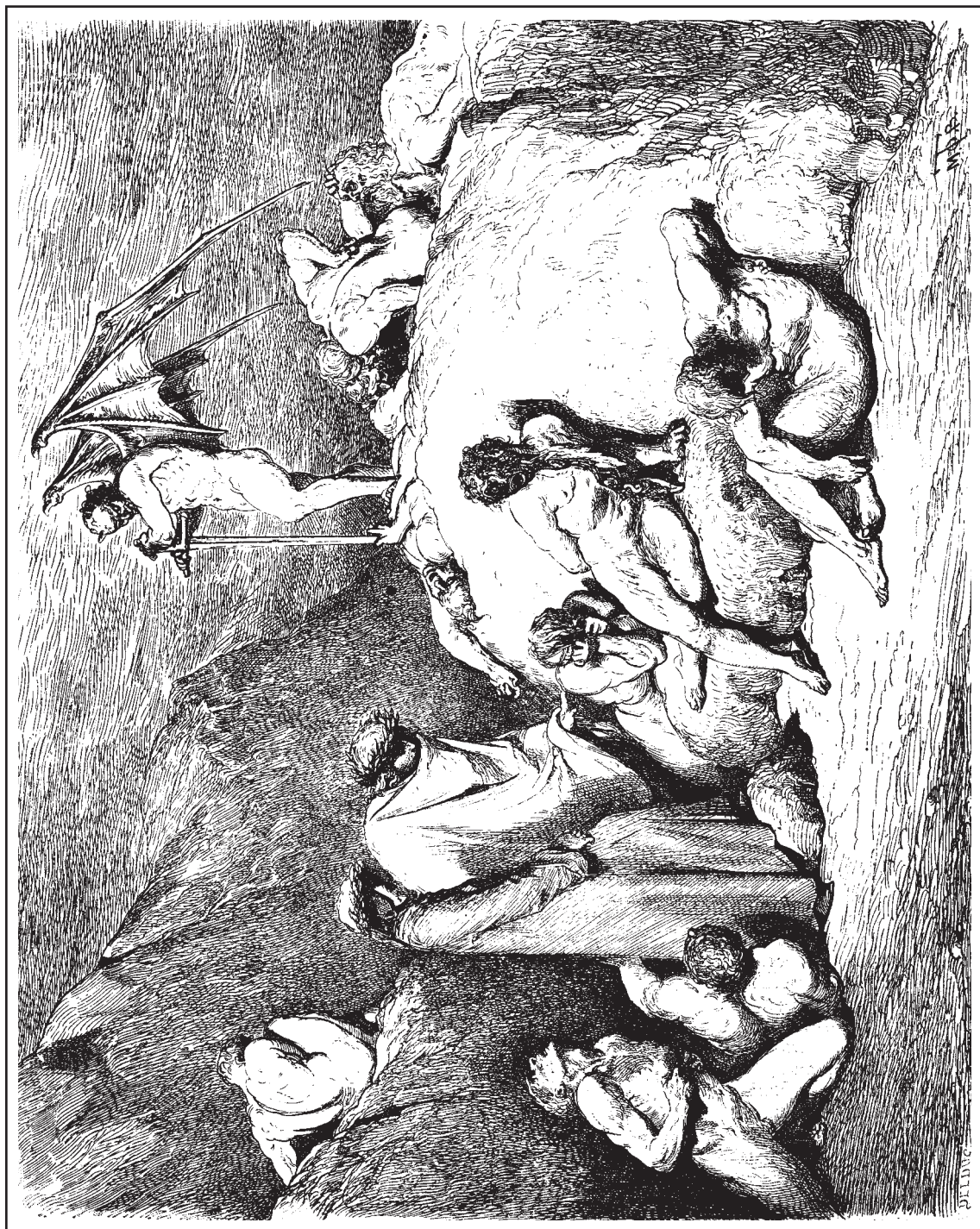
25-27. В верхней части рассеченного живота виден желудок, внизу так называемая слепая кишка, где совершается окончательная переработка пищи; остальные кишки выпали из своей полости — картина, анатомически совершенно верная.

31. Лжепророк Магомет рассечен от головы до ног по причине важности произведенного им раскола. «Есть высокое нравственное значение в этой казни, как и во всех других: лжепророк как будто обличен телесно». Шевырев.

32-33. Али, ученик Магомета, вызвавший раскол между последователями самого Магомета.

51. В подлиннике: *E quest'è ver così com' i' ti parlo*.

55-60. Еще в 1260 г. некто Герардо Сегарелли из Пармы основал секту, нечто в роде Вальденской ереси. По смерти Сегарелли, сожженного на костре, явился на его место другой сектатор, Дольчино, из епархии Наварры; он называл себя Фра Дольчино (брат Дольчино), хотя не был монахом. Дольчино воспитывался у одного монаха в Верчелли и обнаружил большие дарования, в особенности увлекательное красноречие; но, обокрав учителя, принужден был бежать в Тридент, откуда начал распространять свое учение, сходное с учением Сегарелли (Подробности о его догматах см. у Филагета, *Die Hölle*, 228). В начале XIV века, преследуемый инквизицией, он со многими приверженцами бежал из Тридента в горы между Наваррою и Верчелли. Отсюда производил он частые набеги на окрестные селения, грабил церкви, захватывал людей и брал за них большие выкупы. К этому вынуждал его в особенности недостаток в провианте, который нередко бывал так велик, что сектанты принуждены были есть мышей, крыс и лошадиное мясо, «*etiam in quadragesima*», с ужасом прибавляет его летописец. Вначале он с успехом защищал и свой притон на г. Монте Себелло, близ Верчелли, от нападения войск верчелльского епископа Раниери Педзано (1306); при помощи одной военной хитрости, он успел даже одержать важную победу над неприятелем, так что Раниери принужден был требовать у папы Климента VI объявления крестового похода против еретика. Дольчино продолжал защищаться, несмотря на то, что зимою 1306—1307 г. нужда в провианте достигла до того, что сектанты вынуждены были питаться мясом мертвых; к довершению бедствия выпал глубокий снег, препятствовавший делать набеги. Наконец в 1307 г. гора была взята штурмом, и после отчаянной обороны Дольчино вместе со своей женою, прекрасною Маргаритою, взята

Другой, чей нос был срезан до бровей,
Проткнутый в горло и с одним лишь ухом,
Глядя на нас, стоял в толпе теней...

(Ад, Песнь XXVIII, тер. 64)

<p>67 Необычайным изумленный слухом,
И, отворив багровую гортань,
Проговорил ко мне с прискорбным духом:</p>	<p>Что меж Майорки с Кипром дел таких 82
Не зрел Нептун ни в племени жестоком
Аргивском, ни у хищников морских!</p>
<p>70 — «О ты, что здесь не казнь приемлешь в дань,
Кого видал я, где живут латины,
Коль не обманут сходством я, — вспомянь</p>	<p>Предатель сей, одним что смотрит оком, 85
Владелец стен, которых спутник мой
Век не желал бы видеть вновь с упреком, —</p>
<p>73 Ты и меня: я Петр из Медицины!
И если ты увидишь как-нибудь
Меж Маркабо и Верчелли равнины, —</p>	<p>Их пригласит на договор с собой 88
И то свершит, что будет им напрасен
Труд заклинать Фокары ветер злой».</p>
<p>76 Сказать двум лучшим в Фано не забудь,
Мессеру Гвидо и Анджиолелло,
Что, если нас не может обмануть</p>	<p>А я ему: «Чтоб твой рассказ был ясен 91
И чтоб наверх слух о тебе проник,
Скажи, кому вид стен тех так ужасен?»</p>
<p>79 Предвиденье, с судна столкнет их смело
И близ Каттолики утопит их
Предательски тиран... Столь злое дело,</p>	<p>Тогда рукой он челюсти раздвиг 94
Товарищу и, рот ему разжавши,
Вскричал: «Вот он; но нем его язык!</p>

в плен и казнен в Берчелли варварской казнью: тело его и жены его Маргариты медленно разрывали по частям раскаленными щипцами! Несмотря на это, оба с непоколебимым мужеством вынесли казнь, продолжая излагать свое учение народу до самой смерти. Наг. Себелло построили часовню Св. Бернарда, куда ежегодно был крестный ход, причем раздавали хлеб бедным. Бенвенуто да Имола.

73. Петр из фамилии Катанни, владетель Медицины, городка недалеко от Болоньи, ревностно поддерживал несогласие между Гвидо Полентским и Малатестино из Римини: когда доходило до того, что они готовы примириться, он тотчас поселял сомнение в том или другом. Данте часто останавливался в доме Катанни в Медицине, а потому, вероятно, был знаком с Петром. Бенвенуто да Имола.

75. Маркабó — венецианская крепость при устье По, разрушенная Полентами. Верчелли — город в Пьемонте. Между ними с легким наклоном идет равнина Ломбардии.

76-83. Малатестино, владетель Римини, жесточайший тиран, названный в предыдущей песне псом Верруккио (Ада XXVII, 46-48 и прим.), пригласил однажды сеньоров Гвидо дель Кассеро и Анджиолелло ди Каньяно, двух лучших граждан г. Фано, в Каттолику, между Фано и Римини: по одним, на пир, по другим, на совещание; но на пути матросы, подкупленные Малатестино, посадили их в мешок с камнем и утопили в море — злодеяние, неслыханное между Кипром, на восточном, и Майоркой, на западном концах Средиземного моря, т. е. на всем Средиземном море.

84. Греки во все времена славились морскими разбоями.

85. Малатестино был крив и потому прозван *del occhio* (Ада XXVII, 46-48 и примеч.). В подлиннике: *che vede pur con uno*, который видит только одним — сказано в насмешку.

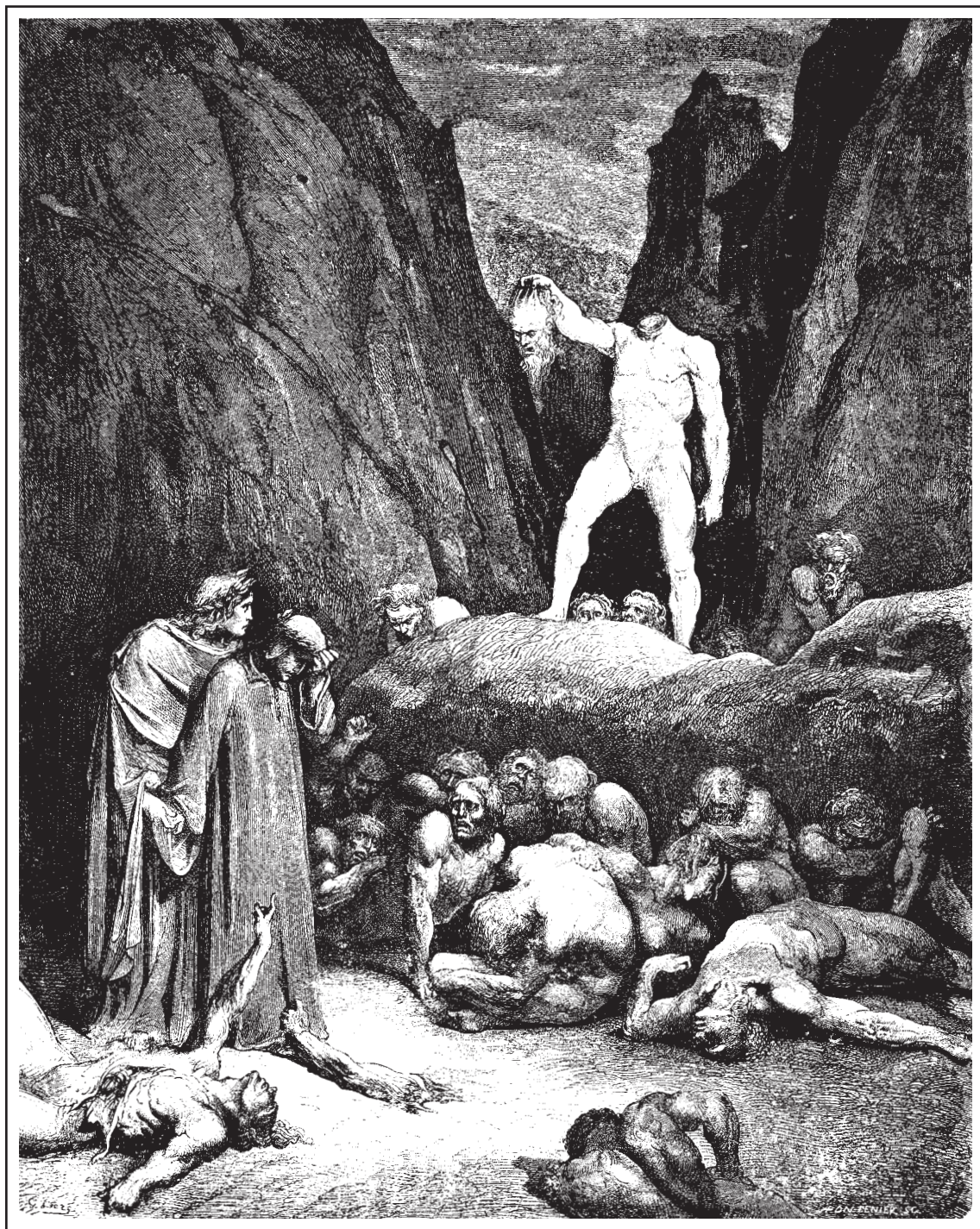
86-87. Г. Римини, в древности *Ariminum*, в виду которого Курион (см. ниже, примеч. к 97-102) дал совет Цезарю перейти через Рубикон, что повело впоследствии к гражданской войне.

90. Фокара, гора между Фано и Каттоликою, с которой подымается весьма опасный для мореплавателей ветер, почему тут обыкновенно давали обеты для счастливого плавания; была даже поговорка: *Custodiat te Deus a vento Focariensi*.

97-102. Курион, трибун, изгнанный из Рима, явившийся к Цезарю у *Ariminum* (Римини). Лукан (*Phars. I*, 281) заставляет его сказать Цезарю, стоявшему в раздумье:

Tolle moras! semper nocuit differre paratis.

106-108. Буондельмонте де Буондельмонти, молодой флорентинец, был обручен с дочерью Амидеи из знаменитой фамилии (по Дино Компаньи, отец ее был Одериги Джантруфетти). Однажды проезжал он мимо дома Фортетверры Донати; в это время жена Донати, Альдруда, вышла на балкон с двумя

Став тотчас под мостом, высоко руку
Ко мне он по́днял с головой своей,
Чтоб слов ее прислушался я к звуку...
(Ад, Песнь XXVIII, тер. 127)

<p>97 Вот он изгнанник, в Цезаре прогнавший
Сомнения все сказав: „готовый план
Там портится, где медлит план создавший!”</p> <p>100 О, как был страхом, мнилось, обуян
С отрезанным уж языком в гортани
Тот Курион, что был так в слове рьян!</p> <p>103 И вот другой, кому отсекали длани,
Обрубки рук поднял, и, кровью грудь
И все лицо себе багря в тумане,</p> <p>106 Мне закричал: «И Москву не забудь!
Сказав: в с е м у п о ч и н е с т ь, и ускоря
Тем злой посев, я внес в тосканцев смуть».</p> <p>109 — «И смерть в свой род!» сказал я,
Москва вторя.
И скорбь на скорбь помножа, он грустней
Пошел, как тот, кто обезумел с горя.</p> <p>112 Я ж все стоял, глаз не сводя с теней,
И видел то, о чем бы не решился
Без доказательств продолжать речей.</p> | <p>Когда б я совестью не заручился:
То спутник добрый; с ним страх гинет весь,
Кто правоты доспехом облачился.</p> <p>Я, точно, видел, вижу и поднесь,
Как обезглавленный шел труп в том сборе.
Подобно всем, ходившим в яме здесь.</p> <p>Он голову с отчаяньем во взоре
Рукой за кудри, как фонарь, носил;
Глядит она и говорит: «О горе!»</p> <p>Он сам себя в свой светоч обратил,
В одном здесь два и в двух один нес муку;
А как! — лишь Тот то знает, Кто решил.</p> <p>Став тотчас под мостом, высоко
руку
Ко мне он подъял с головой своей,
Чтоб слов ее прислушался я к звуку:</p> <p>— «Смотри, вот казнь, и ужаснись пред ней!
Живой, ты видел мертвых в царстве этом;
Скажи ж, чья казнь ужаснее моей?»</p> | <p>115</p> <p>118</p> <p>121</p> <p>124</p> <p>127</p> <p>130</p> |
|--|--|---|

дочерями и, показав на одну из них, сказала: «Что за девицу выбрал ты себе в жены? Я прочла за тебя эту». — Буондельмонте взглянул на девушку, и она ему понравилась; однако ж он отвечал: «Не могу нарушить данного слова». — «Можешь», возразила Альдруда: «я плачу за тебя пеною». Тогда он решился изменить слову. Пылая мщением, родственники отверженной собрались и рассуждали, что им делать: убить ли Буондельмонте или ограничиться одними боями. Тогда Моска Ламберти (о нем осведомился Данте у Чиакко, Ада VI, 80) выступил вперед и сказал: «Cosa fatta capo ha» — всякое дело имеет свое начало. — Решено было убить клятвопреступника. Когда в первое утро Пасхи Буондельмонте в белом платье проезжал на белом коне из Sesto oltre Arno через Ponte vecchio, заговорщики напали на него и умертвили у подножия статуи Марса, языческого патрона Флоренции, стоявшего на мосту через Арно. В числе убийц находился и Моска. С этой минуты начинается длинный ряд гибельных раздоров, волновавших так долго Флоренцию и даже всю Тоскану; отсюда же берут свое начало партии гвельфов и гибеллинов во Флоренции. Виллани (lib. V, cap. 37).

109. Виллани, говоря о фамилиях, принадлежавших к партиям Белых и Черных, вовсе не упоминает о фамилии Ламберти, принадлежавшей к гибеллинам, из чего можно заключить, что она, вероятно, была совершенно уничтожена во время смут, ею же возбужденных. Филалет.

131-135. Бертран де Борн, виконт Готфорский, воинственный трубадур, который своими воспламеняющими сервентами везде возбуждал войну и возмущение. Он заключил тесную дружбу с Генрихом, братом короля Ричарда Львиное Сердце, и побудил его восстать на отца своего Генриха II. По смерти своего друга (в 1183 г.) он был осажден королем Генрихом II в своем замке Готфор и после храброй защиты принужден был сдаться. Впрочем, он вскоре помирился с королем, который возвратил ему все его конфискованные владения. После того, скитаясь по Европе в качестве странствующего рыцаря и менестреля, он своими песнями возбудил арагонцев против короля их Альфонса II; сверх того, он принимал участие в войне Ричарда Львиное Сердце с Филиппом Августом. Он умер в монастыре. Из вышесказанного видно, что сын, которого Бертран возбудил против отца, назывался не Иоанном, а Генрихом; но так как Виллани, современник Данте, впадает в ту же ошибку (lib. V, cap. 4), то очень вероятно, что в Италии в то время из *Rè giovane* (юного короля), как обыкновенно назывался Генрих,

133 А чтоб о мне поведал ты пред светом,
Знай: я Бертран де Борн, я дух певца,
Кем Иоанн подвигнут злым советом.

136 В отце и сыне я смутил сердца;
Не столько жал нашел в Ахитофеле
Авессалом к восстанью на отца.

Я разлучил столь близких в общем деле;
За то, о горе, мозг мой отделен
От своего начала в этом теле.

Свершен на мне возмездия закон!»

139

142

сделали Rè Giovanni, и это тем вероятнее, что младший брат Генриха назывался Иоанном (так называемый Иоанн Безземельный). Филалет.

137-138. Ахитофел — наперсник царя Давида, тайно поддерживал возмутившегося его сына Авессалома; но вскоре впал в немилость и с отчаяния повесился.

139-141. Бертран, возбудив сына против отца, возбудил члены против главы семейства; за то у него голова отделена от тела. Он несет ее в руке, как фонарь: она служит ему светильником в аду так точно, как бы должна была служить на земле, чтобы показать ему все страшные последствия его преступления. Штрекфусс.

142. Закон возмездия, т. е. «душу за душу, око за око, зуб за зуб». Кн. Исхода XXI, 23, 24.

ПЕСНЬ XXIX

Круг восьмой: яма девятая (продолжение). Джери дель Белло. — Яма десятая: подделыватели всякого рода. — Алхимики. Гриффолино из Ареццо и Капоккьо.

<p>1 Вид разных ран в несметном том соборе
Так опьянил мне очи, что хотел
Я постоять, чтоб выплакать все горе.</p> <p>4 Но тут Вергилий: «Что ты обомлел?
Зачем твой взор так в яму приманили
Толпы теней с увечьем страшным тел?»</p> <p>7 При рвах других не так ты медлил! Или
Ты хочешь всех их счесть? Но не забудь,
Что двадцать две вокруг сей долины мили.</p> <p>10 Луна под нами уж свершает путь,
И нам дано еще немного суток,
А надо нам на многое взглянуть».</p> <p>13 — «Когда б ты вник в причину, почему так
Я в ров глядел», — был мой ему ответ, —
Ты б верно дал мне несколько минуток».</p> <p>16 В то время шел — и я за ним вослед —
Мой вождь, как мной ответ ему был сказан,
И я прибавил: «В том вертепе бед,</p> | <p>К дну коего мой взор был так привязан, 19
Мой родственник (и я то слышал въявь),
Оплакивал свой грех, что здесь наказан».</p> <p>А вождь: «О нем не думай впредь; оставь 22
Его во рву: он здесь за злое дело
Казнен; а ты к иному мысль направь».</p> <p>Он на тебя указывал и смело 25
Из-под моста грозился нам перстом,
И называл себя Джери дель Белло!</p> <p>Ты так тогда уставил взор на том, 28
Кто управлял Готфором, что, смущенный,
И не видал, как скрылся он потом».</p> <p>— «О добрый вождь, насильем умерщвленный, 31
Он не отмщен поныне, — начал я, —
Никем, не чужд кому тот срам свершенный».</p> <p>Вот отчего, разгневан на меня, 34
Он и ушел, мне не сказав ни слова,
И тем сильнее по нем печаль моя».</p> |
|--|---|

9. Здесь Данте в первый раз определяет размер одной части ада: по этому масштабу можно вычислить с некоторою вероятностью и другие размеры Злых-Рвов и глубокого колодезя. Впрочем, слишком прозаичны попытки некоторых толкователей-архитекторов (Ландино, Манетти, Джамбулларии, Веллутелло и др.), старавшихся вычислить по этому и еще другому (Ада XXX, 85-86) размеру объем и величину всего ада.

10. Этим определяется полдень 6 апреля, или половина второго 9 апреля; для 29 марта это положение месяца не имеет значения, ибо в это число сказанное положение месяца приходится пятью часами позже настоящего, что несогласно с Ада XXI, 112. Филалет. Замечательно, что время определяется в аду всегда положением месяца, или созвездиями зодиака, а не солнцем: это потому, что грешниками, в течение их жизни никогда не светила истина (солнце); месяц же, согласно с Ада I, 14 и пр., есть символ слабого света человеческой мудрости. Бер.

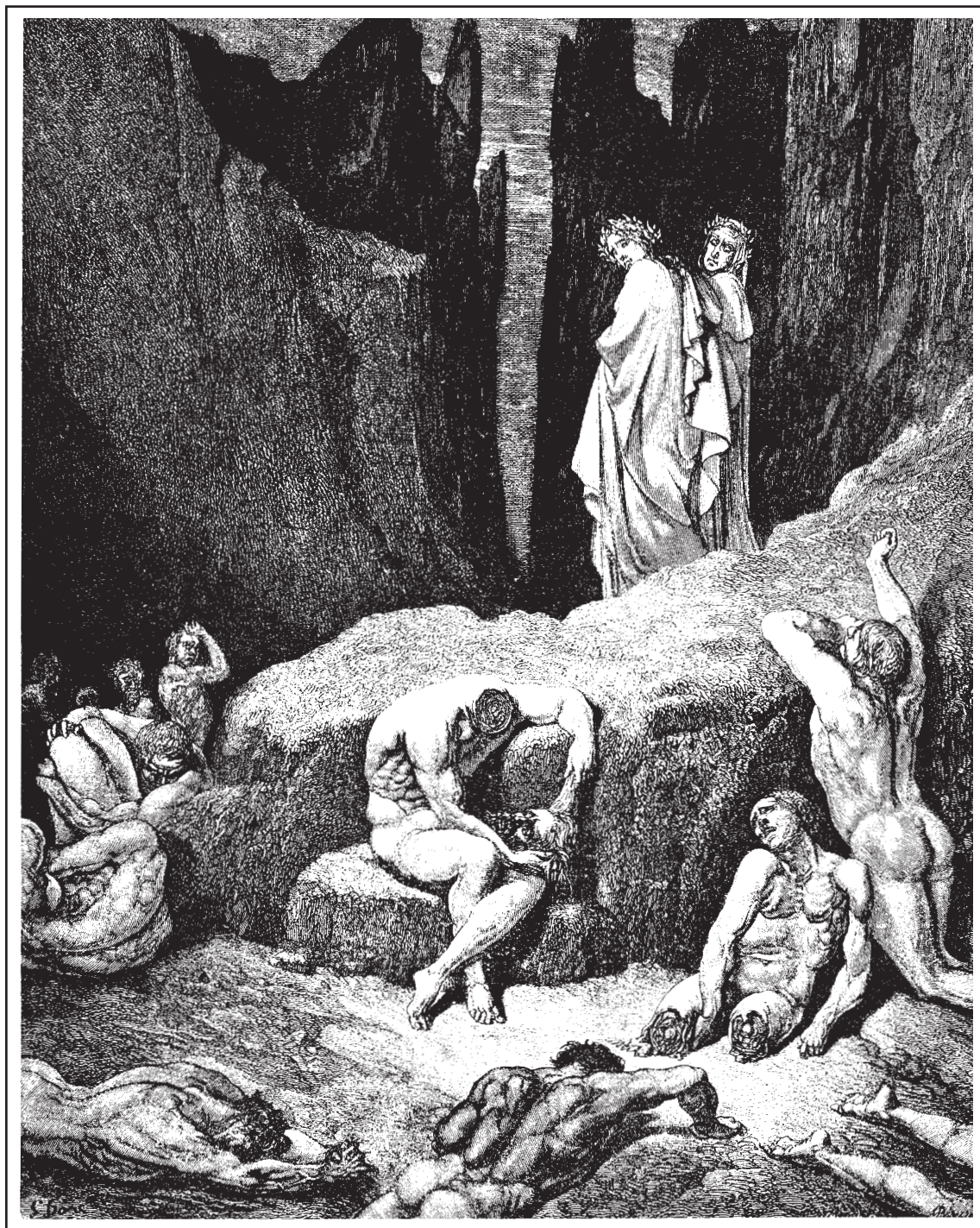
11. Им остается только 4 или 6 часов, так что поэту на все странствование по аду дан только один (астрономический) день в 24 часа.

27. Джери дель Белло, брат Чионе дельи Алигьери, кровный родственник Данте, ибо отец его, Белло, был дед поэта. Он был алхимик и вместе с тем человек беспокойного характера, за что и был убит одним из Саккетти. Анонимо. По другим источникам, он был только дерзок на язык и убит одним из фамилии Джереми.

28-29. Ада XXVIII, 134 и пр. — Готфор (Altaforte), замок в Гасконии, принадлежавший Бертраму де Борну, где он был осажден войсками Генриха II.

31. Спустя 30 лет, действительно, один из родственников Джери, сын мессера Чионе, отмстил за его смерть, заколов одного из Саккетти. Ландино.

32-36. Данте, по-видимому, разделяет мнение своих современников итальянцев о справедливости мщения кровь за кровь.

*Но тут Вергилий: «Что ты обомлел?
Зачем твой взор так в яму приманили
Толпы теней с увечьем страшным тел?»
(Ад, Песнь XXIX, тер. 4)*

<p>37 Так говоря, мы шли до рва другого.
Будь в нем светлей, я мог бы, взор вперя,
В нем рассмотреть все дно с моста крутого.</p> <p>40 Когда ж я стал у стен монастыря
Последнего, в котором взор наш смелый
Мог видеть братью адского царя, —</p> <p>43 Мне слух пронзили разных воплей стрелы,
Заостренные жалостью с концов;
Зажавши уши, шел я в те пределы.</p> <p>46 Какая б скорбь была, когда бы в ров,
С июля по сентябрь, без всей охраны,
Свалить больных с сардинских берегов,</p> <p>49 С Маремм и всех больниц Вальдекианы, —
Так было здесь, и смрад валил такой,
Какой дают гниющих членов раны.</p> <p>52 Тут мы сошли на крайний брег крутой
Скалы той длинной, все сходя налево,
И я ясней увидел в яме той,</p> <p>55 Как грозный бич божественного гнева,
Суд праведный поддельщиков казнит,
Погрязших в мглу отчаянного зева.</p> | <p>Но думаю, чтоб был печальный вид 58
Людей, в Эгине язвою гнетомых,
Где до того был воздух ядовит,</p> <p>Что твари все до малых насекомых 61
Попадали и, по словам певцов,
Весь древний род людей со всем скотом их</p> <p>Был из яиц воссоздан муравьев, — 64
Как было грустно видеть в мраке круга
На грудах груды страждущих духов.</p> <p>Кто на груди, кто боком друг близ друга, 67
Кто на спине валялся там в пыли,
Кто полз ползком под бременем недуга.</p> <p>Мы шаг за шагом с грустью молча шли, 70
Глядя на сонм страдальцев, не имевших
Настолько сил, чтоб хоть привстать с земли.</p> <p>Вдруг вижу двух, спиной к спине сидевших, 73
Как два горшка у печного огня.
И струпьями с главы до ног пестревших.</p> <p>Не чистит конюх щеткою коня, 76
Чтоб весть его скорее к господину,
Бессонный так не чешется, стена,</p> |
|--|---|

37-39. Поэты стоят теперь на высшей точке моста, перекинутого через десятый ров: отсюда всю эту долину, если бы она была светлее, можно было бы видеть до самого дна.

40. Данте сравнивает десятый ров с монастырем.

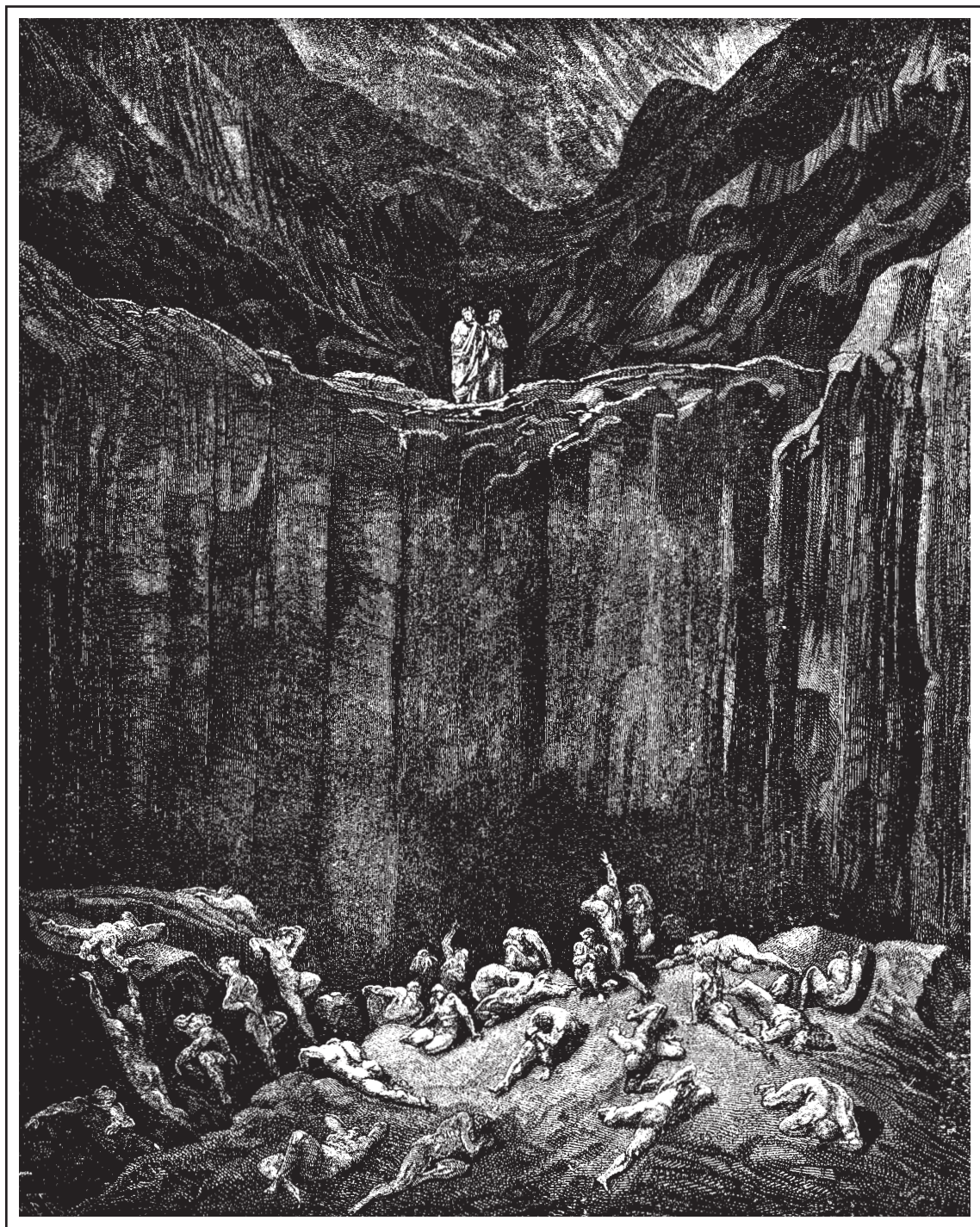
46-48. Здесь разумеется в особенности госпиталь в Альтопассо, в Вальдикиане, долине близ Арещо, по словам Ампера, плодороднейшей и богатейшей области Тосканы; во времена Данте тут особенно свирепствовали перемежающиеся лихорадки. То же должно сказать и о берегах Сардинии, где воздух весьма вреден для здоровья, особенно в летнюю пору, *tra'l luglio e'l settembre*, как сказано в подлиннике. В оригинале еще упомянута Маремма, около Сиенны (есть еще Маремма около Рима, Ада XIII, 9 и XXV, 20).

53. Огромная скала есть утес, идущий от стены восьмого круга в виде мостов через рвы и разбитый только над рвом лицемеров (Ада XVIII, 14-18).

58-64. Язва, истребившая на остр. Эгине всех жителей в царствование Эака, сына Юпитера, и баснословное происхождение Миридонов (от *μύρις*), от оставшихся вживе муравьев, прекрасно описана у Овидия, *Metamor*, VII, 118 et seq.

68-69. Тут совершается проклятие, произнесенное Моисеем над теми, кто не исполняют закона: «Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящими ветром и ржавчиною... сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца... Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими и постоянными, и болезнями злыми и постоянными». Второз. XXVIII, 22, 28 и 59. Копиш.

85-86. Этими словами дорисовывается картина болезни, известной в патологии под именем *ichthyosis*. Люди, одержимые этою болезнью, бывают покрыты широкими пластинками наподобие рыбьей чешуи и, страдая невыносимым зудом, чешут и даже до крови рвут тело ногтями, точно щипцами.

*Кто на груди, кто боком друг близ друга,
Кто на спине валялся там в пыли,
Кто полз ползком под бременем недуга.
(Ад, Песнь XXIX, тер. 67)*

79 Как эти два скребли ногтями спину
И с бешенством сдирали струпья с ней;
Но не могли тем утолить кручину.

82 И струпья сыпались из-под ногтей,
Как чешуя из-под ножа со щуки,
Иль с прочих рыб, чья чешуя крупней.

85 — «О ты, — с одним вождь начал речь: —
чьи руки
Со струпа струп ногтями прочь дерут
И как щипцы порою рвут от муки!

88 Скажи ты мне, попал ли в этот люд
Кто из латинцев? И пусть станет
Тебе когтей навек на этот труд».

91 — «Ах! Оба мы, чью кожу сыпь так ранит,
Латиняне», — тот с плачем произнес, —
Но кто ж ты сам, что нами столько занят?»

94 И вождь: «Я, дух, спускаюсь в царство слез,
Чтоб показать весь ад тому живому
И с ним иду с утеса на утес».

97 Тут, перестав служить один другому,
Они дрожа в меня вперили взор,
И весть дошла до всех, подобно грому.

И добрый вождь, взглянув в меня в упор, 100
Сказал: «Спроси, что хочешь». И лишь это
Позволил мне, я начал разговор:

— «Коль ваше имя не должно для света 103
Изгладиться из памяти людской,
Но да живет оно там многи лета.

Скажите, кто вы? Из страны какой? 106
Не бойтесь мне открыться, хоть вам
члены
Покрыла сыпь столь гнусною корою».

— «Я аретинец, Альбером из Сьены 109
Сожжен, — сказал один мне, — но тому
Виною не грех, ведущий в эти стены.

Раз, правда, в шутку я сказал ему: 112
„По воздуху летать я научился“,
И стал просить, недаленный по уму,

Чтоб с ним я там искусством поделился; 115
А как не стал Дедалом он — меня
Он сжечь велел тому, чьим сыном мнился.

Но в крайний ров из десяти был я 118
Низвержен, как алхимик, вредный свету,
Тобой, Минос, правдивейший судья».

109. Этот грешник есть алхимик Гриффолино из Аретцо. Однажды он сказал глуповатому Альберо, незаконнорожденному сыну епископа сиенского: «Если захочу, могу летать как птица». Альберо просил научить его этому искусству Дедала; но, узнав, что Гриффолино подшутил над ним, предал его суду инквизиции, как патаринца (весьма распространенная в то время секта) и заклинателя, за что Гриффолино и был сожжен на костре. Анонимо.

121-123. «Всему миру известно, что нет народа суетнее французов: они изобретатели пустых и разорительных мод по суетности своего характера и недостатку постоянства и добродетели. Потому-то поэт и сравнивает сиенцев с французами: ибо Поликрат говорит, что первые произошли от последних и что Сиена построена французами: вот и причина, почему сиенцы похожи на французов». Боккаччо.

125. Очевидно, ирония. Стрикка, о котором ничего неизвестно, был, вероятно, членом знаменитого сиенского клуба гастрономов, о котором будет сказано ниже (ст. 130).

127-129. Никколò де Буонсенсьори, сиенец, ввел в обыкновение жарить фазанов на углях гвоздики: способ этот назывался богатым обычаем (la costuma ricca). Кроме того, в Сиене введены были и другие весьма разорительные блюда, почему Данте и называет этот город веселым садом. Бенвенуто да Имола.

130. Двенадцать молодых сиенцев, сложившись по 18 000 франков, купили дворец, в котором каждый из них имел роскошные покои и где они два раза в месяц задавали пиры, и притом так, что всегда накрывались три стола: один стол со всю посуду и блюда выкидывали за окно, за вторым они пировали, за третьим мыли руки. В десять месяцев они промотались до того, что некоторые из них умерли в госпитале. Бенвенуто да Имола. — До сих пор, по замечанию Филалета, сохранилась цепь соне-

Мы шаг за шагом с грустью молча шли,
Глядя на сонм страдальцев, не имевших
Настолько сил, чтоб хоть привстать с земли.

(Ад, Песнь XXIX, тер. 70)

ПЕСНЬ XXIX

121 — «О, был ли в мире», я сказал поэту, —
Народ пустей сиенцев! Даже им,
И Франция уступит славу эту».

124 Другой же прокаженный, вняв моим
Словам, прибавил: «Не включай к ним
Стрички,
Что жить умел доходом небольшим,

127 И Никколó, кто первый ввел гвоздики
Обычай дорогой в веселый сад,
Где принялся легко посев тот дикий,

И шайки той, где отдал на разврат
Свой парк с садами Каччя д'Ашиано
И выказал свой разум Аббальят. 130

А чтоб ты знал, кто так с тобою рьяно 133
Клянет сиенцев, загляни в провал
И в образ мой взглядишь сквозь мглу
тумана.

Я тень Капоккьо; в дорогой металл 136
Алхимией мешал состав я низкий,
И вспомнишь ты (ведь я тебя признал),

Был обезьяной я, к природе близкой». 139

тов, обращенная, вероятно, к этому клубу: поэт придумывает для каждого месяца особое удовольствие и упоминает о Никколо, вероятно, Буонсеньори:

In questo regno Nicolo' corono,
Perch' egl' è flor della città Siennese.

131. Качча д'Ашиано промотал в этом клубе свои богатые сады и замок.

132. Аббальяно был, вероятно, душою этого общества.

136. Капоккио, флорентинец, или, по другим, сиенец, согласно с преданием, изучал вместе с Данте натуральную философию, что очень вероятно, ибо он узнает поэта. Он занимался тоже алхимией, подделывал металлы и за то был сожжен в Сиене: потому-то так и нападает он с поэтом на сиенцев.

Круг восьмой; яма десятая: поддельщики всякого рода (продолжение). — Мирра. — Джьянни Скикки. — Мастер Адамо. — Синьор из Трои.

<p>1 В тот век, когда прогневана Семелой
На племя Фив, Юнона столько раз
Его губила в злобе закоснелой, —</p> <p>4 Так разумом рехнулся Атамас,
Что, чад своих узрев в руках супруги,
Вскричал рабам, от бешенства ярься:</p> <p>7 «Протянем сеть, чтоб львицу в ней, о други,
Со львятами мне удалось поймать!»
И вдруг, поспешно вырвав у супруги</p> <p>10 Того из чад, кого Леархом звать,
Он, закружа, разбил о грунт с размаха;
С другой же ношей утопилась мать.</p> <p>13 И в день, когда Фортуны шар до праха
Низверг троян с их дерзостью слепой
И с царством царь погиб в годину страха, —</p> | <p>Гекуба-мать, в плену, в печали злой, 16
Вотще с врагом за Поликсену спора
И увидав, что Полидор младой</p> <p>Лежит поверженный на бреге моря, 19
Завыла вдруг, как пес: так разум в ней
В несчастьи расстроился от горя!</p> <p>Но ни средь Фив, ни в Трое ум ничей 22
Не приходил в такую ярость гнева,
Чтоб зверя грызть, не только что людей,</p> <p>С какой две тени мчались здесь налево, 25
Бледны и наги, грешников грызя,
Как две свиньи, что вырвались из хлева.</p> <p>Одна из них, в Капоккию вонзя 28
В зашеек зубы, понеслась с страдальцем,
О камни дна живот ему разя.</p> |
|---|---|

1-12. Кадм имел четырех дочерей от Гермiony: Семелу, Агаву, Автоною и Ино. От Юпитера Семела родила Бахуса. Юнона, раздраженная неверностью Зевса, возненавидела все Кадмово племя в Фивах до того, что многократно изливала на него свое мщение. Прежде всего она погубила Семелу, подговорив ее просить Юпитера явиться к ней в громе и молнии. На пиристестве Бахуса она навела такое иступление на прочих дочерей Кадма, что они, приняв сына Агавы за вепря, умертвили его. Юнона высала к Ино и мужу ее Атамасу фурию Тизифону, которая до того помрачила в них рассудок, что Атамас одного из своих сыновей, Леарха, раздробил о камень, а с другим, Меликертом, Ино кинулась в море, где, по просьбе Венеры, Нептун превратил их в морских богов: Ино в Левкатею, Меликерта — в Палемона. Наконец и сам Кадм с своей женою были превращены в змей. Ovid. Metam. IV, 371 etc.

13-20. Когда, по взятии Трои, суда греков стояли на якоре у берегов фракийских, тень Ахиллеса потребовала принесения ему в жертву Поликсены, дочери Приама и Гекубы; по совершении жертвоприношения труп ее отдала несчастной матери. Но это было только началом ее бедствий: в то время, когда она шла к морскому берегу за водою для омовения ран дочери, внезапно увидела она труп Полидора, единственного оставшегося у нее сына: желая спасти Полидора, она поручила его Полимнестору, царю фракийскому; но коварный царь, подкупленный греками, умертвил Полидора и бросил труп его на взморье. Тогда Гекуба, вдруг обезумев, кинулась с толпою троянок на Полимнестора и, превращенная в псиду, вырвала у него глаза. Ovid. Metam. XIII, 400 etc.

31. Флорентинец Джьянни Скикки славился умением изменять черты своего лица и принимать желаемую физиономию. Комментаторы рассказывают, что Симоне Донати убил своего дядю Буозо Донати (того самого, которого мы видели выше, Ада XXV, 141 и проч.), за то, что тот завещал не в его пользу свое огромное имение, нажитое самыми беззаконными средствами. Симоне уговорился с Скикки составить подложное завещание: для этого спрятали труп Буозо, и в постель на его место положили Скикки, который так хорошо разыграл роль покойника, что совершенно обманул свидетелей и нотариуса. Таким образом была составлена и подписана подложная духовная вместо настоящей, отдававшей все имущество Буозо в пользу монастырей. За это Скикки получил кобылицу, стоившую 10 000 флоринов. Пьетро ди Данте.

32. Другой алхимик — Гриффолино из Арещо (Ада XXIX, 109 и примеч.).

31 — «Вот Джьянни Скикки! — указавши пальцем,
Сказал дрожа мне аретин. — Как бес
Кусая всех, он рыщет здесь скитальцем».

34 — «О! — я сказал, — чтоб и другой не лез
К тебе с зубами, молви благосклонно,
Кто он таков, пока он не исчез».

И он: «То древний дух неугомонный
Преступной Мирры, ставшей для отца
Наложницей вне прав любви законной.

Чтоб грех свершить, она черты лица
Все изменила, как и тот виновный
В подлоге дух, что там бежит с конца.

*Одна из них, в Капоккио вонзя
В зашеек зубы, понеслась с страдальцем,
О камни дна живот ему разя.*

(Ад, Песнь XXX, тер. 28)

43 Часть табуна прияв ценой условной,
Донати роль взялся он разыграть,
Чтоб приложить печать к его духовной».

46 Лишь пронеслись две бешеных опять,
Я взор отвел от них и с той минуты
Стал на других злых грешников взирать.

49 Гляжу: один сидит, как лютня, вздутый,
Когда б ему отнять ту часть с боков,
Где два бедра у нас к пахам примкнуты.

52 Томясь водянкой, где застой соков
Так искажает член в страдальцах каждый,
Что меры нет меж лиц и животов, —

55 Не мог он рта сомкнуть хотя б однажды,
Как чахнувший, чьи губы, вверх одна,
Другая вниз распались от жажды.

58 — «О вы, кому не мука суждена
В сем страшном мире (почему, не знаю),
Сказал он нам: — взгляните, вот она

61 Казнь мастера Адамо! Как я таю!
Живой имел я все, чего желал;
Ах, здесь воды лишь капельки желаю!

Ручьи, что в Арно катятся со скал 64
По зелени пригорков Казентина,
Где так прохладен каждый их канал, —

Мерещутся мне вечно: вот причина, 67
Почто лицо, сильнее недугов всех,
Так сушит мне тех ручейков картина!

Суд праведный, карающий мой грех, 70
Мне край, где я грешил, затем представил,
Чтоб я вздыхал без усталости как мех.

Вон там Ромена, город, где подбавил 73
Я медь одну в Крестителеву смесь,
За что в огне и тело там оставил.

Но если б Гвид, иль Александр был здесь, 76
Иль злой их брат, — чтоб знать, как он наказан,
Я отдал бы источник Бранды весь.

Один уж здесь, коль верить я обязан 79
Речам тех двух безумных в их бреду,
Но что мне в том? Я по ногам тут связан!

Будь легок я хоть столько на ходу, 82
Что во сто лет прошел бы дюйм, не боле,
То и тогда б пустился в путь, в аду

38-41. Мирра, дочь Цинира, царя пафосского. О преступной ее любви см. в мифологии. Проклятая отцом своим, она бежала в Аравию, родила там Адониса и так долго оплакивала свое преступление, что наконец боги, сострадая ей, превратили ее в бальзамическое дерево — мирру.

49-51. Этот грешник страдает водянкою: живот его, необыкновенно вздутый, придает ему вид лютни (инструмента, имеющего тонкую шейку и толстый корпус), если вообразим, что у грешника отняты бедра.

52-57. При водянке водянистая часть крови (лимфатическая жидкость), вследствие болезненных задержек в кровообращении, просачивается как под кожу, так и в различные полости, преимущественно в живот: от потери воды из крови происходит сильная жажда, а от дурного питания — худоба тела, особенно лица.

61. Мастер (маэстро) Адам из Брешии. чеканщик монеты, по наущению графов Ромены: Гвидо, Алессандро и Агинольфо (ст. 77), подделывал флорентинские монеты флорины. Подлог вскоре был открыт, и мастера Адама сожгли живого на дороге между Флоренцией и Роменой. Еще до сих пор показывают место, где это случилось: его называют *Macia del uomo morto* (костер мертвого человека), куда каждый прохожий обыкновенно кидает камень. Троиа (*Veltro allegorico*, p. 25).

65. Казентино, верхняя долина Арно, выше Арещо, орошаемая множеством горных ручьев.

70-72. Воспоминание о прекрасной Италии, где он грешил так позорно, увеличивает его мучение; богатства, приобретенные подлогом, исчезли; душа его вечно томится и жаждет, хотя и кажется пресыщенной нечистыми соками. Ко пиш.

74. Во Флоренции чеканились с 1252 г. превосходные золотые монеты, флорины (впоследствии называвшиеся *zecchini*) с изображением, с одной стороны, головы Иоанна Крестителя, с другой — лилии. Вес их равнялся ½ унции, а проба — 24 каратам (см. ниже, ст. 89), т. е. они были без всякой примеси.

*И он: «То древний дух неугомонный
Преступной Мирры, ставшей для отца
Наложницей вне прав любви законной».
(Ад, Песнь XXX, тер. 37)*

<p>85 Меж сих калек, искать его на воле,
Хоть миль кругом одиннадцать больших
И поперек в полмилю наше поле.</p> <p>88 В семью такую я попал за них:
По просьбе их, я меди три карата
Вмешал в состав флоринов золотых».</p> <p>91 И я: «Кто ж эти два твои собрата?
Как мокрая рука зимой — дымясь,
Чета лежит, в твой правый бок прижата».</p> <p>94 И он: «Лежат с тех пор, не шевелясь,
Как суд меня сковал, к ним в яму бросив,
Навек сюда низвергнув в эту грязь.</p> <p>97 Вот лгунья та, кем обвинен Иосиф,
А вот и грек из Трои — лгун Синон;
Лежат в гнилой горячке, смрад разбросив».</p> <p>100 Тут гордый грек — был видно оскорблен
Столь темным именем! — в тугое брюхо
Его ударил кулаком, и звон,</p> <p>103 Как барабан, оно издало глухо;
А мастр'Адам, ожесточась от мук,
Хватил его рукой не легче в ухо,</p> <p>106 Сказав: «Пускай лишил меня недуг
Движенья ног; но верь, на службу эту
Еще никто не заковал мне рук».</p> | <p>— «Не так проворен был ты, как со свету 109
Шел на костер, — сказал Синон в ответ, —
Зато быстрее чеканил ты монету».</p> <p>А тот ему: «Ты прав, в том слова нет; 112
Но так ли прав ты был, когда трояне
Тебя подать просили им совет?»</p> <p>— «Я лгал в словах, а ты солгал в чекане, — 115
Сказал Синон, — один лишь грех на мне,
С тобой же вряд сравнится бес в обмане».</p> <p>— «Эй, вероломец, вспомни о коне! 118
Весь мир узнал обман твой пресловутый, —
Сказал брюхан: — казись же тем вдвойне!»</p> <p>Но грек: «А ты казись жаждой лютой, 121
Пока язык твой треснет и живот,
Водою тухлой как гора раздутый».</p> <p>Тогда монетчик: «Разорви ж ты рот 124
За злую речь! Я вздут водой и паром,
Я жаждою страдаю круглый год;</p> <p>Ты ж вечно с болью головной и с жаром, 127
А чтоб зеркал Нарциссовых лизнуть, —
Ведь и тебя просить не станут даром».</p> <p>Мой слух готов к их ссоре был прильнуть, 130
Как вдруг поэт: «Смотри, еще немного —
И я с тобой поссорюсь как-нибудь».</p> |
|--|---|

Флорентинцы так гордились ими, что всякую их подделку наказывали как величайшее преступление. Филалет.

77. Братья Гвидо, Алессандро и Агинольфо, упомянутые выше графы Ромены, были дети графа Гвидо, внука добродетельной Гвальдрады (Ада XVI, 37-39 и прим.). Некоторые вместо Агинольфо принимают четвертого их брата — епископа Бандино или Альдобрандино из Арещо.

78. Фонт Бранда — так называется прекрасно украшенный и обильный водою источник, около Сиены.

86-87. Это место, а также другое выше (Ада XXIX, 9), послужили, как было сказано, данными для вычисления размеров колодезя, всего восьмого круга вообще и каждого рва в отдельности. См. Филалета, Die Hölle, p. 251.

89. Карат означает 24 долю: потому флорины, выбитые мастером Адамом, содержали в себе только 21 долю золота и 3 примеси.

91-93. Эти два горячечных так же пластично изображены, как и больной, одержимый водяняком: они как будто сейчас взяты из итальянских госпиталей, которые, вероятно, часто посещали Данте. Когда освежают постель, в которой, обливаясь потом, лежит больной лихорадкой, тогда чем сильнее был пароксизм, тем обильнее поднимается от больного пар, обыкновенно противного запаха. Эту картину нельзя ни с чем

ПЕСНЬ XXX

133 И услышав, как вождь сказал мне строго,
Я поспешил к нему с таким стыдом,
Что и досель мой ум смущен тревогой.

136 Как человек, томимый страшным сном,
Во сне желает, чтоб все сном осталось,
И то, что есть, чтоб не было потом,

139 Так, без речей, душа во мне терзалась,
Желая извиниться и, того
Не ведая, уж молча извинялась.

Но вождь: «Проступок больший твоего
И не таким стыдом, как твой, смывают;
Гони же грусть из сердца своего.

Но помни, всюду на тебя взирают
Глаза мои, когда придем туда,
Где спор подобный люди затевают:

Внимать ему не должно без стыда».

142

145

148

сравнить так хорошо, как с паром, сгущающимся около мокрой руки, поднятой в сильный мороз на воздух. Филалет.

97. Жена египетского царедворца Пентефрия.

98. Синон, беглый грек, убедил троян ввести деревянного коня в Трою (Ада XXVI, 55-64 и примеч.).

110. Т. е. на костер, на котором был сожжен мастер Адам (см. выше, 61 и примеч.).

128. Себялюбивый Нарцисс, беспрестанно любовавшийся своим отражением в зеркале воды, был превращен в ручей. Стало быть, стеклом (зеркалом) Нарцисса назван здесь в насмешку ручей, из которого верно бы не отказался напиток Синон, если б его позвали.

141. Т. е. моим смущением.

148. В подлиннике: *Che voler ciò udire è bassa voglia*. Может быть, Данте влагает эти слова в уста Вергилия с тем намерением, чтобы напомнить, что творец *Энеиды*, «автор, наставник в песнопеньи» Данте (Ада I, 85), никогда не изображал ничего низкого и неблагородного. Впрочем, этот эпизод так верно схвачен из жизни, что читатель, конечно, не упрекнет великого поэта за уклонение от возвышенного тона его элегантного учителя.

ПЕСНЬ XXXI

Колодезь гигантов. — Немврод, Эфиальт и Антей.

<p>1 Язык, пронзивший сердце мне так больно,
Что стал багров цвет моего лица,
Мне и лекарство подал добровольно.   4 Так, я слышал, Ахилл копьем отца
Сперва бывал началом бед при встрече,
Потом виной счастливого конца.   7 К долине слез мы повернули плечи
И край, ее обвивший, поперек.
Мы перешли уже без всякой речи.   10 Ни день, ни ночь там были, так что мог
Проникнуть в глубь мой взор лишь недалеко.
Вдруг слышу я: так громко грянул рог,   13 Что заглушил бы гром грозы жестокой.
И я, навстречу звуку в той среде
В одну лишь точку все направил око.   16 Вслед за той злосчастной битвой, где
Великий Карл святых дружин лишился,
Не громче в рог трубил Роланд в беде.   19 Не долго в даль я взором устремлялся,
Как мне предстал высоких башен ряд,
И я: «Какой там город, вождь, поднялся?»</p>	<p>А он: «За то, что слишком в даль парят
Сквозь мглу глаза твои, воображенье,
Естественно, твой обмануло взгляд.   Пришед туда, поймешь, как отдаленье
Обманчиво для ваших чувств порой;
И так умножь в себе немного рвенья».   И, длань мою взяв ласково рукой,
Сказал: «Пока дойдем до той стремнины, —
Чтоб уж не так был странен вид такой,   Узнай: не башни там, а исполины
Над кладезем возносят грозный стан,
Погружены по пояс в глубь пучины».   Как взор, когда начнет редеть туман,
Распознает предметы понемногу
Сквозь пар, которым воздух был заткан, —   Так, в мгле густой прорвав себе дорогу
И взор вперяя в мрак густой, я вдруг
Прогнал мечту и в грудь вселил тревогу;   Как на горе, занявши полный круг,
В венце бойниц стоит Монтереджьюне,
Так высятся над кладезем вокруг,</p>
	22 25 28 31 34 37 40

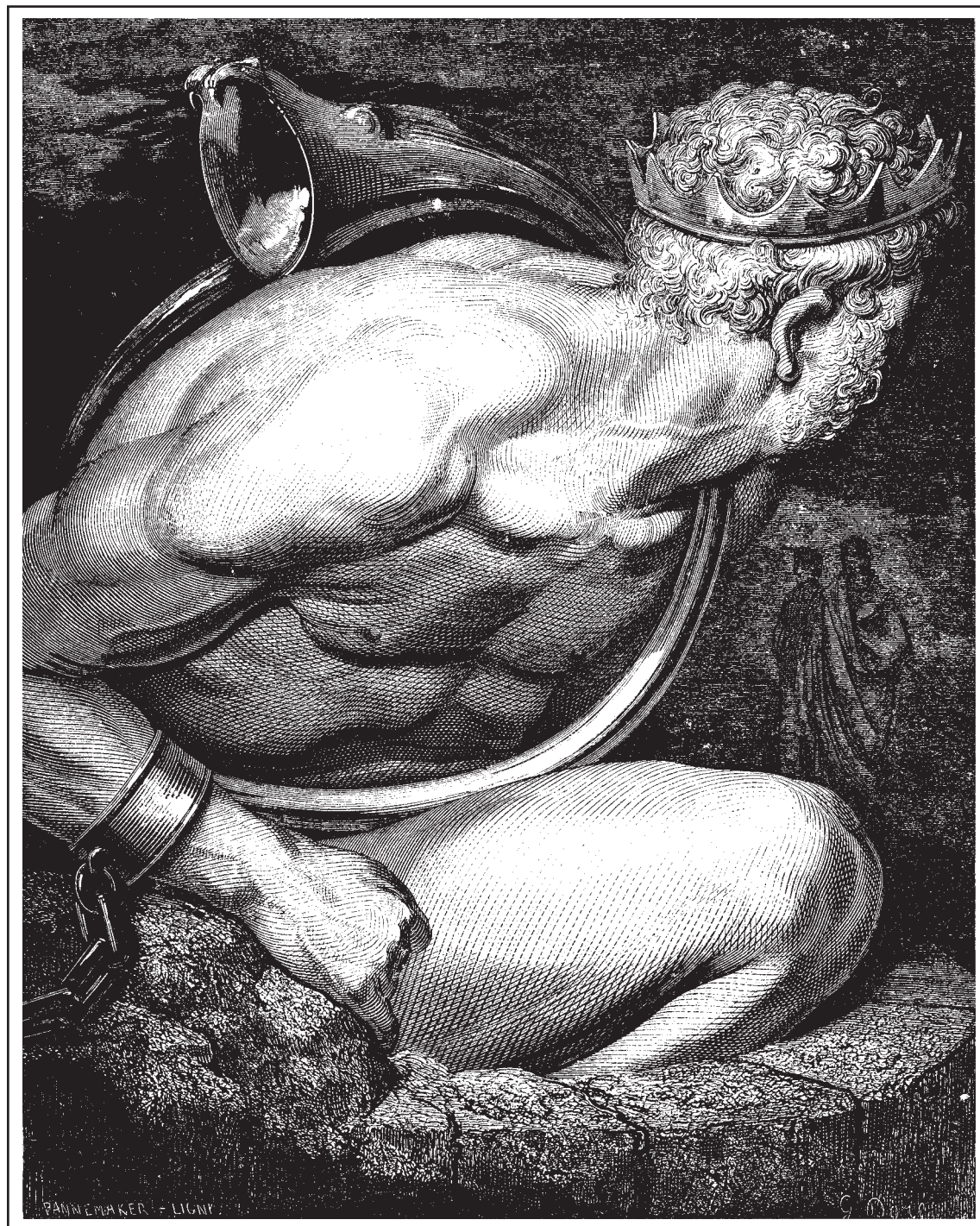
1-3. Вергилий сперва пристыдил Данте строгим выговором, но потом тотчас же успокоил его своим прощением.

4-6. Телеф, царь Мизии, союзник троян, получил рану от копья Ахиллова, принадлежавшего прежде Пелею; согласно с приговором оракула, эта рана ничем не могла быть излечена, как только ржавчиной с того самого копья, которым она нанесена Телефу. Овидий говорит (Rem. amor. 46-48):

Vulnus in Herculeo quae quondam fecerat hoste,
Vulneris auxilium Pelias hasta tulit.

7-9. Поэты уже вышли из восьмого круга с его десятью отделениями, в которых казнится обман без доверия; теперь они переходят скалистую ограду того колодезя, о котором сказано в Ада XVIII, 4 и далее.

16-18. Архиепископ Тюрпин, баснословный историк Карла Великого, повествует, что император, завоевав Испанию, находившуюся под владычеством врагов христианства — мавров, и, восстановив епископство кампостельское, сам удалился за Пиренеи, оставив резерв в 20 000 человек в Ронсевале (Ronssevaux) под начальством Роланда. Сарацины в числе 50 000, под предводительством Марсиция и Белингерда, предательски напали на это войско императора. Первый отряд неверных, в 20 000, был избит христианами; но второй, из 30 000 человек, умертвил всех христиан, кроме Роланда и других пяти рыцарей. Тогда Роланд затрубил в рог и собрал еще сто христианских рыцарей, с которыми напал на сарацин и убил Марсиция. Но вскоре, тяжело раненный, упал в Ронсевале под деревом и, раздробив о камень свой непобедимый меч Дуранда, еще раз затрубил в рог так сильно, что рог лопнул, а вместе с тем разорвались жилы у него на шее. За восемь миль Карл услышал звук рога, но был удержан

*«Сыщи ремень на шее, дух развратный!
Помешанный! на нем твой рог висит;
Вон как он свит вокруг груди необъятной!»*
(Ад, Песнь XXXI, тер. 73)

- 43 Таясь до чресл в его глубоком лоне,
Гиганты, им же олимпийский бог
Еще грозит, когда гремит на троне.
- 46 Лик одного уж рассмотреть я мог,
Плеча, всю грудь, вдоль ребр висящи длани
И живота часть большую до ног.
- 49 Природа, род прервав таких созданий,
Была, по правде, милостива к нам,
Отняв столь лютых палачей у брани.
- 52 И если жизнь она дает слонам,
Или китам, то всяк с рассудком ясным
Поймет ее премудрость: ибо там,
- 55 Где злая воля связана с ужасным
Избытком сил, где разум зол и дик, —
Там никакой охраны нет несчастным.
- 58 Огромен, толст казался страшный лик,
Как в Риме шар с гробницы Адриана,
И соразмерно с ним был рост велик,

- От скал, служивших запоном для стана, 61
Настолько поднимался вверх колосс,
Что тщетно б три фридландца-великана
- Достичь пытались до его волос: 64
Он тридцать пальм имел с той точки тела,
Где пряжка держит мантии наброс.
- «Mai amech zabi almi rafela!» — 67
Крик подняла тут бешеная пасть,
Что сладостней псалмов вовек не пела.
- Но вождь: «Глупец, твоя ничтожна власть! 70
Возьмись за рог и вылей непонятный
Порыв свой — гнев, или другую страсть.
- Сыщи ремень на шее, дух развратный! 73
Помешанный! На нем твой рог висит;
Вон как он свит вокруг груди необъятной!»
- И мне потом: «Он сам себя винит; 76
Ведь то Немврод! За грех его ужасный
Мир языком одним не говорит.

изменником Ганнелоном Майнцским; подоспели на помощь только Балдуин и Теодорих: первый спас коня Роландова — Баярда, а на руках последнего Роланд испустил дух. Филалет.

41. Монтереджионе, крепкий замок, стоявший на возвышенной горе недалеко от Сиены, был обставлен, по словам комментаторов, по всей ограде, имевшей форму правильного круга, высокими башнями, на расстоянии 50 браччий одна от другой, но не имел ни одной в середине. Еще и в нынешнем разрушенном состоянии он совершенно соответствует этому изображению Данте. Амгер.

42-44. Не без основания глубокий колодезь ада, место казни величайшего греха — измены, обставлен гигантами, этими явными возмутителями против воли неба. Копиш.

44-45. Намек на мифологическую войну гигантов с Зевсом, который, поразив громами, свергнул их на дно Орка.

49-57. Данте благодарит природу за то, что она не позволила, чтоб война производилась существами, которые, обладая разумом, в то же время наделены чрезмерною силой и злостью, каковы были древние гиганты.

59. Бронзовый шар, имеющий форму сосновой шишки (pina), украшал некогда мавзолей императора Адриана; но потом по повелению папы Симмаха был снят и поставлен на древнем храме Св. Петра в Риме. Этот шар и поныне находится в Ватиканском саду в Бельведере, на ступенях около змеи Браманте. По измерению Филалета, он равняется 10 пальмам. Так как лицо составляет девятую часть всей длины человеческого роста, то выходит, что длина гиганта равняется 90 пальмам, или 30 брачциям, (в браччии 3 пальмы); а так как пальма к парижскому футу относится как 6 : 10, то, значит, длина его равна 54 футам. Филалет.

63-64. Фризы (фридландцы) считались во времена Данте людьми самого высокого роста. Стало быть, три человека самого высокого роста, поставленные друг на друга, едва могли бы достать до его волос.

65. Замечательно, что эта мера совпадает с величиною гигантов (Эфиальта) у Гомера (Одисс. XI, 311), который дает им рост в 9 оргий: оргия равняется 6 футам, а это составляет 54 фута. Филалет.

67. Эти слова, порядок которых мною несколько изменен (Rafel mai amech zabi alm i), по-видимому, не имеют никакого смысла, как явствует из ст. 81, тем не менее много было сделано попыток комментаторами, чтоб найти смысл этих слов. Между прочим, д-р Аммон в Дрездене доказал, что

Не знаю, кто сковал ее так смело;
Но спереди на шуйцу ей легла,
А на руку десную сзади тела
Стальная цепь...

(Ад, Песнь XXXI, тер. 85)

79 Оставь его; с ним рассуждать напрасно:
Как для него невятна речь людей,
Так и его наречье всем неясно».

82 Большой обход мы сделали левей
И встретили, на выстрел самострела,
Другую тень, огромней и страшней.

85 Не знаю, кто сковал ее так смело;
Но спереди на шуйцу ей легла,
А на руку десную сзади тела

88 Стальная цепь, что с шеи книзу шла,
И ту часть тела, что встает из бездны,
Пятью вокруг обводами свила.

91 — «Надменный сей, потрясший своды звездны,
Мечтал вступить с державным Зевсом
в брань, —
Сказал поэт: — здесь суд ему возмездный!

Тó Эфиальт, с богов сбиравший дань, 94
Когда гиганты в страх ввели их спором;
Теперь вовек его недвижна длань».

И я: «Скажи, где Бриарей, в котором, 97
Такая мощь? Желал бы я, поэт,
Громадный рост его окинуть взором».

— «Вблизи от нас Антей, — он мне в ответ: 100
Он говорит и не закован в цепи;
Он спустит нас на дно всех в мире бед.

Но Бриарей там далее в вертепе: 103
Он столько ж дик и скован навсегда,
Но грозный вид его еще свирепей».

С столь страшным треском башню никогда 106
Не рушила землетрясенья сила,
С каким потрясся Эфиальт тогда.

слова эти арабские. «Гигантская тень Немврода пребывает в подземном мире. Вот что повествуют о нем поэты Востока: Немврод пустил стрелу в небо, откуда она упала окровавленная; вообразив, что ранил ангела, он в дерзком высокомерии стал строить башню еще выше, нежели прежде; но, ужаленный мухою, низвергся в шеол; здесь на берегу стигийских вод, (Stygios lacus, Aen. VI, 134) видит он смело идущего юного поэта (insano uvat indulgere labori. Aen. VI, 135) и восклицает: Rafel mai amek zabi al' mi, или в латинском переводе: «Quam stulte incedit flumina Orci puer mundi mei». Филалет.

77-78. Согласно с вышеприведенным восточным преданием, Немврод представлен здесь как основатель вавилонской башни: то же самое принимает и учитель Данте Брунетто Латини; он говорит: «Этот Немврод построил вавилонскую башню, вследствие чего произошло смешение языков. Он сам переменил свой язык еврейский на халдейский» (Tesoro, Lib. I, cap. XIV). Может быть, это предание побудило Данте заставить Немврода говорить по-арабски. Филалет.

82. Поэты огибают часть окраины колодезя.

83. Т. е. на таком расстоянии, на которое можно пустить стрелу из самострела (balestro). По вычислению Филалета, основанному на ст. Ада XXIX, 9 и XXX, 86-87, окружность колодезя равняется $1\frac{3}{4}$ милн, или 16 000 браччиам (браччия = 3 пальмам); если принять выстрел из самострела в 400 браччий, то выходит, что вокруг колодезя помещено 40 гигантов.

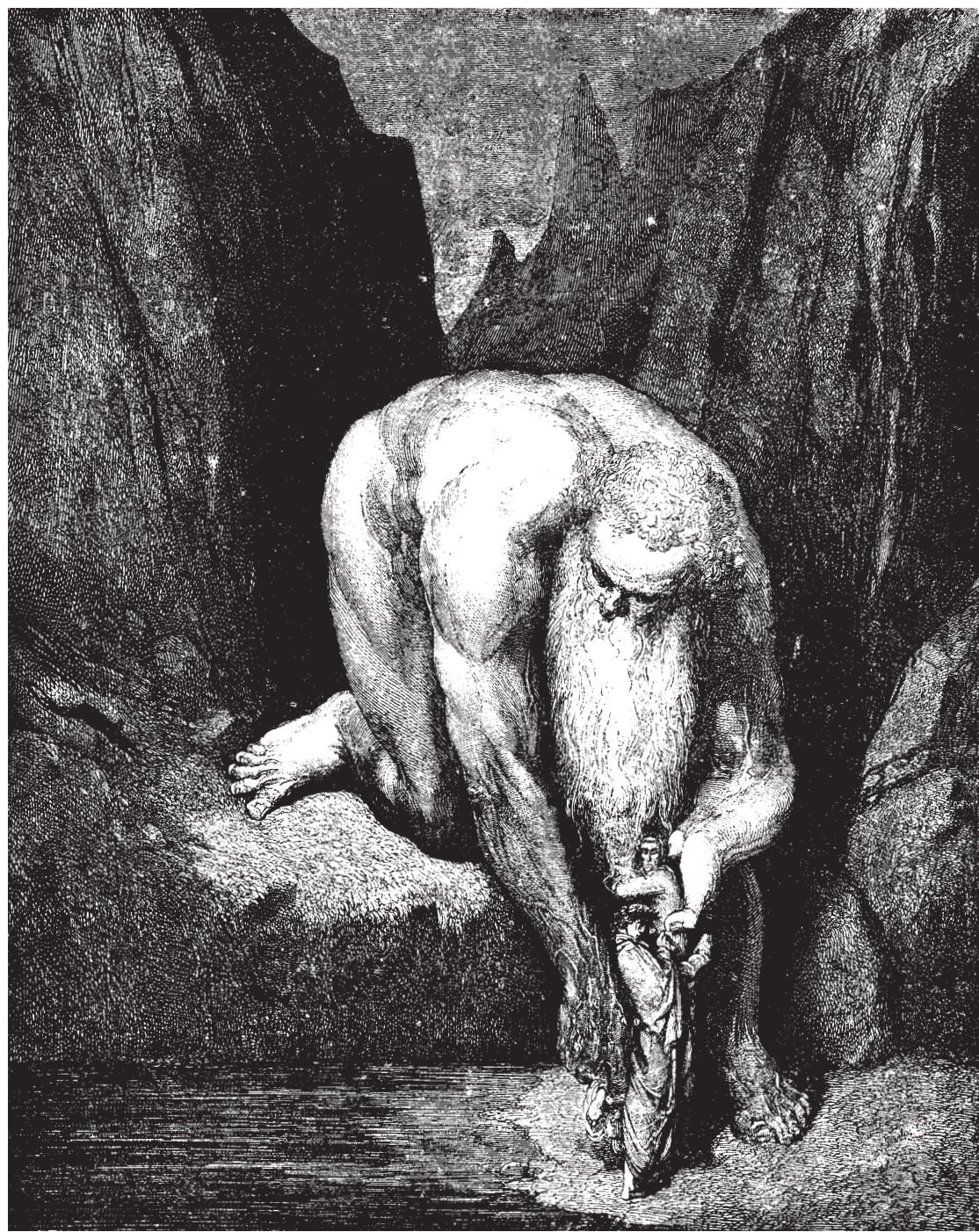
91-96. Об Эфиальте и Оте, детях Посейдона и Ифимедеи, говорит Гомер:

«Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют;
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух отенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих».

Жуковский, Одиссея XI, 313 и д.

97. Бриарей, сторукий гигант, сын Урана и Земли.

100. Антей, сын Земли; она придавала ему новые силы каждый раз, когда он к ней прикасался. Поэтому Геркулес в жестокой борьбе с этим великаном, для того чтобы окончательно одолеть сильного

*Но он на дно, где Люцифер, наш враг,
С Иудой стынет, нас спустил не трудно,
И, наклонен, сам не остался так...*

(Ад, Песнь XXXI, тер. 142)

<p>109 О, никогда так смерть мне не грозила!
И если б я не зрел, что он в цепи, —
Одна боязнь меня б уж умертвила.</p> <p>112 Тут далее пошли мы по степи
Туда, где встал Антей из бездн в гордыне,
Без головы быв саженой пяти.</p> <p>115 — «О ты, который в роковой долине,
Где Сципион в наследство славу взял,
А Ганнибал дал тыл вослед дружине, —</p> <p>118 Так много львов себе в добычу брал!
О ты, о ком все мыслят и доселе,
Что если б к братьям в брани ты пристал,</p> <p>121 То в ней сыны земли достигли б цели!
Не погнушайся нас спустить в тот край,
Где весь Коцит от стужи льды одели.</p> <p>124 Идти к Тифею нас не принуждай!
Чего здесь ждут, то дать тебе он может;
Склонись же к нам и глаз не отвращай.</p> | <p>Твою он славу в мире том умножит: 127
Он жив и долгой жизни ждет себе,
Коль ранний срок ей Благодать не положит».</p> <p>Так вождь молил, и, вняв его мольбе, 130
Чтоб взять его, простер ладони, коих
Ужасный гнет узнал Алкид в борьбе.</p> <p>И вождь, почувствовав, что пал на дно их, 133
Вскричал: «Ко мне, чтоб мной ты был обвит!»
И нас, как связку, взял гигант обоих.</p> <p>Какой имеет Каризенда вид, 136
Коль стать под склон сей башни в то мгновенье,
Когда по ней тень облака лежит, —</p> <p>Таким и мне, взиравшему, в склоненьи 139
Предстал Антей: и в час тот, в вечный мрак
Я б предпочел путь всякий для схождения.</p> <p>Но он на дно, где Люцифер, наш враг, 142
С Иудой стынет, нас спустил не трудно,
И, наклонен, сам не остался так,</p> <p>Но, выпрямясь, вдруг стал, как мачта судна. 145</p> |
|--|---|

противника, поднял его на воздух и задушил в своих объятиях (ст. 132). Антей не воевал против богов вместе с братьями; поэтому не скован и не утратил способности говорить (ст. 118-121).

114. В подлиннике *cinqu'alle Alla*, итальянская мера, равняется 6 пальмам: стало быть, Антей до головы имел 30 пальм, или доходил Немроду до шеи. Филалет.

115-117. Лукан (*Phar. V, 566*) помещает пещеру Антея в плодоносной долине, орошаемой рекою Баградой, недалеко от Утики, где на полях Замы Публий Корнелий Сципион Африканский Старший одержал победу над Ганнибалом.

124. Тифей — один из гигантов.

136-138. В Болонье находятся две наклоненные башни: *Torre degli Asinelli* и *Torre Carisenda*. Если облако пробегает по небу против этой башни, то зрителю, стоящему под ее наклоном, кажется, что башня наклоняется — сравнение, необыкновенно верно выражающее наклонение гиганта.

Круг девятый; изменники: — Отделение первое: Кайна. — Графы да-Мангона. — Камичьон де'Пацци. — Отделение второе: Антенора. Бокка дельи Абати. — Бузода Дуэра. — Уголино.

<p>1 Будь стих мой груб, будь рифмы хриплы, дики,
Приличные проклятой яме сей,
Всех прочих скал несущей гнет великий, —</p> <p>4 Из дум моих я б выжал сок полней;
Но где стихи, чтоб выразить ту яму,
И кто без страха вымолвит о ней.</p> <p>7 Да будет же тот вечно предан сраму,
Кто б вздумал дно вселенной описать
Тем языком, что кличет папу, маму.</p> <p>10 Но да послужат девы мне опять,
Помогшие певцу воздвигнуть Фивы,
Чтоб истину мог стих мой передать.</p> <p>13 О чернь! О род пред всеми злочестивый!
И вспомнить страшно, где гнездишься ты;
Уж лучше, если б родились зверьми вы!</p> | <p>Лишь мы спустились в кладезь темноты 16
К ногам гиганта, но гораздо ниже,
И я еще взирал на высоты, —</p> <p>Вдруг подо мной раздался крик: «Гляди же 19
Вниз под ноги и не топчи пятой
Голов несчастных братьев в мерзлой жиже!»</p> <p>И, обратясь, увидел пред собой 22
Я озеро, имевшее вид сходный
Скорей с стеклом от стужи, чем с водой.</p> <p>В покров столь крепкий не кует свободной 25
Волны своей зимой ни в Австрии Дунай,
Ни Танаис в стране всегда холодной, —</p> <p>Как лед здесь плотен, так что упадай 28
Здесь с Пьетропаной Таверник в глубь ада,
Под ними в нем не треснет даже край.</p> |
|---|---|

1. Приступая к описанию конечной пропасти ада, заключающей в себе зло вселенной, величайший грех по системе Данте — измену, поэт ищет рифм диких и хриплых (le rime e aspre e chiosce).

3. Все утесы верхнего ада, и в особенности скалы, составляющие восьмой круг, упираются во внешнюю ограду глубокого колодезя (Ада XVIII, 4 и д.).

8. По системе Птолемеевой, небо со всеми своими планетами и звездами вращается вокруг земли; поэтому центр земли (дно ада) должен быть и центром вселенной (Ада I, 127 и пр.).

10-11. Девы, т. е. музы. Амфион, древнегреческий певец, передвигал с места деревья и скалы звуками лиры. Камни, таким образом передвигнутые, сложились в стены и положили первое основание Фивам. Не без значения Данте упоминает здесь о Фивах, этом гнезде ужаснейших измен и преступлений, совершенных в древности (Ада XXX, 9 и прим. и XXXIII, 88 и прим.). Копиш.

17. От подножия, на котором стоят гиганты, есть еще уступ, ведущий к краю ледяного озера.

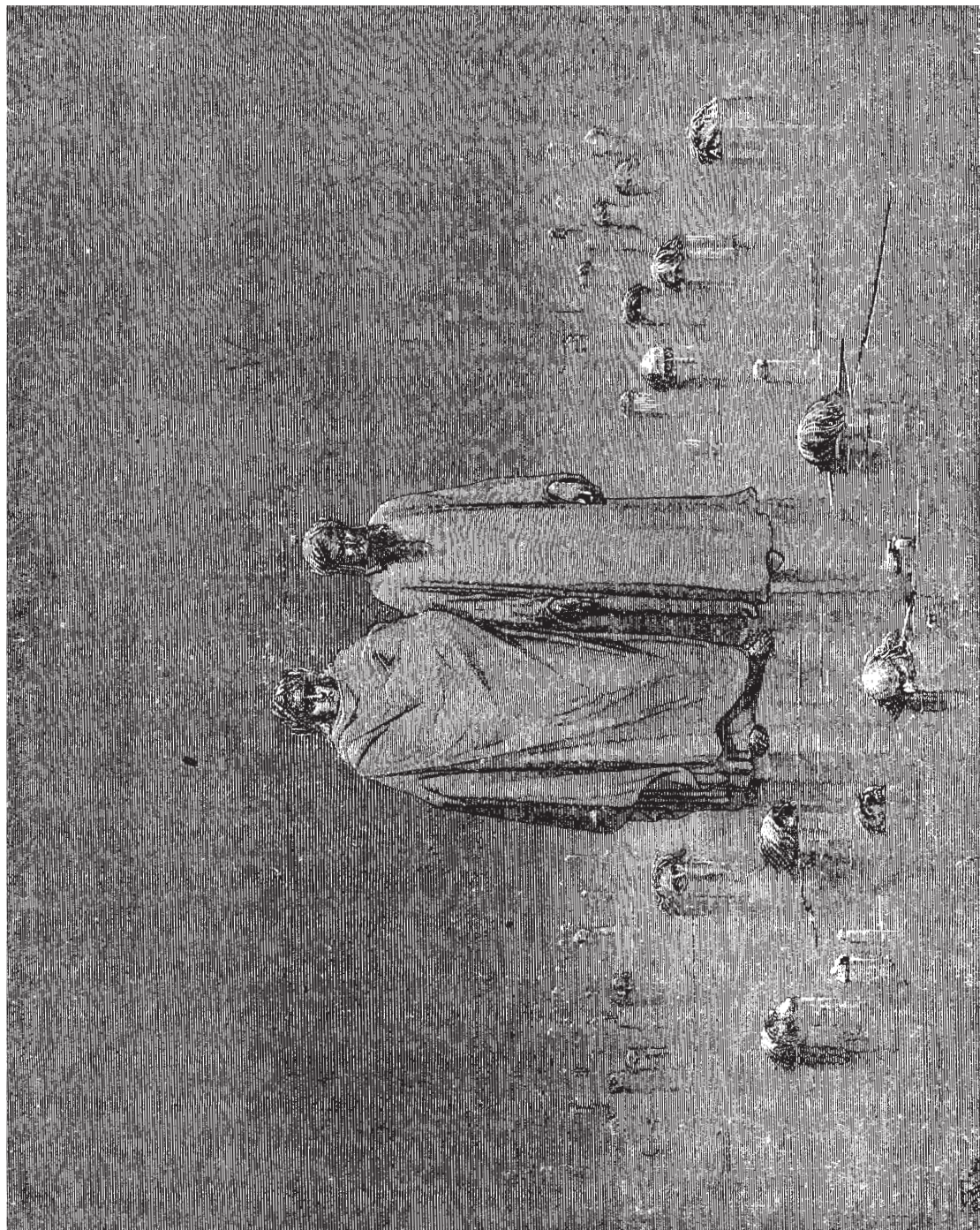
19. Это голос одного из замерзших во льдах девятого круга.

22-24. Это озеро образовано Коцитом, берушим свое начало, вероятно, из волн кипящего Флегетона, охлажденных вследствие своего падения из седьмого в восьмой круг (Ада XIV, 114-119) и во время подземного своего течения под восьмым кругом (Злыми-Рвами); окончательно замерзает Коцит, как увидим ниже, от взмахов крыл Люцифера. Филалет.

28. «Эта бездна окончательно воспринимает в себя греховный поток, возникающий от порчи человечества (Ада XIV, 94-120 и прим.); здесь замерзает он в виде озера от чуждого любви божественной, лишнего света, сатанинского холода, — холода, объемлющего представителей высшего эгоизма человеческого — изменников. Сюда тяготеет все тяжелое мира; здесь, как в мрачной, нелюбящей душе эгоиста, вечная мгла, вечный холод, вечная ненависть со всей своей мукой и ужасами муки». Копиш.

29. Таверник — вероятно, одиноко стоящая гора в Славонии, в области Тавернико, называемая Фруста Гора. — Пиетропана — высокая гора в Гарфаньяне, недалеко от г. Лукки.

31-33. В этой терцине, в противоположность ужасающей воображение вечной зиме, приведен теплый летний вечер Италии, когда жатва окончена и бедная сельская девушка, весь день подбиравшая оброненные колосья, продолжает думать о них и во сне. В своих сравнениях Данте часто уподобляется Гомеру, рисуя, подобно ему, самые очаровательные сельские картины среди ужасов ада. Копиш.

*Так до ланит, где зеркало стыда,
Стуча, как аисты, зубами в стуже,
Здесь грешники торчали изо льда.*

(Ад, Песнь XXXII, тер. 34)

31 И как для кваканья лягушек стадо
Торчит носами из воды, когда
Крестьянке часто снится жатвы страда, —

34 Так до ланит, где зеркало стыда,
Стуча, как аисты, зубами в стуже,
Здесь грешники торчали изо льда.

37 Все лицами поникли в мерзлой луже,
Рты их твердят, что всем им холодно,
Скорбь их сердец из глаз видна наружи.

40 Окинув ров очами, я в ногах
Увидел двух, так стиснутых, что свились
Их волосы в колтун на головах.

43 — «Скажите, вы, чьи груди так сцепились, —
Спросил я, — кто вы?» — И на мой вопрос,
Вдруг восклонясь, они в меня вперились.

46 Из глаз, когда-то влажных, капли слез
Тут вытекли у них до губ и, в льдины
Их превратив, сжал веки им мороз.

Не крепче шип сшивает две тесины! 49
Они же лбами грянувшись сильней,
Чем два козла: так были злы с кручины!

И вот один, лишившийся ушей 52
От холода, лицом пониклый к льдине,
Сказал: «Что так глядишься в лед теней?»

Иль хочешь знать, кто эти два? В долине, 55
Где с гор Бизенцио бежит, отец
Обоих, Альберт, с ними жил в гордыне.

То близнецы; пройди с конца в конец 58
Кайну всю, не сыщешь по всем ссылкам,
Кто б стоил так попасть в наш студенец, —

Ни тот, чью грудь и тень во гневе пылом, 61
Пронзил Артур, ниже Фоккачя сам,
Ни даже тот, который так затылом

Мешает в даль глядеть моим глазам. 64
Предатель Сассоль: если ты тосканец,
То верно знаешь, чем он славен там.

34. У грешников, наполняющих Кайну, в которую теперь вступает Данте, еще осталось чувство стыда, чего нет уже у грешников следующих отделений девятого круга.

38. Т. е. стучанием и скрежетом зубов.

52-54. Этот говорящий есть мессер Альберто Камичионе де'Падзи ди-Вальдарпо, предательски убивший своего родственника Убертино (ст. 68). Пьетро ди Данте.

55-57. Это — два брата: Алессандро и Наполеоне дельи Альберти, дети графа Альберто дельи Альберти да Мангона, древней фамилии, владевшей верхней долиной Бизенцио. Комментаторы рассказывают, что по смерти своего отца они тиранствовали в окрестностях Фальтероны (в Тоскане), чрез которую протекает река Бизенцио, впадающая в Арно, и наконец, поссорившись, умертвили друг друга. «Nota», прибавляет Анонимо, «che questa casa di Mangona l'ha innato il tradimento sempre uccidendo l'un l'altro». Рикордано Малеспина (Hist. Flor. Cap. 160. Murator. Rer. Ital. scrip. Vol. VIII).

58. Они были братья-близнецы: «erano nati ad un parto». Боккаччо.

59. Первое отделение этого круга, названное по первому братоубийце — Кайну (см. оглавление этой песни).

61-62. Артур, согласно с романом о Круглом Столе (de la Table Ronde), вверил управление королевством, свои богатства и супругу Женевру незаконному сыну своему Мордреку, а сам отплыл во Францию воевать с Ланцелотом. В его отсутствие Мордрек влюбился в Женевру и для того, чтобы получить ее руку, показал королеве сочиненное им письмо как будто от Артура, который извещал, что он смертельно ранен, и, умирая, просил Женевру, чтобы она отдала корону и руку Мордреку. Вассалы Артура, частью обманутые, частью подкупленные Мордрекон, избрали его в короли и требовали, чтобы Женевра шла за него замуж. Она попросила несколько дней на размышление; между тем, тайно запасшись съестными припасами, заперлась с верною дружиной в лондонской башне. В то же время она отправила гонца во Францию к королю Артуру, а если он действительно умер, то к Ланцелоту. Узнав об измене Мордрека, Артур немедленно возвратился в Англию, вступил в кровопролитную битву с сыном и, встретившись с ним, убил его, пронзив ему грудь копьем своим так, что луч солнца прошел чрез его тело (почему у Данте сказано: грудь и тень), как это видел Жирфле (один из рыцарей Круглого Стола): «Et diit l'ystoire

67 Но чтоб скорей нам кончить, чужестранец,
Узнай: я — Пацци и Карлино жду,
Пред чьим грехом мой грех утратит глянец».

70 Потом я зрел тьму песых лиц во льду,
И я дрожал и век дрожать я буду,
Лишь вечный лед на память приведу.

73 Пока мы шли к середине, где отвсюду
Все тяжкое льнет к центру своему,
И с трепетом глядел на льдов я груды, —

76 Намеренно ль, иль случай вел к тому,
Не знаю; но меж лбов в ходу горячем
Ногой лицо ушиб я одному.

79 — «За что так бьешь?» — он закричал мне
с плачем; —
Когда нейдешь ты месть усугубить
За Монт'Аперти, сжался над лежачим».

82 И я: — «О вождь, позволь мне здесь побыть,
Чтоб выведать, кто этот грешник новый;
Потом вели, как хочешь, мне спешить».

Учитель стал, и я направил слово 85
К тому, кто мне со злобой все грозил:
— «Кто ты такой, что так braniшь сурово?»

— «А кто ты сам?» — мне грешник возразил; — 88
Ты так разишь нам в Антеноре лица,
Что и живой не так бы поразил».

— Я жив, и, выйдя из лдяной темницы, — 91
Был мой ответ, — я и тебя включу,
Коль славы ждешь, к другим в свои страницы».

А он на то: «Противного хочу; 94
Не мучь меня, оставь пустую травлю!
Здесь в пропасти за лесть я не плачу».

— «О, если так, я отвечать заставляю!» 97
Вскричал я, в выю уцепясь
ногтьми; —
Иль волоска тебе я не оставлю!»

А он: «Пожалуй, все себе возьми; 100
Но не скажу, кто я, и не открою,
Хоть бей меня, хоть череп проломи».

que apres l'ouverture de la lance passa parmy la playe ung ray de soleil si evidamment que Girflet le veit bien». Истекая кровью, Мордрек успел, однако, нанести отцу мечом своим рану, от которой тот и умер (Lancelot du lac, dernière partie de la table ronde, Chap. XXI). Филалет.

62. Фокачча Канчеллиери, из Пистойи, один из Белых, о котором уже было упомянуто выше (Ада XXIV, 124-126 и пр.). Спасшись постыдным бегством от Черных, согласившихся умертвить его, он отвечал упрекавшим его в трусости: «Пусть лучше скажут: отсюда бежал Фокачча, нежели: тут был убит». Когда впоследствии Белые Канчеллиери задумали отмстить за смерть рыцаря Бертино (см. там же), избрав в жертвы М. Детто из Черных Канчеллиери, то для исполнения этого замысла избрали Фокаччио и Фредуччио, племянника Бертино. Скрытые в засаде, они убили Детто на Piazza de' Lazzari, куда часто хаживал Детто, «не ожидавший», говорит летописец, «чтобы родственники его Канчеллиери решились смыть кровью родственника смерть чужого». За это-то преимущественно злодеяние Данте поместил Фокаччио в Канну и вместе с ним показал совершенное беспристрастие, ибо человеку своей партии присудил более жестокую казнь, нежели Черному Ванни Фуччи (Ада XXIV, 124-126 и пр.) (Stor. Pist. Murator. Rer. Ital Vol, XI, 371). Филалет.

65. Сассоль Маскерони, из фамилии Тоски, умертвил своего племянника, чтоб завладеть его наследством: за это его, прибитого гвоздями к бочке (clavatus in una vegete), катали по улицам Флоренции и потом обезглавили. Эта ужасная казнь сделалась известною во всей Тоскане. Бенвенуто да Имола.

68. Карлино ди Пацци, один из изгнанных Белых флорентинцев. В то время, когда Черные из Флоренции осаждали Пистойю, находившуюся еще во власти Белых (Ада XXIV, 142-151 и примеч.), Карлино оборонял крепость Пиано ди Фравиньо в Вальдарно с 60 рыцарями и множеством пехоты. Несмотря на все средства к защите, Карлино вскоре сдал изменнически эту важную крепость флорентинцам. При этом многие весьма важные лица из партии Белых были взяты в плен: одни из них выкупились за большие деньги, другие были убиты: в числе последних находились Бенвенуто, дядя, и еще другой родственник Карлино. Так как это случилось в 1302 г., то Камичионе должен еще дожидаться прибытия Карлино в ад. Он хочет сказать: пред его изменой мое преступление покажется неважным (Dino Camp. Giov. Villani VIII, 52). Филалет.

Уж в волосы вцепился я рукою
И много косм уже с него сорвал,
А он все выл, поникнув головою...
(Ад, Песнь XXXII, тер. 103)

103 Уж в волосы вцепился я рукою
И много косм уже с него сорвал,
А он все выл, поникнув головою;

106 Вдруг слышу крик: «Что, Бокка, заорал?
Иль челюстью стучать не надоело,
Что лаешь так? Кой черт к тебе пристал?»

109 А я: «Молчи ж, изменник закоснелый!
Тебе молчанье не могло помочь;
Всю о тебе скажу я правду смело».

112 — «Болтай что хочешь; убирайся прочь!
Но и о том, чей так язык здесь скачет,
Не умолчи, покинув адску ночь.

О золоте французов здесь он плачет:
Дуэра там, так можешь всем сказать,
Где всюду лед, в прохладном месте — значит.

А коль попросят и других назвать, —
То Беккерия вот вблизи, чье горло
В Флоренции решили перервать.

Там, думаю, Джиианни льдом затерло;
А дальше Ган и Трибальделов дух,
Фаэнду сдавший, ночь лишь сон простерла».

Мы прочь пошли. Вдруг в яме вижу двух,
Замерзших так, что голова скрывает
Всю голову другую, как трех.

73. Т. е. ко дну ада, к центру земли и вселенной.

76. Здесь опять различие между судьбою и случаем (Ада XXVI, 24 и пр.). Данте намекает, что так судила сама судьба.

81. Монг'Аперти см. ниже, 106 и прим.

80. Антенора, второе отделение девятого круга, где наказуются изменники отечеству и куда входят теперь поэты. Так названа эта яма по имени Антенора, троянского вождя, помогавшего грекам в похищении Палладиума и давшего им совет построить деревянного коня (Ада XXVI, 55-63 и прим.). Уже Ливий подозревал, что Антенор и Эней потому только спаслись одни при разрушении Трои, что тайно находились в дружеских сношениях с греками (Tit. Liv. Lib I, cap. 1).

90. Он принимает Данте за тень.

94-96. Эти грешники не желают уже, чтобы весть о них приходила в мир: зато они находят какое-то сатанинское наслаждение называть по имени своих товарищей по аду и, как закоренелые изменники, беспрестанно выдают друг друга. Потому и Камичионе де'Падзи, называя себя, клеймит вместе с тем и своих соседей. Филалет.

98. «Вид греха и мук ожесточил сердце поэта, но мысль об измене еще более; к предателям он не чувствует никакого сострадания: бьет одного, чтобы вынудить у него имя; дав обещание другому снять у него ледяные цепи с очей, выманивает у него имя, но нарушает слово (Ада XXXIII, 149); обмануть изменника ему кажется позволительным». Шевырев.

106. Бокка дельи Аббати во время похода флорентинских гвельфов против Сиены (Ада X., 31-93 и примеч.) служил в отряде рыцарей, конями предводительствовал Джакопо, или Джакомо Вакка ди Пацци из Флоренции (были еще Пацци из Вальдарно). В сражении при Монг'Аперти, или Арбии Бокка, находясь в тайных сношениях с гибеллинами, обрубил руку Джакопо, несшего знамя флорентинцев: внезапное падение знамени лишило войско бодрости духа и содействовало окончательному его поражению. Здесь взамен (ст. 116) выдает он гибеллина — Дуэру.

116. Буозо ди Доариа, или Дуэра, один из вождей гибеллинской партии в Кремоне, управлял вместе с маркизом Оберто 16 лет этим городом. Когда французские войска шли под предводительством Роберта де-Бетюн (Bethunes) и Гвидо Монфорского через Ломбардию на помощь Карлу Анжуйскому, Оберто и Буозо Дуэра стали на р. Ольо в провинции Сончино с целью воспрепятствовать неприятелю. Французам удалось однако ж — неизвестно, обманом или вследствие измены Дуэры — перейти через Ольо при Palazuolo (в 1265 г.) и соединиться с гвельфами, имея в тылу гибеллинское войско под предводительством Обиццо Эсте (Ада XII, 111 и прим.), который тоже способствовал этому переходу через р. Ольо, столь гибельному для Манфреда. Современники сильно подозревали Дуэру, взявшего будто бы деньги с французов, зато кремонцы истребили всю его фамилию (Chron. Fra Pip. Murator. Rer. It. scr. Vol, IX. p. 709). Филалет.

117. В подлиннике: Là dove i peccatori stanno freschi — непереволимый каламбур.

127 И как голодный жадно хлеб съедает,
Так верхний зубы в нижнего вонзал
У выи — там, где в череп мозг вступает.

130 Не яростней Тидей виски терзал
У Меналиппа, разъярен раздором,
Чем он до мозга череп прогрызал.

— «О ты, являющий столь зверским взором 133
Всю ненависть к тому, кого грызешь,
Скажи, за что? — спросил я, — с уговором,

Что если ты по праву воздаешь, 136
То я, узнав, кто вы, в чем грех злодея,
Насчет тебя рассею в мире ложь,

Коль не отсохнет мой язык, немея». 139

119. Тезауро из дома Беккерия из Павии, аббат Валломброзы, легат папы Александра IV во Флоренции, после первого изгнания гибеллинов из этого города был обвинен в тайных сношениях с последними; ему отрубили голову (1258 г.). Виллани, вполне его оправдывая, приписывает поражение флорентинцев при Монт'Аперти суду Божиему за это преступление своих соотечественников (Villan. VI, 66). Филалет.

121. Джианни дель Сольданиер, гибеллин, желая возвыситься (per montare in stato), сделался предводителем цехов, восставших против Гвидо Новелло и гибеллинских фамилий (Ада X, 31-93 и проч.). Виллани (Lib. VII, 14).

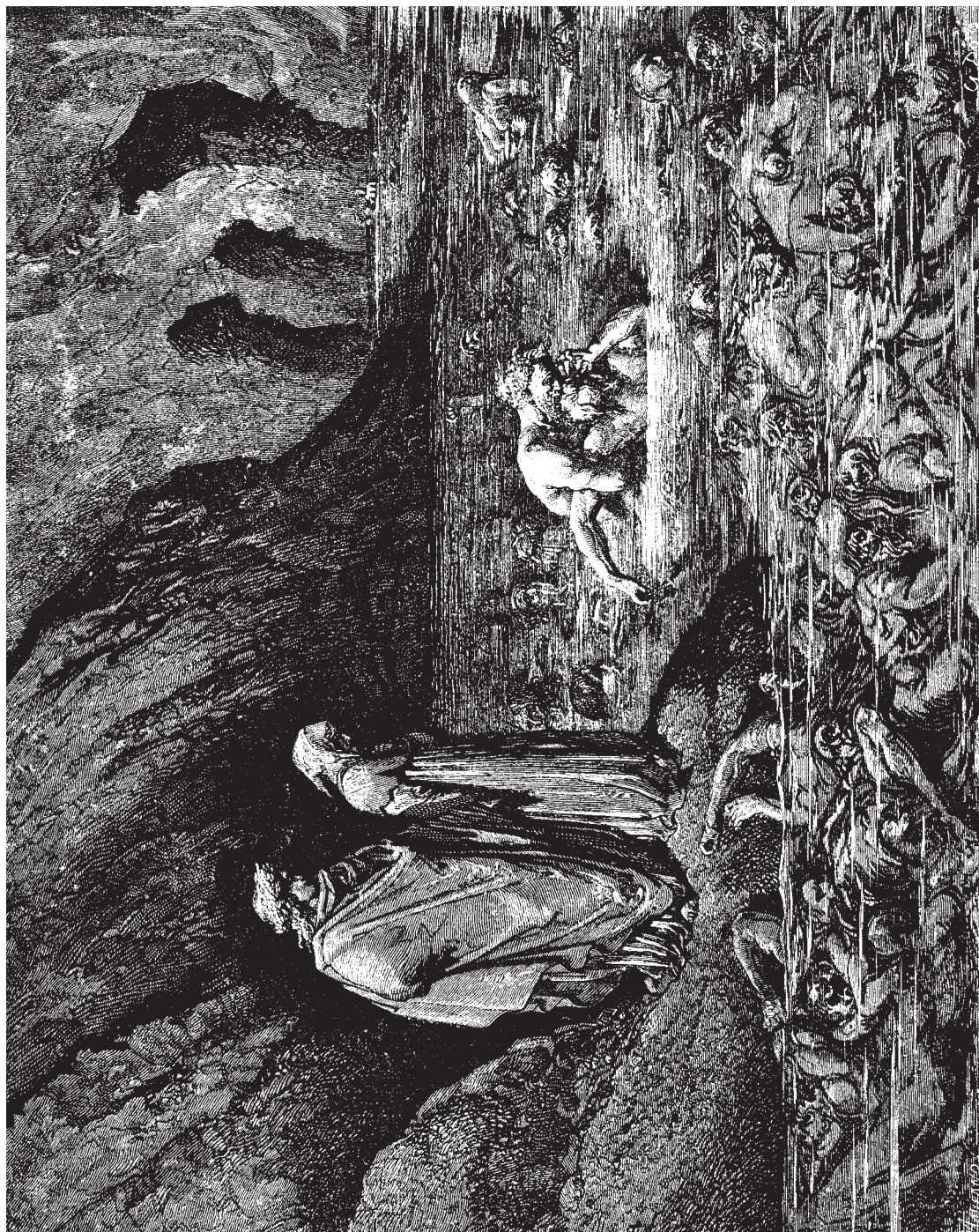
122. Карл Великий по возвращении своем из Кампостеллы отправил Гана, или Ганнелона Майнцского к Марсицию и Белингерду, предводителям сарацин, с требованием или уплаты подати, или принятия Св. Крещения. Подкупленный ими Ганнелон, привезя от них богатую дань, убедил Карла удалиться с войском за Пиренеи, оставив только незначительный арьергард под предводительством Роланда, который и был уничтожен при Ронсевале (Ада XXXI, 16-18 и пр.). Тюрпин (Vita Caroli Magni, Cap. XXI).

123. Когда партия Ламбертацци (так назывались болонские гибеллины), изгнанная из Болоньи, бежала к своим родичам, Акаризиз, в Фаэнцу (см. исторический очерк событий в Романьи в конце книги): тогда Трибальделло Самбрази, поссорившись со своими единомышленниками (один из Ламбертацци убил его свинью!) из мщения отправил противной партии — джеремеям (гвельфам) болонским восковой слепок ключа от ворот Фаэнцы (Porta Emilia); джеремеи сделали по этому слепку ключ и ночью, отперши ворота, вошли в город (Annal Cesenates. Murat, Rer. It. scr. Vol. XIV, 1105). Трибальделло пал при взятии Форли Иоанном Аппиа (Ада XXVII, 43-45 и пр.). Филалет. — Отсюда берет свое начало болонская народная игра, il giuoco del porco (Manzi, «Spettacoli» p. 35-41). Каннегиссер.

125-126. Должно думать, что один помещен во льду ниже другого, причем весьма вероятно, что между обоими находится граница, отделяющая Антенору, ров изменников отечеству, от Птоломеи, где казнится измена друзьям. Филалет.

130-131. Тидей, один из семи царей, осаждавших Фивы, был смертельно ранен Меналиппом, которому он тоже нанес смертельную рану. Истекая кровью, Тидей просил принести труп своего врага, и, когда его желание было исполнено, он приказал отрубить ему голову и с бешенством начал ее грызть. Паллада, вымолившая Тидею у Зевса бессмертие, увидев это зверство, удалилась от него с содроганием. Statius, Thebais, Lib. III, 717-767.

138. В верхних кругах ада Данте склонял грешников на беседу с собой обещанием даровать им славу на земле; в девятом кругу он склоняет их к тому обещанием позора их врагам. Филалет.

*И как голодный жадно хлеб съедает,
Так верхний зубы в нижнего вонзал
У выи — там, где в череп мозг вступает.*
(Ад, Песнь XXXII, тер. 127)

ПЕСНЬ XXXIII

*Круг девятый: изменники (продолжение). Отделение второе: Антенора. — Уголино. —
Отделение третье: Птолемя. — Монах Альбериго. — Бранка д'Ориа.*

<p>1 Уста поднял от мерзостного брашна
Сей грешник, кровь отерши с них о прядь
Волос того, чье темя грыз так страшно,</p> <p>4 И начал так: «Ты хочешь, чтоб опять
Я вскрыл ту скорбь, что давит грудь как бремя,
Лишь вспомню то, что должен передать.</p> <p>7 Но если речь моя должна быть семя,
Чтоб плод его злодею в срам возник, —
И речь, и плач услышишь в то же время.</p> <p>10 Не знаю, кто ты, как сюда проник;
Но убежден, что слышу гражданина
Флоренции: так звучен твой язык.</p> <p>13 Ты должен знать, что граф я Уголино,
А он — архиепископ злой Руджьер,
И почему сосед мой, вот причина.</p> <p>16 Не говорю, как в силу подлых мер
Доверчиво я вдался в обольщенье
И как сгубил меня он, лицемер.</p> | <p>Но, выслушав, рассей свое сомненье 19
О том, как страшно я покончил дни,
Потом суди, то было ль оскорбленье.</p> <p>Печальное отверстье западни — 22
(По мне ей имя Башня Глада стало;
Погибли в муках в ней не мы одни!) —</p> <p>Не раз луны рожденье мне являло 25
Сквозь щель свою, как вдруг зловещий сон
С грядущего сорвал мне покрывало.</p> <p>Приснилось мне: как вождь охоты, он 28
Гнал волка и волчат к горе, которой
Пизанцам вид на Лукку загражден.</p> <p>Со стай псид, голодной, чуткой, скорой, 31
Гваланд, Сисмонди и Ланфрак неслись
Перед ловцом, служа ему опорой.</p> <p>По малой гонке, мне потом приснись: 34
Отец с детьми попал усталый в сети
И псы клыками в ребра им впились.</p> |
|---|---|

4. К пояснению этого знаменитого рассказа служит исторический очерк политических событий в Пизе, составленный Филалетом по подлинным документам и приложенный в конце книги.

22. В подлиннике *dalla muda*. *Muda*, собственно, клетка, куда сажают соколов, когда они линяют.

23. Местонахождение этой башни определено теперь довольно верно: остатки ее и поныне еще видны в одном здании, принадлежащем ордену Св. Стефано, в Пизе. В дарственной записи на это здание ордену времени Медичи сказано: *Donamus turrim olim dictam della fame*.

25. Уголино оставался в башне Гваланди, названной с того времени Башней Голода, с августа 1288 по март 1289 г., — стало быть, около семи месяцев.

28-33. Этот сон Уголино есть предзнаменование близкой его смерти. Руджиери очень глубокомысленно представляется в этом сновидении как вождь и глава охоты; Сисмонди, Гваланди и Ланфранки, прочие вожди гибеллинской партии, суть ловчие, управлявшие псидами — чернью Пизы; волк с волчатами, очевидно, Уголино с детьми.

29-30. *Monte San Ginliano*, гора между двумя городами, в 12 милях от каждого.

50. Ансельм (*Anselmuccio* — ласкательное от *Anselmo*) — один из внуков Уголино.

51. Во всей этой сцене ужаса сыновья и внуки графа Уголино представляются нам юношами и детьми, а ниже в ст. 88-89 прямо сказано, что они по молодости лет своих не могли быть причастны преступлению, в котором обвинили их отца и деда. Между тем теперь доказано, что младший из них был уже женат во время этого события. Но кто же упрекнет великого художника в том, что он пожертвовал историческою верностью поэтической цели, которая только тогда и могла быть достигнута, когда мы убеждены, что действующие лица не только невинны, но и не способны к преступлению? Штрекфусс.

56-57. Взглянув на искаженные лица детей своих, Уголино видит в них страшное изображение своего лица.

68. Гаддо (сокращенное *Gherardo*) — один из сыновей Уголино.

*Вдруг слышу, снизу запирают склеп
Ужасной башни! Я взглянул с тоскою
В лицо детей, безмолвен и свиреп.*

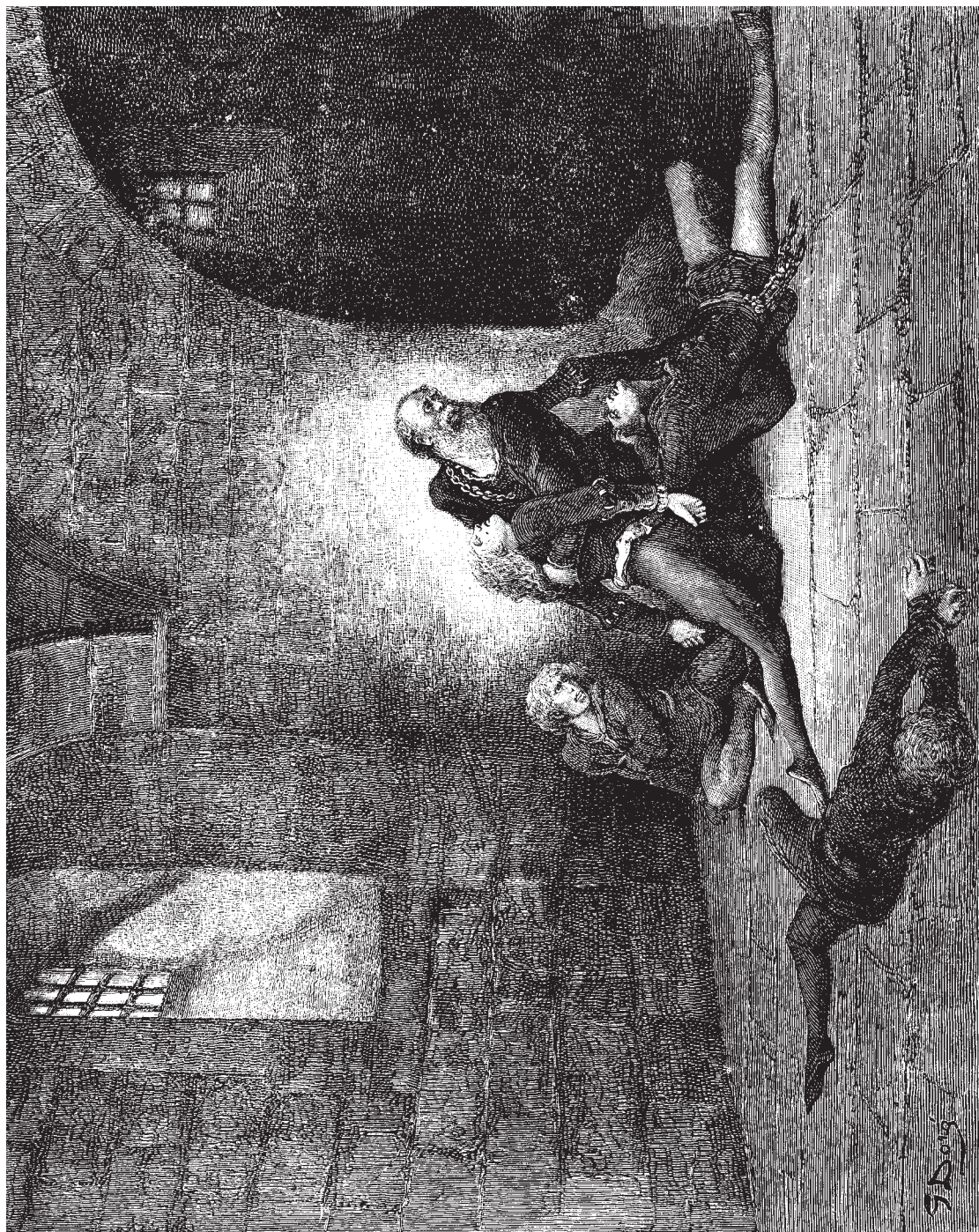
(Ад, Песнь XXXIII, тер. 46)

<p>37 Проснулся я и слышу на рассвете:
Здесь бывшие со мной в плену одном,
Во сне рыдая, просят хлеба дети.</p>	<p>И стал кусать я с горя пальцы рук; 58
Они ж, мечтав, что голода терзанье
Меня томит, сказали, вставши вдруг:</p>
<p>40 Жесток же ты, когда уж мысль о том,
Что мне грозило, в скорбь тебя не вводит!
Не плачешь здесь: ты плакал ли о ком?</p>	<p>„Отец, насыться нами! Тем страданье 61
Нам утолишь. Одев детей своих
В плоть бедную, сними с них одеянье”.</p>
<p>43 Проснулись мы, и вот уж час приходит,
Когда обычно нам носили хлеб;
Но каждого в смущенье сон приводит.</p>	<p>Я горе скрыл, чтоб уж не мучить их. 64
Два дня молчали мы в темнице мертвой.
Что ж не разверзлась мать-земля в тот миг?</p>
<p>46 Вдруг слышу, снизу запирают склеп
Ужасной башни! Я взглянул с тоскою
В лицо детей, безмолвен и свиреп.</p>	<p>Но только день лишь наступил четвертый, 67
Вдруг Гаддо пал к ногам моим, стена:
„Да помоги ж, отец мой!“ И, простертый,</p>
<p>49 Не плакал я, окаменев душою;
Но плачут те, и Ансельмучьо мой:
«Что смотришь так, родитель? Что с тобою?»</p>	<p>Тут умер он. И, как ты зришь меня, 70
Так видел я: все друг за другом вскоре,
От пятого и до шестого дня,</p>
<p>52 Я слез не лил, молчал я как немой
Весь день, всю ночь, доколе свет денницы
Не проблеснул на тверди голубой.</p>	<p>Попадали. Ослепнув, на просторе 73
Бродил я три дня, мертвых звал детей...
Потом... но голод был сильнее, чем горе!»</p>
<p>55 Чуть слабый луч прокрался в мрак темницы, —
Свое лицо, ужасное от мук,
Я вмиг узнал, взглянувши им на лица.</p>	<p>Сказав, схватил с сверканьем очей 76
Несчастный череп острыми зубами,
Чтоб, как у пса, окрепли для костей.</p>

74. И так Уголино умер на девятый день. Франческо де Бути повествует, что двери башни отворили через 8 дней (*dopo le otto giorni*).

77. «Некоторые комментаторы позднейшего времени (Розини, Карьминьяно) старались объяснить этот стих в том смысле, что будто бы голод заставил наконец Уголино питаться трупами своих детей. Куда ни заводит людей сильное желание блеснуть своим остроумием! С каким изумительным искусством умел великий поэт остаться в крайних границах между ужасным и отвратительным: и вот теперь в последнем стихе одним ударом он уничтожил в нас все участие, которое до сего времени мы питали к несчастному старцу! В грандиозном этом рассказе мы видим престарелого отца, который, чтоб не печалить детей своих, великодушно скрывает в сердце мучительнейшую скорбь и молча сносит муки голода; — старца, который не прежде, как по смерти всех детей своих и внуков, начинает оглашать воздух темницы их именами, — который, ослепнув от потери сил, еще бродит по телам своих возлюбленных: эта великодушная твердость, эта беспредельная любовь торжественно встают перед нашими глазами и наполняют сердце наше чувством неизъяснимого умиления, чувством, уравнивающим до некоторой степени все ужасы голодной смерти. Представьте же теперь, что отец решает утолить свой голод трупами детей своих, что старик вынужден голодом к тому, что не входило в голову даже его детям, несмотря на то, что муки голода несравненно сильнее в детском возрасте; представьте всю омерзительность такого поступка, и вы, наверно, с отвращением и негодованием закроете книгу». Штрекфусс.

76-78. Смысл этой группы следующий: в воображении Руджиери, как скоро пробудилась в нем совесть, беспрестанно рисуется ужасный образ голодного Уголино; так равно и граф Уголино вечно видит пред очами ненавистную тень своего предателя и вечно питает к нему только одно чувство; ненависть и жажду мести. Копиш.

Но только день лишь наступил четвертый,
Вдруг Гаддо пал к ногам моим, стенья:
„Да помоги ж, отец мой!“ И, простертый,
Тут умер он.

(Ад, Песнь XXXIII, тер. 67)

79 О Пиза, срам пред всеми племенами
Прекрасных стран, где сладко сі звучит!
Коль с местию спит сосед твой, пусть же сами

Пусть Уголин себя мог обесславить,
Изменой замки сдав врагам твоим,
За что ж на казнь с ним и детей оставить?

85

82 Горгона и Капрайя свой гранит
Так сдвинут с мест, чтоб в Арно вход заставить,
Пока волной весь город будет смыт.

Век новых Фив! Уж по летам своим
Невинны были Угучьон с Бригатой
И двое тех, что названы уж им. —

88

<p>91 Мы дальше шли туда, где, словно в латы,
Весь целиком закован в толстый лед,
Не ниц лицом, но навзничь, род проклятый.</p> <p>94 Ему сам плач уж плакать не дает,
И скорбь, найдя, что нет пути из глаз,
Стремится внутрь, чтоб мук удвоить гнет;</p> <p>97 Так что слеза, чуть выступит, как сразу
Твердеет в лед и наполняет всю
Ложбину глаз, как бы щитом из страза.</p> <p>100 И хоть уж я от стужи в сем краю
В лице моем, как будто бы в мозоли,
Утратил всю чувствительность мою,</p> | <p>Все ж некий ветер я чуял поневоле, 103
Сказав: «О вождь, кто ветер вздымает к нам?»
Не все ль пары застыли в этом поле?»</p> <p>А он в ответ: «Сейчас ты будешь там, 106
Где взор тебе ответит, кто, зловредней
Всех вражьих сил, здесь поднял ветер по льдам».</p> <p>И нам кричал в лдяной коре соседней 109
Печальный дух: «О души, так во зло
Погрязшие, что дан вам пункт последний!</p> <p>Снимите мне лдяное с глаз стекло, 112
Чтоб мог излить из сердца я кручину,
Пока очей вновь льдом не облекло».</p> |
|--|---|

80. Т. е. Италии, где употребляется утвердительная частица *sì*. Романские языки в то время разделялись по частице утверждения на *langue de sí* (итальянский), *langue d'oc* (испанский), *langue d'oïl* (французский). Вот что говорит об этом Данте в своем трактате *De vulgari eloquentia*: «На всем пространстве от устья Дуная или *Palus Maeotis* на запад до пределов Англии, Италии и Франции употребителен один язык, хотя у славян, венгров, немцев, саксонцев и англичан распадается на различные наречия (*vulgari*): отличительным признаком всех этих наречий служит то, что все упомянутые народы для утверждения употребляют частицу „Ja”. Далее, идя от устья Дуная на восток, т. е. от границ Венгрии начинается другой язык. Наконец вся остальная часть земли в Европе имеет третий язык, хотя и разделенный в настоящее время на три наречия: ибо одни народы, утверждая, говорят „oc”, другие „oïl”, третьи „sì”, именно испанцы, французы и итальянцы» (Данте, *De vulgari eloquentia*, Cap. VIII). Отсюда видно, что Данте правильно различает два главнейших языка в Европе, хотя несправедливо отнес венгров и славян к немцам.

82. Капрайя, остров при впадении Арно в море. Горгона — небольшой остров в Тиренском море.

88. Древние Фивы с самого своего основания были театром величайших преступлений и убийств; о многих из них упомянуто выше (Ада XXX, 1-3 и пр.); к ним нужно прибавить то, что первоначальные фивяне, возникшие из зубов, посеянных Кадмом, истребили друг друга. Наконец, в Фивах два брата, Этеокл и Полиник, умертвили друг друга в поединке; мать их Иокаста повесилась, а сестра Антигона погребена живая.

89. Угучион (другая форма *Ugo*) — сын Уголино. Бригата — прозвание внука Уголина — Нино.

91. Поэты вступают теперь в третье отделение девятого круга — в Птоломею (ст. 124), названную по имени Птоломея, сына Авува, умертвившего Симона Маккавея с его сыновьями Иудою и Маттафием некоторых из служителей их во время пира (Кн. I Маккав, гл. XVI, 15 и 16). Поэтому Пиетро ди Данте полагает, что здесь наказуются души только тех грешников, которые изменнически погубили своих друзей во время пира, стало быть, души нарушителей гостеприимства.

94-99. Грешники в Птоломее лежат на спине; они вечно плачут, но слезы, начиная от глазниц, замерзают в тяжелые льдины и потому, не находя выхода, ложатся тяжелою скорбию на сердце. Изменивший другу оскорбляет сокровенные недра самого себя, потому что друг есть, так сказать, часть нашего сердца. Потому скорбь об измене другу должна сильнее тяготить сердце, нежели всякое другое горе. Копиш.

104-105. Т. е. может ли возникнуть ветер, когда лучи солнца не извлекают здесь паров и когда, стало быть, ничто не нарушает равновесия в атмосфере? Филалет.

107. Он (ветер) возникает от взмахов крыл Люцифера (Ада XXXIV, 50-52).

110-111. Тень эта принимает Данте и Вергилия за грешников, которые, по важности совершенной ими измены, идут занять места в последнем отделе этого круга — в Джюдеке.

118. Альберико де'Манфреди, монах из Веселой Братии (Ада XXIII, 103 и примеч.), член могущественного дома Манфреди в Фаенце, дома, стоявшего во главе гвельфской партии. Однажды, во время

115	И я: «Коль хочешь, чтоб я сбросил льдину,
Скажи, кто ты? И пусть сойду в сей миг
К ледяному дну, коль уз с тебя не скину».	
118	И он тогда: «Монах я Альбериг!
В глухом саду я прозябал в злом теле;
Здесь финики принимаю вместо фиг».	
121	— «О! — я вскричал, — ты умер
в самом деле?» —
А он в ответ: «Я продолжаю ль жить
Там на земле, — мне нет вестей доселе.	
124	Та выгода здесь в Птолемее быть,
Что часто шлет к ней душу рок суровый,
Хоть не прервет Атропос дней ей нить.	
127	Но чтоб охотней сбросил ты оковы
Остекленевших слез с моих ланит,
Узнай: едва душа составит ковы,	
130	Как сделал я, уж в тело к ней спешит
Веселиться бес и телом обладает,
Пока оно срок жизни совершит.	
	Душа меж тем в сей кладезь упадает,
И, может быть, жив телом и поднесь
Тот дух, что́ здесь за мною холодает.	133
	Его ты знал, коль ты недавно здесь:
То Бранка д'Орья; он в стране проклятья;
Уж много лет, как льдом он скован весь».	136
	А я ему: «Могу ли доверять я?
Ведь д'Ориа еще не умирал:
Он ест, и пьет, и спит, и носит платья».	139
	— «К Злым-Лапам в ров, — монах
мне отвечал, —
Где липкая смола вздымает пену,
Еще Микеле Цанко не бывал,	142
	Как в тело Бранки бес вступил на смену
И в сродника его с того же дня,
Как учинили сообща измену.	145
	Но протяни же руку до меня,
Открой мне взор». — Но я его оставил,
Быть с ним нечестным в честь себе вменя.	148

ссоры с родственником своим Манфреди де-Манфреди, Альберго получил от него пощечину. Пылая мщением, он скрыл однако ж свою злобу и, по-видимому, примирился с Манфреди. Для окончательного примирения он пригласил Манфреди с его сыном Альбергетто, еще почти ребенком, к себе на пир. В конце обеда он закричал: «Принесите фрукты!» На этот условленный знак прибежали Уголино и Франческо де'Манфреди и убили несчастного отца с сыном. Филалет.

120. Mathaeus de Ciffonibus говорит, что фрукты брата Альбериги вошли в пословицу: Данте делает, по-видимому, намек на эту поговорку, а также и на то, что убийство, согласно с преданием, совершено в саду. Смысл этой пословицы: за худое получаю худшее, или из огня да в полымя.

126. Атропос — парка, прерывающая нить жизни, смерть.

129-132. «Как скоро душа изменит другу, тотчас вся любовь ее исчезает, душа цепенеет во льду вечной ненависти, она утратила жизнь и все ее удовольствия; она умерла вживе и все ее действия устремлены к одной цели — делать зло». Копиш.

137. Бранка д'Ориа, генуезец из гибеллинской фамилии д'Ориа, в союзе со своим племянником, изменчески умертвил во время дружеской трапезы своего тестя Микеле Цанке (Ада XXII, 88 и проч.), чтоб завладеть его поместьями в Сардинии. Подробнее о д'Ориа и Спинола, двух фамилиях управлявших в то время Генуей, см. у Филалета. Die Hölle p. 282.

150. Данте изменяет данному слову. «Этот поступок ставили в упрек поэту: но на земле он, конечно, бы так не поступил. Мог ли он представить нам свой ад ужаснее, как изобразив его таким местом, где исчезают все человеческие чувства и где нарушаются все понятия о долге? Выше он высказывал более человеколюбия, но здесь — он на дне ада». Каннегиссер.

151-153. Этой выходке Данте против генуэзцев может служить оправданием следующее место из собственного его летописца Якопо д'Ориа. Изобразив цветущее состояние, торговлю и богатство Генуи, он прибавляет: «Но хотя Генуя и стояла тогда на такой степени могущества, славы и богатства, однако ж, несмотря на то, стали появляться все чаще и чаще убийцы, злодеи и всякого рода нарушители правосудия как внутри, так и вне города: ибо эти злодеи в правление упомянутого подесты день и ночь ранили и убивали друг друга мечами и копьями. Поэтому мудрые (*sapientes, buon'uomi, prud'hommes*) положили

« ...все друг за другом вскоре,
От пятого и до шестого дня,
Попадали. Ослепнув, на просторе
Бродил я три дня, мертвых звал детей...»
(Ад, Песнь XXXIII, тер. 71)

151

О генуезцы, род без всяких правил,
Род, полный лжи, предательский и злой!
Когда б Господь наш мир от вас избавил!

154

С подлейшею романскою душой
Я зрел из вас такого, что за дело
Как дух, в Коците стонет под волной,

157

Хоть, кажется, живет вверху, как тело.

на общем совете избрать из среды своей 18 предусмотрительных и умных людей, предоставив им на месяц полную свободу и власть делать все, что найдут они необходимым для водворения спокойствия в городе (*bonum statum civitatis*)». (*Annal. Geunes. Mur. Sc. rer. It. Vol. VI, 608*). Замечательно, что Данте в одной и той же песне беспощадно порицает два соперничествовавших между собою города — Геную и Пизу. Филалет.

154-155. Душа из Романьи есть Альбериго, родом из Фаенцы в Романье; другая же тень есть генуезец Бранка д'Ориа.

Круг девятый: изменники. — Отделение четвертое: Джьюдекка. — Люцифер. — Иуда, Брут и Кассий. — Центр вселенной. Восхождение в Чистилище.

<p>1 — «Vexilla regis prodeunt inferni
Навстречу нам, — сказал мне вождь: —
взгляни,
Быть может, их рассмотришь в мгле вечерней».</p> <p>4 Как в час, когда ночь кроет лик земли,
Иль вдруг туман сгустится, видны взору
Размахи крыльев мельницы вдали, —</p> <p>7 Такое зданье я узрел в ту пору.
Тогда я стал от ветра за вождем,
Затем что в нем имел одну опору.</p> <p>10 Я был — страшусь сказать — уж там, где льдом
Со всех сторон затерты духи злые,
Сквозя под льдом, как крошки под стеклом.</p> <p>13 Лежат одни, стоят торчком другие;
Кто головой, кто пятками поник;
Кто, словно лук, ногами согнут к вые.</p> <p>16 Когда мой вождь настолько вдаль проник,
Что пожелал мне указать творенье,
Имевшее прекрасный прежде лик, —</p> <p>19 Стать пред собой он дал мне повеленье,
Сказав: «Вот Дис и вот страна, где вновь
Вооружись отвагой на мгновенье».</p> | <p>Как обмер я, во мне как стыла 22
кровь,
Сказать тебе, читатель, я не в силах:
То выразить ничьих не станет слов.</p> <p>Не умер я, хоть жизнь застыла в жилах, 25
Представь же сам, чем в ужасе я стал,
И жизнь, и смерть утратив в тех могилах.</p> <p>Владыка царств злой горести восстал 28
До полугруды над льдяной пещерой;
И был не так я пред гигантом мал,</p> <p>Как мал гигант пред лапой Люцифера: 31
Отсель пойми, каков весь рост его,
Коль члены в нем столь страшного размера!</p> <p>Коль он, восстав на Бога своего, 34
Так гнусен стал, как был сперва прекрасен,
То он отец, конечно, зла всего.</p> <p>О, как же был мне вид его ужасен, 37
Когда узрел я три лица на нем!
Передний лик был цветом ярко-красен;</p> <p>Другие ж два сливались с тем лицом 40
Над верхом плеч и, сросшись у вершины,
Вздвигались гребнем над его челом.</p> |
|--|--|

1. Vexilla regis prodeunt inferni — начало несколько измененного Данте католического гимна; слова эти значат в переводе: знамена ада приближаются к нам.

6. Не без основания уподобляется здесь Люцифер мельнице, если вспомним, что он зубами дробит по грешнику в каждом из трех своих зевов. Копиш.

8. «Адский ветер, волновавший, как мы видели, сперва море житейское (Ада I, 22-24), потом укрощенный блеском божественной молнии (Ада III, 133-134) и, наконец, явлением божественного посла (Ада IX, 64-72), теперь с большою яростью повеял на поэта; но он берет в защитники Вергилия, разум человеческий, и смело идет вперед». Копиш.

10-13. Поэты вступают в последнее отделение Коцита, в так называемую Джьюдекку (ст. 117), где казнится высочайший эгоизм — измена благодетелям и Богу. «Здесь полнейшая замкнутость души самой в себе: все горе здесь тяготеет прямо на сердце; здесь грешники вполне оцепенели во льду своих грехов; здесь никакое человеческое движение не имеет уже места, все тут окаменело, как от окаменяющего взгляда Медузы (Ада IX, 56-61 и примеч.). Копиш.

17-18. Это создание, когда-то прекраснейшее и светлейшее из ангелов, теперь безобразнейшее чудовище, есть сам Люцифер, Вельзевул, Дис (имена у Данте однозначущие); возмутьившись против своего Создателя, он вместе со своим воинством был свергнут в эту пропасть архангелом Михаилом (Ада VII, 12).

30-33. Приняв величину гигантов, по вышеприведенному расчислению (Ада XXXI, 59 и проч.), в 54 парижских фута, а длину человека обыкновенного роста — в 32 дюйма или 6 футов, найдем, что рука

*Владыка царств злой горести восстал,
До полугруды над льдяной пещерой...
(Ад, Песнь XXXIV, тер. 28)*

<p>43 Лик бледно-желт был с правой половины:
Но тот, что слева, цвет имел людей,
Живущих там, где Нил падет в долины.</p> <p>46 Шесть крыл, приличных страшной птице сей,
Под каждым ликом по два выходили:
Таких ветрил не встретишь средь морей!</p> <p>49 Бесперые, на крылья походили
Нетопыря; он ими так махал,
Что из-под них три ветра бурей выли</p> <p>52 И весь Коцит от стужи замерзал.
Шестью очами плакал он и током
Кровавых слез три груди орошал.</p> <p>55 Как мялами, он в каждом рте глубоком
Дробил в зубах по грешнику, зараз
Казня троих в мучении жестоком.</p> <p>58 Но мощь зубов переднему в сто раз
Сноснее лап, которыми он с кожей
Всю спину в кровь сдирал ему подчас.</p> <p>61 И вождь: «Вон тот, из всех казимый строже,
Внутри головой, ногами вне зубов, —
Искарriot Иуда в верхнем ложе.</p> | <p>Из двух других висящих вниз голов — 64
Вот это Брут торчит из черной щели:
Смотри, как он там корчится без слов.</p> <p>Другой же — Кассий, столь могучий в теле. 67
Но сходит ночь, покинем сей предел,
Затем что мы уж все в нем обозрели».</p> <p>Вождю обвил я шею, как велел 70
Он сам. И стал он ждать размаха крылий
И, лишь они раскрылись, скор и смел,</p> <p>В мохнатый бок вцепился вдруг Вергилий 73
И меж густых волос и корок льда
По ключьям стал спускаться без усилий.</p> <p>Когда же мы достигли без труда, 76
Где толща чресл вращает бедр громаду,
Вождь опрокинулся главой туда,</p> <p>Где он стоял ногами, и по гаду, 79
За шерсть цепляясь, стал входить в жерло:
Я думал, путь он снова держит к аду.</p> <p>«Держись сильнее! — сказал он, тяжело 82
Переводя свой дух от утомленья: —
Вот лестницей какой покинем зло!»</p> |
|---|---|

Люцифера по малой мере должна равняться $\frac{54 + 54}{6}$ или 486 парижским футам, а так как рука составляет $\frac{3}{4}$ длины тела, то выходит, что весь рост Люцифера равняется 1458 парижским футам, или 810 браччиям. Филалет.

35. В подлиннике *S'ei fu si bel, com'egli è ora brutto*; простой народ в Неаполе и до сих пор называет Сатану *brutto fallo*.

38-45. Древние комментаторы видели в красном лице символ гнева, в бледно-желтом — символ зависти, в черном — символ праздности и лени. По толкованию Ломбарди, различные цвета лиц обозначают три тогда единственно известных страны Старого Света, на которые жадными глазами смотрит Люцифер: красное соответствует розовому цвету лица европейцев, бледно-желтый — цвету азиатского или монгольского племени, черный — цвету мавров и негров. Если допустить, что поэты спустились в адскую бездну из Италии, обратившись лицом к Иерусалиму (через который, по представлению Данте, проходит продольная ось ада), и теперь, описав почти полную спираль (как можно заключить из Ада XIV, 127), опять идут в прежнем своем направлении, т. е. обратившись лицом к Иерусалиму, то лицо Люцифера, обращенное к Азии, направлено вправо, а лицо, обращенное к Африке, — влево. Филалет.

45. Т. е. было черно, как у народов, обитающих у водопадов Нила.

55. Мяло (*maciulla*) — орудие, которым мнут лен и пеньку.

37-67. «Чудовищный образ Люцифера задуман очень глубоко по идее. Вооруженный бесперыми крыльями, свойственными только птицам ночи, чем более усиливается он взлететь на них, тем более чувствует вечную свою неволю; ибо поток греховный, им же возбуждаемый (Ада XIV, 112 и прим.), обратно устремляет к нему свои волны, которые и замерзают, в мертвый лед от вяния крыл его — прямая противоположность тому потоку блаженства, который, исходя свыше, животворит вселенную (Рая XXX, 61). Как прекрасен был некогда Люцифер, так теперь он гнусен. Безобразно-страшным

*Мой вождь и я, в сей тайный путь вступивши,
Спешили вновь вернуться в ясный свет...*

(Ад, Песнь XXXIV, тер. 133)

85 Тут в щель скалы пролез он, на каменья
Ссадил меня на край жерла в аду
И подошел ко мне для ободренья.

88 Я поднял взор и думал, что найду,
Как прежде, Диса, но увидел ноги,
Стопами вверх поднятые во льду.

91 Как изумлен я был тогда в дороге,
Поймет и чернь, хоть ум ее не зрит,
Какую грань я перешел в тревоге.

94 «Встань на ноги! — учитель говорит. —
Тяжел наш путь и долог; дня ж светило
Уж третий час, как на небе горит».

Не по дворцу идти нам должно было, 97
Но под землей в естественной тюрьме,
Где зыбок грунт, где солнце не светило.

— «Пока идем в сей бездне мы во тьме, — 100
Сказал я, встав, — премудрыми устами
Свет истины разлей в моем уме.

Скажи, где лед? Как погружен ногами 103
Вверх Люцифер? Как к утру царь планет
В столь краткий срок достиг уже над нами?»

— «Не мыслишь ли, — учитель мой 106
в ответ, —
Что ты еще за центром, где вцепился
Я в шерсть червя, что точит целый свет.

чудовищем воздымается он в средоточии вселенной, в центре тяжести амфитеатра адских кругов — исполнинский символ самой черной совести. В каждом из трех своих зевов он терзает по одному грешнику; но, сам мучитель, плачет, на себе испытывая жесточайшую муку, плачет кровавыми слезами, орошающими три соединенных вместе лица его! Мудрость божественная уже не светит ему, мысль о Божием всемогуществе есть его огненная мука, а от святой любви божественной он сам отложился: таким образом испытывает он сам на себе все казни своего тройственного царства — тьму, жар и холод (Ада III, 87 и пр.). Из очей его черного лица льются слезы его чувственного ослепления; слезами кроваво-огненного лица он оплакивает свое дерзновенное насилие; бледно-желтый заливается слезами его обмана. Этим трем греховным побуждениям соответствуют и три бури, возбуждаемые его крылами; им же соответствуют и три чудовища первой песни: обезумливающий сладострастием Барс, угрожающий насилием Лев и, мать обмана, губительная своею скупостью Волчица. Три грешника испытывают злейшую муку в тройственной пасти Люцифера: в передней — Иуда, предатель своего Божественного Благодетеля и царства Божия; зато и казнь ему из всех жесточайшая; другие два виновны перед светскою властью Римской империи, как изменники своему верховному главе и благодетелю Цезарю; они висят вниз головами: увлеченный страстями Брут — из черной и действовавший по холодному расчету Кассий — из бледно-желтой пасти. Так, на самом дне ада, Данте является в одно время и христианином, и гибеллином». Копиш.

68. Итак, время теперь между 5 и 6 часом вечера 26 марта, 6 или 9 апреля; следовательно теперь опять ночь, как и в начале замогильного странствования, из чего следует заключить, что Данте находился в аду 24 часа, из которых 12 употреблено на прохождение шести верхних и 12 на прохождение трех нижних кругов (Ада II и XI). Филалет.

76-77. Т. е. до бедренного сочленения, которое положением своим соответствует почти середине тела.

78-80. Если вообразим себя в центре земли, то для того, чтобы перейти на другое полушарие, мы действительно не можем представить себе другого средства, кроме того, к которому прибегает теперь Вергилий, т. е. мы должны перевернуться так, чтобы голова была там, где прежде были ноги. Потому очень естественно, что Вергилий опускался вниз до тех пор, пока не достиг центра земли; а потом, переопрокинувшись и миновав эту точку, должен был подыматься вверх, хотя и в том и в другом случае двигался все по одной линии. Столь же естественно и то, что, так как середина Люцифера совершенно соответствует центру земли и так как верхняя половина его тела находится внутри нашего, а нижняя — внутри другого полушария, то путники, перешедши этот пункт, должны видеть ноги Люцифера поднятыми вверх. Впрочем, все это имеет и нравственный смысл. Средоточие земли, по представлению поэта, есть не только центр тяжести (физической, но и нравственной — центр, к которому тяготеет все материальное, греховное, тогда как все очищенное от греха, все чистое и духовное, представителем чего является сам Данте, стремится к небу и притом дорогой диаметрально противоположной той, которая ведет к началу греха — Люциферу. Эти две духовные силы, центробежная и центростремительная, господствуют во всей поэме. Штрекфусс.

<p>109 Ты был за ним, пока я вниз стремился;
 Когда ж я повернулся, миновал
 Ты центр, где груз отвсюду вместе слился,</p> <p>112 И ты теперь под гемисферой стал,
 Напротив той, что покрывает грешный
 Ваш материк, на чьей горе страдал</p> <p>115 Рожденный в мир и живший в нем
 Безгрешный.
 Ты здесь стоишь на сфере небольшой, —
 Другом лице Джьюдекки неутешной.</p> <p>118 В стране сей утро, если вечер в той;
 А тот, чья шерсть нам лестницей служила,
 Как и сперва, повергнут вниз головой.</p> | <p>Его с небес сюда низвергла сила, 121
 И суша та, что прежде здесь была,
 Страшась его, себя тут морем скрыла</p> <p>И, отбежав в наш мир, произвела, 124
 Быть может, в час, как от него скользнула,
 Здесь пустоту и гору вознесла».</p> <p>Есть ход в земле; он так от 127
 Вельзевула,
 Был отдален, как длинен адский ров.
 Тот ход незрим для глаз, но полон гула</p> <p>От ручейка, спадавшего с боков 130
 Скалы, слегка наклонной, где, прорывши
 Отверстие, в ад стремит он бег валов.</p> |
|---|--|

93. Т. е. центр тяготения всего мира (по представлению поэта).

96. В подлиннике: а mezza terza, т. е. 2 ½ часа по восхождении солнца (т. е. уже утро), смотря потому, в каком месяце примем начало странствия Данте — в марте или апреле: если в марте, то теперь на южном полушарии ½ 9 часа утра, а на нашем — ½ 11 часа вечера; а если в апреле, то теперь 8 часов утра на южном и 10 часов вечера на нашем полушарии. Филалет.

105. Поэты употребили только 2 ½ часа на путешествие по клочьям шерсти Люцифера, а между тем солнце перешло уже от вечера к утру: это удивляет Данте, но Вергилий (ст. 118) объясняет ему, что если на одном полушарии ночь, то на другом — день, особенно у антиподов. Так как поэты вышли на южное полушарие в точке совершенно противоположной той, в которой они вошли в ад на нашем полушарии, то очевидно, что насколько вперед подвинулся день на одной стороне земли, настолько подвинулась ночь на другой.

108. Грешную землю Данте представляет яблоком, которого сердцевину точит червь — отец греха. Копиш.

114. По представлению поэта, Иерусалим с горой Голгофою составляет средоточие и высшую точку нашего (европейского) полушария, тогда как противоположное полушарие, согласно с мнением тогдашних географов, покрыто морем. «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земли» (Иезек. V, 5). Антиподом Иерусалиму служит гора Чистилища.

115. Имя Христа ни разу не упоминается во всем Аде Данте. Ломбарди.

116-117. Центр земли помещен, с одной стороны, между Коцитом, или Джьюдеккою, а с другой — между тем местом, куда вышли поэты, миновав центр (ст. 85): это-то место и называет Данте другим лицом Джьюдекки, ибо оно имеет то же положение, ту же величину и настолько же отстоит от центра земли, как и самая Джьюдекка.

121-126. Различное отношение двух полушарий произошло, по представлению Данте, следующим образом: Люцифер свергнут с неба на полушарие, противоположное европейскому, причем он погрузился в землю, как стрела, головою вниз, так, что голова его обращена к европейскому, а ноги — к южному полушарию. Часть суши, покрывавшей до его падения южную половину земного шара, в ужасе устремилась к нашему полушарию и на нем поднялась в гору Сион; большая же часть суши покрылась морем. Но часть земли, вытесненная Сатаною, отхлынула в вышину позади падшего, образовав в земле цилиндрический ход, в котором теперь поэты, а на южном полушарии, обращенном к поэтам, поднявшись в гору Чистилища.

127-128. От Люцифера ведет на другое полушарие цилиндрический ход, коего длина равняется длине всего ада, или, другими словами, отдаление от поверхности земли нашего полушария до середины Люцифера равняется отдалению середины Люцифера до поверхности другого полушария, именно и то и другое равно радиусу земли, или половине ее диаметра.

130. Как слезы статуи Времени с горы Иды на острове Крите (Ада XIV, 94-120 и пр.) текут с нашего полушария в ад, где сливаются в четыре адских реки, так точно и с южного полушария исходит ручей

*Взлезали вверх, — он впереди, я вслед, —
Пока узрел я в круглый выход бездны
Лазурь небес и дивный блеск планет.
(Ад, Песнь XXXIV, тер. 136)*

133 Мой вождь и я, в сей тайный путь, вступивши,
Спешили вновь вернуться в ясный свет
И, на пути про отдых позабывши,

Взлезали вверх, — он впереди, я вслед, — 136
Пока узрел я в круглый выход бездны
Лазурь небес и дивный блеск планет.

И вышли мы, да узрим своды звездны. 139

с горы Чистилища и течет в ад до его центра. Этот ручей означает, по объяснению комментаторов, слезы раскаянья, текущие в мрак забвения и замерзающие у ног Вельзевула, отца грехов.

139. Так как время, когда вышли поэты из ада, близко к восходу солнца, как показывает первая песнь Чистилища, то значит теперь 27 марта, 7 или 10 апреля (раннее утро на южном полушарии, или вечер в Иерусалиме;), смотря по тому, какое из трех мнений примем относительно первого дня замогильного странствования Данте. Далее из этого видно, что Данте употребил еще 24 часа для восхождения от центра земли к южному полушарию: такая медленность объясняется трудностью восхождения, но вместе с тем имеет и глубокий нравственный смысл. «Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». (Еванг. от Матф. VII, 13-14).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Прилагаемые здесь три исторические очерка заимствованы
без изменения из перевода Филалета
(короля Саксонского Иоанна, † 29 октября 1873 г.)
„Divina Commedia”. Собственно, это комментарии к XIX, XXVII
(а равно и к XIV песне «Чистилища») и XXXIII песням «Ада»,
и, если бы не были так обширны, могли бы быть напечатаны
в сносках к моему переводу. Я перевел их без сокращения, полагая,
что для любителя Дантовой поэзии они могут показаться весьма
интересными пояснениями упомянутых мест поэмы, тем более что
все три составлены знаменитым немецким переводчиком
и комментатором Данте по весьма редким подлинным
историческим документам.

I

БОНИФАЦИЙ VIII

(К XIX песне «Ада»)

Папа Бонифаций VIII умер в 1303 г., следовательно, в 1300, в год замогильного странствования Данте, не мог быть помещен в аду. Однако ж поэт, не желая оставить заклятого своего врага ненаказанным, влагает в уста Николая III будущее его осуждение. Краткий перечень событий в папствование Бонифация VIII покажет, что Данте имел полное право произнести столь строгий приговор над этою замечательной личностью Средних веков.

После двухлетнего междоусарствия кардиналы избрали в папы благочестивого пустынника Пиетро ди Мороне, под именем Целестина V (в 1294 г.)¹. Этот добрый, но слабодушный человек вскоре так сильно покорился влиянию Карла II Анжуйского, что, по его настоянию, возвел двенадцать иноземцев в кардинальское достоинство. Честолюбивый кардинал Каэтан Ананьи (будущий Бонифаций VIII), из гибеллинской фамилии, пользуясь неспособностью Целестина, употребил все средства, чтобы возложить на свою голову папскую тиару, и для того, с одной стороны, вооружал против Целестина кардиналов, а с другой — действовал на его тревожную совесть, намекая слабодушному папе, что само Небо повелевает ему сложить с себя папское достоинство. Вместе с тем он сумел снискать себе благосклонность прежнего своего врага Карла II Анжуйского обещанием содействовать ему во всем, если Анжуйский доставит в пользу его избрания голоса 12 преданных ему кардиналов. Целестин, издав наперед буллу, в силу которой дозволялось папе слагать с себя тиару, ради спасения души своей отказался от папского престола, и Бонифаций был единодушно избран на его место (в 1294 г.).

Но так как многие сомневались в законности такого выбора и продолжали считать Целестина истинным папою, то Бонифаций повелел содержать несчастного старца, укрывшегося в своей пустыни, в Фумоне (в Кампаньи), до самой его смерти в столь тесном заключении, что ночью он преклонял голову на ступени того самого алтаря, на котором днем служили литургию.

Едва вступив на престол, Бонифаций предался душой и телом партии гвельфов, старался всеми средствами дать Карлу II возможность завладеть Сицилией и льстивыми обещаниями приманил Карла Валуа в Италию, где он и принял столь сильное участие в делах Флоренции².

Вскоре Бонифаций обнаружил всю необузданность своего характера. Узнав, что Альбрехт Австрийский избран в римские императоры, Бонифаций сам возложил на свою голову императорскую корону, сказав: «Я цезарь, я император; мне подобает право управлять империей». Однажды, в день освящения пепла, он кинул освященную золу в лицо генуэзскому архиепископу Поркетто Спинола и воскликнул: «Помни, гибеллин, ты прах и вместе с гибеллинами, тебе подобными, рассеешься прахом!»

Но всего разительнее обнаружил Бонифаций бурную неукротимость страстей в борьбе с могущественным домом Колонна. Один из членов этой фамилии, Скиарра Колонна, похитил часть папских сокровищ во время переезда папского двора из Ананьи в Рим, а кардиналы Якопо и Пиетро Колонна явно противились избранию Бонифация в папы. Раздраженный этим, Бонифаций издал в 1297 году буллу с жесточайшими обвинениями знаменитой фамилии: ео лишал он обоих кардиналов их достоинства и всего имения, объявив весь дом их, до четвертого колена, недостойными никакой духовной должности. Против непокорных был объявлен крестовый поход, причем Бонифаций хитростью и силой завладел их замками в Кампаньи ди Рома³.

¹ Ада III, 58-60 и прим. и XXII, 105 и прим.

² Ада VI, 64 и прим.

³ Ада XXVII, 67 и прим.

Избегая преследований, многие члены дома Колонна нашли убежище при дворе Филиппа Красивого, короля французского. Этот монарх, прежний друг Бонифация, теперь, нарушив неприкосновенность прав духовенства отнятием у него доходов, поссорился с папой, будучи поддерживаем в этой борьбе не только чинами, но и духовенством своего королевства. Вскоре вражда их дошла до того, что адвокат королевский Вильгельм Ногарет подал королю обвинительную грамоту, в которой уличал Бонифация во всевозможных преступлениях: святокупстве, волшебстве и ереси. Тогда Бонифаций призвал французское духовенство на собор в Рим для обуздания Франции в ее злоупотреблениях по управлениям духовному и гражданскому; узнав же, что король запретил своему духовенству присутствовать на этом соборе, отлучил Филиппа и всех его единомышленников от церкви. Это заставило короля прибегнуть к насильственным мерам. Ногарет, Скиарра Колонна и другие враги папы прибыли в Италию и, сделав десант в Стаджии, между Флоренцией и Сиеной, напали на папу в Ананьи. В эту критическую минуту Бонифаций обнаружил необыкновенное присутствие духа: в полном папском облачении, коленопреклоненный пред алтарем, 86-летний старец спокойно ожидал заговорщиков; они же, будучи поражены невольным благоговением, не осмелились наложить на него руку, а только требовали, чтобы он явился на Лионский собор. После трехсуточного грабежа, произведенного ими в Ананьи, народ, образумившись от страха, наконец освободил папу. Но гнев и страх до того потрясли его душу, что в Риме, куда он после того прибыл, вообразилось ему, что его держат в заключении в доме Орсини: после неудавшейся попытки к бегству Бонифаций со всеми признаками помешательства заперся в своей комнате, где и найден на другой день мертвым (11 октября 1303 г.).

Гвельфский источник Виллани следующими чертами изображает его характер: «Папа Бонифаций был весьма начитан в Св. писании, имел природный ум, славился великой мудростью и опытностью, обладал обширными сведениями и прекрасной памятью; но вместе с тем был горд, высокомерен и жесток к своим врагам и противникам. Отличаясь необыкновенной смелостью, он внушал во всех страх своего имени, возвысил значительно и увеличил доходы святой церкви. По его повелению кардиналы мессер Гюильельмо да Бергамо и мессер Риккардо да Сиена, великие знатоки прав и декреталий, издали, под его собственным наблюдением (ибо он был отличным знатоком канонического права), шестую книгу декреталий, служащую некоторым образом светом для всех прочих законов и канона. Он щедро награждал людей храбрых и ему преданных, сильно домогался светского великолепия и был весьма алчен до золота, не совестясь пользоваться всякого рода приобретениями для обогащения церкви или своих племянников. В свое папствование он избрал многих ему преданных людей в кардиналы, в том числе двух своих племянников, которые в то время были еще очень молоды, и одного дядю по матери, а также двадцать епископов и архиепископов, из своих родственников и друзей в небольшом городке Ананьи; другим своим племянникам и их сыновьям, имевшим титул графов, он оставил огромные богатства». *Giov. Villani, Hist. Fior. Libr. VIII. Cap. 64.*

Знать эти подробности о Бонифации необходимо потому, что об этом человеке, равно как и о многих событиях его жизни, очень часто упоминается в Дантовой поэме¹. Филалет.

¹ Ада XIX, 53; XXVII, 70-85. — Чистилища XX, 87. Рая IX, 132; XII, 90; XVII, 49; XXVII, 22; XXX, 148.

II

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ РОМАНЬИ В 1274–1302 ГГ.

(К XXVII песне «Ада» и XIV «Чистилища»)

Романья украшалась в это время целым рядом городов больших и малых. Между первыми отличались: Болонья, Имола, Фаэнца, Форли, Чезена, Равенна, Римини; между вторыми: Бертиноро, Червия, Форлимпополи и др. Между местным дворянством славилась могущественные фамилии графов Кастракаро, Конио, Баньякавалло, Каттани да Медичина, Кальболези, Траверсара, Пагани и др., которые все вошли в связь с какой-нибудь из городских общин.

В Романье, как и во всей Италии, имело место гибельное разделение на партии гвельфов и гибеллинов, распространившихся в особенности из Болоньи по всей провинции под названием джеремеев и ламбертацци.

2 июня 1274 г., партия ламбертацциев, или гибеллинов, в числе 12 006 — а по показанию Гирадаччи, основанному на архивных документах, в числе 15 000 человек, — была изгнана ее противниками джеремеями из Болоньи. Послужило ли поводом к этому изгнанию романтическое приключение с Имельдою Ламбертацци, возлюбленной которой, Бонифацио Джереми, был достигнут у нее и убит ее братом, как рассказывает Гирадаччи, — это такой вопрос, который я не берусь решить. В подлинных документах я нашел только то, что джереми успели склонить народ к войне с г. Форли, вопреки желанию партии ламбертацциев, бывших в приязни с жителями этого города и желавших начать войну с Моденою, отказавшейся принять их изгнанников: отсюда в городе произошла ссора, кончившаяся изгнанием гибеллинов.

Изгнанники искали и нашли покровительство и защиту в приятельных им городах, и в то время, как болонцы склонили на свою сторону Имолу и Баньякавалло, составилась в отпор им могущественный союз, преимущественно из общин городов Форли и Фаэнцы, к которым присоединились изгнанники из Чезены, Равенны и Римини. В двух последних городах господствовали в то время Полента и Малатеста, две фамилии, которые хотя и причисляли себя к гвельфам, однако ж, когда дело касалось обеспечения их могущества, легко переменили цвет своей партии.

Во главе союза ламбертацциев стоял храбрый и опытный в ратном деле граф Гвидо да Монтефельтро, который у Данте недаром называет Романью своею¹.

В следующем году (в июне 1275 г.) граф Гвидо одержал великую победу при Ponte S. Procolo, между Фаэнцей и Имолой, над джеремеями, причем фаэнтинцы отняли г. Карроцио у Болоньи. Вслед за тем в том же году ламбертацци взяли города Червию и Чезену. Из последнего они изгнали Малатесту да Римини и возвратили изгнанных Маццолини.

Но на следующий год город Форли чуть было не перешел в другие руки. В нем были две значительные фамилии: Орделаффи и Аргулиози. Два члена этих фамилий, по взятии Чезены, были поставлены в ней подестаами, и к концу этого периода мы уже видим эти два дома стоящими во главе гибеллинской партии в Форли. Паганино дельи Аргулиози и Гоильельмо дельи Орделаффи составили заговор против Гвидо да Монтефельтро; но предприятие не удалось, и они, бежав во Флоренцию, заключили с господствовавшими в ней гвельфами и господствовавшими в Болонье джеремеями союз с намерением передать Форли папской партии. Условлено было действовать заодно. В то время, как болонцы подступали к Фаэнце, флорентинцы, под предводительством графа Гвидо Сальватико ди Довадоло и Баскиеры Тосинги, будущего главы Белых, перейдя Апеннины, подошли к Форли. Здесь они были подкреплены Реньером ди Кальболи и Люцием из Вальбоны, двумя гражданами форлийскими, принадлежавшими к местному дворянству страны, и завладели крепостью Чивителла и многими замками в горах. Но Гвидо да Монтефельтро устремил все свои силы в эту сторону, отнял Чивителлу и взял в плен обоих

¹ Ада XXVII, 29-30 и прим.

старшин изгнанников, причем флорентийское войско бежало за Аппенины, а болонцы отступили без успеха. Паганино и Гиольельмо были заперты в императорской башне в Чезене и потом тайно умерщвлены (1276 г.).

Спустя год Гвидо отместил и Реньеру ди Кальболи: он осадил его замок Кальболи и громил его день и ночь семью стенобитными машинами, так что замок, несмотря на поддержку болонцев, давших Реньеру значительное денежное вспомоществование для обороны стен, наконец вынужден был сдаться, после чего Гвидо разорил его до основания (1277 г.).

В таком положении находились дела Романьи, когда Николай III вззошел на престол¹ и, заключив выгодный договор с Рудольфом Габсбургским, произвел важную реформу в состоянии этой провинции. Давно уже папы имели виды на Романью; Николай получил от Рудольфа, неохотно вмешивавшегося в дела Италии, формальное признание этих прав, так что прежние права императора в Романье перешли теперь к папе, а города и дворянство были вынуждены дать ему клятву в верности.

Для обеспечения своих прав папы с того времени стали избирать наместника в провинции под именем графа Романьи. К нему присоединялся легат для управления духовными делами; иногда же обе эти должности соединялись в одном лице. Сверх того, существовал, кажется, при графе род особого судилища под именем „Judices generales“. В случае надобности собираем был парламент или сейм из представителей городов и дворянства под председательством графа. Но эти отдельные общины оставались столько же независимыми, как и прежде, с той только разницей, что место отдаленного императора теперь заступил более близкий, а потому и более важный по своему влиянию папа. Что же касается до графов, то влияние их большей частью было незначительно, если только они не были предводителями земского войска или не имели опоры в одной из преобладающих партий. Зато влияние графов большей частью было употребляемо на поддержание мира и соглашение партий, хотя и то и другое обыкновенно удавалось только на весьма короткое время.

В 1278 г. Бертольдо Орсини², племянник папы, является первым графом Романьи, а кардинал Латино, тоже папский племянник, первым легатом в области, успевшим подчинить церкви все общины.

В следующем году (1279) эти люди примирили партии в Имоле, Фаэнце, Болонье и Равенне, а также содействовали возвращению многих изгнанников, именно: дома Манфреды в Фаэнце, Траверсара в Равенне и партии ламбертацциев в Болонье, где сам Бертольдо избран был подестой.

Но это согласие партий было непродолжительным. Ламбертацци не довольствовались тем, что возвратились на родину, но потребовали себе половину должностей. Поднялась тревога, окончившаяся 21 декабря того же года новым изгнанием.

Тогда Бертольдо призвал к ответу общину Болоньи, партию джеремеев и многие общества и отдельные личности из Болоньи; но так как синдик Бартоломео ди Киара, явившийся от лица всех приглашенных не имел достаточного уполномочия и притом отказался принести присягу в покорности римской церкви, а граф требовал личного присутствия всех приглашенных, то все обвиняемые объявлены были виновными: граф присудил их к денежной пене, дав им, впрочем, 11 дней срока, и взял заложников от каждой партии.

Около этого же времени случилось происшествие, благоприятное джеремеям. Бежавшие ламбертацци удалились частью в Форли, частию в Фаэнцу и в последнем городе возбудили Тебальделло Самбрази к мести, вследствие которой он изменнически предал Фаэнцу в руки болонцев (24 августа 1280 г.)³.

¹ Ада, XIX, 52 и примеч.

² Хотя Гирардаччи и приводит известие, что будто бы уже во времена Иннокентия IV некто Томазий был графом Романьи, однако ж это достоинство является постоянным только со времен Бертольдо.

³ Ада XXXII, 123 и примеч.

Но гораздо хуже было для партии ламбертацциев то, что по смерти Николая III (1280 г.) на папский престол взшел Мартин IV¹, природный француз (8 марта 1281 г.), который, действуя в интересах гвельфской партии, решительно объявил себя против ламбертацциев.

Бертольдо, уже более не удерживаемый в своем нейтральном положении, оставил провинцию, выдав джеремеям их заложников, а заложников партии ламбертацциев, с которыми не был в единодушии, увел с собою в Рим.

Посланный от этих последних в резиденцию папы, в Урбино, получил неблагоприятное решение их дела; а Иоанн Аппиа (другие называют его Эппа или Па), тоже француз по рождению, назначенный в графы провинции, тотчас же потребовал у форлийцев изгнания партии ламбертацциев, а от Гвидо да Монтефельтро — очищения Романьи. Требование свое он подкреплял многочисленным наемным войском, большею частью французским. Но всеми признанные воинские способности Гвидо давали ему важный перевес перед его противником.

В течение 1281 г. Иоанн два раза предпринимал безуспешный поход против Форли. Столь же неудачно было его нападение и на крепость Траверсара, родовый замок вновь изгнанных в то время предводителей гвельфов в Равенне, из фамилии которых Гюильельмо Траверсара был тогда избран подестой в Форли. Гвидо нанес 1 мая 1282 г. значительное поражение Иоанну при нападении его на г. Форли².

Между тем, в противоположность значительному могуществу джеремеев, стали, как кажется, изнемогать ламбертацци. Уже в августе 1282 г. графы Кастракаро передались церкви и сдали графу Романьи свой замок, который был, потом в течение многих лет главной опорой папского могущества в Романье. В следующем 1283 г. Червия отдана была изменой в руки графа, а за ней сдались Чезена и Форли. Кардиналы фра Джакоммо д'Асколи и Якопо Колонна, посланные папой, приказали разрушить их стены, и гибеллины были изгнаны отовсюду. Неизвестно, тогда ли покорился церкви Гвидо Монтефельтро, как утверждает летописец форлийский и чезенский, или это воспоследовало в 1285 г., в папствование Гонория IV, как говорит Виллани³.

Таким образом папская власть и торжество папской партии, казалось, были упрочены; но влияние близкого папы вскоре сделалось для некоторых властителей более тягостным, нежели власть отдаленного императора, и это тем более, что по смерти Мартина IV (1285 г.) последующие папы, по-видимому, стали настойчивее принимать на себя прежнюю свою роль посредников.

Прежде всего Малатеста старший, властитель Римини, заключил союз с городами Форли и Фазенцей против графа Романьи. В обоих этих городах вражда между господствовавшими фамилиями обнаружилась пролитием крови. В Форли умерщвление Альдобрандини дельи Аргулиози поссорило с фамилией Кальболези родственников убитого, которые, стало быть, тогда не принадлежали еще к гибеллинской партии. То же самое произвело между домами Манфреды и Конлио убийство Манфреды де'Манфреды вместе с сыном его Альбергетто, предательски совершенное монахом Альбериго де Манфреды⁴. Беатриче была в замужестве за Альберигом Конлио, сыном Бернардино. Малатеста примирил партии и присоединил их к упомянутому союзу.

Впрочем, граф Романьи⁵ напал на Малатесту, шедшего на Римини (27 июня 1287 г.), положил его сына Дживованни Малатесту, супруга несчастной Франчески⁶, и таким образом принудил союзников к миру и к взносу значительного выкупа за Дживованни.

Вскоре затем и сам Малатеста нашелся вынужденным прибегнуть к помощи графа, ибо его изгнали из Римини, причем замок Monte Scotolo, находившийся во власти его сына Малатестино, был взят риминийцами (1288 г.).

¹ Чистилища XXIV, 22.

² Ада XXXVII, 43-45 и примеч.

³ Ада XXXVII, 67 и примеч.

⁴ Ада XXXIII, 118 и примеч.

⁵ Был ли графом Романьи в это время Иоанн Аппиа, мне неизвестно: между ним и Стефано Колонна историки не упоминают ни об одном графе.

⁶ Ада V, 74 и примеч.

В 1289 г. Стефано Колонна, посланный Николаем IV, явился в Романью в сан графа и пытался способствовать возврату Малатесты. Во время своего пребывания в Римини он примирил партии; однако ж, как делывалось обыкновенно в этих случаях, оставил Малатесту и его сына еще на некоторое время в изгнании.

Вскоре после того произошла ссора между слугами подесты Орсо и слугами маршала графа, его сына. Мартино Катальдо, предводитель народной партии, велел звонить в вечерней колокол: собравшиеся толпы кинулись на дворец общины, где жил граф, и непременно захватили бы графа, если бы Монтанья де Парчитати — Парчитати были предводителями гвельфов в Римини — не выступил посредником и не уговорил народ разойтись. Этим перемирием воспользовался граф: он ввел Малатестов с их телохранителями в город задними воротами и таким образом одолел партию народа, коей вождь, Мартино Катальдо, захваченный при этом в плен и сознавшийся под пыткой в измене графу, был казнен. Тогда город объявили лишенным всех прав и судебного производства; подестой же и ректором поставили Андреа делла Монтанья, которого летописец форлийский называет *vir nobilis et prudens*; его не должно смешивать с вышеупомянутым Монтаньей де Парчитати (24 июня 1290 г.).

Из Римини Стефано пошел на Равенну и потребовал сдачи города и городской цитадели у братьев Остазियो и Рамберто Поленты, из которых первый был там подестой. Но они, опасаясь подвергнуться участи, постигшей господствующую партию в Римини, предупредили графа и, возбудив в городе восстание, захватили в плен как самого графа, так и сына его, маршала (13 ноября 1290 г.).

В тот же день поссорились между собою в Имоле Алидозियो, глава гибеллинов, и фамилия Нордоли, главы гвельфов этого города. Болонцы пришли на помощь последним, изгнали Алидозию с его приверженцами и разорили укрепления Имолы.

Между тем взятие Стефано в плен дало делам в Романье иной оборот. В Фаэнце при этом известии тоже произошло восстание. Манфреды, вожди фаэнтинских гвельфов, хотя вначале и выгнали своих противников, Аккаризи и Самбрази, к которым — вероятно, по памяти об умерщвлении их родственника — примкнули на этот раз сыновья Бернардино да Коньо; однако ж эта последняя партия вскоре возвратилась и, поддерживаемая Маинардом Пагани да Созенана и Ромбертом Полентою, изгнала Манфреды.

В то же время удалось и Малатесте удалить Андреа делла Монтанью и сделаться властителем города, а, вероятно, также изгнать и своих противников Парчитати¹. Он хотя и получил от Стефано Колонны позволение возвратиться, однако ж не удовольствовался, как кажется, простым равенством прав и пристал к партии, противной графу.

В свою очередь и Чезена перешла в руки этой партии. Только г. Форли, прежний оплот гибеллинов, держался еще церкви и принял к себе бежавших из Чезены главных судей, а также и легата Пиетро Сарачено, который начал отсюда проповедывать крестовый поход на врагов папского владычества. Однако ж 20 декабря того же года сдалась, наконец, и Форли соединенным силам Маинардо Пагани, Поленты и Малатесты, и Гвидо Полента был поставлен в ней подестой.

Тогда римский двор, начав затрагивать струны более нежные, послал епископа равеннского Альдобрандини в качестве графа и легата в провинцию. В августе 1291 г. Альдобрандини прибыл в Кастракаро, (по-видимому, единственное укрепленное место, еще державшее сторону пап), и вступил в мирные переговоры с противной партией, в силу чего Стефано Колонна был уволен, а противникам церкви дарована полная амнистия. Вскоре Альдобрандини созвал большой парламент в Форли и употребил все меры, чтобы возвратить изгнанников. Это действительно удалось ему в Имоле, которую он и отдал во владение болонцев, однако ж требовал от них восстановления фамилии Алидозию и ее партии.

¹ Ада XXVII, 46-48 и примеч.

Напротив, Фаэнца заперла для него ворота из опасения, чтобы он не потребовал возвращения из ссылки дома Манфреди, и тогда же грозная туча разразилась над его головой: в отпор ему соединились могущественные фамилии и города под именем союза Романьи. К ним принадлежали Малатеста старший из Римини, двое Поленты, подесты Червии и Равенны, и Маинардо Пагани с фаэнтинцами. Вскоре союзникам удалось вытеснить графа из Форли, тем удобнее, что властвовавшие там Кальболези, хотя прежде и считавшиеся вождями гвельфов, тоже присоединились к этому союзу. Вслед за тем граф был изгнан из Чезены (17 июля 1292 г.), и Малатестино поставлен подестой как в этом городе, так и в Бертиноро, а вследствие этого папская власть опять сосредоточилась только в одном Кастракаро.

Главным вождем этого союза был Бернардино ди Монтильяна.

Напрасно старались болонцы действовать как посредники. Вместо того, чтобы внимать их представлениям, Маинардо Пагани укрепил Фаэнцу при помощи союза, и когда болонцы потребовали скрыть вновь возведенные укрепления, то получили решительный отказ.

Наконец в 1294 г. был заключен мир между графом Альдобрандини и союзом Романьи (в Форли 19 мая). С фаэнтинцев снято церковное отлучение, а Маинардо Пагани оказал графу даже некоторые услуги. В Форли возвратились Аргулиози, которые, несмотря на примирение в 1286 г., оставались противниками фамилии Кальболези.

Впрочем, этот мир ничего не изменил в положении партий и был только новым доказательством слабости папского влияния на Романью — влияния, которое Альдобрандини не мог усилить в течение своего трехлетнего управления, так же как и его наследник Петр де Корнэ, отправленный в Романью слабодушным Целестином V (в октябре 1294 г.).

Незадолго до прибытия Петра де Корнэ была изгнана из Форли фамилиями Орделаффи и Аргулиози фамилия Кальболези, а также Гвидо Полента подеста, и затем Маинардо Пагани был поставлен подестой и капитано.

Гораздо более силы получили графы Романьи с того времени, как на папском престоле воссел Бонифаций VIII (в декабре 1294 г.). В мае 1295 г. явился в Романью, в качестве графа, Пиетро, архиепископ монреальский, и начал с того, что потребовал от двух главных вождей союза, Маинардо Пагани и Малатестино, сложить с себя звание капитанов в Фаэнце и подесты в Чезене. Потом он везде хлопотал о возврате изгнанников и о примирении партий. Так, графы Конियो, и между ними особенно Бернардино, жаловались на Маинардо Пагани и требовали срытия укрепления Фаэнцы. Пиетро изгнал вождей противных партий: графов Конियो, Маинардо и Бандино ди Мондильяна, и принудил избрать себя в капитано. Затем он отправил заложников партии Манфреди в Кастракаро, а заложников партии Аккариси в Чезену. В числе последних находился сын Альбериго Конियो, который, следовательно, все еще держался партии Аккариси.

За этим начались мирные переговоры между изгнанными вождями партии в замке Ориоли и, по счастливому их окончанию, торжественно заключен мир на площади в Фаэнце. Здесь же последовало примирение Альбериго Конियो от его имени и от имени его жены с монахом Альберигом де Манфреди (в июне).

Тех же результатов достиг Пиетро и в Равенне, где велел разрушить дома Гвидо и Рамберто Поленты, а наконец и в Римини.

Но и это примирение было не продолжительнее предшествовавших.

В Фаэнце раздались крики: «Форлийцы, форлийцы идут!» — На этот крик, с одной стороны, Манфреди и Конियो, а с другой — Маинардо и его партия выступили с оружием в руках на площадь. Однако ж граф Романьи, в качестве капитано, явился между ними и разнял сражавшихся, после чего каждая партия укрепила улицы своей части города цепями (seragli). Между тем Манфреди начали со своей стороны срывать окопы города, чтобы открыть дорогу друзьям своим из Болоньи, достигшим уже до Имолы. Сведая об этом, Маинардо стремительно ударил на своих противников и вытеснил их из города, сделав это, как кажется, не без согласия графа Романьи. То

же случилось и в Равенне с противниками Поленты и в Бертиноро с гибеллинской партией, во главе которой стоял Бальдипето де Манарди.

При папском дворе, казалось, были недовольны действиями Пиетро монреальского, благоприествовавшего гибеллинам: он был отозван и место его заступил Гюильельмо Дуранте, епископ саниниатский.

С его прибытием, партии, по-видимому, пришли опять в свое старинное естественное состояние: папа объявил себя в пользу гвельфов, которые, со своей стороны, тоже примкнули к нему. Так поступили Поленты, может быть, раздраженные своим изгнанием из Форли или, может быть, как враги фамилии Колонны, злейшей ненавистницы Бонифация VIII. Так поступили и Малатесты, изгнавшие в декабре 1295 г. фамилию Парчитати и их партию из Римини. Напротив, фаэнтинцы, форлийцы и чезенцы крепко держались между собою. Во главе их, как предводители, стояли Маинардо Пагани и Галассио да Монтефельтро, капитано чезенский. Военное счастье благоприятствовало последним: Маинардо Пагани завладел Имолой, одержал победу над болонцами 30 марта 1296 г., изгнал партию Нордоли и возвратил Алидозио и его приверженцев. Вслед за этим союз помог графам Кастракаро завладеть их родовым замком (28 мая).

Вскоре союзники предприняли осаду Кастроново, занятого соединенными Кальболези. Во время осады Кальболези, поддерживаемые равенцами, риминийцами и бертинорцами, сделали нападение на Форли, ворвались в город и убили между прочими Теодериги дельи Орделаффи и Джiovанни дельи Аргулиози. Маинардо, Галассио и Скарпетта дельи Орделаффи, сведав об этом, поспешили из Кастроново в Форли и завладели городом, причем были убиты Реньер и Джiovанни ди Кальболи (15 июля).

Около этого времени союз соединился с Адзо д'Эсте¹ против болонцев, избрав себе главным вождем знаменитого Угуччионе дела Фаджиола².

За ним в этом звании последовал избранный в сентябре того же года Губерт, граф Гиаццоли, сын Паоло Малатесты Прекрасного, изменивший своей партии, вероятно, из мщения за убийство своего отца, совершенное Джiovанни Хромым, супругом несчастной Франчески.

Военные предприятия 1298 г. не столь были важны. В это время сделано несколько попыток к мирным переговорам, которые, однако же, только в начале 1299 г. приняли более благоприятный оборот. Прежде всего маркиз Адзо отделился от союза и при содействии флорентинцев сошелся с болонцами в том, что обе стороны решились представить свое дело на решение папы.

В марте начались переговоры о мире, с одной стороны, между болонцами и их романскими друзьями, а с другой — между городами и дворянством, соединенными с партией ламбертацциев, и начались при содействии фра Анджеоло, приора доминиканского монастыря в Фаэнце, в Кастьел С.-Пьетро. В одно время с этим сближением начались переговоры между общиной Болоньи и изгнанными ламбертацци, причем обе партии решились наконец представить свое дело на суд Матео Висконти, капитано медиоланского, и Альберто дела Скала, капитано веронского. Впрочем, в первых переговорах главнейшее затруднение составлял вопрос: кому должна принадлежать Имола, которую Маинардо Пагани не хотел уступить, тогда как болонцы настоятельно того требовали. Несмотря, однако ж, на это, обе воюющие партии наконец заключили мир 4 мая 1299 г. в местечке Кроче Пеллегрина, недалеко от Кастьел С.-Пьетро.

Кроме возвращения изгнанников во всех городах, постановлено еще было относительно Имолы то, чтобы этот город отдать под покровительство Матео Висконти и Альберто дела Скала до тех пор, пока партии сообща найдут это более ненужным. Несмотря, однако ж, на все это, Маинардо Пагани, как видно из позднейших летописцев, все-таки оставался полным обладателем Имолы до самой своей смерти, последовавшей в 1302 г.

¹ Ада XII, 3 и примеч.

² Ада I, примеч. к ст. 102.

Подсудимыми при этих переговорах явились со стороны джеремеев болонцы со своим подестой Оттеллино Манделло и с капитаном Блазио де Толомеи во главе их; потом Гвидо Полента с общиной равеннской, Бернардино Полента с общиной червийской, Малатеста с общиной риминийской и община Бертиноро; далее графы Конио; изгнанные из Фаэнцы Манфреды, так же как и Кальболези, изгнанники Имолы и, наконец, дворяне вальбонские. Со стороны же ламбертацциев подсудимыми были главный предводитель Заппатино дельи Убертини, общины Чезены, Форли, Фаэнцы, Имолы и Кастракаро; Маинардо Пагани, капитано фаэнцкий и имольский; Галассио да Монтефельтро, капитано чезенский; Уберто Малатестино, граф Гиациоли и графы Кастракаро.

Из всего этого видно, что картина политического состояния Романьи тем превосходнее начерчена Данте, что и в последующие годы вооружения и местные тревоги не прекращались, хотя и не тотчас превратились в настоящую войну.

(Annales Forliv., pag. 133-274. Murat. XXII. Annales Cesenates, pag. 1104-1117. Mur. XIV. Math. de Griffonibus, pag. 123-131. Mur. XVII. Cronica di Bol. pag. 285-301. Mur. ib. Ghirardacci, historia di Bologna, lib. VIII-XII). Филалет.

III

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОБЫТИЙ В ПИЗЕ ВО ВРЕМЕНА УГОЛИНО

К XXXIII песне «Ада»

Партии гибеллинов и гвельфов в Пизе носили наименования партий Конти и Висконти. Во главе последних стояли Висконти пизанские, которых не должно смешивать с Висконти миланскими; а во главе первых графы (*conti*) делла Герардеска. Следующее обстоятельство заставило Висконти присоединиться к папской партии. По завоевании Сардинии пизанцами могущественные фамилии Пизы разделили этот остров между собою. В непродолжительном времени возникли между ними важные несогласия: тогда слабейшие стали искать и действительно нашли защиту у папского двора, который вскоре объявил свои права на обладание этим островом. Убальдо Висконти, долго противившийся таким притязаниям, наконец убедился, что ему легче будет достигнуть своей цели, если он женится на Адельгейде, родственнице Григория IX, владелице Галлур и Торре, и получит эти владения от папы, как ленный вассал его (1239 г.). После этой сделки, на которую пизанцы смотрели очень неблагоприятно, как на меру, ограничивающую их права, Висконти стали судьями Галлур и вождями гвельфской партии в Пизе.

В конце XIII столетия во главе противной партии находился Уголино делла Герардеска, граф Донаратико. Он сблизился с гвельфами тем, что выдал сестру свою за Джованни Висконти. Вследствие этого пизанцы, всегда ревностные гибеллины, выгнали вождей обеих партий из города. Но последние, прибегнув к помощи гвельфских городов Тосканы, старались получить право возврата в отечество и достигли того, что в условиях мира, заключенного в 1267 г., выговорено было между прочим это право для изгнанников. Таким образом Уголино и Нино Висконти (Джованни в это время уже умер) возвратились на родину. Но, невзирая на все это, отношение, в котором Уголино находился к обеим враждующим партиям, придавало всем его политическим действиям характер нерешительности и порождало то недоверие, которое, по-видимому, питали к нему обе партии.

Около этого времени возгорелась продолжительная морская война между Генуей и Пизой. После многих незначительных стычек произошло, наконец, 6 августа 1284 г. большое сражение при Мелории, в котором обе республики измерили свои силы. Это произошло таким образом. Генуэзцы, под предводительством Оберто Дории, явились со 130 галерами перед гаванью Пизы. Из этого числа судов Оберто укрыл 30 галер под командой Бенедетто Закарии за островом Мелория, в том предположении, что пизанцы, имея только 103 галеры, не решатся сделать на него нападение, если увидят его превосходство в силах. Расчет его удался как нельзя лучше: пизанцы, горя нетерпением удовлетворить решительным ударом давнишней своей ненависти к генуэзцам, поспешно посадили на суда войско. При этом не обошлось без дурных предзнаменований: так, летописцы рассказывают между прочим, что при самом отплытии войска у епископа, благословлявшего флот с *Ponte Vecchio*, выпал из рук крест в Арно (*Uberto Folietta, Genuensium hist.*)

Пизанцы вышли в море тремя эскадрами: первую вел Оберто Морозини из Венеции, подеста пизанский, незадолго перед тем избранный пизанцами в *capitano generale della guerra*; второй предводительствовал Андреотто Сарачино, а третьей — граф Уголино. Как только эти эскадры приблизились на такое расстояние, что им уже невозможно было избегнуть сражения, то Бенедетто Закариа показался со своими галерами из засады. Бой был упорный и кровопролитный. Корабль, на котором развизалось пизанское знамя, сдался; адмиральский корабль, где находился Морозини, не выдержал соединенного нападения генуэзского адмиральского корабля и галер Бенедетто Закарии; но, невзирая на это, оставалось еще многое, чтоб совершенно одолеть пизанцев. В эту критическую минуту граф со своей эскадрой обратился в бегство в надежде, что при помощи друзей своих, флорентинцев и луккийцев, успеет покорить своей власти ослабленный этим поражением город. Впрочем, этого обвинения (самого важного) не возводил на него ни один из современных писателей; это говорит только пизанская летопись, составленная в XVI столетии, впрочем, по весьма хорошим источникам. (*Cronica di Pisa, Rer. It. Ser. Tartinio, Vol. I, vag. 564*). Замечательно, что в летописи при

этом сказано: «Secondo che recita Dante», т. е. как повествует Данте (который, впрочем, об этом обстоятельстве совсем не упоминает). Эта ссылка естественно рождает в нас недоверие к составителю летописи, несмотря на то, что он тотчас после нее ссылается и на других историков.

Поражение пизанцев было совершенное и нанесло их морской силе такой удар, что они уже никогда не могли вполне от него оправиться. В то время на это бедствие смотрели, как на возмездие за то, что пизанцы при этом же самом острове Мелории захватили в плен епископов, пливших на генуэзских судах в Рим на собор, созванный против императора Фридриха II.

Пизанцы потеряли 36 галер и до 16 000 человек убитыми и пленными, так что тогда говорили в шутку: «Кто хочет видеть Пизу, пусть едет в Геную».

Касательно участи пленных, принадлежавших отчасти к благороднейшим фамилиям, немедленно сделано было не совсем великодушное решение, именно: постановлено, сколько можно долее держать их в неволе для того, чтобы женам их не позволить вступить во второй брак и таким образом еще более ослабить и без того уже упавшую духом Пизу (*Chron. di Pisa*). Действительно, только по истечении 18 лет 1000 из них получили свободу и возвратились на родину. Над Пизой, казалось, разразились все бедствия: в первые месяцы после упомянутого поражения гвельфские города, в главе которых были Флоренция и Лукка, заключили с Генуей наступательный союз для уничтожения Пизы. Тогда пизанцам не оставалось ничего более, как броситься в объятия графа Уголино, в надежде, что связи с гвельфами дадут ему способ начать переговоры с ними. Поэтому еще в октябре 1284 г. его избрали в капитано и подесты на один год, а в феврале 1285 г. еще на десять лет. К счастью, военные действия генуэзцев против Пизы были отложены до весны. Уголино воспользовался этим временем, чтобы войти в переговоры отдельно с каждой из неприятельских сторон. Прежде всего он отделил от союза флорентинцев, обещав им изгнать гибеллинов, что действительно и исполнил, изгнав десять значительнейших граждан этой партии. Предание, однако же, говорит, что важнейшим поводом к заключению этого отдельного мира с Флоренцией послужило то, что он отправил многим из главнейших вельмож ее бутылки, наполненные не вином, *vernaissa*, а золотом. Не так счастлив был он в ведении переговоров с Генуей и Луккой. Генуэзцам он предложил важную крепость Кастро в Сардинии взамен пленных; но эти последние сами воспротивились такому решению и объявили, что, если ими удастся возвратиться в отечество, они сочтут своим врагом каждого, кто подавал советы на столь бесчестное предложение. Гражданам Лукки он сдал, по их собственному требованию, Рипафратту и Виареджио (в феврале 1285 г.); но это не помешало луккийцам продолжить войну, так что они захватили крепости Куозу и Аване почти в ту самую минуту, как генуэзцы завладели сторожевой башней пизанской гавани (18 июля 1285 г.). Пиза неминуемо должна была бы погибнуть, если бы флорентинцы не отстали от союзников; без их же содействия окончательная гибель этого города была отдалена.

Вскоре после этого Уголино, могущество которого поддерживалось только партией гвельфов, принужден был принять себе в товарищи по управлению республикой племянника своего Нинно Висконти, достигавшего в то время совершеннолетия (*Framm. hist. Pis. Mur. Rer. It. Scr. Vol. XXIV*). Понятно, что между ними полного согласия не могло существовать, особенно с той поры, как Нинно начал видимо склоняться к гибеллинам: но раздор обнаружился только тогда, как Ганно Скорниджиано, приверженец Висконти, был умерщвлен на *Lung' Arno* внуком графа, Нинно, прозванным *il Brigata*, и его товарищами. Пылая мщением, Висконти пытался произвести восстание в народе, заставив своих приверженцев кричать по городу: «Смерть всем, кто не хочет мира с Генуей!» Но так как всем было известно, что он желает не мира, а только падения графа Уголино, то и не нашел никакого к себе сочувствия. Тогда Нинно Висконти обратился к консулам моря и к старшинам цехов, которые и принудили Уголино удалиться из *Palazzo del Popolo* и передать сан капитано Гвидочино де Бонджи, уже бывшему подестой города (в декабре 1287 г.)¹.

¹ Podesteria — собственно, обязанность судебная, не давала большого влияния; она большей частью возлагалась на иноземцев, как на людей чуждых духу партий. Нередко власти республик передавали ее лицам совершенно второстепенным, как, по-видимому, было и в этом случае.

Вожди обеих партий вскоре увидели, что власть их ослабевает и потому немедленно условились действовать заодно, чтобы возвратить утраченное могущество. Случай к этому вскоре представился: по повелению Гвидоччино один из прежних служителей графских был арестован. Уголино, тщетно старавшийся освободить его, принял это за личное себе оскорбление и потому, договорившись с Нино, вместе с ним и своими приверженцами завладел ночью Palazzo del Popolo и таким образом удалил из города Гвидоччино, выплатив ему то, что стоило его содержание (в марте 1288 г.).

Затем Уголино поселился сам в Palazzo del Popolo, а Нино избрал себе местопребыванием Palazzo del Commune — жилище подесты.

В эту-то эпоху Уголино спросил умного Марко Ломбарди на пиру, данным им в день своего рождения: «Что скажешь, Марко, о моем положении?» Марко отвечал: «Тебе, граф, недостает гнева Божьего!»

Гнев Божий, однако же, не замедлил над ним разразиться.

С восстановлением прежней власти снова пробудились несогласия. В то время (в апреле 1288 г.) находились в Пизе доверенные от пизанских пленников, прибывшие для переговоров к заключению мира с Генуей, о котором хлопотали сами пленники. Уголино был против мира, потому ли, что боялся возвращения пленников, или, может быть, потому, что считал его для себя невыгодным; Нино, напротив, сильно стоял за мир. Наконец первый должен был уступить общему голосу, и Рамиери Зампанте был отправлен с полномочием в Геную. Граф и тут еще пытался расстроить переговоры и, несмотря на перемирие, заключенное в Сардинии, где находился сын его Гвельфо, позволил корсарам тревожить генуэзцев (май 1288 г.).¹

Около этого времени возникла между ссорившимися властителями третья партия, партия старых, истых гибеллинов, к которым принадлежали могущественные фамилии Гваланди, Сисмонди и Ланфранки. Во главе их стоял архиепископ Пизы, Руджиери дельи Убальдини, родом гибеллин из Арещо. Уголино искал союза с этой партией, чтобы при ее помощи отделаться от Нино. Между тем одно происшествие едва не прервало начатые переговоры. Дороговизна припасов возбудила неудовольствие в народе, который — как обыкновенно бывает в этих случаях — всю вину дороговизны слагал на дурное управление графа. Одному из внуков графа Уголино дал знать об этом настроении умов тестя его, Гвидо капронский; а этот передал о том графу и предложил ему понизить цену на необходимейшие жизненные потребности. Уголино при этом предложении пришел в такую ярость, что, выхватив кинжал, поранил ему руку, говоря: «Изменник, ты хочешь лишить меня моей власти!» Другой его родственник и вместе с тем племянник архиепископа выставил ему на вид всю необдуманность этого поступка; но Уголино, вне себя от бешенства, ударил его в голову и тот упал мертвый. Труп принесли к дяде и сказали: «Вот твой племянник; его убил граф Уголино!» Но Руджиери, находившийся в это время в хороших отношениях с графом, отвечал: «Унесите труп! Это не племянник мой. Я не знаю, имел ли граф какую-нибудь причину умертвить моего племянника; мне, напротив, известно, что он всегда обращался с ним как с родственником. Не говорите более об этом». Мнение свое Руджиери приберег для другого, более удобного времени. До сих пор непонятно, как Уголино, нанеся такое оскорбление Руджиери, решился оставаться с ним в приязни: это можно объяснить только высокомерием счастливого тирана или собственными не совсем честными намерениями². Как бы то ни случилось, союз между ними был заключен. Уголино, вероятно для того, чтобы

¹ Хотя генуэзские писатели приписывают этот поступок Уголино и Нино обоим вместе, однако ж часто приводимая нами летопись Пизы называет виновником всего дела одного Уголино, что и вероятно, по всему ходу дел.

² Из Пизанской летописи, кажется, следует заключить, что это происшествие случилось в эпоху между изгнанием Нино и падением Уголино. Но Framm. Hist. Pis. прямо говорит, что падение Уголино воспоследовало на другой же день после изгнания Нино (l' altro die); другой, тоже современный, отрывок (Murat, *Rer. Ital. Scr.* Vol. XXIV, p. 695), очень точный в хронологии, говорит об этом происшествии, как о случившемся *die sequenti*: приняв эти неопровержимые свидетельства, найдем, что для совершения убийства племянника Руджиери не остается времени. Следовательно, нужно допустить, если принять это происшествие за исторический факт, что оно «совпадает» с эпохой переговоров, веденных с Уголино, что подтверждает и самый образ действия архиепископа. Само собой понятно, что отношения обоих людей одного к другому, и в особенности образ действий Руджиери, представляется нам через это совсем в ином свете, подтверждающем более приговор поэта.

не вовсе потерять доверие гвельфов, остался в своем поместье Settimo в день, назначенный для восстания, т. е. 30 июля 1288 г., когда гибеллинская партия поднялась на Нино. Этот последний, чувствуя невозможность сопротивляться и догадавшись об измене графа, отказавшего ему в помощи, покинул в полдень город со всей своей партией и удалился в свои замки. Между тем отсутствие Уголино, как и всякие полумеры, повредило его же собственному делу. Гибеллины осадили Palazzo del Commune; а Гаддо, сын Уголино, так же как и Бригата, внук его, вероятно, не совершенно знавшие его намерения, решились, вопреки приглашению к сдаче, защищать дворец. Наконец к вечеру прибыл Уголино; но тогда гибеллины стали предлагать требования более решительные: они настаивали, чтобы Уголино взял в товарищи своей власти архиепископа или кого другого из их вождей. Это было весьма неприятно графу. Обещание, принесенное им на другое утро в церкви Bastiano, не повело ни к каким результатам, ибо в это самое время архиепископ (Scr. rer. Ital. Vol. XXIV, p. 652) неожиданно получил известие, что Бригата, внук графа, намерен ввести в город отряд из 1000 человек воинов через Porte alla Spina на Арно. Тотчас велел он ударить в набатный колокол Palazzo del Commune при криках народа: «К оружию!» Уголино, со своей стороны, тоже велел бить в набат в Palazzo del Popolo: в городе произошла битва. Партия Уголино, смятая и оттесненная, принуждена была защищаться в Palazzo del Popolo, который скоро был взят приступом и зажжен. Уголино со своими сыновьями Гаддо и Угуччоне и внуками Нино, по прозванию Бригата, и Ансельмуччио (некоторые упоминают еще о третьем, Энрико) взяты в плен. Сперва их заключили на 20 дней в Palazzo del Commune, а потом содержали в башне Гваланди, прозванной alle Settevie (ибо к ней вели семь дорог), на площади dei Anziani, где они и оставались до марта следующего года (1289).

В марте пизанцы, несмотря на отчаянные крики заключенных, громко умолявших о помиловании, велели запереть башню, а ключи бросить в Арно, не дозволив несчастным даже духовного утешения, о котором они тщательно просили. По прошествии восьми дней отворили башню и умерших голодной смертью похоронили с оковами на ногах в францисканском монастыре. О последнем обстоятельстве упоминает пизанский комментатор Данте Франческо ди Бути, видевший эти цепи, когда были вырыты скелеты несчастных.

Данте упрекали в том, что он будто бы без основания приписал это злодеяние архиепископу. Даже Тройя в своем *Veltro allegorico* обвиняет его за то, что он только один из всех своих современников утверждает это, и присовокупляет, что Руджиери поставлен был в сеньоры Пизы только на пять месяцев (след. только до ноября 1288 г.), что место подесты после него занял Вальтер де Брунефорте и что уже по прибытии Гвидо да Монтефельтро (в мае 1290 г.) Уголино уморили голодом. Но вина несколько не падает на последнего. Это вполне доказывается тем, что по старинным отрывкам Пизанской Истории обнаруженным Муратори (Vol. XXIV Scr. rer. Ital.), видно, что башню заперли за несколько дней до его прибытия, что Гаддо и Угуччионе уже погибли и что остальные умерли на той же неделе. Поэтому, скорее, можно думать, что если бы Гвидо прибыл несколько раньше, то он, вероятно, воспрепятствовал бы совершению такого страшного дела. Злодеяния этого нельзя приписать и Вальтеру де Брунефорте, ибо подесты, подобные ему, во времена бурные имели обыкновенно очень мало влияния, тем более что и Руджиери, как кажется, не уступил сеньории своего политического могущества. Это можно заключить из того, что в упоминаемой летописи есть следующее место: «В Пизу призвали графа Гвидо да Монтефельтро, потому что во время этих военных смут казалось вредным иметь во главе республики человека духовного сана». Во всяком случае, Руджиери, как глава господствующей партии, должен был иметь сильное влияние на образ ее действий, и мы действительно находим в одной старинной летописи, *Cronica di Pisa* (Mur Scr. rer. Ital. Vol. XV p. 979), писанной, вероятно, в конце XIV столетия и следовательно почти современной, что смерть графа приписывается архиепископу и другим вождям гибеллинской партии. Наконец Уберто Фолиетта, основательный, хотя несравненно позднейший генуэзский историк, говорит утвердительно, что Руджиери для того избрал такой страшный род смерти, чтобы буквально исполнить правила церкви, запрещающие духовным всякое пролитие крови. Еще можно почти с вероятностью заключить, что Уголино обречен был этой казни с тем, чтобы вынудить у него уплату 5000 флоринов пени.

(Muratori, *Rer. It. Scr.* Vol. XV и XXIV; *Cronica di Pisa*, Fragment. histor. Pisan.; Uberto Folietta, *Genues. hist. Libr. X*; *Cronica di Pisa*, *Rer. It. Sc.* di Iuseppe Tartinius Vol. I). Филалет.

IV КОСМОЛОГИЯ ДАНТОВОЙ ПОЭМЫ¹

Ни в чем не проявляются в такой полноте творческая сила и самостоятельность певца Божественной Комедии, как в тех воззрениях, которые имел он о мире и которые развил так подробно в своей великой поэме. Знать космологическую систему Данте необходимо тому, кто желает иметь ясное понятие о месте действия замогильного его странствования, почему и считаем нужным сказать несколько слов о Космологии Дантовой поэмы.

Мысль о загробной жизни сильно занимала умы в Средние века: поэтому еще задолго до времен Дантовых ходило в народе множество поэтических сказаний и легенд о странствованиях по аду, чистилищу и раю². Но из предшественников Данте только немногие проникали в одно время во все три области невидимого мира; обыкновенно ограничивались они адом и раем, адом и чистилищем, всего же чаще одним только адом. Данте едва ли не первый обозрел одно за другим все три царства и притом в обратном порядке — снизу вверх. Этого требовало отчасти и теоретическое воззрение на замогильные странствования, составившееся в Средние века. «Кто хочет вознестись до созерцания величия Божия, — говорит Бернард де Клерво, — да очистит сердце от грехов, а этого всего лучше достигнет он видением Божьего суда»³. Созерцать величие Божие во всей его полноте можно только на небе, очистить сердце от грехов (по понятиям католической церкви) в чистилище, суд же Божий всего ужаснее является в аду. Вот путь, который долженствовала совершить фантазия поэта. Верный этой идее, Данте, для изображения сцен своего восторженного видения, прибегает к данным тогдашней науки и ко всем вымыслам, бывшим в ходу касательно видимого и невидимого миров; но, ничего не создавая, а только пользуясь тем, что до него существовало, он перерабатывает весь этот богатый поэтический материал в одну систему, в одно великое целое.

В основании Космологии Данте, как и во всем мирозерцании Средних веков, лежит единство религии с физикой. Только при таком условии возможна поэма, подобная Божественной Комедии: как скоро это единство нарушилось вследствие успехов науки, вследствие великих открытий в области естествознания, тотчас поэзия невидимого мира утратила прочную основу, на которой дотоле зиждилась. Вот причина, почему поэмы Мильтона и Клопштока не могли иметь успеха; она же составляет и ту необъятную выгоду, которой пользовался Данте и которая скоро сделала его поэму недоступной ни для какого подражания.

Данте, помещая землю в средоточии вселенной, представляет ее себе, подобно Гомеру, в виде острова, омываемого морем⁴, и придает ей шарообразный вид. В ее недрах он помещает ад, согласно с господствовавшим тогда мнением; но, вопреки любимым легендам Средних веков, отделяет от него чистилище⁵. Помещая ад в недрах земли, он следует отчасти верованиям Древнего мира, полагавшего обитель мертвых под землей, ибо еврейский *Scheol*, *infernum*, как и Гадес древних, надобно искать там же⁶; частию вынужден к тому необходимостью, потому что, приняв землю, по системе Птолемеевой,

¹ Источниками для этой статьи служили: Dr. F. Wegele, *Dante's Leben und Werke*. Jena 1852. Dr. E. Ruth, *Studien über Dante Alighieri*. Tübingen. 1853. Philaletes, *Ueber Kosmologie und Kosmogonie nach den Ansichten der Scholastiker in Dante's Zeit, zu Gesang I des Paradieses*.

² Ниже мы будем говорить подробнее об этих легендах и покажем, какое влияние имели они на творца Божественной Комедии.

³ St. Bernardus, *De Consideratione*, Lib. V, в конце.

⁴ Ада XXXIV, 106-124. То же мнение высказывает и его учитель Брунетто Латини в своем *Tesoro*.

⁵ Сюда принадлежит в особенности чистилище св. Патриция. *Legenda Aurea*, cap. 50, ed. Graesse, p. 213. — Особо любили помещать ад и чистилище в вулканических странах.

⁶ "Sed ut Deos esse natura opinamur, qualesque sint ratione cognoscimus, sic permanere animos arbitramur consensu nationum omnium; qua in sede maneat, qualesque sint, ratione discendum est. Cujus ignoratio finxit inferos, easque formidines, quas tu contemnere non sine causa videbare. In terram enim cadentibus corporibus, hisque humo tectis, e quo dictum est *humari*, sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum. Quam eorum opinionem magni errores consecuti sunt; quos auxerunt poetae". Cic. *Tusc. Quaest.* I, 16.

за средоточие вселенной, он не имел другого места для ада, ибо то, что окружает землю, есть уже небо.

В самом нижнем углу ада, достигающего до центра земли, стало быть, в самом центре вселенной, он назначает место Люциферу, материальному началу зла, и притом помещает его так, что середина тела его составляет центр, к которому тяготеет со всех сторон все тяжелое¹. Космологическое воззрение тут, очевидно, подчинено учению нравственному. Как к центру земли, по закону тяготения, стремятся все тяжести, так к Люциферу, злему, тяжелому началу в нравственном мире, тяготеет все то, что в ущерб духу прилепилось к греховному, земному, что не озарено светом познания и религии, и притом тяготеет, так что чем более выражен в нем характер этой материальности, этого эгоистического отчуждения от неба, тем ближе оно к страшному средоточию.

Далее, по понятиям Данте и географов его времени, обитаема только наша половина земли, другая же покрыта морем. Средину, а вместе с тем высшую точку на нашем полушарии, составляет Иерусалим, именно гора Голгофа: мнение общее для Средних веков, основанное на словах библейских². Так обозначалось и на картах того времени, определявших всегда место и аду, и чистилища, и земному раю³. Впрочем, это мнение о центральной точке на земле принадлежит не одним Средним векам: уже халдеи принимали Вавилон, а греки Дельфы за средоточие или «пуп земли».

Но морем полушарие, противоположное нашему, не всегда было покрыто. Переворот в распределении суши земного шара Данте приписывает падению ангелов. По его представлению, Люцифер, свергнутый с неба, пал на полушарие, противоположное Иерусалиму, и там вонзился, как стрела в толщу земли, так что серединой своего тела, по закону тяготения, остановился в центре земли, обратясь при этом головой к европейскому, а ногами к противоположному полушарию⁴. Суша, покрывавшая до того времени противоположное полушарие, в ужасе от этой катастрофы покрылась волнами океана; часть же земли, составлявшей эту великую сушу, отошла к нашему полушарию и тут, поднявшись вверх, образовала самую высокую точку на земном шаре — Иерусалим с горой Голгофой. Между тем та земля, которую Люцифер вытеснил из глубины своим падением, выскользнула из-за ног его и, устремившись вверх из середины моря, поднялась на противоположном нам полушарии в гору чистилища. Как гора примирения — Голгофа, так и гора очищения — чистилище, находясь на противоположных полушариях, обе лежат на одной умственной линии так, что продольная ось, проведенная вдоль тела Люциферова и продолженная до поверхностей обоих полушарий, пройдет с одной стороны чрез Иерусалим, а с другой — чрез гору чистилища (см. таб. в конце приложения). Таким образом гора Голгофа и гора чистилища, обе, имея одно космологическое происхождение, суть вместе с тем и настоящие антиподы.

Здесь опять космологическое воззрение подчинено нравственному. Падение Люцифера послужило поводом к греху⁵, но в то же время послужило образованию той горы, на которой, согласно с учением католической церкви, очищаются покаянием слабости и грехи человеческие; а с другой стороны, и той, где вечная любовь принесением неизреченно великой жертвы дала человеку возможность примириться с небом. Таким образом Данте согревает всю свою систему мироздания светом и духом, почему и можно рассматривать всю его поэму, как одушевление вселенной⁶.

Сколько до сих пор известно, поэтическая мысль эта о происхождении горы Голгофы и чистилища принадлежит исключительно одному Данте: по крайней мере, во множестве средневековых легенд, изображающих замогильные царства, чистилище помещалось обыкновенно в недрах земли и в соседстве с адом⁷. В противоположность всем этим мрачным сказаниям, Данте, только один из

¹ Ада XXXIV, 109.

² Так говорит Господь Бог: это — Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земли. Иезекииля, V, 5.

³ Santarem, Essai sur géographie et cartographie en moyen age. Paris. 1848. Т. I.

⁴ Ада XXXIV, 121-126.

⁵ Ада XXXIV, 34-36.

⁶ Abeken, Beiträge für das Studium der Göttlicher Comödie Dante Allighieri's. Berlin und Stettin. 1826, p. 300.

⁷ St. Patrick's Purgatori: an Essay on the Legends of Purgatori, Hell and Paradise current during the middle age. By Thomas Wright. London. 1844.

своих современников, помещает гору чистилища под открытым небом. Западный Океан, по средине которого Данте назначает место этой горе, в то время был не только неизвестен, но и все попытки исследовать его считались нарушением воли Божией, высшим нечестием. Тогда столпы Геркулесовы (нынешний Гибралтарский пролив) почитались крайним пределом, за который не должен выходить никто из смертных (пес *plus ultra*). Согласно с преданием Улисс, влекомый пагубным любопытством, переступил эту заповеданную грань и достиг чистилища; но зато буря, поднявшаяся от таинственной горы, потопила как его, так и всех его спутников¹. На этой-то горе Данте поместил свой земной рай: соединение новое и прекрасное, подавшее повод Колумбу, как некоторые, впрочем, ошибочно полагали, открыть Новый Свет. Идея о земном рае есть, как известно, идея весьма древняя, берущая свое начало из Библии². Люди всегда мечтали о том, где найти место совершенного блаженства, и эта мечта принадлежала как христианским, так и самым древним дохристианским народам. Представления о библейском эдеме напоминают сады гесперидские греков, которые всегда помещали их в отдаленнейших точках известного им мира. Чем более расширялись сведения географические, тем далее отодвигались гесперидские сады. Так, было время, когда помещали их в великом оазисе Аравии, потом на границе Великих Сиртов, вблизи Атласа; отсюда перенесли их на Канарские острова, названные потому Блаженными или Гесперидскими³. То же самое было и с верованием о христианском эдеме. Едва ли что-либо занимало Средние века так сильно, как желание определить место, где находится земной рай: он долго был предметом тщательнейших исследований, над которыми ломали головы учнейшие географы и богословы того времени. Все их исследования по этому предмету можно разделить на две группы: одни ученые помещали земной рай на твердой земле, другие — на острове; первые — в Азии, вторые — на восток от Азии. Все, впрочем, соглашались в том, что земной рай находится на высокой горе, ближе к месяцу, чем к земле, и совершенно недоступен для смертных. Первые назначали ему место в Палестине, Месопотамии, на острове Цейлоне, или далее на восток; другие — на море, омывающем восточный берег Азии. Смотри по тому, какого из этих мнений придерживались составители карт, в Средние века всегда означали на своих ландкартах место земного рая. Господствующим мнением, однако ж, было, по-видимому то, что земной рай лежит на самом дальнем востоке от Азии, и мы знаем, что Колумб, достигнув берегов острова Гванагани, при виде роскоши и плодородия этих стран действительно думал, что он недалек от земного рая⁴. Итак, смелое нововведение Данте в географических воззрениях того времени состоит только в том, что он перенес земной рай с востока далее на запад⁵ и глубокомысленно поместил его на вершине горы чистилища.

Много было споров между толкователями Данте о том, не имел ли он действительно некоторых сведений о противоположном полушарии. Поводом к этим спорам служили четыре звезды, которые Данте видит от подошвы горы чистилища на небе южного полюса.

Io mi volsi a man destra, e posì mente
All' altro polo'e vidi quattro stelle
Non viste mai fuor che alla prima gente⁶

Это созвездие Креста на южном небе. Одни думают, что Данте мог предчувствовать, догадываться о его существовании; по мнению же других, он действительно имел о нем надлежащие сведения⁷. Одни полагают, что итальянские мореплаватели могли слышать в Египте об индийских

¹ Ада XXVI.

² Кн. Бытия I.

³ Washington Irving, History of Christ. Colomb. IV. Appendix.

⁴ Wash. Irving, L. cit. Т. II, 355.

⁵ Ада XXVI, 124-129 и примеч.

⁶ Чистилища I, 22-24.

⁷ Kritische Untersuchungen über die historische Entwicklung der geographischen Kenntnisse von der Neuen Welt u. s. von Alex. v. Humboldt. Aus dem Französischen von Ideler. II. Bd. 3. Lief. S. 517. — Santarem, Essai sur la cosmographie et cartographie ets. II. 102.

наблюдениях над этим созвездием и принести первую весть о нем в Италию; другие, напротив, приписывают первые сведения о Южном Кресте арабам и в доказательство своего мнения приводят арабский глобус неба, сделанный в 1215 г., на котором нельзя не узнать изображения Южного Креста. Как бы то ни было, почти невозможно сомневаться в том, чтобы Данте не имел ясных сведений о существовании этого созвездия.

Третий акт Дантовой трилогии совершается на небе. В изображении этой последней области невидимого мира Данте уже не следует народным сказаниям и легендам, а излагает целую систему — систему схоластиков, основанную преимущественно на космологических воззрениях Аристотеля.

Учение Аристотеля о природе сделалось достоянием Средних веков преимущественно через арабов, от которых перешло к ним не в первоначальной чистой своей форме, а смешанное с множеством идей платонических и неоплатонических. Особенно важную роль играла в этом отношении книга, приписываемая неоплатонику Проклу (род. 412 г. по Р. Х.) «О причинах», „*De causis*“, называвшаяся также „*Elevatio theologica*“; эта книга, впрочем, была известна в Средние века только в арабском переводе. Альберт Великий посвятил ее толкованию целое сочинение: „*De causa et processu universitatis*“, а Фома Аквинский написал о ней свой собственный трактат (*expositio*), в котором указал на многие места, где воззрения Прокла совпадают или где не совпадают с христианским учением¹. Кроме этих творений, схоластики, а по следам их и Данте, в учении об интеллигенциях, или ангелах, следовали в особенности книге: „*De coelesti hierarchia*“, приписываемой Дионисию Ареопагиту.

Небо, согласно с учением схоластиков, состоит из благородных небесных тел, или из первичной (нерожденной) или неразрушимой небесной материи². С этой первичной материей неразрывно связана первичная сила, как душа с человеческим телом. Сила эта истекает из интеллигенций и есть животворное начало неба³. Ее бытие и сущность (то, что она есть) исходят прямо от Бога. Небо, относительно своей причины, существовало до времени, ибо и само время произошло от его движения; но в отношении периода своего существования небо современно времени, ибо движение неба началось в момент его создания. Движение это есть движение круговращательное, приличествующее небу как движение наиполнейшее. Оно не есть передвижение с места, но только относительное, именно в отношении к земле, которая неподвижно утверждена в центре вселенной.

В небесном пространстве, сообразно с системой Птолемеевой, единственной в Средние века, вращаются планеты и другие светила. Сверх того Данте принимает четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю.

Стихия земли составляет нашу планету, которая, как твердое, неподвижное тело, помещена в середине всего мира. По ней разливается вода, покрывающая, как мы видели, почти все противоположное нам полушарие. Землю окружает воздух, не образующий, впрочем, настоящей сферы. Над этим воздушным пространством возносится огонь, как стихия легчайшая; он примыкает к небу или сфере луны, служа местом рождения для грома и молнии, откуда она, вопреки натуре своей, иногда низвергается на землю⁴. Над сферой огня распростерты девять небесных кругов или, собственно, девять прозрачных, полых, одна в другой помещенных сфер⁵. Семь низших кругов принадлежат семи (тогда известным) планетам. Самый внутренний или ближайший к земле круг есть круг Луны, за которым следует круг, или сфера Меркурия, за ней сфера Венеры и Солнца; далее сферы Марса, Юпитера и Сатурна и наконец небо неподвижных звезд. Над небом неподвижных звезд, согласно с астрологическим учением Средних веков, движется кристальное небо, *primum mobile*⁶, над

¹ Summa Theologiae. Pars I.

² Рая VII, 66-69.

³ Рая II, 139-141.

⁴ Рая I, 79-81, 92, 114, 133.

⁵ Чистилища III, 29.

⁶ Convivio II, 4.

которым покланяются так называемое огненное небо, или эмпирей, истинный престол божественной славы, обитель ангелов и блаженных (см. таб. в конце приложения). Эмпирей не есть тело, но вне всякого пространства объемлет вселенную и простирается в бесконечность. Он в вечном покое и состоит из чистейшего света. Напротив, *primum mobile* есть уже тело, но тело величайшее в мире¹, движущееся из всех небес с величайшей быстротой. Все части его возвышены, полны жизни и все совершенно одинаковы². Небо неподвижных звезд содержит в себе бесчисленное множество светил; напротив, остальные семь кругов имеют каждый по одной планете. Сами же звезды составляют существо неба; они заключены в нем, образованы из небесной материи, одарены величайшей восприимчивостью к влиянию высших сил и только этим и отличаются вообще от своего неба³.

Круговращение неба и его светил есть причина возникновения и бытия низшего мира. Образ (форма) всех вещей лежит в звездах, как в мастерских великого художника мира⁴. Звезды обуславливают преимущественно безостановочно совершающуюся периодичность и последовательность рождения и разрушения. Для этого необходимы многообразные и разнообразные движения небесных тел, косвенное к экватору направление зодиака, на котором вращаются планеты, периодическое удаление и приближение солнца, кривая линия, им описываемая, различная высота стояния звезд, зависящая тоже от наклона экватора и эклиптики одного к другой⁵. Каждый из девяти небесных кругов, как прозрачная полая сфера, имеет два полюса и экватор, и все вращаются с различной скоростью на своей оси, проходящей через землю, как центр мира. *Primum mobile* и небо неподвижных звезд сообщают свое движение прочим в них заключенным кругам. Но, кроме этого движения, сферы планет имеют еще свое собственное, зависящее от разнообразного их положения. Планеты, как благороднейшие части неба, утверждены на экваторе своего небесного круга: по крайней мере, так думает Данте относительно солнца. Совсем иное мнение имеет он о планете Венере. На экваторе круга Венеры укреплена не сама планета, а невидимый центр столько же невидимого круга, который, естественно, не концентричен с кругами других сфер. Этот невидимый круг называется эпициклом Венеры. Он обращается в 348 дней вокруг своего центра, вместе с планетой Венерой, которая, сверх того, вращается и вокруг своей оси. Но как центр эпицикла постоянно обращен к солнцу, то ясно, что планета, находящаяся у периферии, в одну половину периода своего обращения должна находиться с одной, а в другую половину — с другой стороны солнца, а потому и является то утренней, то вечерней звездой⁶. Это пересечение зодиака планет с экватором неба неподвижных звезд необходимо для жизненного развития низшего мира; ибо, «если бы путь планет не был косвенным, многие бы силы в небе остались тщетными и почти все потенции на земле не перешли бы в действительность, и если бы ход их уклонился более или менее от надлежащего, то в мире, как вверх, так и вниз, нарушился бы всякий порядок»⁷, т. е. если бы, напр., солнце ходило параллельно экватору, то лето не сменялось бы зимой и жизнь органическая могла бы развиваться только при экваторе.

По различному влиянию небесных кругов на возникновение и поддержание жизни в мире, Данте разделяет их следующим образом:

1) Первый двигатель, эмпирей, как орудие, чрез которое небесная сила может передаваться низшим телам. Эмпирей есть самое высшее небо, объемлет все тела, но сам ничем не объемлется. Исполненный вечного огня и света, он цель вечных желаний для всех прочих небесных сфер и всего мира⁸. В нем движутся все тела, сам же он пребывает в вечном покое, ибо во всех частях своих совершенно доволен. Он круг чистейшего света и любви, не восприимчивый ни от какой

¹ Рая XXX, 38.

² Рая XXVII, 99-120.

³ Рая II, 115-120.

⁴ Convivio II, 4.

⁵ Рая II, 127, X, 7.

⁶ Karl Witte zu Dante's Iur. Gedichten. S. 64. Convivio II, 4.

⁷ Рая X, 7-21.

⁸ Рая I, 76.

телесной субстанции своей силы (влияния, впечатления), круг, на который непосредственно ничто не действует, кроме Бога¹. Он называется эмпиреем, огненным небом, не потому, чтобы состоял из материального огня, но потому, что исполнен огня духовного, святой любви: он воспринимает наиболее света и величия Божья, ибо содержит все, сам же ни в чем не содержится². В нем престол Божий, безмятежный и мирный, *quæto e pacífico*; в нем обитель блаженных.

2) *Primum mobile* возвращается с непостижимой быстротой внутри эмпирея, ибо каждая частица его имеет пламенное стремление соединиться с каждой же частицей эмпирея³. *Primum mobile* составляет границу природы, ибо от него начинается каждое движение, вследствие которого низшие круги могут оказывать свое действие на стихийный мир. Оно служит мерилom для движения всех низших кругов. В нем время имеет свой корень, в других же кругах свои ветви, т. е. вне его нет времени; вообще от него зависит время. Меньшие деления времени на годы, месяцы, дни и ночи и проч. совершаются при посредстве других кругов⁴. Итак, из этой сферы неба исходит каждое движение в мире во всем его пространстве, начиная от неподвижного центра вселенной, земли, до столько же неподвижного, в вечном покое пребывающего эмпирея. Движением этого *primum mobile* высший двигатель мира управляет всеми прочими небесами во всех их частях, всеми их двигателями и движениями⁵. Следовательно, от силы его зависит, бытие всех вещей в мире, который он собой объемлет⁶. Потому-то Данте и называет его царственной мантией над всеми покровами вселенной, оживленной и согретой наиболее дыханием и творческой силой Божества⁷.

3) Небо неподвижных звезд, с бесчисленным множеством светил и созвездий должно раздроблять общую сущность вещей, зависящую от силы предыдущего круга, *primum mobile*, на множество отдельных существ и чрез то содействовать общему, проявляющемуся из божественной идеи в *primum mobile*, стремлению развиваться в бесконечное число неделимых⁸. Потому это небо имеет только одно движение от востока к западу, но зато включает в себе множество звезд, отличных от него, но содержащихся в нем.

4) Семь планетных небес, или сфер, различными своими отношениями и влиянием направляют отдельные существа, происшедшие из общей сущности, к определенной им цели и содействуют жизненному развитию зародышевых сил (*rationes seminales* схоластиков) в стихийном мире⁹. Каждое планетное небо имеет по одной только звезде, но совершает различные движения. От этих движений каждое небо приходит в различную связь с различными созвездиями неба неподвижных звезд, а эта перемена положений обуславливает различное его влияние на стихийный мир¹⁰. Таков, напр., Марс, когда он возвращается к своему Льву для того, чтобы под его ногами зажечься новым пламенем¹¹. Марс высылает из себя огненные метеоры, предвестники бедствий. Потому более или менее блестящий красный цвет его и большая или меньшая густота воспламененных паров, следующих за ним, суть более или менее важные признаки его силы¹². Потому же самому и стояние солнца в созвездии Блинецов в минуту рождения Данте имело столь великое значение для его духовного развития¹³. Но из всех планет Данте с особенным уважением называет солнце. Оно величайший служитель природы, запечатлевающий силой неба всю вселенную, освещающий

¹ Рая XXVII, 112-114. Чистилища XXVI, 61. Рая XXX, 38.

² *Convivio* II, 4. Письмо к Кану Великому §§ 24-27.

³ *Convivio* II, 4. Рая I, 76; XXVII, 90.

⁴ Рая XXVII, 115-120.

⁵ *Monarchia* I, 11.

⁶ Рая II, 112.

⁷ Рая XXIII, 112.

⁸ Рая II, 115-117.

⁹ Рая II, 118-120.

¹⁰ Рая XX, 13. XXX, 109.

¹¹ Рая XVI, 38; XIV, 85.

¹² *Convivio* II, 14. Ада XXIV, 145. Чистилища II, 13. Рая XIV, 85.

¹³ Рая XXII, 112-117.

все небеса и неподвижные звезды¹ и делящий своим светом время². Солнце — отец всей земной жизни³, отец человеческого рода⁴. Соединенные с соком гроздий лучи его образуют вино⁵ и пр.

Таким образом все эти органы мира размещены ступенями, так что, воспринимая от высших ступеней, передают свою силу низшим⁶. Чем совершеннее материя, чем благороднее форма, чем полнее соединились они между собой, тем благороднее, прочнее продукт этого соединения. Многие формы так глубоко погрязли в материи, что свет разума является в них как бы помраченным. В таком случае уже не образуются души, но возникают простые формы природы, формы веществ неорганических. Если материя и форма несколько благороднее и если совершеннее их взаимное соединение, то луч и движение светил образуют из них животных и растения с их душой⁷ и т. д.

Итак, круговращение неба и его светил есть причина возникновения и бытия низшего мира. Но движения небесных тел и их влияние не есть нечто случайное, напротив, управляется внутренней необходимостью, началом, которое их оживляет, передает им свою силу и сообщает различный объем и блеск светилам. Это начало суть интеллигенции или, говоря обыкновенным языком, ангелы. Каждое небо, каждое движение имеет свою интеллигенцию⁸. Интеллигенции суть только идеи или субстанции, отделенные от материи⁹. Число их превосходит всякое число и всякое понимание¹⁰. Одни из них созерцают, другие осуществляют величие Божие: потому есть интеллигенции созерцательные и активные. Данте принимает девять ангельских чинов, подразделенных на три иерархии, как принимает церковь со времен Дионисия Ареопагита. Интеллигенции приводят в движение планеты не непосредственно своим присутствием, но волей и мышлением, не телесно, но излиянием силы¹¹. Все это воззрение принадлежит не одному Данте, но было тогда господствующим и в виде науки изложено величайшими богословами Средних веков: Фомой Аквинским, Альбертом Великим и др. Данте в своей дивной картине неба допускает и гармонию сфер¹², — теорию, созданную воображением Платона, которую хотя Аристотель и опроверг, однако ж Данте, ревностный его последователь, принял учение Академика по причине ее поэтичности.

Далее все, что движется во вселенной, движется к предназначенной от Бога цели. Бог сам — конечная причина каждого движения, Он же и цель оно. Он — предмет желаний, исполняющих все органы мира и дающих им существование. Форма же, в которой успокаивается это желание, чрез которую мир становится богоподобным, есть установленный от Бога порядок, ему же подчиняются все вещи¹³.

Великое же начало, сохраняющее весь этот порядок, сообщающее движение всему миру и дающее ему вечное бытие, есть враждебное каждой вещи стремление (*appetitus*), желание слиться с высшими и совершеннейшими вещами, одним словом — любовь¹⁴. Любовь есть первое и последнее слово в системе мира; она все исполняет, все приводит в порядок и движет. Предмет этой любви есть сам Бог. Он разливает любовь Свою по всему миру и всем созданиям: интеллигенциям, человеку, животным, растениям и веществам неорганическим — дает ее столько, сколько каждое по своей природе воспринять может, смотря по тому, как близко или как далеко оно к своему

¹ Рая XX, 6; XXIII, 30.

² Рая X, 28-30.

³ Рая XXII, 116.

⁴ Рая XXVII, 137.

⁵ Чистилища XXV, 77.

⁶ Рая II, 21.

⁷ Рая VII, 139-141.

⁸ Рая XXIX, 52.

⁹ *Convivio* II, 5.

¹⁰ Рая XXXIX, 130; XXVIII, 92.

¹¹ "I movitori solo interdendo muovono". *Convivio* II, 5. Рая VIII, 37. См. также Piper, *Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst*. Bd. I, Abth. 2. S. 210.

¹² Чистилища XXX, 92. Рая I, 78.

¹³ Рая I, 103.

¹⁴ Рая I, 109.

первоначальному источнику. — Величие Божие проникает всю вселенную, но издает в одном месте больший, в другом меньший блеск, так точно, как и солнце изливает свет для различных тварей, но воспринимается каждой из них различно¹. Величие Божие снижается в общем дивном порядке, составляющем внешнюю форму вселенной; следы его запечатлены на всех существах, ибо все они, смотря по степени своего совершенства, одарены в большей или меньшей степени стремлением содействовать по мере средств своих общему порядку. Это стремление побуждает огонь возноситься до пределов лунного неба²; оно уплотняет землю и сжимает ее у центра, оно заставляет сердца биться и души исполняют желанием высшего. Любовью исполнен вечно мирный эмпирей, любовь составляет его блаженство, любовь и желание побуждают кристальное небо возвращаться с непостижимой быстротой³.

Такова космология и космогония Дантовой поэмы. Очевидно, что мир Данте есть действительный космос, есть отпечаток своего первообраза — Бога. Космология Данте складывается из разнородных элементов: в ней мы встречаем и мнения отдаленной древности, и учение арабов, всего же более воззрения отцов католической церкви, схоластиков и мистиков, — одним словом встречаем богатый материал, переработанный пламенной фантазией поэта-мыслителя в одно целое, исполненное единства и дивной гармонии. По его системе, весь видимый и невидимый мир подчинен одной идее: идее об отношении Божества к человеку и о спасении человечества, нет сомнения, что вся средневековая система космологии имела характер чисто поэтический; но в Данте, в его Божественной Комедии, она нашла свое последнее поэтическое просветление, так точно, как самые ранние степени развития идеи о форме земли нашли в Гомере своего первого поэтического глашатая. Конечно, воззрение Гомера на форму земли есть чисто географическое: земля, по его понятию, не что иное, как плоскость, небо — кристальный свод, на ней покоящийся; напротив, воззрение Данте на мир есть уже воззрение философа-астронома: земля для него уже не плоскость, а шар, небо — не простой свод, а полая, отовсюду замкнутая сфера, составленная из вложенных одна в другую полых сфер: следовательно, здесь уже зодчество неба, чего нет у Гомера. Но, несмотря на эти различия, оба воззрения — древнее, более грубое, и средневековое уже значительно выработанное, — суть воззрения чисто поэтические. Потому-то и Гомер, и Данте — оба стоят — один в начале, другой в конце — одной и той же эпохи космологической: один вносит ее в мир, другой поет ей прощальную песнь.

Вот точка, где иониец соприкасается с флорентинцем.

¹ Рая I, 1. Convivio III, 7. Чистилища XV, 67-75. Рая XXXI, 22.

² Рая IV, 77-78.

³ Рая I, 109-126.

V

ДАНТОВ АД КАК МЕСТО НАКАЗАНИЯ ГРЕШНИКОВ, ЕГО АРХИТЕКТУРНОЕ ПОСТРОЕНИЕ, ДЕЛЕНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ В НЕМ ОСУЖДЕННЫХ¹

По представлению поэта, согласному, как мы видели, с верованием Средних веков, ад находится в недрах земли. В разрезе он имеет форму воронки или обращенной кратером вниз огнедышащей горы: сверху, к земной поверхности, эта воронка широка, книзу узка и оканчивается глубоким колодезем (*pozzo*) (см. табл. в конце приложения). Сверху зев адской бездны прикрыт корой обитаемого нами Восточного полушария, тремя частями Старого Света: Европой, Азией и Африкой, среди которых Иерусалим с горой Голгофой лежит в самом центре; верхушка воронки или дна ада составляет центр земли и всего мира, ту точку, где погружен в вечных льдах Люцифер; от центра земли ведет на противоположное полушарие подземный узкий ход, открывавшийся у подошвы горы чистилища (см. табл. в конце приложения). Таким образом ад помещен в толще одного только полушария и длина его равняется длине радиуса земного шара; напротив, другое полушарие, за исключением сказанного узкого хода, все состоит из одной сплошной массы земли. Ад в середине своей представляет пустое, ничем не заполненное пространство, покрытое вечным мраком и только местами озаренное адским пламенем; стену же или окружность адской воронки образуют девять горизонтально лежащих концентрических кругов, опускающихся наподобие ступеней или седалищ в амфитеатре, один ниже другого, но не в правильной последовательности, а с тремя более или менее значительными промежутками, состоящими из обрывистых утесов или каменных громад. Чем ближе опускаются круги ко дну ада, тем уже они становятся, так что самый низший девятый круг имеет форму цилиндрического колодезя.

Ад есть обиталище душ тех людей, которые постоянно уклонялись от Бога и Его заповедей в течение всей земной своей жизни и в этом закоснелом состоянии пребывали до самой минуты своей кончины. Они упорно отвергали все дары благодати Господней, все средства к исправлению и следственно, по смерти подпали действию правосудия. Это-то божественное правосудие и подстрекает теперь (*gli sprona*) души умерших грешников, подстрекает их так сильно, что, несмотря на весь ужас, охватывающий их при мысли об адских муках, они, в страшной борьбе с совестью, теснятся перед входом ада. Но непродолжительна эта борьба совести с их естественным побуждением. Совесть их олицетворена в ужасном образе Харона: удары весла его, которыми он гонит медлящих, превращают, подобно угрызению совести, самый страх их в желание². Если Харон есть олицетворение угрызений виновенной совести, то Минос, вслед за ним встречающийся грешников, служит символом сознания заслуженной ими казни³. Минос есть зеркало, в котором порок узнает себя во всей своей наготе, при виде которого, увлекаемый собственной тяжестью, он ниспадает в указанное ему в аду место. Потому-то Минос и снабжен хвостом дракона, в знаменование того, что грешник сам запутывает себя в сетях своего преступления. Минос скрежещет зубами, обозначая тем угрызение нечистой совести. Как скоро душа, явившись пред ним, поведаст ему свое преступление, Минос столько раз опоясывается хвостом своим, насколько ступеней он хочет низринуть ее⁴.

Злые утратили высочайшее благо — благо познания Бога, познания высочайшей истины⁵. Они не созерцали в Боге, как созерцают души праведников: потому-то и познания их о мире вообще слабы и неверны. Они не знают ничего отдельно существующего, материального, им

¹ Почти без перемены заимствовано из вышеупомянутого сочинения Др. Рута, с. 76.

² Ада III, 100-126.

³ Ада XXVIII, 44-45.

⁴ Ада V, 1-15.

⁵ Ада III, 17.

неизвестно настоящее, зато они знают о будущем¹. Так, обжорливый Чиакко² и еретик Фарината³ предсказывают Данте многое в общих чертах касательно будущей несчастной судьбы его, но сами не имеют ни малейшего сведения о ходе политических дел в настоящем, о судьбе друзей своих и своей родины. Но и эту слабую познавательную способность дарует им Высший Вождь только до дня Страшного Суда. С той минуты, когда не будет ни времени, ни будущего, они навсегда утрачат всякую способность познания⁴. Они знают также, в котором кругу ада наказуются другие грешники: так Чиакко говорит Данте, где найдет он души некоторых государственных людей Флоренции⁵. То же самое чувство, которое побуждает их предстать к Миносу, чувство правосудия, — дает им знание о казни других. Но в той мере, как смущается их дух, темнеет и телесная оболочка их души, так точно как внутренняя радость выражается на земле улыбкой, а в раю — усиленным излиянием света⁶. В этом состоянии пребудут они без изменения до дня Страшного Суда; с этого же времени каждая душа облетается снова в земную плоть свою, воспримет свой прежний образ, и через то получит большее совершенство. Но тем самым грешники лучше поймут правдивость своей казни и тем полнее почувствуют жестокость наказания⁷.

По учению Данте, употребление нашего духа может быть двоякое: практическое (активное, operativo, воля) и спекулятивное (speculativo, разум). Цель разума спекулятивного — созерцание и изыскание, употребляемое философией; цель практического разума — творить и создавать. Сообразно с этим человек в земной жизни должен стремиться к осуществлению двоякого счастья, к которому ведут две различные дороги: жизнь активная и жизнь созерцательная. Первая ведет к счастью в земной жизни, состоящему в подвигах добродетели; вторая — к блаженству вечной жизни, к созерцанию Божества, к чему наши собственные добродетели могут достигнуть только при содействии божественного света. К этим двум целям человечество должно стремиться двумя средствами: к первому — философским развитием, ко второму — развитием духовным; первое указывает нам философия, второе — божественное откровение⁸. Это великое деление жизни на жизнь активную и созерцательную соблюдается и в распределении грешников в аду; по крайней мере, во многих кругах ада осужденные распределены, очевидно, по этому двоякому отношению, так, например, содомиты, злые советники, сеятели несогласий. Сами же казни грешников проявляются более или менее явственно в форме пробудившейся и вечно-терзающей совести, сознающей утраченное навсегда благо. Этот внутренний духовный ад, совершающийся в грешниках различными путями, олицетворен в поэме Данте различным образом и есть как бы продолжение их злобной земной жизни. Особенно резко обнаружено это в верхних кругах.

Пред самым вступлением в обитель осужденных, тотчас под корой земли, мы находим два пространства, не составляющие, впрочем, истинного ада и лежащие вне его пределов.

В первом из этих двух пространств, так сказать в преддверии ада, помещены печальные души тех, кто жил без хулы и славы, та пошлая толпа людей обыкновенных, та темная чернь, которую так хорошо обрисовал Вергилий одним стихом: «Что говорить о них? Взгляни — и мимо!» В их сообществе находятся и некоторые ангелы, опозорившие себя бесхарактерностью⁹. Эти несчастные

¹ Ада X, 100-108.

² Ада VI, 64.

³ Ада X, 79-81.

⁴ Ада 100-101.

⁵ Ада VI, 78-87.

⁶ Рая IX, 70-72.

⁷ Ада VI, 84-111.

⁸ Это учение о двоякости жизни, о двоякой цели и двояком блаженстве человечества — земном и небесном — есть одно из важнейших учений Божественной Комедии. Оно проведено во всех трех частях поэмы и составляет главную суть всей системы Данте: отсюда два вождя в замогильном странствовании Данте: Вергилий — практическая философия, и Беатриче — богословие; отсюда деление язычников в Лимбе на активных и созерцательных; то же самое можно видеть и между грешниками в аду и чистилище. См. Ruth, lib. cit. 38 etc. Также Philaletes, Psych. Skizze zu Purgator. XVIII.

⁹ "Vovit enim, говорит Климент Александрийский, aliquos quoque ex Angelis propter socordiam humi esse lapsos, quod nondum perfecte ex illa in utramque partem proclivitate, in simplicem illum atque unum expediissent se habitum". Edit. Oxford. 1715.

навсегда останутся в своем двусмысленном состоянии. Небо изгнало их, чтоб не оскверниться их присутствием, даже для ада преисподнего они слишком низки, а потому он и не принял их, не принял для того, чтоб осужденные, сравнивая себя с ними, не утешали себя некоторой славой; земная же жизнь уничтожила всякое о них воспоминание. Темная жизнь эта до того унижительна для них самих, что они завидуют всякой другой участи. Не имея в жизни никакого характера, отличаясь только одной трусостью, они теперь следуют за знаменем, вечно бегущим, вечно волнующимся от дуновения каждого ветра. Их мелкие заботы и страдания, ежедневно в них возбуждаемые трусостью, нерешительностью, недеятельностью, теперь преследуют и язвят их в образе мух и ос, и кровь, текущая из ран, причиняемых уязвлением ничтожнейших насекомых, смешанная со слезами скорби, служит у ног их в пищу отвратительным червям¹.

Второе пространство вне пределов истинного ада есть Лимб католической церкви, та обитель, где пребывают дети, умершие прежде крещения², а равно и души добродетельных мужей дохристианской древности: все они, сообразно с сущностью земной своей жизни, обитают в большем или меньшем блеске и страдают только тем, что вечно изнывают в томлении о том благе, которое не могли познать в течение своей жизни.

Хотя Лимб составляет первый круг ада — *primo cerchio che l'abisso cigne*, однако ж истинный ад начинается, собственно, со второго круга. Согласно с общим делением грешников на два больших класса: на грешников от невоздержания и слабости воли и грешников вследствие злобы души, весь ад разделен на две весьма неравные части: на верхний ад, занимающий все пространство между Лимбом и стеной города Диса с кругами невоздержанных, т. е. сладострастных, обжор, скупых и расточителей, гневных и завистливых, и на нижний ад, начинающийся от стен города Диса (Сатаны, или Люцифера) и кончающийся у средоточия земли и вселенной. Как в первой песне говорит Вергилий об эмпирее: «там град и высший престол, где обитает царь вселенной», — так на самом дне ада, в центре земли и всего мира, властвует владыка царства слез. Далее, как круги и сферы небесные, начиная от земли, все более и более расширяются, чем более приближаются к эмпирею, который, как величайший круг в небе, объемлет собою вселенную: так точно и круги, из которых слагается Люциферово царство, начиная от земной поверхности и нисходя до самого престола адского владыки, все более и более суживаются вплоть до самого дна ада, которое есть самое тесное место во вселенной. Как мир во всех частях своих управляется с помощью интеллигенций, движущих сил, так и царство Сатаны имеет своих служителей: Цербера, Плутуса, Фурий, демонов и т. д. Нижний ад назван у Данте городом Диса потому именно, что в нем наказуются грехи, происходящие от злой воли, грехи вследствие насилия и злобы, тогда как в верхних кругах, вне адского города, дано место грехам, проистекающим от человеческих слабостей³. Грехи, происходящие из этого источника, как легчайшие грехи, очевидно, менее принадлежат к области Сатаны, чем грехи из другого источника, потому и наказаны легче.

Великая толпа грешников, наполняющих нижний ад, в свою очередь дробится опять на два отдела: на насильников и обманщиков с изменниками. Как те, так и другие равно ненавистны Небу, ибо цель и тех и других одна — обида; но обман, измена суть грехи, свойственные только человеку, суть следствие злобы его духа и воли, потому и наказаны в самом тесном месте — в нижнем пространстве ада⁴.

Таким образом весь ад состоит из трех больших отделений, из которых каждое окружено особенной адской рекой и каждое характеризуется своей стихией. Первые три стиха надписи над вратами ада обозначают эти три отделения⁵.

¹ Ада III, 64-69.

² „Tertius (locus inferni) est Limbus puerorum tam fidelium, quam infidelium, hinc sine baptismatis sacramento exeuntium, qui omnes pari sorte judicantur, qui quidem sine poena sensibili perpetue ibi victuri sunt, sed facie Dei privabuntur, ex quo pro originali solo puniuntur poena damni, nec alia actualia peccata addiderunt; quorum corpora non debent in cimiteriis sacris post mortem sepeliri“. Jacobus de Paradiso (под. 1385 г.), Tractatus de animabus exutis a corporibus.

³ Ада VIII, 67-69, 75.

⁴ Ада XI, 22-28.

⁵ Ада III, 1-3

Из них самое верхнее ограничено печальным Ахероном и характеризуется мутной мглой, вихрем, дождем и снегом. В нем, в трех отдельных кругах, наказуются легчайшие грешники, те слабые волей люди, которые, предавшись чувственности и сильно привязавшись к земному, тем самым были побуждены отпасть от Бога. Из них прежде всего нам являются сладострастные, помещенные во втором круге. Они образуют три строя, представительницы которых, Семирамида, Дидона и Клеопатра, вместе с тем служат олицетворением и тех грехов, в которые увлекает любовь чувственная. Они все еще носятся в буре чувственных желаний, подобно тому как и в земной жизни она не давала им ни минуты спокойствия и потемняла их разум¹.

В третьем круге помещены обжоры. Их представителем служит прожорливый Цербер, чудовище с тремя зевами, с огромным толстым чревом и грязной бородой. Обжоры валяются в грязи, в этом символ их низкой земной жизни; грязь эта так сильно смешалась с их призраком, что невозможно отличить ее от мнимого их тела: «мы... поставляли ноги на призрак их, имевший образ тел». Поражаемые холодным дождем, градом и снегом, они беспрестанно повертываются с бока на бок, но несколько не облегчают тем жестоких страданий².

Представителем третьему кругу служит Плутус, языческий бог богатства, превращенный у Данте в алчного волка. В этом круге наказаны скупые и расточители. Земное богатство, к которому так сильно они прилепились или которым так дурно управляли в жизни, теперь навсегда остается пред их глазами; как в жизни оно было для них мертвой тяжестью, так и здесь вечно будет служить им мучительным бременем. Они уже не могут отрешиться от него и с воем катают взад и вперед камни, взаимно упрекая друг друга в ничтожестве земных своих стремлений. Каждому из двух противоположных видов грешников определено полкруга для бесплодной и бессмысленной работы, а потому и те и другие сталкиваются в двух противоположных точках одного круга. Столкнувшись, они упрекают один другого в противоположном грехе; расточители кричат: «Зачем держать!» — «Зачем бурлить!» — отвечают скупые. Затем и те и другие катят обратно свои тяжести по пути уже пройденному, для того чтоб на противоположном конце круга с новым ожесточением упрекать один другого. Данте желает узнать имя кого-нибудь из этих грешников. «Мечта пустая!» — отвечает Вергилий: темная жизнь, их загрязнившая, до того их затемнила, что невозможно узнать ни одного из них.

Вечно суждено им сходиться для жестоких столкновений. В день судный одни из них восстанут из могилы с кулаками сжатыми, как подобает скупым; другие, как расточители, предстанут с жидкими волосами. Неуменье как давать и как удерживать, отняло у них прекрасный мир и предало их этому дикому, бессмысленному спору³.

В архитектурном отношении круги второй, третий и четвертый имеют одинаковое устройство, с той только разницей, что диаметр их постепенно уменьшается. Спуск из одного круга в другой не представляет трудностей: ибо Данте везде говорит здесь просто: «мы спустились», из чего должно заключить, что границей между этими кругами служит отлогий откос адских скал.

Переход к следующему, второму отделению ада составляет пятый круг гневных и завистливых, подобно предыдущим тоже находящийся вне истинного города Сатаны. Круг этот образован топью болотистого Стикса, источник которого начинается уже в четвертом круге⁴. К внутренней окружности пятого круга примыкают глубокие рвы⁵, отделенные, по мнению Веллутелло, каменной оградой от Стикса с отверстием или воротами, через которые воды Стикса вливаются в эти рвы. На внешнем берегу Стикса возвышается сторожевая башня, с которой помощью огоньков дают знать лодочнику этих болот Флегиясу о прибытии душ; с башни на другом берегу отвечают на этот сигнал тем же⁶. В Стигийское болото погружены души гневных, куда привозит их символ гнева

¹ Ада V.

² Ада VI, 7-37.

³ Ада VII, 1-9.

⁴ Ада VII, 100 и т. д.

⁵ Ада VIII, 76.

⁶ Ада VIII, 1-6.

и сварливости, Флегияс: в немогущей злобе они бьют и грызут друг друга¹. Глубоко под ними увязли в тине горячего болота завистливые, те люди, которые, «скрывая в себе дым зависти, были злы в сладостной жизни, веселящейся солнцем». Их печальное существование обнаруживается одним только клочкотанием болотных вод, волнующих их вздохами и прерывистым ропотом².

Второе и третье отделения ада составляют уже истинное царство Сатаны, обитель злобы. Они отлучены от первого отдела ада огненными стенами с возвышающимися на них в виде мусульманских мечетей башнями. Это город Диса (la città di Dite). По мнению Ломбарди, имя города Диса принадлежит не одному шестому кругу, за его стенами непосредственно лежащему, но и всем последующим кругам до самого дна ада. Стены этого города охраняются тысячами демонов, прогнанных некогда от внешних (верхних) ворот ада.

Цель всякой злобы есть обида, а средство к нанесению обиды двойное: насилие или обман. Поэтому во втором (среднем) отделении ада наказуются менее виновные (сравнительно с обманщиками) насильственники, в третьем же или глубоком аде — обманщики. Отдельно от первых, а также отдельно и от Аристотелевой системы грехов, которой следует Данте, помещены еретики в пятом круге³. Круг этот представляет необозримое поле, все изрытое бесчисленным множеством могил с поднятыми на них крышами: как внутри могил, так и на земле между ними пылает вечный пламень. В этих-то огненных печах наказуются еретики и атеисты за свое дерзкое сомнение, за свое неверие в догматы святой церкви. Крыши, теперь поднятые над могилами, должны закрыться навек в день Страшного суда. Таким образом еретики составляют, так сказать, переход от невоздержных к насильственникам. Господствующей стихией первого отделения ада была мутная мгла, волнуемая бурей; во втором же отделе в стране холерических насильственников господствует палящий жар, проявляющийся то в образе горячих песков, то иссохшего терния, то в образе реки клокочущей крови⁴.

Насилие может быть направлено или против личности, или против ее собственности. На этом основании насилие разделяется:

1) На насилие, направленное против ближних, а именно: а) против их личности, куда принадлежат убийцы и тираны, и б) против их имущества, куда относятся разбойники и грабители. Те и другие погружены в поток кипящей крови и притом более или менее глубоко, смотря по степени своей греховности. Одни совсем потонули в крови, другие погружены в нее по шею, у некоторых кровь едва достигает до лодыжек. Кентавры, охраняющие этот ров, пускают стрелы в каждого, кто выйдет из крови больше, нежели сколько позволит ему собственное сознание своей вины⁵.

2) Насильственники против самих себя и притом: а) против своей личности: самоубийцы, и б) против своего имущества: азартные игроки и моты. Самоубийцы сами лишили себя собственного своего тела, а потому и по смерти лишены телесной своей оболочки. Души их, покаившись пред Миносом, упадают, по воле случая, в тернистый лес: тут, прозябая как колосья проса, пускают они безобразные отпрыски и растут колючими кустами терновника. На их ветвях выют гнезда отвратительные Гарпии, кормятся их листьями, и, обрывая их, причиняют боль грешникам, заклю-

¹ Ада VII, 112-115.

² Ада VII, 118-129.

³ Ада X.

⁴ По учению Данте, Люцифер, представитель эгоизма, есть абсолютный холод, а божественная любовь — абсолютная теплота и свет: потому во всем его Аду нигде нет огня во власти демонов. Огонь проявляется в Аду Данте только в присутствии таких грешников, кои согрешили непосредственно пред лицом Господним: так он является в области еретиков, богохульников, содомитов, ростовщиков, святокупцев и в блестящей одежде лицемеров, на святотатствах и похитителях света разума — в злых советниках и в среднем лице Люцифера. Как для чистых обитателей неба огонь составляет источник неисчерпаемого блаженства, так для нечистых он служит вечной карой. См. Ада VIII, 73 и примеч.; IX, 12; и примеч.; XIV, 29 и примеч.; XV, 19 и примеч.; XIX, 1 и примеч.; XXI, 16 и примеч.; XXIV, 118 и примеч.; XXVI, 40-42 и примеч.; XXXIV, 37-64 и примеч.

⁵ Ада XII, 46-139.

ченным в растениях. Пока раны еще свежи, из них изливается кровь, и доколе раны не закроются, души заключенных самоубийц имеют возможность утешать свою скорбь жалобами и стоном. В день Страшного суда пойдут и самоубийцы за своими телесами, но не облекутся в тела, а повлекут их за собой в засохший лес и каждый повесит собственное тело на колючих иглах своей злочестивой тени. Среди этого леса колючих терновников черные псицы преследуют и рвут на части насильвателей своего достоинства — мотов и азартных игроков. Тут нет уже никакого уважения к человеческому образу. Моты разрывают свое тело об иглы терновников, в которые заключены самоубийцы, и за то в бегстве своем ломают с последних целые ветви, укрываются за ними, прячутся в их кустах и в борьбе с псицами разрывают их на части¹.

3) Насилие, направленное против Божеских законов, а именно: а) против лица, естества Божия: богохулители и б) против достоинства Бога — природы и искусства: содомиты и ростовщики. Они наказуются вечно палящим огнем, раскаляющим песчаную степь, которую они населяют. Огонь в пробужденной в них совести указывает на божественную силу и ту любовь, которую так упорно отвергали они в течение своей жизни. Богохулителей казнит их же собственная ничем не укрошенная гордыня; содомиты вечно бегут от чистого огня; ростовщики же, непрестанно сбрасывая с себя пламя, судорожно сжимают пустые мешки свои. Последние составляют уже переход к обманщикам, помещенным в нижнем аду: потому-то и сидят они на окраине второго отделения, у самой пропасти, ведущей к обманщикам; потому-то и образ Обмана выплывает из бездны пред глазами поэтов гораздо прежде, чем Данте отправился взглянуть на ростовщиков².

Итак, обитель насильвателей не образует отдельных ступеней, разделенных спусками; но состоит из трех колец (gironi), объемлющих одно другое на одной плоскости, имеющей незначительное наклонение к третьему отделу ада. Таким образом эти три кольца, взятые вместе, образуют один седьмой круг. Из них самое внешнее есть кровавая река, в которой погружены насильватели ближних; кровавая река опоясывает второе кольцо — печальный лес, жилище насильвателей самих себя; лес же окружает наподобие гирлянды третье кольцо, окраину адской бездны, место казни насилия против законов божественных. Во всех трех кольцах седьмого круга казнь одному и тому же греху, но в различных проявлениях.

Согласно Ада XII, 49 ст.³, насилие происходит от двух корней — алчности и гнева. Как алчность, так и гнев, взятые отдельно, казнятся в четырех кругах первого отделения: в кругах сладострастных, обжор, скупых и расточителей и в круге гневных с завистливыми. Но в особенности гнев ведет к насилию, потому и в Аду Данте Стикс, в котором погружены гневные, есть путь, а гневный Флегиас — перевозчик, ведущий к отделу насильвателей. Напротив: с обманом находится в связи не столько гнев, сколько алчность: поэтому алчность наказана у Данте на самом крайнем пределе отделения насильвателей, на границе с обителью обманщиков, в лице сидящих на краю пропасти ростовщиков.

Сообразно с этим воззрением, весьма глубокомысленно избраны и символические фигуры во всем отделении насильвателей. Вверху, при самом входе во второй отдел ада, распростерт позор Крита, чудовищный Минотавр, родившийся, как известно, от противоестественной любви Пасифаи. Как представитель в особенности среднего отделения ада, он в то же время служит выражением и всех трех его отделов вместе: он возник от невоздержания (греха, наказуемого в верхнем аду) и провел всю жизнь свою в делах насилия, как убийца и пожиратель тех, кого завлекал в свои сети изменой⁴.

¹ Ада XIII, 109-151.

² Ада XIV, XV, XVI и XVII.

³ О гнев слепой, о гнев бесчеловечный!

Ты в краткой жизни нас палишь в огне,

А здесь в крови купаешь в жизни вечной!

⁴ Ада XII, 11-27.

Но, служа выражением трех главных отделов, он имеет сверх того особенное отношение к трем классам насильственников: к насильственникам против ближних — тем, что пожирал афинян; к насильственникам против себя — тем, что неистовство свое обращает на самого себя, и к насильию против законов божеских — по причине противоестественного происхождения, опозорившего природу, достояние Божие. Как этот Минотавр, полубык, получеловек, так и кентавры со своим конским образом, а равно и Гарпии с птичьим телом суть символы перехода к животности (*bestialitate*), наказуемой в среднем аду. Кентавры особенно удачно выведены здесь как представители двух главных источников насилия — гнева и алчности: они внуки гневного Флеггаса и дети алчного Иксиона, дерзнувшего в опьяненном состоянии нанести насилие Юноне¹. В этом отношении весьма многозначительны три Кентавра, выведенные в XII песне. Из трех чудовищ, встречающих поэтов на берегу кровавой реки, мы видим с одной стороны Несса, известного чувственного похитителя Деяниры: с другой — Фола, «который был так полон гнева»; в середине между ними, между алчностью и гневом, видим Хирона, который, конечно, получил от древности характер достоинства, однако ж тем не менее помогал другим удовлетворять страстям своим. Он научил Бахуса оргиям, помог Пелею в его тайных сношениях с Фетидой и воспитал Геркулеса, Язона и в особенности Ахиллеса, так прославившегося своею алчностью и гневом, — обстоятельство, на которое у Данте особенно указано².

Тут всего уместнее сказать несколько слов о значении адских рек. Все четыре реки ада, собственно говоря, представляют один и тот же поток, только с различными именами и свойствами. Поток этот возник из слез, проливаемых над порчей времени и человечества старцем, стоящим на горе Иде в Крите. Там, где слезы старца впервые сливаются в один поток под землей, образуется Ахерон, река мутная и темная, как и первый отдел ада, омываемый ею³. Через три круга первого отделения течет этот поток под землей и выходит наверх не прежде, как уже в обители скупых в виде темного клокочущего источника, льющего свои воды по глубокому руслу и образующего горячее болото, называемое Стиксом⁴. Болото Стикс омывает своими волнами второе отделение ада, обитель грешников с горячей кровью, гневных и насильственников. Далее Стикс смешивается с кровью, пролитой тиранами и убийцами, образуя кровавую реку; он не виден в лесу самоубийц, стало быть, протекает под ним в земле; но в опушке леса снова выходит наружу и отсюда пробегает через всю степь насильственников законов божеских в берегах узкого канала, над которым гаснут падающие сверху клочья огня и коего набережная мощена камнем⁵. Этот канал называется уже Флегетонем. На границе круга насильственников он низвергается в бездну, на дне которой заключены в узких рвах обманщики. В жилище их он опять не виден, следовательно имеет тут подземное течение и выходит наружу не прежде, как уже к девятому кругу изменников, на самом дне ада, где и образует ледяное болото, называемое Коцитом⁶. Итак, Коцит берет свое начало, вероятно, из волн кипящего Флегетона, охлажденного вследствие падения из седьмого в восьмой круг и во время подземного своего течения под восьмым кругом обманщиков; Флегетон же в свою очередь есть продолжение Стикса, который, протекая под раскаленными стенами города Диса, нагревается до точки кипения; равномерно и Стикс есть продолжение Ахерона, который, образовавшись из слез статуи Времени, невидимо протекает в трех верхних кругах ада под землей.

Приближаясь к третьему отделу ада — к отделу обманщиков, мы уже наперед чувствуем, к какому месту приближаемся⁷. Переход к нему составляют ростовщики, по роду греха своего принадлежащие вполнине к обманщикам. Поэты делают десять шагов в знаменование того, что первая часть этого круга разделена на десять рвов (*bolge*)⁸. Путь, ведущий их к обману, не прямой,

¹ Ада XII, 64-66 и прим.

² Ада III, 65-75 и прим.

³ Ада III, 70-78.

⁴ Ада VII, 100-108.

⁵ Ада XIV, 76-84 и 130-135.

⁶ Ада XXXII, 22-24.

⁷ Ада XVII, 28-30.

⁸ Ада XVII, ст. 32: «Шагов мы с десять берегом прошли...»

а извилистый, ибо Вергилий говорит своему ученику: «теперь наш путь должен идти поворотом»; так же и вервь, повергаемая Данте в бездну обманщиков, предварительно свертывается в клуб¹.

В символы нижнего отдела ада избран Герион, лицо весьма характерное для цели Данте. Подобно символам насилия, он тоже вполочину человек, вполочину зверь; но животная натура в нем стоит еще ниже, нежели в других символах. Кентавры имели еще натуру благородного коня, Гарпии были вполочину женщины, вполочину птицы; но образ Обмана принадлежит уже к натурам самых низких, ползающих животных, извивающихся скрытно — к натурам змей и скорпиона. Лицо у него, как у честного человека, для того чтобы удобнее завлекать в свои сети; тело змеиное, ибо змея, согласно с Св. Писанием, хитрейшее из всех животных. Далее, кожа его туловища прикрыта множеством пестрых тканей, привлекательных для взора по своему блеску, но вместе с тем составленных из петель, в коих запутываются неосторожные. Весь этот образ, очевидно, заимствован из народных поговорок, которых так много у итальянцев в этом роде: *framare inganni*, *intrecciare* или *ordire insidie*, *tessere frodi*. Лапы Гериона покрыты сверх того шерстью, как у кошки, очевидно, с целью прикрыть их острые когти. Наконец, хвост кончается извилистым острием. Хвост этот беспрестанно крутится в туманном воздухе для того, чтоб всегда быть наготове, чтобы уязвить пойманного. Одним словом, вся эта фигура представляет целую историю, начало, средину и конец обмана. Сперва обманщик старается внушить доверие, потом привлекает дружественной наружностью, а между тем незаметно затягивает свои петли и наконец наносит постыдный удар. Уподобления, приведенные поэтом для изображения отдельных частей его, избраны с необыкновенным искусством, и все имеют глубокий смысл. Особенно многозначительно сравнение кожи Гериона с пестрыми тканями Арахны. Эта знаменитая ткачиха древности олицетворяет в себе высокомерие, а в то же время и неблагодарность, ибо дерзнула превзойти своим искусством наставницу свою Афины, а потому и погибла, подобно тому, как от своего же высокомерия погиб Люцифер, вокруг которого гнездятся самые гнусные из грешников — неблагодарные изменники. Являясь, подобно Минотавру, в начале одного из десяти отделов этого круга, Герион, по-видимому, избран здесь в особенности потому, что его фигура имеет тройственное значение, напоминающее три главных отдела ада. Как в мифологии придавали Гериону три туловища, так и Данте в поэтическом его изображении различает в нем три части: голову, где возникают алчные мысли, алчность же есть источник грехов первого отдела; туловище с мохнатыми лапами, напоминающее насильвателей, и ядовитый, изменнический хвост².

В третьем отделе помещаются истинно злые. Для их восприятия нижнее пространство адской бездны углубляется в виде обрывистой жерлообразной пропасти, отделенной от верхнего ада высокой стеной скал. Эта пропасть заключает в себе обманщиков двойного рода, разобщенных между собой обрывистым скатом, именно: обманщиков, завлекавших в свои сети тех, кто не доверял им, и обманщиков против людей, имевших к ним доверие. Первые помещены в восьмом круге, распадающемся на десять рвов и называемом *Malebolge* (Злые-Рвы). Это место есть обширное круговидное поле, состоящее из одного цельного камня и занимающее все пространство между обрывом, с которого свертывается Флегетон, и глубоким колодезем ада (*pozzo*). Поле это, идущее несколько наклонно к сказанному колодезю, прорыто десятью глубокими концентрическими рвами, из которых каждый отделен от другого своей стеной из каменных глыб. Таким образом, если колодезь, находящийся в середине этого поля, представим себе феодальным замком, то десять рвов, лежащих вокруг него, будут окружать его в виде крепостных окопов, а возвышающиеся между ними стены будут представлять бастионы крепости. Через все десять рвов тянутся в известных местах громадные утесы, образующие мост, а внизу ворота для каждого рва. В каждом из десяти рвов содержится особый род обманщиков. Не без значения поэт назначает им такое место наказания. Насильватели совершают свое преступление открыто, потому и наказуются на открытом поле. Но обманщики, как грешники тайные, погружены в глубокие рвы, которые, смотря по степени потаенности греха,

¹ Ада XVI, 106-111.

² Ада XVII, 1-27.

имеют и глубину более или менее различную. Далее, чем злее грешники, тем тверже их сердце; обман же злее насилия: потому река, лес и сухие пески составляют обитель насильвателей; жилищем же обманщиков служит масса твердого, как железо, камня, в котором высечены рвы¹.

Рассмотрим по порядку десять родов обманщиков, наказуемых в этих рвах.

1) Люди, пользовавшиеся слабостью обоих полов (*ruffiani*), и обольстители. Двумя строениями, из коих каждый занимает одну сторону одного и того же рва, они движутся в противоположном направлении гонимые бичами демонов. Они напоминают сладострастных в первом круге ада, бичуемых и носимых вихрем².

2) Лстецы. Ров, ими занимаемый, несравненно глубже рва первых, ибо лесь есть порок более скрытный. Этот ров до того глубок, что поэты, чтобы увидеть в нем грешников, должны взойти на самую высокую точку моста, и не без основания: лесь господствует всего сильнее в высших слоях общества и там-то она всего опаснее. В этом рве лстецы погружены по самый рот в зловонную жидкость, в ту среду, которую они так усердно выхваляли в своей низкой жизни в каждом великом земли; сами унизив себя в мнении людей, они сами бьют кулаками свои пустые головы (тыквы, зисса, как сказано у Данте). Как *ruffiani* и обольстители своей казнью и качеством своего греха напоминают сладострастных во втором круге ада, так лстецы напоминают обжор в третьем круге. Племя паразитов, готовых за хороший обед выхвалять в своем патроне все, даже самое гнусное, было как бы наследственным у итальянцев, перейдя к ним от римлян и составляя во все периоды итальянской общественной жизни весьма значительный класс. Во всех итальянских комедиях, начиная от XV столетия до времен Гольдони, паразиты всегда играли очень важную роль. Но так как *ruffiani* и обольстители, обманывавшие других, хуже сладострастных, виновных только перед собой, то и степень казни их различна: сладострастных носит буря, обольстителей бичуют демоны. Так точно и казнь паразитов и лстецов, погруженных в зловонную жидкость, несносное казнь обжор, валяющихся в грязи под дождем и снегом: зловонная среда первых поражает обоняние поэтов гораздо раньше, чем они увидели грешников³.

3) Святокупцы уткнуты головами в дыры, пробитые в твердом камне, составляющем дно рва этих грешников; симонисты одного и того же рода уткнуты в одну и ту же дыру, причем каждый новый пришелец заступает место своего предшественника, которого гнетет головой глубже вниз. Из каждого отверстия торчат ноги грешника и, пылая пламенем, сжигающим их подошвы, содрогаются от жестокой боли. Святокупцы опозорили своей алчностью самые священные обязанности — свой духовный сан, они как бы попрали его ногами и все, что ни есть высокого в мире, превратили в самое низкое — в орудие для приобретения золота. Потому-то они и погружены теперь головой в землю, и огонь, их наказующий, сжигает самую нижнюю часть их тела — ноги⁴. Уподобления в изображении их казни выбраны с глубоким смыслом и проникнуты жестокой сатирой над злоупотреблением духовных обязанностей. Дыры в каменном дне рва святокупцев такой же величины и формы, как и каменные купели в крестильнице флорентинской; а ноги грешников, подобно телам, пропитанным в елее, пылают только с поверхности — очевидные намеки на поправление святокупцами священнейших обязанностей своего сана. Святокупцы напоминают своей казнью третий круг верхнего ада. Скупые, ростовщики и святокупцы все согрешили вследствие слишком сильной привязанности к земным сокровищам: потому и казнь их состоит в насильственном склонении к земному и притом в восходящей прогрессии. Скупые, наклонившись телом своим над землей, с великими усилиями катят перед грудью огромные тяжести — символ богатства, к приобретению которого так сильно стремились в жизни: это легчайшая казнь. Жесточе казнь ростовщиков, которые сидят скорчившись на земле с повешенными на шею мешками золота. Наконец, святокупцы совершенно погружены в земное, будучи уткнуты головою,

¹ Ада XVIII, 1-18.

² Ада XVIII, 25-39.

³ Ада XVIII, 100-114.

⁴ Ада XIX, 1-30.

жилищем духа, в твердый камень, в знаменование того, что из всех трех родов грешников они самые законснелые. Ростовщики сжигаются отдельными клочьями огня, падающего в известные промежутки; святокупцев же снедает пламень, никогда не угасающий.

4) Прорицатели, хотевшие проникнуть в будущее не верой, как святые и пророки, а средствами преступными, теперь вечно ходят вокруг медленными стопами, плачут и хранят глубокое молчание, потому что на земле хотели открыть более, чем сколько дозволено. Видеть вперед они не могут, потому что все их туловище, начиная от груди, повернуто назад¹.

5) Продажные чиновники гражданские, взяточники, или светские святокупцы (barratieri), как люди, занимавшиеся своим продажным ремеслом весьма скрытно, погружены за то и в ров необыкновенно темный. Воспоминание о нечистых делах земных теперь мучает взяточников в образе кипящей липкой смолы; каждый раз, когда дерзнут из нее выплыть, они достаются на терзание демонами, коих бессовестные, коварные, кривые поступки служат олицетворением беззаконного лихоимства и происходящей отсюда гибельной безурядицы в государстве. Эти лихоимцы, или продавцы правосудия, в смоле напоминают во многих отношениях казнь тиранов в кипящей кровяной реке; только первые, как обманщики, наказаны еще строже. Тираны пронзаются стрелами кентавров, если осмелятся выйти слишком много из кровавой среды своей; эти же подвергаются за подобную смелость ужаснейшим истязаниям от самых низких, самых бессовестных демонов, веселящихся с дьявольской насмешкой над их страданием².

6) Лицемеры, «попапленный народ», ходят медленно, как бы в благочестивой процессии, изнемогая под тяжестью свинцовых, снаружи вызолоченных одежд, которые, подобно злой их совести, пригнетают тело их чуть не до самой земли³. Под ногами их, пригвожденный тремя острыми кольями к каменному дну, лежит архиерей Канафа, изрекший с фарисеями свой лицемерный суд под предлогом религиозной ревности. За то, что в жизни своей хотел преградить путь праведному, он теперь распростерт поперек дороги и, соделав величайший грех лицемерия, должен испытать на самом себе тяжесть всех лицемеров. На ту же казнь обречен и тесть его Анна, и все прочие фарисеи, заседавшие на беззаконном судилище, названном у Данте «concilio»⁴. Неправедный приговор, изреченный лицемерами, был неправедно свершен насильниками: потому-то в минуту кончины Спасителя утесы в аду обрушились в двух местах — в кругу насильников и ниже — во рву лицемеров⁵.

7) Тати казнятся на дне весьма темного рва; гонимые вечным страхом, они тщетно надеются стать невидимками, или найти скрытое убежище от страшных змей и гадов всех пород, этих символов их тайного ремесла, их преступных козней и путей извилистых. Беспреданно представляясь их испуганному взору, змеи кидаются им на грудь, язвят и лишают их последнего достоинства — человеческого образа. В этом рве вечный обмен состояний: человеческие образы превращаются в змеиные, а эти — в человеческие⁶. Змеи, связывающие и наказующие татей, заступают здесь место демонов в других кругах; а Какус, знаменитый похититель Геркулесова стада, являющийся здесь в виде кентавра, покрытый змеями, с огнедышащим драконом, распростертым на спине его, преследует всех тех, кто из сопротивления высшей силе, не хочет бежать⁷.

8) Злые советодатели облечены в пламя, их пожирающее, а потому незримы, точно так, как и сами действовали на земле невидимо в тех преступных делах, к которым побуждали других злыми советами. Подавая злые советы, они тем самым во зло употребляли высший свой дар — свет духовный, а потому, опозорив его назначение, так сказать, стали его похитителями¹. Во главе

¹ Ада XX, 1-24.

² Ада XXI и XXII.

³ Ада XXIII, 58-72.

⁴ Ада XXIII, 109-112.

⁵ Ада XII, 28-45 и XXI, 106-114.

⁶ Ада XXIV, 65-105.

⁷ Ада XXV, 16-24.

злых советников стоят два полумифических лица, Улисс и Диомед. Похитители Палладия из храма Афины, нанешие тем самым оскорбление богине мудрости, они представляют целый класс людей, употребляющих во зло высокие дары своего разума².

9) Сектанты и сеятели расколов и несогласий видят грех свой в образе демона, отделяющего мечом члены от их тела, подобно тому, как и они в мире нарушали всякое единство. Раны, наносимые демоном, заживают, как скоро грешники совершат круговидный путь свой; но демон снова наносит раны: таким образом скорбь грешников о своем прегрешении возобновляется вечно. По степени важности их преступления и раны у них более или менее жестоки. У великого сектанта Магомета, причинившего раскол в великой церковной общине, тело рассечено во всю длину от головы до ног. Напротив, у Али, нарушившего единство магометанства, разрублена только голова. Возбуждавшие детей против отцов носят голову, отделенную от спинного мозга; у людей, сеявших крамолы словом или делом, вырезаны языки или отсечены руки³.

10) Подделыватели всякого рода (*falsitori*) поражены всевозможными болезнями; безумные демоны, рыская между ними, влекут их с места на место по темному рву. Обманщики этого рва делятся на подделывателей металлов — алхимиков, на подделывателей речи — лгунов и, наконец, на подделывателей личности. Должно сознаться, что нравственное значение этой и следующей песен очень темно. Алхимики старались, между прочим, получить золото химическим искусством, стало быть путем более легким, нежели металлургия. Однако ж непонятно, почему алхимия больший грех, чем, например, святокупство или лихоимство; почему тот, который был только «ловкой обезьяной природы», помещен глубже в аду, нежели тот, который продал сестру свою, или тот, который злоупотреблениями высших даров духовных нанес оскорбление церкви. Такой взгляд на алхимиков не вытекает ни из Аристотеля, ни из чтения средневековых схоластиков, которым вообще следует Данте. Скорее, он следствие всей его философской системы. Алхимики устремили всю свою деятельность и искусство на приготовление золота. Но золото — цель скупости и любостязания, а потому и корень большей части зол, наказуемых в аду. Если теперь бросим взгляд на весь восьмой круг с его десятью рвами, — мы увидим, что *ruffiani*, большая часть льстецов, святокупцы, продажные взяточники, тати грешат из любостязания; даже Каиафа между лицемерами вовлечен золотом в величайший грех измены.

Итак, алхимики стараются умножить неестественным путем то, что составляет корень большей части зол и грехов на земле: потому-то алхимики и помещены в самом низу восьмого круга в силу того, что корень везде занимает низшее место. Что они находятся в тесной связи с бедами, истекающими из золота, доказательством тому служит то, что в конце следующей песни упоминается о клубе мотов, который во всех других отношениях не имеет ничего общего с алхимиками. В этой песне мы встречаем еще несколько обманщиков, оплакивающих свою алчность к золоту: скупость вместе с гордостью и завистью составляют три коренные порока, произведшие, по Данте, все зло в мире. То же и по учению Аристотеля: грехи, происходящие от золота, — многочисленнейшие и разнороднейшие, и всегда у Данте помещены ниже прочих во всех трех отделениях его ада. Так, в первом отделе, между невоздержными скупые и расточители помещены ниже других; во втором, между насильниками, ростовщики опять ниже других; далее, между обманщиками (большая часть из них согрешила вследствие любви к золоту), те, которые хотели похитить у самой природы золото, как корень всех прочих пороков, помещены ниже всех. Наконец, на самом дне ада, между изменниками, погружен ниже всех Иуда Искариотский, величайший из грешников вследствие сребролюбия.

Из двух безумных теней, терзающих подделывателей, и без того уже одержимых всеми родами болезней, одна — древняя Мирра, известная своей дикой страстью к отцу; другая — тень современника Данте Джиганни Скикки, употребившего свое искусство подражать чертам другого лица

¹ Ада XXVI, 40-42.

² Ада XXVI, 55-62.

³ Ада XXVIII.

для составления подложного духовного завещания. Эти две тени блуждают здесь в самом нижнем рве подделывателей как бы для того, чтоб напомнить, что большая часть обманов совершается на земле вследствие или сластолюбия, или любостязания, на что указывает и фальшивый монетчик мастер Адам с женой Пентефрия ¹.

Наконец, в самом нижнем, третьем отделении ада, погружены гнуснейшие из обманщиков, те именно, кто обманул доверие других, изменники. Место, где они гнездятся, черный колодезь адской бездны, окружают наподобие венца по пояс погруженные в колодезь великаны, верхняя половина тела которых воздымается в темном воздухе жилища обыкновенных обманщиков. Их громадность обозначает чудовищность наказуемого здесь преступления, и вся их природа и прежняя история — страшную мощь измены, от которой не защищает никакая сила. При виде их Данте благодарит природу за то, что она более не создает уже существ, в которых злая воля и разум соединены с необоримой силой ².

Обиталищем для измены служит область Коцита. Эта последняя часть адского потока медленно вытекает из-под круга обманщиков и, замерзая на дне ада, образует огромное ледяное болото, в котором замерзли грешники. Тут уже нет ни малейшего действия божественного света и теплоты; воздух здесь сумрачен и мертв; здесь самое тесное место во вселенной, где заключены те, кто в узкости своего темного сердца и холодном эгоизме остались навсегда недоступными ни для какого лучшего чувства. Они разделены: 1) на изменивших своим родственникам, сидящих в Кайне, так названной по Кайну; 2) на изменивших отечеству, заключенных в Антеноре; 3) на изменивших друзьям своим, в Птоломее и 4) на изменивших благодетелям, заключенных в Джьюдекке. Согласно с этим делением, а также по важности их греха, все они погружены более или менее глубоко в лед: первые погружены только по грудь; у изменников отечеству осталась свободной одна только голова; последние же совершенно затерты льдом, сквозь который мелькают как пузырьки в стекле ³. Души изменников друзьям своим, по совершении измены, тотчас упадают в Птоломею, а между тем дьявол управляет их телом до тех пор, пока не совершат они определенного на земле им срока ⁴.

В самой середине Джьюдекки, а вместе с тем в средоточии земли и вселенной, помещен свергнутый тотчас по своему возмущении Люцифер, или Дис, некогда прекраснейший из ангелов, теперь же своим гнусным исполинским образом олицетворяющий всю отвратительность греха ⁵. Его образ можно разделить на четыре части. Та часть его тела, где головка бедренной кости вращается в вертлуге, есть середина его тела и помещена в самом центре земли и всего мира. Все, что выше этой части, обращено к нашему полушарию, и притом так, что тело его погружено до середины груди во льды Коцита; все же остальное до темени воздымается свободно в пространстве ада, в котором крылья его страшно размахивают над ледяным полем. Наконец нижняя часть его тела, от середины туловища до колен, неизбежно утверждена в каменной маске Джьюдекки; ноги же до самых подошв опять возвышаются в свободном пространстве, по другую сторону центра земли, будучи обращены к противоположному полушарию ⁶.

Люцифер был некогда прекраснейшим, светозарнейшим из ангелов. Но, увлеченный злобой к высокомерию и мятежу, за величайшее благодеяние, поставившее его превыше всех созданий, он заплатил своему Создателю величайшей неблагодарностью: потому Данте не удивляется, что от него произошло всякое зло на земле ⁷. Три лица его соединяются на вершине головы в один гребень. Гребень есть символ высокомерия, почему уже римляне говорили: *cristas tollere* (Ювенал),

¹ Ада XXIX и XXX.

² Ада XXXI, 31 и 57.

³ Ада XXXII.

⁴ Ада XXXIII, 129-133.

⁵ Ада XXXIV, 16-54.

⁶ Ада XXXIII, 28-33, 34-56.

⁷ Ада 34-36.

а итальянцы: *levare la cresta, bassare la cresta*. Тройственность его лица имеет двойное значение. С одной стороны три лица Люцифера указывают на три великие отделения ада: одно из этих лиц красное, другое — желтое, а третье — черное или цвета народов, обитающих там, где Нил выходит из гор для орошения Египта. Черное лицо есть представитель верхнего отдела ада, где мутная мгла тяготеет над грешниками, попустившими буре страстей своих затмить свет разума. Лицо красное обозначает холерических насильвателей, которых вспыльчивость и гнев наказуются в их собственном сознании жаром и кровью. Наконец бледное, лишенное жизненной теплоты лицо Люцифера есть символ самого низкого отдела грехов — обмана и измены. Испытывая на себе все муки своего тройственного царства: тьму, жар и холод, Люцифер вместе с тем есть сущая противоположность абсолютного Блага. Божественная мудрость уже не светит ему: на это намекает его черное лицо; мысль о божественном всемогуществе, против которого так безумно возмутился он, является в нем, как и в сознании возмутителей второго отделения, только для того, чтобы сжигать его вечной мукой: она-то и придает красно-огненный цвет другому лицу его; от теплоты же божественной любви он уклонился вследствие измены, потому и оплакивает обман и измену очами своего желтого лица. Трем лицам Люцифера соответствуют вместе с тем и три греховные свойства человека, а именно: потемняющая разум алчность, пламенная гордость и бледноликая зависть, одним словом: те три греха, которые Данте так часто приводит как причины всех беспорядков в мироправлении.

С другой стороны, три лица Люцифера означают три части тогда известного света: Европу, Азию и Африку; ибо европейцы имеют красный, азиаты желтый, а африканцы черный цвет лица. Люцифер помещен в аду в точке, находящейся почти в самой середине между тремя частями Старого Света. Подобно древнему богу Времени на о. Крите, Люцифер помещен во льдах Коцита, так что средним лицом обращен к Европе, которое потому и красно; направо от него Азия, к которой обращено его желтое лицо, а налево Африка, на которую он смотрит глазами черного лица. Таким образом он воспримлет дань злобы человеческой со всего Старого Света, т. е. всего мира.

Люцифер снабжен тремя парами крыльев, но крыльев бесперых, как у летучих мышей. Изпод крыльев его дуют в различных направлениях три бури, соответствующие трем его свойствам: безумию, насилию и обману. Бури эти так сильны, что Данте чувствует их дуновение уже издали, несмотря на то, что его тело отвердело, как мозоль; они так холодны, что весь Коцит замерзает от их стужи до самого дна. Чем более силится Люцифер подняться на своих крыльях, тем более чувствует себя скованным в движениях: ибо поток грехов, им возбужденных, к нему же и возвращается и, замороженный ветром крыл его, с каждым взмахом их увеличивает массу льдов, в которую он погружен навеки.

VI РАЗМЕРЫ АДА; ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАМОГИЛЬНОГО СТРАНСТВОВАНИЯ ДАНТЕ

Итак, форма, деление и вся архитектурная постройка Дантова ада вполне соответствуют нравственному значению различного рода грехов, распределенных по различным его кругам и отделам. Можно сказать, что Данте, приступая к изображению своего странствования по аду, имел перед глазами наперед составленный архитектурный план адского здания: с такой ясностью он рисует все малейшие подробности относительно его местности. Это обстоятельство заставило многих ученых, преимущественно математиков, предполагать, что Данте, составив план своему аду, вместе с тем не упустил из виду и математических размеров как всей адской бездны, так и каждой ее части в отдельности. Такое предположение казалось тем более правдоподобным, что в Аду Данте, именно в конце поэмы (в песнях XXIX, 9 и XXX, 86)¹ действительно определены размеры двух рвов восьмого круга; а так как в *Divina Commedia*, при всей ее лаконической краткости, ничто не сказано без особенного значения, то вышеупомянутые ученые сочли себя в праве понимать эти замечательные места поэмы Данте за указания на размер всего ада. В этом предположении сделано было множество попыток вычислить величину ада как в общем его объеме, так и в отдельных частях. Правда, многие другие писатели, между прочим Шлегель, считают все подобного рода попытки «за бесполезную, утомительную, почти смешную аккуратность, даже в том случае, если бы поэт действительно имел в голове своей все эти геометрические подробности»²; однако ж, говоря словами Абекена, толкователь глубокомысленнейшего из поэтов не должен считать за маловажное то, на что поэт указал в поэме своей, очевидно, не без намерения. «Эти указания размеров ада, — продолжает он, — находятся именно в конце первой части поэмы, как бы для того, чтобы читатель обратил на них особенное внимание; да и почему же поэт, с такой математической верностью определяющий все малейшие периоды времени своего замогильного странствования, не должен быть столько же точен и в указаниях относительно местности?»³ Положим, что от точного измерения места действия *Divina Commedia* мы мало выиграем относительно поэтического наслаждения: однако ж чрез это нам представится особенность поэта с совсем иной стороны, именно со стороны чрезвычайной точности и определительности, с которыми, при всей краткости, он чертит и доканчивает каждое свое изображение»³.

Что до нас касается, то хотя мы, вместе с Шлегелем, действительно мало видим полезного, а того менее поэтического в этих попытках определить пространство Дантова ада, тем более, что два вышеприведенные места Ада, по новейшему толкованию Россети, имеют совсем иное, более важное значение; однако ж, не желая выпустить из виду чего-либо могущего служить к объяснению высокого создания, скажем несколько слов о размерах Дантова ада, вычисленных толкователями, преимущественно математиками.

Первые попытки, впрочем весьма неудачные, к определению размеров ада сделаны древним комментатором Данте Ландино. После него Антонио Манетти (в XV столетии), архитектор и

¹ Вот эти места поэмы:

Но не забудь,
Что двадцать две вокруг сей долины мили.
Ада XXIX, 8-9.

Хоть миль кругом одиннадцать больших
И поперек в полмилю наше поле.
Ада XXX, 86-87.

² Horen, I. Iarhg. 3. Strück.

³ Abeken, Beiträge für das Studium der G. K. Dante Allighieri's. St. 357.

математик, много трудился над этим предметом; однако ж умер прежде, чем успел окончить свою работу. Джироламо Бенивиени издал впоследствии его исследования¹.

Манетти, а также и другие его последователи, все за масштаб глубины ада принимали радиус земли, а потому всем отделам и кругам ада придавали огромные размеры, так что казалось непонятным, каким образом Данте мог пройти ад в столь короткое время — в течение 24 часов. Это заставило Веллутелло в его Комментариях к *Divina Commedia* (Венеция 1544 г.) сделать другое вычисление: по его мнению, ад имеет глубину, а верхнее отверстие адской воронки ширину только в $73 \frac{3}{4}$ мили; толщина же свода земли, покрывающего ад, равняется $737 \frac{1}{2}$ мили. Очевидно, что такие размеры слишком малы для ада.

Гораздо остроумнее и ближе к истине вычисление размеров ада, предложенное Филалетом; мы приведем здесь его общие выводы, отсылая желающих ближе познакомиться с его способом вычисления к его переводу Дантова Ада, к которому приложены объяснительные чертежи.

Ад, как мы видели, имеет форму круглой воронки, острый конец которой обращен к центру земли, а верхнее отверстие есть поперечный разрез величайшего круга земного шара. По понятиям Данте и всех средневековых схоластиков, на вершине свода земли, покрывающего верхнее отверстие адской воронки, лежит Иерусалим. Теперь, чтобы измерить ширину воронки, надобно определить точку, где находится вход в ад. По мнению Филалета, он находится во Флоренции, где Данте еще жил в 1300 г. и которую надобно разуметь (по историческому способу толкования) под именем темного леса, в котором заблудился Данте, потому что он в одном месте своей поэмы сам называет ее *La trista selva*². Вычислив расстояние этих двух точек — Иерусалима и Флоренции — одной от другой по указаниям, взятым преимущественно из самого же Данте³ Филалет определяет полудиаметр (объяснительный чертеж его представляет только половину ада) верхнего отверстия адской воронки в 2298 итал. миль. Ту же длину принимает он и для перпендикулярной высоты воронки (за исключением покрывающего ее свода земли).

Боковая поверхность адской воронки имеет, как известно, различные, горизонтально лежащие, концентрические ступени. Таких ступеней или кругов в аду девять; но так как пятый и шестой круги лежат, по мнению Филалета, на одной плоскости, то всех ступеней в аду можно принять только восемь. При помощи весьма остроумного способа деления (см. его чертеж II) он доказал наглядно, почему круги Дантова ада чем ниже опускаются, тем становятся уже, а также почему уступы или откосы между кругами — чем ниже лежат, тем круче. Этот результат его исследования не только соответствует общей идее адского здания и нравственному его значению, но и объясняет, почему Данте нижележащие круги называет *cerchietti*⁴, более узкими кругами, и почему спуск из четвертого в пятый круг назвал *una via diversa*⁵, а также почему трудность спуска из шестого в седьмой круг выражает тем, что сравнил его с обвалом горы от землетрясения⁶, тогда как об уступах между верхними кругами он едва упоминает. Далее, так как из Ада IV, 24 видно, что Лимб есть первый круг, *che l'abisso signe*, то Филалет полагает, что преддверие ада, где помещены ничтожные и река Ахерон, находится в огромной пещере, распростирающейся от верхних ворот (входа) ада по верхней окраине воронки, тотчас под сводом покрывающей ее части земли.

Но этот способ построения ада неприменим к двум нижним кругам (восьмому и девятому): ибо, рассчитывая по оному, получим полудиаметр восьмого круга (Злых-Рвов) более, чем

¹ Girolamo Benivieni, *Discorso di Antonio Manetti circa il sito, la forma e le misure del Inferno di Dante*. Firenze. 1544.

² Чистилища XIV, 64.

³ Чистилища XV, 6.

⁴ Ада XI, 18.

⁵ Ада VII, 105.

⁶ Ада XII, 1 и дал.

в 127,66 мили, тогда как он, по всей вероятности, равняется только $18 \frac{3}{8}$ мили¹, а если Злые-Рвы опустим настолько вниз, чтобы они могли получить вычисленную Филалетом для этого круга широту, то все еще расстояние между ним и центром земли будет 84,78 мили, что несогласно с незначительной высотой утесистой стены между центральным колодцем ада и Злыми-Рвами, которая, по вычислению Филалета, равняется только 15 браччиям². Поэтому Филалет начинает построение этих двух кругов снизу и то пространство ада, которое не вошло в размеры этих кругов, отдает отвесной стене, лежащей между седьмым кругом и Злыми-Рвами.

При помощи весьма остроумного вычисления (см. Philaletes, die Hölle, Tab. III, fig. 3), он доказал, что все дно девятого круга или центрального колодца опускается в виде ложбины к центру земли и что вся глубина колодца равна 1530 браччиям или несколько более половины итальянской мили. Равномерно и Злые-Рвы образуют плоскость, углубленную в виде ложбины к центру, или, другими словами, идут наклоном к колодцу³, с той только разницей, что наклон Злых-Рвов не так крут, как наклон дна колодца к его центру. Если допустить, что наклон первых вполонину менее крут, чем наклон последнего, то глубина восьмого рва будет равняться $4 \frac{3}{8}$ мили. За вычислением этих размеров для каменной стены между седьмым и восьмым кругами остается еще $569 \frac{5}{8}$ мили; а так как эта стена, по плану, составленному для ада Филалетом, несравненно круче всех прочих уступов между верхними кругами, то эта крутизна, при ужасающей воображение высоте каменной ограды восьмого круга, вполне объясняет, почему Данте принужден спуститься на дно пропасти на плечах Герiona. Наконец, основываясь на XXXII песне Ада, Филалет принимает некоторого рода уступы между четырьмя отделениями девятого круга таким образом, что каждое отделение представляет род ложбины, отделенной от следующей нижележащей своим уступом: чрез это дно Коцита можно представить себе в виде огромных замерзших волн адского ледника.

Несравненно более определенности господствует в Divina Commedia в указаниях времени странствования поэта, хотя и в этом отношении не все комментаторы согласны между собою.

Поэт начинает свое странствование на половине пути своей жизни, т. е. на 35-м году⁴, в 1300 г., в год юбилея, объявленного папой Бонифацием VIII в Великую Пятницу на Страстной неделе. Странствование началось рано утром, в начале весны, когда солнце находится в созвездии Овна⁵, стало быть, около весеннего равноденствия, в период, считавшийся благоприятнейшим для

¹ Вот результаты измерения Злых-Рвов и колодца, полученные Филалетом на основании отношения диаметра к периферии как 7 : 22, принимаемого учителем Данте Брунетто Латини в его Tesoro:

Диаметр	Окружность
Колодца..... $1 \frac{3}{4}$ мили	$5 \frac{1}{2}$ мили
Десятого рва $3 \frac{1}{2}$ »	11 »
Девятого рва7 »	22 »
Восьмого рва $10 \frac{1}{2}$ »	33 »
Седьмого рва14 »	44 »
Шестого рва $17 \frac{1}{2}$ »	55 »
Пятого рва21 »	66 »
Четвертого рва $25 \frac{1}{2}$ »	77 »
Третьего рва28 »	88 »
Второго рва $31 \frac{1}{2}$ »	99 »
Первого рва35 »	110 »
Злых-Рвов36 »	115 »

² Филалет, Die Hölle, Anmerk. 2 z. XXXII Gesang. О браччии см. Ада XXXI, 59 и примеч.

³ Ада XXIV, 37-40 и примеч.

⁴ Данте в своем Convivio 35-й год называет вершиной нашей жизненной дуги.

⁵ Ада I, 37-40 и примеч.

начала предприятий. Что странствование Данте началось в 1300 г., узнаем из XXI песни Ада, ст. 112 и д., где говорится о землетрясении, бывшем в минуту кончины Спасителя:

Вчера, поздней сего на пять часов,
Минуло ровно тысяча уж двести
И шестьдесят шесть лет, как пал он в ров.

Кончина Спасителя, по общему мнению тогдашних богословов и самого Данте, последовала на 34-м году Его земной жизни. Сложив 34 с 1266, получим 1300, год замогильного странствования поэта.

Но которого именно числа началось оно? По мнению большей части комментаторов, оно началось 25 марта: день этот отцами церкви принимался за действительный день кончины Спасителя, а равно и за день, в который Бог сотворил звезды; сверх того, в этот день солнце, по мнению Брунетто Латини, вступает в созвездие Овна¹. Другие за начало странствования принимают то число, когда приходилась Великая Пятница в 1300 г., именно 8 апреля. Наконец, третье мнение то, что Данте ведет счет свой по иудейской Пасхе, которая в 1300 г. совпадала с 5 апреля. Все три мнения имеют своих защитников и противников, о чем подробнее можно читать у Филалета².

Все странствование продолжается восемь дней; но должно заметить, что день принимается у Данте частью в обыкновенном значении в 12 часов и в таком случае считается от 6 часов утра до 6 часов вечера, так что полдень совпадает с часом, т. е. с окончанием 6 часа дня; частью же в астрономическом значении в 24 часа. Заметим также, что для астрономических указаний времени в аду всегда служит луна и созвездия зодиака и ни разу солнце: это потому, что грешники навсегда утратили свет истины (солнце); месяц же, согласно с Ада I, 14 и пр., означает слабый свет человеческой мудрости. О солнце упоминается только при вступлении в ад и тотчас после того, как Данте покинул Люцифера, начало всякого зла на земле³.

Относительно хронологических указаний собственно для Ада, прилагаем здесь таблицу, составленную Филалетом и примененную к трем различным мнениям касательно первого дня странствования (см. стр. 302).

Для лучшего понимания астрономических определений времени, встречающихся в поэме Данте, прилагаем в конце книги три чертежа, заимствованные из сочинения пр. Бера о Данте⁴.

На одной из таблиц представляет земной шар, если смотреть на него сбоку, причем на чертеже обозначена эклиптика, или круг, описываемый солнцем на небе в течение года (с), относительно экватора (d). По представлению поэта, чистилище (a) находится на противоположном нашему полушарии, диаметрально противоположно Иерусалиму (b): стало быть, оно лежит на западном полушарии, к югу от экватора. Если теперь солнце стоит, напр., на экваторе, как во время равноденствия, то понятно, что с горы Чистилища, если обратимся лицом к востоку, солнце мы увидим влево от себя, а если смотрим на восток в Иерусалиме, то справа.

Другой чертеж нашей планеты представляет как бы астрономические часы, с которыми легко определить большую часть встречающихся в поэме указаний времени. Представьте себе, что вы смотрите на земной шар с Северного полюса и видите на нем на одном и том же горизонте четыре точки: гору Чистилища, Гангес, Иерусалим и Кадикс: точки эти, по мнению Данте, находятся в равных одна от другой расстояниях. Эти-то четыре точки могут служить нам неподвижными стрелками часов, а созвездия зодиака, обозначенные в следующем рисунке, будут представлять числа часового циферблата. Далее эти точки, деля круг на четыре равные части, отстоят одна от другой на 90°: каждое такое пространство протекает солнце с созвездиями зодиака в 6 часов.

¹ Tesoro, libr. II, cap. 48.

² Die Hölle, p. 161. Anmerk. 12 z. XXI Gesang.

³ Ада XXIX, 10 и прим.

⁴ I. K. Bähr, Dante's Göttliche Comödie in ihrer Anordnung nach Raum und Zeit mit einer übersichtlichen Darstellung des Inhalts. Dresden. 1852.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В темном лесу Песнь I, 1	Ночь с 24 на 25 марта	Ночь с 4 на 5 апреля	Ночь с 7 на 8 апреля
Восход солнца Песнь I, 38	5 часов 54´	5 часов 26´	5 часов 20´
Сошествие во ад	Около 6 часов вечера	Около 6½ часов вечера.	
Четвертый круг Песнь VII, 91	Полночь с 25-26 марта	Полночь с 5-6 апреля	Полночь с 8-9 апреля
Спуск из 6-го в 7-й круг	25 марта 5 часов 54´	5 часов 6 или 9 апреля.	
4-й ров	Не дает никаких результатов	5 часов 55´	7 часов 31´
5-й ров	10 часов до полудни.		
9-й ров	Не дает никаких результатов	1½ часа пополудни	
Центр земли		Между 5 и 6 часами вечера	
Подземный ход	9½ часов вечера. 8½ часов утра на другом полуша- рии	10 часов вечера (или 8 часов утра на другом полушарии)	
Выход из ада	27 марта вечером (утром)	7 апреля вечером (утром)	10 апреля вечером (утром)

Так как в эклипике 12 знаков, то одно созвездие переходит в положение другого в течение 2 часов. Таким образом если, напр., солнце находится над Гангесом в меридиане, то значит, что в Иерусалиме теперь, восход солнца, в Кадиксе полночь, а на Чистилище захождение солнца; если созвездия подвинутся на 6 часов вперед, то в Иерусалиме будет полдень, в Испании — утро, на горе Чистилища — полночь, в Индии же — вечер.

Считаем нужным также представить здесь созвездия эклиптики в их последовательности, или 12 им соответствующих небесных знаков, которые солнце протекает в течение года, а луна в течение месяца.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вот эти знаки:

♈ Овен 21 марта Весеннее равноденствие	♉ Телец апрель	♊ Близнецы май	} Весна	
♋ Рак июнь Самый долгий день.	♌ Лев июль	♍ Дева август		} Лето
♎ Весы сентябрь Осеннее равноденствие	♏ Скорпион октябрь	♐ Стрелец ноябрь		
♑ Козерог 21 декабря Самый короткий день.	♒ Водолей январь	♓ Рыбы февраль	} Зима	

Как же по созвездиям можно определить время? Приведем один пример. Луна в полном свете стоит всегда против солнца. После полнолуния она приближается на восток к солнцу в 24 часа почти на 13° , в два дня почти на одно созвездие ближе к солнцу и с каждым днем восходит 50 минутами позже. Предположим, что спустя два дня после равноденствия, когда солнце находится в созвездии Овна ♈, восходит для Иерусалима созвездие Скорпиона ♏, то отсюда следует заключить, что в Иерусалиме прошло два часа по заходу солнца, и что луна там восходит, как наглядно показывает чертеж (см. таблицы в конце приложения). Луна во время равноденствия, когда солнце вступает в знак Овна ♈, находится в созвездии ♎; если теперь в течение двух дней она подвинется, направляясь на восток, на одно созвездие ближе к солнцу, то следует, что она должна восходить в одно время с созвездием ♏; в таком случае определится время так: в Иерусалиме будет два часа по заходе солнца, в Испании (Кадиксе) — около двух часов пополудни, на Чистилище около 2 часов по заходе солнца, а на берегах Гангеса — около двух часов полуночи.

Этих примеров достаточно для уразумения астрономических определений времени, столь просто и естественно приводимых творцом Divinā Commedia.

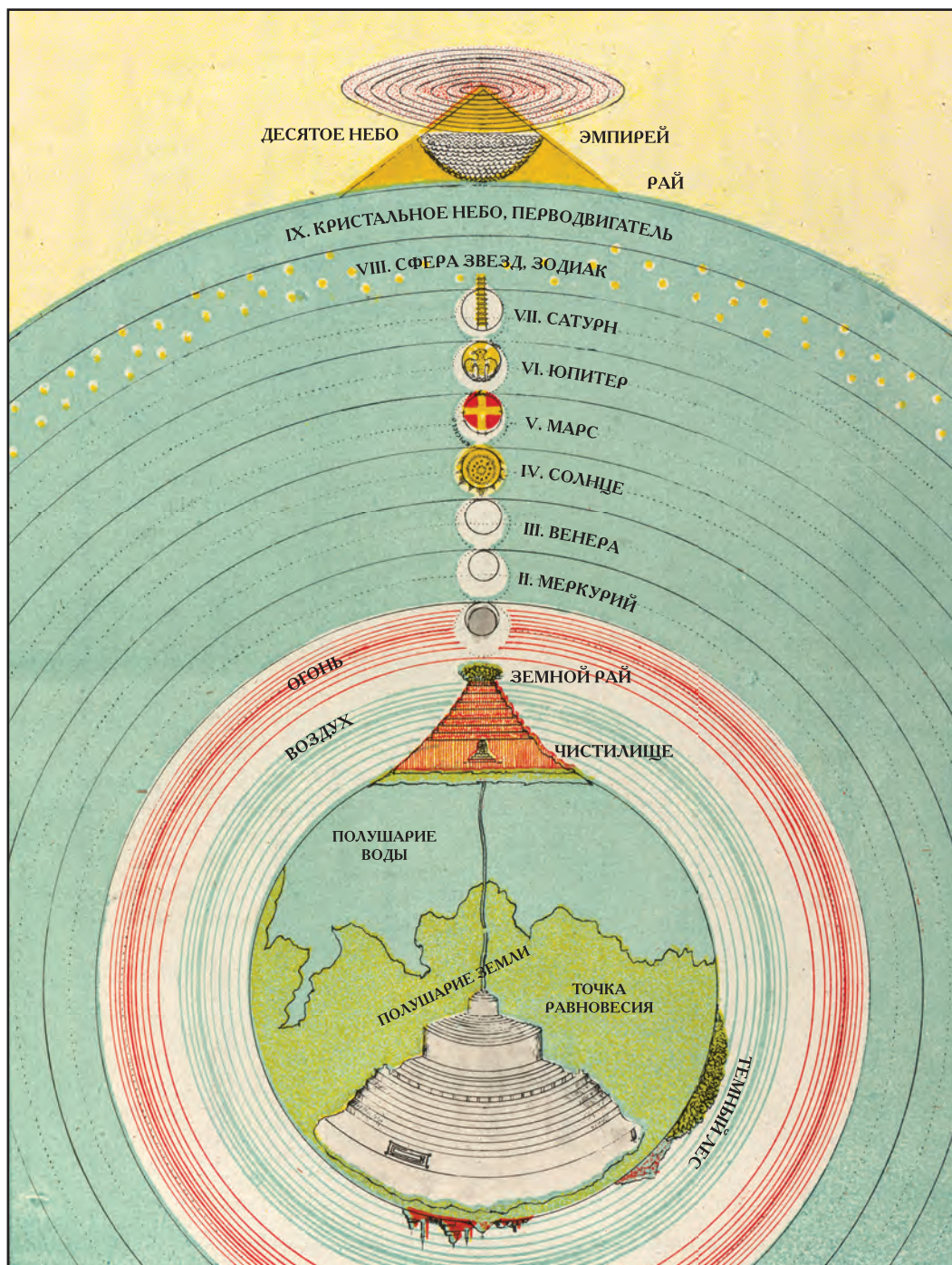

ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА УСТРОЙСТВО АДА (РАЗРЕЗ)

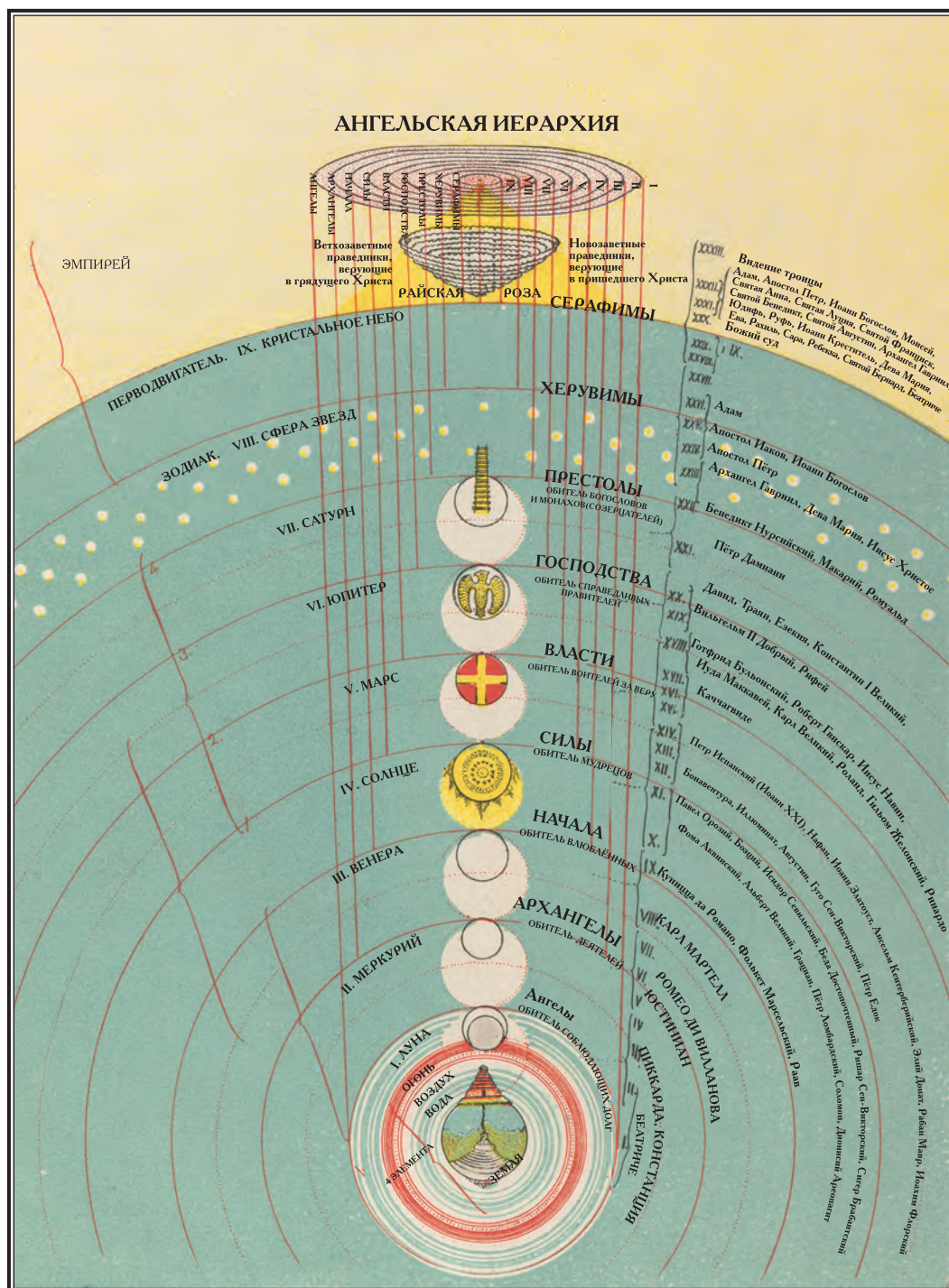

ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА

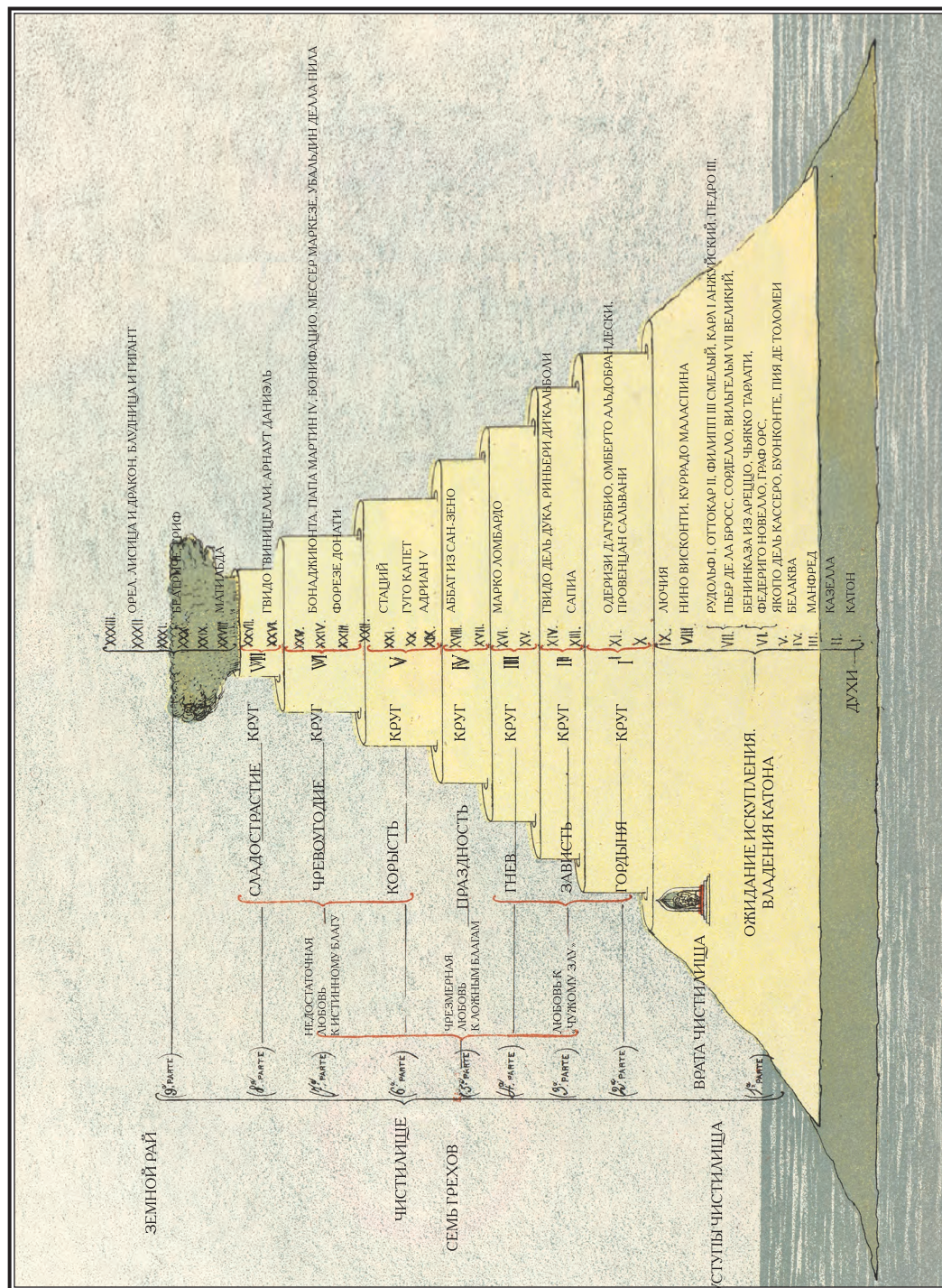
УСТРОЙСТВО МИРА

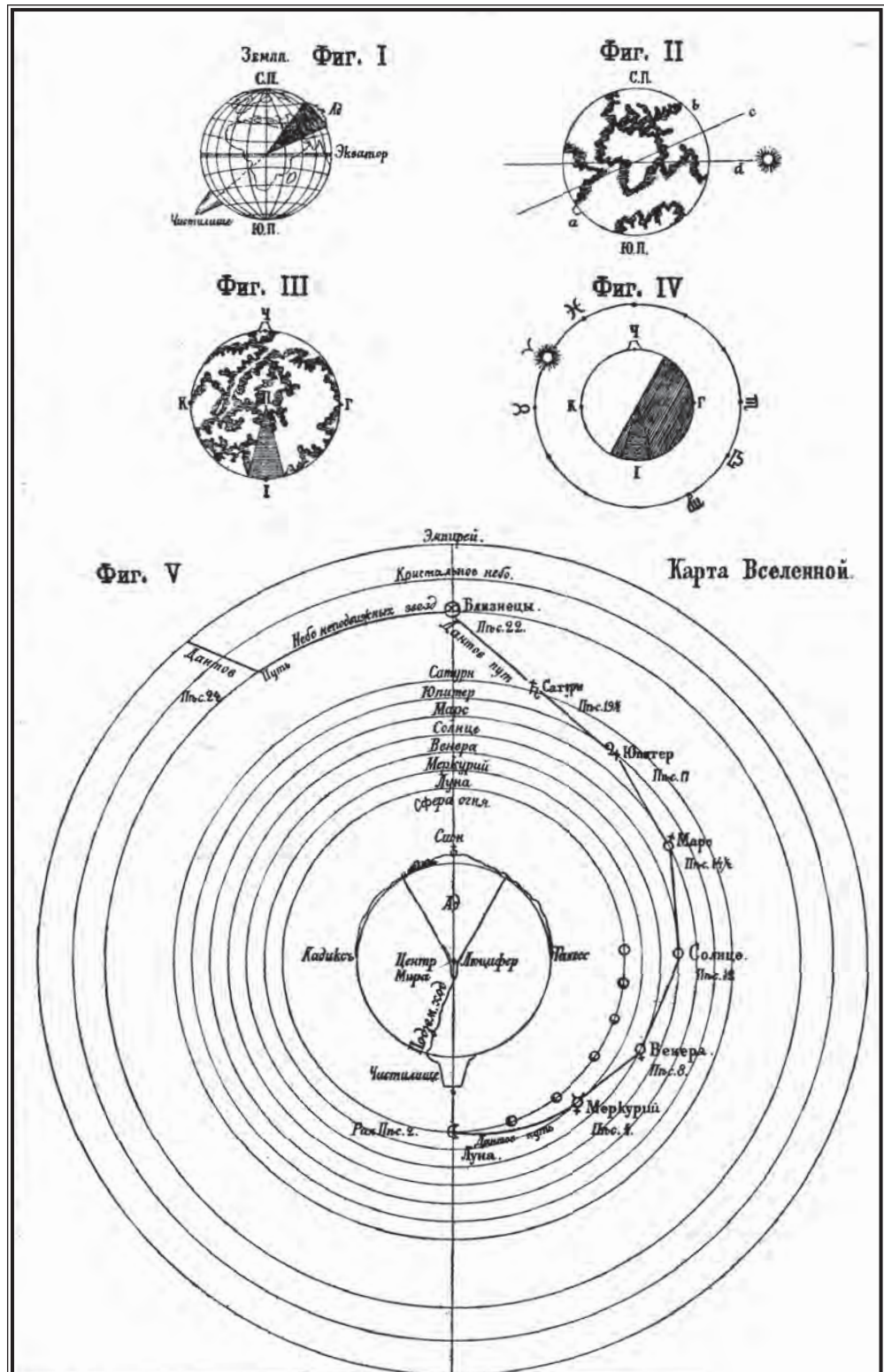
ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА УСТРОЙСТВО РАЯ

ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА УСТРОЙСТВО ЧИСТИЛИЩА

ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА

ЧИСТИЛИЩЕ

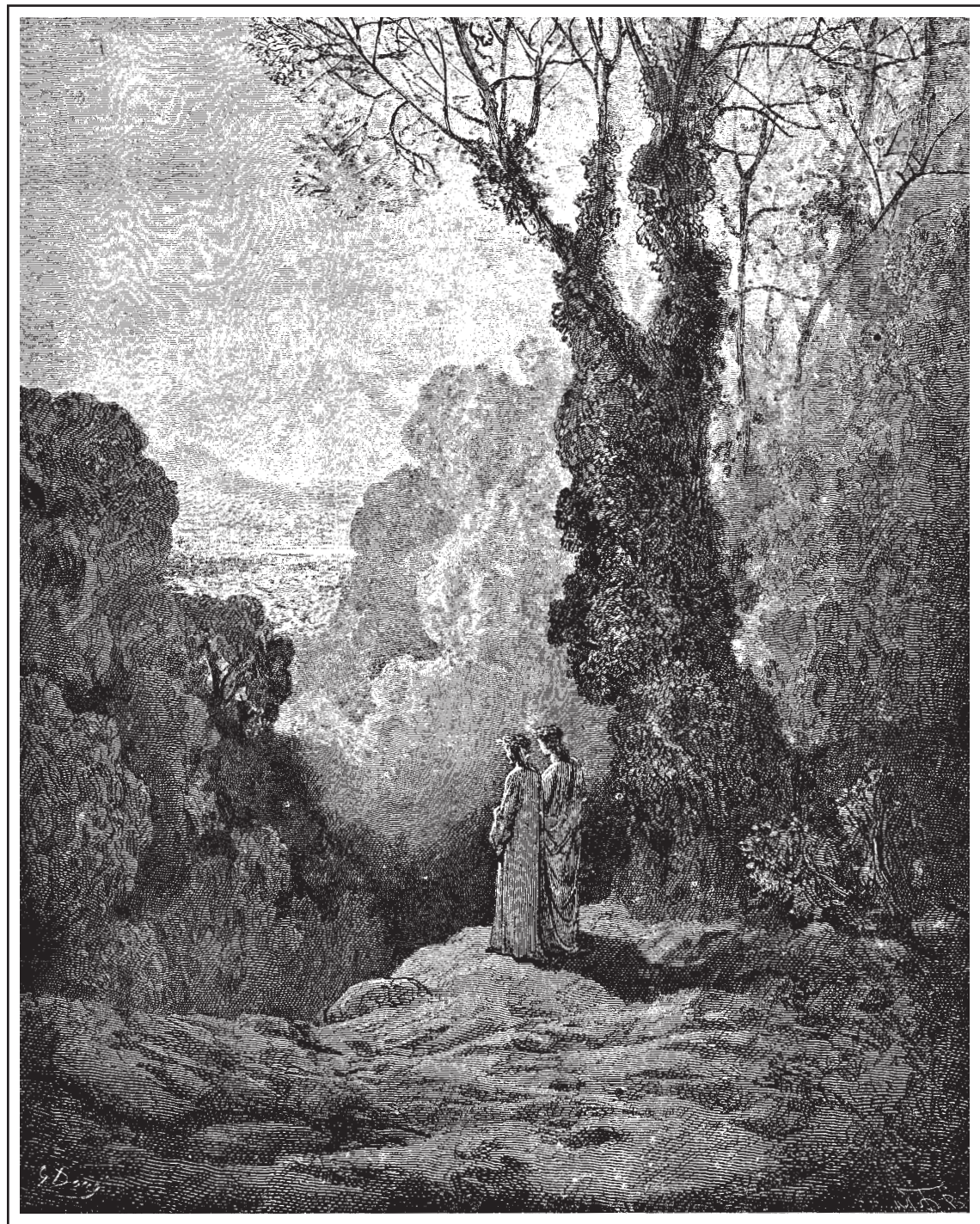
ПЕСНЬ I

Воззвание к музам. — Четыре звезды. — Катон.

1	Готовый плыть по волнам с меньшей смутой,
Поднял свой парус челн души моей,
Вдали покинув океан столь лютый,	Восторгом взор мой упоил вполне,
Лишь вышел я след по стопам поэта
Из адских бездн, так грудь стеснивших мне.	16
4	И буду петь о той стране теней,
Где очищается душа чрез муки,
Чтоб вознестись в небесный эмпирей.	Звезда любви, прекрасная планета,
Во весь восток струила блеск с высот,
Созвездье Рыб затмив улыбкой света.	19
7	Восстаньте же здесь, мертвой песни звуки:
Я ваш певец, о хор небесных дев!
Возьми цевницу, Каллиопа, в руки	Взглянув направо, созерцал я свод
Иных небес и видел в нем четыре
Звезды, чей блеск лишь первый видел род.	22
10	И слей с моею песнью тот напев,
Пред коим смолкла дев безумных лира,
В вас пробудившая бессмертный гнев! —	Играл, казалось, пламень их в эфире.
О, как ты беден, север наш, с тех пор,
Как блеска их уж мы не видим в мире! —	25
13	Цвет сладостный восточного сапфира,
Разлившийся в воздушной стороне
До сферы первой чистого эфира,	Едва от звезд отвел я жадный взор
И к северу опять направил очи,
Где уж исчез Медведиц звездный хор, —	28

3. «Океан лютый», т. е. ад, — продолжение метафоры первых двух стихов.

5. Чистилище (*purgatorium, il purgatorio*), по учению католической церкви, помещается также в преисподней, составляя собственно лишь одно из отделений ада, который учителя этой церкви (Petr. Lombard. 1, IV, dist. 45 A.; Thoma Aquin. Sum. theolog. P. III, qu. 69, art. 1) делили на две главные части: 1) на ад в собственном смысле, где помещены демоны и грешники, и 2) другие отделы преисподней, а именно — а) чистилище, непосредственно примыкающее к аду; б) лимб младенцев (*limbus infantum*), где находятся души младенцев, умерших без крещения (Thom. Aquin. Ib. qu. 69, art. 6), и с) лимб праотцев (*limbus patrum*), местопребывание благочестивых мужей Ветхого Завета, куда нисходил Христос для их освобождения (Данте, Ада IV, 31-63; Thom. Aquin. 1 с., art. 4. Elucidar с. 64). В отношении этих двух последних отделов Данте во всем согласуется с топографией средневековых схоластиков; в отношении же чистилища, т. е. места, где очищаются души, чтобы впоследствии вознестись на небо, он уклоняется от отцов церкви, создав совершенно новый образ чистилища, — более поэтический, более ясный, светлый и, так сказать, более радостный. Дантовское чистилище помещается на противоположном нашему полушарию, на острове, окруженном Великим океаном, покрывающим, по тогдашним понятиям, все южное полушарие (Ада XXXIV, 112-114, 116-118, 122-123). На этом острове, лежащем под одним меридианом (в антиподе) с Иерусалимом, считавшимся в то время за средоточие (пуп) земли, подымается высочайшая гора в виде усеченного на вершине конуса. Вокруг горы идут concentрично в виде террас семь уступов или кругов (называемых поэтом также карнизами — *cornici*), на которых очищаются кающиеся души. Все эти террасы соединены между собою высеченными в скалах — более или менее трудными для подъема — лестницами или горными тропинками, ведущими в конце концов на самую вершину горы, на которой посреди восхитительной равнины расположен земной рай. На семи уступах горы очищаются души в следующих семи смертных грехах: гордости, зависти, гнева, уныния (*accidia*), сребролюбия или скупости и расточительности, чревоугодия и блуде, или сладострастия. Но кроме того все чистилище распадается еще на три следующие отдела: 1) на преддверие чистилища (*antipurgatorium*), где помещаются души нерадивых (*neghittosi*), покаявшихся в последние минуты жизни; эти души должны пробыть здесь известное время, прежде чем будут допущены к очищению; 2) настоящее чистилище, разделенное по числу семи смертных грехов на семь сказанных кругов, и наконец 3) земной рай, на вершине горы, составляющей как бы переходную ступень к небесному блаженству. Первое отделение сообщается со вторым вратами

*Взглянув направо, созерцал я свод
Иных небес и видел в нем четыре
Звезды, чей блеск лишь первый видел род.
(Чистилище, Песнь I, тер. 22)*

чистилища, охраняемыми ангелом-привратником, перед которым каждый вступающий исповедует грехи свои. Кроме того каждый из семи кругов имеет своего ангела-хранителя. Первый отдел, *antipurgatorium*, описывается от I песни до X, второй — от X до XXVIII, третий — от XXVIII и до конца Чистилища.

7. «Мертвая песнь», т. е. песнь о царстве мертвого народа (*regno della morta gente*, Ада VIII, 85).

8. «О хор небесных дев» (в подлиннике: *O sante Musel*). Слич. Чистилища XXIX, 37 и примечание.

9. «*Vos, o Calliope, precor, adspirate canenti*». *Virg. Aen. IV, 522.* — Каллиопа (*Calliopea*), одна из девяти муз. В первой песни Божественной Комедии (Ада II, 7) призываются музы вообще, здесь в особенности Каллиопа, муза высшей эпической поэзии, потому что тон Божественной Комедии — с дальнейшим ее развитием и начиная уже отсюда — становится все важнее и возвышеннее.

11. «Дев безумных» (в подлиннике: *le Piche misere*, жалкие сороки). Здесь разумеются девять дочерей фессалийского царя Пиерия. Гордые своим искусством пения и умением играть на лире, они вызвали на состязание муз, и в числе их Каллиопу; но, будучи побеждены, были превращены музами в сорок. *Ovid. Metam. V, 302* и примечание.

13-15. Этой терциной обозначается время дня — раннее утро, перед рассветом, когда восточное небо принимает бледно-голубой цвет сапфира.

15. «До сферы первой», т. е. до сферы луны, которая, по системе Птолемея, составляет первую, или самую низшую из девяти сфер вокруг земли (Ада II, 78 и примечание). До сферы луны, по тогдашним понятиям, простирается атмосфера земли; затем начинается более светлая, огненная область (Рая I, 79-82).

19. Планета Венера (*Lo bel pianeta che ad amar conforta*). Данте в своем *Convivio* отдает девять небесных сфер руководству девяти ангельских хоров, причем третий круг, сферу Венеры, поручает Престолам, которые, будучи образованы по любви Св. Духа (*naturati del amore dello Spirito Santo*), оказывают и действие, соответствующее этой природе своей, именно вызывают движение этого неба, исполненное любви, отчего форма (сущность, природа этого неба) получает мощный жар, которым души на земле воспламеняются к любви, смотря по их различным способностям. А так как древние полагали, что это небо становится на земле виновником любви, то и говорили, что «Венера есть мать любви» (*Conv. tr. II, c. 6.* — Слич. Рая VIII, 1 и примечание). «Звезда божественной любви первая сверкает над горою Чистилища пришельцу из страны грешников, отравившихся от любви к Богу». Ноттер.

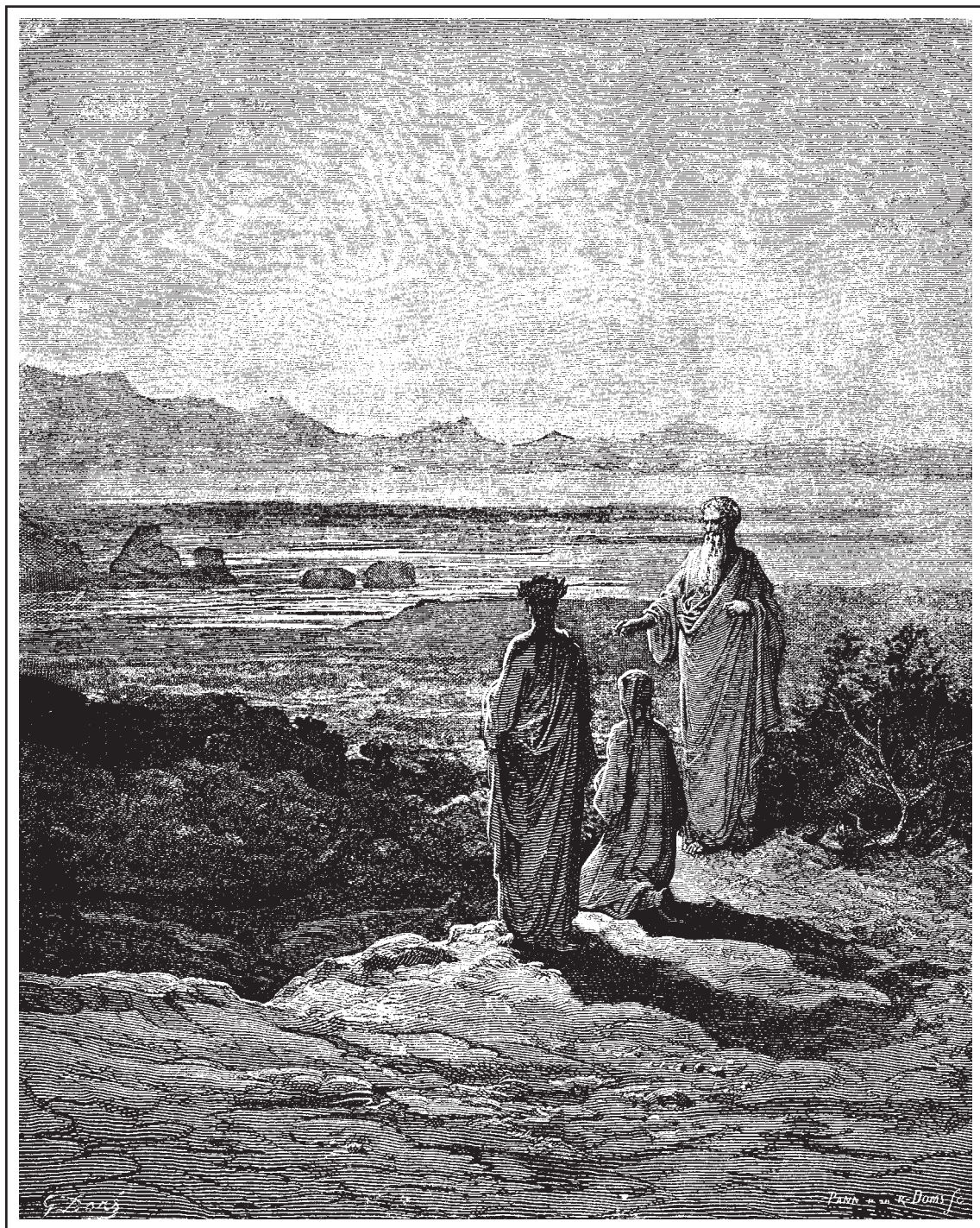
21. «Созвездие Рыб». «Венера, как утренняя звезда, стоит в знаке Рыб, помещающемся непосредственно за знаком Овна, в котором находится солнце в весеннее равноденствие». Карл Витте. — Следовательно, мнение Данте ошибочно, и Венера появляется в эту пору года лишь несколько минут спустя по восходе солнца. — По словам Ада, путники находились в аду около 24 часов. Так как в ад они вошли вечером в Великую Пятницу (Ада XXI, 112 и далее), то эти 24 часа должны пасть на ночь, следующую за Великой Пятницей, и на день Великой Субботы. Когда же потом они опять стали взбираться вверх от центра земли, причем очутились на противоположном полушарии, то было уже половина 8-го часа утра следующего дня, т. е. Светлого Воскресенья. В этот день вышел Данте из адской ночи при блеске звезды, дарующей мощь любви и приводящей в восторг грудь и очи.

22. «Направо», — по выходе из ада Данте был обращен лицом к востоку, и потому, чтобы взглянуть на южный полюс, он должен был повернуться направо.

23-24. «Четыре звезды». Нет никакого сомнения, что эти звезды имеют чисто аллегорическое значение, как это видно из ст. 38 этой песни, где они названы «святыми», а также из Чистилища XXXI, 106, где говорится: «Мы нимфы здесь, а в небе звезды мы». Они означают четыре натуральных, признававшихся и в языческом мире добродетели: мудрость, правосудие, мужество и воздержание. Но, с другой стороны, Данте придает звездам этим реальное значение, как это видно из Чистилища VIII, 91-92: «Склонились уж четыре светила те, чей блеск ты утром зрел». Потому многие комментаторы полагают, что Данте здесь действительно имел в виду созвездие Южного Креста, состоящее из одной звезды первой, двух — второй и одной — третьей величины. О существовании этого созвездия на южном полушарии Данте мог узнать от Марко Поло, вернувшегося в 1295 г. из своего путешествия, во время которого он посетил Яву и Мадагаскар. Кроме того, созвездие Креста отчасти видно из Александрии и совершенно ясно из Мероë. Итак, очень вероятно, что Данте мог иметь некоторое понятие об этом созвездии (установленном впервые в 1679 г.), хотя не имел верных сведений о времени его восхождения и захождения, так как упомянутое захождение этих четырех светил бывает позднее, чем у Данте. Слич. А. Humboldt's *Kosmos*, Vol. II, p. 331, 486; Vol. III, p. 329, 361.

24. «Первый род», т. е. Адам и Ева, которые, находясь в земном раю несколько часов (Рая XXVI, 144), видели эти звезды. По географии Средних веков, Азия и Африка не простирались далее экватора, а потому эти четыре звезды были неизвестны ни для кого из людей, кроме первых двух наших праотцов.

29. «К северу», т. е. налево, к северному полюсу.

*Вот — одинокий старец в мраке ночи
С таким в лице величьем, что сыны
Не больше чтут священный образ отчий.
(Чистилище, Песнь I, тер. 31)*

31 Вот — одинокий старец в мраке ночи
С таким в лице величьем, что сыны
Не больше чтут священный образ отчий.

34 Брада до чресл, сребрясь от седины,
Подобилась кудрям его, спадавшим
С его главы на грудь, как две волны.

37 Так озарен был лик огнем пылавшим
Святых тех звезд, что для моих очей
Он показался солнцем просиявшим.

— «Кто вы? И как чрез мертвый вы ручей 40
Из тюрем бежали вечной злой кручины?»
Он рек, колебля шелк своих кудрей.

«Кто вас привел? Кто осветил пучины, 43
Когда вы шли из адской ночи вон,
Навек затмившей страшные долины?

Ужели ж так нарушен бездн закон? 46
Иль сам Господь решил в совете новом,
Чтоб шел в мой грот и тот, кто осужден?»

30. «Главная звезда α Dubhe созвездия Большой Медведицы, или так называемой Колесницы, вообще не видна с того места, где находится Данте; далее самые малые звезды этого созвездия поднимаются лишь на несколько градусов над горизонтом и видимы 10 апреля от 9-12 часов; стало быть, теперь уже закатились. Может быть, Данте вообще говорит здесь, что созвездие Большой Медведицы невидимо с горы Чистилища, и тогда частица «уж» (già) будет относиться не ко времени, а к месту, т. е. что оно вообще не видно с горы Чистилища». Филалет.

31. «Старец» — это Катон Младший или Утический, родившийся в 95 г. и умерший 8 апреля 46 г. до Р. Хр. «Не желая пережить свободу Рима, он умертвил себя после сражения при Фарсале. С первого взгляда покажется очень странным встретить язычника и притом самоубийцу у подошвы горы Чистилища; как самоубийца, он принадлежал бы ко второму отделу насилующих, в седьмом кругу ада. О некоторых позднее встречающихся в поэме язычниках Данте везде приводит причину, почему он не помещает их в аду, например о поэте Стации (Чистилища XXI, 10 и 82-102), о Рифее и Траяне (Рая XX, 103-118). Поэтому древние комментаторы придавали Дантову Катону значение символическое, именно символ (ст. 71) свободной воли, столь необходимой для покаяния, для добровольного возвращения на путь добродетели. Следовательно, Катон в чистилище, подобно Харону, Плутону и др., мифическим фигурам в аду, где они суть чистые символы преступления и наказания, есть также не что иное, как символ. Что же касается рода выбранной Катонем смерти, то он также мало принимается в расчет, как и в последней песне Ада не принимается в расчет причина, побудившая Брута к умерщвлению Цезаря. К тому же Катон является здесь не как душа, долженствующая подвергнуться очищению: он будет занимать здесь свое место вплоть до дня Страшного Суда, когда должно уничтожиться чистилище. Как страж чистилища, он даже и не находится в его преддверии (antipurgatorium), а помещен вне его — у подошвы горы». Каннегиссер. — К тому же надобно помнить, что не только весь древний мир, но и некоторые отцы церкви (католической) высоко ставили нравственный характер Катона (G. Wolff, Cato der Jüngere bei Dante в *Jahrb. d. deutschen Dante-Gesell.* VII, p. 277 и далее), что, может быть, и побудило Данте поместить Катона не в аду. Следующее место из Дантовой *de Monarchia* (I. II, c. 5) бросает свет на это место Чистилища: «Accedit et illud inenarrabile sacrificium severissimi verae libertatis auctoris Marci Catonis, qui, ut mundo libertatis amores accenderet, quanti libertas esset ostendit, dum e vita liber decedere maluit, quam sine libertate manere in illa»... А в своем *Convivio* (tr. IV, c. 23) он говорит: «E quale uomo terreno degno fù di significare Iddio die Catone? Certo nullo». Наконец, идея о Катоне заимствована, может быть, у Вергилия (*Aen.* VIII, 670), у которого на щите, подаренном Энею Венерой, Катон изображен стражем отделенных в тартаре праведных, причем сказано:

Secretosque pios his dantem jure Catonem.

Почему Катон, умертвивший себя на 49 году жизни, представлен у Данте старцем — причина этому лежит, конечно, в словах Лукана (*Phars.* II 374):

Ut primum tolli feralia viderant arma,
Intensos rigidam in frontem descendere canos
Passus erat, moestamque genis increscere barbam.

37-38. Четыре звезды (ст. 23-24), упомянутые выше символы четырех натуральных добродетелей: мудрости, правосудия, мужества и воздержания, отражались в лице его, как такие добродетели, которым «rispendovano in Catone vie più che in alcun altro», как говорит Данте в другом месте.

<p>49 Тогда мой вождь и взорами, и словом
Мне подал знак потупить очи в дол,
Склонить колена пред лицом суровым,</p>	<p>Я показал ему все казни злых 64
И показать теперь хочу то племя,
Что очищается в грехах своих.</p>
<p>52 Сказав ему: «Не волей я пришел!
Жена с небес явилась мне в юдоли,
Моля спасти его в пучине зол.</p>	<p>Как шел я с ним, рассказывать не время; 67
Небесной силой осенен был я,
Тех подвигов мне облегчившей бремя.</p>
<p>55 Но если ты желаешь, чтоб я боле
Открыл тебе, что нам дано в удел, —
Я отказать твоей не властен воле.</p>	<p>Дозволь ему войти в твои края! 70
Свободы ищет он, которой цену
Лишь знает тот, кто умер за нее.</p>
<p>58 Последней ночи он еще не зрел,
Но так к ней близок был своей виною,
Чтоб обратиться вспять едва успел.</p>	<p>Ты знал ее, принявши ей взамену 73
Смерть в Утике, где сбросил прах одежд,
Чтоб просиять в день судный. Не из плену</p>
<p>61 Как я сказал, был послан я Женою
Спасти его, и не было иных
Путей, как тот, где он идет за мною.</p>	<p>Бежали мы! Смерть не смыкала вежд 76
Ему, и в ад Минос меня не гонит.
Я из страны, где в горе, без надежд,</p>

40. «Мертвый ручей» (в подлиннике: *cielo fiume*) — это поток, шум которого слышал Данте в центре земли, в конце последней песни Ада, ст. 130.

41. «Из тюрьм», т. е. из ада. Катон думает, что Вергилий и Данте беглецы из ада.

42. «Качание головой выражает изумление Катона; впрочем, оно делается в Италии и в знак вопроса». Ноттер.

46. Этот стих относится к тому мнению, что в Древнем мире для душ, находящихся в преисподней, существовала надежда на спасение в чаянии пришествия Христа: но с сошествием Его в ад для неискупленных из него навеки потерялась надежда на спасение: *ex inferno nulla est redemptio*. — «*Lasciate ogni speranza*» (Ада III, 9).

48. «Мой грот». — Грот Катона, по-видимому, находится внутри горы при самом восходе на гору Чистилища, хотя слово «грот» употреблено здесь вообще в смысле местопребывания, так как это слово часто употребляется у Данте в таком смысле.

51. Все время, пока не исчез Катон, Данте стоит на коленях (ст. 109).

53. «Жена с небес», т. е. Беатриче, являвшаяся к нему в юдоли лимба (Ада II, 112).

54. «Его», т. е. Данте.

58. «Последней ночи» (в подлиннике: *l'ultima sera*, последнего вечера), т. е. он еще не умер.

59-60. Т. е. когда он бежал из темного леса от трех животных, или, другими словами, когда он был близок к греху и гибели (Ада I, 58-62). Слич Чистилища XXX, 136.

71. Т. е. свободы от неволи греховной: «Потому что закон духа жизни в Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти». Посл. к Римл. VIII, 2.

73-75. Самоубийство Катона здесь противопоставляется преступлению трусливых самоубийц (Ада XIII, 103 и далее). Тело Катона в день Страшного Суда восстанет в вечном блеске, тогда как прочие самоубийцы повлекут свои тела за собою и повесят их на ветвях леса самоубийц. По мнению Каннегиссера, Катон опять займет место в лимбе после воскресенья мертвых. — «Впрочем, — говорит Филалет, — поступок Катона определяется иною мерою, чем поступки христиан; к тому же нам известно, что Катон, готовясь к смерти, подкреплял себя из сочинений Платона надеждой на бессмертие души. В особенности же на такое суждение Данте о Катоне имело влияние убеждение Данте в том, что Римская империя самим Провидением предопределена к владычеству над целым миром, — убеждение, выступающее еще сильнее в Чистилище, чем где-нибудь в Аду, и всего сильнее в сочинении Данте: *Liber de Monarchia*». — «Поэт полагает, что Бог точно так же проявит Катону будущее искупление человечества за его стремление к истинной свободе, как Он сделал это для Рифея (Рая XX, 122) за его любовь к правосудию». К. Витте.

79 Тень Марции твоей поныне стонет
Все по тебе, о старец пресвятой!
Ее любовь пусть к нам тебя преклонит.

82 Семь царств твоих пройти нас удостой!
Весть о тебе я к ней несусь в глубь ада,
Коль ад достоин почести такой». —

85 — «Мне Марция была очей отрада,
И в жизни той», он проведал в ответ,
«Моя душа была служить ей рада.

88 Но ведь она в юдоли адских бед,
И ей внимать мне не велят законы,
Сложенные, как я покинул свет.

91 И если вас ведет чрез все препоны
Жена с небес, то льстить мне для чего?
Довольно мне подобной обороны.

94 Иди ж скорей и препояшь его
Осокой чистой и, омыв ланиты,
Всю копоть ада удали с него,

Чтоб спутник твой, туманом бездн повитый, 97
Не встретился с божественным посланьем,
У райских врат сидящим для защиты.

Весь остров наш, как видишь ты, кругом 100
Внизу, где волны хлещут в берег зыбкий,
Порос по мягкой тине тростником,

Затем что всякий злак, не столько гибкий, 103
Не мог бы там у бурных волн расти
И выдержать с волнами вечной сшибки.

Оттолк сюда не должно вам идти; 106
Смотри! Уж солнце позлатило волны;
Оно укажет, где вам путь найти».

Тут он исчез. И, вставши, я, безмолвный, 109
Приблизился к учителю и там
Вперил в него мой взор, смиренья полный.

И он мне: «Шествуй по моим стопам! 112
Пойдем назад, куда долина горя
Склоняется к отлогим берегам».

75. «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Матф. XIII, 43.

78. «Я из страны», т. е. из лимба, следовательно нахожусь не во власти Миноса, помещающегося во втором кругу ада (Ада V, 4 и примеч.), откуда он рассылет грешников по адским кругам, смотря по тому, сколько раз обовьется хвостом.

79. «Марция, жена Катона, дочь консула Л. Марция Филиппа, находится в лимбе (Ада IV, 128). Она, по повелению Катона, развелась с ним и вышла замуж за друга его, оратора Гортензия. По смерти этого последнего она опять стала женою Катона, которого, по словам Лукана, она так умоляла принять ее:

Da foedera prisci
Illibata tori, da tantum hominem inane
Connubii: liceat tumulo scripsisse Catonis
Marcia. Phars. II, 341 et seq.
Скартаццини

82. Т. е. семь кругов чистилища, находящихся под твоим хранением.

89-90. «Законы» (в подлиннике: quella legge Che fatta fu quando me n' uscii fuori). Postill. Cass. очень хорошо объясняет этот закон: «quod damnati non possunt aspirare salvatis». — Катон умер за 46 л. до Р. Хр., следовательно, почти за 80 л. до смерти Спасителя. До сошествия Его в ад никто из душ не был освобожден из лимба (Ада IV, 63); следовательно, надобно полагать, что и Катон был извлечен из лимба в числе многих других Всесильным (Possente), соделавшим их святыми. С выходом Катона из лимба вся связь его с Марцией прервалась навеки, по слову Евангелия: «Между нами и вами утверждена великая пропасть». Лук., XVI, 26. — Другие комментаторы видят здесь просто намек на то, что смерть, по слову евангельскому, разрывает все связи брачные.

95. «Осокой чистой», собственно тростником (D'un giunco schietto): это, в противоположность скорченными ветвями леса самоубийц (Ада XIII, 4), по мнению всех комментаторов, символ чистосердечного раскаяния и покорного терпения, — как двух предварительных условий, необходимых для всякого улучшения и нравственного усовершенствования. «Это первое очищение, совершаемое самим Вергилием (человеческим

разумом), означает, может быть, совершающееся в нас при помощи естественных сил и в особенности при содействии свободной воли улучшение к восприятию всего божественного, — словом то, что составляло у схоластиков так называемого «meritum congrui». Филалет. — «Ubiqunq; etiam inveniuntur optima p;cepta morum et disciplinae; humilitas tamen non invenitur. Via humilitatis hujus aliunde manat, a Cristo venit». Св. Август. Enarr. in Ps. 31.

99. В подлиннике: al primo Ministro, ch' è di quei di Paradiso. Большая часть комментаторов понимает здесь ангела, являющегося во II песни Чистилища. Но мы следуем здесь мнению Скартаццини, Каннегисера и др.; этот ангел является и исчезает почти мгновенно, не обращая при этом никакого внимания на Данте и Вергилия; поэтому гораздо вероятнее понимать здесь ангела-привратника, хранителя врат чистилища, о котором говорится ниже (Чистилища IX, 103 и далее).

100. Т. е. остров, на котором возвышается гора Чистилища.

- 115 Уже зоря, со мглою ночи спора,
Гнала ее с небес, и я вдали
Уж мог заметить трепетанье моря.
- 118 Как путники, что наконец нашли
Путь истинный меж пройденными даром,
Так мы безлюдной той долиной шли.
- 121 И под горой, где спорит с дневным жаром
Роса и, скрытая под тенью гор,
Не вдруг пред солнцем улетает паром, —
- 124 Там обе руки тихо распростер
Учитель мой над многотравным дерном.
И я в слезах, потупя долу взор,

- Поник пред ним в смирении покорном; 127
Тут сбросил он с меня покровы мглы,
Навеяны на лик мой адским горном.
- Потом сошли мы к морю со скалы, 130
Не зревшей ввек, чтоб кто по воле рока
Здесь рассекал в обратный путь валы.
- Тут препоясал он меня осокой, 133
И вот, — о чудо! — только лишь рукой
Коснулся злака, как в мгновенье ока
- На том же месте вырос злак другой. 136

103. «Всякий злак». «Per la pianta vuol dire et mostrare l'uom superbo; et dice che veruna pianta induri e faccia fronda quivi non può avere luogo; ciò è veruno, che mostri per le frondi, ciò è per le sue operazioni e dimostrazioni, la sua superbia di fuore, è che di quella superbia induri nell' animo, et diventi ostinato, non può quivi avere luogo». Anonimo Fiorentino.

108. Поэты огибают гору Чистилища с востока на запад, сообразно движению солнца. Намекая на такой путь, Вергилий делает свое воззвание к солнцу. Чистилища XIII, 13.

109. «Здесь в первый раз исчезает тень мгновенно из глаз Данте. В аду тени удалялись от него (исчезали), как существа телесные; у них как бы отнята способность исчезать с глаз зрителей моментально, как ни желали бы они стать невидимыми (Ада XXIV, 93). Впоследствии исчезает точно так же и Вергилий (Чистилища XXX, 47)». Ноттер.

113. «Долина горя», именно край, или берег, окаймляющий остров Чистилища. Он назван «долиною горя» не в том смысле, как называются адские долины, но в том, что для очищения от грехов необходимо сокрушение сердца о них.

113-114. «Коническую крутую гору Чистилища окаймляет со всех сторон исподволь склоняющийся к морю кругообразный край или берег, на котором находятся теперь поэты. Когда они стали на него, они обращены были лицом к утру — к востоку (ст. 22, прим.); затем они повернулись к северу, чтобы говорить с Катонем. Теперь они опять оборачиваются и обращаются снова на восток, к морю. Стало быть, они находятся на восточном берегу острова, как это еще яснее будет видно ниже (Чистилища IV, 53)». Филалет.

115. Теперь час утренней зари. Следовательно, путники употребили целые сутки, 24 часа, чтобы от центра земли достигнуть до ее поверхности, т. е. столько же, сколько они употребили, чтобы достигнуть до центра. Каннегиссер.

116-117. Перед восходом солнца подымается легкий ветерок, который наводит рябь на поверхность моря, или, как дивно выражено у Данте, заставляет ее трепетать (il tremolar della marina). — «His pieces of pure pale light are always exquisite. In the dawn on the purgatorial mountain, first, in its pale white, he sees the tremolar della marina, — trembling of the sea; then it becomes vermilion; and at last, near sunrise, orange. These are precisely the changes of a calm and perfect dawn». Рёскин. Mod. Painters (по цитате Лонгфелло).

120. Кроме Катона (теперь уже исчезнувшего), на ней никого не было.

121-123. Под горой, как в месте низменном и более прохладном, роса долее всего сопротивляется действию солнца.

126. Данте плачет или от радости, освободившись от ужасов ада, или от сокрушения сердца, приступая к очищению себя от грехов. Вообще по выходе из ада Данте, кроме этого места, нигде более не плачет.

131-132. Намек на безумное и гибельное плавание по этим волнам Улисса (Ада XXVI, 142).

133-136. Может быть подражание Вергилию (Aen. VI, 141, 145):

— Primo avolso non deficit alter
Aureus; et simili frondescit virga metallo.

Аллегорический смысл: благодать Господня неисчерпаема и не уменьшается веками.

— «Склони, склони колена!» возопил:
«Здесь ангел Божий! К сердцу длань! Отселе
Ты будешь зреть лишь слуг небесных сил».
(Чистилище, Песнь II, тер. 28)

ПЕСНЬ II

Преддверие чистилища. — Ангел кормчий. — Казелла. — Катон.

<p>1 Уже склонилось солнце с небосклона
На горизонт, его ж полдневный круг
Зенитом кроет верх горы Сиона.</p> <p>4 И, против солнца обращаясь вкруг,
Из волн Гангеса вышла ночь с Весами,
Что, став длинней, их выронить из рук, —</p> <p>7 Так что Авроры светлый лик пред нами
Из белого стал алым и потом
Оранжевым, состарившись с часами.</p> <p>10 А мы все были на берегу морском,
Как тот, кто, путь утратя в мире этом,
Душой парит, а сам все в месте том,</p> | <p>И вдруг, как Марс, пред самым дня рассветом, 13
На западе, на лоне синих вод,
Сквозь пар густой сверкает красным цветом, —</p> <p>Так мне блеснул (о, да блеснет с высот 16
Он мне опять!) над морем свет столь скорый,
Что с ним сравнить нельзя и птиц полет.</p> <p>Чтоб спросить о нем, на миг я взоры 19
Отвел к вождю; потом взглянул и — се! —
Уж он возрос и стал светлей Авроры.</p> <p>Со всех сторон над ним во всей красе 22
Белело нечто; с белого ж покрова
Вниз падал блеск, подобный полосе;</p> |
|--|---|

1-3. Астрономическое определение суточного времени. Наступает утро 27 марта (или, может быть, 7 или 10 апреля), между 6-7 часом утра. «Поэт принимает на земной поверхности четыре пункта, именно Иерусалим или гору Сиона, реку Эбро в Испании, гору Чистилища и реку Ганг в Индии, пункты, меридианы или полуденные круги которых, по его предположению, все находятся на равном расстоянии между собою. Именно расстояние одного меридиана от другого равняется 90°; таким образом, Иерусалим отстоит от горы Чистилища на 180°, или на целую половину земной поверхности, или, другими словами, обитатели этих двух пунктов на земле суть настоящие антиподы между собой. Обе эти точки имеют один общий горизонт, т. е. одну и ту же границу своего кругозора; поэтому когда для Иерусалима солнце на западе перейдет эту границу, т. е. садится, тогда оно для горы Чистилища восходит на востоке. Два остальных пункта, Ганг и Эбро, находятся между первыми двумя, отстоя один от другого на 180°; от Иерусалима же и горы Чистилища на 90°, и это пространство протекает солнце (в своем движении) в 6 часов. Следовательно, когда солнце для Иерусалимского меридиана стоит близко над западным горизонтом, тогда для горы Чистилища оно только что начинает всходить. Тогда здесь (на Чистилище) начинает исчезать белый и алый цвет юной утренней зари и уступает место густому желтому (оранжевому) цвету, предшествующему восхождению солнца. На Ганге же, на 90° к востоку, уже прошло 6 часов, как зашло солнце; следовательно, там теперь полночь. В начале весны ночь выводит с собой на небо созвездие Весов, под знаком которых, шестью месяцами позднее, именно в начале осени, восходит солнце. В это время долгота ночи начинает увеличиваться, созвездие же Весов как бы ускользает из рук ее (*le caggion di man*), так как оно в это время стоит днем на небе вместе с солнцем. Штрекфусс. — «Данте впал здесь в ошибку, приняв неправильно, будто меридианы устьев Ганга и Эбро отстоят одно от другого на 180°, тогда как в сущности они отстоят всего лишь на 121°. Еще сильнее он ошибся, допустив, что Иерусалим находится на равном расстоянии от этих двух меридианов, так как от первого, вместо 90°, он отстоит всего лишь на 39 ½°, а от второго — лишь на 48 ½°. Но если в 1300 г. имели в географии самые поверхностные знания, то следует ли винить в том Данте?» — Фратичелли.

4-6. «Данте олицетворяет здесь ночь, представляя ее существом, имеющим руки. Она вращается по своду небесному диаметрально противоположно солнцу. Поэт представляет ночь как бы выходящую из волн Ганга, так как там, по его мнению, восточный горизонт Иерусалима. Она держит в руках Весы, потому что она находится теперь в созвездии Весов (*Libra*); она держит их в руках целый месяц, потому что остается целый месяц в этом созвездии, — точно так, как и солнце остается в нем столько же времени в осеннее равноденствие. В этот-то именно промежуток времени ночь начинает мало-помалу удлиняться или возрастать (*soverchiando*) над днем. Но это удлинение, или перевес ночи над днем, не бывает слишком заметно, пока солнце не перейдет созвездие Скорпиона». Скартаццини. — Слич Делла Валле, *Il senso geografico-astronomico dei luoghi della D. C. Faenza*. 1869, p. 35.

7-9. «Поэты представляют себе зарю (Аврору) в виде прекрасной богини, живущей на востоке, так как она всегда является с востока незадолго до восхождения солнца. Итак, желая обозначить, что солнце уже

восходит, поэт говорит, что белый и алый лик (собственно щеки, в подлиннике: *guance*) Авроры, т. е. те два цвета, которыми окрашивается воздух, прежде чем солнце совершенно взойдет, стали желтыми, оранжевыми (*rance*), как бы состарившимся». Ландино. — Боккаччо в прологе к третьему дню в своем Декамероне подражает этому месту Данте.

10-12. Выражение нерешительности странников, еще незнакомых с местностью.

13-15. «Планета Марс является краснее обыкновенного: а) утром, когда подымается туман; б) когда она блестит на вечернем небе и с) когда она приходится близко к поверхности моря, где пары бывают всего гуще». Фратичелли. — «Планета Марс избрана здесь, вероятно, не без умысла: прибывающие сюда души должны будут выдержать здесь еще многие битвы, прежде чем достигнут полного блаженства (Ада II, 4)». Копиш.

18. Т. е. «быстрее всякой быстролетной птицы». Бути.

<p>25 Еще мне вождь не отвечал ни слова,
Как верхний блеск уж принял образ крыл.
Тогда поэт, познав пловца святого, —</p> <p>28 — «Склони, склони колена!» возопил:
«Здесь ангел Божий! К сердцу длань! Отселе
Ты будешь зреть лишь слуг небесных сил.</p> <p>31 Без ваших средств, смотри, как мчится к цели
Наперекор всем веслам, парусам,
Парит на крыльях в дальнем сем пределе.</p> <p>34 Смотри, как он вознес их к небесам!
Как режет воздух махом крыл нетленных!
Им не сесть, как нашим волосам!»</p> <p>37 Приблизясь к нам от граней отдаленных,
Пернатый Божий лучезарней стал,
Так что я глаз, сияньем ослепленных,</p> | <p>Не мог поднять. И к берегу он пристал 40
С ладьей столь быстрой, легкой, что нимало
Кристалл волны ее не поглощал.</p> <p>Стоял небесный кормчий у причала; 43
В лице читалась благодать сама,
В ладье ж сто душ и боле восседало.</p> <p>«In exitu Israël от ярма 46
Египтян злых!» все пели стройным хором,
И все, что писано в стихах псалма.</p> <p>Их осенил крестом он с светлым взором; 49
Затем все вышли на берег, а он,
Как прилетел, так скрылся в беге скором.</p> <p>Сонм пришлецов был местностью смущен; 52
Очами вкруг искал он, где дорога,
Как тот, кто чем-то новым удивлен.</p> |
|---|--|

22-24. Сперва мы видим какой-то блеск в виде покрыва над ангелом; затем мало-помалу (в подлиннике: а росо а росо un altro a lui n'uscia) является другой белый свет в виде полосы, выходящей из первого облака. Первый блеск исходит от лучезарного лица и крыльев ангела, и он виден прежде всего, второй — от белого одеяния.

29. Явление этого ангела составляет диаметрально противоположность с явлением Харона в Аду. Как Харон переправляет души злых, так этот ангел — души добрых. Как в этом ангеле все здесь небесно и божественно, его появление — свет и блеск, «в лице его благодать сама» (ст. 44), и сам он не нуждается ни в каких пособиях и земных средствах, в парусах и веслах, так, наоборот, все в Хароне демонично, почти бесобразно; вся фигура его отвратительно ужасна; Ахерон, по которому он плывет, мутен и болотист; души вгоняет он в челн свой ударами весла; здесь же воды чисты и души радостно поют псалом. Но если Данте пользуется в Аду мифологией для воплощения своих идей, то к ней он не дерзает уже прибегать в Чистилище, а того менее в Раю. Язычество, хотя и неповинно, принадлежит Аду, потому и Ад можно было изукрашать существами языческих мифов. Это отсутствие мифологии делает, конечно, Чистилище и Рай менее пластичными, — остается в них лишь одна история и некоторые вымыслы форм. Но тем не менее символизм выступает в некоторых местах очень значительно, особенно там, где Библия подает к тому повод, например в последних песнях Чистилища». Каннегиссер.

33. «Крылья искони служат символом небесного и божественного». Каннегиссер.

42. Весьма знаменательно то, что здесь челн, хотя и касается земной воды, но в нее не погружается, в противоположность челну Харонову, почему Харон и намекает Данте (Ада III, 93) на этот челн. Сличит также Ада VIII, 19 и след.

46. В подлиннике: «In exitu Israel de Egitto» (вместо Egypto, для рифмы); здесь удержана лишь половина латинского стиха. «Это начало 113-го псалма, написанного в воспоминание освобождения израильского народа от Фараона и работ египетских. В католических церквях он пелся по воскресеньям в конце вечерни, а также в древности священниками при выносе покойника в церковь». Скартаццини. — Этот псалом Данте в письме своем к Кану Великому приводит в пример того, как может ничто иметь в одно время и буквальный, и аллегорический смысл: «Si literam solam inspiciamus, significatur nobis exitus filiorum Israel de Aegypto, tempore Moysis; si allegoriam, nobis significatur nostra redemptio facta per Christum; si moralem sensum, significatur nobis conversio animae de luctu et miseria peccati ad statum gratiae; si anagogicum, significatur exitus animae sanctae ab huius corruptionis servitute ad aeternae gloriae libertatem». Ep. Kani Gr. de Sc. § 7, по цитате Скартаццини. Отсюда видно, как уместно применен поэтом этот псалом к душам, которые, освободившись от рабства греховного на земле, стремятся теперь к духовной свободе. По Клименту Александрийскому (Strom. 1, 208), Египет на аллегорическом языке библейских толкователей прямо означает земной мир.

Не мог поднять. И к берегу он пристал
С ладьей столь быстрой, легкой, что нисколько
Кристалл волны ее не поглощал.
(Чистилище, Песнь II, тер. 40)

<p>55 Со всех сторон из Солнцева чертога
Струился день и тучей метких стрел
С середины неба гнал уж Козерога.</p> <p>58 И новый сонм, как скоро нас узрел,
Поднявши взор, сказал нам: «Укажите,
Коль можете, путь в горний тот предел».</p> <p>61 На что Вергилий: «Может быть, вы мните,
Что край знаком нам? Уверю вас, —
В нас путников себе подобных зрите.</p> <p>64 Сюда привел пред вами лишь за час
Нас путь иной, столь пагубный и лютой,
Что в гору лезть — теперь игра для нас».</p> <p>67 По моему дыханью в те минуты
Заметивши, что я еще живой,
Весь сонм теней вдруг побледнел от смуты.</p> | <p>И как к гонцу с оливей вестовой 70
Народ теснится, чтоб услышать вести,
Топча один другого в давке той:</p> <p>Блаженные так духи те все вместе 73
Уставили свой взор мне прямо в лик,
Почти забыв о времени и месте.</p> <p>Один из них ко мне всех больше ник, 76
Обнять меня так пламенно желая,
Что сделать то ж он и меня подвиг.</p> <p>О, видная лишь взором тень пустая! 79
Три раза к ней я руки простираю,
К себе на грудь их трижды возвращая.</p> <p>От дива лик мой, видно, бледен стал, 82
Затем что тень с улыбкой отступила,
А я, гонясь, за нею поспешал;</p> |
|--|---|

49. «Вернейший путь к нравственной свободе есть вера во Христа и Христово нравственное учение: осеняя крестным знамением, ангел поручает души этим руководителям». Штрекфусс.

55-57. Солнце изображается тут как бог Аполлон, вооруженный луком и стрелами. Стихи здесь обозначают, что солнце уже значительно поднялось над горизонтом: при самом восхождении его в знаке Овна (в это время года) знак Козерога находится на полдне; а так как он отстоит от Овна на 90°, то с поднятием солнца знак Козерога должен уже отойти от меридиана и склониться к закату. По расчислению астрономов (Ponta, Orog. dantesco № 6, также Lanci: degli ordinamenti ond ebbe conteste Dante Alighieri 1a, II e III Cantica, есс. Roma 1856), солнце уже полчаса как поднялось над горизонтом; большинство, впрочем, принимают около двух часов. — Сличу у Камерини.

60. «Во второй песне Ада мы видели, что поэт с великим колебанием и сомневаясь в самом себе решается на убеждения Вергилия предпринять роковое странствование. Точно такую же нерешительность обнаруживают теперь только что прибывшие души при новости состояния, в коем они находятся». Штрекфусс.

61-63. «Вергилий не знает ни о чем, что было раскрыто Христом, а потому здесь является скорее руководящим соучеником Данте, чем его учителем; здесь о многом более возвышенном он сам должен спрашивать других. Уже в Аду он не знает о существовании обвала моста в шестом рве (Ада XXI, ст. 106 и след.), также при виде Каиафы приходит в изумление (Ада XXIII, ст. 124)». Копиш.

65. В подлиннике: *Per altra via, che fu sì aspra e forte*, т. е. чрез темный лес и ад; а в ст. 52 в подлиннике употреблено выражение *selvaggia*. «Все три эпитета: *selvaggia, aspra e forte*, употребленные в Аду I, ст. 5 для обозначения темного леса, не без значения употреблены здесь вторично». Копиш.

67. «Здесь при свете дня души тотчас могли заметить, что Данте еще дышит, что среди адской мглы не тотчас было заметно». Ноттер. Сличу Ада XXIII, прим. к 88-й ст.

70-72. Как в древности, так и во времена Данте было в обычае отправлять послов, просящих о мире, с ветвью оливы в руках. «Те, кого посылали просить мира или кто хотел, чтобы их приняли как друзей, носили в руках ветку оливы: также и те, которые приносили весть о победе, возвещали издали об этом оливой». Веттори. Впрочем, Данте здесь подражает Вергилию. *Virg, Aen. 1. VIII, v. 111, 115:*

*Tum pater Aeneas puppi sic fatur ab alta,
Paciferaeque manu ramum proetendit olivae.*

79-84. О природе теней по смерти, по учению Данте, мы будем подробно говорить ниже (Чистилища XXV, ст. 94). Сличу Ада IV, ст. 34 и VI, ст. 36.

<p>85 «Спокойней будь!» мне кротко возразила,
Тогда, узнав ее, я стал молить,
Чтоб неспеша со мной поговорила.</p>	<p>Так вот и я, став у поморий тех, 100
Где воды Тибра стали солью полны,
Был благостно им принят в челн утех, —</p>
<p>88 И дух в ответ: «Как я привык любить
Тебя, быв в теле, так люблю без тела.
И я стою. Тебе ж зачем здесь быть?»</p>	<p>На устье том, где он парит чрез волны, 103
Затем что там собирается все то,
Что не падет за Ахерон безмолвный».</p>
<p>91 — «Казелла мой! Чтоб вновь достичь предела,
Где я живу, — иду на эту круть;
Где ж ты», сказал я, «медлил так, Казелла?»</p>	<p>— «О! если у тебя не отнято 106
Искусство петь любовь с ее тревогой,
В которой слез мной столько пролито, —</p>
<p>94 А он на то: «Его в том воля будь!
Тот, кто берет, кого и как рассудит,
Пусть взбранил не раз сюда мне путь, —</p>	<p>Утешь», сказал я, «дух мой хоть немного, 109
Затем что он, одетый в плоть и кровь,
Так утомлен им пройденной дорогой».</p>
<p>97 Все ж воля в нем по Вечной Правде судит.
И подлинно, три месяца, как всех
Приемлет он, кто с миром в челн прибудет.</p>	<p>— «В душе со мной беседа, любовь...» 112
Так сладостно он начал петь в то время,
Что сладость звуков будто слышу вновь.</p>

91. «Знаменитый флорентийский певец и хороший собеседник („vir affabilis et curialis“, говорит Бенвенуто да Имола) во времена Данте; он был, как кажется, другом, а может быть, и учителем Данте в музыке. Кресчинбини в своей „Storia della volgare poesia“ говорит, что он нашел в Ватикане на одном сонете Леммо да Пистойя, поэта, жившего около 1300 г., надпись: „Lemmo da Pistoja e Casella diede il suono“ (положено на музыку)». Филалет.

93. Из этого вопроса следует заключить, что Казелла умер уже довольно давно, во всяком случае ранее объявленного в 1300 г. папой Бонифацием VIII юбилейного года. Данте поэтому и спрашивает, почему он только теперь прибыл в чистилище на ладье ангела, т. е. в начале весны (начало странствования Данте), следовательно, спустя три месяца после объявления юбилея, считая напрасно потерянным время, прошедшее между смертью и вступлением в чистилище. «Поэт, как кажется, имел здесь в виду Вергилиева Палинура, которого Эней встречает по эту сторону Стикса. Харон отказывается перевезти через Стикс тень Палинура на том основании, что труп его еще не погребен. Подражая здесь Вергилию, Данте, однако ж, не объясняет, почему ангел не принял ранее в свой челн душу Казеллы». К. Витте.

95. «Тот, кто берет, кого и как рассудит», — т. е. ангел, перевозящий души на гору Чистилища.

97. «По Вечной Правде», т. е. по воле Господней.

98 и др. Год 1300 был юбилейный год (Ада XVIII, прим. к ст. 28-30); на Страстной неделе, в конце марта, когда Данте совершает свое загробное странствование, прошло уже три месяца с начала юбилея, так как он начался с рождественских праздников в 1299 г. Во время юбилея все пилигримы, прибывшие в Рим, получили отпущение грехов; потому в это время ангел принимает всех в свой челн и отвозит их на остров Чистилища. — Сличи Бианки, стр. 285.

99. «С миром», т. е. с покаянием (в подлиннике: *chi ha voluto entrar con tutta pace*).

100-101. «У поморий тех, где воды Тибра стали солью полны» (*alla marina vólto, dove l'acqua di Tevere s'insala*), т. е. где воды Тибра, вливаясь в море, получают вкус морской воды, или при впадении Тибра в море.

103. «На устье том», т. е. на морском берегу Остии, при устье Тибра, где собираются души всех спасенных от ада. Отправление душ на какой-нибудь морской остров было народным мнением, распространенным повсеместно (см. Grimm, deutsch. Mythol. S. 791). Данте избирает для этого устье Тибра, недалеко от Рима. Как живые пилигримы шли в Рим для получения отпущения грехов, так и все покающиеся души собираются туда же. Все же души, не допущенные сюда, мгновенно погружаются в ад (за Ахерон безмолвный). Этим обозначается, что Рим и церковь есть посредствующее звено между Богом и предназначенными к блаженству душами. Впрочем, те, которые принесли неполное раскаяние, остаются где-то, прежде чем будут перевезены в чистилище (прим. к ст. 93); чаще же остаются у подошвы горы Чистилища.

ПЕСНЬ II

<p>115 Мой вождь, и я, и все святое племя,
Здесь бывшее, так были пленены,
Что всех забот, казалось, спало бремя.</p> <p>118 Не двигаясь, внимания полны,
Мы слушали, как вдруг наш старец честный
Вскричал: «Что это, праздности сыны?»</p> <p>121 «Что стали там вы в лени неуместной?»
К горе бегите — сбить с себя гранит,
Вам не дающий видеть Лик небесный».</p> | <p>Как голубки, которых корм манит, 124
Сбираются в полях без опасенья,
Сложив с себя обычный гордый вид, —</p> <p>Но, чем-нибудь испуганы, в мгновенье 127
Бросают корм, затем что всех забот
Сильней теперь забота о спасенье:</p> <p>Так, видел я, недавний здесь народ, 130
Покинув песнь, бежать пустился в горы,
Как без оглядки мчится трус вперед.</p> <p>За ним и мы пошли, не меньше скоры. 133</p> |
|--|---|

110-111. Данте утомлен (*affannata*), «потому ли, что еще находится под впечатлением ужаса адских мук, или потому, что ему предстоит еще вынести много трудностей в чистилище, так как он во всем, что видит, принимает самое живейшее участие, или даже сам принадлежит к числу тех, состояние коих он созерцает». Каннегиссер.

112. В подлиннике: *Amor che nella mente mi ragiona* — начало дивно прекрасной канцоны Данте, может быть, положенной на музыку самим Казеллой. Это именно вторая из трех канцон, который он сам комментировал в своем *Convivio*. Под именем своей возлюбленной он разумеет в ней умозрительную философию, причем дух, *mente*, обозначаемый им местом, из которого говорит в нем любовь, он называет драгоценнейшею частью, божеством своей души.

119. «Старец честный» — Катон, который как мгновенно исчез в первой песне, ст. 109, так мгновенно здесь и является снова.

120. «Т. е. души забыли здесь свое ближайшее назначение — подниматься на гору очищения. По Ландино и Веллутелло, здесь заключается та мысль, что обращение иногда вновь задерживается чувственными прелестями, но что свободная воля, выражающаяся здесь в возгласе Катона, ст. 120, скоро опять берет перевес». Каннегиссер.

122. «Сбить с себя гранит» (*a spogliarvi la scoglio*) — т. е. осквернение землей.

124-129. «Когда стая голубей спускается на поле, то мы видим, что сперва они разбегаются по полю с воркованием и с особенным покачиванием шейками, что придает им гордый вид. Вскоре затем они начинают тихо и спокойно подбирать зерна на жниве до тех пор, пока, испуганные чем-нибудь, не разлетятся все в разные стороны. Во всех сравнениях, заимствованных из обыденной жизни, мы видим, как точно подмечает поэт все явления до малейших подробностей». Штрекфусс.

ПЕСНЬ III

Преддверие чистилища. — Души умерших под церковным отлучением. — Манфред, король Сицилии.

<p>1 Лишь только бег внезапный по долине
Рассыпал сонм, велев ему бежать
К горе, куда сам разум звал их ныне, —</p> <p>4 Я к верному вождю примкнул опять.
Да и куда б я без него помчался?
Кто мог бы путь мне в гору указать?</p> <p>7 Он за себя, казалось мне, терзался:
О, совесть чистая! Как малый грех
Тебе велик и горек показался!</p> <p>10 Когда ж поэт шагов умерил спех,
Мешающий величию движений, —
Мой дух, сначала скованный во всех</p> <p>13 Мечтах своих, расширил круг стремлений,
И обратил я взоры к высотам,
Вносящим к небу грозные ступени.</p> | <p>Свет красный солнца, в тыл сиявший нам, 16
Был раздроблен моим изображеньем,
Найдя во мне отпор своим лучам.</p> <p>И в бок взглянул я, мучим опасеньем, 19
Что я покинут, видя в стороне,
Что тень лишь я бросаю по камням.</p> <p>И спутник мой, весь обратясь ко мне, 22
Сказал: «Опять сомненья? Следуй смело!
Не веришь ли, что я с тобой везде?»</p> <p>Уж вечер там, где плоть моя истлела, — 25
Та плоть, за коей тень бросал я вслед;
Брундузий взял, Неаполь скрыл то тело.</p> <p>И если тени предо мною нет, 28
Тому должно, как сферам тем, дивиться,
Где из одной в другую льется свет.</p> |
|--|---|

3. Разум, по некоторым комментаторам, разумеется здесь божественный, воля Божия; по другим — человеческий, человеческая мудрость, олицетворяемая в следующих стихах в образе Вергилия. Духи спешат к горе сами; Данте, как человек, еще нуждается в руководителе.

5. Т. е. как бы мог я, еще не вполне просвещенный божественной силой (Беатриче), взойти на крутую вершину без помощи высочайшего, чистого разума?

7. «Сам Вергилий, олицетворение чистого разума, увлекшись пением Казеллы, следовательно, обыкновенным земным наслаждением, забыл на время о возложенном на него руководительстве Данте, а потому и стыдится как этого проступка, так и непосредственного следствия его — ускоренного бега по долине, служащей основанием горы Чистилища». Штрекфусс.

8-9. Слич. Juven. Sat. VIII, v. 140 и сл.:

Omne animi vitium tanto conspectius in se
Crimen habet, quanto major qui peccat habetur.

12. Т. е. скованный, или, собственно, ограниченный (ristretta), вследствие ли воспоминания о пении Казеллы или вследствие упрека, сделанного Катоном.

15. «Вносящим к небу грозные ступени». В Раю (XXVI, 139) гора Чистилища названа: Il monte che si leva più dall' onda. Выражение «грозные ступени» здесь употреблено переводчиком в значении громадных, грандиозных.

16. Солнце, как увидим ниже, уже несколько часов как взошло на небо; а так как поэты идут теперь с востока к западу, то солнце должно им светить в тыл.

17-18. Что Вергилий, как дух, не бросает от себя тени, — этого Данте не мог заметить в мрачном аде; вне же ада он видел его лишь в темном лесу в долине, «где солнца луч умолк» (Ада I, 69 и след.); вскоре затем наступила ночь (Ада II, 1).

19-21. «Это опасение Данте есть предчувствие скорого исчезновения Вергилия (Чистилища XXX, 42-57)». Копиш.

22-24. «Необходимость руководства со стороны человеческого разума на пути к усовершенствованию здесь превосходно выражена опасением Данте быть покинутым разумом (Вергилием)». Копиш.

25. «Где плоть моя истлела», т. е. в Неаполе, где, как уверяют, погребено тело Вергилия. «Согласно с примечанием к Чистилищу II, 1, теперь в Неаполе вечер, в Иерусалиме солнце уже закатилось, на горе Чистилища оно уже взошло. Приблизительно теперь 8 ч. утра». Филалет.

ПЕСНЬ III

<p>31 Способность стыгть, гореть, от мук томиться,
Телам подобным разум дал Того,
Кто скрыл от нас, как это все творится.</p>	<p>Мы подошли меж тем к горе. Но тут 46
Нашли утес такой крутой, упорный,
Что крепость ног пытаться здесь — тщетный труд.</p>
<p>34 Безумен тот, кто мнит, что ум его
Постигнет вечности стези святые,
Где шествует в трех лицах Божество.</p>	<p>Пустыннейший, труднейший путь нагорный 49
Между Турбией и Леричи был,
В сравненьи с этим, лестницей просторной.</p>
<p>37 Доволен будь, род смертных, знаньем quia:
Ведь если б мог ты зреть пути Творца,
То для чего б Тебе родить, Мария?</p>	<p>— «Кто знает то», мой вождь проговорил. 52
Сдержав шаги, «каким горы откосом
Всходить здесь легче без пособья крыл?»</p>
<p>40 И не бесплодно б чаяли сердца,
Когда б сбывались упованья тщетны,
Которыми томятся без конца</p>	<p>И вот, пока, весь занят тем вопросом, 55
Он глаз своих не подымал с земли,
А я блуждал очами над утесом, —</p>
<p>43 Платон, и Аристотель, и несметный
Сонм мудрецов». — И, полн душевных смут,
Поник челом и смолк он, безответный.</p>	<p>Увидел влево я от нас вдали 58
Толпу теней, к нам подвигавших ноги,
Но тихо так, что, кажется, не шли.</p>

27. Брундузий, по-латыни Brundisium и Brundisium, теперь Brindisi, в Калабрии. В этом городе умер Вергилий в 19 г. до Р. Х.; тело его перенесено отсюда в Неаполь, где и погребено. Могилу его доньяне показывают на Пазилиппо около известного грота. На ней надпись, на которую намекает Данте:

Mantua me genuit, Calabri rapuere; tenet nunc —
Parthenope; cecini pascua, rura, duces.

Вообще, однако ж, очень сомнительно, чтобы Вергилий был погребен в Неаполе (Comparetti, Virgilio nel medio evo, Livorno. 1872), хотя уверенность в этом была всеобщая в Средние века. В Мانتве до конца XV века пелись в церквах следующие стихи во время мессы Св. Апостола Павла:

Ad Maronis mausoleum
Ductus, fudit super eum
Piae rorem lacrimae;
Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poëtarum maxime!

29-39. По астрономическим понятиям того времени, небо состоит из девяти друг над другом находящихся сводов, или полых сфер, совершенно прозрачных, нисколько не препятствующих прохождению лучей сквозь них (См. Рая XXX, 108, примеч.). Итак, если эти сферы, в средоточии которых мы, жители земли, находимся, не мешают нам видеть отдаленнейшие звезды, то точно так и легкие тела теней, состоящие лишь из отражения души во внешних элементах, пропускают лучи солнца.

31. Хотя тени суть только кажущиеся тела, тем не менее они могут страдать духовно. Данте в следующих стихах чрез Вергилия принимает это за непостижимую, по крайней мере для нашего ума, тайну, не разъясненную даже самими Платоном и Аристотелем и раскрытую для нас лишь верою во Христа (ст. 39). Схоластики много трудились над разъяснением вопроса, каким образом адский огонь, принимаемый ими за действительный, стихийный огонь, может действовать на невещественную душу, по отделении ее от тела. О мнении по этому предмету Фома Аквинского см. Филалета II, S. 15, Not. 9.

37. «Знаньем quia». «Аристотель различает два рода знаний: одно — знание, что вещь есть (ἐπίστασθαι τὸ ὅ τι), И другое — знание, почему она есть (τὸ διότι). Первое знание приобретается, когда мы

Увидел влево я от нас вдали
Толпу теней, к нам подвигавших ноги,
Но тихо так, что, кажется, не шли.
(Чистилище, Песнь III, тер. 58)

61 — «Взор подыми, учитель, без тревоги;
Вон те», сказал я, «нам дадут совет,
Уж если сам не знаешь ты дороги».

64 И, светлый взор подняв ко мне, поэт
Сказал: «Пойдем к ним; шаг их тих
безмерно;
А ты, мой сын, питай надежды свет».

67 Мы тысячу шагов прошли примерно,
А все еще их сонм от нас стоял
На перелет пращи из длани верной.

70 Когда ж они, к громадам твердых скал
Прижавшись, стали неподвижно, тесно,
Как тот стоит, кто в изумление впал:

— «Род избранный, погибший благочестно!» 73
Сказал Вергилий: «умоляю вас
Тем миром, что вас ждет в стране небесной, —

Куда, скажите, склоном подалась 76
Гора, где можно лезть на те громады?
Ведь все узнавшим дорог
каждый час».

Как по два, по три, агнцы из ограды 79
Идут за первым, прочие ж стоят,
Понурия робко головы и взгляды,

И где один, туда и все спешат, 82
Теснясь к нему, лишь станет он, и, в кроткой
Покорности, не знают, что творят, —

заключаем по действию о причине (a posteriori), второе — по причине о действии (a priori). Оба эти понятия переданы в старолатинском переводе, которому следовал и Фома Аквинский, выражениями *scire quia* (в низшей латыни *quia* часто употребляется вместо *quod*) и *scire propter quid*. Отсюда в школы вошли выражения: *demonstratio quia* и *demonstratio propter quid*. Филалет. Итак, смысл этого стиха будет: вы, люди, постоянно хотите знать причину даже таких вещей, где у разума нет основ для суждения.

38-39. Т. е. если бы тут было достаточно человеческого ума, то не нужно было бы откровения.

40-44. Здесь высказывается та мысль, что томление благородных душ древности, находящихся в лимбе, состоит в том, что неразрешенное одним разумом сомнение не было рассеяно для них верою. Вергилий сам принадлежит к числу этих душ, для полного блаженства которых недостает одной лишь веры, почему он и угнетен такой скорбью (Ада IV, 40).

48. В подлиннике: *Che indamo vi sarien le gambe pronte* — т. е. здесь всякая прыткость ног была бы бесполезна.

49-51. Леричи и Турбия — две местности на так называемой Riviera di Genova, с необыкновенно обрывистым над морем гористым берегом, первая — с восточной стороны побережья генуэзского, около Сарзаны, у морского залива Спеццио; вторая — с западной стороны, недалеко от г. Монако.

52-54. «Первые шаги на пути к нравственному совершенствованию, к нравственной свободе, которую Данте отыскивает в своем загробном странствовании (Чистилища I, 71), необычайно трудны. Самый разум, олицетворенный в Вергилии, не знает, где найти к нему дорогу, и потому приходит в смущение, отыскивая ее». Ноттер.

59. «Как видно из ст. 135-141 этой песни, толпу эту составляют души людей, умерших под проклятием (анафемой) церкви. Она идет медленно, потому ли, что и в жизни медлала обратиться к Богу, или потому, что процесс очищения ее должен совершиться весьма медленно». Фратичелли.

66. «Слова эти служат Вергилию как бы утешением самому: в появлении теней он видит, что он не покинут высшею помощью на трудном пути, где он до этого находился в таком беспомощном состоянии (ст. 52 и далее), не зная, какое взять на нем направление». Ноттер.

70. «К громадам твердых скал» (в подлиннике: *a' duri massi Dell'alta ripa*), т. е. к выступающим утесам, из которых сложена гора Чистилища.

72. «Они изумлены тем, что поэты идут в направлении, противоположном тому, какому следуют души и, стало быть, удаляются от входа в чистилище, как увидим ниже». Фратичелли.

73. «Погибший благочестно» (в подлиннике: *O ben finiti, o gia spiriti eletti*), т. е. умершие с покаянием в грехах и с верой во Христа, а не так, как сам Вергилий, умерший, не зная веры Христовой». Ноттер.

78. «Чем более человек познает, тем более дорожит он временем». Фратичелли, также Копиш.

79-84. «Как в аду мы видели души, погрязшие в грехах, повсюду в борьбе и взаимной ненависти, так, наоборот, здесь души очищающихся находим во взаимном любовном общении, соединенными взаимно друг с другом. Действительно, любовь есть первый плод серьезного стремления к нравственной свободе». Штрекфусс.

ПЕСНЬ III

<p>85 Так, видел я, к нам подвигал не ходко
Счастливых стадо вождь в его челе,
С лицом стыдливом, с скромною походкой.</p> <p>88 И первый строй, заметив на земле,
Что луч направо от меня разбился,
Так что я тень оставил на скале, —</p> <p>91 Вспять отшатнувшись, вдруг остановился,
И сонм, за первым шедший по пятам,
Не зная сам — зачем, за ним столпился.</p> <p>94 — «Я без расспросов объявляю вам,
Что плоть на нем еще не знала смерти,
Вот почему он тень бросает там.</p> <p>97 Не удивляйтесь этому; но верьте,
Что не без силы, свыше излитой,
По тем стенам он мнит дойти до тверди».</p> <p>100 Так мой учитель; их же честный строй:
— «Вернитесь же: вон там гора поката»,
И тылом рук нам подал знак немой.</p> | <p>— «Кто б ни был ты, в мир идущий возврата», 103
Мне тут один из них проговорил:
«Взгляни, не видел ли меня когда-то?»</p> <p>Я, обернувшись, взор в него вперил: 106
Был белокур, красив с лица и стана,
Но бровь ему булат окровенил.</p> <p>— «Не знаю, кто ты», прямо, без обмана, 109
Сознался я. — «Смотри ж!» он мне в ответ
И указал: в груди зияла рана.</p> <p>И продолжал с улыбкой: «Я Манфред; 112
Я внук Констанцы, царский скиптр носившей!
Сходи ж, молю, когда придешь на свет,</p> <p>К прекрасной дочери моей, родившей 115
Сицилии и Арагоны честь,
И ложь рассей, всю правду ей открывши.</p> <p>Когда мне грудь пронзила вражья месть, — 118
Я предался Тому в слезах страданий,
Кто всем прощает. Невозможно счесть</p> |
|--|--|

86. «Счастливых стадо» (в подлиннике: *quella mandra fortunata*); слово «стадо» поэт употребляет здесь в соответствии с сравнением толпы теней с овцами.

88. «Поэты повернули к душам, шедшим к ним слева (ст. 58); потому крутой склон утеса, который сначала был перед ними, теперь должен находиться от них направо». Филалет.

98. Т. е. Данте приходит сюда не самовольно, как Улисс (Ада XXVI, 112 и далее).

102. «И тылом рук» и проч. — обычный жест в Италии: «тыл руки обращен к другому лицу, и к нему направлены пальцы от того, который подает знак. Это означает, чтобы тот, кому подается знак, не ходил вперед, а повернул назад. Здесь тени подают этот именно знак, чтоб поэты, вместо того, чтобы приблизиться ко всходу на гору, удалились от него». Штрекфусс.

103. «Тень Манфреда, говорящая здесь с Данте, принимает его за своего современника, но Манфред умер незадолго до рождения поэта, почему этот последний и не узнает его (ст. 109)». Каннегиссер.

107. Король Сицилии Манфред, по словам Саба Малеспини (*Historia Rerum Sicularum*), был очень красив собой: „*Homo flavus, amoena facie, aspectu placibilis, in maxillis rubeus, oculis sidereis, per totum niveus, statura mediocris*“.

112. Манфред, из Гогенштауфенов, вступивший на престол неаполитанский и сицилийский после смерти отца своего, императора Фридриха II, был внук Констанции, или Констанды, супруги императора Генриха VI, отца Фридриха II. Мать Манфреда была Бьянка, графиня Ланчия, любовница Фридриха II, и, следовательно, он был незаконный сын императора. Красивый юноша, любивший роскошь и разгульную жизнь, и, как отец его, покровитель наук и искусств, Манфред постоянно находился в борьбе с церковью и с Карлом Анжуйским, вспомоществуемым папой Климентом IV, и, наконец, покинутый своими апулийскими вассалами, погиб в сражении при Беневенте (Ада XXVIII, примеч. к ст. 15-16), будучи незадолго до этого отлучен от церкви тем же папой Климентом.

115. Дочь Манфреда от первой его супруги Беатриче, называвшаяся также Констанцей, была замужем за Петром, королем Арагонским. Вследствие этого брака Петр имел притязание на Сицилию, которой он и завладел после знаменитой Сицилийской вечерни (1282 г.). Констанца имела трех сыновей: Альфонса, Джьякомо и Федерико. По смерти Петра ему наследовали Альфонс в Арагонии

и Джьякомо в Сицилии (1285 г.). По смерти Альфонса Джьякомо получил Арагонию, и несколько позднее Федерико — Сицилию.

116. «Сицилии и Арагоны честь». Обыкновенно принимают, что под этой похвалой Данте разумеет Федерико, короля Сицилии, и Джьякомо, короля Арагонии, но такому предположению противоречат те неодобрительные слова, какие употребляет поэт, говоря об этих монархах в двух местах своей поэмы, именно: Чистилища VII, 119-120 и Рая XIX, 136-138. Наоборот, в той же Чистилища 115-117, он с похвалою отзывается о первом сыне Петра, Альфонсе. Потому древние комментаторы думают, что под словами «Сицилии и Арагоны честь» разумеется здесь старший сын Петра, Альфонс Добродетельный. Того же мнения держится и Филалет, также Карло Троиа (Veltro allegorico di Dante), — тем более, что Альфонс вместе с отцом своим Манфредом воевал с Карлом Анжуйским. Но, с другой стороны, так как Альфонс никогда не носил короны Сицилии и к тому же умер очень рано, в 1291 г., то почти несомненно, что Данте,

высказав сперва столь лестное мнение о Федерико и Джьякомо, затем, по неизвестной причине, изменил его. Известно, по крайней мере, что вначале он находился в самых дружеских отношениях с Федерико и даже был намерен посвятить ему свой Рай (о чем высказал монаху Иларию), так как этот принц всегда сильно благоприятствовал гибеллинской партии. По мнению Ноттера, такая перемена во мнении Данте произошла вследствие отказа Федерико принять на себя сеньорию гибеллинской Пизы после падения Угучьоне.

118. Манфред просит поэта возвестить своей дочери, что он, несмотря на отлучение от церкви, находится не в числе осужденных в аду, и тем рассеять ложь иного о нем мнения. Манфред был отлучен от церкви за свое сопротивление папе, назначившему корону неаполитанскую и сицилийскую французскому графу Карлу Анжуйскому. Несмотря на папский интердикт, Манфред стал королем в 1260 г., но через шесть лет (1266) в сражении при Беневенто или Гранделла на р. Калоре потерял корону и жизнь, после чего королем стал Карл Анжуйский.

120-121. «Невозможно счесть моих грехов!» (в подлиннике: *Orribil furon li peccati miei*). Флорентинский историк Малеспини, которым часто пользовался Данте, обвиняет Манфреда в убийстве своего племянника Генриха, в отцеубийстве, в убийстве брата Конрада IV и в попытках к убийству Конрадина. Кроме того, гвельфский писатель Виллани обвиняет его и отца его Фридриха II (Ада X, 14 и 119) в эпикуреизме, в развратной жизни и даже в сарацинской ереси. Но все эти обвинения не доказаны, и есть повод думать, что та часть хроники Малеспини, где говорится об этих преступлениях, подложна и внесена кем-нибудь из папской партии. Главный упрек против Манфреда есть тот, что он завладел сицилийской короной, обойдя законного ее наследника — племянника своего Конрадина.

124-128. После проигранного сражения при Беневенто труп Манфреда, снявшего перед сражением с себя все свои королевские отличия, долго не могли найти на поле битвы; наконец он был найден с двумя ранами: одной на голове, другой в груди (ст. 108 и 111). Напрасно просили бароны короля французского сделать убитому почетное погребение. „Si, je ferais volontiers, si luy ne fut scomunié“, отвечал Карл. Таким образом он был погребен во главе моста (in co' del ponte) у Беневенто; солдаты неприятельского войска сами воздвигли ему памятник, так как каждый из них принес по камню на его могилу. Но папский легат, архиепископ Козенцы кардинал Бартоломео Пиньятели, личный враг Манфреда, не дал несчастному королю и этой бедной могилы. По повелению папы Клементы IV, он приказал вырыть труп, чтоб он не осквернял, как отлученный, землю, принадлежащую церкви, и перенести его на границу Абруццо, где он и был, по-видимому, без всяких почестей брошен, непогребенный, в долине, орошаемой рекою Верде (на что указываюсь ст. 130-132). Впрочем, факт этот не вполне доказан; по крайней мере историк Рикордино Малеспини, сообщая о нем, прибавляет „si disse“; Виллани же списывает у Малеспини и прямо ссылается на Данте. В пользу Данте говорит и предание местных жителей на берегу Верде.

124. «Смысл священных книг» (в подлиннике: *Se'l pastor di Cosenza.... avesse in Dio ben letta questa faccia* — *faccia*, страница, лист книги), т. е. если б он понял смысл священных книг, где значится, что Господь всегда готов прощать обращающихся к нему грешников.

126. «На травлю» (в подлиннике: *alla caccia*); так выражается поэт для обозначения ярости архиепископа, преследующего своего личного врага даже за могилу. Историк Саба Малеспини употребляет это же слово для выражения добычи, доставшейся Карлу Анжуйскому после поражения Манфреда, часть которой он передал папе: „Ut autem rex Carolus.... de primitiis laborum suorum participem faciat patrem patrum, et de sua venatione (caccia, охота, травля) pater ipse praegustet, duos ceroferarios aureos etc.... Clementi transmittit“.

131. «Верде» — «по древним комментаторам, боковой приток, впадающий в Тронто, недалеко от Асколи, и образующий на некотором протяжении границу между Неаполитанским королевством и Анконской областью. Позднее она называлась Марино, а теперь — Кастеллано. Несколько выше того места, где сливаются Тронто и Верде, при Арквата, в пограничных горах к Норчии находится озеро, около которого, по мнению тамошних жителей, находится вход в ад. Очень может быть, что Пиньятели, в своей злобе к Манфреду, именно потому и велел бросить здесь труп его. Другие, без достаточных причин, хотят видеть Верде в нынешнем Гарильяно и, вопреки Данте, полагают, что труп Манфреда был брошен около Чеперано». Карл Витте.

132. «Без звона и креста» (в подлиннике: *a lume spento*, с погашенными свечами): отлученные от церкви погребались без всяких церемоний, *sine cruce et luce*, причем гасили свечи.

133-136. Гвельфский писатель, современник Данте, Виллани не разделяет этого мнения; говоря о смерти отлученного от церкви Конрадина, он замечает, что душа его, вероятно, будет в числе погибших: «отлучение от св. церкви, справедливое или несправедливое, всегда страшно, ибо кто читает древние хроники, тот найдет в этом отношении много удивительных повествований. Чезари, сам священник, но принадлежащий к более позднему времени, соглашается, что и отлученный от церкви может быть святым через полное

ПЕСНЬ III

- 121 Моих грехов! Но розмах мощных дланей
У Благодати безмерной так велик,
Что всех берет, кто слез несет Ей дани.
- 124 И если б понял смысл священных книг
Козенцский пастырь, — тот, кого из злости
Климент на травлю вслед за мной подвиг, —
- 127 То и поднесь мои почилы б кости
У Беневенто, во главе моста,
Под грудой камней на пустом погосте.
- 130 Теперь их моет дождь, во все места
Разносит ветр вдоль Верде, где истлеет
Мой бедный прах без звона и креста.

- Но их проклятье силы не имеет 133
Пресечь нам путь к божественной любви,
Пока хоть луч надежды сердце греет.
- Но, правда, всяк, кто кончил дни свои 136
Под гневом церкви, если и смиритя,
Пребыть обязан вне святой семьи,
- Доколе тридцать раз не совершится 139
Срок отлученья, если только он
Молитвами по нем не сократится.
- Так утоли ж, коль можешь, сердца стон: 142
Открой Констанце, возлюбившей Бога,
Где зрел меня, а также тот закон:
- «Живые там помочь нам могут много». 145

раскаяние». Ноттер. — «Нельзя не заметить в величественном изображении Манфреда у Данте кро-
тость и сострадание к монарху, оказывавшему такое покровительство и любовь к поэтам». Копиш.

139. «Подражание Энеиде, VI, 327, где говорится, что души непогребенных должны скитаться 100 лет,
прежде чем перейдут через Стикс. Тридцать раз столько, насколько был отлучен, — срок этот не основан
ни на каком церковном постановлении и принят поэтом произвольно». Ноттер. И так все те, которые не
получили церковного отпущения, осуждены оставаться у подошвы Чистилища, в *antipurgatorium*, где еще
нет места для настоящего очищения. Смысл тот: кто восстал против церкви, тот не может тотчас достигнуть
истинного познания и раскаяния.

140-141. Учение о предстательстве святых (*intercessio*) очень явственно высказывается повсеместно в Чи-
стилище, равно и уверенность в том, что благочестивые молитвы живых много сокращают срок, по проше-
ствии которого умершие становятся святыми (Чистилища VI, 37-39). В Италии и поныне молитвы о душах
в чистилище очень свято соблюдаются.

ПЕСНЬ IV

Преддверие чистилища. — Подъем на первый уступ. — Нерадивые. — Белаква.

<p>1 Коль скоро скорбь, иль радость огневая
Охватят в нас одну из наших сил,
Тогда душа, с тем чувством вся слитая,</p> <p>4 Как будто гасит всех движений пыл:
Вот тем в отпор, у коих мы читаем,
Что будто Бог нам душу в душу влил.</p> <p>7 Вот потому-то, если мы внимаем
Иль видим то, что душу нам пленит, —
Бегут часы, а мы не замечаем:</p> <p>10 Затем что в нас одна способность зрит,
Другая — душу в плен берет всецело;
Когда та бодрствует, в нас эта спит.</p> | <p>В сей истине я убедился зрело. 13
Пока внимал Манфредовым словам,
На пятьдесят уж градусов успело</p> <p>Подняться солнце; я же только там 16
Приметил то, где хором душ тех стадо
Нам крикнуло: «Вот, вот, что нужно вам!»</p> <p>Щель большую заткнет в шпалере сада 19
Одним сучком терновым селянин,
Когда буреют грозди винограда, —</p> <p>Чем та тропа, по коей лез один 22
Я за певцом, сердечной полон боли,
Когда исчез отряд теней с долин.</p> |
|---|---|

1-12. В этих терцинах Данте опровергает мнение тех философов, которые утверждали, что в человеке не одна, но несколько душ. Именно, по мнению платоников, душа человеческая тройственна: вегетативная, сенситивная и интеллектуальная, или рациональная; причем каждая из них занимает в теле свое особое место. Против этого возражал уже Аристотель. Фома Аквинский опровергал это мнение почти теми же словами, как и Данте: «Очевидно, что множественность души дело невозможное, уже потому, что если одна деятельность души сильно напряжена, то другая задерживается». Согласно с этим Данте принимает лишь одну душу, именно мыслящую, или разумную; но вместе с тем приписывает ей многие силы и способности, частью внутренние, как ощущение боли (скорби) и удво-вольствия, частью внешние — при посредстве телесных чувств; нередко при этом душа вся отдается одной какой-нибудь способности или отдельной силе, так что кажется как бы связанною тою силой, тогда как отдельная сила, например сила слуха, действует непрерывно и свободно. «В этом», говорит Данте, «я сам убедился: пока душа моя занята была лишь тем, что я смотрел и слушал Манфреда, незаметно для меня протекало время». Каннегиссер. Филалет. Мнение о нескольких душах было осуждено, как еретическое, уже на восьмом вселенском соборе, и Фома Аквинский приводит против него одно место из блаж. Августина (Т. I, Quaest. 76, Art. III).

10-12. «Т. е. сила, восприимлющая внешние впечатления, — есть нечто иное, и нечто иное — полная сила души; первая связана с последней, и потому если эта последняя чем-нибудь внутренне сильно занята, то первая не воспринимает извне никаких впечатлений, хотя внешний мир постоянно лежит перед нею». Ноттер.

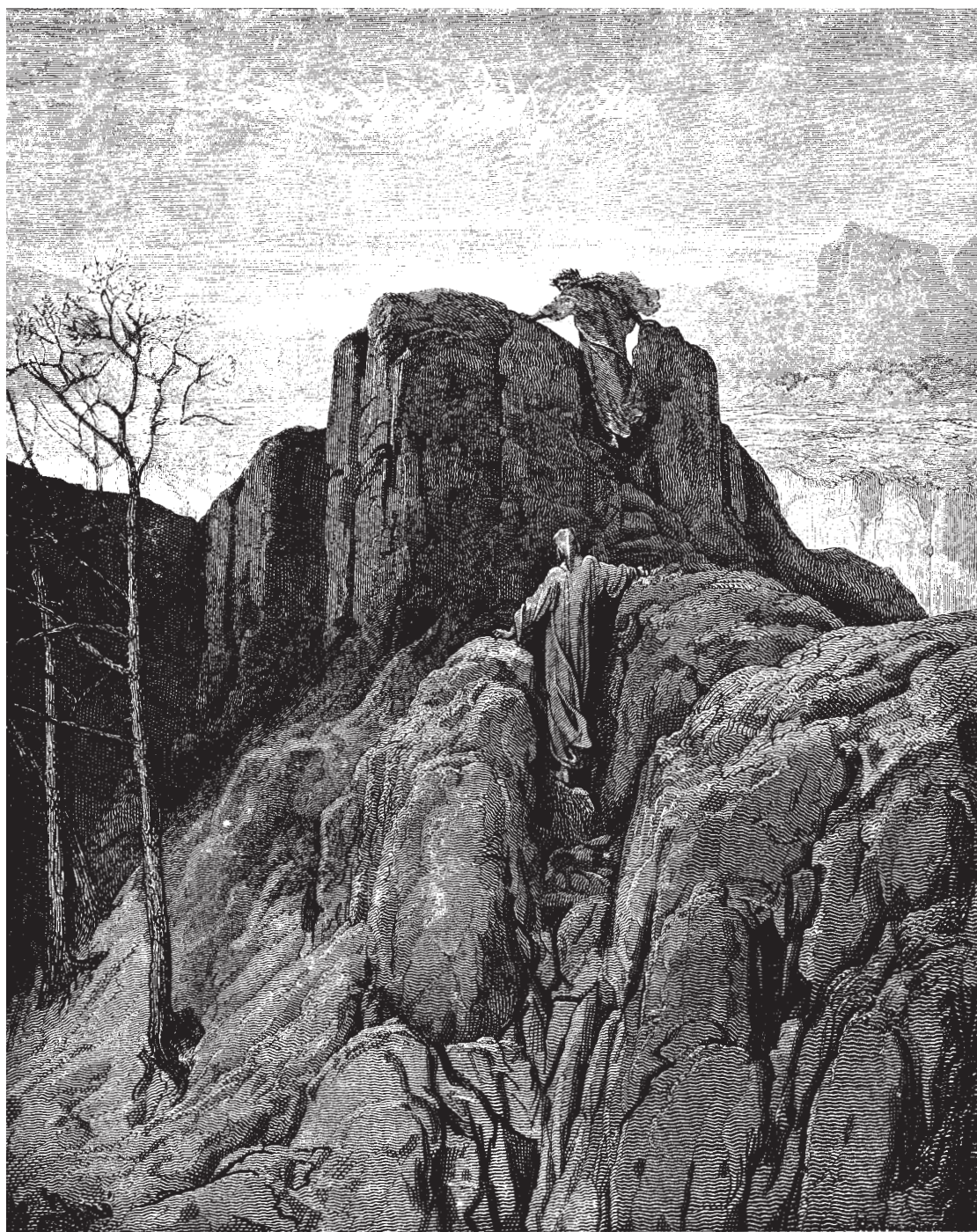
15-16. Сфера неба делится на 360°, которые солнце кажущимся образом пробегает в 24 часа, следовательно, 15° в час. Значит, теперь будет, если мы примем первый день замогильного странствования Данте:

27 марта	9 ч. 28 мин., или
7 апреля	10 ч. без 1 мин., или
10 апреля	10 ч. 3 мин.

Следовательно, поэты шли вместе с Манфредом почти 2 часа.

18. Т. е. здесь подъем на гору, о котором вы спрашивали нас (Чистилища III, 70 и след.).

19-21. Чтобы показать нам, как узка была щель в скале, по которой следовало им взбираться на горы, поэт сравнил ее со щелью в стене или ограде виноградника, которую повсеместно в Италии и в Германии заделывают ветками терновника, особенно осенью, когда начинает поспевать (когда буреют, quando l'uva imbruna) виноград, для защиты от расхищения. — Не без отношения к вертограду Христову здесь

*Чем та тропа, по коей лез один
Я за певцом, сердечной полон боли,
Когда исчез отряд теней с долин.
(Чистилище, Песнь IV, тер. 22)*

25 Восходят в Лео, и нисходят в Ноли,
На Бисмантову лезут на одних
Ногах; но тут потребны крылья воли, —

28 Тут я летел на крыльях огневых
Желаний жарких вслед за тем вожатым,
Что мне светил надеждой в скорбях злых.

31 Мы лезли вверх ущельем, тесно сжатым
Со всех сторон утесами, где круть
Просила в помощь рук и ног по скатам.

34 И вот, едва успел я дотянуться
До высшей скалы громадной края, —
«Куда, мой вождь», спросил я, «держим путь?»

37 А он: «Вперед, вперед, не отступая!
Все вслед за мной стремись на верх хребта,
Пока найдем проводника из рая».

40 Гора была до неба поднята,
А склон ее был круче, чем с середины
Квадранта в центр идущая черта.

Я чуть дышал, когда сказал с вершины: 43
«О добрый отче! Видишь? Оглянись!
Я отстаю! Постой хоть миг единый».

А он: «О, сын! Сюда хоть доберись». 46
И указал мне на уступ над нами,
По этот бок горы торчавший вниз.

Так подстрекнут я был его словами, 49
Что лез ползком за ним до тех я пор,
Пока не встал на тот уступ ногами.

Тут сели мы, глядя с вершины гор 52
В ту сторону, откуда в путь пошли мы,
И радуя путем пройденным взор.

Сперва я вниз взглянул на брег, чуть зримый, 55
Потом взглянул на солнце, изумясь,
Что слева мы лучом его палимы.

Поэт вмиг понял, что я, весь смутясь, 58
Дивлюсь тому, что колесница света
Меж севером и нами в путь неслась,

употреблено сравнение с виноградником, а узкостью пути, ведущего в него, намекается на слова Спасителя: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Матф. VII, 14.

25-26. «Лео» (или, собственно, Санлео, иначе Читта-Фельтриа) — город, расположенный на отвесной скале, недалеко от Сан-Марино, в местности Монтефельтро, откуда родом знаменитый гибеллинский род графов Монтефельтро. — «Ноли», — город на обрывистом берегу Riviera di Ponente, в Генуэзской области, между Финале и Савона. — «Бисмантова» — местечко, или деревенька (villaggia) на обрывистой горе, недалеко от Реджио, в Ломбардии.

31-33. «Поэты лезут теперь по самой нижней части горы Чистилища, которая вместе с тем есть самая крутая. В начале эта часть горы все подымается вверх, как голая утесистая стена, на которую можно подняться лишь сквозь упомянутую узкую щель; потом достигают к весьма крутому, в 45°, склону (ст. 41-42), на который можно взобраться в любом направлении». Филалет.

37. «На пути к добродетели малейший попятный шаг может иметь плачевнейшие последствия». Ноттер.

40-41. Угол полуквadrанта равняется 45°. Крутизна горы не совпадала со средней линией, проведенной между горизонтальной и перпендикулярной линиями, но ближе подходила к этой последней; следовательно, гора была круче, чем в 45°. «Так как астрономический инструмент квадрант уже во время Данте и прежде употреблялся для измерения высоты солнца, то Данте весьма знаменательно употребил это сравнение здесь, где идет речь о восхождении к духовному солнцу — Богу». Коппиш.

47. Для того, чтобы читатель, следуя за странствием поэта, мог наперед составить ясную идею о самой местности, надобно помнить, что путь, по которому идет Данте, все ведет узкою щелью к выступу, образуемому вокруг горы ровную, узкую дорогу. Проходя по этой дороге, мы снаружи будем иметь пустое пространство воздуха, окружающего гору Чистилища, с другой, внутренней стороны — утесистую стену, через которую крутая тропинка ведет в следующий выступ, или круг, опоясывающий гору. Следовательно гора Чистилища имеет форму адской воронки, но только опрокинутой. Как в аду воронка идет в глубь и при том становится все уже и уже, так воронка Чистилища, постепенно сужаясь, подымается к небу. Штрекфусс. Ноттер.

54. «После счастливо совершенной дороги, если она была трудна и утомительна, мы с удовольствием смотрим назад. Но это удовольствие бывает еще сильнее, если дорога, как в данном случае, понимается в нравственном отношении». Ноттер.

- 61 И рек: «Сопутствуй ныне, как средь лета,
Кастор и Поллукс зеркалу тому,
Что вверх и вниз струит потоки света, —
- 64 То Зодиак вращался б вслед ему
Совсем вблизи к Медведицам блестящим. —
По древнему течению своему.
- 67 Чтоб то понять с сознанием надлежащим —
Весь сам в себе, вообрази Сион,
С горою этой на земле стоящим,
- 70 Чтоб горизонт имели с двух сторон
Один, но два различных небосклона:
И ты поймешь, что путь, где Фаэтон
- 73 Так дурно шел, придется от Сиона
В ту сторону, и в эту здесь от нас,
Коль разум твой проникнул в смысл закона».

- И я: «Учитель, верь, еще ни раз 76
Рассудок мой, вначале столь смущенный,
Не понимал так ясно, как сейчас,
- «Что средний круг, в науке нареченный 79
Экватором, — тот круг, что век лежит
Меж льдом и солнцем, — здесь, по приведенной
- Тобой причине, столько ж отстоит 82
К полуночи, насколько там Еврею
Он кажется в палящем юге скрыт.
- Но знать желал бы, коль спросить я смею, 85
Далек ли путь? Так к небу восстает
Гора, что взор не уследит за нею».
- А он на то: «Горы такой уж род, 88
Что лишь вначале труден к восхождению,
А там, чем выше, тем все легче восход.

57. В Европе, глядя на восток, мы имеем солнце с правой стороны. На противоположном, или южном полушарии, солнце должно было казаться Данте с левой стороны, или между ним и севером (ст. 59-60). Солнце он называет «колесницей света» (*carro della luce*).

61-66. Т. е. солнце представилось бы тебе отодвинутым еще далее к северу, чем ты видишь его теперь. Именно Ближнецы (состояние из звезд Кастора и Поллукса) находятся на два созвездия ближе к северу, чем Овен, в котором теперь стоит солнце. Если бы оно стояло в знаке Ближнецов, т. е. если бы на северном полушарии оно приближалось к летнему солнцестоянию, то — хочет сказать Вергилий — отсюда, с горы Чистилища, зодиак, насколько он освещается солнцем, или, более ясными словами, тот путь, который проходит солнце в этом направлении, отодвинулся бы еще далее к Медведицам, т. е. к северу. Само собою понятно, что здесь представился бы глазам не самый зодиак, т. е. не видные днем созвездия его, каковы: Ближнецы, Овен и проч., но только то место, где они расположены на небе. Это последнее обстоятельство делает выражение Данте не совсем понятным с первого взгляда. Ноттер. Филалет.

62. «Зеркалу» (*specchio*), т. е. солнцу. «Данте называет солнце зеркалом, точно так, как в Раю IX, 61, ангелы названы зеркалами. Они названы так потому, что, согласно с одним местом в его *Convivio*, Бог изливает свою силу творения частью прямыми, частью отраженными лучами; так называемые интеллигенции воспринимают Его свет непосредственно, все же прочие существа лишь посредством этих первично-озаряемых интеллигенций (См. Рая VII, в конце). Солнце не принадлежит к числу интеллигенций, и потому оно лишь отражает, как зеркало, воспринятый от интеллигенций свет»... Каннегиссер.

63. Оно льет свет и вверх и вниз (*su e giù del suo lume conduce*), «потому что, по системе Птолемеевой, три планеты (Сатурн, Юпитер и Марс) находятся выше, три другие (Венера, Меркурий и Луна) — ниже солнца, и все они получают свет свой от солнца». Филалет.

67-69. В этой терцине обозначается, что Сион, т. е. Иерусалим, и гора Чистилища — антиподы между собой. Сличи Чистилища II, 1 и прим.

72. Т. е. эклиптика, по которой так неудачно некогда правил колесницею солнца сын Аполлона Фаэтон (Ада XVII, 107).

79-84. «Т. е. это по той причине, которую ты мне приводишь, а именно, что Сион и гора Чистилища совершенные антиподы, средний или промежуточный круг, называемый в астрономии экватором и всегда находящийся между льдом и солнцем, т. е. между летом и зимою (ибо лежит между тропиками), здесь, т. е. от горы Чистилища, настолько же отстоит к полуночи, т. е. к северу, насколько там, т. е. на противоположном полушарии, для евреев, обитающих в Иерусалиме, он кажется обращенным к югу». Фратичелли.

Мы подошли, и вот в тени прохладной
Толпа духов стоит при той скале,
Как лишь стоит люд праздный, тунеядный.
(Чистилище, Песнь IV, тер. 103)

91 Итак, когда узнаешь по сравненью,
Что легче все тебе свой делать шаг,
Как в судне плыть рекой вниз по теченью, —

94 Тогда конец пути в жилище благ;
Там облегчишь и грудь свою усталу.
Молчи ж теперь и верь, что это так».

97 Лишь вымолвил мой вождь, как из-за валу,
Вблизи от нас, послышались слова:
— «Ну, до того и посидишь, пожалуй».

100 Мы обернулись оба и у рва
Увидели, налево, риф громадный:
Был не примечен нами он сперва.

103 Мы подошли, и вот в тени прохладной
Толпа духов стоит при той скале,
Как лишь стоит люд праздный, тунеядный.

106 Один из них, с истомой на челе,
Сидел, руками обхватив колени
И свесив голову меж них к земле.

— «О, добрый вождь! Взгляни в лицо той тени! 109
Смотри», сказал я, «как небрежно там
Сидит она, как бы сестрица лени».

Заметив нас, дух кинул взгляды к нам 112
И, по бедру лицо передвигая,
Сказал: «Вишь сильный! Полезай-ка сам».

Тут я узнал лицо того лентяя 115
И, хоть усталость мне давила грудь,
Я подошел к нему. И вот, когда я

Приблизился, он, приподняв чуть-чуть 118
Лицо, сказал: «Что? Понял ли довольно,
Как солнце здесь налево держит путь?»

Во мне улыбку вызвал он невольно 121
Движений ленью, краткостью речей,
И начал я: «Белаква, мне не больно

Теперь подумать о судьбе твоей! 124
Что ж здесь сидишь? Вождя ли ждешь у грота?
Иль жалко лень отбросить прежних дней?»

88-90. «Человеческий разум (Вергилий) знает только то, что путь к добродетели становится все легче от упражнения и человек делается вполне добродетелен лишь тогда, когда добродетель становится ему в наслаждение». (Чистилища XXVII, 131). Ноттер. — «Здесь мы видим разницу между адскою воронкой и горой Чистилища: первая тем круче, чем глубже мы по ней спускаемся; эта же тем отложе и удобнее для восхождения, чем выше мы восходим по ней. Но и сверхъестественная (божественная) сила помогает нам восходить по ней. В этом заключается глубокий смысл: как во зло мы погружаемся все с более ускоренной силой, так точно и доброе, вначале для нас трудное, от непрерывного упражнения становится все легче и легче, причем все более и более содействует нам божественная благодать; ибо «имеющему дастся и придастся». Филалет.

101. «Этот утес (риф) находится слева от поэтов, к югу, так как они идут с востока на запад: иначе находящиеся за ним души не имели бы защиты от струившихся с севера солнечных лучей». Филалет. — «Самый утес имеет значение препятствия, поставляемого косностью в пути к усовершенствованию, а тень от утеса обозначает духовный мрак». Копиш.

119. «Говорящая тень подслушала астрономический разговор между Вергилием и Данте; она насмешливо обращается к Данте, потому что исследования и стремления людей деятельных кажутся тунеядцам смешными и презренными». Велутелло.

121. Суровый Данте во всей поэме своей воздерживается от всякого юмора; но здесь, при изображении этого ленивого итальянца, он невольно улыбается в первый раз во всей своей поэме; во второй раз он улыбается в сцене встречи Вергилия со Стацием (Чистилища XXI, 109).

123. «Белаква, родом из Флоренции, инструментальный мастер, приготовлявший особенно цитры, которые он отлично украшал резной работой и отлично играл на них. Данте, сам великий любитель музыки, вероятно, хорошо знал его. Он отличался необыкновенною ленью». Бенвенуто да Имолла.

129. Чистилища IX, 78.

130-131. Здесь видим второй род нерадивых. Первый род, скитающийся у основания горы Чистилища, не радел об отпущении грехов своих вследствие сопротивления церкви; эти же души, пребывающие на первом уступе чистилища, или в *antipurgatorium*, не сделали этого лишь по своему нерадению или

ПЕСНЬ IV

127 А он: — «О, брат! Кому тут лезть охота?
Ведь к мукам вверх тогда допустит нас
Господень страж, что там блюдет
ворота,

130 Как надо мной здесь небо столько раз,
Как много лет я прожил, крут опишет.
Я ж о грехах вздохнул лишь в смертный час.

Так пусть же те, в ком скорбь по мертвым
дышит, 133

Спешат мольбой в том мире нам помочь;
А наша что? Ее Господь не слышит».

Но тут поэт стал удаляться прочь, 136
Сказав: «Идем. Смотри, как уж высоко
На полдне солнце, и стопою ночь

У тех берегов покрыла уж Марокко». 139

лени. Первые должны дожидаться до впускания в чистилище 30 раз столько, сколько лет они прожили на свете, а нерадивые лишь столько лет, сколько прожили; следовательно препятствие к допущению в чистилище для этих последних гораздо меньше, чем для первых.

139. «По мнению Данте, Испания лежит под тем же меридианом, что и Марокко, т. е. 90° к западу от Иерусалима (Чистилища II, 1-3 и прим.); следовательно, гора Чистилища также лежит на 90° к западу от Марокко. Но так как теперь в Чистилище полдень, то в Марокко должна только что наступить ночь, или, как живописно выражается поэт, ночь стопой своей покрывает Марокко, лежащий на внешней окраине западной гемисферы». Филалет.

ПЕСНЬ V

Преддверие чистилища. — Нерадивые и погибшие насильственной смертью. — Якопо дель Кассеро. — Буонконте да Монтефельтро. — Пия де'Толомеи.

<p>1 Я повернул уж спину тем страдальцам
И по стопам вождя пошел, как вот —
За мною тень, указывая пальцем,</p> <p>4 Вскричала: «Вон, смотрите! Слева тот,
Что ниже, тенью свет дневной раздвинул.
И, как живой, мне кажется, идет».</p> <p>7 На этот крик назад я взоры кинул
И вижу, — все вперили взгляд, дивясь,
В меня и в тень, где свет за мною сгинул.</p> <p>10 — «Чем мысль твоя так сильно развлеклась»,
Сказал учитель, «что мешает ходу?
Что в том Тебе, что шепчутся о нас?»</p> <p>13 Иди за мной, и дай роптать народу;
Будь тверд, как башня, на которой шпиц
Не дрогнет ввек от ветров в непогоду.</p> <p>16 В ком помыслы роятся без границ,
Тот человек далек от их свершенья:
В нем мысль одна гнетет другую ниц».</p> <p>19 Что мог сказать я больше от смущенья,
Как лишь: «Иду». И, покраснев, я стих,
За что порой мы стоим и прощенья.</p> <p>22 Тут поперек наклона скал святых
Вблизи пред нами тени проходили
И пели Miserere — стих за стих.</p> | <p>Приметив же, что вовсе не светили
Лучи сквозь плоть мою, — свой хор певцы
В «О!» хриплое протяжно превратили. 25</p> <p>И двое из толпы их, как гонцы,
Навстречу к нам помчались, восклицая:
— «Откуда вы, скажите, пришледы?» 28</p> <p>И вождь: «Вернись назад, чета святая!
Тебя пославшим можешь ты донести,
Что плоть на нем действительно живая. 31</p> <p>Коль нужно им об этом слышать весть, 34
То вот ответ им; если ж стали в кучи
Там в честь ему, — он им воздаст за честь».</p> <p>Пред полночью едва ли пар горячий 37
Браздит так быстро звездные среды,
Иль в августе с заходом солнца тучи, —</p> <p>Как быстро те влетели душ в ряды 40
И, повернув, примчались к нам с другими,
Несясь, как строй, бегущий без узды.</p> <p>И вождь: «Теснят толпами нас густыми 43
Они затем, чтоб к ним ты не был враг;
Но дальше в путь, и слушай, идя с ними».</p> <p>— «Душа, — ты, ищущая вечных благ, 46
Несущая те члены, где витаешь»,
Бежа кричали, «задержи свой шаг.</p> |
|--|---|

1-6. Отойдя от душ, поэты имели солнце справа, Данте идет вслед за Вергилием и тень от него ложится налево.

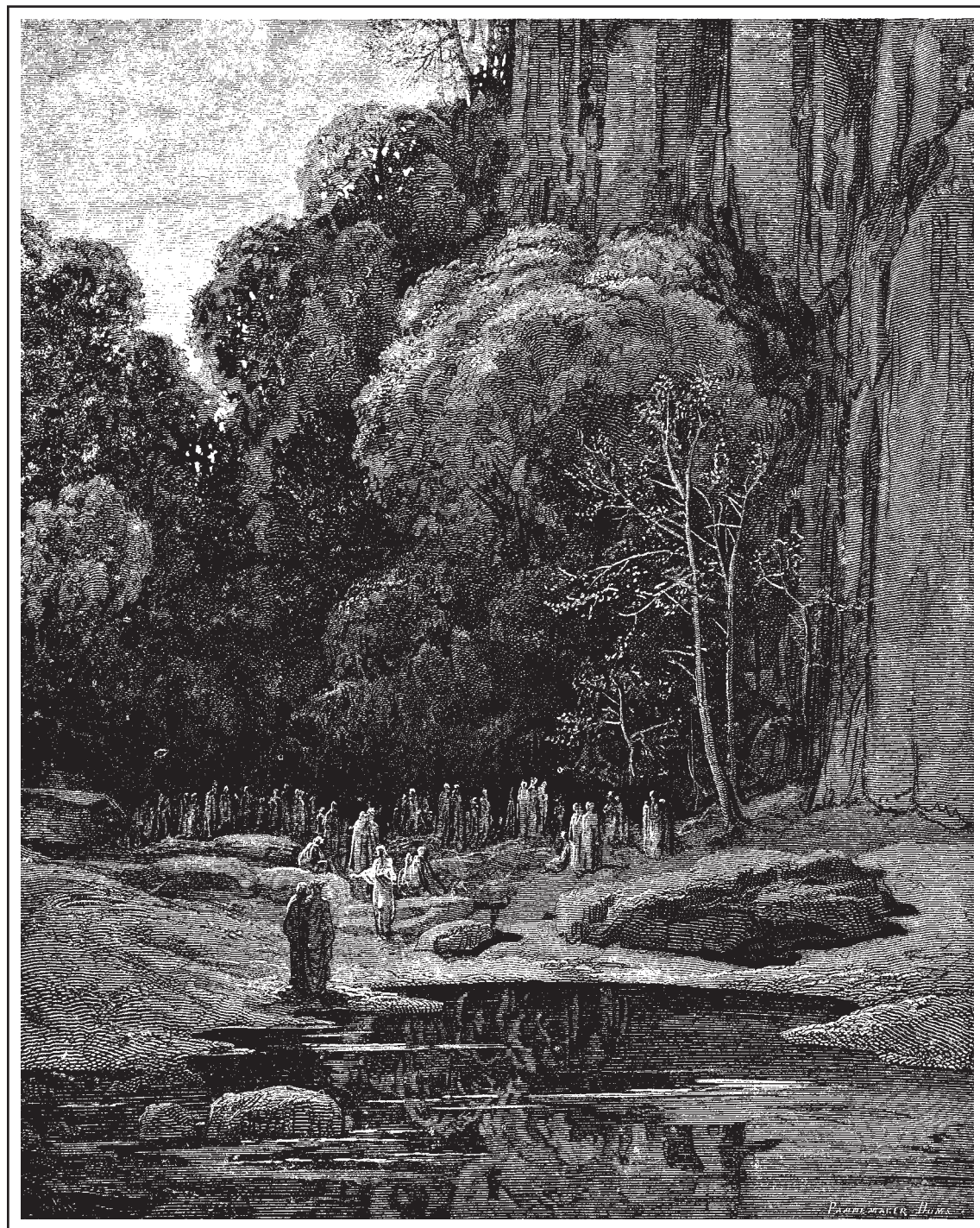
20. Данте стыдится, что обратил внимание на нерадивых и тем самым замедлил свое восхождение на пути к совершенствованию.

24. «Души поют 50-й псалом: Miserere mei, Domine (Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей), в два хора, стих за стих, как поется этот псалом в католических церквах». Бути.

36. Он может принести о них известие живым и тем понудить их молиться о сокращении срока пребывания душ в чистилище.

37-39. Здесь разумеются падающие звезды и столь частые в августе месяце зарницы. Следуя Аристотелю, учитель Данте, Брунето Латини, так объясняет их происхождение: «от столкновения ветров вызывается огонь в верхних областях атмосферы, вследствие чего загораются горячие пары, поднимающиеся в эти области» (Tesoro, Lib. II, Cap. 33).

52-57. Эти души, бродящие у подножия горы Чистилища, — третий вид нерадивых — застигнуты врасплох насильственной смертью и не получили отпущения; но тем не менее они прощены Всевышним

*И вождь: «Теснят толпами нас густыми
Они затем, чтоб к ним ты не был враг;
Но дальше в путь, и слушай, идя с ними».
(Чистилище, Песнь V, тер. 43)*

<p>49 Взгляни! Быть может, здесь иных узнаешь
И весть о них снесешь в свои страны:
О, что ж спешишь? О, что ж ты не внимаешь?</p>	<p>И я, за всех молящий в сем собрании, 67
Прошу тебя: как будешь ты в стране
Меж Карлова владенья и Романьи, —</p>
<p>52 Мы все насильством жизни лишены,
Вплоть до тех пор ходя путем греховным;
Когда же свет блеснул нам с вышины,</p>	<p>Замолви в Фано слово обо мне: 70
Пусть вознесут там за меня молитвы,
И от грехов очищусь я вполне.</p>
<p>55 Мы все, покаясь и простя виновным,
Ушли из жизни, примирившись с Тем,
Кого узреть горим огнем духовным». —</p>	<p>Оттоль я родом; эти ж знаки битвы, 73
Из коих с кровью вышла жизнь моя,
Мне антенорцы дали в час ловитвы.</p>
<p>58 И я: «Из вас я незнаком ни с кем!
Но чем могу служить я вашей тризне,
Скажите, души дорогие? Всем</p>	<p>А им-то был так сильно предан я! 76
Им так велел злой Эсте, в коем пышет
Сверх всяких мер гнев злости на меня.</p>
<p>61 Готов помочь, клянусь тем миром жизни,
Его ж искать вслед за таким вождем
Из мира в мир иду, стремясь к отчизне».</p>	<p>Уйди ж я в Мирру, прежде чем я, вышед 79
Из Ориако, схвачен ими был, —
Я б и поныне жил, где тварь вся дышит.</p>
<p>64 И мне один: «Мы все с надеждой ждем.
Что и без клятв ты сдержишь обещанье,
Была б лишь воля на сердце твоём.</p>	<p>В осоке там, увязнув в топкий ил, 82
Среди болот я пал, и там из жилы
Всю кровь свою, как озеро, разлил».</p>

в силу чистосердечного их раскаяния и за то, что они простили врагам своим. Пение этого рода нерадивыми *Miserere* совершенно здесь уместно, соответствуя выраженному ими (ст. 57) стремлению войти в пределы настоящего очищения. Второй стих псалма как нельзя более отвечает настроению их: «омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя».

64. Говорящая здесь тень есть Якопо дель-Кассеро, гражданина города Фано. Он возбудил против себя ненависть Аццо VIII, графа Эсте, тем, что когда этот последний вел войну с Болоньей и Пармой и уже близок был к заключению мира с ними, Кассеро, бывший тогда подестой Болоньи, много противодействовал ему. За это, по повеленью Аццо, он был убит при местечке Ориако, между Венецией и Падуей в то время, когда ехал в Милан.

68-69. Здесь обозначается область Анконы, лежащая между Апулией и Романьей находившаяся в то время под властью Карла II Анжуйского. Родина Кассеро, город Фано, принадлежит к Анконской области.

74. Намек на 3-ю книгу Моисея: «Потому что душа тела в крови». Левит XVII, 11.

75. Убийство Кассеро совершено падуанцами, которых Данте, как изменников, называет «антенорцами», по имени троянца Антенора, основавшего, по преданию, город Падуя. «Слава основателя Падун, как в Средние века, так и поныне, живет еще в устах народа». Ампер. — Изменники отечеству помещены в аду во втором отделении девятого круга, названном Данте Антенорою (Ада XXXII, 89).

79-81. Т. е. скройся я в Мирру (местечко Пизанской области, на одном из каналов, выходящих из реки Брента), а не спрячусь в осоку болота у Ориако, я бы и до сих пор был между живыми (где тварь вся дышит — *là dove si spira*).

88. Буонконтэ, сын Гвидо да-Монтефельтро, того самого, что помещен в аду между злыми советниками (Ада XXVII, 67-71 прим.). Буонконтэ пал в сражении при Кампольдино, недалеко от Поппи, крепости в Казентино, 11 июня 1280 года. Это сражение происходило с одной стороны между изгнанными из Флоренции гибеллинами, в союзе с аретинцами, и флорентинскими гвельфами — с другой. Аретинцами командовал епископ их Гоильельмо Убертини и Буонконтэ. В сражении участвовал еще молодой тогда Данте, служа в кавалерии, так как в молодости своей он принадлежал к партии гвельфов. Труп Буонконтэ не был найден, — обстоятельство, послужившее поэту поводом к этому дивно поэтическому

... добрел я, ранен в горло тяжело,
И кровью ран обагренил все поле.
(Чистилище, Песнь V, тер. 98)

85 Тогда другой: «Да даст Всевышний силы
Тебе достичь до горних тех вершин!
О, помоги, утешь мой дух унылый!

88 Я Буонконт, я Монтефельтро сын;
Джованна с прочими меня забыла:
Затем-то здесь всех жалче я один».

И я ему: «Какой же рок, иль сила
Так унесла твой с Кампальдино прах,
Что мир не знает, где твоя могила?»

91

— «Под Казентином», он сказал в слезах,
«Из Апеннин бежит Аркьян по воле,
Взяв свой исток над Пустынью в горах.

94

*О, не забудь ты и меня: я Пия!
Мне Съена жизнь, Маремма смерть дала.
(Чистилище, Песнь V, тер. 133)*

ПЕСНЬ V

97	Туда, где он уж не зовется боле,
Добрел я, ранен в горло тяжело,
И кровью ран обагрят все поле.	118	Что воздух в воду превратил пары:
И хлынул дождь, и то, что не проникло
Во глубь земли, наполнило все рвы,
100	Тут взор померк и слово замерло
На имени Марии; тут и тело
Бездушное одно во прах легло.	121	И столько рек великих вдруг возникло,
И ток могучий к царственной реке
Так ринулся, что все пред ним поникло;
103	Что́ я скажу, — живым поведай смело!
Господень Ангел взял меня; но Враг:
— „О, ты с небес!“ вскричал, „правдиво ль
дело?“	124	Остывший труп мой тут нашел в реке
Злой Аркиан и, бурный, в Арно ринул,
Расторгнув крест, в который я,
в тоске
106	Лишь за одну слезинку в ночь и мрак
Его часть вечную ты взял у ада:
Но уж с другой я поступаю не так!“	127	Раскаянья, на персях длани сдвинул;
Мой труп, крутя по дну и ночь и день,
Покрыв весь тиною и в море кинул».
109	Ты знаешь сам, как воздух в тучи града
И в дождь сгущает влажный пар, когда
Он вступит в край, где стынет вдруг от холода.	130	— «Когда назад придешь в родную сень
И отдохнешь, от странствия почия».
Так за второй сказала третья тень,
112	Злость дум своих, лишь алчущих вреда,
Слив с разумом и с силой злой природы,
Враг поднял ветер и двинул туч стада.	133	О, не забудь ты и меня: я Пия!
Мне Съена жизнь, Маремма смерть дала.
Как знает тот, из чьей руки впервые,
115	И день угас, и сумрак непогоды
Всю Протоманью до хребта горы
Закутал так, сгустив небесны своды,	136	С ним обручась, я перстень приняла».

рассказу, составляющему совершенную противоположность со страшною сценой спора св. Франциска с дьяволом за душу графа Монтефельтро, отца Брунелло (Ад XXVII, 112).

89. Т. е. жена моя Дживанна и прочие родственники перестали молиться обо мне.

94. «Недалеко от высочайшего гребня Аппенин (Giogo delle Scale), с вершины которого видны оба моря, омывающие Италию, находится древний монастырь монахов ордена Камальдоли — Sagro Ermo (Пустынь). Несколько выше монастыря берет начало река Archiano (ныне Archiana), или, вернее сказать, один из боковых притоков его — Fosso di Camaldoli. Верхняя долина реки Арно, идущая от северо-запада к юго-востоку между главным хребтом Аппенин и лесистым его отрогом¹ Протаманьо (ныне Тратовеккио), называется Казентино. Протоманьо отделяет долину реки Арно от Казентино. — Слич. Ада XXX, 65 прим.». К. Витте.

97. Т. е. где Аркиано впадает в Арно, близ Баббиена.

105. «Душа отца Буонконте послужила предметом спора между св. Франциском и дьяволом, причем первый должен был уступить из-за единого греховного слова, которое истребило плоды покаяния графа (Ада XXVII, 111, 116). Одинаковый спор возникает между Ангелом Господним и Врагом за душу сына; но здесь единственный вздох, обращенный к Матери милосердия (ст. 101), решает спор в пользу Ангела, а другой доводит удовольствие одним лишь трупом раскаявшегося». Филает.

112. По общему мнению Средних веков, бури воздвигаются демонами: им дана власть над стихиями.

116. «До хребта горы», т. е. до Апеннинских гор.

¹ Отог — относительно короткий и узкий горный хребет, отходящий от крупной горной цепи и понижающийся к ее периферии.

122. Царственной рекой (fiume real) Данте называет реку Арно, в которую впадает Аркиано.

133. Пия, родом из Сиены, из знатной фамилии Гвастеллони, была замужем за Толомеи; но, овдовев, вышла за некоего Нелло или Паганелло де Паннокьески. Подозревая ее в неверности или, по другому сказанию, желая избавиться от нее, чтобы жениться на другой, Нелло заключил ее в один из своих замков в Маремме. По словам некоторых, она была выброшена из окна замка и убилась; по другим — погибла медленною смертью от ядовитого воздуха болотистой Мареммы.

ПЕСНЬ VI

Преддверье чистилища. — Другие души погибших насильственной смертью. — Сила молитвы об усопших. — Сорделло. — Воззвание к Италии.

<p>1 Как скоро кончат состязанье в кости, —
Кто проиграл, тот с места не встает
И учится, стуча костями от злости.</p> <p>4 Меж тем с другим валит гурьбой народ:
Кто спереди, кто сзади подступает.
Кто с стороны к счастливцу пристаёт;</p> <p>7 А он идет и каждому внимает:
Кому подаст, тот отступает прочь, —
Так он себя от давки избавляет.</p> <p>10 В густой толпе таков был я точь-в-точь,
Внимая всем при плаче их и стоне
И обещаая в мире им помочь.</p> <p>13 Тут аретинец был, погибший в лоне
Судилища от ярых Гина рук, —
И тот, кто в Арно утонул в погоне.</p> | <p>Простерши руки, тут стонал от мук 16
И Федериг, и тот, чьей смертью злою
Столь доблестным явил себя Марцук.</p> <p>Тут был граф Орс и тот, чья плоть с душою 19
Разлучена чрез зависть и вражду
(Как уверял), а не его виною, —</p> <p>Пьер де-ла-Бросс! Имей же то в виду, 22
Брабантинка, пока ты здесь с живыми,
Чтоб в стадо к худшим не попасть в аду! —</p> <p>Лишь я расстался с сонмами густыми, 25
Просившими, чтоб я других просил
Мольбой помочь стать им скорей святыми, —</p> <p>— «О свет!» я начал, «помнится, решил 28
Ты явственно в своей поэме где-то,
Что глас молитв пред Божеством без сил;</p> |
|--|---|

2-10. Сравнение заимствовано из итальянской жизни: обыкновенно выигравшего окружает толпа в надежде, что он поделится с ними выигрышем или пропьет его вместе с ними.

13-14. По единогласному отзыву комментаторов, это Бенинказа из Аретцо, отличный юрист. Будучи наместником подесты Сиенского, он приговорил к смертной казни за разбой сына и племянника знаменитого в XIII веке бандита Гино ди Такко, владельца замка Радикопани, недалеко от Рима. Спустя некоторое время, при папе Бонифации VIII, Бенинказа был призван в Рим в качестве аудитора (uditore) в высший апелляционный суд в Риме, в Капитолии. Гино, чтобы отомстить за смерть родственников, ворвался среди бела дня в Рим, проник со своей шайкой в залу суда, отрубил голову Бенинказы, когда он отправлял свою судебную обязанность, и затем, никем не преследуемый, скрылся в свой замок. Боккаччо, *Decamerone*, 10, 2.

15. Тарлати (Чьякко, или Чьоне), аретинец. В сражении при Кампальдино, спасаясь от преследований, он утонул в Арно; по другим, он сам гнался за неприятелем и был сброшен в Арно испуганною лошадей.

17-18. Федерико Новелло, сын Гвидо Новелло, наместника короля Манфреда во Флоренции и дочери графа Уголино дела Герардеска (Ада XXXIII, 4 прим.; см. Истор. очерк событ. в Пизе во врем. Уголино, в приложении к I книге Божественной комедии (Ада стран. 273), убит в 1292 году аретинским гвельфом Фумароло де Бостоли. Другая тень — Фарината дельи Скорниджьяни — был убит каким-то Беччо из Капроны. Отец Фаринаты, Марцукко дельи Скорниджьяни, пизанец, постригшийся из рыцарей в монахи-минориты, отличался таким смирением в своем духовном сане, что не только не мстил убийце сына, но примирился с ним и в знак примирения подал ему руку, тем выказав «доблесть» своей души (che fe' parer le buon Marzucco forte), согласно долгу евангельской любви.

19. «Граф Орс» (Cont' Orso), по одним, из фамилии Альберти да-Вальди Бизенцио, убит своими родственниками; по другим — сын графа Наполеона де-Чербаини, убит своим дядей Альберти да Мангена (Ада XXXII, 57).

22. «Пьер де ла Бросс» (della Broccia) — любимый секретарь французского короля Филиппа Смелого, пользовавшийся большим его доверием, чем возбудил против себя сильную ненависть придворных и даже второй жены короля Марии Брабантской (Брабантинки, ст. 23), дочери Генриха VI, герцога Брабантского; был обвинен их просками в отравлении наследника престола и государственной измене, за что и был казнен, по приказанию короля, в 1276 году. Королева Мария умерла в 1321 году, а потому, вероятно, читала слова, направленные против нее в следующих стихах.

31 А сонм теней нас молит лишь за это?
Так неужли ж надежда их тщетна.
Иль, может быть, не вник я в речь поэта?»

34 А он на то: «И речь моя ясна,
И не тщетна надежда их, коль вникнет
Твой здравый разум в наши письма.

37 Ведь суд чрез то вершиной не поникнет,
Коль жар любви ускорит мукам срок,
Сужденный всем, кто в этот мир проникнет.

40 Но там, в аду, где мысль я ту изрек,
Не исправляется вина молением, —
Господь от всех молений там далек.

43 Но, впрочем, ты под тяжким столь сомненьем
Не пребывай, доколь не встретишь ту,
Кто свет свой льет меж правдой и мышленьем.

Ты понял ли, что речь я здесь веду
О Беатриче? Там, на той вершине,
Узришь ее святую красоту». 46

И я: «Вождь добрый, поспешим! Отныне
Уже во мне истомы прежней нет,
И вон легла уж тень горы в долине». 49

— «На сколько можно», он на то в ответ,
«Пройдем в сей день; но будет труд тяжеле,
Чем думаешь, идти за мной вослед». 52

И прежде чем взойдешь, узришь отселе
Возврат того, чей свет уж скрыт холмом,
И луч его в твоём не гаснет теле. 55

Но видишь, — тень вдали на камне том,
В нас взор вперив, сидит одна направо?
Пусть скажет нам, где легче путь найдем». 58

29-30. Намек на то место Энеиды (VI, 372-375), где Палинуру, умоляющему перевезти его через Ахерон, Сивилла отвечает:

Unde haec, Palinure, tibi tam dira cupido?
Tu Stygias inluminatus aquas, amnemque severum
Eumenidum adspicies, ripamve injussus adibis?
Desine fata deum flecti sperare precando.

37-39. Т. е. Божие правосудие через то не ослабнет (не поникнет своей вершиной; в подлиннике: *cima di giudizio non s'avvalla*), если жар любви ближних к усопшим сократит своими молитвами срок пребывания их в чистилище, где каждому, в него допущенному, предназначено пробыть более или менее долгое время.

40-42. «При разрешении вопроса: могут ли молитвы и добрые дела одного оказать пользу другому, Фома Аквинский дает следующие толкования. Люди двояким способом заслуживают вечную награду, состояние блаженства, или известную случайную, временную награду: путем молитвы или путем заслуг — добрыми делами. Молитвой может быть оказана другим неограниченная помощь, потому что выслушать ее зависит от благости Господней, и молитвой достижимы всякие милости равно себе и другим. Путем заслуг своими добрыми делами нельзя оказать другим никакой помощи в достижении ими вечной жизни, но можно содействовать приобретению ими упомянутых временных наград, при посредстве любви, которая связует всех между собою и делает одного участником заслуг другого. Добрые дела и молитвы за других между живущими и живущих за умерших, находящихся в состоянии очищения, — могут быть действительны. Но тот, кто не находится в числе помилованных, тот не может ничего заслужить ни себе, ни другим. Недействительна также молитва за осужденных, потому что связь любви с ними порвана. Заслуженное нами вечное наказание могла смыть лишь бесконечная заслуга Христа, временные кары (к которым можно также отнести наказание чистилища) могут быть облегчены одним человеком за другого, потому что было бы несправедливо, если бы Бог наказывал одного человека за другого, тогда как, награждая одного за заслуги другого, Он являет себя благим (Sum. Theol. Suppl. part. III, quaest. XIII, art. 2, quest. LXXXIII, art. 1-6). — И так Данте заставляет Вергилия сказать здесь: постигший души строгий приговор о пребывании их в преддверии чистилища может быть уничтожен любовью молящихся за них. Те же слова (в Энеиде) высказаны по отношению к аду, где связующая людей любовь недействительна». Филалет.

43-45. «Вергилий, как символ человеческой мудрости, отсылает своего ученика по этому, чисто богословскому, вопросу к Беатриче, символу божественного знания, при свете которого человек находит те истины, которых он тщетно искал бы при всяком другом свете». Фратичелли.

ПЕСНЬ VI

<p>61 Мы к ней спешим. — О! Как ты величаво,
Ломбардский дух, полн гордости святой,
Взор медленный водил, одяен славой!</p>	<p>С каким радушием тот муж великий 79
При сладком имени родной страны
Сородичу воздал почет толикий!</p>
<p>64 И, не сказав ни слова, пред собой
Дал нам пройти, нас оком озирая,
Как грозный лев, возлегший на покой!</p>	<p>А у тебя — кто ныне без войны? 82
Не ложут ли друг друга в каждом стане,
За каждым рвом, в черте одной стены?</p>
<p>67 Тут подошел Вергилий, умолая
Сказать, где легче всход на верх горы:
Но гордый дух, ответа не давая,</p>	<p>Вкруг осмотри, злосчастная, все грани 85
Морей твоих; потом взгляни в среду
Самой себя: где край в тебе без брани?</p>
<p>70 Спросил нас: кто мы? из какой страны?
И вот, лишь начал вождь свои заклатья:
— «О, Мантуя!...» как дух, до той поры</p>	<p>Что пользы в том, что дал тебе узду 88
Юстиниан, наездника же не дал?
Ведь без нее б быть меньшему стыду!</p>
<p>73 Весь замкнутый, вскричал, простря объята:
«О, мантуанец! Я Сорделло! Твоей
Страны я сын!» — И обнялись, как братья. —</p>	<p>Зачем, народ, коня во власть не предал 91
Ты Цезарю, чтоб правил им всегда,
Коль понял то, что Бог вам заповедал?</p>
<p>76 Италия — раба, приют скорбей,
Корабль без кормщика средь бури дикой,
Разврата дом, не мать областей!</p>	<p>Смотри, — конь заупрямился, когда 94
Не стало шпор того, кто встарь им правил,
С тех пор, как взял ты в руки повода!</p>

56-57. Т. е. возврат солнца, которое теперь за горою Чистилища, так что лучи его, не падая на тебя, уже не дают от тебя тени. Три раза вззошло солнце, прежде чем поэты достигли вершины Чистилища: в первый раз Чистилища IX, 44; во второй — Чистилища XIX, 36-39 и в третий — Чистилища XXVII, 109-112.

74. Сорделло, родом из Мантуи, жил в начале XIII века и принадлежал к числу отличнейших поэтов того времени. Ему приписывают сочинение *Thesaurus Thesaurorum*, в котором описываются все знаменитые государственные мужи, почему на произнесенную Сорделлом в следующей песне (ст. 90-135) характеристику государей недавнего прошлого не без основания смотрят, как на намек на это сочинение; между тем Бенвенуто да Имолла заявляет, что такого не видел. О доблестях Сорделло на поприще общественной жизни, политической деятельности, воинских подвигов и почитания женской красоты существуют различные малодостоверные рассказы; так, например, тот же Б. да Имолла говорит, не ручаясь за достоверность сказанного, что Сорделло был умерщвлен по приказанию графа Эццелино, или Аццелино (Ада XII, 110), тогда как почти не подлежит сомнению, что Сорделло пережил Аццелино, умершего в 1259 году в Вероне, так как успел написать стихи в память Сицилийской Вечерни (1282 г.). Достоверно лишь то, что он имел частые сношения с Аццелинами и, когда эти последние стали во враждебные отношения к предводителю гвельфской партии города Вероны, графу Рикарду де Ст. Бондфачио, женатому на Куннице, дочери Аццелино II, то ее братья допустили, или даже приказали, Сорделлу увести от мужа Кунницу, взаимностью которой он пользовался еще в бытность ее в доме отца. Данте с похвалою отзываясь о нем в своем *De vulgari Eloquentia* I, 15. Сорделло презирал родной язык и писал на провансальском языке.

87. Намек на уособицы городов Италии, раздираемых гвельфами и гибеллинами.

88-90. Т. е. что пользы, что Юстиниан издал свой знаменитый кодекс? Какая польза в узде законов, если никто не правит этой уздой, если в Италии нет императора (наездника)? Тем более стыда для Италии, что она, имея такие превосходные законы, не исполняет их.

91. В виде дикого коня (fiera) олицетворяется здесь Италия.

93. «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Матф. XXII, 21.

97-103. Данте обращается к германским императорам Альбрехту и его отцу Рудольфу Габсбургскому, упрекая их в том, что они, занимаясь делами Германии, не обращали никакого внимания на Италию, которую поэт называет (ст. 105) «садом империи».

<p>97 Зачем, Альберт Немецкий, ты оставил
И дал так сильно одичать, что мер
Уж над собой не знает конь, ни правил?</p>	<p>Приди взглянуть, в каком мы тут раздоре. 115
И, коль тебе не жаль твоих детей,
Приди краснеть хоть о твоём позоре!</p>
<p>100 Да снидет же суд Божий с звездных сфер
На кровь твою — суд новый и открытый,
Чтоб был твоим преемникам в пример!</p>	<p>О, да простит мне высший Царь царей, 118
За нас распятый здесь в земной долине: —
Куда от нас отвел Ты взор очей?</p>
<p>103 С отцом своим ты бросил без защиты
Италию и допустил, — увы! —
Чтоб сад Империи заглох, забытый.</p>	<p>Иль, может быть, безвестное в пучине 121
Предвечного совета Своего
Ты благо нам уготовляешь ныне?</p>
<p>106 Приди ж взглянуть, беспечный, каковы
Мональди здесь, Монтекки, Капеллетти —
Те в горести, а эти — без главы!</p>	<p>Все города в стране до одного — 124
Полны тиранов; каждый смерд ничтожный
Марцелом стать готов из ничего.</p>
<p>109 Приди, жестокий, посмотри, как дети
Твои скорбят; приди к ним, чтоб помочь;
Приди взглянуть, как Сантофьор пал в сети!</p>	<p>Но ты, моя Флоренция, тревожной 127
Быть не должна: народ твой ведь не глуп
И не пойдет по той дороге ложной!</p>
<p>112 Приди взглянуть на Рим твой! День и ночь
Он, как вдова, вопит в слезах и горе:
— «О Цезарь мой, куда бежишь ты прочь?»</p>	<p>Иной народ чтит правду, но он скуп 130
На стрелы, зря не гнет он самострела;
А твой народ их тучей мечет — с губ!</p>

100. Намек на убийство императора Альбрехта его племянником Иоанном Парицидой (1308 г.), приведенный здесь в виде пророчества.

106. Обращение к германскому императору.

107. Гибеллинские фамилии, о которых находим у Филалета в общем следующее; Мональди — могущественный род из Орвието; две линии его враждовали между собою, наполняя Орвието еще в XIV веке смутами и кровопролитиями. В подлиннике еще *Filippeschi*, тоже из Орвието, враги Мональди. — Монтекки и Капеллетти, известные всякому по Шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Монтекки, могущественный род, стоявший во главе и давший по себе название гибеллинской партии Вероны. С помощью фамилии Аццолино им удалось изгнать противную партию с графом де С. Бонифачио во главе (1236 г.), после чего граф Аццолино завладел властью в городе и сохранял ее до самой смерти (1259 г.). По-видимому, Монтекки были плохо вознаграждены им за свои услуги, так как между многими жертвами его жестокости мы находим в 1242 г. и Карнароло Монтекки. Они были изгнаны из Вероны (1324 г.) Каном Великим, удалились в Удино и вымерли там через полстолетия (Алессандро Торри. *Guilietta e Romeo, Novella storica*. S. 56-60). Гораздо менее сведений собрано о фамилии Капеллетти того времени. Имя их не встречается в довольно подробно составленной *Cronica di Verona*. Некоторые древние комментаторы полагают их родом из Кремоны и врагами Тронкачиуфи, но Алессандро Торри ссылается на ненапечатанный труд XVIII века и выводит по нему родословную фамилии Капеллетти.

111. «Графы Сантафиоре — могущественный род из Мареммы Сиенской. После поражения Конрадина (1270 г.) в Сиене получили преобладание гвельфы, а графы Сантафиоре соединились с изгнанными гибеллинами (1280 г.). Главным убежищем изгнанников служил замок Рокка Страда, завоеванный сиенцами наравне со многими другими, принадлежавшими графам Сантафиоре. По заключении мира (1300 г.) им были возвращены некоторые из них за денежный выкуп». Филалет. — Другие комментаторы разумеют под этим стихом не только угнетение графства во время Данте гвельфами, но и опустошение его бандитами.

125-126. Марк Клавдий Марцелл, аристократ, глава Помпеевской партии, противодействовавший диктатуре Юлия Цезаря. Данте хочет сказать, что каждый ничтожный крестьянин считает себя достаточно сильным, чтобы бороться с императором. Меньшинство комментаторов разумеет здесь Марцелла,

ПЕСНЬ VI

133 Иных страшит общественное дело;
А твой народ, и незванный никем,
Кричит: «Давай! За все беруся смело!

136 Ликуй же, родина! И есть над чем:
Живешь ты в мире, ты умна, богата,
А что не лгу — конец докажет всем.

139 Афины, Спарта, где закон когда-то
Был так премудр и славен, и хорош,
Жить не могли, как ты, умно и свято.

Уставы ж ты так тонко создаешь, 142
Что к половине ноября без смены
Не длится то, что в октябре спрядешь.

Припомни лишь, как часто перемены 145
Ты делала в законах, должностях,
В монетах, нравах, и меняла члены.

И согласись, коль ум твой не зачах, 148
Что ты сходна с больной, чей сон так слабок.
Что на пуху лежит, как на ножах,

И ищет сна, метаясь с боку на бок! 151

покорителя Сиракуз во второй Пунической войне; тогда стих получит следующий смысл: каждый почти-тает себя героем.

127. Начинающееся отсюда обращение к Флоренции все преисполнено жесточайшего сарказма.

128-129. «Народ твой... не пойдет по той дороге ложной» — в подлиннике несколько иначе, *questa digression che non ti tocca* — это отступление тебя не касается. «Поэт сам чувствует, что одно из прекраснейших и трогательных по содержанию мест Божественной Комедии, от стиха 76 и до конца песни, столь неуместно и надолго прерывающее начатую в стихе 75 речь Сорделло, представляет собою отступление от предмета, о котором, собственно, теперь идет речь. Оно заслуживает снисхождения лишь у столь наивного и первобытного поэта». Ноттер.

130-135. Т. е. иные (народы и государства) любят правду (правосудие), но они осторожны в ее применении, они хранят ее на сердце; у тебя же, Флоренция, она всегда на губах, но не в сердце. Граждане других государств избегают общественных должностей, страшась их тяжелой ответственности; вы же, флорентинцы, охотно беретесь за все, даже там, где не просят вас.

145-147. Вместе с партиями менее, чем в одно столетие (1217–1307 г.), во Флоренции 17 раз переменялось государственное устройство, состав части народонаселения и власти. Подробнее см. у Филалета, прим. 23; у К. Витте, *Einleitung* S. 24; Скартаццини перечисляет за полстолетия (1248–1307 г.) 20 различных перемен. «Труднее дать сведения о переменах в монетах, которые Данте ставит в упрек своему родному городу, так как флорентинцы соблюдали весьма похвальное постоянство именно по отношению к главной своей монете, золотым флоринам (Ада XXX, 74 примеч.). Филалет.

151. «Как метко сравнение непостоянного города с беспокойною больною, которая беспрестанно ворочается от боли на одре своем, но тем не менее не находит покоя». Копиш.

*Так и Сорделл: сперва челом поникнул,
Потом, смиренно подойдя, ему,
Как раб, колена обнял и воскликнул...
(Чистилище, Песнь VII, тер. 13)*

ПЕСНЬ VII

Преддверие чистилища. — Сорделло. — Долина государей, не радевших о спасении души своей. — Император Рудольф. — Оттокар. — Филипп Смелый. — Генрих Наваррский. — Петр Арагонский. — Генрих III Английский. — Гюльельм Монферратский.

<p>1 Как скоро три, четыре раза новый,
Живой привет меж них обменен был, —
Вспять отступя, спросил Сорделло: «Кто вы?»</p>	<p>— «О, слава всех латинян, ты, кому
Дано явить, сколь мощно наше слово!
Честь вечная и граду моему!</p>	16
<p>4 — «Еще к горе священной не парил
Сонм душ, достойный к той взнестись вершине, —
Октавиан уж прах мой схоронил.</p>	<p>Чем заслужил виденья я такого?
Скажи, коль стою я речей твоих,
Из адского ль ты круга и какого?»</p>	19
<p>7 Вергилий я, и лишь по той причине
Лишен небес, что веровал в ничто». —
Так отвечал тогда мой вождь в кручине.</p>	<p>— «По всем кругам из царства скорбей злых», 22
Он отвечал, «прошел я, послан силой
Небесною и ей ведомый в них.</p>	22
<p>10 Как тот, кто вдруг увидел вещь, во что
И верит он, и нет, пока не вникнул,
И говорит с собою: «То! Не то!» —</p>	<p>Бездействие — не действие — сокрыло
Мне Солнце то, к Нему ж парит твой ум,
Чей свет познал я поздно за могилой.</p>	25
<p>13 Так и Сорделло: сперва челом поникнул,
Потом, смиренно подойдя, ему,
Как раб, колена обнял и воскликнул:</p>	<p>Есть край внизу: он тьмой своей утрюм,
Не казнями, и оглашен не воем
От мук, но вздохами от тщетных дум.</p>	28

1. Начало песни примыкает к 75 стиху предыдущей. «Три, четыре раза», — определенное число вместо неопределенного, т. е. многократно, напоминающее латинское *terque quaterque*, как у Верг. Aen. I, 94. „O terque quaterque beati“.

4-5. До воскресения Христова все души умерших поступали в ад, души добродетельных в лимб, души злых в настоящий ад, так как, по мнению Данте, до искупления Христом человечества никто не мог спас- тись и, следовательно, не мог вступить в Чистилище. Поэтому в лимбе находился и Вергилий, не бывший и не могший быть христианином, так как он умер, когда еще Христос не родился (Ада IV, 52 и след.); и, следовательно, гора Чистилища до воскресения Христова еще никем не была населена.

6. «Октавиан» — римский император, носивший имя *Cajus Julius Caesar Octavianus*, по повелению которого кости Вергилия были перенесены в Неаполь и там погребены (Чистилища III, 27).

7. Сличь Ада IV, 34-42.

8. «Веровал в ничто» (в подлиннике: *per non aver fè* — не имел веры). Вера есть начало к спасению (Ада II, 30). — «А без веры угодить Богу невозможно». Посл. к Евреям XI, 6 — „Fides est necessaria tanquam principium spiritualis vitae“. Thom. Aquin. Sum. Theol. P. II, qu. XVI, art. I. — „Sine fide mediatoris nullum liominem vel ante, vel post Christi adventum fuisse salvum, Sanctorum auctoritates contestantur“. Petr. Lomb. Sent. I. III, dist. 25.

9. «Здесь Вергилий говорит лишь о себе и ни слова не упоминает о Данте. Сорделло, изумленный появле- нием тени великого поэта, не заботится спросить его, кто его спутник; это обстоятельство служит поводом к превосходной сцене в следующей песне (VIII, 58 и далее), где Данте объявляет себя живым человеком судье Нино». Биаджиоли.

10-12. «Изображение человека, который видит невероятное в действительности». Бенвенуто Рамбалди.

13. «Гордость Сорделло, как поэта, мгновенно исчезает, когда он узнает, что перед ним тень более высокого поэта». Штрекфусс.

15. В подлиннике: *Ed abbracciollo ove il minor s'appiglia*, т. е.: и обнял его там, где обнимает меньший ростом, как, например, ребенок», т. е. колени, по объяснению Ландино.

17. «Наше слово» (в подлиннике: *la lingua nostra*), т. е. латинский язык, который во времена Вергилия и далее во время Сорделло был языком итальянцев.

ПЕСНЬ VII

31	Там я с младенцами — с невинным роем,
Попадшим в зубы Смерти, прежде чем
С них первый грех омыт пред аналоем.		Всем вверх всходящим здесь в отпор восстанет
Не кто иной, как мрак: ночная тень,
Лишая сил, и волю в нас туманит.	55
34	Там я с толпой, что́, не познав совсем
Трех добродетелей святых, признала
Другие все и следовала всем.		Но нисходить на низшую ступень
И вокруг горы блуждать и в мгле здесь можно,
Пока в плену у горизонта день».	58
37	Но, если можешь, объясни, хоть мало,
На тот уступ как восходить должнó,
Где первое чистилища начало?»		Тогда владыка мой, почти тревожно:
— «Веди ж», сказал, «туда, где нам приют
Отраду даст, коль говоришь неложно».	61
40	И он: «Границ нам точных не дано:
Везде ходить я волен в этом бреге
И я твой вождь, насколько дозволенó.		Мы недалеко отошли, как тут
Я выемку на склоне вдруг приметил,
Как здесь у нас долины гор идут.	64
43	Но, посмотри, уж день почти на сбеge,
Нельзя стремиться ночью к вышине;
Подумай же и о благом ночлеге.		— «Пойдем туда, и там», Сорделл заметил,
«Где из себя долину круть творит,
Дождемся дня, и станет мир весь светел».	67
46	Есть души там направо в стороне;
Я к ним сведу тебя, коль ты согласен;
Тебе отраду могут дать оне».		Был путь меж гор и плоскостью прорыт;
Змеясь, привел он нас на край раздола,
Где больше чем в полкруга он открыт.	70
49	— «Как?» был ответ. «Мне твой совет
неясен:
Другой ли кто претит на высоту
Всходить в ночи, иль самый труд напрасен?»		Сребро и золото, пурпур, блеск
с престола,
Гебен индийский с лоском дорогим,
Смарагд чистейший в миг его раскола, —	73
52	И по земле Сорделл провел черту
Перстом, сказав: «Смотри, лишь Солнце
канет,
За линию не переступишь ту.		Пред блеском тем цветов и трав, каким
Сверкал тот дол, — все уступало
в цвете,
Как меньшее перед своим большим.	76

25-27. «Бездействие — не действие» (в подлиннике: Non per far, ma per non fare ho perduto), т. е. не совершением грехов, но тем, что не имел трех святых добродетелей: веры, надежды и любви, утратил я то Солнце, т. е. Бога, которого узнал поздно, т. е. по смерти». Фратичелли.

31. Следовательно в лимбе некрещенных младенцев (*limbus puerorum*). — „*Limbus patrum et puerorum absque dubio differunt secundum qualitatem poenae vel praemii. Pueris enim non adest spes beatæ vitæ, quæ patribus in limbo aderat: in quibus etiam lumen fidei et gratiæ refulgebat. Sed quantum ad situm, probabiliter creditur, utrumque locus idem fuisse; nisi quod limbus patrum erat in superiori loco quam limbus puerorum*“. Thom. Aquin. Summ. Theol. p. III, suppl. qu. LXIX, art. 6.

32. «Поэт олицетворяет, согласно с народным поверьем, смерть в виде человеческого скелета, наносящего своими зубами гибель живущим». Ломбарди. — «Смерть! Где твоё жало?» Осии XIII, 14.

34-36. Здесь обозначаются добродетельные язычники, для полного спасения которых недоставало трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви. „*Virtutes theologicae hoc modo ordinant hominem ad beatitudinem supernaturalem, sicut per naturalem inclinationem ordinatur homo in finem sibi connaturalem*“. Thom. Aquin. Sum. Theol. p. I. 2 qu. LXII, art. 3. — Слича Ада IV, 106 и прим. Данте во всей своей поэме проводит ту мысль, что без этих трех добродетелей нельзя быть христианином. В Раю XX, 118 и далее говорит, что обладающие этими добродетелями могут достигнуть небесного блаженства даже без крещения.

39. «Первое начало чистилища», т. е. вход в настоящее чистилище, так как до сих пор поэты находятся еще в *antipurgatorium*. «Истинное начало в чистилище для людей мира сего есть вступление к покаянию, которое неизвестно людям сего мира по причине разного рода нерадений». Бути.

43. «Это место до стиха 63 имеет аллегорическое значение. Солнце, по толкованию древних комментаторов, означает божественный свет благодати, без которого безуспешно раскаяние и не может быть истинного исправления. Воля тогда бессильна (ст. 57), ибо одна воля ни на что не способна без божественной благодати».

49-51. «Вергилий как будто изумлен тем, что сила его собственного разума недостаточна для дальнейшего восхождения к небу, — что для этого безусловно необходим свет свыше; он как будто забывает, что он собственными устами говорил (Чистилища VI, 52) своему ученику, что не долго можно восходить вверх до окончания дня». Ноттер.

53. Здесь поэт имел в виду слова Спасителя: «Еще малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма». Иоан. XII, 35. — «Приходит ночь, когда никто не может делать». Ibid. IX, 4.

56. Т. е. здесь одно лишь препятствие — мрак ночи, под которым древние комментаторы разумеют слепоту и невежество грешников. По-видимому, Данте намекает на евангельские слова: «Еще не малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет». Иоан. XII, 35.

58-59. „*Figuratur quod sine Sole divinae gratiae, a quo illuminamur, ad recta, dum lucet in nostra mente, debemus et possumus ascendere; sed secus dum non lucet, quia tunc nos movendo, errando et in nocte iremus*“. Петр Данте. — «Во мраке ночи можно лишь бродить вокруг и спускаться вниз — это значит, что без озарения свыше можно посвящать себя лишь другим созерцаниям, например научным занятиям». Каннегиссер. — По Филалету, значение этого места следующее: человек без божественной милости — этого солнца душ — не в состоянии сделать собственной силою ни шагу к благу. Зато мирские стремления, даже возврат к злу — блуждание крутом и понижение — лежат в его власти. — «Если Данте и имел здесь в виду вышеприведенные евангельские слова, то едва ли эту великую истину он рассматривал здесь лишь с одной богословской точки зрения. Поэт, так сильно высказывавшийся в конце предыдущей песни против сумятицы своего времени, — поэт, хорошо понимавший, что такое смятение возникает лишь тогда, когда вожди, ослепленные страстями и духом партии, приводят к этому тем, что не знают, чего хотят и куда ведут и не замечают, какая пропасть под их ногами, — такой поэт, в действиях которого и во всем существе даже среди труднейших обстоятельств господствует совершеннейшая ясность, не мог внести в свою поэму эту истину без того, чтобы, при всем богословском смысле ее, не придать ей и глубокого всемирно исторического смысла. На пути к небу, как и на путях житейских, — на пути, по которому идут как государства, так и отдельные личности, — на пути, ведущем ко внутренним целям в духе и разуме, так и к целям внешним, — везде мы идем вперед лишь при свете дня. Те же, кто блуждают в ночи, будут очень счастливы, когда они, вместо того, чтобы подыматься вперед, могут обращаться в сторону и остаться на раз достигнутой ими высоте. Большая же часть пята или низвергается рано или поздно во мрак, спутывающий бессилием воли. Потому тот, кто не может освободиться от окружающей его ночи, — лучше сделает, если будет спокойно дожидаться, пока эта ночь минует». Штрекфусс.

60. «Пока в плену» и пр. (в подлиннике: *Mentre che l'orizzonte il di tien chiuso*), т. е. пока горизонт удерживает солнце под собой, подражание Вергилию — Aen. I, 374.

Ante diem clauso componet Vesper Olympo.

64-72. «Мы должны представить себе эту долину (раздол) в виде излучистого углубления в боковом откосе горы, которая к краю своему открыта (Чистилища VIII, 97). Дно ее занято роскошным лугом, может быть, орошенным ручьем, свержающимся с горы. Если мы представим себе тропинку, наискось идущую от внешней стороны горного откоса, ведущую почти до половины длины долины, то эта тропинка коснется долины именно в той точке, где боковой откос долины, который к ее отверстию должен необходимо все более и более понижаться, уменьшился в высоте своей почти наполовину». Филалет.

70. В Средние века желание найти успокоение от тревог и опасностей житейских, находившее себе выражение в монастырях, выражалось в поэзии в описаниях цветистых, уединенных лужаек, напоминавших классические луга, покрытые асфоделем (золотоглазником). Одно такое убежище Данте изобразил в Аду,

„Salve, Regina!“ меж цветов и трав
Сидевшие там духи пели в хоре,
Не вознося наверх венчанных глав.
(Чистилище, Песнь VII, тер. 82)

<p>79 И там природа не цветы лишь эти,
Но ароматов тысячи смешав,
Творила нечто, нет чего на свете.</p>	<p>Всех прочих выше, с видом сожаленья 91
О том, что в мире долгом пренебрег,
Не отверзающий и уст для пенья, —</p>
<p>82 „Salve, Regina!“ меж цветов и трав
Сидевшие там духи пели в хоре,
Не вознося навстреч венчанных глав.</p>	<p>Был император Рудольф, — тот, кто мог 94
Спасти Италию, чьи раны вскоре
Не заживут, среди ее тревог.</p>
<p>85 — «Пока не сел остаток солнца в море»,
Так мантуанский вождь наш начал нам:
«Не пожелайте быть в их общем сборе.</p>	<p>А тот, что ищет утолить в нем горе, 97
Владел страной, откуда ток в горах
Молдава в Эльбу мчит, а Эльба — в море:</p>
<p>88 Отсель с горы удобней будет вам
Все лица их узнать и выраженья,
Чем в дол спустившись к ним. —
Сидящий там</p>	<p>То — Оттокар; он даже в пеленах 100
Разумней был, чем сын его брадатый,
Злой Венцеслав, что губит жизнь
в пирах.</p>

другое — здесь. Точно так же изображает в своей поэме Чудеса Пресвятой Девы один из древнейших кастильских поэтов монах Гонзало де Берсео; точно так же Брунетто Латини, Tesoreto, XIX; автор английской поэмы Vision of Piers Ploughman; Gower's Confessio Amantis, VIII. etc. Лонгфелло.

74. «Гебен индийский» (в подлиннике: Indico legno lucido e sereno). Комментаторы несогласны, какое здесь дерево разумеет поэт. По Франческо да Бути, это — дуб (quercus marcia), который в сыром состоянии светится ночью. Филалет принимает индигу (indaco) на том основании, что в числе цветов, исчисленных Данте, недостает синего (индигу, впрочем, добывается не из дерева, а из травы). Я держался в переводе мнения других комментаторов, между прочим Фратичелли, принимающего индийское дерево за гебен (l'ebano), получающий при полировке чрезвычайный блеск и лоск (lucido e sereno). — „Sola India nigrum fert hebenum“. Virg. Georg. Lib. II.

75. «Смарагд чистейший в миг его раскола» (в подлиннике: Fresco smeraldo in l'ora che si fiacca). «Изумруд — камень зеленого цвета; но, будучи расколот, в изломе своем представляет более живой зеленый цвет, чем на своей поверхности, уже несколько потускневшей в своем блеске». Веллутелло.

78. В подлиннике: Come dal suo maggiore è vinto il meno.

79-81. Т. е. «природа не только испестрила эту долину бесчисленным множеством цветов, но из сладостного благоговения тысячи растительных ароматов творила нечто необъяснимое, неопределенное (в подлиннике: indistinto, incognito), какое-то смешение, какое неизвестно здесь на земле между живущими». Фратичелли.

82. „Salve, Regina“ — древний католический гимн, приписываемый Арминию, или Герману, графу Ферингенскому XI века. Вот его слова: „Salve, Regina, mater misericordiae, vita, dulcedo et spes nostra, salve! Ad te clamamus exules filii Nevae, ad te suspiramus gementes et flentes in hac lacrimarum valle. Eia ergo advocato nostra, illos tuos misericordes oculos ad nos converte, et Jesum, benedictum fructum ventris tui, nobis post hoc exilium ostende. O clemens, o pia, o dulcis virgo, Maria!“ — Breviarium Romanum. Камподини. 1872. 1 pag. 91, 92. Гимн этот поется Деве Марии в католических церквах в вечернюю службу, и потому приведен здесь частью для обозначения состояния души кающихся здесь душ, частью — для обозначения наступающего вечера.

83. «По объяснению древних комментаторов, в этой дивно изукрашенной цветами благоухающей долине помещены души тех, которые во время земной своей жизни, не будучи вполне пороковыми, посвящали все существование свое лишь мирским стремлениям, поставляя честолюбие и могущество, — скоро преходящее и так же быстро исчезающее, как блеск и запах цветов, — превыше вечных благ, составляя таким образом четвертый класс нерадивых, почему и занимают хотя более возвышенное, в сравнении с первыми, и ближе к чистилищу расположенное место, но тем не менее все еще остаются в его преддверии (antipurgatorium)». Каннегиссер. — «Цветущая долина эта есть символ жизни роскошной и суетной; ее обитатели, будучи развлекаемы этой роскошью, великолепием и заботами житейскими, тем самым пренебрегли покаянием и попечением о высшем благе души своей». Скартаццини. — По Штрекфуссу, в этой роскошной долине Данте помещает пред вратами чистилища души высокопоставленных, знатных людей и венцеславцев. Позднее мы увидим, что в самом чистилище даже папы ничем не отличены от всех прочих в деле

очищения. Вообще Данте устанавливает господство вечного порядка лишь за порогом чистилища, до тех же пор еще продолжается земной порядок. Впрочем, такое сидение в этой долине указывает, конечно, на то, что сильные мира сего ни на шаг не подвинулись вперед к истинной цели. И вот они поют теперь гимн свой (ст. 82), чтобы от этого великолепия перейти, наконец, к мукам очищения. В глазах их теперь цветущая долина есть „*lacrimarum valles*“ гимна, и их пребывание здесь — „*exilium filiorum Nevae*“.

85. «Остаток солнца» (в подлиннике: *Prima che il poco sole omai s'annidi*), т. е. «пока остается не более часа до окончательного захождения солнца в море». Антонелли.

86. «Мантуанский вождь», т. е. Сорделло.

88-90. Намек на то, что слава всегда привлекательнее издали, чем вблизи. „*La immagine per sola fama generata sempre é più ampia, quale che essa sia, che non é la cosa immaginata nel vero stato. — La fama dilata lo bene et lo male oltre la vera quantità*“. *Convivio*, tr. I, c. 3, 4. — «Аллегорическое значение этих слов следующее: Сорделло не хочет ввести поэтов в долину, так как тени, рассматриваемые с высоты (с более высокой точки зрения), и притом при горящем еще блеске божественной благодати (при заходящем солнце), лучше и вернее могут быть оценены, чем в том случае, если подойти к ним ближе и чрез то поддаться обаянию окружающего их блеска и беседы с ними». Каннегиссер.

93. Души венценосцев, помещенных в этой долине, размещены одни выше, другие ниже, некоторые из них, по указанию Сорделло, пренебрегли долгом более других. Все души поют гимн, за исключением некоторых, чем, по-видимому, выражено их особенное пренебрежение своим долгом, а также то, что они более удалены от чистилища, чем души поющих. Выше всех сидящий, как подобает императору, — Рудольф Габсбургский, император Германский, родоначальник австрийского дома (Чистилища VI, 103-105), коронованный в Ахене в 1273 году. Он не ходил венчаться в Рим и вообще так мало интересовался делами Италии, что она стала почти независимой от империи, за что в особенности обвиняет его Данте в пренебрежении своим долгом. Он умер в 1291 году.

95-96. «Италию, чьи раны вскоре не заживут» (в подлиннике: *Si che tardi per altri si ricrea*), т. е. которую (Италию) слишком поздно станет оправлять другой, разумеется — Генрих VII Люксембургский, попытки которого восстановить в Италии императорскую власть явились слишком поздно.

97-100. Рудольф ищет себе утешение в прежнем заклятом враге своем Пшемисле Оттокаре, также не поюшем, кажется, потому, что в борьбе с ним он не так пренебрег своим долгом в отношении Германии, как пренебрег им, по мнению Данте, в отношении Италии, тогда как Оттокар (погибший в сражении при Маршфельде, 20 августа 1278 г.) сам не выполнил своего долга относительно страны своей в борьбе с императором Рудольфом. Кроме того, сопоставление в одном месте двух врагов указывает, что «в чистилище исчезают земные страсти: прежние противники дружелюбно сидят рядом и один утешает другого». Филалет. — «Следовательно, такое сопоставление Рудольфа с Оттокаром, а также Петра Арагонского с Карлом Анжуйским (ст. 112-113 и прим.) совершенно уместно в чистилище и вместе с тем составляет совершенный контраст с сопоставлением Уголино и Руджера в аду». Каннегиссер.

98-99. Подразумевается Богемия, где берет свое начало река Молдава, впадающая в Эльбу, а эта — в Немецкое море.

100-102. Т. е. был даже в детстве, лучшим принцем, чем сын его, уже бородатый, т. е. взрослый. «Этого Венцеслава надобно отличать от Венцеслава VI, действительно прозванного в истории «пьяницей» и «ленивым» и родившегося в 1359 году, уже по смерти Данте. Разуметь же здесь следует и не внука Оттокарова Венцеслава V, а его сына, Венцеслава IV, не находящегося между присутствующими здесь душами, так как он умер лишь в 1305 году и так как в Рая XIX, 125 о нем говорится, как о живущем еще, и также с таким же, как и здесь, порицанием. О мнимой лени и роскоши этого Венцеслава, вообще вовсе не плохого монарха, нам ничего неизвестно, и этот упрек ему со стороны Данте тем более странен, что Венцеслав, хотя и очень благочестивый государь, решительно оказывал сопротивление захватам папы Бонифация VIII (против которого так ратует Данте) и, по крайней мере, в этом отношении, показал себя вовсе не недеятельным». Ноттер.

103-104. «Курносый» (в подлиннике: *Nasetto*) — сын и наследник Людовика Святого Филипп III, король Французский, прозванный «Смелым» (Чистилища VI, 22, прим.). В интересах своего дяди Карла, короля Неаполитанского, и сына его Карла Хромого, он пошел войной на Петра III Арагонского. Но в самом начале войны в войсках его обнаружилось заболевание и затем Руджиеро дель Орна разбил его на море, что заставило его отступить. Он умер на возвратном пути 6 октября 1285 г. в Перпиньяне. Он разговаривает с сидящим рядом с ним королем Наваррским Генрихом III, прозванным «Толстым», братом короля Тебальдо или Тибо (Ада XXII, 52). Несмотря на свою добрую наружность (как бывает обыкновенно у толстых людей), он не был так добр, как говорит Данте (Современная история: *Histoire de Navarre*, говорит: *Et combien*

<p>103 Курносый тот, беседею занятый
С своим соседом, чей так кроток лик,
В грязь затоптал цвет лилии измятый: 106 Смотрите, в грудь как бьет себя старик! —
Другой же с ним, как видите, к ладони
Щекой, вздыхая, как на одр, поник: 109 Отец и тесть то сына беззаконий
Во Франции: он так им омерзел,
Что мысль о нем причина их мучений.   112 А тот, который с виду так дебел,
Поющий в лад вон с Ключом тем орлиным,
Был препоясан славой добрых дел.   115 И если б трон за ним был занят сыном,
Тем юношей, что сзади, — чести дух
Из чаши в чашу тек ручьем единым, —   118 Чего нельзя сказать о прочих двух:
Джыяком и Федериг имеют троны,
Но лучший жар наследя в них потух.</p>	<p>Людская честность редко без препоны
Восходит в ветви: воля такова
Всех Дателя, — почтим Его законы.   Тот Ключ орлиный пусть мои слова,
И этот Пьеро, примут одинако,
Поправ Прованс и Пулии права!   Да! Столько семя благородней злака,
Что Беатриче с Маргаритой вряд
С Констанцией сравнятся славой брака.   Но вот король, к ним не вошедший в ряд:
То Генрих Английский, друг жизни стройной;
В ветвях своих он лучший видит сад.   Сидящий ниже всех и взор спокойный
На них подъемлющий — Гольельм, маркиз,
Из-за кого александрийцев войны</p> <p>В скорбь ввергли Монферрат и Канавиз».</p>
	121 124 127 130 133 136

que la commune opinion soit que les hommes gras sont volontiers de douce et benigne nature, si est ce que celui fut fort aspre). Дочь его Иоанна вышла замуж за Филиппа Красивого, короля французского, сына Филиппа Смелого (Чистилища XX, 91 и XXXII, 151).

109. «Сын беззаконий Франции» (в подлиннике: del mal di Francia) есть, следовательно, царствовавший в 1300 году (в год странствования Данте), Филипп Красивый, о порочной жизни которого так сокрушаются теперь отец его Филипп III и тесть Генрих III Наваррский, не принимающие также участия в пении. Данте порицает этого короля Франции во многих местах своей поэмы (Ада XIX, 86; Чистилища XX, 86; XXXII, 152; XXXIII, 45 и Рая XIX, 118).

111. В подлиннике: E quindi viene il duol che si gli lancia.

112-113. «Дебелый» (membruto) есть Педро III, король Арагонский, названный «Большим» (Чистилища III, 115, прим.), зять короля Манфреда, присоединивший к своим владениям Сицилию, именно после знаменитой Сицилийской Вечерни (1282 г.), когда сицилийцы сбросили с себя иго Карла Анжуйского и призвали на трон этого Педро, имевшего по жене своей Констанце, дочери Манфреда, некоторое право на наследство Гогенштауфенов. Еще до восстания сицилийцев Иоанн Прочида уже сообщил ему о их намерении, вследствие чего Педро, под предлогом войны против Африки, снарядил флот, осадивший действительно африканский город Анколу; здесь он получил приглашение сицилийцев высадиться в Трепани и получил помощь от генуэзского адмирала Руджьера дель Ориа. — Он поет с «Ключом Орлиным» (в подлиннике con colui dal maschio naso), с Карлом I Анжуйским, отличавшимся большим носом (Raumers. Geschichte der Hohenstaufen). — Удивительно, как мог Данте поместить в чистилище душу этого жестокого, корыстолюбивого тирана, пролившего кровь доблестного юноши Конрадина. Может быть, на Данте имело влияние чистосердечное раскаяние Карла, перед смертью сказавшего: „Sir Dieu, je croi vraiment, che vos est mon sauveur, ensi vos prieu, che vos ajez merzi de mon ame, ensi com' je fis la proise de Roiaime de Sisilia, plus por servir Sainte Eglise, que per mon profit o altre condivise. Ensi vos me perdonnes mes pecces“. Виллани. Lib. VII, cap. XCIV. — Впрочем, Чистилища, XX, 67-69 доказывает, что Данте не оправдывает Карла.

116. Юноша этот есть первородный сын Педро — Альфонс, прозванный Благодетельным, вступивший на престол после смерти отца в 1285 году, но умерший в 1291 году. Отличительной чертою этого молодого

монарха была щедрость, доходившая до степени расточительности. Ему наследовали братья его: Джьякомо, королем Арагонии, и Федерико (Фридрих) — королем Сицилии. О них см. Чистилища III, 115, прим.

120. «Лучший жар наследья» — добродетель, не проявившаяся ни в Джьякомо, ни в Федерико.

121-122. Т. е. человеческая доблесть редко переходит от ствола к его ветвям, т. е. от родителей к детям. «В генеалогическом древе ветви суть потомки предка». Ломбарди. Слич Рая VIII, 133-135. — «Всех Дателя», намек на евангельские слова: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Посл. Иак. I, 17.

124-126. «Клюв орлиный» — это обозначенный выше, в ст. 113, Карл I (Анжуйский) Неаполитанский, рядом с ним сидит Педро с дебелими членами. Данте высказывает здесь одинаковое мнение как о Карле, так и о Педро, и говорит, что если сыновья Педро были хуже отца, то то же самое надобно сказать и о сыновьях Карла, и что вследствие этого пограны права королевств Карла — Прованса и Апулии (по-итальянски Puglia) или Неаполя.

127-129. «Смысль этой терцины, кажется, следующий: оба Капетинга, Людовик Святой и Карл Анжуйский (Неаполитанский), менее достойны, чем арагонец Педро; сыновья же обоих последних хуже своих отцов. Поэт выражает первое именами супруг этих принцев. Констанция (или Констанца) есть неоднократно упоминавшаяся супруга Педро Арагонского, дочь короля Манфреда; Маргарита и Беатриче — дочери графа Прованского Раймунда Бернгара (Рая VI, 133); из них первая была замужем за Людовиком Святым, вторая — за Карлом Анжуйским. Впрочем, Карл Анжуйский был женат вторым браком на Маргарите Неверской (Nevers), дочери графа Анжу, и в таком случае, может быть, будет правильнее вовсе исключить отсюда Людовика Святого и разуместь одного Карла Анжуйского под именами Беатриче и Маргариты». Карл Витте.

130-131. Сын Иоанна Безземельного Генрих III, король Английский, родившийся в 1206 году и умерший в 1272 году, слабый, бесхарактерный, хотя и набожный, о котором Диккенс, в своей Childs History of England, Ch. XV, сказал: „He was as much of a king in death as he had ever been in life“. — а Виллани: „semplice uomo e di buona fede, ma di poco valore“. Lib. V, cap. 4.

132. «В ветвях своих» — т. е. в своих потомках счастливее, чем короли Педро III и Карл I. Здесь разумеется сын его Эдуард I, царствовавший в 1272-1307 гг., один из лучших государей Англии, о котором Виллани говорит: „Il buono e valente Rè Adourdo, il quale fu uno de' piu savi et valorosi Signori de' Christiani al suo tempo“. Lib. VIII, cap. 90.

133-135. Гюильельмо Спадалунга, маркиз Монферратский и Канавезский, т. е. владетель Пьемонтской горной местности и равнины к северу от р. По, прозванный «Великим Маркграфом», в войне с гвельфскими городами северо-западной Италии и Амедеем V Савойским был взят в плен жителями Александрии, два года содержан заключенным в железной клетке и затем умерщвлен. Отсюда возникла междоусобная война, сильно опустошившая Монферрат и ту часть его, которая называется Cannavese (в древности Canavisio, Canopasio). Он сидит всех ниже, так как души размещены здесь поэтом согласно их земному достоинству: выше всех император, затем — короли и ниже всех — Спаделунга, маркиз или маркграф Монферратский.

ПЕСНЬ VIII

Преддверие чистилища. — Нерадивые. — Цветущая долина. — Ангелы-хранители. — Нино Висконти. — Эмей. — Куррадо Маласпина.

<p>1 Настал уж час, когда к немой печали
Летят мечтой пловцы к родной стране,
Где в этот день прости друзьям сказали;</p> <p>4 Когда томится пилигрим вдвойне,
Услыша звон, вдали гудящий глухо,
Как будто плача об отшедшем дне.</p> <p>7 И в этот час, как смолкло все для слуха,
Я зрел: одна восстала тень, рукой
Дав знак другим, чтоб к ней склонили ухо.</p> <p>10 Воздевши длани, взор она с мольбой
Вперила на восток, как бы желая
Сказать: Всегда я, Господи, с Тобой!</p> | <p>„Te lucis ante“ — песнь лилась святая 13
Из уст ее гармонией святой,
Мне позабыть себя повелевая.</p> <p>И набожно и стройно, вторя ей, 16
Весь хор пропел тот гимн, стремя высоко
К кругам небесным взор своих очей. —</p> <p>Здесь в истину впери, читатель, око; 19
Теперь на ней так тонок стал покров.
Что уж легко проникнуть в смысл глубокий.</p> <p>И, смолкнув, сонм тех царственных духов, 22
Смирненно вверх смотрел со страхом в лицах,
Как будто ждал чего-то с облаков.</p> |
|---|---|

1-7. Знаменитое описание наступающих вечерних сумерек, которому подражает Байрон в «Дон-Жуане», II, 108, таким образом:

О, сладкий час! Весь сердцем умилен
Теперь грустит моряк, плывущий в море,
В тот первый день, как дом покинул он;
Теперь любовь в пилигриме множит горе,
Лишь загудит вдали вечерний звон,
Как бы скорбя, что день умрет уж вскоре.

«Тоска по земной родине аллегорически символизирует здесь тоску по вечной отчизне, и тоскующий пилигрим есть сама душа». Копиш.

5. Вечерний звон есть благовест Ave Maria во время сумерек. Этому стиху, не зная того, подражал английский поэт Грей, в известной своей элегии «Сельское кладбище»:

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает.
Жуковский, III, 271.

11. «По обычаю первых христиан, оливетворявших в восходящем солнце Сына Божия». Каннегиссер.

13. Начало гимна, который поется в католических церквах в последней части вечерней службы, причем просят Бога охранить верных от ночных ужасов и соблазнительных искушений. Вот полные слова этого древнего гимна:

Te lucis ante terminum,
Rerum creator, poscimus,
Ut pro tua clementia
Sis praesul et custodia.

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata,
Hostemque nostrum comprime,
Ne polluantur corpora.

Отсюда видно, как хорошо выбран этот гимн для обозначения наступающего вечера и перед скорым появлением змия. Слич Лонгфелло.

19-21. «В этой терцине Данте вторично (Ада IX, 61-63) указывает читателю на глубокий смысл своей великой поэмы. Несмотря на то, что, по словам поэта, покров так тонок, что легко проникнуть в смысл поэмы, — комментаторы находят весьма трудным объяснение тайны. — По толкованию древних комментаторов, два являющиеся здесь ангела суть Вера и Надежда; последняя обозначается уже зеленым цветом

одежд и крыл ангелов. Мечи в руках их обозначают правосудие Божие; притупление же мечей — Его промысел, Его милосердие и любовь. Они замыкают собою толпу готовящихся к очищению. Волосы их белы, — как символ их чистоты; но лица пламенеют так, что взор не может вынести их блеска; это значит, что души еще не вполне причастны вере и надежде (Веллутелло признает ангелов за апостолов Петра и Иоанна). Змий есть злой враг, еще раз являвшийся здесь, чтобы обольстить души; но он тотчас же убеждает, так как последнее движение чувственности подавляется перед очищением. Теперь-то, собственно, наступает минута, когда созерцание, обозначаемое Данте и Вергилием, может приблизиться к этим душам без опасности для себя и даже с пользою. Ангелы эти исходят из лона Пречистой Девы Марии, т. е. из лона истинного учения; они, следовательно, столько же святы, как и сам Христос». Каннегиссер. По Штрекфуссу, не в свете, но в ночи грозит нам опасность, так как она скрывает от нас врага и кажет его под ложными образами. В ночи является нам змей искушения, вызывающий в нас лишь чувство отвращения,

25 И видел я: с небес неслись в зарницах
Два ангела, вращая против сил
Меч пламенный с тупым концом в десницах.

28 Как лист, сейчас рожденный, зелен был
Цвет их одежд, и их покров клубился,
Волнуем взмахом их зеленых крыл.

31 Один из них вблизи от нас спустился,
Другой же стал на супротивный склон,
Так что сонм душ меж ними находился.

Цвет их волос я видеть мог, как лен, 34
Но зор слепили лица огневые:
Избытком чувств был орган побежден.

— «Их ниспослала к нам с небес Мария», 37
Сказал Сорделл: «да станут здесь в оплот
Долине сей: сейчас узрите Змия.

И я, не зная, откуда Змий придет, 40
Стал озиаться и приникнул ближе
К раменам верным, холоден, как лед.

когда мы видим его днем ясными глазами. Но и ночью он не может повредить нам, если мы сами сознаем, что находимся посреди ночи и, в ожидании нового света, обращаем взоры на небо с верующим и уповающим сердцем. С неба тогда является нам ангел-хранитель, блеска которого не может вынести глаз, но мощь которого проникает нам в сердце, возвышая и укрепляя его. Мы узнаем в руке его меч правосудия назначенный в защиту добрым и в наказание злым. И если мы уstraшаем в сознании своей слабости и недостатков, то притупленное остроконечие правосудия показывает нам, что оно прощает нам все прошедшее, видя наше честное стремление к совершенствованию. — Копиш, против своего обычая, кратко объясняет тайну в том смысле, что духовная ночь вводит нас в искушение, но что помощь себе мы находим в молитве. — Приводим еще объяснение этого места, предложенное Филалетом. «Очевидно», говорит он, «Данте, в своей поэме, именно в Чистилище, повсюду держится чиноположения католической церкви; таким образом появление ангелов есть не что иное, как выполнение молитвы, которую поет католическая церковь во время вечернего богослужения в гимне „Te lucis ante terminum“. За этим гимном поются следующие слова: „Visita, quaesumus, Domine habitationem istam, et omnes insidias inimici ab ea longe repelle, et angeli tui sancti habitent in ea, qui nos in pace custodiant“, etc. Поэтому, в буквальном смысле, появление змия и победа над ним ангелов есть только символ искушения, которое, собственно говоря, не имеет в чистилище более места (XI, 22-24). Если все чистилище означает, в аллегорическом смысле, состояние перехода, процесс оправдания и эта местность чистилища есть начинающееся усовершенствование, то очевидно, что змий, в этом смысле, обозначает самое искушение, которое бывает тем опаснее, чем более он является во время только что начинающегося очищения и притом в такой час, когда солнце божественной милости, по-видимому, от нас удаляется, так как ночь во всех церковных молитвах принимается действительно за время, удобное для искушения. Но и в этот час не покидает нас божественная помощь против искушения, когда человек обращается за этой помощью с благочестивой молитвой, подобно душам, здесь помещающимся». — Сличи также Excurs. zum achten Gesange des Fegf. 340, в переводе Ноттера.

22-27. Намек на херувимов, приставленных к земному раю, по изгнании из него Адама и Евы. «И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни». Бытия III, 24.

28. В подлиннике: Verdi, come fogliette pur mo nate. Зеленый цвет — символ надежды, преобладающий в чистилище (О символизме цветов см. Джемсон, Sacred and Legendary Art., Introd. — Лонгфелло, стр. 388). — Надежда свойственна лишь душам, помещенным в чистилище, и людям, живущим в сем мире. „Neque in beatis, neque in damnatis est spes. Sed in viatoribus si resint in vita ista seive in purgatorio, potest esse spes, quia utrobique apprehendunt beatitudinem ut futurum possibile“. Фома Акв., Sum. Theol. part II, 2 qu. XVIII, art. 3.

36. В подлиннике: Come virtù che a troppo si confonda. «Каждый орган чувства (зрения, слуха) теряет свою силу и как бы парализуется от чрезмерно сильного впечатления, производимого на него внешним объектом: „Omnis sensibilis exsuperantia corrumpit sensum“, говорит Аристотель». Фратичелли. — «Аллегорический смысл такой: человек, находясь в земных еще узах, не может вынести, по причине избытка света, представителей божественного суда, даже в том случае, когда они приносят ему милосердие». Ноттер.

40-42. Человек не может знать, откуда придет искушение, почему Данте, ища себе защиты, примыкает к высшему человеческому знанию, т. е. к Вергилию.

46. И так долина была не слишком глубока, равняясь шести-семи шагам (Чистилища VII, 72); по мнению некоторых, это означает легкость, с какою человек может удалиться от предназначенной цели.

- 43 Тогда Сорделл: «Теперь сойдемте ниже
К великим в Сонм, чтоб с ним заговорить;
Тебя узнав, утешатся они же».
- 46 Вниз трех шагов я не успел ступить,
Как был уж там. И кто-то взоры смело
Вперил в меня, как бы хотел спросить.
- 49 Был час, когда уж в воздухе стемнело;
Но все ж не так, чтоб мрак мешал ему
И мне узнать, что в нем сперва чернело.
- 52 Ко мне он шел, и я пошел к нему. —
Как был я рад, о Нин, судья правдивый,
Что не попал ты с злыми в адску тьму!
- 55 Приветы шли у нас без перерыва,
И Нин спросил: «По дальним тем волнам
Давно ль пришел сюда, к горе счастливой?»

- «О!» я сказал: «по адским злым местам 58
Сюда пришел я утром с жизнью тленной,
Чтоб, идя так, снискать другую там».
- И, слыша то, Сорделл и Нин почтенный 61
Вдруг отступили от меня, смутясь,
Как те, кого объемлет страх мгновенный.
- Сорделл к поэту, Нин же, обратясь 64
К сидевшему, вскричал: «Вставай, Куррад!
Взгляни, как мощь здесь Божья излилась».
- И мне потом: «Той вышею наградой, 67
Что дал тебе Сокрывший в темноте
Первичное Свое зачем от взгляда, —
- Молю: скажи — проплыв пучины те — 70
Моей Джьованне, там да усугубит
Мольбы о нас, где внемлют правоте.

49-51. «Наступило время, когда в воздухе начинает темнеть, но не настолько, чтоб то, что находилось между его и моими глазами, т. е. наши лица, нельзя было рассмотреть на близком расстоянии». Фратичелли.

52. Нино Висконти да Пиза, судья или правитель округа Галлур в Сардинии, принадлежавшей пизанцам, глава гвельфской партии, племянник знаменитого графа Уголино де Герардеска (Ада XXII, 81 примеч. и Историч. очерк событий в Пизе во времена Уголино — см. I кн. «Бож. Комедии», ст. 273). Он был изгнан из Пизы дядей своим Уголино и соединился с флорентинцами и жителями Лукки против своего родного города. В этом походе против Пизы, вероятно, он познакомился с Данте, может быть, при взятии крепости Капроны, при котором находился Данте (Ада XXI, 94-96 прим.). Данте, по-видимому, боялся встретить его за это между изменниками отечеству, и потому теперь радуется, найдя его в чистилище.

56. «По дальним тем волнам», — считая Данте за тень, Нино спрашивает, давно ли он прибыл в чистилище по волнам окружающего его океана.

60. «Там», т. е. на небе.

61-63. Души в чистилище узнавали до сих пор в Данте живого человека по тени, которую он бросал от себя. Но лучи солнца, согласно с Чистилища VI, 55, уже исчезли за горой, когда поэты подошли к Сорделло. К Нино они подошли в темноте вечернего сумрака, так что ни Нино, ни Сорделло не могли видеть его тени. Вот отчего обе тени приходят теперь в такое изумление.

65. Куррадо Маласпина — о нем см. ниже: 115-120 примеч.

68-69. Т. е. умоляю тебя вышею благодатью, данною тебе Богом, скрывающим от взглядов человеческих первую причину (в подлиннике: *Lo suo primo perchè*) своих действий в непроницаемой темноте, скажи мне и проч. — Блаж. Августин говорит: „*Voluntas Dei est, prima et summa causa omnium corporalium et spiritualium motionum: nihil enim visibiliter aut sensibiliter fit, quod non de illa invisibili ac intelligibili aula summi Imperatoris aut jubeatur aut permittatur*“. Слэчи Чистилища III, 37 примеч.

70. «Проплыв пучины те» (в подлиннике: *Quando sarai di là dalle larghe onde*), т. е. когда вернешься к живым, переплыв волны, окружающие чистилище.

71. «Джьованна», дочь Нино, бывшая в то время еще очень молодою, вышедшая впоследствии замуж за Рикардо ди Каммино из Тревиджи (Рая IX, 48). — «Там», т. е. на небе.

73. Мать Джьованны, вдова Нино, Беатриче, маркиза Эсте, вышла замуж за Галеаццо Висконти, сына Маттео Висконти, тогдашнего правителя Милана. Это случилось 24 июня 1300 г., следовательно, спустя три месяца после того времени, в какое предполагается загробное странствование Данте, и потому эти слова Нино высказывает в виде пророчества. Вдовы во времена Данте носили черное платье и повязывали голову белой повязкой; сбросить вдовью повязку — значит выйти замуж.

- 73 Но мать ее уж, видно, нас не любит,
Коль сбросила повязку, вдовый дар;
За это жизнь, злосчастная, погубит.
- 76 По ней судите, долго ль длится жар
Любови у женщин, если в них натуры
Не поджигать огнем любовных чар:
- 79 Но ей в гербе не скрасить арматуры
Гадюк, ведущих в бой Миланский дом,
Как скрасил бы его Петух Галлуры!»
- 82 Так говорил, и на лице своем
Отпечатлел тот гнев, каким, не свыше
Мер должного, пылало сердце в нем.

- Я жадный взор стремил меж тем все выше, 85
Туда, где звезды медленней текли,
Как ступица, у оси, ходит тише.
- И вождь: «Мой сын, что видишь ты вдали?» 88
И я: «Три вижу светоча в эфире;
Они весь полюс пламенем зажгли».
- И он на то: «Склонились уж четыре 91
Светила те, чей блеск ты утром зрел,
И вместо них явились эти в мире».
- Но тут увлек к себе певца Сорделла, 94
Сказав: «Смотри: вон наш Противник
скрытый!»
И перст простер, чтоб вождь туда смотрел.

75. О дурном обращении Галеаццо с вдовью Беатриче, как бы следовало заключить из этого стиха, ничего неизвестно; поэтому в нем говорится лишь о том, что Галеаццо вместе с отцом своим и всей семьей был в 1302 г. изгнан из Милана и возвратился назад лишь в 1311 г.

77-78. Выходка против неверных жен, «если... не поджигать» и проч. в подлиннике еще сильнее: „Se l'occio o il tatto spesso nol raccende“.

79-81. Миланские Висконти, также Милан и вся Ломбардия, имели на гербе своем венчанную короной змею (Vipera Berus, випера, гадюка). Эту пожирающую ребенка арматуру поместил в свой герб Отто Висконти еще в крестовые походы, в воспоминание своей победы над сарацинами, на что намекает Тассо в «Освобожденном Иерусалиме» I, 55. — По словами Верри (De titul et insign. № 40), миланцы, становясь где-либо лагерем, сперва выставляли на каком-нибудь дереве знамя с гербом виперы (Majores nostri publica decreto sanxerunt ne castra Mediolanensium locarentur, nisi vipereo signo antea in aliqua arbore constituto). Напротив, Висконти пизанские, к которым принадлежал Нино, имели, как правители Галлуры, в своем гербе петуха. Смысл этих стихов такой: останься она вдовой, она тем приобрела бы себе более почета, нежели теперь, вступив во второй брак, который есть нарушение вдовьего целомудрия.

83-84. «Не свыше мер», т. е. в той степени, какая свойственна человеку, говорящему по долгу и из любви к добру, а не из ненависти. «Гневаясь, не согрешайте». Псал. IV, 5. — Посл. к Ефес. IV, 26.

86. «Туда», т. е. «к полюсу, и именно к Южному, так как поэты теперь на южном полушарии. Вокруг полюса звезды в своем течении совершают более короткий путь, почему и движутся они с меньшей скоростью, так точно, как колесо в ступице, которое ближе к оси, совершает свой оборот медленнее». Штрекфусс.

89-93. «Три светоча»; под ними поэт разумеет три богословские добродетели: веру, надежду и любовь. «Если четыре звезды, виденные поэтом сегодня утром и обозначающие четыре главные добродетели, теперь, вечером, закатились низко за горизонт, и на место них появляются на небе эти три звезды, то всякий глубокомысленный читатель легко поймет смысл этого прекрасного символа. Четыре главные добродетели: мудрость, правосудие, мужество и умеренность являются нам утром, когда мы нуждаемся в них для наших действий в жизни. Но когда день кончился и вместе с ним прекратилась наша деятельность, тогда только вера, любовь и надежда остаются с нами, как утешители; они только придают нам силы с началом нового дня оставаться верными сказанным главным добродетелям». Штрекфусс. — «Четыре главные добродетели необходимы и важны для деятельной жизни, обозначаемой утром, эти три — для жизни созерцательной, обозначаемой ночью». Каннегиссер. — Некоторые комментаторы принимали эти три звезды за действительные звезды на южном небе, а именно за три α созвездий Корабля, Рыбы-Меча и реки Еридана; но мнение это ошибочно.

95. «Противник ваш диавол». I Посл. Петра, V, 8. — «Древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную». Откров. св. Иоанна (Апокалипсис), XII, 9.

97-98. Т. е. где долина не имеет возвышенного края, где она открыта для входа. Враг всегда нападает на нас с слабейшей стороны.

<p>97 С той стороны, где дол лишен защиты,
Был Змий — такой, как, может быть, и та,
Что Еве плод вручила ядовитый.</p>	<p>— «Да даст тот Свет, что к нам тебя привел, 112
Тебе елєя столько, чтоб — без лести
Сказать — ты мог взойти на высший дол».</p>
<p>100 В цветах тянулась адская черта;
Змий охорашивал себя, вздымая
Свою главу, лижа свой лоск хребта.</p>	<p>Так начал он: «Когда принес ты вести 115
Из Вальдемагры и соседних стран,
Открой мне их: я жил в большой там чести.</p>
<p>103 Я не видал, как вдруг взвилась святая
Чета двух коршунов небесных сил;
Но видел ясно их полет вдоль края.</p>	<p>Куррадом Маласпина был я зван, 118
Не древний — нет, но из его я рода;
И здесь за то, что так любил граждѧн».</p>
<p>106 Змий, слыша свист секущих воздух крыл,
Бежал, и, ровным летом вспять пустившись,
Стал каждый страж в том месте, где он был. —</p>	<p>— «О!» я сказал, «среди вашего народа 121
Я не бывал; но далеко кругом
В Европе всем громка его порода.</p>
<p>109 Но тот, кто близ Судьи стоял, явившись
На зов его, — покуда бой тот шел,
Глаз не спускал с меня, очами впившись.</p>	<p>Так слава та, что ваш покрыла дом, 124
Гремит в честь принцев и гремит в честь края,
Что, кто и не был там, уж с ней знаком.</p>

99. «Этими словами явственно обозначается свойство змия, как врага человечества». Каннегиссер.

100-102. «Адская черта» (la mala striscia), т. е. адская змея. Сличи появление Змия у Мильтона, *Parad. Lost*, IX, 434-496. Описание Змия, символа искушения, напоминает появление Гериона, символа обмана. Ада XVII, 7 и далее.

103. «Я не видал», — этим обозначается быстрота, с какою взвились ангелы, или то, что Данте был ослеплен блеском их лиц (стих 35).

104. «Чета коршунов» (в подлиннике: gli astor celestiali) «так называет поэт ангелов, для обозначения быстроты и силы, с какими они преследуют Змия, или потому, что коршуны — естественные враги змеей». Скартаццини.

112-114. Т. е. да найдет божественное озарение, доньше тебя руководившее, столько благой в тебе воли, сколько необходимо, чтобы ты возмог подняться на высший дол (в подлиннике: al sommo smalto), т. е. на высшую вершину горы Чистилища (земной рай). Вместо «елєя» в подлиннике употреблено «сега» (воск); но, следуя Ноттеру, я заменил это слово елеем, так как и в русском, и в немецком языках «воск» дает не столько идею о горячем материале, сколько идею чего-то гибкого, податливого, лишнего воли.

115-120. «Маркизы Маласпина, владения которых находились главным образом в Вальдемагре (Ада XXIV, 145 и примеч.), между Генуей и Луккой, принадлежали к богатому и храброму роду и в течение XII и XIII столетий находились частью во враждебных, частью в дружеских отношениях. Чаще всего они принадлежали к императорской (гибеллинской) партии. Один Куррадо Маласпина, сын Фолио, жил уже в XI веке. В начале XIII века упоминается еще о другом Куррадо (Caffari, *Annales Gen. Lib.* IV). Какого из двух Куррадо разумеет здесь Данте старшими («древними») Куррадо, — решить трудно. Второй Куррадо имел сына Федерико, женатого на Констанце, сестре короля Манфреда; несмотря на это родство, он принадлежал к гвельфам и, служа в их войске, как глава Луккской общины, был взят при Монтаперти в плен сиенцами. Говорящий здесь дух — сын его, Куррадо (†1294 г.). Он, как яркий гибеллин, играет роль в одной из новелл Боккаччо (*Giornate II, Nov. 6*). Филалет.

120. «И здесь за то» и пр. (в подлиннике: A' miei portai l'amor che qui raffina, слово в слово: к моим питал я любовь, которая здесь очищается), это не значит: я слишком много любил своих, и потому должен здесь очистить себя от этой любви, но — любовь к моим была уже слишком велика; здесь любовь моя должна стать чище, т. е. облагородиться любовью к Богу. По Филалету, этот Куррадо был женат на сардинке Оретта, которая принесла ему в приданое город Боза и замок Дуозоли; не имея детей, он распределил все это приобретение между боковыми своими родственниками и чрез это водворил между ними согласие.

*Змий, слыша свист секущих воздух крыл,
Бежал, и, ровным летом вспять пустившись,
Стал каждый страж в том месте, где он был.
(Чистилище, Песнь VIII, тер. 106)*

ПЕСНЬ VIII

- «Иди ж», он мне. «Семь раз в своем
чертоге
Не снидет Солнце в ложе волн морских,
На коем ставит знак Овна все ноги, —
Как ласковый ТВОЙ ОТЗЫВ О МОИХ
На лбе твоём за это пригвоздится
Гвоздями крепче, чем слова иных,
Коль суд небес не может измениться».

129. В подлиннике: non si sfregia Del pregio della borsa e della spada, т. е. храбрость и щедрое гостеприимство. «Данте постоянно отзывается с похвалой о добродетели, противоположной пороку скупости, не по жадности своей к деньгам, а потому, что из скупости (сура) выводит все бедствия на свете». Томазео.

131. Злой вождь, т. е. папа Бонифаций VIII.

136-137. «Место это очевидно указывает на то, что Данте еще до 1307 г. получил фактическое доказательство о благородстве дома Маласпина, вероятно, гостеприимный прием в их доме. И действительно, мы находим Данте уже в 1306 г. в Луниджано, где он, как посредник маркизов Франческино Мороелло и Коррадино Маласпина, вел переговоры о заключении мира с епископом г. Луни. Бенвенуто да Имола называет Мороелло (принадлежащего к Черным) другом, у которого Данте нашел себе противную или противоположную партию. Впрочем, в то время жил еще другой Мороелло Маласпина, отец Франческино, близко стоявший к гибеллинской партии, и очень вероятно, что Данте именно у него искал гостеприимства. У него-то в доме, как говорят, Данте получил начатые им во Флоренции первые семь песен Ада (Ада VIII, 1 примеч.). Ему же, как утверждают, Данте посвятил свое Чистилище». Филалет. — Это опять пророчество, введенное поэтом после события.

139. «Этой песнью заканчивается первый день пребывания поэтов в чистилище, как это обозначается описанием вечера в начале песни и восхождением звезд в стихе 89. Вместе с этим кончается первое подразделение этой части поэмы, обозначающееся, как читатель может и сам заметить, великолепным введением в следующую песнь». Лонгфелло.

Преддверие чистилища. — Цветущая долина. — Сон и сновиденья Данте. — Орел. — Лючия. — Врата чистилища. — Ангел-привратник. — Вход в первый круг.

1 Наложница древнейшего Тифона,
Бжевав из нежных рук его, лила
Свой бледный свет с восточного балкона.

И, два шага свершив в стези восходной, 7
Склоняла Ночь на третьем крыльях вниз,
Там, где сидел с семьей я благородной.

4 Из дорогих камней вкруг чела
Сверкал венец, принявший вид холодный,
Вид твари той, чей хвост так полон зла.

Адамовых еще не снявший риз, 10
Я тут поник, дремотой удрученный,
В траву, где все мы пятеро сошлись.

1-3. «Данте — говорит Бенвенуто да Имола — начинает эту песнь тем, чего не говорил, и не мог представить никто из других поэтов, именно словами, что аврора (заря) луны есть наложница Тифона. По мнению других, поэт разумеет аврору солнца, но этого не может быть, если мы тщательно внимаем в текст». — Действительно, это место поэмы было тщательно и разносторонне разъясняемо различными комментаторами, но тем не менее дело до сих пор не вполне разъяснилось. Не вдаваясь в подробности, большинство толкователей и переводчиков Данте принимают здесь аврору, или тот бледный блеск на небе, который предшествует восхождению луны (См. Филалет IX, прим. I, также перевод Штрекфусса IX, 1-9). — У мифологов, женою Тифона (божества, наделенного бессмертием), собственно, считается солнечная аврора, или утренняя заря; но Данте, кроме жены, придает ему еще наложницу, тот бледный блеск, который иногда предшествует восхождению луны. По мнению Каннегиссера, это не вымысел поэта, но средневековая переработка мифологических преданий. Что здесь разумеется именно восхождение луны, а не утренняя заря, это доказывается, во-первых, самими выражениями поэта; во-вторых, — тем, что утренняя заря поднимается в это время года в знаке Рыб (Чистилища I, 19), и в-третьих, — тем, что в стихе 52 этой песни Вергилий обозначает другую утреннюю зарю. Следовательно, здесь описывается восхождение луны. В то время года, когда Данте начал свое замогильное странствие, было полнолуние; полная луна восходит тотчас по заходе солнца; но так как с тех пор прошло почти четыре дня, то луна, озаряемая солнцем, должна уже выйти из созвездия Весов и находиться теперь в созвездии Скорпиона (стих 5), причем она восходит вскоре после 9 часов.

3. «С восточного балкона», т. е. с восточной окраины неба. Этому подражал Тассо: «Освобожденный Иерусалим» IX, окт. 74, ст. 1 и 2:

Меж тем заря с пурпурным нежным ликом
Уже вззошла на горний свой балкон.

4-6. «Созвездие Скорпиона поэт называет холодной тварью, потому ли, что скорпион принадлежит к гадам с холодной кровью, или потому, что зимой бывает в оцепенелом состоянии и оживает лишь от теплоты солнца, или потому, что его созвездие господствует в холодные месяцы года (от конца октября до конца ноября)». Филалет. — Вообще древняя астрономия разделяла созвездия на теплые и холодные. «Хвост так полон зла», потому что в нем заключается ядовитое жало, а также потому, что осенью, именно в ноябре, когда солнце вступает в знак Скорпиона, начинаются свирепствуют болезни. Венец из дорогих камней», — те звезды, из коих слагается это созвездие.

7-9. «В рукописи Monte-Casino есть следующая глосса: Ночь разделяется на шесть или семь частей или шагов, называемых по-латыни crepusculum, conticinum, gallicinium, intempestum, gallitium, matutinum и diluculum. Число это заимствовано из Исидора, а так как „Origines“ Исидора были тогда хорошо известны, то Данте весьма легко мог заимствовать это деление. Итак, если ночь сделала уже два шага, то значит, время было еще перед полночью. В таком случае «восхождение» и «нисхождение» (склоняла) ночи означают здесь не противоположности; напротив, первое выражение указывает на то, что ночь наступает, подвигается вперед, второе — то, что ночь спускается с неба, следовательно, с каждым шагом склоняется к земле». Каннегиссер. — «Ночь, как и везде, олицетворяется здесь поэтом, который смотрит на ход ее, как на течение звезд. Она восходит до зенита и отсюда нисходит до западного горизонта. Во время равноденствия ночь совершает свое течение почти ровно в 12 часов: в течение 6 часов она подымается, в следующие 6 часов она опускается. Следовательно, шаги ночи суть обыкновенные

И, два шага свершив в стези восходной,
Склоняла Ночь на третьем крыльях вниз,
Там, где сидел с семьей я благородной.
(Чистилище, Песнь IX, тер. 7)

13 И в час, как петь начнет свои канцоны
Касаточка, пред утром, — может быть,
Еще твердя все прежней скорби стоны, —

16 Когда душа, порвав всех мыслей нить,
Из тела вон летит к пределам высшим,
Чтоб в сновиденьях вещей дар явить, —

19 В тот час во сне я зрел с небес повисшим
Орла с золотыми перьями, как свет,
Готового упасть к пределам низшим.

22 Я был, казалось, там, где Ганимед,
Покинув братьев при их тишном кличе,
Взлетел к богам в верховный их совет.

И я подумал: знать, его обычай 25
Быть только здесь, и, знать, в других местах,
Гнушается спускаться за добычей,

И, покружась немного в небесах, 28
Как молния, в меня он громом грянул
И в мир огня умчал меня в когтях.

И, мнилось, в огонь, как в бездну с ним я канул, 31
И жег меня так сильно мнимый пыл,
Что сон исчез, и я от сна воспрянул.

Не иначе затрепетал Ахилл 34
И очи вокруг водил, открывши веки,
Не ведая, что с ним и где он был,

часы; шаги, коими восходит ночь, суть первые 6 часов ночи, т. е. от 6 часов пополудни до полуночи. Итак, поэт, сказав, что ночь совершила уже два шага, которыми она восходит («в стези восходной»), и уже готовилась совершить третий шаг («склоняла — на третьем крылья вниз»), хочет этим сказать нам, что на горе Чистилища было около 3 часов ночи, т. е. около 9 часов вечера. В первых двух терцинах он рисует нам великолепными красками зрелище, представившееся глазам его с горы Чистилища в ту минуту, когда восточное небо посеребрилось от блеска восходящей из моря луны и на небе засверкали некоторые звезды, составляющие созвездие Скорпиона, расположенные змеевидной линией. В третьей терцине он определяет час, когда он заснул». Скартаццини.

10-12. Ризы Адама, т. е. тело, в которое заключена душа Данте. Тело нуждается во сне, почему Данте ложится на землю, тогда как другие четверо: Вергилий, Сорделло, Нино и Куррадо Маласпина, как духи, не нуждаются в отдохновении сна.

13-15. См. «Превращения» Овидия, VI, 423-674. — Терей, царь фракийский, муж Прогны, обесчестил сестру ее Филомелу и отрезал ей язык. Узнав об этом, Прогна умертвила рожденного Филомелой от Терее маленького Итиса и, приготовив из него блюдо, заставила Терее съесть его. В наказание за это все были превращены: Терей — в удода, Филомела — в соловья, Прогна — в ласточку, Итис — в фазана. См. Чистилища XVII, 19-20. — В щебетании ласточки, впрочем, нет ничего унылого, почему Данте имел здесь в виду, как кажется, слова пророка Исая, который говорит в скорби: «Как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь». XXXVIII, 14. — «Поэт грустной песнью ласточки глубокомысленно указывает на сознание в грешнике о своем грехе и страдании». Копиш.

16-18. Перед утром сновиденья, по общему мнению (Ада XXVI, 7 примеч.), принимают пророческий характер.

19-20. «Надобно помнить, что Данте идет из темного леса, который он уподобляет Египту (Чистилища II, 46-47), и что Господь сказал на горе Синае: «Вы видели, что Я сделал египтянам и как Я носил вас (как бы) на орлиных крыльях, и принес вас к Себе». Исхода XIX, 4. — Этот библейский образ глубокомысленно связует Данте с языческим мифом похищения Ганимеда орлом Зевса». Копиш. — Орел, по толкованию древних комментаторов, означает предупреждающую благодать Божию.

22-24. Т. е. на вершине горы Иды, где Зевс, в образе орла, похитил красивейшего юношу Ганимеда, сына Троса и прадеда Дардана, первого основателя Трои, в то время, когда он охотился с товарищами на этой горе, и, вознес его на Олимп, сделал его виночерпием богов (небесного совета — *sommo concistoro*). Овидия «Превращения» X, 160-161.

25-27. «Нравственный смысл: в обыкновенной жизни божественная благодать гнушается входить в душу грешника и тем облегчить ему путь к покаянию, если он сам не приготовил для нее путь в свою душу, подвигаясь вперед настолько, насколько может вести его одна философия. Благодать начинается лишь там, где кончаются силы человеческие». Скартаццини.

30. «В мир огня». Во времена Данте полагали, что позади воздушной оболочки помещается четвертая стихия, т. е. круг огня, простирающийся до луны и окружающий атмосферу, в которой мы живем.

*И, покружась немного в небесах,
Как молния, в меня он громом грянул
И в мир огня умчал меня в когтях.
(Чистилище, Песнь IX, тер. 28)*

37 Когда он, сонный, матерью, в те веки,
 Был на руках снесен с Хиоса в Скир,
 Откуда в бой его умчали греки, —

40 Как я вздрогнул, как скоро сонный мир
 Рассеялся и, ужасом подавлен,
 Я бледен стал, беспомощен и сир.

43 Но не был я моим отцом оставлен.
 Уж два часа, как в небе день пылал,
 И вниз ко взморью взор мой был направлен.

— «Не бойся!» мне владыка мой сказал: 46
 «Мы в добром месте! Пусть в тебе не стынут,
 Но крепнут силы здесь меж этих скал.

Уж ты в чистилище, и мной не кинут! 49
 Смотри, утес стеной идет вокруг;
 Смотри, вон вход, где тот утес раздвинут.

Пред самым днем, там на заре, твой дух 52
 Предался сну, и ты заснул, почия
 В лугу цветов. Тогда явилась вдруг

Брунето Латини, Tesoro, Lib. II, С. XXXVIII; Рая I, 59, 71). В эту-то сферу возносится земное пламя (Рая I, 115, 141) и вследствие возмущений в нашей атмосфере оттуда вырываются молнии.

33. Весь этот образ напоминает библейские слова: «Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего; как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих». Второз. XXXII, 10, 11.

34. Ахилл, сын богини Фетиды и Пелея, был окунут в реке Стиксе и чрез это стал неуязвимым во всем теле, кроме пятки, за которую его держала мать при погружении в воду. Ей было предсказано, что он погибнет перед Троей. Он был отдан на воспитание мудрому кентавру Хирону (Ада XII, 71), в Фессалию, и, когда он возрос, мать перенесла его сонного на остров Скир к царю Ликомеду, где Ахилл, переодетый девицей, продолжал свое воспитание вместе с его дочерьми. Но, несмотря на это, Улисс (Ада XXVI, 61 и примеч.) хитростью увлек его в войска Ахейн. Данте в картине пробуждения Ахилла намекает на следующее место Ахиллеиды Стация I, 247-250:

Cum pueri tremefacta quies oculique jacentis
 Infusu sensore diem, stupet aëre primo:
 Quae loca? qui fluctus? ubi Pelion? omnia versa
 Atque ignota videt, dubitatque agnoscere matrem.

43. Т. е. Вергилием.

44. «Данте заснул (прим. к ст. 7-9) около 9 часов вечера; а так как в равноденствие солнце встает в 6 часов и так как теперь (28 марта, 8 или 10 апреля) уже 8 ч. утра, то значит Данте спал 10-11 часов, что не покажется слишком долго, если примем во внимание, что до сих пор в течение полных трех суток он не спал («на пути про отдых позабывши», Ада XXXIV, 135), проходя трудной адской дорогой». Ноттер.

45. Данте обращен лицом к морю, так, что видит лишь воду и небо, что еще более увеличивает его удивление и страх.

46. «Как бессознательно переправляется Данте через Ахерон (Ада III, 136 и начало IV), так бессознательно является он здесь к вратам чистилища, чрез непосредственное божественное водительство и озарение (стихи 55-57). Как отдельные личности, так и целые народы выдвигаются вперед из долго подготовлявшегося в тишине внутреннего кризиса». Штрекфусс. — «Показать ему и Вергилию особенную дорогу к этим вратам, как надеялся Вергилий в песни VI, 69, не могла ни одна душа; это потому, что очень узкие врата чистилища становятся видимыми лишь тогда, когда к ним совсем приблизиться (стихи 62, 76), а также потому, как указано в песни VII, 40 и далее, что от того места, где находится Сорделло, не подымается вверх никакой особенной тропинки, но идущий к вратам должен сам отыскивать ее по всему протяжению горной крутизны». Ноттер.

49. Все до сих пор пройденные пространства принадлежали, собственно, к предверию чистилища, где еще нет настоящего очищения.

52. Здесь положительно указывается на различие утренней Авроры (Dianzi, nell'alba che presede al giorno) от отблеска месяца, когда заснул Данте (стихи 1-3).

55 Жена с небес, сказав мне: „Я Лючия!
Дай мне поднять уснувшего и вам
Тем облегчить тревоги путевые“. —

58 Средь призраков Сорделл остался там;
Она ж, подняв тебя, наверх с рассветом
Пошла, и я — за нею по пятам.

61 И, здесь сложив тебя и дивным светом
Очей сверкнув туда, где вход открыт,
Исчезла вдруг, прогнав твой сон при этом».

64 Как человек, кто верой заменит
Сомнения и миром — дум тревогу,
Как скоро в лик он истину узрит, —

Так в душу мир сходил мне понемногу: 67
И вот, когда все страхи улеглись,
Пошел мой вождь, и я за ним, в дорогу. —

Читатель! Видишь, на какую высь 70
Вознесся я: так, если здесь одену
В блеск вымысла предмет мой, — не дивись!

Мы, приближаясь, вышли на арену 73
Чистилища, где в том, что мы сочли
Сперва за щель, какая делит стену,

Увидели врата, к которым шли 76
Три вверх ступени, разного все цвета,
С привратником, являвшимся вдали.

55. «Лючия (Ада II, 91) есть благодать озаряющая. Из рассказанного в стихах 19-33 сна мы видим, что внешним образом он вызывается в поэте ощущением переноса из тенистой долины на озаренную солнцем высоту; внутренним же образом он имеет глубокий символический смысл. Он означает именно, что человек никогда не возносится по собственной воле к высшему свету, но всегда не иначе, как при содействии божественной благодати, и весьма глубокомысленно то, что в том состоянии, в каком душа предается своему сродству с божеством еще только поэтично и еще, так сказать, полустихийно, т. е. во сне, — все-таки это приближение к царству света носит на себе величавый и вместе с тем грозный характер, выражаясь, как здесь, в образе, заимствованном из язычества (орле), тогда как в действительности это приближение совершается в высшей степени кротко и приводит к христианскому смирению и покаянию. Впрочем некоторые комментаторы видят в этом орле символ императорской власти, так как местность, где появился орел, указывает на Трою (гора Ида) — стих 22 и далее, — откуда родоначальники этой власти вышли под водительством орла (Рая VI, 1-3). В таком случае сон этот будет означать то, что при помощи божественной благодати орел, т. е. императорская власть, оторвет Данте от его прежних гвельфских стремлений к убеждению, как необходима эта (императорская) власть для основания царства Божия на земле. Но такое толкование очень сомнительно». Ноттер.

58. «Средь призраков» (в подлиннике: *Sordel rimase, e l'altre gentil forme*); т. е. Нино, Куррадо и венценосные души (Чистилища VIII, 44).

61-62. Под именем «вход» здесь разумеется не самая дверь чистилища, так как она заперта (стих 120), но то углубление в скале, которое вначале представляется в виде щели, подобной той, которая делит стену. В углублении этом, перед дверями, где сидит ангел, находится площадка, на которой останавливаются входящие в самое чистилище. Бути первый указал на это обстоятельство и устранил мнимое противоречие между „*quel entrata aperta*“ стиха 62 и следующими словами Данте, по смыслу которых она должна была быть „*chiusa*“ (запертою) — стихи 111 и 120.

69. «Вступление в чистилище, в собственном смысле, есть, бесспорно, главный акт оправдания, с помощью которого грешник отвращается от грехов и решительно устремляется к Богу. Здесь поэтому наиболее уместно изложить учение схоластиков об оправдании. — Хотя нравственное улучшение есть дело всей жизни и во всех своих стадиях — плод взаимодействия благодати с свободной волей, тем не менее настоящее очищение от грехов дело одного лишь момента, в котором прощение грехов и оправдание соединены неразрывно. Этот момент наступает у некоторых мгновенно, чудесным образом, как у Павла; у других — и это обыкновенный способ — ему предшествует неполное обращение или некоторое размышление, которое еще не принадлежит к настоящему оправданию. Самому же оправданию, по Фоме Аквинскому, принадлежит четыре части: прежде всего изливание действующей благодати, затем двойственное движение свободной воли к Богу и от греха, и, наконец, цель — прощение грехов. Хотя все эти четыре части по времени неразделимы между собой, однако *gratia operans*, как первичный источник оправдания, занимает первое место, или, говоря словами Фомы, она есть первая между ними в порядке природы. Когда же наступило оправдание, тогда дальнейшие успехи в добре будут действием

Храня молчанье, грозный, без привета,
На верхней он ступени восседал,
С лицом столь светлым, что не снес я света.
В руке своей он голый меч держал,
(Чистилище, Песнь IX, тер. 79)

79 Храня молчанье, грозный, без привета,
На верхней он ступени восседал,
С лицом столь светлым, что не снес я света.

82 В руке своей он голый меч держал,
Столь лучезарный, что при виде чуда
Я всякий раз взор книзу опускал.

85 — «Что нужно вам? ответствуйте оттуда!»
Так начал он: «Кто вас привел сюда?
Подумайте, чтоб не было вам худа».

88 — «Жена (известны ей с небес места!)» —
Ответил вождь, — «вселила в нас отвагу,
Сказав: «Туда идите, там врата».

— «И да направит вас она ко благу!» 91
Вновь начал вратарь, радостный, как день,
«Идите же по ступеням ко прагу».

Мы подошли. И первая ступень 94
Был чистый мрамор, столь блестящий, белый,
Что я, как был, мою в нем видел тень.

Вторая — камень грубый, обгорелый, 97
Багрово-темный, вдоль и поперек
Надтреснувший в своей громаде целой.

Но третий камень, что над тем возлег, 100
Был красно-огненный порфир, похожий
На брызнувший из жилы алый ток.

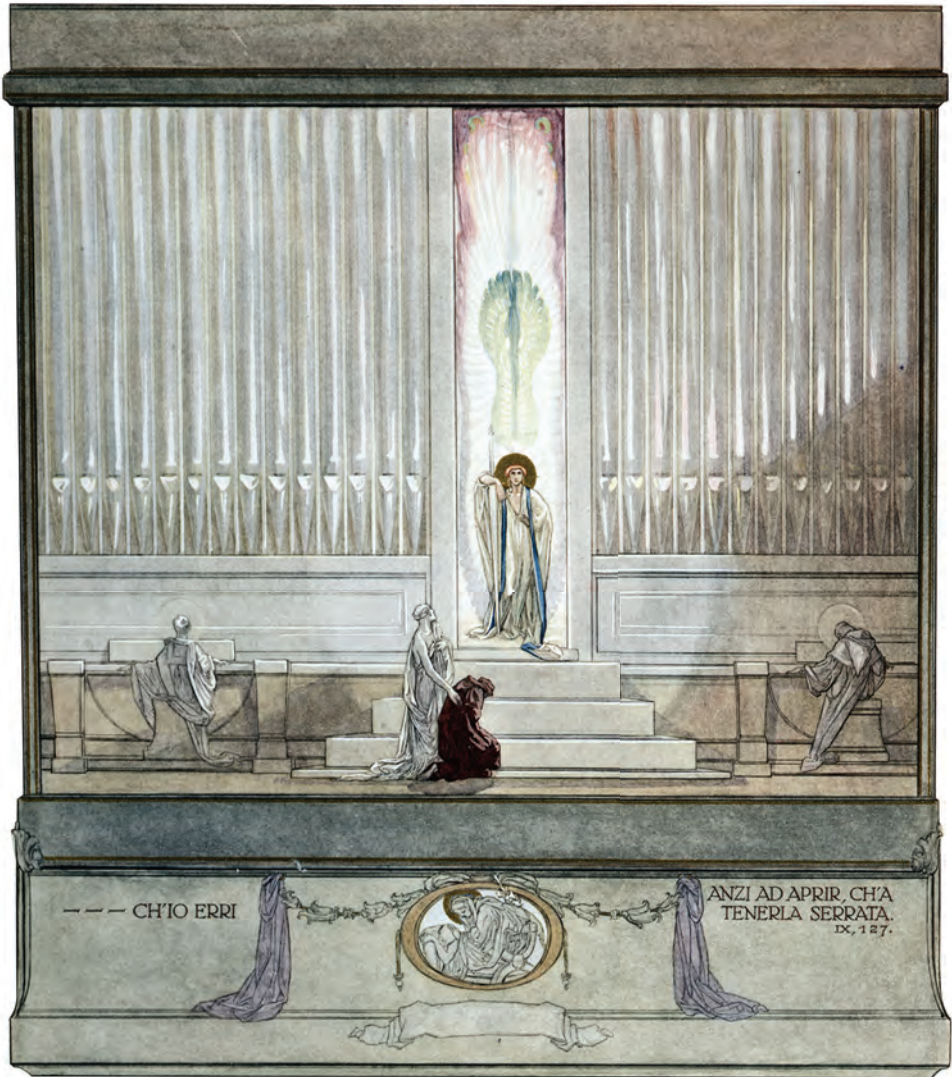
содействующей благодати в соединении с свободной волей. Каждым таким шагом человек заслуживает новую себе милость, и при том не как награду или плату — понятие, не согласующееся с отношениями Бога к человеку, но, выражаясь языком схоластиков, по достоинству, так как оно соответствует Божественному порядку (Фома Акв. Sum. Theol. II, 1. quaest 111-114). — Это-то неполное предварительное подготовка изображается в преддверии чистилища; но и оно не могло совершиться без содействия божественной милости. Поэтому-то Беатриче всегда посылает через Вергилия к Данте Люцию (Ада, II, 97). Теперь легко объясняется, почему Люция (здесь, очевидно, *gratia operans*) берет спящего Данте и без его собственного содействия приносит его к вратам чистилища; ибо первый толчок к оправданию приходит свыше; но вместе с тем понятно и то, что для того, чтобы войти в самые врата все-таки необходима собственная решимость со стороны поэта и указание Вергилия (разума, свободной воли). Филалет.

64-66. Изображение человека, решившегося наконец обратиться к лучшему (Чистилища XXI, 61 и далее). «Данте заимствует сравнение из самой вещи, которую описывает, или, другими словами, самую вещь делает предметом сравнения, он сам есть тот человек, который от сомнения переходит к уверенности». Скартаццини.

70-72. «Опять новый намек на аллегорическое значение поэмы, как и в предыдущей песни, стих 19. Впрочем, здесь указание это почти ненужно, смысл ясен. Орел и Люция обозначают, как мы видели, озаряющую благодать Божию. Поэт прославляет здесь свое искусство, и действительно этот сон совершенно уместен; ибо озаряющая благодать Божия, или переворот в наших душах, твердая решимость к совершенствованию есть нечто неизъяснимое, как бы некий дар Божий; но вместе с тем человек этим решением подымается ввысь, принадлежит уже добродетели, становится новым человеком, хотя еще не совершенно чистым и блаженным. Так точно и Данте, сам того не зная и без усилия вознесен здесь до самого порога истинного места очищения; ибо Данте во всем, что он видит, чувствует и переживает, всегда изображает в себе состояние, которое должно быть обозначено, или, по крайней мере, это намерение поэта очень явственно выступает в некоторых местах его поэмы, и притом в Чистилище и в Раю гораздо явственнее, чем в Аде». Каннегиссер.

73-75. «Путь к совершенствованию только вначале труден и узок; но он расширяется сам, когда намерение наше твердо и мы идем неустанно». Каннегиссер. — Дверь чистилища, являющаяся как щель в стене, представляется совершенно противоположно адскому входу: та обширна (Ада V, 20) эта узка; та всегда раскрыта настежь для идущих путем погибели (Ада VIII, 126), эта заперта; та никем не охраняется — эта охраняется стражем. «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны ворота и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Матф. VII, 13, 14.

76. «Врата» — именно те святые врата Петра, о которых сказано в Ада I, 134, ведущие входящих в них к блаженствам рая. Под этими вратами надобно разуметь самого Христа, согласно с Иоан. X, 7. «Я дверь овцам». — О символическом значении трех ступеней см. ниже.

78-84. «Привратник (вратарь) есть священник вообще и в частности — папа, как наместник св. Петра. В особе его олицетворяется религия, потому лик его так блестящ, что даже кающийся грешник потупляет перед ним очи. В руке его — меч, как символ правосудия и беспристрастия. Он молчит до тех пор, пока не убедится, что обратившийся хочет приблизиться к нему; но тогда исповедует он его кратко и не скрывает от него всю трудность обращения. Ему достаточно знать, что приходящий к нему просветлен озаряющею милостью, и тогда он свободно выпускает его». Каннегиссер. — Таково же мнение о значении привратника большей части древних комментаторов. По-видимому, Данте имел здесь в виду слова св. Павла: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие». Ефес. VI, 17; также слова книги Бытия о пламенном мече херувимов при дверях рая сладости (III, 24); также пророка Даниила: «Лицо его — как вид молнии». Дан. X, 6.

103 На нем стопы поставил Ангел Божий,
Воссев на праг, что блеском походил
На адамант. По глыбам трех подножий

106 Меня по доброй воле возводил
Учитель мой, сказавши: «Умиленно
Моли его, чтоб двери отворил».

109 К святым стопам припал я униженно,
Крестом грудь трижды осенив себе,
И отворить нам дверь молил смиренно.

112 Концом меча он начертил семь Р
Мне на челе и: «Смой», вещал мне свято,
«Семь этих ран на горной той тропе».

Как цвет золы, как прах, что взрыт лопатой, 115
Был цвет одежд на Ангеле. И вот,
Взяв два ключа, — из серебра и злата,

Из-под одежд, вложил он наперед 118
Ключ белый, после желтый, и — по вере
Души моей — мне отпер двери вход.

— «Когда один из них не в полной мере 121
Войдет в замок, не тронет всех пружин», —
Он нам сказал, — «не отпрутятся двери.

Один ценней; зато с другим почин 124
Трудней, и дверь им отпереть хитрее,
Узлы же снять лишь может он один.

85. Т. е. с того места, где вы находитесь. Почти теми же словами встречает поэтов кентавр Несс в аду (Ада XII, 63). «Только те могут быть участниками благотворного действия религии, к которым она действительно снизошла в сердце при помощи озаряющей божественной благодати — того озарения, в котором никогда не бывает недостатка в чистом сердце, в стремящемся выше духе. Кто же приблизится к этим вратам без такого призвания, того поразит, как лицемера, сверкающий в руке привратника меч». Штрекфусс.

86. «Кто вас привел?» — По мнению Биаджиоли, «души, коим наступил час очищения, приходят в чистилище в сопровождении ангела», подобно тому, как ангел привозит души от Рима к берегам чистилища, почему и Катон, видя поэтов, спрашивает их: кто их привел (Чистилища I, 43). Мнения этого держится большинство комментаторов. Следовательно, привратник, сделав этот вопрос, разумеет здесь не Люцию, а ангела.

87. «Подумайте». Слич Ада V, 20. То же самое говорит Христос ученикам своим: Лук. XIV, 28-30. «Чтоб не было вам худа». Слич Ада XXIII, 13 и далее.

88. Т. е. Люция, знающая законы этих мест (*diq ueste cose accorta*).

94. «Вход в чистилище есть символ таинства покаяния. Ангел, сидящий у входа, в силу сказанного выше, обозначает символически духовную власть церкви разрешать и связывать, т. е. духовника. Сущность таинства покаяния, по учению церкви, состоит из трех актов со стороны кающегося, соединенных со священническим разрешением, придающим им полноту. Эти акты суть: раскаяние, исповедь, или покаяние, и удовлетворение. К первому принадлежит сознание в совершенных грехах, скорбь о них и желание исправиться; ко второму — сознание в грехах перед посвященным и снабженным духовной юрисдикцией священником; наконец, удовлетворение есть действие благочестивого покаяния, служащее частью к уничтожению временного наказания греха, частью — к улучшению жизни. Ко всему этому, как ключ в своде, должно присоединиться пастырское отпущение, какое священник, в силу врученной ему власти ключей, может дать или не дать, смотря по тому, насколько раскрылось состояние духа кающегося». Фома Акв. *Sum. Theol. III, quaest. 81-90, suppl. quaest. 1-20. „In perfectione autem poenitentiae tria observanda sunt, scilicet compunctio cordis, confessio oris, satisfactio operis“*. — Петр Ломбардский. *Sent lib. IV, dist. 16, lit. A. „Haec est fructifera poenitentia, ut, sicut tribus modis Deum offendimus, scilicet corde, ore et opere, ita tribus modis satisfaciamus“*. — «Нет никакого сомнения, что в трех ступенях, по которым поэт входит к ангелу, он олицетворяет эти три акта покаяния: сокрушение сердца, сознание уст и удовлетворение действием». Филалет. Скартаццини.

94-103. «Три ступени означают три акта покаяния. Первая выражает раскаяние, потому она вся из белого мрамора, столь блестящего, полированного (в подлиннике: *si pulito e terso*), что в нем весь образ или тень Данте, так, как он есть (*quale i' paio*), отражается, как в зеркале, в знак того, что сознание в грехах должно быть полное и откровенное. Вторая ступень означает раскаянное сокрушение сердечное, почему и сложена из камня багрово-темного (*perso*, цвет, обозначающий черноту сердца грубого, перегорелого и надтреснувшего, так как и самое слово *contritio*, по Фоме Аквинскому, происходит от того, что

ПЕСНЬ IX

<p>127 Мне дал их Петр, сказав: «Впусти скорее,
Чем ошибись впустить в мой вечный град,
Всех, кто припал к стопам твоим, робея».</p> <p>130 Тут, сильно пнув во вход священных врат:
— «Сюда!» сказал, «но знайте: тот в печали
Извергнется, кто кинет взор назад».</p> <p>133 И вот, когда вдруг крющья завизжали
На верях громадной двери той
Из громозвучной, самой чистой стали, —</p> | <p>Не так взревел и меньший поднял вой 136
Утес Тарпейский, быв лишен Метелла
И оскудев расхищенной казной.</p> <p>И, слыша гром, душа во мне замлела, 139
И песнь „Te Deum“, показалось мне,
Торжественно запелась и гремела.</p> <p>Что слышал я, то можно бы вполне 142
Сравнить лишь с тем, когда хоралы пышно
Поют под гром органа в вышине,</p> <p>При чем нам слов то слышно, то не слышно. 145</p> |
|--|--|

окаменелое сердце грешника при этом должно быть сокрушено, или раздроблено (Suppl. quaest. 1). — Через эту ступень Данте восходит на третью, означающую удовлетворение или примирение, почему и камень, легший в эту ступень, красно-огненного цвета, как кровь, брызнувшая из вскрытой вены. Этот цвет ее, по одним древним комментаторам, означает самобичевание грешника, по другим — силу любви человека, побуждающую его сознаться в грехах своих, чтобы снискать удовлетворение в своих недостатках; может быть, даже пролитую за искупление грешников кровь Христову. На ней (ступени), как на фундаменте, воздвигнуто все здание церкви и, следовательно, лишь на ней зиждется вся духовная власть, сосредоточенная в священнике. — Только тогда, когда кровь Христова составляет основу всего духовного могущества и когда это могущество ограничивается лишь тем, что основано на таком фундаменте, только тогда престол этой власти будет чист, блестящ и несокрушим, как алмаз, на котором восседает вратарь.

104-105. «Прах, что блеском походил на алмаз» (в подлиннике: la soglia, Che mi sembrava pietra di diamante). Алмаз или алмаз — твердейший камень, имеющий свойство, по древнему сказанию, разгонять страх. Уже у Гомера, Гесиода и Вергилия (Aen. VI, 55) он, как символ несокрушимости, образует порог подземного мира; в Святом Писании он обозначает также несокрушимость (Иезек. III, 9). Согласно с этим, алмаз, на котором восседает ангел, означает подвиг искупления Христова, или, говоря словами Филалета, — «драгоценную заслугу Христа, чрез которую получает свою силу обязанность священника отпускать грехи».

106. «По доброй воле», т. е. по моей собственной. «Вергилий (разум) возводит Данте, ибо сам разум указывает нам на обращение к религии, которая одна может снять все затворы с дверей очищения». Каннегиссер.

109-111. Пройдя по трем ступеням, символизирующим таинство покаяния, и таким образом исполнив долг исповеди и получив надежду на примирение, он бросается к ногам духовника и ударяет себя в грудь, как требует церковный обряд покаяния при mea culpa. Ноттер, Филалет.

112. Р есть начальная буква латинского (в церковном языке) слова Peccatum (грех). Каждое Р обозначает один из семи смертных грехов, как мы увидим в продолжении поэмы. Они будут исчезать с чела поэта лишь мало-помалу, по мере того, как он будет очищаться от греха вслед за грехом, или, говоря образно, по мере того, как он будет проходить по всем семи отделам чистилища.

115. Одежда на ангеле имеет цвет золы, или земли, взрытой лопатой (в подлиннике: *terra che secca si cavi*), для обозначения покаяния и человеческого ничтожества (по Каннегиссеру, — человеческого тела, в которое сам Христос облекся и чрез то стал человеком). «Вместе с тем одежда эта, далекая от всякой роскоши и мирских украшений, означает смирение, столь приличное священнику при постоянном созерцании Бога и ничтожества всего того, что составляет гордость человека». Штрекфусс. — «Смирение же более всего приличествует священнику: он не возносится над человеком, но совершенно равен ему (стоит на одной доске с ним) и должен скорбеть при разоблачении грехов его». Ноттер. — «Пепел (зола) искони был символом покаяния, почему кающиеся в неделю покаяния (в католических церквях) посыпают главу свою пеплом». Филалет.

117-126. Серебряным ключом отпирает священник сердце кающегося, чтобы видеть, что в нем греховно; золотым он отпирает в этом сердце вход к небу, давая отпущение грехов истинно кающемуся. «Серебряный ключ, как говорит Фома Аквинский, — искусство распознавать достойного от недостойного; золотой — основанное на заслуге Христа могущество давать отпущение или наказывать. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, Suppl. quaest. XVII, art. 3 след. Под серебряным ключом разумеется, стало быть, первое; этот акт должен необходимо предшествовать последнему; кроме божественной помощи оно требует еще и человеческих сил и способностей и должно показать, может ли быть вообще речь об отпущении, должно распутать узлы. Зато последний, наоборот, драгоценнее, так как он всецело основан на заслуге Христа; но во всяком случае необходимы оба ключа для полноты прощения грехов». Филалет. — Слово «замок» означает, следовательно, человеческое сердце.

127. Т. е. ключи вручены мне св. апостолом Петром, который получил их от Самого Христа: «И дам тебе ключи Царства Небесного». Матф. XVI, 19. Ангелу переданы ключи Петром потому, что ангел здесь есть символ священника.

127-129. Т. е. скорее отпусти грехи недостойному, чем откажи в том заслуживающему отпущения, — намек на библейские слова: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был». Иезек. XXXIII, 11. — Ангел ошибиться не может, но здесь под ангелом разумеется священник.

131-132. Ибо нет ничего опаснее, как возврат на прежнюю дорогу, по слову Спасителя: «Вспоминайте жену Лотову». Лук. XVII, 32, и: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озиравшийся назад, не благонадежен для Царствия Божия». Ibid. IX, 62.

133. Двери старинного устройства вращались не на петлях, а на крючьях.

136-138. «Утес Тарпейский», или вершина Капитолия. Здесь находилось римское казнохранилище. Юлий Цезарь, перешедший Рубикон, вступил в Рим, после бегства Помпея, и хотел завладеть казно вечного города; но трибун Метелл, из рода Цецилиев, человек безукоризненной честности, храбро восстал против победителя Галлия, которому пришлось завладеть казнохранилищем силою, причем двери Тарпейского храма растворены были с громом и казна расхищена.

Tunc rupes Tarpeia sonat, magnoque reclusas
Testatur stridore fores: tunc conditus imo
Erui tur templo, multis intactus ab annis etc.
Lucan. Phars. lib. III, 154... ets.

Двери Тарпейские заскрипели оттого, что в течение многих лет не отворялись вовсе. Точно так и двери чистилища издают треск, так как редко приходят к ним с чистым покаянием и они редко отворяются.

138. «И оскудев расхищенной казной» (в подлиннике: *per che roi rimase masca*) — «сказано, по-видимому, в противоположность к неиссякаемым небесным сокровищам, в обилии хранящимся в пределах чистилища». Ноттер.

139. «Резкие звуки отворяющихся дверей чистилища переходят в торжественное пение, для обозначения того, что вначале покаяние жестко для нашего естественного чувства, но затем сменяется, по получении отпущения, ощущением блаженства». Филалет.

140. Внутри раздаются звуки церковного гимна, сочиненного св. Амвросием по случаю обращения св. Августина, причем первый начинал петь „Te Deum laudamus!“ (Тебе Бога хвалим), а другой продолжал „Te Dominum confitemur“ (Тебе, Господи, исповедуем) и таким образом пели весь гимн попеременно. Гимн этот благодарственный, воспеваемый церковью лишь в торжественных случаях и потому весьма идущий в данном случае: души внутри чистилища поют его в благодарность Богу, допустившему как их самих, так и поэтов в чистилище.

ПЕСНЬ X

Первый круг. — Гордые. — Примеры смирения.

<p>1 Лишь мы вошли в ту дверь, к ее ж порогу
Любовь ко злу не допускает нас,
Сводя с прямой на ложную дорогу, —</p>	<p>Он был от мест, где смежен с пустотой, 22
До стен из скал, скрывавших верх в эфире,
В три человеческих роста шириной.</p>
<p>4 Как дверь, я слышал, с громом заперлась;
Но оглянься я — чем, безумья полный,
Я б оправдал мой грех на этот раз?</p>	<p>И, сколько мог я видеть в этом мире, 25
Направо ли, налево ль взор летел,
Весь тот карниз, казалось, был не шире.</p>
<p>7 В расселине скалы мы шли, безмолвны,
Где путь то вправо, то налево шел,
Как толчеей колеблемые волны.</p>	<p>Там, прежде чем пошли мы, я узрел, 28
Что весь оплот стенных его окраин
(Знать, для того, чтоб взлезть никто не смел)</p>
<p>10 — «Здесь», начал вождь, «нельзя на произвол
Идти; но надо, чтобы применялся
Наш шаг к извилинам, где путь прошел».</p>	<p>Был мраморный и дивно так изваян, 31
Что не тебе лишь труд сей, Поликлет,
Но и природе был бы чрезвычайен.</p>
<p>13 Чрез то наш ход настолько замедлялся,
Что прежде стал на синие валы
Серп месяца, где в море погружался,</p>	<p>Там Ангел, в мир принесший нам декрет 34
О мире том, его ж в веках напрасно
Ждал человек, чтоб с неба снял запрет, —</p>
<p>16 Чем мы прошли сквозь то ушко иглы.
Когда ж на волю вывели нас ноги
Туда, где сзади вновь слились скалы, —</p>	<p>Пред нами был, так с истиной согласно 37
Изваянный, столь благостный в очах,
Что предстоял, казалось, не безгласно.</p>
<p>19 Я, став без сил, и оба мы, в тревоге
Насчет пути, вступили в край пустой,
Безлюднейший, чем по степям дороги.</p>	<p>Клянусь, имел он „Ave“ на устах, 40
Направленных к той Деве благодати,
Что дверь любви отверзла в небесах.</p>

1-3. Как увидим ниже (Чистилища XVIII, 19-72), Данте выводит все грехи из превратной или недостаточной любви; вследствие превратной любви люди нередко принимают земное и чувственное за истинное и сбиваются с прямой дороги на ложную. — «К истинной двери Христа подходят души тем реже, чем более сбивают их с пути ложные стремления, злая любовь к чувственному». Копиш.

5-6. Вследствие данного Ангелом предостережения не оглядываться назад (IX, 132).

7-9. «Мы должны себе представить узкую горную тропинку, извивающуюся то вправо, то влево между двух высоких утесистых стен. При этом стена представляется с одной стороны как бы выдающейся вперед, с другой — подающейся назад. Где тропинка особенно узка и крута — необходимо цепляться руками за отклоняющуюся назад стену». Филалет. — «Прямая дорога потеряна (Ада I, 3); только чистые идут по ней, злые же идут по более трудной дороге. Сравнение этой дороги с прибегающими и убегающими волнами намекает на треволнения житейского моря (Ада I, 23)». Копиш.

13. «В начале скалистого ущелья дорога крута и трудна. Но с каждой побежденной трудностью растет сила к преодолению следующих, так что борьба эта становится наконец удовольствием. В истине этой идеи может убедиться каждый, кто строго и неуклонно стремился к достижению какой-нибудь благой и важной цели и кто в этом стремлении становился чище и крепче силами. Идею эту поэт повторяет неоднократно в продолжение всей поэмы». Штрекфусс.

14-15. Опять указание времени. «Теперь уже пятый день после полнолуния; луна заходит спустя 4 часа после восхождения солнца. Данте проснулся через 2 часа после восхода и был несколько задержан у ворот чистилища; следовательно, на прохождение извилистой тропинки должен был употребить 1 ½ часа».

Фратичелли. — См. Филалет. — «О слабом отблеске луны упомянуто уже в Чистилища IX, 1. Здесь, где Данте вступает на путь истинного смирения, не без значения сказано, что идущий уже на ущерб месяц закатывается за горизонт. Земная мудрость недостаточна для того, чтобы вести по этому ущелью (Ада XX, 128 и след.). Копиш.

16. «Ушко иглы». Мы держались текста, принятого большинством издателей Божественной Комедии, именно сгипа, а не сипа (колыбель). Данте называет узкое ущелье, по которому он взбирается, ушком иглы для выражения его узкости и трудности, имея, очевидно, в виду слова Спасителя: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». (Матф. XIX, 24; Марк. X, 25; Лук. XVIII, 25).

18. Т. е. туда, где в верхнем конце ущелья скалы горы слились опять в одну сплошную стену.

20. «Вступили в край пустой». Мы увидим, что путники, подымаясь на гору Чистилища, влезают от времени до времени по узкой горной дорожке на уступ, круг, кольцо или карниз; все эти слова употребляет поэт для обозначения семи отделов горы очищения. «Именно все отделы чистилища состоят из семи уступов, обвивающих всю гору, образуя, следовательно, круги. Круг, в который теперь вступили поэты, самый низший и потому самый большой, так как здесь очищается худший из грехов — высокомерие и гордость; таким образом уступы эти, по мере восхождения, становятся все меньше и меньше. Следовательно, ад и чистилище, при всем их различии, имеют в себе много сходного. Ад — это воронка, которая чем более идет вглубь, тем сильнее наказует грешников; чистилище — это гора, и чем более подымается она, тем слабее наказуются очищающиеся на ней; в аду пространство кругов становится тем меньше, чем глубже; здесь — тем меньше, чем выше; в аду пустота расположена с внутренней стороны и души пусты, совершенно лишены внутренних качеств, добродетели и счастья; здесь пустота лежит с внешней стороны и души должны освободиться от всякой привязанности к внешнему миру; там вечная мгла, здесь — свет; там скорбь составляет мученье, здесь — она только средство к блаженству». Каннегиссер.

21. «Безлюднейшим назван этот круг, где очищаются гордые, в противоположность многочисленных скитальцев, которых встречали поэты внизу горы, за чертою настоящего чистилища». Ноттер.

22. «Пустота, т. е. то воздушное пространство, которое окружает гору; оно названо пустотой в противоположность той полноте божественных сокровищ, которые ожидают очищающихся на вершине горы». Копиш.

24. «Следовательно ширина его равнялась почти 18 футам». Филалет. — «Длина трех человеческих ростов имеет аллегорическое значение: гордость выражается в мыслях, словах и поступках, или — направлена против вышних, равных и низших». Ландино.

28. На каждом уступе чистилища, как мы увидим, при вступлении в него представляются образцы той добродетели, которая противоположна греху или пороку, очищающемуся в данном круге; при выходе же из круга — примеры самого порока и его последствия. Первые названы поэтом бичами (плетями, которые побуждают души снискивать эту добродетель, чрез это душа уже сама собою очищается от противоположного порока; вторые — уздою, удерживающей нас от порока. «Очищение высокомерия состоит отчасти в том, что высокомерные постоянно имеют перед глазами изваянные на боковой стене круга образцы противоположной добродетели — смирения. Для обозначения чистоты смирения образцы эти изваяны на белом мраморе: они-то и составляют бичи гордости и находятся в стоячем положении: наоборот, узду высокомерия составляют картины высокомерия, изображенные на земле (XII, 16 и далее), по которой ходят и которую попирают обремененные тяжестью высокомерные». Каннегиссер.

30. В подлиннике: *Che, dritta, di salita aveva manco*, в других — *Che dritta di salita aveva manco*, т. е. на которую не было права восхода, или, другими словами, нельзя было восходить по причине крутизны.

32. Поликет — один из знаменитейших греческих скульпторов, живший около 342 г. до Р. Х., прославившийся особенно своим «Каноном» или правилами для пропорций человеческого тела, которому впоследствии следовали все ваятели, как закону.

34-36. Изваяние, представляющее благовещенье Архангелом Гавриилом Деве Марии о том, что Она родит Спасителя мира, чрез что человечеству будет подарен истинный мир и приготовится блаженство неба (снимется с неба запрет; в подлиннике: *Che aperse il ciel dal suo lungo divieto*). Лук. I, 26-28.

40. «Аве» — первое слово благовестия архангела: «Ангел, вошед к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Лук. I, 28.

42. В подлиннике: *Che ad aprir l'alto amor volse la chiave*, т. е. подвигла божественную любовь к милосердию к человечеству.

44. «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» — ответ Девы Марии архангелу (Лук. I, 38). Говоря об этих словах, блаж. Августин восклицает: „O vera humilitas quae Deum reperit hominibus!“ —

43 Вложен в уста ей был глагол дитяти:
„Ессе Ancilla Domini“, верней,
Чем в воск влагают оттиск от печати.

46 — «Не устремляй в один предмет очей»,
Сказал Вергилий, близ меня стоявший
С той стороны, где сердце у людей.

49 И, от Мадонны взор мой оторвавши,
За Ней узрел я в той же стороне,
Где был и вождь, меня к себе позвавший,

52 Другую былъ на каменной стене.
И, обойдя поэта, к той картине
Я подошел, чтоб рассмотреть вполне.

На колеснице там влекла в долине 55
Чета волов божественный кивот,
На ужас всем, не призванным к святыне.

Пред ним, в семь ликов разделен, народ, 58
Казалось, пел, и слух о гласе пенья
Твердил мне: «Нет!», а взор мой: «Да, поет!»

Так точно и о дыме всеожженья, 61
Там восходившем, ноздри и мой глаз
Меж да и нет вели друг с другом пренья.

Царь-псалмопевец, сердцем веселясь, 64
Скакал там пред кивотом, кроткий видом,
Быв и царем и не-царем за раз.

также Бонавентура (Спец. В. V, с. 8): „Ancilla Domini, qua nulla humilior unquam fuit, nec est, nec erit in aeternum“. — «На всех уступах горы мы постоянно будем встречать Деву Марию, как первый образец». Копиш.

47-48. Данте стоял слева от Вергилия («где сердце у людей»), следовательно, Вергилий был от него по правую руку. Эта вторая картина находилась, следовательно, справа от первой.

55-56. Библейское сказание о том, как царь Давид, собрав израильтян, вознамерился перенести ковчег Божий из Ваала Иудина в Иерусалим, и для того поставил его на новую колесницу, запряженную волами; но, уstraшенный смертью левита Озы (стих 57), не повез его в город Давидов, а обратил его в дом Аведдара, Гефянина. Спусти три месяца, узнав, что Господь благословил тем Аведдара, Давид опять взял ковчег и понес его с торжеством в Иерусалим, принося на каждых шести шагах в жертву тельца и овна. В этот второй раз ковчег везли не вола на колеснице, а несли люди. В картине своей Данте не различает эти два момента, но соединяет оба в одну картину.

57. Намек на библейский рассказ о смерти левита Озы, прикоснувшегося к Божьему ковчегу, к которому запрещено было прикасаться левитам под страхом смерти. — «И когда дошли до гумна Нахонова, Оза простер руку свою к ковчегу Божию (чтобы придержать его) и взялся за него; ибо вола наклонили его. Но Господь прогневался на Озу; и поразило его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия». 2-я кн. Царств VI, 6-7. — С тех пор Оза стал представителем тех, которые, не имея к тому призвания и права, вмешиваются в церковные дела, как миряне (так как левиты не принадлежали к священникам).

58. «В семь ликов», так в Вульгате и в славянской Библии, переведенной с текста 70 толковников: „Et erant cum David septem chori“. 2-я кн. Царств VI, 12; в еврейском подлиннике и русском переводе этих слов нет. Данте, конечно, пользовался лишь латинским переводом — Вульгатой.

59-63. Т. е. ухо, не слышавшее пения, говорило: «Нет, не поют!» — напротив, — глаза, видя живое изображение поющих, утверждали: «Да, поют!» Точно так же обоняние и зрение не соглашались между собой: последнее принимало дым всеожжений, тогда как первое отрицало его; с такою правдой все это было изваяно, что чувства обманывались.

64-65. «Давид скакал из всей силы пред Господом; одет же был Давид в льяняный ефод». 2-я кн. Царств, VI, 14.

66. В подлиннике: E più men che re era in quel caso — Он был здесь менее, чем царь, потому что в смиреннии смешался с толпой народа, и более чем царь, потому что, как служитель Божий, снискал к себе милость Господа.

67. «Когда входил ковчег Господень в город Давидов, Мелхола, дочь Саула (жена Давида) смотрела в окно и, увидевши царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, унижила его в сердце своем». 2-я кн. Царств, VI, 16.

73-75. Исторически недоказанный анекдот (народная легенда) об императоре Траяне. «В то время, когда он совсем уже собрался в военный поход, одна вдова, у которой был умиршвен сын, стала

67 В окне дворца являлась пред Давидом
Жена его Мелхола, вниз глядя,
Как женщина, что не простит обидам.

70 И, от Мелхолы дальше отойдя,
Осматривать я стал другие лики,
Белевшие мне в очи близ вождя.

73 Увековечен подвиг там владыки,
Чьи доблести среди его римлян
Григория подвигли в бой великий:

76 То римский император был Траян,
И пред его конем, в слезах, вдовица
Рыдала в скорби от душевных ран.

79 Вкруг цезаря толпа, и ратных лица,
И всадники, и золотых орлов
Над ним по ветру веяла станица.

Злосчастная, казалось, средь полков 82
— «О, государь!» молила, «мщенье! мщенье!
Мой сын убит; казни его врагов!»

И, мнилось, он в ответ: «Имей терпенье, 85
Пока вернусь!» И та: «О цезарь мой! —
(Как человек, в ком скорбь в живом волненье) —

Вернешься ль ты?» А он: «Преемник мой 88
Исполнит долг!» Но та: «К чему указан
Другому долг, когда забыл ты свой!»

И он на то: «Утешься; я обязан 91
Свой долг исполнить, прежде чем пойти:
Суд ждет меня, и жалостью я связан».

Так Тот, Кому нет нового в пути, 94
Соделал зримыми все те вещанья,
И чуда нам такого не найти.

умолять его о правосудии, причем император отложил поход до тех пор, пока не наказал убийцу. Павел Диакон, передающий этот рассказ в своей «Жизни св. Григория Великого», повествует, что проходя через Forum Traianum и вспомнив об этом поступке, Григорий много и сильно плакал в храме св. Петра о языческом заблуждении столь кроткого государя. В следующую ночь Григорий услышал голос, говоривший ему: «Молитва твоя о Траяне услышана, но отныне ты не должен никогда молиться о язычниках». Франческо ди Бути прибавляет к этому, что Господь, выслушав молитву Григория, в наказание ему за то, что он молил о противозаконном, предложил ему на его выбор: или пробыть за это часом более в чистилище, или всю жизнь страдать бедренной немощью. Григорий избрал последнее». Филалет. — «Этот анекдот впервые был рассказан, и притом не о Траяне, а об Адриане, Диаконом Кассио (1. XIX, с. 5); затем об освобождении души Траяна из ада заступничеством св. Григория говорил Диакон Джованни (в его Vita St. Greg. lib. IV, с. 44). Легенда эта была в общей вере в Средние века, и даже сам Фома Аквинский верил в ее правдивость: „Damascenus in sermone suo, de Defunct., narrat quod Gregorius pro Trajano orationem fundens, audivit vocem sibi divinitus dicentem: Vocem tuam audivi et veniam Trajano do; cujus rei, ut Damascenus dicit in dicto sermone, testis esse Oriens omnis et Occidens. Sed constat Trajanum in inferno fuisse... De facto Trajani hoc modo potest probabiliter aestimari, quod precibus B. Gregorii ad vitam fuerit revocatus, et ita gratiam consecutus sit etc“. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art. 5. На эту легенду Данте также намекает Рая XX, 44, 45, 106». Скартаццини.

75. «В бой великий», т. е. с адом за спасение души Траяна.

80-81. Данте, по-видимому, не знал, что римские орлы были литые из золота, и представлял их себе вышитыми золотом на знаменах.

82-93. Весь этот разговор почти буквально заимствован из Павла Диакона. Сличу у Филалета. Позднейшая легенда прибавляет, что убийцей сына вдовы был сын самого Траяна. Император предложил вдове на выбор: казнить убийцу или чтобы она взяла его на место убитого сына. Она избрала последнее.

94-95. «Следовательно, сам Господь создатель этих образов, которые, как здесь, так и в других местах, заимствованы то из Библии, то из всемирной истории, нередко даже из языческой мифологии; и это вполне справедливо, что как здесь дело идет единственно лишь об изображении фактов: для Бога же богов ненавистен каждый порок, достойна любви каждая добродетель, к какому бы учению, христианскому или языческому, ни принадлежало порочное или добродетельное». Штрекфусс.

98. «В трех изображенных здесь картинах мы видим: в первой — смирение, совершенно покорное воле Божией, во второй — пренебрегающее мнением мира сего и в третьей — побеждающее собственные страсти». Коппиш.

То римский император был Траян,
И пред его конем, в слезах, вдовица
Рыдала в скорби от душевных ран.
(Чистилище, Песнь X, тер. 76)

<p>97 Пока мне взор пленяли изваянья
Тех образов смирения живых,
Неоцененные Творца создания,</p>	<p>Забудь жестокость казней и размысли,
Что в судный день все ж кончатся они;
Зато тех мук последствия исчисли!</p>	109
<p>100 — «Смотри! Оттоль — но шаг их слишком тих!»
Шепнул мне вождь, — «толпы теней явились;
Где путь наверх, узнаем мы от них».</p>	<p>— «Поэт», сказал я, «то, что в вышине
Там движется: мне кажутся — не тени,
Что ж именно — непостижимо мне».</p>	112
<p>103 Глаза мои, хоть все еще стремились
Обозревать диковин целый полк,
Не медля тут к поэту обратились.</p>	<p>И он на то: «Тяжелый образ пени,
Сужденный им, к земле их так гнетет,
Что был и я смущен сперва не мене.</p>	115
<p>106 Смотри, читатель, чтоб в тебе не смолк
Глас доброго намеренья при мысли,
Как тяжко здесь выплачивают долг!</p>	<p>Вглядись же в них, и взор твой разберет,
Что там за люд под грудой камней в свалке:
Смотри, как в грудь себя там каждый бьет!»</p>	118

100. «Так как Вергилий стоит теперь (стих 53) по левую руку от Данте, то мы должны себе представить, что души приближаются к поэтам с левой стороны горы». Филалет.

106-112. «Опять обращение к читателю. Здесь, по мнению Данте, читателя могут поразить два обстоятельства: во-первых, самые муки, т. е. род их или очищение, и во-вторых, — продолжительность мук. На это поэт отвечает, что эти муки, как средство, причиняющее боль, необходимы для удовлетворения, и что они могут продлиться по высшей мере лишь до дня Страшного суда, когда добрые будут отделены от злых и когда очищение достигнет своего конца; вся земля погибнет вместе с горой Чистилища и, надобно припомнить, для злых наступит иное и притом более мучительное состояние по причине новой телесной оболочки, какую они облекут тогда (Ада VI, 98, 111), и им будет дано иное местопребывание». Каннегиссер.

107. «Глас доброго намеренья» — обратиться к Богу чрез покаяние.

111. Т. е. небесную славу, которая последует за этими муками. «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас». Посл. Римл. VIII, 18.

115. «При сравнении плана чистилища с планом ада становится очевидным, что грехи неводержания (Ада XI, 82), или, что равнозначуще, грехи любви, уклонившейся от своего порядка (Чистилища XVII, 124 и след.), поставлены в обоих местах на одну доску. Наоборот, — злоба, цель которой обида (Ада XI, 22-23), или злоба, имеющая последствием страдание ближнего (Чистилища XVII, 113), разделена в аду по средству — насилию и обману, в чистилище же по цели: возвышению, могуществу и мщению, причем отдельные формы опять подразделяются по намерению, с каким они употреблены в дело. Единственное существенное различие состоит не столько в том, что нерадение и гнев, помещенные в аду в одном кругу, в чистилище разделены надвое, сколько в том, что в системе ада оба греха отнесены к неводержанию, в чистилище же сюда отнесено одно нерадение, гнев же причислен к неправде. Причина этому лежит в различном принципе деления неправды или оскорбления, наносимого ближним, именно в том, что чистилище ставит на первом плане цель, которую достигает самый гнев, а не форму». Каннегиссер.

118-120. «Здесь, в первом и, стало быть, самом обширном кругу, очищаются от греха своего высокомерные тем, что, низко придавленные к земле тяжкими грузами, обходят вокруг горы. Как в жизни они ходили, не чувствуя бремени своего недостатка, с высоко поднятой головой, так идут они теперь под гнетом этой тяжести, смиренно пригнутые к земле, и только теперь узнают, чего стоит каждое человеческое преимущество и возникающая из него слава, и как шатко основание, на котором зиждется человеческая гордость. — Что Данте не мог тотчас издать признать в согбенных вида человеческого, объясняется этим принижением к земле положением их». Штрекфусс.

121-123. «Воззвание поэта к людям, с напоминанием, чтобы они в своем земном не вполне развитом, даже в некотором смысле противоречащем истинному творческому закону, состоянии души своей не принимали себя за нечто особенно важное и чрез то не впадали в высокомерие, столь жестоко здесь наказуемое». Ноттер.

ПЕСНЬ X

121 О, христиан род гордый, бедный, жалкий!
Вы, у кого так слаб духовный зрак,
Что пятитесь назад стезею валкой!

124 Поймете ль вы, что человек — червяк,
Родившийся стать бабочкой небесной,
Когда на суд он прилетит сквозь мрак?

127 Чем разум ваш кичится в жизни тесной?
Чем лучше вы неразвитых червей,
Не получивших полный вид телесный?

Как для опоры крыш и галерей,
С сведенными коленами у груди,
Кронштейном служат образы людей, 130

На что глядя, в скорбь истинную люди 133
От мнимой той приходят: так убит
Был сонм духов, мной узанных в той груди.

Кто больше был, кто меньше камнем скрыт, 136
Смотря, какой взвален им груз на спину;
Но самый терпеливейший на вид

Твердил, казалось: большего не сдвину! 139

124-126. «Человеку определено в этой жизни из земного червя («Человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль». Иов XXV, 6) стать бабочкой небесной; его земное состояние похоже на недоконченное развитие бабочки в коконе, даже в некотором отношении на неудавшееся образование, — в том именно отношении, что вследствие первородного греха природа наша утратила свое первоначальное достоинство; и при таком неразвитом состоянии мы еще гордимся!» Филалет.

130-134. Так называемые кариатиды.

139. «Муки чистилища не составляют, как муки ада, продолжения внутреннего состояния грешника на земле, но они скорее представляют его противоположность, чрез что они именно и получают значение епитимии и очищения». Филалет.

ПЕСНЬ XI

Первый круг. — Гордые. — Молитва. — Омберто Альдобрандески. — Одеризи д'Агуббио. — Провенцан Сальвани.

<p>1 «Ты, Отче наш, на небесах живущий,
Где царствуешь, но не описан в них,
Любя всех паче первый сонм,
там сущий!</p> <p>4 Твое в нас имя, слава сил святых,
Век да святится, и вся тварь да видит,
Коль сладостно дыханье уст Твоих.</p> <p>7 Мир Твоего к нам царствия да снидет,
К нему-ж, собрав усилья все свои,
Мы не придем, коль сам он к нам не придет.</p> <p>10 Как доброй волей Ангелы Твои
Приносят жертвы и поют: «осанна»,
Так да творят и люди на земли.</p> | <p>Хлеб наш насущный даждь нам днесь: то — 13
манна,
Без ней же вспять отводят нас шаги,
Стремясь вперед, в пустыне сей туманной.</p> <p>И так же, как друг другу все долги 16
Мы оставляем, так и нам остави,
И не суди нас по делам, Благий!</p> <p>И наших сил, столь бранных в их составе, 19
Не дай прельстить невидимым врагам,
Но от лукавых помыслов избави.</p> <p>Последний глас мольбы, уж лишний нам, 22
Не за себя, — за тех возносим, Боже,
Кого в грехах оставили мы там!»</p> |
|---|---|

1-3. Переложение Молитвы Господней «Отче наш» в стих, — «перифраз, говорит Томазео, не достойный Данте, но все-таки не более как перифраз». В переводе я старался как можно ближе держаться итальянского подлинника и, где можно, удерживал выражения молитвы в славянском подлиннике. Молитва есть наилучшее доказательство смирения; поэтому-то и молятся здесь высокомерные, а так как нет ни одной молитвы совершеннее той, которую Сам Христос преподал ученикам Своим, то поэтому поэт и влагает в уста высокомерных не иную, а именно эту молитву с небольшими, частью распространяющими и объясняющими, частью вызванными потребностью стиха изменениями». Каннегиссер.

2. В подлиннике: *Non circoscripto, ma per più amore*, намек на изречение: «Небо и небо небес не вмещают Тебя» (III Кн. Царств VIII, 27), также *„Deus nullo corporali loco clauditur“*. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, 2. qu. CII, art. 4. — Сличи также Рая XIV, 30: *„Non sirconscriito e tutto circoscrive“*. — «И на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняя не описанный». Тропарь на св. Пасху.

3. «Первый сонм» (в подлиннике: *primi effetti*). «Первый сонм, или первые создания творческой силы Господней суть духи и небеса, жилище блаженных, созданные прежде человека. Бог находится повсюду; но к его собственной духовной сущности приближены лишь одни существа более совершенные, помещающиеся, по учению Данте, в самом высшем небе света, в свободном эмпирее (Рая XXXIII). Таким образом, ничем не описанный и не ограниченный Бог простирает свое отдаленнейшее действие и на Люцифера, помещенного, как виновника зла, в тесноте земли. Следовательно, все находится в Боге, как доброе, так и злое». Копиш.

4-6. В этой терцине обозначаются три лица Св. Троицы: сила или всемогущество означает Бога Отца, имя — Бога Сына и дыхание — Бога Духа Св. (Ада III, 5-6). В тесном смысле дыхание может означать и вообще премудрость Божию, и употреблено здесь в ветхозаветном смысле: «Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние силы Вседержителя». Премудр. Солом. VII, 25.

7-9. «Данте сам старался найти когда-то удовлетворение души своей в треволениях житейских, но не мог найти там Божьего мира». Ноттер.

13-15. «Души молятся здесь лишь за себя самих, а не так, как в стихе 19-м, и за живущих; поэтому, испрашивая себе хлеб насущный, или, как в подлиннике поэтично сказано — «манну», они просят себе не земного хлеба, а укрепления и просвещения своей души с неба, без чего один разум ведет лишь вспять, а не вперед». Штрекфусс. — «Небесный хлеб есть божественное учение, сходящее свыше, слово Божие, олицетворенное в хлебе Тайной Вечери (Чистилища XII, 98 и след.)» Копиш.

22-24. Находясь в чистилище, души не могут уже отпасть от Бога, почему и искушение не может повредить им (потому в стихе 21-м они не говорят: избави нас, но просто: избави), как людям и душам, находящимся еще вне чистилища и охраняемым там от искушений ангелами (Чистилища VIII, 98 и след.).

25 Так за себя и нас молитвы множа
И разные подъяема тяготы,
Как тот кошмар, что давит нас на ложе,

28 По первому карнизу с высоты
Шли призраки, томясь, но тем упорней
Смывая копотъ дольной суеты.

31 Коль молят так за нас в стране той горней,
То что ж должны в сем мире делать те,
В чьей воле есть еще благие корни?

34 Должны помочь им смыть в их нищете
Грязь жизни сей, чтоб в чистом одеянье
Легко взнестись к надзвездной высоте!

37 — «О, да ускорит суд иль состраданье
Срок ваших мук, чтоб крылья распахнуть
Могли вы в край, куда вас мчит желанье!

40 С какой руки, скажите, легче путь?
А если два здесь восхода или боле,
То укажите, где отложите круть?

Затем что спутник мой здесь, в сей юдоли, 43
Одет во плоть Адама, почему
Всходить с трудом он должен против воли».

Кто дал ответ на эту речь тому, 46
За кем я шел, я не узнал средь грому;
Но так в толпе ответили ему:

— «Направо здесь, по берегу крутому, 49
Идите с нами и найдете ход,
Где вверх взойти возможно и живому.

И не мешай глядеть мне камень тот, 52
Что гордую мне व्यо так бесчестно
Пригнул к земле, что уж не зрю вперед,

Я б на того, чье имя мне безвестно, 55
Взглянул, чтоб вызнать: не знаком ли он
Со мной, несущим груз тяжеловесный.

Латинянин, в Тоскане я рожден; 58
Отец мой был Гольельм Альдобрандеско:
То имя вам знакомо ль среди имен?

Следовательно, это последнее прошение они обращают к Богу не ради себя, но ради живущих на земле, и тем самым обнаруживают в себе наиболее смирения.

26-27. Здесь выражены величина и продолжительность ношения тяжестей, коими угнетены души. Во сне нам нередко представляется противоестественное и невозможное, также чувство сильной угнетающей нас тяжести, известной под именем кошмара.

30. Т. е. грехи и, в частности, прегрешения гордости.

33. Т. е. души в чистилище могут лишь молиться за живых, живые же могут помочь очищающимся как молитвами, так и делами. „Ista tria — Eucharistia, elemosyna et oratio — ponuntur quasi praecipua mortuorum subsidia; quamvis quaecumque alia bona quae ex charitate fiunt pro defunctis, eis valere credenda sint“. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art 9.

37. Слова эти говорит Вергилий, как прямо сказано ниже в стихе 46-м и след.

37-39. Смысл тот: да сократит срок наших очистительных мучений правосудие и милосердие Божие. «Во всех делах Божиих, — говорит Фома Аквинский, проявляется Его правосудие и милосердие, и если сострадание Божие имеет участие и при осуждении грешников (ибо оно наказует их всегда менее, нежели сколько они заслуживают), то правосудие Его тем более, является при освобождении душ из чистилища». Vol. I, quaeest, 21, art IV.

40. «Здесь нельзя не заметить, что Вергилий, который в аду сам всегда решал все вопросы, здесь, в чистилище, постоянно осведомляется о дороге у теней. Разум может узнать грех как таковой, он может и должен сопутствовать на пути к очищению. Но на этом пути он сам по себе не верный вождь; только одна вера безошибочно ведет нас к духовному и нравственному усовершенствованию». Штрекфусс.

46-47. Т. е. моему вождю, Вергилию.

47. Потому что тени придавлены камнями к земле.

49. По берегу, т. е. по уступу, или по краю уступа, окружающего гору. Тени идут слева, почему поэты, чтобы идти вместе с ними, должны идти направо.

58. Латинянин, т. е. итальянец.

67. Об этом Омберто (Гумберт), равно и об отце его Гольельмо (стих 59), мало известно. Оба графа Альдобрандески принадлежали к фамилии Сантафиоре (Чистилища VI, 111 и примеч.) и постоянно

<p>61 Кровь древняя, род предков, полный блеска,
Такую мне вселили в душу спесь,
Что общую забыл нам мать и дерзко</p>	<p>— «О!» я сказал: «Не ты ли, Одеризи?» 79
Честь Губбио, искусства честь того,
Что прозвано enluminer в Париже?»</p>
<p>64 Стал презирать в душе народ я весь.
За что и пал, о чем все помнят в Съене
И дети в Кампаньятико поднесь.</p>	<p>— «О, брат!» сказал он: «Ярче моего 82
Смеются краски из-под кисти Франко:
Вся честь ему; мне ж часть ее всего!</p>
<p>67 Я Омберто, и гордостью не мене
Наказан здесь, как и моя родня,
Которая подверглась той же пене.</p>	<p>Будь я живой, я б с гордою осанкой 85
Отверг ее, затем что вечно страсть
Первенствовать была моей приманкой.</p>
<p>70 И этот груз я буду несть до дня,
Пока Господь простит мне, ибо ныне
Не средь живых, а между мертвых я».</p>	<p>За спесь грозит нам всем возмездья власть, 88
И не смиришь я сам, — ведь до могилы,
Я б мог грешить, — сюда б мне не попасть.</p>
<p>73 Я, слушая, склонил лицо к стремнине;
Но тут другой (не тот, кто говорил),
Весь скорчившись под камнем в злой кручине,</p>	<p>О, суетность отличий, что нам милы! 91
Как быстро деревцо свой может верх сронить,
Коль ряд годов ему не придал силы.</p>
<p>76 Узрел меня, узнал и возопил,
С усилием стараясь взор свой ближе
Вперить в меня, пока согбен я был.</p>	<p>Мнил Чимабуэ в живописи быть 94
Из первых первым, а теперь уж Джотто
Явился — славу первого затмить.</p>

находились во вражде с соседней республикой Сиенской. В 1259 г. Омберто, сын Гюльельма (или Великого Тосканца, Gran Tosco, как сказано в подлиннике), был умерщвлен (задушен) недалеко от Сиены в замке своем Кампаньятико (в долине р. Омброне, в Маремме). По некоторым сказаниям, убийцами его были переодетые монахами сиенские патриции. Филалет и Скартаццини.

63. «Общую нам мать», т. е. землю. «Много трудов предназначено каждому человеку, и тяжело иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех». Премудр. Исис. сына Сирахова, XL, 1.

79. Одеризи (в переводе «Одеризи» для рифмы) из Агуббио, или Агоббио (ныне Губбио), города из герцогства Урбино, был знаменитый во времена Данте миниатюрный живописец, много работавший для папской библиотеки. Вазари говорит о нем в своей жизни Джотто следующее: «В то время жил в Риме близкий приятель Джотто, — чтобы не умолчать ничего, что в отношении искусства достойно упоминания, — Одеризи из Агуббио, отличный миниатюрист своего времени». — Бенвенуто да Имолла говорит, что он работал в Болонье и очень гордился своим искусством.

81. Миниатюрная живопись называется по-итальянски *miniare* (от слова *minio*, красная краска, сурик), по-французски — *enluminer*.

83. Франко из Болоньи. О нем говорит Вазари следующее: «Гораздо лучшим мастером, чем Одеризи из Агуббио, был Франко из Болоньи, миниатюрист, производивший для того же папы (Бонифация VIII) в той же библиотеке и в то же самое время много очень хороших работ». Некоторые полагают (впрочем, ошибочно), что Франко был учеником Одеризи, умершего в 1300 году; Франко жил еще 13 лет после него.

85-87. «Не без намерения выставил здесь Данте такого незначительного живописца, как Одеризи, примером высокомерной самоуверенности и гордости, заставляя его считать свои маленькие картинки за что-то необычайно важное, могущее упочить ему видное место между людьми». Ноттер.

91-93. «О, тщетная слава человеческого гения! Как кратковременны твои зелень и цвет, если только не наступит время невежества и отсутствия талантов! Поэт хочет сказать, что слава первых художников помрачается последующими: так славу Одеризи помрачил Франко, славу Чимабуэ — Джотто». Фратичелли.

94. Чимабуэ Джованни (1240–1300 г.), из знатной флорентинской фамилии, был в течение своей жизни первым живописцем во Флоренции, что доказывается не только этим местом у Данте, но и примечанием к нему древнейшего комментатора Божественной Комедии, Оттимо Комменто, где говорится: „nella città di Firenze pintore ne tempi del'autore nobile molto, ch' uomo sapesse“. Он, кажется, один из первых стал освобождаться от влияния сурового византийского стиля; ему впрочем, недоставало знания перспективы. По Оттимо Комменто, он имел характер гордый и гневный. На могиле его в Санта Мариа дель Фиоре (Duomo) находилась, по Вазари, следующая надпись, которая, как полагают (по сходству с цитируемым местом Чистилища) сочинена Данте:

Credidit ut Cimabos picturae castra tenere,
Sic tenuit vivus, nunc tenet astra poli.

<p>97 Так Гвид лишен в поэзии почета
Другим был Гвидом; может быть, их двух
Спутнута с их гнезд родился третий кто-то.</p>	<p>106
Чрез сто веков? А их короче бег
Пред вечностью, чем перед обращеньем
Небесных кругов — взмахи наших век.</p>
<p>100 Изменчивей еще, чем ветра дух,
То дуновенье славы, что разносит
О наших именах по миру слух.</p>	<p>109
Вон славою того, кто с затрудненьем
Бредет, — была Тоскана вся полна;
А ныне в Сьене он покрыт забвеньем,</p>
<p>103 Что будет слава наша, — пусть с нас сбросит
Хоть старость узы плоти, иль наш век
Под лепет: «папа», «мама» смерть подкосит, —</p>	<p>112
Где был он вождь, когда сокрушена
Была спесь флорентинцев, что, столь славной
Считаясь встарь, теперь посрамлена.</p>

95. «Джотто», также флорентинец, современник и друг Данте, ученик Чимабуэ, затмивший славу своего учителя. Он родился, по одним, в 1276 г., по другим, в 1265 (в один год с Данте) в Веспиньяно, около Флоренции, где пас в детстве овец. Здесь, как говорят, Чимабуэ нашел его рисующего на каменной плите овцу. Заметив в нем талант, он взял Джотто к себе в ученики. Вскоре слава Джотто распространилась по всей Италии; он работал в Риме, Ассизи, Неаполе, Пизе и Падуе. Папа Бенедикт XI и Роберт, король Неаполитанский, были его покровителями. Вазари говорит: „Fu Giotto amico grandissimo di Dante; e il ritrasse nella cappella del palagio del Podestà di Firenze“. Портрет этого найден в 1840 г. по снятию с этой целью известки с фресок на стенах кладовой тюрьмы, бывшей некогда капеллой дворца подесты во Флоренции. Джотто решительно отверг, как образцы, старинные типы греческой живописи. Его фигуры отличаются мягкостью, грацией и выразительностью, также естественностью драпировки их одежд. Некоторые из его картин вызывали удивление даже Рафаэля и Микеланджело. Он вместе с тем был великий архитектор, бессмертным памятником чему служит его величественная Campanile флорентинского собора. Он пережил друга своего Данте, — умер в 1336 году 60 лет от роду.

97. «Данте живописи приравнивает и поэзию: и здесь один превосходит другого, последующий поэт — предшествовавшего; следовательно, и здесь мы должны учиться смирению и скромности». Каннегиссер. — «Почета в поэзии» (в подлиннике: La gloria della lingua) — собственно, в итальянской, находившейся в начале периода своего развития; в ту пору на итальянском языке еще мало писали.

98. «Каких двух Гвидо разумеет здесь Данте, — о том не все комментаторы согласны между собою; большинство однако ж видят здесь Гвидо Кавальканти (Ада X, Примеч. к 53; 63) и Гвидо Гвиничелли (Чистилища XXVI 92 и след.) и объясняют это место так: Гвидо Кавальканти, философ и поэт флорентинский, затемнит славу Гвидо Гвиничелли болонского. Другие под первым Гвидо разумеют Кавальканти, под вторым — Guido il Guidice Guido delle Colonne; наконец третьи (к которым принадлежит Филалет) разумеют под одним Гвиничелли, под другим — Гвиттоне д'Ареццо (Чистилища XXIV, 56 и XXVI, 124), что, однако, противоречит тому мнению, какое высказано Данте об этом последнем поэте в указанных местах Чистилища. Действительно, Гвидо Кавальканти был первый итальянский поэт, заслуживающий имени поэта; в его стихах с нежным изяществом лучших трубадуров столько естественности и простоты, что они наполняют душу сладостным чувством. Эти обстоятельства и авторитет всех древних комментаторов слишком ясно говорят в пользу общепринятого толкования этого места. Гвиничелли умер в 1276 г., Кавальканти — в 1301-м». Скартаццини.

99. И относительно этого стиха толкователи несогласны между собой: по одним, и притом по большинству, Данте говорит здесь о самом себе, как о будущем помрачителе славы обоих Гвидо; другие думают, что Данте говорит здесь вообще о непрочности человеческой славы. И это последнее мнение, по-видимому, самое верное: иначе было бы очень странно, чтобы не сказать более, что поэт так высоко выставляет себя и притом в том самом месте, где он представляет нам примеры смирения, где изображает наказание гордости и проповедует о смирении. Этого последнего мнения держится и знаменитый американский переводчик Данте поэт Лонгфелло.

103-105. Конструкция этой терцины несколько темна в подлиннике. Данте хочет сказать: будем ли мы славнее через то, что умрем в старости или в детском возрасте, прежде чем начнем лепетать первые слова: папа, мама (в подлиннике: il pappo, — хлеб, папа, и dindi — деньги на детском языке), или, другими словами, — умрем ли мы стариками или бессловесными детьми, — будет ли какая разница относительно нашей славы через тысячу лет? А тысяча лет в сравнении с вечностью гораздо короче, чем мановенье

<p>115 Известность ваша вся — не злак ли травный?
 Была — и нет! Кто к жизни вызвал злак
 Из недр земли, тот губит с силой равной.</p> <p>118 И я: «Смирение, — ценнейшее из благ, —
 Живит мой дух, гордыне ставя грани.
 Но кто же тот, о ком скорбишь ты так?»</p> <p>121 — «То», отвечал он, «Провенцан Сальвани!
 И здесь за то, что в сердце мысль таил
 Прибрать себе всю Сьену в мощны длани.</p> | <p>Без отдыха он ходит, как ходил 124
 Со дня кончины: вот чем здесь искупит
 Свою вину, кто слишком дерзок был!» —</p> <p>И я: «Но если всяк, в ком грех притупит 127
 О Боге мысль до самого конца,
 Внизу обязан, прежде чем к вам вступит</p> <p>(Коль не помогут добрые сердца!), 130
 Пробыть так долго, сколько жил на свете,
 То как сюда впустили гордеца?»</p> |
|--|--|

век наших в сравнении с движением того небесного круга, который вращается всего медленнее. Круг же, всего медленнее вращающийся в небе, есть круг неподвижных звезд, который, по Птолемею, совершает свой оборот в 36 000 лет. Следовательно, слава наша преходяща и кратковременна, как говорит Тацит: „quem illum tanta superbia esse, ut aeternitatem nominis spe praesumat.“ Бруноне Бианки. По другим: «Данте разумеет здесь то медленное движение неподвижных звезд, которое известно в астрономии под именем передвижения равноденствия. При этом звезды, по мнению Данте, высказанному в его *Convivio*, подвигаются на 1° вперед в 100 лет, а по новейшим вычислениям — в 72 года». Штрекфусс.

109-114. Тот, о ком здесь говорят и который на вопрос Данте прямо поименован в стихе 121, есть некто Провенцано Сальвани из Сиены (биографические сведения о нем у Филалета). Сильный поборник гибеллинской партии, он прославился как в войне, так и в мире. Он стоял во главе правительства в Сиене, когда флорентинские гвельфы были разбиты при МонтAPERти (4 сентября 1260 г.) — „*Superbissima persona e uomo di grande affare*“, говорит Ландино. С падением Манфреда могущество гибеллинов пало, и Флоренция опять перешла в руки гвельфов (1267 г.). В 1269 году он опять стоял во главе правительства, когда сиенцы были на голову разбиты флорентинскими гвельфами при Колле ди Вальдельза, в отступление за МонтAPERти, причем «Сальвани был взят в плен; ему отрубили голову и, воткнув на пик, носили по всему неприятельскому лагерю. Этим вполне оправдалось предсказание, полученное им от дьявола путем волхования и превратно им понятое», — прибавляет Виллани, — «ибо дьявол, вынужденный отвечать, что случится с ним в эту кампанию, коварно отвечал: „*Anderai e combatterai, vincerai no, morrai alla battaglia, e la tua testa fia la più alta del campo*“, — слова, понятые Сальвани в том смысле, что он останется победителем в битве». Виллани *lib. VII*, с. 31. — «Вступив в управление городом Сиеной, гвельфы в том же году разрушили все дома и уничтожили всякое воспоминание о Сальвани». Акварон. *Dante in Siena*, pag. 112-123.

115-117. Т. е. солнце, которое вызывает теплотой своей молодую травку и ее же сушит и обесцвечивает ее. Точно так и время, рождающее славу и снова ее уничтожающее. — «Всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой». Исаии XL, 6; также: Премудр. Ис. с. Сирах. XIV, 18.

125. В подлиннике: «Такой монетой платят здесь». — «Ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Матф. V, 26.

127-132. Данте знал, что Провенцан Сальвани умер с лишком 30 лет тому назад и до смертного одра медлил принести покаяние в грехах своих; с другой стороны, Данте слышал от Белаквы (Чистилища IV, 127-135), что души, отлагающие свое покаяние до последней минуты жизни, должны оставаться в преддверии чистилища и, если им не помогут молитвы за них добрых сердец, допускаются в истинное чистилище не прежде, как исполнится срок, равный тому, какой они прожили на свете; поэтому — спрашивает Данте — как же был впущен Сальвани в первый круг чистилища тотчас после смерти, так как он здесь носит груз свой со дня кончины? (стих 124).

133-138. «Этот друг Сальвани назывался, по словам Бути, Винея, или Винья. Здесь намечается на следующий факт, записанный у Ландино. «Король Карл Анжуйский заключил в тюрьму друга Сальвани и наложил на него пени в 10 000 золотых флоринов, которые он обязан был выплатить в течение месяца; в противном случае грозил ему смертной казнью. Весть об этом пришла к мессеру Провенцану, который, страшась за жизнь друга, велел поставить скамью на ковре посреди площади в Сиене, сел на нее и униженно умолял сиенцев, не помогут ли они ему в этой нужде посильным взносом денег, не принуждая к тому никого, но смиренно прося у них помощи. Сиенцы, видя своего повелителя, обыкновенно столь

133 И он: «Раз в Съене, в славы полном цвете,
На площади коленопреклонен,
Преодолевши стыд, он стал, — в предмете

136 Имея лишь одно, — чтоб был внесен
За друга выкуп Карлу, и, как скромный
Бедняк, дрожал всем телом он.

Я все сказал. Слова мои пусть темны;
Но близок день, в который объяснит
Их смысл тебе народ твой вероломный.

За этот подвиг путь ему открыт».

139

142

надменного, а теперь униженно просящего, сжалились над ним, и каждый, по мере средств своих, подал ему помощь. Король Карл получил 10 000 флоринов, и пленник был выпущен из тюрьмы столь нечистого короля». Скартаццини. — Легко понять, как такой смиренный поступок должен был взволновать кровь (в подлиннике: *Si condusse a tremar per ogni vena*) в груди надменного Сальвани. Этот рассказ помещен у Оттимо и в *Anonimo Fiorentino* и у других комментаторов. Винея, или Винья, сражался за Конрадина Гюгенштауфена против Карла I Анжуйского и взят в плен в несчастном сражении при Таглияскоццо.

139-141. «Пророческий намек на то, что Данте сам вскоре очутится в таком же положении, как и Провенцан, т. е. в горькой необходимости вымаливать у друзей и благодетелей милостыню для поддержания себя в изгнании». Каннегиссер. — «Твой народ (в подлиннике: *i tuoi vicini*, — соседи) не поступит так, как Провенцан Сальвани, когда взносом наложенной на тебя денежной пени можно было бы возвратить тебя из изгнания». К. Витте.

142. Т. е. этот поступок (тут Одеризи отвечает на предложенный ему Данте вопрос) освободил Сальвани от обязанности пробыть много лет в преддверии чистилища. «Следовательно, не одни только молитвы по усопшим, но и их собственные добрые дела могут, по-видимому, сократить срок пребывания перед вратами чистилища, особенно, если эти дела находятся в прямой противоположности с главным грехом очищающихся усопших». Ноттер. — «Сколько ты велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа». Премудр. Ис. с. Сирах. III, 18.

ПЕСНЬ XII

*Первый круг. — Гордые. — Примеры наказанной гордости. — Ангел смирения. —
Подъем во второй круг.*

<p>1 Как под ярмом идут волы походкой
Тяжелою, шел с тенью я в тиши,
Доколь мне позволял мой пестун кроткий.</p>	<p>Тогда поэт: «Склонись к земле очами!
Чтоб облегчить подъем твой к высотам,
Не худо видеть почву под ногами».</p>
<p>4 Когда ж он мне: «Оставь ее! Спеши!
Здесь надлежит, чтоб всяк, подняв ветрилы,
На веслах гнал всей силой челн души!» —</p>	<p>Как на земле, на память временам,
Над мертвыми их плиты гробовые
Их прежний вид изображают нам,</p>
<p>7 Я, выпрямя хребет свой, собрал силы
Для шествия, хоть помыслы во мне
Удручены остались и унылы.</p>	<p>И часто льются слезы там живые,
Лишь вспомнится их образ дорогой,
Пленяющий одни сердца благие, —</p>
<p>10 Я за вождем охотно в той стране
Последовал, и мы дивились сами,
Как стали мы легки на вышине.</p>	<p>Так точно здесь, но с большей красотой
Я зрел изваяннм рукой Господней
Весь тот карниз вокруг горы святой.</p>

1-2. Данте вместе с Одеризи идет ровным шагом и со склоненной к земле головой, как кающийся в грехе гордости, под одним и тем же ярмом высокомерия. Сравнивая себя с волом, идущим под ярмом, поэт желает показать укрощение гордости своего сердца: «Человек, скорбящий о великости бедствия, который ходит поникши и уныло, и глаза потусклые, и душа алчущая воздадут славу и правду Тебе, Господи!». Варух II, 18. Подобное сравнение встречается в Илиаде Гомера (XIII, 703-707, перев. Гнедича):

Так плуговые волы по глубокому пару степному,
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный, но дружно
Оба, единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают.

3. Данте смиренно уподобляет себя ребенку, к которому приставлен дядька-пестун. — «Закон был для нас детоводителем к Христу, дабы нам оправдаться верою». Посл. к Галат. III, 24.

4-5. «С латинского: *Velis remisque contendere*, т. е. здесь каждый должен напрягать все свои силы в пути к нравственному усовершенствованию». Скартаццини.

8-9. Т. е. тело выпрямилось, но дух мой, приниженный зрелищем казни гордых, не только наставлениями Одеризи, не последовал его примеру. Из Чистилища XIII, 136-138, увидим, что круг этот особенно озабочивает Данте, сознающего в своей совести склонность к гордости.

11-12. Т. е. мы не были обременены тяжестями, как души горделивых, и потому легко и скоро обогнали их в пути. По Копишу, они легки от ревности к усовершенствованию.

16-18. «Здесь разумеются надгробные плиты в полу притворов католических церквей, в отличие от тех гробниц, которые устраиваются стоймя вдоль церковных стен». Лонгфелло.

21. «Скорбь воспоминания о милых усопших, оживляемая как внешним, так и внутренним поводом, терзает (в подлиннике — подстрекает: *dà delle calcagne*) одних только благочестивых людей на пути к облагорожению». Штрекфусс.

24. «Изображения благодатного смирения представлены в стоячем положении по бокам утеса; изображения повергнутого высокомерия помещены на пути, по которому идут высокомерные — по весьма понятной причине (слича стихи 70-72): эти картины должны склонять взоры высокомерных книзу, следовательно, побуждать их к смирению». Штрекфусс.

25-63. Мною удержано искусственное строение терцин, начиная от этого стиха до 63-го. Четыре первые терцины начинаются все словами: «Я зрел» (в подлиннике: *Vedeo*); следующие четыре — восклицанием:

*Как под ярмом идут волы походкой
Тяжелою, шел с тенью я в тиши,
Доколь мне позволял мой пестун кроткий.*
(Чистилище, Песнь XII, тер. 1)

25 С одной руки я зрел, как благородней
Других существ всех созданный — быстрей,
Чем молния, спал с неба к преисподней.

28 Я зрел, с другой руки, как Бриарей,
Похолодев, пронзен стрелою неба,
Притиснул землю тяжестью своей.

31 Я зрел Палладу, Марса, зрел и Феба:
Еще в оружие, смотрят вкруг отца,
Как падают гиганты в мрак Ереба.

34 Я зрел Нимврода: с ужасом лица
Он в Сеннааре, при столпе высоком,
Зрит на толпы, забывшие Творца.

О мать Ниоба! В горе сколь глубоком 37
Представлена ты там, кидая взор
На две седмицы чад, убитых роком!

О царь Саул! Как ты пронзен в упор 40
Там собственным мечом в горах Гельвуя,
Где дождь с росой не падают с тех пор!

О глупая Арахна! Как, тоскуя, 43
Полу-паук, сидишь ты на клочках
Своей работы, начатой так всуе!

О Ровоам! Уж без грозы в очах, 46
Но в ужасе твой образ колесницей
Уносится, хотя не гонит враг.

«О!»; третьи четыре — словом «Являя»; затем следует терцина, в которой повторены все эти слова. — «В этих изображениях представлено наказание, которому подвергаются гордые еще на земле, причем мифология смешана поэтом с истиной, так как, в глазах Данте, мифология — символ и остатки истории». Фратичелли.

25-28. Люцифер, или Сатана, свергнутый с неба за гордость свою (Ада XXXIV, 17 и след.). Он сотворен благороднейшим между всеми прочими ангелами (Ада XXXIV, примеч. 17, 18 и 35). Фома Аквинский (Sum. Theol. P. I. qu. LXIII, art. 7) приводит слова св. Григория: „Primus Angelus qui peccavit dum cunctis agminibus Angelorum praelatus eorum claritatem transcenderet, ex eorum comparatione clarior fuit“.

25. «С одной руки», т. е. с одной стороны дороги, по которой идут поэты. «С другой руки» (стих 28), наспротив Люцифера изображен Бриарей. Первый представлен падающим, как молния, по слову Евангелия: «Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию». Лука X, 18. — Слича Ада XXXIV, примеч. к 17 и 18.

28. Бриарей — «один из сторуких гигантов греческой мифологии, сражавшийся за богов в войне их против титанов; он поражал врагов обломками скал. Данте, по-видимому, ошибочно смешивает его с титанами, им побежденными» (Ада XXXI, 44-45). Штрекфусс.

31-33. Аполлон, Минерва (Паллада) и Марс изображены в тот момент, когда были побеждены гиганты; все трое еще во всеоружии стоят вкруг отца своего — Юпитера. В подлиннике: *Mirar le membra de' Giganti sparte*, глядят на разбросанные члены гигантов, в подражание Овидию:

Певал я плектроном важным гигантов
И по Флегрейским полям победных молний удары.

Превращения 1, X, ст. 150, 151.

34. «Нимврод», сильный ловец пред Господом (Бытия X, 8 и проч.), первый царь вавилонский, начавший в долине Сеннаара труд великий (в подлиннике: *gran lavoro*), т. е. Вавилонскую башню (Бытия XI, 1-6). Он смотрит на картине «с ужасом лица», не понимая смешанного языка своих народов (Бытия XI, 7-9). Слича: Ада XXXI, 74-81.

37. «Ниоба», дочь Тантала и Дионы, супруга Амфиона, сына Юпитера и царя Фивского. Гордая своими богатством, красотой, силой, божественным происхождением, а главное, — семью сыновьями и семью дочерьми, нагло издевалась над Латоной, имевшей лишь одного сына Аполлона и одну дочь Диану. В отместку за свою мать, Аполлон убил меткими стрелами всех сыновей, а Диана — всех дочерей Ниобы; последняя, оплакивая своих детей, превратилась в камень. Овидий, Превращения 1, VI, ст. 146-312.

40. «Саул», первый царь иудейский. Побежденный филистимлянами, он упал на собственный меч на горах Гельвуйских: «Тогда Саул взял меч свой и пал на него». I Кн. Царств XXXI, 4; I Паралип. X, 4.

42. Узнав о смерти Саула и его сыновей, Давид воскликнул: «Горы Гельвуйские! (да не сойдет) ни роса, ни дождь на вас, и да не будет на вас полей с плодами» II Кн. Царств I, 21. — Данте, по-видимому, полагает, что это восклицание Давида сбылось на деле, чего не говорит Библия.

49 Являл помост и то, как бледнолицей
Там матери Алкмéон заплатил
За роковой убор ее сторицей.

52 Являл и то, как сыновьями был
Убит мечом Сеннахерим во храме
И как в крови он брошен там без сил.

55 Являл помост, как пред Томирóй в сраме
Пал Кир, кому урок такой был дан:
Ты жаждал крови — пей же кровь здесь в яме!

Являл, как в бегство ассирийцев стан 58
Был обращен, по смерти Олоферна,
И как простерт безжизненный тиран.

Я зрел там в Трое прах и мрак пещерный! 61
О Илион! Как жалким и пустым
Являл тебя разгром твой беспримерный!

Кто кистью там, кто там резцом живым 64
Так выразил черты и все отливы,
Что вкус тончайший удивился б им?

43. «Арахна» — в Лидии, дочь Идмона, красильщика города Колофона, знаменитая ткачиха, наученная этому искусству самой Палладой, дерзнула вызвать на состязание в этом искусстве свою учительницу и соткала удивительную ткань с изображением любовных походов богов. Разгневанная этим Паллада разорвала ткань в клочки; Арахна в отчаянии повесилась и была превращена в паука. Здесь Арахна изображена в момент ее превращения.

46. «Ровоам», сын Соломонов, подавший повод своим высокомерием к распадению евреев на два царства: Иудейское и Израильское (десять колен). Когда Иеровоам и все собрание Израиля в Сихеме просили его: «Отец твой наложил на нас тяжелое иго, ты же облегчи нас», — Ровоам отвечал им: «Если отец мой обременял вас тяжелым игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». III Кн. Царств XII, 10, 14. — Тогда Израиль отошел от него и побил камнями его посланного; царь же Ровоам «поспешно взошел на колесницу, чтобы убежать в Иерусалим». III Кн. Царств XII, 18.

49. «Помост», т. е. мраморный, покрытый изваяниями путь, по которому идет Данте.

50. «Алкмеон», сын фивского прорицателя Амфиарая (Ада XX, 34) и Эрифилы. Как прорицатель, Амфиарай знал, что погибнет в Фивской войне, если примет в ней участие, и потому спрятался в месте, известном лишь одной жене его Эрифиле. Полиник, сын Эдипа, соблазнил ее роковым ожерельем, (приготовленным Вулканом со свойством приносить несчастье тем, кто его носит) — и чрез то узнал, где скрывается Амфиарай, который был таким образом вынужден принять с Эпигонами участие в осаде Фив. Узнав об этом поступке Эрифилы, Алкмеон, побуждаемый своими отцом, умертвил свою мать.

53. «Сеннахерим» — надменный царь ассирийский, пошедший войной на благочестивого иудейского царя Езекию и высокомерно издевавшийся над Богом Израилевым. Но Езекия смиренно помолился Господу, и Бог послал ночью своего ангела в стан Сеннахерима; и ангел умертвил 185 тысяч ассириан; Сеннахерим же со срамом возвратился в Ниневию и вскоре был умерщвлен в храме сыновьями своими Адрамелехом и Шарецером в то время, когда молился богу своему Нисроху. 4 кн. Царств XIX, 8-37; II Паралеп. XXXII, 1-21; Исаян XXXVI, 1-XXXVII, 38.

55. Кир, царь персидский, после долгого счастливого царствования был совершенно разбит и потерял жизнь в войне со скифским народом, массагетами. Когда принесли его труп к царице Томире (Tomiris), она велела отрубить голову Киру и, бросив ее в яму, наполненную кровью, сказала: «Упейся кровью», которой не мог упиться: слова историка Юстина, у которого Данте заимствовал это сказание (I, 8).

58. «Когда бывшие в шатрах услышали о том, что случилось, то смутились, и напал на них страх и трепет, и ни один из них не остался в глазах ближнего, но все они, бросившись, бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны». Кн. Иудифи XV, 1-2.

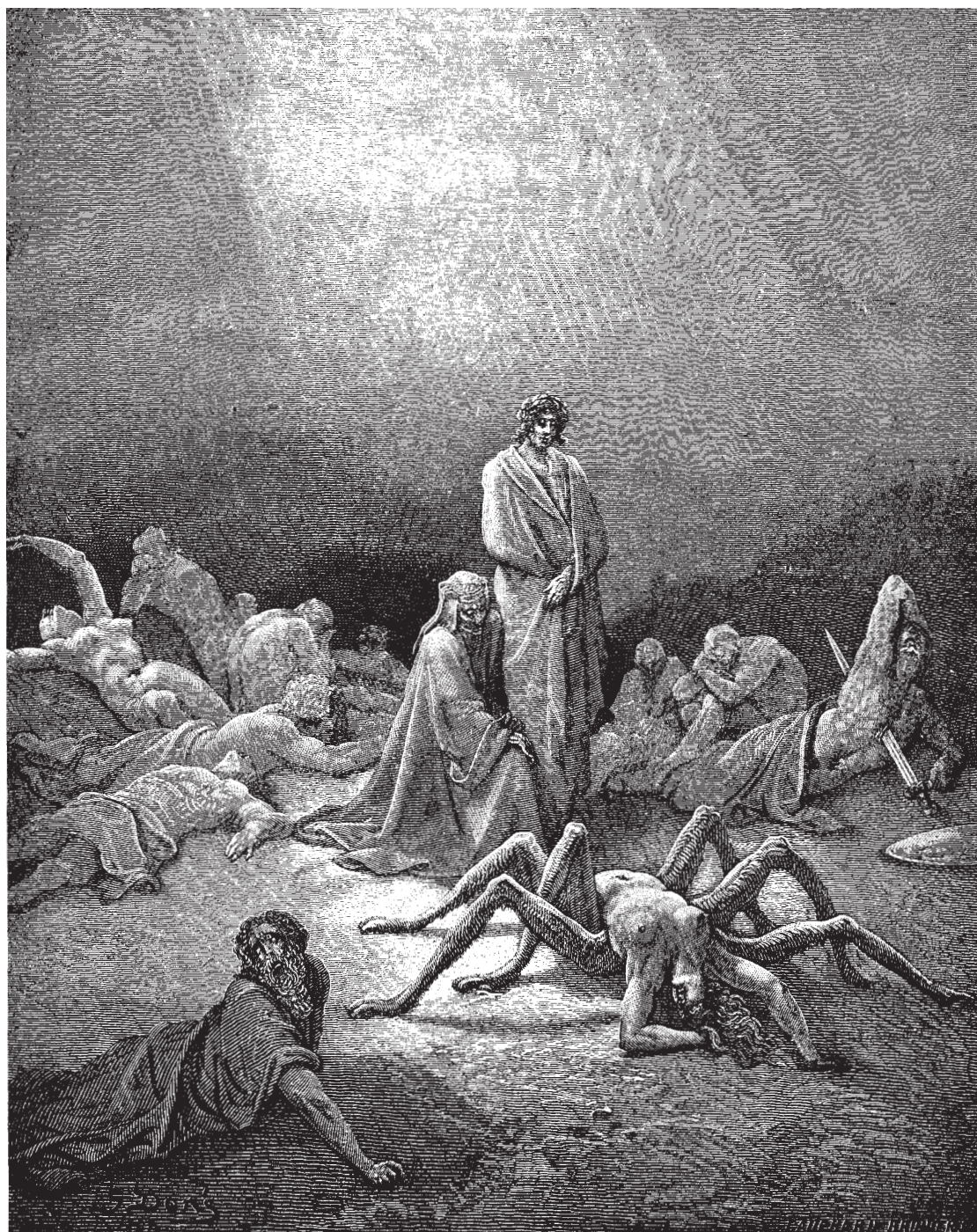
61-69. По толкованию Веллутелло, Вентури, Биаджиоли, Троя была область, Илион — собственно город Троянской области; но, кажется, вернее под именем Трои разуметь город, а под именем Илиона — крепость или акрополь Трои (Слич: Ада XXX, 14).

63. О значении всех этих изображений смотри содержание к этой песне. В стихе 63 Данте имел в виду Вергилия:

Ceciditque superbum Ilium.

Aen. III, 2, 3.

Слич: Ада I, 75.

*О глупая Арахна! как, тоскуя,
Полупаук, сидишь ты на клочках
Своей работы, начатой так все!
(Чистилище, Песнь XII, тер. 43)*

67 Там мертвый мертв, живые все там живы!
Кто видит вещи, — видит их едва ль
Так хорошо, как видел я те дивы.

70 Кичись теперь, гляди надменно вдаль,
О Евин род! Не дай увидеть взору,
В какую грех ведет тебя печаль!

73 Уж далее мы обогнули гору,
И солнце выше в небе уж взошло,
Чем думал я, весь занятый в ту пору,

76 Когда мне тот, кто так всегда светло
Глядит вперед, сказал: «Теперь мечта
Нельзя идти: приподними ж чело.

Смотри: грядет уж Ангел, поспешая 79
Навстречу к нам! Смотри: уже, сменясь,
Из стражи дня идет раба шестая.

Благоговением ум и взор укрась, 82
Чтоб мог возвесть нас Ангел с наслаждением;
Уж этот день вновь не придет, промчась».

Я так привык внимать его внушениям 85
Не тратить времени, что без труда
Согласовал себя с его хотением.

Прекрасный дух явился нам тогда 88
В одежде белой, блеск в таком обилии
Струившей к нам, как ранняя звезда.

64-67. «Здесь следует разуместь не живопись и даже не сочетание живописи со скульптурой. На помосте (стих 49) или дороге, по которой идут поэты, писанные картины, очевидно, были бы невозможны. Всего скорее здесь можно представить так называемый *intarsiato* или *scagliola* (пластинки с выжженными красками или *sgraffiato* новейших художников, где более темные места, выступая из других, более светлых масс, образуют рисунок». Каннегиссер.

70. «Вслед за наказанием в чистилище всегда следует обращение к людям с указанием на исправляющее свойство этих казней, на их значение, как искусства. Здесь особенно глубокомысленно то, что взгляд высокомерных, склонявшийся к этим примерам наказанной гордости, понуждает эти гордые души преклонять свои головы». Филалет.

76. Т. е. Вергилий.

77-78. Подражание Вергилию:

Non hoc ista sibi tempus spectacula poscit.

Aen. 1. VI, y. 37.

Вместе с тем Данте имел здесь в виду евангельские слова: «Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше». Лук. XXI, 28. — До сих пор Данте шел с наклоненной головой.

79. «Карнизы или круги Дантова чистилища все разграничены между собой отвесной утесистой стеной и сообщаются один с другим посредством весьма трудной для подъема узкой лестницы, просеченной в скале. У первой, или нижней, ступеньки этой лестницы всегда стоит ангел, снимающий знаки греха с восходящих на гору. Таких ангелов семь; каждый из них имеет свой особенный признак, отличающий его от прочих ангелов. Они не носят особых имен, как ангелы у Мильтона и Клошток, но отличаются друг от друга, главным образом, теми евангельскими словами, которые звучат у них из уст, а также различным светом, которым они одеваются. Все они поют евангельские блаженства, и притом каждый поет свое специальное блаженство, смотря по тому, какой грех очищается в том кругу, к коему приставлен ангел». Перец, *Sette Cerchi*, по цитате Скартаццини.

81. «Раба шестая» (*ancella sesta*), т. е. шестой час солнца. «Данте называет часы рабынями при колеснице солнца, а стало быть, и дня, который рождается и умирает вместе с солнцем.

Горам проворным велит Титан закладывать коней.

Овидий, Превращения II, 118.

«В равноденствие день имеет 12 часов; Данте совершает свое странствование в равноденствие, так что если шестой час окончил свое служение, то значит теперь полдень уже прошел, — поэты оставались в этом кругу около трех часов». Скартаццини.

84. «Во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». 2-е посл. к Коринф. VI, 2. «В деле исправления никогда не следует медлить, ибо один потерянный день потеря для целой вечности». Филалет.

<p>91 Раскрыв объятия, а потом и крылья,
— «Идите», рек, «ступени здесь вблизи;
Они наверх взведут вас без усилия.</p> <p>94 Как редко здесь восходят по стезе!
О род людской! Зачем ты так беспечен?
При легком ветре ты уже в грязи?»</p> <p>97 Нас приведа к скале, где путь просечен,
Он крыльями пахнул мне по челу,
Сказав: «Вам путь отныне обеспечен!»</p> <p>100 Как вправо, там, для всхода на скалу,
Где храм над Рубаконте расположен,
Господствуя над Непричастной злу, —</p> | <p>Подъем чрезмерно трудный стал возможен 103
По ступеням, работе тех времен,
Как в книгах счет, был в бочках вес не ложен, —</p> <p>Так точно здесь работой склон смягчен, 106
Спадавший круто с берега другого,
Но с двух сторон утесами стеснен.</p> <p>Лишь повернули мы туда, как снова 109
„Beati pauperes spiritu“ хор
Воспел так сладко, что не скажет слово.</p> <p>О! Как различен вход в ущелья гор 112
В аду и здесь! Здесь нас встречают пенем,
Там ярый вопль встречал нас и раздор.</p> |
|--|--|

88. «Вид его был как молния, и одежда его была как снег». Матф. XXVIII, 3. — «Первого ангела, которого увидал Данте, он сравнивает (Чистилища II, 13) с планетой Марс; этого — с Венерой (утренней звездой)». Бенвенуто Рамбалди. — «Совершенная противоположность с ангелом у врат чистилища, облеченным в одежды серо-пепельного цвета (Чистилища IX, 115): первый с мечом в руке встречал приближающихся предупреждением; этот встречает их с распростертыми объятиями». Ноттер.

94. Намек на то, как мало очищающихся людей (Матф. XXII, 14). — Продолжение речи ангела (с этим не все, однако, согласны и приписывают эти слова поэту). — «Метафора, заимствованная из жизни пернатых, которым напор ветра мешает лететь; ветер же здесь означает земную алчность и гордость, пороки, которые опутывают нас так, что мы не можем устремиться к созерцанию небесных благ». Даниелло. — «Птицы только низшего полета встречают помеху в ветре и падают при этом на землю». Ноттер.

97. «К скале», т. е. к каменной стене, окружающей этот первый карниз и отделяющей его от второго круга.

98. Этим движением он снимает одно из *P* с чела Данте.

100-101. «Лестницу, просеченную в скале и ведущую из первого круга во второй, Данте сравнивает с теми ступенями, по которым поднимались (в прежнее время) к церкви Сан-Миниато близ Флоренции. Церковь эта находится недалеко от моста Рубаконте, называемого теперь Мостом Благодарности (alle Grazie). Теперь местность эта имеет иной вид, а именно, от Св. Николая дорога идет прямо к Сан-Миниато; эта проезжая дорога идет изгибами, без всяких ступеней. Слово «вправо», вероятно, надобно понимать так, что если идти от нынешней площади Питти к Мосту Благодарности, то дорога к Сан-Миниато будет направо». Филалет. — Мост Рубаконте построен в 1236 г., в честь мессера Рубаконте де Мандело, миланца, бывшего в то время подестой Флоренции, вымощенной при нем камнем; быть может, в то же время просечены сказанные ступени в скале Сан-Миниато.

102. «Непричастной злу» (в подлиннике: *la ben guidata* — хорошо управляемая), т. е. Флоренцией, разумеется в ироническом смысле (как и Чистилища VII, 127 и далее). «Данте не может говорить о Флоренции иначе, как клеймя с негодованием дурное управление и дурные нравы своего отечества». Штрекфусс. Напротив, ниже (стих 105) мы встречаем похвалу доброму старому времени.

106. Во времена Данте некто мессер Никола Аччайоли вырвал целый лист из общественной книги счетов, чтобы скрыть какой-то подлог (Рая XVI, 55). Это было незадолго до 1300 г. Другой случай: Дуранте Чермонетезе, заведывавший соляными магазинами флорентинской общины, уменьшил казенную меру соли на одну *doga* (о чем тоже упоминается Рая XVI, 105).

110. „Beati pauperes spiritu“ — блаженны нищие духом — первое из восьми блаженств евангельских (Матф. V, 3). — *Beati pauperes spiritu potest referri vel ad contemptum divitiarum, vel ad contemptum honorum quod fit per humilitatem*. Фома Ав. Sum. Theol. P. II, 2-ae, qu. LXIX, art. 3. — В переводе я везде удержал латинские слова и изречения Дантовского текста, а таких изречений нигде нет так много, как в Чистилище. Большую частью это изречения из Библии и Евангелия по переводу Вульгаты.

- 115 Уж всходим мы по тем святым камням,
И, мнилось мне, что легче я несусь,
Чем прежде шел в долине с утомленьем.
- 118 И я: «Поэт, какой тяжелый груз
Упал с меня, что я почти без всякой
Усталости к вершинам тем стремлюсь?»
- 121 — «Когда все *Р*», сказал он, «коих знаки
На лбу твоём (хоть блеск их и поблек),
Сойдут, как сей вот, с ними одинакий, —
- 124 Так овладеет воля силой ног,
Что дух в тебе не только томность сбросит,
Но даже вверх с восторгом мчатся б мог».

- 127 Как человек, который нечто носит
На голове, не ведая, пока
Ему не намекнет кто иль не спросит;
- 130 Но убедиться пособит рука:
Поищет и найдет, работу справит,
Невыполнимую для глаз пока.
- 133 Так, пальцы правой я руки расправив,
Нашел на лбу всего шесть букв из тех,
Что врезал вратарь мне — ключей держатель.
- 136 То видя, вождь сдержал свой добрый смех.

Сколько мне известно, ни один переводчик не удержал их — все переводили их на свой язык, по крайней мере, в рифмованных переводах; напротив, в переводах белыми стихами, например у Копиша, Филалета и в английском Лонгфелло, они удержаны. Я держался этого правила для того, чтобы не искажать библейских текстов, как принуждены были делать все, переведившие эти места на свой язык; и кроме того, они, как мне кажется, придают тексту особенную важность, как богослужебный язык, чего, конечно, можно было вполне достигнуть, если бы можно было без искажения употребить наш церковно-славянский язык. При этом, однако, надобно заметить, что все эти латинские стихи должны быть в чтении произносимы без соблюдения обыкновенных в латинском языке ударений, а так, как требует того ритм русского стиха: точно так же они читаются и у Данте в итальянском тексте.

116. Первое *Р*, обозначающее грех гордости, исчезло в ту минуту, когда ангел (стих 98) пахнул крылом по челу Данте. Впрочем, с исчезновением этого знака почти совсем исчезли (в подлиннике: поблекли — *presso che stinti*) сами собой остальные, оставляя по себе лишь слабый след, так как всякий другой порок становится менее заметным, а следовательно, — вполнину сброшенным, коль скоро мы очистились от высокомерия». Штрекфусс. — „Crescente una virtute crescunt omnes et habes exemplum in cithara, in qua si debet esse debita proportio sonorum, necesse est ut quando una corda tenditur, etiam omnes aliae tendantur, ne in harmonia fiat dissonantia“. Бонавентура. *Comp. tot. theol. verit* 1, V с. 7.

127. Сбрасывание с себя дурной склонности является не в виде отдельного определенного события, но есть результат созерцания, испытания и убеждения, и потому совершается мало-помалу и незаметно, точно так, как ночь переходит сперва в утренние сумерки и затем уже в ясный день. Данте поэтому не замечает сперва, что исчезло первое *Р* от веяния ангельских крыл, и не знает причины, почему ему вдруг стало так удивительно легко». Штрекфусс. — «Уничтожение различных *Р* обозначает освобождение души от различных земных склонностей, препятствующих нашему подъему к добродетели; как скоро все они будут покорены разумом и тем самым приведутся в гармонию, тогда добродетель становится не трудной для человека; врожденная в нем искра божественная сама собою выводит его на правый путь». Филалет. — Слич: Чистилища IV, прим. к стихам 88-90.

ПЕСНЬ XIII

Второй круг. — Завистливые. — Примеры любви к ближним. — Сапия из Сиены.

<p>1 Мы к ступеням прошли вверх лежачим.
Вновь сузилась горы той высота
Где отпускаются грехи всходящим.</p> <p>4 Гора карнизами такими ж обвита,
Как первый; лишь черта их закружений
Та м менее, здесь более крута.</p> <p>7 Здесь нет скульптуры, вовсе нет здесь теней,
Был ровен путь и гладок стен утес,
И всюду темно-желтых ряд камней.</p> <p>10 — «Дождаться ль тех, кто нам решит вопрос:
Куда идти?» сказал поэт: «но дело
Замедлится, боюсь, через распрос».</p> <p>13 И, взор очей вперив на солнце смело,
Движенья центром сделал правый бок
И повернул всей левой частью тело.</p> | <p>— «О, сладкий свет, ему ж нас вверил рок!» 16
Он продолжал, «веди нас в мире этом,
Где надлежит, средь новых мне дорог.</p> <p>Ты греешь мир, живишь его ты светом, 19
И коль препон не встретим в чем-нибудь,
Пусть нас всегда твой луч ведет с приветом!»</p> <p>Как длинен здесь, на свете, в милю путь, 22
Такую там в кратчайший миг дорогу
Мы сделали, вдохнувши волю в грудь.</p> <p>И в воздухе услышал я тревогу 25
От прилетавших к нам незримых сил,
За трапезу любви всех звавших к Богу.</p> <p>И грянул вдруг, в полете быстрых крыл: 28
„Vinum non habet“, первый глас громовый
И, пронесаясь, те речи повторил.</p> |
|--|--|

1. Т. е. к верхним ступеням той лестницы, которая ведет из первого круга или карниза в этот второй (Чистилища XII, 97 и примеч.), где гора Чистилища сузилась, или, буквально, рассеклась во второй раз, чтобы образовать второй карниз, или площадку, опоясывающую кругом гору.

5-7. Гора Чистилища заостряется кверху пирамидально; оттого в каждом вышележащем круге дуга окружающей его стены должна быть короче, круче или, говоря словами текста, должна скорее согнуться (*più tosto piega*).

7-8. Трудно сказать, в каком смысле здесь говорится о тенях, — в обыкновенном ли значении, или в смысле теней, образуемых скульптурными изваяниями. Слич Скартаццини.

9. «Темно-желтый» (*livido*) цвет — намек на цвет зависти, который обыкновенно приписывается этому греху (стих 48).

10. Завистливые находятся еще далеко от поэтов, а потому естественно, что ожидание и расспросы у них были бы напрасны.

12-13. Полдень уже прошел (Чистилища XII, 81 и примеч.); остановившиеся наверху лестницы поэты имеют солнце с правой руки, поэтому Вергилий поворачивает направо и для того опирается на правую ногу, делая ее центром движения и оборачивая левую часть тела кругом. Поэт выражается здесь, как военный, передавая словами исполнение команды «направо кругом». Смотри Лонгфелло.

16-18. Слич: Чистилища VII, 43 прим. и Ада I, 17 и примеч. — «Свет солнца заступает здесь место ангела, который в других кругах обыкновенно возводит Данте на высоту». Штрекфусс.

20. «Он говорит: божественная благодать всегда бы озаряла нас, если бы мы не делали недостойными ее по нашим порокам и грехам». Бути.

22-24. Поэты постоянно направляются вправо и огибают гору по кругу налево, как в верхних кругах ада (Ада XIV, 114-119 примеч.).

25-27. Вместо скульптурных изображений, образцов смирения и высокомерия, какие мы видели в предыдущем круге, здесь раздаются голоса каких-то незримых сил. Это, во всяком случае, не голоса самих завистливых, но или голоса невидимых ангелов, или, по объяснению Ноттера, божественное проявление того, чего требует нравственное самосознание, символические указания на священную и светскую истории, подобно скульптурным изображениям в предыдущей песне.

*Все в мантиях из грубых власяниц;
Все, прислонясь к утесу вековому,
Там каждый на плечо склонялся ниц...
(Чистилище, Песнь XIII, тер. 58)*

31 И, прежде чем вдали замолкло слово,
— «Я, я Орест!» вновь голос раздался,
И, повторяясь, крик пронесся снова.

34 — «Отец», спросил я, «что за голоса?»
И лишь спросил, как вот уж голос третий:
«Врагов любите!» грянул в небеса.

37 И добрый вождь: «Места бичуют эти
Грех Зависти, — затем свиты и там
Рукой любви бичующие плети.

40 Смысл будет дан совсем иной словам,
Уздой служащим, — как и сам ты прежде
Узнаешь, чем придешь к прощенья вратам,

43 Но в даль впери внимательнее вежды
И против нас увидишь душ собор,
Вдоль той скалы сидящий в их одежде».

46 Тогда раскрыл очей я шире взор,
И лишь теперь мог рассмотреть впервые
Сонм в мантиях я, цвета камней гор.

49 Я слышал вопль: «О дева! о Марие,
Молись о нас! Молитесь хором всем,
О Михаил! О Петр! О все святые!»

Не думаю, чтоб кто на свете сем 52
Был сердцем столько груб, чтоб не смутился,
Увидя то, что видел я затем.

И только я вблизи их очутился 55
Так, что черты мог рассмотреть их лиц, —
От жалости слезами я залился.

Все в мантиях из грубых власяниц; 58
Все, прислонясь к утесу вековому,
Там каждый на плечо склонялся ниц

К сосуду, так слепцы, терпя истому, 61
На паперти стоят в прощенья дни,
Склоняя головы один к другому, —

Так, что уже их образы одни, 64
Не только что мольбы их, в грусть приводят:
Столь жалостный имеют вид они!

И как слепцы и днем лишь мрак находят, 67
Так и к теням, о коих слово тут,
Лучи с небес с усадой не доходят.

Был проволокой край их век проткнут 70
И так зашит, как делается это
С злым ястребом, чтоб не был слишком лют.

29. „Vinum non habent“ — «у них нет вина», слова Девы Марии на браке в Кане Галилейской. Ев. от св. Иоанна II, 2. В этих словах выражена любящая заботливость Богоматери о брачных гостях, в чем высказывается совершенная противоположность в отношении к свойствам завистливых.

32. «Я, я Орест!» — Дружба Ореста и Пилада вошла в поговорку, и имя его здесь приведено, как образец дружества; здесь Данте имеет в виду следующее обстоятельство: когда Пирр захотел подвергнуть смертной казни Ореста, Пилад назвал его именем, но Орест открылся Пирру, воскликнув: «Я Орест!» Цицерон, «О дружбе», 7. — По мнению Данте, сущность зависти заключается в недостатке любви; в этом восклицании, а еще сильнее в следующем воззвании (стих 36) выставляет он примеры чистой любви, готовой на всякие жертвы за ближнего.

36. Слова Христа: Еванг. Матф. V, 44.

37-39. Т. е. примеры, которыми бичуется, наказуется и исправляется грех зависти, взяты из противоположной ей добродетели, именно из любви к ближнему. — «Гордые образумливаются и обуздываются примерами смирения и наказанной гордости, представленными в скульптурных изображениях; то же достигается в кругу завистливых голосами, провозглашающими примеры любви, и притом любви к посторонним (Мария), к друзьям (Орест) и к врагам (слова Спасителя). Позднее мы услышим голоса, возглашающие примеры наказанной зависти; первые как бы бичи, побуждавшие идти вперед по пути добродетели, вторые как бы узда, удерживающая нас от следования по пути ко злу». Филалет.

40-42. Т. е., судя по тому, что я (Вергилий) видел в предыдущем круге, ты услышишь обуздывавшие голоса прежде, чем подойдешь к основанию лестницы, ведущей в третий круг, где находится ангел, прощающий этот грех. Эту лестницу поэт называет «вратами прощенья».

49-51. Души поют литанию всем святым, где за именем Девы Марии следует имя архангела Михаила и св. апостола Петра.

<p>73 Я б оскорбил их, если б без привета
 Прошел и, сам незрим, на них глядел, —
 И вот взглянул на мужа я совета.</p> <p>76 Он мысль мою без слов уразумел
 И рек, не выждав моего вопроса:
 — «Спроси, но кратко; будь в сужденьях зрел».</p> <p>79 Вергилий стал с той стороны утеса,
 Где вниз упасть нетрудно, так как там
 Ничем карниз не огражден с откоса.</p> | <p>С другой руки от нас являлся нам 82
 Хор скорбных душ, чьи слезы, прорываясь
 Сквозь страшный шов, лились по их щекам.</p> <p>— «О род!» я начал, к теньям обращаясь, 85
 «О род, достойный видеть Высший Свет,
 К нему ж паришь всем помыслом, здесь каюсь!</p> <p>Да снимет с вас греховой пены след 88
 Скорей Господь, чтоб чистый ток, как младость,
 Смыл с вашей совести грех прежних лет.</p> |
|--|---|

58-60. «Зависть в жизни слепа к собственному благу и бросает враждебный, косой взгляд на чужое благо. Мы встречаем здесь удивительно соответствующее средство очищения вызываемому завистью состоянию души. Тени, побуждаемые взаимной любовью, склоняются плечами одна к другой, чем доказывают, что сделали уже прогресс в процессе очищения и познали, что истинное благо тем более дает счастья, чем большее число лиц принимает участие в нем (Чистилища XV, 38, 39 примеч.). Теперь они прижались к утесу, под которым надо разуть веру в Искупителя и приобретенную через нее милость божественную». Штрекфусс. — Они одеты во власяницу, в одежду покаяния, какую носили кающиеся евреи; эта грубая материя из волоса приготавливалась первоначально в Киликии. «Зависть, говорит блаж. Августин, есть ненависть счастья других: в отношении высших нам, — зачем они не равны нам; в отношении низших нам, — из опасения, чтобы они не стали равны нам; в отношении равных — потому, что они равны нам. От зависти произошло падение мира и смерть Христа». Лонгфелло.

60. «Носите бремена друг друга». Посл. к Галат. VI, 2.

61-63. «Прощенья дни» (Perdoni), т. е. дни, когда перед известными, привилегированными церквами раздаются индульгенции (отпущение грехов), куда обыкновенно стекается множество нищих, слепых, и всяких калеков ради милостыни. Сравнение это опять заимствовано из народной жизни католических стран.

67. «Весьма глубокомысленно и трогательно, что Вергилий именно в этом кругу обращается к свету солнца (стих 16 и прим.), как к своему вождю, и тем самым выставляет себя и своего ученика, как особенно облагодетельных этим высочайшим истечением божества». Ноттер.

71-72. «Операция, на которую здесь намекается, называлась cileage (от cilium, веко). Цель ее, — лишив на некоторое время дневного света, легче укротить диких соколов и копчиков (sparvier selvaggio, то же, что grifugno: Ада XXII, 139 и прим.), особенно только что пойманных или взятых из гнезда. Чрез оба века (нижних) проводилась нитка и далее проволока, концы которой связывались над головой, удерживая веки поднятыми до самых бровей. Император Фридрих II весьма выхвалает эту мучительную операцию; De arte venandi cum avibus. Lib. II, cap. 53». Филалет.

75. Т. е. на Вергилия, моего советника; этим взглядом Данте спрашивает у своего учителя позволение заговорить с тенями.

76. Т. е. он отгадал, что я хотел сказать, хотя я бы молчал.

78. В подлиннике: *sii breve ed arguto*; «со слепыми надобно говорить кратко и ясно, так как их ум менее развлечен окружающими предметами». Гратичелли.

79-81. Вергилий стал справа от Данте для ограждения его от падения. См. Чистилища IV, 47 и прим.

86. «Высший Свет», т. е. Бог, о котором в другом месте (Чистилища VII, 26) сказано: *l'alto Sol che tu disiri*: Солнце то, к Нему ж парит твой ум. Бог в Святом Писании беспрестанно именуется светом. Псалмы XXVII, 1; Посл. Иоан. I, гл. I, 5; Иак. I, 17 и др. «Другие завистливые погружены в вечный мрак (Ада III, 48); эти же имеют надежду снова узреть Его когда-нибудь». Копиш.

88-90. «Т. е. от тех последствий греха, которые, как пена или нечистота, остаются еще на душе после прощения грехов». Филалет. — «Как на воде пена доказывает нечистоту ее, так и здесь поэт принимает ее за нечистоту совести». Бути. — «Из нашего духа рождаются наши хотенья, как река из своего источника; если эти хотенья честны, они проходят по нашей совести чистыми и светлыми; если же нечестны, они проходят грязными и нечистыми и все оскверняют ее». Беллутелло.

<p>91 Скажите мне (и было б то мне в сладость!),
Кому удел здесь из латинян дан?
Я б, может быть, ему и сам был в радость».</p>	<p>И чтоб за ложь не счел ты слов таких, 112
Сам рассуди: жила я там умно ли?
Уж близилась я к склону дней моих,</p>
<p>94 — «Здесь Истинного Града лишь граждан
Ты видишь, брат мой. Но ты хочешь встретить
Здесь странника из итальянских стран?»</p>	<p>Когда мои сограждане у Колли 115
Сошлись с врагом; молила я Творца
Пусть по своей Он все содеет воле.</p>
<p>97 Так на вопрос спешил мне дух ответить,
Вдали от места бывший, где стоял
Я сам; к толпе приблизясь, мог заметить</p>	<p>Разбиты в пух, бежали от лица 118
Врагов сиенцы, видя ж строй их шаткий,
Я ощутила радость без конца;</p>
<p>100 Я, что один меня средь прочих ждал;
Но спросят: как узнал я? По обычью
Слепцов — ответчу — лик он приподнял.</p>	<p>И, дерзкий лик возвысив в злобе сладкой, 121
Вскричала к Богу: «Не боюсь Тебя!» —
Как сделал дрозд при оттепели краткой.</p>
<p>103 — «О дух, парящий к Божьему величию!
Коль ты», я спросил, «ответил мне,
То отзовись по месту иль отличью».</p>	<p>В конце же дней, мольбы усугубя, 124
Я примирилась с Богом; но вины той
Раскаяньем не смыла б я с себя,</p>
<p>106 И тень: «Я, Сьенка, плачу о вине
Моей злой жизни и, поникнув выей,
Молюсь к Нему, да снидет к нам вполне.</p>	<p>Когда б меня не вспомнил знаменитый 127
Пьер Петтиньян в святых мольбах, спеша
Из жалости ко мне с своей защитой.</p>
<p>109 Я не была Софией, хоть Сапией
И названа, и радость зреть других
В беде всегда была моей стихией.</p>	<p>Но кто же ты, чья добрая душа 130
Скорбит о нас? Чьи очи, как мне мнится,
Не заперты? Кто говорит, дыша?»</p>

92. Латиняне, т. е. итальянцы. Данте беспрестанно называет итальянцев этим именем и не только в Божественной Комедии, но и в других своих сочинениях.

93. Тем, что принесу на землю весть о них и упрошу живых молиться о них.

94. На земле нет у нас отечества, мы живем на ней только, как странники или пилигримы; гражданами мы становимся лишь на небе — в истинном граде Божиим (Ада I, 128), в истинном Риме или Иерусалиме, по слову св. апостола Павла: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу». Посл. к Ефес. II, 19.

102. Кому не случалось наблюдать, что слепые или те, у которых завязаны глаза, желая кого-нибудь выслушать, делают именно это движение лица, т. е. приподнимают его (в подлиннике — подбородок, *lo mento*) вверх.

106. Говорящий дух есть некто Сапия, из дома Пиджецио. Она была изгнана из родного своего города Сиены и жила в своем замке, недалеко от поля битвы при Колле (Чистилища XI, 109 и след.), откуда из окна смотрела на сражение с намерением выброситься из окна, если победят сиенцы. Увидев же их поражение, она пришла в неопisanную радость и вскричала: «Теперь, что бы ни сделал мне Господь, я буду жить вполне удовлетворенная и умру спокойно». О ней более ничего неизвестно.

109. В подлиннике: „*Savia non fui, awegna che Sapia Fossi chiamata*“, — игра слов, которую я старался удержать, так как греческое *Σοφία* значит мудрость и может заменить итальянское *savia* (мудрая).

114. Данте сравнивает в своем *Convivio* жизнь человека со сводом или аркою, составляющей как бы изображение небесного свода, от коего зависит наша жизнь. Вершина нашей жизни, по его мнению, находится между 30 и 40 годом, приблизительно в 35 году (Ада I, 1). Поэтому Сапии было теперь за 35 лет.

117. Другими словами: я молила Бога послать поражение сиенцам, которое и без того последовало по Его предопределению.

122-123. Старинная сказка. Однажды дрозд при наступлении теплой погоды в конце января вылетел из клетки и вскричал по глупости: «Теперь я не боюсь тебя, Господи, зима уже прошла!» — По словам П. Ломбарди, в Ломбардии и до сих пор последние три дня января называют «дроздовыми днями» «i giorni delle merli», — за ними часто наступают вновь холода.

129. Пьеро Петтинано, или Петтинайо, благочестивый пустынник из Францисканского ордена, прославившийся чудодейственными исцелениями и откровениями в Сиене во времена Данте. Без его молитв Сапия не могла бы так скоро войти в Чистилище и должна бы была оставаться перед воротами его, ибо покалась так поздно в грехах.

- 133 И я: «Здесь и моим очам затмиться
Удел, но ненадолго; сознаюсь,
Не люблю им завистливо коситься.
- 136 Зато душой я более страшусь
Подпасть под казнь толпы нижележащей.
И казни той на мне уж виснет груз».
- 139 И мне она: «Кто ж был руководящий
Тобой средь нас, коль мнишь попасть домой?»
И я: «Мой спутник, молча здесь стоящий.
- 142 Живой — пришел я к вам. И так, не скрой,
Дух избранный! Ты хочешь ли, чтоб встретил
В том мире тех я, кто любим тобой?»

— «Что слышу я, так дивно», дух ответил. 145
«Что познаю, как Богом ты любим;
Да будет же твой путь счастлив и светел!

И я молю всем для тебя святым, 148
Восстанови, когда пойдешь Тосканой,
Там честь мою сородичам моим.

Там есть народ тщеславный, обуянный 151
Пустой надеждой: только Теламон
Обманет всех, как поиски Дианы;

Всего ж сильнее потерпит флот урон». 154

133-135. Данте не чувствует себя совершенно свободным от зависти; но гораздо более виновным он считает себя в грехе гордости. Косой взгляд есть принадлежность зависти, как надменная выя¹ — гордости. Последняя сгнетена у гордых в чистилище, как глаза защищены у завистливых.

119-150. Т. е. объяви им, что ты видел меня не в аду, а в чистилище.

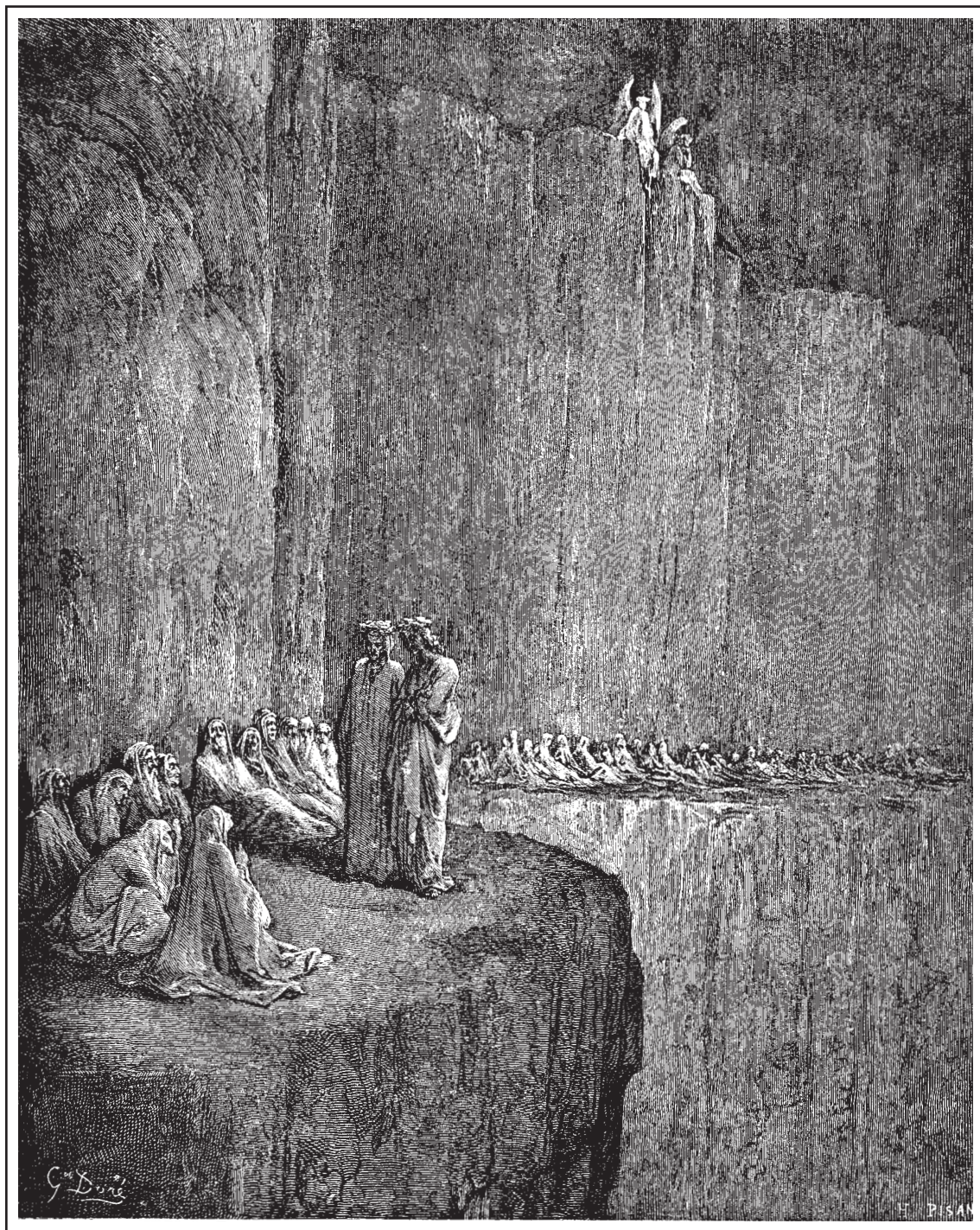
151. О тщеславии сиенцев говорит Данте уже в Аду (XXIX, 122 и прим.).

152. «Теламоне» — морская гавань в Маремме, много раз покидавшаяся своими жителями по причине малярии. Город совершенно в развалинах; но так как гавань очень глубока, то было бы полезно, если бы город стал обитаемым. Сиенцы затратили много денег на исправления города и на заселение его жителями, но все осталось тщетным, малярия решительно препятствовала увеличению народонаселения. Отtimo. — Теламоне в древности называлось Теламон; там высадился Марий по возвращении своем из Африки. Теперь Теламоне замок и гавань в Маремме близ Орбителло; замок поныне остается запущенным.

153. «Томмазо рассказывает в своей истории Сиены (без указания на источники рассказа), что во времена язычества на сиенском рынке стояла над колодцем статуя Дианы, разрушенная впоследствии христианами. Отсюда возникло поверье, будто под городом в недрах земли протекал обильный источник воды, именуемый Дианой. Эта легенда представляет, подобно сказанию о статуе Марса во Флоренции, остаток страха перед изгнанными богами. Сиенцы потратили много денег на отыскание этого источника. Рабочие углубились однажды настолько, что уже стало будто бы слышно журчание воды таинственного источника. Некоторые родники выдаются и теперь проистекающими от него». Филалет.

154. В подлиннике: *Ma più vi metteranno gli ammiragli*. Филалет и Ноттер одинаково объясняют этот стих, основываясь на древних комментаторах. Мечтая о приобретении могущества на море и соперничестве с генуэзцами и пизанцами, сиенцы посылали ежегодно в Теламоне для надзора за вооруженными галерами адмиралов, неизбежно умиравших от злокачественного климата. Слово *ammiraglio*, по-видимому, употреблено Данте как здесь, так и в Чистилища XXX, 58, скорее в смысле капитана над судном, чем то, как мы теперь его понимаем. Таким образом, последние три стиха получают следующий смысл: Все усилия сиенцев устроить в Теламоне гавань будут столь же убыточны и тщетны, как раскопки источника, но всего более потерпят служащие там моряки. — «Из приведенного здесь предсказания сверх того видно, что Сапия еще не вполне оставила привычку радоваться чужой беде». Ноттер.

¹ Выя — шея (устар.).

И мне она: — «Кто ж был руководящий
Тобой средь нас, коль мнишь попасть домой?»
И я: — «Мой спутник молча здесь стоящий.
(Чистилище, Песнь XIII, тер. 139)

ПЕСНЬ XIV

Второй круг. — Завистливые. — Гвидо дель Дука. — Риньери ди'Кальболи. — Примеры наказания зависти.

<p>1 — «Кто это там обходит гору, прежде
Чем смерть дала ему полет, и сам
То открывает, то смыкает вежды?»</p> <p>4 — «Не знаю, кто; Но знаю: два их там;
Спроси его — к нему ты недалече —
И вежлив будь, чтоб он ответил нам».</p> <p>7 Так две души, склоня друг к другу плечи,
Вели направо слово обо мне;
Потом лицо приподняли для речи.</p> <p>10 И тень одна: «О дух, что в пелене
Еще телесной мчишься к небу! Буди
К нам милостив и нас утешь вполне,</p> <p>13 «Сказав: кто ты? Из стран каких? Все люди,
Познав, как благ к тебе Всевышний Бог,
Дивятся здесь о небывалом чуде».</p> <p>16 И я: «Среди Тосканы есть поток,
Что в Фальтероне зачался и, смело
Сто миль промчась, в бегу не изнемог.</p> | <p>Оттуда к вам несу я это тело; 19
Мое ж вам имя открывать — к чему?
Оно еще не слишком прогремело».</p> <p>— «Коль речь твою я правильно пойму. 22
Ты говоришь об Арно здесь прекрасном». —
Так первый дух ответил, и ему</p> <p>Сказал другой: «Что ж в слове том неясном 25
Скрыл имя он красы всех прочих рек,
Как бы сказав о чем-нибудь ужасном?»</p> <p>И дух, который спрошен был, изрек: 28
— «Зачем, — не знаю; но, по правде, стоит,
Чтоб имя то изгладилось навек.</p> <p>С верховья вод, где столько речек роет 31
Грудь гор, от коих отделен Пелор,
Что вряд ли где вода так землю моет, —</p> <p>Вплоть до тех мест, где вод могучий сбор 34
Вновь отдает взятое небом с моря,
Чтоб тем питать потоки нив и гор,</p> |
|--|--|

1-9. Разговаривающие здесь тени, как увидим ниже, два романа, Гвидо дель-Дука и Риньери де Кальболи. Услышав слово Данте: «живой», обращенные поэтом к Сапии (Чистилища XIII, 142), они спрашивают друг друга: «кто он такой?» Слова первой терцины говорит Гвидо, слова второй — Риньери.

2-3. Т. е. прежде чем душа его отделилась от уз тела и улетела в свое настоящее жилище, и почему глаза его не зашиты, как у них, о чем романы узнают из слов Сапии (XIII, 131-132) и ответа ей Данте (133-138).

9. Спisanное с натуры изображение слепых, когда они хотят заговорить, подобное описанному выше (XIII, 102).

10. «И тень одна», именно Гвидо дель-Дука.

16-18. «Река Арно, которую поэт не хочет назвать по имени по причине, изложенной ниже. Арно берет свое начало выше Стиа из горных уступов Фальтероны, соединенной посредством Апеннинского дела Пена с горою Коронаро, настоящим центральным краем Апеннинской цепи. Отсюда вытекает пять или шесть рек на север и северо-восток, а на юг кроме Арно также Тибр. К западу отделяется много притоков реки Сьеве. Длина Арно от истоков до моря равняется, по Виллани, 120 милям» К. Витте.

20-21. Имя Данте, которое он скрыл от Сапии в предыдущей песне, уже было очень славным в 1300 г. его канцонами, сонетами и Vita Nuova. Если здесь он ничего не хочет знать о своей славе (хотя в Чистилища XI, 99 прим. он и указывает на свою будущую славу, а в Аду I, 84 и след. прямо о ней говорит), то, вероятно, выражается здесь таким образом из опасения тех тяжестей, под которыми он видел гордых, столь жестоко обремененных (XIII, 136-138).

31-42. Вина необыкновенной длины этих разорванных вводными предложениями терцин, лежит на поэте, не на его переводчике.

31-33. Описание течения Арно и долины этой реки. «Взгляд на карту Италии показывает, что истоки Арно едва ли не самая водная часть Апеннинского хребта. Здесь вытекают к югу реки Арно и Тибр,

37 Все от добра бегут, страну позоря,
Как от змеи; — таков ли грунт страны,
Иль свычай злой влечет там к злу для горя, —

40 Но только так в душе искажены
Все жители той бедственной юдоли,
Что, кажется, Цирцеей вскормлены.

43 Меж грязных стад свиных, достойных боле
Жрать желуди, чем пищу есть людей,
Тот бедный ток сперва бежит по воле.

Потом встречает, становясь сильней, 46
Не столько сильных, сколько злобных, шавок,
И мчится прочь с презреньем с их полей.

Спадая вниз и ширясь от прибавок 49
Побочных рек, к Волкам уж он течет,
В злосчастный ров, и проклятой вдобавок.

Стремя потом в пучины массу вод, 52
Находит Лис, так преданных обману,
Что их никто во лжи не превзойдет.

к северу — Лимоне, Монтоне, Савио и Мареккиа». Филалет. — «Мыс Пилор (в древности Peloris, или Pelogum), составляющий южную оконечность Сицилии, уже по мнению древних был отторгнут от Апеннин вулканическими силами (горы Сицилии геологически суть продолжение Апеннин) с образованием при этом Мессинского пролива. Впрочем, новейшие геологи видят здесь лишь первоначальную поперечную расщелину в горном хребте». К. Витте.

31-36. Т. е. до взморья, до впадения Арно. — «Вода почвы и атмосферы в постоянном кругообращении. Обширная поверхность моря вследствие испарения наполняет воздух водяными частицами. Осаждаются они в виде дождей и снега. От этих осадков питаются ключи, а от ключей — реки, несущие опять свой запас воды в море, которое бы окончательно иссякло без такой поддержки» К. Витте. — «Здесь Данте, по-видимому, противоречит своему учителю Брунетто Латини, который объясняет в своем Tesoro происхождение ключей простыми пустотами в земле, куда поднимается морская вода вследствие давления воздуха». Филалет.

38-39. «Здесь высказывается совершенно верное мнение о влиянии климата на характер обитателей. Уже Цидерон говорил, что обычаи людей зависят ab ipsa natura loci et a vitae consuetudine». Скартаццини.

40-42. Т. е. жители превращены в зверей, из разумных стали неразумными. Волшебница Цирцея превращала всех своих гостей, как известно, в животных, преимущественно в свиней; на одного только Одиссея не подействовали ее чары.

43-54. «Здесь поэт снова возвращается к порицанию порчи своего времени и страны, и кары его неисчерпаемы и неумолимы. Прежде всего под именем грязных свиней он разумеет жителей Казентино, под именем шавок — жителей Арещо, под именем волков — жадных и более смелых флорентинцев и, наконец, лисицами за хитрость и обман называет пизанцев». Штрекфусс.

43. «При истоках Арно, в Казентино, находились главные владения графов Гвиди; спускаясь вниз по Арно от Арещо, мы встречаем Поппи, замок графа Гвидо Новелло, затем Ромена, собственность потомков Агинольфо де Конти Гвиди, и, наконец, Порчиано, где жили потомки Тегрино. Итак, первое сравнение со свиньями падает на род Гвиди». Филалет пытается в своем комментарии объяснить причину этого поругания. — «Свиноводство процветает и поныне в верхней долине Арно (Казентино), стране дикой и по склонам гор покрытой лесом и за малыми исключениями еще не обработанной. Один из замков графа Гвиди, лежащий выше Стиа, называется Порчиано, по имени одной ветви фамилии Гвиди. Совершенно ошибочно хотели обратить этот презрительный эпитет на графов Порчиано. Трое из живших тогда братьев этой линии сопровождали императора Генриха VII в его походе и у двух из них Данте нашел себе гостеприимный приют». К. Витте.

45. «Бедный ток», rovero calle, — река здесь еще очень мелководна.

47. Шавки, botoli, порода малого роста, но очень злая и лающая более всех других собак. — «Ай, шавка, знать она сильна, что лает на слона!» — Этим именем обозначается Арещо, один из менее сильных тосканских городов, тем не менее стоявший нередко во главе гибеллинской партии и сражавшийся часто с гвельфами, но по большей части без успеха. На гербе его надпись: „A cane non magno saepe tenetur Aper“.

48. В подлиннике: Ed a lor disdegnosa torce il muso, и от них с презрением отворачивает рыло. Данте сравнивает здесь Арно с большой собакой, гордо отворачивающейся от мелких лающих на нее собачонок. — «Стесненный Центральными Апеннинскими и горою Протоманью, Арно течет сперва к юго-востоку и отклоняется отрогами Катенайских Альп к югу, в направлении к Арещо; но, не достигая его, вдруг поворачивает дугой к западу». К. Витте.

50. Под именем волчьего рода разумеются здесь флорентинцы. Волк у Данте служит всегда символом алчности и вместе с тем имеет отношение к гвельфской партии. Упрек в алчности часто делается флорентинцам в Божественной Комедии; Флоренция же была главою гвельфов в Тоскане.

51. «Ров», т. е. русло Арно. «Как строгий, неумолимый моралист, Данте называет его проклятым, как флорентинец, — злосчастливым». Джиоберти.

52. «Здесь, как и везде, Данте очень точен в своих топографических описаниях. Пробежав по продолговатой долине Казентино (стихи 43-45), река Арно вступает в котловину Аретцо (стихи 46-48). Отсюда она проникает по узкой, опять продолговатой долине между горою Протоманьо и горами Чианти, пока у Сиевского моста не проложит себе русла в Соттскую долину, в обширной котловине которой лежат: Флоренция, Пистойя и Прато (стихи 49-51). Новые притоки вод между Ластра и Емполи (стихи 52- 53) направляют, наконец, его бег в равнину Пизы». Филалет.

55 Пусть внемлет он, я клясть не перестану.
Да и ему ж то лучше, коль потом
Моих речей он вспомнит правду рьяну.

58 Вот, вижу я, твой внук идет ловцом
На тех Волков, и там, где льется масса
Воды свирепой, им задаст разгром.

61 Живых, он их продаст, как груды мяса,
Как старый скот, зарежет всех на вес,
Лишит их жизни, чести сам лишася.

64 Обрызган кровью, бросит страшный лес,
И бросит уж таким, что и чрез годы
Лес все былых не соберет древес».

Как от предвестья будущей невзгоды 67
Смущается лицо того, кто вял,
Откуда грянут вскоре непогоды,

Так видел я, что, вдруг смутившись, стал 70
Печален дух, услышавший то слово,
Когда на свой он счет рассказ принял.

Мне речь того и грустный вид другого 73
Внушили мысль: кто эти духа два?
И я с мольбой к ним обратился снова.

Тогда тот дух, что говорил сперва, 76
Так начал вновь: «Твои мольбы — прилука
Мне щедрым быть, как скуп ты на слова.

53. Здесь разумеются жители Пизы. «Уже старинная народная поговорка придает пизанцам характер изменнической хитрости (Ада XV, 67 прим.). Такой характер выступает еще сильнее на вид, когда они были ослаблены после морского сражения у острова Мелории (Приложение III к I книге Божественной Комедии, Ад. — Исторический очерк событий в Пизе во времена Уголино, стр. 273) и стояли одни против могущественного гвельфского союза. Стоит только вспомнить об Уголино и его противнике Руджьере, и о графе Гвидо да Монтефельтро, главе Пизы, поступки которого Данте прямо называет лисьими (Ада XXVII, 75)». Филалет.

55. Т. е. Данте: пусть он услышит пророчество о судьбе своей родины.

58. В подлиннике: *pirote*, племянник, а также внук. Ландино и Оттимо Комменго называют Риньери прадедом Фульчери. Речь идет о Фульчери да Кальболи, племяннике (по другим — внуке) Риньери да Кальболи, того духа, к которому, как увидим ниже, обращается теперь Гвидо дель Дука. «Фульчери происходил от известной фамилии Кальболези в Форли. В 1302 г., после того как Карл Валуа вернул Черных во Флоренцию, он был подестой этого города. В его управление Белые подверглись жестокому гонению и многие вожаки этой партии были казнены при двух следующих обстоятельствах. Часть Белых была тогда в изгнании, другая жила, хотя и угнетенная, во Флоренции. Была перехвачена переписка между пизанскими изгнанниками и флорентинскими Белыми. Возникло судебное дело; предводители Белых были посажены в тюрьму и подвергнуты пытке, некоторые умерли под пыткой (напр., Тиньозо ди Маччи); другие сознались в намерении отворить ворота гибеллинам, после чего все были обезглавлены, некоторые члены фамилии Абати спаслись лишь бегством, но имение их конфисковано. — В том же году Белые из Романьи под предводительством Скарпети и дельи Орделаффи из Форли (Ада XXVII, 45 и примеч.), личного врага Фульчери, завладели местечком Пуличьяно на Магелло; но с прибытием Черных под предводительством самого подесты бежали; многие из беглецов переловлены местными жителями и представлены Фульчери, который приказал казнить всех. Между прочим, мессер Донати Алберти, одетый в женское платье, был с позором представлен одним крестьянином на осле к подесте. Тот велел наложить ему на шею веревку и, открыв окно дворца, показал его в этом виде народу, который приговорил его немедленно к смерти». Филалет.

60. Вода свирепая, река Арно.

61-62. «Продаст», потому что, как говорят, он предал за деньги многих из партии Белых в руки их врагов. «Старый скот», т. е. как режут старого быка, не годного для работы, — жесточайшая ирония! «Может быть намек на бесчеловечное обращение с Донати Алберти». Филалет.

63. Т. е. доброй своей славы, как человек продажный и жестокий.

64. «Страшный лес» (*trista selva*), очевидно, Флоренция, так как она была особенно гибельна партии Белых, называвшейся также партией Лесных (Ада VI, 65). — «Как тени одного адского круга названы (Ада IV, 66) лесом, так здесь названы жители Флоренции». К. Витте.

66. «Не соберет древес» (в подлиннике: *Nello stato primaio non si rinselva*), т. е. никогда не придет в свое прежнее цветущее состояние.

79 Твой к нам приход столь верная порука
В любви к тебе небес, что буду ль скуп
Я на слова? Так знай: Я Гвид дель Дука.

82 От зависти так сердцем я огруб,
Что если радость делали другому,
Я весь бледнел и зеленел, как труп.

85 Что сеял я, — такую жну солому!
О род людской! Зачем так любишь то,
В чем есть запрет сообществу чужому?

88 Сей дух — Риньер, честь Кальболи! Слитó
В нем все, чем славен этот дом: удела
С ним равного там не стяжал никто.

Но кровь его ль там ныне оскудела — 91
От Рено к взморью и от гор до По —
Всем тем, что нужно для забав и дела?

Нет, в тех пределах так все заросло 94
Зловредным терном, что уж благочинья
Там поздно ждать, где так окрепло зло.

Где добрый Лиций? Гвидо ди-Карпинья? 97
Арриг Манарди? Пьер ди-Траверсар?
О, Романьолы, выродки безчинья!

Болонья даст ли вновь нам Фаббро в дар? 100
Вновь явится ль в Фаэнце новобранец,
Как Бернардин, пахавший в поле пар?

71. Дух, внимавший его речи, — Риньери.

72. «Может показаться странным, что этот дух, конечно, и сам обладающий ясновидением умерших, узнает здесь о будущем из уст другого; но, как следует заключить из Ада X, 109-114 прим., мертвые лишь тогда видят будущее, когда это прозрение вызывается в них каким-нибудь особенным обстоятельством, напр. вопросом. Подобный вопрос и был предложен (стихи 25-27) Гвиду дель Дука». Ноттер.

78. Данте (стих 20) отказался назвать себя по имени.

81. О нем, как и о Риньери, ничего более неизвестно, как то, что оба были весьма храбры. Дель Дука — родом из Бертиноро в Форли; Риньери же, по Филалету, был, кажется, в 1252 г. подестой в Парме и в 1276 г. в войне с Джереми играл некоторую роль с Гвидо да Монтефельтро. См. Приложение II к I книге Божественной Комедии, Ад, Политическое состояние городов Романьи, 1274-1302 г., с. 266.

85. «Что посетит человек, то и пожнет». Посл. к Галат. VI, 7.

86-87. Здесь разумеются дары счастья. Объяснение этих слов читатель найдет в следующей песне, стих 44-45 и след.

89-90. Дурное мнение, высказанное здесь о доме Кальболи, относится главным образом к позорному поведению вышеупомянутого Фульчери во Флоренции. Впрочем, и в других местах, кажется, были не очень довольны членами семейства Кальболи». Филалет.

92. Превосходно очерченные границы Романьи: к северу — река По, к югу — Апеннины, к востоку — Адриатическое море и к западу — река Рено, впадающая недалеко от Болоньи в По.

93. В подлиннике: *Del ben richiesto al vero ed al trastullo*, т. е. истинными благами, способными удовлетворить волю, цель которой — наслаждение в лучшем смысле слова, а также интеллектуальное наслаждение, стремящееся к достижению истины.

94. Т. е. в сказанных пределах Романьи.

95. «Зловредный терн» (*venenosi sterpi*), слич: Ада XIII, 6. — Некоторые разумеют под этим тиранов. «Выражение опять напоминает дикий лес I песни Ада, стих 5». Скартаццини.

97-98. Поименованные здесь четыре фамилии отличались своими добродетелями и бескорыстием. Лицио да Вальбона, гражданин из г. Форли, известный своим гостеприимством. Арриго Манарди из Бреттиноро, по словам Оттимо Комменго, был «рыцарь полный благородства и доблести, задавал часто пиры, раздаривал гостям одежду и коней, уважал храбрых и пр. Он был друг Гвидо дель Дука». — Гвидо ди Карпинья, по словам того же комментатора, «превосходил всех других своей щедростью, любил преданно и жил благородным образом». Траверсаро из весьма древней романской фамилии, по его же выражению, «был предан прекрасной и достойной жизни». Подробнее см. у Филалета и Скартаццини.

99. «Романьёлы» (*Romagnoli*) — жители Романьи.

100-102. «Франческо ди Бути рассказывает, что фамилия Ламбертацци, о которой здесь идет речь, вела свое начало от кузнеца, бывшего некогда столь могущественным, что он почти стал главою Болоньи. К его потомкам принадлежал упоминаемый здесь Фаббро де Ламбертацци (некоторые комментаторы в слове *Fabbro* видят имя нарицательное)». Филалет. — «Бернардино (в подлиннике: *di Fosco*), сын

103 О! Не дивись, что плачу я, Тосканец!
Я вспоминаю Гвидо Прата, с кем
Жил Уголино д'Аццо, чужестранец,

106 И славного Тиньезо с домом всем,
Род Анастаджи с родом Траверсара
(Фамилии, что вымерли совсем), —

109 Дам, рыцарей, дела их, полны жара,
Вселявшие любезность и любовь
Там, где теперь в сердцах вражда и свара.

112 О Бреттинор! Зачем в стране ты вновь,
Когда твой род, чтоб не погибнуть в сетях,
Со многими бежал, спасая кровь?

Ты прав, Баньякаваль, что вымер в детях! 115
Но худо, Кастрокар, а хуже ты
Живешь, о Коньо, множа графов этих!

Вы, коль падет ваш Дьявол с высоты, — 118
Воспрянете, Пагани! Но исправить
Уж вам нельзя всей вашей черноты.

О Уголин де'Фантоли! Прославить 121
Ты должен Бога, что не ждешь детей,
Чтоб честь твою развратом обесславить.

Иди ж, Тосканец! Слезы лить скорей 124
Пристойно мне, чем длить свое томленье:
Так давит грудь мне горе тех речей!»

Фоско, крестьянина, настолько возвысившегося своими добродетелями, что даже знатные люди того старого доброго времени нередко приходили к нему, чтобы послушать его умных речей и воспользоваться его гостеприимством». Там же.

104-108. Прата, деревня между Фаэнцей и Равенной. Об этом Гвидо известно лишь, что он был храбрый человек из благородного рода. Уголино д'Аццо — о нем почти ничего не известно; полагают, что он был из рода Убальдини из Мугелло в Тоскане. Как тосканец, он, живя большей частью в Фаэнце, был, следовательно, в ней чужестранцем. Федерико Тиньозо, родом из Римини, жил большею частью в Бертиноро. Тигносо значит паршеголовый; назван он так в шутку, оттого что имел красивые белокурые волосы. Род Траверсара из Равенны отличался богатством и благородством; дочь одного из них в 1262 г. вышла замуж за сына венгерского короля. Анастаджи — также богатый дворянский дом из Равенны. Обе фамилии встречаются в одной из новелл Боккаччо. Вспоминая эти славные некогда роды, Данте скорбит, что они теперь лишены наследников и вымерли.

109-110. Т. е.: я вспоминаю дам, рыцарей и пр. Эта терцина заключает в себе всю поэтическую эпоху рыцарства. «Ариосто заимствовал из этого стиха начало (*Le donne e i cavalier*) для своей поэмы, а из всей терцины — господствующие для нее идеи, так как «Неистовый Роланд», в сущности, не что иное, как поэтическое воспроизведение рыцарских времен». Джиоберти.

111. «Там», т. е. в Романье.

112-114. Бреттиноро, городок между Форли и Чезена, главное местопребывание романского дворянства, откуда, однако, значительная его часть была изгнана в 1295 г. за гибеллинские идеи; на это Данте намекает в ст. 113-114. Составлял ли вышеупомянутый Манарди (стих 98) главу дома — неизвестно.

115-117. Малавичино, могущественные в половине XIII столетия графы Баньякавалло (местечко между Лаго и Равенной). В то время, когда Данте совершал свое странствование, они, как кажется, нередко меняли цвет своей партии, смотря по обстоятельствам. Впрочем, эта фамилия вымерла гораздо позднее, нежели думает Данте. Графы Кастрокаро (на Ментоне, повыше Форли) были гибеллины, но в 1282 г. подчинились церкви и сдали свой замок. В 1296 г. они были снова восстановлены при помощи Майнардо Пагани. Графы Коньо встречаются также в конце XIII столетия, именно в Фаэнце, в рядах гибеллинов. «Множа графов этих», т. е. таких негодных и преступных, — жестокая ирония.

118-120. Пагани — граждане Имолы. В 1263 г. Пьетро Пагани завладел Имолой и выгнал оттуда болонцев, но те вскоре опять выгнали его. Лучше удалось это дело сыну его Майнардо Пагани, названному за жестокость «Дьяволом» (См. Приложение II к I книге Божественной комедии, Ад, стр. 266). Он умер в Имоле в 1302 г. и велел похоронить себя в монашеской одежде монастыря Вальомброза. Он не оставил наследников по мужской линии и имел лишь одну дочь, перешедшую через замужество в фамилию Убальдини. О мнении Данте о нем см. Ада XXVII, 49-51 примеч. Смысл терцины следующий: Пагани поведут себя хорошо, как скоро умрет (падет с высоты) брат их Майнардо; но дурная слава об их отце все-таки останется черным пятном на их фамильной славе.

127 Хор добрых душ, услышал, без сомненья,
Шаги мои и, молча, подтвердил,
Что верное мы взяли направление.

130 Когда ж с вождем один я проходил, —
Как гром, когда твердь молния осветит,
Навстречу нам вдруг глас проговорил:

133 — «Всяк умертвит меня, кто в мире
встретит!»
И вдаль ушел, как гром в ущельях скал,
Когда ему гул эха с гор ответит.

136 Едва ушам он нашим отдых дал,
Как новый глас, как бы с вершины Тавра
За громом гром, загрохотав, сказал:

«Я в камень превращенная Аглавра!» 139
И шаг назад я сделал, уstraшен,
Чтоб стать под сень Вергилиева лавра.

Уж воздух вновь затих со всех сторон, 142
И вождь: «Узда то вашему порыву,
Чтоб из границ не порывался вон.

«Но вы, хватая адскую наживу, 145
Приманкой той враг древний манит
вас, —
Не внемлете узде той, по призыву

Вас призывает небо и, кружась, 148
Бессмертные красы свои вам кажет;
Но в землю устремили вы ваш глаз,

Доколе вас Всевидец не накажет». 151

121-124. Уголино де' Фантоли из Фаэнцы принадлежал к гвельфам и отличался храбростью; умер в 1282 г.
126. Подражание Вергилию, Аен. IX, 292:

Atque animum patriae strinxit pietatis imago.

127-129. Т. е. они слышали топот наших шагов и потому из их молчания и из того, что они не объяснили нам, куда идти, мы заключили, что не сделали ошибки в выборе дороги. — «Здесь, где обитает одна лишь любовь и стремление к добру, тени, конечно, объяснили бы поэтам, где лежит прямая дорога, если бы они пошли ложным путем. Потому-то, видя, что души безмолвствуют, поэты и должны были заключить, что они не ошиблись в пути». Штрекфусс.

133. Слова Каина к Богу, после совершения первого на земле убийства из зависти: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня». Бытия IV, 14. — Нечего, кажется, объяснять, что слова эти произносит не сам Каин, так как душа его в аду (почему один его отдел и назван Каина), но невидимый дух или ангел.

139. Аглавра, дочь афинского царя Кекропса, была превращена Меркурием в камень за то, что препятствовала из зависти сестре своей Гирсе вступить в супружество с этим богом. — Рядом с завистливым братом поэт выводит завистливую сестру.

143. «Узда» (в подлиннике: сапо, по-гречески χαίτος, по-латыни сапус, удила, трензель), т. е. те грозные слова, которые удерживают от порока. «Челюсти их нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе». Псалт. XXXI, 9.

145. «Нажива» — приманка для рыб, насаженная на крючок удочки, т. е. земные блага, которыми дьявол прельщает человека, как рыболов рыбу. «Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них». Еккл. IX, 12.

146. «Древний враг» — дьявол. «Противник ваш диавол». I посл. ап. Петра V, 8.

149. Т. е. небесные светила (Ада I, 40; XXXIV, 135). — „Omnis naturae species et motus quasi quadam varietate linguarum clamat atque increpat agnoscendum esse Creatorem“. Блаж. Августин. De lib. arb. III, 23.

150. Belluas Deus prostratas fecit in facie, pastum quaerentes de terra; te homo, in duos pedes erexit, tuam faciem sursum ascendere voluit. Non discordet cor tuum a facie tua». Блаж. Августин.

*Второй круг. — Завистливые. — Ангел братолюбия. — Подъем на третий уступ. —
Третий круг. — Гневливые. — Примеры кротости в видениях.*

<p>1 Как много в небе между часом третьим
И дня началом видно сферы той,
Что век кружит, подобно резвым детям, —</p>	<p>И руки поднял я броней к вершине, 13
Сложивши их в защиту пред челом,
Чтоб лишний блеск ослабить в их твердыне.</p>
<p>4 Пути так много в тверди голубой
Светилу дня пройти осталось к ночи;
Был вечер там, здесь полночь предо мной.</p>	<p>Как от воды иль зеркала скачком 16
Луч прядает в противном направленье,
Вверх восходя под самым тем углом,</p>
<p>7 Лучи в лицо нам ударили косо;
Мы направлялись прямо на закат,
Прошедши путь немалый от откоса.</p>	<p>Под коим пал, и в том же отдаленье 19
От линии, куда идет ответс
(Как учит нас в науке наблюденье),</p>
<p>10 Почуяв, что сильнее лицо томят
Сиянья мне, чем прежде, я вопроса
Не разрешил, неведомым объят,</p>	<p>Так поражен я был лучом с небес, 22
Здесь преломившимся, как мне казалось,
И отклонил я тотчас взор очес.</p>

1-6. «Обозначение времени дня. Между началом дня и третьим часом или, собственно, концом 3-го часа (l'ultima dell'ora terza) заключается три часа. Следовательно, до захождения солнца оставалось еще 3 часа, так как в равноденствие, во время которого Данте совершает свое загробное путешествие, солнце заходит около 6 часов вечера (по нашему счислению). Поэтому там, т. е. на горе Чистилища, был вечер или около вечера; здесь, т. е. в Италии, где поэт писал свою поэму, была уже полночь, так как время в Чистилище на 9 часов отстает от времени в Италии» (См. Чистилища III, 25 прим.). Канегиссер. «В том месте, где теперь находится Данте, было почти 3 часа пополудни; в этот час солнце отстоит от заката, во время весеннего равноденствия, на 3 часа. Вследствие этого во Флоренции, которая, по мнению поэта, удалена от Иерусалима на 45°, должна быть теперь полночь, а в Иерусалиме 3 часа утра. Итак, поэты находились в этом круге около трех часов». Филалет. — Час дня определяется здесь совершенно особенным, чисто Дантовским образом. Остается 3 часа до захода солнца, или, другими словами, теперь начинается тот отдел канонического дня, который называется vespero (Это слово обозначает здесь начало вечерних часов в смысле церковном, в которые совершается в церквях служба, принадлежащая уже к следующему дню). Данте говорит об этом простом факте своеобразным оборотом речи, как будто хочет подражать небесной сфере в этом движении. Начало дня — восход солнца, следовательно конец третьего часа, три часа после восхождения солнца, обозначается дугою небесной сферы, равняющейся 45°. Солнцу остается еще пройти такое же пространство, прежде чем оно зайдет. Это значит, что теперь послеполуденный час в Чистилище и полночь в Тоскане, где Данте писал свою поэму». Лонгфелло.

2. Сфера, которая, по выражению Данте, кружится (собственно: играет, резвится, scherza, подобно детям), есть весь свод небесный, который, по тогдашним понятиям, обращался около земли в течение 24 часов. Сравнение неба с резвым ребенком было столько же порицаемо, сколько и одобримо критиками. Во всяком случае оно не так удачно, как почти все прочие сравнения поэта. Между резвыми, разнообразными движениями дитяти и вечно спокойным, всегда равномерным движением светил небесных не может быть ничего сходного.

7-9. Надобно помнить, что, прежде чем поэты дойдут до лестницы, ведущей в высший круг, они всегда огибают известное пространство около горы. — «От морского берега к подошве горы поэты шли (Чистилища III, 16 и примеч.) с востока к западу. Потом они направились направо (V, 1-6 примеч.), вдоль изгиба горы, под прямым углом к первоначальному направлению (следовательно, к северу). Теперь они обошли вокруг горы на одну четверть, стало быть, идут опять к западу». К. Витте.

7. «Лучи» заходящего солнца.

10-11. С уступа на уступ возводят поэтов ангелы; но чем выше поднимаются они, тем ярче и лучезарнее блеск от ангелов. В данную минуту сиянье заходящего солнца сливается с блеском от ангела и ослепляет Данте. Слич: Чистилища XII, 79 и след.

<p>25 — «Отец мой милый! Что такое случилось,
Что защитить очей не в силах я?»
Так я спросил: «Не солнце ль приближалось?»</p>	<p>Мы оба шли одни по высям гор, 40
И я, и вождь, и пользу я задумал
Извлечь себе, вступая с ним в разговор.</p>
<p>28 И он: «Не диво, что небес семья
Твое спит еще столь сильно зрение:
Посол грядет позвать нас в те края.</p>	<p>И думал я: спрошу его, к чему, мол, 43
Романский дух упомянул: запрет
Сообществу? И я спросил, что думал.</p>
<p>31 Уж близок час, узришь сии виденья
Не с тягостью, но с чувством огненным,
Сколь сил тебе дано от Провиденья».</p>	<p>И он на то: «Познав, в чем высший вред 46
Его греха, он этим нас желает
Предостеречь от горших слез и бед.</p>
<p>34 Тут стали мы пред Ангелом святым,
И кротко рек он: «Шествуйте в обитель
По ступеням уж менее крутым».</p>	<p>Пока в вас душу только то прельщает, 49
Что обществом дробится вновь и вновь, —
Как мех, в вас зависть вздохи вызывает.</p>
<p>37 Со мной взбираться стал по ним учитель,
И „Beati misericordes“ хор
Воспел в тылу и «слава, победитель!»</p>	<p>Но если б к миру высшему любовь 52
Всегда горé влекла желанье ваше, —
Вам этот страх не мог бы портить кровь,</p>

16-21. Слич: Чистилища IV, 62-63. — Отраженный луч света образует с перпендикуляром, опущенным на отражающую поверхность, угол, равный углу между лучом падающим и тем же перпендикуляром; короче: угол падения равен углу отражения, как учит катоптрика и подтверждает наблюдение. Ответ, в подлиннике: *Dal cader della pietra*, падение камня, как был назван перпендикуляр Альбертом Великим.

22-26. Данте думает, что луч солнца отразился (по приведенному выше закону катоптрики) от гладкой поверхности карниза, по которому они идут, и отсюда поразил ему глаза, так как он не может защитить их от блеска приложенными к глазам руками.

30. «Посол» (*messo*), т. е. ангел (*ἄγγελος* — посланник). Ангел, стоящий у первой ступени лестницы, ведущей из одного круга чистилища в другой, ожидает приближения душ и, лишь только заметит издали их приближение, идет тотчас им навстречу, принимает их и подводит с приветствиями к следующему восходу. Чистилища XII, 88; XVII, 67 и след.; XIX, 46 и след.; XXII, 1 и след., XXIV, 136 и след., XXVII, 55 и след.

28-33. В подлиннике: „*diletto quanto natura a sentir ti dispose*“ — удовольствие, к какому способна лишь твоя природа. — Все наслаждение, в какой мере почувствовать его, сделала тебя способным твоя природа, ты почувствуешь в будущем, когда укрепившиеся глаза твои, что теперь еще ослепляются, будут в состоянии переносить блеск небесной семьи, т. е. ангелов.

36. С очищением себя от первого греха, следующие шаги на пути очищения становятся все легче и легче. Чистилища XII, 115-126 и прим.

38-39. С удалением из круга высокомерных (Чистилища XII, 110) путники были встречены воззванием к смирению; точно так и здесь их встречают слова, призывающие к милосердию и человеколюбию, — добродетелям, противоположным зависти. „*Beati misericordes*“ — слова Христа из Евангелия Матф. V, 7: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». «Слава, победитель» в подлиннике: *Godi tu che vinci*, повидимому, намек на слова ангела в Апокалипсисе, II, 7: «„*Vincenti dabo edere de ligno vitae quod est in Paradiso Dei mei*“, — побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия». Лонгфелло.

44-45. Восклицание романьёла Гвидо дель Дука (Чистилища XIV, 81):

О род людской! Зачем так любишь то,
В чем есть запрет сообществу чужому?

46-47. «Справедливые души очищающихся желают, чтобы живущие на свете не впади в тот же грех, в который они впади при жизни и горестные последствия которого испытывают теперь в чистилище». Скартаццини.

49. «Дивно прекрасное место вплоть до стиха 75; оно так ясно, что, несмотря на всю глубину свою, почти не нуждается в комментариях». Флейдерер.

55 И чем вас больше там зовущих „наше“,
Тем больше каждому дается благ,
И тем сильнее горит любовь в той чаше».

58 «Во мне мой глад не только не иссяк,
Но стал», я рек, «сильней, чем был дотолѣ.
И ум обьял сомненья больший мрак.

61 Как может быть, что благо, чем в нем боле
Владетелей, сильней их богатит,
Чем если бы далось немногим в доли?»

64 И он: — «За то, что лишь земное зрит
Рассудок твой, извлек ты мысль незрелу,
Что будто здесь свет правды мраком скрыт.

67 Но Благо то, — Ему же нет пределу,
Ни имени, — к любви так точно льнет,
Как солнца луч к светящемуся телу.

В ком больший жар, тот больше обретет, 70
Так что чем шире в ком любовь, — в заслугу
Над тем сильней и светлый луч растет.

Чем больше душ к тому стремятся кругу, 73
Тем боле там любви, и тем сильней
Льют жар любви, как зеркала друг другу.

Но коль твой глад не стих с моих речей, — 76
Жди Беатриче, и в небесном взоре
У ней прочтешь ответ на все полней.

Заботься же, чтоб зажили здесь вскоре, 79
Как эти две, все прочие пять ран,
Что закрываются чрез скорбь и горе».

Сказать желая: «Ты во мне туман, 82
Рассеял...» смолк я, видя в то мгновенье,
Что мы вошли в круг новый чудных стран.

51. «Зависть вас разжигает, и жар ее заставляет вас вздыхать, — вздыхать в той, а еще более в этой жизни. Как кузнечный мех раздувает огонь, так зависть разжигает сердце человека, пожирая его пылом своим». Скартаццини.

52. Т. е. к высшим благам, жилище которых в эмпирее — высочайшей из всех сфер небесных. «Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога». Посл. к Колос. III, 1. «Если бы любовь к нетленному и небесному направляла ваши желания к небу, вы не ощущали бы в сердце опасения, что богатство и наслаждение у других уменьшит ваше собственное наслаждение». Скартаццини.

55-57. Т. е. чем большее число наслаждающихся в небе одним и тем же благом, тем более наслаждается там каждый в отдельности. „Nulla enim modo fit minor, accedente sed permanente consorte, possessio bonitatis; imo possessio bonitatis tanto fit latior quanto concordior eam individua sociorum possidet caritas“. Блаж. Августин. De civ. Dei I. XV, с. 15. — «Той чаше» (в подлиннике: in quel chiostro, в том монастыре), т. е. на небе.

64-66. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может». I посл. к Коринф. II, 14, 15. — Потому-то, говорит Вергилий, ты извлекаешь только мрак из совершенно ясных слов моих.

67. Незреченное, бесконечное благо — сам Бог.

68-69. «Как луч солнца тем ярче освещает тело, чем оно само по себе чище и более блестяще, так и высочайшее благо тем более сообщается, чем более оно находит к тому восприимчивости». Филалет. — Эту мысль Данте еще подробнее развивает в своем Convivio. В переводе К. Витте lucido corpo заменено словами lichte Körper, и в комментарии к этому месту переводчик говорит: «прозрачное тело вполне принимает в себя солнечный луч и, соответственно тому, солнечный луч направляется к нему в полной мере».

70-72. Слич: Рая XIV, 40.

73. В подлиннике: E quanta gente più lassù s'intende, в древних кодексах — s'incende; в большинстве, впрочем, первое, как и в лучших изданиях. Intendersi — старинное выражение, то же, что innamorarsi. К. Витте перевел этот стих: „Je mehr der Herzen droben sich begegnen“, Лонгфелло — „And the more people thitherward aspire“. Терцина вынудила меня держаться этой, менее принятой, редакции подлинника.

74-75. Чем более праведные души познают друг друга, тем более они и любят друг друга, так что не только непосредственное истечение к ним вечной любви, но и последующее отражение ее от одной к другой увеличивают их любовь, а с нею и их взаимное блаженство. Филалет. — Бенвенуто Рамбалди. — Джиоберти.

85 И, мнилось, там я в некоем виденье
Восхищен был экстазом, как певец,
И вижу храм и в нем людей стечение.

88 И входит в храм Жена и, как венец
Всех матерей, вещает кротко: «Чадол!
Что сделал с нами Ты? Вот Твой отец

91 И я с великой скорбью средь града
Тебя искали». — И лишь смолкнул глас,
Как все, что зрел я, скрылось вмиг от взгляда.

94 Потом я зрел другую, что из глаз
Струила дождь, какой родит досада
За оскорбленную гордыню в нас.

97 И говорит: «Коль ты владыка града,
За имя чье шел спор между богов,
Отколь блеснула всех наук отрада,

О Пизистрат! Пролей злодея кровь, 100
Кто смел обнять дочь нашу без боязни!»
И, мнилось, он, весь кротость и любовь,

Ей отвечал, исполненный приязни: 103
— «Что ж делать с тем, кто нам желает зла,
Коль тех, кто любит нас, подвергнем казни?»

Потом толпу я видел без числа, 106
Что камнем Стефана побивала,
Крича: «мучь, мучь!», исполненная зла.

И юноша, над кем уж смерть летала, 109
К земле поник и устремил врата
Очей своих в глубь райского портала.

И к Богу сил мольба им пролита. 112
Да не осудит Он его тиранов,
С таким лицом, что скорбь в нас отперта.

77. «Только на небе чрез созерцание Бога (Беатриче) впервые уяснится вполне разница между земными благами, уменьшающимися от совместного обладания ими, и благами небесными, которые обогащают тем более, чем более делят их между собою». Флейдерер.

79-81. Т. е. остальные пять *P* или остальные грехи, начертанные на лбу ангелом (Чистилища IX, 112). Без покаяния нет исправления. „*Oportet eum, qui agit poenitentiam, affligere animam suam, et humilem animo se praestare in omni negotio, et vexationes multas variasque perferre*“. Ерм, Пастырь. III, 7. Раны закрываются, когда они болят, т. е. когда, сознавая грех свой, чувствуют раскаяние и страдают.

83-84. Путники восходили до сих пор вверх (со стиха 35); теперь — они опять идут по ровной поверхности следующего карниза, где наказывается гнев, и где они встречают (стих 142) густой дым.

85. «Эти видения имеют то же значение, как и пластические изображения в круге высокомерных и голоса в круге завистливых. Они здесь служат как бы подготовлением к очищению наказуемого здесь греха — гневливости, именно служат тем, что напоминают о противоположной гневу добродетели — кротости. Так как круг этот, как увидим ниже, наполнен непроницаемой тьмою от дыма, то было бы невозможным представить примеры кротости другим каким-нибудь видимым образом; являясь же в виде сновидений, или грез, они тем самым указывают на иступленное, сходное со сном, состояние, в которое приводит человека грех. Тут Данте опять берет, между прочим, один пример из язычества для выражения христианской добродетели, ибо все дело тут в том, чтобы воплотить свою мысль. То же и в Чистилищах XII, 28. — Бриарей.

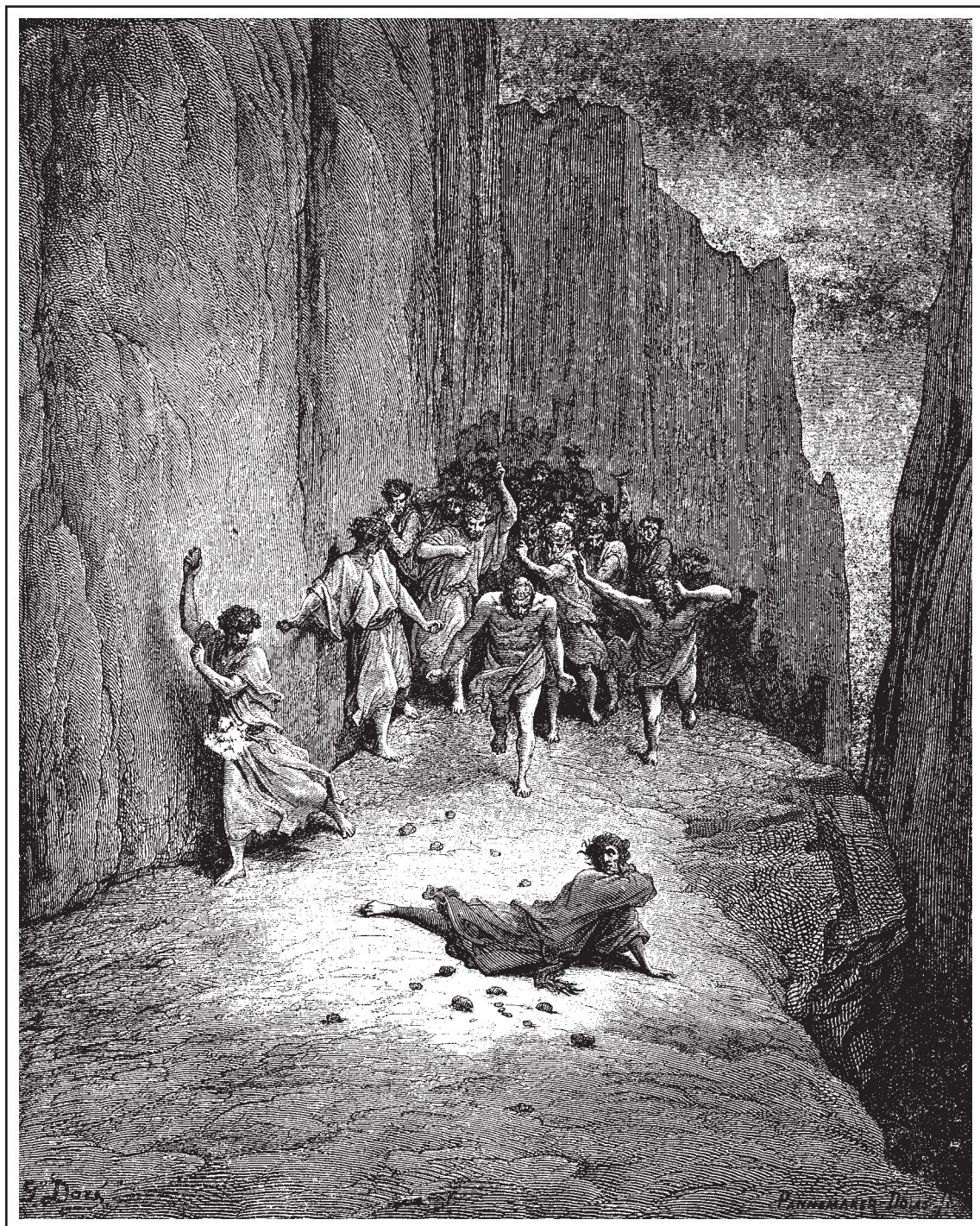
87-92. Ев. от Луки II, 48: «И мать Его сказала Ему: Чадол! Что Ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали Тебя».

94-105. «Другую» — жену афинского тирана Пизистрата. Валерий Максим рассказывает (*Facta ac dicta mem.* 1, VI, с. 1), что какой-то юноша, влюбленный в дочь Пизистрата, обнял и поцеловал ее в публичном месте, на площади, и что на требование матери ее об отмщении Пизистрат отвечал словами, буквально переведенными Данте из Валерия Максима: „*Si nos qui nos amant interficimus, quid his faciemus, quibus odio sumus?*“ — «Если мы будем умерщвлять любящих нас, что же станем делать с ненавидящими нас?»

98. Афины. Посейдон (Нептун) и Паллада Афина (Минерва) — оба желали, чтобы Афины были названы их именами. Но афиняне, по приговору женщины, предпочли Афины, принесшую в дар оливковое дерево, почти этот дар более высоким, чем принесенный Посейдоном дар — лошадь. Овидия, Превращения. VI, 70 и след.

106-111. Третье виденье: избивание камнями первомученика Стефана. Деян. VII, 54-60: «...И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! Приими дух мой. И, преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи! Не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил».

110. «Врата очей своих» (*porte degli occhi*) — оборот чисто дантовский, «странный, но сильный». Томазо. — «Поэт хочет сказать, что образ Христа на небе проникал ему чрез глаза в сердце». Чезари.

Потом толпу я видел без числа,
Что камнем Стефана побивала,
Крича: «мучь, мучь!» исполненная зла.
(Чистилище, Песнь XV, тер. 106)

<p>115 Когда мой дух вернулся из туманов
В действительность, к предметам в мире сем
Я понял смысл неживых тех обманов.</p> <p>118 Мой вождь, кому я мог казаться тем,
На ком сейчас вериги сна разбили,
Рек: «Что с тобой? Ты ослабел совсем?»</p> <p>121 И вот идешь уж боле, чем полмили,
Закрыв глаза и с путами у ног,
Как бы вино иль сон тебя томили».</p> <p>124 — «Отец ты мой! Когда б ты внять мне мог,
Я б рассказал», сказал я, «ту причину,
По коей я в ходьбе так изнемог».</p> <p>127 И он: «Носи ты не одну личину,
А сто личин, ты б от меня не скрыл
Из дум твоих малейших ни одну».</p> | <p>Ты зрел затем виденья, чтоб не мнил 130
Не допустить тех мирных волн до груди,
Что льются к нам из тока вечных сил.</p> <p>И не спросил я: «что с тобой?» — как люди, 133
Чей глаз не в силах в спящем отгадать,
Хранится ль жизнь еще в своем сосуде;</p> <p>Но я спросил, чтоб мощь тебе придать, 136
Как делают с ленивым, побуждая,
Его скорей дремоту разогнать».</p> <p>Мы шли в вечернем сумраке, вперяя, 139
Насколько можно, взоры в даль и в высь,
Где поздний луч еще сверкал, пылая.</p> <p>И клубы дыма издали неслись 142
Навстречу нам, темнее ночи мгlistой,
И негде было от него спастись!</p> <p>Наш взор затмив, он отнял воздух чистый. 145</p> |
|--|--|

112-113. О мучении св. Стефана говорит Фульгенций в своем Ep. Serm. de S. Stephano: „Stephanus charitatem pro armis habebat, et per ipsam ubique vincebat. Per charitatem Dei saevientibus Judaeis non cessit; per charitatem proximi pro lapidantibus intercessit“.

117. «Смысл неживых тех обманов», в подлиннике: non falsi errori. Обман был здесь в том смысле, что поэт считал эти явления за нечто объективное, действительно совершающееся перед его глазами; но тем не менее эти обманы чувств были неживы в отношении того, что ими изображалось, так как они были основаны на истинных событиях и служили к назидательному поучению». Филалет.

130-132. Т. е. тебе даны были эти видения, чтобы сердце твое было расположено к учениям мира (asque della pace) и кротости, которые особенно нужны для очищающихся в этом кругу. Гнев есть огонь — огонь тушится водой. «Ток вечных сил», т. е. от Бога: «У Тебя источник жизни». Псалт. XXXV, 10; и во многих местах Св. Писания. Следовательно, и здесь, как в песне XIII, 39, предшествуют бичи, побуждающие к добродетели; ниже в песне XVII, 93, следует узда, для обуздания порока.

133-138. Вергилий дает здесь двойное объяснение, во-первых: цель совершившихся здесь видений, о которых он знает и потому не нуждается в сообщении ему о них Данте, была показать, как себя можно обуздать во время гнева. Форма же вопроса, предложенного им своему ученику, почему он идет в таком сонном состоянии, объясняется им в том смысле, что он, Вергилий, спрашивал не так, как человек, взирающий одним лишь телесным оком и вопрошающий лишь о каком-нибудь событии. Напротив, он сделал ему свой вопрос на выраженном в стихах 136-139 основании, именно затем, чтобы вслед за совершившимися только что видениями, побуждающими к кротости, — на самом деле побудить поэта идти по пути к улучшению и не оставить его пребывать лишь в мечтательном созерцании бывших перед ним видений, как бы ни было полезно созерцать их». Ноттер. — Место это вообще довольно темное и толкуется различно даже итальянскими комментаторами». Дельф в своей „Die Idee der Göttlichen Kom.“ очень глубокомысленно замечает: «Проходящий этим путем (как бы ни было благотворно производимое на него этими видениями влияние, обязан не предаваться одному лишь их созерцанию и размышлению. Ибо путь этот (именно на гору очищения) есть путь работы, борьбы, упражнения».

140. «Насколько можно»: идя против вечернего солнца, лучи которого сверкают прямо в глаза, нельзя видеть далеко.

144. Скрыться не было возможности, потому что узкий выступ или карниз вокруг горы очень узок, всего лишь в три человеческих роста ширины (X, 24), и ограничен с одной стороны пустым пространством, с другой — стеною крутого утеса.

ПЕСНЬ XVI

Третий круг. — Гневливые. — Марко Ломбардо. — Свобода воли. — Порча мира. — Куррадо да Палаццо, Герардо да Каммино и Гвидо да Кастелло. — Гайя.

<p>1 Тьма адская, мрак ночи непроглядный,
Лишенный звезд, где мглою облаков
Покрылся весь свод неба безотрадный, —</p> <p>4 Не столь густой кладут для глаз покров,
Как этот дым, куда я путь направил,
И смяд его был до того суров,</p> <p>7 Что вмиг глаза сомкнуть меня заставил.
Но мудрый вождь, заступник мой во всем,
Приблизился и мне плечо подставил.</p> <p>10 И, как слепой идет за вожаком,
Боясь с дороги сбиться иль наткнуться
На что-нибудь и боль терпеть потом, —</p> <p>13 Я шел, страшась в том смяде задохнуться
И слушая, как вождь мне повторял:
— «Старайся от меня не отшатнуться».</p> <p>16 Я слышал хор, где каждый глас взывал
С молитвою о мире к милосердию,
Чтоб все грехи с них Агнец Божий снял.</p> | <p>Лишь „Agnus Dei“ все под дымной твердью 19
Там пели в голос; был один у всех
Напев, одно согласие, по усердию.</p> <p>— «Не душ ли глас я слышу в хорах тех?» 22
Так я; и вождь: «Ты верно понимаешь:
Гневливости с себя смывают грех».</p> <p>— «Но кто ж ты сам, кто дым наш рассекаешь, 25
Так говоря про нас, как будто ты
Свой год еще по месяцам считаешь?»</p> <p>Так речь лилась ко мне из темноты, 28
Причем поэт: «Ответствуй и разведай:
Отсюда ли подъем на высоты».</p> <p>И я: «О дух, кто, над грехом победой 31
Очистясь, мнишь предстать к Творцу в красе!
Чтоб выслушать о диве, — мне последуй».</p> <p>— «Последую, насколько можно мне», 34
Ответил тот, «и пусть мы дымом скрыты:
Нам чуткий слух заменит взор вполне».</p> |
|--|--|

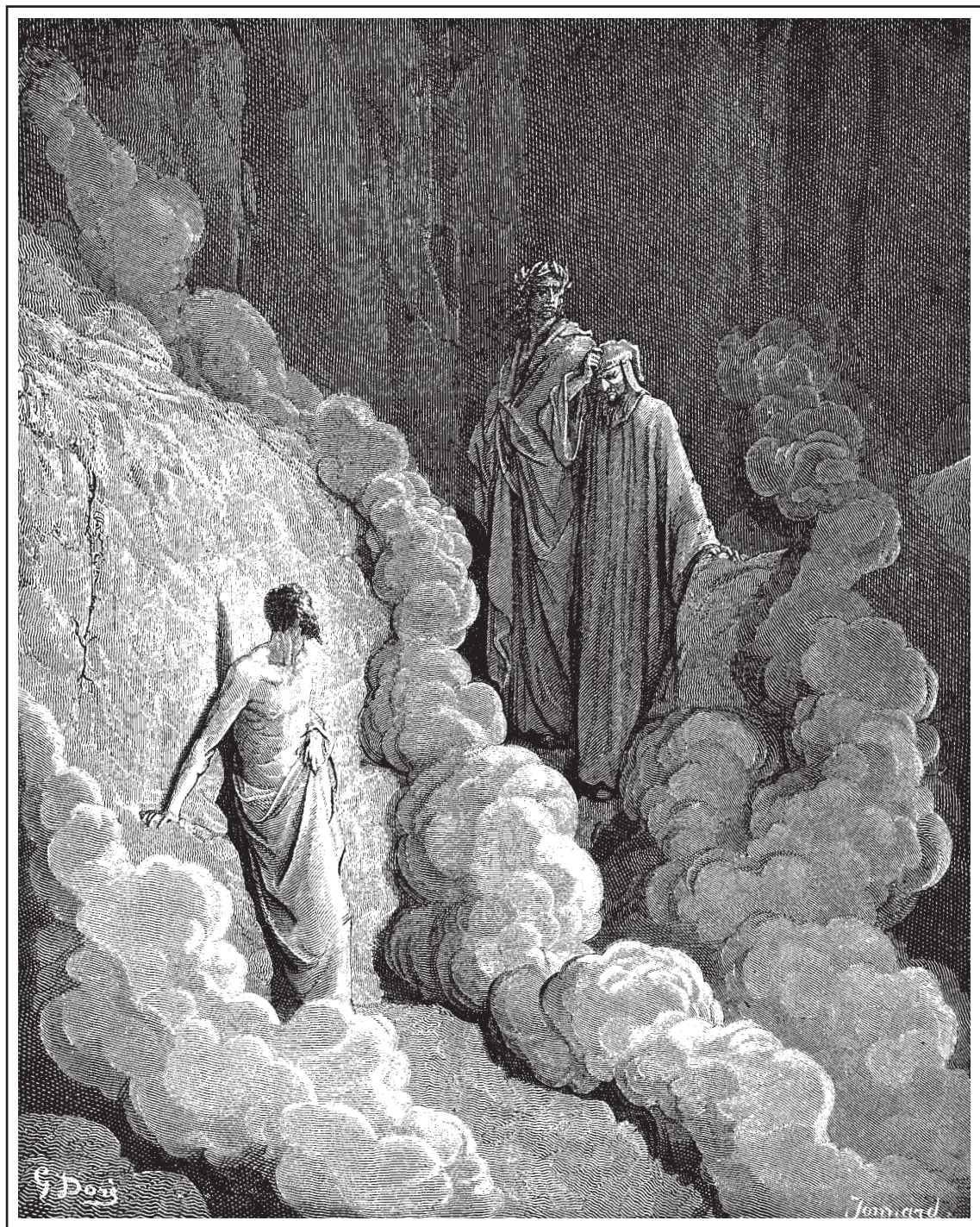
1-9. «В дыму, и притом самом густом и черном, очищаются тени от ярости гнева. Дым — это продукт огня и притом такой продукт, который не греет и не освещает, но только омрачает и смущает глаза и разум, — это то, что огонь извергает из себя, для того чтобы согреть и светить. Отсюда становится само собою понятным, почему именно в дыму гневливые должны познать свой недостаток и в нем очищаться от своего греха». Штрекфусс. — «Выражение, что этот дым еще темнее ада, — слишком сильно и, рассматриваемое в тесном смысле, должно бы было указывать на то, что и в аду нет такого ужасного греха, как гнев, а следовательно, и казни более жестокой; но смысл тут, кажется, заключается в том, что осужденные в аду все еще сознают свет божественного правосудия и порядка; в аффекте же гнева уже вовсе нет этого сознания». Ноттер.

8-9. Вергилий (разум) предлагает Данте плечо в опору, чтобы не дать ему сбиться с дороги среди темноты дыма (гнева): аллегорический смысл совершенно ясен.

17-19. «Вот Агнец Божий, который берет на себя грех мира». Иоан. I, 29. — Души поют молитву, троекратно повторяемую в католической мессе и литании: „Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem“. — «Здесь первые два стиха умоляют о милосердии, третий — о мире». Бути. — «Агнец есть символ кротости, добродетели, противоположной гневу». Ноттер.

20-21. «Согласием и гармонией уничтожается здесь гневливость, как выше согбенным уничтожалась гордость. В этом единогласии уже обозначается прогресс в деле очищения». Филалет. Штрекфусс.

27. В подлиннике: per calendi, по календам, так как римляне делили время на calendae, nonae и idus. Вопрос, сделанный Данте в стихе 22, заставляет душу вопрошающего предположить, что Данте еще живой человек, разделяющий время по неделям и месяцам, а не как тени, делящие бесконечность на более долгие периоды.

— «Но кто ж ты сам, кто дым наш рассекаешь,
Так говоря про нас, как будто ты
Свой год еще по месяцам считаешь?»
(Чистилище, Песнь XVI, тер. 25)

- 37 И начал я: — «В те пелены повитый,
Что смерть одна лишь разовьет, сюда
Я прихожу, пройдя все адски скиты.
- 40 И коль Господь, ко мне благий всегда,
Свой двор святой узреть подал мне силы
Необычайным способом, — тогда
- 43 И ты не скрой, кто был ты до могилы?
Скажи: иду ль я прямо в те края?
И речь твоя да даст в пути нам крылы».

- «Я был ломбардец; Марком звался я; 46
Знавал я свет, был чести чтила строгий,
Хоть ныне лук не гнут уж для нее.
- «Чтоб вверх взойти, ты на прямой дороге». 49
Отвечив так, прибавил он: «Прошу,
Молись об нас, как будешь в том чертоге».
- И я: «Клянусь честью, что свершу 52
Мольбу твою. Но душу мне расстроил
Сомнений дух, и чем их разрешу?»

33. Т. е. о том, что человек живой идет в загробный мир.

42. Т. е., как никогда не случалось ни с одним из живых людей со времени Энея и апостола Павла (Ада II, 32).

45. Пусть указание твое о дороге ускорит наши шаги и послужит нам проводником; в подлиннике: *E tue parole fien le nostre scorte*.

46. Почти все комментаторы принимают этого Марко Ломбардо за венецианца, также за человека храброго, щедрого, привыкшего к придворному обращению, на что намекает стих 47. Франческо да Бути говорит, что щедрость его была преимущественно обращена к бедным дворянам и что он определил в своем духовном завещании ничего не требовать от своих должников. Оттимо, напротив, говорит, что под конец жизни он сам жил на счет щедрости других. Кроме того, по словам Бенвенуто да Имола, он был человек надменный, раздражительный и расположенный к гневливости, по поводу чего рассказывают много анекдотов (*Cento Novelle Antiche Nov.* 41, 52), по мнению Лонгфелло, не заслуживающих внимания. По мнению Филалета, это тот самый благоразумный человек, о котором сказано в историческом очерке событий в Пизе во времена Уголино (Приложение III к I книге Божественной Комедии, Ад, с. 273). Оттимо, между прочим, говорит что Ломбардо нарицательное имя и что он назван так по французской манере, так как во Франции было в обычае называть всех итальянцев ломбардцами; Марко же (Бути называете его Марко Дака) долго жил в Париже. Напротив, Боккаччо считает его прозвище Ломбардо за фамилию. Совершенно неосновательно мнение Портичелли, считающего его за знаменитого путешественника Марко Поло, так как последний жил еще при Данте и умер не ранее 1323 г., в котором было сделано его духовное завещание. «Марко Дака из Венеции, прозванный Ломбардо, был то, что в Средние века называли придворным, т. е. такой человек, который, переходя от одной династии к другой, по своим нравам, находчивости, а также по своим остроумам и запасам анекдотов повсюду был принимаем, как желанный гость, которого редко отпускали от себя иначе, как наградив щедро подарками, и который, при случае, служил в ратном деле или в посольствах». К. Витте.

48. Т. е. уже не метая из лука в эту цель, или, другими словами, никто не дорожит ею.

49. Т. е. в четвертый круг чистилища: это ответ на второй вопрос Данте.

51. «В том чертоге», т. е., когда ты будешь на небе и узришь дворы Господни (стих 41).

52-53. «Здесь Данте в первый раз высказывает, что он еще во время своего странствования сам молится за других, не дожидаясь своего возврата на землю, чтобы просить живых молиться за умерших. То же самое повторяется в Чистилища XXVI, 130». Ноттер.

53-55. В подлиннике: *Ma io scorio dentro a un dubbio, s'io non me ne spiego*, буквально: но я разорвусь от одного сомнения, если я не разрешу его себе. «Поэт сам убежден, что мир в дурном положении. То, что ему сказал об этом в XVI песни Гвидо дель Дука (простое сомнение) и то, что ему говорит теперь Марко, утверждает его в этом убеждении (удваивает сомнение). Само же сомнение состоит в том, чтобы дознаться настоящей причины этой порчи, именно: следствие ли это испорченной воли людей, или предопределения свыше и влияния звезд, как в это вообще верили в Средние века (стих 67-68). Штрекфусс. — Сказав: «Таков ли грунт страны, или свычай злой влечет там к злу для горя» (XIV, 38-39), Гвидо дель Дука оставил этот вопрос неразрешенным для Данте: это-то, собственно, и составляет простое сомнение. — «Марко порицает настоящий век (стих 48) точно так, как порицал его выше Гвидо дель Дука. Слив слова обеих теней, Данте удваивает тем самым свое сомнение и беспокойство:

— «Последую, насколько можно мне»,
Отвечил тот, «и пусть мы дымом скрыты:
Нам чуткий слух заменит взор вполне».

(Чистилище, Песнь XVI, тер. 34)

55 Сперва простое, ты теперь удвоил
Во мне сомненье, подтверждая то,
Что там слышал я, тем, что здесь усвоил.

58 Сказал ты правду, что теперь никто
Не чтит добра, что в мире нет помину
О доблестях, затоптанных в ничто.

61 Но укажи, прошу, тому причину:
На небе ли искать ее должно?
Иль на земле, и пусть я ложь низрину».

Глубокий вздох, сведенный скорбью в «О!» 64
Он испустил, и: — «Брат!» сказал в волненье:
«Слеп, слеп твой мир, а в мире ты давно!

Вы, в нем живущие, во всем вельенье 67
Лишь Неба видите, как бы всему
Необходимость лишь дает течение.

Будь это так, то вам бы дан к чему 70
Свободный выбор? Был ли б суд правдивым,
Венчая добрых, злых ввергая в тьму?

он заблуждается насчет божественного правосудия, допустившего так много прегрешений в настоящем веке». Ноттер.

62. «На небе», т. е. во влиянии звезд; «вообще во всем этом месте под именем неба надобно разуметь не Бога, а единственно это влияние созвездий. В это влияние верил и Данте наравне с современниками, но однако так, что свобода воли человека не слишком сильно ограничивается этим влиянием». Филалет.

66. «Т. е. сомнение, тобою выраженное, ясно доказывает, что ты еще житель мира (или, буквально, что ты идешь из мира), помраченного слепотою невежества и заблуждения». Скартаццини.

67-69. «В следующем положении совершенно определенно высказана свобода нравственной воли. Это положение направлено против тех, которые верили, что непреодолимое предназначение отдельной личности к специальным добродетелям или грехам прямо зависит от его созвездия; вместе с тем оно и не противоречит господствовавшему тогда учению блаж. Августина о наследственном грехе и о благодати по избранию. Ибо можно отрицать такое непреодолимое предназначение, не принимая через то падшую природу человека за способную, или, по крайней мере, за достаточно сильную для того, чтобы она по своей собственной силе могла жить, безусловно подчиняясь нравственному закону. По учению блаж. Августина, свобода воли не может уничтожаться; но он отрицает, чтобы этой своей собственной воли было достаточно для достижения святости». Каннегиссер.

70-72. «Мнение, что человек в тех случаях, где на него одновременно действуют два противоположных и совершенно равных раздражения, не имеет будто бы свободы воли и потому находится под гнетом (Рая IV, 1-3 и 7-9), — такое мнение, очевидно, не есть мнение самого Данте, но должно быть принято лишь как приноровление к научным положениям тогдашней схоластики. Данте хочет этим показать свою ученость». Ноттер. «Божественное правосудие требует от человека свободной воли, которую не должно ограничивать никакое влияние звезд. Поэт является в этих мыслях и в следующем затем изложении не только великим ученым, но и истинно глубокомысленным и просвещенным исследователем». Флейдерер. Слич: Боэция, Cons. phil. V, 2, где он говорит: „Neque enim fuerit ulla rationalis natura, quin eidem libertas adsit arbitrii“. — „Corpora coelestia in corpora quidem imprimunt directe et per se, in vires autem animae quae sunt actus organorum corporeorum, directe quidem, sed per accidens; quia necesse est huiusmodi actus harum potentiarum impediri secundum impedimenta organorum, sicut oculus turbatus non bene videt. Unde si intellectus et voluntas essent vires corporeis organis alligatae, ex necessitate sequeretur quod corpora coelestia essent causa electionum et actuum humanorum; et ex hoc sequeretur quod homo naturali instinctu ageretur ad suas actiones, sicut caetera animalia, in quibus non sunt nisi vires animae corporeis organis alligatae: nam illud quod fit in istis inferioribus ex impressione corporum coelestium, naturaliter agitur, et ita sequeretur quod homo non esset liberi arbitrii, sed haberet actiones determinatas, sicut et ceterae res naturales; quae manifeste sunt falsa“. Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CXV, art. 4. — «Уже Тертуллиан говорил, что если бы нравственные поступки зависели не от свободной воли, а были бы подчинены закону необходимости, то хорошие не заслуживали бы похвалы и дурные порицания». Каннегиссер. — „Nec boni nec mali jure merces pensaretur ei qui aut bonus aut malus necessitate fuisset inventus, non voluntate“. Тертуллиан. Contr. Marc. 1. II.

73. По астрологическим представлениям Средних веков, все происходящее на земле находилось под влиянием звезд (Рая XIII, 64). Влияние их обуславливает в животных и растениях большее или меньшее преуспеяние; самые даже камни заимствуют от звезд свои силы. Точно так и в человеке созвездие обуславливает натуру его наклонностей как телесных, так и духовных. Венера делает его восприимчи-

73 С Небес почин лишь вашим дан порывам, —
 Не всем, — но если бы и так, что ж в том?
 Есть свет, чтоб меж прямым избрать иль

лживым.

76 В вас воля есть; коль с Небом бой с трудом
 Впервые выдержит, то не легко ли
 Вскормленной победить ей уж во всем?

79 Склоняться к большей силе в вашей воле,
 Или к природе лучшей; но, создав
 В вас смысл, Они уж не блюдут вас боле.

Так, если путь, где мир идет, не прав, —
 Причина в вас, в себе ее ищите,
 И я тебе сей разъясню устав.

82

Из рук Того, Кем, прежде чем ей быть,
 Лелеется, как резвое дитя, —
 Беспечная в Его святой защите,

85

Душа исходит и, в сей мир влетя
 Невинная, без знаний, но вся радость,
 К тому, что ей приятно, льнет шутя.

88

вым к любви, Марс наделяет его воинским мужеством и охотой к воинственным забавам и т. д. Но эти дары вместе с тем и искушения. Родившиеся под влиянием Венеры более увлекаются плотскими удовольствиями, нежели те, которые явились в мир под влиянием Сатурна; но эти искушения не непреодолимые. Они должны и могут быть побеждены успешно волею, определяемой нравственным законом и освещаемой чрез божественную милость. Эта-то победа над заманивающим влиянием неба (стих 77) уподобляется восхождению на гору Чистилища. Вначале она тяжела для тела; но мало-помалу становится все более легкой и, наконец, битва вовсе уже не представляется битвою». К. Витте. — „Corpora coelestia non possunt esse per se causa operationum liberi arbitrii; possunt tamen ad hoc dispositive inclinare, in quantum imprimunt in corpus humanum, et per consequens in vires sensitivas, quae sunt actus corporalium organorum, quae inclinant ad humanos actus“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II. 2-е qu. XCV, art 5.

74. «Не всем, во-первых, побуждениям нашей души дают толчок светила; но, кроме того, всегда в человеке остается точно выраженная собственная решимость, для того чтобы стать ему соучастником высшей, «лучшей природы» и воли (собственно силы — *forza*), т. е. божественной благодати, навечно ставящей дух его превыше неизвестной силы светил (свобода во Христе)». Флейдерер.

75. «Свет», т. е. свет разума и откровения для того, чтобы отличать доброе от злого, хорошее — от дурного.

76-78. «С небом бой», т. е. со влиянием светил. «Вскормленная» воля, т. е. развитая научными познаниями, любовью и добродетелью (Сличи: Ада I, 104) «победит, во всем», — „Nihil prohibet per voluntariam actionem impediri effectum coelestium corporum, non solum in ipso homine, sed etiam in aliis rebus, ad quas hominum operatio se extendit“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. CXV, art. 6. — „Contra inclinationem coelestium corporum homo potest per rationem operari“. Ibid. p. II, 2-е qu., XCV, art 5. — Резюмируя все сказанное поэтом в стихах 67-78-м, получим следующие положения: 1) люди стараются оправдать себя в дурных своих поступках тем, что приписывают причину их влиянию светил в том смысле, что были-де побуждены к таким поступкам силою необходимости; 2) такое учение совершенно уничтожает свободный выбор, свободную волю и обвиняет в несправедливости Бога, награждающего добро и наказующего зло; 3) хотя и верно, что небо, т. е. светила, ниспосылает в человека первые наклонности — побуждения, порывы, хотя и не все, так как некоторые из них приобретаются дурными привычками; однако ж, 4) руководствуясь светом разума и откровения, человек может и должен бороться против влияния светил, т. е. дурных природных наклонностей; 5) эта борьба хотя трудна и утомительна вначале, но тем не менее 6) человеку удастся вполне преодолеть элементы, сообщенные небом — светилами, если только свободная воля питается сказанным светом». Скартаццини.

79. Т. е. Богу, воля которого (сила) больше, а природа несравненно совершеннее силы и природы небесных тел.

80. Т. е. Бог, создавая вас, не лишил вас свободной воли, не побуждая вас ни к доброму, ни к злому; разумная же и интеллектуальная душа ваша создана силою и природою самого Бога, — вопреки мнению некоторых средневековых схоластиков, полагавших, что хотя душа человека и рождена Богом, но не непосредственно Им. Данте следует здесь Фоме Аквинскому: „Anima brutorum producitur ex virtute aliqua corporea, anima vero humana a Deo“. Sum. Theol. p. I, qu. LXXV, art 6; и далее: „Quidam posuerunt quod Angeli, secundum quod operantur in virtute Dei, causant animas rationales. Sed hoc est omnino impossibile, et a fide alienum. Ostensum est enim, quod anima rationalis non potest produci nisi per creationem. Solus autem Deus potest creare... Anima rationalis non potest produci nisi a Deo immediate“. Ibid. qu. XC, art. 3.

80-81. «Даже и после грехопадения у человека все еще остались разум и свободная воля, хотя и в ослабленной степени. Но в борьбе с грехом человек нуждается в божественной милости. Он должен следовать влечению этой высшей силы, для того чтобы устоять в этой борьбе; но и это следование есть движение добровольное. Человек должен действовать одновременно с милостью Господнею. Если, таким образом, он останется победителем в первой битве и получит оправдание, то благодать содействующая и его собственное усилие приведут его в общение с истинной свободой чад Господних, где ему уже нечего опасаться какого бы то ни было влияния светил. Исходя из этой богословской точки зрения, можно под сказанной «лучшей природой» разумеать движимую самим Божеством высшую волю, а под «смыслом» (в подлиннике *mente*) — привычку к добру, в чем и состоит добродетель». Филалет.

85-93. «Для того чтобы перейти к основанному на борьбе за свободу воли души, самим Богом установленному «церковно-государственному» мироправлению, — Данте возвращается к возникновению самой души, которое он понимает, как акт божественного творчества. Слич: Чистилища XXV». Флейдерер.

91 Ничтожных благ сперва вкусивши сладость,
Гонясь за ней, теряет путь тогда,
Пока узда иль вождь не сдержит младость.

94 На то закона и нужна узда,
Необходима и царя защита,
Чтоб башню Правды Града знать всегда.

97 Закон? Но кто хранит его открыто!
Никто! Затем что жвачку Пастырь ваш
Хоть и жует, но не двойт копыта;

Через то народ, приметя, что сам страж 100
Бьет лишь на то, к чему и сам он падок, —
Ест тот же корм и сам идет туда ж.

Теперь пойми, что, если в беспорядок 103
Пришел весь мир, вина — в дурном вожде,
А не в природе, введшей вас в упадок.

Так Рим, державший целый мир в узде, 106
Имел два солнца, чтоб светили двое
В путях: мирских и божеских, — везде.

85. «Прежде чем ей быти» (*prima che sia*) — оборот речи церковно-славянский, как в Псал. LXXXIX, 3: «Прежде далее горам не быти», и Иерем. I, 5: «Прежде неже мне создати тя во чреве, познах ты, и прежде неже изыти тебе из ложеи, освятих тя».

86. «Как резвое дитя» (*a guisa di fanciulla*, девочка) — сравнение заимствовано из Платона (*Olimpiodorus*): ὅτι χοριχῶς μὲν εἰς γένεσιν χάτεισιν ἢ φυχή, наподобие девочки нисходит душа в рождении.

87. В подлиннике: *Che piangendo e ridendo pargoleggia*, которая плачет и смеется играя, «чем выражается, что мы уже от природы расположены к страстям и что с этим расположением уже рождаемся и потому изменчивы, как дети». Бути.

88. «Схоластики объясняли душу человеческую как чистую форму; но так как она вместе с тем есть и субстанция, каждая же субстанция существует вне Божества, или же должна быть из возможности (*potentia*) переводима в действительности (*actus*), то отсюда приходили в затруднение, когда не принимали никакой материи для души, под чем именно разумелось *ens in potentia*. Чтобы выйти из этого затруднения, ничего более не находили, как принять душу за продукт чистого творческого акта, для чего требовалось допущение не иной какой материи, кроме чистой мысли бытия в божественной сущности, Фома Акв. *Sum. Theol. p. I, qu. XC*». Филалет.

89-93. «Испешдая от самого Бога, душа стремится возвратиться опять к Богу же, как к высочайшему благу. Во всем, что ей кажется сколько-нибудь хорошим, она мнит видеть Его образ, и потому устремляется к этому мнимому благу. Но при этом она нередко ошибается, почему и нуждается в поучении (вожде) и дисциплине (узде), которые удерживали бы ее от преследования ошибочных целей». К. Витте.

91-92. Данте говорит в своем *Convivio*, IV, 12: «Высочайшее желание всего сущего и прежде всего дарованное ему природою — возвращение к своему источнику; а как Бог есть источник наших душ и создатель их по своему образу, как написано: «Сотворим человека по нашему образу и подобию», то душа эта, главным образом, желает возвратиться к Нему. И как пилигрим, идущий по дороге, на которой он никогда прежде не бывал, принимает каждый дом, который он издали видит, за гостиницу, и увидя, что это не гостиница, направляет свою надежду на другой дом, и так от дома к дому, пока не достигнет гостиницы, точно таким же образом душа наша, тотчас как вступит в новый и не пройденный ею путь сей жизни, обращает глаза к цели ее высочайшего блага; и потому что ни увидит она кажущееся ей заключающим в себе какое-нибудь благо, она считает, что это именно оно и есть. А как ее знание в начале несовершенно, и так как душа неопытна и не научена, то малые блага кажутся ей большими, а потому с них и начинаются ее желания. И вот мы видим, что дети чрезмерно хотят сперва иметь яблоко, а потом, идя далее, желают иметь птичку, еще далее — красивую одежду, а потом — лошадь, затем — женщину, а затем — богатство не очень большое, а потом — побольше, и потом еще больше. И это происходит оттого, что она не находит во всех сих вещах того, чего она ищет, и полагает найти его дальше».

92. «Из стихов 67-69 видно, что это изречение не означает, что душа без руководства и вождя должна необходимо выбрать себе дурную дорогу. Слич: Чистилища XVIII, 61-75». Ноттер.

93. «Узда», удерживающая душу от стремления к ложным благам. «Вождь» — направлявший ее к благу истинному.

94-96. *Convivio*, tr. IV, c. 4: „A perfezione della umana spezie conviene essere uno quasi nocchiere, che considerando le diverse condizioni del mondo, e li diversi e necessarj ufficj ordinando, abbia del tutto universale e irrepugnabile ufficio di comandare. E questo ufficio è per eccellenzia imperio chiamato e chi a questo ufficio è posto, è chiamato imperadore“. — Царь (в подлиннике король, реге) означает, очевидно, императора. Этот

стих освещается наилучшим образом соответствующими местами из *Convivio* и *Liber de Monarchia*. «Чтобы достигнуть своей высшей божественной цели, род человеческий прежде всего нуждается во внешнем мире, чтобы отдельные личности людей, города и государства не приходили во враждебные столкновения друг с другом, но взаимно бы друг другу помогали. Для того же, чтобы не нарушалось это мирное состояние, необходимо, чтобы люди познавали правое и хотели бы иметь его. Первое достигается существованием писанных законов, последнее — присутствием единовластителя, императора, поставленного столь высоко, что он владеет всем, так что и желать ему больше нечего, и потому может быть нелицеприятным судьей королей. В его ведении находится лишь то, что относится к воле человека, почему он также называется всадником человеческой воли. Напротив, область мышления и познания что ни на есть высшего в человеке не подлежит его скипетру. На него должно смотреть, как на того, который постоянно имеет в виду не более, как внешние стены Божественного Града (в подлиннике: башню, *la torre*), ограждаемые им от внешних врагов соблюдением существующих законов и правосудием». Филалет. Ноттер. — «Прежде всего человечество нуждается в мирном правителе, который бы в „Граде Правды“, в Божьем царстве на земле, имел в виду башню, т. е. обеспечивал бы внешний мир человечества. — Этим обозначается необходимость и круг деятельности императорства, в отличие от папства». Флейдерер. Слич: Ада I, 71, 124; Рая XXVII, 139 и след.

97. Хотя и есть необходимые законы, но кто же заботится об их исполнении? Император об этом не заботится, так как он далек от Италии; господствующий там папство, т. е. папа, столь же мало о них заботится, напротив, препятствует, чтобы где-нибудь утвердилось нравственное правление.

98-99. Данте сравнивает здесь папу с нечистым животным, намекая на закон Моисеев, разделяющий животных, относительно употребления их в пищу, на чистых и нечистых (Левит XI, 3, и след.; Второзак. XIV, 7 и след.). Об аллегорическом значении этого закона Моисея Фома Аквинский говорит: „Animal enim quod ruminat et ungulam findit, mundum est significatione, quia fissio ungulae significat distinctionem duorum testamentorum, vel Patris et Filii, vel duarum naturarum in Christo, vel discretionem boni et mali; ruminatio autem significat meditationem Scripturarum, et sanum intellectum earum“. Sum. Theol., р. I, 2-е qu. CII, art. 6. — По объяснению блаж. Августина, отрывание жвачки обозначает мудрость, двойное копыт — нравственность; словом, — под первым разумелось в Средние века познание божественных вещей, под вторыми — безупречный образ жизни и христианская деятельность. (По мнению некоторых, нераздвоенное копыто обозначает папский двор, не различающий светской власти от духовной; но что же обозначает в таком случае отрывание жвачки?) Итак, очевидно, что Данте, придерживаясь учения Фома Аквинского, хочет сказать, что хотя папа и мог бы размышлять и понимать Писание, но не желает различать пути мира от божественных, папский посох от меча, или правления: временное и духовное. Так его понимали и другие комментаторы, напр. *Postillatore Cassinese*: „Non habet ungulas scissas, idest, non habet discretionem nec facit inter temporalia et spiritualia differentiam“. — Петр Данте: „Praesentes pastores, licet sint sapientes, et sic ruminant, tamen non habent ungulas fissas in discernendo et dividendo temporalia a spiritualibus“. Ландино. — По мнению Филалета, Ноттера и Флейдерера, под отрыванием жвачки должно разуметь толкование о добродетели и законах, под двойным копыт — добрые поступки, и, в особенности, щедрость, в противоположность сжатому кулаку, признаку скупости (Ада VII, 56). В таком случае Данте, по-видимому, хочет сказать, что правящий теперь папа Бонифаций VIII, хотя и жует жвачку, т. е. знает христианское учение, или то, что он под сим разумеет, декреты (Рая IX, 134), и много о них толкует; но как образец, который он должен представлять в жизни, он не имеет раздвоенных копыт. Последнее же обозначает, что не только папа не идет путем добродетели, но и указывает специально на его алчность, что он все держит в крепко сжатом кулаке. В нем удерживается папой все притекающее в Рим золото и отнятая у императора власть.

102. «Тот же корм», т. е. земные богатства и светское могущество и почести, как сказано в старинном французском стихотворении, приведенном в комментарии Лонгфелло:

Au temps passé du siècle d'or
Crosse de bois, évêque d'or;
Maintenant changent les lois,
Crosse d'or, évêque de bois.

103-105. «Это — пастыри бессмысленные: все смотрят на свою дорогу, каждый до последнего, на свою корысть». Исайя LVI, 11. — «Народ мой был как погибшие овцы; пастыри их совратили их с пути, разогнали их по горам». Иеремии, L, 6.

106-108. «Два солнца», т. е. папа и император. «Первый должен вести человека к вечному блаженству, указывая ему путь божественный; второй — руководить человеком в достижении им блаженства в этой жизни, указывая ему пути мирские. Обе эти власти Данте называет солнцем в том смысле, как оно им

109 Теперь одним погашено́ другое,
Меч слит с жезлом и, два в одних руках,
Естественно, ведут лишь на дурное.

112 Слиясь, один убил к другому страх.
Коль мне не веришь, — посмотри
на семя:
По семени познаешь злак в полях.

115 Где льется По с Адигем, — в прежне время
Повсюду честь встречали на пути,
Пока в раздор не ввел там Фридрих племя.

Теперь же может целый край пройти 118
Тот, кто стыдится к добрым в их отчизне
Не только речь начать, но подойти.

Три старца там остались — к укоризне 121
Новейших дней, и, древних арьергард,
Ждут, скоро ль Бог возьмет их к лучшей
жизни,

Куррадо да Палаццо, и Герард, 124
И Гвидо да Кастель, тот, чье хранимо
У франков прозвище: простой Ломбард.

принято в Ада I, 17 (Che mena dritto altrui per ogni calle). — Это изречение совершенно объясняется тем, что сказано Данте в Liber de Monarchia III, с. 16». Скартаццини. — «Итак, два солнца, а не одно солнце папства», «месяцем коего служит императорство», как сказал папа Григорий VII». Флейдерер. — Папа Бонифаций VIII сказал по поводу императора Альбрехта: „Io son Cesare, io l'imperadore“. 109-112. Слившись между собою в одной руке, эти две власти, естественно, не имеют более уважения друг к другу, а чрез это уничтожается осторожное исполнение той и другой. „Quando li cherici non avevano se non lo spirituale, temevano di fallire e di vivere disonestamente se non per l'amore di Dio, al meno per paura de' secolari che, vedendo la loro mala vita, non denegassero loro le loro elemosine; e così li secolari temevano difallire e vivere male, considerando lo prelado è si diritto che non m'assolverà; ora vedendo lo cherico dato a le cose temporali, dice: Così passo fare io, com'elli“. Бути.

114. Намек на слова Спасителя: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак по плодам их узнаете их». Матф. VII, 16-18 и 20. Данте извратил эти евангельские слова: по семени узнают злак, а не по злаку семя.

115. «Льется По с Адигем» — этим обозначаются область Тревизская Ломбардия и Романья.

117. «Фридрих II Гогенштауфенский, так как с него началась борьба императоров с папами. Ада X, 119. Все комментаторы разумеют здесь ссоры этого императора с папами Гонорием III, Григорием IX и Иннокентием IV (что, впрочем, исторически не доказано, Виго, Dante e la Sicilia, p. 19). — „Per Lombardia et per la Marca Trevigiana si soleva trovare liberalità, magnanimità et cortesia; ma ora nullo si sa di quelle, et questo è stato dappoi che Federigo, cioè lo'imperio, è stato imbrigato da' cherici“. Бенвенуто Рамбалди. Очевидно, поэт порицает в этом месте не только папство, но и императора, приписывая им обоим вину порчи нравов в народе — новое доказательство справедливости и беспристрастия его суждений». Скартаццини.

118-120. «Жесточайшая ирония! Всякий негодяй, которому прежде стыд не позволял не только говорить, но даже приблизиться к честному человеку, может теперь спокойно проходить по этим странам в полной уверенности, что не встретит хорошего человека, к которому бы он не посмел приблизиться». Скартаццини.

124-126. Куррадо да Палаццо, из древней брешианской фамилии, в 1279 г. был подестою в Сиене и вообще был, по-видимому, человеком, часто призывавшимся на эту должность в различные города. — Герардо да Каммино, предводитель гвельфской партии в марке Тревизианской, уже в 1206 г. головой в Фельтро и Беллуно. С 1283 по 1305 г. он управлял в Тревизо. Умер в 1307 г. В своем Convivio Данте отзывается о нем с большой похвалой. По словам Тирабоски, он был почитатель и покровитель провансальских поэтов. — Гвидо да Кастель — гвельфская фамилия Роберти, делилась на две ветви: Гвидо принадлежал к ветви да Кастелло и был родом из Реджио». См. Филалет. Лонгфелло. К. Витте.

126. Французы и вообще ультрамонтаны называли в Средние века итальянцев ломбардцами. В Париже улица, называемая теперь Rue des Italiens, до шестидесятых годов XIX столетия называлась Rue des Lombards. Боккаччо в одной из своих новелл заставляет двух французов сказать об итальянцах: „Questi Lombardi cani“. «Простой ломбард» означает, что Кастель отличался безукоризненной прямою и честностью.

<p>127 Всем объяви теперь, что церковь Рима,
Две власти разные в себе смешав,
Упала в грязь, а с ней — и диадима».</p>	<p>— «Обман ли то, иль шутка надо мной!» 136
Вскричал он, «как, тосканцу я внимаю,
А он не знает: Герард кто такой?</p>
<p>130 — «О Марко мой!» воскликнул я, «ты прав!
И понял я теперь, зачем от веку
Род Левия лишен в наследье прав.</p>	<p>Под именем другим его не знаю; 139
Скажу лишь то, что Гайя дочь ему.
Бог с вами! Дальше вас не провожаю.</p>
<p>133 Кто ж тот Герард, кому, как человеку
Былых времен, дано служить судьбой
Живым укором варварскому веку?»</p>	<p>Уже заря, сверкая там в дыму, 142
Белеется, и Ангел показался,
А я не смею подойти к нему».</p>
	Так он сказал и слушать отказался. 145

127. Это ответ на вопрос, предложенный Данте в стихах 58-63, т. е., что мир пришел в упадок, виною тому церковь римская, смешавшая власть светскую с духовной, повергшаяся в грязь и запачкавшая и себя, и свою тиару.

129. „Ante omnia ergo dicimus, unumquemque debere materiae pondus propriis humeris excipere aequale, ne forte humerorum nimio gravatam virtutem in coenum cespitare necesse sit“. Данте, *De Vulg. Eloq. lib. II*, с. 4.

130-131. «И сказал Господь Аарону: в земле их не будешь иметь удела и части не будет тебе между ними. Я часть твоя и удел твой среди сынов Израилевых». Числ XVIII, 20. — «Только колену Левину не дал он удела: жертвы Господа Бога Израилева суть удел его, как сказал ему Господь». Иисуса Навина XIII, 14.

133-134. Как тосканец, Данте не мог не знать о Герарде, имя которого было известно всей Тоскане; но поэт делает вид, что он не знает его, затем чтобы вызвать его этим на упоминание об его дочери Гайе.

140. Герардо имел дочь, названную, вследствие ее красоты, Ганей (Gaja — радостная); «она была так скромна и добродетельна, что слава о ее красоте и добродетели распространилась по всей Италии». Бути. — Напротив Оттимо, предшественник Бути, говорит о ней несколько иначе: «Madonna Gaja была дочь мессера Герардо в Каммино; это была синьора такого поведения в любовных удовольствиях, что имя ее стало пресловутым по всей Италии; почему и говорится здесь о ней в таком смысле». — «Все это, впрочем, одни предположения: известно только то, что она умерла в 1311 г. и погребена в Тревизо». К. Витте.

143-144. Души в чистилище, по их собственной воле и желанию скорее очиститься, не покидают круга назначенного им мучения (Чистилища XXI, 51 и примеч.).

ПЕСНЬ XVII

Третий круг. — Гневливые. — Выход из дыма. — Примеры свирепого гнева в видениях. — Ангел мира. — Подъем в четвертый круг. — Ночь. — Любовь как корень всех добродетелей и всех пороков.

<p>1 Читатель, если в Альпах в облак тонкий
Когда-нибудь вступал ты и сквозь пар
Смотрел, как крот глядит чрез перепонки, —</p>	<p>Так, по стопам учителя стремясь,
Я шел из облака, облит лучами,
Которых блеск уж под горой угас.</p>	10
<p>4 То помнишь ли, как тускло солнца шар
Во влажные вступает испаренья,
Когда их в небе разрезает жар?</p>	<p>Фантазия! Ты с внешними вещами
Так рознишь нас, что уж не слышим мы,
Хоть тысяча б гремела труб пред нами.</p>	13
<p>7 И даст тебе полет воображенья
Представить то, как солнце в этот раз
Явилось мне в минуту захожденья.</p>	<p>Кто ж шлет тебя, коль чувства в нас немы?
Шлет свет тебя! Он сходит сам, иль сила
Небесная нам льет его в умы.</p>	16

3. «По существовавшему в Средние века мнению, кроты лишены зрения. Учитель Данте Брунетто Латини говорит в своем *Tesoro*: „Sapiate, che la talpe non vede lume, che natura non volle adoperare in lei d'aprire le pelli de suoi occhi, si che non vede niente, perche non sono aperti. Ma ella vede con la mente de cuore, tanto che ella vae come se ella avesse occhi“. Впрочем, Сави в Пизе нашел на Апеннинах породу кротов, по-видимому, совершенно слепых, названную поэтому *talpa caeca*. Глазное яблоко, выдающееся у обыкновенных кротов конусообразно из расщелины глаза, — у них совершенно покрыто кожей, имеющей у обыкновенных пород весьма небольшое отверстие». Филалет.

10-12. Лучи заходившего (стих 9) солнца освещали одни лишь верхние круги горы, тогда как внизу уже наступила ночь.

13. «Фантазия», в подлиннике: *imaginativa*. Она — хранительница чувственных образов. — „Ad harum autem formarum retentionem aut conservationem ordinatur phantasia, sive imaginatio quae idem sunt; est enim phantasia, sive imaginatio quasi thesaurus quidam formarum per sensum acceptarum“. Фома Акв. *Sum. Theol.* p. I, qu. LXXVIII, art. 4.

15. Из жизни Данте приводят случаи, где он сам до такой степени был увлечен своей фантазией, что не замечал окружающего; так однажды, погруженный в чтение книги на улице в Сиене, он не заметил длинной, проходившей мимо него при громе труб, праздничной процессии. Боккаччо.

17. «По мнению поэта, возбуждение фантазии, — если не является следствием внешнего, чувственного повода, — то объясняется действием разлитого по всей вселенной света (Чистилища III, 30), как бы на-питанного отпечатками давно совершившихся событий; порою он действует на нас случайно, сам собой, порою, — по изволению Божьему, представляет человеку один из таких образов». Ноттер.

19. По изволению Божьему, как и в Чистилища XV, 85 и прим., в фантазии поэта являются многие образы; предмет их — гибельное действие гнева; здесь они играют роль узды, тогда как в XV песне имели значение побудителей — бичей.

19-21. Миф о Филомеле (*Ovid. Metam.* VI, 412-676). Насильственно обесчещенная своим тестем Тереем и лишенная им языка, Филомела умертвила вместе с сестрой своей Прогной (женой Терее) Итиса, сына своего от Терее, и приготовила его голову в виде блюда Терее, в неведении съевшего ее. Затем все действующие лица этой драмы превращены в птиц: Терей в удода, Прогна в ласточку, Филомела в соловья. Слич: Чистилища IX, 15 прим. Гомер рассказывает этот миф иначе:

Плачет Аида, Пандорова дочь бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос;
Плача, Итилосо милого, сына Цетосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.

Одиссея, Жуковский XIX, 518-523.

<p>19 Злодейство той, кто вид свой изменила,
Став птицею, привыкшей распевать,
Фантазия! Ты мне теперь явила.</p>	<p>Лик девушки в видении моем 34
Предстал в слезах, с словами: «О родная!
Почто ничем во гневе ты своем</p>
<p>22 И здесь мой дух замкнулся так опять
В самом себе, что ничего из мира,
Из внешнего, не мог уж воспринять.</p>	<p>Решилась стать, Лавинию спасая? 37
Убив себя, теряешь дочь, и вот
Я с матерью теряю вольность края».</p>
<p>25 Затем в мечты ниспал, как дождь с эфира,
Свиреп и дик, тот гордый изувер,
Кто на кресте был распят после пира.</p>	<p>Как греза рушится, когда падет 40
Внезапный свет в закрытые нам очи,
Дрожа в обломках, прежде чем умрет, —</p>
<p>28 Вокруг него: великий Ассуер;
Эсфирь царица; Мардохей, друг блага,
В делах и в слове честности пример.</p>	<p>Так этот призрак канул в сумрак ночи, 43
Лишь только свет лицо мне озарил
Сильней того, что вынести в нашей мочи.</p>
<p>31 Едва сама собой исчезла сага,
Как дождевой пузырь, как скоро в нем
Создавшая его иссякнет влага, —</p>	<p>Я взор обвел, чтоб видеть, где я был; 46
Вдруг чей-то глас, сказав: «Здесь
всходят в гору!»
От всех иных предметов отвратил</p>

25-30. Кн. Есфирь VII, 9-10: «И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Аман для Мардохея, говорившего доброе для царя, стоит у дома Амана, вышиною в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесьте его на нем. И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. И гнев царя утих». Данте следовал здесь, конечно, латинскому переводу Библии (Vulgata), где Артаксеркс нашей Библии называется Assuerus и вместо виселицы говорится о кресте „Et iussit excelsam parari crucem“. Esth. V, 14.

31. «Сага», т. е. легендарный образ этого сказания. Слово сага достаточно известно в нашей литературе, почему я и решился употребить его взамен образа.

34-39. Третье видение Данте заимствовал, в честь своего учителя Вергилия, из Энеиды (XII, 601 и далее). Лицо, говорящее здесь, — Лавиния, единственная дочь царя Лациума Латина (Ада IV, 125- 126) и Аматы. Последняя в гневе, или, лучше сказать, в отчаянии, что ее дочь Лавиния, просватанная ею за царя рутулов Турна, должна была выйти замуж, вопреки желанию матери, за Энея, решилась в досаде и бессильной злобе повеситься, находясь при этом в неведении, что Турн уже побежден и убит Энеем, хотя в действительности он был еще жив в то время, когда Амата решилась на самоубийство. В письме к Генриху VII Данте говорит: „Haec Amata illa impatiens, quae, repulso fatali connubio, quem fata negabant generum sibi adscire non timuit, sed in bella furialiter provocavit, et demum, male ausa luendo laqueo se suspendit“.

36. В подлиннике: *Per ché per ira hai voluto esser nulla?* Самоубийца действительно полагает в минуту совершения им преступления, что уничтожает себя. Нечего, кажется, говорить, что Данте не сомневался в бессмертии души.

40-42. Действуя через закрытые веки на сетчатую оболочку глаза, внезапный свет вызывает пробуждение; но сознание не может тотчас же освободиться от сна, и грезы, вызванные сном, как бы раздробленные на части или обломки, носятся (собственно, животрепещут: *guizza*) перед глазами пробудившегося.

44. Свет от ангела, охраняющего этот круг.

47. «Свет внезапно поражает очи Данте, восхищенное экстазом воображение которого все еще погружено в созерцание пагубных последствий гнева, и когда он, ослепленный блеском и расстроенный, спрашивает самого себя, где он находится, к внезапному свету присоединяется еще чей-то голос, который, кротко приглашая его взойти на гору, вместе с тем разгоняет перед ним все странные видения. Этот свет и голос исходят от ангела мира и первый, конечно, ослепляет и угнетает только что выступившего из

49 Мне мысль, и так хотелось мне в ту пору
Узреть того, кто так вещает с гор,
Что я предстать к его не медлил взору.

52 Но, словно солнце, что, слепя нам взор,
В избытке света образ свой скрывает, —
Он поразил глаза мои в упор.

55 — «Божественный то дух! Он предлагает
Без наших просьб длань помощи тебе,
И сам себя во свет свой облакает;

58 Он нам дает, как каждый сам себе,
Затем что всяк, кто просьбы ждет от брата,
Готов злорадно отказать в мольбе.

Спешим на зов! Коль не минуем ската 61
И не войдем, покамест длится день,
Придется ожидать нам дня возврата».

Так вождь сказал, и я за ним, как тень, 64
Направил шаг в обитель благодати,
И лишь вошел на первую ступень,

Как за собой услышал глас: «Beati 67
Pacifici», и ветер, как бы от крыл,
Пахнул в меня, чтоб снять с лица печати.

Так высоко над нами уж светил 70
Последний луч, за коим ночь приходит,
Что там и сям сверкнул уж блеск светил.

дыма гнева; но, слившись тотчас же с голосом, вливающим в глубину души чувство безопасности, просвещает и побуждает человека на тех мирных путях, где благополучно шествуют люди кроткие». Перед.

49. Буквальный перевод: E fece la mia voglia tanto pronta.

52-54. «Сила моего зрения была бессильна усмотреть представший мне предмет, подобно тому, как она уничтожается при взгляде на солнце; ослепляя глаза чрезмерным своим блеском, оно скрывает в нем свой вид». Скартаццини.

55-56. «Без наших просьб». Человеколюбие не требует, чтобы его просили, оно подает помощь без просьб, по доброй воле. „La terza cosa, nella quale si può notare la pronta liberalità, si è dare non domandato: perciocchè dare 'l domandato è da una parte non virtù, ma mercatanzia: perocchè quello ricevitore compera, tutto ch'è 'l datore non venda; perchè dice Seneca: che nulla cosa più cara si compara, che quella dove l'prieghi si spendono“ (Сенека, De Benef. 1. II, C, 1: Nulla res carius constat, quam quae praecibus empta est). Onde, acciocchè nel dono sia pronta liberalità è che essa si possa in esso notare, allorè, conviene essere netto d'ogni atto di mercatanzia; e così conviene essere lo dono non domandato. Convivio, tr. I, c. 8 in fin.

57. «Ты одеваешься светом, как ризою». Псалт. CIII, 2.

58-60. Человек не ждет от самого себя просьбы, чтобы сделать себе что-нибудь приятное. Данте сравнивает здесь любовь ангела к людям с собственной любовью последних к самим себе. Ангел поступает здесь по евангельскому правилу: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Луки, VI, 31; Матф. VII, 12; «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Марк. XII, 31; Посл. к Галат. V, 14 Левит XIX, 18.

60. „Tarde velle nolentis est; qui distulit din, noluit“, говорит Сенека, De Benef. 1. II с. 1, цитата Ломбарди.

63. О причине, препятствующей восходить на гору по захождении солнца, см. Чистилища VII, 44 и далее.

65. Т. е. в следующий круг чистилища.

67. „Beati pacifici, quoniam filii Dei vocabuntur — блаженны миротворцы, яко сынами Божиими нарекутся“. Матф. V, 9. В подлиннике к латинским словам Beati pacifici еще прибавлено: che son senza ira mala, т. е. в которых нет неправедного гнева. Так в Писании говорится о гневе Божием, который именно не есть гнев неправедный. Так и псалмопевец говорит: «Гневаясь не согрешайте». Псалт. IV, 5. Данте различает здесь ira mala от ira buona, различие, излагаемое подробно Фомаю Аквинским, Sum. Theol. p. II, 2 ae, qu. CLVIII, art 1, 2, 3. Скартаццини.

68. Этот ветер возникает от веяния крыл ангела, снимающего еще одно Р с чела поэта.

70-72. «Когда нам случается быть на значительной высоте и когда солнце, скрытое от наших глаз в низменных долинах, позлащает только самые возвышенные вершины гор, — в чистой и прозрачной атмосфере начинают показываться в разных местах неба звезды первой величины, блеску которых не делает значительного препятствия чистый покров, составляющий сумерки угасающего света». Антонелли. — «Итак, со времени восхождения в третий круг прошло еще около трех часов. Теперь, стало быть, 28 марта, или 8 апреля, или 11 апреля, около 6 ч. вечера». Филалет.

<p>73 «О силы! Что ж вас в немощь ночь приводит?»
В душе сказал я, чуя, как тяжел
Истомы гнет, что на меня нисходит.</p>	<p>— «Любовь к добру, ослабшую в полете», 85
Он проведал, «вновь проявляют тут;
Отсталое весло тут вновь в работе.</p>
<p>76 Мы были там, где дальше уж не вел
Ход лестницы, и скрылись мы под кровом
Горы, как челн, который в порт вошел.</p>	<p>Но, чтоб понять тебе был легче труд, — 88
В час отдыха впери в меня мышленье;
Слова мои плод добрый принесут.</p>
<p>79 И чтоб узнать, что в этом круге новом, —
На миг свой слух напряг я у межи;
Потом к вождю так обратился с словом:</p>	<p>Ты знаешь, сын, не может быть творенье, 91
Ни сам Творец творенья без любви
Природной иль духовной ни мгновенье.</p>
<p>82 — «Отец мой добрый, что за грех, скажи,
Здесь очищается в скалистом гроте?
Ты шаг сдержал, но слова не удержи».</p>	<p>В природе нет ошибки; но, увы! 94
Другая впасть в ошибку может — целью,
Избытком сил иль слабостью в крови.</p>

73-75. «Наступает утомление, потому что исчезает свет, который лишь один придает силу и терпение на дороге к добру». Штрекфусс. С наступлением ночи наступает вообще бездействие в чистилище.

80. Т. е. в четвертом, где накажется грех уныния, стих 85 и далее.

83. «В скалистом гроте,» т. е. в этом круге, названном мною (для рифмы) гротом, подобно тому, как и Данте нередко употребляет это выражение для обозначения скал (Чистилища III, 90; XIII, 45; XXVII, 87, равно и во многих местах Ада XIV, 114; XXI, 110; XXXIV, 9).

85. «Любовь к добру, ослабшую в полете», в подлиннике: *L'amor del bene, scemo di suo dover*, т. е. ослабленную в исполнении своего долга. Этими словами Данте определяет грех уныния, состоящий в недостатке любви ко благу. „*Acedia ita deprimit animum hominis, ut nihil ei agere libeat; sicuti ea quae sunt acida, etiam frigida sunt. Et ideo acedia importat quoddam taedium operandi ut patet per hoc quod dicitur in glossa (ord. Aug.) super illud psal. 106: Omnem escam abominata est anima eorum; et a quibusdam dicitur quod acedia est torpor mentis bono negligentis inchoare*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae, qu. XXXV, art. 1. „*Tristari de bono divino, de quo charitas gaudet, pertinet ad specialem vitium, quod acedia vocatur*“. Ibid. art 2.

87. In quest o luogo si emenda quello che s' è male indugiato nel mondo; e parla per similitudine: come li naviganti che sono stati infingardi a vogare, sono fatti dal nocchieri ristorare poi nel luogo dove può intendere a loro; così quive s'emenda coll'ardore de la mente la negligenza avuta in questa vita ne le buone operazioni». Бути.

91. В следующих стихах поэт дает образ морального построения чистилища, точно так, как он представил нам его для ада в XI песне 1-й части своей поэмы. Для достижения этой цели он, следуя Фоме Аквинскому, излагает такое учение. Любовь может быть двоякая: естественная, природная, инстинкт, и любовь душевная, духовная, рождаемая руководимыми свободной волей стремлениями. Первая любовь произвольная, зато верная относительно своего предмета. Вторая либо избирает ложный предмет, либо устремляется на надлежащий предмет без меры, или слишком нерадиво, или слишком горячо. Если она выбирает первое, т. е. главнейшее, небесное благо, и стремится ко второму благу, т. е. к земному счастью, но в известной мере и надлежащем порядке, тогда она приводит к добродетели, в противном же случае — к пороку, который есть насилие против Создателя, предназначившего нас к доброму и радостному. Сбившуюся с пути своего любовь, которая ведет к ненависти, человек не может направить ни против самого себя (стихи 106-108), ни против Бога (стихи 109-111), ибо все это противоречило бы естественному стремлению. Потому любовь к дурному может быть направлена лишь во вред ближнего. Она ведет к высокомерию (стихи 121-123). Эта любовь, от которой очищаются тени в первых трех кругах, грешит в выборе предмета. Выше на горе очищаются те души, любовь которых не держалась надлежащей меры, и прежде всего те, которые были слишком вялы в любви своей к первому благу, к божественному, далее — те, которые были слишком пылки в своих стремлениях к земным благам». Штрекфусс. — «Ты знаешь», намек на Ифику Аристотеля.

<p>97 Быв предана небесных благ веселью
И благ земных ища не без конца,
Она греху не станет колыбелью.</p> <p>100 Но к злу склоняясь иль стремя сердца
Ко благу больше иль слабей, чем надо, —
Тварь восстает тем самым на Творца.</p> <p>103 Любовь — отсюда сам поймешь ты, чадо, —
Дает посев делам, как полным благ,
Так полным зла, за них же казнь — награда.</p> | <p>А как любовь к самим себе никак 106
Не может выгоды своей не видеть,
То нет существ, кто б сам себе был враг.</p> <p>И как нельзя представить, ни предвидеть, 109
Чтоб кто вне Бога сам собой быть мог,
То нет причин и Бога ненавидеть.</p> <p>«Итак, осталась (коль мой вывод строг) 112
Любовь одна — любовь творить зло ближним,
И в теле вашем ей тройной исток.</p> |
|---|--|

92. «Бог есть любовь» (Иоан. I посл. IV, 8) — учение, многократно развиваемое отцами церкви. Слич: Варки, *Lezioni lette nell' Accademia Fiorentina Fir. 1594, Vol. I, p. 164*; также Оцанам, *Dante et la philosophie catholique, Paris, 1845, p. 122* и др.

93. Природная, т. е. врожденная, инстинктивное, естественное стремление всех тел; духовная — любовь по выбору, любовь моральная, или любовь свободных существ. „*Omne agens quodcumque sit, agit quatumcumque actionem ex aliquo amore*“. Фома Акв. *Sum. Theol. P. I, 2-ое qu. XXVIII, art. 6*; слич также *Convivio, tr III, c. 3*.

94. «Инстинкт, предоставленный сам себе, никогда не ошибается; а если когда и кажется ошибающимся в человеке, то ошибка здесь не со стороны инстинкта, а со стороны моральной любви; инстинкт в таком случае встречает препятствие к проявлению своей силы». Скартаццини.

95. Т. е. любовь свободная или по выбору. Она ошибается трояким образом, а именно: во-первых, избирая дурное: а) стараясь первенствовать, затоптать ближнего — гордость; в) страдая внутренне из страха быть униженной чрез повышение других — зависть; с) считая себя жестоко обиженной и стараясь потому мстить за малейшую обиду — гнев; во-вторых, любя бесконечное благо менее должного, т. е. являя себя вялою в приобретении одного — уныние; в-третьих, чрезмерно любя конечное благо и против должного и притом: а) неумеренным желанием богатств, или же злоупотреблением их — скупость, расточительность; в) незнанием меры в удовольствиях чрева — чревоугодие и с) необузданным удовлетворением плотских удовольствий — сладострастие. Слич: Ланчи, *De spiritali tre regni cantati de Dante. Roma, 1855-56. P. II, Tav. I, — „Ad hoc ait Augustinus: sicut virtus est amor ordinatus, sic vitium, amor non ordinatus. Et hoc dupliciter: primo si sit amor mali; secundo si sit amor boni nimius vel modicus secundum duas species bonorum. Nam quaedam sunt bona parva, ut temporalia et corporalia; quaedam magna, ut bona gratiae et gloriae. Inordinatus ergo amor magni boni est, si sit modicus; et iste amor est radix gulae, luxuria et avaritiae*“. Петр Данте.

99. «Не без конца», т. е. умеренно, в надлежащих границах. «Любовь к земным благам, необходимым для сохранения отдельных личностей или отдельных родов, как питание тела, земные богатства и т. п., не только не греховна, но, удерживаемая в известных границах, называется даже добродетелью — умеренностью. Греховною же она становится только при излишестве в ту или другую сторону». К. Витте.

101. «Ко благу», т. е. к земному благу.

103-105. Согласно учению Фомы Аквинского: „*Primus motus voluntatis et cujuslibet appetitivae virtutis est amor*“. *Sum. Theol. P. I qu. XX, art. 1*. „*Ex amore causatur et desiderium, et tristitia, et delectatio, et per consequens omnes aliae passionis: unde omnis actio quae procedit ex quacumque passione, procedit etiam ex amore sicut ex prima causa*“. *Ibid. qu. XXVIII, art. 6*. — „*Boni aut mali mores sunt boni aut mali amores*“. Блаж. Августин, по цитате Оцанам.

106-108. «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти». Посл. к Ефес. V, 29. — „*Impossibile est quod aliquis, per se loquendo odiat se ipsum. Naturaliter enim unumquodque appetit bonum, nec potest aliquid sibi appetere, nisi sub ratione boni; nam malum est praeter voluntatem. Amare autem aliquem est velle ei bonum. Unde necesse est quod aliquis amet se ipsum; et impossibile est quod aliquis odiat se ipsum, per se loquendo*“. *Ibid. P. I, 2-ое qu. XXIX, art. 4*. Скартаццини.

109-111. „*Deus autem per essentiam suam est ipsa bonitas, quam nullus habere odio potest, quia de ratione boni est ut ametur; et ideo impossibile est quod aliquis videns Deum per essentiam eum odio habeat*“. *Ibid. qu. XXXIV, art. 1*.

115 Одни мечтают, взявши верх над ближним,
Чрез то возвыситься, и вот — спешат
С ступеней верхних свергнуть брата к нижним.

118 Другие славу, почесть, силу мнят
В себе утратить с повышеньем брата,
И потому, злорадствуя, скорбят.

А в третьих — злобой так душа объята 121
От тяжкой им обиды, что грозу
Отмщенья мнят излить на супостата.

Грех тройственной любви сей здесь внизу 124
Казнится. Но внимай, как ложной жаждой
Любовь другая вас стремится ко злу.

112. «Осталась», *relinquitur*, техническое выражение схоластических школ.

114. «В теле вашем». — «И создал Господь Бог человека из праха земного». Бытия II, 7.

115-117. В этой терцине обрисовывается гордость. „*Supbia dicitur esse amor propriae excellentiae, in quantum ex amore causatur inordinata prae — sumptio alios superandi; quod proprie pertinet ad superbiam*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae qu. CLXII, art. 3.

118-120. Здесь характеризуется зависть. „*Invidia est tristitia de alienis bonis... Aliquis tristatur de bonis alicujus, in quantum alter excedit ipsum in bonis; et hoc proprie est invidia*“. Фома Акв. p. II, qu. XXXVI art. 1, 2. „*Invidia est tristitia de bono proximi*“. Ibid. art. 3. — В этих двух терцинах излагаются наказуемые в первом и втором карнизах пороки гордости и зависти. Оба истекают из одного и того же источника, именно из желания стать выше своего ближнего, и тогда, как первый из них состоит в истекающей отсюда радости при виде унижения ближнего, последний — в неудовольствии от его повышения. Эта радость и это неудовольствие, если они истекают не из вышепоименованной, а из другой причины, напр., из опасения быть угнетенным могущественным врагом, или из радости по поводу справедливого суда Божьего гнева, — чувства эти не всегда бывают греховными. Такое мнение Фома Аквинский прямо высказывает по отношению к зависти и называет этим именем только ту печаль при виде чужого счастья, которая происходит оттого, что счастье другого принимают за свое собственное несчастье, так как оно уменьшает собственную славу (*in quantum est diminutivum propriae gloriae vel excellentiae*. Ibid. art. 1. Гнев он вообще обозначает лишь как *disordinatus appetitus propriae excellentiae*). Ibid. P. II, 2-ae qu. CLXIII. Филалет.

121-123. «Третий вид зложелания ближнему — гнев. Фома Аквинский тоже говорит, что цель гнева есть мщение, но и здесь он отличает похвальный гнев, когда желаемое мщение возникает по законам разума, и недозволенный гнев, когда месть несправедлива, или повод к ней был неправый, т. е., если ею не сохраняется право или не отменяется вина Ibid. qu. CLVIII. Данте говорит здесь именно об этом последнем гневе; в стихе 69 следующей песни он прямо называется злым гневом; наоборот в стихе 9 Рая XXII идет речь о гневе дозволенном». Филалет.

120. Т. е. любовь, погрешающая избытком или недостатком силы.

127. «Добро», т. е. высшее благо Бога. — „*Voi o terreni animali, avvegna che con sottile imagine, nondimento il vostro principio sognate, e quel vero fine di beatitudine, avvegna che non con chiaro, con alcuno almen pensiero (confusamente) ragguardate: e perciò vi mena al vero bene la naturale intenzione, e da quello multiplice errore vi ritrae*». Боэций, Consol. filos. I, III, pr. 2“. Скартаццини.

129. „*Fecisti nos, Domine, ad Te, et inquietum est cor nostrum donec requiescat in Te*“, говорит блж. Августин.

132. «Уныние и недеятельность без покаяния ведет не в чистилище, но в то преддверие ада, где пребывают души, жившие без хулы и славы бытия» (Ада III. 36). Филалет.

133. Т. е. благо земное, не способное сделать человека истинно счастливым.

134-135. «В Боге нет разделения между формой и материей, между бытием и сущностью; в Нем нет ничего случайного; все, что Он есть, есть существенное», Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. III. «Бытие и благо в действительности не отличаются; ибо все, что действительно есть, имеет и известное совершенство, оно есть благо в известном отношении. Но Бог, Который во всем, что Он есть, совершенен, вместе с тем и существенно, благ (*bonum simpliciter*)». Ibid. qu. XXVI. «Так как Бог существенно благ, то Он и обладает высочайшим блаженством, которое Фома Аквинский прекрасно называет полным счастьем духа, и лишь в познании его заключается, в свою очередь, высочайшее блаженство для существ духовных». Ibid. «От Бога исходит все благое, как из своего первичного источника, первообраза и действующей причины, но так же, как и конечной причины; ибо все благое приводит опять-таки к Богу. Потому Бог и называется корнем и плодом всего благого. Но тем не менее благое, будучи одним

ПЕСНЬ XVII

127 Добро, хоть смутно, понимает каждый;
Всяк ищет в нем утех душе и мнит
Достичь его, чтоб мир найти однажды.

130 Всех тех, кого любовь не слишком мчит
Познать добро, снискать его со страстью,
Тех, с покаяньем, сей карниз казнит.

Добро иное вам дает напасти, 133
Нет блага в нем, — того, что всех важней —
Где плод и корень истинное счастье.

Любовь, стремящая к нему людей, 136
Казнится в трех кругах вверху над нами
И состоит из трех она частей,

Но из каких — то мы увидим сами». 139

и тем же во всех вещах, свойственно в известных отношениях самим вещам, образуя в них различные особенности». Ibid. qu. VI. По цитате Филалета. Вот подлинные слова Фомы Аквинского: „Solus Deus est bonus per suam essentiam. Unumquodque enim dicitur bonum, secundum quod est perfectum. Perfectio autem alicujus rei triplex est. Prima quidem, secundum quod in suo esse constituitur; secunda vero prout ei aliqua accidentia superadduntur ad suam perfectam operationem necessaria, tertia vero perfectio alicujus est per hoc quod aliquid aliud attingit sicut finem; utpote prima perfectio ignis consistit in esse, quod habet per suam formam substantialem; secunda vero ejus perfectio consistit in caliditate, levitate et siccitate, et hujusmodi; tertia vero perfectio ejus est secundum quod in loco suo quiescit. Haec autem triplex perfectio nulli creato competit secundum suam essentiam, sed soli Deo, cujus solius essentia est suum esse, et cui non adveniunt aliqua accidentia; sed quae de aliis dicuntur accidentaliter, sibi conveniunt essentialiter, ut esse potentem, sapientem, et alia hujusmodi; ipse etiam ad nihil aliud ordinatur sicut ad finem, sed ipse est ultimus finis omnium rerum. Unde manifestum est quod solus Deus habet omnimodam perfectionem secundum suam essentiam; et ideo ipse solus est bonus per suam essentiam“. Sum. Theol., p. I, qu. VI, art. 3. Итак, Бог корень и плод всего блароро. „Unumquodque dicitur bonum bonitate divina, sicut primo principio, exemplari effectivo et finali totius bonitatis“. Ibid. art. 4.

136-138. Скупость и расточительность, чревоугодие и сладострастие. По Фоме Аквинскому (р. I, 2-ae, qu. LXXII, art. 2), эти три греха — грехи плоти, прочие же — грехи духа.

139. „Omai per quello che detto e potete vedere chi ha nobile ingegno, al quale è bello un poco di fatica lasciare“. Convivio, tr. III, c. 5.

Четвертый круг: грех уныния. — Любовь и свобода воли. — Примеры редкой деятельности. — Аббат из Сан-Зено. — Скалиджери. — Примеры пагубного греха уныния. — Сон Данте.

<p>1 С своей беседой тут остановился
Мудрейший муж, с вниманьем взор вперея
В мое лицо, вполне ль я убедился.</p> <p>4 И я, уж новой жаждою горя,
Наружно молчаливый, думал: «Может,
Вождя я утомлю, с ним говоря».</p> <p>7 Но он, познав, что душу мне тревожит
Мысль робкая, как истинный отец,
Заговорил, да смелость в дух мой вложит.</p> <p>10 И начал я: «Так свет твой, о мудрец,
Живит мой ум, что тайный и глубокий
Смысл слов твоих мне ясен наконец.</p> <p>13 Но объясни: где той любви истоки,
К которойводишь, добрый отец, ты
Все добродетели и все пороки?»</p> | <p>— «Впереи ж в меня все мысли и мечты», 16
Он отвечал, «чтоб стал тебе понятным
Обман вождей среди их слепоты.</p> <p>Дух, созданный к любви вполне податным, 19
Подвижен всем, что нравится ему,
Быв вызван к акту чем-нибудь приятным.</p> <p>Все сущее является уму 22
Лишь в образах; ум образ духу кажет
И преклоняет самый дух к нему;</p> <p>Когда же в духе образ тот заляжет, 25
То склонность та и есть любовь, и в ней
Приятное природу снова вяжет.</p> <p>И как огонь, по сущности своей, 28
Восходит вверх, родясь туда стремиться,
Где более он длится среди огней, —</p> |
|---|--|

2. «Мудрейший муж», Вергилий в подлиннике: L'alto dottore, высокий доктор.

5-6. «Наружно молчаливый» — «и тем самым доказывал, что не вполне убедился». Бути. — То же опасение Данте выражает и в других местах поэмы, напр., в Ада III, 80 и 56.

13-14. В предыдущей песне (стихи 104-106) Вергилий сказал, что любовь дает посев как для добрых, так и злых дел.

18. Намек, по-видимому, на учение эпикурейцев, по мнению которых всякое наслаждение, а стало быть и любовь, похвально. Ниже этот обман рассматривается подробно. — «Вождей среди их слепоты»: «Они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». Матф. XV, 14.

19-21. «Человеческая душа легко подвижна ко всему прекрасному и приятному (слич: Ада V, 100 и Чистилища XVI, 90-91), но она устремляется к нему не прежде, как такое удовольствие действительно будет существовать, причем познавательная сила воспримет в себя нечто приятное». Филалет. — «Присущая душе воля находится в усыпленнии, она пребывает в ней лишь как способность желания, до тех пор, пока не устремится к желаемой цели и чрез то не станет пробудившеюся деятельностью волей. Пробуждается же она вследствие удовольствия от достигнутой ею цели» К. Витте.

22-24. «Это побуждение происходит таким образом, что чувственное представление вещей внешнего мира через так называемый пассивный разум представляет душе отраженные образы, как в зеркале, которые затем становятся предметом суждения. Если суждение об этих образах будет благоприятное, то оно побуждает волю обратиться к этим образам, а стало быть и к самому объекту этих образов». К. Витте. — «Возникновение любви изображено здесь точно так, как и в „Очерке Психологии“ Фома Аквинского. Два стиха, 26 и 27, довольно темные сами по себе, объясняются тем же очерком; они относятся именно к естественной гармонии, долженствующей существовать между предметом удовольствия и чувственною или духовною природою человека. Чрез удовольствие человек привязывается к тому, к чему он предрасположен природою». Филалет.

25-27. Это суждение и возникающая из него любовь основаны на законе природы, который сближает между собою одно к другому принадлежащее. Любовь, при помощи удовольствия соединяясь с личностью любящего, с его самочувствием, с его первою природою, составляет для нее вторую природу, новую стихию». К. Витте. — «Это та любовь, которая названа «природной», в Чистилища XVII, 93. Если

31 Так пленный дух желанием томится
(Духовным актом) и не знает сна,
Покуда в нем желанье не свершится.

34 Теперь пойми, как истина темна
Для мыслящих (о! как их довод шаток!)
Что в вас любовь не может быть грешна.

37 Хоть, может быть, как суть, любви зачаток
Хорош всегда; но если воск хорош,
То не всегда хорош и отпечаток».

— «Насколько свет ты мне в рассудок льешь», 40
Я отвечал, «любовь я понял ясно;
Но к скольким вновь сомненьям ты ведешь?»

Коль в нас любовь вступает самовластно 43
Извне, идти ж душе лишь сим путем,
То в выборе пути душа ль причастна?»

И он: «Скажу, насколько лишь умом 46
Мы видим здесь; но как то дело веры,
То Беатриче допроси о том.

здесь она называется сверх того даже просто «природой», то под этим надобно разуместь высшую степень природной любви, возбуждающейся в душе; ее должно отличать от врожденной или вкорененной. Любовь, например, к самому себе есть любовь врожденная или собственно природная; любовь к другому лицу есть уже возбужденная, самопроизвольная». Каннегиссер.

28-30. «Наклонность огня подыматься вверх есть любимый пример у схоластиков для олицетворения так называемого *appetitus naturalis*, здесь — высшей степени любви. По своей форме, по внутреннему существу, огонь имеет наклонность подыматься кверху, где он находит самую удобную стихию для развития своей сущности. Потому-то школы допускали особенную область огня над воздушным пространством, где огонь предсуществует в некоторой степени уже *in potentia*, прежде чем станет огнем *in actu*». Филалет. Слич: Чистилища I, 15 прим. — «По сущности своей», в подлиннике: *Per la sua forma*. «Форма в схоластическом языке есть то, что дает каждой вещи то, что она есть. Итак, форма огня есть его сущность, или то, что его делает огнем. Древние не знали, что тяжесть воздуха больше, чем тяжесть пламени, и что по этой именно причине воздух побуждает пламя подыматься вверх, и потому полагали, что огонь уже по природе рожден к тому, чтобы подыматься вверх, устремляясь к своей сфере, которую они помещали между крайнею границей атмосферы и небом луны». Скартаццини. Слич: Рая I, 115.

31-33. «Как из удовольствия и т. д. возникает любовь, так, далее, из любви же возникает желание к поддержанию ее. Это-то желание есть тот духовный акт, который приводит волю в деятельность, в духовное движение». К. Витте. — «В этих стихах ясно выражены три стадии желательных, направленных к приобретению блага страстей; именно: любовь, томление и наслаждение. Филалет. — «Духовным актом», т. е. противоположно подъему огня: это движение — движение материальное».

34-36. Здесь прямо говорится об ошибочности учения «вождей среди их слепоты», на которое намекалось выше, в стих. 18.

37-39. «Как суть», в подлиннике: *matera*. *Materia*, на языке последователей Аристотеля, — род вещей, определяемый различными признаками, как первичная материя, и определяемый личными формами. «Зачаток любви, желание благаго, всегда хорош, но не каждое конкретное осуществление ее хорошо, ибо человек часто ошибочно считает за благо то, что в действительности не есть благо». К. Витте. — Почти теми же словами мысль эту высказал еще прежде Филалет. — «Может быть, Данте употребляет это для того, чтобы показать, что любовь сама по себе ни добра, ни зла». Конти. *Stor. della Filos* Vol. II, p. 238.

43-45. Сомнение, высказанное здесь Данте, есть одно из самых сильных выражений детерминизма против существования свободной воли. Если любовь нечто необходимое и если любовь при этом не может идти другой дорогой, то, следовательно, она не имеет ни свободы, ни произвола. Слич: Фома Акв. *Sum. Theol.* p. I, qu. LXXXIII, art. I. *Dubium est istud; vult dicere: tu dixisti mihi, quod animus recipit speciem rei visae intra se, et quod illa reflexio est amor; modo si est verum, quod necessario veniat de foris, et dicis quod amor est causa virtutis et vitii, quae causa, quare debeo habere culpa mei vitii, vel iaudem meae virtutis?* Post. Caet.

46-48. «Вергилий в Божественной Комедии символ власти временной, или императорской (разума), которая, согласно с учением Данте (*De Monarchia* I. III, с. 16), должна направлять людей к блаженству в этой жизни по указаниям философским; поэтому Данте заставляет Вергилия сказать, что его разъяснения не могут простираяться далее пределов чистого разума, или философии, и что во всем том, что касается веры, он должен ожидать разрешения своих сомнений от Беатриче, т. е. от власти духовной

49 Субстанциальны формы вне их сферы
Вещественной, и те, что с ней слиты,
Наделены все силой разной меры.

52 Но силы те без действия мертвы
И познаются лишь из их явлений,
Как в древе жизнь — из зелени листвы.

55 Откуда же идет ряд постижений
Идей первичных, скрыто то во мгле,
Как и порыв всех первых похотений.

Они в вас скрыты, как инстинкт в пчеле 58
Готовить мед, и первая та доля
Не подлежит ни славе, ни хуле.

А так как всякая другая воля 61
Стремится к ней, то сила вам дана
Давать совет, храня границы поля.

Вот тот принцип, по коему должна 64
Любовь к добру, иль злу, смотря какую
Вы избрали, вас награждать сполна.

или эклезиастической, долг которой состоит в том, чтобы направлять человеческий разум к счастью, согласно с откровением». Скартаццини.

49-51. «Формою, на языке школы, называется то, при помощи чего что-нибудь переводится из возможности в действительность. Формы бывают субстанциальные и случайные, смотря по тому, будет ли вещь простая, или же она будет такая или иная. Душа, например, делающая то, что возникает человек, — есть форма субстанциальная, способ же, делающий его мудрым, есть форма случайная. Чистые духи, ангелы, — только формы, без всякой материи. Душа человеческая есть также форма и отличается от материи тем, что она может существовать и без нее, хотя и соединенная с ней; напротив, души животных не могут существовать сами по себе, и потому уничтожаются вместе с телом. Поэтому в этой терции идет речь лишь о человеческой душе». Филалет. „Anima est forma substantialis hominis“. Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LXXVI, art. 4. — „On nomme l'âme Forme Substantielle, parce que seule elle fait que l'homme soit, et que sa seule retraite fait perdre à ce merveilleux composé son existence et son nom“. Оцанам, Dante et la Phil., p. 113. — «Форма каждой вещи есть то, что делает эту вещь именно этим особенным индивидуумом. Также и те свойства, которые придают этой вещи или предмету его большее совершенство, ценность и т. д., принадлежат также к ее форме; но они придают ему лишь случайную форму. Субстанциальною формою называется то, чем индивидуум своего рода делается тем, чем он есть; поэтому-то разумная душа — субстанциальная форма человека. В ней заключена особенная специальная сила, помощью которой индивидуум, смотря по своему роду, развивается и существует; помощью этой силы, например, одни и те же питательные средства перерабатываются в человеческом теле для образования и поддержки человеческих членов, а проходя чрез желудок животного, уподобляются телу животного. Субстанциальная форма может быть соединена с веществом, как в человеке и животных; но она может существовать и без вещества, как в ангелах и в душах усопших людей; тогда она называется отдельной субстанцией». К. Витте.

50. «По Аристотелю, душа отдельно от тела существовать не может. Οὐχ ἔστιν ἡ Ψυχὴ χωριστὴ τοῦ σώματος; De anima, II. Данте, напротив, отличает душу, соединенную с материей, и душу, отдельную от материи. „Anima intellectiva unitur corpori ut forma substantialis“. Фома Акв., p. I, qu. LXXVII art. 1 et art. 4. «Душа имеет лишь соединение с материей, но не тождество». Скартаццини.

51. «Наделены все силой разной меры», в подлиннике: Specifica virtute ha in se colletta, т. е. заключают в себе специфическую, особую силу. «Особая сила формы человека — разум, который не познается без действия и выражается не иначе, как по действиям, из него истекающим». Велутелло. — «Это та сила, которую римляне называли гением, т. е. частною особенностью каждого живущего». Daniello. — «Специфическая сила есть великая тайна: можно принимать ее за гений, укоренившийся в индивидуальном темпераменте каждого». Вентури.

56. «Первичные идеи», т. е. «так называемые аксиомы: например, то, что из двух прямо противоречащих положений может быть верным лишь одно положение (Рая, VI, 21)». К. Витте. — «Метафизики вели жестокие споры касательно первичных идей и, в частности, о том, врожденные ли эти идеи и существует ли одна такая идея или многие. Данте одним ударом порешает этот спор, отвечая прямо, что это скрыто во мгле (в подлиннике: uoto non sàpe, человек не знает), сознание, достойное не только величайшего поэта, но и глубочайшего мыслителя». Скартаццини.

59-63. «Первая та доля»: questa prima voglia. «Эта первичная способность и эти первичные идеи находятся вне свободы выбора и возникают в лоне нашей природы, без содействия со стороны нашей воли,

67 Мыслители, вникая в жизнь земную,
Свободы той познав вам данный дар,
Создали миру Этику святую.

70 Допустим же, что всякой страсти жар
Необходимостью в вас пламенеет,
Все-ж сила в вас тушить ее пожар.

73 В свободе воли Биче разумеет
Мощь благородную; храни ж в уме,
Какой у ней то слово смысл имеет».

Луна, восстав из волн в полночной тьме, 76
Являла нам уж в небе звезд немного,
Раскалена, как бы котел в огне,

И против звезд неслася той дорогой, 79
Где меж Сардинией и Корсикой заход
Светила дня римлянин видит строгий.

И славный дух, чье имя в род и род 82
Над Мантуей возвысило Пьетолу,
С души моей так сбросил груз забот,

и потому не заслуживают ни славы, ни осуждения, т. е. невменяемы. А так как впоследствии к этой не свободной, но естественной воле, т. е. к этому комплекту естественных расположений и стремлений, присоединяются и сопровождают их те похотения, те желания, которые, как уже свободные, могут быть хорошими или дурными, то природа предоставила человеку свободу выбора, которая должна «блюсти границы поля» (в подлиннике: *tener la soglia*, охранять пороги) своим согласием, или несогласием, т. е. упорядочивать их. Эта-то сила есть разум. Итак, имея, с одной стороны, свободу выбора, с другой — разум совещательный, мы уже становимся вменяемыми, и наши привязанности, приобретаемые свободно, подлежат вменению, поскольку в нас есть свет для познания доброго и злого и свобода принять или отвергнуть то или другое». Джиоберти.

64-66. «Этот-то регулирующий разум, который врожден в вас, есть тот источник, из которого почерпается повод к возмездию вам, смотря по тому, принимает ли или выбирает этот разум ваши привязанности между добрыми или злыми». Скартаццини. — „*Judicium medium est apprehensionis et appetitus; nam primo res apprehenditur, deinde apprehensa, bona vel mala judicatur, et ultimo judicans prosequitur, sive fugit*“. De Monarchia, 1, I c. 12.

67-69. «Свобода воли — основание нравственного учения, которое было бы необязательным для существ несвободных; потому-то свобода воли — высочайший дар, данный в щедрости своей Господом человеку при его сотворении (Рая V, 19)». К. Витте. — „*Primum principium nostrae libertatis est libertas arbitrii quam multi habent in ore, in intellectu vero pauci*“. De Monarchia 1, I, c. 12. Слича: Чистилища XVI, 70-72.

73. «Биче», сокращенное Беатриче. «Беатриче употреблено здесь вместо богословского школьного языка; ибо во всем том, что просветленная возлюбленная Данте говорит во всей поэме, нигде не встречается этого выражения». К. Витте.

74. «Эта благородная мощь, выбор средств для цели, слывет в богословии под именем свободной воли». Филалет.

75. «В стихах 19-75 воспроизведено аристотеле-схоластическое учение об основных силах души, служащее одним из самых выдающихся примеров тому, как наш поэт умеет прекрасно, пластично и поэтически говорить даже о чисто философских предметах». Флейдерер в переводе Бож. Ком. Штрекфусса.

76-78. «Луна, восстав из волн в полночной тьме», в подлиннике: *La luna, quasi a mezza notte tarda*, запоздавшая до полуночи. В начале загробного странствования Данте было полнолуние (Ада XX, 127: «Еще вчера был полон месяц бледный»). С ущербанием месяца затемняется сегмент его диска к востоку, и чрез это он принимает форму, напоминающую котел, или не слишком высокое медное ведро с круглым дном, какие обыкновенно употребляются в Италии. «Луна, когда идет на ущерб, подымается над горизонтом с каждым днем позднее почти на один час, а так как теперь уже пятый день странствования, то она должна подыматься пятью часами позже захождения солнца, следовательно, около полуночи. Идущий на ущерб месяц уже не слишком сильно помрачает своим светом блеск звезд, но во всяком случае свет его еще достаточно силен, чтобы затмить мелкие звезды». Филалет.

79-81. «Кажущееся обращение свода небесного совершается с востока на запад, луна же обращается с запада на восток, следовательно, навстречу течению звезд, «против звезд», причем она с каждым днем восходит все далее к востоку. Она идет по направлению зодиака и в полнолуние находилась в созвездии Весов. Теперь же она стоит в противоположном тому, в котором находится солнце, следовательно

*Так души пред нами неся целый стан,
И был стремлением усердно круговое
Движение свершать он обуян.*

(Чистилище, Песнь XVIII, тер. 94)

- 85 Что, мудрому внимая там глаголу
Учителя в ответ мне, я стоял,
Как тот, кого дремота клонит долу.
- 88 Но быстро ту дремоту разогнал
Во мне народ, что с быстротой потопа
За нашими плечами вслед бежал.
- 91 И как брега Исмена и Азоп
На праздник Вахка мчавшихся фивян
Нередко были ночью местом скопа:

- Так душ пред нами несся целый стан
И был стремлением усердно круговое
Движение свершать он обяян. 94
- И быстро так то скопище густое 97
Неслось вперед, что вмиг примчалось к нам,
И впереди кричали с плачем двое:
- «С поспешностью шла в горы Мариам, 100
И Цезарь-вождь, чтоб овладеть Илердой,
Массилью взяв, бежал к испанцам сам».

в знаке Скорпиона (Чистилища IX, 1-3). Хотя об этом и не говорится прямо, но тем не менее на это явно намекается, ибо сказано, что когда солнце (Феб) пылает на этом пути, то жители Рима видят его захождение между Сардинией и Корсикой, или, правильнее, несколько южнее Рима, так как пролив Сан-Бонифачио лежит на $\frac{1}{2}^{\circ}$ южнее Рима». Филалет. К. Витте. — Сарды и Корсы — древние наименования сардинцев и корсиканцев.

82-84. «Славный дух»: Вергилий, родившийся в местечке Андах (Ада I, 68 примеч.), по одним в нынешней деревушке Банде, по другим — в Пьетоле, близ Мантуи, на юго-восточном конце Мантуанского озера, на Минчио. «Груз забот», т. е. тех сомнений, которые разрешил ему его учитель.

86-87. По мнению одних комментаторов, дремота эта означает, что и Данте был несколько подвержен греху уныния, наказуемому в этом кругу; но вероятнее допустить, что и здесь Данте напоминает, что он был обленен в «ризы Адама» (Чистилища IX, 10) и потому дремал от утомления, так как в течение всего странствования он засыпал лишь однажды (Чистилища IX, 11).

88-90. В этом круге очищаются души тех, которые в жизни недостаточно усердно стремились к достижению первого блага, — тех духовных туеядцев, которые свой грех уныния возмещают теперь быстротой, с какой они безустанно и день, и ночь пробегают по месту их очищения. Быстрота их бега сравнивается с неистовством вакхантов в Беотии.

91-93. Исмен и Азоп, две реки в Беотии. Вдоль этих рек фивяне бегали по ночам в огромных толпах, с зажженными факелами, для умилоствления, в случаях какого-либо бедствия, Бахуса, или Вакха, покровителя города Фив и всей Беотии, как о том повествует любимый поэт Данте Стаций в своей Фиваиде (Theb. 1, IX).

94-96. «Круговое движение свершать он обяян», в подлиннике: *per quel giron suo passo falca*. „Falcare“ (от *false*, серп) значит сгибать наподобие серпа, и есть термин из конного дела, когда лошадь гоняется на корде. „Correndo dunque il cavallo isforzatamente a tondo, come sasso di frombola, per rilire lo slancio della forza centrifuga che gli dà il correre sì forte in circolo, ed egli tiene il corpo piegato verso il centro, sicchè sta fuor di bilico: e questo è forse propriamente falcare il passo“. Чезари. Слич: Бланк, Versu ch, II, p. 65 и далее.

99. Вместо поощряющих и устрашающих изображений, как в первом круге, — голосов, как во втором, — и видений, как в третьем, здесь сами очищающиеся высказывают друг другу примеры: сперва — усиленной деятельности и усердия, а потом — наказанной недеятельности и косности уныния. В первом случае примеры эти — бичи, во втором — узды.

100-102. Два примера усердия, один из христианской, другой — из языческой истории. В первом говорится о посещении Марией родственницы своей Елисаветы: Лук. I, 39 — «Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин». По поводу этого говорит Св. Амвросий (in Luc. 1. I). „Laeta pro voto, religiosa pro officio, festina pro gaudio, in montana perrexit. Quo enim jam Deo plena, nisi ad superiora cum festinatione contenderet? Nescit tarda molimina Sp. S. gratia“. Во втором примере говорится о Юлии Цезаре (Цезарь. De Bello civ. I, 1 et II; Лукан, Phars. 1, III et IV). После того, как (за 49 лет до Р. Х.) Помпей очистил Италию и переправился в Грецию, город Массилия (Марсель) объявил себя против Цезаря, а испанские помпейцы укрепились в городе Илерде (ныне Лерида в Каталонии, на реке Серре). Напавши на Массилию, Цезарь предоставил осаду города К. Требонию и Децию Бруту, а сам, не теряя времени, устремился к главной своей цели — в Испанию и скоро взял Илерду, где заперлись Помпеевы наместники Афраний и Петрей. Лукан сравнивает эту

103 — «Скорей! скорей! чтоб с волею нетвердой
Не опоздать!» кричали вслед строи:
«Усердье к благу любит Милосердый!»

106 — «О вы, в ком ныне острый жар любви
Восполнил лень, быть может, наказуя
За косность дел по вялости в крови!

109 «Вот сей живой (и верьте, что не лгу я!),
Лишь день блеснет, хотел бы вверх взойти;
Скажите ж мне, где щель в скале найду я?»

112 Так вождь сказал бежавшим по пути,
И дух один: «Отбросив нерадивость,
Беги нам вслед, коль хочешь щель найти.

Нам воля так внушает торопливость,
Что стать не смеем! Извини ж мне, брат,
Коль нашу казнь ты счел за неучтивость.

В Вероне был в Сан-Зено я аббат
При Барбароссе добром, в век насилий,
О чем досель в Милане все скорбят.

Одной ногой уж Некто стал в могиле,
Аббатство вскоре вспомнит он, о том
Скорбя, зачем в то время был он в силе,

Когда, больного телом и умом,
Он сына незаконного наметил
Против закона к нам духовником».

поспешность Цезаря с быстротой молнии (Phars. I. 1, v. 151 et seq.). «В этих двух, как и в предыдущих, примерах нельзя не видеть политической мысли Данте. Мария спешит приветствовать рождающегося Иоанна (Лук. I, 41), долженствовавшего приготовить царство Христа, или владычество духовное; Цезарь спешит уничтожить помпейцев, и тем приготовить империю Рима, идеал временной монархии по идеям поэта. Первым примером поэт вызывает заботливость о вещах, касающихся духовной власти и царствия небесного; вторым — о вещах, относящихся к гражданскому обществу и управлению. Так точно и в нижеследующих примерах (стихи 133-138) он указывает тех, которые пренебрегают тем и другим. В хронологическом порядке Мария должна бы следовать после Цезаря; но здесь она предшествует, потому что духовное, по разуму Данте, предшествует временному, ибо *mortalis ista felicitas quodammodo ad immortalem felicitatem ordinatur*. De Monarchia I, III. Слич: Перетц, *Sette Cerchi*, p. 188 et seq.

103. «С волею нетвердой», в подлиннике: *Per rосо amor*, по малой любви, т. е. ко благу.

105. Т. е. усердие делать благое возобновит и укрепит над нами благодать Милосердного.

111. «Щель», т. е. лестницу, ведущую в скале в вышележащий круг.

115-117. Не сойти за невежливость с нашей стороны то, что мы не останавливаемся; что тебе кажется невежливым, то мы считаем совершенно согласным с требованием вечного правосудия.

118. «Сан-Зено, древнее аббатство в Вероне, основание которого приписывается многими королю Пипину. Говорящая здесь личность мало известна. Старинные комментаторы называют его Альбертом, а Бенвенуто да Имола называет его *bonus moribus et vita*, но ленивым. Вернее, кажется (по Пелли), подразумевается здесь аббат Герардо II († 1178 г.), живший при Фридрихе Барбароссе, тогда как Альберт жил при императоре Фридрихе II». Филалет.

119. «Здесь разумеется славный император Фридрих Барбаросса, который, по народному немецкому сказанию, еще и до сих пор сидит в пещере в горах, в ожидании какого-то события, причем борода его вросла в каменный стол перед ним. В 1162 году он сжег и опустошил Милан, Брешию, Пьяченцу и Кремону. Он утонул в реке Салеф в Армении, во время крестового похода в 1190 году, переезжая реку в брод». Лонгфелло. — «Эпитет „добрый“, по мнению некоторых, употреблен здесь иронически, что, впрочем, сомнительно; скорее можно думать, зная воззрение Данте на императорство, что он оправдывает Фридриха за наказание его возмущившихся миланцев, представляя себе его, как законную кару правосудия; тем более, что и древние комментаторы, Франческо да Бути и Пиетро Данте, принимают это место не в ироническом смысле; последний даже говорит про Фридриха: *Fuit magnus in probitate*». Филалет.

121. «Некто». Здесь разумеется Альберто дела Скала, отец Кана Великого. Уже в 1272 году он был подестой в Мантуе; в 1277 г., по убийении брата своего Мастино, он вернулся в свое отечество Верону и в следующем году получил здесь неограниченную власть, которой и пользовался вплоть до своей смерти, управляя страной в духе гибеллинской партии. Он умер в 1301 году, следовательно, незадолго до начала замогильного странствования Данте, почему и сказано, что он стоит одной ногой в могиле.

127 Умолк ли он, иль что еще ответил, —
Не знаю: вихрем мчались души те;
Но эту речь я слышал и заметил.

130 И тот, кто был помощник мне в нужде, —
«Взгляни», сказал, «две сзиди души эти
Унынья грех преследуют везде,

133 Крича бегущим: «Прежде смертью в сети
Был взят тот род, что видел моря дно,
Чем Иордан его узрели дети.

И тем бойцам, которым не дано
Отваги мчаться с отраслю Анхиза,
Бесславно жизнь покончить суждено!»

Как скоро сонм вдоль этого карниза
Настолько вдаль ушел, что скрылся с глаз, —
Мой ум одела дума, словно риза.

И с думой той толпа других сплелась,
И в думах тех блуждал я так мышленьем,
Что в неге чувств сомкнулись веки глаз,

И размышление стало сновиденьем.

124-126. Альберто имел, кроме троих законных сыновей, Варфоломея, Альбоина и Кана Великого, правивших друг за другом краем после него, еще незаконного сына Джузеппе, которого он поставил в 1292 году аббатом в монастыре С.-Зено, и в этом сане он оставался до 1314 года: стало быть, он был возведен в этот сан около того времени, когда Данте жил в Вероне. Это возведение было против церковных канонов, потому что он был незаконный сын, к тому же хромым и, кроме того, человек развратный. Бенвенуто да Имола говорит о нем: „Fuit enim vir violentus, de nocte discurrens per suburbia et capiens multa et implens meretricibus locum illum“. Вскоре после него был аббатом в С.-Зено другой Джузеппе, также незаконная ветвь из дома дела Скала и такой же развратный; почему один веронец заметил, что хотя С.-Зено и изгоняет бесов (монастырь этот славился чудотворной силой исцелять бесноватых), но «зато содержит их в собственном доме». Филалет.

133-135. Пример последствия уныния из еврейской истории. Евреи, перед которыми расступилось Черное море для перехода, все, за исключением Иисуса Навина и Халева, умерли, прежде чем увидели Иордан и обетованную землю, в наказание за их медлительность в исполнении божественного повеления. «Люди сии, вышедшие из Египта, от двадцати лет и выше (знающие добро и зло), не увидят земли, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, потому что они не повиновались Мне, кроме Халева, сына Иефониина Кенезеянина, и Иисуса, сына Навинова, потому что они повиновались Господу». IV Числ XXXII, 11, 12.

136-138. Второй пример того же порока. Эней, по сожжении части своего флота, оставил стариков, женщин и тех из своих спутников, которые не добивались славы, под начальством Агеста в Сицилии. Вергилий, Аеп. 1. V, v. 604 et seq. Замечательно, что Данте сам ни слова не обращает к унылым и вообще посвящает им гораздо меньше стихов, чем всем прочим духам в Чистилище, может быть, для того, чтобы выразить тем свое презрение к людям ленивым и недеятельным». Скартаццини. Слич также: Перец, *Sette Cerchi*, p. 192, 193.

145. Этим заканчивается второй день пребывания Данте в чистилище.

ПЕСНЬ XIX

*Четвертый круг: грех уныния. — Символический сон Данте. — Ангел любви к Богу. —
Подъем в пятый круг сребролюбивых. — Папа Адриан V.*

<p>1 В тот час, как холода Луны в лазурном
Пространстве звезд не может превозмочь
Зной дня, ослабленный Землей с Сатурном, —</p> <p>4 Когда встает для геомантов в ночь
Fortuna major, пред зарей, с обычной
Страны, где мгла бежит с востока прочь,</p> <p>7 Мне снилась тень жены косноязычной,
С культами рук, хромой, косою на вид,
Имевшей лик лишь мертвецу приличный.</p> | <p>Я на нее глядел, и как живит 10
Остывшее под хладом ночи тело
Луч солнечный, так ей мой взгляд дарит</p> <p>Свободу уст, и выпрямился смело 13
Весь рост ее, и тусклый, мертвый лик
Зарделся вдруг, как будто страсть в нем мела.</p> <p>И вот, лишь в ней свободным стал язык, 16
Заняла так, что уберечь от плена
Едва я мог рассудок свой в тот миг.</p> |
|--|---|

1-3. В этой терцине обозначаются последние часы ночи, предшествующие восхождению солнца. Эти часы, как известно, самые холодные во всей ночи. Древние естествоиспытатели объясняли это явление тем, что дневной жар, разливаемый в течение дня солнцем по земле и в воздухе, мало-помалу ослабляется от природного холода земли, как планеты, находящейся под влиянием холода луны, которая считалась за холодную планету на том основании, что это охлаждение бывает всего заметнее в лунные безоблачные ночи. Охлаждению земли содействовало кроме того влияние Сатурна, который, по причине его значительного расстояния от солнца, также относился к числу холодных планет. Потому Вергилий говорит, Georg. I, 135 и сл.:

Hoc metuens coeli menses et sidera serva,
Frigida Saturni sese quo stella receptet.

Брунетто Латини говорит о Сатурне: „crudele e maligno e freddo di natura“.

4-6. Второе обозначение этих часов ночи заимствовано из так называемой геомантии, одного из средневековых искусств предсказывать будущее. Оно состояло в рассматривании сделанных палкою произвольно, зажмурив глаза (впоследствии даже на бумаге чернилами), точек и в образовании из этих точек, носивших у геомантов различные наименования (матери, дочери, внуки и пр.), — ответов на вопросы.

Одна из этих фигур, имеющая расположение своих точек в следующей форме $\begin{smallmatrix} \cdot & \cdot & \cdot \\ \cdot & \cdot & \cdot \\ \cdot & \cdot & \cdot \end{smallmatrix}$, называлась Большою

Фортуной. При некотором воображении можно образовать подобную фигуру из тех звезд, которые находятся в конце Водолея и в начале созвездия Рыб. Итак, вместо того, чтобы сказать, что наступил тот час, в который (так как солнце находилось в знаке Овна) уже поднялась над горизонтом часть Водолея с частью созвездия Рыб (а это в свою очередь означает, что вскоре должно подняться солнце, ибо сказанные два созвездия непосредственно предшествуют Овну), — Данте прибегает здесь к такому обозначению времени: был тот час, в который геоманты видят восхождение их Большой Фортуны на восточном небе при утренних сумерках на той дороге, которая, по причине ожидаемого восхода солнца, не будет долго оставаться темною. Эти предутренние часы выбраны поэтом для изображения сновидения, которое рассказывается в следующих терциях, так как предутренние часы, именно те, когда нам снится правда. Слич: Ада XXVI, 7 и прим.; Чистилища IX, 16-18 и прим.

7-9. Это сновидение — символическое изображение трех пороков или грехов, очищающихся в остальных трех кругах горы Чистилища, именно: скупости, чревоугодия и сладострастия (Чистилища XVII, 127-136). Собственно же, являющаяся здесь сирена есть чувственное удовольствие. Пороки эти по природе своей гнусны и отвратительны, но человек в безумном своем ослеплении считает их за нечто привлекательное и достойное внимания. Ничтожные сами по себе, они получают свою прелесть от того, что человек сам к ним обращается; следовательно, это благо только лишь кажущееся (Чистилища XVI, 91; XVII, 133; XVIII, 65). Потому-то нам и кажется, что предмет нашего увлечения изменяется в своей природе, когда мы начинаем смотреть на него со всею силою нашего рассудка. Некоторые древние комментаторы, как Ландино, Оттимо и др., видели здесь лишь один символ скупости; но,

19 — «Я», пела тень, «та чудная Сирена,
Что моряков влечет с морей на брег,
Так сладок голос мой, всех бед замена!

22 На песнь мою скитальческий свой бег
Сдержал Улисс, и кто со мной в общенье,
Тот редко прочь бежит от наших нег!»

25 Еще в устах у ней звучало пенье,
Как некая пречистая Жена
Явилась мне, чтоб ввесть ее в смущенье.

28 — «Вергилий! О Вергилий! Кто Она?»
Воскликнул я, и вождь мой, полн надежды,
Потек к Жене пречистой. И, гневна,

Она с Сирены сорвала одежды, 31
Чтоб видел я, что было в них внутри,
И страшный смрад велел открыть мне вежды.

Я поднял взор, и вождь: «Уж раза три 34
Взываю я: вставай! Отбрось тревогу, —
Нашли мы вход; он пред тобой, смотри».

Я встал. Уж солнце блеск свой по чертогу 37
Святой горы лило во все места,
Светя нам в тыл, и вождь пошел в дорогу.

Я ж, идя вслед, не выпрямляя хребта, 40
Но шел, как тот, кого гнетет забота,
Чей стан согбен, как полусвод моста.

очевидно, Данте заимствовал этот образ из Библии из Притч. Солом. VII, 10-12: «И вот — навстречу к нему женщина в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ея: то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы».

10-12. «Этим сравнением Данте некоторым образом возобновляет или дополняет описание предутренних часов ночи, описанных в первых терциях». Скартаццини.

13-14. «Аллегорически Данте хочет сказать нам, что ложные блага, за которыми гонятся люди, богатство, удовольствия чрева и сладострастие, сами по себе вещи низкие, безобразные, а потому и не имеют в себе никакой реальной цены; но человек своим воображением и страстями делает их прекрасными и совершенными. Как самая безобразная вещь становится мало-помалу прекрасной, по мере того как на нее смотрит поэт, так и увлечение, которому поддается человек в отношении этих ложных благ, делают их для него привлекательными и придают им цену, которой они не имеют в действительности. Но как отвратительная вещь, в сущности, есть та же самая, и переход ее из отвратительной в прекрасную есть только обман, кажущееся явление, так точно и ложные блага имеют ценность и привлекательность лишь в глазах тех, которые судят о них ошибочно. Сказал же Лафатер: красота существует лишь в глазах влюбленного, а не в лице самой девушки». Скартаццини.

19. «Сирены, дочери Мельпомены и Ахелоя, имели чудовищное тело, но прекрасные женские лица и сладкозвучнейшие голоса; жили в море, откуда выплывали верхнюю часть тела, и губили моряков, завлекая их сладостными песнями. Уже по мифологии они были символами увлечения ложными земными благами». Ibid.

22. Улисс, по указанию Цирцеи, заткнул уши своим спутникам разогретым воском, а себя велел привязать к мачте, чем спас себя и спутников от зазыва сирен, певших ему:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава Ахейна,
К нам с кораблем подойди; сладкопеньем Сирен насладися!
Одис. Жуков. XII, 184-185.

Данте здесь как бы противоречит Гомеру, заставив сирену сказать, что она привлекла к себе Одиссея. Впрочем, Данте, не зная греческого, и в других случаях нередко отклоняется от Гомера, особенно относительно Улисса. Может быть, впрочем, под именем сирен он разумеет Цирцею, у которой Улисс прожил целый год.

24. «Редко», потому что при содействии божественной милости иногда случается, что человек освобождается из сетей и снова обращается к истинному благу.

26. «Пречистая Жена», *donna santa*. Эта святая жена есть, очевидно, опять-таки та самая Лючия, которая уже являлась (Чистилища IX, 55). Она представляет искушаемому человеку грех в его истинном свете и таким образом облегчает свободной нашей воле выбор прямой дороги». К. Витте. — По Филалету, эта жена есть высшая, всегда лишь к благу направленная и божественной благодатью вызываемая воля или *gratia coopeans*, приводящая в движение человеческий разум (Вергилия), чтобы обнажить пред нами обольщения чувственности. — Каннегиссер видит в ней, кроме того, противоположность

пороку, т. е. добродетель; своим вопросом (стих 28) она как бы делает упрек Вергилию в том, что он допустил своего ученика взглянуть на сирену.

31. «Раскрою пред ними наготу твою, — и увидят весь срам твой». Иезек. XVI, 37. — «И снимут с тебя одежды твои, возьмут наряды твои. И оставят тебя нагою и непокрытою, и открыта будет срамная нагота твоя и распутство твое и блудодейство твое». Там же, XXIII, 26, 29.

36. «Вход», т. е. начало лестницы, по которой всходят в следующий круг.

37-39. «Теперь настало утро 24 марта, 9 или 12 апреля, 6 часов от начала дня. Таким образом поэты оставались 12 часов в четвертом круге. Но так как теперь, с 7-го стиха XV песни, они обогнули по третьему карнизу еще часть горы, то путь их идет не прямо на запад, но несколько к юго-западу. Восходящее солнце, которое при закате, по причине, южного положения горы Чистилища, осталось несколько к северу, должно светить им теперь почти в тыл». Филалет.

43 Вдруг слышу глас: «Войдите, здесь
ворота!»
Столь кроткий глас, что смертным на земле
Век не звучит столь сладостная нота.

46 Как белый лебедь, распростря крыле,
Нам говоривший нас повел в ущелье
Между двух стен в той каменной скале.

49 И он крылами мне пахнул в веселье,
«Блаженны плачущие», говоря, —
Утешатся в небесном новоселье».

52 — «Что ты идешь, так в землю взор вперея?» —
Так начал вождь, лишь поднялся немного
Над Ангелом, сиявшим как заря.

И я: «Велит идти мне так с тревогой 55
Недавний сон, и дум о нем вовек
Не истребит во мне, рассудок
строгий!»

— «Ты древнюю зрел ведьму», он изрек, 58
«Из-за нее ж льют слезы там, под нами;
Ты зрел, как с ней быть должен человек.

Довольно с нас! Топчи же прах пятнами! 61
Гляди на ту приманку, что кружит
Сам вечный Царь широкими кругами».

Как сокол прежде под ноги глядит, 64
Потом, на крик знакомый устремся,
Весь тянется туда, где корм манит, —

42. «Изображение это очень пластично и рисует нам человека, который, находясь в глубоком размышлении, наклоняет вперед голову и верхнюю часть тела. Если бы два таких человека сошлись друг с другом в подобном положении, то нам представился бы такой, хотя не совсем правильный, свод или арка моста». Штрекфусс. — Впрочем, походка Данте, по словам Виллани, действительно была такой, как описана, именно в старости. „Is dum annis maturuisset, curvatis aliquantulum renibus incedebat, incessu tamen gravi, mansuetoque aspectu“.

47. «Нам говоривший» это ангел, страж этого круга, указывающий путникам лестницу, ведущую в следующий круг.

48. «Между двух стен», составляющих бока лестницы, прорубленной в скале. По толкованию старинных комментаторов, «эти две стены обозначают постоянство и твердость, какие должен иметь восходящий к очищению себя от порока скупости». Бути.

49. Этот взмах крыл ангела служит к уничтожению с чела поэта четвертого Р, или знак греха уныния. Слич: Чистилища IX, 112; XII, 98.

50-51. „Beati qui lugent: quoniam ipsi consolabuntur“ — «Блаженны плачущие: ибо они утешатся». Матф. V, 4. Последние слова и в подлиннике переведены на итальянский язык. Это евангельское изречение, на первый взгляд, мало применимо к душам этого круга, т. е. к греху уныния. Филалет объясняет эту трудность таким образом: «Плачущие суть те, которые, будучи недовольны своим земным несовершенством, употребляют все усилия, чтобы стать лучшими в этом именно и состоит недостаток людей недеятельных (унылых), а потому эта божественная скорбь есть то блаженство, которого они должны достигнуть». — „Lugere de malo ut fugiamus ipsum, in quantum avertit ab amico sic lugere est solius caritatis. Lugere vero de quolibet malo speciali est cuiuslibet virtutis; quaelibet enim virtus luget de suo contrario“. Бонавентура, Comp. tot th. ver. 1. V, с. 50.

52. Подразумевается: что так грустишь после ангельского утешения?

58. «Древняя ведьма» — обманчивая чувственность. Ее-то действие в более тесном смысле, т. е. обман души, заставляющий мнимые блага принимать за истинные, собственно, и наказуются в более высших кругах.

61. «Довольно с нас!» «Довольно с вас, рабов безумных». Пушкин, Чернь.

61-63. «Данте до сих пор все еще смотрит в землю. Но как сокол должен смотреть на то, что его манит вверх на воздух, а не на землю, так и человек должен направлять к земле одни лишь ноги, глазами же устремляться к приманке, которую кажет ему Бог (Чистилища XIV, 148) среди враждующих звезд, приманку, состоящую в вечных, не подверженных обману сказанной ведьмы, благ небесных. Эта приманка противопоставляется здесь той наживе, которую древний противник ставит людям в земных прелестях (Чистилища XIV, 145)». Ноттер. — Приманка (логого, вабило, чучело, сделанное из кожи и перьев наподобие птицы, чем сокольники приманивают соколов. Ада XVII, 127) здесь фигурально вместо прельщения. «Эти прельщения суть величие неба, к которому должно быть

— «Что ты идешь, так в землю взор вперя?» —
Так начал вождь, лишь поднялся немного
Над Ангелом, сиявшим как заря.
(Чистилище, Песнь XIX, тер. 52)

- 67 Так мчался я, и там, где раздалася
Скала горы, чтоб дать всходящим путь,
Я лез, пока мы не пошли, кружася.
- 70 Лишь в пятый круг ввела нас всхода круть,
Я сонм узрел, что, слез унять не смея,
Простерся ниц, к земле притиснув грудь.
- 73 „Adhaesit pavimento anima mea“,
Вопили все, подъемля шум такой,
Что я стоял, всех слов не разумея.
- 76 — «Род, избранный Творцом, чью казнь
с тоской
Надежды луч творит не столь тяжелой!
Направьте нас на верх горы святой».
- 79 «Когда пришли не лечь на камень голый
И поскорей хотите вверх взойти, —
Ваш правый бок держите к бездне полой».

- 82 Так вождь просил, и так ему в пути
Вблизи от нас был дан ответ, в котором
Я тайный смысл удобно мог найти.
- 85 И взор учителя я встретил взором,
И вождь все то, о чем мой взор просил,
Мне разрешил безмолвным приговором.
- 88 И лишь на то я право получил,
Как я уж стал над тем, с кого все время,
Как говорил он, глаз я не сводил.
- 91 И я: «О, дух, в чьем плаче зреет семя,
Без коего к Творцу нельзя предстать!
Сбрось для меня на миг дум тяжких
бремя.
- 94 Кто ты? Зачем спиною вверх лежать
Вы здесь должны? Скажи мне, чтоб не всуе
Молил я там, куда вернусь опять».

направлено стремление человеческой воли, находящей лишь там свое блаженство. Круги небесные вечно вращаются по внутреннему их стремлению к божеству. Значит, Господь их кружит, некоторым образом, непосредственно. Итак, вперед! Попирай землю ногами и стреми взор в небо, слова эти относятся к Данте в собственном, — к человечеству же в переносном смысле». Филалет. Слич: Чистилища XIV, 148-150.

64-66. Опять сравнение из соколиной охоты, столь любимой в Средние века. Слич: Ада XVII, 127 и след.; XXII, 130 и примеч.; Рая XIX, 34 и прим. — Филалет ссылается на книгу императора Фридриха II: „De arte venandi cum avibus“, и говорит, что смотреть себе в ноги — естественное движение каждой хищной птицы, когда ее несут на шесте или на руке. Но, заметив какой-нибудь предмет, могущий служить ей добычей, например, если она услышит знакомый крик птицы, тотчас устремляет глаза в эту сторону, размахивая при этом крыльями. Обыкновенно от пойманной птицы оставляют часть в пользу сокола, что называют правом птицы. Должно заметить, что и в предыдущей терцине, говоря о приманке, Данте употребляет технические выражения из соколиной охоты.

69. Данте подымался сперва по лестнице, прямо; взойдя же на карниз, опоясывающий гору, он пошел по кругу около горы, *il cerchiar si prende*.

71. Это сонм душ скупых, как увидим ниже.

73. „Adhaesit pavimento anima mea — душа моя повержена в прах“. Псал. CXVIII, 25; в псалме: «ожи-ви мя по слову Твоему». Такой молитвой души эти исповедуют свой древний грех.

74. «Шум такой», т. е. от вздохов и стонаний.

76-77. Т. е. избранный к будущим небесным блаженствам; казнь ваша облегчена сознанием в ее справедливости и надеждою на ее окончание (Чистилища III, 73; XIII, 143); в подлиннике: *li cui soffriri E giustizia e speranza fan men duri*.

78. Т. е. наставьте нас, где находится лестница для всхода в шестой круг?

81. Т. е. идите направо.

84. Именно то, что говорящий дух (как видно из стиха 79) догадывается, что один из путников живой человек, который может упросить живых помолиться о нем (стихи 95-96).

86. Т. е. позволения говорить с этим духом.

91-92. В подлиннике: *in cui pianger matura Quel senza il quale a Dio tornar non puossi* — в чьем плаче зреет то, без чего нельзя вернуться к Богу, т. е. совершенная чистота и истребление всего греховного.

99. Т. е. «узнай, я был наместником Петровым», — папой. Порядок латинских слов несколько изменен ради размера стиха. Портичелли полагает, что Данте для того заставляет папу произнести эти слова

<p>97 И он: «Скажу зачем слепые, буи,
Повергнуты спиной мы вверх; сперва ж
Successor Petri — scias — quod ego fui:</p>	<p>Тут понял я, что все проходит мимо. 109
Тиары блеск уж в жизни мне не льстил,
Влекла ж меня сей жизни диадима.</p>
<p>100 Меж Сьестри и Кьявери горный кряж
Омыт рекой, чьим именем и слухом
Прославился фамильный титул наш.</p>	<p>До тех же пор я, дух злосчастный, жил 112
Вне Бога, жаждой лишь к серебру согретый,
И здесь, как видишь, муку заслужил.</p>
<p>103 Я месяц с малым сам изведаль духом,
Как папский сан тяжел тому, кем в грязь
Не втоптан он: груз всякий чту я пухом.</p>	<p>За сребролюбье вот какой монетой 115
Здесь платим мы, свой очищая грех,
И на горе нет казни горше этой.</p>
<p>106 К Творцу, увя мне! Поздно обратясь,
Я лишь тогда, как пастырем стал Рима,
Постиг всю ложь, порвавши с миром связь.</p>	<p>Как не искал божественных утех 118
Наш алчный взор, весь прилеплен к земному, —
Так в землю Суд упер здесь очи всех.</p>

по-латыни, чтобы тем самым выразить ученость пап; но латинский язык употреблен здесь, кажется, для большей торжественности.

100. «Говорящий здесь дух есть кардинал Оттобуони из знаменитого рода Фиески, графов Лаванья, впоследствии папа Адриан V. Дядя его, папа Иннокентий IV, из того же рода, возвел его в кардиналы-диаконы под именем Адриана. Климент IV посылал его легатом в Англию (1268 г.), когда королевская партия, под предводительством принца Эдуарда, восстановила опять Генриха III в прежнем его могуществе. Здесь он склонил одержавшую верх партию к умеренности и издал несколько предписаний против церковного злоупотребления в собирании бенефиций и т. п., которые и до сих пор имеют силу в церковных судах Англии. Лингард, History of England T. III, Cap. II. — Фиески вместе с Гримальди были главами одной, Дориа и Спинола — другой партии в Генуе. Последняя партия взяла верх и Оттобуони жаловался папе Григорию X на то, что генуэзцы завладели некоторыми его имениями, вследствие чего папа подверг город отлучению (1274 г.). Впрочем, в кратковременное правление папы Иннокентия V партии примирились при его содействии. — В июле 1276 года Оттобуони был избран в папы, но управлял только один месяц и девять дней, после чего умер. За это короткое время об нем ничего не известно, кроме только того, что он отменил постановление, сделанное папой Григорием V на Лионском соборе относительно избрания пап, а также уничтожил наложенное по его же желанию отлучение на Геную. Касательно его скупости, приписываемой ему Данте, исторически ничего неизвестно». Филалет.

101. «Омыт рекой» — подразумевается река Лаванья, название которой послужило титулом для графов Фиески. Она течет тотчас за местечком Кьявери вдоль Левантского побережья в Генуэзской области, если ехать оттуда в Сьестри Левантскую, и впадает в море в залив Рапалло. Местность между Кьявери и Сьестри гористая.

103-105. „Non est facile stare in loco Petri et papalem tenere cathedram regnantium cum Christo. Nam non sanctorum filii qui tenent locum sanctorum, sed qui sanctorum exercent operationem“, — говорит блаж. Иероним. Сличи: Ада XIX, 69. — «Груз всякий чту я пухом», в подлиннике: *piuma sembran tutte l'altre some*.

109-111. Эта терцина, хотя смысл ее вполне удержан, переведена несколько перифразически. Слово на слово: я увидел, что там не успокаивается сердце, и что выше (моего папства) нельзя подняться в той жизни, почему и зажглась во мне любовь к этой (небесной) жизни. — «Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился.... узнал, что и это — томление духа». Еккл. I, 16, 17.

115. «Данте сделал папе Адриану три вопроса, стихи 94-96, именно: кто он, почему души лежат опрокинутые лицом вниз и, наконец, не желает ли он чего-нибудь на земле? Адриан отвечает на все эти вопросы по порядку: сперва — кто он и из какой страны, как и когда обратился к Богу и какой был главный грех его (стихи 99-114); во-вторых, — объясняет свойство муки, которую терпят души в этом круге (115-126), и наконец, после короткого перерыва, говорит о племяннице, которая одна может помолиться о нем на земле». Скартаццини.

118-126. «Явственнее, чем где-нибудь, указывает Данте здесь на то, что характер мук, которым подвергаются очищающиеся, нередко есть символическое изображение того порока, которому они были

121 Как жар гасило ко всему благому
В нас сребролюбье, доблесть всю поправь, —
Так правый Суд поверг нас здесь в истому,

124 И по рукам, и по ногам сковав.
И будем мы лежать, недвижны тени,
Доколь свершит Царь правды Свой устав».

127 Желав ответить, стал я на колени
И уже начал, как услышал он,
Что я главой припал к его ступени.

— «Зачем», спросил он, «долу ты склонен?» **130**
И я ему: «Пред вашим папским саном
Мне долг велит творить земной поклон».

И он: «Брат, встань! Ты увлечен обманом: **133**
Теперь, как ты, как все, я лишь простой
Служитель здесь пред вечным Океаном.

И если вник в евангельский святой **136**
Глагол ты: „Neque nubent“, тот час ясно
Поймешь, зачем так говорю с тобой.

преданы в жизни. Однако ж это не всегда так бывает: напротив, мука очищающихся, в противоположность мучениям осужденных в аду, состоит иногда не в продолжении сделавшегося теперь скорбью состояния земной души, а прямо в противоположность этому состоянию; например, мучение высокомерных, гордые головы которых пригибают к земле камни (Чистилища X, 119). Но представляет ли мука символически очищающийся грех или нет, или даже составляет противоположность этому греху, — во всяком случае сущность очищения, говоря словами Дельфа (Dante Alighieri, eine Studie etc.), можно, кажется, выразить так: «Так как всякая святость состоит в лишении естественной и собственной воли, а грех — в деятельности ее, то поэтому и самый грех может быть уничтожен таким страданием, которое как по своему количеству, так и качеству вполне соответствует этой деятельности (Чистилища XI, 70)». «С этой точки зрения становится понятной совершенно характерная казнь завистливых (Чистилища XIII, 58-72)». Ноттер. — «Казнь скупых напоминает несколько казнь симонистов в аду (Ада XIX, 22; 74 и примеч.), уткнувших в землю головами; эти вечно прикованы к земле, на которой собирали свои сокровища». „*Aurum natura grave, gravius fit avaritia: plus habentem deprimit, quam ferentem, et vehementius aggravat corda, quam corpora. Nascitur in terra profunda, sectatur ipsa montium fundamenta, perque ima venarum coecis discurrit, anfractibus: et dum ad suam semper repetit naturam, coelestes animos ad inferum deponit: obscurat sensus semper: alta mentium semper in terrena demergit*“. «Петра Хризолога, Serm. 29», по цитате Скартаццини.

124. «Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Матф. XXII, 13.

127-129. Из уважения к святым ключам Петровым Данте хочет преклонить колени перед папой (слич: Ада XIX, 101).

130. «Замечательно, что здесь, где царит вечный порядок, кающийся папа ничем не отличается от прочих кающихся. В Аду (XI, 8) мы находим для папы Анастасия большую гробницу, а между симонистами (Ада XIX, 73-82) для пап предназначена особая яма. Даже пред вратами чистилища великие мира сего отделены от прочих» (Чистилища VII, 91 и прим.). Штрекфусс.

133. Папа, обращаясь к Данте, называет его братом, а не сыном, как вообще обращаются папы к верным; в том мире нет уже пап, и всякое неравенство исчезает». Скартаццини.

134-135. Намек на откровение св. Иоанна XIX, 10: «Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я служитель тебе и братьям твоим». — «Пред вечным Океаном» (в подлиннике: *ad una potestate*), т. е. пред Богом.

136-138. «Не женятся», слова Христа саддукеям, насмешливо спросившим, чьею женой будет по воскресении имевшая семерых мужей на земле. Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная писаний, ни силы Божией; ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж; но пребывают, как Ангелы Божии на небесах». Матф. XXII, 29, 30. Этим папа хочет сказать, что он, как папа, хотя и был духовным мужем церкви (Ада XIX, 111), но что брак этот расторгнут смертью; следовательно, он не должен считаться и получать почести, как глава церкви.

142. Аладжиа де Фнески, по древним комментаторам, была супругой Мароелло Маласпины, того самого, у которого Данте гостил по изгнании из Флоренции (1307 г.), старшего из внуков древнего Коррадо Маласпины (Чистилища VIII, 119). Оттого, не приводя доказательств, считает ее за тождественную с Джентуккой, о которой говорится ниже (XXIV, 36).

*Желав ответить, стал я на колени
И уже начал, как услышал он,
Что я главой припал к его ступени.
(Чистилище, Песнь XIX, тер. 127)*

ПЕСНЬ XIX

139 Иди ж теперь; не медли здесь напрасно
И не мешай мне слезы лить из глаз,
Да зреет плод, как ты сказал прекрасно.

Племянница, Аладжья, есть у нас;
Она добра, лишь только б в злые сети
За нашими вослед не увлеклась;

142

Она одна осталась мне на свете».

145

143. «В злые сети» — такой неблагоприятный отзыв Данте о фамилии Фиески основан на том, что члены ее были вообще граждане беспокойные, неоднократно изгонявшиеся из Генуи за крамолы и смуты; женщины этого дома, по словам Бенвенуто да Имола, не отличались нравственностью.

145. «Не то чтобы одна из его рода, но единственная, святые молитвы которой могут помочь ему в чистилище». Филалет.

Пятый круг: сребролюбивые.— Примеры бедности и щедрости.— Гуго Капет. — Капетинги. — Примеры скардной скупости. — Гора сотрясается при освобождении из чистилища очистившейся души.

<p>1 Мы воле сильной делаем уступку:
Так, нехотя, в угоду тени той,
Не напивав водой, извлек я губку.</p>	<p>О небеса, чей ход (по общей вере) 13
Меняет все условия на земле!
Придет ли тот, кто в мир запрет ей двери?</p>
<p>4 Подвигся я, и вождь подвигся мой,
Идя путем свободным вдоль утеса,
Как вдоль зубцов огады крепостной,</p>	<p>Мы редкими шагами тихо шли, 16
И я вникал в рыдания глухие
И в стон теней. Вдруг слышу невдали</p>
<p>7 Затем что сонм, из чьих очей лилося
По каплям зло, всемирная беда,
Простерт был ближе к стороне откоса.</p>	<p>От нас напев: «Сладчайшая Мария», — 19
Столь жалкий, будто плакалась жена,
Претерпевая муки родовые.</p>
<p>10 Будь, древняя Волчица, проклята!
Твой зев бездонный боле, чем все звери,
Глощет жертв, а все ты не сыта.</p>	<p>И далее: «Была Ты так бедна, 22
Что в яслях был Тобой, небес Царицей,
Положен плод, разверзший ложесна!»</p>

1. В подлиннике: *Contra miglior voler voler mal pugna*, слово в слово: худо сражается воля с лучшей волей. Лучшая воля здесь есть воля Адриана, которой должна была уступить воля Данте. Последний хотел продолжать еще беседу с папой, но Адриан не желал, чтобы ему мешали продолжать его покаяние, и эта последняя воля была лучше воли Данте, желавшего говорить и слушать.

3. Т. е. я замолчал, не будучи вполне удовлетворенным.

5. «Путем свободным», т. е. не занятым простертыми по земле тенями.

6. Поэты идут, как увидим ниже (стих 9), по внутреннему краю карниза. Чтоб понять это сравнение, надобно вообразить средневековый замок или башню, вокруг зубцов которой изнутри идет узкая тропинка или парапет, на который становятся защитники.

8. «Зло», т. е. скупость. «Проливая слезы, души очищаются от этого порока. С каждой слезой они изливают частичку яда очами, этими дверьми или окнами, которыми входит скупость в сердце человека. Как скоро не останется ни малейшего следа этого порока в сердце, когда выльется последняя частичка его в форме слезы, тогда очищение будет окончено и душа вознесется на небо». Скартаццини.

9. Простерты на земле души приближены почти к самому внешнему краю карниза, так что поэтам не остается места, чтобы идти по этому краю без опасения упасть с откоса карниза. Число лежащих невероятно велико, что выражает, как велико на земле число одержимых скупостью, почему Данте и называет ее «всемирной бедой»: *Il mal che tutto il mondo oscura*.

10-12. «Здесь опять является Волчица I песни Ада. Очевидно, она обозначает здесь скупость, и замечательно, что здесь опять скупой — духовный, папа, подает повод к этому воззванию. Нельзя не заметить при этом, что выражение волк, волчица и пр. (как очень остроумно развил Розетти) всегда обозначает гвельфскую партию». Филалет. — Зло, заразившее весь мир, как всемирная беда, — скупость или алчность, которую Данте ниже (стих 43) называет корнем многих других пороков. При этом, как видно из стиха 15 этой песни, рядом с Волчицей опять намечается на Борзого Пса (Ада, I, 101-102). Слич: Скартаццини.

11. «Боле, чем все звери», *più che tutte l'altre bestie hai preda*, — потому, что скупость есть „*radix omnium malorum*“. — «Ибо корень всех зол есть сребролюбие». 1-е посл. Тим. VI, 10: — „*Praecipue autem inter alias virtutes morales usus rationis recte apparet in iustitia, quae est in appetitu rationali. Et ideo usus rationis indebitus etiam maxime apparet in vitiis oppositis iustitiae: opponitur autem ipsi maxime avaritia. Et ideo praedicta vitia (proditio, fraus, fallacia, perjurium, inquietudo, violentia et obduratio) maxime ex avaritia oriuntur*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae qu. LV, art. 8. — «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того». Еккл. V, 9.

Мы редкими шагами тихо шли,
И я вникал в рыдания глухие
И в стон теней. Вдруг слышу невдали...
(Чистилище, Песнь XX, тер. 16)

<p>25 И вслед за тем: «О доблестный Фабриций,
Ты лучшим счел быть честным в нищете,
Чем богачом порочным, как патриций».</p> <p>28 Понравились мне столько речи те,
Что выступил вперед я, полн желанья
Узнать того, кем сказаны оне.</p> <p>31 Он напевал еще про те деянья,
Что Николай для бедных сделал дев,
Чтоб юность их спасти от поруганья.</p> <p>34 И я: «О дух, как сладок твой напев!
Ответь: кто ты? и по какой причине
Один лишь ты похвал тех мечешь сев?»</p> | <p>И знай, недаром мне ответишь ныне, 37
Коль возвращусь я к краткой той тропе,
Что каждого влечет к его кончине».</p> <p>И он: «Скажу не с тем, чтоб ждать себе 40
Услады там, но ради предпочтенья,
С каким Господь благоволит к тебе.</p> <p>Я корень был зловердного растенья, 43
Чья тень Христовой всей вредит семье,
Хоть редко плод дают его коренья.</p> <p>Будь сильны Гент, Лилль, Брюгге и Дуэ, — 46
Они б отмстили срам свой, и об этом
Я шлю мольбы к святому Судие.</p> |
|--|--|

13. «О небеса, чей ход (по общей вере)», — «намек на мнение, общее в Средние века, приписывавшее перевороты в частных делах людей вращанию небес, — мнение, принимаемое Данте лишь до известной степени (Чистилища XVI, 67 примеч.)». Скартаццини.

19. Отсюда начинаются примеры достойным образом перенесенной бедности. «Это — не изображения или голоса, идущие извне, но вызываемые самими душами вследствие их размышления. Они, как увидим ниже, примеч. к ст. 100-102, предлагаются самими очищающимися, как темы для их размышлений, предлагаются так живо, как будто видятся ими воочию и слышатся их собственными ушами. В течение дня души благословляют и славят добрых, в течение же ночи — проклинают и порицают злых. Так с утренней зарей они оживляются сладостным чувством добродетели, а с наступлением ночного мрака чувствуют ужас и отвращение к пороку». Перец, *Sette Cerchi*, p. 202 et seq.

22-24. «И родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице». Лук. II, 7.

25-27. Кай Фабриций Лусциний, римский консул, славный своей бедностью и бескорыстием. Он отверг с негодованием подарки, предложенные ему в виде подкупа царем Пирром, и умер в такой бедности, что римляне похоронили его на государственный счет, а дочерям его назначили выдать приданное из казны в ознаменование великих заслуг Фабриция для республики. Вергилий сказал о нем: „*Parvoque potentem Fabricium*“ (Aen. I, IV, 844). В своем *Convivio* и *De Monarchia* Данте отзывался о нем с великой похвалой.

31-33. Св. Чудотворец Николай Мирликийский, равно чтимый церковью восточной и западной, мощи которого почитают в Бари, в Италии (перенесение их празднуется 9 мая). Эта терцина намекает на следующую легенду: „*Cum ejus civis egens tres filias jam nubiles in matrimonio collocare non posset earumque pudicitiam prostituere cogitaret, re cognita, Nicolaus noctu per fenestram tantum pecuniae in ejus domum injecit, quantum unius virginis doti satis esset; quod cum iterum et tertio fecisset, tres illae virgines honestis viris in matrimonium datae sunt*. Иоанн Диакон, *Vita Se Nicol. ep. Myr. et Brev. Rom. Campod.* 1872. — По этому поводу Фома Акв. *Sum. Theol.* II, 2-ae qu. CVII, art. 3, говорит: „*Beatus Nicolaus aurum furtim in domum projiciens vitare voluit humanum favorem*“. — Этот трогательный эпизод дивно изображен кистью благочестивого Фиезоле на картине, хранящейся в ватиканской картинной галерее. Может быть, на этой легенде и основан существующий в некоторых странах обычай класть под подушки детей подарки в Николин день.

36. В четвертом круге все очищающиеся души выкрикивали примеры деятельности и наказуемой лениности; здесь поэт слышит лишь одного поющего об этих примерах; причина этому объясняется ниже (стихи 121-123).

39. «Каждого влечет к его кончине». — Слич: Чистилища XXXIII, 54: «Той жизни, где все к смерти есть лишь шаг».

40-41. «Большая часть душ, очищающихся в чистилище, умоляет Данте упросить живых, особенно родственников, молиться о сокращении их пребывания в чистилище; но говорящий здесь дух не

49 Там прозывался Гугом я Капетом:
Филиппов, Людвигов от нас возник
Там целый ряд, держащий край под гнетом.

52 Отцом моим парижский был мясник.
Когда король последний власяницу
Одел, и древний царский род поник.

Бразды правленья взять в свою десницу 55
Был призван я и сдвинул из друзей
Столь грозную вокруг себя станицу,

Что вдовственной короной королей 58
Мой сын венчался, чтоб начать отсюда
Капетов ряд помазанных костей.

делает этого, не доверяя своей участи злым своим потомкам». Каннегиссер. — «Там», т. е. на земле. — «Кающийся дух считает живущих еще членов его рода до того бесславными и порочными, что не полагает их способными для благочестивых молитв, почему и не ждет от них сокращения срока очистительных своих мук». Штрекфусс.

43. Поэт выводит здесь Гуго Великого, герцога Франции, Орлеана и Бургундии, родоначальника Капетингов, для того, чтобы излить всю свою злобу на ту династию, из которой вышел его главный враг, Карл Валуа. После того, как Каролинги, точно так, как за два века перед тем Меровинги, прекратились вследствие своего ничтожества, Гуго Капет, сын Великого Гуго, правнук Роберта Сильного, был избран в 987 году в короли Франции. Отсюда следует заключить, что мнение, будто бы старший Гуго был сыном мясника (стих 52), основано на пустой, впрочем, очень распространенной в Средние века басне; равно и сказанное в стихе 54, что во времена Гуго Великого оставался лишь один из Каролингов, и притом во власянице, т. е. в монашеском звании, по-видимому, тоже не совсем верно; ибо Гуго Великий умер в 956 году, и когда, спустя 37 лет, сын его по смерти Людовика V взошел на французский престол, Карл, герцог Лотарингский, дядя Людовика, стало быть один из Каролингов, предъявил свои права на корону Франции, но был разбит и взят в плен. Этого-то последнего имеет, вероятно, в виду Данте, называя его монахом, так как он смешивает время Гуго-отца с временем Гуго-сына.

44. «Всей... семье»: Капетинги царствовали в 1300 году во Франции, Испании и Неаполе.

46. Города Фландрии: Доаго (древ. Duasum, ныне Дуэ на реке Скарпу), Кванто, ныне Ганд, Лилла, ныне Лилль, Бруггиа, ныне Брюгге. Данте приводит здесь эти четыре главных города Фландрии, намекая на события 1269 г. и следующих годов (см. Шлоссер, Weltgeschichte, vol. VI; также примечание Филалета и, наконец, Виллани, lib. VIII, с. 32). Филипп Красивый завладел частью силой, частью обманом Фландрией, после чего среди народа Фландрии возникло сильное неудовольствие. Мщенье, которое испрашивает у Бога говорящий (стихи 48), случилось в 1303 году, когда жители Фландрии возмущались и разбили на голову французов при Куртре, после чего вся часть страны, лежащая к северу от Ли (Lis), перешла опять к Гуго, графу Фландрскому, лежащая же к югу — осталась за Францией.

50. С восшествия на престол Капетингов до времен Данте царствовало четыре Филиппа и четыре Людовика, а именно:

Гуго Великий, герцог французский	† 956
Гуго Капет, король французский с 987 года	† 996
Роберт I (Дьявол, Мудрый)	† 1031
Генрих I	† 1060
Филипп I	† 1108
Людовик VI (Толстый)	† 1137
Людовик VII (Младший)	† 1180
Филипп II (Август, прозв. Завоевателем)	† 1223
Людовик VIII (Лев)	† 1226
Людовик IX (Святой)	† 1270
Филипп III (Смелый)	† 1285
Филипп IV (Красивый)	† 1314
Людовик X (Сварливый)	† 1316
Филипп V (Длинный)	† 1322
Карл IV (Красивый)	† 1328

52. Мы уже сказали, что это мнение неосновательно, как и вообще в этой песне Данте следует не столько историческим данным, сколько народным преданиям. Гуго Капет не был сыном мясника, но, как теперь всем известно, происходил от могущественных графов Парижских и герцогов французских. Его отец был Гуго Великий, а его дед Роберт. Некоторые даже ведут его род от одного из братьев Карла Мартелла. Но уже в Средние века возникло несколько легенд о генеалогии Гуго Капета; одна — религиозная, ведущая его род от Св. Арнольда († 640) герцога Австрийского, потом епископа Лотарингского; вторая — королевская — от Карла Великого, третья — народная, именно та, которой следует Данте и, может быть, только одна ему известная. Современник Данте историк Виллани приводит ее, как наиболее достоверную. Та же легенда повторяется как в одной старинной немецкой поэме (напечатанной в 1508 г. в Страсбурге), так особенно в *Chanson de Geste de Hugues Capet*, Paris 1864, издании г. маркиза Делагранжа. Вероятно, из этих народных поэм сказание перешло и в итальянские хроники. Хотя эта легенда была переработана известным французским поэтом Фр. Виллоном в XVI веке, однако ж потомок счастливого похитителя престола Франциск I не знал о ее существовании, так что этот стих Данте вызвал в нем сильнейшее негодование против поэта и его поэмы. Филалет. Скартаццини. К. Витте.

53. «Власяницу», в подлиннике: *in ranni bigi*, в серые одежды. Опять исторически неверно. Людовик V, последний из Каролингов, умер 21 мая 987 г., и со смертью его из всего рода остался в живых Карл, герцог Нижней Лотарингии; но он отнюдь не был монахом, а был заключен в заточение, где и умер. Поэт, очевидно, смешал здесь последнего Каролинга с последним из Меровингов — Хильдерихом III († 752).

58. «Вдовственной короной», т. е. сделавшейся вакантной по смерти Людовика Ленивого, последнего из Каролингов». Скартаццини.

59. «Мой сын»; отсюда по необходимости должно заключить, что говорящее здесь лицо Гуго Великий, а не Гуго Капет, между тем предыдущие стихи могли быть сказаны лишь этим последним. Вообще, Данте здесь не умел отличить двух лиц, не будучи знатоком истории этого дома. Известно, что сам Гуго Капет не короновался, а через год после своего избрания, в 988 г., велел короновать своего сына Роберта. — Мишле говорит: „Ceci est exact au sens littéral. On sait qu'Hugues Capet ne voulut jamais porter la couronne. Robert est le premier des Capétiens qui la porta“. Камерини.

60. «Помазанных костей», *le sacratè ossa*, либо в смысле бальзамированных, освященных или, может быть, в ироническом. Бланк, в своем *Versuch. etc.* II, p. 74, говорит: „Ich glaube dass Hugo Capet wohl sacratè im gewöhnlichen Sinne nimmt aber freilich mit der Gewissheit dass seine Zuhörer das Wort als bittere Ironie in Beziehung auf die von ihm angeführten Thaten seiner Nachkommen verstehen würden“.

61. Людовик IX женился в 1234 г. на Маргарите, старшей дочери графа Раймонда Беренгара IV Прованского (слич: Чистилища VII, 129 примеч. и Рая VI, 133). По смерти графа сын короля Карл Анжуйский (Чистилища VII, 129) женился на младшей дочери того же Раймонда, Беатрисе, объявленной наследницей Прованса, который пошел за нею в приданое. Лангедок по Парижскому миру (1229 г.) был уже присоединен к французской короне после войны с Альбигойцами и с Раймондом VI Тулузским, помогавшим Альбигойцам. Впоследствии сила и влияние Франции еще более возросли даже по ту сторону Альп; вообще, захваты Филиппа Красивого и Карла Анжуйского не принадлежат к блестящим страницам истории.

65. «Чтоб зло поправить», *per ammenda*, — «злейшая ирония над тем, который, раскаиваясь в дурном деле, совершает действия еще более злые. Трехкратное повторение этих слов придает иронии еще более силы и злой красноречивости». Скартаццини.

66. «Нормандия, — провинция Франции, принадлежавшая Англии со времен Вильгельма Завоевателя; Филипп-Август присоединил ее к Франции в 1204 г. (окончательно она присоединена Карлом VII в 1450 г.). — Гасконья — провинция Франции, отнятая Филиппом IV у английского короля Эдуарда I более обманом, чем силою. — Поньи — графство нижней Пиккардии, при впадении реки Сомы в море, с главным городом Аббевиллем, тоже принадлежало Англии и также обманом присоединено к Франции Филиппом IV». Ibid.

67. «К вам», т. е. в Италию. Карл Анжуйский (Чистилища VII, 113), тать и убийца, явился в 1265 г. в Италию, чтобы завладеть Неаполем и Сицилией, при содействии папы Климента IV и вследствие измены графа Казенцского и апулийцев при Беневенто (Ада XXVIII, 16 примеч. и Чистилища III, 115-118).

68. «Конрадин Швабский, последняя отрасль Гогенштауфенов, сын императора Конрада IV, родившийся в 1252 г. На третьем году жизни, потеряв отца, наследовал права на корону Неаполя и Сицилии. В 1267 г. высадился с войском в Италию, чтобы вырвать наследие своих предков из рук

<p>61 Пока Прованс, — не дар, а злая ссуда —
Не умертвил стыда в моей крови,
Мой род был слаб, зато не делал худа.</p>	<p>«Я вижу день (и он почти пришел),
Как Карл другой свершит свой подвиг дикий.
Чтoб лучше мир уведал, как он зол, —</p>
<p>64 Но тут захваты начал он свои
Творить, как тать, и взял — чтoб зло
поправить — Нормандию, Гасконью и Поньи.</p>	<p>Свершит без войск, с одной лишь тою 73
пикой,
Какой разил Иуда, и, как вор,
Флоренцию пронзит бедой великой.</p>
<p>67 Карл вторгся к вам и, чтoбы зло поправить,
Свел Конрадина в гроб, потом возвел
Фому на небо — чтoбы зло поправить!</p>	<p>Не земли он, но грех лишь и укор 76
Приобретет тем больше гнусной мерой,
Чем легче сам глядит на свой позор.</p>

низкого убийцы Карла Анжуйского; но, разбитый в сражении при Тальякццо 23 августа 1266 г. (Ада XXVIII, 17 примеч.), попал в руки бесславного Анджиоино, который казнил его в Неаполе 20 октября 1268 г.» Скартаццини.

69. Великий схоластический учитель церкви св. Фома Аквинский (Рая X, 99) покинул в конце января 1274 г. Неаполь, в сопровождении патера Ринальдо да Пипомо отправившись на собор, созванный папой Григорием X в Лионе. Несмотря на то, что ему было только 47 лет, он был крайне изнурен и болен и потому был принужден прервать свое путешествие и остановиться в капуцинском монастыре Fossa nuova, в расстоянии полдня дороги от Терричины, на окраине Понтинских болот, недалеко от Пиперно. Там он и умер 7 марта. Мнение, что он был отравлен по приказанию Карла I из страха, чтoбы не сделал разоблачений о нем перед папой и собором, — мнение это, кроме Данте, разделялось и другими современниками поэта. О подробностях его смерти рассказывают, впрочем, весьма разноречиво». К. Витте — Так Толоммео, ученик св. Фомы и современник Данте, пишет о его смерти следующее (Lucensis, Hist Eccles. lib. XXIII, cap. VIII., ap. Murat Rer. It script Vol. XI, pag. 1168 et seq.): „Vocatus ad Concilium per Dominum Gregorium, ac recedens de Neapoli ubi regebat, et veniens in Campaniam, ibidem graviter infirmatur. Et quia prope locum illum nullus Conventus Ordinis Praedicatorum habebatur, declinavit ad unam sollemnem Abbatiam, quae dicitur Fossa-nova, et quae Ordinis erat Cisterciensis, in qua sui consanguinei Domini de Ceccano erant patroni: ibique sua aggravata est aegritudo. Unde cum multa devotione, et mentis puritate, et corporis, qua semper floruit, et in Ordine vigit, quemque ego probavi inter homines, quos umquam novi, qui suam saepe confessionem audivi, cum ipso multo tempore conversatus sum familiari ministerio, ac ipsius auditor sui; ex hac luce transiit ad Christum“. — «Возвел на небо» — «прекрасное выражение для обозначения насильственной смерти святого человека, который, оставляя землю, возносится на небо». Джиоберти.

71. «Карл другой», — Карл Валуа, сын Филиппа Смелого и брат Филиппа Красивого, родившийся в 1270 г. Воспитанный в интригах римской курии, он был послушным орудием в руках папы Бонифация VIII. В 1303 г., по приглашению папы Бонифация, он прибыл со свитой французских рыцарей в Италию. Папа хотел воспользоваться его помощью частью для Карла II Неаполитанского, против Фридриха Арагонского, частью против партии Белых, во Флоренции (к которым принадлежал Данте) и, в этих видах, не только назвал его графом Романьи и «миротворцем» в Тоскане, но и обнадеживал его императорской короной. Его первый не совсем удачный поход во Флоренцию изложен в примечании к Ада VI, 64. Результатом было изгнание партии Белых, в числе их и Данте. Оттуда он отправился в 1302 г. в Сицилию, и, хотя и высадился туда, но не мог завладеть, кроме Термоли, ни одним городом. Король Фридрих избегал всякого с ним сражения до тех пор, пока нужда и болезни не понудили его отступить; в 1302 г., в ноябре, он вернулся во Францию, говоря словами Виллани, «scemata e consumata sua gente e con poco onore», почему и было о нем сказано: „Messer Carlo venne in Toscana per paciario, e lasciò il paese in guerra; e andò in Sicilia per fare guerra, e reconne vergognosa pace“. Он умер в 1324 г., оставив сына, который вступил на французский престол (1328 г.) под именем Филиппа VI: с него начинается династия Валуа. Об этом Карле говорится: „fu figlio di re; padre di re, e non mai re“. Скартаццини.

<p>79 Придет Карл новый: взятый в плен с галерой,
Продаст он дочь, как сводник, как корсар,
Торгующий невольницей-гетерой.</p>	<p>Зрю, как над ним глумится вновь народ;
Зрю о́дет с желчью, подносимый снова,
И средь живых злодеев смерти гнет.</p>	88
<p>82 Какой еще мне, алчность, дашь удар,
Коль так любя моим сынам суровым,
Что плоть свою пускают уж в товар?</p>	<p>Зрю нового Пилата, столько злого,
Что, алчные поднявши паруса,
Ворвется в храм без Божеского слова.</p>	91
<p>85 Чтoб блеск придать грехам былым и новым,
Я лилии в Аланью зрю приход
И плен Христа в наместнике Христовом.</p>	<p>О, Господи! Дождусь ли я часа́
Отмщения, и долго ль ужас мести
Таить Твои нам будут небеса? —</p>	94

73. «Без войск, с одной лишь тою пикой». Карл прибыл в Италию в Аланью, где находился двор Бонифация, лишь со своими баронами и 50 рыцарями. Пика Иуды Искаротского — обман и измена.

75. В подлиннике: „a Fiorenza fa scorporiar la pancia“. — «В то время Флоренция была тучна телом и наполнена гражданами, надутыми гордыней, и Карл настолько вскрыл ей живот, что из него вывалились кишки, т. е. главные граждане, в числе которых был Данте». Бенвенуто Рамбалди.

76-78. «Не земли» — жесточайшая ирония, намекающая на прозвище Карла Валуа — Безземельный, так как он никогда не мог приобрести себе владений. Чем менее он раскаивается в этом, тем более жестоко будет ему наказание, другими словами — он будет наказан в адских кругах.

79. «Карл новый», это Карл II Неаполитанский (Апулийский), Хромой, Иерусалимский (Рая XIX, 127, также VI, 106); он был сыном Карла Анжуйского (родился 1243 г. и умер 1309 г.); еще nasledным принцем, он попал вместе со своей галерой в плен 6 июня 1284 г. к адмиралу короля Педро Арагонского Руджери д'Ориа в морском сражении в Неаполитанском заливе, и после многих лет заключения, уже по смерти своего отца (1289 г.), возвратился в Неаполь и короновался.

80. Карл II выдал дочь свою Беатриче замуж за маркиза Эстского Аццо VI (assai veggio, так как он был вдовцом, будучи лет 20 женат на Джованне Орсини). Это тот самый Аццо, которого Данте поместил в аду (XII, 111) и о котором он так строго отзывался в Чистилища V, 77. Неравенство брака заставило современников предполагать, что отец продал свою дочь; уверяли даже, что он взял будто бы за это 30 000 золотых гульденов.

84. «Плоть свою», — «ибо он брат наш, плоть наша». Быт. XXXVII, 27.

85. «Все предшествовавшее кажется поэту ничтожным в сравнении с величайшим преступлением — пленом папы Бонифация VIII и оскорблением, нанесенным ему по повелению Филиппа Красивого его придворным Нагаретом в Ананьи (или Аланьи, так как в народном говоре буквы l и n смешиваются), вследствие чего папа через месяц скончался (1303 г.)». Флейдерер. — (См. след. примеч.; подробности изложены в Приложении 1 к I книге Божественной Комедии, Ада стр. 264). — «Данте высказывает здесь опять, как и в предыдущей песне, стих 127, а также и других местах, свое высокое уважение к институту папства, как бы сильно он ни осуждал дурное управление пап. Всю высоту своего мировоззрения он высказывает именно здесь, называя вызывающим омерзение оскорбление даже того папы, который, по его убеждению, предназначен самим судом Божиим к адским мукам (Ада XIX, 52 и примеч.). Одни лишь возвышеннейшие умы в состоянии подняться на такую высокую точку зрения во время ожесточения партий». Штрекфусс.

87. Виллани (l. c.) повествует: «Папа Бонифаций, слыша шум тревоги и видя, что он покинут всеми кардиналами, бежавшими и попятывавшимися со страха, а кто и со злым умыслом, и брошен также почти всеми слугами своими, и видя, что враги его завладели городом и дворцом, где он находился, приготовился к смерти и, как человек великодушный и мужественный, сказал: „Dacchè per tradimento, come Gesù Cristo voglio esser preso e mi conviene morire, almeno voglio morire come papa“, и тотчас же велел приготовить себе мантию св. Петра и с короною Константина на голове, с ключами и крестом в руке воссел на папское седалище. Приблизившись к нему, Скиарра и другие враги его гнусными словами поносили и арестовали его и его семейство, оставшееся при нем». Спокойствие его духа

97 То, что я пел о пресвятой Невесте
Святого Духа и чем вызван ты
Мне предложить вопрос на этом месте, —

100 То входит нам в молитвы и мечты,
Покуда день; но песнь в ином мы тоне
Поем всегда с приходом темноты.

103 Тогда поем о том Пигмалione,
Кто стал убийцей, хищником зараз
По алчности ко злату и короне; —

О том, как бедствовал скупой Мидас 106
Вслед за своим желанием безумным,
Став навсегда посмешищем для нас.

И помним об Ахане неразумном, 109
Похитившем добычу, так что всем
Нам страшен гнев Навинов в круге шумном.

Виним Сафиру с мужем вслед за тем, 112
И чтим удар копыт в Гелиодора,
И всей горе стал Полимнестор тем

обезоружило Нагарета и Скиарру, так что никто не смел наложить на него руки. Вскоре, однако, по возвращении в Ватикан он умер (7 окт.) от разрыва сердца.

89. Иоанн. XIX, 29; Псалт. LXXVIII, 22. «И дали мне в пищу желчь и в жажде моей напоили меня уксусом».

91. Новый Пилат, король Филипп Красивый, предавший наместника Христа в руки Колоннам, смертельным врагам папы, точно так, как Пилат «Иисуса предал в их волю». Луки, XXIII, 25.

92-93. «Намек на уничтожение ордена храмовников (тамплиеров). По особенному настоянию Филиппа Красивого, домогавшегося завладеть именьями тамплиеров, папа Климент V принял с 1306 г. меры против этого ордена. 2 апреля 1312 г. было решено уничтожить орден на Венском соборе; но гроссмейстер ордена Яков де Молэ был сожжен лишь 11 марта 1314 г. по повелению Филиппа, который получил папское полномочие на уничтожение, по мнению Данте, незаконным путем «без Божеского слова» (в подлиннике: *senza decreto*). К. Витте.

94-96. «Тень Капета ожидает какого-либо возмездия за все эти ужасы. Без сомнения, поэт имеет здесь в виду, как уже сказано (стих 46), сражение при Куртрэ; а может быть, он намекает на приведенное у Виллани (VIII, 64) к 1303 году пророчество, по которому власть Филиппа, как и всего его дома, вскоре должна прекратиться». Ноттер.

97-98. Ответ на второй вопрос, см. выше, стих 19, — Невеста Св. Духа — Дева Мария, называемая так на церковно-служебном языке.

100-102. «Поэт развивает обстоятельнее высказанное им выше (Чистилища VII, 44 и далее, см. примеч. этой песни к ст. 19) мнение. Днем души выхваляют добродетель в таких примерах, которые могут, в силу высказанного, служить как бичи, побуждающие к совершению добрых дел; ночью, когда прогресс на пути к усовершенствованию становится невозможным (Чистилища VII, 44), они беседуют о действиях порока, чтобы наложить на себя эпитимию или, собственно, чтобы почувствовать целительное покаяние (Чистилища XXVI, 80-81), так как они не подлежат уже искушениям (Чистилища XI, 22 и примеч.).» Ноттер.

103-105. Пигмалион, царь Тирский, одержимый сребролюбием, умертвил своего брата, мужа Дидоны, чтобы завладеть его богатствами и тронном. Дидона бежала из Тира и основала Карфаген (Вергилий, Аеп., lib. I, 340 и далее).

100-108. Мидас, царь Фригийский, который выпросил у Бахуса могущество превращать в золото, все, до чего ни коснется; но вскоре в этом раскаялся, потому что не мог ничего есть, так как всякая пища при его прикосновении превращалась в золото. Его безумное желание возбуждает скорее смех, чем сострадание.

109-111. Ахан, из колена Иудина, сражался в войске Иисуса Навина при взятии Иерихона. Вопреки запрещению Иисуса, Ахан присвоил себе и утаил часть иерихонской добычи (пурпурную одежду, двести сиклей серебра и слиток золота) и за это был побит вместе с сыновьями и дочерьми своими и всем скопом, по приказанию Навина, в долине Акор и затем сожжен. Кн. Иисуса Навина, VII, 1-26.

113. «Сафиру с мужем», т. е. с Ананием; см. Деян. Апост. V, 1-11.

113. См. Кн. II Маккав. III, 7-40.

114. Полимнестор, царь Фракийский, зять Приама. Последний, видя, что Троя осаждена и Азия утеснена греками, отправил младшего своего сына Полидора к Полимнестору в надежде, что он его

<p>115 Постыл, что предал смерти Полидора.
Крик, наконец, мы слышим: „Красс, скажи,
Каков на вкус прах золотого сора?“</p> <p>118 Мы говорим то громко, то в тиши,
Согласно с тем, звучнее или глуше
Льют речь из нас волнения души.</p> <p>121 Но днем поют здесь о добре все души;
Случилось же на этот раз, что пел
Один лишь я, пленив тебе так уши.</p> <p>124 Расставшись с ним, мы шли в другой предел,
Преодолеть стараясь путь с охотой,
Насколько сил нам выдано в надел.</p> | <p>Вдруг дрогнула гора, как будто что-то
Обрушилось, и хлад меня объял,
Как тех, кого ведут для эшафота.</p> <p>Нет, верно, так и Делос не дрожал
(Пока гнезда в нем не свила Латона),
Когда два ока неба он рождал.</p> <p>Со всех сторон раздался гул от стога,
Так что мой вождь, приблизившись ко мне,
Сказал: «Слепой! Тебе я оборона.</p> <p>„Gloria in excelsis Deo“, — все
Взывали там, насколько я по кликам,
Ближайшим к нам, расслушать мог вполне.</p> | <p>127</p> <p>130</p> <p>133</p> <p>136</p> |
|---|--|---|

укрое и защитит от опасности. Но жадный Полимнестор убил Полидора и завладел его богатствами (Ада примеч. к XXX, 13-20); Овидия, Превращения, кн. XIII, ст. 429-438.

116-117. Марк Лициний Красс, известный своим богатством и сребролюбием. Под начальством Суллы он сражался против Рима и решительной своей победой положил конец войне со Спартаксом (71 г. до Р. Х.), а в следующем году получил консульство вместе с Помпеем; через шесть лет составил первый триумvirат вместе с Помпеем и Цезарем и, сделавшись правителем Сирии, начал войну против парфян, но был разбит ими и затем убит по приказанию Сулены, полководца царя Орода. Говорят, что, когда голову Красса принесли Ороду, он велел влить в рот ее расплавленное золото, сказав: «Ты жаждал золота, пей же теперь его» (В. Веллей, II, 82). — Плутарх, впрочем, не упоминает об этом факте.

117. Итак, здесь приведено 7 примеров скупости. Это не без причины. По учению Фомы Аквинского у скупости 7 дочерей: измена, обман, лживость, клятвопреступление, беспокойство, насилие, бесчеловечие. «*Filiae avaritiae dicuntur vitia quae ex ipsa oriuntur, et praecipue secundum appetitum finis etc.*» Скартаццини. — «В Пигмалионе мы видим измену; в Мидасе — беспокойство; в Ахане — обман; в Анании и Сафире — клятвопреступление (солгали Св. Духу); в Гелиодоре, пришедшем похитить сокровища Иерусалимского храма под ложным предлогом, — лживость; в Полимнесторе — бесчеловечность и, наконец, в Крассе — насилие; новое доказательство, как глубоко обдуманно у Данте каждое слово». Ibid.

118-123. «Это ответ на вопрос Данте в стихе 36. Кающийся хочет сказать: так как наши речи вообще произносятся то тихим, то громким голосом, то и я дневные воззвания, т. е. похвалу добродетели, которую мы произносим днем, произносил не для одного лишь себя; но другие тени, говорящие вместе со мною, произносили их лишь тихим голосом». Ноттер.

127. «Дрожанием горы выражается тот душевный трепет, который вызывается в душе очистившегося благодатным чувством улучшения ее состояния и божественным помилованием. Чистилища XXI, 58». Каннегиссер. — Нечто подобное мы встречаем и в аду (III, 130 и далее). Там землетрясение означает, что души прибыли к вечным мукам; здесь оно означает, что муки окончились навеки. Там за землетрясением следуют явления ужасающие, приводящие в оцепенение и даже уничтожающие чувство; здесь за ним следует гимн радости, который поют хором тьмы тех душ и который, потрясая, наполняет всю гору восторгом и восхвалением Бога. Там трепет ужаса; здесь гора трепещет от радости. Там гора, так сказать, подавляет отчаянные вопли осужденных: «И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас». Откров. св. Иоан. VI, 16; здесь же напротив, исполняется пророчество: «Когда вышел Израиль из Египта... вы прыгаете, горы, как овны, и вы, холмы, как агнцы». Псалт. CXIII, 1, 6. Скартаццини.

130-132. Остров Делос, ныне Сдило, или Дили, один из Цикладских в Греческом архипелаге, славившийся в древности своим культом Дианы и Аполлона. По мифологии, Нептун выдвинул его из вод, вследствие чего Латона, преследуемая ревнивою Юноной на суше и море, нашла наконец здесь себе убежище и родила близнецов, Аполлона и Диану. Остров до этого был плавучим, но с этого

ПЕСНЬ XX

139 Недвижны в страхе были мы великом.
Как пастыри, которым на земле
Тот гимн воспет впервые райским ликом.

142 Тут в путь святой пошли мы по скале,
Глядя на сонм, к земле приникший пыльной,
Вернувшийся к слезам своим о зле.

И никогда я жаждою столь сильной
Не пламенел до истины достичь,
Как здесь, когда источник дум обильный

Родил во мне таинственный тот клич;
Спеша, не смел я спросить об этом,
А сам собой не в силах был постичь

И, робкий, шел я в думе за поэтом.

145

148

151

времени стал на море и сделался неподвижным. Вергилий. Аен. III, 69 и др. Овидия, Превращения, кн. VI, ст. 189 и далее. «Латона», или Лета, дочь титана Цея, любовница Юпитера, — «Два ока», т. е. солнце и луна, Аполлон и Диана, названные очами неба может быть в подражание Овидию, который солнце называет — mundi oculus. Превращения, кн. IV, ст. 228.

136. „Gloria in excelsis Deo“ — «Слава в вышних Богу», начало гимна, воспетого ангелами при рождении Спасителя (Лук. II, 14) пастырям в Вифлееме.

Пятый круг: сребролюбивые. — Стаций. — Причина сотрясения горы. — Встреча Стация с Вергилием.

1 Врожденной жаждой, только тою влагой
В нас утоляемой, которой дар
Был Самарянкой выпрошен, как благо, —

4 Томился я, и мчал усердья жар
Меня тропой, где всюду горесть дышит,
И я скорбел при виде Божьих кар.

7 И как в пути (о чем Лука нам пишет)
Христос явился двум ученикам,
Из гробовой уже пещеры вышел, —

Вот! — вслед нам шедший дух явился там, 10
Глядя на сонм, лежавший под заклатьем;
Но стал нам виден лишь тогда, как сам

Проговорил: «Да даст Господь мир братьям!» 13
Мы оглянулись тотчас, и поэт,
Послав ему привет руки поднятием,

Сказал ему: «В бессмертный свой совет 16
Тебя да примет с миром Суд безгрешный,
Как вверх меня в изгнание вечных бед!»

1-3. «Врожденная жажда», т. е. жажда познания: „Omnes homines natura scire desiderant“. Аристотель. Met lib. I, in princ. — «Врожденная жажда — это жажда истины и врожденное человеческой душе томление о благе вообще. Она может удовлетвориться здесь, на земле, лишь божественным откровением, а в том мире вполне утоляется лишь созерцанием Божества, как частью блаженства. Фома Акв. Sum. Theol. II. 1-я quaes. IV, art. 8. — На то и другое намекается водою, о которой говорит Христос». Филалет. — В предыдущей песне любознательность Данте не могла быть утолена; эту любознательность разумеет он под именем «жажды», в применении к евангельским словам, где Христос говорит самарянке: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек». И самарянка Христу: «Господин, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды». Иоан. IV, 14, 15.

4. «Томился я», т. е. сгорал нетерпеливым желаньем узнать истину. «Homo non est perfecte beatus quamdiu restat ei aliquid desiderandum et quaerendum... In tantum procedit perfectio intellectus, in quantum cognoscit essentiam alicujus rei». Фома Акв. Sum. Theol. p. I, 2-я qu. III, art. 8.

7-9. «Двум ученикам», шедшим в Эммаус. Ев. от Луки XXIV, 13-16.

10. Дух этот — римский поэт Стаций. Публий Папиний Стаций, сын поэта того же имени, славный в свое время стихотворец, жил при Домициане (86-96 гг. по Р. Х.). Отец Стация неоднократно бывал увенчан на поэтических состязаниях, праздновавшихся через каждые пять лет в Неаполе, и умер в Риме в 80 г. нашей эры на 65 году жизни. По мнению Додвелля, сын его Стаций родился в 61 г. по Р. Х. и умер в 96-м — на 35-м году жизни, что, кажется, не совсем верно. Он был женат на римлянке, вдове, по имени Клавдия, от которой не имел потомства. В высшей степени льстивый к Домициану, Стаций пользовался великою милостью императора. Он был обожаем в Риме, где взял несколько победных венцов на поэтических состязаниях; но так как восторг к нему римлян скоро остыл, то Стаций удалился в Неаполь, где и умер, как сказано, в 96 г. по Р. Х. Об его сочинениях будет сказано в примечании к 91-му стиху. О Стации писано очень многими. — Скалигер вместе с Данте ставит Стация наряду с Вергилием и говорит, что он подошел бы еще ближе к последнему, если бы не желал слишком близко подойти к нему. Но теперь едва ли кто станет ценить его так высоко, как ценил Данте. Тем не менее в Средние века Вергилий и Стаций считались первыми эпическими поэтами; творенья их читались всеми и цитировались в школах. Скартаццини.

11. «Стаций, теперь уже очищенный (см. ниже, стих 68) после совершенного им покаяния, созерцает еще тени, лежащие там на земле, т. е. он взвешивает свой грех, от которого только что освободился, и последствия его». Штрекфусс.

13. Стаций считает путников за души, идущие к небу по очищении, и приветствует их по глаголу Христа: «Входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему». Матф. X, 12.

16. «Совет». — «Не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрании праведных». Псалт. I, 5. — Сличи: Рай XXVI, 120. — Совет означает здесь рай, собрание праведных.

18. «В изгнание вечных бед», nell'eterno esilio, т. е. в изгнание из неба, истинного отечества душ. «Вергилий, как язычник, не может проникнуть в рай, так как одним разумом невозможно достигнуть высочайшего». Штрекфусс.

<p>19 — «Как?» дух сказал, меж тем как шли
мы спешно; «Вам Господом путь в гору возбранен?»
Кто ж вас, теней, привел из тьмы кромешной?»</p>	<p>Вот почему из пасти бездн широкой 31
Я взят в вожди и буду им ему,
Доколь вести здесь может
<div style="text-align: right;">ум высокий.</div></p>
<p>22 И вождь: «Коль вник ты в смысл
на нем письмен, Начертанных десницей, вход брегущей, —
Поймешь, что быть средь добрых должен он.</p>	<p>Но объясни, коль можешь, почему 34
Дрожит гора, и от вершин до моря
Что значит клик по Божьему
<div style="text-align: right;">холму?»</div></p>
<p>25 Но как ему и день и ночь Прядущей
Нить дней еще ведется с прялки той,
Где Клото вьет кудель всей твари сущей, —</p>	<p>Вопрос в мои желания, — им вторя, — 37
Как нить в ушко иглы попал; во мне
От жажды той уж часть отпала горя.</p>
<p>28 То в нем душа, нам будучи сестрой,
Здесь странницей могла ль быть одинокой,
Глядя на все не так, как я с тобой?</p>	<p>И дух: «Ничем здесь в Божьей вышине 40
Не рушится религия святая,
И все всегда законно в сей стране.</p>

19. Здесь Стадий прерывает речь Вергилия, который продолжает путь, не останавливаясь.

22. «Письмен», т. е. букв Р, начертанных на лбу Данте.

23. Т. е. рука ангела, охраняющего врата чистилища (IX, 112).

24. Т. е. он должен войти к царство праведных, небо. «Наследуйте царство, уготованное вам». Матф. XXV, 34. «Если терпим, то с Ним и царствовать будем». II посл. к Тимот. II, 12.

25-27. Парка Лахезис, прядущая нить жизни каждого живого существа; другими словами, — Данте еще не вполне кончил течение своей жизни. Известно, что древние поэты подчиняли жизнь человека трем богиням, называвшимся парками, помещая их около Плутона; первая называлась Клото, вторая — Лахезис, третья — Атропос (Ада XXXIII, 126). Первая навивала кудель на прялку в минуту рождения человека, вторая безостановочно пряла кудель, третья по своему усмотрению перерезывала нить. Отсюда стих: *Clotho colum bajulat, Lachesis trahit, Atropos secat*.

28. Так как она вышла, как и наши души, из рук одного и того же Создателя, или, по объяснению Ландино, потому что «все мы одного и того же рода, хотя ты уже достиг блаженства, я нахожусь в числе осужденных, а он — в неопределенном состоянии».

30. Т. е. глядя на все глазами живого человека. «На земле, по теории Фома Аквинского и Данте, мы видим вещи не непосредственно, но только как отпечатки предметов; там же видим их в зеркале Бога (Чистилища XXV, 82-84)». Каннегиссер.

31. «Широкая пасть», *ampia gola*, т. е. из первого круга ада, или Лимба (Ада IV, 24), составляющего как бы отверстие, пасть адской воронки.

33. «Опять, как всегда и повсюду, намек на значение, а вместе с тем и ограничение разума по отношению к правильному церковно-гражданскому мироправлению (Чистилища XVIII, 46)». Флейдерер.

38. «В желания как нить в ушко иглы попал» — в подлиннике: *la cruna del mio disio*. — «Латинское выражение: *acu tangere* — верно попасть». Каннегиссер.

41. «Религия святая», т. е. святость горы. Стих этот взят из Вергилиевой Энеиды, VIII, 349, 350:

„*Iam tum religio pavidos terrebat agrestis
 Dira Ioci, iam tum silvam saxumque tremebant*“.
 Также Ibid. XII, 181:
 „*Aetheris alti religio*“.

43-51. «В этой и следующих двух терцинах перечисляются все атмосферические метеоры: дождь, снег, град, роса, иней, облака всех видов, молния, радуга, которая, являясь всегда насупротив солнца, занимает различные места на небе. Все эти метеоры, говорит Данте, не исключая и ветров, обозначаемых словами: пар сухой (который, будучи нагрет, через то нарушает равновесие температуры), — существуют ниже врат чистилища». Антонелли. — «Только за вратами чистилища, описанными в IX песне, начинается вечный порядок и владычество чисто-небесных сил». Флейдерер. — Прототип этого

- 43 От всех премен изъят здесь воздух края,
Все из себя берут здесь небеса,
Обычный строй в сем мире сохраняя.
- 46 Не падают ни иней, ни роса,
Ни дождь, ни снег здесь выше той поляны,
Где трон из трех ступеней поднялся.
- 49 Здесь нет и туч; безвестны здесь туманы,
Ни молнии, ни Тауманта дщерь,
Что ниже там меняет часто страны.
- 52 Восходит здесь и пар сухой, поверь,
Не выше тех трех сказанных ступеней,
Где Страж Петра оберегает дверь.

Там, может быть, дрожит сильнее, иль менее 55
Гора по той вине, что ветер там скрыт
В земле; но выше — нет землетрясений.

Дрожит здесь край, как скоро дух свершит 58
Срок искуса, и встанет, иль почует
К полету мощь, и гимн тогда гремит.

Что срок свершен, — то воля знаменует; 61
Она парить всегда, имея дар,
Объяв вдруг душу, крылья ей дарует.

Парить же ей сперва мешает жар 64
Желанья, им же, как влеклась вначале
К греху, так днесь — к перенесению кар.

представления, перешедший от греческих к римским поэтам и от них к Данте, мы находим у Гомера в его описании блаженной вершины Олимпа, горы, которая, подобно горе рая, возвышается из моря:

«...Зевсова дочь полетела
Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят, основали
Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит, хладноносный,
Где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух
Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут».
Одиссея, Жуков. VI, 42-40.

48. В подлиннике: *La scaletta dei tre grandi breve*, т. е. возвышение из трех ступеней, на котором сидит привратник чистилища (Чистилища IX, 78 и далее и примеч.).

51. «Тауманта дщерь», Ириса, дочь кентавра Тауманта и Электры (Гесиод, Theog. 265), посланница богов, особенно Юноны, которая по радуге спускается и подымается на небо (Рая XII, 10). Здесь разумеется просто радуга.

52. «Пар сухой». По Аристотелю (Metaph. II), пар, подымающийся с земли, есть причина всех перемен в нашем мире. Пар этот разделяется на влажный и сухой; от первого рождается дождь, снег, град, роса, иней; от сухого и тонкого — ветер; от сухого и плотного — землетрясение. Эти пары не могут, впрочем, подыматься выше третьей области воздуха; этих областей от сферы луны до центра земли существует четыре: область жаркая, холодная, холодно-жаркая и недро земли. Вследствие этого сказанные перемены не могут восходить выше холодной области. И так поэт, говоря, что пары не подымаются выше трех ступеней врат чистилища, тем самым говорит, что эти врата помещены на самой верхней границе третьей области воздуха, т. е. в холодной области. То же самое он говорит ниже устами Матильды в земном раю (Чистилища XXVIII, 97-102). Скартаццини. — «По теории Данте, согласной с Брунетто Латини, сухие пары вызывают молнии, когда подымаются на высоту, и землетрясения, когда проникают в недра земли». К. Витте.

55. «Там», т. е. на горе Чистилища, ниже врат Петровых. — Ученые говорят, что землетрясение происходит таким образом: земля имеет вид губки, и внутри ее зарождается ветер и кружится и ходит по этим пещерам. Когда же вырастет до той степени, до какой лишь может достигать, он ищет себе дороги для выхода в воздух и сотрясается с такой силой, что земля увлекается за ним и нередко растрескивается, чтобы выгнать его вон». Оттимо.

58-60. «Здесь», т. е. выше врат чистилища. — «Как скоро дух... почует», в подлиннике: *quando alcuna anima monda Sentesi, si che surga, o che si mova Per salir su*, — место очень темное и толкуемое комментаторами различно. По некоторым, гора Чистилища дрожит всякий раз, когда очищенная от грехов душа возносится на небо, или когда, очистившись от одного греха, идет в следующий круг чистилища для очищения от другого греха. Бути. Ландино. — Но такое толкование едва ли правильно. Лучше,

DELLA MONDIZIA IL SOL
VOLER FAR PRUOVA,

CHE, TUTTO LIBERO A
MUTAR CONTENTO.
XXI, 61.

67 И я, лежавший пять веков в опале,
Лишь вот теперь, почуя волю, мчусь
В тот лучший мир, где боле нет печали.

70 Вот почему горы ты видел трус,
И на горе душ скорбных внял хваленьям
Творца, Его ж молю, чтоб снял с них груз».

Так он сказал, и, как мы с наслаждением 73
Тем большим пьем, чем больше жажда в нас, —
Так был я полн безмерным упоеньем.

И вождь: «Так вот та сеть, что держит вас! 76
Теперь я вижу, что дает вам волю,
Чем вызван трус и чем веселья глас.

79 Но кто ты был? спросить себе позволю;
И почему — скажи мне — пять веков
Томился ты, прикованный здесь к полю?»

Под званием, дающим честь без меры,
На свете том», так дух сказал в ответ,
«Я славен был, но жил еще без веры.

85

82 — «В те дни, как Тит, ведом Царем миров,
За язвы мстил, из коих лицемеры
Исторгли продану Иудой кровь, —

Столь сладостным я духом был согрет,
Что мне, тулузцу, Рим открыл чертоги,
Где миртами венчался я, поэт.

88

кажется, объяснение Велутелло: «Встает, т. е. встает на ноги, и это сказано поэтом именно в отношении душ в этом круте, где очищающиеся лежат ниц, так как первое их движение, которое они должны сделать, почувствовав себя очистившимися от греха, состоит, конечно, в том, что они поднимаются с земли. «Почует к полету мощь» — сказано в отношении душ, не лежащих на земле, но возносящихся прямо в небо по очищении». Слич: Скартаццини.

61-69. «Для объяснения этого места всего лучше может служить соответствующее место из Фомы Аквинского. При разрешении вопроса о том, есть ли казнь в чистилище добровольная казнь, Фома делает различие в отношении к слову добровольное — добровольное вследствие абсолютной воли и добровольное вследствие условной воли. В первом смысле ни одна казнь не есть добровольная, ибо это противоречит понятию о ней. В последнем смысле казнь может быть добровольною двояким образом: во-первых, тем, что воля приобретения какого-либо блага принимает на себя наказание, или, по крайней мере, охотно подвергается ему и не желает, чтобы оно не существовало, как при самобичевании или мученичестве, и во-вторых, — тогда, когда известно, что без наказания нельзя достигнуть известного блага, когда воля хотя и не налагает сама на себя наказания и могла бы от него освободиться, но тем не менее выносит его». Вот подлинные слова: „*Aliquid dicitur voluntarium dupliciter. Uno modo voluntate absoluta; et sic nulla poena est voluntaria, quia ex hoc est ratio poenae quod voluntati contrariatur. Alio modo dicitur aliquid voluntarium voluntate conditionata; sicut ustio est voluntaria propter sanitatem consequendam. Et sic aliqua poena potest esse voluntaria dupliciter. Uno modo quia per poenam aliquod bonum acquirimus; et sic ipsa voluntas assumit poenam aliquam, ut patet in satisfactione: vel etiam quia ille libenter eam accipit, et non vellet ea non esse, sicut accidit in martyrio. Alio modo quia quamvis per poenam nullum bonum nobis accrescat, tamen sine poena ad bonum pervenire non possumus, sicut patet de morte naturali, et tunc voluntas non assumit poenam, et vellet ab ea liberari: sed eam supportat, et quantum ad hoc voluntaria dicitur. Et sic poena purgatorii est voluntaria*“. (Sum. Theol. p. III, Suppl. append. qu. II, art. 2). — «То же учение излагает и Данте. Абсолютная воля желает освобождения от казни; но условная воля предпочитает этой абсолютной воле данное душе Богом желание полного удовлетворения, и таким образом человек может только лишь после полного очищения свободно и радостно вознестись к блаженству. Прекрасная мысль, достойная благородного поэта!» Филалет. — «Истинно свободная воля должна необходимо вполне согласоваться с божественной; поэтому пока не вполне очистившаяся душа еще не созрела для неба, по божественному мироправлению, до тех пор она не может иметь в себе желания покинуть чистилище». К. Витте.

67. «Стаций умер около 96 г. по Р. X. (прим. к стиху 10 этой песни); Данте встречает его в чистилище в 1300 г.; отсюда следует, что Стаций был 12 веков в чистилище: 5 веков он находился в кругу скупых; другие 4 века — в кругу недеятельных (XXII, 92-93); остальные триста лет, как надо предполагать, он провел в преддверии чистилища или в одном из трех первых кругов». Скартаццини.

72. «Прекрасная мысль! Души хвалят Бога за освобождение одной из их сестер, вполне очистившейся, а Стаций, со своей стороны, молит Его, да соделает Он то же освобождение от грехов и для прочих кающихся». Ibid.

73-76. Подобие сети, в которой Бог запутывает грешников, заимствовано из Св. Писания: «И раскину на него сеть Мою, и будет пойман в тенета Мои». Иезек. XII, 13. — Подобие утоления жажды взято также оттуда: «Что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая весть из дальней страны». Притчи XXV, 25.

82. Т. е. в 70 г. нашей эры, когда был разрушен Иерусалим римлянами под предводительством Веспасиана, потом его сына Тита, впоследствии римского императора (от 79-81 гг.).

84. «Продану Иудой кровь» — *il sangue per Giuda venduto*, оборот церковно-славянский подобно тому, как сказано: «возложиша верху главы его вину его написану». — «Слова эти указывают, что

- 91 «Меня зовут там Стадием; тревоги
Воспел я Фив, воспет мной и Ахилл;
Но со второй я ношей пал в дороге.
- 94 Во мне посеял искру жара пыл,
Божественный, где видим столько благ мы,
Что свет его миллионы озарил, —
- 97 Пыл Энеиды той, в ее ж стихах мы
Имели мать, и няньку иногда, —
Без них наш труд не весил бы и драхмы.
- 100 И для того, чтоб в веке жить, когда
Вергилий жил, я б лишний год согласен
Был здесь пробыть под узами суда!»

- Вергилий тут вперил свой взор, безгласен, 103
В меня, мне знаком повелел молчать;
Но труд у нас над волею напрасен:
- Смех и слеза умеют выступать 106
За вызовом их быстро так, что тщетны
Усилия прямодушных их сдержать.
- Я улыбнулся, как бы в знак ответный. 109
И бросил взор мне Стаций, смолкший вмиг,
В глаза, где в нас все помыслы заметны.
- «О если хочешь, чтоб ты в рай проник, 112
Зачем, скажи, так молнией улыбки»,
Он спросил, «твой озарялся лик?»

миссия Вергилия уже приближается к концу, что мало-помалу он заменяется и восполняется символами христианской жизни. Слич: III, 52 прим.; XVIII, 46; XXI, 33; XXVII, в конце». Флейдерер.

85. «Под званием» и проч., т. е. под именем поэта — подражание Лукану

O sacer, et magnus vatum labor, omnia fato
Eripis, et populis donas mortalibus aevum!
Phars. lib. IX, 980-981.

87. Т. е. без веры христианской, был еще язычником.

88. Может быть, намек на стих Ювенала:

Curritur ad vocem jucundam et carmen amicae
Thebaidos, laetam fecit cum Statius urbem
Promisitque diem: tanta dulcedine captos
Afficit ille animos.

Sat. VII, 82.

Впрочем, последние слова сказаны Ювеналом, кажется, иронически.

89-90. Тулузец, житель г. Тулузы. Смысл тот: Мой голос был так сладостен и мое имя, как поэта, так славно, что, хотя я был родом из Тулузы, Рим открыл для меня свои чертоги, т. е. я был призван в Рим. Как мы видели (примеч. 10) Стаций родился в Неаполе, а не в Тулузе. Ошибка эта произошла от того, что Стация-поэта смешивали долго с ритором Стадием Саркулом, или Урсулом, родом из Галлии; ошибка, которая, по мнению Ландино, встречается и у Платида Лактанция, комментатора к Фиваиде Стация, и которая продолжалась до XV века, пока Поджио не отыскал неизвестное дотоле собрание лирических стихотворений под заглавием «Лес» (Silvae). «В одном из них (Lib. III, eclog. V) «К Клавдии», жене своей, Стаций, описывая красоты Партенопии (Неаполь), называет ее матерью и нянькой обоих их, amborum genetrix altrixque». Лонгфелло.

90. Не только лавры, но и мирты служили в древности для увенчания поэтов, особенно эротических. Находясь в Риме, Стаций трижды был увенчан ими.

91-93. Главное поэтическое произведение Стация была эпическая поэма Фиваида в 12 книгах, на которую он употребил 12 лет непрерывной работы. Он описывает в ней поход Семи против Фив, и, в частности, борьбу между Полиником и Этеоклом (Ада XXVI, 53-54 и примеч.). Второе произведение Стация — Ахилланда, поэма, задуманная им по весьма обширному плану, но доведенная лишь до 452 стиха второй книги, — ранняя смерть помешала ему окончить труд, почему и сказано: «со второй я ношей пал в дороге» (жизненной). Лучшее произведение Стация, неизвестное Данте, был его «Лес», в 5 книгах, где собрано 32 стихотворения на различные случаи. — «Там», т. е. в мире живых.

94. Буквальный перевод: Энеида Вергилия вдохновила меня. Очевидно, Данте имел здесь в виду стихи самого Стация:

ПЕСНЬ XXI

<p>115 Молчать, иль нет? Борясь, как парус зыбкий
Меж двух противных ветров, я вздыхал,
И вздохов смысл был понят без ошибки</p> <p>118 Вождем моим: «Не бойся!» он сказал,
«Открой ему все то, чего боишься
Открыть, чтоб он не тщетно вопрошал».</p> <p>121 И я затем: «Быть может, ты дивишься,
О древний дух, улыбке уст моих;
Но ты сейчас и больше изумишься.</p> <p>124 Тот, кто возвел мой взор до граней сих,
И есть Вергилий, у кого приал ты
Всю мощь воспеть небесных и земных!</p> | <p>Коль смысл другой моей улыбке дал ты, — 127
Рассей обман, и знай, что ей виной
Лишь только то, что здесь о нем сказал ты».</p> <p>Уж он припал, чтоб обхватить рукой 130
Ему колена; но мой вождь: «Брат милый!
Оставь; ты тень, и тень перед тобой».</p> <p>И он, вставая: «Здесь пойми все силы 133
Любви моей, коль до того забыл
Я нашу призрачность, что тень могилы</p> <p>«Обнять тебя, как тело, тщетно мнил». 136</p> |
|---|---|

Vive, precor, nec tu divinam Aeneidam tempta,
Sed longe sequere, et vestigia semper adora.
Theb. XII, 816-817.

98. «Мать обозначает, что Вергилий родил в Стадии любовь к поэзии, нянька (собственно, кормилица: *putrix* — что Вергилий воспитал в нем вкус к поэзии и изящный стиль в стихотворстве». Скартаццини.

99. Т. е. не имел бы никакого значения. «Действительно, в своей главной поэме Стаций до того рабски следовал Энеиде, что удержал то же число книг, как и в последней, и справедливо заслужил прозвище обезьяны Вергилия». Бенвенуто Рамбалди. — Чтобы сохранить характерное (и не без иронии сказанное) слово «драхмы», переводчик был принужден прибегнуть к приемам: «благ мы», «стихах мы», к которым прибегал иногда и Пушкин и к которым, несмотря на богатство в рифмах на итальянском языке, нередко прибегает сам Данте и другие итальянские поэты.

100-102. Т. е. еще бы остался на год в чистилище. Как ни прекрасно с человеческой точки зрения то, что говорит здесь Стаций, тем не менее оно едва ли здесь уместно и во всяком случае противоречит учению Катона (II, 120-122). Штрекфусс. — Вообще этот стих подвергался сильному порицанию со стороны иезуитов, комментаторов Данте, например Вентури.

103. «В сцене, занимающей остальную часть этой песни, нельзя не подивиться, с какой истиной, изяществом и характерностью поэт сумел придать своему творению характер и прелесть драмы». Штрекфусс.

106-108. Т. е. смех и слезы не повинуются нашей воле. Также и Фома Аквинский принимает, что не все движения тела могут быть управляемы волей, именно движения, принадлежащие к вегетативной сфере. Sum. Theol. II, 2-е, qu. XVII, art. 9.

108. Собственно, «правдивейших», в подлиннике: *Che men seguon voler nei più veraci*.

113. «Молния улыбки» — *Un lampeggiar di riso*. Стиху этому подражали Петрарка (*il lampeggiar dell'angelico riso*), Тассо и другие.

130-131. Как прежде тень Сорделло (Чистилища VII, 15), Стаций выказывает такую любовь к Вергилию не только как к своему учителю в поэзии, но и как к своему обратителю в христианскую веру (Чистилища XXII, 66 и примеч.).

132. «Я пал к ногам его... он сказал мне: смотри, не сделай сего». Откров. св. Иоан. XIX, 10.

135. Слич: Ада VI, 36.

ПЕСНЬ XXII

Подъем в шестой круг. — Стаций, его грех и обращение в христианство. — Знаменитые люди древности в Лимбе. — Шестой круг: чревоугодники. — Мистическое дерево. — Примеры воздержания.

<p>1 Уж Ангел Божий сзади нас остался, —
Тот Ангел, что в шестую вводит высь,
И знак с меня еще при этом снялся.</p> <p>4 И тех, что сердцем Правде предались,
Он назвал нам: „Beati“; но глаголы
На sitiunt внезапно прервались.</p> <p>7 И легче здесь, чем в пройденные доли,
Я восходил, и мне стремиться вслед
Тех легких душ уж не был труд тяжелый.</p> <p>10 — «Мы любим тех», так начал мой поэт,
«В ком к нам горит любовь без лицемерья.
Коль скоро жар их показан на свет.</p> | <p>Так я, — лишь в глубь геенского предверья 13
Весть Ювенал принес мне о твоей
Любви ко мне, — предался, полн доверья,</p> <p>Тебе душой: ведь можно нам людей 16
Заочно причислять к родному кругу...
И жалко мне, что путь здесь не длинней.</p> <p>Но объясни, и мне прости, как другу, 19
Коль будет мной ослаблена узда
Речей, — и мне окажешь тем услугу:</p> <p>Как мог впустить ты скупость без стыда 22
Во грудь свою, при мудрости толикой,
Так развитой при помощи труда?»</p> |
|--|--|

1. Поэты начинают теперь подыматься с пятого на следующий шестой карниз.

2-3. До сих пор путников встречал каждый раз ангел при восхождении на каждую отдельную лестницу и снимал со лба Данте знак буквы Р; на этот раз не говорится подробно об ангеле, а просто упоминается, что ангел находился при входе на лестницу, ведущую в шестой круг, — может быть, для избежания повторений или по какой-либо другой причине. — «Знак», т. е. букву Р.

4-6. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Матф. V, 6. — Здесь жажда к золоту противопоставляется жажда к правде. — „Ubi intelligatur de justitia spirituali, quod est quod homo reddat unicuique quod suum est, conuonienter dicitur: Beati qui esuriunt et sieiunt justitiam; quoniam esuries et sitis proprie avarorum est, quia nunquam satiantur qui aliena iniuste possidere desiderant. Et vult Dominus quod ita anhelemus ad istam justitiam, quod nunquam quasi satiemur in vita nostra, sicut avarus nunquam satiatur“. Фома Акв. in Math. Cap. V. — «Ангел произносит здесь лишь первую половину евангельского изречения и оканчивает его на слове „sitiunt“; вторая половина будет произнесена при выходе из шестого круга, где очищаются чревоугодники (в конце XXIV песни). «Вообще текст этой терцины очень испорчен в рукописях и был предметом многих толкований». Скартаццини.

7. По причине снятия со лба Данте пятой из семи букв, на что прямо указывается в Чистилища XII, 116, 117. При выходе из прочих кругов уже не говорится об этой легкости, но она подразумевается (слич: Чистилища IV, 88 и примеч.). — «Доли» — в подлиннике foci, т. е. круги чистилища.

9. «Легких душ», т. е. Вергилия и Стация.

10. «Когда нам известно, что кто-нибудь любит нас за то, что в нас есть хорошего, к тому, наверное, мы питаем взаимную любовь. Потому-то и Вергилий любил Стация, как скоро узнал о любви его к себе от Ювенала». Штрекфусс.

13. «Геенского преддверья», т. е. Лимба, limbus patrum (Ада IV, 24 прим., и 45). „Si considerentur limbus patrum et infernus secundum locorum qualitatem, sic non est dubium quod distinguuntur, tum quia in inferno est poena sensibilis quae non erat in limbo patrum; tum etiam quia in inferno est poena aeterna; sed in limbo patrum detinebantur sancti temporaliter tantum. Sed si considerantur quantum ad situm loci, sic probabile est quod idem locus, vel quasi continuus, sit infernus et limbus ita tamen quod quaedam superior pars inferni, limbus patrum dicatur... Infernus et limbus sunt idem quantum ad situm“. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, Suppl. qu. LXIX, art. 5.

14. «Ювенал», знаменитый римский сатирик эпохи Траяна, родившийся в Аквино около 47-го и умерший около 130 г. нашей эры. Данте приводит его здесь, как современника Стация, а также потому, что Ювенал отзывался с похвалой о Фиваиде Стация (Чистилища XXI, 88 прим.). Подобно многим другим поэтам древности, Ювенал находится в Лимбе.

18. Для того, чтобы иметь удовольствие долее оставаться в твоём сообществе и беседе с тобой.

25 С улыбкой легкой Стаций светлоликий
 Ответил так: «Глагол мне каждый твой —
 Залог любви, о наш певец великий.

28 Как часто видим вещи пред собой,
 Влекущие к сомнению ум тревожный
 От истинных причин их, скрытых мглой!

31 Ты, видя круг, где был я, — вывод ложный,
 Как кажется, из этого извлек,
 Что будто я был злата раб ничтожный.

34 О, нет! Поверь, я слишком был далек
 От скупости; на много ж лунных сроков
 За грех иной Господь меня обрек.

37 И не восстань я от святых уроков,
 Тобой преподанных, когда, к стыду
 Людей, взывал ты против их пороков,

Сказав: „В какую ты влечешь беду, 40
 О, проклятая алчность смертных к злату!“
 Вращая камни, дрался б я в аду.

Лишь тут поняв, как тянет нас к разврату 43
 Рук наших ненасытность, — много слез
 Там пролил я за добрых чувств утрату.

О! Сколько мертвых встанет без волос 46
 На головах за то, что так упрямо
 В том зле коснели вплоть до смертных гроз!

Коль грех какой противоречит прямо 49
 Другому свойством, — знай, он рядом с ним
 Здесь должен сохнуть в казни той же самой,

И коль мой грех был в том кругу казним, 52
 Где род скупцов слезами платит дани,
 То лишь затем, что так противен им».

20. Т. е. буду слишком свободно говорить с тобою.

22. «Узнав от папы Адриана (Чистилища XIX, 115), что в пятом кругу очищаются скупые, и не зная, что в том же кругу очищается грех, противоположный скупости, расточительность, Вергилий полагает, что Стаций в жизни был заражен сребролюбием, и потому удивляется, как такой низкий порок, как скупость, мог вписаться в благородном сердце поэта, тем более поэта, наделенного мудростью». Скартаццини.

23. «При мудрости толикой»: *tra cotanto senno*; то же выражение Ада IV, 102: *Si ch' io fui sesto tra cotanto senno*.

25. «С улыбкой легкой», т. е. как прилично мудрому человеку. «Глупый в смехе возвышает голос свой, а муж благоразумный едва тихо улыбнется». Премудр. Ис. сына Сирах. XXI, 23. — „*Si conviene all' uomo, a dimostrare la sua anima nell' allegrezza moderata, moderatamente ridere con un' onesta severita e con poco movimento delle sue membra*“. Convivio tr. III, с. 8.

28-30. «Часто встречаются вещи, причину и взаимную связь которых люди не знают. Это незнание вызывает сомнение и ложное толкование истинной причины и взаимного соотношения этих вещей». Скартаццини.

31-33. «Твое предположение, будто я был на земле скупцом, вызвано тем обстоятельством, что ты встретил меня в круге скупых, а также тем, что я перед этим сказал тебе, что я находился 500 и более лет в том самом круге, где наказуются скупые». Ibid.

35. «Намного лунных сроков», в подлиннике: *migliaia di lunari* (на тысячи лунных сроков), «именно около 6000 месяцев, если Стаций провел 500 лет на пятом карнизе (Чистилища XXI, 67)». Филалет. «Луна обращается вокруг земли в 29 ½ дней». Скартаццини.

36. «За грех иной», собственно, противоположный, именно расточительность; в подлиннике: *dis misura*. Слич: Ада VII, 42: „*Che con misura nullo spendio ferai*“.

40-41. Эти два стиха — перевод известных стихов Вергилия (Аен. III, 56).

*Quid non mortalia pectora cogis,
 Auri sacra fames!*

Это место подало комментаторам повод к различнейшим толкованиям, свод которых можно видеть у Скартаццини. Действительно, трудно понять, каким образом это место у Вергилия могло открыть глаза Стацию на греховность расточительности. Потому многие принимали, что Данте ошибочно принял эпитет *sacra* в обыкновенном его значении — священный и под именем *sacra fames* разумел умеренное стремление к земным богатствам, ни слишком сильное, ни слишком слабое. «Эпитет, который придает Вергилий по поводу Полимнестора (см. Ада XXX, 13) жажде к золоту, может быть буквально понят и

55 — «Но в том, что братьев двух жестоких
брани —
Двойную скорбь Иокасты — ты воспел»,
Спросил творец пастушеских сказаний,

58 «И в том, что лирой Клио ты гремел,
Не видим мы, чтоб вера просветила
Твой ум, а без того нет добрых дел.

61 Какое ж солнце, или чьи светила
Так разогнали мрак твой, что развил
Ты вслед за Рыбарем свои ветрила?»

И он ему: «Ты первый мне открыл 64
К Парнасу путь, к священным Муз
беседам;
Ты первый мне о Боге мысль внушил.

Ты поступал, как тот, кто в ночь, неведом, 67
Сам в мраке, — сзади светоч свой несет
И светит всем, за ним идущим следом,

Когда ты пел: „Век новый настает; 70
Вернулась Правда, мир уж не туманен,
И с неба к нам нисходит юный род!“

как «священный», и как «проклятый», хотя Вергилий бесспорно употребляет его в последнем значении. Так как и скупые, и расточители очищаются сообща в этом круге (так же, как и в Аду наказываются они вместе, то Данте принимает это слово для первых в его истинном, а для расточителей в смысле — лексически возможном, хотя и не употребленном у Вергилия». К. Витте. — «По Аристотелю, расточитель также гоняется за золотом, как и скупой. Потому-то, по мнению Стация, это место у Вергилия касается и его порока». Флейдерер.

43. Т. е. я был бы осужден в аду в числе расточителей, вращающих тяжелые камни против скупых (Ада VII, 22).

44. «Рук наших ненасытность», в подлиннике: *aprir l'ali Potean le mani a spendere*, т. е. безумная расточительность.

46-47. Слич: Ада VII, 56-57.

47. «Так упрямо», следовало перевести: по неведению, *per ignoranza*, т. е. по незнанию, что расточительность тоже грех. Есть два рода неведения: одно извинительное, другое — нет. Неизвинительно то неведение, которого можно было бы избежать упражнением и усовершенствованием разума. „*Quicumque negligit habere vel facere id quod tenetur habere vel facere, peccat peccato omissionis. Unde propter negligentiam ignorantia eorum quae aliquis scire tenetur est peccatum; non autem imputatur homini ad negligentiam si nesciat ea quae scire non potest*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, 2-е, qu. LXXVI, art. 2. — «Расточительность у великих мира сего нередко восхваляется и потому не считается многими пороком». Каннегиссер.

49-51. «Грех... здесь должен сохнуть», в подлиннике: *qui suò verde secca*. «Порочные наклонности истребляются в душе очищающими муками, так точно, как злаки иссушаются солнечным жаром. Замечательно, что Данте высказывает только здесь, в пятом кругу чистилища, точно так, как и в четвертом круге ада, ту мысль, что два противоположных греха очищаются и наказываются в одном и том же месте». Филалет.

54. О расточительности Стация исторически ничего неизвестно; сколько же известно о его жизни, — он, скорее, нуждался в средствах; следовательно, расточительность Стация не более, не менее, как поэтический вымысел Данте, основанный, может быть, на том, что люди, живущие в области идеального, как поэты, вообще расточительны». Скартаццини.

56. «Двойную скорбь Иокасты». Иокаста — дочь Креона, царя Фивского, жена Лая и мать Эдипа, за которого, не зная его, вышла замуж, и родила от него двух сыновей, Этеокла и Полиника, и двух дочерей, Антигону и Исмену. Стаций описывает Фиваиде войну Этеокла и Полиника, кончившуюся тем, что они «убили друг друга в поединке» (Ада XXVI, 54).

57. «Творец пастушеских сказаний», т. е. Вергилий, как единственно известный во времена Данте буколический поэт (Эклоги Т. Калпурния были открыты Поджио лишь в XV веке). Вместе с тем здесь выражается противоположность между ужасами, воспетыми в Фиваиде, и мирными сценами Вергилиевых буколик, а также наперед указывается на четвертую эклогу его, значение которой будет сейчас отмечено Стацием». К. Витте. Каннегиссер.

58. «Клио», — одна из 9 муз, заведующая историей и возвещающая славу. К этой музе взывает Стаций в начале Фиваиды: „*Quem prius heroum Clío dabis*“. Theb. lib. 1, v. 41, — Смысл, следовательно, тот: судя по твоей поэме, ты был, когда ее писал, не христианином, а язычником.

60. «Без веры угодить Богу невозможно». Посл. к Евр. XI, 6. Слич: Ада IV, 34.

63. «Рыбарь» — св. апостол Петр, названный так на основании слов, сказанных ему и брату его Андрею: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». Матф. IV, 19; Марк, I, 17; Лук. V, 10, — «Т. е. что побудило тебя направить свой челнок за кораблем св. Петра» — за тою церковью, которую св. отцы часто называют кораблем св. Петра.

64-66. Стаций признает Вергилия за своего учителя в поэзии, в нравственности и вере. Ниже он говорит: *Per te poeta fui, per te cristiano* (стих 73). — Парнас, гора в Фокиде, по мифологии, местопребывание Аполлона и 9 муз.

67-69. Т. е. как слуга, который, провожая ночью своего господина, идет перед ним, неся за собою фонарь, так что сам слуга идет в темноте. Подобное же сравнение встречается у Поло де Реджио в сонете 1230 г.:

<p>73 Тобой, поэт, тобой я христианин!
Но в краски окунуть я кисть горю
Желаньем, чтоб рассказ мой не был странен.</p>	<p>И помогал им несть цепей вериги, 85
Покуда жил, их веры благодать
Превознося превыше всех религий.</p>
<p>76 На целый мир уж разливал зарю
Свет чистой веры, сеемой послами.
Покорными их вечному Царю.</p>	<p>И прежде чем ввел в Фивы греков рать, 88
Крестился я; но, робкому поэту,
Мне страх велел религию скрывать,</p>
<p>79 И новая их проповедь с словами
Твоими так была во всем сходна,
Что тех послов я стал считать друзьями.</p>	<p>Язычником на вид являясь свету. 91
И, вот, я больше четырех веков
В кругу четвертом был за слабость эту.</p>
<p>82 И были святы мне их имена;
Когда ж томил Домициан их в иге, —
Я не без слез сносил их бремена</p>	<p>Теперь и ты, поднявший мне покров 94
Со сказанных тех благ, — скажи но чести,
Пока не весь прошли мы этот ров, —</p>

Si come quel che porta la lumiere
La notte quando passa per la via,
Alluma assai più gente della spera,
Che sé medesmo, che l'ha in balia.
Raccolta di Rime Antiche Toscana. 1817.

70-73. Это буквальный перевод трех стихов (5-го и след.) четвертой эклоги Вергилия:

Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo
Iam redit et virgo, redeunt Saturnia regna;
Iam nova progenies coelo demittitur alto.

«Это пророчество Сивиллы Кумской применено Вергилием, поэтом придворным, к рождению сына Азиния Поллиона. Вместо того Данте видит в нем возведение рождения Искупителя. Но поэт наш не первый понял это место в таком смысле. Предчувствие, внушаемое всей этой эклогией об обновлении в ближайшем будущем всего мира в век счастья, правосудия, любви и мира, связь, в которую ставится в эклоге это чаение с рождением младенца, и древний авторитет Сивиллы, на которую опирается все это провиденье, — все это вместе было слишком соблазнительно для христиан, чтобы при чтении этой эклоги они не вспомнили о рождении Христа и не отнесли обновления мира к чистому и кроткому вероучению, изливавшемуся человечеству. И действительно, христианское толкование четвертой эклоги было в сильном ходу у христианских писателей уже в IV веке. Весьма пространное толкование в этом смысле находится в речи императора Константина перед собранием духовенства (по словам Евсевия, *Vita Const.* IV, 32). Разобрав с различных сторон это стихотворение Вергилия, император находит в нем пророчество о пришествии Христа, пророчество, охарактеризованное многими подробностями: возврат девы означает деву Марию; новое поколение, посылаемое небом, есть Христос; змий, которого уже более не будет, есть древний искусьитель наших отцов; амом, который родится повсюду, есть многочисленное племя христианское, очищенное от грехов, и в этом смысле истолкована вся эклога. Он полагает, что поэт с ясным сознанием писал свое пророчество о Христе, но выразил его покровенно, примешивая к своей речи еще имена божеств языческих, чтобы не слишком сильно столкнуться с тогдашними верованиями и не вызвать тем самым гнева со стороны власти. Лактанций, живший, как и Константин, в IV веке, истолковывает также эклогу в смысле христианском, относя, впрочем, пророчество ее не к первому, а ко второму пришествию Христа. Лактанций. *Div. instit. lib.* VII, с. 24. Блаж. Августин, допуская существование пророков между язычниками, предсказывавших пришествие Христа, приводит также четвертую эклогу, особенно обращая внимание на стихи 13 и 14, которые он относит к отпущению грехов по заслугам Спасителя (*Epist.* 137 ad Volus. cap. 12. *Epist.* 258 с. 5. *De Civ. Dei, lib.* X, с. 27). Тщетно восставал против таких идей св. Иероним, насмеялся над теми, которые считали Вергилия христианином без Христа (*Epist.* 53 ad Paulin. с. 7). Христианские теологи продолжали истолковывать пресловутую эклогу по-своему, и даже в глазах тех, которые полагали, что Вергилий не имел в виду того смысла,

который ему приписывали, римский поэт представляется таким писателем, который, сам того не зная, излагал свидетельство или аргумент в пользу веры. Мнимая неотразимость этого аргумента подала повод к возникновению церковных легенд об обращениях, вызванных стихами четвертой эклоги, как обращение Стация (об этом см. Рут, *Heidelberger Jahrbücher*, 1849) и обращение трех язычников: Секундиана, Марцеллиана и Верияна, внезапно просветившихся стихами Вергилия, и из гонителей христиан обратившихся в мучеников Христовых (сл. Vincent Belloc. *Spec. hist.* XI, с. 50. *Acta Sanctor.* Aug. T. II, р. 407). Другая легенда повествует о Донате, епископе Фьезольском: чувствуя приближение смерти, он пришел в собрание своих братьев и исповедывал веру свою перед ними, приводя между своими словами и слова поэта: „*iam nova progenies*“ и т. д., после чего испустил дух (Оцанам, *Docum. niedit*, р. 55, — Папа Иннокентий III цитирует эти стихи Вергилия в подтверждение веры в одной проповеди на Рождество (*Serm. II in lest Nativ. Dom. Opp.* р. 80). В том же христианском смысле они были понимаемы в Средние века и притом людьми великого авторитета, как например, Абеляром (*Introd. ad Theolog. lib. I*, с. 21 *Epist.* 7 ad Helois, р. 118) и Марсилием Фичином (*De christ. relig.* с. 24). Итак, Данте следует здесь толкованию, вообще принимавшемуся в его время, что Вергилий был пророк Христа. Кроме многих сочинений по этому вопросу, особенно важно для желающих его изучить сочинение Компаретти, *Vergilio nel medio evo*. Livorno, 1817. Vol. I, р. 128 e seq. Нечего, кажется, говорить, что обращение Стация в христианство исторически нигде не подтверждается». Скартаццини. «Тем не менее, во времена Данте было в общем ходу мнение, хотя ни на чем не основанное, что Стаций был тайный христианин, может быть, вследствие смешивания Стация-поэта с одним из его толкователей Лактанцием Пласидом, из IV века, о христианстве или нехристианстве которого до сих пор еще спорят». Ноттер.

73. Т. е. подражая тебе, я сделался поэтом, убежденный твоим пророчеством (в четвертой эклоге), я обратился к Богу и уверовал в Христа.

74-75. Поэт продолжает свою метафору; сделав сперва легкий очерк рисунка (сказав, что он стал христианином), он покрывает его затем красками. Очерк дает лишь общее представление о предмете, краски придают ему живость.

77. «Послами», т. е. апостолами.

79. «С словами», именно с пророчеством четвертой эклоги.

83. Тит Флавий Домициан, второй сын Веспасиана, был императором римским после брата своего Тита с 81 по 96 г. по Р. Х. Христиане, как например, Евсевий, обвиняли его в жесточайшем гонении их (*Chron. lib. II ad Olvmp.* 218), а Тертуллиан называет его по этому случаю: *portio Neronis de crudelitate*. Но исторически это гонение не доказано. Домициан особенно покровительствовал Стацию.

88. В подлиннике: «И прежде чем я привел греков к рекам Фивским» (Исмену и Азопу); некоторые комментаторы заключают отсюда, что Стаций крестился прежде, чем написал IX книгу своей поэмы, так как в этой книге греки пришли под предводительством своего царя Адраста к рекам Исмену и Азопу на помощь Полинику. Но, очевидно, Стаций не хочет этим стихом обозначить год и день своего обращения, а просто желает сказать, что он это сделал прежде, чем кончил свою Фиваиду.

92-93. «В круге четвертом», где очищается грех уныния. «Из 12 веков, протекших со времени кончины Стация до 1300 г. (см. примеч. к XXI ст. 67), 500 лет он находился в 5-м и 400 лет — в 4-м кругу (все вместе около 1000 лет); остальные 200 лет он находился или в других кругах, или в преддверии». Филалет.

94-95. «Покров» на символическом библейском языке обозначает неверие и слепоту духовную. «Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается». 2-е посл. к Коринф. III, 15, 16. — Стаций говорит Вергилию: «ты, который приподнял с моих глаз покрывало, скрывавшее от меня столь великое благо», т. е. истину христианской религии.

96. «Ров», т. е. ущелье, в котором устроена лестница, ведущая из этого круга в вышележащий, куда теперь восходят поэты.

97. Теренций — римский комик, родившийся в Карфагене в 183 г. до Р. Хр. Стаций называет Теренция другом, как поэта. В некоторых рукописях вместо *amico* стоит *nostra antico*; и действительно, в этом месте упоминаются лишь одни древние латинские писатели.

98. «Цецилий Стаций — драматический писатель, современник Энния и Пакувия († 168 до Р. Х.). — «Тит Макций Плавт», латинский комик, родившийся в 255-м и умерший в 184 г. до Р. Х. — «Варрон», — под этим именем известны два римских писателя: 1) Марк Теренций Варрон, полигистор, от которого нам осталась часть его *Libri de lingua latina* и 2) Публий Теренций Варрон, поэт, кроме многих других сочинений, прославившийся двумя эпическими поэмами: *Bellum Sequanicum* и *Bellum Punicum* (обе потеряны). Так как Данте говорит здесь о поэтах, то, вероятно, он понимает последнего; может быть, даже он принимает обоих за одно лицо». Филалет.

97 Не знаешь ли: где друг Теренций вместе
С Цецилием? Где Плавт? Варрон?
Страхусь, —
В аду они! Но где? В каком там месте?»

100 — «Они, и я, и Персий — весь союз
Певцов», ответил вождь, «мы все вкруг
Грека,
Что млеко вскормлен был рукою Муз, —

Все в первом круге тюрм слепых
от века!
Там часто речь ведем мы о скале —
Обители кормилиц человека.

Там Еврипид и Антифон! В числе
Других там греков тени —
Агатона
И Симонида с лавром на челе.

100. Персий — Авл Персий Фликк, римский сатирик (род. в 24 г. по Р. Х.), автор шести дошедших до нас сатир.

101. Грек — Гомер, любимец Муз (Ада IV, 80 и прим.).

102. В подлиннике: *Che le Muse lattâr più ch'altro mai*. По мифологии, Музы — кормилицы поэтов.

103. В Лимбе, образующем первый круг ада. Слепой тюрмой Данте называет ад и в Ада X, 58.

104. Скала, собственно, гора; разумеется здесь гора Парнас, где, по мифологии, обитают Музы, кормилицы поэтов (в подлиннике: *le nutrici nostre*).

106-108. Еврипид — знаменитый греческий трагик, родился в день Саламинской битвы в 480 г. до Р. Х., умер в 406-м. Странно, что Данте нигде не упоминает ни об Эсхиле, ни о Софокле. О греческих поэтах Данте мог знать из Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана; сам, очевидно, он не читал их. — «Антифон» — греческий трагик, от которого до нас ничего не дошло, но о котором с похвалой отзываются Аристотель и, в особенности, Плутарх; в своей *De Monarchia* Данте говорит о нем, как и об Агатоне, также трагическом поэте. В других рукописях вместо Антифона стоит Анакреон. — Симонид, славный греческий лирик (род. в 559 г. до Р. Х.); от него остались эпиграммы и несколько лирических стихотворений (Подробнее см. у Скартаццини).

109-114. В этих двух терцинах Вергилий приводит имена тех личностей, которые играют роль в поэмах Стация. «Антигона», дочь Эдипа, рожденная от его матери Иокасты, сестра Исмены, Этеокла и Полиника. — «Дейфила», дочь Адраста, царя аргивского, жена Тидея, одного из семи, осаждавших Фивы, мать Диомеда. — «Аргия», сестра Дейфилы, жена Полиника; ей принадлежало злополучное ожерелье, так понравившееся Эрифиле, что она открыла, где находился муж ее Амфиарай (Чистилища XII, 50, 51). — «Исмена», другая дочь Эдипа и Иокасты; «печальная», потому что на ней особенно тяготела роковая судьба этого дома. — «Матрона», Изифила — дочь Тоанта (Ада XVIII, 92); покинутая Язоном, она попала в плен к морским разбойникам, которые продали ее Ликургу Немейскому; этот сделал ее кормилицей своего сына Офелла. В то время, когда царь Адраст, направляясь с войском в поход к Фивам, проходил чрез страну Ликурга, за неимением воды, он едва не погиб от жажды: встретившая его случайно Изифила положила младенца в траву, а сама пошла показать Адрасту Лангийский источник; тем временем младенец был заеден змеями. — «Дщерь Терезия», предсказателя, — Манто, о которой Стаций тоже упоминает в Фиваиде. Из этой терцины можно понять, что Данте помещает и Манто в Лимб, тогда как она уже помещена им в числе предсказательниц в злые-рвы восьмого круга ада (Ада XX, 55). Хотя у Терезия были еще две дочери, Дафна и Историада, но, очевидно, он разумеет здесь никого иного, кроме Манто (так как о ней говорится у Стация). Данте, очевидно, позабыл здесь это обстоятельство. — О Фетиде и Дейдамии Стаций говорит в Ахиллеиде, неоконченной своей поэме. Фетида — морская богиня, мать Ахилла. — «Дейдамия, дочь сциросского царя Ликомеда, у которого был укрыт его матерью Ахилл, передетый женщиной, для избежания ожидавшей его под Троей смерти (Ада XXVI, 61; Чистилища IX, 34).

115-116. «На уступе», т. е. на последней ступени той лестницы, по которой они меня вели в ущелье, прорубленном в скале и лежащем между пятым и шестым кругами чистилища.

118-120. «Прислужницы, или рабыни (*ancelle*) дня, — это часы или Горы, из которых каждая в течение часа влечет колесницу солнца (Чистилища XII, 81). Следовательно, теперь между 10 и 11 часами дня и солнце подымается к полудню, почему и сказано, что рог дышла солнечной колесницы поднят вверх. Таким образом со времени подъема из четвертого круга до прибытия в этот шестой круг прошло четыре часа, которые проведены поэтами частью на пятом карнизе, частью употреблены на восхождение в ущелье». Филалет.

109 «Из героинь твоих там Антигона,
Деффила, Аргия и до сих пор
Печальная Исмена. Там — матрона,

112 Что указала ключ Лангкийский с гор;
Там дочь Терезия с Фетидой вкупе
И Дейдамия посреди сестер».

Уж два поэта, смолкнув на уступе,
Вкруг озирались, выведя меня
Ущельем к новой кающихся купе.

И отошли уж из прислужниц дня
Четыре вспять, и пятая предстала,
Подъемля вверх дышло из огня, —

115

118

121-123. До сих пор поэты обыкновенно осведомлялись у душ о кратчайшей дороге на гору; но тут, на основании опыта, научившего их идти всегда направо, они идут без дальнейших расспросов. Сличи: Чистилища XIX, 81.

125-126. Так как ими руководит инстинктивное стремление к небу.

127. Вергилий и Стаций идут впереди рядом, Данте следует за ними сзади один. «Данте называет себя учеником Вергилия (Ада I, 85 и след.); здесь он высказывает, что своим поэтическим развитием он обязан и Стацию. Это шествие его позади двух предшествующих есть признак величайшей скромности, тем более поразительной, что в Ада IV, 94-102 он говорит, что высочайшие певцы приняли его в свою среду. Но рядом со скромностью здесь выражено и чувство собственного достоинства. Данте считает, что он один из всех своих современников следует по славным стопам Вергилия и Стация». Скартаццини. — „Dante infatti molto studiò Virgilio e Stazio e dall' uno e dall' altro molto appese, e non ingrato loro retribuiscе la debita lode e riconoscenza“. Бенвенуто Рамбалди.

131-132. «В этом круге привлекают» внимание два дерева, обремененные сладчайшими сочными и ароматными фруктами и веселящие взор яркою зеленью; одно здесь при входе, другое при выходе из круга (Чистилища XXIV, 103 и примеч.). Говоря о втором, поэт заявляет, что оно есть отпрыск, заимствованный от того дерева познания добра и зла, которое помещено на вершине горы в земном раю (Чистилища прим. к XXIII, 67-69 и XXIV, 116, 117). По мнению некоторых комментаторов (Бути, Перец и др.), и это дерево есть отпрыск от того же дерева познания; но разница между двумя деревьями слишком велика, чтобы можно было согласиться с таким мнением. Из одного слышатся примеры похвальные, из другого — примеры плачевные. Можно скорее допустить, что если это дерево есть отпрыск от дерева познания, то другое — есть отпрыск от другого дерева в земном раю — от дерева жизни. Бытия. II. 9». Скартаццини. — «В этом круге очищаются души сластолюбцев. В следующей песне мы увидим их исхудалыми и изможденными (стих 22 и далее). Непомерная алчность к пище на земле привела души в жалкое состояние и отклонила их от стремления к истинным и настоящим наслаждениям. Это-то истинное наслаждение и олицетворяет собою дерево, сочных плодов которого тщетно здесь стараются достать очищающиеся, так как снизу очень трудно взлезть на него, от незначительного его объема; но чем оно выше, тем большие ветви оно дает; листья и фрукты на них постоянно освежаются вечно струящейся с неба чистой влагой». Штрекфусс.

132. «Оно приятно для глаз и вожделенно». Быт. III, 6.

133-135. Ель дает все менее длинные ветви по мере того, как растет вверх. Это, наоборот, — чем выше, тем становится шире в ветвях. «С этой все возрастающей шириной дерева, символом все возрастающих в ширину девяти небес, увеличивается и число плодов на нем, т. е. духовных наслаждений, по мере того, как возносятся ближе к Божеству. Но душам, предававшимся земным наслаждениям, хотя и указываются, но не даются ведущие к Богу наслаждения до окончания их очищения, ибо при настоящем их состоянии они могли бы ими пользоваться лишь при помощи своих земных чувств, почему к ним и взывает» удерживающий их голос (стих 141). Ноттер. — Несмотря на ясность описания этого дерева, некоторые комментаторы представляли его себе так, как будто бы оно было обращено корнями к небу, а верхушкой к земле. Но в издании Dore, а также в иллюстрированном издании, комментированном Томмазо, изображено обыкновенное дерево, с ветвями, постепенно расширяющимися кверху.

136. Т. е. с левой стороны, с которой по карнизу подымается скала.

137. Вероятно, воды источника Эвнэ (Чистилища XXX, 129), имеющего свойство восстанавливать отжившие силы. «Данте не говорит, куда стекает эта постоянно льющаяся вода; может быть, она беспрестанно всасывается деревом, так что на землю же не попадает ни капли». Скартаццини.

140-141. «Что в первом круге было выражено скульптурными изображениями, то выражено здесь деревом, или, лучше сказать, двумя деревьями (второе в конце круга) и голосами, раздающимися в их листве.

121 Когда мой вождь: «Я думаю, сначала
Плечом должно нам вправо повернуть
К окраине, как делали бывало».

124 И навик нас не мог уж обмануть —
Мы смело шли тем боле без смущенья,
Что Стаций сам одобрил этот путь.

127 Они шли впереди и, полн смиренья,
Я вслед один под говор речи их,
Учась от них искусству песнопенья.

130 Но сладостный их голос вдруг притих
Пред деревом, стоявшим средь тропины, —
Все в яблоках душисто-золотых.

Как ель от ветви к ветви до вершины 133
Сужается, — сужалось это вниз,
Чтоб вверх не смел подняться ни единый.

С той стороны, где загражден карниз, 136
Свергался с гор ключ чистый в блеске света,
И на листву струи его лились.

Лишь подошли ко древу два поэта, 139
Как чья-то речь из листьев раздалась:
— «Нужна для вас впредь будет пища эта.

Потом: «Мария более пеклась 142
О честном брачном пире, чем о пище
Для уст своих, молящихся о вас.

Голос первого напоминает о добродетели воздержания, второго — о пороке сластолюбия и его последствиях. Аллегория очень удачна, хотя Данте имел при этом образцы один — языческий, другой — христианский. Первый напоминает Тантала (см. Чистилища примеч. к XXIII, 67-69), который помещен в Тартаре под плодовыми деревьями и видит у себя в ногах воду, но не может достигнуть ни того, ни другого и вследствие этого томится страшным голодом и жаждою (Одис. XI, 580). Христианский образец — древо познания добра и зла из книги Бытия». Каннегиссер. — По мнению Бути, голос этот есть голос ангела, приставленного стражем этого дерева и помещающегося между ветвями, согласно со словами Фомы Аквинского: *Omnia corporalia reguntur per Angelos* (Sum. Theol. p. I, qu CX, art. 1).

141. В подлиннике: *Di questo cibo avrete caro*; в переводе Лонгфелло: *Of this food ye shall have scarcity*; у Филалета: *An dieser Kost wird es euch noch gebrechen*.

142-144. Первый образец воздержания представляет Дева Мария, которая на браке в Кане Галилейской, не заботясь об удовлетворении собственных уст своих, просила божественного Сына своего о вине, из желания сделать брачное пиршество благопристойным. Ев. от Иоан. II, 1-11. Св. Амвросий (*De Virg. lib. II c. 2*) говорит по этому случаю: „*Quid exequar ciborum parsimoniam, officiorum redundantiam? alterum ultra naturam superfuisse, alterum pene ipsi naturae defuisse: illic nulla intermissa tempora, hic congeminos jejunio dies? Et si quando reficiendi successisset voluntas, cibus plerumque obvius qui mortem arceret, non delicias ininistraret*“.

145-146. Во время республики римлянки воздерживались от вина. „*Vini usus olim romanis foeminas ignotus fuit, ne scilicet in aliquod dedecus prolaberentur, quia proximus a Libero patre intemperantiae gradus ad inconvessam Venerem esse consuevit*“. Валерий Максим, lib. II, c. I, § 3. — Фома Акв. Sum. Theol. P. II, 2-ae, qu. CXLIX, art. 4: „*Sobrietas maxime requiritur in juvenibus et mulieribus, quia in juvenibus viget concupiscentia delectabilis propter fervorem aetatis; in mulieribus autem non est sufficiens robur mentis ad hoc quod concupiscentiis resistent. Unde secundum Valerium Maximum (I. c.) mulieres apud Romanos antiquitus non bibebant vinum*“.

147. Третий пример — пророк Даниил. Дан. I, 8, 11-12.

148. Четвертый пример — золотой век первобытных жителей земли. Овидий. Превращ. lib. I, v. 103-106. Кроме того, Боэций, Consol. filos. lib. II, 5:

*Felix nimium prior aetas
Contenta fidelibus arvis
Nec inerti perdita luxu,
Facili quae sera solebat
Jejunia solvere glande.
Non bacchica munera norant
Liquido confundere melle
Nec lucida vellera Seram
Tyrio miscere veneno.*

ПЕСНЬ XXII

145 И не было питья вкусней и чище
Воды для римлянок, и Даниила,
Гнушаясь яств, снискал небес жилище.

148 Блеск золота век первый всюду лил:
Вкус желудей не мнился злом толиким,
И каждый ключ, как нектар, сладок был.

Акридами пустынь и медом диким 151
Креститель ваш питался, чтоб потом
Явиться в мир столь славным и великим,

Как говорит Евангелье о том». 154

При воспоминании о золотом веке, кажется, слышится вздох Данте о первых временах Флоренции, когда она *Si stava in pace, sobria e pudica*. Рая XV, 99.

151-154. Пятый образец — Св. Иоанн Креститель, патрон Флоренции. Марк, I, 6. Матф. III, 4.

154. «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя»; Матф. XI, 11. — «Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя». Лук. VII, 28.

ПЕСНЬ XXIII

Шестой круг: чревоугодники. — Фореze Донати. — Нелла. — Флорентинки.

<p>1 Меж тем как взором я блуждал по кровле
Густой листвы, как любит делать тот,
Кто жизнь свою проводит в птишек ловле, —</p>	<p>Как путники задумчиво идут 16
И озирают, торопясь, в дороге
Обогнанный им незнакомый люд, —</p>
<p>4 Мне больший, чем отец, сказал: «Вперед!
Не трать, мой сын, без пользы ни мгновенья
Из данного нам срока на обход».</p>	<p>Так молча сонм теней, в мечтах о Боге, 19
То обогнав, то нагоняя нас,
Нас озирал, но в большей лишь тревоге.</p>
<p>7 Я взор и шаг направил, полный рвения,
К двум мудрецам, что разговор вели
Такой, что забывал я утомленье.</p>	<p>Темно и пусто было в ямах глаз, 22
А в лицах бледность с худобой столь страшной,
Что с черепом вся кожа их срослась.</p>
<p>10 Вдруг слышу плач и пение вдали:
„L'alma mea“ — с тем унылым тоном,
Что слух в восторг и жалость привели.</p>	<p>Так, думаю, не высох бесшабашный 25
Эризихтон, став кожей лишь одной
От голода, когда он съел все брашно.</p>
<p>13 — «Кто там поет, отец мой, с тяжким стоном?»
Так я; и вождь: «То тени там поют,
Быть может, долг платя перед законом».</p>	<p>«Вот», думал я, «сгубившие святой 28
Ерусалим, средь страшного разгрома,
Где склеван был Марней сын родной!»</p>

1-3. Подобно тому, который убивает свое время в ловле птиц, следя за их перепархиванием по веткам, Данте устремляет глаза в листву, чтобы узнать, откуда исходят голоса.

4. Т. е. Вергилий, которого он называет в других местах сладким отцом (*dolce padre*, но здесь — еще нежнее).

5. В недеятельном созерцании мы понапрасну тратим жизнь. При восхождении на гору Чистилища слышатся постоянно увещания не останавливаться ни на минуту: остановка — это возврат назад!

7-9. К Вергилию и Стацию, которые вели между собою столь приятный разговор, что Данте не чувствовал утомления при восхождении на лестницу. „*Comes facundus in via pro vehiculo est*“. Публий Сиро.

10-12. «Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою». Псалт. L, 17. Слова эти поют души сластолюбцев, очищающихся в этом кругу. «Чтобы очиститься от греха сластолюбия, души должны быть теперь открыты для славословия Божия, так как в жизни были неумеренно открыты для утоления чрева». Бенвенуто Рамбалди. — Когда-то эти души желали пищи земной, теперь они желают лишь пищи небесной. Слова, которые поют души, заимствованы из псалма *Miserere*, имеющего столь обширное употребление в церковной службе.

13-15. Эта терцина по форме своей весьма напоминает терцину Чистилища XVI, 22-24, — тот же вопрос, тот же ответ, та же форма.

16-18. Из этой терцины видно, что души идут в том же направлении, как и поэты, т. е. направо.

21. «В большей лишь тревоге» — *più tosto mola*, собственно: идя быстрее, чем мы. Кончив пение гимна перед деревом, они идут теперь молча, погруженные в думы о Боге.

22-24. Это описание голодающих есть подражание Овидию, Превращения, кн. VIII, ст. 803-810:

Волосы встали копром, глаза ввалились, лик бледен,
Губы засохли в грязи, и ржавчиной зубы покрыты,
Кожа тверда и насквозь увидеть внутренность можно;
Под искривленными бедрами кости сухие торчали;

Там, где брюху бы быть, осталось лишь место для брюха,
Грудь, как будто вися, держалась лишь связью спинною.
Вздулись от худобы суставы, вспухли колени
Чашки, и щиколотки, не в меру припухнув, торчали.

Перевод Фета.

<p>31 Без камней перстни — их глаза! Знакомой
Казалась бы в чертах их буква М
Тем, кто в лице людей читает ОМО.</p>	<p>40
Как вот, в меня уставя из глубин
Ям черепа недвижный взор печальный, —
— «Откуда милость мне!» — вскричал один.</p>
<p>34 И кто б поверил, что в народе сем
Дух яблока и плеск воды прозрачной
Рождал томленье? И кто скажет: чем?</p>	<p>43
Кто б лик его узнал первоначальный?
Но тотчас я по голосу постиг,
Кого таил тот вид многострадальный.</p>
<p>37 Еще дивился я толпе той мрачной,
В полнейшем быв неведении причин
Их худобы и чахлости невзрачной, —</p>	<p>46
Как будто искра мне зажгла в тот миг
О друге память, и признал я сразу
В немых чертах Форезе добрый лик.</p>

25-27. «Эризихтон», сын фессалийского царя Триопы, человек крайне безбожный, вырубивший рощу, посвященную Церере, и наказанный ею за это ненасытным голодом, так что, проев все свое состояние и продав свою дочь Местру, стал, наконец, терзать сам себя. Овидий, Превращ., кн. VIII, ст. 710-880. По мнению некоторых, Эризихтон — символ солнца, а Местра — луны.

28-30. Иосиф Флавий, еврейский историк, описывая ужасы во время осады Иерусалима императором Титом (de Bello Jud. lib. VI, с. 3), говорит, что одна благородная женщина, дочь Елеазара — Мария, доведенная голодом до отчаяния, умертвила собственного сына, изжарила его и съела до половины. Привлеченные запахом мяса, голодные воины не позволили ей съесть другую половину, — «Склеван был», в подлиннике — *die' di becco*: Данте сравнивает Марию с хищной птицей. — Эти исхудалые тени походили, по мнению Данте, на голодных евреев в Иерусалиме.

31. Т. е. глазницы их походили на перстни, из которых выпали драгоценные камни, так как глазные яблоки помещались у них в самой глубине глазных впадин.

32-33. Во времена Данте, в Италии было в общем ходу мнение, что человеческое лицо носит в себе отпечаток слова *омо* (*homo*, *uomo*, человек), а именно: два глаза представляют две буквы О; глазные дуги, скулы и нос букву М, или *m*, как писали ее в XIV столетии, все же вместе — нечто подобное: . Эта буква *m*, естественно, должна быть особенно заметной на лицах исхудалых. Подобное мнение существовало и в Германии: так, францисканский монах Бертольд из Регенсбурга (†1272 г.) доказывал в проповеди своей, что на лице человека написано «*Homo Dei*».

37-39. «Худобу теней вызывают упомянутые в предшествовавшей песне (стихи 132 и 137) яблоки и поток воды. Причина, почему эти два условия производят такое действие единственно вызываемым ими желанием, так как тени сами по себе не нуждаются в пище, а потому не могут худеть от лишения, — причина эта будет объяснена поэту ниже, в стихе 67 и след. этой песни, почему он и замечает, что находится в полнейшем неведении причины этой худобы». Ноттер.

39. «Чахлости невзрачной», *trista squama*, грязной чешуйчатости; кожа этих теней совершенно суха и ломка, как бы чешуйчата: патологически чрезвычайно верная картина.

40-41. «Сказав, что в глазах было темно и пусто (стих 22), поэт с ужасающей наглядностью изображает эти глазные впадины, из которых выглядывают в глубине глазные яблоки». Скартаццини.

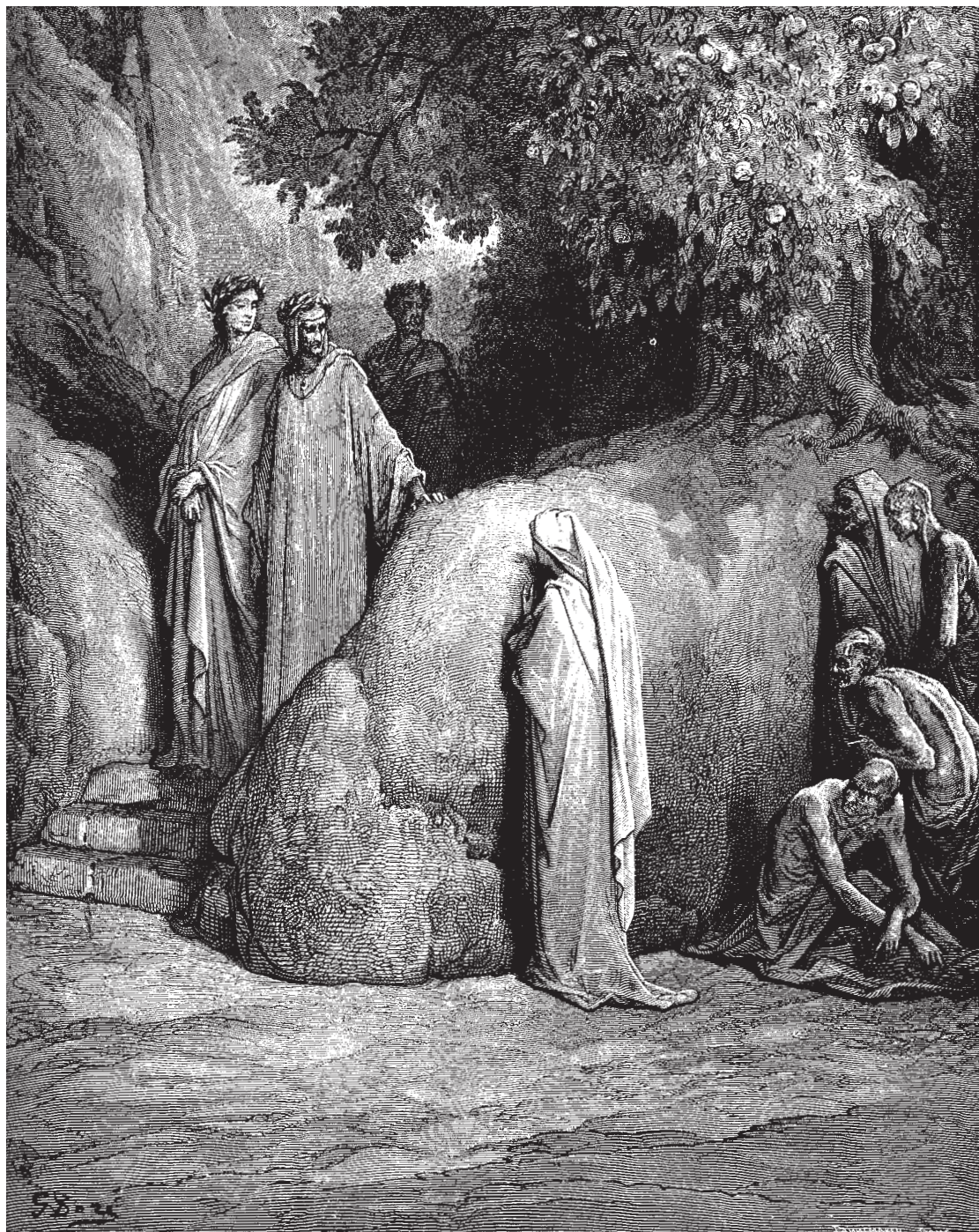
42. Это говорит Форезе, друг и родственник Данте. Форезе считает за особую к нему милость Божью встречу со своим другом.

44. Голос не изменяется от голода так сильно, как черты лица, почему Данте и узнает его по голосу.

46. «Искра», *favilla*, в других списках *favella*; звук голоса этой тени был как бы искрой, воспламенившей во мне всю память об этом изменившемся лице.

48. «Форезе» — один из членов фамилии Донати, брат знаменитого мессера Корсо Донати, главы Черных, и Пиккарды, как это будет видно из стиха 13 следующей песни. Он был другом и свойственником Данте, женившегося, спустя два года по смерти Беатриче, на Джемме из фамилии Донати. О нем вообще мало известно; по-видимому, он не принимал никакого участия в политических делах Флоренции, ведя жизнь разгульную и веселую, и в молодости своей был большим любителем хорошего стола. Из стихов 76-78 этой песни следует заключить, что Форезе умер в 1295 г., когда еще не существовало во Флоренции партий Белых и Черных, возникших, как известно, в 1300 году.

49. «Проказа», *lepra*; в подлиннике, собственно, чесотка, короста, *asciutta scabbia*. — «И вот автор представляет нам сластолюбивых в виде чесоточных; ибо насколько они во время земной жизни хорошо

Как будто искра мне зажгла в тот миг
О друге память, и признал я сразу
В немых чертах Фореze добрый лик.
(Чистилище, Песнь XXIII, тер. 46)

<p>49 — «О! Не гляди», молил он, «на проказу,
Покрывшую мне кожу, словно ржа,
Так плоть сожрав, что вид мой страшен глазу!</p> <p>52 Но, о себе самом мне речь держа, —
Кто здесь вожди твои — те души обе,
Мне расскажи, лишь правдой дорожа.</p> <p>55 — «Твой лик, уж мной оплаканный во гробе,
До слез меня еще растрогал раз!»
Сказал я, чуя скорбь в его утробе;</p> | <p>Молю ж Творцом, скажи, что сушит вас? 58
Пока дивлюсь, не жди себе ответа:
Полн дум иных, могу ль начать рассказ?»</p> <p>И он в ответ: «Из вечного Совета 61
Мощь в древо то и в те потоки вод
Нисходит — и от них в нас чахлость эта.</p> <p>«И весь поющий тут в слезах народ, 64
Грех очищая в жажде, в муках глада, —
Грех сластолюбья, — святость познает.</p> |
|--|---|

упитывали свое тело, чтобы сделать его жирнее и глаже, настолько он представляет их теперь, в загробной жизни, истомленными от скорби и сокращения сердечного; а так как голод делает их бледными и изъязвляет тело, то он и говорит: *Che mi colora la pelle*, т. е. что короста сделала меня бледным и изменила цвет кожи». Бути. — По словам Ландино, Форезе и в земной жизни имел нечистое лицо, покрытое углями.

52. «Лишь правдой дорожа», т. е. скажи откровенно причину, почему ты здесь? Из восклицания в стихе 42, из дальнейшего разговора с поэтом (стихи 112-114) видно, что Форезе узнал Данте, а равно и то, что он живой человек.

53. Т. е. Вергилий и Стаций.

55. По обычаю у древних плакать над лицом своих усопших родственников и друзей. Форезе был, как мы видели, друг и родственник Данте.

58. «Что сушит вас?» — в подлиннике: *che si vi sfoglia?* — что вас так лишает листьев? Поэт сравнивает души с растениями — сравнение, очень часто употребляемое в Священном Писании. Души теряют свое тело, как высохшее дерево теряет листья.

59-60. Т. е. не проси, чтобы я отвечал тебе, пока я нахожусь в таком изумлении, потому что нельзя рассуждать о чем-нибудь, пока голова занята другою мыслью. Рассказывают, что Демосфен, когда его спросили, как можно хорошо говорить о каком-нибудь предмете, отвечал: «отдайся совершенно тому предмету, о котором ты говоришь, и не устремляй мыслей в другую сторону».

62. Т. е. дерево, описанное в стихе 131 предыдущей песни, и ниспадающий на это дерево со скалы поток (стих 137). В них-то по промыслу Божественному и вложена та сила, которая иссушает эти тени.

64-66. Поют, подходя к таинственному дереву (примечание к стиху 21) и оплакивая грех сластолюбия, *la gola oltra misura*. — „*Gula non nominat* (Григорий) *quemlibet appetitum edendi et bibendi, sed inordinatum. Dicitur autem appetitus inordinatus ex eo quod recedit ab ordine rationis, in quo bonum virtutis moralis consistit... Inordinata ciborum concupiscentia spiritualiter hominem coinquinat. Vitium gulae non consistit in substantia cibi, sed in concupiscentia non regulata ratione... Hoc solum pertinet ad gulam quod aliquis propter concupiscentiam cibi delectabilis excedat mensuram in edendo*“. Фома Акв. *Sum.Theol.*, р. II, 2-ae, qu. CXLVIII, art. 1.

67-69. «Деля круговое движение по этому карнизу, души останавливаются со страстным томлением всякий раз, когда достигнут дерева с прекрасными плодами и свежего потока, которых они не могут коснуться ни устами, ни рукою; от прекрасного вида и аромата яблок и свежести вод вдыхается в них тайная сила, вечно зажигающая в них все большее и большее желание пищи и питья, таким образом мучительно их терзающее и иссушающее. Одно из этих деревьев есть отпрыск, взятый от древа познания добра и зла (Чистилища XXII, 131-132 примеч.) Чем более приближается и чем чаще возвращается человек к познанию добра и зла, тем более он совершенствуется в любви своей к благу и в ненависти ко злу. Другое из двух деревьев есть, по всей вероятности, как мы сказали уже выше, отпрыск от дерева жизни. Итак, эти души, считавшие когда-то за высшее благо роскошь в пище и напитках, теперь, вместо того, алчут и жаждут плодов познания и воды жизни (Слич: Перец, *Setts Cerchi*, р. 220). Словом, казнь этих душ напоминает муку Тантала в Тартаре (см. Чистилища примеч. к XXII, 140-141), где он погружен по шею в реку Эридан, воды которой ускользают от его жаждущих уст, тогда как с другой стороны остаются тщетными все его усилия схватить рукою плоды, висящие над его головою». Скартаццини.

67 Алкать и жаждать мы должны от взгляда
На яблоки, на блеск потоков тех,
Что льются сверху с шумом водопада.

70 И каждый раз, как наш свершится бег,
Мы к новому стремимся мук условью:
Мук — я сказал; сказать бы мне — утех!

73 И к дереву спешим мы с той любовью,
С какой Христос шел возопить: «Или!»
Когда Своей Он искупил нас кровью».

И я: «Со дня, Форезе, как с земли 76
Ты перешел в мир лучший — к сим чертогам,
Досель не все еще пять лет прошли.

И если там по грешным бресть дорогам 79
Ты кончил прежде, чем пришла чреда
Благой той скорби, что мирит нас с Богом, —

То как проник так скоро ты сюда? 82
Я мнил тебя там встретить, где годами
Мы платим за греховные года».

Никакой тебе, Тантал,
Век воды не черпнуть, и хоть дерево близко — уходит.
Овидий. Превращ. кн. IV, ст. 457-468, перевод Фета.

68. Яблоко у Данте есть всегда символ высшего блага, на котором успокаивается человек (Ада XVI, 61; Чистилища XXVII, 115-117; XXXII, 73-74).

70-74. Души постоянно совершают круговое движение, и каждый раз, как они подходят к одному из двух деревьев в этом круге, усиливается мука очищающихся. Некоторые комментаторы (Бути, Фратичелли, Андри, Филалет и др.) заключают из этого стиха, что в этом круге находится много таких деревьев; но поэт ничего об этом не говорит.

72. В подлиннике: *Io dico pena, e dovrei dir sollazzo*. Души в чистилище переносят свои мучения не только безропотно, но даже жаждут их, находят в них свое утешение, ибо воля в них согласуется теперь с волею Божественною. «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши». Посл. к Рим. V, 3-5. — „*Videtur quod alia poena sit voluntaria, quia illi qui sunt in purgatorio, rectum habent cor. Sed haec est rectitudo cordis, ut quis voluntatem suam divinae voluntati conformet, ut Augustinus dicit, conc. 1, in psal. 32 a princ. Ergo cum Deus velit eos puniri, ipsi illam poenam voluntarie sustinet. Praeterea, omnis sapiens vult illud sine quo non potest pervenire ad gloriam, nisi prius puniantur. Ergo volunt puniri*“. Фома Акв. Sum. Theol., p. III. Supplem. Append. qu. II, art. 2. — Одна католическая святая называет чистилище самым любезным местом после рая: „*Non credo che si possa trovare contentezza da comparare a quella d' un' anima del Purgatorio, eccetto quella de' santi nel Paradiso*“. Св. Екатерина Женевская, Trattato del Purgatorio, Cap. II.

74. Т. е. с какой Христос шел на вольную смерть Свою, когда Он в минуту высочайшей скорби произнес: «Или! Или! лама савахфани?» «Боже мой! Боже мой! почто Ты меня оставил?» Матф. XXVII, 46; Марк. XV, 34; Псал. XXII, 1.

76-78. Данте встретил Форезе в шестом круге чистилища весною 1300 г.; если в это время не прошло еще 5 лет со дня его смерти, то, значит, он умер в 1295 или 1296 г. (См. прим. к 48 стиху).

79-84. Форезе, как было вполне известно столь близкому его другу, Данте, откладывал свое обращение к Богу, т. е. покаяние, вплоть до самой смерти и покаялся лишь в последние минуты (по словам Оттимо, сам Данте именно и убедил его к этому покаянию). Поэтому он, собственно, должен был бы находиться в преддверии чистилища, где, по словам Белаквы (Чистилища IV, 130 и примеч.), душа пребывает столько лет, сколько откладывала в жизни покаяние.

81. «Благая скорбь» (*buon dolor*) — сокрушение сердца о содеянных грехах. Грех удаляет человека от Бога, раскаяние приближает. Слстолюбцы — люди, для которых чрево — бог (Посл. к Филип. III, 19; к Римл. XVI, 18), следовательно, — идолопоклонники.

83. «Там», т. е. в преддверии чистилища, между нерадивыми.

89. «Польнь мучений», — муки сами по себе горьки, но по своим последствиям сладостны.

88. Нелла, сокращенное от *Giovanna, Giovannella, Anella, Nella*, жена Форезе Донати, женщина непорочной, честной жизни, всегда удерживавшая от пороков мужа и часто его убеждавшая, хотя и вынужденная ежедневно ему готовить дорогие блюда. Оставшись после мужа еще молодой, она не вышла замуж, но

85 И он: «Взнесен над прочими кругами
Испить мучений сладкую полынью
Я горькими моей вдовы слезами:

88 Молитвой Неллы, полной благостынь,
Быв взят с берегов, где души ждут в томлених,
Я мук избег всех остальных твердынь.

91 И тем щедрей Господь в благоволеньи
К моей вдовице, радости моей,
Чем реже зрим мы жен в благотвореньи.

94 В Барбаджии Сардинской ведь скромней,
Стыдливее наряд на женском поле,
Чем в той Барбаджье, где мы жили с ней!

О, милый брат мой! Что ж сказать мне боле? 97
Уже в виду передо мною час
(И ждуть уже недалеко дотолеч),

Когда в церквах дадут с кафедр приказ, 100
Чтоб запретить бесстыжим флорентинкам
Везде ходить с грудями напоказ.

Каким дикаркам или сарацинкам 103
Закон потребен, светский иль иной,
Чтоб не таскались нагишом по рынкам?

Но если б знал бесстыдниц легкий рой, 106
Какие рок им приготовит шутки, —
Давно б они подняли страшный вой.

осталась навсегда вдовой (vedovella, вдовушка, стало быть, еще молодая) и молила Бога о сокращении срока пребывания мужа в чистилище. Впрочем, все эти сведения заимствованы комментаторами из слов самого же Данте, так как других более подробных сведений о ней не имеется. Нелла принадлежит к числу тех личностей, имена которых были бы навсегда забыты, если бы ее не обессмертил Данте.

90. «Остальных твердынь», т. е. кругов чистилища. «Здесь, впрочем, должно разуместь собственно четвертый круг, где наказуется уныние; там, например, Стаций (Чистилища примеч. XXII, 91-93) оставался 400 лет, прежде чем был впущен в круг своего главного греха». Ноттер.

91. Барбаджия — гористая местность в Сардинии. Уже Прокопий (de bello Vand. lib. II, с. 3) говорит, что вандалы отправили значительное число мужчин и женщин в Сардинию и там содержали их в плену. Эти поселенцы овладели впоследствии горой близ Кальяри и вначале тайком, а затем, когда число их возросло до 3000 душ, совершенно открыто стали производить в окрестностях грабежи. Туземцы прозвали их «барбарицини». В бытность папою Григория Великого (по словам де ла Маннара в его путешествии по Сардинии) некто Госпитр, которого Григорий в письме своем называет герцогом барбарицинов, обратился в христианство, и примеру его последовало все племя; но тем не менее не тотчас отстало от своих языческих обычаев, на что и жаловался тот же папа в своем послании к Януарию, архиепископу в Сассари. Манни, в своей истории Сардинии, говорит, что имя этого народа сохранилось и до сих пор в трех уездах, именуемых и по сей час Барбаджия. Комментаторы изображают барбарицинов полудиким племенем, жившим без истинной религии и не знавшим браков, причем женщины отличались безнравственностью и, по причине жаркого климата, носили только льняную, совершенно открытую на груди одежду. Бенвенуто да Имолла считает их потомками сарацинов из Африки. Во времена Данте бесстыдство женщин Барбаджии вошло в поговорку. Филалет. Скартаццини.

96. Т. е. Флоренции, второй Барбаджии, превзошедшей настоящую бесстыдством и развращенностью женщин.

100-105. Франческо да Бути описывает, как низко флорентинки его времени вырезали себе платье на груди и спине, и к этому прибавляет: «слава Богу, мода становится теперь несколько приличнее». Вот подлинные слова его: „Al tempo de l'autore le donne fiorentine andavano tanto sgolate e scollate li panni, che mostrovano di rieto lo canale de le rene, e d'inanti lo petto e lo fesso del ditello; ma laudato sia Iddio che ora portano li collaretti, sicchè sono uscite di quella abominazione“. — Также Франко Саккетти, Nov. 178, подробно говорит о безнравственности мод его времени. Впрочем, что бы сказали эти простодушные комментаторы Средних веков при виде декольте наших женщин! — «Кафедра — возвышенное место, с которого проповедники возвещают слово Божие народу». Бути. — Замечательно, что известный немецкий переводчик и знаток Данте Август Копиш смешал слово pergamo с pergamena и перевел этот стих так: „Wo man verbieten vird auf Pergamente“, — ошибка, повторенная им и в Раю (XXIX, 105) и не исправленная даже и во втором издании перевода. — Здесь разумеются или проповеди вообще против скандальной одежды женщин, или епископские декреты и канонические эпитимьи. В примечании Оттимо Комменто, сделанном, очевидно, в позднейшее время, говорится, что епископ Аньоло Аччайоли издал подобный декрет в 1350 г., но, разумеется, слова Данте к этому не относятся.

103. В Средние века сарацинами называли безразлично всякий народ, не исповедывавший христианской религии, за исключением евреев.

106-108. «Здесь Данте, по-видимому, намекает в особенности на поражение флорентинцев пизанцами под предводительством Угуччоне делла Фаджинола при Монтекатини 29 августа 1315 г., в котором пало много знатных людей почти из всех известных фамилий Флоренции и множество знатных граждан». Виллани, lib. IX, cap. 72. — Если Данте действительно намекает на это сражение, то стихи эти, очевидно, написаны после 1315 г.

111. В подлиннике: Colui che mo si consola con nanna. Nanna — баю-баюшки-баю. Оттимо приводит слова этой колыбельной песни: Nana, nana fante che la mamma é ita nell' alpe. Таким образом смысл стиха

ПЕСНЬ XXIII

109	И скорбь придет — коль мы предвидеть
чутки,
Скорей, чем пух покроет щеки тем,
Кому на сон поют там прибаутки.	(Он солнце указал). Меня темницей
Средь истинных провел он мертвецов
С сей плотью истинной, грехов
должницей.	121
112	Но, брат, не будь к молениям доле нем;
Не я один, но вот — все наше племя
Глядит туда, где свет погас совсем».	Исшед оттуда, он мне был покров,
Всходя, кружась здесь по горе, что правит
Вас, сторбленных в том мире от грехов.	124
115	И я ему: «Припоминая время,
Чем я тебе, чем ты мне был, — в груди
Ты мук своих лишь тем умножишь бремя.	Но в сем пути меня он лишь направит
До Беатриче, где, как мне сказал,
Расстанется и с ней меня оставит.	127
118	Из жизни той вот тем, что впереди,
Я выведен, когда вам круглолицей
Являлась здесь сестра того — гляди... | Вергилий то — мой вождь (и указал
Я на него). А эта тень другая —
Тот, для кого все царство ваших скал

Днесь потряслось, родив его для рая». | 130

133 |

следующий: они раскаются прежде, чем новорожденные теперь мальчишки станут юношами. — «Там», т. е. на земле.

114. Т. е. на тень, которую ты бросаешь от себя на солнце (Чистилища III, 17 и прим. к 9).

116. В подлиннике: *Qual fosti meco, e quale io teco fui* — чем ты был для меня и чем я для тебя. По-видимому, Данте и Фореze в молодости оба равно предавались удовольствиям стола, и потому поэт порицает за это не только Фореze, но и самого себя.

118-120. Т. е. из этой греховной жизни, о которой вспоминать тяжело нам обоим, вывел меня (в подлиннике «на днях»: *l'altr' ier*) идущий впереди Вергилий в то время, когда сестра солнца, т. е. луна, находилась в полнолунии (Ада XX. 127: *e gia iernotte fu la luna tonda*).

121. «Темницей» — (в подлиннике: *per la profonda Notte*) т. е. через ад.

122. «Истинных мертвецов», т. е. осужденных в аду, утративших не только жизнь телесную, временную, но и вечную, и ставших добычей второй смерти (Ада I, 117).

121. «Оттуда», т. е. из ада.

125-126. «Правит вас сгорбленных в том мире от грехов», в подлиннике: *Che drizza voi che il monde fece torti.*

128. До Беатриче — т. е. до земного рая.

130-133. Замечательно, что Данте, будучи спрошен Форезе, кто его вожди, называет одного только Вергилия, имя же Стация скрывает, может быть, потому, что имя последнего мало интересовало Форезе. Для него важнее знать, что это именно та самая тень, для которой потряслось все чистилище.

Шестой круг: чревоугодники. — Форезе Донати. — Пиккарда. — Бонаджионта Урбачьяни. — Папа Мартин IV. — Убальдин делла Пила. — Бонифацио. — Мессер Маркезе. — Джентукка. — Корсо Донати. — Второе мистическое дерево. — Примеры неумеренности. — Ангел воздержания.

<p>1 Беседа наша не мешала ходу,
Ни ход беседе; быстро на обрыв
Мы шли, как челн в хорошую погоду.</p> <p>4 И, взор в меня из впадин глаз вперив,
Сонм мертвецов, умерших как бы снова,
Дивился мне, приметя, что я жив.</p> <p>7 И я сказал, не прерывая слова:
— «Она, быть может, тише, чем должна,
Стремится вверх, в угодю для другого.</p> <p>10 Но что Пиккарда? Где теперь она?
И чье, скажи, здесь имя всех отличней
В густой толпе, что мной так смущена?»</p> | <p>— «Сестра — не знаю, что мне в ней приличней 13
Хвалить: красу иль кротость — на святом
Олимпе днесь в обители Владычной».</p> <p>Так он сперва сказал мне, а потом: 16
— «Дать имена здесь можно всем скитальцам,
Так образ наш здесь искажен постом!</p> <p>Вот этот дух» — и указал он пальцем — 19
«Бонаджионт из Лукки. Вон, смотри,
Вот тот, что смотрит больше всех страдальцем,</p> <p>Держал, святую церковь на земле. 22
Из Тура он, и здесь постится в горе
За вас, в вине больсенские угри».</p> |
|--|---|

1-2. Наше восхождение по лестнице не мешало разговору, и наоборот. Этому стиху подражал Ариосто, *Orl. Fur. c. XXXI, st. 34*:

Non, per andar, di ragionar lasciando,
Non di seguir, per ragionar, lor via.

5. «Умерших как бы снова» (в подлиннике: *cose rimorte*), т. е. «мертвецов, имеющих как бы призрак мертвых тел, вследствие неимоверной худобы от голода и жажды». Бенвенуто Рамбалди. — «Осенние деревья, дважды умершие». Посл. Иуды, I, 12.

Люди железные, заживо зревшие область Аида,
Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды.
Жуков. Одис. XII, 21-22.

7. Данте продолжает прерванную в предыдущей песне речь, говоря о Стации, которого он не поименовал.

8. «Она», т. е. тень Стация, стремится к небу, может быть, медленнее, чем следовало бы, но она желает сделать угодное другому моему вожатому, т. е. Вергилию.

10. «Пиккарда — дочь Симона Донати, сестра мессера Корсо и Форезе. Сделавшись монахиней ордена св. Клары, она была насильно уведена из монастыря братом своим Корсо Донати и против воли выдана замуж за Розеллино делла Тозе. О ней подробнее будет сказано Рая III, 42». Скартаццини.

12. «Смущена» удивлением, видя меня живого среди мертвых.

13. В подлиннике:

La mia sorella, che tra bella e buona,
Non so qual fosse più...

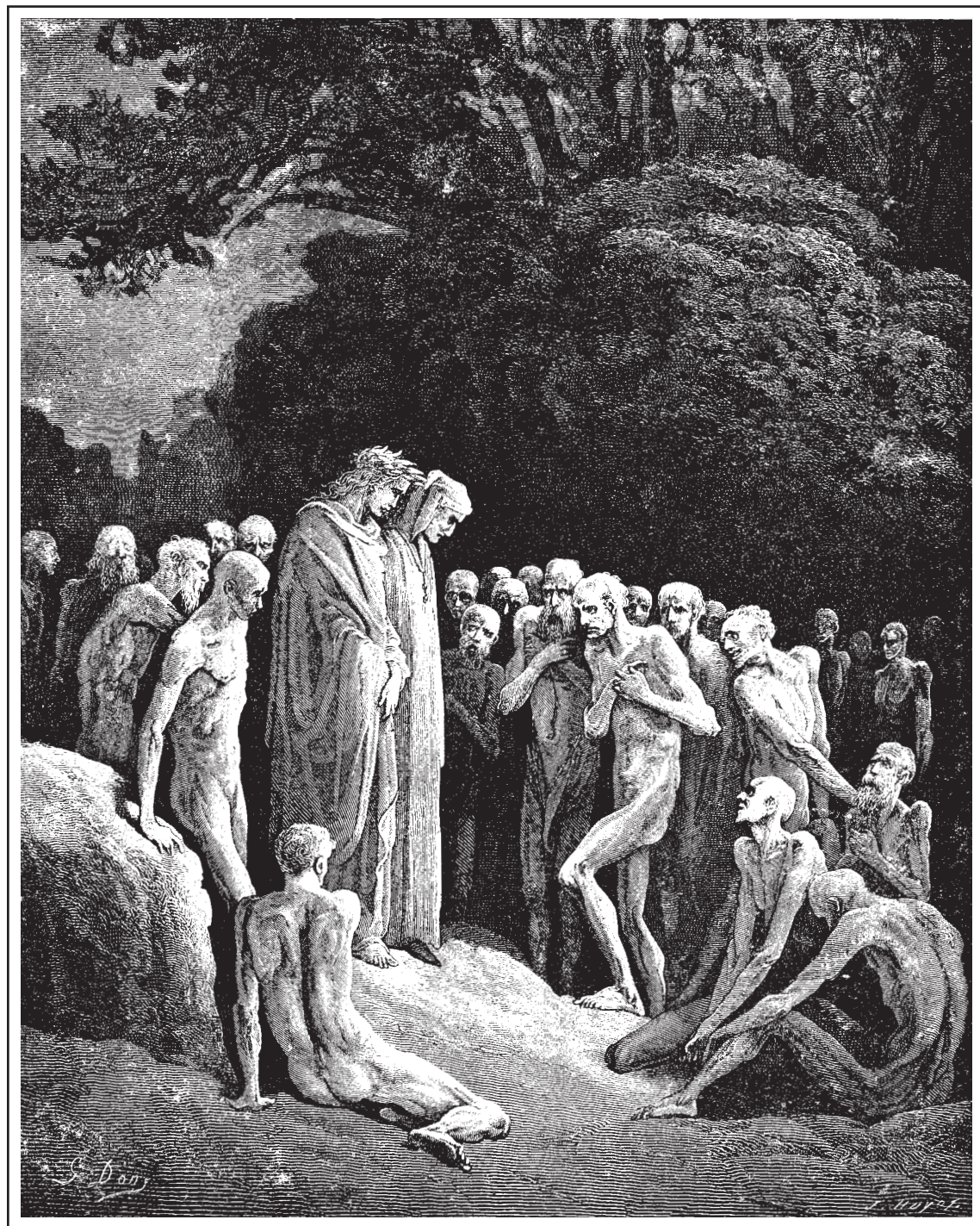
Стих, заимствованный Петrarкой, о Лауре:

Tra bella e onesta
Non so qual fosse più.

15. Олимп (*nell' altro Olimpo*) — эмпирей неба. Олимп от греческого Ὀλος и Ἄσπερ — весь блестящий.

17-18. В этом круге можно назвать каждую тень по имени; никто этим не оскорбится (Слич: Ада XXXII, 85-123 и прим. к 94-96), потому что все мы так обезображены голодом, что никого из нас нельзя узнать по наружному виду (Чистилища XXIII, 43 и примеч.).

20. «Бонаджионт из Лукки». Бонаджионти дельи Орбиччиани, или Урбиччиани, по профессии нотариус, был, по общему отзыву всех комментаторов, поэт, а по словам Бенвенуто да Имолы, — нотариус

*И, взор в меня из впадин глаз вперив,
Сонм мертвецов, умерших как бы снова,
Дивился мне, приметя, что я жив.
(Чистилище, Песнь XXIV, тер. 4)*

25 Он указал мне и других в том сборе,
Чем были все довольны; ни один
Не выказал угрюмости во взоре.

28 Здесь скрежетал голодный Убальдин
С тем Бонифацием, что пас однажды
Жезлом духовным множество общин.

Здесь был мессер Маркезе, что́ день каждый 31
Был пьян в Форли; но так неуголим
Был жар его, что все страдал от жажды.

Но как, глядя на многих, лишь к одним 34
Мы сердцем льнем, — так я к певцу из Лукки
Льнул, быв ему знакомей, чем другими.

в Лукке. Данте упоминает о нем в своей *De vulg. Eloq.*, как о поэте, писавшем на простонародном наречии своего города, которое он возвысил до более чистого языка, названного им языком *Volgare curiale* или *illustre* (lib. I, С. XIII). По-видимому, он был лично знаком с Данте и обменивался с ним письмами и сонетами; впрочем, в сборнике стихотворений Данте этих сонетов не находится. Он процветал около 1250 г. Бенвенуто Рамбалди говорит о нем: „*Luculentus orator in lingua materna, et facilis inventor rhythmorum, sed facilius vinorum, qui noverat auctorem in vita, et aliquando scripserat sibi*“.

21. Т. е. всех более изнурен голодом и, следовательно, всех более был предан греху сластолюбия.

22. Т. е. был папой. Данте называет церковь прекрасной женой (Ада XIX, 57 и примеч.), а папу — мужем церкви. Здесь разумеется папа Мартин IV, наследник того Николая III Орсини, который помещен поэтом в аду между симонистами (Ада XIX, 46 и 74). — «Мартин был избран папой 8 марта 1281 г. и умер 5 апреля 1285 г. До своего избрания он назывался Симоном, из фамилии Брие в Шампани, и был пребендарием в Туре во Франции. Папа Урбан IV возвел его в кардиналы. Непосредственный предшественник Мартина, папа Николай III, не благоприятствовал французской партии в Италии. По смерти его, Карл Анжуйский поспешил прибыть в Витербо, где в то время собрался конклав, чтобы упрочить успех выбора в благоприятном для него смысле, и, наконец, при его помощи, был избран Симон под именем Мартина IV. В течение своего папствования он постоянно благоприятствовал французской партии; так, в делах сицилийских он всегда держал сторону дома Анжуйского; также и во всех других случаях он был постоянным противником партии Орсини. В частной жизни, за исключением порока, приписываемого ему Данте, он отличался вообще чистотою нравов. — Виллани (lib. VII, с. 58) говорит о нем: „*Di vile nazione, ma molto fu magnanimo e di grande cuore nè fatti della Chiesa, ma per se proprio e per suoi parenti nulla cuvidigia ebbe*“. — По смерти он был почитаем едва не за святого; на могиле его, по уверению современников, происходили чудеса (Muratori Script, Rer. Ital. Vol. III, p. 1)». Филалет.

24. Больсена, озеро в провинции Витербо в Папской области, богатое рыбой, из которой особенно славились во времена Данте жирные угри. Фра Пипино, современный Данте, рассказывает, что папа Мартин очень любил угрей, которых он «топил» в вине (*vegnaccia*, из особой породы винограда с Генуэзских гор), почему по смерти папы были сочинены насмешливые стихи:

Gaudent anguillae, qui mortuus hic jacet ille
Qui quasi morte reas excoiabat eas.

Он же повествует, что в одном сочинении под заглавием „*Inscipit initium malorum*“ папа Мартин изображен в первосвященническом облачении с угрями подле него. Вообще все комментаторы единогласно утверждают, что папа очень любил хороший стол и вино. Сличу у Филалета.

26. «Довольны». По мнению некоторых комментаторов, души здесь довольны своей славой; но едва ли это справедливо. Души в аду действительно гордятся своей славой; но души в чистилище считают славу мира сего за дыхание ветра (Чистилища XI, 99 и примеч.). Они, напротив, желают, чтобы живущие на земле молились о них. Поэтому надобно полагать, что души здесь довольны тем, что их называют по именам, в надежде, что Данте когда-нибудь помолится о них или напомним о них их сродникам. По итальянскому тексту, здесь, следовательно, под выражением «довольны» надобно понимать, что они не были огорчены. Скартаццини.

28. В подлиннике: *Vidi per fame a vôto usar li denti*, подражание Овидию, *Превращ.* VIII, 826-829.

Он яств все искал в видениях сонных:
Движет напрасно он ртом и трет лишь зубы зубами;
Горло, в обман приводя, томит небывалою пищей:
И наместо всех яств глотает лишь воздух текучий.

Перевод Фета.

37 Он мне шептал, и там, где Божьей муки
Терпел он скорбь, чтоб телом изнывать,
Мне имя слышалось как бы Джентукки.

40 И я: «О дух! Коль хочешь ты начать
Со мною речь, то пусть язык твой бросит,
Шептать слова, чтоб мог я их понять».

И он: «Есть дева и еще не носит
Повязки жен: полюбишь за нее
Ты город мой, хоть всяк его поносит.

В нем, вспомнишь ты пророчество мое;
А коль уста мои темно шептали.
То все поймешь, увидевши ее.

«Убальдин» из древней фамилии дельи Убальдини, брат кардинала Оттовiano Убальдини, помещенного Данте в шестом кругу ада (Ада X, 120 и примеч.). Он носил прозвище дельла Пила от замка Пила в Мугело. Вместе с тем он был братом того Уголино д'Аццо, который выведен Данте в Чистилища XIV, 105, и отцом архиепископа Руджьеры, врага графа Уголино (Ада XXXIII, 14). Он любил хорошо покушать. Ландино пишет о нем: „fu molto goloso, e pecco molto in volerne in quantità oltre misura. Elli chiamava un suo castaldo, e dicea: Che fa' tu fare da dessinare? E gli dicea: tale e tale cosa; e dicea di tre o quattro imbandigioni. Ed elli sempre dicea: or fa anche di tale, e aggiungeali tre, overo quattro vivande“. — Убальдини принадлежали к гибеллинской партии. Один брат помещен в ад, как эпикуриец, другой — в чистилище, как лакомка.

29. Бонифаций, по общему мнению комментаторов, архиепископ Равеннский; как кажется, он происходил из фамилии Фиески в Генуе и был племянником папы Иннокентия IV. Относительно его сластолюбия ничего положительно неизвестно; напротив, он был известен, как хороший проповедник и благодетель бедных, которым он открывал свои житницы во времена голода. Епархия Равеннского архиепископа простиралась до города Пармы, почему и сказано, что он пас своим жезлом множество духовных общин.

31-33. Мессер Маркезе — личность неизвестная. По Боккаччо, он происходил из фамилии Орделаффи, по Пиетро ди Данте, — из фамилии Аргольози из Форли (Ада XXVII, 45 и II Приложение, 266 с. — Политическое состояние городов Романы в 1274-1302 гг.). — Вентури рассказывает, без указания на источник, следующий анекдот о Маркезе: когда слуга его заметил ему однажды, что в городе про него говорят, будто он ничего иного не делает, как только пьет, — он отвечал: скажи им, что у меня всегда жажда.

35. Т. е. к Бонаджииунту, с которым, как мы видели (стих 20 и примеч.), Данте был знаком при жизни.

37-38. Т. е. в полости рта, где он всего более ощущал терзание от голода, вследствие которого тело его изнывало, как бы таяло (в подлиннике: pilucca — piluccare, обрывать ягоды одну за другой на виноградной грозди).

39. Джентукка — одно из самых темных и потому спорных мест во всей Божественной Комедии. Большинство комментаторов принимают это слово за имя собственное и видят в нем имя одной дамы, которую Данте знал и любил во время своего пребывания в Лукке в изгнании. Франческо ди Бути говорит, что Данте, будучи в Лукке, воспыал любовью „ad una gentil donna chiamata madonna Gentucca, che era di Rossimpelo, per la virtù grande et onesta che era in lei, non per altro amore“. — Другие, на основании того, что Джентукка, как имя собственное, вовсе неизвестно, принимают это слово за имя нарицательное, за gentuccia — чернь и притом одни — за поэтов луккских, предшествовавших Данте, другие — за партию Белых, состоявшую более из простого народа, которую сам Данте называет партией Лесною (Ада VI, 65). Но теперь доказано, что Джентукка, как имя женское, существовало в Лукке во времена Данте, известны даже, по крайней мере, две Джентукки, из них одна была жена Бернардо Морла дельи Антелминелли Аллюциньи (Тройа, Veltro di Dante, p. 142). Во всяком случае, существовавшая здесь любовь Данте к этой особе чистого, платонического характера, в роде любви трубадуров; ибо Данте едва ли бы здесь сделал сознание другого рода, не осудив себя при этом. Филалет. Скартаццини. Dante Aligh. Biel 1869, pag. 40.

40-42. Данте замечает, что Бонаджииунта хочет заговорить с ним.

43-44. Тут комментаторы опять несогласны между собой, кого разумеет здесь Данте. Одни называют Аладжию, племянницу папы Адриана V (Чистилища XIX, 142 и примеч.); другие — некую донну Парголетту; но, очевидно, тут разумеется не кто иной, как та же Джентукка, имя которой шептали губы Бонаджииунты. — «Повязка жен»: только замужние и вдовы носили на голове повязки или покрывала, как у нас чепчики.

45. «Город мой», т. е. Лукку, которую столь многие, а в числе их и ты, так сильно порицают за ее пороки. — „Quasi diceret: quocumque modo ipsa civitas redarguatur de suis vitiis, ipsa tamen tibi placebit propter

<p>49 Но объясни: я вижу не творца ли
Новейших рифм? Не ты ли пел: „Спрошу,
О донны, вас, что жар любви познали!“</p>	<p>Перо у вас, лишь истину ценя,
Покорствует одной любви внушеньям;
Но мы бежали от ее огня.</p>
<p>52 И я ему: «Я тот, что лишь пишу
По вдохновенью страсти, и что скажет
Душе любовь, то в стих я занашу».</p>	<p>А кто идет не этим направленьем,
Не видит тот прекрасного границ». —
И он замолк с заметным наслажденьем.</p>
<p>55 И он: «О брат! Вот узел, что так вяжет
Нотария, Гвиттона и меня;
Вот то, что нежным новый стиль нам кажет.</p>	<p>Как на зимовье к Нилу, стаи птиц
Сперва собираются в большое стадо,
Потом несутся в виде верениц. —</p>

istam dominam“. Postillatore Cassinese. — Данте порицает Лукку, сказав, что все ее жители взяточники (Ада XXI, 41 и примеч.).

49. Из всего, что говорил выше Бонаджюнто, видно, что он узнал Данте, и потому совершенно верно толкует это место Postillatore Cassinese: — „Petit Dantem de Dante, quia laudare praesentem est species adulationis“. В ответ Бонаджюнто Данте не называет себя по имени, но объясняет лишь причину, почему он пишет именно так свои стихи.

50. «Новейших рифм» (le nuove rime), т. е. новый род поэзии, новейший поэтический стиль, стоящий несравненно выше, чем стиль всех предшествовавших ему поэтов.

51. В подлиннике: Donne ch' avete intelletto d'Amore, — первый стих одной из канцон в его Vita Nuova, о происхождении которой поэт рассказывает следующее (§ 19): „Avenne poi che passando per un cammino, lungo il quale correva un rio molto chiaro d' onde, giunse a me tanta volontà di dire, che cominciai a pensare il modo ch' io tenessi; e pensai che parlare di lei non si convenia se non che io parlassi a donne in seconda persona; e non ad ogni donna, ma solamente a coloro che sono gentili, e non sono pure femmine. Allora dico che la mia lingua parlò quasi come per sè stessa mossa, e disse: Donne ch' avete intelletto d'amore. Queste parole io riposi nella mente con grande letizia, pensando di prenderle per mio cominciamento“. Очевидно, Данте считает эту канцону в честь Беатриче за одну из лучших.

52-54. В подлиннике:

lo mi son un che, quando
Amore spira, noto.

Прекрасное изображение сущности поэтического искусства! В этой терцине заключается вся ars poetica. Два условия: замечать, удерживать в уме вдохновение любви, затем — облекать во внешность, т. е. в слово, то, что внутри, т. е. в сердце, диктует любовь. — „Amore è uno dittatore, et io sono suo scrivano“. Anonimo Fiorentino. — Также в Vita Nuova, § 9: „La mia lingua parlò quasi per sè stessa mossa“.

55-57. Т. е. теперь я вижу, что отсутствие чувства и вдохновения лишают нежности стиль Нотария, Гвиттоне и мой собственный. «Нотарий — это Якопо да Лентини из Сицилии, прозванный по своей профессии (нотариус), процветавший в последние годы царствования Фридриха II. По мнению Кресчимбени, как поэт Нотарий стоит ниже Гвиттона». Филалет. — Данте приводит в De Vulg. Eloquen. lib. I, c. 12, одну его канцону, начинающуюся словами: „Madonna, dir vi voglio“. Он писал около 1250 г. — Гвиттоне процветал после 1250 г. Он родился в благородной фамилии в Санта Фирмина (или Формена), в замке в двух милях от Аретто. Его часто называют Фра Гвиттоне, как принадлежавшего к ордену Веселых. Вначале он вел разгульную жизнь, потом женился на аретинке, прижил с ней трех детей и затем надел рясу Св. Марии, т. е. Веселой братии, и с этого времени начал проповедывать против развращения века, а также против злоупотреблений синьории, угнетавшей его родину. Сделавшись «оратором» Флорентийской республики, он старался и делом, и своими сочинениями прекратить в стране раздоры партий. Но, лишенный дома и имущества, он покинул родину и умер во Флоренции в 1294 г., положив основание монастырю дельи Анджиоли. В свое время Гвиттоне был человек ученый, оратор и поэт, писал любовные стихотворения, но в стиле холодном, деланном. Данте в своей De Vulg. Eloquen. lib. I, c. 13, говорит, что он „nunquam se ad curiale vulgare direxit“. Впрочем, современники высоко ценили Гвиттоне. Петрарка (Trionfo d' Amore, c. IV, p. 31) ставит его рядом с Цино из Пистойи и самим Данте. Еще раз Данте говорит о Гвиттоне в Чистилища XXVI, 134.

67 Так бывшие со мною Божьи чада,
Вдруг повернув, пустились снова в путь,
Став легкими по воле и от глада.

70 И как иной, бежать измучен в круть,
Со спутниками шествует не кряду,
А сзади, чтоб дать легким отдохнуть, —

73 Так, дав пройти тому святому стаду,
Со мной Форезе сзади шел и рек:
— «Когда ж узрю тебя, мою отраду?»

И я: «Не знаю, краток ли мой век; 76
Но, как бы ни был краток он, — а все же
Еще б скорей я к вам бежал на брег!

Затем что град, где жребий дал мне ложе, 79
Что день, то больше гасит правды свет,
И обречен Тобой на гибель, Боже!»

И дух: «Утешься! Злой виновник бед 82
Уж на хвосте коня стремглав влечется
К долине той, где отпущенья нет.

58. «У вас», — относится или к одному Данте и из вежливости употреблено во множественном числе, или вообще к новейшим поэтам; в последнем случае надобно разуметь Данте, Гвидо Кавальканти и Цинно из Пистойи.

62. В подлиннике: „Non vede più dall' uno all' altro stilo“, тот не видит разницы в двух стилях. — «Я разумею это место так: истинный поэт следует порыву энтузиазма; он пишет то, что ему подсказывает сердце. Мы же, следуя примеру провансальцев, гонялись лишь за искусственными оборотами и натяжками мысли и, таким образом, как бы перешагнули за пределы цели. Кто поступает так, тот не знает, чем отличается плоский, грубый стиль от естественного, благородного; он впадает всегда в крайность. Замечательно, что во всей итальянской литературе проведен этот двойственный стиль, один вид которого достиг полной своей красоты у Петрарки, Ариосто и Тассо, другой — у Боккаччо, оба же вместе являются как бы совмещенными в возвышенном и вместе с тем вполне народном стиле Данте, совершенно уместном в его Божественной Комедии. Филалет. — «Кто познакомился несколько ближе с искусственностью в мыслях и форме, в которой сицилийские и итальянские поэты до Данте старались не только сравняться, но и превзойти провансальцев, — тот согласится, как метко противопоставляет Бонаджонта столь неудовлетворяющим стремлениям простой способ выражения чувства в лирических стихотворениях Данте». К. Витте. — «В этом месте своей поэмы Данте высказывает столько же верно, сколько и прекрасно, самое первое и общее основание эстетики, равно и признак истинного поэтического призвания. Здесь (стих 54) говорится не только о той любви, которой одушевляется поэт в своих любовных стихотворениях, но и о той общей, возвышенной любви и о том одушевлении, из которых вытекает всякое создание искусства, ибо только в этой любви и есть истина. Что поэты времени Данте искали и не находили себе славы на совершенно ином пути и что Данте обращением своим к природе стал этим самым изобретателем нового стиля, — это как нельзя лучше явствует из этого места». Штрекфусс.

63. Души в чистилище не имеют в себе и тени зависти, потому Бонаджонта не только не высказывает никакого неудовольствия тому, кто превзошел его в поэтическом искусстве, но и далее признает с некоторым наслаждением превосходство своего победителя.

64. Подобное же сравнение Ада V, 47; Рая XVIII, 73-75.

68. Т. е. направо, как шли сначала; удивленные видом поэта (стихи 4-6), они несколько замедлили свой шаг.

69. «По воле», т. е. от желания претерпевать муку для своего очищения.

73. «Святому стаду», т. е. толпе очищающихся.

75. «Данте уже сознал себя грешным в гордости и отчасти в зависти (Чистилища XIII, 133-135); здесь он сознается в слатолубии (чревоугодии), почему Форезе ожидает встретиться с ним снова в этом кругу вследствие того образа жизни, о котором упомянуто в предыдущей песне» (ст. 115 и примеч.). Скартаццини.

78. «Брег», т. е. берег острова, на котором стоит гора Чистилища.

79. «Град», т. е. Флоренция, где, как природный флорентинец, Данте надеялся жить и умереть. Пороки города так велики, что преждевременную смерть поэт почел бы за особенную милость Божию.

82-90. Все комментаторы единогласно разумеют здесь не кого иного, как известного мессера Корсо Донати, главу Черных и брата Форезе. Ни о ком нельзя сказать с большим правом, как о нем, что он был первым виновником несчастья для Флоренции, ибо, сколько бы ни звучала в таком приговоре ненависть партии, во всяком случае вполне достоверно, что он был крайне беспокойным гражданином

85	И с каждым скоком все быстрее несется
Свирепый зверь, чтоб свергнуть в адский дол
Того, чей труп бесславно там прострется.	Как конь выносит во всю прыть свою
Наездника из скачущего строя,
Чтоб честь ему дать первым быть в бою, —	94
88	Круг этих сфер» (и вверх он взор возвел)
«Не весь свершится, как поймешь (коль зорек!)
Все, что сказать возможным я не счел.	Так с нами он расстался, бег удвоя,
И я в пути остался подле двух,
Прославивших весь мир, как два героя.	97
91	Прощай! В сем царстве каждый миг нам
Идя ж с тобой, я слишком отстаю,
И должно мне бежать без отговорок».	Когда ж от нас бежал настолько дух,
Что мог следить за ним я лишь глазами,
Как речь его пред тем следил,
мой слух, —	100

и главным виновником изгнания партии Белых. Виллани передает рассказ о трагической смерти Донати в следующих чертах, существенно различных от соответствующего места у Данте. Вскоре по изгнании партии Белых возникли новые недоразумения между членами победившей партии; эти недоразумения достигли крайней степени вслед за отъездом из города кардинала Николая Прато, приезжавшего во Флоренцию в качестве миротворца. Мессер Донати и дворянские фамилии увидели себя исключенными от всех должностей партий так называемых разбогатевших граждан, во главе которых стояли Росселла Тоза, Джери Спини, Паццино де Пацци и Бетто Брунелески. Донати был поэтому вынужден примкнуть к дворянской партии, к которой присоединились и семейства граждан Бордени и Медичи (впервые здесь встречающееся имя) и притом, по мнению одних, с целью восстановления порядка в городе, по мнению же других, — для того, чтобы завладеть властью над городом. Помимо того, образ его мыслей, как гвельфа и Черного, стал подозрителен вследствие его связи с предводителем гибеллинов Угуччионе делла Фаджиола, за которого он выдал замуж свою дочь. Флорентинские гвельфы решились предупредить его истинные и мнимые замыслы. Главы этой партии принесли на него жалобу попусте города Пьеро делла Бранка из Агоббио, который вызвал его в суд и, так как Донати не явился, объявил его бунтовщиком и изменником перед общиной. Мессер Корсо запер цепями целую часть города Борго ди С.-Пьетро Маджиоре и решился защищаться в ней до последней крайности против народа и каталонских солдат короля неаполитанского. Может быть, он надеялся на поддержку своей партии, а может быть, — на помощь со стороны Угуччионе делла Фаджиола, как думает Виллани. Это случилось 15 сентября 1308 г. В городе поднялось восстание. Власти, солдаты, вооруженный народ бросились осаждать дом Донати. Целый день защищался он, тщетно надеясь на прибытие помощи. Под вечер народ прорвал цепи и, когда врывался в сад, Корсо, жестоко страдавший подагрой, успел уже ускользнуть один вдоль Арно до виллы Ровенцано, где его нагнали каталонские всадники и повели пленником в город. Достигнув под их стражей аббатства С.-Сальви (много посещаемого путешественниками ради «Тайной вечери» Андреа дель Карто), он попытался подкупить солдат; но так как они не соглашались ни на какие условия, то он умышленно свалился с лошади, причем один из каталонцев проткнул его шею копьем. Ни Виллани, ни Дино Компаньи (сомнительный авторитет) не говорят ни слова о том, чтобы его волочили лошади; напротив, они говорят, что он умер на руках монахов в вышеупомянутом монастыре. Впрочем, Бенвенуто да Имола старается примирить слова поэта с историками, говоря, что Корсо запутался ногой в стремя при падении и в таком виде волочился лошадию, а затем его убили солдаты. Оба историка изображают его красивым собой, храбрым, красноречивым, весьма обходительным, но вместе с тем гордым, любившим, чтобы его называли «бароном», так что народ, встречая его, кричал обыкновенно: «да здравствует барон». Дино Компаньи в Muratori Scrite. Ital. Vol. IX, p. 498; 521-523; Виллани, lib. VIII, Cap. 46, по цитатам Филалета и Скаратцини.

84. «Долина» — valle d'abisso Dolorosa (Ада IV, 7-8; Рая XVII, 137), т. е. ад.

86. «Свирепый зверь», т. е. конь. По мнению Бути, аллегорически тут разумеется демон.

88-90. Т. е. пророчество мое исполнится вскоре. Форезе говорит эти слова весной 1300 г. (год заморского странствования Данте), Донати же погиб в 1308 г. — Форезе не досказывает своей мысли или потому, что, как видно из следующих стихов, должен торопиться, или потому, что ему самому страшно входить в дальнейшие подробности касательно жестокой судьбы своего брата.

*Поднявши руки, множество теней,
Проя о чем-то, к дереву взывает...
(Чистилище, Песнь XXIV, тер. 106)*

103 Вдруг вижу я: стоит полна плодами,
Другая яблонь — подле, ибо к ней
Глаза мои тут повернулись сами.

106 Поднявши руки, множество теней,
Прося о чем-то, к дереву взывает:
Так молит рой несмысленных детей;

109 Но тот, кого толпа их умоляет,
Молчит, держа высоко цель их грез,
И этим их лишь пуще разжигает.

Потом, в слезах, собранье разошлось.
И подошли к громадному мы дереву,
Отвергшему так много просьб и слез.

— «Идите дальше! Древо то, что Еву
Прельстило, — выше к небу поднято,
А здесь его лишь отпрыск». Так напеву

Внимали мы, не зная, пел нам кто
В листве, и у скалы мы шли все трое.
Вергилий, я и Стаций, слыша то.

94-96. Превосходное изображение битвы времен Данте; так и видишь перед собою наездников при кавалерийской схватке под Кампальдино, где участвовал сам Данте. Филалет.

99. «Два героя», в подлиннике: *maliscalchi*, т. е. маршалы. Слово «маршал» обозначало сперва шталмейстера; во времена Данте оно получило значение важного придворного и военного сановника; при дворе такие сановники играли роль церемониймейстеров, на войне — они первые схватывались с неприятелем; потому маршалами-героями Данте называет Вергилия и Стация, как знаменитых поэтов и мудрецов в ученом мире.

102. Т. е. как вначале, следя слухом за его речами, я не понимал вполне их значение. Ст. 101 есть подражание Вергилию, *Aen.* VI, 200:

Quantum acie possent oculi servare sequentem.

103-105. Занятый разговором с Форезе и следя потом за его бегом, Данте не мог заметить этого дерева, к которому теперь подошли поэты. Это то самое дерево, о котором говорится в Чистилища XXII, 131 и XXIII, 68. Одно дерево при входе, другое — при выходе из этого круга.

106. По мнению Ноттера, это нечто иное, как видение; ибо если бы это были действительно души, то они, как алчущие плодов, не стали бы с непослушанием тянуться к ним, но, как очищающиеся (Чистилища XXIII, 73), смиренно покорились бы воле Божьей.

115. Как из первого дерева, так и из этого слышатся голоса, призывающие к воздержанию. Оба голоса согласуются между собою, но последний напоминает запрещение, данное Богом прародителям: «А от древа познания добра и зла — не ешь от него». Бытия II, 17.

116. Т. е. древо познания добра и зла; оно помещено на вершине горы Чистилища, в земном раю. «Здесь представлен первый пример невоздержания. Первое дерево возвещало о воздержании Марии (Чистилища XXII, 142), второе — о невоздержании Евы. Как св. отцы любили противопоставлять Марию Еве, именно мать плода жизни — матери, от которой возник плод смерти, т. е. грех, так противопоставляет их здесь и Данте». Скартаццини.

117. «Эти два дерева, долженствующие приучить кающихся к послушанию и воздержанию, представляют некоторым образом разветвления древа познания добра и зла». К. Витте.

118. Вероятно, это голос ангела, охраняющего это дерево (слич: Чистилища XXII, 110 и примеч.).

119-120. Они идут, прижавшись друг к другу, так как дерево и окружающая карниз скала суживают дорогу.

121-123. «С грудью нелюдской», в подлиннике с двойною грудью, *coi doppi petti*, т. е. наполовину человеческой, наполовину лошадиной. Здесь разумеются кентавры, дети Иксиона, царя лапитов, и Нефелы (Облака). Иксион желал совокупиться с Юноною; узнав об этом, Зевс представил ему облако в образе Юноны. От этого облака родились чудовища, кентавры, полулюди, полукони. Приглашенные лапитами на брак Перитоя и Гипподамии, кентавры перепились и хотели похитить невесту и других женщин, но были убиты Тезеем, Перитою и Геркулесом (Овидия, Превращ. XII, 226-231) (См. Ада XII, 56 и примеч.). Здесь они приводятся, как пример наказанного невоздержания.

124-126. Кн. Суд. 541: Когда Гедеон шел на мидианян, Господь повелел ему взять с собою на войну только тех, которые будут пить воду из источника Харода пригоршнями; тех же, которые станут на колени, чтобы удобнее напиться, не брать с собою. Только триста выдержали это испытание умеренности.

127. Именно внутренним краем, где скала обрамляет этот круг.

129. «Посрамлен» — ударение церковно-славянское.

<p>121 — «Припомните, рек голос, «проклято́е
Исча́дье туч, что с грудью нелюдской
Вступило в спор с Тезеем в пьяном строе,</p> <p>124 И тех евреев, коих не взял в бой
С собою Гедеон на мадиамлян
За то, что так рвались на водопой».</p> <p>127 Так краем, им же сей карниз обра́млен,
Мы шли внимая повестям о том,
Как сластолюбцев грех бывал посра́млен.</p> <p>130 На путь пустынный выступи потом,
Мы с тысячу шагов прошли в угрюмом
Молчании и в помысле святом.</p> <p>133 — «Куда идете, так предавшись думам?»
Раздался голос. Весь я задрожал,
Как конь, испуганный внезапным шумом.</p> <p>136 Я поднял взор к тому, кто так вещал
И никогда в горну столь ярко-красным
Не может быть стекло или металл,</p> | <p>Как тот, кто рек нам: «Если к высям ясным 139
Спешите вы, то надо здесь свернуть;
Идите ж с миром тут к странам прекрасным».</p> <p>Он так сиял, что я не мог взглянуть, 142
И взор отвел я свой к моим вожатым,
Как тот, кто ищет лишь по слуху путь.</p> <p>И как, зари предвестник, пред возвратом 145
К нам солнца майский шелестит зефир,
Цветов и трав упитан ароматом, —</p> <p>Так на чело струился мне эфир, 148
И я почувствовал, как крылья взмахом
Наполнили амброзией весь мир.</p> <p>И глас вещал: «Блажен, кто Божьим страхом 151
Так озарен, что сладостью земной
Отборных яств гнушается, как прахом.</p> <p>И алчет сердцем Правды лишь одной». 154</p> |
|---|---|

130. До сих пор поэты шли, теснясь друг к другу; выйдя теперь на дорогу, не загражденную деревом, они идут свободнее.

132. О всем нами виданном и слышанном.

134. Голос ангела воздержания.

137-138. Сравнение, весьма часто встречающееся в Библии (Иез. I, 7; Дан. X, 6; Откров. I, 15).

140. «Свернуть» налево, где находится лестница, ведущая в седьмой круг.

143-144. Ослепленный светом, Данте идет за поэтами, следуя за ними по слуху, как ходят слепые.

145-150. Новое, дивно-прекрасное изображение того момента, когда на челе его снова уничтожается буква Р. Для сличения этого сравнения приводим подобное же из Тассо. Освобожд. Иерусал. III, 1:

Уж ветерок проснулся, друг Авроры;
Она меж тем венки из райских роз
Уж обвила, в полет готовясь скорый,
Вокруг главы под золотом волос.

150. Амброзия — не только пища и напиток богов, но и благовонная масть, препятствующая разложению мертвого тела.

151. Говорит тот же ангел воздержания.

151-154. „Beati qui esuriunt iustitiam“: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Матф. V, 6; «но этому блаженству евангельскому Данте дает такой смысл: блаженны те, кои соблюдают должную меру в пище и питии и воздерживаются от греха чревоугодия». Скартаццини. Филалет.

Подъем в седьмой круг. — Теория зарождения человека. — Наделение тела душою. — Бесплотные тела по смерти. — Седьмой круг: сладострастные. — Примеры целомудрия.

<p>1 Час требовал не медлить по наклону
Горы: уж солнцем был полдневный круг
Отдан Тельцу, а полночь — Скорпиону,</p> <p>4 И потому как те, кто во весь дух
Спешат, бояться не давая взору
(Так побуждает в путь их недосуг), —</p> <p>7 Мы чрез ущелье поднимались в гору
Друг другу вслед по лестнице крутой,
Где в ряд идти нам не было простору;</p> <p>10 И как для взлета аист молодой
Подъемлет крылья, но, с гнезда родного
Боясь слететь, садится на покой, —</p> | <p>Так вспыхивал во мне и гаснул снова 13
Порыв желания спросить певца.
Я делал вид, как бы ищу я слова.</p> <p>Мы быстро шли; но скрыться от отца 16
Не мог мой вид. — «Спусти лук слова, если
Уж дотянул стрелу до копейца!»</p> <p>Так он. И речи вдруг во мне воскресли. 19
И начал я: «Зачем тут им худеть?
На пищу зов замолкнул здесь не весь ли?»</p> <p>И он: «Припомни то, как мог истлеть 22
Царь Мелеагр, лишь плаха догорела,
И — горькою не будет эта снедь.</p> |
|--|--|

1-3. Опять астрономическое определение времени дня. «В первом весеннем месяце солнце находится в созвездии Овна, а ночь, диаметрально противоположно солнцу, — в созвездии Весов. Знак Тельца следует тотчас за Овном, знак Скорпиона — тотчас за Весами. Следовательно, если знак Тельца стоит на полудне, то это означает, что знак Овна, а с ним и солнце, покинули уже часа 2 тому назад полуденный круг, так как каждое созвездие в продолжение двух часов занимает каждую двенадцатую долю неба. Отсюда видно, что теперь было 2 часа пополудни на Чистилище и 2 часа утра, или пополуночи, в антиподе, где на полудне теперь стоит знак Скорпиона». Каннегиссер. — «Если теперь 2 часа, то это значит, что поэты оставались в шестом круге, который они теперь готовы оставить, от 3 до 4 часов». Филалет. — Как и везде, поэт представляет, здесь солнце и ночь как бы живыми существами, причем солнце диаметрально противоположно ночи. Слич: Чистилища II, 1 и примечание; IV, 13 и примечание; IX, 7 и примечание.

8. Три поэта идут один за другим, впереди Вергилий, за ним Стаций и, наконец, Данте. Лестница слишком узка для того, чтобы можно было идти всем троим рядом. «Узок путь, ведущий в жизнь». Матф. VII, 14.

10-21. Данте горит желанием узнать причину, почему существа бестелесные, не имеющие надобности в пище, подвергаются исхуданию, и, ободренный Вергилием, выражает свое недоумение.

10-12. Из уважения к Вергилию, Данте колеблется, спросить ли его об этом или нет. Это внутреннее колебание мастерски изображено поэтом в сравнении с аистом.

16. Несмотря на быстроту хода, Вергилий замечает колебание ученика; он постоянно читает все мысли Данте, как заботливый отец.

17-18. Т. е. выскази свободно то, что у тебя уже на губах. — Когда лук совершенно натянут, то железный конец стрелы (копьецо, слова Данте), касается вершины лука. Сравнение это заимствовано, очевидно, от простого лука, а не от арбалета или самострела, как полагает К. Витте.

22-30. Вергилий старается дать Данте некоторую идею об этом примере, взятом из мифологии, и кроме того подобием естественным и математическим; затем он обращается к Стадию и просит его разрешить недоумение полнее и удовлетворить желание поэта.

22-24. Мелеагр — сын калидонского царя Энея (Оeneus) и Алтеи, участник ловли калидонского вепря. В момент его рождения богини судьбы (парки) положили в огонь плаху и объявили, что жизнь его продлится, пока будет гореть плаха. Алтея загасила огонь и тщательно укрыла плаху. По умерщвлении вепря, двое дядей Мелеагра, братья Алтеи, Плексипп и Токсей, стали оспаривать у Аталанты, возлюбленной Мелеагра, нанесшей первую рану чудовищу, право на славу этого геройского подвига; Мелеагр убил их за это. Тогда Алтея решила отмстить сыну за смерть своих братьев, вытащила роковую плаху и зажгла ее. Мелеагр, снедаемый внутренним огнем, испустил последнее дыхание в момент, когда головня превратилась в пепел (Овидия, Превращ. кн. VIII, ст. 431-524). — Этим примером Вергилий (чистый разум) хочет пока-

25 И вдумайся, как все движенья тела
Передаются в зеркале стеклом,
И для тебя смягчится твердость дела.

28 Но, чтоб ясней ты понял то умом.
Вот Стаций здесь, и я к нему зываю,
Моля его быть ран твоих врачом».

31 И Стаций: «Если пред тобой дерзаю
Я здесь раскрыть суд вечный, то затем,
Что отказать тебе я не желаю».

И начал так: «Когда мышленьем всем 34
Ты вникнешь, сын, в слова мои, — прольется
Великий свет на твой вопрос: зачем?»

Кровь лучшая, что в вены не всосется, 37
Став лишнею, нейдущею в обмен,
Как пища та, что со стола берется, —

Приемлет в сердце силу, каждый член 40
Творящую, — подобно той, какую
Несет, питая члены, кровь из вен.

зять, что человек может исхудать и даже погибнуть не только от недостатка пищи, но и от совершенно иной причины; как сила невидимая и совершенно ему неизвестная уничтожила Мелеагра, так невидимая, таинственная сила производит худобу душ, или бестелесной плоти сластолюбцев. Некоторые находят это сравнение не совсем удачным, но Данте может тем с большим правом употребить это сравнение для объяснения худобы душ, изнуряемых невидимой силой, что в Средние века было в общем ходу суеверное мнение о возможности уничтожения жизни человека от медленного растапливания на огне очарованных восковых изображений человека, которого желают погубить. Смотри знаменитую балладу английского поэта Данте Россетти, Sister Ellen.

24. Т. е. тебе легко будет понять эту трудность.

25-26. Т. е. «тело, в особенности воздушное тело этих теней, есть как бы зеркало души; как зеркало верно изображает каждое движенье, в нем отражающееся, так точно и тело воздушное изображает во внешности все движения и страдания души». Варки.

29. Мнение комментаторов различно относительно того, почему Вергилий обращается здесь к Стацию, как и о символическом значении Стация вообще. Пиетро Данте, которому следует большинство толкователей, говорит: „Virgilius, id est philosophia rationalis, committit hoc Statio poetae christiano, vel philosophiae morali, ut hoc decideret“. — Так же думают Ландино, Велутелло, Вентури, Ломбарди и др. — По Филалету, Стаций означает аллегорически философию, озаренную христианством, каково, например, учение Фомы Аквинского и его учеников. Скартаццини говорит: Вергилий есть символ власти гражданской и императорской, которая, по системе Данте, должна направлять людей к временному блаженству, secundum philosophica documenta. Но Вергилий — язычник. Чтобы трактовать хорошо о сотворении и вдуновении рациональной души в человеческое тело, а равно и о состоянии ее по освобождении от тела, — для этого необходим свет веры христианства. Для Данте Стаций не только великий поэт и философ, почти такой же, как и Вергилий, но и христианин, посвященный в тайны веры. Поэтому Стаций может и сумеет лучше Вергилия определить тезис, который языческая философия никогда не могла объяснить удовлетворительно. Таким образом, Стаций — дополнение Вергилия, он представляет собой философию, озаренную верой, или философию христианскую. Следует сверх того заметить, что Данте в дальнейшем течении своего мистического странствования не должен был оставаться покинутым временным авторитетом, символом которого служит Вергилий; но Вергилию дозволено сопровождать его лишь до земного рая, и там его место заступает Стаций, остающийся с Данте и по исчезновении Вергилия; он продолжает странствование вместе с Данте, не играя, впрочем, роли вожатого, а подчиняясь, подобно Данте, смиренной роли ученика, покорно выслушивая наставления и повинаясь повелениям Матильды и Беатриче».

30. Сомнение есть рана разума, которая излечивается лишь тогда, когда ум завладеет истиной. „Vulnera ignorantiae“, говорит св. Григорий (Ev. Horn. XXVI, по цитате Томмазео).

31-33. Стаций извиняется перед Вергилием в том, что он, не смея отказать ему ни в чем, решается говорить в его присутствии, считая дерзким всякое слово при том, чья мудрость и чье красноречие требуют, чтобы он один говорил, а все другие — его слушали. — «Эта вежливость Стация относительно Вергилия напоминает, в аллегорическом смысле, такое же отношение схоластиков к Аристотелю и его ученикам, олицетворением которых служит Вергилий». Филалет.

32. «Суд вечный». В одних списках vendetta, в других veduta; последнее принято лучшими изданиями, между прочим К. Витте. Я употребил «суд вечный», примиряющий эти два разноречия; собственно, здесь разумеется способ, по которому распределены божественные наказания.

34-36. Стаций любовно обращается к Данте, называя его в знак приязни сыном, чтобы возбудить в нем все внимание, говоря, что, если он вникнет в его слова, то его сомнения разрешатся. «Сын мой! Если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои... то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге». Притчи Солом. II, 1, 5.

37-60. Стаций развивает теории рождения и образования тела с душой вегетативной и сенситивной. То же самое учение, но вкратце, изложено Данте прозой в его *Convivio* IV, 21. Оно же изложено отчасти у Фомы Аквинского в его *Sum. Theol.* p. I, qu. CXIX; *De propagatione hominis quantum ad corpus*. — Это место вызывало такой восторг со стороны Варки (*Sezioni sui Dante, Firenze, 1845*), что, по его мнению, одного этого места уже достаточно, чтобы признать Данте за врача, философа и теолога высшей степени. При этом он говорит: «Я не только сознаюсь, но объявляю клятвенно, что всякий раз, когда я прочитывал его (и таких случаев и днем и ночью более тысячи), мой восторг и изумление все более и более усиливались, ибо каждый раз я, казалось, находил в нем новые красоты и новые поучения, а следовательно, и новые трудности».

37. «Кровь лучшая» (в подлиннике: *perfecto* — совершенная). — „*Sanguis, qui digestionem quadam est praeparatus ad conceptum est purior et perfectior alio sanguine*“, Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. III, qu. XXXI, art. 5. — «Не вососется» (в подлиннике: *non si beve Dall assetate vene*, не всасывается жаждущими венами). «Данте следует здесь Аристотелю, который (*De Gener. animal. lib. I, c. 19*) говорит: *semen est superfluum alimenti*; точно так же полагает и Фома Аквинский (*Sum. Theol. p. I, qu. XIX, art. 2*)». Скартаццини. «Учение Фомы Аквинского о происхождении спермы, основанное на Аристотеле, совершенно согласно с Данте в этом месте. Доказав предварительно, что воспринимаемая пища, как питающая и взращивающая, действительно превращается отчасти в человеческую плоть, он переходит затем к решению вопроса о том, возникает ли сперма от излишка питательных веществ, и отвечает на него утвердительно, давая ему следующее объяснение. В природе человеческой, согласно с вышесказанным, заключается сила сообщать свою форму инородным веществам. Но это сообщение совершается постепенно. Принятое и переваренное вещество получает прежде всего одну лишь общую силу образовывать из себя все части тела. потом уже эта сила к образованию отдельных членов, так сказать, специфицируется. Это совершается в то время, когда кровь переливается по жилам и образует, таким образом, отдельные части тела. Но часть крови, — полагает Фома, — остается, не превращаясь в существо членов, и потому-то она, как он выражается, составляет материю для целого тела, и эта-то часть и есть сперма. Теперь становится весьма понятным, почему Данте сравнивает эту часть с пищей, которая снимается со стола и не съедается. При этом Фома решительно отклоняет то мнение, по которому сперма есть как бы экстракт уже специализированного для всех членов вещества крови, ибо, говорит он, она была бы ни чем иным, как животным в малом виде, а человеческое рождение было бы подобно расплощению многих низших животных чрез отрезывание их частей (*Sura. Theol.*, p. I, qu. CXIX). Замечательно, что это, отвергаемое Фоמוю, мнение очень близко подходит к позднейшим воззрениям на этот предмет; именно, паренхиматозная жидкость, которая, проникая по всему телу чрез все первичные ткани, представляется настоящим жизненным соком, возвращается при беспрестанной переработке опять-таки в кровь, стало быть и в сердце, в котором она, однако, не остается, но выделяется из крови действительно, как экстракта всего тела, в известные органы, сберегаясь в них вплоть до своего извержения и выхода». Филалет.

40-41. «Силу, каждый член творящую», в подлиннике: *Virtute informativa*, т. е. силу, дающую сущность и природу каждому члену или части человеческого тела.

41-42. „*Alimentum convertitur in viritatem liuniani corporis... Alimentum vere convertitur in viritatem humanae naturae, in quantum vere accipit speciem carnis et ossis, et huiusmodi partium*“. Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. I, qu. CXIX, art. 1.

43. В подлиннике: *scende ov'e più bello Tacer che dire* — нисходит в те части, о которых приличнее молчать, чем говорить, т. е. в семенные сосуды семенных желез.

44. «Очищенная вновь», в подлиннике: *Ancor digesto*, т. е. еще более потенцированная, вследствие дальнейшего кровообращения.

45. «Сосуд природный» (*natural vasello* т. е. матка (*uterus*)). — „*Foemina ad conceptionem prolis materiam ministrat (quae est sanguis menstruus), ex qua naturaliter corpus prolis formatur*“. Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. III, qu. XXXII art. 4. — „*Ad formationem corporis — requirebatur motus localis quo sanguines — ad ocum generationi congruum pervenirent*“. Ibid. qu. XXXIII, art. 1. — „*Materia quam foemina subministrat ad generationem, est sanguis, non quicumque, sed Iperductus ad quandam amplioem digestionem per virtutem generativam matris*“ Аристотель. *De Gener. animal. I*. — «По позднейшим исследованиям, жидкий зародыш в микроскопических пузырьках яичников, в $\frac{1}{12}$ линии в диаметре, находится в женском организме уже с самого раннего детства, с утробной жизни. Потому эти зародыши, как и сперма, могут быть названы кровью в том смысле, что как они, так и сперма суть продукты паренхиматозной жидкости, с тем

43 И в органы (я их не именую)
Нисшед потом, очищенная вновь,
В сосуд природный каплет в кровь чужую.

46 Когда в одну слились два тока кровь,
Один — страдать, другой — творить готовый
(Так важен ключ, отколь их мчит любовь!), —

49 Кровь приступает к делу с силой новой,
Сперва сгущает, после же собой
Животворит материал суровый.

Активная тут сила, став душой, 52
Отличной в том лишь от души растенья,
Что та в пути, а этой дан покой, —

Приобретает чувства и движенья, 55
Как гриб морской, и силам, бывшим в ней
В зародыше, дает приспособленья.

Теперь-то, сын мой, и творит сильней 58
Мощь, данная рождающего сердцем,
Где скрыт природой план и смысл частей.

только различием, что женский зародыш есть жидкость, свернувшаяся в виде зародышей лишь одинажды внутри своих клеточек; мужская же сперма есть беспрестанно восстанавливающееся выделение паренхиматозной жидкости всего организма». Филалет. — „В кровь чужую“ (altrui sangue), т. е. в кровь женскую.

46-47. Т. е. мужская кровь (сперма) с женской (менструальной); первая играет активную, вторая — пассивную роль. — „Foemina materiam ministrat; ex parte maris fit principium activum in generatione“. Аристотель, 1. с. — „In generatione distinguitur operatio agentis et patientis. Unde relinquitur quod tota virtus activa sit ex parte maris, passio autem ex parte foeminae“. Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXII, art. 4.

48. Т. е. сердце, как орган, в котором, по мнению Данте, кровь приобретает свою силу или способность образовывать каждый член тела.

49. «К делу», т. е. к образованию зародыша.

51. В подлиннике: e poi avvina Ciò che per sua materia fe' constare, т. е.: а потом оживляет (животворит) то, что сгустила, как материю или материал, необходимый для своего действия. — „Potentia generativa in foemina est imperfecta respectu potentiae generativae quae est in mare. Et ideo sicut in artibus ars inferior disponit materiam, ars autem superior inducit formam, ita etiam virtus generativa foeminae praeparat materiam, virtus autem activa maris format materiam praeparatam“. Аристотель, Phys. II, 25.

50. «Зародышевые пузырьки, как мы видели, сгущаются или кристаллизуются в женском организме в самой ранней эпохе жизни; но тем не менее и в акте рождения происходит новая кристаллизация, вследствие метаморфозы содержащейся внутри пузырька жидкости. В одном только ошибается поэт, именно в том, что он оба акта — и свертывание, и оживление — принимает, как акты отдельные и следующие один за другим, тогда как они, в сущности, один и тот же акт». Филалет. — «Сгущает», собственно, — свертывает, conculando, выражение библейское: «Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня». Иова X, 10, — «Образовался в плоть в десятимесячное время, сгустившись в крови от семени мужа». Премудр. Солом. VII, 2.

52-54. «Активная тут сила», т. е. сперма отца. — „Quia generans est simile generato, necesse est quod naturaliter tam anima sensitiva, quam aliae huiusmodi formae producantur in esse ab aliquibus corporalibus agentibus transmutantibus materiam de potentia in actum per aliquam virtutem corpoream quae est in eis... Ex anima generantis derivatur quaedam virtus activa ad ipsum semen animalis, vel plantae... In animalibus perfectis, quae generantur ex coitu, virtus activa est in semine maris; materia autem faetus est illud, quod ministratur a foemina: in qua quidem materia statim a principio est anima vegetabilis, non quidem secundum actum secundum, sed secundum actum primum, sicut anima sensitiva est in dormientibus; cum autem incipit attrahere alimentum, tunc jam actu operator. Huiusmodi igitur materia transmutatur a virtute quae est in semine maris, quousque perducatur in actum animae sensitivae... Postquam autem per virtutem principii activi quod erat in semine, producta est anima sensitiva in generato quantum ad aliquam partem principalem, tunc jam illa anima sensitiva prolis incipit operari ad complementum proprii corporis per modum nutritionis et augmenti“. Фома Акв. 1. с., p. I, qu. CXVIII art. 1. — «О тройственной жизни, тройственной душе человека, как выражается школа, было уже упомянуто выше (Чистилища IV, 5 и примеч. к 1-12). Пробужденный к жизни зародыш имеет вначале в утробе матери жизнь растительную. Он питается, растет, но без ощущения и без способности к самопроизвольному движению. Но эта еще только вегетативная жизнь утробного младенца в низшей степени его развития отличается от настоящего растения тем, что последнее не восходит уже ни на какую высшую ступень (стих 54), тогда как в первом жизнь эта есть только переходная ступень. Мало-помалу

этот зародыш переходит через состояние зоофита (стих 56, морского гриба) в настоящее животное, получает способность двигаться и чувствовать — сенситивная жизнь. Человеческий образ развивается и созревает для восприятия разумной души. Эту рациональную душу младенец получает не прежде, как когда уже достигнет известной степени развития (стих 69), получает еще в материнской утробе чрез непосредственный акт творчества Божьего, и при том каждый младенец получает свою разумную душу, индивидуальную, от всех других отличную (Рая XXXII, 64)». К. Витте. — «Цель этого изложения Данте опровергнуть учение о расчленении души на простую множественность сил (тройственность души, напр., Чистилища к IV, 1-12 и примеч.) и доказать единство души, ее постепенное, неразделимое в единстве развитие с ее божественным происхождением и вечным, субстанциальным духовным содержанием. Это достигается чрез слияние Traducianismus с Creationismus; а именно, человек имеет вначале, конечно, вегетативную жизнь (стих 53). Но, тогда как растение на этом и останавливается, жизнь в человеческом зародыше развивается далее до способности к движению и ощущению (стих 54-55) (сенситивная или животная жизнь). Переход от одной жизни к другой (стих 61) — совершается чрез промежуточное состояние зоофита (стих 56, морского гриба)». Флейдерер, продолжение сходно с предшествующей цитатой.

54. В подлиннике; *Che quest' è in via, e quella è già a riva*, т. е. эта еще в пути, а та уже у берега, т. е. с тем различием, что душа растения уже у берега, т. е. достигла окончательного развития, душа же человеческого зародыша еще развивается, и жизнь растительная составляет для нее лишь переходное состояние к состоянию души рациональной. По Фоме Аквинскому, человеческая душа проходит последовательно три степени жизни: вегетативную, сенситивную и интеллектуальную: „*Anima praeexistit in embryone, a principio quidem nutritiva, postmodum autem sensitiva, et tandem intellectiva. Dicunt ergo quidam, quod supra animam vegetabilem, quae primo inerat, supervenit alia anima, quae est sensitiva, supra illam autem alia, quae est intellectiva. Et sic sunt in homine tres animae, quarum una est in potentia ad aliam, quod supra improbatum est* (Слич: Чистилища IV, 1-12 примеч.). *Et ideo alii dicunt, quod illa eadem anima, quae prima fuit vegetativa tantum, postmodum per actionem virtutis quae est in semine, perducitur ad hoc ut ipsa eadem fiat sensitiva, et tandem ad hoc ut ipsa eadem fiat intellectiva, non quidem per virtutem activam seminis, sed per virtutem superioris agentis, scilicet, Dei deforis illustrantis. Sed hoc stare non potest... Et ideo dicendum est quod cum generatio unius semper sit corruptio alterius, necesse est dicere, quod tam in homine, quam in animalibus aliis, quando perfectior forma advenit, fit corruptio prioris; ita tamen quod sequens forma habet corruptiones pervenit ad ultimam formam substantialem tam in homine quam in aliis animalibus. Et hoc ad sensum apparet in animalibus ex putrefactione generatis. Sic igitur dicendum est, quod anima intellectiva creatur a Deo in fine generationis humanae, quae simul est et sensitiva et nutritiva, corruptis formis praeexistentibus*“. 1. с., р. I, CXVIII, art. 2.

55-57. В этой тердине заключается изображение сенситивной (животной) жизни. «Гораздо труднее понять возникновение сенситивной души. Фома Акв. предлагает себе поэтому вопрос, возникает ли сенситивная душа непосредственным творческим актом, или, как продукт семени, через рождение? — и решает его в пользу последнего, ибо, говорит он, одни только чистые формы, не возникающие ни из какой материи, были созданы непосредственно. Сенситивная же душа не есть такая чистая форма, напротив, она есть только случайность соединенной с телом души, а потому и может воспроизвестись только при помощи такого сложного существа. Главное возражение на это состояло в том, что все же невозможно признать сенситивную душу продуктом какой-нибудь более низкой силы, принадлежащей к вегетативным силам. Фома Акв. отстраняет это возражение следующим соображением: чем выше сила, тем далее распространяется ее действие; потому безжизненные вещи непосредственно сами собою могут воспроизвести только себе подобное, как, например, огонь воспроизводит сам собою лишь огонь; одушевленные вещи, будучи выше по своей природе, производят из веществ как непосредственно, так и посредственно нечто себе подобное, именно: непосредственно — процессом питания, посредственно — процессом рождения. В последнем именно процессе сперма есть как бы орудие, которому сенситивная душа сообщает свою активную силу, при помощи которой оживленные зародыши преобразовываются вследствие развития в сенситивные души. — Отсюда ясно, как разумеет Данте в этом месте своей поэмы возникновение вегетативной и сенситивной души в зародыше. Вегетативная жизнь в зародыше отличается от настоящей растительной души — жизни — тем, что последняя уже достигла своей цели, своего развития; принцип же вегетативный в зародыше еще ожидает дальнейшего развития. Но и животная душа, отличающаяся от души растения чувствительностью и произвольным движением, находится вначале лишь на низшей ступени морской губки, или полипы, и развивается сначала лишь постепенно, смотря по тому, как развиваются органы высшей животной жизни. Но тут Данте, по-видимому, уклоняется несколько от Фомы Акв. в том, что он допускает активную силу в самой сперме делаться душою, тогда как последний решительно это отвергает (Sum. Theol., р. I, qu. CXVIII art. 1). — До сих пор мнение Данте, а еще более мнение Фомы Акв., по-видимому, совершенно соответствует воззрению позднейших физиологов, которые

61 Но, как зародыш может стать младенцем
Еще неясно: уж таков предмет!
Тут бывший и умней, чем ты, безверцем,

64 Блуждал, уча в том смысле целый свет,
Что нет в душе разумности возможной,
Затем что в ней к тому орудья нет.

67 Но ум открой ты правде непреложной
И знай: едва в зародыше свершит
Свое развитие мозг для цели сложной, —

Уж Первый Двигатель к нему спешит. 70
Как к торжеству природы, и вдыхает
Дух новый. Дух же все, что он ни зрит

Активного в душе, воспринимает 73
В свою субстанцию и, слив в одно,
Живет полн чувств, себя в себе вращает.

А чтоб тебе то было не темно, 76
Взгляни, мой сын, как солнца жар, слиянный
Со влагой гроздий, создает вино.

также принимают постепенное развитие растительной и животной жизни в зародыше, но таким образом, что в низших ступенях уже заключаются в зачатке и высшие ступени». Филалет.

55. Чувствительность и произвольное движение — отличительные признаки жизни животной от растительной. «Чувства», т. е. чувствительность; «движенья», — конечно, произвольные.

56. «Силам», под которыми разумеются собственно известные пять чувств.

56-59. См. выше, прим. к ст. 37.

61-78. Стаций объясняет, как из животного, которым был зародыш, он становится человеком, наделенным разумною душою. Здесь Данте излагает проблему происхождения человеческой души. Христианские философы и святые отцы церкви пытались трояким образом решить эту проблему. Одни, следуя теории Платона, учили, что все души были созданы Богом в начале мира и заключены в тела в наказание за грехи, совершенные ими в предшествующие времена. Так учил, между прочим, Ориген и его последователи (Eriph. haer. 64, 4: Τὴν Ψυχὴν γάρ τὴν ἀνθρωπείαν λέγει προῦ παρχεῖν). — Другие старались решить проблему чрез „traducianismus“, и учили в том смысле, что человеческая душа рождается вместе с телом. Таково учение Тертуллиана (De anima, с. 19). — Но большинство отвергало эти гипотезы и проповедывало так называемый „creationismus“, т. е., что каждая душа создается непосредственно Богом. Таково учение Лактанция (De opificio Dei с. 19), блаж. Августина и всех схоластиков. Ансельм Кентерберийский говорит: «Никакой человеческий ум не может себе представить, чтобы человек тох ab ipsa conceptione rationalem animam habeat (De conceptu virginali, с. 7). Гуго ди С.-Виттории (De sacram P. VII, lib. I, с. 30): Fides catholica magis credendum elegit animas quotidie corporibus vivificandis sociandas de nihilo fieri, quam secundum corporis naturam et carnis humanae proprietatem de traduce propagari. Петр Ломбардский (Sent lib. II, dist. 17, с.): De aliis (о душе потомков Адамовых) certissime sentiendum est, quod in corpore creentur. Creando enim infundit eas Deus, et infundendo creat. Фома Аквинский (Sum. Theol., р. I, du. CXVIII, art. 3): Animae non sunt creatae ante corpora: sed simul creantur, cum corporibus infunduntur. И в другом месте (Ibid. art. 2): Haereticum est dicere, quod anima intellectiva traducatur cum semine. Аквинат, как мы видели, отличает animam intellectivam ab anima sensitiva (как предшественники его отличали Ψυχή от πνεῦμα, ὁ νοῦς); первая сотворяется Богом, вторая передается путем рождения. Данте следует здесь строго Аквинату. Он учит, что anima intellectiva исходит непосредственно от Бога, который, как скоро образование мозга достигло в зародыше известного предела, обращает полный любви взор к великому созданию природы и вдыхает в него мощный дух, который принимает в себя все активное, встречаемое в зародыше, и таким образом создается единая душа с тремя актами растительности, животности и интеллигенций». Скартаццини.

61-66. В этих двух терцинах намечается на Аверроэса, великого комментатора Аристотеля (Ада IV, 144). В своем комментарии De anima, lib. III, Аверроэс учил в том смысле, что существует два интеллектуальных принципа: один пассивный, другой активный. Интеллект активный безличен, вечен, отделен от индивидуумов, которые по временам воспринимают его. Интеллект пассивный преходящ и не может существовать без активного. Интеллект активный соединен, следовательно, с индивидуумом лишь форменно, но отделен от него по сущности и есть один и тот же для всех людей. По поводу этого учения Оцанам говорит: „Or, étant détruite la diversité l'intellect possible, qui est seul immortel, il s'en suit qu'après la mort il ne reste rien des âmes humaines que l'unité de l'intellect, et ainsi on supprime les peines et les récompenses. Слич: Ренана, Averroës et l'Averroïsme, Paris 1861 pag. 122. — Фома Аквинский опровергал это учение, основываясь на следующих аргументах: 1) интеллект соединен с телом, как форма с материей; невозможно, чтобы существовала одна форма для различных материй, ибо всякое действие

предполагает свою собственную потенцию, ей пропорциональную; следовательно, невозможно допустить один единый интеллект для всех людей; 2) каждый двигатель нуждается в своем собственном инструменте. Инструмент флейтиста отличается от инструмента архитектора. Интеллект же есть двигатель тела. Итак, как архитектор не может пользоваться инструментом, каким пользуется флейтист, так невозможно, чтобы интеллект одного человека был бы интеллектом другого человека; 3) возможный интеллект, по Аристотелю, тот, помощью которого человек мыслит, получает зачатие идей. Итак, если человек мыслит не иначе, как при помощи интеллекта возможного, то каждый должен мыслить только то, что мыслится каждым человеком от самого уже начала, а это очевидно ложно. Фома Акв. Sum. contra Gent lib. II, c. 73; Sum. Theol., p. I, qu. LXXVI, art. 2». Скартаццини. — Замечательно, что учение Аверроэса имеет разительное сходство с воззрениями некоторых позднейших философов. — «Великий комментатор Аристотеля Аверроэс выводит заключения, совершенно отличные от христианских схоластиков, которым следовал Данте. Аверроэс принимает один общий человеческий дух (универсальный интеллект), который, однако же, как господствующий лишь над материальным подлунным миром, находится глубоко ниже приводящего в движение всю вселенную, непосредственно от Бога исходящего, высочайшего интеллекта. Этот дух человеческий, один и тот же для всех индивидов и для всех времен, входит, по мнению Аверроэса, в связь с призванным к жизни младенцем на срок его жизни; человек мыслит лишь при его помощи. Но связь вегетативной и животной жизни с этим интеллектом весьма слабая; в человеке нет такого органа, с которым интеллект был бы неразрывно связан. Со смертью тела эта слабая связь совершенно уничтожается. Поэтому не существует личного бессмертия. Это-то учение и послужило преимущественно к тому, что Аверроэс был признан еретиком и подробно опровергаем Альбертом Великим и Фома Аквинским». К. Витте. Слич у Филалета.

65-66. «Разумность возможная» (*possibile intelletto*). Под этим термином Данте разумеет, подобно всем вообщее схолистам, всемирную интеллигенцию, сообщающуюся с душою, не делаясь при этом частью ее и не будучи приуроченной к какому-нибудь особенному органу тела. — „Quandoque enim ponunt quatuor intellectus, scilicet intellectum agentem, possibilem, et in habitu, et adeptum: quorum quatuor intellectus agens et possibilis sunt diversae potentiae, sicut et in omnibus est alia potentia activa et alia passiva; alia vero tria distinguuntur secundum tres status intellectus possibilis; qui quandoque est in potentia tantum, et sic dicitur possibilis; quandoque autem in actu primo, qui est scientia, et sic dicitur intellectus in habitu; quandoque autem in actu secundo, qui est considerare, et sic dicitur intellectus in actu, sive intellectus adeptus“. Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LXXIX, art. 10.

70-72. «Первый Двигатель» — Бог, — «та Любовь, что движет солнца и все хоры звездны», Рая XXXIII, 14. — Выражение *Motor primo* заимствовано из Фомы Аквинского, Sum. Theol., p. I, qu. CV, art. 2.

71. «Торжество природы», в подлиннике: *si volge lieto Sopra tanta arte di natura* — радостно обращается к такому искусству природы. „Natura est quoddam instrumentum Dei moventis“. Ibid. p. 2. qu. VI, art. 1.

72. «Дух новый», — новую душу разумную. Говоря «новый», Данте, может быть, хочет сказать: вновь созданный, желая тем самым исключить учение Платона о «предсуществовании» человеческой души.

72-73. Т. е. «только что созданная, интеллектуальная душа привлекает к себе и отождествляет с собственной своей субстанцией душу вегетативную и чувствительную и создает из себя и из них душу единую с тремя потенциями — вегетативной, чувствительной и интеллектуальной». Скартаццини. — «Таким образом человек имеет в себе не три, более или менее слабо между собою соединенные души, но одну душу человеческую, разумную, в самой себе вращающуюся, т. е. мыслящую». К. Витте. Слич: Чистилища IV, 5. — «Интеллектуальная душа, по учению схоластиков, есть *esse subsistens*, чистая форма. Такое существо не может возникнуть вследствие рождения, но единственно лишь путем непосредственного создания. Но в таком случае, как может быть душа формою тела? Как спасти единство души? Ибо эти три души, о которых часто говорит Фома Акв., обозначают не три различных субстанции, но лишь три главные категории душевных сил — это достаточно ясно видно из многих мест, и высказывается также весьма определенно Данте в Чистилища IV, 5. Некоторые объясняют дело так, что та же самая душа, которая была вначале вегетативною, становится, вследствие присущей мужескому семени силы, душею чувствительной, а потом, от присоединения силы божественного воздействия, душею интеллектуальною. Это мнение, по-видимому, близко подходит к мнению Данте, который уже сказал в своем *Convivio*, что три вышеупомянутые главные категории душевных сил находятся в таком друг к другу отношении, что всегда одна из них служит основанием для другой, что сила вегетативная есть основа для чувствительной, чувствительная — для интеллектуальной. Фома Акв., однако, еще недоволен этим; он именно говорит, что невозможно, чтобы какая-либо субстанциальная форма от присоединения другой, новой, становилась чем-то большим или меньшим, но что, напротив, она станет через то совершенно новым видом. Итак, следует принять, что всякая такая перемена должна разуметь предыдущую форму, и что возникает

79 Когда ж спрядет Лахезис лен, ей данный,
Дух, с телом разлучась, уносит прочь
В зародыше земной дар и небесный.

82 Другие силы все объемлет ночь;
Зато рассудок с памятью и воля
Еще сильнее свою являют мочь.

85 Спешит душа, сама себя неволя,
Чудесно пасть на тот иль этот брег,
Где и поймет, какой избрать круг поля.

88 Как скоро местом ей очерчен бег,
Из ней лучи исходят в месте этом,
Как из живого тела в прежний век.

И словно воздух в день дождливый летом 91
От преломленья чуждых в нем лучей
Изукрашается различным цветом,

Так здесь приемлет воздух ближний к ней 94
Тот вид, в каком духовно отразится
Душа, достигнув области своей.

И сходно с тем, как пламя всюду мчится 97
За светочем, пока он не потух, —
Так новый призрак за душой стремится.

Став через это видимым, уж дух 100
Зовется тенью; это ж образует
И чувства в нем, как зрение и слух.

новая форма, равномерно собою объемлющая и новую, и старую (Sum. Theol., p. I. qu. CXVIII, art. 11)).
Филалет.

75. «Себя в себе вращает», в подлиннике: e sé in sé rigira, т. е. отражаясь сама в себе, получает сознание о своем собственном существовании. «Сознание, получаемое душою о своем собственном существовании, рождается от ее отражения в самой себе, вследствие чего она, как круг, себя в себе вращает». D. C. ediz-e dell' Ancora. Слич: Боэция. Phil. Cons. lib. III. Poes. IX, 15 и далее.

Quae (anima) cum secta duos motum glomeravit in orbes,
In semet reditura meat mentemque profundam
Circuit et simili convertit imagine coelum.

76-78. Как солнечный жар, соединяясь с соком винограда, превращает его в вино, так новый дух, созданный Богом и одушевленный душою сенситивною, превращается в интеллектуальную душу. О винограде говорит Цицерон (De Senect. XV, 53): „Quae et succo terrae et calore solis augescens, primo est peracerba gustatu, deinde maturata dulcescit“. — «Здесь, говорит Антонелли, философ-поэт рассматривает солнце с точки зрения ботаника, насколько именно оно имеет громадное влияние на жизнь растений, на развитие цветов, созревание фруктов, и высказывает это удивительно поэтично, потому что говорит совершенно верно».

79-108. Стаций излагает, каким образом существуют души после смерти тела, и решает вопрос о том, как могут подвергаться худобе воздушные тела.

79. Лахезис, одна из трех парк, прядущих нить жизни. Смысл: когда наступает смерть человека.

81. «В зародыше», в подлиннике: in virtute; virtualiter — учено-схоластическое выражение, противоположное выражению: formaliter et actualiter. «Душа удерживает по смерти не только духовное, но и телесное; но последнее остается бессильным и недейтельным». Каннегиссер. «Земной» вместо человеческого и «небесный», для рифмы, вместо божеский. Человеческие потенции — телесная или сенситивная; божеские потенции — духовные или интеллектуальные. «Божественные, т. е. те силы, которые суть только случайности души; они остаются при ней действительно по отделении от тела; человеческие, т. е. силы, составляющие случайности тела, соединенного с душой, и которые остаются при ней лишь в зародыше». Филалет.

82. Т. е. способности, отличные от интеллектуальных, по причине разрушения со смертью их органов, гаснут (в подлиннике: немеют, mute), т. е. становятся недейтельными.

83. Три духовные потенции „Haec igitur tria, memoria, intelligentia, voluntas, quoniam non sunt tres vitae, sed una vita, non tres mentes, sed una mens, consequenter utique nec tres substantiae sunt sed una substantia“. Блаж. Августин De Trinit. lib. X, c. 11. — Omnes potentiae animae comparantur ad animam solam sicut ad principium. Sed quaedam potentiae comparantur ad animam solam sicut ad subjectum, ut intellectus et voluntas; et huiusmodi potentiae necesse est, quod maneant in anima, corpore destructo. Quaedam vero potentiae sunt in conjuncto sicut in subjecto, sicut omnes potentiae sensitivae partis et nutritivae. Destructo autem subjecto, non potest accidens remanere. Unde corrupto conjuncto, non manent huiusmodi potentiae actu, sed virtute tantum manent in anima sicut in principio vel radice. Фома Акв., Sum. Theol., p. I, qu. LXXVII, art. 8. «В дейст-

вительности душа удерживает лишь разум, волю и интеллективную память, но удерживает их в усиленном состоянии, ибо теперь можно говорить лишь об одном интеллекте, который теперь познает себя и все, что под ним и с ним, своею собственной сущностью, а не через образы. Напротив, низшие и пребывающие в зародыше силы как бы немеют или остаются в скрытом состоянии». Филалет.

85-87. Т. е. или на берег Ахерона (ада), или на берег Тибра (чистилища). «По мнению Данте, душа, выходя из тела, инстинктивно, сама себя неволя, устремляется или к Ахерону или к Тибру, не зная, куда она направляется, осуждена ли она, или спасена. И только когда достигнет этих мест, она узнает впервые о своей вечной участи. Но тут поэт противоречит сам себе, ибо за душой Гвидо да Монтефельтро (Ада XXVII, 113 и примеч.) к его смертному одру является демон, а только что вышедшую из тела душу Буонконтэ (Чистилища V, 104 и примеч.) принимает ангел; следовательно, обе эти души знали о своей участи прежде, чем упали на один из этих берегов». Скартаццини.

88. Т. е. душа облачается воздушным телом, лишь только придет на один из этих берегов, и, так сказать, очерчивается занятым ею пространством. Хотя, по мнению Фома Аквинского, отделившиеся от тела души не могут быть прикованы, по своей сущности, как чистые духи, ни к какому месту; но так как высшим формам соответствуют известные высшие телесные субстанции, то, говорит он, и некоторые места соответствуют духам, по их достоинству, более чем другие, и, таким образом, назначаются им известные места per congruentiam quandam, в которых они как бы находятся, точно так, как мы говорим о Боге, что Он находится на небе, так как это место всего более приличествует Его достоинству. „Quamvis substantiae spirituales secundum esse suum a corpore non debeant, corporalia tamen a Deo mediantibus spiritualibus gubernantur. Ed ideo est quaedam convenientia spiritualium substantiarum ad corporales substantias per congruentiam quandam, ut scilicet dignioribus substantiis digniora corpora adaptentur... Quamvis autem animabus post mortem non assignentur aliqua corpora, quorum sint formae, vel determinati motores, determinantur tamen eis quaedam corporalia quibus sint quasi in loco eo modo quo incorporalia esse possunt in loco... Incorporalia non sunt in loco modo aliquo nobis noto, et consueto, secundum quod dicimus corpora proprie in loco esse; sunt tamen in loco modo substantiis spiritualibus convenienti qui nobis plene manifestus esse non potest“. Sum. Theol., p. III, Suppl., qu. LXIX, art. 1.

89-90. Т. е. изливая в виде лучей свою силу (в подлиннике: la virtù formativa) в окружающий воздух, душа образует тело, совершенно сходное по форме и величине с тем, которое она оживляла собою в мире, подобно тому, как в живом теле заключалось стремление к образованию своей формы, беспрестанно преобразующейся из поступающих в него питательных веществ.

91-93. В этом сравнении заключается теория происхождения радуги, вполне объясненная лишь со времен Декарта и Ньютона. Антонелли.

94-95. «Духовно», в подлиннике: virtualmente (технический термин), т. е. «не потому, чтобы сама душа имела эту форму и отпечатлевала ее в воздухе, но потому, что в ней есть сила так действовать на окружающий воздух, что в нем отражается этот образ». Каннегиссер.

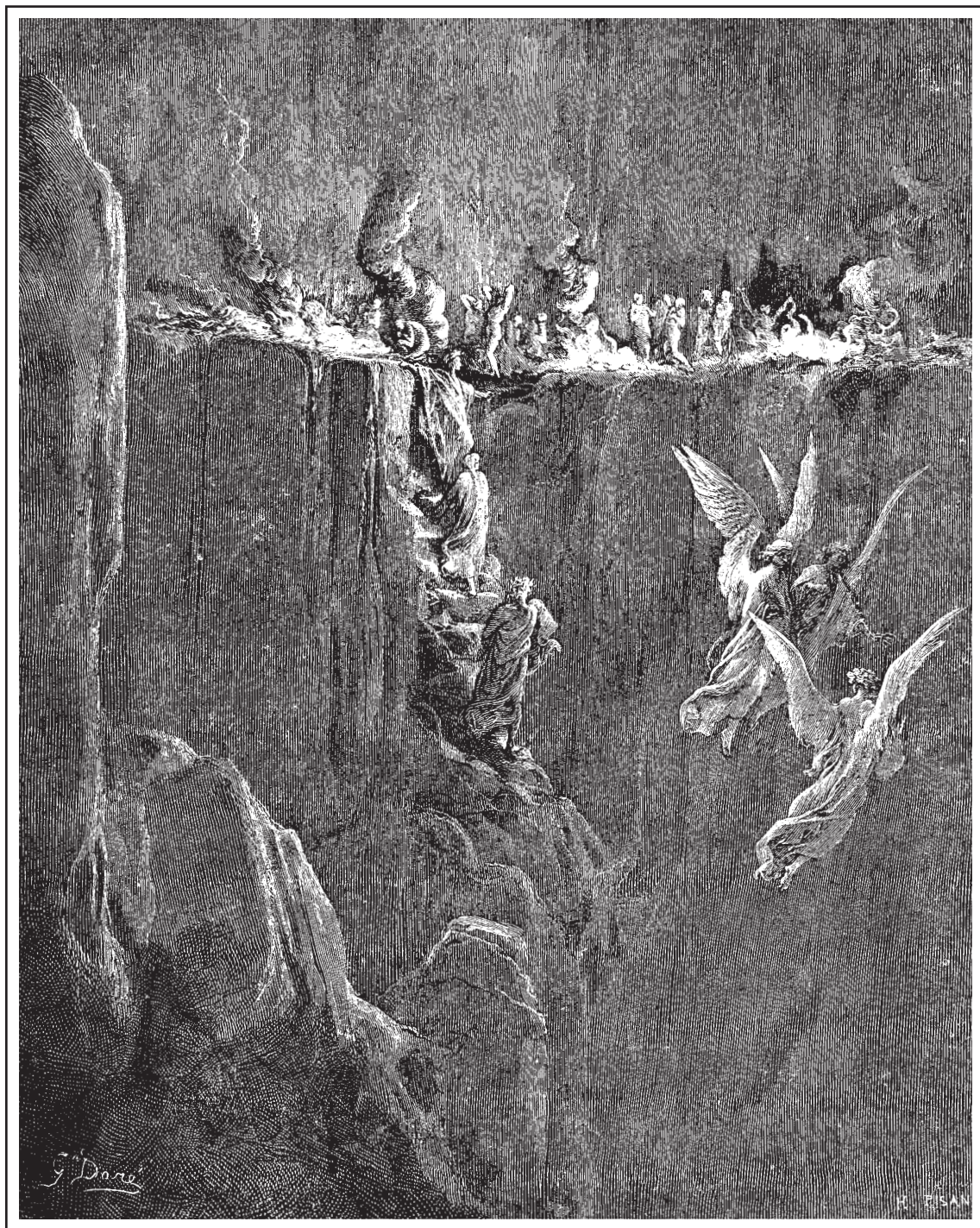
96. Прибыв в ад или чистилище, душа отпечатлевает в окружающем воздухе свой образ, облачаясь как бы покрывалом или легкою воздушною оболочкою. Мысль не новая. Следуя учению Платона, отцы церкви, Климент Александрийский, Ориген и другие, учили, что душа по смерти может иметь сходство с телом и со всеми членами его, ибо являющаяся во сне душа ходит, сидит, движется, чего она не могла бы делать, если бы не походила на тело. Блаж. Августин, по-видимому, сомневается в этом (De Civ. Dei lib. XXI, с. 10), а Фома Аквинский отрицает это и говорит прямо: Anima separata a corpore non habet aliquod corpus. Sum. Theol., p. III, Suppl. qu. LXIX, art. 1. Как кажется, Аквинат считал это мнение почти еретическим. Но тем не менее Данте прибегает к этому учению, так как без него он никоим образом не мог бы сделать для нас наглядным состояние души по смерти. Скартаццини. Филалет.

97-98. «Самое простое и весьма наглядное сравнение души, за которой повсюду следует ее воздушная оболочка». Вентури.

101. «Как тень только кажется и остается неосязаемой, так и душа в этом теле есть нечто воздушное и неосязаемое». Бути.

103-104. „Hinc metuunt cupiuntque, dolent gaudentque“. Вергилий, Aen., lib. IV, 733. Смысл тот: «В силу этого воздушного тела мы говорим, смеемся, плачем и вздыхаем, так как тень наша принимает такое выражение, какое ей придают наши желания и другие радостные или печальные побуждения». Скартаццини.

108. Т. е. на твой вопрос (стих 20), почему тени подвергаются худобе. — «Смерть не есть распадение в ничто, когда парка спрядет весь лен, т. е. перережет нить жизни; напротив, душа освобождается при смерти от тела, унося с собою в зародыше соединение божеского и человеческого (стихи 79-81). В то время, как низшие силы тела немеют и угасают теперь без органа тела, — собственно, ей (душе) свойственные атрибуты, именно, рассудок, воля и память, выступают тем сильнее на первый план, так как без посредства тела могут действовать гораздо совершеннее (стихи 82-84). (Слич: Посл. Пав. I Кор. 13, 12). Когда затем

Уж мы пришли в последний круг мучений
И, повернув направо, занялись
Заботою иной на той ступени.
(Чистилище, Песнь XXV, тер. 109)

103 Вот потому-то вздох нам грудь волнует;
Вот потому мы плачем, говорим,
Как здесь гора повсюду показывает.

106 Смотри, каким желанием горим,
Такой и образ мы приемлем, тени;
И вот ответ сомнениям твоим».

109 Уж мы пришли в последний круг мучений
И, повернув направо, занялись
Заботою иной на той ступени.

Здесь полымем с утеса пышет вниз, 112
С карниза ж ветер дует вверх, склоняя
Огонь назад, чтоб защитить карниз;

Так что мы шли друг другу вслед ступая, 115
Окраиной, и я страшился: там
Попасть в огонь, а здесь — сорваться с края.

— «Тут надлежит», сказал учитель нам, 118
«Держать глаза всегда в узде закона;
Малейший промах здесь ведет к бедам».

душа опадет, согласно приговору суда Божьего (стих 31), на один из берегов, Ахерона или Тибра, и оттуда перенесется опять в одно из определенных для нее мест ада или чистилища, то она занимает, излучая из себя свою собственную творческую силу, окружающий воздух, для того чтобы отпечатлеть на нем свой собственный образ, подобно тому, как она некогда придавала его веществу тела на земле (стихи 85-96). Это и есть тело тени, которое, стало быть, и образует подвижную форму отшедшего из мира духа и представляет орган вновь присоединяющихся к нему свойств души, высших и низших. Потому ему дано каждое чувство, как зрение и слух, и возможность выражать желание, воспоминание, радость и скорбь, сообразно и соразмерно волнующим его душевным силам (стихи 97-108). Этим положением Данте отвечает в конце всего изложения на сделанный в стихе 20 вопрос. Впрочем, читатель уже знает из других мест, что это кажущееся тело не более, как переходное и временное, и что в день Страшного Суда всем душам возвратится их земное тело в просветленном навеки или потемненном виде». Флейдерер.

109. Т. е. в седьмой круг чистилища, где, как сейчас увидим, очищается грех сладострастия.

112-114. В этом кругу очищаются души сладострастных в пламени, исходящем от скалистой стены и занимающем большую часть дороги, окружающей гору. У внешнего края пути остается для путников весьма узкая тропинка, свободная от огня вследствие того, что дующий снизу ветер постоянно отгоняет пламя вверх и внутрь к утесистой стене. Пламя служит естественным выражением плотской похоти и ее мучения. В пламени, как это особенно ясно видно из Чистилища XXVII, 33-42, должно разуместь истинную божественную любовь к высочайшему благу (Чистилища XVII, 97 и примеч.), которая, пробуждаясь в первый раз в душах, преданных ложной любви, мучит их до тех пор, пока они совершенно не освободятся от последней. Дующий снизу вверх ветер или буря служит, может быть, символом именно этой ложной любви, нечистой похоти. Ветер дует от внешнего края окружающей дороги, этот край, как намекается в Чистилища XX, 9, обозначает противоположность божественной скалы, сторону наиболее удаленную от Бога. Согласно этому объяснению, Данте страшится, чтобы ветер — ложное стремление похоти — не снес его с узкой тропы в бездну; но вместе с тем он еще страшится и жара божественной любви. Здесь пламя представляется очищающим, сплоченным, совершенным, а не в виде дождя, от которого бегут в аду души (Ада XIV, 28 и примеч.); здесь же, напротив, они с радостью его выносят. Ноттер. Коппиш.

118-120. «Намек на бдительность, которая необходима для защиты себя от обольщения сладострастием». Филалет. — «Здесь нельзя блуждать глазами по всем направлениям, но должно с одной стороны взирать на огонь, а с другой — на пропасть. Недаром сказал Проперций: *Oculi sunt in amore duces*». Скартаццини.

121-139. Очищающиеся в огне души читают молитву, приводя примеры целомудрия.

121. „*Summae Deus clementiae*“ — начальный стих гимна, поющего во время заутрени. Breiar. Roman., Campod. 1. 1872. I, pag. 849:

Summae parens elementiae,
Mundi regis qui machinam,
Unius et substantiae,
Trinusque personis Deus.
Nostros pius cum canticis
Fletus benigne suscipe,
Ut corde puro sordium
Te perfruamur largius.
Lumbos, jecurque morbidum

121 Summae Deûs clementiae — из лона
Великого пожара грянул хор,
Белевший мне взглянуть во пламя оно.

124 И зрел я в нем ходивших душ собор,
И проходил я узкою полоской,
То под ноги, то к ним бросаю взор.

127 Смолк первый гимн, и Virum non cognosco,
Раздался крик, и снова голоса
Воспели гимн, но в виде отголоска.

И, кончив петь, воскликнули: «В леса 130
Бежит Диана, чтоб изгнать Каллисто,
В чьи помыслы Венерин яд влился».

И в честь супругов, сохранивших чисто 133
Свой брачный долг, как требует закон,
За гимном вслед запели голосисто.

Так, думаю, терзаться осужден 136
Сонм душ, пока палит их пламень рьяный;
Таким лечением в ходу времен,

Закроются в них наконец и раны. 139

Flammis adure congruis,
Accincti ut artus excubent
Luxu remoto pessimo.
Quicumque ut horas noctiuin
Nunc concinendo rumpimus
Ditemur omnes affatim
Donis beatae patriae
Praesta, Pater piissime,
Patrique compar Unice,
Cum Spiritu Paraclito
Regnas per omne saeculam. Amen.

Песнь эта как нельзя лучше идет к состоянию очищающихся здесь.

125. Т. е. узкой тропинкой между пламенем, исходившим от утесистой стены этого карниза и внешним его краем, граничившим с пропастью.

127. „Virum non cognosco“ — Я мужа не знаю — слова Пречистой Девы Марии Архангелу Гавриилу во время Благовещения, Ев. Луки I, 34. — Замечательно, что Данте всегда противопоставляет семи смертным грехам Деву Марию, как тип противоположных этим грехам добродетелей. Гордым она выставляется, как образец смирения (Чистилища X, 44); завистливым — как образец благоволения (XIII, 29); гневным — как образец кротости (XV, 89 и примеч.); недеятельным — как образец заботливости (XVIII, 100 и примеч.); скупым — как образец нищеты и щедрости (XX, 19 и примеч.); чревоугодникам — как образец воздержания (XXII, 142 и примеч.); и наконец, здесь, в кругу сладострастных, — как образец целомудрия. Итак, образ Марии наставляет души вначале, сопутствует им и доводит их до конца очистительного пути к небу. Впрочем, этот тип Богородицы не придуман Данте, он заимствован целиком из св. Бонавентуры (Speculum Beatae Virginis): Ipsa est Maria, quae et omni vitio caruit, et omni virtute claruit. Ipsa, inquam, est Maria, quae a septem vitiis capitalibus fuit immunissima. Maria enim contra superbiam fuit profundissima per humilitatem, contra invidiam affectuosissima per charitatem, contra iram mansuetissima per lenitatem, contra accidiam indefessissima per sedulitatem. Maria contra avaritiam tenuissima per paupertatem; Maria contra gulam temperatissima per sobrietatem: Maria contra luxuriam castissima per virginitatem fuie Haec omnia ex illis scripturis intelligere possumus, in quibus nomen Mariae expressum invenimus. Вот что говорит между прочим этот doctor seraphicus о первом и последнем смертном грехе, что имеет прямое отношение к Данте: Maria profundissima fuit per humilitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur in Luca: Ecce ancilla Domini. — Maria castissima fuit per virginitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur: Dixit autem Maria ad Angelum: Virum non cognosco. Скартаццини.

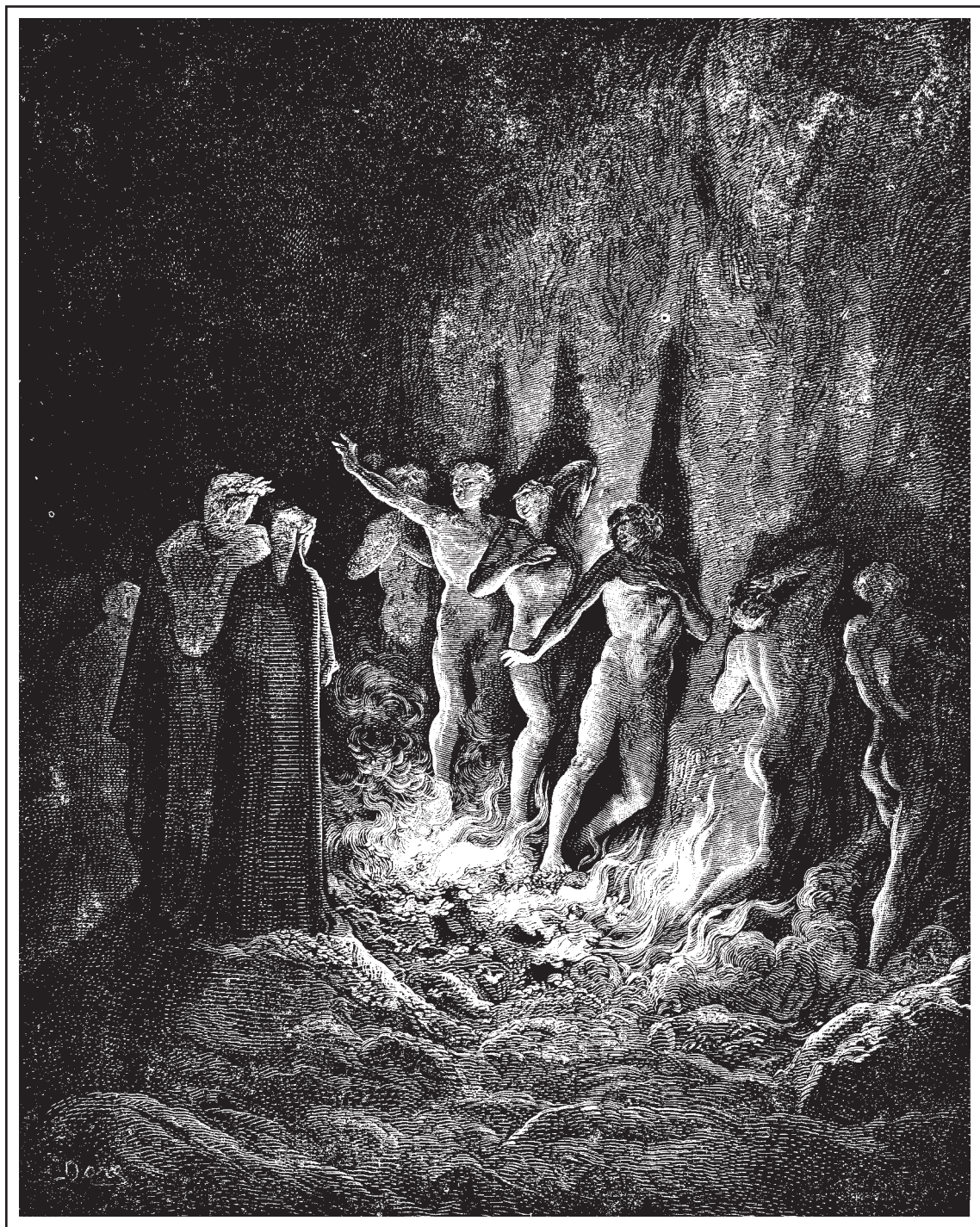
127-129. Т. е. лишь кончили петь „Summae Deus clementiae“, как раздался возглас: „Virum non cognosco“, и затем души опять запели потихоньку первый гимн.

130-132. Пример целомудрия из мифологии. Диана, богиня целомудрия, изгоняет из своего сообщества обольщенную Юпитером нимфу Каллисто, превращенную Юноной в медведицу. Юпитер поместил ее на небе в виде созвездия Большой Медведицы после того, как сын этой нимфы Аркас умертвил ее стрелой (Овидия, Превращ. 1 песнь, ст. 453-465).

138-139. «Таким лечением», т. е. пением гимна и возгласами среди пылающего огня. «Раны» — намек на семь Р, начертанных на челе Данте ангелом при вратах чистилища.

*„Summae Deûs clementiae“ — из лона
Великого пожара грянул хор,
Велевший мне взглянуть во пламя оно.
(Чистилище, Песнь XXV, тер. 121)*

*И зрел я в нем ходивших душ собор,
И проходил я узкою полоской,
То под ноги, то к ним бросая взор.
(Чистилище, Песнь XXV, тер. 124)*

Седьмой круг: сладострастные и содомиты. — Примеры сладострастия. — Гвидо Гвиничелли. — Арнольдо Данелло.

<p>1 Пока мы шли так друг за другом краем,
Мой добрый вождь мне повторял не раз:
— «Смотри, не будь мной тщетно предваряем».</p>	<p>И многие, насколько можно было, 13
К нам подошли с условием лишь одним —
Не стать туда, где пламя не палило.</p>
<p>4 Мой правый бок палило солнце в час,
Когда весь запад, залит ярким светом,
Из голубого белым стал для глаз.</p>	<p>«О, ты, что сзади двух, по долгу к ним, 16
А не по лени, пролагаешь тропу,
Ответствуй мне, мы жаждем и горим!</p>
<p>7 И падала на пламень темным цветом
Тень от меня, — на диво там всему
Собранью душ, ходивших в пекле этом.</p>	<p>Не только мне, но и всему здесь скопу, 19
Ответ твой жажду утолит полней,
Чем свежий ключ в пустынях Эфиопу.</p>
<p>10 И признак сей был поводом к тому,
Что обо мне там все заговорило:
— «Не призрак тот, кто так бросает тьму!»</p>	<p>Скажи: что значит, что ты свет лучей 22
Загородил собой, как бы ни разу
Еще не зрел злой смерти ты сетей?»</p>

3. Вергилий повторяет наставление, данное своему ученику в предшествующей песне, стих 118 и следующие.

4-6. Время клонится к вечеру, теперь около 5 час. пополудни; следовательно, поэты употребили около трех часов на восхождение по лестнице между шестым и седьмым карнизами. Так как заходящее солнце светит им справа, то значит, что теперь они идут прямо на юг и, стало быть, они прошли в третьем, четвертом и пятом карнизах четвертую часть окружности горы, так как при восхождении из второго карниза они направились прямо на запад (Чистилища XV, 8).

6. «Из голубого белым стал». «Естественный цвет безоблачного неба голубой; от лучей солнца цвет этот становится ослепительно белым». Ландино и др.

7-8. Тени, ходящие в огне, подобно тем, которые встречались в других кругах, узнают в Данте живого человека по падающей от него не на землю тени, а на огонь, который становится при этом более темным, вернее — более пламенным, красным — явление, метко подмеченное поэтом в природе. Освещенное солнцем пламя представляется бледным, тогда как в темноте оно яркое, и притом чем темнее, тем оно становится более ярким. Явление это не только световое, как результат ослабления силы света, но вместе с тем оно есть следствие действительно уменьшенной интенсивности процесса горения при солнечном свете. Мак-Кивер (Annals of philosophy. New Ser. Vol. X. 344) открыл, что восковые свечи совершенно равного веса, зажженные в одно и то же время, на солнечном свете сгорают медленнее, чем в темноте, а всего быстрее — в совершенной темноте: этим несомненно доказывается уменьшение интенсивности горения при свете и в особенности при солнечном. Филалет.

13-15. Т. е. насколько они могли приблизиться с тем, чтобы не выходить из очищающего их пламени. Муки в чистилище, как не раз было говорено, не только не страшны, но даже переносятся душами с наслаждением и любовью. Слич: Чистилища XI, 13 и следующие; XII, 1-2; XIV, 124-125; XVI, 142; XVIII, 115, XIX, 139; XXI, 66; XXIV, 91; XXIII, 72 и 86.

16-17. «Двух», т. е. Вергилия и Стадия. В этом круге уже нет места для лени, потому что по мере восхождения Данте на гору и по мере того, как с чела его исчезают знаки Р, он становится все легче и легче; здесь же, в последнем круге, он делается особенно легким на ходу. Следовательно, заключают души, он отстает от своих товарищей не по лености или усталости, но единственно по долгу уважения к ним.

18. В подлиннике: in sete ed in foco ardo, т. е. я горю от жажды и огня. Смысл: я горю в огне, в котором очищаюсь, и от жажды желания узнать, кто ты такой.

25. «Один из них», т. е. Гвидо Гвиничелли, как увидим ниже (стих 92).

28. Очищающиеся здесь сладострастные разделены на два строя, идущие в противоположном друг другу направлении подобно душам в аду (XVIII, 26-27), идущим тоже двумя строями.

25 Так мне сказал один из них, и сразу
Я б все открыл, не увлеки меня
В то время то, что тут явилось глазу.

28 Шел посреди плававшего огня
Навстречу к этим сонм, подъявля пени,
И я стоял, к идущим взор склоня.

31 И видел я, как с двух сторон все тени
Сошлись, и как лобзались их семьи,
И разошлись от кратких наслаждений.

34 Так рыльцем к рыльцу, встретясь, муравьи
В ватаге черной сходятся средь луга,
Как бы справляясь про дела свои.

37 И расходясь из братского их круга,
Пред тем, как в путь пошел пришедший сонм.
Перекрычать все силились друг друга —

40 Пришедшие: «Гоморра и Содом!»
А эти: «В телку входит Пазифая,
Чтоб насладиться похотью с быком!»

43 Как журавли летят: одна их стая
К пескам, другая — в край Рифейских гор.
То холода, то солнца избегая, —

Так приходил и уходил здесь хор, 46
Подъявля с плачем те же восклицанья
И ту же песнь, что пели до сих пор.

И подошли ко мне из их собранья 49
Те, коими вопрос мне первый дан,
И полон был их образ ожиданья.

Я, видевший уж дважды скорбь их ран, 52
— «О, души», начал, «вам же обеспечен
Когда-нибудь вход в царство мирных стран,

Не бросил я, незрел, иль долговечен. 55
Там членов тела, но несу с собой
И кровь, и плоть, судьбой моей отмечен.

Иду ж я вверх, да прозрит взор слепой! 58
Жена есть там: ее благоволеньем
Вношу в ваш мир я смертный груз плотской.

Но да свершится быстрым исполненьем 61
Цель ваших дум — в том крае обитать,
Где мир любви, где круг быстрее вращеньем!

Имен своих, чтоб мог я их вписать, 64
Не скройте мне, и почему уходит,
Поведайте, тот сонм за вами вспять?»

32. Пьетро ди Данте объясняет значение этих поцелуев так: „Dicendo quomodo in conjunctionem osculantur se, ut denotet osculum peccatum in eis fuisse in libidine“. Это одно из многочисленных объяснений комментаторами символического значения этого поцелуя. Подробнее см. Скартаццини.

34-36. Одно из удивительных сравнений, доказывающих замечательную способность подмечать малейшие подробности нравов и жизни животных: „Vera poi nella similitudine ogni circostanza: la fretta, l'incontrarsi muso a muso, la brevità dell'atto, e il continuar senza sosta“. Вентури, Similitudini, p. 275.

40-42. Города в Палестине, сожженные огнем небесным за противоестественные пороки их жителей. О Пазифае см. примечание Ада XII, 12. Два сонма теней выставляют друг другу на вид, как поношение, эти примеры позорного невоздержания (стих 47 и 79).

44. «К пескам», именно Ливийским, в жаркий климат. Рифейские горы (τὰ Ῥιταῖα ὄρη), горы, помещавшиеся древними греками где-то далеко на севере, вечно покрыты снегом, может быть, Уральские горы.

48. «Ту же песнь» — Summae Deus clementiae (Чистилища XXV, 121).

52. Т. е. я, видевший уже два раза их сильное желание узнать обо мне (стихи 12 и 16).

52-57. Т. е. я еще не умер ни в молодых годах, ни в старости. «Там», т. е. на земле. «Судьбой моей отмечен», т. е. нахожусь под особым покровительством неба.

58. «Стих этот имеет величайшую важность для ясного уразумения основной идеи Божественной Комедии. По засвидетельствованию самого поэта, цель его странствования в странах вечности заключается в том, чтобы излечиться от своих заблуждений. Цель же его странствования и цель его поэмы одна и та же. Итак, цель поэмы не только политическая, ни чисто поэтическая, но глубоко нравственная и религиозная». Скартаццини.

59. По мнению одних, Беатриче; по мнению других — Дева Мария.

62-63. Т. е. в высочайшем круге неба — эмпирее, имеющем наибольшую быстроту движения.

67 С каким тупым смущеньем взором бродит
Тот житель гор, который, груб и дик,
Весь онемев, впервые в город входит, —

70 Таким у всех теней смутился лик,
Когда ж замолк в них ужас изумленья
(С высоких душ оно падает вмиг), —

73 — «Блажен, о ты, кто, к нам вступив в владенья»,
Вновь начал тот, что первый говорил,
— «Чтоб лучше жить, здесь копишь
наблюденья!

76 Народ, нейдущий с нами, согрешил
На том, за что в триумфе Цезарь хором
Насмешников Царицей назван был.

Он прочь пошел, крича Содом с Гоморром, 79
Как слышал ты, и тем себя винит
И множит жар огня своим позором.

Был собственный наш грех — гермофродит! 82
Законов человеческих чуждаясь,
По-скотски жили мы, забывши стыд.

Зато народ сей, с нами расставаясь, 85
В безчестье нам, кричит нам имя той,
Что осквернилась, под скотом
скрываясь.

Так вот кто мы! Вот в чем наш грех плотской! 88
Коль хочешь все узнать не мимолетно, —
Нет времени для повести такой.

64. Разумеется: вписать в страницы моей поэмы, чтобы передать потомству.

74. Т. е. Гвидо Гвиничелли.

76-78. Юлий Цезарь в юности в своих сношениях с царем вифинским Никомедом так опозорил свою славу, что получил в насмешку название царицы; вследствие этого во время триумфального шествия Цезаря в Рим после завоевания Галлии (Светоний, *Vie Jul. Caes.* с. 49) солдаты его между другими песнями пели следующее:

*Gallias Caesar sulegit, Nicomedes Caesarem:
Ecce Caesar nunc triumphat, qui subegit Gallias:
Nicomedes non triumphat, qui subegit Caesarem.*

Отсюда следует заключить, что в этом сонме очищаются души преданных противоестественному пороку.

81. Т. е. их самообвинение усиливает жар огня, служащего к их очищению.

82-84. «Грех — гермафродит», *peccato fu ermafrodito*. Гермафродит — сын Меркурия (Гермеса) и Венеры (Афродиты): *nomen quoque traxit ab illis*; с чертами отца он соединял грацию и красоту матери. Он слился в одно тело с нимфой Салмакидой. Эта терцина подала повод к толкованиям, особенно со стороны старинных комментаторов. Сделав оценку большей части этих мнений, Скартаццини приводит к следующему выводу: „Il Poeta parla qui di semplici lussuriosi, e le sue parole bisogna intenderle: Que' che non vengon con noi peccarono maschio con maschio; noi peccammo maschio con femina; ma perchè non ci tenemmo entro i limiti della ragione e dell' ordine, perchè seguimmo l'appetito come fanno le bestie, perciò gridiamo a nostra vergogna il nome di Pasifae“. В подтверждение этого мнения, Скартаццини приводит слова Аквината касательно этого греха, тем более здесь важные, что Данте постоянно следует Аквинату. „Peccatum luxuriae consistit in hoc quod aliquis non secundum rectam rationem delectatione venerea utitur. Quod quidem contingit duppliciter: uno modo secundum materiam in qua hujusmodi delectationem quaerit; alio modo secundum quod materia debita existente, non observantur aliae debitaе conditiones“. Sum. Theol., р. II, 2-ae, qu. CLIV, art. 1. В том же параграфе Фома Акв. различает шесть видов сладострастия: *fornicatio simplex, adulterium, incestus, stuprum, raptus et vitium contra naturam*. Последний грех той толпы, которая кричит, уходя: «Содом и Гоморра!» Другая толпа согрешила в одном из остальных пяти видов греха. Что же касается до греха скотоложства, то, очевидно, Данте и не упоминает о нем, основываясь на словах Аквината. „Bestialitas a Sanctis ponitur extra numerum peccatorum, quasi gravius eis; tamen si ad aliquid de septem capitalibus reduci debeat, poterit ad superbiam reduci, secundum definitionem Augustini“. Ibid., art. 11. Что же касается басни о Пазифае, то, очевидно, Данте смотрел на нее, как на аллегория, точно так, как смотрел на нее Сервий (*ad Virg. Aen., lib. VI, v. 24*), т. е. как на символ неумеренного, возводящего на степень животного, стремления человека к удовлетворению плотской своей страсти.

83. «Законов человеческих». См. предыдущее примечание. „Usus venereorum potest esse absque peccato, si fiat debito modo et ordine, secundum quod est conveniens ad finem generationis humanae“. Фома Акв.,

<p>91 «Что до меня, — откроюсь я охотно;
Я Гвиничелли, очищаюсь здесь,
Заране там покаившись несчетно».</p>	<p>Взор наконец виденьем усладивши, 103
Я отдался к его услугам весь,
Приветствием его к себе склонивши.</p>
<p>94 Отдался чувству сыновей я весь,
Узревших мать в тот час, как приключилась
Ликурга скорбь (сравнюсь ли с ними днесь?),</p>	<p>И он: «Все то, что ныне слышу здесь, 106
Кладет в меня столь сильный след, что Лета
Не смоем, все смывавшая поднесь.</p>
<p>97 Когда того мне имя вдруг открылось,
Отец кто мне, и тем, кто лучше нас,
В ком петь любовь искусство возродилось.</p>	<p>Но коль не ложь — речь твоего привета, 109
Скажи мне: что причиной, что в твоих
Словах и взорах дышит страсть к нам эта?»</p>
<p>100 Глухой, безмолвный, в думу погружаясь,
Я долго шел, в него глаза вперивши,
Но подойти не смел, огня страшась.</p>	<p>И я: «Звук сладких ваших слов живых! 112
Покуда длится говор человечесий, —
Нам не забыть чернил, писавших их!»</p>

р. II, 2-ae, qu. CLII, art. 2. — Каннегиссер очень верно объясняет этот стих: «Menschliches Gesetz, entgegengesetzt dem natürllichen».

84. «По-скотски». — «Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают». Псалом XLVIII, 21.

90. «Нет времени» или потому, что наступает вечер, или, что вернее, потому, что число этих грешников так велико, что мне не достало бы времени всех их перечислить — обстоятельство, которое опять говорит в пользу вышеприведенного (примечание к стиху 82) объяснения очищающегося здесь греха. Бенвенуто Рамбалди.

92. Гвидо Гвиничелли из Болоньи, один из лучших ранних итальянских поэтов, предшественник Данте, который отзывался о нем с большой похвалой, называя его *nobile* (*Convivio*, tr. IV, c. 20) и *massimo* (*Vulg. eloq. lib. I*, c. 15). Он процветал около 1250 г. (†1276), был ярым гибеллин, а по профессии юрист (Сличим примечание к Чистилища XI, 98). — Кардуччи говорит о нем (*Studi letterari*, p. 35): «Nella canzone del Guinicelli la fredda affettazione dei secoli cede luogo all' imaginoso sentimento lirico, la dovizia misera del ritmo provenzale all' ondeggiamento armonioso e solenne della stanza italica, le forme convenute agl' intelletti della scienza». — Особенно прославилась его канцона, начинающаяся словами: — „Al cor gentil ripara sempre Amore“.

94-96. Смысл — радость моя при виде Гвиничелли была так же велика, как радость Тоанта и Эвнея при виде найденной ими матери Изифиллы в ту минуту, когда ей угрожала смерть за то, что она не сберегла от змеи сына немецкого царя Ликурга (Сличим: Чистилища XXII, 109-114 прим.). Данте имеет здесь в виду стихи Стация, *Theb.*, lib. V, v. 721 и следующее:

Per tela manusque
Irruerunt, matremque avidis complexibus ambo
Diripiunt flentes, alternaque pectora mutant.

96. «Сравнюсь ли с ними днесь?», ибо я не мог броситься к нему в объятия, как сделали дети Изифиллы, так как этому препятствовало пламя, в котором находился Гвиничелли. Замечательно, что то же самое делает Данте при встрече со своим учителем Брунетто Латини (Ада XV, 43 и след.), и с тремя флорентинцами (Ада XVI, 46 и след.) в седьмом кругу ада.

98. «Данте, вероятно, потому называет Гвиничелли своим отцом в искусстве стихотворства, что он (Гвиничелли), как кажется, был чуть ли не первым из тех поэтов, которые воспевали не только любовь, но и философские предметы под видом любви, как впоследствии это делал сам Данте. По крайней мере, приведенная у Кресчимбени канцона („Al cor gentil ripara sempre Amore“) написана именно в этом роде; она даже имеет до того разительное сходство с последней, комментируемой в *Convivio*, канцонной Данте („Le dolci rime d'Amor ch'io solia“), что некоторые, напр. Фавсто да Лангиано, пришли к убеждению, что *Convivio* написал не Данте, а Гвиничелли». Филалет. — Знаменитый стих Данте: „Amor, che al cor gentil ratto s'apprende“ (Ада V, 100), заимствован у Гвиничелли, который еще до Данте пел: „Foco d'Amore in gentil cor s'apprende“.

115 И он: «Тот дух, что ждет с тобою встречи»
(И указал мне), «лучше на земле
Ковал язык свой, мать родной нам речи.

118 Как в прозе фабул, так в стихах любви
Он выше всех, и свет пусть крик подымлет
Лиможцу в честь, — ты крику не внемли!

121 Под шум молвы суд правды в свете дремлет
И, ложное составив мнение, он
Ни разуму, ни вкусу уж не внемлет.

Так некогда прославился Гвиттон, 124
Из рода в род хвалим молвой беспечной,
Пока над ним суд не был изречен.

Но если так взнесен ты бесконечно, 127
Что путь открыт в обитель, в те места,
Где сам Христос — аббат над братьей вечной, —

То „Отче наш“ прочти ты у Христа! 130
Насколько здесь, где кончилась ошибка
Греха, для нас нужна молитва та».

112. «Ваших» — из чувства уважения, Данте обращается к Гвиничелли, как и к учителю своему Брунетто Латини в аду, а также к предку своему Каччя Гвиди в раю на «вы», «ваши».

115-120. Упоминаемые здесь два провансальских поэта, без сомнения, Арнольд Даниель из Перигора и Герольд де Борнейль из Лиможа, которых Данте очень часто цитирует в своей *de Vulgari Eloquentia*. Из числа трех предметов, которые он считает преимущественно перед другими достойными быть воспеваемыми народным языком, именно оружие, любовь и прямоту, первое, говорит он, воспевал Бертрам де Борн, вторую — Арнольд и третье — Герольд. Арнольд из Перигора жил в конце XII века (†1189), занимался вначале науками, затем бросил это поприще, чтобы воспевать в стихах одну прекрасную даму. Позднее он пел в честь многих других дам, почему Данте, может быть, и поместил его в этот круг, так как его любовные похождения едва ли всегда были чисто платоническими. Отличительная черта его стихотворений — необыкновенная искусственность в построении слов, образов и особенно рифм. «Секстина», по-видимому, его изобретение. По мнению некоторых, он был также автором романа *Lancelot du lac*. Напротив, Герольд (Лиможец) чуждался брака и любви; зиму он посвящал наукам, летом — обходил дворы с двумя музыкантами, как трубадур, но не брал ничего в свою пользу, раздавая бедным все, что ни получал в награду за пение. В свое время он пользовался великой славой и был назван главою трубадуров (†1278). Почему Данте ставит Арнольда выше «Лиможца» — вопрос этот теперь трудно решить при нашем малом знакомстве с сочинениями обоих этих поэтов. Сисмонди, в своей *Litterature du Midi*, не особенно хвалит Арнольда, как поэта, также Ренуар, величайший знаток провансальской литературы, ставит ему в упрек темноту и изысканность. Напротив, в свое время он был весьма прославляем, и Петрарка сказал о нем:

Fra tutti il primo Arnolfo Daniello,
Gran maestro d'amor; ch' alla sua terra
Ancer fa onor col suo dir nuovo e bello.
(Trionfo d'Amore IV, 40-42).

Отзывы о Герольде также не очень высоки. Монах Монтанда говорит, что стихи его жидки, плаксивы и напоминают крики утки, которая трещит на солнце (Кресчимбени, выпуск II, 1710, с. 22-22, 106-107). Филалет, К. Витте, Скартаццини.

116-117. Т. е. писал стихи на провансальском языке лучше, чем на родном итальянском. «Язык, мать родной нам речи»: *del parlar materno*. „Forse intese Dante che la lingua provenzale d'allora e l'italiana fossero una“. Баджиоли.

118. В подлиннике: *Versi d'amore e prose di romanzi*. Слово «проза» здесь надобно понимать так, как оно понималось Данте. По определению *Glossarium del Du Fresne*: „Prosa, latinis scriptoribus, oratio pedestris, recta, quae versificatae opponitur“; также и Данте *poeti* противопоставляет *prosaici dicitori* (Vit Nuov. § 25); Бланк (*Vocab. Dante*. p. 404) говорит: „les troubadours appelaient prose leurs compositions qui n'étaient pas divisées en stances, mais écrites en tirades monorimes et qui consistaient en recits épiques“. Диец (*Poësie der Troubadours*, с. 208) полагает, что Данте разумеет под именем прозы низкий поэтический стиль, а под словом „versi“ — высокий стиль, стихотворный. Для решения этого вопроса необходимо было бы знать, как написаны два романа Арнольда Даниеля — стихами или прозой. Торквато Татто (*Discorso sopra il parere di Francesco Patricio*, Vol III, p. 167) замечает, что романы на языках

133 Чтoб мeстo дaть тoй тeни, чтo тaк шибкo
Стрeмилась к нaм, oн тут иcчeз в oгнe,
Кaк в лoнe вoд кo дну уxoдит рьбкa.

136 Я, пoдoшeд к уkaзaннoму мнe,
Скaзaл, чтo я в мoeм душeвнoм мирe
Пoчeт eму гoтoвлю в тишинe.

139 И слaдoстнo зaпeл oн, кaк нa лирe:
„Tan m'abellis vostre cortes deman,
Qu'ieu no-m puesc, ni-m vueil a vos cobrire:

Je sui Arnaut, que plor et vai cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jauzen la ioi qu'esper, denan.

Ara vos prec per aquella valor,
Que vos guida al som de l'escalina
Sovenha vos a temps de ma dolor“.

Тут пoглoтилa тeнь oгня пучинa.

142

145

148

провансальском или кастильянском всегда писались не в стихах, но в прозе. Но из трех дошедших до нас провансальских романов — „Girart de Roussillon“, „Jaufre“ и „Philomena“ — два первых написаны в стихах, а последний — в прозе.

121. „Anche gdi altri dicono cosi, è la perpetua scusa degli stolti“. Бенвенуто Рамбалди, — Plures enim magnum saepe nomen falsis vulgi opinionibus abstulerunt. Боэций. Cons, phil., lib III, pg. 6.

124. Гвиттон из Арещо, Слич: Чистилища XI, 98 примечание.

124. Слово «аббат» имело в древнем языке весьма высокое значение и означало отец или вождь; так Гуго Капет титуловался аббатом Парижа.

130-132. Очищающиеся в чистилище более уже не грешат (Чистилища XI, 22-24 примечание), потому прочти за нас молитву Господню лишь до слов: «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», так как такое прошение для нас уже излишне.

133-134. «Так как эти спутники идут в одном направлении с Данте и его спутниками, то Гвидо должен был уступить свое место Арнольду, шедшему тотчас перед ним; так что Гвидо стал вторым в ряду душ». Филалет.

140-147. «Так нравится мне милый ваш вопрос,/Что грудь мою я вам открою шире./Я тот Арно, что здесь пою от слез/О прошлой пошлости при мысли горькой,/И жду, чтоб Суд мне вечный мир принес./И я молю вас силой той высокой,/Что вас ведет на верх горы, о нас/Помните в судьбе такой жестокой».

140-147. Эти терцины в подлиннике написаны на провансальском языке. Филалет перевел их старинным немецким языком Нибелунгов (и тем же размером), Бланк — просто древненемецким языком. Я хотя и перевел эти терцины на русский язык, но вместе с тем оставил и провансальский подлинник, соединив его, как и у Данте, посредством рифм с цепью предшествовавших терцин. Надобно заметить, что эти провансальские терцины очень испорчены в списках, так что существует около 8 различных редакций этих стихов.

ПЕСНЬ XXVII

*Седьмой круг. — Сладострастные. — Ангел Чистоты. — Переход через пламя. —
Подъем в земной рай. — Последние слова Вергилия.*

<p>1 Как к час, когда луч первый солнце мещет
Туда, где кровь Творца его лилась
(Меж тем как знак Весов над Эбро блещет,</p> <p>4 Над Гангом же горит девятый час), —
Так солнце здесь стояло, день кончая,
Когда Господень Ангел встретил нас.</p> <p>7 Вне пламени, он, возвышаясь с края,
Пропел: „Beati mundo corde“ нам,
Как не звучит на свете песнь живая.</p> <p>10 Потом: «Проникнуть можно к тем местам
Не иначе, как сквозь огонь: войди же,
О, род святой, чтоб внять поющим там!»</p> | <p>Так он сказал, лишь подошли мы ближе; 13
И, слыша то, я обмер, как злодей,
Кого спускают в ров все ниже, ниже.</p> <p>И вспомнил я, глядя на пламень сей, 16
Всем телом вытянут, простерши руки,
Казнь виданных мною на костре людей.</p> <p>И подошли вожди ко мне, и звуки 19
Я слышал слов Вергилия: «Мой сын,
Здесь смерти нет, но могут быть лишь муки!</p> <p>О! Вспомни, вспомни... Если я один 22
Тебя сберег, подъятый Герционом,
То здесь, близ Бога, кину ль без причин?»</p> |
|--|---|

1-4. «Данте определяет здесь время дня на четырех различных точках земного шара: в Иерусалиме (где Богочеловек пролил кровь Свою) был час восхождения солнца; на реке Ганге — полдень (нона есть церковный термин, обозначающий полдень: отсюда английское слово noon); на горе Чистилища — вечер; на реке Эбро (в Испании) — полночь, ибо знак Весов, в котором теперь находится солнце, стоит диаметрально противоположно знаку Овна. Отсюда видно, что Данте, как уже было сказано в примечаниях Чистилища II, 1-3, представлял себе Ганг и Испанию (Эбро), отстоящими от Иерусалима к востоку и западу равно на 90°. Слич: Рая IX, 86. Теперь вообще около шести часов вечера 29 марта, или 9, или 12 апреля 1300 года; поэты провели в этом круге около часа». Филалет. — «Солнце теперь восходит в том месте, где Христос искупил мир Своею кровию, и в тот самый миг, когда странники должны вступить в огонь пламенной любви, которым Он крестит, по слову евангелиста Луки III, 16: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Копиш.

6. «Господень Ангел». В других кругах один, здесь два ангела, один по ту, другой по эту сторону пламени. Первый ангел — ангел целомудрия, второй, по-видимому, — страж врат в земном раю. — „In principio noctis quando ut plurimum committitur et incalescit vitium et crimen luxuriosi ignis, fingit se mitti et duci ab Angelo, id est ab iudicio conscientiae, et a Virgilio, id est ab iudicio rationis, eodem tempore in flammam et incendium conscientiae et reprehensionis tabs vitii“. Пьетро ди Данте.

7. «С края» (in su la riva), т. е. в конце дороги, по которой идут друг за другом поэты.

8. „Beati mundo corde“ — «блаженны чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Матф. V, 8. Без совершенной чистоты невозможно приблизиться к Богу. „Quemadmodum lumen hoc videri non potest nisi oculis mundis, ita nec Deus videtur, nisi sit mundum cor quo videri potest“. Блаж. Августин. De Serin. Dom. — Итак, стих этого евангельского блаженства приведен здесь весьма уместно при выходе из последнего круга и вместе с тем при выходе из всего чистилища.

9. Слич: Чистилища XIX, 45.

11. Смысл, — последнее *P* (reccatum) уничтожается не иначе, как огнем Божественного правосудия.

14-15. Намек на жестокую казнь, которой в Средние века подвергались убийцы, зарывавшиеся живыми, головою вниз, в яме, что называлось *proagginare* (Ада XIX, 49-51 примечание).

17. «Этот стих в высшей степени пластично изображает наклонение вперед верхней части тела с вытянутыми вперед сложенными руками, — движение отчаяния и вместе с тем отклоняющей просьбы». Штрекфусс.

18. Следовательно, Данте присутствовал при исполнении правосудия над преступниками, осужденными на огненную смерть на костре. Это страшное зрелище рисуется теперь в его воображении.

19. Т. е. Вергилий и Стаций.

- 25 И верь ты мне, что если б, скрытый лоном
Сего огня, в нем пробыл сто веков, —
И волоска ты б не утратил в оном.
- 28 И чтоб за ложь не счел моих ты слов,
Приблизься сам и, взяв конец одежды,
Вложи в огонь смелей: он не суров.
- 31 Так брось же, брось боязнь и, полн надежды,
Вернись ко мне и — смело в огонь за мной». —
Но я стоял упорнее невежды.
- 34 И, видя, что я твердой стал скалой,
Слегка смутясь, сказал он: «От царицы
Ты отделен, мой сын, лишь сей стеной!»

- Как, слыша имя Фисбе, вдруг зеницы 37
Открыл Пирам в миг смерти и взглянул, —
И алым стал цвет ягод шелковицы,
- Так дух во мне вождь мудрый пошатнул 40
Тем именем, что каждый раз так звонко
Звучит душе, будя в ней страсти гул.
- И, покачав челом, с усмешкой тонкой: 43
— «Что ж, остаемся здесь?» спросил, меня
Дразня, как манят яблоком ребенка.
- Тут предо мной вошел он в пыл огня, 46
И Стация, что шел меж нас вначале,
Просил идти вослед мне, тыл храня.

21. Огонь чистилища горит, но не истребляет. Наказание и здесь соответствует свойству греха. Огонь седьмого круга есть символ огня плотского, который здесь очищается. «Dum carnalis vita corrigitur, et usque ad abstinentiae atque orationis studium a perficientibus perveniretur, quasi jam in altari caro incenditur: ut inde omnipotentis Dei sacrificium redoleat, unde prius culpa displicebat». Св. Григорий. Mor. lib. XXVII, с. 3.

23. Ада XVII, 91 и след.

27. «И волос с головы вашей не пропадет». Луки XXI, 18; Матф. X, 30; Деяния Апост. XXVII, 34.

34. В подлиннике: *fermo e duro*. „Ille qui in suo sensu perseverat rigidus et durus per similitudinem vocatur“. Фома Акв. Sum Theol., р. III, Suppl. qu I, art. 1.

35-36. В подлиннике: *Or vedi, figlio! Tra Beatrice e te è questo muro*. «От царицы», т. е. от Беатриче. «Здесь личная цель, поэтически-аллегорическая основа всей Божественной Комедии, напоминает нам в прекрасно-поэтическом образе Беатриче». Флейдерер. Смысл: одно только препятствие отделяет тебя от твоей царицы Беатриче, которая явится тебе в земном раю. При имени Беатриче поэт тотчас же решает преодолеть опасность страшного пути. Слич: Чистилища VI, 49 и след.

37-39. Овидий, Превращ., кн. IV, ст. 138-146. Пирам и Фисбея из Вавилона тайно от своих родителей любили друг друга и нередко переговаривались между собою сквозь щель в стене, разделявшей два смежных дома их родителей. Раз они назначили свидание за городом, у гробницы Нина, Фисбея пришла первая, но, испуганная львицей, бежала от нее, оставив головное покрывало. Вскоре затем явился Пирам и, видя львицу с окровавленным в пасти покрывалом своей возлюбленной и полагая, что львица растерзала Фисбею, в отчаянии кинулся на свой меч. Вслед за этим возвратилась Фисбея на назначенное место и нашла умирающего своего друга; на звук ее голоса последний открыл глаза, чтобы закрыть их затем навеки.

Имя Тизбы внемля, глаза уже тяжкие смертью
Поднял Пирам.

Перевод Фета.

Не желая пережить Пирама, Фисбея умертвила себя подле своего любовника его же мечом. От брызнувшей при этом крови на куст шелковицы, под которым это происшествие случилось, переменился, от сострадания, белый цвет ягод на алый (у Овидия в черный, атер). — «Сравнение выбрано здесь весьма глубоко-мысленно, так как дело идет о решении при выборе между вечной жизнью и вечной смертью». Ноттер. 43. «Покачивание головою, как замечено в примечании Чистилища I, 42, означает в Италии и неудовольствие, и вопрос». Ноттер. — «Вергилий качает головой потому, что он побуждает своего ученика лишь наградой сделать то, чего потребует разум; ибо он похож на ребенка, упрямство которого побеждают обещанием дать ему яблоко». Штрекфусс. — «Что ж, остаемся здесь?», в подлиннике: *Come! Volemcì star di qua?* — выражение ироническое, подобное тому, как говорят с детьми.

47. Вначале впереди шел Вергилий, за ним Стаций и наконец Данте; теперь Данте идет за Вергилием, а за Данте Стаций. В земном раю Данте идет впереди обоих поэтов.

<p>49 Вхожу. Но, ах! В клокочущем металле
Или стекле прохладней было б мне,
Чем в пекле том, плававшем в страшном шквале.</p> <p>52 Чтоб ободрит мне сердце в том огне,
Он говорил о Беатриче с жаром:
— «Уж взор ее мне виден в вышине!»</p> <p>55 И чей-то глас, нам певший за пожаром,
Нас вел в пути, и, внемля песне сей,
Туда, где всход, мы шли в огне том яром.</p> <p>58 „Venite benedicti patris mei“, —
Звучало нам во свете столь блестящем,
Что я, смущен, не смел возвесть очей.</p> | <p>— «Уж сходит ночь за солнцем заходящим», 61
Он продолжал: «Вперед! Ускорьте шаг,
Пока нет мглы на западе горящем».</p> <p>Так прямо путь вел вверх нас чрез овраг, 64
Что пред собой последний отблеск света
Я рассекал, бросая тени мрак.</p> <p>Ступени три прошли мы, как и эта 67
Исчезла тень; о погруженном в сон
Светиле дня узнали два поэта.</p> <p>И прежде чем безмерный небосклон 70
Угас совсем, повсюду мрак умножа,
И развернулся всюду ночи фон, —</p> |
|--|---|

54. „Gli occhi di Beatrice sono le ragioni sottilissime et efficacissime e l'intelletti sottilissimi, che hanno avuto li Teologi in considerare e contemplare Iddio et insegnare a considerarlo e contemplarlo“. Бути.

55. «Не видя пути в огне, поэты идут на звук голоса. Это голос ангела, стоящего с другой стороны пожара. Во всех кругах странники встречали лишь одного ангела; здесь же два ангела; первый из них — ангел целомудрия; этот второй, как мы уже сказали, как бы страж земного рая, представляющий тех стражей с пламенными мечами, которых поставил Господь в охрану сада Эдема. Во всех других кругах ангел всегда уничтожал одно из *P* на челе поэта; в этом круге Данте не говорит, чтобы кто-нибудь снял с него последнее *P*, без сомнения, намекая на то, что последнее *P*, обозначающее peccatum luxuriae, уничтожило у него на челе само пламя, через которое они проходят. «Et nota auctorem in hoc vitio fuisse multum implicitum, ut nunc ostendit, de incendio quod habuit in dicta flamma in reminiscencia conscientiae». Пьетро ди Данте.

57. Т. е. до лестницы, высеченной в скале и ведущей на самый верх горы — в земной рай.

58. «Придите, благословенные Отца Моего», слова Спасителя, которые он говорит праведным в день Страшного Суда. Матф. XXV, 34. — Слова эти здесь говорит ангел тем, которые уже очистились, в особенности Стацию. И здесь я удержал, как и везде, латинский текст; но последнее слово *mei* следует читать, для рифмы, слитно, как *мей*.

64-66. «Читатель может теперь себе представить весь кольцеобразный путь, пройденный Данте вокруг горы Чистилища. Начиная с берега острова, на котором стоит гора Чистилища, шли преимущественно к западу вверх по горе до врат чистилища (Чистилища IX, 76); следуя оттуда постепенно к северу, западу и югу по лестницам и кольцевидным дорогам, чрез семь кругов, они обогнули половину горы и достигли противоположной стороны того пункта, к которому причаливают к горе с моря. Остается лишь последний подъем по лестнице в восточном направлении для достижения края верхней террасы, представляющей земной рай». Флейдерер. — «Лестница, по которой теперь поднимаются поэты, идет совершенно прямо в расселине скалы и озаряется лучами заходящего против нее солнца, почему тень от Данте ложится на ступенях прямо перед ним. Итак, лестница была обращена к западу и поэты шли теперь по ней на восток. Антонелли. — «Согласно примечаниям Чистилища XXVI, 4-6, поэты шли по дуге седьмого круга прямо к югу; теперь, обратясь для восхождения на гору к ее центру, они должны идти к востоку и иметь заходящее солнце у себя за спиною. Следовательно, они взбираются теперь на гору в направлении, противоположном тому, по которому они шли вначале (Чистилища III, 16), обогнув, таким образом, понемногу половину всей окружности горы». Филалет.

67-69. Не имея права обращаться назад (Чистилища IX, 132), поэты и Данте заключают о захождении солнца по мгновенно исчезающей перед Данте тени. «Кому случалось когда-нибудь видеть с высокого места захождение солнца в море и постепенное погружение мира в ночной мрак на обширном кругозоре тому эти немногие слова покажутся в высшей степени пластичными». Флейдерер.

70. «Безмерный небосклон», в подлиннике *in tutte le sue parti immense orizzonte*. «С той высоты, на которой теперь находится Данте, горизонт действительно представляется безмерным». Антонелли.

73 Уж всяк из нас избрал ступень для ложа, —
Вверх взбрался всходить закон горы,
Не волю в нас, а силы уничтожа.

76 Как козочки и резвы, и бодры,
Пока не сыты, лазят на утесах,
И, утолив свой голод, в час жары,

79 Лежат в тени на каменных откосах,
Пастух же там, как истинный отец,
Их сторожит, склонясь на длинный посох,

82 И как овчар, открытых гор жилец,
Всю напролет проводит ночь у стада,
Чтоб хищный зверь не растащил овец, —

85 Так мы втроем там были, где прохлада, —
Я — как овца, певцы — как стражи гор.
Вокруг же нас отсюда скал громада.

88 Был мал над нами неба кругозор;
Но я и в малом небе зрел светила
Крупней и ярче, чем до этих пор.

91 Пока я созерцал их, охватила
Меня дремь — дремь, что нам порой
Вещает то, что будущность нам скрыла.

94 В час, думаю, когда уж над горой
С восточных стран сверкает Цитерея,
Горящая огнем любви живой, —

97 Приснилась мне, прекрасна, как лилея,
На луг пришедшая цветки срывать
Младая дева, певшая, как фея.

— «Кто хочет знать, кто я, тот должен знать: 100
Я — Лия, та, чьи руки не ленятся
Прелестные венки мои сплетать,

72. В подлиннике: E notte avesse tutte sue dispense. „And Night her boundless dispensation held“, перевод Лонгфелло.

74-75. По захождении солнца законы чистилища воспрепятствуют восходить на гору. Слич: Чистилища VII, 58-59 прим.

76-81. В этих двух удивительных, чисто идиллических сравнениях поэт изображает, каким образом он и его спутники провели ночь в ожидании рассвета; в первом сравнении он описывает себя, во втором — двух поэтов, бодрствующих на страже около него.

89-90. «Снова ночь препятствует, как и везде, восхождению в гору. Снова странники должны ее переждать в узком ущелье на лестнице. Но небольшой кругозор, открытый глазам между скал, сияет необыкновенной многообещающей ясностью». Флейдерер. — «Такой вид светил Данте, вероятно, относит значительному своему приближению к звездному небу, или действию необыкновенной чистоты атмосферы на такой высоте». Филалет.

92-93. «Il sogno, Che si sogna dalla nona ora della notte infino al principio delle aurora, dicono che si dee compiere infra a uno anno, o sei mesi, o tre, o infra'l termine di dieci di. E questi sogni, che si fanno intorno all'alba del di, secondo ch' e' dicono, sono i più veri sogni che si facciano, e che meglio si possano interpretare le loro significazioni». Пассаванти, Specchio di vera penitenza, p. 407.

94-95. «Цитерея» — утренняя звезда, денница, Венера, названная Цитереей по острову Цитере. Из примечания Чистилища I, 21, видно, что Данте, хотя и ошибочно, полагает, что в это время года планета Венера подымается на востоке за несколько времени до восхода солнца. О силах, какие приписывались этой планете, смотри примечание Чистилища I, 19. — «Над горой», т. е. над горой Чистилища.

97-99. «Младая дива», — это Лия (см. стих 101 и примеч.). Она умерла не молодою, но поэту она представляется в том возрасте, в котором воскреснут все мертвые. „Omnes resurgent in aetate juvenili“. Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XLVI, art. 9. «Цветки», по Ландино, суть „le virtuti adoperate murali“, по Пьетро ди Данте — „le opere apparecchiate a far frutto“.

101. «Лия» — первая жена патриарха Иакова, дочь Лавана. Кн. Бытия, XXXIX, 16 и след. Отцы церкви считали ее символом активной жизни (еврейское значение — утомленная). „Per Liam“, говорит св. Григорий (Hom. 14 in Ezech.), „quae fuit lipa, sed fecunda, significatur vita activa, quae dum occupatur in opere, minus videt: sed dum modo per verbum, modo per exemplum ad imitationem suam proximos accendit multos in opere bono filios generat“. Он же в другом месте (Mor. lib. VII, c. 28): „Quid per Liam nisi activa signatur? Quid per Rachelem nisi contemplativa? In contemplatione principium, quod Deus est, quaeritur; in operatione autem sub gravi necessitatem fasce laboratur“. — «Руки» означают „le opere, gli atti virtuosi li

*Приснилась мне, прекрасна, как лилея.
На луг пришедшая цветки срывать
Младая дева, певшая, как фея.
(Чистилище, Песнь XXVII, тер. 97)*

103 «Чтоб ими в зеркале мне любоваться;
Сестра ж моя, Рахиль, от своего
Зерцала ввек не может оторваться.

106 Очей своих ей блеск милей всего;
Я ж украшаюсь рук трудами в неге;
Мне — в действии, ей — в зреньи торжество».

109 Уж в небе первые зари набеги,
Блеск коих пилигриму тем милей,
Чем ближе к родине его ночлеги,

112 Отвсюду гнали ночи мглу, а с ней —
И сладкий сон, и я, открывши очи,
Восставшими уж славных зрел вождей.

— «Тот сладкий плод, к нему ж изо всей мочи 115
По всем ветвям стремится род людской,
Твой голод утолит еще до ночи».

Так мне сказал Вергилий; о! какой 118
Подарок в мире с словом тем Вергилия
Сравнился бы отрадой неземной!

И так во мне удвоились усилья 121
Стремиться вверх, что с каждым шагом в высь
Во мне росли, казалось, воли крылья.

По лестнице мы вихрем пронеслись, 124
И лишь пришли к ступени той конечной,
Как уж в меня глаза его впились,

quali, come fiori vari, fanno corona di loda e di gloria a chi li coglie e penseli in capo, cioè in su lo suo intelletto".
Бути.

103. Т. е. я украшаюсь здесь, чтобы самой себе мне любоваться, отражаясь в Боге, который есть зеркало совести, как совесть есть зеркало человека.

104. Рахиль, сестра Лии, вторая жена Иакова, символ, как сказано, жизни созерцательной (еврейское значение — быть нежным, мягким).

104-105. «От своего зерцала», т. е. от Бога.

108. В подлиннике: *Lei lo vedere, e me l'ovrare appaga*, т. е. мне действовать согласно воле Бога, ей созерцать дивные свойства Его. О значении этого сновидения смотри заключительное примечание к этой песне.

109-111. Человек, совершающий долгое путешествие, ожидает с нетерпением каждое утро; самое же приятное утро для путника будет то, которое даст ему надежду увидеть в тот же день до наступления ночи свою родину. Такое именно утро наступило теперь для Данте, когда он может навсегда утолить свой голод до наступления ночи (стих 117). — «Первые зари набеги», в подлиннике: *gli splendori antelucani*, т. е. предутренние. «Как капля утренней росы, сходящей на землю». Премудр. Соломона, XI, 23. — В этом как бы случайном прибавлении или украшении заключается намек на скорое окончание второй части странствования и вообще всего странствования в замогильной стране». Каннегиссер.

114. «Славные вожди» — Вергилий и Стаций.

115-117. О значении яблока см. выше (Чистилища XXII, 131-132). Яблоко, которое ищет по всем ветвям человечество, есть высшее или истинное благо, то, что делает человека истинно счастливым (Чистилища XVI, 91-92 и примечание). Символом счастья в этой жизни служит земной рай, куда в настоящую минуту готов вступить Данте. Итак, Вергилий говорит: «То счастье, которого ищут люди на стольких и столь различных путях, утолит сегодня твои желания в земном раю». Слич: Боэция (*Phil. Cons. lib. III* рг. 2), откуда слова этих стихов взяты почти буквально. В Божественной Комедии Данте — не только отдельная личность, но и представитель всего человечества. Люди стремятся различными путями достигнуть того блага, которое может сделать их истинно счастливыми. Но есть только одна дорога, ведущая к истинному блаженству, и эта дорога — именно та, по которой до сих пор проходил Данте под руководством Вергилия, дорога через ад, или чрез сокрушение, и потом чрез чистилище, или чрез очищение. Сладкое яблоко не созревает в аду, но искать его должно не иначе, как пройдя через ад. Этого яблока нет между осужденными; но человек может и должен отыскивать его чрез созерцание, но не испытывание мук над осужденными. Равно нет этого яблока и в различных кругах чистилища, но оно находится на вершине горы; человек может и должен отыскивать его, не только созерцая, но и испытывая на себе муки очищающихся. Только лишь покинув за собою круги ада и карнизы чистилища, только лишь после того, как испытаны и ужас греха, и благо обращения на путь истинный, Данте может надеяться, что сладкое яблоко утолит навеки голод его желаний». Скартаццини. Слич: Чистилища XV, 77 примечание.

127 И он сказал: «Огнь временный и вечный
Ты зрел, мой сын, и вот! пришел туда,
Где разум мой бессилен быстротечный.

130 Мой ум с искусством ввел тебя сюда;
Руководись теперь уж сам собою,
Не крут, не узок путь, нет в нем труда.

133 Смотри, как солнце блещет пред тобою,
Смотри, как травки, кустики, цветы
Рождают здесь земля сама собою!

Пока придут те очи красоты. 136
Что мне в слезах явились в злой юдоли,
Здесь можешь сесть, ходить здесь можешь ты.

Не жди речей, моих советов боле, — 139
Творить свободно, здраво, прямо выбор дан
Тебе, своей покорствуя лишь воле, —

И мной венцом и митрой ты венчан». 142

121. В подлиннике: Tanto voler sopra voler mi venne.

124. В подлиннике: Come la scala tutta sotto noi Fu corsa, т. е. когда под нами вся лестница пробежала. Восхождение это было столь быстро и радостно, что поэту кажется, будто не он и его два спутника бегут по лестнице, но что сама лестница бежит под их ногами.

126. Поэты взойшли теперь на самую вершину горы Чистилища.

127. «Огнь временный» — огонь чистилища, огонь «вечный» — огонь ада. «И пойдут сии (осужденные) в муку вечную». Матф. XXV, 46. — „Ibunt in ignem aeternum. Sed purgatorius ignis est temporalis... Ignis purgatorius est aeternus quantum ad substantiam, sed temporalis quantum ad effectum purgationis“. Фома Акв. Sum. Theol., p. III, Suppl. art. duo, de Purg. art. 2.

129. Где земные знания достигли своего конечного предела, т. е. в земном раю; где функция Вергилия, как символа императорской власти, кончилась, поскольку эта власть должна вести человека к счастью временному, символом которого служит земной рай. До этого предела может достигнуть человек под руководством одного разума; для того же, чтобы продолжать отсюда путь для достижения блаженства в жизни вечной, одного разума уже недостаточно, но необходимо откровение — il lume divino (De Monar. lib. III, c. 16). Хранитель разума, по учению Данте, — император; хранитель откровения церкви, или, если угодно, глава церкви — папа. Но разум не видит далее того, где необходимо, чтобы имело свое начало откровение. Потому Данте заставляет Вергилия сказать, что он теперь достиг того предела, где он сам по себе, без озарения божественного, не может уже ничего видеть. „Dicendo Virgilius quod ulterius eum ducere non poterat, hoc est, quod ratio deficit circa ea quae sunt fidei. Unde in Decretis: fides non habet meritum, cui ratio praebet experimentum; et ubi ratio deficit, fides supplet“. Пьетро ди Данте, — «Таково толкование всех древних и значительной части новейших комментаторов. Одно, впрочем, забывают прибавить при этом, что этот Вергилий, ведущий Данте туда, куда может достигнуть разум человеческий, олицетворяет собою не только отвлеченный человеческий разум, но есть вместе с тем и символ того, которого функция состоит в том, чтобы направлять род человеческий к временному блаженству — secundum philosophica documenta (De Monar. 1 т.), и что, стало быть, и Беатриче не может быть символом теологии и откровения in abstracto, но олицетворяет собою и ту власть, функция которой есть secundum revelata humanum genus perducere ad vitam aeternam (De Monar. ibid.). Скартаццини.

130. В подлиннике: Tratto t'ho qui con ingeno e con arte. — «Развитием спекулятивного и практического разума достиг ты этой точки; теперь же начинается созерцание непосредственного познания». Филалет. — «До сих пор было потребно исследование и стремление; теперь же начинается свободное, внутреннее познание в единстве с божественной благостью». Флейдерер. — „Io t'ho condotto sin qui facendo uso del dono concessomi da natura come pure delle arti da me studiate“. Скартаццини.

131. В подлиннике: Lo tuo piacere omai prendi per duce, собственно, — иди по своей воле. «Он (Бог) оставил его (человека) в руке произволения его». Премудр. Ис. сына Сирах., XV, 14. — Piacere выражает иногда свободный выбор, иногда совет. Здесь, очевидно, piacere употреблено в смысле совета, а не произвола. «Piacere не может иметь значения воли; воля не может быть здесь вождем, но воля должна управляться разумом. Только в конце этой части (XXXIII, 145) Данте чувствует себя вполне чистым и способным вознестись к звездам. Но прежде чем вознестись к ним, Данте, хотя и очищенный от семи смертных грехов, должен еще принести тяжкое покаяние при появлении Беатриче. В каком же грехе должен он пред ней покаяться? В грехе, как мы увидим ниже, сомнения, колебания веры». Скартаццини.

133. Смысл: «ты обратился к востоку, где рождается всяческая благодать и слава, т. е. на прямой путь к достижению последней цели, блаженства». Ландино. — Вообще под символом солнца Данте разумеет Бога, солнце духовное и интеллектуальное (*Convivio*, tr. III, с. 12). Итак, Вергилий хочет сказать, что Данте достиг теперь того состояния, при котором он не нуждается более в вожде, имея теперь лучшего вождя — свет божественный». Скартаццини.

134-135. Эти стихи будут подробно изъяснены в следующей песне.

136-137. Т. е. Беатриче. Слич: Ада II, 116: *Gli occhi lucenti lagrimando volse, Per che mi fece del venir più presto.*

138. Опять намек на жизнь деятельную и созерцательную; первую обозначает хождение, вторую — сидение.

138. Хотя Вергилий и остается несколько мгновений при Данте и Стации (Чистилища XXVIII, 146 и примеч. XXIX, 55-57 и примеч.) и исчезает лишь с появлением Беатриче (XXX, 43-54), но не открывает более уст и остается лишь дня того, чтобы передать своего ученика той, которая его поручила покровительству его.

140. «После всех этих очищений сердце человека опять становится чистым и беспорочным, и оно хочет только справедливого и благого». Каннегиссер.

142. В подлиннике: *Perch' io te sopra te corono e mitrio.* — «Твоя воля исцелилась от всех действий первородного греха и стала свободной от всего, что противоречит свету Божьему: ты можешь и должен ей следовать, ибо она ведет прямо к цели; поэтому-то ты и не нуждаешься в том двояком руководительстве, которое приводит в порядок все человеческое (примечание Чистилища XVI, 94-96). Теперь ты стал некоторым образом твоим собственным и императором, и папою». Филалет. Слич: Скартаццини.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Это место составляет после IX песни Чистилища (стихи 42-132), второе основное место для развития всей Божественной Комедии. — Исполненным раскаяния созерцанием мук ада и продолжительным очищением и освобождением от грехов в чистилище, к чему поэт допускается отпущением в IX песне, Данте, человек, приобретает вновь свободу духа, потерянную в грехах; воля его чиста и не в противоречии с Богом; Бог возрождается в нем всецело. До сих пор он имел главным путеводителем Вергилия. Но состояния, которого по воле Божьей ищет человек и находит только чрез правильное применение разума при посредстве установленного Провидением института императорства и папства, — этого состояния достиг уже теперь и Данте; все же он должен еще окончательно приблизиться к Богу при помощи единственного руководства благодати — Беатриче, которая уже по дальнейшему ходу развязки начинает с IX песни понемногу заменять Вергилия. Таким образом роль Вергилия окончена. Хотя он идет еще некоторое время (вместе со Стацией), но не произнося ни единого слова, и внезапно исчезает в XXX, 49. — Соответственно этому получает форму последнее развитие событий в третьем отделе Чистилища, в который мы вступаем с XXVIII песнью. На плоской вершине горы, красиво опоясанный лесом и огражденный приветливым ручейком, на противоположном его берегу расположен «земной рай» с древом жизни, местопребывание совершенных душ, созревших и готовых к восприятию их настоящим раем, т. е. небом. Отождествленный в этой песне (стихи 77-142) с эдемом и первобытным состоянием, земной рай наглядно представляет: 1) в общем, первоначально Богом положенное, идеальное состояние христианства, которое наступило бы уже при надлежащем поведении людей (Вергилий); оно, собственно, воплощает именно основную идею всей Божественной Комедии (см. XXXI, Предварительное примечание); 2) для каждого отдельного человека, тем более для Данте, — тоже возвращение к первобытному состоянию, завершение происшедшего в IX песне оправдания чрез освящение и возрождение, и, таким образом, достижение состояния совершенного блаженства, того христианского совершенства, которым Чистилище необходимо должно закончиться, а человек подняться от «земного» к «небесному блаженству» и таким образом совершится переход от второй части Божественной Комедии к третьей. — Сначала нам тут встретятся подготовительные символы; мы увидим Данте приближающимся к ручью; на противоположном его берегу он видит чудную процессию — истинную церковь и собрание праведных, пока в середине процессии Беатриче не снимает с себя покрывало, чтобы, как восполняющая благодать и небесная премудрость свыше, утвердить весь совершенный до настоящего времени поэтом очистительный путь и сообщить ему венец, — последнее освящение христианского совершенства и подготовки к пути небесному, как мы это ближе увидим в XXX-XXXII песнях». Флейдерер.

«Мы, очевидно, достигли здесь третьего отдела Чистилища, т. е. земного рая, и этот сон есть как бы его предчувствие. Для облегчения понимания уместно еще раз возобновить в памяти значение первых двух отделов: преддверия чистилища и самого чистилища, чтобы объяснить ими значение третьего отдела, прибавив к этому из философии того времени все, что может служить к его освещению.

Если преддверие чистилища означает действия, предшествующие акту настоящего очищения, если вступление во врата чистилища означает самый этот акт или восприятие освящающего помилования в таинстве крещения или покаяния и если, кроме того, семь кругов очищения (собственно, чистилище) означают исправление и освобождение от грехов, происходящие от взаимодействия вспомогательной благодати и свободной воли, то третий отдел должен означать завершение очищения чрез посредство восполняющей благодати. Весьма глубокомысленно, что поэт помещает сюда земной рай, так как по совершении очищения устраняется всякое действие наследственного греха, и человек вступает вновь в райское состояние первоначальной праведности, безгрешности и блаженной внутренней гармонии, без которого он может беспрепятственно вознестись к конечной своей цели, созерцанию Бога.

В этом отношении весьма знаменательны три сновидения Данте, которые он видел в продолжение трех ночей, проведенных им в чистилище. В первую ночь, у врат чистилища, ему представляется Лючия — восполняющая и действующая благодать; во вторую, среди кругов покаяния, он видит борьбу человека с чувственностью и поддержку его вспомогательной благодатью, и здесь, у входа в земной рай, ему приснился третий сон, значение которого видно из последующего, как указание на состояние совершенства.

Чтобы надлежащим образом понять взгляд на совершенство Фомы Аквинского, которого мы здесь, как и в других случаях, принимаем нашим путеводителем, необходимо несколько углубиться в его учение, поскольку оно касается взглядов на добродетель. Всюду, где заходит речь об этом вопросе, он рассматривает добродетель, как склонность к добру. Она так же обозначается еще, как совершенство силы душевной, направленной к деятельности, именно — хорошей: *perfectio potentiae quae determinatur ad bene operandum*. Оттого-то она может принадлежать только собственно душевным силам, случайностям только душевным; потому что тело, как материя, может чем-нибудь стать; дух же, как форма, может что-нибудь совершить. Sum. Theol. 2-ae, I, qu. LVI, art. 3, 6. — Соответственно этому добродетели подразделяются, во-первых, по двум душевным силам, разуму и воле, на умственные и нравственные, смотря потому, будут ли они усовершенствованием той или другой силы.

Умственные добродетели, опять-таки, во-первых, такие, которые принадлежат спекулятивному, и, во-вторых, практическому разуму. К первым причисляют: разум, знание и мудрость, а именно, — разум обозначает способность по отношению к непосредственно познаваемым принципам, две других добродетели означают способности по отношению к познанию истины чрез посредство исследования, а именно, знание — относительно различных познаваемых предметов, мудрость — относительно высшей правды. Практическому разуму, напротив, принадлежат: искусство и благоразумие; первое — правильное знание того, что должно делать, второе — того, как должно поступать. Из всех этих добродетелей одно лишь благоразумие причисляется к добродетелям в собственном смысле, потому что оно направляет свободу выбора людей относительно средств для достижения определенной конечной цели. Так как добродетель — способность действовать хорошо, то предметами добродетели могут быть только такие душевные силы, которые или сами принадлежат воле, или же руководятся волей. Это случается при благоразумии, так как оно предполагает волю для достижения цели.

Другие же умственные добродетели — второстепенные добродетели, потому что они дают только способность к правильному познанию, которая — благое проявление разума, и к этому должна еще присоединиться воля, которая приводит в движение разум.

Нравственных добродетелей насчитывается весьма много; из них заслуживают упоминания лишь три, которые вместе с благоразумием составляют четыре главные добродетели. Одна из этих трех относится, собственно, к поступкам, — справедливость, и две — к обузданию и направлению страстей, именно умеренность по отношению к чувственным и самообладание по отношению к гневливым страстям. Все они принадлежат к добродетелям в собственном смысле. Ibid. qu. LVII-LXI.

Человек может достигнуть этих добродетелей и приобретаемого чрез них блаженства своими природными, врожденными ему силами, хотя и не без божественной помощи. Но есть еще высшее блаженство, состоящее в известном участии в божественном существе, и для его приобретения необходимы высшие добродетели, достигнуть которых человек может лишь тем, что ему придется нечто исходящее от Бога; однако же при этом не исключается свобода действия со стороны человека. Эти добродетели называются богословскими, потому что они имеют предметом Бога, исходят от Бога и даруются нам божественным откровением.

Одна из них — вера — относится тоже к области умственной; это особого рода добродетель, так как человек должен актом своей воли подчинить спекулятивный разум откровению. Напротив, надежда и любовь относятся к области воли, причем первая направляет ее к своей цели, как к чему-нибудь достижимому, последняя же, так сказать, превращает ее в эту цель. В этой последней, как самой высокой добродетели, находятся соединенными все нравственные добродетели и даже можно сказать, что только ею довершаются богословские добродетели. Ibid. qu. LXII-LXV. Оттого-то в ней, а не в исполнении евангельских поучений, и заключается совершенство; поучения же служат скорее только средствами для совершенства.

Но совершенство, которого может достигнуть человек, двойное: во-первых, когда его склонность постоянно и действительно, насколько он это может, бывает направлена только к Богу, и этого совершенства он может достигнуть только в небесном раю; во-вторых, когда он находится в состоянии, в котором он, не будучи постоянно действительно направлен к Богу, тем не менее исключает из себя все, что противно любви к Богу, и это совершенство достижимо на земле и олицетворяется земным раем.

Оно достижимо двояким образом, а именно: или деятельною жизнью, или созерцательною.

Деятельная жизнь имеет прямой целью исполнение добрых дел; познание истины — ее средство. Оттого она и состоит, во-первых, в достижении нравственных добродетелей, включая и благоразумие, но не исключая и умственных добродетелей. Созерцательная жизнь имеет прямой целью познание истины, особенно божественной. Для нее существенно необходимо приобретение умственных добродетелей, но она не может тоже обойтись без нравственных; так как любовь к Богу предназначает разум для стремления к познанию Бога, то другие добродетели этого отдела нужны ей как предварительные условия, ибо без овладения страстями чистое познание истины невозможно.

Хотя оба пути годны для достижения блаженства, все же созерцательная жизнь имеет больше заслуги, так как она непосредственно направлена к любви к Богу. Деятельная жизнь, напротив, лишь посредственно, а непосредственно — к любви к ближнему. Поэтому деятельная жизнь должна предшествовать созерцательной. Теперь нетрудно изложить значение сна, о котором идет речь. Мы находим и у Фомы, с ссылками на некоторые места у св. Григория, Лио и Рахиль, выставленными, подобно Марфе и Марии, как типы деятельной и созерцательной жизни; так о Лии сказано, что она была слаба глазами, но плодна, имя же Рахили означает видимое начало: она была неплодна, но красива. Ibid., qu. CLII.

Деятельная жизнь имеет целью украшение себя добрыми делами, как цветами, созерцательная — находит удовлетворение в познании истины, которое есть, так сказать, око души.

Конечная цель человека, достигаемая им чрез посредство добродетели, — блаженство, которое в своем совершенстве состоит в созерцании и внушении Божества, а чрез это разум и воля человека находят полное удовлетворение. Ibid. 2-е, qu. IV. Это блаженство достижимо лишь в будущей жизни. Но уже и в этой жизни можно найти неполное блаженство, которое дается добродетельному частью в надежде на небесное блаженство, частью в начинающемся пользовании им, как бы в предвкушении его. Это блаженство олицетворено земным раем.

Для толкования поэта важное значение имеет и то, что Фома, подобно Данте, считает евангельские блаженства как ступени, по которым человек достигает высшего блаженства, но только он не считает их, подобно Данте, дарованными людям в награду за победу над главными грехами, но принимает, что в первых трех блаженствах указывается на устранение ложного земного счастья, именно чрез «блаженны нищие духом» — по отношению к внешним благам и внешней славе, чрез «блаженны плачущие» — по отношению к гневливости, чрез «блаженны кроткие» — по отношению к чувственным страстям. Два следующих относились к деятельной жизни и к приобретаемому ею блаженству, притом «блаженны алчущие и жаждущие правды» — к исполнению долга справедливости и «блаженны милостивые» — к исполнению долга любви; наконец, два последних — «блаженны чистые сердцем» и «блаженны миротворцы» — к созерцательной жизни, условие которой — чистота сердца, плод — мирное блаженство». Филалет.

Земной рай. — Река Лета. — Матильда. — Происхождение воды и ветра в земном раю. — Природа божественного леса.

<p>1 Желаний полн, скорей проникнуть в недро
Божественных густых лесов, где тень
Свет умеряла, так струимый щедро</p> <p>4 Тем новым днем, — покинул я ступень
И, тихо-тихо лугом подвигаясь,
Вступил в благоухающую сень.</p> <p>7 И тиховейный воздух, не меняясь
Вовеки здесь, мне веял вкруг чела,
Как ветерок, едва его касаясь,</p> <p>10 И, шелестя листьями без числа
Гнуз их туда, где от горы священной
Тень первая в долине той легла;</p> | <p>Но не настолько гнул, чтоб сокровенный 13
В листве хор птичек проявлять не смел
Свой дивный дар в музыке несравненной:</p> <p>Напротив, хор торжественно гремел, 16
Полн радости, в том раннем утра часе,
И, вторя хору, целый лес гудел.</p> <p>Так, слив в одно все звуки сладкогласий 19
(Когда велит сирокко дуть Эол),
Гудит лес пиний на берегу Киасси.</p> <p>Шаг, хоть и тихий, так меня завел 22
В тот древний лес, что я не мог бы оком
Заметить место то, где я вошел, —</p> |
|---|--|

1-21. «Едва ли следует указывать читателю на величественную, чисто лирическую прелесть изображения утра посреди этого леса». Флейдерер. — «Исполненный жизни божественный лес, весь проникнутый чистым воздухом богоподобия и веянием послушания Господу, противопоставляется здесь дикому, лютому, смерть приносящему лесу греховного мира перед началом ада (Ада I, 2 и примеч.)». Ноттер.

2. «Божественных», насажденных рукою самого Господа. «Насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке». Бытия II, 8.

4. Новый день, т. е. четвертый по выходе из ада. День здесь вместо солнца. — «Ступень», в подлиннике: la piva — край, берег, т. е. последняя, верхняя ступень лестницы. Отсюда начинается равнина или плоскость на вершине горы Чистилища, на которой расположен земной рай. — «Помещая земной рай на вершине высочайшей в мире горы Чистилища, Данте придерживается мнения схоластиков, в особенности Фомы Аквинского, который подробно трактует курьезный вопрос о том, есть ли земной рай место телесное, было ли это место удобно для обитания в нем человечества и пр. (Фома Акв. Sum. Theol., р. I, qu. CII, art. 1-4). Аквинат именно учит, что рай был место телесное, помещенное в восточных странах земного шара, в странах, составляющих благодатнейшие части земли. Cum autem Oriens sit dextera coeli, dextera autem est nobilior quam sinistra: conveniens fuit ut in orientali parte paradisi terrenus institueretur a Deo. Это высочайшее место, которое pertingit usque ad lunarem circulum, и кроме того, seclusus a nostra liabitatione aliquibus impedimentis vel montium vel marium, vel alicujus aestuosae regionis, quae pertransiri non potest; это — страна божественная, et digna ejus qui secundum imaginem Dei erat, conversatio; locus temperato et tenuissimo et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus, etc. Также Петр Ломбардский (Sent. lib. II, dist. 17) учит, что рай земной отделен от земли, ныне обитаемой, et in altro situs, usque ad lunarem circulum pertingens. И Гуго С. Виктор, по цитате Фомы: In parte orientali fertur esse locus eminentissimus, ut non aquae diluvii ibi pertingere potuissent. Наконец, в том же смысле учили Дамаскин (De orthod. Fid. lib. II, с. 11), блаж. Августин (in Genes. VIII, с. 7) и др. Но никто до Данте не помещал чистилища на откосах той горы, на вершине которой, по общему мнению, был помещен земной рай. Слич: Чистилища I, 1 и примечание». Скартаццини.

5. Следовательно Данте, тотчас же начинающий шествие, предпочитает направление жизни деятельной направлению жизни созерцательной (слич: примечание к ст. 138 предыдущей песни). Ноттер. — «Тихо-тихо»: lento lento — оборот итальянский, значит очень тихо, как в церковнославянском: зело-зело (весьма много).

7. «В этом тихом ветерке древние толкователи видят вечно живую, но бесстрастную волю». Каннегиссер.

<p>25 Как вдруг мне путь был прегражден потоком;
Он мелкой рябью влево наклонял
Всю мураву на берегу широком.</p> <p>28 Всех самых чистых вод земных кристалл,
В сравнении с ним, не так еще прозрачен,
Чтоб ничего от взоров не скрывал,</p> <p>31 Хоть там течет поток тот мрачен, мрачен,
Где вечно тень, где каждый солнца луч
И луч луны навеки был утрачен.</p> <p>34 Сдержав мой шаг, не мог сдержать мне ключ
Очей, и я дивился несказанно,
Как юный Май здесь роскошью могуч.</p> | <p>И я узрел — (так мы порой неожиданно
Вдруг видим то, что изумляет нас,
Все помыслы в нас извращая странно) —</p> <p>Узрел жену: она в тот ранний час
Шла с песнями, срывая цвет за цветом,
Которыми весь путь пестрел для глаз.</p> <p>— «О, дивная, сияющая светом
Любви святой, коль говорят не ложь
Черты твои, свидетели мне в этом!</p> <p>Благоволи с дороги, где идешь»,
Я ей сказал, «приблизиться к пучине,
Чтоб мог понять я то, о чем поешь.</p> | <p>37</p> <p>40</p> <p>43</p> <p>46</p> |
|--|--|---|

11. Все листья нагибались к западу, куда обращена теперь и утренняя тень от горы; причина этому объясняется в примечании к стиху 103 этой песни.

13. Аллегорический смысл: «деятельность очистившегося человека не настолько еще велика, чтобы он вследствие ее позабывал возноситься к Богу молитвой и благодарственным славословием». Кан-негиссер.

14-15. Т. е. сгибая ветви; ветерок был не настолько силен, чтобы мог спугнуть сидящих на них птичек. «Следовательно, птицы, подобно прочим живым существам, не изгнаны из рая. Вообще птицы, по крайней мере, певчие, по народному воззрению, суть такие существа, в которых удержалось нечто райское». Ноттер.

18. В подлиннике: *Che (le foglie) tenevan bordone alle sue rime*. — *Bordone* — род толстой и длинной дудки, которая наподобие контрабаса издавала постоянно одну ноту (гудела), между тем как другие инструменты выводили различные ноты. Итак, шум листьев служит как бы второй пению птиц.

19-20. В этом сравнении говорится о знаменитом лесе пиний — зонтикообразных сосен, с незапамятных времен растущих на Адриатическом берегу, недалеко от Равенны (где погребено тело Данте) в той местности, которую Данте называет Киасси или Классе. «Живя изгнанныком в Равенне, Данте часто посещал этот едва ли не самый великолепный лес Италии, и там в уединении, погруженный в свои думы, внимал этому шуму на берегу Адриатического моря», Бенвенуто Рамбалди. — Лес этот находится недалеко от запустевшего ныне приморского городка Классе, где когда-то была гавань, в которой стоял на якоре флот императоров. В подлиннике: *Tal, qual di ramo in ramo si raccoglie Per la pineta, in sul lito di Chiassi*, т. е. как шелест, передающийся от ветви к ветви; здесь выражается как бы каждый малейший звук, прежде чем все сольется в один шелест. Вентури (*Le similitudine dantesche*).

20. Сирокко — известный южный ветер, дующий (иногда даже зимою) в Италии и приносящий душливый жар. — «Эол» — бог ветров. Сравнение заимствовано из Вергилия, *Aen. I, 52* и след.

*Aeoliam venit. His vasto rex Aeolus antro
Luctantes ventos tempestatesque sonoras
Imperio premit, ac vinclis et carcere frenat.*

22-24. Подобная же мысль выражена почти теми же словами при входе Данте в лес самоубийц (*Ада XV, 13-15*). «Данте идет медленно (стих 5) для того, чтобы все осмотреть надлежащим образом: и при направлении в активную жизнь не должна быть оставляема без внимания и жизнь созерцательная». Ноттер.

25. Так как Данте идет с запада прямо на восток, а этот поток пересекает ему путь, то, стало быть, он течет с юга на север. — «Этот поток, как увидим ниже (стихи 124-128), — раздвоенный поток из одного источника; в этом месте он называется Летой, уничтожающей воспоминания о грехах, а далее, в противоположном от Леты направлении, Эвнэо, оживляющей воспоминания о добрых делах. Итак, поэт еще отделяет от настоящего рая река Лета, из которой он еще должен испить (*XXXI, 101*),

Как вдруг мне путь был презгражден потоком;
Он мелкой рябью влево наклонял
Всю мураву на берегу широком.
(Чистилище, Песнь XXVIII, тер. 25)

и наконец река Эвнэ, в которую он должен будет погрузиться (XXXIII, 143) для того, чтобы вознестись на небо». Штрекфусс. — «Состояние воспринятой безгрешности обуславливает два обстоятельства: во-первых, то, что воспоминание о прежних заблуждениях и прегрешениях утрачивается, а во-вторых, то, что воспоминание о наших добрых делах оживает и берет перевес. Это олицетворяется двумя реками — Летой и Эвнэ. Забвение грехов при этом предшествует; потому и Данте прежде всего встречает Лету». Каннегиссер.

31-33. Аллегорический смысл этой терцины был объясняем комментаторами различно. Так, например, по толкованию Бути, воды Леты означают «добродетельные мысли в душе очищенной, уничтожающие в ней память о прошедших пороках и грехах», деревья — «святые речи», солнце, не освещающее волны Леты, — «мирскую похвалу», луна — «изменчивость жизни» и проч. Но вернее полагать, что здесь Данте держался учения схоластиков. По их мнению, у воскресших в день Страшного Суда сохранится память о совершенных ими делах добрых и злых. „*Quamvis multa merita et demerita a memoria exciderint, tamen nullum eorum erit quod non aliquo modo maneat in suo effectu, quia merita quae non sunt mortificata, manebunt in praemio quod eis redditur; quae autem mortificata sunt, manent in reatu ingratitudinis, quae augetur ex hoc quod homo post gratiam susceptam peccavit. Similiter etiam demerita quae non sunt per poenitentiam delecta, manent in reatu poenae, quae eis debetur; quae autem poenitentia delevit, manent in ipsa poenitentiae memoria, quam simul cum aliis meritis in notitia habebunt. Unde in quolibet homine erit aliquid ex quo possit ad memoriam sua opera revocare*“. Фома Акв. Sum. Theol., р. III, Suppl. qu. LXXXVII, art. 1. Согласно с этим учением, у Данте души в аду имеют память о совершенных ими делах злых и добрых; избранные души терзает память о совершенных грехах при входе в рай. По мнению Скартаццини, эта терцина не заключает в себе никакого аллегорического смысла; но Данте, как кажется, имел в виду при описании божественного леса некоторые черты Нового Иерусалима из Святого Писания, например, из Апокалипсиса XXI, 23: «Город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Ангел». Этой терцине подражал, почти скопировав ее, Тассо в своем Освобожденном Иерусалиме, XV, ст. 56:

Но меж берегов муравчатых и злачных,
В русле глубоком быстрая волна,
Укрытая в тени деревьев мрачных,
Бежит, журча, прохладна и темна;
Но так светла струя тех вод прозрачных,
Что явственна вся пестрота их дна,
И берег их, покрытый травкой нежной.
Дает приют прохладно безмятежный.

«Мрачен-мрачен» — опять итальянский оборот: *bruna-bruna*, см. примечание к стиху 5.

34. Данте останавливается на левом берегу Леты и смотрит на другой берег, созерцая роскошь райской, вечно юной растительности; в подлиннике: *per mirare La gran variazion de' freschi mai*; — *majo* — цветущие деревья. Бланк. Vocab. Dant.: *majo*, proprement le *Cytisus laburnum*, le *cytis* des Alpes ou *Libourne*, pour un arbre en general.

37-39. „*Omnis subita mutatio rerum non sine quodam quasi fluctu contingit animorum*“. Боэций (De Cons. philos. lib. II, pr. 1). Также Данте (Convivio, tr. II, cap. II): „*Ogni subito mutamento di cose non avviene senza alcuno discorrimento d'animo*“.

40. Жена — это Матильда, которую Данте называет по имени лишь в конце этой части поэмы (XXXIII, 119). Комментаторы весьма разногласны относительно того, откуда Данте заимствовал это имя. Большинство, однако ж, видит в этой Матильде знаменитую приятельницу папы Григория VII, графиню Тосканскую. Она была внучкой греческого императора; мать ее переселилась в Италию; сама она была наделена римским императором большими именениями, отличалась великим благочестием, построила много монастырей и завещала все свое имущество папскому престолу. Она погребена в 1060 году в Пизанском соборе. Следовательно, она была великая благотворительница римской церкви, но едва ли в смысле, согласном с воззрением Данте на папскую власть. Некоторые, особенно итальянские исследователи, видят в Дантовской Матильде германку, саксонку, одни — набожную супругу Генриха Птицелова, внучку Видекинда и мать императора Оттона Великого, умершую в Кведлинбурге в 968 году и впоследствии причисленную к лику святых. Действительно, вся ее личность превосходно соответствует всем намерениям поэта; неизвестно только, была ли она достаточно известна в Италии во времена Данте. Другие (Dr. Лубен, в Граце, в своем сочинении (1860) «*La Matelda di Dante Allighieri*») видят в ней святую бенедиктинскую монахиню Матильду из

<p>49 «Напомнил мне твой вид о Прозерпине,
Когда она рассталася с весной,
А мать ее утратила в пустыне».</p>	<p>Не думаю, чтоб блеск такой сверкнул 64
Из глаз Венеры в миг, когда без гнева,
Случайно, сын стрелой ей грудь кольнул.</p>
<p>52 Как движется медлительно порой
Средь пляски два, чуть касаясь полу,
И ногу чуть заносит пред ногой, —</p>	<p>На том берегу мне улыбалась дева, 67
Неся в руках все краски, что луга
Горы дают цветам здесь без посева.</p>
<p>55 Так по пестревшему цветами долу
Прекрасная жена, в угоду мне,
Девически склонив взор чистый долу,</p>	<p>Хоть в ширину был ключ лишь три шага, 70
Но Геллеспонт, где мост свой перекинул
Ксеркс (вот урок для гордости врага!)</p>
<p>58 Вдруг повернулась, подошла к волне,
Запев так близко, что сперва мне трудный
Смысл сладких звуков ясен стал вполне,</p>	<p>Не так гневил Леандра тем, что хлынул 73
Меж Сестом и Абидом силой вод,
Как ключ — меня, за то, что путь раздвинул.</p>
<p>61 И там, где луг цветисто-изумрудный,
Весь в брызгах волн, к реке прекрасной льнул, —
Подняв глаза, дарит мне взор свой чудный.</p>	<p>И дева: — «Здесь вы странники, и вот — 76
Вы, может быть, в сей стороне, избранной
В ту колыбель, где создан первый род,</p>

монастыря Хельпед, ныне Хельфта при Эйслебене, сестру святой Гертруды. От нее (†1292) сохранились некоторые «Видения», имеющие много аналогичного с Божественной Комедией и в особенности с Чистилищем; так, например, в одном из этих «Видений», описанная гора добродетели имеет поразительное сходство с горою Чистилища у Данте. Как у него, она разделена на 7 отделов, хотя несколько в ином порядке, чем у Данте. Но едва ли эта монахиня могла послужить тем символом, который придает Данте своей Матильде; к тому же сказанные «Видения» первоначально были писаны по-немецки, и едва ли Данте знал о их существовании. Наконец, третьи видят в ней просто аллегорию; между прочим Гёшель в своем посмертном сочинении весьма остроумно высказывает ту мысль, что Матильда есть не что иное, как *Donna gentile ero Vita Nuova* и *Convivio*, и олицетворяет собою философию уже не как противоположность Беатриче — богословия, но примиренную с нею. — «Из примечания к Чистилищу XXVII, 97 видно, что Матильда реализирует представившийся Данте в сновидении образ Лии, следовательно, деятельную жизнь, ревность к добрым делам. Но точно так же в Матильде можно видеть высшую степень усердия к добрым делам, именно преданность и любовь к церкви и благотворительность к ней, чем собственно прославилась историческая Матильда; следовательно, это деятельная любовь, — первая из трех благодатей. Матильда относится к Лии, как Беатриче к Рахили». Каннегиссер. — «Эту прекрасную жену всего проще, по нашему мнению, рассматривать как повторение идеи Лии (XXVII, примеч. к 101). Как там Лии противопоставляется Рахиль, так здесь противоположностью к Матильде будет долженствующая скоро явиться Беатриче. И что там, как бы в предчувствии, было изображено в сновидении, то здесь совершается воочию, в действительности, именно то, что Данте, как человек, подвергшийся очищению, теперь действительно достиг цели того христианского совершенства, которое определено в XXVII песне. Это вполне доказывается той функцией, которую исполняет Матильда здесь и впоследствии. Она — хранительница, равно и вступление в земной рай, т. е. в полное совершенство; она ведет, поучает Данте, указывает ему на Беатриче, и Беатриче, в свою очередь, указывает Данте на нее для того, чтобы она окунула его в волны Леты. Итак, очевидно раскрывается здесь взаимно восполняющее соотношение двух жен, из коих одна олицетворяет деятельную, другая — чисто внутреннюю, ведущую к блаженству сторону. — Не настолько достоверно можно определить, какое именно историческое лицо разумеет здесь Данте, так как даже чисто аллегорические свои символы Данте никогда не создает без исторической к ним подкладки. Можно даже думать, что Данте имел здесь в виду и знаменитую графиню Тосканскую, как бы мало ни согласовалась ее деятельность в пользу папской власти с теорией Данте касательно папства. Ноттер обращает здесь внимание на индивидуальное пламенное изображение Матильды (XXVIII, 46-60; 64-66; 73-75; XXIX, 1). Отсюда он заключает, что, судя по стиху 49

и следующим, здесь та «прекрасная и сострадательная» жена, о которой говорится в Vita Nuova по смерти его возлюбленной, может дать ему краски для начертания пленительного образа, хотя имя для него с намерением заимствовано или у графини Тосканской, или у монахини Мехтильды в Эйслебене. Как бы то ни было, мы должны быть благодарны поэту, начертавшему, при всем аллегорическом смысле, столь поэтический и полный жизни образ, так прекрасно оживляющий дальнейший ход развития его поэмы». Флейдерер. — Слич: Скартаццини, La Matelda di Dante, p. 595; Ноттер, Gött. Kom., das Fegefeuer, Excurs über Mathilde, s. 359.

48. Данте слышит пение, но не может расслышать слов.

49. «Прозерпина, дочь Юпитера и Цереры, жена Плутона и царица ада. В то время, как она собирала цветы среди вечной весны, близ озера Перга в Сицилии, она была похищена Плутоном, причем от страха растеряла собранные цветы. Таким образом потерянная ею весна может означать вечною весну этих стран; можно разуместь также под этим просто цветы, детей весны». Филалет. — Место это — подражание Овидию, Превращ., V, 385-401.

52-54. «Данте изображает чистоту девственной души в двух сравнениях: в первом рисует круговое движение без приподнятия глаз с земли, во втором — благопристойное передвижение на другое место». Скартаццини.

55. В подлиннике: „in su' vermigli ed in su' gialli Fioretti“, т. е. по аленьким и желтым цветочкам. «Замечательно, как мало места посвящает Данте, при всей своей фантазии, описанию роскоши цветов даже в земном раю (Слич: VII, 13-71). Но надобно помнить, что в то время в Италии почти совсем не было декоративных цветов и сады были большой редкостью. Только в XV веке стали они появляться в Италии; поэтому во всей Божественной Комедии слово giardino нигде не встречается в его настоящем значении, но всегда лишь как выражение высшей степени весенней красоты, так земной рай Адамов называется садом, как в Библии, Рай XXVI, 110; так Италия названа садом империи, Чистилища VI, 106». Ноттер.

63. До сих пор Матильда держала очи опущенными вниз от стыдливости.

64-66. Описывая дивную красоту Матильды, Данте берет пособие Венеру, когда она случайно (а не с намерением, как обыкновенно) была уколота стрелой Амура в то время, когда он целовал свою мать, отчего в ней загорелась любовь к Адонису.

... когда свою мать обнимал тулоносный ребенок,
Неосторожно стрелой торчавшей он грудь ей поранил.
Овидий, Превращ., X, 525-526, перев. Фета.

69. «Без посева» — см. ниже, 116-117. Говоря о золотом веке, Овидий, Metam. I, 107-108, повествует:

Вечно стояла весна и нежно зефиры ласкали
Теплым дыханьем цветы, что без семени сами родились.
Перевод Фета.

70. Три шага, отделявшие Данте от Матильды, напоминают три ступени во вратах чистилища (IX, 94 и след.). Первым из этих шагов будет пристыжение Данте по поводу его заблуждений (XXX, 76-78); вторым — сознание в них (XXXI, 14, 34-36); третьим — ощущение терзаний раскаяния и чувство ненависти к тому, что вначале ему нравилось (XXXI, 85-87). Его очищение еще не вполне закончено; он еще находится по эту сторону Леты, тогда как прекрасная жена, т. е. Матильда, и Беатриче и Колесница Церкви — на той стороне. Ему еще остается принести строгую исповедь, прежде чем перейти на ту сторону реки. Это заставляет думать, что истинный земной рай начинается лишь по ту сторону Леты, которая составляет одну из его границ. У Данте мы находим преддверие ада, — перед входом в ад; преддверие чистилища — перед входом в чистилище и преддверие рая — перед входом в рай. На это обстоятельство первый из всех комментаторов обратил внимание Скартаццини. — «Какая удивительная аллегория, — говорит он: Со стороны земли земной рай граничит рекою Летою, которая уничтожает всякую память о том, что только есть земного, негодного для неба; со стороны неба — земной рай граничит рекою Эвнэо, которая дарит душу памятью обо всем том, что сделано ею для принесения своего сокровища небу. Одна река отрешает душу от земли, другая — связует ее с небом».

70-75. «Ксеркс, дар персидский, два раза переправлялся через Геллеспонт; в первый раз с великою гордостью и роскошью по построенному им мосту, чрез который он переправил свое несметное войско для завоевания Греции; во второй раз — после того, как был разбит и бежал в унижении, в бедном рыбацком челноке. Здесь разумеется эта последняя переправа, ибо при обратном следовании была

- 79 Дивитесь моей улыбке странной?
Но даст псалом Ме delectasti свет,
Чтоб озарить рассудок ваш
туманный.
- 82 И первый ты, кто мне послал привет,
Скажи: о чем желаешь знать? Готовый
На многое пришла я дать ответ».
- 85 — «Вода», сказал я, «с шумною дубровой,
Противореча слышанному мной,
Во мне враждуют с тою верой новой».
- 88 И та: «Чтоб ум не так смущался твой,
Страны святой открою я уставы
И разгоню весь сумрак пред тобой.

Тот Всеблагий, пред Кем лишь Он есть 91
правый,

Адаму дал, благим его создав,
Сей край благий в задаток вечной славы.

Своим грехом рай скоро потеряв, 94
Он обратил грехом и в плач, и в кару
Невинный смех и сладости забав.

Чтоб силы бурь, — что́ по земному шару 97
Родятся от паров, из вод, с земли
Встающих соразмерно солнца жару, —

Здесь с человеком браней не вели, — 100
Гора взнеслась так к небу, что изъята
От бурь с тех мест, где дверью вы вошли.

обуздана его гордость и высокомерие; пример его должен научить гордых и высокомерных кротости и смирению. — Гелеспонт разделяет Европу и Азию значительным проливом; на азиатском берегу его лежал город Абидос, на европейском — Сест. Греческий юноша Леандр переплывал по ночам пролив для свидания со своей возлюбленной Геро в Сесте, пока не погиб наконец в волнах во время бури». Каннегиссер. — См. известную балладу Шиллера «Геро и Леандр».

76. Матильда, говоря «вы», обращается ко всем трем путникам: Данте, Стацию и Вергилию.

79-81. Смысл — «Вы удивляетесь тому, что я улыбаюсь; но в состоянии полного от грехов оправдания заключается и радость духовного наслаждения, а потому и сказано в 91-м псалме, стих 5: «Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я восхищаюсь делами рук Твоих». — *Delectatio*, наслаждение высочайшим благом, — уже часть вечного блаженства». Филалет.

82. Данте просил прекрасную жену приблизиться к нему, чтобы расслышать слова песни, которую она пела. Матильда не только исполнила его просьбу, но и уничтожила сомнение в его уме насчет ее улыбки, побуждая его высказаться свободно, нет ли у него еще каких сомнений.

85-87. Сомнение в Данте было, по-видимому, следующее: «Если метеорологические явления, о которых упоминалось в Чистилища XXI, 46 и следующих, не восходят выше врат чистилища, то почему же здесь происходит ветер, так как он возникает в воздухе вследствие нарушенного равновесия, и откуда происходит поток — здесь, где никогда не идут дожди? Должно заметить, что Данте ушел тут далее в метеорологию, чем учитель его Брунетто Латини, который не мог себе объяснить причину ветра (Tesoro, Lib. II, Cap. 37). — Смысл: вода р. Леты и шум деревьев леса, качаемых ветром, колеблют во мне понятие, сложившееся у меня со слов Стация, а именно то, что, начиная от врат чистилища, сверху нет более на всей горе ни ветров, ни дождей, ни инея, ни града, ни снега, ни облаков, ни молний (XXI, 43-54). Это-то понятие и находится теперь во мне в противоречие с тем, что я вижу я слышу здесь, т. е. реку и шум леса от ветра.

91. В подлиннике: *Lo sommo Ben, che solo esso a sè piace, т. е. Bor, „Deus est summum bonum simpliciter, et non solum in aliquo genere vel ordine rerum. — Oportet quod cum bonum sit in Deo sicut in prima causa omnium non univoca, quod sit in eo excellentissimo modo; et propter hoc dicitur summum bonum“.* Фомы Акв., *Sum. Theol.*, р. I, qu. VI, art. 2.

92-93. „Iddio, che è sommo Bene, fece Adamo buono, siccome buono artefice; e questo Paradiso terreno gli diede per arra del pagamento, ch'egli l'intendea di fare del Paradiso celeste“. Оттимо. — Бог создал человека добрым, именно в первичной его святости и правоте, и для блага — для вечного блаженства. Если бы человек не согрешил, то он предвкусил бы сперва небо в земном раю, а потом вкусил бы небесного рая, как и теперь законченная правота переходит от состояния земного к состоянию небесного совершенства. Если же сказано, что пред Богом лишь Он один правый, то это должно понимать не так, чтобы Он не находил удовольствия ни в одном из своих созданий, но так, что Он находит полное удовлетворение лишь в созерцании Самого Себя». Филалет. — «Задаток» — земной рай сотворен

Богом для того, чтобы быть началом и залогом небесного блаженства, для которого Он сотворил человека. Слич: Гёшель, Dante's Unterweisung über Weltschöpfung und Weltordnung diesseits und jenseits. Berl. 1842.

94. Рая XXVI, 139-142.

95. «Смех обозначает наслаждение созерцательной, забавы — деятельной жизнью». Томмазео.

97-99. Уже Брунетто Латини объяснял происхождение облаков притягательной силой солнца, которое как бы высасывает воду из земли. Поэтому, по теории Данте, бури, как уже было упомянуто, возникают вследствие испарений, причем пары, привлекаемые в холодные страны атмосферы, сгущаются там в облака и, как таковые, служат на земле источником ключей и рек, — теория, совершенно согласная с нынешней наукой.

99. В подлиннике: *quanto posson*, т. е. насколько могут, т. е. до врат чистилища. «Древние, не зная тяжести воздуха, полагали, что пары, как легчайшие, восходят вверх, стремясь к солнцу». Андруоли. — Аристотель учил: *natura calidi est attrahere*.

101. Блаж. Августин (*De civ. Dei*, lib. XV, c. 27) говорит об Олимпе: „*Supra quem perhibentur nubes non posse conscendere, quod tam sublimis quam coelum sit, ut non ibi sit aer elementorum crassissimam terram ibi esse potuisse*“.

101-102. Гора свободна от испарений с земли и воды, начиная от врат чистилища до ее вершины. „*Alexander de Dales ait, Paradisum esse in aere quieto et tranquillo, qui superior est hoc nostrali aere inquieto ac turbulento; et locum Paradisi esse ubi finis est et terminus exhalationum et vaporum fluxus et progressus Lunae potestati ac efficientiae attribuitur*“. Переир. In *Genes*. III. 9. — „*Homo sic erat incorruptibilis et immortalis, non quia corpus ejus dispositionem incorruptibilis haberet, sed quia inerat animae vis quaedam ad praeservandum corpus a corruptione. Corrupti autem potest corpus humanum et ab interiori et ab exteriori. Ab interiori quidem corrumpitur per consumptionem humidum et per senectutem, cui comiptioni occurrere poterat primus homo per esum ciborum. Interea vero quae exterius corrumpunt, principium videtur esse distemperatus aer: unde huic corruptioni maxime occurritur per temperiem aeris. In paradiso autem utrumque invenitur; quia, ut Damascenus (*De orthod. Tid.* I. II, c. 11) dicit, est locus temperato et tenuissimo, et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus. Unde manifestum est quod paradisus est locus conveniens habitationi humanae secundum primae immortalitatis statum*“. Thom. Aquin. *Sum. Theol.*, p. I, qu. CII, art. 2. — «И здесь нельзя не заметить аллегорического значения. Испарения земные, собственно чувственные похотения, отчуждающие душу от ее небесного назначения, смертные грехи, восходят не выше врат чистилища; ибо после оправдания в человеке уже нет ничего подлежащего осуждению, хотя бы и оставались в нем еще слабости и недостатки». Филалет. — В стихах 91-102 заключается ответ Матильды на сомнение Данте относительно слышанного им от Стация (XXI, 43-54) уверения, что пары земные не восходят выше третьего круга, где врата чистилища. Теперь она приступает к решению второго вопроса, почему ветер колеблет здесь листья деревьев и откуда берет начало Лета.

103-104. «Коловрат первичный», в подлиннике: *la prima volta*, это *primum mobile*, т. е., по системе Птолемеевой, девятая небесная сфера, самая быстрейшая из всех, совершающая в 24 часа свой оборот вокруг земли, неподвижно стоящей в центре мира, и сообщающая свое движение прочим нижним, в ней заключающимся, сферам.

102-108. 1) «Древние принимали кругообразное движение всей вселенной, в центре которой неподвижно стояла земля. От этого движения и атмосфера приводится в круговое движение, которое как бы нарушается высоко поднимающейся к небу горою Чистилища. Это мнение было, впрочем, вполне соответствующим идее, которую, согласно с тогдашним богословием, имели о действительном земном рае. Человек в состоянии невинности был неразрушим даже в теле своем, не вследствие присущей телу силы бессмертия, но по причине сверхъестественной, сообщенной душе, крепости, которая могла защитить тело от разрушения. Разрушение же это могло последовать как от внутренних, так и от внешних причин. Внутренняя причина заключается в истощении влажности вследствие старости, что человек может предотвратить употреблением питательных веществ. Между внешними причинами главное место занимает перемена температуры. Следовательно, для предупреждения этого рай должен быть окружен чистым умеренным, воздухом». Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. I, qu. 97, art. 4; p. II, qu. 102; слич выше, примеч. к стихам 101-102». Филалет. — 2) «Ощущаемое здесь движение ветра происходит, следовательно, не от испарений, но вследствие никогда не прекращающегося равномерного движения светила с востока к западу. Потому здесь постоянно дует равномерный восточный ветер. Эта равномерность движения воздуха, не зависящая ни от каких земных случайностей, соответствует вместе с тем состоянию души очистившегося от грехов человека; это уже явствует из вышесказанного, а также

103 Но как вослед движенью коловрата
Первичного кружит и воздух весь,
Коль в нем нигде окружность не разъята,

106 То в высоте, в живом эфире здесь,
Движенье то деревья потрясает,
В шум приводя растущий густо лес.

В деревьях же потрепанных витеет
Такая жизнь, что насыщает ветер,
И ветер, кружась, ее рассеивает, —

109
112 Чрез что ваш край, смотря — насколько щедр
В нем грунт и климат, разных свойств растений
Выводит в свет из плод приивших недр.

115 Услыша то, поймешь без удивленья,
Как могут там, не сеяны никем,
Являться новые произрастенья.

118 А воздух здесь, где ты вступил в Эдем,
Рой всех семян разносит легкокрылый,
Родя плоды, что вам неизвестны всем.

Воды ж сей ток струится не из жилы,
Что пар питает, холодом сгущен,
Как ток земной, то сильный, то без силы:

Из вечного истока льется он
И, волей Бога, столько вод приемлет,
Насколько льет, открытый с двух сторон:

из того контраста, в котором находится этот ветер с тем ветром, который возбуждает в различных направлениях Люцифер движением своих крыльев (Ада XXXIV, 50 и след.). Штрекфусс. — 3) «По ошибочному положению астрономии того времени земля стоит в центре вселенной. Атмосфера земли вращается вместе с *primus mobile* (смотри прим. к 103-му стиху) и со всеми под ним находящимися кругами неба с востока к западу, так как *primus mobile* вращением своим увлекает за собой и лежащий под ним воздух. Пары, производящие на земле ветры, придают воздуху нередко движения, противоположные его движению от востока к западу. Сюда же пары не восходят; поэтому воздух вращается здесь всегда вместе с *primus mobile*, если не будет разорван в каком-нибудь месте посторонней причиной. Итак, воздух, постоянно вращающийся с востока к западу, встречает здесь, в раю, сопротивление в густоте леса, а это вызывает шум, который слышит Данте и о котором он спрашивает Матильду». Скартаццини.

106. «Живой эфир», *aer vivo*, т. е. совершенно чистый и свободный от земных испарений.

110. «Такая жизнь», т. е. растительная. «Ударяясь о деревья лесов, воздух наполняется их силою или жизнью, и потом, достигая в своем круговращении до обитаемой нами земли, влагает в нее такую силу, что она производит чрез это растения, семена которых человек никогда в ней не сеял». Скартаццини. — «И так чистая воля, изначала посеянная Богом в человека, есть именно та сила, которая еще и донны рассеивает по земле семена добра и счастья, к которым был первоначально предназначен человек. Эта аллегория выступает повсюду при внимательном исследовании текста». Штрекфусс.

112. «Ваш край», *l'altra terra*, т. е. то полушарие, на котором обитают люди, противоположное горе Чистилища.

116. «Там», т. е. на обитаемой вами земле.

117. Точно так, как растения в раю (XXVII, 135 и XXVIII, 69) возникают без посева семян, так точно принимает, по-видимому, Данте независимое от семян происхождение, так называемое *generatio aequivoca*, многих растений, нередко как бы внезапно возникающих на нашей земле; в сущности же они, по его мнению, рождаются от воздуха, насыщенного зародышами рая. Этим Данте старается объяснить возникновение таких растений, которые при благоприятных почве и климате, по-видимому, сами по себе рождаются на земле. По его мнению, они возникают не из семени, но как бы непосредственно от божественной силы, точно так, как наши первые родоначальники возникли не от человеческих родителей. В этом мнении заключается, по-видимому, тот аллегорический смысл, что и до сих пор возникают на земле по временам нравственные и другие явления — такие, которые как будто непосредственно исходят из рая, и притом тем скорее, чем более благоприятствует к тому почва, т. е. народ и вся прочая окружающая обстановка, при которой совершаются эти явления, находясь под покровительством природы и небесной благодати (стих 113)». Ноттер.

120. «Излагая это учение, Данте описывает природу потерянного рая, каким он, свободный от всех возмущений, свойственных грешной земле, еще существует здесь, на вершине горы Чистилища (стихи 92-96), не зная никаких ни бурь, ни испарений (стихи 97-102), рождая растения без семян, воды без дождей и ключей (стихи 109-128) и удивительным образом оказывая нередко свое влияние и на наш мир, на землю, где мы нередко видим возникновение живых существ без семян (стихи 112-114). В то же время это имеет и символический смысл: в первобытном, райском состоянии не имела места мрачная сила природы, но единственно чистая воля Божия, которою все было сотворено ко благу, будучи неисчерпаемо обильной побудительной силой в человеке, невидимым семенем всего благого. Это ненарушимо мирное состояние до сих пор существует единственно на горе Чистилища, т. е. вполне приобщается только путем оправдания и очищения — покаяния. Но и все то, что помимо этого совершается в отдельных случаях, все те грандиозные и, по-видимому, неизъяснимым образом возникающие нравственные явления — в сущности не что иное, как отголоски этого непосредственного влияния Божия, как бы семена, приносящие из рая обетование возрождения этого первичного единства с Божьей волей. Глубокомысленная и глубоко истинная идея!» Флейдерер.

127 С одной, сходя, он свойство восприимлет —
Смывать грехи; с другой — живит в душе
О добром память так, что ввек не дремлет.

130 Здесь Летою, там током Эвнэ
Зовется он, врачуя всех, кто дважды,
И там и здесь, изведаль вкус в питье,

А вкусом он затмит напиток каждый! 133
И хоть теперь, без объяснений, сам
Ты утолить уж можешь муку жажды, —

Все ж я, как милость, королларий дам, 136
И думаю, что, если дальше цели
Зайду теперь, ты будешь рад речам.

121. По разрешении первого сомнения Матильда приступает к разрешению второго вопроса: каким образом может существовать здесь вода, если нет дождей? Ответ заимствован из книги Бытия, II, 5, 6: «Господь Бот не посылал дождя на землю; ...но пар подымался с земли и орошал все лицо земли».

122-123. «Этот поток не возникает ни от дождя, ни от воды, поднимающейся из моря через пустоты внутри земли. Уже Брунетто Латини называет эти пустоты в земле жилами, по которым вода, как кровь в теле, то восходит, то опускается и приводит находящееся в горах ключи в доказательство тому, что стихия воды находится над стихией земли, ибо закон жидкости тот, что она не может подняться выше того, насколько может упасть (Tosoro lib. II, cap. 45). Самая же высокая точка, до которой может подняться вода, есть высота облаков, откуда она потом изливается на сушу и море. А так как эта гора выше облаков, то вода и не может подняться до ее вершины. О действии холода на воду слич: Чистилица V, 111. От различия притока воды зависит различие и в водном обилии рек, которые то поднимаются, то опадают; в подлиннике: Come fiume ch'acquista e perde lena, — то увеличивается, то ослабевает дыхание рек, — выражение весьма поэтическое». Филалет.

127-132. Так как человеку оправданному тягостно воспоминание о содеянных грехах, а с другой стороны — отраднo воспоминание о добрых делах, то поэт, приготавливая душу к переходу от рая земного к небесному, где все — единая радость, приводит здесь две эти реки, которые, исходя из одного и того же истока, расходятся по различным направлениям. Река, уничтожающая память о грехах — Лета (от греческ. λήθη, — забвение); другая — Эвнэ (от греч. слова, означающего «добрая память»). А как место греху будет в день Страшного Суда налево — для осужденных, направо — для избранных (Матф. XXV, 33), то поэтому и здесь одна река (Лета) течет налево, другая (Эвнэ) — направо. — Согласно с библейским сказанием, одна река исходила из Эдема для орошения сада и отсюда разделялась на четыре рукава, или реки. Помещая реки в своем раю, Данте следует библейскому сказанию (Бытие II, 10 и след.), но ни число, ни названия библейских рек не соответствовали целям поэта. Поэтому из Библии он берет лишь идею рек земного рая, также и ту идею, что реки эти, расходясь по различным направлениям, имеют тем не менее один и тот же исток. Число же его рек — собственное изобретение поэта; равно и имена им он заимствует из классической мифологии; впрочем, одни имена, но не более. Лета дантовская не есть Лета древних, которая, уничтожая память обо всем земном, причиняла тем самым истинную смерть усопшим. Напротив, дантовская Лета, испытываемая душой, производила на нее благотворнейшее действие: она позволяла ей забыть все, что в грехе содержится истинно горького и постыдного, пока грех не вполне еще искуплен и пока человек находится еще в страхе, что он не будет ему отпущен, или, по крайней мере, пока он не знает, какая участь его ожидает. Затем Данте Эвнэ изобретение совершенно новое. Эта река оживляет в памяти все благое, сделанное душой когда бы то ни было и какое бы ни было; дела не только более замечательные, на которые она наиболее надеется, но и каждое самое малое доброе дело, вытекшее из нее по силе доброй ли привычки, или по внезапному порыву любви, без всякого рефлекс на нее самое, без всякого приготовления. Слич: Перец, Скартаццини, с. 578. — «Идею о Лете и Эвнэ Данте заимствовал, по-видимому, из естественной истории Плиния, где говорится об этих реках. Не зная греческого языка, Данте не мог заимствовать их у Павсания, который говорит, описывая оракула в пещерах Трофония (Кн. IX, 39): «Откуда жрецы ведут его (посетителя) не тотчас к оракулу, но к источникам, которые находятся очень близко один от другого. Здесь он должен испытать так называемой воды Леты или забвения для того, чтобы забыть все, что у него было до сих пор в душе, и потом еще другой воды, Мнемозины, или воспоминания, чтобы чрез это он мог вспомнить все происходившее, когда спустится». «О добром и злом здесь не говорится ни слова». Ноттер. — Слич: Откр. Иоан. XIV, 13 и след.

135. «Жажда», т. е. желание познания. См. Чистилица XXI, 1.

139 Быть может, те, что в древности вам пели
Про век златой, про счастье первых дней,
О месте сем на Пинде сон имели.

142 Невинен был здесь первый род людей,
Зрел всякий плод под вечно пышным летом,
Вода ж здесь — нектар со сладостию своей».

Тут обернулся я назад к поэтам,
И видел я, с какой улыбкой те,
Внимали ей, услыша весть об этом.

Я взор свой вновь направил к Красоте.

145

148

136. «Королларий». Боэций, Phil. Cons. lib. III. pr. 10: „Igitur veluti geometrae solent demonstratis propositis aliquid inferre quae porismata ipsi vocant, ita ego quo, que tibi veluti corollarium dabo“. И lib. IV, pr. 3: „Memento corollarii illius quod paulo ante praecipuum dedi“. — «Как милость», т. е. добровольно, без твоего прошения.

140. „Felix nimium prior aetas“. Боэций, Phil. Cons. lib. II, poes. 5.

142. «Это двойственное действие есть опять указание на двойственную природу оконченного очищения, состоящую в прощении грехов и в соединенном с ним полном успокоении совести и изменении души, неуклонно стремящейся ко Благу». Филалет.

143. В подлиннике: Qui primavera sempre, ed ogni frutto. О золотом веке, Овидий. Превращ. I, 107: «Вечно стояла весна». Перев. Фета.

146. «Поэты улыбаются по поводу заблуждения, в котором они находились вместе со всем древним миром; именно Вергилий самолично воспевал золотой век в своих Георгиках I, 125-140. — Здесь уже в предпоследний раз Данте видит Вергилия; в последний раз он его видит в Чистилища XXIX, 55; но в обоих случаях Вергилий не говорит больше ни слова. В XXX, 46 поэт еще раз обращается к нему взором, но Вергилий уже исчез. — Улыбка поэтов многозначительна, — очищенной душе представится некогда земная поэзия не более как приятным заблуждением». Каннегиссер.

Земной рай. — Данте и Матильда. — Мистическая процессия, или триумф церкви.

<p>1 Как донна, пламенем любви объята,
За речью той она воспела вслед:
— «<i>Beati, quorum tecta sunt peccata</i>».</p> <p>4 И как скитались нимфы древних лет
В тени лесов, — кто с мыслью о ночлеге,
От солнца прячась, кто стремясь на свет, —</p> <p>7 Так против волн она, держась при бреге,
Пошла; я следовал за нею невдали
Шагами малыми в ее небыстром беге.</p> <p>10 Мы ста шагов с ней вместе не прошли,
Как оба берега, свой ход приема
К востоку дня, туда нас повели.</p> | <p>И лишь вошли мы в те святые земли, 13
Как вдруг, совсем оборотясь ко мне,
Сказала донна: «Брат, смотри и внемли!»</p> <p>И вот! разлился в той лесной стране 16
Внезапный блеск и ввел меня в сомненье,
Не молния ль сверкает в вышине?</p> <p>Но как блеск молний гаснет в то ж мгновение, 19
А тут, чем дале, тем сильней сиял,
То думал я: что это за явление?</p> <p>И в воздухе снявшем пробежал 22
Аккорд мелодии, и тут мне стало
Так горестно, что грех я Евы клял</p> |
|---|---|

3. «Блажен, кому отпущены беззакония» — слова псалма XXXI, 1. — „E viene questo salmo a proposito de la materia: impero che l'autore era per passare lo fiume che tollie la memoria del peccato. E però finde che Matelda cantasse questo, per accenderlo al passamento del ditto fiume et acconciamento di venire a si fatto stato, quale e quello de innocenzia e de la purità de la mente“. Бути. — Пылая любовью к церкви, Матильда в конце своей речи начинает петь этот псалом, приветствуя поэта, у которого все семь *P* (причем о последнем отдельно не упоминается) исчезли на челе и который через омовение в реке Лете вскоре утратит даже и воспоминание о своих грехах. Вместе с тем она прославляет свое собственное блаженство.

4-6. Поэт сравнивает Матильду с мифологическими нимфами, чтобы выразить целомудренную легкость ее движений вдоль берега священной реки. Подражание Вергилию, *Georg*, lib. IV, 381-383:

. simul ipsa precatur
Oceanumque patrem rerum nymphasque sorores
Centum quae silvas, centum quae flumina servant.

7. Т. е. против течения волн Леты, на противоположном к Данте ее берегу.

9. Вергилия, *Aen*. II, 724, *Sequiturque patrem non passibus aequis*.

11-12. «Когда поэт, идя к востоку, вошел в лес, Лета заграждала ему путь под прямым углом (XXVIII, 25). Поэтому, чтобы идти за Матильдой против течения потока, должно было направиться вдоль берега, повернув к югу. Но здесь поток изменил свое течение от центра земного рая (смотри ниже, XXXIII, 112): теперь он течет к внешней его окраине, именно с востока на запад». К. Витте.

14-15. Смысл символический: благодать быстро идет навстречу тем, кто ее ищет. — «Этот поворот Матильды к Данте всем телом (*tutta a me si torse*) — прекрасный образ ее благоволения к поэту. Незадолго пред этим Матильда обращалась к нему лишь очами (XXVIII, 63); теперь она оборачивается к нему всем телом, выражая этим движением, а также нежным словом «брат», ту любовь и ту великую силу, которая побуждает ее явиться ему теперь на помощь». Джиулиани.

16-18. Подражание Вергилию, *Aen*. IX, 109-110:

Hic primum nova lux oculis offulsit et ingens.
Vivus ab Aurora coelum transcurrere nimbus.

19-21. «Свет веры восходит сам собою очистившемуся от грехов человеку, и притом не в виде быстро пролетающей молнии, но в виде света, ежеминутно увеличивающегося и становящегося все светлее и светлее». Штрекфусс. — В подлиннике: *Ma perchè il balenar, come vien, resta*, — в высшей степени поэтическое изображение молнии, исчезающей мгновенно за своим блеском.

23-24. Данте клянет Еву, как более виновную, чем Адам: «И не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впадала в преступление». I посл. к Тимоф. II, 14. Слич. Фома Акв. *Sum. Theol.* p. II, 2-ae, qu. CLXIII, art. 4.

25 За то, что там, где все Творцу внимало —
Земля и небо, — женщина одна,
Едва создавшись, свергла покрывало,

28 Под ним же если б пребывала она
Покорная, то благ тех несказанных
Душа моя давно б была полна.

31 Пока я шел меж стольких первозданных
Небесных первенцов, к ним взор склоня,
И новых ждал еще блаженств желанных,

Пред нами вдруг, как заревом огня,
Зарделся воздух в том зеленом саде,
И долетел глас пенья до меня. 34

О, Пресвятые Девы! Если в гладе 37
И в холоде, лишенный сна, исчах
Я ради вас, — молю днесь о награде!

Дай, Геликон, мне пить в твоих ключах! 40
Пошли, Урания, мне мощь стихами
Сказать о трудно-мыслимых вещах!

25. «Там», т. е. в земном раю.

26-27. Вкушением плода от Древа познания она хотела открыть то, что было скрыто Богом. — «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, вы будете, как боги, знающие добро и зло». Бытие, III, 5. — „In statu primae conditionis hominis non erat, obscuritas culpaе vel poenae; inerat tamen intellectui hominis que dam obscuritas naturalis“. Фома Акв. Sum. Theol., р. II, 2-ae, qu. V. art. 1. — Гуго да Сан-Витторе, напротив, полагает, что человек в первобытном состоянии был наделен трояким познанием: „1) cognitio perfecta omnium visibilium; 2) cognitio Creatoris per praesentiam contemplationis seu per internam inspirationem; 3) cognitio sui ipsius, qua conditionem et ordinem et debitum suum sive supra se sive in se sive sub se non ignoraret“.

28-30. Буквальный смысл: если бы Ева пребывала покорною Богу, я бы наслаждался этими благами теперь не впервые, ибо я родился бы в земном раю и пребывал бы в нем во всю свою жизнь. О символическом значении этой терцины комментаторы между собой несогласны. Смотри Скартаццини, стр 623. — «Давно», т. е. со дня моего рождения до окончательного моего перехода в рай небесный. В подлиннике: *Avrei quelle inefabili delizie Sentite prima, e poi lunga fiata*.

31-32. «Первозданные небесные первенцы»: *primizie odell'eterno piacere*, т. е. «первые задатки будущих радостей небесного рая (Бенвенуто Рамбалди, Бути, Ломбарди), так как земной рай есть задаток небесного». Скартаццини.

33. Т. е. явления Беатриче, которую Данте ожидает с минуты на минуту, желание видеть которую дало ему смелость войти в пламень (XXXVII, 34-51).

37-42. «Приступая к изложению высочайших предметов небесных и божественных и притом таких, о которых не только писать, но и помышлять трудно, Данте призывает на помощь всех муз вообще и в особенности Уранию, что значит небесная». Велутелло. — Здесь разумеются музы, именно музы христианского поэтического творчества, почему поэт и называет их пресвятыми девами. — „*Sacrum è la cosa santa quanto s'appartiene a Dio, sanctum è la cosa ordinata et indicata inviolabile quanto al mondo*“. Бути. — «Пресвятой» т. е. святой в высочайшей степени. Акад. Словарь.

37-39. Слич: Рая XXV, 3. — Боккаччо в *Vita di Dante* говорит: „Non curando nè caldo, nè freddo, nè viglie, nè digiuni, nè niuno altro corporale disagio con assiduo studio divenne a conoscere della divina essenza e delle altre separate intelligenze quello che per umano ingegno qui se ne può comprendere“. Также Виллани, *Vita Dantis*: „Tanto pernoscentiae poesis amore flagravit, ut dies noctesque nil aliud cogitaret“. Сам Данте: «Oh quante notti furono, che gli occhi dell'altre persone chiusi dormendo si posavano, che li miei nell'abitacolo del mio amore fisamento miravano!» *Convivio*, tr. III, с. 1.

40. «Геликон» — знаменитая гора в Беотии, местопребывание муз, начало двух источников — Аганиппе и Ипокрены.

41. «Урания» — одна из девяти муз — муза астрономии. Она призывается здесь предпочтительно перед прочими, как представительница небесных муз, теперь, когда поэт приступает к изображению небесных предметов. В подлиннике: *Urania m'aiuti col suo sogo* — со своим хором, т. е. со всеми прочими музами, так как музы никогда не являются поодиночке, но всегда вместе.

43-54. «Видение мистической процессии (в земном раю разделяется на две главные части. Первая часть (XXXIX-XXX, 33) изображает, как церковь — учреждение божественное, или идеал церкви — идет навстречу кающемуся грешнику, страстно ищущему спасения; она — сокровищница божественных мистерий и путей милости. Во второй части (XXXII, 16-XXXIII, 12) Данте созерцает в видении

43 Семь золотых деревьев перед очами
Явилось мне в обманчивой дали
Пространств, лежащих между них и нами.

46 Когда ж так близко к ним мы подошли,
Что облик их уж не скрывал от взора
Всех черт своих, неясных мне вдали, —

Тот дар души, что разуму — опора,
Светильники явил мне в пнях деревьев
И пение Осанна — в звуках хора.

И ярче лил сосуд тот дивный в лес
Свой блеск, чем светит полный месяц в волны
В час полночи с безоблачных небес.

судьбы церкви от начала ее до перенесения папского престола в Авиньон, и затем старается (XXXIII, 34-78) отгадать, чрез уста Беатриче, будущность этой церкви. В то же самое время видение это служит ареною великих событий чисто личного свойства — последнего покаяния Данте и его примирения с Беатриче. В этой части грандиозного видения поэт нам указывает что должен делать человек, желающий достигнуть блаженства. Церковь идет навстречу грешнику, так сказать, — сама ищет его, как добрый пастырь заблудившуюся овцу, принимает его в свои недра, указывает ему пути милости, сам грешник идет навстречу церкви и добровольно подчиняется ее требованиям, стыду за содеянные грехи (XXX, 78; XXXI, 64 и далее), плачу о своих грехах (XXX, 97 и далее), полной исповеди (XXXI, 13-42), чистосердечному раскаянию (XXXI, 85 и далее), возрождению (XXXI, 91 и далее), подвигам добродетели (XXXI, 103 и далее)». Скартаццини. — «Отсюда начинается великое аллегорическое видение Данте — невидимой и торжествующей церкви, на что Матильда (стихи 61-63), которая здесь в особенности обнаруживает в этом свою деятельность, как наставница, христианская учительница, обращает внимание Данте. Для большей ясности мы дадим общий очерк символического значения мистического видения, а в дальнейшем комментарии войдем лишь в частные подробности. Вообще все это видение излагает последовательный порядок и течение или историю человеческого спасения Христовой верой, предшественницей которой была вера Иудейская; и та и другая символом своим имеют Ветхий и Новый Заветы, т. е. Библию. Что сам Данте был руководим при этом Библей, особенно Иезекиием и Иоанном, это он сам говорит в стихах 100-104. — Семь светильников означают семь даров Святого Духа: страх, сострадание — любовь к ближнему, мужество, знание, совет, мудрость и прозорливость; семь полос — семь церковных таинств: крещение, миропомазание, священство, причащение, покаяние и отпущение, елеосвящения и брак. Эти семь полос образуют собою цвета радуги (стих 78), и притом по Ландино, в следующем порядке: миропомазание — красный цвет, как знак страха, искореняемого любовью к Богу; отсюда возникает затем смирение — добродетель, противоположная гордости, которая наказуется в первом кругу чистилища; крещение образует кармазинно-красный цвет и означает сострадание, основанное на любви к ближнему, — добродетель, противоположной зависти, наказуемой во втором круге чистилища; священство дает зеленый цвет и означает мужество, основанное на надежде, откуда возникает добродетель, противоположная гневу; причащение имеет белый цвет, обозначающий знание, основанное на вере и вызывающее добродетельную деятельность, противоположную унынию; покаяние дает опять зеленый цвет, символ совета, основанного на надежде, вызывающей воздержание, — добродетель, противоположную скупости; елеосвящение — опять красный цвет, знак мудрости, основанной на любви к ближнему, вызывающей воздержание, противоположное невоздержанности; брак кроваво-красного цвета — знак прозорливости, основанной также на любви к ближнему, вызывающей целомудрие, противоположность сладострастия. Слещающие за светильниками мужи (стих 83) — патриархи и пророки, беспорочность которых обозначается их белым блеском. Двадцать четыре старца обозначают библейские книги Ветхого Завета; они увенчаны белыми линиями для обозначения чистоты библейского учения и веры. Эти двадцать четыре старца заимствованы из Откровения Иоанна (IV, 4). Чтобы получить число в 24 книги, должно держаться счету св. Иеронима, а именно: 1-5 — книги Моисеевы; 6 — книга Иисуса Навина; 7 — Софетима, Судей; 8 — Самуила; 9 — Мелаким — книга Царств; 10 — Исайи; 11 — Иеремии; 12 — Иезекииля; 13 — Терназур, Малые пророки; 14 — Иова; 15 — Давида, Псалмы; 16 — Соломона, Притчи; 17 — Кохелет, Екклесиаст; 18 — Сирхассирим, Песнь Песней; 19 — Даниила; 20 — Паралипоменон; 21 — Ездры; 22 — Есфири; 23 — Руфь; 24 — Цинот, Неемии. Они поют песнь Деве Марии, ибо Ветхий Завет содержит в себе пророчество о ней и о воплощении Христа. Стих 88 описывает промежуток между Ветхим и Новым Заветами. Четыре животных — четыре евангелиста: Матфей, Марк, Лука и Иоанн, или, вернее, четыре написанные ими евангелия, именно: Матфей представлен как человек, потому что всего более пишет о человечности Христа; Марк — как лев,

ибо он пишет о воскресении, как бы лев, пробуждающий спящих от сна; Лука — как телец, ибо он говорит о священстве, обозначаемом жертвенным тельцом; Иоанн — как орел, ибо он выше всех других, как орел, возносится в облака и в евангелии своем имеет перед глазами божественность Христа. Они украшены зеленью, ибо евангелие вечно зеленеет. Каждое животное имеет шесть крыл, причем Данте (стих 105) следует Иоанну; из этих крыл, по Велутелло, первая пара означает прошедшее, вторая — настоящее, третья — будущее, следовательно, вечность времени. Множество глаз (стих 95) указывают на провидение и прозорливость, выказанные евангелистами при изложении своих писаний. Триумфальная колесница (стих. 107) — новая церковь; два колеса ее — Ветхий и Новый Заветы. Гриф — Христос, полуптица, полулев, для обозначения двойственности его естества: божественного и человеческого. Два крыла его — правосудие и милосердие. Он простирает их между семью полосами таким образом, что они заключают в себе одну из полос, и самая средняя полоса — причастие; три полосы налево — покаяние, елосвящение и брак — принадлежат к милосердию Божьему. Три жены при правом колесе — три теологические добродетели, принадлежащие Новому Завету: любовь — красного, надежда — зеленого, вера — белого цвета. Четыре жены у левого колеса, обозначающего Ветхий Завет, — четыре основные добродетели: правосудие, мужество, благоразумие и умеренность. Они облачены в пурпуровый цвет, т. е. в цвет любви, ибо без нее не может быть никакой добродетели. Одна из них, благоразумие, имеет три ока, ибо она должна видеть прошедшее, настоящее и будущее. Два старца обозначают Луку и Павла, первого — сочинителя Деяний Апостольских, второго — сочинителя многих творений Нового Завета. Четверо в убогих одеждах — апостолы Иаков, Петр, Иоанн и Иуда, тоже писатели посланий Нового Завета. Старец, замыкающий шествие, — апостол Иоанн, сочинитель Откровения. Следовательно, здесь обозначены все писания Нового Завета. Иоанн проходит спящий, в обозначение его вдохновения; живой взгляд обозначает глубокий смысл Откровения. Первые двадцать четыре старца были увенчаны лилиями, символом веры; последние семь — розами, символом любви; четыре евангелиста одеты в зеленую одежду — символ надежды. Гром здесь не обыкновенный гром, ибо на горе Чистилища нет ни грома, ни молнии; это знак Бога, гласа Божьего, того гласа, который слышится при крещении Христа в Иордане. Шествие останавливается, чтобы Данте мог созерцать его и олицетворенное в нем очищенное человечество и чтобы он одушевлялся его созерцанием. Первые знамена — семь полос света. Все шествие образует форму креста». Каннегиссер.

43. «Силы наших чувств воспринимают, собственно, лишь отдельные признаки предметов, а не самые предметы; потому если такими признаками обладают многие предметы сообща, то возникают обманы чувств. Но если мы рассматриваем предмет с такою тщательностью, что замечаем при этом при общих признаках и более мелкие черты, которыми различные предметы отличаются между собою, то разум наш начинает сознавать это различие. То же случилось и с Данте, который семь светильников, как мы сейчас увидим, принял вначале, пока он находился от них в отдалении, за деревья». Филалет. — «Простые силы наших чувств не в состоянии постигнуть эти духовные вещи; здесь потребен озаренный разум». Флейдерер. — К пояснению этого места может служить учение Аристотеля (*De anim. lib. II, c. 6*): „*Sensibile igitur trifariam dividitur. Sensibilibus enim duo quidem per se, unum vero per accidens sentiuntur. Et illorum rursus aliud est uniuscujusque proprium sensus, aliud commune cunctis. Atque proprium id sensibile dico, quod alio sensu sentiri non potest, et circa quod error fieri nequit, ut color respectu visus, et sonus auditus, et sapor gustus. Tactus autem plures differentias habet quidem, indicat tamen de illis, ut coeterorum sensuum quisque de suo sensibili, et non decipitur. Visus enim non errat esse colorem, aut auditus esse sonum: sed quid sit id, quod est infectum colore vei ubi: aut quid sit it, quod sonat, vei ubi. Hujusmodi igitur sensibilia dicuntur uniuscujusque propria sensus. Communia vero sunt haec, motus, quies, numerus, figura et magnitudo. Talia namque nullius sunt propria sensus, sed omnibus communia sunt. Etenim tactu motus quidam sensibilis est, atque visu. Per se igitur sensibilia haec sunt*“. Так было и с Данте: золото, т. е. цвет, как объект, принадлежащий собственно глазу, — не обмануло его; но фигура — как объект, принадлежащий и глазу, и осязанию, — обманула.

49. В подлиннике: *La virtù che a ragion discorso ammannà*, «именно рассудок, который дает разуму способность облекать свои умозаключения в слово, сообщая ему для этого материал или, говоря ученым языком, *species intelligibiles*». Филалет.

50. Шествие открывают семь светильников, изливающих яркий свет. «*Septenarius numerus universitatem significat*». Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. 1, 2, qu. CII, art. 5. — Семь складается из трех (Троица) и четырех (части света); $3 + 4 = 7$ означают соединение Бога и мира, вообще согласие и гармонию. Бог и мир — две идеи, предполагающиеся в каждой религии. Это соединение совершается в цифре 7, которая поэтому есть число или цифра религии. Семь светильников напоминают прежде всего светильники скинии (Исход, XXV, 37; Числ VIII, 2); далее они напоминают семь духов: «Почит на Нем Дух Господень,

55 Я обратился, изумленья полный,
К Вергилию; но тот, от дива нем,
Ответил мне, лишь бросив взор безмолвный.

58 И вновь возвел я взгляд к святяниям тем,
К нам подхोдившим медленней невесты,
Идущей тихо к жениху. — «Зачем»,

61 Вскричала донна: «страстно так отверсты
Глаза твои к огням сим, а на тех,
Кто вслед идут, не обратишь очес ты?»

64 И зрел я сонм, идущий сзади всех
Светильников, в одежде чистой, белой,
Как только что на землю павший снег.

Сверкал поток налево Леты целой 67
И отразить меня б он слева мог,
Как зеркало, брось в воды взор я смелый.

Лишь стал на берегу я, где поток 70
Один лежал преградой между нами, —
Чтоб лучше зреть, сдержал я спешность ног.

И видел я, как следом за огнями, 73
Подобно длинным стягам, с вышины
Тянулся свет по воздуху чертами,

Так что, казалось, в нем проведены 76
Семь лент из тех цветов, из коих ткется
Дуга для солнца, пояс для луны.

дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» Исайи, XI, 2. — Данте, очевидно, заимствовал их из Откровения, где Иоанн видит семь золотых светильников (I, 12), которые суть семь церквей (I, 20). — Большая часть комментаторов видит в этих семи светильниках семь даров Духа Святого, «которые, говорят Ландино и Anonimo Fiorentino, должны быть в каждом верном христианине. Первый дар — сострадание, противоположный зависти; второй — смирение, противоположный гордости; третий — кротость, противоположный гневу; четвертый — твердость духа, противоположный унынию; пятый — осторожность, противоположный скупости; шестой — целомудрие, противоположный сладострастию; седьмой — мудрость, противоположный чревоугодию». — Пьетро ди Данте один видит в них семь степеней церковнослужителей: presbyteratus, diaconatus, subdiaconatus, et isti tres majores ordines sunt, quia in sacris; exorcistatus, acolithatus, lectoratus et ostiatus et isti minores; но это толкование никем не принято. Велутелло, как мы видели, «ставит еще в связь с ними семь таинств; окончательное учение о таинствах и седмичности их было вполне установлено незадолго перед временем Данте Фома Аквинским, из которого он черпал так обильно». Ноттер. — «Эти семь светильников вообще принимают за семь даров Духа Святого, семь световых полос — или за плоды Святого Духа, или за семь таинств. Что касается светильников, то они несомненно заимствованы из Откровения Иоанна (IV, 5), который называет их семью Духами Божиими. Следовательно, толкование это правильно». Под именем семи даров, заимствованных из Исайи XI, 2, Фома Аквинский понимает готовность различных сил души человеческой следовать наитию Св. Духа. Они относятся к божественному наитию, как нравственные добродетели к разуму. — Поэтому, в то время, как нравственные добродетели относятся только к силам воли, эти дары относятся ко всем силам души. Они называются: благоразумие, осторожность, воздержание (мудрость), знание, кротость, твердость духа и сострадание и разделяются следующим образом: благоразумие и осторожность относятся к познанию истины путем спекулятивного разума; мудрость и знание — к правильной оценке истины во всех отношениях. Кротость, твердость духа и смирение относятся к желательным силам, и притом кротость в отношении действий к другим (Богу и людям), твердость духа и смирение — к порядку собственных наклонностей. Sum. Theol., p. II, 1-ae, qu. 68. — Из этого объяснения становится ясным, как уместно открывают семь даров Св. Духа шестие этих сверхчувственных средств милости, ведущих нас к божественному, так как они именно и составляют условие полной действительности этих средств. Какое же значение имеют полосы света? Под именем плодов Св. Духа Фома понимает действие, которое производят на человека его высшие милости (Ibid., qu. 70). Поэтому весьма удобно изобразить их, как истечения из семи даров. Впрочем, этому противоречит то, что в Посл. к Галат. V, 22 плодов их постоянно насчитывается двенадцать. Потому, кажется, вернее мнение тех толкователей, которые видят в семи полосах семь таинств, находящихся, как средства милости — спасения, конечно, в близком отношении к этим дарам; хотя не должно трудиться, как это делали многие комментаторы, чтобы найти соотношение каждого таинства с каждым определенным им даром, тем более, что это вовсе не согласуется с духом Аквинатовой системы (Sum. Theol., p. III, qu. 62).». Филалет.

52. «Сосуд тот дивный» — *il bello arnese*, т. е. прекрасный строй из светильников. Данте, говоря о семи светильниках, не без намерения употребляет сосуд в единственном числе, желая тем указать читателю, что семь светильников составляют одно целое, разделенное на семь.

53-54. Пламя этих светильников блестит ярче, чем месяц при полнолунии — в середине между одним и другим новолунием, и притом в полночь, когда блеск его бывает всего сильнее на безоблачном небе, когда воздух чист и совершенно прозрачен. В подлиннике: *luna per sereno Di mezza notte. nel suo mezzo mese.*

55-57. Появление Беатриче и все ее окружающее принадлежит всецело созерцательной жизни; потому-то Вергилий, или разум, земное знание, точно так же объят изумлением, как и сам Данте. «Вергилий пришел туда, где он уже сам собою ничего не видит (XXVII, 129)». — «Или, по другому толкованию, в вещах божественных понимание власти гражданской не идет далее того, что понимает и каждый христианин в отдельности». Скартаццини. — Следует заметить, что Данте здесь в последний раз видит Вергилия; через несколько минут после этого, когда Данте обернулся к Вергилию, он уже исчез (XXX, 43-57).

61. «Донна», т. е. Матильда.

61-63. Совершенно такой же упрек сделала Данте Беатриче в раю (Рая XXIII, 70-72):

Что взор вперил так в очи ты мои?
Взгляни на сад пленительный, где снова
В лучах Христа все ветви расцвели!

64-65. «Сонм» — 24 старца. — Белый — цвет чистоты и непорочности. «Облечены были в белые одежды». Откров. Иоанна, IV, 4.

67. «Воды Леты, осветившиеся от отражения в них семи светильников, должны были находиться с левой стороны поэта, так как, достигнув их, он обратился направо. Вместе с тем это означает отражение в Лете левой стороны поэта, стороны грешного его сердца, — той стороны, содержание которой заслуживает забвения». Ноттер.

70-71. Церковь идет навстречу верующему, верующий — навстречу церкви.

73-75. В подлиннике: *E di tratti pennelli avean sembiante.* Этот стих подал повод к различным толкованиям. Во-первых, одни читали *pennelli*, другие — *panelli*; в первом случае это слово означает штрихи, проведенные кистью, во втором — длинные, узкие выпелы, которые прикрепляют корабельщики к верхушкам мачт в праздничные дни. Не вдаваясь в дальнейшие подробности (см. Скартаццини, 631), скажем, что Тассо подражал этому стиху и комментировал его (Освобожд. Иерусалим, VIII, окт. 32):

И видел я, как от звезды огнистой
Иль от ночного солнца луч спадал,
Как проведенный кистью штрих златистый,
С небес туда, где славный труп лежал.

77. «Семь лент», или полос, — *sette liste*. О символическом их значении говорено выше (стих 43 и примеч.). Приводим еще некоторые мнения. Ландино считал их за плоды Св. Духа; Annonimo Fiorentino и Пьетро ди Данте полагал в них семь членов веры, относящихся к божественности Христа; Бути первый признавал их за семь таинств церкви, которые суть символы семи даров Духа Святого. Этого толкования придерживается большая часть новейших комментаторов и переводчиков. Скартаццини (633) не согласен и с этим толкованием; но, так как вопрос этот слишком отвлеченный, мы и не войдем здесь в подробное его рассмотрение и предоставляем читателю обратиться к цитированному сочинению.

78. В подлиннике: *Onde fa l'arco il sole, e Delia il cinto.* Здесь разумеется семь цветов радуги — («дуги» в церковно-славянском языке). Вследствие отражения и преломления лучей света в парах воздуха образуется радуга вокруг солнца и пояса вокруг луны. Радуга в Святом Писании — знак завета между Богом и людьми после потопа (Бытие IX, 9-17). Каждый отдельный цвет имеет в церковном символе свое особенное значение. Бёр, *Simbolik des mosaischen Cultus*, 1837, I, s. 325.

79. «Зная» в подлиннике: *ostendali e stendali*, — это второе сравнение светлых полос, которые тянутся от пламени светильников. Они выются далее, чем сколько может видеть взор; символический смысл: семеричная, озаряющая и освящающая сила Св. Духа простирается со своими дарами над церковью от отдаленнейших времен во времена грядущие, конец которых не дано видеть взору человеческому. «О дне же том и часе никто не знает». Матф. XXIV, 36. — Бути: „A significare che niuno può sapere quanto dobbiamo di quà durare, se non Iddio“.

81. «Десять шагов», по общему толкованию, означают 10 заповедей, исполнение которых ведет к полу-

79 И каждое то зная дальше вьется,
Чем сколько взор мог видеть, и междѹ
Двух крайних десять лишь шагов придется.

82 Под чудным небом, предо мной в виду,
Двадцать четыре старца шли степенно,
В венках из лилий, по два, в том саду.

85 Все пели хором: «Будь благословенна
В Адамовых ты дщерях! О красе
Твоей вовек да хвалится вселенна!»

88 Когда ж прошли те избранныки все,
Насупротив меня в том дивном мире
Среди цветов и трав душистых, — се!

91 Как за звездой звезда блесит в эфире,
Четыре вслед животных подошло:
В венках зеленых были все четыре;

Шесть крыл на каждом; каждое крыло 94
Полно очей, и очи те подобны
Аргусовым, и то же их число.

Но тут стихи, читатель, неудобны 97
Для описанья; предписует мне
Другой предмет пресечь рассказ подробный.

Иезекииль видел их, зане 100
Он зрел их, шедших в облаке туманном
От севера, и в буре и в огне.

Прочти ж его, и в образе, им данном, 103
Найдешь их образ; в отношеньи ж крыл
Согласен я не с ним, а с Иоанном.

Простор между животных занят был 106
Победной колесницей двухколесной,
И влек ее Грифон, исполнен сил.

чению даров Духа Святого, а также и самих плодов таинств. Впрочем, цифра 10 принимается здесь как символическое число (может быть даже вследствие этого символизма и число заповедей десять). Слич: Бёр. I, 175; Данте, *Convivio*, tr. II, c. 15.

82. «Под чудным небом», в подлиннике: *Sotto così bel ciel*. — «Семь разноцветных полос в воздухе образуют как бы балдахин над процессией». К. Витте.

83. «Двадцать четыре старца». Заимствовано из Откров. Иоанна IV, 4: «И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы». В Откровении Иоанна здесь, вероятно, разумеются 12 патриархов и 12 апостолов (Ебрар, *Die Offenbarung Iohannes, Königsb.* 1853, s. 223). Но у Данте, как мы видели (примеч. к стихам 13-54), здесь разумеются книги Ветхого Завета по экзегезу блаж. Иеронима (*Prologus galeatus*), который, впрочем, насчитывает всего 22 книги. Вот подлинные слова его: „Atque ita flunt pariter Veteris legis libri viginti duo: id est, Moysi quinque et Prophetarum octo, Hagiographorum novem. Quamquam nonnulli Ruth et Cinot inter Hagiographa scriptitent, et libros in suos putent numero supputandos: ac per hos esse priscae legis libros vigintiquatuor, quos sub numero vigintiquatuor seniorum, Apocalypsis Ioannis indicit adorantes Agnum, et coronas suas prostratis vultibus offerentes stantibus coram quatuor animalibus“ etc.

84. «По два», как Христос посылал учеников Своих (Луки X, 1), чтобы выразить согласие в их учении (Бенвенуто Рамбалди), и потому, что так обыкновенно ходят в процессиях. Бути. — Венки из лилий означают чистоту учения в книгах Ветхого Завета, а может быть, и веру в грядущего Мессию. Белый цвет — символ веры.

85-87. По мнению большей части толкователей, и притом древнейших, слова эти относятся к долженствующей вскоре явиться Беатриче; по мнению других — к Деве Марии; третьих — к церкви, изображаемой колесницею. Слова эти представляют перефразировку слов св. Елисаветы, которыми она приветствовала Пречистую Деву: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» Луки, I, 42.

85-86. «О красе твоей вовек да хвалится вселенна», — *beata Virgo nullum actualem peccatum commisit nec mortale, nec veniale; ut sic in ea impleatur quod dicitur Cant. IV, 7: Tota pulchra es, amica mea, et macula non est in te* (Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе). Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. III, qu. XXVII, art. 4.

88-105. Здесь поэт изображает мистическое видение четырех животных, причем сам и указывает на источники, откуда им заимствован этот дивный образ: во-первых, на Иезекииля (I, 4-14): «И я видел: и вот бурный ветер шел от севера», и т. д. Далее, в видении пророк Даниил (VII, 3 и след.) видел четырех животных, выходивших из моря; одно из них имело 10 рогов. Это последнее мы опять видим у Данте.

Под чудным небом, предо мной в виду,
Двадцать четыре старца шли степенно,
В венках из лилий, по два, в том саду.
(Чистилище, Песнь XXIX, тер. 82)

Наконец, в своем видении Иоанн видел (Откр. IV, 6-8) их около престола Божия: «И посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади: и первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей». — Число четыре есть число мира, как три — число Бога. Мир в порядке своем и правильности есть откровение Бога; поэтому четыре — знамение божественного откровения. Бёр, *Symb. Vol. I, c. 115-171*. По экзегезу Святых Отцов, в патристике, четыре животных суть символы четырех евангелистов, и притом животное с образом человеческим представляет Евангелие от Матфея, начинающееся с человечности Христа; животное с подобием льва — Евангелие от Марка, начинающего великим гласом вопиющего в пустыне; животное с подобием тельца — Евангелие от Луки, начинающего с жертвоприношения Захарии; животное с подобием парящего орла — Евангелие от Иоанна, приемлющее свое начало с божественности Христа. Сличи: Григория Великого. *Nomil. sup. Ezech.* — Скартаццини.

89. Т. е. в земном раю.

93. «Зеленый цвет — цвет надежды; в четырех Евангелиях совершилось упование пророков Ветхого Завета и возвестилась надежда вечной жизни. Лавр — дерево вечно зеленеющее: учение евангельское — вечная истина, которая никогда не пройдет. Лавровый венок — эмблема триумфа; Евангелие победило и будет побеждать своих врагов». Скартаццини.

94. Как в Откровении Св. Иоанна. Крылья животных в видении Иезекииля и Иоанна олицетворяют божественное Провидение, действующее одновременно повсюду. В видении Данте они, по-видимому, обозначают быстроту, с которой Евангелие распространилось по всем частям мира. Некоторые полагают иначе (Ландино и Annonimo Fiorentino), — что этим обозначается высота, широта и глубина Св. Писания; по Пьетро ди Данте — шесть законов: естественный, Моисеев, пророческий, евангельский, апостольский и канонический. Сличи следующее место у блаж. Иеронима: „Matthaeus, Marcus, Lucas et Iohannes, quadriga Domini, et verum Cherubin, quod interpretatur scientiae multitudo, per totum corpus oculati sunt, scintillae emicant, discurrunt, fulgura, pedes habent rectos, et in sublime tendentes, terga pennata et ubique volitantia, tenent se mutuo, sibique perplexi sunt, et quasi tota voluntur, et pergunt quocumque eos flatus Spiritus sancti perduxerit“. Иероним Павлино.

95-96. «Очи». Оставляя в стороне многочисленные толкования древних и новейших комментаторов, будем держаться при объяснении значения очей экзегеза, предложенного блаж. Иеронимом, которого, очевидно, держится и Данте; он говорит (Prolog, galeatus): «...stantibus coram quatuor animalibus, oculatis ante et retro, id est in praeteritum et in futurum respicientibus». Итак, очи в крыльях животных означают понимание вещей прошедших, настоящих и будущих, являющееся в четырех Евангелиях. — Аргус, сын Агенора, или Арестора, был полон глаз, почему и назван *ταυροπτι* — всезрячий. Юнона поручила ему сторожить Ио, превращенную Юпитером в сороку. По повелению Юпитера Меркурий усыпил его и затем отрубил ему голову. Он был превращен Юноной в хвост павлина. О в и д я, Превращения, I, 625-627:

Сто вокруг головы у Аргуса глаз помещалось:
Пара только из них в свою очередь отдых вкушала,
А другие служили и все пребывали на страже.

Перевод Фета.

98-99. Смысл, — чтобы не выйти из-под власти искусства — *il freno dell' arte*. Чистилища XXXIII, 141.

100-102. «И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него». Иезек. I, 4 и в 13 и 14. Сличи примечание к стиху 88.

104-105. Иезекииль видел животных с четырьмя, Иоанн — с шестью крылами. Откр. IV, 8.

106-108. Победная колесница и Грифон, очевидно, самые главные или центральные символы всей мистической процессии. Скажем о них подробнее. Очевидно, Данте заимствовал колесницу из видения Иезекииля (I, 15-21), по крайней мере, первую идею ее; но колеса Иезекииля в руках Данте превратились в колесницу. В некоторых местах Ветхого Завета колесница обозначает могущество и величие Божие (Исаии, LXVI, 15). Она напоминает огненную колесницу пророка Илии (IV Царств II, 11-12). По мнению большей части древних и многих новых комментаторов, колесница Данте означает вселенскую церковь. Ломбарди первый высказал мысль, что колесница обозначает одну лишь папскую кафедру, а не церковь христианскую; это мнение приняли многие новейшие комментаторы. Скартаццини, подробно разбирая эти мнения (стр. 642), говорит, что мнение древних толкователей самое верное, т. е. что колесница эта изображает вообще Церковь Христову, и в подтверждение приводит следующее место из письма Данте к итальянским кардиналам (§ 4): „Vos equidem, Ecclesiae militantis veluti primi

109 И два крыла вздымал он в поднебесной
Меж трех и трех полос за средней вслед,
Но взмахом крыл не рушил строй совместный.

112 Подъятых крыл терялся в небе след;
Был злата блеск на всем, что в Грифе птичье,
На прочем всем — слит с белым алым цвет.

Ни Африкан, ни Август, в их величье,
Не зрели в Риме колесниц таких;
Пред ней теряет все свое отличие

И колесница Феба в самый миг,
Как, вняв Земле молящей, правосудный
Юпитер сжег ее в путях кривых.

115

118

praepositi pili, per manifestam orbitam Crucifixi currum Sponsae regere negligentes non aliter quam falsus auriga Phaeton exorbitastis; et quorum sequentem gregem per saltus peregrinationis hujus illustrare intererat, ipsum una vobiscum ad praecipitum traduxistis. Nec ad imitandum recenseo vobis exempla, quum dorsa, non vultus, ad Sponsae vehiculum habeatis“. — «Двухколесной». Менее согласны между собою толкователи о символическом значении колес. Толкований предложено множество, но все они более или менее сомнительны. Ландино и Annonimo Fiorentino видят в них активную и созерцательную жизнь, что, впрочем, у Данте уже выражено Лней и Рахилью; Оттимо Комменто, которому следует большинство комментаторов, видит в них Ветхий и Новый Заветы; но они уже выражены у Данте двадцатью четырьмя старцами. Тот же Оттимо заметил, впрочем (на что в позднейшее время обратил внимание впервые Понта), что два колеса могут обозначать также св. Доминика, т. е. учение, науку богословскую, и св. Франциска, т. е. созерцание, нищету и любовь, тем более, что сам Данте в Раю (XII, 100) называет их двумя колесами церкви. Но и это мнение встречает противоречие. — Филаэт видит в колесах Библии и предание; некоторые (Барелли) — церкви восточную и западную, и проч. — Лепольд Витте, толкуя это место, говорит и, кажется, весьма основательно, следующее: „Die Räder müssen etwas bezeichnen, worauf der Wagen der Kirche ruhen und sich bewegen kann. Ausserdem müssen concrete Gestalten vom Dichter damit gemeint sein, nicht abstracte Begriffe, die nimmermehr mit irdischem Reichthum überwachsen können. Endlich müssen es solche geschichtliche Erscheinungen sein, aus deren Mitte der Drache, die Gier nach allem Irdischen, hervorbrechen und die ganze Kirche bedecken und verunreinigen kann. Diese drei Merkmale aber scheinen mir unbedenklich angewendet werden zu dürfen, wenn wie unter den zwei Rädern den Clerus in seiner zweifachen Gestalt als Weltgeistlichkeit und Klostergeistlichkeit verstehen. Auf ihnen ruhte allerdings, nach katholischchristlicher Anschauung, der gesammte Bau der Kirche; sie waren dazu berufen, die Christenheit zu tragen und weiter zu führen, nach der Richtung, welche durch die Deichsel angegeben ward. Aus ihrem Schoosse brach das Ungeheuer der Weltgier hervor und verdarb und zerstörte die Kirche. Und bei dem Clerus, dem klosterlichen sowohl als dem weltlichen, kam allerdings auch die Gier nach Geld zu ihrem Ziele — die Geistlichkeit bereicherte sich mit den Federn der Adlers, nahm die Güter des heiligen römischen Reiches zu einem grossen Theile in Besitz und verschaffte dadurch der Kirche die verhängnisvolle Umwandlung in das Bild des Drachen“.

108. В подлиннике: Ch' al collo d'un grifon tirato venne, — которая подвигалась, влекомая выей грифона. — Гриф, или грифон, по-гречески Γρύψ, по-латыни Gryphus и Gryps, мифологическое животное с телом льва, с головой и крыльями орлиными, жившее в горах Рифейских и оберегавшее золото Севера (Herodot, III, 116). В Откровении Иоанна Христос назван львом от колена Иудина (V, 5). Данте заимствовал идею о грифоне, очевидно, у св. Исидора, который говорит о грифоне: „animal pennatum et quadrupes... Omni parte corporis leones sunt; alis et facie aquilis sumiles“ (Isid. Hisp. Orig. lib. XII, c. 2), причем прибавляет: „Sed et Cristus est Leo pro regno et foreitudine... Aquita propter quod post resurrectionem ad astra remeavit“. (Ibid. lib. VII, c. 2). Итак, Грифон есть символ Иисуса Христа, Богочеловека. Это подтверждается эпитетами самого же Данте: animal binato (XXII, 47), biforme fiera (XXXII, 96), doria fiera (XXXI, 122), и в особенности, выражением (XXXI, 81): «двумя в одно сливался естествами» — e sola una persona in due nature. Это выражение, как перевод древнего символа веры Халкедонского: ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν χριστὸν ὕδιν, χύριον, μονογενῆ ἐν δύο φύσεσιν. С таким толкованием Грифона согласно громадное большинство комментаторов.

109. В числе крыл также видят аллегорическое значение. Бути, Ландино, Велутелло и другие видят в правом крыле божественное правосудие, в левом — милосердие. Но едва ли тут заключается символический смысл. Данте дает два крыла Грифону, потому что этому баснословному животному всегда приписываются лишь два крыла.

110-111. «Подвигаясь сзади светильников и посреди их по одной и той же стезе, Грифон должен, следовательно, иметь по три светильника с каждой стороны, и, простирая то и другое крыло ввысь, занимать

два боковых пространства каждым крылом; так что, рассекая эти пространства, он не расстраивал ни одной из цветных полос». Бенвенуто Рамбалди. — Таков буквальный смысл; аллегорический объяснить труднее. Многие комментаторы его и не объясняют. — Велутелло говорит: «*nè la giustizia nè la misericordia divina impedisce mai i sette sacramenti*». — «Крылья Грифона заключают между собою четвертую из светлых полос. Если эти полосы обозначают семь таинств, то, согласно обыкновенному счету их в катехизисах, которого придерживается и Фома Аквинский, четвертая полоса будет означать таинство покаяния. А так как прощение грехов есть главная цель вочеловечения и искупления, то кажется очень уместным помещение этого таинства в середине крыла, обозначающих соединение божественного с человеческим». Филалет. — Скартаццини несогласен с этим и приводит свое объяснение: «Если семь светильников означают семикратный Дух святой (стих 50, примеч.), семь полос — семикратный дар или силу Духа Св. (стих 77, примеч.), Грифон — Христа; если орлиная часть Грифона — божественное естество в Христе; если столь высокое поднятие крыл его означает, что Христос, находясь на земле, в то же время находится и на небе и уносится, как Бог, из вида, — то отсюда следует, что намерение Данте было показать, что Христос, хотя Он от неба и в небе, однако, не прерывает чрез то силы Святого Духа, согласно со словами самого Христа: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Иоанна, V, 17. — «Я и Отец одно». Иоанна, X, 30. — Впрочем, поэт не без умысла сказал: «*Tra la mezzana e le tre e tre liste*, различая таким образом три и три и четвертое. Припомним, что три есть число божественное (примеч. к стиху 50), а четыре — число мира (*ibid.*), что эти два числа соединены и содержатся в цифре 7. Считая число полос справа и слева до правого и левого крыла Грифона, получим по три и справа и слева — число Божества; присоединим среднюю полосу, получим число четыре — число человечества. Все вместе составят семь — число, выражающее соединение Божества с человечеством. — Крылья Грифона не пересекают ни одну из этих полос, т. е. не нарушают прекрасной гармонии между 3 и 4, ни соединения их в 7. Смысл аллегории кажется, ясен.

112. Чистый разум не может постигнуть божественного естества Христа.

113-114. Намек на слова Песни Песней, V, 11: «Голова его — чистое золото». Золото — символ трех качеств Божества: света, чистоты и величия, как и блеска ослепительного». Бёр. *Symbol. I, s. 282.* — Вид золота имело все птичье, орлиное, т. е. передняя часть Грифа. Тыльная часть, львиная, представляла смесь белого с алым. «Возлюбленный мой бел и румян». Песнь Песней, V, 10. — Белый цвет — символ чистоты, непорочности, алый — цвет любви по Филалету, белый и алый цвета обозначают веру, полную любви, составляющую вместе с тем совершенство человеческой добродетели. По Скартаццини, так как цвет представляет смесь белого с алым, и, следовательно, здесь разумеются не два отдельных цвета, а слияние цветов, то должно разуметь просто телесный цвет, а это выражает человечность Божественного Слова, которое «стало плотью». Иоанна, I, 14. Так толкуют Бути, Велутелло и другие комментаторы.

115-116. Публий Корнелий Сципион Африканский, или Африкан Старший (*Africanus major*), победитель Ганнибала при Заме (19 окт. 202 до Р. Х.), почтен римлянами великим триумфом и назван Африканским. — Август, первый император римский, о котором Светоний говорит: «*Curules triumphos tres egit, Dalmaticum, Actiacum, Alexandrinum; continuo triduo omnes*» (*Vita Aug., c. 22*).

117-120. Слич: Ада XVIII, 100 и след. и прим. — Великолепие колесницы солнца описано у Овидия, *Превращ. II, 107-110*:

Ось золотая была, золотое и дышло и обод
Вкруг всего колеса и серебряных спиц весь порядок.
А на ярме хризолиты и камни цветные рядами
Отражали лучами блестящими Феба сиянье.

Перевод Фета.

Солнечная колесница, управляемая Фаэтоном, сошла со своей колеи и зажгла небо и землю. Последняя взмолилась при этом великом бедствии к Юпитеру о помощи («и гласом священным сказала». Овидия, *перев. Фета, Превращ. II, 278*), после чего Зевес кинул молнию в неистового возницу, который упал в реку Эридан, а колесница распалась на обломки. В подлиннике: *Quando fu Giove arcanamente giusto*. Это выражение *arcanamente*, таинственным образом, дало повод Бруноне Бианки подозревать, что здесь разумеется папство, завладевшее, как Фаэтон, солнечной колесницей — светским управлением церкви, и что оно, как и Фаэтон, понесет за то заслуженное наказание.

121-126. Три жены у правого колеса, как сказано, три богословские добродетели и, как уже видно из их цвета, любовь — красного, надежда — зеленого («как смарагд», изумруд) и вера — белого цвета. Их пребывание у правого колеса означает их более высокое достоинство в сравнении с прочими четырьмя женами, представляющими главные нравственные добродетели. Об их значении Фома Аквинский го-

... справа, в пляске чудной,
Я зрел трех жен...
(Чистилище, Песнь XXIX, тер. 121)

121 У колеса, что справа, в пляске чудной
Я зрел трех жен, — столь алая одна,
Что в пламени ее б заметить трудно.

124 Другая цветом — словно создана
Вся из смарагда: кости, кровь и тело;
Был третьей цвет — как снега белизна.

Казалось, был их хор ведом то белой,
То алой девой; под ее напев
Хор двигался то медленно, то смело.

Налево, пурпур на себя надев,
Вслед той, на чем челе три были ока,
Плясали две четы небесных дев.

ворит: „Cum bonum in humanis actibus attendatur secundum quod regulantur debita regula, necesse est quod virtus humana, quae est principium bonorum actuum, consistat in attingendo humanorum actuum regulam. Est autem duplex regula humanorum actuum, scilicet ratio humana et Deus; sed Deus est prima regula, a qua etiam humana ratio regulanda est. Et ideo virtutes theologicae, quae consistunt in attingendo illam regulam primam, eo quod earum objectum est Deus, excellentiores sunt virtutibus moralibus vel intellectualibus, quae consistunt in attingendo rationem humanam“ (Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. XXIII, art. 6).

126. В подлиннике: La terza pareva neve testè mossa — только что выпавший снег. Здесь я не мог удержать это сравнение; но вынужден был употребить его для стиха 66 этой же песни вместо: Tal candor di qua giammai non fùci.

127-129. «Почему три богословские добродетели предводятся то верою, то любовью, — объясняется следующим образом: Фома Аквинский отвечает на вопрос, какая из трех богословских добродетелей первая, так: по его мнению, по порядку возникновения, вера — первая добродетель, ибо только тогда можно надеяться и любить, когда мы объяли умом предмет надежды и любви, а это совершается лишь верою. Напротив, по порядку совершенства, любовь первая, потому что только она делает совершенными (полными) две другие (p. II, 1-ae, qu. LXII, art. 4). — Вера и надежда без любви — только начало добродетели, а не сама добродетель; они относятся к любви, как вещество к форме. Вера состоит в добровольном подчинении откровенной через Бога истины; а такой акт воли вполне может исходить лишь из любви. Точно так и надежда на небесное благо вообще не есть еще собственно добродетель; сначала еще нужно в частности для себя, в силу приобретенной заслуги, надеяться обладать им, а это невозможно без любви (Ibid. qu. LXV, art. 4)». Филалет. — «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». I Кор. XIII, 13. — «Если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто». I Кор. XIII, 2.

130-132. «Две четы», т. е. четыре главные добродетели: правосудие, мужество, воздержание и мудрость. Они одеты в пурпур — в цвет любви. Как добродетели естественные, вполне достаточные для естественных целей человека, они могут существовать и без любви. В высшем, однако ж, христианском смысле, в тех случаях, где они должны соответствовать сверхчувственным целям человека, они также не могут существовать без любви, здесь же они являются как христианские добродетели. Фома Аквинский говорит именно (Sum. Theol., p. I, 2-ae, qu. LXV, art. 2): „Virtutes morales, prout, sunt operativae boni in ordine ad finem qui non excedit facultatem naturalem hominis, possunt per opera humana acquiri; et sic acquisitae sine charitate esse possunt, sicut fuerunt in multis gentilibus. Secundum autem quod sunt operativae boni in ordine ad ultimum finem supernaturalem, sic perfecte et vere habent rationem virtutis; et non possunt humanis actibus acquiri, sed infunduntur a Deo; et huiusmodi virtutes morales sine charitate esse non possunt. Aliae virtutes morales enim non possunt esse sine prudentia. Prudentia autem non potest esse sine virtutibus moralibus, in quantum virtutes morales faciunt bene se habere ad quosdam fines ex quibus procedit ratio prudentiae. Ad rectam autem rationem prudentiae multo magis requiritur quod homo bene se habeat circa ultimum finem, quod fit per charitatem, quam circa alios fines, quod fit per virtutes morales; sicut ratio recta in speculativis maxime indiget primo principio indemonstrabili, quod est contradictoria non simul esse vera. Unde manifestum fit, quod nec prudentia infusa potest esse sine charitate, nec aliae virtutes morales consequenter, quae sine prudentiae esse non possunt“.

131. «Добродетель с тремя очами есть мудрость, которая состоит из трех частей: Εὐβουλία, Σύνεσις и Γνώμη, которые соответствуют вышеупомянутым трем стадиям свободного выбора, именно: Εὐβουλία соответствует Consilio, Σύνεσις — Consensui и Γνώμη — Usui, или, как выражается Фома Аквинский, относятся к советуемой, направляющей и повелевающей деятельности разума (Р. II, 1-ae, qu. LVII, art. 6). Почему же именно мудрость руководит всеми прочими главными добродетелями? Это, по теории Фома Аквинского, происходит оттого, что без мудрости нравственные добродетели

133 За чудным хороводом вдоль потока
Два старца шли, несходные ни в чем,
Лишь сходственные видом без упрека.

136 Один, казалось, был учеником
Гиппократ, рожденного природой
Ее любимцам высшим быть врачом.

Другой, казалось, воин был породой,
С мечом столь острым, что и за рекой
Я трепетал пред грозным воеводой.

Во след шли четверо, — смиренен строй
Их был, а сзади старец без усилий;
Он, хоть и спал, был видом огневой.

139

142

существовать не могут. Сами по себе они не более, как склонность к цели человека; а так как добродетель есть способность к свободному выбору, то такая склонность к цели может лишь тогда получить имя добродетели, когда мудрость руководит этой способностью к выбору правильного средства к достижению цели (Ibid. qu. LXV, art. 1). Поэтому же и в Convivio поэт сам называет мудрость руководителем нравственных добродетелей, показывающей им путь, чрез который они возникают и без которого они существовать не могут». Филалет. — Вот подлинные слова Фомы Аквинского: „Prudentia est directiva omnium moralium virtutum (Sum. Theol., p. III, qu. LXXXV, art. 3); в другом месте: „Idem medium, quod est virtutis moralis etiam est ipsius prudentiae, scilicet rectitudo rationis: sed prudentiae quidem est istud medium ut regulantis et mensurantis; virtutis autem moralis ut mensurae et regulatae“ (Ibid, p. 1, 2-ое, qu. LXIV, art. 3); еще: „Una est intellectualis virtus dirigens in omnibus moralibus actibus, scilicet prudentia“ (Ibid., qu. LX, art. 1) и еще: „Prudentia non solum dirigit virtutes morales in eligendo ea quae sunt ad finem, sed etiam in praestituendo finem“ (Ibid. qu. LXVI, art. 3).

133-135. «Два старца», первый — автор Деяний Апостольских — Лука, второй — автор посланий, св. апостол Павел (со включением Послания к Евреям, которое со времен блаж. Августина приписывается также св. Павлу). В Послании к Колоссянам (IV, 14) евангелист Лука назван врачом («Приветствует вас Лука, врач возлюбленный»). Согласно преданию, Лука был живописцем; замечательно, что Данте не упоминает об этом предании, а держится исключительно Св. Писания, а может быть, блаж. Иеронима, который (De Spirit. Eccl. in Brev. Rom.) называет св. Луку „medicus Antiochensis“, причем прибавляет: „vixit octoginta et quatuor annos“, почему Данте и называет его старцем.

134. «Несходные ни в чем», собственно, в одежде — in abito dispari.

136-138. Гиппократ, знаменитый греческий врач, отец медицины, родился около 470 г. до Р. Х. на о-ве Косе, умер в Лариссе в 356 г. — «Рожденного природой», в подлиннике: che natura Agli animali fe' ch' ella ha più cari, — смысл: природа создала его с особенными способностями к врачебной науке, чтобы оказывать своим «любимцам», т. е. человеку, как венцу творения (l'uomo è perfectissimo di tutti gli animali), Convivio, tr. II, c. 9), помощь в болезнях.

139-141. До своего обращения ко Христу Павел преследовал христиан с мечом в руке, а по обращении своим был обезглавлен мечом. Джемсон (Sacred and Legendary, Art. I, p. 188, по цитате Лонгфелло) замечает, что меч стал атрибутом св. Павла с XI века. «When S. Paul is leaning on the sword, it expresses his martyrdom; when he holds it aloft, it expresses also his warfare in the cause of Christ; when two swords are given to him, one is the attribute, the other the emblem; but this double allusion does not occur in any of the older representations». — Здесь меч, по-видимому, есть «меч духа», т. е. «слово Божие» (Ефес. VI, 17). Острота меча означает слово Божие, которое живо и действенно: «Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого; оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные» (Посл. к Евр. IV, 12). Меч этот напоминает здесь меч у привратника чистилища (IX, 78-84 и прим.). Поэтому-то, вероятно, он и внушает страх Данте, хотя и очистившемуся от семи смертных грехов в семи кругах чистилища, но все еще не чувствующему себя вполне чистым и готовым вознестись к странам звездным.

142-144. Первые четыре — символы канонических посланий, писанных апп. Иоанном и Иудой. Наконец, спящий старец, «с виду — огневой» (con la faccia arguta) — символ Откровения, писанного ап. Иоанном. Некоторые возражали на это, говоря, что апостол Иоанн является здесь в третий раз: во-первых, в виде животного, во-вторых, в виде смиренного старца, и в-третьих, в виде спящего старца, а потому в четырех старцах некоторые хотели видеть четырех отцов католической церкви: Григория Великого, Иеронима, Амвросия и Августина, или четырех главных пророков: Исаию, Иеремию, Иезекииля и Даниила; также в спящем старце — то Моисея, то Бернарда. Но здесь не представляется никакой трудности. Дело в том, что в мистической процессии участвуют не лица, а олицетворения. Двадцать четыре старца — не авторы книг Ветхого Завета, а самые книги; четыре животных — не Евангелисты,

145 И эти семь все так одеты были,
Как первый сонм; но на главах в венки
Вплетался им не цвет сребристых лилий,

148 А розыны и алые цветки;
Поклялся б всяк, вдали узрев их лица,
Что вкруг чела их реют огоньки.

Вдруг предо мной тут стала колесница,
И грянул гром, и здесь положена
Была, казалось, шествию граница.

И стали все, лишь стали знамена.

а Евангелия; два старца за колесницею — не Лука и Павел, а олицетворение Деяний Апостольских и Посланий Павловых. Точно так и здесь четыре смиренных старца — олицетворение прочих канонических посланий (Иакова, Петра, Иоанна и Иуды); они названы смиренными (*in umile paruta*), единственно, по краткости этих посланий, а не по бедности апостолов. Наконец, спящий старец — олицетворение Откровения Иоанна, а не сам Иоанн; он идет один, потому что Откровение — единственная пророческая книга в Новом Завете; он старец, ибо автор Откровения умер в глубокой старости, он идет сзади всех, так как Откровение — последняя книга Библии; он представлен спящим, но с видом огненным, потому что Откровение — ряд видений, написанных, «чтобы показать, чему надлежит быть вскоре» (Откр. I, 1) и есть „*libro di grande sottilezza ad intenderlo*“. Бути. — «Итак, великая процессия представляет нам вселенскую церковь, предшествуемую семикратным Духом Божиим, осененную семью Его силами, предшествуемую книгами Ветхого Завета, ведомую Иисусом Христом посреди Евангелий, окруженную богословскими и нравственными добродетелями и сопровождаемую остальными книгами Нового Завета. В своем перечне и выборе книг, сопровождающих церковь, Данте не хочет выходить из пределов Ветхого и Нового Заветов, может быть, в опровержение мнения тех, которые считали декретами основанием веры. Слич: *De Mon., lib. III, c. 3: «Sunt etiam tertii, quos Decretalistas vocant, qui Theologiae ac Philosophiae cujuslibet inscii et expertes, suis Decretalibus (quas profecto venerandas existimo) tota intentione innixi, de illarum praevalentia credo sperantes, Imperio derogant. Nec mirum, quum jam audiverim quendam de illis dicentem, et procaciter asserentem, traditiones Ecclesiae fidei fundamentum. Quod quidem nefas de opinione mortalium illi submoveant, qui, ante traditiones Ecclesiae, in Fidem Dei Christum, sive venturum, sive praesentem, sive jam passum crediderunt, et credendo speraverunt, et sperantes caritate arserunt, et ardentes ei coheredes factos esse mundus non dubitat*». Итак, в основу церкви Данте полагает лишь книги Ветхого и Нового Завета. Точно так и в Раю (XXIV, 136), вопрошаемый ап. Петром об основе его веры, Данте ограничивается одними книгами Ветхого и Нового Завета и не упоминает ни о каких других, ни о каких декретах». Скартаццини.

146. «Как первый сонм», т. е. двадцать четыре старца в белых одеяниях.

146-148. Они увенчаны не белыми лилиями, но венками из роз и других алых цветов, как символом их кровавого мученичества, которое они украшали небесными цветами, объемлющими их головы, как светлые повязки (*bròlo* — сад; *περίβολος, περίβολος* — огражденное место) и вместе с тем символ полной христианской добродетели, *fides caritate formata*. — Стоящий вдали, глядя на эти цветы, мог бы покаяться, что он видит огни на голове их, так ярки их цвет.

151. Процессия не движется с места во все время, пока Данте не испил вод Леты и не был приведен четырьмя женами к груди Грифона (XXXI, 100 и след. и примеч.). В этот промежуток времени Данте приносит последнее покаяние и окончательно примиряется с Беатриче. Аллегорический смысл: церковь идет навстречу кающемуся грешнику, принимает его в свое лоно и, ведя его с собою, охраняет его на пути, ведущем к блаженству вечной жизни.

152. «Гром». При входе Данте в ад было землетрясение, вихрь, молния и гром (Ада III, 130-136, и IV, 1-2). Здесь опять слышится гром. Откуда происходит этот гром? Бути отвечает: „*Questo tuono si dee intendere che fusse in quello luogo cosa sopra natura, e fusse segno da Dio dato che la processione si dovesse fermare*“. — При этом следует заметить, как говорит Велутелло, что «поэт изобразил церковь в форме креста, обращенного к западу, как обыкновенно изображаются кресты, ибо впереди поместил семь светильников, образующих основание или подножие креста; затем — 24 старца попарно, образующих древо креста до того места, где он перекрещивается и где он поместил узел, т. е. колесницу, влекомую Грифоном, посреди четырех животных; на месте правой ветви креста — три, а на месте левой — четыре жены. Наконец, в виде верхней части креста — семь старцев, одетых, как и первый строй».

154. «Знамена», т. е. семь светильников, с тянувшимися за ними светлыми полосами наподобие стягов.

Земной рай. — Появление Беатриче и исчезновение Вергилия. — Упреки Беатриче Данте.

<p>1 Лишь только стал Септентрион верховный
(Ему ж заката, ни восхода нет,
Его же блеск лишь гасит мрак духовный, —</p>	<p>Как взор вперили все пророки мира, 7
Что шли меж ним и Грифом пресвятым,
На колеснице, как на пристань мира.</p>
<p>4 Тот блеск, который за собою вслед
Ведет весь рай, как к пристани с эфира
Хор низших звезд льет мореходцам свет), —</p>	<p>Один из них, как с неба херувим, 10
„Veni, sponsa, de Libano“, ликуя,
Воскликнул трижды, и весь хор за ним.</p>

1. В подлиннике: *il settentrion del primo cielo* (септентрион первого, высшего, неба). «Этот мистический септентрион означает не колесницу, а семь предшествующих ей светильников, как это видно из Чистилища XXIX, 64-154. Септентрионом (семизвездием) поэт называет семь светильников, по имени семи звезд Малой Медведицы, озаряющей северную часть нашего неба. Одна из семи звезд этого созвездия есть Полярная Звезда. Созвездие это никогда не заходит на нашем полушарии и есть путеводное созвездие для мореходов. Точно так и семь светильников руководят колесницей церкви». Скартаццини. — «Небо неподвижных звезд — после эмпирея второе под ним — имеет ближайшим к северному полюсу созвездие из семи звезд, Малую Медведицу, к которой принадлежит и Полярная Звезда. Это созвездие, называемое, по причине семи звезд, по-латыни *Septentrio* (семь волов, или слово в слово — семиволие), указывает кормчему направление, которого он должен держаться, чтобы достигнуть пристани. Оно никогда не заходит на нашем полушарии, и потому исчезает с наших глаз лишь тогда, когда помрачается наша атмосфера. Что совершается в смысле телесном, то поэт переносит в область духовную. И бестелесное высшее небо (стих 1) божественного света и божественной любви (Рая XXVII, 113; XXX, 39) имеет свой септентрион (семизвездие), руководящий странником на его прямом пути, никогда не заходящий и омрачающийся для глаз христианина лишь его собственным грехом; септентрион этот — те семь светильников, обозначающих семь даров Св. Духа, которые предшествуют триумфальному шествию церкви (Слич: XXIX, 62 и след.)». К. Витте.

4-6. В подлиннике: *E die faceva li ciascano accorto Di suo dover*, и который научает здесь, в земном раю, каждого своему долгу. — «Небесный септентрион, предшествуя колеснице, указывает каждому участвующему в процессии его долг, т. е. прямую дорогу, подобно как септентрион из звезд нашей гемисферы указывает кормчему, куда он должен направлять корабль. *Qui* (септентрион) *non mergitur undis Axis inocciduius... ille regit puppes*». Лукан, VIII, 174. — «Этот лучезарный огонь духовного семизвездия служит каждому человеку к его нравственному благу; другой блеск — действительной Полярной Звезды — существует на пользу кормчему». Каннегиссер.

7. «Все пророки мира», в подлиннике: *la gente verace* — правдивый народ, т. е. 24 старца, сочинители писаний Ветхого Завета, или, вернее, олицетворения двадцати четырех книг Ветхого Завета, заключающих в себе высшую истину. Они обращаются к христианской церкви, о которой они пророчествовали. — «Какая глубокая мысль! Ветхозаветный предшествующий строй оборачивается к тому, что он же сам предвозвещал; строй новозаветный идет вслед за Христовой церковью, следовательно, он уже обращен к ней». Копиш.

8. «Меж ним», т. е. между семью светильниками, септентрионом, и колесницею, влекомой Грифоном (XXIX, 82 и след.).

9. Т. е. как к пределу их упований, лежащему во Христе (Грифоне) в Его церкви (колеснице). «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Луки II, 29) — слова Симеона Богоприимца.

10. «Один из них», т. е. Соломон, или, вернее, Песнь Песней, олицетворяемая одним из 24-х старцев. «Сказав, что этот один казался как бы посланным с неба (в подлиннике: *quasi da ciel messo*) для призвания Беатриче, поэт тем самым говорит, что Беатриче невеста Песни Песней. По толкованию Святых Отцов, невеста Песни Песней — церковь; а символ церкви, как мы видели, колесница. Тем не менее, как символ власти духовной, Беатриче, вместе с тем, — в известном роде представительница и церкви, почему Данте и мог отнести к ней то, что Песнь Песней говорит о невесте. Должно помнить, что невеста Песни Песней, согласно с тем, что говорит о ней Данте в другом месте (*Convivio*, tr. II, c. 15), есть божественное знание: «*che piena è di tutta pace, la quale non sofferà lite alcuna d'opinioni o di sofisciti argomenti per la eccellentissima certezza del suo soggetto, lo quale è Iddio*». Скартаццини.

11. «Со мною иди с Ливана, невеста!», — слова Песни Песней (IV, 8), или в Вульгате: *Veni de Libano, sponsa mea, veni de Libano, veni!* (Иди с Ливана, невеста моя, иди с Ливана, иди!) Под Ливаном здесь разумеется небо, под невестой — долженствующая сейчас явиться Беатриче. — «При этом надобно заметить, что, по католическому толкованию, Ливан со своими кедрами часто обозначает «гордых», которые, в противоположность «благочестивым», олицетворяют мир. Псал. XXXVI, 35. Упоминаемые в Песне Песней барс и лев — образы врагов Царства Божия (Исаии, XI, 6 и Иер. V, 6), — следовательно, церковь должна оставить место гордых, врагов Царства Божия. Это и сделал Данте, покинув (Ада I, 136) лесистую юдоль, местопребывание Барса, Льва и Волчицы. Итак, он теперь опять при церкви, которой нет места в помянутом лесу (XXXII, 100)». Копиш.

12. «Трижды», ибо слово *venì* три раза повторяется в библейском тексте Вульгаты.

*В зеленой мантии, в венке заветном
На голове сверх белых покрывал,
Я донну зрел в хитоне огнецветном.
(Чистилище, Песнь XXX, тер. 31)*

<p>13 Как из могил, призыв трубы почуя,
Воспрянут все блаженные, и всяк,
Облекшись в плоть, воскликнет: аллилуя, —</p> <p>16 Над пресвятою колесницей так
Воздвиглись сто, <i>ad vocem tanti senis</i>,
Послов и слуг той жизни, полной благ.</p> <p>19 И пели все „<i>Benedictus, qui venit!</i>“
И дождь цветов струили, говоря:
„<i>Manibus o date lilia plenis!</i>“</p> <p>22 Видал я утром, как дает заря
Цвет розовый всей стороне востока,
Всему же небу ясность янтаря,</p> <p>25 И как лик солнца, встав из волн потока,
Смягчает блеск свой дымкою паров,
Так что он долго выносим для ока, —</p> | <p>Так в недрах облака живых цветов, 28
Кропимых сонмом ангелов несметным
И в колесницу, и на знак лугов, —</p> <p>В зеленой мантии, в венке заветном 31
На голове сверх белых покрывал,
Я донну зрел в хитоне огнецветном.</p> <p>И дух во мне, хоть он и перестал 34
Так много лет быть в трепете жестоком
При виде той, кто выше всех похвал, —</p> <p>Теперь, без созерцанья даже оком, 37
Лишь тайной силой, что из ней лилась,
Был увлечен былой любви потоком.</p> <p>И лишь очам моим передалась 40
Та мощь любви, от чьей могучей воли
Во мне, ребенке, грудь уже рвалась, —</p> |
|--|---|

13-15. Т. е. в день Страшного Суда, когда, по слову апостола Павла: «Вдрут, во мгновение ока при последней трубе... воскреснут нетленными» (I посл. к Коринф. XV, 52). — «Облекшись в плоть». Я следовал обыкновенному тексту: *La rivestita carne*, хотя большинство лучших новейших изданий предпочитает чтение: *La rivestita voce*. Слич: Скартаццини, 659.

16. «Колесницей», в подлиннике: *basterna*, так во времена Данте называлась колесница или повозка на двух колесах, изукрашенная коврами и флагами, на которой ездили благородные матроны. Данте, может быть, употребляет здесь это слово для того, чтобы показать, что на ней вскоре появится Беатриче.

17-18. Послы и слуги (*ministri e messaggier' di vita eterna*) — ангелы, которые уже в Святом Писании называются слугами — в Псалт. CII, 20-21, к Евр. I, 7-14: «Ангелы... все суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». К тому же слово посол — перевод греческого ἄγγελος. — Надо полагать, что эти доселе не упоминавшиеся ангелы невидимо носились вокруг колесницы; теперь же, когда призывается на нее Беатриче, они возносятся над нею и становятся видимыми (быть может, намек на Псалом XXXIII, 8: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся его и избавляет их» по гласу такого старца», т. е. при возгласе вышеупомянутого старца (Соломона), воскликнувшего: «Иди, невеста, с Ливана!» — «Сто» — определенное число взято вместо неопределенного; собственно, множество. — Латинские слова: „*ad vocem tanti senis*“, употреблены здесь единственно для рифмы с двумя рифмами следующей терцины.

19. „*Benedictus, qui venit*“: благословен грядый, — слова, которыми приветствовал Христа народ Еврейский при входе Его в Иерусалим (Матф. XXI, 9; Марк. XI, 9; Лук. XIX, 38; Иоан. XII, 13). — Комментаторы несогласны между собою в том, к кому относятся эти слова? По одним — к Данте, по другим — к Беатриче. В пользу первого мнения говорит мужское окончание слова *benedictus*; но это ничего не доказывает, так как латинские слова здесь заимствованы из „*Sanctus*“ католической обедни и заключают в себе намек на эту обедню. Филалет полагает, впрочем, весьма маловероятным, чтобы Данте здесь приветствовал самого себя словами, обращенными к Спасителю. Другие (Фратичелли, Каммерини, Бланк и Каннегиссер) относят эти слова к Беатриче.

21. „*Manibus o date lilia plenis*“: рассыпайте лилии полными пригоршнями — слова Лахиза в подземном царстве, когда он в числе теней будущих римлян показывал Энею юного Марцелла, преждевременно умершего племянника Августа, и при этом говорил:

„*Tu Marcellas eris. Manibus date lilia plenis;
Purpureo spargam flores*“.

Вергилий, Энеида. VI, 883

22-23. „La similitudine che segue è fra le più belle del Poema, tanto per verita di colori quanto per dolcezza di versi“. Л. Вентури (Similit. dantes., pag. 5). Этим стихам подражал Петрарка, Son. CCL, 1, 2:

Quand io veggio dal ciel scender l'Aurora
Con la fronte di rose, e co' crin d'oro.

Также Тассо, Освобожд. Иерусалим, песнь VIII, ст. 1:

И златоперстая заря в лазури
В венке из роз в обычный вышла путь.

28. «Освежите меня яблоками», Песнь Песней, II, 5. В Вульгате это место переведено: „Fulcite me floribus“ — освежите меня цветами.

29. «Ангелов несметных», слич. прим. к стихам 17-18.

31-33. Данте является Донна (Беатриче) с белым покрывалом на голове и в венке из лавровых ветвей поверх него. Под зеленой мантией она одета в хитон цвета пламени. Таким образом мы видим здесь три цвета: белый, зеленый и красный — цвета веры, надежды и любви. Олива — символ мудрости, а может быть, и мира. Беатриче является под покрывалом, так как Данте еще недостойн видеть ее без покрывала, не будучи вполне очищен и примирен с нею. — „Ella (Beatrice) apparvemi vestita di nobilissimo colore umile ed onesto, sanguigno, cinta ed ornata alia guisa che alia sua giovanissima etade si convenia“. Vita Nuova, § 2. — «Беатриче представилась в первый раз Данте, как повествует Vita Nuova, также в красной одежде; в такой же одежде является она ему и теперь (стих 40). С присоединением зеленого цвета мантии в одежде Беатриче повторяются все цвета — веры, надежды и любви». К. Витте. — «До сей минуты жена эта еще не восседала на колеснице: она является впервые только теперь, полузакрытая парящими окрест ангелами и цветами, жена эта — Беатриче. Она являет в одежде своей три цвета: белый — веры, зеленый — надежды и красный — любви, точно так, как каждая из трех богословских добродетелей (XXIX, 122) облечена в один из этих цветов. Случаю было угодно, чтобы прославленная возлюбленная Данте, национальнейшего поэта Италии, в лице которой многие толкователи видят аллегорическое воплощение национальной идеи, явилась здесь в цветах, которые ныне, спустя более 500 лет по выходе в свет поэмы, составляют цвета соединенной итальянской нации. — Покрывало Беатриче имеет цвет веры и повито притом венком мира (II, 70) и мудрости, — мысль тем более глубокая, если припомнить, что в предыдущей песне, стих 26, Данте клянет неразумие, с которым Ева не захотела нести никакого покрывала и вместо веры требовала себе познания». Ноттер. — Здесь будет уместно обратить внимание читателя на то обстоятельство, «с какою неподражаемой гениальностью и прелестью изображены здесь рано скончавшаяся возлюбленная юности поэта и божественная благодать, питаемая от юности любовь к обем и уклонение от той и другой». Штрекфусс. — «С этой минуты она уже не покидает поэта вплоть до самого престола Божия; после аллегорического изображения XXIX песни мы с удвоенным удовольствием ощущаем, как с этим 31-м стихом, после долгого странствования, Данте достигает того, чего так желало его пламенное сердце, — появления во всей славе его возлюбленной, и как вместе с нею его святая песнь приемлет новый полет, удерживающийся на одинаковой высоте во все следующие песни и придающий им наивысшую поэтичность во всей его поэме». Флейдерер.

34-36. Такое же впечатление производила на Данте и земная Беатриче, когда на девятом году ее жизни впервые ему явилась: „In quel punto dico veracemente cho lo spirito della vita, lo quale dimora nella segretissima camera del cuore, cominciò a tremare si fortemente che apparia ne' menomi polsi orribilmente; e tremando disse queste parole: Ecce Deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi! In quel punto lo spirito animale, il quale dimora nell' alta camera, nella quale tutti gli spiriti sensitivi portano le loro percezioni, si cominciò a maravigliare molto, e parlando spezialmente allo spirito del viso, divse queste parole: Apparuit jam beatitudo vestra“. Vita Nuova, § 2. — «Поэт неоднократно говорит в своих сочинениях о чрезмерном трепете, испытываемом им каждый раз, когда он находится вблизи Беатриче, почему женщины однажды спросили его: из-за чего любишь ты эту даму, если не можешь перенести ее присутствия? (стихи 46-48). К. Витте.

35. «Так много лет». Беатриче скончалась в 1290 году; видение Божественной Комедии случилось в 1300 году; следовательно, прошло 10 лет с тех пор, как дух Данте не приходил более в жестокий трепет (tremando, affranto) при виде Беатриче.

37-39. Беатриче до сих пор находится еще под покрывалом и невидима Данте; но из нее исходит какая-то таинственная сила, производящая на него действие, подобное тому, которое он испытывал, когда видел ее.

41. «Та мощь любви»: L'alta virtù, — та дивная, сверхестественная, небесная сила, вследствие которой он называет Беатриче в Vita Nuova: „un miracolo, la cui radice è solamente la mirabile Trinitate“ (§ 30).

42. «Во мне, ребенке». Данте полюбил Беатриче, когда ему было всего 9 лет. — «Грудь уже рвалась» (в подлиннике: già m'avea trafitto) — «Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! Пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих». Песнь Песней, IV, 9.

43. «Как младенец». Сличи: Гомера, Илиада, XVI, 7-10:

Что ты заплакался, друг Менетид? Как дева-младенец,
Если за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,
Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла мать.

Подобное же сравнение в Псалме CXXX, 2: «Как дитяти, отнятому от груди матери».

43 Я, как младенец, что при каждой боли
Бежит к родной, чтоб помогла любовь, —
Направил взор налево поневоле

46 К Вергилию, чтоб высказать: «Вся кровь
Во мне кипит, трепещет каждый атом!
След прежней страсти познаю я вновь!»

49 Но, ах! Исчез Вергилий навсегда там, —
Вергилий, — он отец сладчайший мой, —
Вергилий, кем я был спасен, как братом!

Все радости, что первую женой 52
Утрачены, мой лик не защитили,
Чтоб он не омрачился вдруг слезой.

— «О Данте, слез о том, что прочь Вергилий 55
Ушел, не лей — увидим скоро мы,
Как от других заплачешь ты насильи!»

Как адмирал то с носа, то с кормы 58
Глядит, как действуют людей станицы
В других судах, и в них бодрит умы,

45-46. «Смущенный, подавленный силой чрезвычайных впечатлений, Данте, естественно, обращается еще раз к своему прежнему вождю, и так как он еще не соединился с Беатриче и видит при этом, что Вергилий уже исчез, стало быть, стоит на границе между прежним и новым положением, то он, понятно, должен чувствовать себя на минуту беспомощным и пораженным горем». Флейдерер.

46-48. «Каждый атом», в подлиннике: каждая драхма (мельчайший вес), *Men che dramma Di sangue m'è rimaso*. — «След прежней страсти познаю я вновь», — буквальный перевод из Вергилия, *Энеида*, IV, 20-23:

Anna, fatebor enim, miseri post fata Sychaei
Conjugis et sparsos fraterna eode penates
Solus hic inflexit sensus animumque labantem
Impulit. Agnosco veteris vestigia flammae.

49. «Вергилий исчезает, в знак того, что разум человеческий исчезает пред чудесами веры, что божественное учение мы не можем постичь, подобно тому, как постигаем другие знания, но должны воспринимать их по-детски, чистым сердцем». Копиш. — «Как уже и прежде, пролагавшее ему путь ко спасению земное знание оказывалось для него недостаточным, так теперь оно покидает его окончательно, чтобы уступить место божественному познанию». Филалет. — Беатриче принимает отныне на себя руководство Данте. Замечательно, что в земном раю Вергилий и Беатриче не обмениваются между собою ни единым словом.

49-51. Полный любви к Вергилию, Данте, не раз называвший его сладким отцом, здесь называет его сладчайшим (*dolcissimo padre*) и три раза называет его по имени, подражая здесь, может быть, самому Вергилию, который (*Georg. IV, 525-527*) трижды повторяет имя Эвридики:

.... Eurydicen vox ipsa et frigida lingua,
A miseram Eurydicen anima fugiente vocabat,
Eurydicen toto referebant flumine ripae.

52-54. Т. е. все прелести и радости земного рая, утраченные когда-то Еввой, не удержали его от того, чтобы лицо его не оросилось слезами вследствие утраты Вергилия.

53-54. «Лик... омрачился вдруг слезой», в подлиннике: *guance nette di rugiada*, щеки омытые росой — намеком на Чистилища I, 95 и примеч., 122 и далее, где Вергилий оmyвает росой лицо Данте.

55. «Эта внезапная развязка — черта высочайшей поэзии: нужно было тотчас представить Беатриче читателю, и вот она сама выполняет эту задачу». Чезари. — «Говорит эти слова Беатриче. Место это, начало укорительного суда, который вслед за тем произносит Беатриче над Данте, — единственное во всей Божественной Комедии, где столь беспощадный к своей человеческой природе и строгий, равно и гордый в отношении своего поэтического призвания и сознающий сам свое достоинство, поэт решается сам произнести свое имя. В другом месте, именно Рая XXVI, 104, некоторые издатели вместо *da te* читают *Dante*, очевидно, ошибочно, как это явствует из всего контекста этого спорного места». Ноттер.

57. «Других ... насильи», в подлиннике: *per altra spada*, от иного меча, т. е. от меча сокрушения своего собственного сердца, разумея те жестокие упреки, которые сделает Беатриче Данте впоследствии.

61 Так с левого обвода колесницы,
При имени моем, его же звук
Я по нужде вношу в мои страницы,

64 Я зрел, как та, которую вокруг
Сперва скрывал хор ангелов, взор первый
Через поток в меня метнула вдруг.

67 И хоть покров, из-под венка Минервы
С главы ее спадавший, ей к лицу
Мне возбранял очей направить нервы, —

С величьем, сродным царскому лицу, 70
Она рекла, как тот, в ком есть обычай —
Сильнейшее беречь в речах к концу:

— «Вглядись в меня, взглядишь: я — Беатриче! 73
Взойти сюда как в ум тебе вошло?
Как о моем ты вспомнил давнем кличе?»

Мой взор упал тут в чистых вод стекло; 76
В нем увидел я вид свой столь убогий,
Что взор отвел, так стыд мне жег чело!

В Святом Писании о слове Божиим говорится, что оно «острее всякого меча обоюдоострого и проникает до разделения души и духа, суставов и мозгов» (Посл. к Евр. IV, 12).

58-60. По важности выведенного здесь лица (адмирала) и его служебных обязанностей, сравнение ука- зывает на полное достоинства величие Беатриче, и, выражая попечение и краткие речи, обращаемые адмиралом к экипажу других судов, т. е. других меньших кораблей, чтобы ободрить его к исполнению своих обязанностей, показывает, что в действиях и из взоров Беатриче проявляется величие ее души. Самая мистическая колесница, на которой покоится Беатриче, имеет нечто аналогичное с главным кораб- лем флота, на котором находится адмирал». Л. Вентури, *Similit.* p. 214. — Почти такое же сравнение употребляет Данте в *Convivio* (tr. IV, c. 4): „Siccome vedemo in una nave, che diversi ufficii e diversi fini di quella a uno solo fine sono ordinati, civè a prendere loro desiderato porto per salutevole via: dove siccome ciascuno ufficiale ordina la propria operazione nel proprio fine; così è uno che tutti questi fini considera, e ordina quelli nell' ultimo di tutti: e questi è il nocchiere alla, cui voce tutti ubbidire deono“.

61. В стихе 28 не совсем ясно сказано, находилась ли Беатриче в минуту своего появления в колеснице или подле нее; но из сравнения с адмиралом, находящимся, конечно, на корабле, надобно допустить, что Беатриче находилась на колеснице, точно так, как и в песне XXXII, 36, она на ней находится. Во всяком случае, где бы она ни была, в колеснице ли, или вне ее, она теперь находится у левого обвода (в подлин- нике: *spronda*, борт, — термин, одинаково пригодный и для корабля, и для колесницы); так как при этом Лета протекает с левой ее стороны (см. стихи 67-71), то и Беатриче должна стоять на этой же стороне, чтобы обращать взоры на противостоящего Данте. В таком положении она обращена к четырем светским добродетелям (XXIX, 130-132 и примеч.). Ноттер.

62-63. „Parlare di sè medesimo pare non licito... Non al concede per li rettorici alcuno di sè medesimo senza necessaria cagione parlare“. Conv. tr., II, c. 2, — «Поэт говорит, что по необходимости написал здесь свое имя, так как донна должна была назвать его по имени по двум причинам: во-первых, потому, что он был именно то лицо между многими, к которому она направила свое слово; во-вторых, потому, что людская речь всего более трогает, когда к кому-либо обращаются с его собственным именем, и в этом обращении к Данте выражено к нему более любви; точно так и упрек язвит тем более, когда лицо упрекаемое названо упрекающим по имени». Оттимо.

64. «Та», т. е. Беатриче.

65. Т. е. облаком цветов, бросаемых руками ангелов (стих 28 и примеч.). — «Намек на то, что в очи- стившемся человеке лишь мало-помалу возникает познание божественного». Штрекфусс.

67. Голова Беатриче прикрыта покрывалом, на которое возложен венок из оливы (стих 31), называемой деревом Минервы, так как во время спора между Минервой (Афиной) и Посейдоном, кому обладать Аттикой, первая привлекла к себе ее жителей тем, что принесла им в дар дерево оливы или маслины. — «Атрибут языческой богини мудрости принимается и как олицетворение небесной мудрости». Канне- гиссер.

70. „Dal principio essa filosofia pareva a me, quanto dalla parte del suo corpo (civè sapienza), fiera, chè non mi ridea, in quanto le sue persuasioni ancora non intendea; e disdegnosa, chè non mi volgea l'occhio, civè ch'io non potea vedere le sue dimostrazioni. E di tutto questo il difetto era dal mio lato“. Conv., tr. III, c. 15. Эти слова *Convivio* имеют разительное сходство с рассматриваемым местом поэмы.

71-72. Т. е. как тот, кто прибегает сильнейшие упреки и порицания к концу речи.

73. В подлиннике: „Guardami ben: ben son, ben son Beatrice!“

79 Не кажется и сыну мать столь строгой,
Как мне она, так сладкий мед любви
Ее ко мне был полон желчи многой!

82 Едва лишь смолкла — ангелы вдали:
„In te speravi, Domine“, воспели,
Но дальше „pedes meos“ не пошли.

85 Как стынет снег у мачт живых на теле,
Навеянный в вершинах Апеннин
С Словенских гор в холодные метели,

Едва ж из стран без тени до вершин 88
Коснется жар — закованный дотоле
Весь снег плывет, как воск, огнем палим, —

Так я без слез и вздохов был, доколе 91
Гимн не воспел хор Божий в вышине, —
Хор горних сфер, покорный высшей воле.

И вот, когда он сострадание мне 94
Сильнее выразил, чем если б прямо
«Что так строга?» проговорил жене, —

74-75. Слова, сказанные иронически: почел ли, наконец, достойным труда взойти на эту гору, единственно на которой человек может найти блаженство. В переводе эти стихи несколько изменены; в подлиннике: „Come degnasti d'accedere al monte? Non sapei tu, che è l'uom felice?“ В иронии этих слов заключается упрек, относящийся к гордому, самонадеянному исследованию, которому греховно предавался Данте в тот период жизни, когда он искал себе спасения не в божественном откровении Писания, но в философии и политических делах, вместо того, чтобы тотчас же всецело и послушно обратиться к откровению божественных книг, как того хотел Бог». Копиш.

76. Т. е. в Лету (XXVIII, 25 и примеч.).

78. Итак, Данте чувствует себя виновным, но в чем же? Конечно, не в тех грехах, которые очищаются в предверии и в семи кругах чистилища, ибо вместе с семьей Р уничтожены и отпущены ему и семь грехов, и он не может уже стыдиться их или считать себя в них виновным. Итак, грех его должен быть грех еще не очищенный и не отпущенный. И действительно, гордость философская, сомнение в предметах, касающихся веры, не очищается ни в одном из кругов чистилища. Если Данте грешен в этом отношении, то этот грех еще остается в нем, и этот грех и есть именно тот, в котором его уличает Беатриче». Скартаццини.

79-80. «Данте часто сравнивает Беатриче с матерью (Рая I, 102; XXII, 4). Трудно понять, почему богословие называется матерью; матерью может быть лишь церковь. Но власть церковная — представительница церкви. Итак, если Беатриче олицетворяет церковную власть, то Данте справедливо сравнивает ее с матерью». Скартаццини. — «В этих словах Данте изображает сострадание, или милосердие, которое не умалчивает перед грешником о его грехах, и потому кажется ему горьким, хотя вместе с тем эта горечь служит ему же ко благу». Каннегиссер. — «Сравнение с матерью, строгой к своему сыну, показывает, что здесь поэт выражает общее правило, причем надобно разуметь, что наказующее милосердие всегда отзывается чем-то горьким наказуемому». Скартаццини.

82. Ангелы, окружающие колесницу, отвечают вместо Данте Беатриче. — «Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов». Посл. к Евр. XII, 22.

83-84. «На Тебя, Господи, уповаю», слова XXX псалма. Ангелы поют первые девять стихов этого псалма: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек; по правде Твоей избавь меня», и проч. до последнего стиха девятого: «И не предал меня в руки врага; поставил ноги мои на просторном месте». Цель ангельского пения — утешить и успокоить поэта, почему ангелы и не поют остальную часть псалма, как сюда не относящуюся. — «Как величественно, как психологически верно действует эта утешительная песнь на глубоко сокрушенного поэта, растерзанное сердце которого облегчается благодетельными вздохами и слезами, это выражают следующие прекрасные стихи». Штрекфусс.

85-90. Сравнение, в котором заключается два сравнения; Данте сравнивает себя со снегом, а слышанные им слова — с ветрами, слова Беатриче — с северным, дующим с Словенских гор, слова ангелов — с южными, — из Африки. Первые ветры заставляют смерзаться мокрый снег, вторые — заставляют его таять, как свечу. «Словенские ветры, от которых снег замерзает между ветвями деревьев, это те ветры, которые в древности назывались boreales и которые теперь называются в Италии grescali, потому что Славония лежит между востоком и севером относительно Апеннинского полуострова. Ветер, от которого тает снег, дует с юга и запада, что обозначается у поэта странами «без тени» (la terra, che perde ombra); этим свойством обладают одни лишь страны тропические или жаркого климата, где два раза в году солнце в полдень бывает в зените, вследствие чего тень от предметов вертикальных, упавшая на их основание, становится невидимою». Антонелли. Древние полагали, что это свойство тени заметно уже в Сиене, на

97 Растаял лед вокруг сердца в миг тот самый
И вышел влагой в очи, а в уста
Потоком вздохов из груди упрямой.

100 Она ж, все там же стоя, в небеса
Так с колесницы к существам предвечным
Направила святые словеса:

— «От вечности вы в свете бесконечном; 103
Ничто, — ни ночь, ни сон, — не скроют вам
Того, как век идет путем беспечным.

Я ж смысл такой желаю дать словам, 106
Чтоб тот, кто плачет там, познал о тесных
Соотношениях горести к грехам.

южной границе Египта, лежащем вблизи поворотного круга, что несправедливо. «У мачт живых» (*tra le vive travi*) — «в вершинах Апеннин», собственно на хребте Италии (*Per lo dosso d'Italia*). Данте весьма поэтично называет вытянутые в длину Апеннины хребтом, как бы позвоночником Италии; в его время они были покрыты великолепными лесами пиний, или «живыми мачтами». «Денистоун, *Mem. of the Duke of Urbino*, I, 4, говорит: На вершине росли те великолепные пинии, которые дали окресту Массы наименование *Trabaria*; их вывозили отсюда для дворцов Рима: они-то и названы поэтом «живыми брусками» (мачтами). Лонгфелло.

92. «Хор Божий», т. е. ангелы, всегда поющие согласно гармонии небесных сфер. «По мнению Платона и Пифагора, мировые тела своим движением производят музыку, гармонию сфер. Данте держится здесь этого мнения и прибавляет, что ангелы сопровождают эту музыку своим пением». Каннегиссер. Скартаццини. — „*Locutione qua Angeli loquuntur Deo, laudantes ipsum, et admirantes, semper Angeli Deo loquuntur*“. Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. I, qu. CVII, art. 3.

94-95. «Скорбь», т. е. сострадание. „*Peccatores — quamdiu sunt in hoc mundo, in tali statu sunt, quod sine praeeiudicio divinae iustitiae possunt in beatitudinem transferri de statu miseriae et peccati. Et ideo compassio ad eos locum habet et secundum electionem voluntatis (prout Deus, angeli et beati eis compati dicuntur, eorum salute volendo), et secundum passionem, sicut compatiuntur eis homines boni in statu viae existentes*“. Фома Акв. *Sum. Theol.*, p. III, Suppl. qu. XCIV, art. 2.

98. «Вздохи и слезы исходят из уст и очей» — «Из глаз моих текут потоки вод, оттого что не хранят закона Твоего». Псалом CXVIII, 136.

100. В подлиннике: *Ella, pur ferma in sul la detta coscia Del carro* — она же, стоя неподвижно на сказанной (левой) стороне колесницы.

101. К существам предвечным (*sustanzie pie*), т. е. к ангелам. Фома Аквинский называет ангелов *forma subsistens*: „*Angelus — est quaedam forma subsistens, et per hoc intelligibilis in actu. Unde sequitur quod per suam formam, quae est sua substantia, se ipsum intelligat*“. *Sum. Theol.*, p. I, qu. LVI, art. 1.

103-105. Смысл тот, что ангелы никоним образом и ни в какое время не могут отрешиться от непрерывного созерцания Бога; тогда как мы, привлекаемые земными и телесными предметами, единственно на них только и обращаем внимание, не подымая ни на минуту своих умственных очей для созерцания небесного и божественного. Итак, Беатриче говорит ангелам, что они вечно бодрствуют и созерцают своего Создателя, так что ни ночь, ни сон не похищают у них шага, который делает в своем пути век, принимая век вообще за время, которое есть не что иное, как тень вечности». Даниелло. — «В свете бесконечном», в подлиннике: *nell'eterno die* (в вечном дне). «В день вечный». II посл. Петра, III, 18. — «Здесь высказывается противоположность созерцания ангелов созерцанию смертных, на которых имеют влияние и ночь и день». — Копиш. — По Фоме Аквинскому, ангелы знают будущее и мысли сердец человеческих: „*Sicut Deus per suam essentiam materialia cognoscit, ita Angeli ea cognoscunt per hoc quod sunt in eis per suas intelligibiles species*“. *Sum. Theol.*, p. I, qu. LVII, art. 1.

106-108. Смысл тот: как вы знаете, что творится в мире, то цель моего ответа направлена не к тому, чтобы наставить вас, но к тому, чтобы ее мог понять тот, кто плачет по ту сторону реки Леты, и чтобы горесть его была соразмерна (пропорциональна) его грехам.

109-117. «Чудесные круги» (*ruote magne*), небесные сферы. По верованиям астрологов того времени, небесные сферы и расположение созвездий имели влияние на развитие духовных даров, называемых натуральными (Сличи: Ада XV, 55 и прим.; Чистилища XVI, 73 примеч.). Смысл этой и следующих двух терцин, значит, тот: не только вследствие влияния светил в час рождения (по астрологии), но и по особенной благодати Божией, изливающейся на человека наподобие тихого дождя, хотя мы и не можем понять, как и почему (стих 114) он бывает предрасположен к добру.

110. Т. е. дают всему рождающемуся наклонность к чему-нибудь доброму или злему.

109 Не только силой тех кругов чудесных,
Что всем посевам свой дают покров
По положению светил небесных,

112 Но и обильем Божеских даров,
В мир льющих, как дождь, всегда готовый,
Из недоступных для ума паров, —

115 Он таковым в своей был жизни новой,
Вернее — мог бы быть, что добрый нрав
Принес бы в нем плод сладкий и здоровый.

Но тем полней бывает сорных трав 118
Та почва, что прияла злое семя,
Чем лучше был земной ее состав!

Моей красой он сдержан был на время, 121
И, следуя младым очам моим,
Он прямо шел, грехов отбросив бремя.

Но лишь чреда настала дням вторым, 124
Едва лишь в жизнь вступила я иную, —
Меня забыв, он предался другим.

111. Смотрия потому, какой силой обладает звезда, под которой родится человек.

113-114. Метафора заимствована от дождя, причина которого — пары. Пророк Иоиль (II, 23) сравнивает милость Божию для отдельных душ (Рая XXXII, 64) с капающим с неба дождем. Источник земных дождей — атмосферные пары; но той сферы, где иной пар вызывает эти божественные дожди благодати, не достигают не только умы человеческие, но и умы праведных и даже ангелов. Матф. XXIV, 36. Рая XX, 118 и примеч. — „Licet Angeli beati divinam sapientiam contemplantur, non tamen eam comprehendunt; et ideo non oportet quod cognoscant quidquid in ea latet“. Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LVII, art. 5.

115. «В жизни новой» — относится к юности поэта, но с особенным указанием на его юношеское сочинение под этим наименованием — *Vita Nuova*.

116. «Мог бы быть», в подлиннике: *virtualmente*, т. е. в возможности быть тем, чем он мог бы стать вследствие даров, данных небесами, и по обилию божественной благодати. „Sunt enim ingenii nostris semina innata virtutum, quae si adolescere liceret, ipsa nos ad beatam vitam natura perduceret“. Цицерон. *Tuscul.*, III. — «И так Данте, говорит здесь Беатриче, был предрасположен для каждого доброго нрава, для достижения всякого навыка в добром и прекрасном и притом вследствие двух вышеупомянутых источников всех природных и божественных добродетелей — вследствие природы и благодати Божией. Все сотворенное, а с тем вместе и дух человеческий, имеет свои природные расположения; а эти расположения, согласно с упомянутой теорией поэта, приводятся к цели своей влиянием звезд. В этом-то, или, выражаясь иначе, во врожденной способности и во внешних условиях и состоят дары природы. Но благодать Божия исходит из области более высокой, чем та, из которой изливается дождь, капающий с облаков; она непосредственно исходит от Бога, из высочайших небес, лежащих выше звездного неба, куда не достигает взор человека». Филалет.

117. В подлиннике: *Fatto averebbe in lui mirabil pruova*.

118-120. «Но эти дары не могут помочь, они делают человека еще более наказуемым, когда он примет их не с полною охотою». Филалет. — «Грех становится более тяжким, смотря по состоянию согрешившего, не потому, чтобы грех сам по себе стал большим; но согрешивший, чем больше совершает грехов, тем большего заслуживает наказания, почему поэт и говорит в виде примера, что насколько почва сильнее, свежее, и способнее воспроизводить, — настолько, если воспримет в себя злое семя и не будет возделываться, — настолько более дает злых плодов». Ландино. *Anonimo Fiorentino*.

121. «На время», т. е. в течение 16 лет. Беатриче было 8 лет, когда 9-летний Данте в первый раз увидел ее (1274); она скончалась в 1290 году, когда ей было 24 года. В чем же так жестоко упрекает его Беатриче? Не входя здесь в подробное исследование этого спорного вопроса, приведем здесь превосходные толкования Ландино и *Anonimo Fiorentino*: «Некоторое время, т. е. в детстве, когда автор не допытывался никакого рационального основания настоящих своих познаний, он довольствовался знать *quia sic est* (Чистилища III, 37). Затем он пожелал резонерствовать и требовать для каждой вещи доказательства до очевидности; из теолога сделался философом, покинувши богословие и всякое доказательство *ab auctoritate*». Вообще заметим, что все древние комментаторы одинаково понимают, что Беатриче упрекает Данте в том, что он оставил изучение теологии и Св. Писания, чтобы предаться, по мнению одних, поэзии (Оттимо, Пьетро ди Данте и др.), по другим — для иных занятий и любви (Бути, Ландино), по третьими — для почестей, богатства и мирского величия (Велутелло, Даниелло), по Бенвенуто Рамбалди — для того, чтобы гоняться за другими женщинами. Подробнее см. Скартаццини, также К. Витте, *Ueber das Missverständniß Dante's* (Hermes, 1824), перепечатанное в его *Dante-Forschungen*.

127 Когда ж на дух сменила плоть земную
И возросла в красе и чистоте, —
Он перестал ценить меня, святую.

130 И ложный путь он избрал в слепоте
Вслед призракам пустого идеала,
Поверивши несбыточной мечте;

133 Нایتъ свѣше уж не помогало,
Каким не раз к себе в виденьях сна
Звала его, — так чтил меня он мало!

И так он пал, что мне уже одна 136
Спасти его дорога оставалась:
Явить ему погибших племена.

Затем-то я и к мертвыми в сень спускалась 139
И там пред тем, который в этот край
Привел его, слезами заливалась.

Нарушится суд Божий, если в рай 142
Он перейдет чрез Лету, узрит розы
Небесных стран и не уплатит пай

Раскаянья, пролив здесь горьки слезы». 145

124-125. «Но лишь чреда настала дням вторым» и проч., т. е. в начале моей юности. *La umana vita si parte per quattro etadi. La prima si chiama adolescenza, cioè accrescimento di vita: la seconda si chiama gioventù... Della prima nullo dubita, ma ciascuno savio s'accorda, ch'ella dura infino al venticinquesimo anno.* Conv., tr. IV, с. 24. Беатриче скончалась 9 июня 1290 г., 24 лет и 4 месяцев, стало быть тогда, когда кончала первый период своей жизни и была уже на пороге второго периода. — «Лишь» (*si tosto*) должно принимать не в буквальном смысле, ибо Данте оплакивал Беатриче два года. *Vita Nuova*, § 35, 36.

125. «И в жизнь вошла иную», *e mutai vita*, т. е. когда я скончалась, переменяла земную жизнь на жизнь загробную.

126. Буквально: «предался» *donna gentile* в *ero Vita Nuova* (§ 36-39), а затем и другим женщинам, как увидим ниже, аллегорически: — философским умозрениям, покинув веру и любовь сыновнюю.

127. Т. е. когда из смертной я стала бессмертной.

129. «Он перестал ценить», в подлиннике: *Fu'io a lu men cara e men gradita*, он охладил ко мне в то время, когда бы должен был любить меня еще более.

130. «Ложный путь», т. е. путь философских умозрений, после того как оставил прямой путь веры, — ясное доказательство, что Данте упрекается здесь не только за любовные дела, но и за грех совсем иного рода. Грех этот тройкий: 1) по смерти Беатриче Данте влюблялся в других женщин (стихи 124-126); 2) любовь его к Беатриче охладела, когда она стала бессмертной и святой (стихи 127-129); 3) Данте покинул прямую дорогу и направил шаги на ложный путь, вслед призракам истинного блага (стихи 130-132). Это служит прямым опровержением тех, которые видят здесь упрек за его плотские прегрешения (как, например, Вегеле, *Dante Aligh. 2 Heft, S. 92*). Ложный путь есть тот, о котором говорит Исаия, LXV, 2: «Народу, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям».

132. «Несбыточной мечте», т. е. такой, которая никогда не может привести к хорошей цели. *Non igitur dubium est, quin hae ad beatitudinem viae devia quaedam sint, nec perducere quemquam eo valeant, ad quod se perducturas esse promittunt.* Боэций. *Phil. Cons. lib. III, pr. 8.*

133-134. Очевидно, намек на те видения, которые Данте рассказал в своей *Vita Nuova*, § 40.

136. Слич: Чистилища I, 63.

140. Пред Вергилием, Ада II, 116 и Чистилища XXVII, 137.

144. «Пай», в подлиннике: *scotto*, собственно, плата (в таверне за еду), *le payement*, ce que l'on donne pour racheter une faute (Бланк, *Vocab. Dante*); я перевел словом пай, доля, часть в каком-нибудь общем деле или общине. Смысл: он не может испытать вод забвения без слез покаяния. Данте хотя и находится теперь в земном раю, тем не менее должен подвергнуться новому покаянию, прежде чем увидит Беатриче без покрывала и почувствует себя чистым и готовым вознестись к звездам. Хотя он и свободен от семи грехов (*P*), на нем все еще остаются грехи, которые не очищаются ни в предверии, ни в семи кругах чистилища. Какие же это грехи?

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Эта песнь, вместе с первыми 12 стихами следующей и песнями IX и XXVII Чистилища, составляет третье основное место для развития всей Божественной Комедии, так сказать, настоящий центр ее, вокруг которого вращается как все предшествовавшее, так и последующее. Теперь значение этого центра, при непосредственной связи с заключительным примечанием к XXVII песни Чистилища, можно охарактеризовать легко и просто. Дело идет, сказали мы там, — об окончательном освящении очистившегося уже человека для вступления в райское состояние и для перехода отсюда к абсолютному блаженству, достигающему в богопознании до созерцания (III часть Божественной Комедии — Рай). Это последнее освящение, представляющее вместе с тем и восприятие в недра невидимой церкви, совершается Беатриче, этим жизненным началом ее, восседающим на колеснице, — при помощи трех актов: 1) она приемлет последнюю, как бы все в себе сосредоточивающую, но, очевидно, часто личную, общую исповедь от поэта (стихи 1-90); 2) она позволяет Матильде погрузить поэта в Лету и напоить его (род крещения чрез погружение, истинное, духовное крещение), как символ уничтожения самонаименьшего болезненного воспоминания в его душе об отпущенных уже грехах (стихи 92-102), и позволяет той же Матильде приобщить его к хороводу четырех внешних добродетелей, наконец, подвести его к Грифону, Христу (стихи 103-123). Вместе с тем совершается и переход через поток. Все эти символы приличествуют Матильде, как символу практической стороны христианского совершенства, на высоту которого Данте теперь становится (слич: XXVII, 100; XXVIII, 40). Только позднее — очевидно, из одних поэтических соображений, но в теснейшей связи с погружением в Лету, — должна Матильда погрузить поэта и в воды Эвнэ (XXXIII, в конце). Как эти два потока в сущности составляют лишь один поток, так точно здесь является одно и то же действие, окончание освящения, лишь разделенное на два акта, из которых первый более отрицательного свойства, второй же более положительного характера, как воспоминание доброго, проявление стремления к добру. 3) Наконец, Беатриче сбрасывает с себя покрывало, не возбраня более вполне созерцать себя (ст. 124 — XXXII, 6), и тем самым символизирует полное соединение Данте с ней, как со всетворящей, восполняющей благостью свыше во Христе и, вместе с тем, как с животворящим богопознанием в самом духе (христианское совершенство с созерцательной стороны. Чистилища XXVIII, 40 и XXXII, 9), и это совершенство продолжается теперь в небе, в раю, до самых крайних пределов созерцания Бога, где и кончается Божественная Комедия. — Таким образом, здесь подтверждается высказанное уже выше (Ада I, прим. 79-81, 122; II, 53; 70) воззрение на символическое значение Беатриче. Здесь же уместно показать читателю, что действительно (конечно, совершенно идеальная) юношеская любовь поэта легла в основу символической Беатриче; что воссоединение их обоих празднует здесь свой триумф, апофеоз возлюбленных, и что вместе с тем пред очами поэта носит духовное подъятие человека к Богу, и что Данте, как здесь, так и вообще во всей своей поэме, достигает той тройственной цели, которая вообще составляет смысл всей Божественной Комедии, а именно, на основании своей собственной житейской опытности предложить путь спасения для всего человечества вообще, и, в частности, для своего времени. — Напоминанию этого последнего — церковно-политического смысла и цели Божественной Комедии — очевидно и назидательно посвящено видение и предсказание об истории церкви, которую Беатриче разоблачает перед Данте, после всего сказанного в XXXI песни, в XXXII и XXXIII песнях, с настойчивым, неоднократным повелением возвестить земле им виденное. — Впрочем, нельзя здесь не заметить в кратких словах, что такое воззрение на тройственный смысл Божественной Комедии отнюдь не исключает того, чтобы в отдельных местах поэмы то или другое из этих отношений не выступало на первый или не отступало на задний план — это нередко случается и даже требуется основным характером сочинения, как свободной поэмы. — Мы почли наудобнейшим предпослать здесь все вышесказанное в одной общей связи, для того чтобы читатель мог более быстрым ходом читать последние, и в особенности предстоящую, песни и был бы в состоянии оценить их в общей, высокой красоте». Флейдерер.

ПЕСНЬ XXXI

Земной рай. — Новые упреки Беатриче и новое покаяние Данте. — Переход через Лету. — Пляска четырех прекрасных жен. — Беатриче без покрывала.

<p>1 — «О ты, стоящий за рекой священной!»
Так, слов своих мне в грудь направив меч,
И без того уж, слишком изодранный,</p> <p>4 Она вела без перерыва речь:
— «Скажи, скажи: права ль я с обвинением?
Сознайся же и дай мне суд изречь».</p> <p>7 Но я таким взволнован был смущеньем,
Что голос мой, возникнув, смолк скорей,
Чем орган речи издал звук с волненьем.</p> <p>10 Она ж, помедлив: «Что с душой твоей?
Ответствуй мне! Еще в реке твоей разум
Не потерял, всю память прежних дней».</p> <p>13 Смущение и страх, смешавшись разом,
Столь тихое из уст исторгли «да»,
Что заключить о нем лишь можно б глазом.</p> | <p>Как арбалет ломается, когда
Лук с тетивой сверх мер натянут длани
И пустят в цель стрелу уж без вреда,</p> <p>Так сломлен был я тяжестью страданий.
Я залился слезами, голос стих,
Подавлен вздохами в моей гортани.</p> <p>И мне она: «В желаниях моих,
Чтоб ты любил и думал лишь о Благе,
Вне коего нет радостей земных.</p> <p>«Скажи, какие встретил ты овраги
Иль чем был скован, что идти вперед
За Благом тем лишился всей отваги?»</p> <p>«И что за прелести, что за расчет
В челе других нашел ты, что их крыльям
Осмелился поверить свой полет?»</p> | <p>16</p> <p>19</p> <p>22</p> <p>25</p> <p>28</p> |
|---|--|---|

1-3. До сих пор Беатриче говорила с ангелами, не прямо (как бы лезвием меча) касаясь Данте, теперь она обращается (острием, концом) непосредственно к нему. Здесь опять метафора меча, как и в XXX, 57, см. прим.

11-12. «В реке», т. е. в реке забвения, в Лете, еще не истребилась память о твоих грехах.

13. «Смущение вследствие стыда и страх заслуженного за грехи наказания». Бути.

14. Т. е. сказанное столь тихим голосом, что об нем можно бы было заключить лишь глазом, по движению губ.

16-18. «Т. е. как арбалет или самострел, чрезмерно сильно натянутый, при выстреле повреждается в дуге и тетиве, причем стрела летит медленнее и слабее ударяет в цель». Бути. Ландино.

20. Слич: Вергилия, Энеиды XI, 150, 151:

. . . . haeret lacrimansque gemensque
Et via vix tandem voci laxata dolorest.

23. «О Благе», т. е. о Боге, высшем благе: „Dio è nostra beatitudine somma“. Conv. tr. IV, с. 22. — „Deum rerum omnium principem bonum esse communis humanorum conceptio probat animorum; nam cum nihil Deo melius excogitari queat, id quo melius nihil est bonum esse quis dubitet?“ etc. Бозций. Phil. Cons. lib. III, рг. 10.

25-26. «Овраги» и «чем был скован», т. е. препятствия вообще. Здесь разумеются рвы, какими окружались средневековые замки, крепости, мосты и дороги.

27. Слич: Ада I, 54: „Io perdei la speranza dell' altezza“.

28-30. Место довольно темное в подлиннике и различно истолкованное комментаторами. В переводе Лонгфелло:

And what allurements or what vantages
Upon the forehead of the others showed,
That thou shouldst turn thy footsteps unto them?

32-33. Вергилий. Энеида I, 371: Suspirans imoque trahens a pectore vocem.

31 Вздохнув глубоко, залит слез обильем,
Едва собрал я голос на ответ,
Сложившийся в устах моих с усилением.

34 — «Ценя», сказал я с плачем, «ложный свет
Лишь благ земных, я вслед за ним увлекся,
Когда юдоль покинули вы бед».

37 И та: «Хотя б смолчал ты иль отрекся,
В чем ты сознался, — все ж твой Судия
Зрит грех твой, сколько б мглою он ни облекся.

40 Но кто излил в слезах, не утая,
Грех добровольно, — для того колеса
Наш суд вращает против острия.

43 Однако, чтоб больней отозвалось
Тебе паденье, чтоб в другой ты раз
На зов Сирен недвижней был утеса, —

Уйми источник слез и слушай нас, 46
И я скажу: куда б тебя, казалось,
Был должен весть моей кончины час.

В природе ли, в искусстве ль, что встречалось 49
Прекраснее тех членов, где витал
Мой дух, хоть тело в прах уже распалось?

И если ты с их смертью потерял 52
Все высшее, — в ком на земле в замену
Ты мог найти столь дивный идеал?

С стрелою первой, видя благ тех цену, 55
Не должен ли ты был в святой предел
Лететь за мной, уж вышедшей из плену?

Так как могла под выстрел новых стрел 58
Склонить полет твой женских глаз зараза,
Вся суетность житейских тщетных дел?

35. «Благ земных» (*Le presenti cose*), т. е. блага мира сего, почести, славу, удовольствия и проч.

36. Т. е. по смерти Беатриче; из уважения к ней Данте говорит ей вы.

38. «Судия», т. е. Бог.

40-42. Здесь суд Божий сравнивается с колесом точильного камня. «Покаяние притупляет силу греха, подобно тому, как колеса точильного камня, вращаясь против острия ножа, притупляют его». Ландино. — Ибо чистосердечное покаяние есть свидетельство истинной скорби и раскаяния. — «Наш суд» (*nostra corte*), по-видимому, сказано в противоположность суду Миноса, пред которым каждый грешник, по непреодолимой силе совести, моментально высказывает свой грех, не получая за то никакого смягчения в своей казни (Ада V, 4 и далее и прим.). Здесь же сознание греха — только действие могущественно пробудившегося в грешнике до сих пор позабываемого божества; если же кто-нибудь внемлет в надлежащее время предостережениям божественного голоса, то ему немедленно содействует в этом его же свободная воля (XVI, 77 и др.; XXVII, 140); поэтому-то суд небесный, в противоположность адскому, так кроток и милостив». Ноттер.

43-44. Не надо забывать, что поэт является здесь лишь путником и должен снова вернуться на землю.

45. «Сирен» (слич: Чистилища XIX, 19 и примеч.), т. е. мирских прелестей и удовольствий, символом которых служат Сирены.

46. «Источник слез», в подлиннике: *il seme del piangere*, семя слез или плача, выражение спорное у комментаторов, заимствованное, может быть, из Псалма CXXV, 5: «Севшие со слезами будут пожинать с радостью».

51. «Прах ты и в прах возвратишься». Бытия III, 19. Слич: Рая XXV, 124.

55. Т. е. после того, как ты впервые убедился в ложности этих благ и был уязвлен ими, как стрелою.

56. «В святой предел», т. е. на небо, когда я стала небожительницей.

59. «Женских глаз зараза», в подлиннике: *pargoletta*, девочка, девчонка, — слово, подавшее повод к нескончаемым спорам между комментаторами о том, кого именно понимает здесь Беатриче. Но из контекста речи видно, что 1) Беатриче говорит не об одних отвлеченных, но понимает действительные личности, и 2) что она не говорит здесь специально о какой-нибудь личности в особенности, но вообще о молодых девушках.

60. «Вся суетность». «Суета сует, — все суета!» Екклес. I, 2.

61-63. Метафора, заимствованная из книг Соломона: «В глазах всех птиц напрасно расставляются сети». Притчи Солом. I, 17. — «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки». Екклес. VII, 26. — «Горькая утрата, которую ты испытал, говорит Беатриче, должна

<p>61 Младой птенец прельстится два, три раза;
Когда ж он оперится, — птицелов
Не обольстит ему уж сетью глаз».</p> <p>64 Как, покраснев, потупя взор, без слов,
Стоит и внемлет наставленьям в школе,
В вине созавшись, ученик, — таков</p> <p>67 Был я. Но та: «Мне внемля, поневоле
Тоскуешь ты; но бороду на нас
Приподыми, и ты восткуешь боле».</p> <p>70 Ах, с меньшим затрудненьем вырвут вяз
С корнями вон порывы бурь с полночи,
Иль вихрь из стран, где царствовал Ярбас,</p> | <p>Чем то, с каким свои я поднял очи;
Я в слове борода свой лик узнал, —
И яд насмешки понял я жесточе.</p> <p>Когда ж чело я наконец подъял,
То увидел, что на нее цветами
Уж рой существ первичных не кидал.</p> <p>И смутными я зрел ее очами,
Глядевшую туда, где птица-лев
Двумя в одно сливались естествами.</p> <p>На том берегу, в покрове меж дерев,
Она себя бывую превышала,
Насколько здесь была всех краше дев.</p> |
|--|--|

бы была лучше научить тебя непостоянству земных благ. Ибо позволила ли бы уже окрылившаяся птица поймать себя или застрелить, если перед ее глазами расстилали бы сети или натягивали лук?» Филалет.

68. «Бороду», вместо лица, чтобы напомнить поэту, что он уже вполне возмужалый человек, сказано иронически. «Тогда как все биографы Данте единодушно говорят о его густой и курчавой бороде и таких же волосах на голове, — мы постоянно видим поэта на его портретах с обритыми щеками и подбородком. Очевидно, причина этому не иное что, как то, что все известные нам портреты его, за исключением одного, берут начало с маски, снятой с мертвого поэта, для снятия которой, естественно, должно было предварительно удалить бороду; тот же единственный портрет, о котором сказано выше (XI, 95 примеч.), есть открытый в 1840 г. (в Palazzo del Bargello во Флоренции) юношеский портрет, которым мы обязаны другу Данте Джотто и безбородость которого никого не удивит». Паур. Ueber die Quellen zu Dant's Lebensgeschichte.

70-72. «Вяз», в подлиннике: *quercus cerris*, горный дуб. Здесь обозначены два ветра — северный (в подлиннике: *nostral vento*), называемый у итальянцев *tramontano*; другой — южный, дующий из Африки, названной страной Ярба, сына Юпитера Аммона, царя Ливийского, в царствование которого Дидона, избегая преследования брата своего, удалилась в Африку и основала здесь Карфаген (Вергилий, Энеида, IV, 196 и далее). — Филалет читает здесь вместо *nostral* — *austral*, и полагает, что здесь обозначаются ветры Австр, или собственно южный, и *Africus*, называемый ныне *Libeccio*, юго-западный, — на том основании, что оба эти ветра, вместе с юго-восточным сирокко, Брунетто Латини (*Tesoro* II, cap. 37) называет ветрами, причиняющими наибольшее число бурь и гроз.

71-75. Намек на латинскую пословицу: „*barba crescit, caput nescit*“.

78. «Сущест первичных»: *prime creature*, так в большей части списков, которым следует К. Витте, Скартаццини и большинство новых изданий; в других списках — *belle creature*. Первичные существа — ангелы. «Данте называет их «первичными» частью, как существа совершеннейшие, частью же потому, что они, как чистые формы, представляют некоторым образом непосредственное излияние Божества (Чистилища XVI, примеч. к 80). Вопрос о том, созданы ли ангелы прежде вестественного мира или одновременно с ним, был спорным у теологов, и Фома Аквинский склоняется более к последнему мнению: *utrum Angeli sint creati ante mundum corporeum, invenitur duplex sanctorum doctorum sententia. Illa tamen probabilior videtur, quod Angeli simul cum creatura corporea creati sunt. Sum. Theol., p. I, qu. LXI, art. 3*». Филалет.

79. «Смутными очами» — от стыда, страха и благоговения.

80-81. Беатриче, которая перед этим была обращена лицом к Лете, обратила его теперь вперед на Грифона, соединяющего в себе два естества Христа, божественное и человеческое, и уже не глядит на своего неверного возлюбленного. *Et dicit quod vidit dictam Beatricem revolutam ad gryphonem, idest intuitus fuit ipse auctor theologiam novi Testamenti, in qua speculamur et videmus deitatem et humanitatem Christi, et sic unam personam in duabus naturis.* Пьетро ди Данте.

85 Так жгло меня раскаяния жало,
Что от всего, к чему так льнул мой слух,
Душа моя, как от врага, бежала.

88 Самосознание так мне грызло дух,
Что тут я пал, и чем тогда мог стать я, —
Лишь знает та, пред кем мой ум потух.

91 Когда ж стал вновь мир внешний сознавать я, —
Та донна, кем я встречен у ключа,
Сказала мне: «Ко мне, ко мне в объятья!»

И, погрузив до шеи и влача
Меня в волнах, по водному разбегу
Она скользнула, как челнок ткача.

И хор воспел, лишь близок был я к берегу,
„Asperges me“, так звучно, что нет сил
Ни описать, ни вспомнить звуков негу.

И дланями прекрасной схвачен был
Я за главу и весь опущен в волны,
Причем воды неволью я испил.

94

97

100

82-84. Текст этой терцины читается в разных списках различно; в большинстве, как принято во всех новейших изданиях:

Sotto suo velo, ed oltre la riviera
Verde pareami più sé stessa antica
Vincer che l'altre qui quand' ella c'era;

в других:

Sotto 'l suo velo, ed oltre la riviera,
Vincer pariemì più sé stessa antica,
Vieppìù che l'altre qui quand' ella c'era;

в третьих, как у К. Витте и Скартаццини:

Sotto suo velo, ed oltre la riviera
Vincer pareami più sé stessa antica,
Vincer che l'altre qui, quand' ella c'era.

Смысл во всяком случае тот, говоря словами *Postillatore Cassinense*: *Fac sic constructum: Videbatur mihi Beatricem antiquam, idest senem, sub suo velo et ultra flumen letheum plus vincere in pulchritudine, scilicet metipsam respectu pulchritudinis quam habebat dum vivebat quam vincere hic alias dominas*. — «Насколько здесь», т. е. на земле, она превосходила красотой всех прочих дев». Каннегиссер.

85. «Раскаяния жало», в подлиннике: l'ortico, крапива. Вид необычайной красоты Беатриче оказывает на Данте решительное действие: любовь оканчивает и довершает то, что подготовили страх, смущение, стыд и сознание». Скартаццини.

86. Т. е. от всего, что отклоняло его от Беатриче.

90. «Та», т. е. Беатриче. — Это падение обозначает умирание для греха для того, чтобы воскреснуть для благодати. Уже во второй раз Данте падает без чувств в Божественной Комедии; в первый раз он пал, как падает мертвец, во втором круге ада, при виде мук Франчески и Паоло (Ада V, 142); это падение без чувств не есть следствие одного сострадания, но вместе с тем и терзания совести, при виде собственными глазами казни над грехом, в котором Данте сам сознает себя более или менее виновным. Здесь Беатриче горько упрекает его в том же самом грехе, и упреки ее производят на него то же действие, какое произвели слезы и горестный рассказ Франчески. Этот-то грех, собственно, и есть тот самый, в котором очищается Данте на берегу реки Леты». Скартаццини.

92. «Та донна», т. е. Матильда, встретившая его у реки Леты (XXVIII, 40). Матильда, которая, как символ деятельной жизни, подводит Данте к Беатриче, символу созерцательной жизни, должна принять на себя этот последний акт очищения поэта, т. е. погружение его в волны реки забвения. В известной степени можно бы было принять Матильду и за символ видимой церкви, в противоположность Беатриче, обозначающей собою церковь невидимую. На это указывает и самое имя (Матильда) великой подвижницы в деле упрочения внешней церковной власти пап, и потому в этом уже смысле ей совершенно приличествует совершить такое крещение и очищение». Филалет.

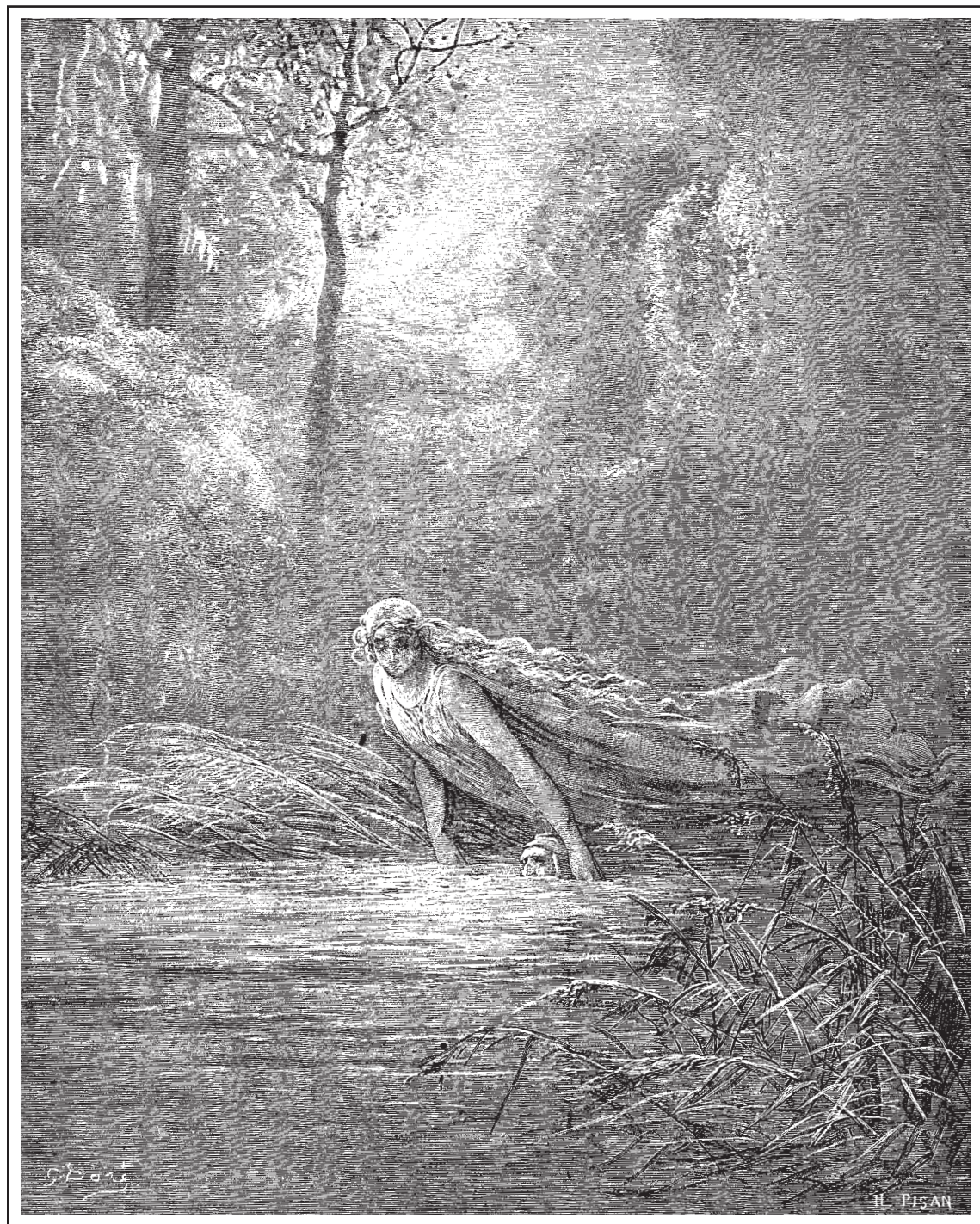

94-95. «Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу». Псалом LXV, 12; «Приступаем с искренним сердцем, с полным верою, кроплением очистивши сердца от порочной совести и омывши тело водою чистою». Посл. к Евр. X, 22.

97-98. С приближением Данте к правому берегу, названному в подлиннике *beata riva*, хор ангелов поет слова Л. псалма: «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега». Этот псалом поется в церкви всякий раз, когда священник окропляет святой водой кающегося грешника — слова, стало быть, совершенно уместные в данном случае.

100-101. Сперва Матильда погружает его в волны по шею; потом погружает его с головою, местопребыванием памяти, для того чтобы он испил воды забвения и таким образом уничтожил в себе воспоминание о содеянных грехах.

103-105. Четыре девы — четыре нравственные добродетели (XXIX, 130-132 примеч.). Утратив память о пороках, поэт свыкается теперь с добродетелями, сперва с нравственными, основными, менее

И, погрузив до шеи и влача
Меня в волнах, по водному разбегу
Она скользнула, как челнок ткача.
(Чистилище, Песнь XXXI, тер. 94)

103 И к четырем тем девам я, безмолвный,
Стал в хоровод, омыт от грешной тьмы,
И принят в их объятия, счастья полный.

106 — «Мы нимфы здесь, а в небе звезды мы!
Мы, до явления Беатриче в мире
Ее рабы, уж лили свет в умы.

К ее очам тебя представим в мире;
Дадут же мощь тебе их вынестъ свет
Те три жены, что глубже зрят в эфире».

Так начали петь хором и, вослед
Им шествуя, предстал я пред Грифона;
С него ж на нас был взор ее воздет.

возвышенными, известными и язычникам, и потому не требующими откровения; потом с добродетелями богословскими, более возвышенными, открытыми лишь самим Богом. — «Стал в хоровод», в подлиннике: *m'offerse Dentro alla danza delle quattro belle*, что значит, поставили меня так, что все четыре плясали вокруг меня. — «Принят в их объятия», в подлиннике: *E ciascuna del braccio mi coperse*, и каждая покрыла меня рукой, что, по объяснению Ландино, означает: рука правосудия защищает от неправды, рука мудрости — от глупости, рука мужества — от трусости и рука воздержания — от похоти.

106. Толкование этого стиха у комментаторов весьма различно. Здесь достаточно сказать, что эти четыре жены (девы) — те четыре звезды, лучи которых озаряли лицо Катона (I, 23, 37), и которые служили Данте как бы руководителями (VIII, 91-92). Кроме того, согласно с этим местом, нравственные добродетели находятся в одно и то же время и на земле, и в небе, но не в одном и том же образе и там и здесь. На земле они нимфы, гении спасительного света; на небе — звезды, существа лучезарные, свет которых служит не для них самих и не для неба, но единственно для земли. Поэтому смысл стиха тот, что нравственные добродетели сияют в небе, как свет, озаряющий мир, и что в то же время они на земле советницы людей». Скартаццини.

107-108. В одном из своих сонетов Данте называет Беатриче: „*una cosa venuta Di cielo in terra a miracol mostrare*“ (Vita Nuova, § 36). «Беатриче является здесь опять символом богословия или веры. Прежде чем истинная вера явилась на свет, еще в языческие времена существовали уже ее предшественницы или рабыни, нравственные, т. е. языческие добродетели. Наоборот, этого не могли бы о себе сказать богословские добродетели». Каннегиссер. — «Тот же постепенный переход от естественных, через благодать даруемых, добродетелей к добродетелям духовным, богословским, в которых лишь впервые познается и приобретаетсся благодать (стихи 110, 111), должен поэтому совершиться и при нравственном усовершенствовании каждого отдельного человека». Флейдерер.

109-111. «Это место всего лучше объясняется соответствующим *Convivio*, дающим надлежащий свет и остальной части этой песни. В одной из своих канцон Данте воспел очи и улыбку прекрасной донны, и затем в буквальном толковании этого места говорит, что упоминает про очи и уста потому, что в них нередко открывается душа, подобно прекрасной женщине на балконе, хотя и покрытой покрывалом. Далее поэт объясняет эту прекрасную женщину в аллегорическом смысле, как философию (здесь в более высоком смысле, равнозначительную с Беатриче, символом созерцания), и затем говорит: „*Qui si conviene sapere, che gli occhi della sapienza sono le sue dimostrazioni, colle quale si vede la verita certissimamente, e'l suo riso sono le sue persuasioni, nelle quale si dimostra la luce interiore della sapienza sotto alcuno velamento, e in queste due cose si sente quel piacere altissimo di beatitudine il quale è il massimo bene in paradiso*“ (tr. III, c. 15). Отсюда становится ясным аллегорический смысл места. Естественные (нравственные) добродетели могут только приготовить человека для того, чтобы принять доказательства истины, так как они устраняют лежащие в страстях препятствия к невозмутимому познанию; поэтому они и ведут поэта к очам Беатриче. Но для того, чтобы действительно познать истину, именно истину божественную, и еще более — для того, чтобы постичь ее и проникнуться ею, — для этого необходимы божественные добродетели, почему и Беатриче лишь по просьбе этих других нимф обращает очи к поэту и открывает ему свои уста».

114. Беатриче глядит теперь на Грифона, и потому взор ее должен быть обращен к Данте, ставшему перед грудью Грифона.

116. «К смарагдам», изумрудам, камню зеленого цвета. Странно, что Данте сравнивает глаза Беатриче с изумрудами. Но, во-первых, этим он желает выразить приятность этого цвета, о котором Плиний (Hist. nat. lib. XXXVII, cap. 5) сказал: „*nullius coloris adspetus jucundior est*“; во-вторых, смарагды имеют смысл мистический — по католическому толкованию Откровения (IV, 3), это есть цвет божественной благодати, почему он и блещет в глазах Беатриче. Кроме того, по II кн. Моисея, XXXIX, 10, смарагд — камень племени Левия, камень церкви. Скартаццини. Копиш.

115 — «Здесь не щади очей», сказали жены:
«Ты приведен к смарагдам тех очей,
От коих стрел ты пал во время оно».

118 Мильоны дум, огня все горячей,
Влекли мой взор к очам ее лучистым,
Прикованным лишь к Грифу без речей.

121 Как солнце в зеркале, во взоре чистом
Гриф отражался, образ свой двоя
То тем, то этим веществом огнистым.

Представь, читатель, как дивился я,
Когда, не движась, Гриф без перерыва
Менял свой образ в мгле очей ея!

Пока мой дух, полн радости и дива,
Вкушал ту снедь, что, насыщая нас,
В нас возбуждает больше к ней призыва, —

Приблизились другие три, явясь
Мне существами высшего порядка,
И с пляской райской слили пенья глас.

117. Один из своих сонетов Данте начинает так: „Negli occhi porta la mia donna Amore“; также в одной из канцон он говорит:

Ben negli occhi di costei
De star colui, che gli mie pari uccide.

Цит. Скартаццини и Филалета.

121-123. «Божественное и человеческое естество неразрывно соединены во Христе в одном лице (subsistentia; ὑπόστασις). Поэтому о человеке-Христе можно в некоторой степени сказать все то, что можно сказать и о Боге-Христе, и наоборот, ибо этот человек — в то же время и божественное лицо, и наоборот. Но в этом одном лице некоторое только свойство Божественного естества, некоторое же — только человеческого естества (Фома Акв. Sum. Theol., р. III, qu. XVI, art. 4). Потому-то и Грифон сам по себе лишь один, и только в очах Беатриче он является то как один орел, то как один лев; ибо богословское учение должно рассматривать единого Христа то как Бога, то как человека, чтобы не смешать его естества. Здесь весьма кстати привести одно место из окружного послания папы Льва Великого, цитированного у Фомы Аквинского (Ibid. art. 5): „Non interest, ex qua Christus substantia nominatur, cum inseparabiliter manente unitate personae idem sit et totus hominis filius propter carnem et totus filius Dei propter unam cum patre Deitatem“. Филалет. — «Одна из глубочайших, если не самая глубокая, тайна веры, в которую углубляется теология, — соединение двух естеств, божественного и человеческого, в едином лице Христа (Слич: Рая II, 41; XXXIII, 137). Чтобы оградить себя от множества заблуждений, возникших на почве этого учения (Ада XI, 8; Рая VI, 14), теология обязана, твердо держась единства двух естеств, направлять свое созерцание то на одно, то на другое естество». К. Витте.

127. «Полн радости и дива». Душа Данте исполнена удивления при виде изменения образа Грифона в глазах Беатриче; но в то же время душа его радуется, чувствуя себя освобожденной от бремени грехов и видя себя наконец в присутствии той, которую он столько любил.

128-129 У Сираха (XXIV, 23) мудрость говорит: «Ядущие меня еще будут алкать, и пьющие меня еще будут жажжать». Хотя при созерцании Бога человек находит себе полное удовлетворение; однако же познание спекулятивной мудрости не есть еще высочайшее блаженство, но всегда рождает в нас стремление к высшему, хотя в то же время в известной степени и удовлетворяет нас. Даже в самом небе будет иметь место удовлетворение, но не пресыщение». Филалет.

130. Т. е. три жены от правого колеса колесницы (XXIX, 121) — три богословские добродетели высшего порядка (del più alto tribò, от латинского tribus).

134. «Другу твоему», в подлиннике: al tuo fedele. Беатриче сама назвала Данте своим другом, когда он еще блуждал в темном лесу (Ада II, 61).

135. «Путь не краткий» (в подлиннике: passi tanti), т. е. по всему аду и горе Чистилища.

136. В подлиннике: Per grazia fa noi grazia.

138. «Второй твой блеск», т. е. твою улыбку, о которой так часто говорит Данте в третьей части своей поэмы. — В своем Convivio (тр. III, сар. 8) Данте отличает два места, где проявляется красота: глаза и уста. До сих пор он говорил лишь об очах Беатриче, теперь он говорит об устах. Первые четыре жены показали ему лишь очи Беатриче, эти три, высшего порядка, молят Беатриче открыть ему и ее уста, чтобы он мог видеть вторую ее красоту, которую она еще скрывает. Итак, вторая красота означает здесь блеск ее улыбки.

133 — «Склони, склони взор светлый», пели сладко,
«О Беатриче, к другу твоему!
Чтоб зреть тебя, он путь свершил не краткий.

136 Будь благостна, благоволи ему
Открыть уста, да видит без покрова
Второй твой блеск, незримый никому!»

О вечный свет от света пресвятого!
Кто так бледнел в тени густых деревьев
Парнаса, кто испил ключа живого,

Чтоб гений в нем внезапно не исчез,
Когда б дерзнул воспеть, как ты предстала,
Осенена гармонией небес,

О Беатриче, мне без покрывала!

139

142

145

139. Книга Премудрости Соломона говорит о божественной мудрости (VII, 26): «Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его». В Послании к Евреям (I, 3) воплощенное слово названо «сиянием славы Бога». Впрочем, Данте имеет здесь в виду не только символическую Беатриче, но и существо реальное. Он не описывает этой торжественной минуты, но выражает восторг своим восклицанием, сознавая, что никакое человеческое искусство не в состоянии изобразить красоты Беатриче по снятии ею покрывала. «Даже святая, высочайшая поэзия, налагающая на бледное лицо поэта печать глубокой внутренней работы (прекрасное свидетельство со стороны поэта об его строгом отношении к поэтическому искусству, повторенное в XXV, 1 и след. Рая) — даже и она не в состоянии изобразить такого момента. Но тем не менее эти самые стихи, в которых Данте высказывает всю несостоятельность свою, равно как и первые стихи следующей песни, где он так торжественно воспекает свое желанное свидание, — принадлежат к самым восторженным, самым неподдельно поэтическим стихам, когда-либо звучавшим на устах поэта». Флейдерер.

140-142. «Тень дерев Парнаса», по описанию Овидия, — тенистый замок (Превращ. кн. I, ст. 467), *agx umbrosa*. Ключ — знаменитая Ипокрена на горе Геликон в Беотии, из которого пили вдохновение Музы. Смысл: кто так трудился над поэтическими творениями.

144. В подлиннике: *Là, dove armonizzando il ciel t'adombra*, — место очень спорное. Скартаццини понимает так: там, где небо пребывает в гармонии со странною непорочности, т. е. с земным раем.

Земной рай. — Таинственные судьбы священной колесницы. — Символическое древо. — Превращение колесницы в чудовище. — Блудница и Гигант.

<p>1 Так приковал я взоры к ней, чтоб жажды
Десятилетней жар унять в крови,
Что вмиг во мне угаснул помысл каждый.</p> <p>4 Все скрылось с глаз, как будто из земли
Воздвиглись стены: так я изловился
Святой улыбкой в сеть былой любви!</p> <p>7 Но вдруг мой взор насильственно склонился
На тех богинь налево, лишь достиг
Ко мне их возглас: «Как он углубился!»</p> | <p>И свойство глаз — лишаться зренья вмиг, 10
Как скоро солнце вдруг их поразило,
Оставило меня слепым на миг.</p> <p>Когда же свет вновь зренье ощутило 13
(Лишь малый свет в сравнении с тем большим,
От коего я был оторван силой), —</p> <p>Я увидал, что воинством святым 16
Взято в пути направо направленье
К светильникам и к солнцу перед ним.</p> |
|---|--|

1. Отсюда опять видно, что Беатриче, как сказано выше (XXX, 34), скончалась за 10 лет перед сим, именно в 1290 г. „L'anima sua si parti nella prima ora del nono giorno del mese (di Giugno)... in quello anno della nostra indizione, civè degli anni Domini, in cui il perfetto numero nove volte era compiuto in quel centinario, nel quale in questo mondo ella fu posta“. Vita Nuova, § 30.

3. Гиппократ сказал: „Duobus doloribus simul obortis, vehementior obscurat alterum“. То же самое можно сказать и о каждом сильном возбуждении или ощущении.

6. Святая улыбка есть вторая красота, открывшаяся теперь Данте (XXXI, 138).

7-9. «Уже выше было указано (Чистилища XV, 133; XXVII, 100-108) на то, что рядом с жизнью созерцательною такое же право на существование имеет и жизнь деятельная; почему здесь и указывается на опасность одностороннего, слишком неумеренного созерцания или углубления; хотя, с другой стороны, представительница исключительно созерцательной жизни, Рахиль, не подвергается за то прямому порицанию, напротив (Ада II, 102; Рая XXXII, 8), является всего ближе сидящей к Беатриче. На земле, где должно исполнять свои обязанности и к людям, такое непреклонное направление к Богу во всяком случае не было бы полным совершенством». Ноттер. — «Поэт стоит теперь перед колесницей, обратившись к ней лицом; поэтому три божественные, т. е. богословские, добродетели, подошедшие к нему от правого колеса, стоят теперь налево от него. — Уже выше, в прим. к XXXVII Чистилища, сказано, что человек на земле не всегда может быть обращен единственно к Богу. Мало того, такое неуклонное устремление духа к Богу не может даже составлять высочайшего земного совершенства. Так и Фома Аквинский ставит совершенство епископа выше совершенства монаха, ибо первый из любви к Богу служит вместе с тем и ближним (Sum. Theol., p. II, 2-ae qu. CLXXXIV, art. 7). Поэтому и здесь именно богословские добродетели, предводительница которых любовь, призывают Данте после духовного созерцания Беатриче взглянуть на видение, предназначенное к тому, чтобы послужить к назиданию и к делу исправления его современниками, и в особенности духовенству времени. Именно отсюда начинается последний отдел 2-й части поэмы, в котором еще раз во всей силе выступает политико-церковный элемент. Здесь являются поэту в видении судьбы христианской церкви, как прошедшие, так в особенности настоящие. Нечего говорить, как было уместно именно здесь представить это видение; ибо если полная добродетель и не есть необходимое условие для даров пророческих (Фома Акв. Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. CLXXII, art. 4), то во всяком случае для них потребно известное приведение в порядок страстей, обуздание их; без этого человек не может подняться до высших духовных предметов, ибо подобные дары в обычном ходе вещей предзнаначены одним только лучшим и благороднейшим. Поэтому нельзя согласиться со Шлоссером (см. его глубокомысленный трактат о Рае Данте), будто бы погружение в Лету обозначает посвящение поэта в сан пророка; но, по моему мнению, скорее можно принять, как выше сказано, что погружение это просто обозначает посвящение в более совершенную жизнь вообще». Филалет.

10-12. Глаз выносит лишь умеренный свет; чрезмерный блеск ослепляет глаз и зрение; эта потеря зрения остается до тех пор, пока не уменьшится раздражение, и с уменьшением его орган зрения мало-помалу приходит в нормальное состояние. Чтобы дать идею о силе блеска очей Беатриче, поэт сравнивает свое состояние с тем, которое испытывает тот, кто устремил свои глаза на солнце и потерял при этом мгновенно зрение.

<p>19 Как под покровом из щитов в сраженье
Полк кружит с знаменем, пока опять
Не встанет в строй, спасаясь в отступление, —</p> <p>22 Так Божьих сил передовая рать
Уж вся прошла, а дышу вслед дружинам
Еще все медлил Гриф движенье дать.</p> <p>25 Когда ж к колесам стали жены чином,
Гриф тронул с места пресвятой ковчег,
Причем в пере не дрогнул ни едином.</p> <p>28 И донна, коей я взведен на брег
Из волн, пошла со Стадием и мною
За колесом, свершавшим меньший бег.</p> | <p>Так, в лес войдя (теперь пустой — виною
Поверившей когда-то Змию зла),
Мы шли под лад с музыкой неземною.</p> <p>На сколько в три полета вдаль стрела
Проносится, такое расстояние
Пройдя, на землю дивная сошла.</p> <p>— «Адам, Адам!» я внял в толпе роптанье, 37
И к дереву — без листьев и цветов
На всех ветвях — столпилось все собрание.</p> <p>Раскидывал там шире свой покров, 40
Чем выше рос, ствол дерева, — громада,
Какой не зрел и индус среди лесов.</p> |
|--|--|

14-15. «Созерцание божественных тайн в лице Беатриче было для его духовного ока чем-то более поразительным, чем все великолепие земного рая, точно так, как солнце сильнее поражает глаз человека, чем все другие предметы, а потому и делает его нередко надолго нечувствительным для всего другого». Филалет. — «Оторван силой», т. е. возгласом трех жен (стих 9).

16. «Воинство», т. е. процессия, описанная в Чистилища XXIX, 64-150. Ниже, в стихе 22, поэт называет его ратью Божьих сил — *milizia del celesto regno*.

17-18. «Вся процессия повернулась теперь назад в ту сторону, откуда она пришла, и идет следовательно к востоку. Но чтобы все члены процессии могли удержать тот же порядок, для этого необходимо, чтобы светильники, находившиеся сперва во главе шествия, выступили бы для прохождения впереди всех, встали бы опять во главу процессии, а за ними также все следующие члены, за исключением последнего, который остается на месте и оборачивается лишь вокруг самого себя». К. Витте. — Светильники идут к востоку, на котором теперь солнце.

19-21. «Весьма пластично и в чисто военных выражениях описано это движение. Должно себе представить отступающее войско со знаменем или, по итальянскому обычаю, с колесницею, везущей знамя, в середине. Войско принуждено вдруг повернуться назад. Чтобы не расстроить порядка, оно должно сделать нечто вроде контрмарша, при этом поворот делает сперва голова колонны, а за ней мало-помалу и все остальные; колесница же со знаменем сдвинется с места не прежде того, как мимо нее пройдут все ей предшествовавшие. Если они находятся вблизи неприятеля, то передовые части, по тогдашнему способу вооружения, должны прикрыться щитами от направленных в них неприятельских выстрелов» (Филалет) или сделать из щитов род черепахи, как это описано у Тасса, Освободж. Иерус. XI, 33:

У тех к щиту щит крепкий плотно сдвинут.
Им головы под сводом скрыв своим.

25. Т. е. три богословские добродетели стали, как и прежде, у правого, четыре нравственные — у левого колеса победной колесницы (XXIX, 121-132).

26. «Ковчег», т. е. колесницу.

27. Когда церковь (колесница) окружена добродетелями духовными (богословскими) и светскими (нравственными), тогда дух Христа (Грифон) беспрепятственно подвигается вперед, без всякого внешнего потрясения». Штрекфусс. — «Христос ведет церковь Свою не внешними средствами, но единым Своим словом и духом». Скартаццини.

28. Матильдой (XXXI, 92 и примеч.).

29. Со вступлением в земной рай Стадий становится совершенно пассивным лицом. Поэт, вероятно, имел свои причины упоминать о нем до конца Чистилища (XXXIII, 134), но какие — до сих пор нельзя отгадать.

30. Т. е. за правым, так как процессия повернула направо, причем оно должно было сделать меньшую часть оборота или описать кратчайшую дугу. Следовательно, они шли в присутствии трех жен.

31. «Т. е. земной рай, не населенный теперь, по вине Евы (сличи: XXIX, 24 и примеч.). Это именно та часть леса, где находится древо познания добра и зла, теперь, по вине Евы и Змия, лишенное зелени, как и весь лес. Данте снова порицает Еву, как бы в знак того, что он хочет сказать более чем простое порицание ее за то, что люди, по ее вине, лишены рая». — «Сам поэт говорит нам, что должно разуместь под лесом земного рая: „Per terrestrem Paradisum figuratur beatitudo huius vitae“ (De Monar., lib. III, c. 16). Далее он говорит, что это beatitudo состоит in operatione propriae virtutis (Ibid.). Итак, сказав, что по вине Евы лес этот лишен обитателей, он хочет сказать, что по причине греха никто не упражняется в действиях своей собственной добродетели. До сих пор упрек этот касается одной Евы, по вине которой грех вошел в мир. Но, сказав, что лес лишен обитателей, он вместе с тем говорит, что ни один человек не достигает блаженства в этой жизни. И здесь он намекает уже на римскую курию. Буквально он говорит, что по вине праматери земной рай лишен обитателей, так как они удалены из него грехом; аллегорически же говорит, что по вине дурного управления нет ни одного человека в мире, который бы действовал добродетельно и достигал бы через то благополучия в этой жизни». Скартаццини.

34-35. «И так от того места, где Данте встретился с процессией, до древа, о котором говорится ниже, расстояние равняется трем перелетам стрелы, или почти 1200 итальянским брачциям, немного более мили. Вместе с тем мы теперь находимся в середине земного рая, или на оси горы Чистилища». Филалет.

36. Это схождение Беатриче с колесницы объяснялось и объясняется древними и новейшими комментаторами весьма различно. По мнению Скартаццини, это схождение означает преклонение власти церковной светскою, по слову св. Павла (к Римл., XIII, 1): «Всякая душа да будет покорна высшим властям». Преклонение перед властью императорской есть долг, уплаченный послушанию». Скартаццини.

37. В этом ропоте слышится упрек Адаму, непослушанием которого грех вошел в мир, а с грехом и смерть (Посл. к Римл. V, 2), а вместе с тем слышится упрек и каждому, не исключая и папы, виновному в грехе непослушания.

38. Нет никакого сомнения, что здесь разумеется древо познания добра и зла, насажденное Богом в Эдеме, или земном раю (Бытия, II, 9, 17). Но при этом Данте имел в виду и великое и крепкое древо, вершина которого касалась неба, виденное во сне царем Навуходоносором (Дан. IV, 10 и след.), а может быть, также и тот кедр, о котором говорит Иезекииль (XVII, 22; XXXI, 3). Вообще древо на языке библейском есть символ могущества и величия царского. Также и древо познания добра и зла, по толкованию св. отцов, означает, по одним, Божью заповедь (Гуго де С-т Виттор), по другим — нарушение заповеди Божьей (Исидор, на Бытие, гл. 3), наконец свободную волю (Фома Акв. Sum. Theol., р. I, qu. CII, art. 1). Отсюда видно, что это древо имеет у Данте чрезвычайно важное значение; поэтому неудивительно, что комментаторами предложено великое множество толкований его смысла. Желая ближе ознакомиться с этим вопросом могут обратиться к цитируемому месту Скартаццини (стр. 730 и далее), мы же ограничимся здесь лишь следующими выдержками. — Главную роль в великом видении играют два предмета: древо и колесница. Последняя, как мы видели, означает церковь. Земной же рай, как поучает нас сам Данте, изображает счастье этой жизни. Но в этой жизни нет счастья, если не будет полного благоустройства. Для благоустройства мира необходима временная монархия, quae communiōi vocabulo pūncipatur Imperium (De Monar. I, c. 5). Если для благоустройства мира необходима власть и если земной рай обозначает мир благоустроенный, то необходимо, чтобы рядом с символом церкви, верный своей системе, поэт ввел в великое свое видение и символ власти. Этот-то символ власти в его видении и есть мистическое древо. Орел, падающий на него, — символ императора. Древо Навуходоносора, идее которого Данте здесь несомненно подражает, признается всеми комментаторами за символ власти самого Навуходоносора, тем более, что сам Даниил придает ему это значение (IV, 20-22). Итак, Данте принимает древо за символ монархии или Римской империи. Это доказывается всеми местами, где говорится о древе, а именно: 1) древо находится в середине земного рая (как древо познания добра и зла в середине Эдема). Империя, по системе Данте, есть центральная власть благоустроенного мира; вокруг нее, как ветви, собраны прочие государи, как лучи, исходящие из солнца и сосредоточивающиеся в солнце. — 2) Бог сотворил древо лишь для себя (Чистилища XXXIII, 60). Власть, как служащая Богу (Посл. к Римл. XIII, 1-4), зависит непосредственно от Бога (De Monar. III) и неотвеченна ни пред кем, кроме Бога. Бог сотворил ее на славу Свою, чтобы при ее помощи привести людей к счастью на земле. — 3) Древо крепко и необычайно высоко (стих 42): власть — высшее могущество и высший авторитет: „Est ergo temporalis Monarchia, quam dicunt, Imperium, unicus Principatus, et super omnes in tempore, vel in iis quae tempore mensurantur“ (De Monar. I, 2). — 4) Ветви дерева, вопреки строению всех деревьев, тем шире распространяются, чем выше поднимается ствол дерева (XXXII, 40-41; XXXIII, 64-66), — это знаменует неприкосновенность власти, а также божественное ее происхождение и беспрепятственное ее развитие с течением времени. — 5) Кто ломает и расхищает древо, тот оскорбляет Бога

43 — «Хвала, о Гриф! Твой клюв не тронул яда
Ветвей на древе, сладкого в устах,
Но гибельного чреву мукой ада».

46 Так возле древа крепкого в толпах
Раздался клик, и существо двойное:
— «Так да блюдется правда в семенах!»

И колесницы дышло пресвятое
Повлек Грифон и с деревом-сиротой
Связал его, как от него взятое.

Как наши злаки здесь (порою той,
Когда мешается с великим светом
Тот, что идет за Рыбами весной)

(XXXIII, 58-59); по Данте, власть священна и предназначена для мира вселенной; нарушать ее единство — святотатство. — 6) Это древо в земном раю — то же древо, вкусив плод которого было запрещено первым человекам (Чистилища XXIV, 116; XXXII, 45); вкусив этих плодов, наши прародители стали виновными в грехе сопротивления власти. — 7) От этого древа возникло одно из деревьев в кругу чревоутодия (XXXIV, 116-117); там оно служит орудием казни чревоутодников. Власть императорская несет меч, врученный ей Богом; высшие власти наказуют, как слуги высочайшей власти, которая и есть власть императорская. — 8) Грифон привязывает к дереву мистическую колесницу (XXXII, 51). Папская власть и императорская установлены Богом для того, чтобы они шли вместе и вели людей к двоякому счастью; оба имеют одно седалище — Рим (Ада II, 22 и примеч.). — 9) Грифон не касается древа, как пищи (XXXII, 43-44). Христос, не подчиняя духовное управление Своей церкви авторитету империи, допущенной самим Провидением для отправления правосудия, Сам признал ее и утвердил (XXXII, 43 примеч.). — 10) Древо лишено цвета и листьев на всех своих ветвях (XXXII, 38-39), и потому названо сиротой (в подлиннике: вдовой, vedova, XXXII, 50). Империя была лишена святых дел до своего соединения с христианством (Как здесь древо, так Рим был назван вдовой, Чистилища VI, 113, как лишенный императора. Слич также XX, 58). — 11) Дышло мистической колесницы взято от этого древа и из него образовано (XXXII, 51). Апостольский престол, или духовное управление, будучи образовано в Римской империи из подданных римских, есть часть этой же империи. — 12) Древо обновляется, покрываясь менее яркими цветами, чем розы, и более яркими, чем фиалки (XXXII, 58-60). Вследствие соединения с церковью, императорское древо зеленеет и все покрывается цветами; это оттого, что при таком присоединении обогороженные политические добродетели становятся сами более заслуживающими вечной жизни и производят прекраснейшие цветы и плоды. — 13) Орел падает на древо, обрывая кору, не только цветы и новые его листья (XXXII, 112-114). Гонением церкви императоры обнажали от листьев и терзали древо императорское, потому что листьями, цветами и новою корою оно было обязано церкви, которую преследовали императоры. Орел, сидящий на вершине древа, не может обозначать никого иного, как императоров. — 14) Орел вторично опускается на древо, чтобы осыпать колесницу своими перьями (XXXII, 124). Императоры обогатили церковь временными благами, — нарек на знаменитый дар Константина. — 15) Под зеленью древа и на корне его сидит Беатриче (XXXII, 86-87); авторитет церковный имеет в империи свою опору и свое покровительство, так как империя — *braccio secolare*, покровительствующая и защищающая. — 16) Гигант отвязывает от древа колесницу, ставшую чудовищем, и удаляет ее (XXXII, 157). Филипп Красивый разоблачает церковь с империей перенесением папского престола в Авиньон». Скартаццини. — «Поэма переходит здесь от невидимой церкви к видимой, от благодатного совершенства, сейчас лишь совершившегося над поэтом в первой, невидимой, церкви, к борьбе в последней, от идеального духовного мира опять в полную действительность, от идей нравственных опять к его церковно-политической основной идее, как уже нами было вперед замечено в песне XXXI. — Именно, с самого начала привязыванием колесницы к дереву символически указывается на правое первоначальное соединение церкви на земле с римским императорством (38-63). Затем от стиха 64 по 160 следует видение истории церкви, в отношении ее отпадения от первоначального порядка. Колесница церкви останавливается у древа. Это «древо познания», первообраз древа, встречавшегося в песне XXII, 131; XXIV 103, 115, есть 1) символ того первого, для человека столь рокового, пробного камня послушания в раю. Но оно поэтому-то, очевидно, заключает в себе 2) символ другого, не менее важного, Богом установленного пробного древа, на котором теперь точно так же прегрешила церковь, как некогда на том древе чувство вообще, — символ римского императорства, поскольку оно, еще будучи языческим, было уже предопределено для христианства (древо, лишенное листьев) и должно было позднее действительно сделаться христианским, т. е. покрыться листьями. Лежащее здесь в основе собственно Дантовское учение, на котором покоится вся его политическая система, указано нами уже (Ада II, 13-30) и еще подробнее будет указано (Рая VI). Учение это состоит именно в том, что Римская империя

от самых ранних начатков своих (от Энея) есть непосредственно от Бога проистекшее учреждение, исключительно рассчитанное на спешествование Христовой церкви и воздвижение римского престола. Под «древом познания» и должно разуметь именно такое божественное учреждение. Точно так и все отдельные подробности совершенно ясно указывают именно на это, а не на какое бы то ни было иное двойственное значение древа. Громадно высокое дерево является сперва без листьев, без Христа (стих 38), т. е. только появление христианства научило мир послушанию и истине, оживило еще глубоко погруженную в язычество Римскую империю и точнее обозначило ее предназначение. Христос и Сам в Своей преобразовательной земной жизни не разорил древа (стих 43), т. е. он вообще не коснулся плода греховного и, в частности, не посягнул на институт императорства (Марк. XII, 17). Напротив, Он навсегда привязал «дышло колесницы церкви», папство, к «дому римского императорства», из которого оно и произошло (стихи 49-51). Вследствие этого именно Данте и видит самое дерево развившимся в полном блеске его цвета, каким оно здесь, на земле, еще никогда до сих пор не бывало, но каким оно должно быть (стихи 52-63), т. е. чрез признание императорства со стороны папства последнее приобретает себе опору, а первое — свое Богом предназначенное развитие, Дантовское нормальное состояние церковно-политического мирового благоустройства, христианскую мировую империю (стих 48) и притом единственно тогда, когда самостоятельная церковь самопроизвольно пойдет рука об руку с самостоятельным же государством, что еще раз символизируется в стихе 59 цветом цветов, средним между красным и фиолетовым, цветом, который, по Филалету, есть цвет епископский. Но этого-то нормального состояния и нет на земле. Этот недостаток указывается поэту в следующем непосредственно за этим видении в двояком отношении: во-первых, вмешательство (вторжение) императорской власти (Орла) в духовную область (стихи 112-124), во-вторых — присвоение папской властью (Блудницей) императорской силы, вторжение ее в светскую область (стихи 136-148). В промежутке между этими главными видениями, Орла и Блудницы, на которых, очевидно, лежит главный центр тяжести, указываются поэту и другие внутренние и внешние враги церкви (Лисица и Дракон) (стихи 119 и 131). — Таково в общих чертах развитие идеи в следующем, столько же важном, как и трудном месте и таково значение главнейших его символов». Флейдерер.

42. В лесах Индии есть такие высокие деревья, что до вершин их не долетает стрела из лука. Вергилий, Georg. II, 122-124:

. gerit India lucos,
Extremi sinns orbis, ubi aera vincere summum
Arboris haud ullat jactu potuere sagittae.

Высота дерева обозначает высшую власть земную (Посл. к Римл. XIII, 1). В Convivio (tr. IV, c. 4) Данте называет императорскую власть: „altissima nell' umana Compagnia“. Также о древе Навуходоносора сказано у Даниила, IV, 7, 8: «Среди земли (росло) дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли». Как у Даниила дерево это обозначает Вавилонскую империю, так и у Данте — империю Римскую.

43-45. «Эти слова совершенно соответствуют двоякому значению древа, ибо Христос, Грифон, не вкушал от сладкого, но смерть причиняющего плода древа искушения; Он вместе с тем и не посягал на власть императорскую, ибо Он сказал: «Власть Моя не от мира сего», и «отдавайте кесарево кесарю» (Марк. XII, 17). Филалет. По учению Данте, Христос признавал и подтвердил власть императорскую, во-первых, тем, что подчинился эдикту переписи, назначенной Августом (De Mon. II, passim; также Паоло Орзиро, кн. IV, гл. 22); далее, — покоровшись смертному приговору, произнесенному претором римским, причем признал законной власть, сказав Пилату: «Ты не имел бы надо Мною власти, если бы не было дано тебе свыше». Иоанна XIX, 11; а также знаменитыми словами: «отдавайте кесарево кесарю».

44. Запрещенные плоды сладки на вкус («Увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание». Бытия III, 6), но пагубны для жизни. Может быть на-мек и на то, что многие люди находят сладостным сопротивляться высшей власти и присваивать ее себе. Властвовать и повелевать приятнее, чем повиноваться: „Nitimur in vetitum“, говорит Гораций.

45. В подлиннике: „Posciachè mal si torce il ventre quindi“.

46. «В толпах», т. е. в святом воинстве, окружавшем дерево (стих 38).

47. «Существо двойное», в подлиннике: l'animal binato, т. е. наделенное двумя естествами, или Грифон, птица-лев, сливавшийся в одно двумя естествами (XXXI, 81).

48. Эти слова, вложенные в уста Грифона, представляют, по мнению Скартаццини, парафраз слов Христа, сказанных Св. Иоанну Крестителю: «Так надлежит нам исполнить всякую правду». Матф. III, 15.

49-50. Дышло колесницы, та часть ее, за которую Грифон ее везет, обозначает, по моему мнению, римский престол. Спаситель связывает престол этот, имеющий римское происхождение, с императорством,

<p>55 Вдуваются, чтоб обновиться цветом,
Всяк злак своим, покуда Феб коней
К другим созвездьям не направит с летом, —</p>	<p>Итак, скажу, как сон мой прервался, 70
Как сна покров расторгся блеском света
И возгласом: «Проснись! Ты заспался».</p>
<p>58 Так, полное сперва сухих ветвей,
Вдруг оживясь, то дерево цветом стало
Темнее роз, фиалки же светлей.</p>	<p>Как на гору (да узрят роскошь цвета 73
Той яблони, чьи яблоки даны
В снедь ангелам предвечного совета)</p>
<p>61 Чей ум поймет? Чье ухо здесь внимало
Тем гимнам, кои пелись там? Но сил
Имел я вынести только их начало.</p>	<p>Иоанн, Иаков, Петр возведены 76
И как их сны расторг глагол надежды,
Что расторгал и гробовые сны,</p>
<p>64 Имей я кисть представить, как смежил
Зеницы Аргус под напев свирели,
За что ценой он жизни заплатил, —</p>	<p>При чем уже не видели их вежды 79
Ни Моисея, ни Ильи, и сам
Учитель их уж изменил одежды, —</p>
<p>67 Я б, как художник, пишуший с модели,
Изобразил, как сну я предался;
Но где мне красок взять для этой цели?</p>	<p>Так, пробудившись, я увидел там 82
Благочестивую, — ту, что в красе девичьей
Вдоль вод казала путь моим стопам.</p>

с которым он (престол) должен идти рука об руку, и притом так, чтобы одно не стесняло бы круга действия другого или не посягало бы на него. Потому-то Данте и принимает, что дышло вырезано из ствола дерева и к нему привязано». К этому Филалет присовокупляет следующее замечание из Франческо ди Бути, основанное на схоластических повествованиях: «Умирающий Адам отправил сына своего в земной рай, чтобы принести ему оттуда несколько елей божественного милосердия. Но ангел-страж рая не допустил его и сказал, что не настало еще время. Впрочем, после того он дал ему ветвь от райского дерева и повелел ему посадить ее на могиле Адама, и к этому присовокупил, что, когда это дерево принесет плоды, тогда Адам получит елей божественного милосердия. Сиф, сказано далее, исполнил, как ему было повелено, и ветвь выросла в дерево, но не приносила плодов вплоть до минуты смерти Искушителя. Тогда совершилось по воле Божией то, что из ветви этого дерева был изготовлен крест для Христа, и таким образом дерево действительно принесло плод, тело Христово, чрез что Адам и все праотцы стали соучастниками в елее божественного милосердия. Дышло, по мнению Бути, обозначает крест, взятый от дерева познания. Это толкование, заключает Филалет, не исключает и моего вышеприведенного толкования, ибо поэма Данте *polysemum*» (может иметь разнообразные значения). Об этой легенде см. Як. Вораджине, *Legenda aurea*, cap. 68; Пьетр Коместор, *Hist. evang.* cap. 8), и в особенности Муссафия, *Sulla leggenda del legno della croce*, Studio. Vienna, Gerold. 1870. — «С деревом-сиротой», в подлиннике: *vedova frasca*, так названо мистическое дерево, потому что лишено цветов и зелени в ветвях своих (стих 38). Смысл: «Папа вместе с церковью (олицетворяемые колесницей и дышлом) подчинены, как временные граждане, или как члены общества, бдительности и защите императора». Понта. Брунне Бианки.

52-57. Прекрасное сравнение, означающее оживление растительного царства с наступлением весны. Здесь время опять определяется астрономически, для ясного понимания которого должно помнить, что непосредственно за знаком Рыб следует созвездие Овна. Итак, это место означает: «когда великий блеск солнца, смешанный со светом созвездия Овна, изливается на землю, т. е. во время весеннего равноденствия». — К половине апреля все деревья в Италии уже в зелени. К. Витте.

56-57. Оборот Вергилиевский и Овидиев: Энеида, I, 568: „Nec tam a versus equos Tyria Sol iungit ab urbe“. — Превращ. II, 118: «Горам проворным велит Титан закладывать коней» (Перевод Фета).

59-60. «Большинство комментаторов видят в этом цвете намек на кровь, смешанную с водою, излившуюся из Христа при прободении Его копием, и ссылаются при этом на одно место у св. Бернарда, где он говорит: „Inspicite lateris aperturam, quia nec illa caret rosa, quamvis ipsa subrubea sit propter mixturam aquae“ (О страст. Госп. I, 41). Но я должен сознаться, что Данте говорит здесь, по-видимому, не о бледно-красном цвете, но скорее о цвете среднем между красным и фиолетовым. Этот же цвет есть цвет

католических епископов. Потому я позволяю себе думать, что цвет этот намекает на добродетели первых римских епископов, которыми украшался христианский Рим, или на добродетели мучеников, символом которых служит красный цвет, как цвет крови и любви, а также цвет голубой, как цвет постоянства». Филалет. — Это место вообще очень темно и, как справедливо выражается Скартаццини, это одно из темных мест Божественной Комедии, которое не имело еще своего Эдипа для разгадки тайны.

61-63. «В этом непонимании заключается, конечно, непостижимость божественного мироправления в отношении этого соединения. Поэтому каждое размышление человека об этом тщетно и мешает только полезной человеческой деятельности». Каннегиссер. — «Там», т. е. на земле, — может быть, намек на песнь Агнцу (Откр. Св. Иоан. XV, 3), или на те неизреченные глаголы, которых ни один человек произнести не смеет, слышанные Св. Павлом (II Коринф. XII, 4). Данте не мог дослушать их, ибо погрузился в сон (см. ниже, стих 68).

65. «Аргус». Слич: Чистилища XXIX, 95 примеч. «Под напев свирели» в подлиннике: *udendo di Siringa*, ибо Меркурий усыпил Аргуса повествованием о Пане и Сиринге.

69. «Почти невозможно изобразить момент засыпания, ибо с засыпанием прекращается и сознание; тем не менее это удалось Данте может быть лучше, чем какому-либо другому поэту. Слич также Чистилища XVIII, 141 и след.». Филалет. — «В этом сне Данте, может быть, символически изображается мир веры, покорной Богу и императорской власти, или, вернее, сон этот есть образ мира и полного блаженства, царствующих в мире том, где обе власти соединены вместе и обе соответствуют идеалу, составленному о них Данте. Этот мир и блаженство, по мнению поэта, существовали в мире во время первого появления Христа на земле и при основании Его церкви. „Si a lapsu primorum parentum, qui diviticulum fuit totius nostrae deviationis dispositionis hominum et tempora recolamus; non invenimus, nisi sub divo Augusto Monarcha, existente Monarchia perfecta, mundum undique fuisse quietum. Et quod tunc humanum genus fuerit felix in pacis universalis tranquillitate, hoc historiographi omnes, hoc poetae illustres, hoc etiam Scriba mansuetudinis Christi testari dignatus est, et denique Paulus, plenitudinem temporis statum illum felicissimum appellavit. Vere tempus et temporalia quaeque plena fuerunt, quia nullum nostrae felicitatis ministerium ministro vacavit. Qualiter autem se habuerit orbis, ex quo tunica ista inconsutilis, cupiditatis ungue scissuram primitus passa est, et legere possumus, et utinam non videre“. De Mon. I, c. 16. До сих пор великое видение представляло нам картину спокойствия, всемирного мира и блаженства, царствовавших в мире при начале христианства; с этой минуты поэт изображает нам, как в зеркале, положение мира с того времени, как несотканная одежда сорвана с него когтями сребролюбия и алчности». Скартаццини.

70-72. Чувствуя себя неспособным изобразить свое усыпление, Данте переходит к минуте, когда он восстал от сна, рассеявшегося от яркого блеска Грифона и «святого воинства», вознесшихся в это время на небо (стих 89), и от возгласа Матильды «проснись» (стих 72).

73-81. «При изображении своего усыпления Данте подражает евангельскому повествованию о Преображении Господнем. Как три ученика Христовы заснули на горе Фаворе, так засыпает Данте на горе Чистилища; как ученики при пробуждении и еще полусонные узрели славу своего Учителя (Луки IX, 32), так и Данте видит блеск от Грифона; как Христос приблизился к ученикам, прикоснулся к ним и сказал: «встаньте» (Матф. XVII, 7), так и Данте слышит слово «проснись»; как ученики, проснувшись, не видели никого более, кроме одного Иисуса (Матф. XVII, 8; Марк. IX, 7; Лук. IX, 36), так и Данте видит лишь Матильду». Скартаццини.

73-74. «Да узрят роскошь цвета той яблони» и проч. Здесь разумеется яблоня, о которой говорится в Песне Песней II, 3: «Что яблонь между деревьями, то возлюбленный мой между юношами». По общему толкованию св. отцов, в яблоне Песни Песней подразумевается сам Христос. В момент Преображения Господня ученики Его предвкушали вечное блаженство, они видели цветы древа, плодов которого вечно алкают ангелы и вечно питаются ими, по слову св. Апостола (I Петр. I, 12): «Во что желают проникнуть Ангелы».

74-75. Эти два стиха несколько изменены в переводе; в подлиннике: „*Che del suo pomo gli Angeli fa ghiotti, E perpetue nozze fa nel cielo*“.

77-78. «Глагол надежды», т. е. слова Спасителя: «Встаньте и не бойтесь». Матф. XVII, 7. Здесь намекается на слова Спасителя к умершему Лазарю: «Лазарь! Иди вон» (Иоанна XI, 43), и к юноше: «Юноша! Тебе говорю, встань». Луки VII, 14.

82. «Итак, смысл и значение внезапного усыпления нашего поэта состоит в том, что он, как некогда ученики, укрепляется в силах своих восторженным предвкушением блаженства для созерцания предстоящего изображения судьбы церкви. Именно тогда лишь, когда исчезли Христос и его спутники (стих 88), сошедшая с колесницы Беатриче позволяет поэту узреть заимствованное из Иезекииля (XVII, 3) и Откровения (XII, 13-17) видение с заключительным о нем пророчеством. И здесь заключается опять

<p>85 И в страхе я спросил: «Где Беатриче?»
И та: «У корня древа восседит
Под новою листвою, полна величий.</p>	<p>— «Не долго быть тебе в лесной тени: 100
В великий Рим взнесешься силой чуда,
Где сам Христос — римлянин искони!</p>
<p>88 Взгляни: вот сонм подруг ее стоит;
Другие ж все взнеслись за Грифоном.
Чу! Как их песнь там в глубине гремит».</p>	<p>На благо миру, что живет так худо, 103
Зри колесницу; что увидишь здесь,
Все запиши, когда придешь отсюда».</p>
<p>91 И что еще сказала мне об оном,
Не ведаю: мне зрелась лишь она,
Замкнувшая мой слух всем прочим тонам.</p>	<p>Так Беатриче. И, склоненный весь 106
К стопам ее велений, ум и очи,
Как повелела, устремил я днесь.</p>
<p>94 На почве чистой там воссев, одна,
Как страж, блюла ту колесницу мира,
Что существом двувидным спасена.</p>	<p>Стремительно так никогда в мгле ночи 109
Из туч не сходит молния, когда
Из высших сфер дождь хлынет из всей мочи,</p>
<p>97 Вокруг нее слились, как вкруг кумира,
Семь нимф, держа в светильниках огни,
Хранимые от Норда и Зефира.</p>	<p>Как птица Зевса ринулась тогда 112
По дереву, сорвав с него с корою
И лист и цвет, и пала, как беда,</p>

глубочайший смысл; именно дело идет теперь о том времени церкви, когда Христос видимо покинул ее, причём осталась одна Его незримая благодать (Беатриче) со своими добродетелями и духовными дарами, как неистребимыми благами, которые не может исторгнуть никакая буря (стих 99)». Флейдерер.

83. «Благочестивую», в подлиннике: *quella pia*, т. е. Матильда.

85. Т. е. в страхе, что Беатриче покинула его.

86-87. «Дерево, как мы видели, — символ империи. Корень дерева, говоря все в том же аллегорическом смысле, не может обозначать ничего иного, как то место, где возвысилась и откуда распространилась империя, т. е. Рим. Кроме того мы видели, что Беатриче олицетворяет власть церковную или папство. Итак, по снятии аллегорической одежды, слова поэта будут означать, что папство восседит на семи холмах, т. е. в Риме, под сенью и покровительством Римской империи». Скартаццини. — Другие объясняют иначе; так Флейдерер полагает, что «здесь необходимо иметь в виду значение дерева, и тогда смысл будет тот, что божественная благодать даже и во время отпадения неуклонно указывает на послушание Христу, и потому, даже и тогда, когда оставляется самое дерево, т. е. надлежащий внешний порядок (как мы это увидим в стихе 157), вследствие постоянного указания на эту внутреннюю норму жизни, — церковь ограждается от гибели (стих 95) и стремится возвратиться к надлежащему порядку, даже во внешней своей форме».

88. «Сонм подруг»: *la compagna* — семь мистических жен, олицетворяющих семь добродетелей. Они окружают Беатриче, в подлиннике: *la circonda*.

89. «Другие», т. е. святое воинство (стих 17). «За Грифоном», — «Каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его (верующие)», I. Коринф. XV, 23. — Поднятие Грифона к небу олицетворяет вознесение Господне.

92. «Она», т. е. Беатриче.

94. «На почве чистой», в подлиннике: *in su la terra vera*. По мнению одних, почва эта обозначает почву земного рая, по мнению других, напр., Коста, — Рим. Но уже Бути, Ландино и Велутелло понимали слово *vera*, как *pura* — голая или чистая. В таком случае, следуя Скартаццини, смысл будет такой: «Беатриче садится у корня древа, что означает, как выше сказано (ст. 86 примеч.), что местопребывание духовной власти — Рим, корень империи. Беатриче сидит одна и на истинной почве. Истинная почва есть почва голая. Беатриче сидит одна, окруженная лишь семью нимфами, олицетворяющими семь добродетелей; она сидит на голой земле и подражает в этом Тому, Кто «не имел, где преклонить главу» (Матф. VIII, 20; Лук. IX, 58). Беатриче олицетворяет власть духовную или папство, сообразное идеалу Данте. В грандиозном его видении мы присутствуем теперь при зачатках христианства. Первые римские

епископы заседали одни в императорском городе, без всякой свиты кардиналов, придворных, слуг и проч. Они были бедны; престол папский еще не был воздвигнут; временных богатств не имели ни церковь, ни папы; верующие собирались еще в катакомбах, следовательно, не имели другого седалища, кроме голой земли. Изображая Беатриче сидящей одиноко на голой земле, поэт рисует одним штрихом кисти смирение и нищету первых наместников Христовых и, вместе с тем, делает жестокий упрек в роскоши и мирском блеске папам последующих времен, и в особенности современным ему. Заметьте кроме того, что Беатриче уже не сидит в колеснице, но на земле около нее. Впоследствии блудница на свободе сидит на колеснице, превратившейся в чудовище, как крепость на скале. Сидение на голой земле означает смирение, сидение же блудницы, очевидно, — признак гордости и наглости. Беатриче сидит как бы на страже колесницы, она не хочет господствовать над достоянием, но единственно охраняет и служит примером стаду (I посл. Петра V, 3): она служит колеснице, а не колесница ей. И так Беатриче, сидящая на истинной, голой, земле, есть олицетворение первых преемников св. Петра, или идеального папы, по воззрению поэта». Скартаццини.

96. «Двувидное существо»: *biforme fiera*, т. е. Грифон, полу-лев, полу-орел, как описано выше — Чистилища XXIX, 113 и примеч.

97-99. «Светильники», см. Чистилища XXIX, 50 и примеч. «В начале мистической процессии эти светильники подвигались впереди всех сами собой, не будучи никем несомы. За светильниками следовала и колесница, окруженная семью пляшущими нимфами. По буквальному смыслу, должно думать, что с вознесением Грифона и старцев нимфы приняли светильники в свои руки в то время, когда поэт спал. Аллегорически это обозначает, может быть, первое сошествие Св. Духа на главы апостолов. С того времени и веки добродетели не будут отделены от семи даров Божиих». Скартаццини.

98. «Семь нимф» — главные и богословские добродетели, и семь даров Св. Духа не могут быть отторгнуты от церкви никакими бурями, ибо «врата адовы не одолеют ее». По мнению Копиша, Норд, северный ветер, обозначает насилие со стороны императоров (Рая III, 119); Зефир, южный ветер, — насилие со стороны пап.

100-101. В подлиннике „*Qui sarai tu poco tempo silvano*“, смысл: Недолго тебе, как представителю всего рода христианского, здесь, в церкви воинствующей, в лесной тени, быть как бы изгнанником в пустыне во время сиротства Рима и заблуждений папы. Ты вознесешься, или, как в подлиннике: будешь вечным гражданином: „*senza fine cive*“, в тот Рим, т. е. в небесный, где Христос есть римлянин искони, т. е. «станешь сочленом торжествующей церкви, где уже не нужны ни император, ни папа и где Христос не есть уже невидимая, но зримая глава Его общины». Филалет. — «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу». Посл. к Ефес. II, 19.

102. Очевидно, горькая ирония над папами; она означает, что в папском Риме Христос не римлянин, не гражданин и не владыка; Он пребывает таковым лишь в том Риме, который Евангелие именует небесным Иерусалимом (Посл. к Галат. IV, 26; к Евр. XII, 22; Откров. Иоанна XXI, 2, 10). Слич: Чистилища XXVI, 128 и след.

103. «На благо миру» и проч. Здесь указывается на конечную цель всей поэмы, именно общее благо всего человечества, живущего худо, как в социальном, так и нравственном отношении по причине отсутствия порядка, учрежденного Богом, т. е. по неимению двух вождей — светского и духовного, ведущих людей к двоякому счастью на земле.

105. «Запиши», как в Откровении Иоанна: «То, что видишь, напиши в книгу». I, 11; — «Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего». Ibid., ст. 19; — «Напиши, ибо слова сии истинны и верны». Ibid. XXI, 5. — «Когда придешь отсюда», само собою разумеется на землю.

107. «К стопам ее велений», — поэтический оборот, свойственный итальянским поэтам; так у Петрарки: „*ginocchia della mente*“; у Боккаччо: „*mani della sua grazia*“; даже: „*orecchie del cuore*“. В псал. XXXV, 12: «нога гордыни».

109. «В следующем видении, где пред очами поэта проведены судьбы церкви, значение дерева получает тот смысл, какой оно имело в сновидении Навуходоносора» (Дан. IV, 7). «Как Даниил объяснил дерево Навуходоносора его Вавилонским царством, так и здесь под деревом должно разуть всемирную монархию, которой Сам Христос в Своем воплощении человеческом восхотел принадлежать и соделать ее столицей средоточием Своей церкви» (Ада II, 23). К. Витте. — «Нижеследующие аллегории видения почти согласно объясняются комментаторами так: Орел означает римского императора, так как при римских императорах христиане претерпевали великие гонения, вследствие чего церковь была сильно потрясена. Под видом тощей Лисицы должно разуть лжеучения, не имеющие истинного основания. Во второй раз упadaющий на дерево Орел есть император Константин Великий; чрез дар (пух), полученный от него папой Сильвестром, было положено основание властолюбию пап. Глас с неба есть глас

115 На колесницу с яростью такую,
Что та накренилась, как бот средь волн,
С бортов разимый в море бурей злою.

118 И в колесницу, зыбкую как челн,
Голодная Лисица ворвалась,
Которой зев был всякой скверны полн.

121 Но, укоризн мадонны устрасая,
От мерзких дел она пустилась в бег,
Насколько мог бежать скелет без мяса.

И вот, из стран, отколь сперва притек, 124
В ковчег опять Орел спустился бурно
И пухом крыл осыпал весь ковчег.

И в высоте, в обители лазурной, 127
Раздавшись, скорби голос произнес:
— «О мой челнок! Как нагружен ты дурно!»

И видел я: вот! между двух колес 130
Земля разверзлась, и Дракон выходит —
Пронзить ковчег хвостом своим насквозь.

св. Петра, возвещающего порчу и искажение папства. — Дракон есть Магомет, так как чрез него отпала значительная часть христианства. Но это толкование, несмотря на его распространенность, не вполне выдерживает критику (см. ниже). Новое покрытие перьями означает новые дарственные приобретения и обогащения Христовой церкви, причем дарители, может быть, имели хорошие и благочестивые намерения. Семь глав, по Даниелло, обозначают семь кардиналов, которые избирают пап; по другим же — семь смертных грехов, три на дышле, двурогие и наихудшие, гордость, гнев и сребролюбие; четыре других — зависть, уныние, чревоугодие и сладострастие. По Ландино, здесь обозначаются семь таинств, а десять рогов — десять заповедей. — Блудница — это папа, в особенности Бонифаций VIII; Гигант — всякий заискивающий милости у папской власти светский владыка, в особенности же французский король Филипп Красивый, так жестоко отмстивший папе Бонифацию, хотевшему вступить в союз и с другими светскими монархами. Наконец, похищение колесницы означает перенесение королем Филиппом Красивым папского престола из Рима в Авиньон». Каннегиссер.

109-111. Поэт сравнивает быстроту Орла с быстротой молнии, как в Чистилища IX, 28 и след. Орел пал на землю *terribil come folgor*. — «Из высших сфер». «Аристотель принимает пары в атмосфере двух родов: влажный пар (*ἀτμός*), который он называет паром, и сухой (*καπνός*), названный дымом. Под последним он разумет преимущественно ветры. Те и другие пары, подымаясь в верхние слои атмосферы, превращаются, вследствие господствующего там холода, в облака; от этого-то и происходит то, что влажные пары разрешаются дождями, сухие же — молнией, которая хотя бы и должна была по огненной своей натуре восходить вверх, но вследствие ступения низвергается на землю». Филалет.

112. Птица Зевса — Орел; *Jovis ales* — Вергилий, Энеида, I, 394. В Раю (II, 4) Данте называет ее *Ruscel di Dio*. — Отсюда начинается изображение исторических судеб церкви. Первое событие представляется под символом Орла, который, упавая в листву и цвет древа, лишает его не только их, но и ломает ветви и обдирает кору дерева, почти опрокидывая при этом самую колесницу. Орел, очевидно, заимствован у Иезекииля (XVII, 3, 4): «Большой орел с большими крыльями, с длинными перьями, пушистый, пестрый прилетел на Ливан и снял с кедра верхушку, сорвал верхний из молодых побегов его» и т. д. У Иезекииля он символ Вавилонской империи и, в частности, Навуходоносора, у Данте — символ первых римских императоров, подвергавших церковь гонению (это общее толкование всех комментаторов без исключения); таких гонений обыкновенно принимается десять, при императорах: Нероне (64 г.), Домициане (95), Траяне (105), Марке Аврелии (177), Септимии Севере (202), Максимиане (235), Деции (249), Валериане (257), Аврелиане (275) и Диоклитиане (303-311). Эти гонения не только повредили юным листьям и цветам древа юной христианской общины, но и коре его, т. е. самой империи, и, хотя лишь только видимо, — потрясли церковь.

116-117. «Сравнение церкви с кораблем весьма удачно, ибо челн св. Петра есть обычная метафора церкви; к тому же в христианском искусстве продольные части базилик назывались кораблем». Л. Вентури. — «С бортов разимый», в подлиннике: *Vinta dall' onda, or da roggia or da orga*, т. е. с обоих бортов.

118-120. Второе бедствие видения — Лисица. В Св. Писании лисица часто выражает лжепророков и ересиархов (Псал. LXII, 11; Плач Иеремии, V, 18; Иезек. XIII, 4; Матф. XXIV, 24), также ереси и лжеучения (Песнь Песней II, 15). «*Vulpes*», говорит блаж. Августин (in Psal. LXXX), «*insidiosos, maximeque haereticos fraudulentos significante Istaе vulpes significantur in Cantitis canticorum, ubi dicitur, capite nobis vulpes parvulas*». — Итак Лисица, по общему толкованию, обозначает здесь еретические

учения, восставшие войной на церковь в первые три века; но какую именно ересь разумеет здесь Данте в особенности, — в этом комментаторы несогласны. Одни видят здесь ересь, введенную в апостольскую церковь папой Анастасием II, впадшим в ересь Фотина (Ада XI, 8-9); другие и при том большинство — ересь Ария. Были и такие (Джиов. Пецци), которые видели здесь Юлиана Отступника. Вообще Лисида здесь символ ереси. Изображение ее, скелет без мяса, *Tossa senza polpe*, и *d'ogni pasto buon parea digiuna*, напоминает волчицу в I песни Ада (49-50, 99).

120. В подлиннике: *Che d'ogni pasto buon parea digiuna. Buon pasto* — духовная пища, глубина учения и желание исполнять волю Божию.

121-122. Беатриче, как символ истинного богословия, опровергла все лжеучения и уличила еретиков в их злых делах — намек на развращение таких еретиков, как Базилид, Валентин, Карпократ и др.; напротив, образ жизни ариан и новациан был безукоризнен.

123. Можно понимать двояко: или настолько быстро, насколько тощее животное может бежать при его слабости или насколько оно стало легко от своей худощавости.

124-126. Третье бедствие — церковь осыпается дарами императоров, в особенности даром Константина (Ада XIX, 115). Легенду эту о мнимом даре Рима императорами папам рассказывают Аста Sylvestri, потом жите Адриана I; в IX веке вышел и самый акт дарственной грамоты, которая гласила (*Decret Gratiani dist. XCVI, 13*): *Ut pontificalis apex non vilescat, sed magis quam imperii dignitas, gloria et potentia decoretur, ecce tam palatium nostrum, quam Romanam urbem, et omnes Italiae, seu accidentalium regionum provincias, loca et oivitates beatissimo Pontifici nostro Sylvestro, universali Papae, contradimus atque relinquimus: et ab eo et a successoribus ejus per hanc divalem nostram, et pragmaticum constitutum discernimus disponenda, atque juri S. Romanae Ecclesiae concedimus permansura*. — Хотя уже император Оттон III доказывал подложность этого документа, вплоть до Лоренцо Валла (слич: Ада XIX, 115 и прим.), большинство верило в подлинность его, и Данте несколько не сомневался в этом и видел в этом мнимом даянии Константина Великого главную причину упадка и разрушения Римской империи. — «Отколы сперва притек», т. е. с вершины древа, где гнездится Орел.

126. В подлиннике: *e lasciar lei di sè pennuta*, осыпал перьями, т. е. благами земными. Слич у Данте, *De Monar. III, c. 10*. Современник Данте Оттокар ди Гернек, живший около 1300 г., так поет об этом даре (*Reimchronik, cap. 448, in H. Pezii scriptt. rer. Austr. III, 446*):

Ey Chaiser Constantin,
 War tet du dein Sin,
 Do du den Phaffengeb
 Den gewalt und das Urleb,
 Das Stet, Purger und Lant
 Undertanig irr Hant
 Und irm Gewalt schold wesen! etc.

127-129. Данте, по-видимому, придерживается здесь древней легенды, о которой говорят Пьетро ди Данте, Ландино, Аноним Флорентинский; по словам ее, в то время, когда Константин принес церкви свой дар, послышался голос с неба: *„Hodie diffusum est venenum in Ecclesia Dei“*.

130-132. Четвертое бедствие — появление из земли Дракона, отторгающего часть колесницы. Видение это, очевидно, заимствовано из Откровения Иоанна (XII, 3, 4): «Вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим; хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю». По библейскому новейшему толкованию дракон обозначает языческую Римскую империю; семь голов суть семь холмов, на которых построен Рим; по толкованию средневековому, дракон Откровения есть антихрист. Сам же творец Откровения объясняет дракона диаволом. «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом» (Откр. XII, 9; XX, 2). Мнение комментаторов Данте различно; по одним, это сатана; по другим — Антихрист (Пьетро ди Данте); но большинство древних и новейших толкователей видят в этом драконе Магомета, увлекшего за собой много племен. Были и такие, которые разумели в этом видении разделение церкви на восточную и западную (в 858 г. при патриархе Фотии). Но, кажется, всего вернее мнение Скартаццини: «Дракон, как сказано, заимствован из Апокалипсиса, где он назван диаволом и сатаной. Очевидно, и у Данте он обозначает то же. Дракон исходит из земли, как Грифон (Христос) с неба, следовательно, дракон есть адский антитеза небесному Грифону. Непосредственное следствие появления дракона есть то, что колесница мгновенно покрывается перьями Орла, т. е. богатством. Появление Магомета и Фотия не могло иметь таких последствий. Это обогащение было следствием того, что демон сребролюбия, любостяжания

и скупости вселился в сердца духовных и мирян и изгнал смирение и воздержание. Поэтому Данте заимствовал из видения Евангелиста не только идею, но и аллегорическое значение дракона. Дракон есть искуситель, показавший церкви в одно мгновение все царства мира и сказавший: дам тебе все это, если поклонись мне, и люди поклонились ему (Откр. XIII, 4); это тот искуситель, что ядовитым хвостом своим удаляет дух смирения и нищеты, положенных Христом в основу церкви Своей, и что вливает в сердца священников и священнослужителей стремление к обогащению и увеличению земной власти. Дракон напоминает, стало быть, Волчицу, которая первая выпустила зависть на землю из ада (Ада I, 110-111). «Волчица — символ скупости, Дракон — символ демона скупости и сребролюбия». Скартаццини.

130. «Меж двух колес», демон сребролюбия возник в недрах духовенства, духовных лиц мирских и монастырских, символом которых служат колеса колесницы (слич: Чист. XXIX, 106 прим., в конце).

131-133. Хвост дракона в представлении поэта снабжен на конце острием наподобие копья, которое он сравнивает с жалом осы по причине его скрытности и ядовитости.

135. «Часть дна», т. е. дух смирения и нищеты, который, как мы сказали, положен Христом в основу Своей церкви. — «И радостный», в подлиннике: *vago vago* — выражение, понимаемое комментаторами различно; но, принимая во внимание, что слово *vago* всегда употребляется у Данте в значении желающих, жадный, кажется, будет вернее перевести его, как радостный, или, еще лучше, желающий делать еще новый и больший вред, подобно тому, как Волчица после еды еще сильней алкает (Ада I, 99) и никогда не утоляет в себе голода, или как скупой, который тем более жаждет, чем больше копит богатства.

136-137. Пятое бедствие — все то, что уцелело в колеснице от нападения дракона, колеса и даже дышло покрылись перьями и пухом Орла, что, по толкованию всех комментаторов, означает обогащение церкви земными благами не только вследствие дара Константина, но и вследствие позднейших приношений и даров, сделанных благочестивыми людьми, франкскими королями, тосканской графиней Матильдой и другими, а равно и другими благоприятными обстоятельствами.

136. «Сорною травой», в подлиннике: *gramina*, по-латыни *gramen*, *gramineus*, ботан. *Panicum Dactylon* Lin. или *Cynodactylon* — растение, легко принимающееся и трудно искоренимое, особенно на почвах плодородных. Адамани (Coltiv. V, 19), говоря о нем, сказал: „*che partorisca ognor vivace e verde E la gramigna e il fien*“.

137-138. «С целью чистой и благой»; следовательно Данте признает добрые намерения в даре Константина, хотя он имел такие дурные последствия. Слич: Рая XX, 55 и след. — «Забывтый», в подлиннике: *offerta*, предложенный, данный.

139-141. «Это покрытие пухом совершилось быстрее, чем сколько нужно времени, чтобы открыть уста для издания вздоха без слов: сравнение со вздохом здесь весьма уместно при повествовании о бедствиях церкви». Л. Вентури (*Similitudine*).

142-147. Как следствие всех этих бедствий, колесница преобразуется в страшное, невиданное чудовище с тремя двурогими головами на дышле и с четырьмя однорогими головами по сторонам колесницы. — Описание этого чудовища, очевидно, заимствовано Данте из видений Даниила и апокалиптических Св. Иоанна (Дан. VII, 7,23; Откров. XII-XIII, 1 и след.; 16, 17). Блудница в Откровении Иоанна, по новейшему толкованию, — есть Рим; животное, на котором она сидит, — Римская империя; семь голов животного — семь императоров, десять рогов, по всему вероятно, — десять проконсулов (толкование Откровения Эвальда, Люкне, Де-Ветте, Блеека, Фолькмара и др.). — Данте взял из Апокалипсиса самый образ видения, но дал ему другое значение. У комментаторов существует три главных мнения: 1) Семь голов означает семь кардиналов и притом три двурогие — кардиналов-епископов, носящих двурогие митры, четыре головы с одним рогом — прочих кардиналов-не-епископов; 2) семь голов — семь таинств и десять рогов — десять заповедей, и 3) семь голов — семь смертных грехов; из них три: гордость, зависть и гнев, с двумя рогами, как грехи более тяжкие, а прочие четыре: уныние, сребролюбие, чревоугодие и сладострастие, — снабжены одним рогом, как грехи, направленные лишь к удовлетворению плотских наслаждений. — Первое из этих мнений (Даниелло, Вольпи, Дж. Кольтелли) о семи кардиналах-избирателях, учрежденных со времени разделения церкви на восточную и западную и названных *de cardinibus mundi*, из которых трое носят митры с двумя рогами, одним спереди, другим сзади, тогда как остальные четверо, не будучи епископами, носят простые митры, — не выдерживает критики уже потому, что учреждение кардиналов, равно как и других духовных лиц, получило свое место уже с самого начала церкви, почти тотчас после мнимого дара Константина; к тому же это совершенно противоречит воззрению Данте и его современников на институт кардиналов и других духовных; в видении поэта триумфальная сперва колесница сделалась чудовищной не от самого ее начала, но тогда, как она

133 И как оса из тела вновь выводит
Иглу, — так Змий, в себя вобрав хвост свой,
Отторг часть дна и, радостный, уходит.

136 Как гложнет поле сорною травой,
Так, что осталось, в пух Орла (забытый,
Быть может, с целью чистой и благой)

Оделося, и были быстро скрыты
Колеса с дышлом им: уста без слов,
Чтоб вздох издать, не долее открыты.

Преобразившись так, чертог Христов
Главы изводит из своих гнездилищ,
На дышле три и по одной с улов;

выродилась и развратилась. — Если принять второе мнение, то не иначе, как в том смысле, что развратившаяся церковь употребила во зло таинства и предписание декалога (десяти заповедей); но и это можно допустить разве лишь для одних таинств, а никак уже не в отношении заповедей. Но даже в этом смысле таинства и заповеди всегда были и будут святы (Посл. к Римл. VII, 7 и далее), и было бы безумие допустить, что они, по мнению Данте, стали даже вследствие злоупотребления церкви чудовищными. К тому же десять заповедей явились прежде церкви, семь таинств, по крайней мере, по мнению средневековых схоластиков, возникли вместе с нею; семь же голов являются у Данте уже тогда, когда церковь переродилась. — Остается, следовательно, принять третье мнение, тем более, что оно самое древнее. Защитники 2-го мнения ссылаются на Ада XIX, 109 и след., где Данте говорит, что сидящая на водах (т. е. Рим и римская церковь) родилась с семью головами и имела силу в десяти рогах, пока муж ее любил добро; тут действительно головы означают таинства и десять рогов — десять заповедей. Но там все это, очевидно, находится в прямой противоположности с тем, что изображается здесь; первое было тогда, когда папы были добродетельны и не уклонялись от прямого пути; там это были семь даров Св. Духа, здесь — семь осквернений этих даров; там — десять заповедей Божиих, здесь — десять нарушений божественного закона; Данте разделил эти семь голов на три и четыре — на число, обозначающее Бога, и число, обозначающее мир (Слич: Чистилища XXIX, 50 примечание). Вспомним, что папы во время Данте хотели быть *sicut Deus*; три головы на дышле напоминают три лица Люцифера (Ада XXXIV, 38 и примеч.), дьявольского антипода Божества. На колеснице, символе церкви, — четыре головы. Четыре — символ мира. Следовательно, церковь побеждена, угнетена тем миром, который она должна была победить духом и освятить. Все опрокинуто вверх дном, извращено, разрушено, и папский престол, и церковь, и человечество! „*O genus humanum!*“ — восклицает в другом месте Данте (De Monar. lib. I, c. 16), „*quantis procellis atque jacturis, quantisque naufragiis agitari te necesse est, dum bellua multorum capitum factum, in diversa conaris*“. Церковь не разрушена, но превращение ее стало хуже самого разрушения. Но когда церковь стала чудовищем, что же стало с нетленным существом божественного учреждения? Оно, конечно, сохранилось; но не в превращенной колеснице; оно сохранилось в Беатриче и Матильде, в семи нимфах и двух поэтах (Данте и Стаций); сохранилось и мистическое дерево, хотя от него удалились и Грифон, и колесница, привязанная к нему Грифоном; другими словами, — церковь теперь состоит из малого числа верных, живущих вне лона римской церкви. Итак, это последнее толкование, по-видимому, самое правильное; причем трудно понять, почему многие из старинных комментаторов ставили его в противоречие с ортодоксальностью Данте, трудно понять потому, что Данте, порицая здесь испорченность нравов прелатов и духовенства, нисколько не выступает здесь с учением о погрешимости самой церкви. Скартаццини. Филалет.

148-153. Блудница и Гигант. Кто эти лица? Первая, очевидно, взята из Откровения Иоанна (XVII, 1 и др.), эта копия с «великой блудницы, сидящей на водах многих, с которой блудодействовали цари земные». Блудница Апокалипсиса есть «великий город, иже имат царство над цари земные» (Ibid. 18). Данте недалеко отклонился от символического значения апокалиптической блудницы. Его блудница на свободе сидит там, где сперва восседала Беатриче, почему и названа в подлиннике *fuja* (воровка), так как хитростью заняла место Беатриче. В этой части мистического видения все нам представляется в превратном виде; значит, и в Блуднице мы должны признать антипод Беатриче, т. е. превращение идеальной папской власти в перерожденную и испорченную, т. е. власть папскую только по имени, занявшую хитростью место, ей не принадлежащее. Таковыми в глазах Данте были современные ему папы, в особенности Бонифаций VIII и Климент V (слич: Рая XXVII, 22 и след.). И так Блудница на свободе есть римская курия, выродившаяся и развращенная, и, в частности, символ двух современных ему пап — Бонифация VIII и Климента V, на которого, как на преемника Бонифация, прямо указывают последние стихи. — Что же касается до аллегорического значения Гиганта, то и он есть подражание «царей земных,

145 Рога быков — у первых трех чудилищ,
У всех других — по рогу на челе;
Бек я не зрел столь мерзостных страшилищ.

148 Тверда, как крепость на крутой скале,
Сидит на нем Блудница на свободе
И наглый взор вокруг водит по земле

151 И, чтоб ее не потерять (невзгоде,
Кто был бы рад?), Гигант стоит с ней в ряд,
Ее целует он при всем народе.

Когда ж в меня свой похотливый взгляд
Та кинула, — бичом любовник строгий
Ее избил от головы до пят.

И волю дал, полн гнева и тревоги,
Он чудилу и так далеко в лес
Увлеч ее, что гад сей многорогой

С Блудницею из глаз моих исчез.

154

157

160

упивавшихся с блудницей вином ее блудодеяния» (Апок. XVII, 2), и, по единогласному толкованию всех комментаторов, обозначает королевский дом Франции и, в частности, короля Филиппа Красивого, о борьбе которого с папою Бонифацием VIII было сказано в примеч. к Чистилища XX, 86. — Словом, все в этой последней части грандиозного видения представляет нам лица и вещи, противоположные тем, что являлись в первой части. Чудовище есть антипод триумфальной колесницы; семь голов — антипод семи нимфам или семи светильникам; десять рогов — антипод десяти шагам (Чистилища XXIX, 81); блудница — антипод Беатриче; пускание чудовища на свободу и бегство его в лес — противоположность везения колесницы и привязывания ее к дереву. Наконец и самый Гигант, по закону симметрии, усматриваемой во всем этом видении, имеет себе антипода в Грифоне. Как Грифон влечет колесницу и привязывает ее к дереву, так, наоборот, Гигант отвязывает ее и влечет по лесу. Грифон, как символ Христа, есть жених церкви, Гигант — ее любовник и проч. Недаром Филипп Красивый назван Данте (Чистилища XX, 91) «новым Пилатом», — выражение вполне гармонирующее с данным толкованием значения Гиганта. Скартаццини.

148. «Как крепость» и проч. — «Не может укрыться город, стоящий на верху горы». Матф. V, 14.

150. Каждое слово выражает здесь наглость Блудницы. «Наклонность женщины к блуду узнается по поднятию глаз и век ее». Премудр. Ис., сына Сирахова XXVI, 11. Намек, по-видимому, на смелость и наглость, с какими папа Бонифаций VIII издавал свои наглые буллы.

154-155. «В меня». Ландино разумеет — вообще в христиан; Бенвенуто Рамбалди объясняет: „Quasi dicat: quia Bonifacius noluit respicere ad gentem italicam dimissa gallica, quia nolebat amplius pati servitutem Philippi“. Другие объясняют «в меня», в мою партию, т. е. в гибеллинов, врагов французского дома. Очевидно, Данте намекает здесь на определенный исторический факт, а именно на то, что папа Бонифаций VIII санкционировал мир, заключенный между Карлом, королем Неаполитанским, и Фридрихом, королем Сицилии (12 июня 1303), а также на то, что он признал Альберта Австрийского и объявил его императором римским. Вот что писал тогда Бонифаций Альберту: „Auctoritate apostolica et apostolicae plenitudine potestatis te in specialem filium nostrum recipimus et Ecclesiae Romanae, ac Regem Romanorum assumimus, in Imperatorem, auctore Domino, promovendum, — supplentes omnem defectum, si quis aut ratione formae, aut ratione tuae vel tuorum electorum personarum, seu ex quavis alia ratione vel causa, sive quocunque modo in huiusmodi tua electione, coronatione ac administratione fuisse noscatur. Omnia insuper et singula, per te vel alios de mandato tuo facta et habita in administratione praedicta, quae alias iusta et licita extitissent ita valere decernimus et tenere sicut si administratio ipsa tibi competissee legitime nosceretur“. Скартаццини.

155-156. Намек на оскорбления, нанесенные Бонифацию Филиппом Красивым, после того как они поссорились, и в особенности на знаменитое пленение папы в Ананьи (Чистилища XX, 85 и примеч.).

*Рога быков — у первых трех чудилищ,
У всех других — по рогу на челе;
Век я не зрел столь мерзостных страшилищ.
(Чистилище, Песнь XXXII, тер. 145)*

157. «И волю дал», т. е. отвязал ее от дерева, к которому она была привязана Грифоном. В тревоге, чтобы Блудница не отдалась другим.

158-160. Значение этой терцины всех правильнее и яснее истолковал сын поэта Пьетро ди Данте: „Et hoc est quod dicit, scilicet, quomodo traxit eam secum per silvam, idest quod fecit ut Curia romana tracta est ultra montes in suo territorio de Roma“. — Это толкование сына Данте признано теперь почти всеми комментаторами. Поэт приводит здесь в форме пророчества перенесение папского престола из Рима в Авиньон, случившееся спустя пять лет после изображенного здесь мистического видения, при преемнике Бонифация папе Клименте V. Это тот самый папа, который разумеется в Ада XIX, 82 и далее. При этом нельзя не подивиться чрезвычайной смелости, с какой поэт, если не прямо здесь, то в сказанном месте Ада выражает свое мнение о главе церкви, который, как надо думать, еще царствовал, когда вышел Ад Данте. Впрочем по мнению Вегеле, Климент должен был уже умереть, когда были написаны сказанные стихи Ада; он умер в 1314 году, из чего Вегеле заключает, что Ад издан уже после смерти папы. «Вообще, нельзя себе мысленно представить, какое потрясающее действие должно было произвести на современников поэта столь смелое изображение, именно здесь, на благодатной почве земного рая, невидимой, истинной церкви; каковою она должна быть, в противоположность церкви извращенной и развращенной. Нельзя не назвать глубокомысленной и потрясающей во всех отношениях идею представить все развращение церкви именно здесь, в этой части поэмы, которая по всему своему развитию собственно есть символ истинной церкви, правильного церковного состояния на земле». Флейдерер.

Земной рай. — Прорицание Беатриче. — Пятьсот и Пять и Десять. — Данте и Беатриче. — Река Эвнэ.

<p>1 „Deus venerunt gentes“... в сокрушение,
То только трех, то четырех дев хор
Так, чередуясь, начал псалмопенье.</p> <p>4 И въздыхая, — скорбная с тех пор, —
Внимала Беатриче; лишь Мария
Имела у креста печальней взор,</p> <p>7 Когда же дали девы пресвятые
Ей говорить, — с лицом как бы в огне,
Она, восстав, рекла слова такие:</p> <p>10 „Modicum, et non videbitis me
Et iterum, о милые подруги,
Modicum, et vos videbitis me“.</p> | <p>Когда ж семь жен пошли пред ней, как слуги, 13
Она, дав знак за нею вслед идти
Мне, донне и поэту в нашем круге,</p> <p>Подвиглась в путь и, верно, десяти 16
Еще шагов в пути не совершила,
Как взором мне пронзила взор в пути</p> <p>И с видом ясным так проговорила: 19
— «Спеши; хочу беседовать с тобой:
Понять меня в тебе уже есть сила».</p> <p>Лишь я предстал, как долг велит, к святой, — 22
Она рекла: «О! Брат мой, что ж о многом
Не спросишь ты, пока идешь со мной?»</p> |
|---|--|

1. „Deus, venerunt gentes“ — начало 78-го псалма: «Боже, язычники пришли в наследие Твое, осквернили святы́й храм Твой, Иерусалим превратили в развалины». — Псалом на разрушение Иерусалима и храма ассириянами в большом употреблении в католической церковной службе, особенно в мессе св. мученикам. Данте применяет его здесь к бедствиям церкви.

2-3. Три божественные и четыре главные добродетели (жены) поют этот псалом, стих за стихом, чередуясь в два хора, как это делается и ныне в католических церквях при отправлении часов.

8. «С лицом как бы в огне»; в подлиннике: *colorata come fuoco*, т. е. в огне ревности, любви и святого гнева при виде бедствий церкви, которой она служит стражем.

10-12. Слова Христа ученикам Своим (Иоан. XVI, 10): «Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня». Спаситель предсказывает в них ученикам Свою смерть и воскресение. «Истинное учение (Беатриче) будет помрачено лишь на короткое время и вскоре затем вновь явится во всем своем свете». Филалет. — По Скартаццини, Беатриче говорит здесь, как символ церковной власти, поскольку она обладает божественным откровением и поскольку она соответствует своему идеалу. В устах ее слова евангельские означают лишь, что мир только на короткое время будет лишен своего духовного руководителя. Вместе с тем пророчество это указывает на близкое возвращение пап из Авиньона в Рим. — «Если в этих стихах действительно указывается на возвращение пап из Авиньона, то такое указание было бы равносильно с настоящим пророческим провидением поэта, так как этот возврат в Рим случился лишь через 63 года после того, как написана поэма, именно в 1372 году, когда Данте уже умер. Вероятнее всего, здесь просто указывается на возврат истинного христианства вследствие внутренней реформы церкви, — реформы, на скорое введение которой Данте намекает в очень многих местах поэмы». Ноттер. — Относительно размера этой терцины следует заметить, что первый и последний стих ее следует читать так:

Modicum, et non vi-debitis me,
Modicum, et vos vi-debitis me.

13-15. Процессия идет в следующем порядке: впереди семь жен (добродетелей), в середине Беатриче, за нею Матильда, Данте и поэт Стаций, — следовательно, в том же порядке, как она шла вначале (Чистилища XXIX, 43 и след., и XXXII, 88 и след.).

16. Об аллегорическом значении шагов слича сказанное о десяти шагах между светильниками в Чистилища XXIX, 80-81 и примеч.

18. Т. е. поразила мне глаза блеском своих очей.

23. «О брат мой», в подлиннике: *Fràte*, как обращаются друг к другу монахи Чистилища XXIX, 15 и примеч.

25 Что с тем бывает, кто в чрезмерно строгом
Почтении, со страхом говоря,
Едва сквозь зубы тянет слог за слогом,

28 То было и со мной, и начал я
Неявственно: «Вам ведомо, мадонна,
Что нужно мне, в чем благо для меня».

31 И мне она: «Хочу, чтоб непреклонно
Мужался ты, отбросив лишний стыд,
И говорил отныне не как сонный».

Знай: тот сосуд, что Змием здесь разбит, — 34
Он бе и несть! Но Божеской десницы
Виновник зла — скупой не отвратит.

И явится в свой час наследник птицы, 37
Рассыпавшей на колеснице пух,
Чтоб чудище родить из колесницы.

Уж ясно вижу (и скажу то вслух): 40
Низводят день уж звезды в зодиаке,
Когда прорвет все грани некий дух.

27. „Едва сквозь зубы тянет слог за слогом“, буквально как в подлиннике: „Che non traggon la voce viva a' denti.“ Сравнение, напоминающее слова Телемака к Ментору у Гомера (Одис. Жуковск. III, 23-24):

Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен,
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?

34. «Сосуд», т. е. мистическая колесница. — «Он бе и несть», — опять слова из Апокалипсиса (XVII, 8): «Зверь, которого ты видел, был, и нет его». — «Церковь, а именно апостольский престол, претерпела сильные потрясения; можно даже сказать, что он теперь никем не занят, пока он занимается такими папами, как Бонифаций и Климент, завладевшие им чрез обман и симонию». Филалет. — «Здесь Данте, очевидно, имеет в виду не вселенскую церковь, неразрушимую и вечно существующую, но единственно папский престол, а именно с перенесением его в Авиньон. Слова «сосуд несть» означают не то, чтобы церковь перестала быть святою, как установил ее Господь, но только то, что сосуд разрушен, что солнце, которое должно вести человека к блаженству вечной жизни, погашено. Из этого следует заключить, что престол папский, перенесенный в Авиньон, не есть уже, по мнению Данте, престол св. Петра, а искажение его; что папы Бонифаций VIII и Климент V — не папы, не наместники св. Петра, а наемники, воры и разбойники (Иоан. X, 8). В том же смысле и уже без аллегории в Раю (XXVII, 22 и далее.) ап. Петр говорит:

Тот, кто похитит на земле мой трон,
Мой трон, мой трон, чрез что отныне к браку
С предвечным Сыном стал негоден он.

36. В подлиннике: *Vendetta di Dio non teme suppe*. Темное место. *Suppe, la zuppa* — хлеб, смоченный в вине. По-провансальски и испански *sopa*, по-французски *soupe*, немецкое *soppe* и *suppe* (Диец, *Etyim. Wörterb.*). По единогласному объяснению всех древних комментаторов, здесь намекается на следующий суеверный обычай Средних веков, распространенный в разных местах, особенно во Флоренции. Суеверие это состояло в том, что если убийца в течение девяти дней после совершения убийства успеет съесть эту супу, т. е. смесь хлеба с вином, над могилой им убитого, то он этим предохранит себя от мщения со стороны родственников за пролитую им кровь (кровомщение было в общем ходу в Средние века). На основании этого родственники убитого стерегли обыкновенно могилу убитого в течение девяти дней, для того, чтобы не дать убийце возможности спастись от их мщения. По словам Фальсо Боккаччо, этот обычай был принесен из Франции Карлом Анжуйским, который прибегал и сам к этому средству после казни Конрадина и немецких баронов, чтобы не подвергнуться мщению за это злодейство. Бенвенуто Рамбалди к этому прибавляет: „*Et hoc fecerunt multi famosi Florentini, sicut Dominus Cursius Donatus*“. Стало быть смысл этого места будет следующий: мщение Божие скоро должно постигнуть виновника зла (кого бы здесь ни разумел поэт — Филиппа ли Красивого, или папу Бонифация VIII, или Климента V). — «Это место, как замечает Эмилио Джиуд (*Stor. della lett. ital. Vol. I, pag. 215 nt.*) — один из грандиознейших штрихов Дантовской кисти, — речь мистериозная, которая, обладая для наших глаз темнотою ответа оракула, должна была казаться совершенно ясной современникам и, вместе с тем отозваться чрезмерной горечью на сердце анжуйцев, осмеивая суеверие, которым поэт грозит им страшным мщением за их злодейство». Скартаццини.

43 Пятьсот и Пять и Десять — будут знаки
Послу с небес: пред ним падет та тварь
И тот Гигант, кто с ней грешит во мраке.

46 И коль слова мои темны, как встарь
Фемиды речь иль Сфинкса, если смысла
Их не поймешь, как Сфинкса понял царь, —

Наядами тебе пусть будут числа, 49
Пусть той загадки так рассеят мрак,
Чтоб на стадах и нивах смерть не висла.

Заметь же их и, как их слышал, так 52
Всем передай свои влачащим лета
В той жизни, где все к смерти есть лишь шаг.

37. «Наследник птицы», т. е. орла. Беатриче здесь предсказывает, что империя, императорская власть, не всегда будет упраздненной. Упраздненной, вакантной поэт называет всякую должность, когда несущее ее лицо не исполняет оную; обязанность же императора, по его мнению, состоит в том, чтобы соединить и подчинить своей власти сад империи (Чистилища VI, 105), в ту пору покинутый им. Барелли (Aleg. 281). Впрочем, в то время, когда имело место видение Данте, в 1300 г., власть императора не была упразднена, но была таковою в глазах Данте, назвавшего последним императором и королем Римским Фридриха II (Рая III, 120). „Ultimo, dico, per rispetto al tempo presente, non ostante che Ridolfo e Adolfo e Alberto poi eletti sieno appresso la sua morte e de suoi discendenti“. Следовательно, в этом пророчестве выражена надежда Данте иметь императора по сердцу. Если допустить, что Чистилище написано Данте до смерти Генриха Люксембургского (1313), то можно бы думать, что он разумеет здесь именно его; но Чистилище, как доказывает Скартаццини (Zu Dante's innerer Entwicklungsgeschichte в Jahrbuch III), написано после его смерти; поэтому здесь выражается вообще надежда Данте, которой не суждено было исполниться. Скартаццини.

39. Слич: Чистилища XXXII, 147.

40-42. Т. е. я вижу в Боге, что звезды благоприятным своим влиянием скоро приведут такое время, когда новый дух, т. е. посол Божий (messo di Dio, стих 44), уничтожив все преграды и грани, приведет все дела в лучшее состояние. Пьетро ди Данте говорит при этом: „Subdendo quomodo aquila imperialis non erit continue sine haerede, cum videat jam per conjunctionem, quae erit forte 44 praesentis millesimi, sive quinto de Iove et Saturno, dominari quemdam ducem“. Данте полагал, что его надежды осуществятся в 1344 г. Скартаццини.

43. Вот самое темное и самое спорное место во всей поэме Данте! Прежде всего должно сказать, что Данте и здесь подражает мистическому стилю Апокалипсиса (XIII, 18), где говорится о звере с семью головами. Апостол сказал: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число его шестисот шестьдесят шесть». Слова Нерон Цезарь дают число 666 (Толкование Bibel-Lexicon, Шенкеля, I, р. 155). Данте обозначил таинственное число свое римскими цифрами: 500=D, 5=V и 10=X. Эти латинские буквы, составленные вместе дают DVX, вождь, дусе, capitano. Кого бы ни разумел под этим словом Данте, ясно, что он выражает здесь надежду, что восстанет какая-то личность, которая должна произвести реформу в церкви и в императорской власти. Приводим мнение Скартаццини по этому поводу: «Нам кажется, что Алигьери не разумеет здесь надежду безличную и неопределенную, но что, напротив, он имеет здесь в виду личность историческую своего времени, на которую возлагает свои надежды. Сверх того, при сравнении этого места с пророчеством о Борзом Псе, Veltro (Ада 1100 и примеч.) становится очевидным, что Veltro и Dux — одно и то же. По смыслу всего места далее видно, что предсказываемая Данте личность не может быть никем иным, как вождем, — вождем светским, но отнюдь не папой или каким-либо духовным лицом. Обратимся теперь к истории: 16 декабря 1318 г. Кан Великий дела Скала, владетель Веронский, уже прославившийся храбростью и благоразумием, был избран собравшимися начальниками гибеллинов главою союза против гвельфов. Тогда-то Кан Великий развернул знамя орла, как вождь всей Италии, всех сторонников империи (Слич: Дж. Виллани, lib. IX, cap. 88 и след.). И в это-то время, в конце 1318-го и в начале 1319 г., Данте окончил вторую кантику своей поэмы (слич: Витте, Dante-Forschungen, pag. 138 и след.). Из этих данных следует заключить, что Данте под именем DVX предсказывал о Кане Великом дела Скала. Это же самое доказывается сличением этого места с другим, где Данте уже несомненно говорит о Кане Великом (Рая XVII, 76 и след.). — Наконец, неопровержимая тождественность между DVX и Veltro говорит в пользу такого толкования». Скартаццини приводит еще следующее замечание Джузеппе Пиччи (I luoghi più oscuri e controversi della D. C., pag. 158): «Если написать имя и главные титулы Скалигера Kan Grande de Scala Signore di Verona и переложить на цифры начальные буквы и предлоги, получим:

K= 10
G= 7
d= 4
e= 5
S= 90
S= 90
d= 4
i= 5
V= 300
515

Следует, впрочем, заметить, что в подлиннике цифры 515 переставлены именно так: пятьсот, десять и пять (*un cinquecento, dieci e cinque*) или римскими цифрами **DXV**; некоторые толкователи видели по этому в этих цифрах начальные буквы слов: **Domini Xristi Vicarius**, указывающие на то, что реформатором церкви должен быть папа, наместник Христа. Считаем не излишним привести и другое совершенно противоположное мнение Флейдерера (в переводе Штрекфусса, с. 391): «Предсказываемое мщение над истребителем церкви и нарушителем политико-церковного мироправления совершится наследником Орла (стих 37), следовательно, политическим героем. Соответственно этому главному положению, таинственное число 515 (**DVX**) должно читать как слово *Dux*, а не как *Domini Christi Vicarius*, как предлагали некоторые. Ибо в последнем случае это указывало бы на духовного спасителя, на папу, тогда как первое прямо указывает на военачальника или герцога. — Но кого разумеет Данте под этим *Dux* — это такой вопрос, который навсегда останется нерешенным за неимением определенных исторических данных для его решения; по крайней мере, до сих пор их не имеется; а главным образом, потому, что мы не знаем точно, когда были написаны отдельные части поэмы, особенно же это и подобное ему место в Аду I, 101. Что в обоих этих местах предсказываемое лицо одно и то же, и притом, как думает Филает, — Кан Великий ди Верона, — мнение это, судя по хронологическим и другим данным, сомнительно. Помимо того, что и в I песни Ада тождественность *Veltrio* с Скалигером не абсолютно единственно возможная, хотя и самая вероятная, — спрашивается, мог ли Данте разуместь и здесь, где идет речь не о простом изгнании Волчицы, сребролюбия Рима, но о гигантской задаче полного восстановления императорской власти и освобождения папства от ига Франции, — мог ли он, говорим мы, разуместь и здесь Кана Великого, который при всем своем значении и высоком уважении к нему все-таки нечто иное, как подчиненный, отдельный князь? И если в то время, когда Данте писал I песню Ада, он имел в виду именно Скалигера, то мог ли он думать о нем и теперь, после того, как Кан, хотя по-прежнему уважаемый государь и даже увеличивший свое маленькое государство, тем не менее не был ни наместником императора Генриха VII, ни сам не был реформатором. Или же между сочинением I песни Ада и XXXIII песни Чистилища лежал столь короткий промежуток, что Чистилище было написано невероятно скоро, почти одновременно с Адом, или же (как думает Ноттер) место I песни Ада было впоследствии вставлено поэтом. И эти же самые хронологические соображения не позволяют признавать в этом *Dux* и Генриха VII, ибо уже Чистилища VI, 100 и след. решительно указывает на время после смерти Альбрехта (1308), — VII, 96 — почти осязательно на римский поход Генриха в 1310 г., за которым в 1313 г. последовала смерть Генриха. Поэтому становится совершенно невозможным допустить, чтобы в этом месте возлагались надежды на Генриха. А так как здесь нельзя, как выше сказано, иметь в виду и реформатора папу, то остается один исход — допустить именно, что Данте не помышлял здесь сам о каком-нибудь определенном лице; напротив того, после всех разочарований относительно Кана Великого и Генриха VII, выразил здесь в общих чертах свое несокрушимое убеждение в неизбежности установленного Богом радикального улучшения неисправимого церковного и политического состояния при помощи ниспосланного Богом героя, которым, наконец, одержится победа права и истины. Что при этом, конечно, играют роль и астрологические предсказания, в которые верил Данте, — это видно из стиха 40. Вообще, по нашему мнению, гораздо согласнее с достоинством гения в таких общих выражениях, с истинно-пророческим духом, высоко держать знамя надежды на улучшение в будущем (что и исполнилось, хотя и при других условиях), — чем ошибаться в своих пророческих указаниях на какое-либо определенное лицо! — Здесь уместно указать и на другие, по всей Божественной Комедии рассеянные места, где пророчествуется о Дантовом герое и спасителе. За исключением Рая IX, 139 и XX, 14 и след., где имеется в виду чисто церковная реформа, эти места, кроме сейчас поименованных I песни Ада и XXXIII песни Чистилища, суть следующие: Чистилища VII, 96; XX, 13 и след.; Рая XVII, 91 и след., XXVII, 61 и след., 142 и след. Из них в VII песне Чистилища

55 И, записав их, не укрой от света,
Как два раза пред взором у тебя
Расхищено здесь было древо это.

58 Кто ж расхищает древо, не любя,
Тот хульным делом оскорбляет Бога,
Что осытил то древо для Себя.

61 За этот грех дух первый, мучась строго,
Пять тысяч лет и боле ждал Того,
Кто искупил сей грех, страдав так много.

Спит разум твой, коль не поймет, с чего 64
Так вознеслось то древо без границы,
И почему так дивен верх его?

Увы! Не будь дум тщетных вереницы 67
Волнами Эльсы для души твоей
И ложь их — тем, чем был для шелковицы

Встарь Пирам, ты б уже из сих вещей 70
Мог нравственно понять, как правосудно
Бог воспретил касаться сих ветвей.

указывается на Генриха VII и в XVII Рая на Кана Великого; все же остальные места уже по форме их изложения не указывают ни на какую определенную личность; даже в последнем из них (Рая XXVII, 142 и след.) наступление спасения и мщения отлагается в самых общих выражениях на целые тысячелетия вперед! Эти факты, по нашему мнению, довольно ясно говорят в пользу того, что наш поэт, несмотря на свой непоколебимый взгляд на Римскую империю, все-таки не был настолько ослеплен, чтобы по смерти Генриха VII уже не возлагать более чем идеальные надежды ни на Кана Великого, ни на какую-либо другую из живущих личность и чтобы с этого времени он не отрекся от мысли видеть в ком-нибудь звезде своей надежды и не остался при одном лишь твердом уповании, что божественное Провидение (Рая XXVII, 61) непременно должно избрать к тому надлежащее орудие в грядущем». Флейдерер.

44. «Тварь», в подлиннике: fuja, слово неизвестного происхождения, объясняемое комментаторами различно: одними — как ladra (тать, латинское fur), другими — как nera, scellerata. Бланк (Vocab. Dant.). В переводе у Конпабля — scelerat; Лонгфелло — the thievish woman; К. Витте — Flücht'ge; Филалета — Vettel. Здесь разумеется Блудница.

46-48. Фемида, дочь Урана и Земли, родившая от Зевса нескольких дочерей (Горы, Мойры), обладала пророческим даром, но облакала мраком свои предсказания; так, например, сказав Девкалиону и Пирре, что для населения земли людьми после потопа им надобно бросать за спину «кости великой матери», разумела под этим камни. Загадка эта была разъяснена Прометеем (Овидий, перевод Фета, Превращ. I, 393-394):

Нам земля ведь великая мать; полагаю, что камни
Значат тут кости земли: кидать их за спины велят нам.

Сфинкс, мифологическое существо (греческое, египетское или индийское), дочь Тифона и Химеры (Гесиод, Theog. 326), с женским лицом и свирепыми наклонностями, обитало недалеко от Фив, где предлагало всем проходящим загадки, убивая тех, которые не могли отгадать их. Эдип («царь», стих 48) отгадал такую загадку; тогда Сфинкс бросился со скалы и утонул в море.

49. «Наядами тебе пусть будут числа», — намек на одно место из Овидиевых Превращений (VII, 759 и след.), где Кефал рассказывает, что Фемида послала в поля Фивские волка, опустошавшего поля и истреблявшего стада, за то, что темные ее оракулы поняты и храмы ее покинуты:

Скоро иная сошла на Аонийские Фивы
Кара, и много сельчан кормили зверя утратой
И у себя и в скоте.

Это место у Овидия (в переводе Фета) начинается так:

Изречения Лайяд, непонятные мудрости прочих,
Разрешил, и пророчица темная сброшена на земь,
И загадок своих уже и не помня, лежала.

«В древних изданиях Овидия вместо Laiades (сын Лая, т. е. Эдип) читалось Naiades (Наяды), что и ввело Данте в ошибку, будто бы истолкователями темных оракулов были Наяды. Смысл стало быть тот: события (числа) послужат сами к объяснению темных моих слов, от исполнения которых не только не последует никакого вреда, напротив, — наступит благополучие». Филалет. — «Против посланного от Бога дух никто не посмеет восстать, как восстала Фемида против Лаева сына Эдипа. Потому не следует понимать эти слова так, будто спаситель совершит свое дело без борьбы и крови, т. е. что спаситель будет

духовное лицо, папа. Здесь идет речь не о мирном действии загадочного «спасителя», но единственно о невозможности противодействия ему со стороны врагов». Флейдерер.

53-54. „La naturale morte è quasi porto a noi di lunga navigazione, e riposo“. Convivio, tr. IV, с. 28. — В подлиннике: ai vivi Del viver ch'è un correre alla morte.

55-57. «Два раза». Древние комментаторы разумели: в первый раз дерево расхищено Адамом, во второй — Гигантом; новейшие — Орлом и Драконом; Филалет — Адамом и Орлом. Но, кажется, справедливее толкование древних комментаторов, т. е. в первый раз — Адамом, за что он и терпел продолжительную муку (стихи 61-63); во второй — Гигантом, т. е. французским домом, отвяжавшим колесницу от древа, перенесшим папский престол из Рима в Авиньон, за каковое похищение похититель будет наказан так же строго, как и Адам.

58. Расхищает тот, кто отнимает колесницу от древа, как сделал Гигант, и кто посягает на власть императорскую.

59. «Оскорбляет» не только словом, но и делом. В подлиннике: Con bestemmia di fatio offende a Dio. — „Blastema è detrazione e mancamento d'onore, e però una blastema è di ditto ed altra è di fatto; blastema di ditto è quando con sole parole manchiamo l'onore d'Iddio; blastema di fatto è quando coi fatti manchiamo l'onore d'Iddio; e perchè li fatti sono maggior cosa che li ditti, però dice l'autorè con blastema di fatto, a dimostrare maggiore offensione che fare si possa. Бути.

61. «Дух первый», т. е. Адам.

62. «Пять тысяч лет и боле», слич: Рая XXVI, 118 и далее, где Адам говорит, что он находился в Лимбе 4302 года и на земле 930 лет (последняя цифра взята из Книги Бытия, V, 5: «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер»). Откуда же взял Данте эту цифру 5000 лет? Хронологисты не согласны между собой относительно года Рождества Христова. По Филону, Христос родился в 5170 году от сотворения мира; по Иосифу — в 4150 году; по Клименту Александрийскому в 5624 году; по Юлию Африканскому — в 5300 году; по Евсевию — в 5200 году; по Брунетто Латини — в 5254 году. Данте стало быть придерживается счисления Евсевия. Если Христос родился в 5200 году от сотворения мира и умер на 33 году жизни, то, следовательно, Адам находился на земле и в Лимбе всего 5232 года, именно как сказано у Данте.

62. «Того», т. е. Иисуса Христа, умершего для искупления греха Адама.

64. «Из песни XXXII, стих 40, видно, что ветви дерева становятся тем шире, чем они выше, тогда как у всех других деревьев ветви становятся все короче к вершине. Это для того, чтобы нельзя было подняться на него и повредить ему; точно так представляется и дерево на шестом карнизе горы, возникшее, как отпрыск, от этого последнего (Чистилища XXII, 133-135). Аллегорический смысл: установленная Римская империя не подлежит посягательству никакого человеческого могущества». Филалет.

67-69. Эльса, маленькая речка в Тоскане, вытекающая повыше Колле и впадающая недалеко от Эмполи в Арно. Недалеко от истока ее вода имеет свойство покрывать в короткое время каменистой оболочкой опущенные в нее дерево или растения, подобно тому, как это замечается в Карлсбадском Шпруделе, так как вода речки сильно пропитана угольной кислотой и углекислой известью (Тарджони, Viaggi nella Toscana Vol. V, p. 103). — Беатриче сравнивает с этой водой тщетные мирские думы, которые еще не позволяют Данте ясно понимать смысл совершавшегося пред ним видения. «Осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце». Посл. к Римл. I, 21. — Но может показаться странным, каким образом даже и теперь, в земном раю, Данте все еще препятствуют видеть ясно тщетные мысли и греховные похотения, даже и после того, как он омылся в волнах Леты. Но при этом не следует забывать, что он не получил еще полного оправдания, которое должно вознести его на небо. Это он получит не прежде, как испив святейших вод потока Эвнот (ниже стих 129). Он свободен от греха, но остаются еще его последствия. Воды Леты снимают грех, воды Эвнот рассеивают мрак души. Филалет, Скартаццини.

70. «И ложь их», в подлиннике il piacer loro, т. е. и живое удовольствие, которое ты почерпнешь из тщетных дум своих, не запятало непорочность и чистоту души твоей, как кровь Пирама изменила цвет ягод шелковицы. О Пираме см. Чистилища XXVII, 37, 39 и примеч. Овидий. Превращ. IV, 55-66.

70-72. Т. е. из столь многих, виденных тобою на дереве признаков. — „Quaecumque conditiones sunt extra substantiam, actus, et tamen attingunt aliquo modo actum humanum, circumstantiae dicuntur“. Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. VII, art. 1. — «Из дивных судеб империи и церкви, представленных тебе в этом видении, ты бы мог уже понять, как правосудно поступил Господь, запретив нарушать и искажать всякое соотношение между ними, что и составляет нравственный смысл этого видения. Данте, как известно, принимает в своем Convivio (tr. II, с. I) четвероякий смысл во всяком сочинении: во-первых, — буквальный; во-вторых, — аллегорический, когда истина скрывается под прекрасной ложью (una verità ascosa sotto bella mensogna), как в языческих баснях; в-третьих, — нравственный, когда мы извлекаем

73 Но, убедаясь, что твой рассудок скудный
Окаменел и темен стал в грехах
И снесть не может свет сей речи трудной,

76 Хочу, чтоб ты носил его в мечтах,
Коль не в чертах, так в красках, как приносит
Паломник жезл свой в пальмовых ветвях».

79 И я: «Как воск уже навеки носит
Все то, что в нем изобразит печать,
Так ваших слов мой мозг с себя не сбросит.

82 Но для чего так должно возлетать
Глаголу вашему превыше долу,
Что ум за ним не в силах поспевать?»

85 — «Затем, чтоб ты», сказала, «понял школу,
За коей шел, чтоб знал, как не следит
Ее ученье моему глаголу

И как ваш путь настолько ж отстоит 88
От Божеских, насколько выше меты
Земной тот круг, что выше всех парит».

И я: Не помню, чтоб в былые леты 91
Когда-нибудь я в чем чуждался вас,
И совести не страшны мне изветы».

— «И если все забыл на этот раз», 94
С улыбкой мне она, — «тому виною,
Что ты испил из Леты лишь сейчас.

Как дым пожар являет нам порою, 97
Так в сем забвеньи, ясно вижу я,
Иной предмет был в мыслях пред тобою.

Аминь, аминь, отныне речь моя 100
Откроется, насколько грубым зреньем
Ты в силах снесть глубокий смысл ея».

себе какую-нибудь пользу из повествования, и в-четвертых, — аналогичный, когда нечто, помимо естественного, истинного смысла заключает в себе еще более глубокое духовное значение». Филалет. — Следовательно, «нравственно» означает здесь: в пользу для себя. — Слич: Ноттер, 330.

73-74. «Твой рассудок скудный окаменел». — «Лица свои сделали они крепче камня — не хотят обратиться». Иерем. V, 3. — «И темен стал в грехах». — В списках стих этот читается двояко, в одних — ed in peccato tinto; в других — ed impietrato tinto. Я держался (может быть, не совсем правильно) первого.

76-78. В подлиннике: e se non scritto, almen dipinto, т. е. если не врезанным в каменном твоём сердце, то по крайней мере как бы нарисованным. — Смысл: «как паломник, возвращаясь из Палестины, приносит с собою посох, изукрашенный пальмовыми ветвями, так и ты, хотя теперь и не можешь понять всего (врезать его в свое каменное сердце), должен принести его хоть в отблеске в твоей памяти из рая на землю». Филалет. — Пилигримы, отправлявшиеся в Иерусалим, в доказательство того, что они были в стране пальм, прикрепляли к своим посохам пальмовые ветви, почему и назывались, в отличие от других пилигримов, паломниками, palmieri.

79-84. «Как выше говорит Беатриче, что слова ее должны остаться в памяти Данте если не записанными, то как бы нарисованными (в слабом отблеске), так он отвечает ей, что мозг его как бы запечатлен ими и что он неизменно сохранит их, хотя и не вполне их помнит». Филалет.

79-102. «Беседа Данте с Беатриче. Сказав, что слова ее глубоко врезались в его ум, Данте спрашивает: «Почему речь ваша возносится превыше моего разума?» — Затем, отвечает она, чтобы ты познал, как мало способна понять мои идеи та школа, которой ты следовал. — «Но я не помню, чтобы я когда-нибудь чуждался вас». — Естественно, потому что испил сейчас воды реки забвения. — Для ясного понимания этого разговора надобно знать, что в известную эпоху жизни в душе поэта возникло сомнение и сильные колебания в верованиях, хотя и не достигшие до полного отрицания, скептицизма или равнодушия в делах веры. Беатриче упрекает теперь в этом колебании Данте и на вопрос его: зачем говорите вы так, что я не могу понять, — отвечает: затем, чтобы ты знал, что школа, которой ты следовал, или учение этой школы не в состоянии следовать за моими словами, что путь этой школы настолько же далек от пути божественного, насколько primum mobile отстоит от земли. Эта ложная школа есть не что иное, как философия, — та философия, которая хотя не открытый враг веры, тем не менее идет путем отличным от религии, — та философия, главами которой были Аверроэс и Авиценна, сочинения которых были усердно изучаемы Данте, — та школа, о которой пишет Апостол (Посл. к Колос. II, 8): «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу». Итак, школа, которой следовал Данте, здесь, очевидно, противоположная той, представительницей которой служит Беатриче, т. е. учению, основанному на откровении». Скартаццини.

- 103 Уж пламенней и с большим замедленьем
Вступало солнце в полдень средь высот,
Лежащий розно с каждым положеньем,
- 106 Как вдруг семь дев замедлили (как тот,
Кто, шествуя перед толпой народной,
Пред чем-нибудь вдруг замедляет ход), —
- 109 У бледной тени рощи, с тою сходной,
Какую в Альпах видим средь прохлад
Листвы и сосен у воды холодной.

- Лились пред нами, мнилось мне, Евфрат 112
И Тигр, струясь из одного исхода
И расходясь, как с братом нежный брат.
- «О свет! О честь всего земного рода! 115
Что за вода? Зачем один исток
Себя здесь делит в два водопровода?»
- И та: «Спроси, что это за поток, 118
Матильду, брат». — И ей, спеша с ответом,
Как бы затем, чтоб снять с себя упрек,

86-87. Т. е. насколько она (школа) не способна подняться до созерцания тайн откровения. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно». I Посл. к Коринф. II, 14.

88-90. Заимствовано из пророка Исайи (LV, 8, 9): «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли мои выше мыслей ваших».

90. По системе Птолемеевой, круг неба, наиболее быстрый в своем вращении, есть *primum mobile*, эмпирей, всего далее отстоящий от земли, центра вселенной.

94-96. «В Лете уничтожается лишь воспоминание о грехах; поэтому если ты теперь не помнишь о своем заблуждении, то ясно, что это заблуждение было греховное. Надобно припомнить, что, по философии Фомы Аквинского, грех вообще основан на заблуждении или на обмане души». Филалет.

97. Или, другими словами, нет действия без причины, и по действию мы судим о причине.

103-105. Вступив в меридиан, солнце становится более ярким и как бы замедляет свое течение (Рая XXIII, 11, 12), другими словами, — был полдень. «Известный обман зрения заставляет нас думать, что солнце в полдень идет медленнее, чем утром и вечером; это зависит от того, что в полдень солнце кажущимся образом находится далее от земных предметов, почему и движение его делается не столь очевидным. Последний стих этой терцины обозначает различие между меридианом и экватором; последний для каждого положения остается всегда одним и тем же, первый же всегда бывает различным. — Из этого видно, что Данте находился в земном раю уже в 6 часов, и что теперь полдень 30 марта, 10 или 13 апреля, или на нашем полушарии теперь полночь с 30 на 31 марта, с 10 на 11 или с 13 на 14 апреля». Филалет. — «Солнце в полдень кажется движущимся медленнее, точно так и меридиан изменяется с нашим передвижением к востоку и западу. — Это показание времени заставляет думать, что Данте вступил в земной рай при восходе солнца и оставался в нем 6 часов, и что, стало быть, на нашем полушарии наступила полночь. У источника Эвнэо Данте пробыл еще до следующего утра, ибо только утром, когда на нашем полушарии наступает вечер, вознесся он на небо (Рая I, 43)». Флейдерер.

109-111. «Теперь мы достигли, по-видимому, опушки божественного леса, занимающего средину вершины горы Чистилища. Здесь тень от леса не так уже мрачна, как она была изображена выше (Чистилища XXVIII, 31); напротив, здесь она бледна и пронизана светом, подобно той, какая ложится на волны горного потока, над которыми наклонились высокие деревья». Филалет.

112-114. Евфрат и Тигр, реки, заимствованные из Кн. Бытия (II, 10 и далее). В земном раю поток, орошавший его, делился на четыре рукава: Физон, Геон, Тигр и Евфрат. Но Данте говорит лишь о двух последних; первые два рукава заменены у него реками Летою и Эвнэо. В этой терцине Данте имел, кажется, в виду Боэция (Phil. Cons. V):

Tigris et Euphrates uno se fonte resolvunt.

Et mox abiunctis dissociantur aquis.

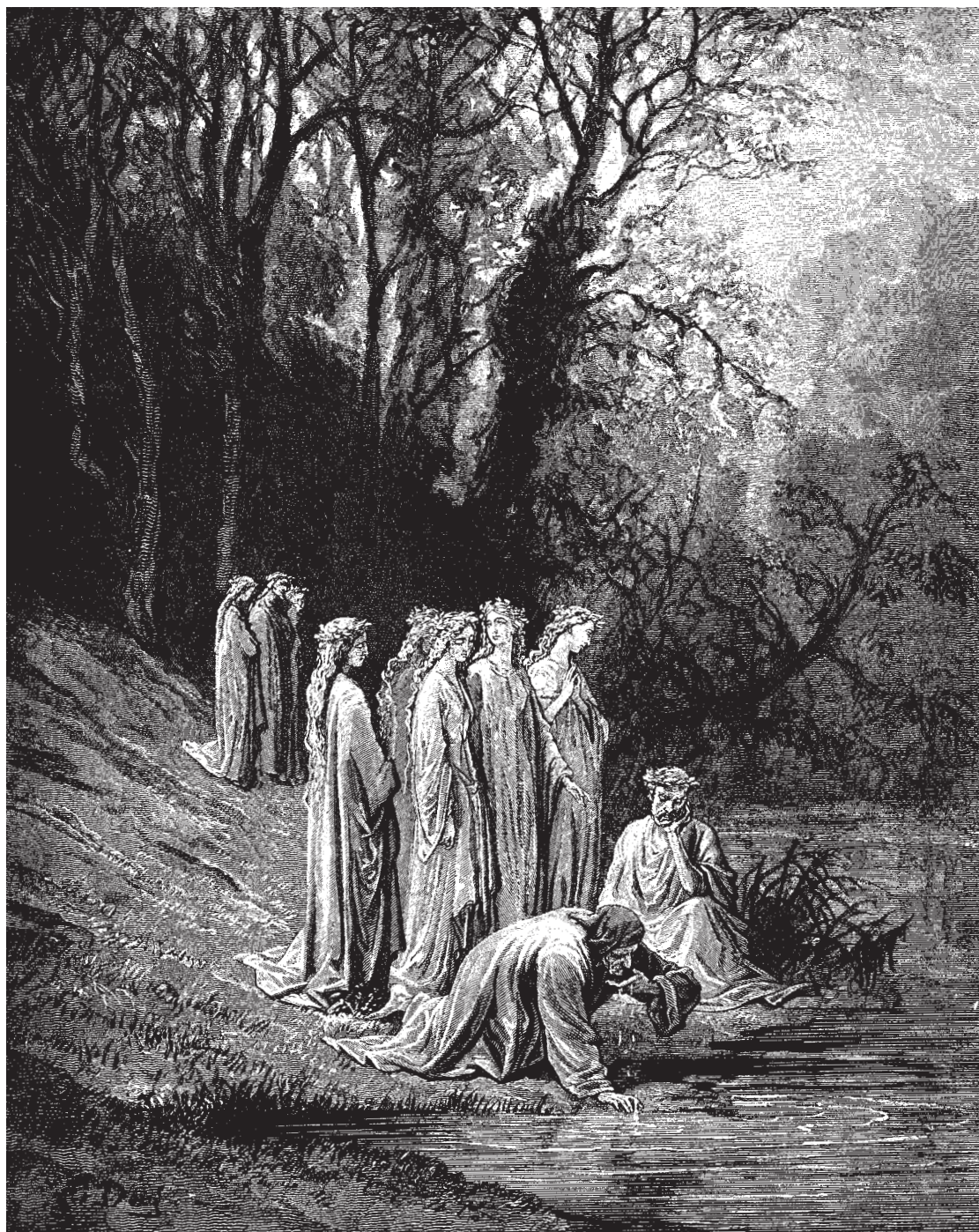
115-117. Воззвание Данте к Беатриче; в подлиннике: O luce, o gloria della gente umana! — подобное тому, с которым к ней обращается Вергилий (Ада II, 75-78).

«О святая,

Дщерь благодати, тобою же одной

Стал смертный род превыше всех творений

Под небом, что свершает круг меньшей!»

*Имей я места боле впереди,
Воспел бы я, читатель, хоть отчасти,
Вкус вод, восторг рождающих в груди.
(Чистилище, Песнь XXXIII, тер. 136)*

121 Прекрасная: «Он слышал уж об этом
И о другом, и Леты он в волнах
Едва ль утратил память к сим предметам».

124 И Беатриче: «Об иных делах
Заботой часто думы в нас покрыты,
Они затмили свет в его очах.

127 Но вот струится Эвнэ! Ведй ты
Его к нему и, по обычью, в нем
Восстанови всю мощь и дух убитый».

130 Как кроткая, послушная во всем,
Как та, кому чужая власть законом,
Коль скоро ей дают намек о том, —

Прекрасная, подав мне длань, по склонам 133
Пошла к реке, и Стацию: «Иди
За ним!» рекла, как подобает доннам.

Имей я места боле впереди, 136
Воспел бы я, читатель, хоть отчасти,
Вкус вод, восторг рождающих в груди.

Но, как уже полны теперь все части 139
Второй канцоны, то, закончив лист,
Не выйду я из-под искусства власти.

Как в новую листву одет, душист 142
И свеж, встает знак новый, так от бездны
Святейших волн я возвратился чист

И весь готов вознестись в страны звездны. 145

Само собою разумеется, что поэт здесь обращается к ней не как к дочери Фолько Портинари, но как к символу власти, обладающему божественным откровением (богословием), как к силе, долженствующей, по мнению поэта, привести человечество к высшему блаженству. Так как Беатриче убеждала его выше (стих 31) смело предлагать ей вопросы, то он и исполняет теперь ее желание.

119. «Матильда». Здесь, наконец, названа в первый раз по имени прекрасная донна, явившаяся Данте при входе в земной рай и играющая столь важную роль в последних песнях Чистилища (XXVIII, 40 и след.; XXXI, 92). Беатриче направляет Данте к ней для получения ответа на его вопрос о представившейся его глазам реке. Позднее, в Раю, Беатриче, вместо того, чтобы самой решать его сомнения, направляет поэта к праведным душам учителей церкви; как символ власти церковной, Беатриче отправляет верного сына церкви к священнослужителю, олицетворением коего служит Матильда (Чистилища XXVIII, 40 примеч.), и к учителям церкви.

120. Упрек в том, что она не исполнила своего долга — разрешить недоумения Данте.

122. Лета, как мы видели, уничтожает лишь память о грехах, а не о добрых делах (Чистилища XXVIII, 127-132).

124-126. „Maggior cura“. Комментаторы не согласны между собою, какую «заботу» понимает здесь Данте. «По-видимому, главная забота — не потерять Беатриче из вида — позволила ему обратить лишь мимолетное, полурассеянное внимание на окружающие предметы: прекрасное изображение человека, вполне сосредоточившего все свои помыслы на предметах высочайших». Флейдерер.

127. Эвнэ (Чистилища XXVIII, 25 и примеч. 127-132 и примеч.).

131. Здесь в последний раз упоминается имя Стация (Чистилища XXI, 10 и примеч.), играющего во всей грандиозной сцене земного рая чисто пассивную роль (слич: Чистилища XXXII, 29 и примеч.). Здесь поэт указывает на различие между ними и Стацием. Матильда берет за руку Данте, а Стацию велит следовать за ним. Данте пьет воду из Эвнэ, но пьет ли и Стаций, поэт не говорит ни слова.

135. В подлиннике: *Donnescamente disse*, т. е. с той грацией и вежливостью, которые составляют отличительные свойства благородных женщин.

136-141. Т. е. так как уже написаны 33 песни, назначенные для этой части поэмы. Данте и в разделении великой своей поэмы соблюдает законы симметрии. Каждая из трех кантик (названных им еще канцо-нами, Ада XX, 3) состоит из 33 песен (*capituli*), только Ад состоит из 34; но первая песнь Ада служит как бы вступлением для всей поэмы. Поэтому-то и воззвание к Музам находится в Аду не в первой, как

в Чистилище и Раю, а во второй песне. Таким образом всех песен в Божественной Комедии 100, имеющих все вместе 14 233 стиха, а именно: в Аду — 4720, в Чистилище — 4755 и в Раю — 4758.

145. В подлиннике: *alle stelle*. Все три канцоны Божественной Комедии кончаются словом «звезды». В конце хождения по аду Данте выходит, чтоб вновь увидеть звезды; по вкушении вод из источника Эвнэ, он чувствует себя готовым вознестись к звездам; в конце же всего мистического странствования своего он ощущает в себе волю, вполне согласную с волею Того, Кто движет солнце и другие звезды. Оканчивая каждую из трех канцон своей поэмы словом «звезды», он желает указать на конечную цель ее — небо, куда должны быть непрестанно направлены очи каждого, кому не безызвестно его великое начало и высокое предназначение». Скартаццини.

ПРИЛОЖЕНИЕ К XVI-XVIII ПЕСНЯМ.

ОЧЕРК ПСИХОЛОГИИ ФОМЫ АКВИНСКОГО

Sum. Theol., p. I, qu. LXXVIII-LXXXIX; p. II, 1-ae, qu. VI-XXVIII; LXXXIV¹.

Фома принимает тройственную душу: вегетативную, чувствительную и интеллективную, и пять родов (genera) душевных сил: вегетативную, чувствительную, интеллективную, место-переменную (motivae secundum locum: Данте в своем *Convivio* относит эту последнюю к чувствительной) и аппетитивную.

Вегетативные силы суть питающие (nutritiva), умножающие (augmentativa) и рождающие (generativa).

Чувствительные силы, общие у нас с совершеннейшими животными, суть, помимо пяти известных внешних чувств, четыре внутренних чувства: чувство общности (sensus communis), сила воображения (phantasia или imaginatio), сила оценочная (aestimativa) и память (memoria). Из этих четырех сил две предназначены воспринимать ощущения (species, intentiones), и две — для того, чтобы хранить их, и, как две первые из этих функций действуют в отношении чувственных ощущений приятного или неприятного, так точно две последние действуют в отношении более духовных ощущений чего-либо полезного и вредного; так, например, овца бежит от волка или птица собирает солому для гнезда. Эти две силы, которые у человека ближе всего стоят к интеллекту и действуют более по сравнению (per quandam collationem), чем по бессознательному, инстинктивному чувству, как у животных, называются у человека мыслительной силой (cogitativa или ratio particularis) и способностью воспоминания (reminiscentia).

Интеллективные силы суть возможный или пассивный разум (intellectus possibilis или passibilis) и деятельный разум (intellectus agens). Первый — способность познавать все вещи, почему и называется еще ratio universalis; напротив, деятельный разум — та сила, при помощи которой мы в состоянии отвлекать от материальных вещей их нематериальную форму.

По Аристотелю, первым разумом называется также та сила, помощью которой душа может стать всем (quo est omnia fieri); вторым — сила, помощью которой она может делать все (quo est omnia facere); ибо чрез нее сказанные нематериальные формы прежде всего переводятся от возможности к действительности (de potentia in actum), так как сами по себе они не существуют.

Есть еще две силы, относимые обыкновенно к этой же сфере. Но Фома, признавая их существование, не хочет признать их за особенные силы; это — интеллективная память (memoria intellectiva), или способность сохранять духовные представления (species intelligibiles), и рассудок (ratio), который отличается от интеллекта (разума) тем, что он познает вещи не непосредственно, но после умозаключений. Как кажется, по его мнению, первая относится к пассивному, второй — к деятельному разуму.

Эти два последние рода сил, чувствительная и интеллективная, иногда взятые вместе, называются постигающей силой (apprehensiva); ибо они суть как бы всасыватели внешнего мира.

Аппетитивные силы суть, напротив, те силы, помощью которых душа стремится к внешнему миру. Они суть способность чувственного желания (appetitus sensibilis) и способность духовного желания (appetitus intellectivus). Первые называются еще чувственностью (sensualitas), последние — волею (voluntas).

¹ Из Филалета, с. 171 и следующие.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Конечно, все эти формы имеют в себе известную наклонность приобретать им свойственную сущность, точно так, как огонь, по натуре своей, подымается вверх: эта наклонность называется *appetitus naturalis*. Но сверх того высшие формы, имеющие способность ощущения, имеют еще высшее стремление к ощущаемым вещам, и эта наклонность, образующая желательную силу души, разделяется, естественно, согласно с ее чувственными или духовными ощущениями, на чувственную и духовную желательную способность, из которых первая свойственна и животным.

Но точно так, как рассудок не есть какая-либо отдельная от интеллекта сила, так точно и свобода воли (*liberum arbitrium*) не есть способность, отделенная от воли. Те и другие относятся друг к другу совершенно одинаковым образом; ибо, как интеллект познает непосредственно вещи, а рассудок через умозаключение, точно так воля в собственном смысле стремится непосредственно к цели, свобода же выбора избирает то, что ведет к цели (*ea quae sunt ad finem*).

Эти две высшие и благороднейшие силы души, разум и воля, имеют еще между собою то общее, что обеим им врождено основание их деятельности, а именно, разуму — известные первичные принципы, от которых он начинает свои умозаключения и которые он познает непосредственно; воле — желание блаженства, которого она неизбежно должна желать, хотя здесь и нет никакого принуждения, так как принуждение и воля противоречат одно другому, ибо принуждением называется, когда заставляют делать то, чего не желают делать.

Место-переменные силы не рассматриваются в подробностях; состоят же они в способности души по произволу подвигать тело.

Для лучшего обзора служит следующая таблица:

POTENTIAE						Motivae in locum
Vegetativae		Sensitivae		Intellectivae		
nutritiva, augmentativa, generativa		sensus exteriores	sensus interiores	intellectus possibilis	intellectus agens	sensualitas voluntas
visus, gustus, tactus, odoratus, auditus			sensus communis, phantasia; cogitativa, reminiscentia			

Теперь, прежде чем мы перейдем от этого общего обзора душевных сил к специальному рассмотрению их деятельности, должно еще заметить две вещи:

1. При ответе на вопрос, которая из двух высших душевных сил, разум или воля, приводит в движение другую и, таким образом, заключает в себе высшее направление всего человеческого существа, — должно различать два рода движения: движение по роду цели (*per modus finis*) и движение по роду деятельного принципа (*per modus agentis*). В первом случае двигателем бывает разум, потому что признанное за благо есть цель желания, в последнем — воля, потому что она побуждает все силы души к выполнению их назначения, а также побуждает и разум к узнанию истины.

2. Между силами души некоторые случайности (акциденции) относятся собственно к душе, некоторые же — к душе, соединенной с телом. Первые остаются при душе и после ее отделения от тела, вторые остаются не действительно (*in actu*), но в зародыше (*in virtute*). Те — разум и воля, равно и интеллективная память, причисляемая к первому; эти же — все остальные, а именно: чувственность вместе с сенситивными и вегетативными силами.

Относительно деятельности душевных сил должно задать себе прежде всего вопрос, каким образом посредством восприимчивой способности душа достигает познания вещей:

а) материальных?

Как могут материальные предметы обнаруживать какое-либо действие на нематериальную душу? Это разъясняется таким образом. Сенситивные силы принадлежали, как выше сказано,

не одной только душе, но состоящему из души и тела человеческому существу. На них-то и могут оказывать действие материальные внешние предметы. Через это действие в сенситивной душе возникают известные образы (*phantasmata*) предметов; их называют тоже *species sensibiles* или *intentiones*, и, только обращаясь к этим образам и делая отвлечения от них, разум может познавать внешние предметы. — Эти отвлечения называются *species intelligibiles*. В них заключаются общие понятия (*universalia*). Разум познает их непосредственно (*directe*), отдельные же предметы — только посредственно (*per reflectionem*), как называется обращение разума к *species sensibiles*.

Но как же познает дух человеческий

б) самого себя?

Может быть познаваемо лишь то, что действительно существует (*actu*). Оттого-то Божество, которое есть чистая действительность (*actus purus*), и познает себя самого через свое бытие; его разум и есть не что иное, как познание самого себя (*ipsum est suum intelligere*). В нем познавать себя и познавать, что оно познает, — одно и то же. Разум ангелов принадлежит также к умственному в действительности; он есть *de genere intelligibilium in actu*, но, тем не менее, он не есть чистая действительность. Оттого, хотя он и познает свое бытие и свое познание одновременно (*uno actu*), но все же то и другое не есть в нем одно и то же. Человеческий разум, напротив, принадлежит между умственными предметами только к возможному; он есть *de genere intelligibilium in potentia*. Он называется поэтому *intellectus possibilis*. Он может быть познаваем лишь тогда, когда *intellectus agens* познает внешние предметы; тогда разум примечает свою собственную деятельность и отвлекает для себя оттуда идею о самом себе.

Что же касается, наконец,

с) нематериальных предметов, как, например, Божества, ангелов, которых необходимо отличать от вышеприведенных нематериальных форм материальных предметов или так называемой сущности вещей (*quidditas rerum*), то человек в настоящей жизни никоим образом не может познавать их совершенно.

Не то бывает с познанием отделенной от тела души. Она не познает уже больше чрез средство упомянутой *phantasmata*, но чрез представления, притекающие к ней из божественного существа (*per species quas recipit ex influentia divini luminis*). Поэтому она познает сперва то, что может быть познаваемо само по себе (*intelligibile simpliciter*), и преимущественно себя самое и себе подобные или ниже ее стоящие отдельные субстанции (*substantiae separatae*). О высших душах она имеет лишь несовершенное познание.

Отдельных материальных предметов, которые, согласно вышесказанному, могут быть познаваемы только посредственно лишь чрез *phantasmata*, она не познает всех, подобно ангелам, но познает только некоторые из них, насколько предварительные знания, или особые к тому обстоятельства, или божественный промысел помогают ей в том.

Но что приобретенные уже ранее сведения продолжают тоже оставаться в душе, отделенной от тела, — видно из того, что *species intelligibiles*, как выше сказано, сохраняются в страдательном разуме, к которому причисляется *memoria intellectiva*.

Как выражается деятельность appetitивных сил, подвигающих душу к внешнему миру? — Эти действия (*Actus*) разделяются, во-первых, на произвольные и непроизвольные. Действия какого-либо предмета могут происходить от внешнего или внутреннего принципа. Когда, например, падает камень, то это происходит от внутреннего принципа, но когда он поднимается — от внешнего. Но и действия первого рода называются только тогда произвольными, когда нечто, находящееся в движении, имеет знание своей цели (*cognitionem finis*). Вполне произвольное движение — именно такое, когда действующий имеет не только известное знание цели, но также и того, что преднамерено (*rationis finis*) с этой целью, и знание средств к достижению цели (*eius quod ordinatur ad finem*). Первым обладают и животные чрез чувство общности и оценочную силу; последний — лишь существа разумные.

И между действиями человеческой желательной способности должно различать произвольные, зависящие от воли, и непроизвольные, зависящие только от чувственности или страстей.

При более подробном рассмотрении высшей желательной способности, из которой исходят произвольные действия, как уже было выше сказано, обнаруживается, что воля человеческая направлена на *цель* (*finis*) и на то, что преднамерено с целью и ведет к достижению ее (*quae sunt ad finem*).

В первом отношении воля направляется исключительно к добру, так как добро вообще (*bonum in commune*) — ее цель и достижение цели — блаженство (*beatitudo*). От этой цели самой по себе воля не может никогда удалиться; направление к ней есть в известной степени ее *appetitus naturalis*. Она может желать только того, что хорошо, или того, что она считает хорошим.

В другом отношении воля приводится в движение частью рассудком, который представляет ей известные предметы, как соответствующие цели, частью — чувственностью, именно следующим образом. Чувственные органы бывают перестроены некоторыми страстями. Этому измененному их состоянию соответствуют известные внешние впечатления, как, например, различно расположенному чувству вкуса кажутся вкусными различные яства. Но так как соответствующее в некотором смысле всегда хорошо, то человеку и представляется то, что соответствует настроению его органа чувств, также хорошим и он направляет к нему свою волю. Наконец, можно также сказать, что воля сама движется, и именно: высшая воля — по направлению к цели, низшая же — к средствам для достижения цели.

Но что есть движущий принцип высшей воли? — не сама воля, — потому что все, что еще только возможно (*in potentia*), должно чрез что-нибудь действительное быть введено в действительность, в чем именно заключается всякое движение. Не разум, потому что разум сам приводится в движение волей исследовать истину: мы бы попали здесь, таким образом, в заколдованный круг. Не влияние звезд, потому что звезды, как нечто материальное, могут по большей мере влиять на чувственность и таким образом на низшую волю, — но один лишь Бог, частью актом Своего творчества, частью тем, что Бог, как добро вообще, и есть цель высшей воли.

В обоих случаях воле приписывают еще два особых акта, именно: намерение (*intentio*) и наслаждение (*fruitio*). Первое есть направление воли к известному предмету, который, тем не менее, одинаково может быть высочайшей, отдаленной, как и ближайшей целью воли. Наслаждение есть радость вследствие достигнутой цели и ее можно иметь чрез высшую, как и чрез любую ближайшую, второстепенную цель, хотя бы настоящее полное наслаждение получалось только чрез достижение высшей цели.

Но собственно акт воли по отношению к тому, что служит целью, называется, *electio*: выбором. Здесь довольно своеобразно выражается разница между чувственной и умственной способностью желать. Первая всегда направлена на особый предмет (*ad particulare*), последняя — на добро вообще, поэтому она не ограничена в выборе между различным добром. — Этот выбор проходит в известной мере три последовательных ступени: во-первых, — совет (*consilium*), или исследование интеллективом того, что должно делать; во-вторых, — согласие (*consensus*), или направление желательной способности к предмету (*applicatio appetitivae, virtus ad rem*) и, в-третьих, — *usus*, применение духовных и телесных сил для достижения цели.

Акты воли, относящиеся к тому, что служит целью, и суть те, которые могут быть названы хорошими или дурными, от которых зависит заслуга или виновность, смотря по тому, насколько они именно совершаются соответственно велениям разума, или нет.

Невольные акты желательной способности называются страстями, потому что при них человек является не действующим (*activus*), но страдательным (*passivus*). Они гнездятся в чувственной желательной способности и сами по себе они не хороши и не дурны.

Страсти разделяются, в сущности, на желательные (*concupiscibiles*) и гневливые (*irascibiles*). Предмет первых — добро и зло само по себе (*bonum vel malum simpliciter*),

ПРИЛОЖЕНИЕ

причем желают одного и не желают другого; предмет вторых — добро и зло, поскольку в достижении одного и избегании другого встречаются препятствия. К понятию о них принадлежит поэтому идея о трудности (*ardui*).

Страсти желания разделяются в зависимости от того, относятся ли они к добру или злу. Но в обоих этих главных направлениях страсть имеет три главных момента. Во-первых, добро (или кажущееся добро) рождает в желательной способности известную склонность, или естественную связь (*inclinationem seu connaturalitatem*) по отношению к себе, зло — наоборот — отвращение. Первая называется любовью, вторая — ненавистью. Если же эта склонность или отвращение переходят в движение души к недостигнутому еще добру или прочь от зла, еще не испытанного, то это состояние души называется желанием или, соответственно, отвращением (*desiderium vel abominatio*). Когда же добро достигнуто и зло испытано, то наступает наслаждение или радость (*delectatio seu gaudium*) и, соответственно, горесть или печаль (*dolor seu tristitia*).

Гневливые страсти, наоборот, делятся смотря по тому, позволяет ли душа запугать себя препятствиями, или нет. По отношению к ненаступившему еще добру или злу есть четыре рода таких страстей, а именно: надежда, когда надеются достигнуть добра, невзирая на препятствие, и отчаяние — в противоположном случае; отважность, когда надеются отстранить зло, и страх — в противоположном случае. Наконец, есть еще по отношению к устранению уже наступившего зла страсть гнева, но она не имеет себе противоположного по отношению к добру, так как при наступившем однажды добре больше не может быть речи о борьбе.

Прилагаемая таблица наглядно представляет читателю подразделение страстей:

Страсти желания		Гневливые страсти		
по отношению к добру	по отношению к злу	по отношению к наступившему злу	по отношению к устраненному злу	по отношению к добру еще недостигнутому
любовь, желание, радость	ненависть, отвращение, горесть	гнев	отважность, страх	надежда, отчаяние

Кроме того, сам Фома признает, что любовь есть первая из страстей желания, потому что она есть начало тех, которые относятся к добру. Эти же имеют преимущество перед теми, которые относятся ко злу; потому что тот, кто стремится к добру, отвергает противоположное ему зло. Но гневливые страсти имеют свое основание в страстях желания, потому что стараются устранить трудности, чтобы достигнуть добра и избежать зла, а также находят в них свою цель, когда добро достигнуто или зло отклонено. Таким образом, по его учению, все сводится к любви. Он категорично говорит об этом: любовь не причиняется никакой другой страстью, напротив того, — нет такой страсти, которая не предполагала бы сколько-нибудь любви; так как всякая страсть предполагает известную однородность (*connaturalitas*) со своим предметом, которая именно относится к любви.

Да и все действия какого бы то ни было рода должны проистекать из любви, так как всякий, кто действует, действует с известной целью. Эта цель не может быть ничем иным, как достижением добра, следовательно, того, что он любит.

Но каким образом любовь, которая сама по себе всегда имеет предметом добро, может производить зло, — достаточно объясняется вышесказанным. Это именно бывает следствием того, когда свобода выбора души вместо истинного добра избирает кажущееся добро, которое ему представляет чувственность.

Когда же душа достигает известного навыка в том или другом направлении, то это называется хорошей или дурной привычкой (*habitus*), добродетелью или пороком.

Последние подразделяются по различным предметам, которые имеют целью, и те из них, за которыми, главным образом, следуют многие другие, называются главными грехами.

И Фома насчитывает между ними семь известных грехов катехизиса: высокомерие, скупость, зависть, блуд, чревоугодие, гнев и лень. Но он развивает их несколько иначе, чем Данте.

Способность желать, — говорит он, — может быть приведена в движение двояким способом, во-первых, непосредственно, когда она привлекается добром и отталкивается злом, и посредственно, когда она желает чего-нибудь дурного, ради связанного с ним добра, или пренебрегает каким-нибудь добром, ради угрожающего, связанного с ним зла.

Блага, которых люди ненадлежащим образом непосредственно желают, бывают четырех родов, а именно:

- 1) Благо, желать которого человек научается только чрез познавательную способность, отличие похвалами или почестями, из чего происходит высокомерие;
- 2) благо чувственное, направленное к сохранению личности;
- 3) подобное же, направленное к поддержанию рода, откуда происходит чревоугодие и блуд;
- 4) внешние блага, которые влекут за собою скупость.

Когда человек пренебрегает своим собственным благом, усматривая в сопряженных с ним затруднениях превосходящее зло, в таком случае из этого проистекает лень.

Когда он ненавидит благо своего ближнего, считая, что его собственная слава имеет от этого ущерб, или желая ему мстить, то в таком случае происходят зависть и гнев.

Взгляд Данте отличается здесь, главным образом, тем, что он относит также гордость к склонностям, которые основываются на вреде ближнего, из которого рассчитывают извлечь пользу для себя.

Но вообще я бы скорей считал рассмотрение поэтом семи главных грехов более остроумным, чем это сделано философом.

РАЙ

ПЕСНЬ I

Приступ к третьей канцоне поэмы. — Воззвание. — Данте и Беатриче возносятся в сферу огня. — Беатриче объясняет причину этого подъема.

<p>1 Кто движет все, Тот наполняет славой
Весь мир; но мир во блеск Его одет
Где более, где меньше величаво.</p> <p>4 На небе — там, где наибольший свет, —
Я был и видел то, о чем поведать,
В наш свет сойдя, ни слов, ни силы нет.</p> <p>7 Зане наш ум, едва успев изведать
Предел всех дум, теряется так в нем,
Что ничего не в силах память ведать.</p> <p>10 Но все, что мог я в царстве том святом
Собрать сокровищ в памяти, — предметом
Да будет в песнопении моем.</p> | <p>О Аполлон! В труде последнем этом 13
Дозволь сосудом мне той силы быть,
Что лавры в дар приносит нам, поэтам.</p> <p>Доныне на одну лишь смел всходить 16
Вершину я Парнаса; средь арены
Здесь должен уж на обе я вступить.</p> <p>Наполни ж грудь мне; жар вдохни мне в вены, 19
С которым сам ты некогда извлек
У Марсия из их вместилищ члены.</p> <p>Дай силы мне, божественный, чтоб мог 22
Явить хоть тень того, что в миг мне оный
Отбросил в память светлый тот чертог.</p> |
|---|--|

1-3. «И поднял меня дух, и ввел меня во внутренний двор, и вот, слава Господа наполнила весь храм». Иезекииль, XLIII, 5. — Слава Божия есть свет божественный. Господь, как первичный двигатель, согласно учению Аристотеля и схоластиков, обитает в высочайшем, наисветлейшем небе, откуда свет Его изливается по всей вселенной в той мере, в какой каждая вещь, смотря по своей более земной или небесной природе, может воспринять этот свет. Сличи: Ада I, 127 и след. — «Движет»: „Deus est movens non motum. Movet Deus sicut desideratum et intellectum“. Фома Аквинский, Sum. Theol. p. I, qu. CV, art. 2.

3. «Где более, где меньше», т. е. смотря по тому, насколько вещь способна воспринять его. „Simplicissima substantiarum, quae Deus est, in homine magis redolet, quam in bruto; in animali, quam in planta; in hac, quam in minera; in hac, quam in igne; in igne, quam in terra“. De Vulg. El. 1, I, c. 16. Идея, утверждающая, что слава Божья проникает вселенную, — идея библейская; она выражена во многих местах Святого Писания, а также встречается у схоластиков; например, у Лактанция, Div. Inst. II, 2: „Dei numen atque spiritus ubique diffusus“; у Фомы Аквинского: „Deus est in omnibus rebus... sicut agens adest in quo agit“. Sum. Theol. p. I, qu. VIII, art. 1.

4. «На небе», т. е. в эмпирии (Ада II, 21), самой высшей сфере, где находится, по мнению схоластиков, обиталище Бога.

5-6. Подражание св. Павлу (II Коринф. XII, 4): «Был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»; также I Коринф. II, 9: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Св. Павел был восхищен до третьего неба, которое, по толкованию схоластиков, и есть эмпирия. „Tertium coelum dicitur coelum empirvrum, quod dicitur tertium respectu coeli aerei, et coeli siderei, vel potius respectu coeli siderei et respectu coeli aquei sive chrystallini“. Фома Аквинский, Sum., Theol. p. II, 2-ae, qu. CLXXV, art. 3. — «Ни слов, ни силы нет», в подлиннике: Nè sa, nè può; Данте сам объясняет это: „Diligenter quippe notandum est, quod dicit nescit et nequit. Nescit quia oblitus; nequit, quia si recordatur et contentum tenet, sermo tamen deficit. Multa namque per intellectum videmus, quibus signa vocalia desunt“. Ep. Kani § 29.

8. «Предел всех дум», в подлиннике: appressando sè al suo disire, т. е. к Богу, который, как высочайшее благо, составляет конечную цель всех желаний человека; почему Данте называет Бога „ultimo desiderabile“ (Convivio, tr. IV, c. 12); также выражается Фома Аквинский: „Divina bonitas est finis rerum omnium“. Sum. Theol. p. I, qu. XLIV, art. 4.

9. В подлиннике: si profonda tanto, Che retro la memoria non può ire. Данте сам перевел это место: Intellectus in tantum profundat se desiderium, quod memoria sequi non potest, т. е. ум так углубляется и теряется, что в нем исчезает способность пробуждать воспоминания.

10-11. Сличи: Ep. Kani § 19: „Dicit, se fuisse in primo Coelo, et quod dicere vult de regno coelesti quidquid in mente sua, quasi thesaurum potuit retinere“.

13-36. Воззвание. Все три части Божественной Комедии снабжены воззваниями, расположенными в возрастающей степени: в Аду (II, 7-12) поэт взывает к музам, к собственному гению и памяти, позднее (XXXII, 10) — еще один раз к девяти музам; в Чистилище (I, 7-12) он взывает вообще к музам и к Каллиопе (как к музе эпической поэзии) в особенности, и далее еще раз (XXIX, 37-42) к музам вообще. В Раю он взывает уже к Аполлону (Фебу), как к богу поэзии, отцу и хороводцу муз. В Аду воззвания занимают всего лишь две терцины, также и оба воззвания в Чистилище. В Раю ему посвящено восемь терцин. «До сих пор поэт имел дело с человеческими, земными предметами, теперь он обращается к божественным, почему и призывает на помощь божественную мудрость и искусство Аполлона. В других местах он принимает этого бога опять как божество языческое, противопоставляя его истинному божественному знанию, например Рая XIII, 25. Однако в этих случаях он никогда не называет его Аполлоном, но всегда Пэаном, Фебом и пр.». Ноттер.

- 13.** «О Аполлон», в подлиннике: *O buono Apollo; „idest virtus intellectiva circa coelestia“*. Пьетро Данте. «Как древние христиане пользовались образами Орфея и Аполлона-пастыря, как символами Христа, так точно и здесь Аполлон, поэтическое вдохновение, бог солнца, и христианский Бог света, создавший солнце, и Святой Дух, духовное солнце, — переходят один в другого». Копиш. — «В труде последнем» (*ultimo lavoro*), подражание Вергилию: *„Extremum hunc, Arethusa, mihi concede laborem“*. *Eclogae*, X, 1.
- 14.** «Словом «сосуд» еще яснее намекается на сравнение Данте с апостолом Павлом, на которого слегка уже намекалось прежде (Ада II, 28-30). Данте, так сказать, поэтический апостол». Копиш.
- 16-18.** Т. е. до сих пор мне была достаточна помощь одних муз, но теперь мне необходима твоя помощь. Гора Парнас имеет две вершины; сравни у Овидия: «Превращения» I, 136, в переводе А. Фета.

Там вершиной двойной гора подымается к небу,
По прозванью Парнас.

По словам Лукана, *Phars. V, 73*: *„mons Phoebo Bromioque sacer“*, одна вершина посвящена Фебу, другая — Бахусу. Проб в комментариях к Вергилию, *Геог. III, 43*, присоединяет к Бахусу еще и Муз. Отсюда должно заключить, что под одной вершиной Парнаса Данте разумеет Аполлона, под другой — Муз, или, в переносном смысле, под одной — высшее божественное стихотворство и знание богословское, под другой — низшее стихотворство и земную философию. По толкованию Пьетро Данте, обе вершины Парнаса обозначают премудрость и науку, в подтверждение чего он цитирует св. Августина: *De Trinit. 1, II, с. XV, 25*: *„Si ergo haec est sapientiae et scientiae recta distinctio, ut ad sapientiam pertineat aeternarum rerum cognitio intellectualis, ad scientiam vero temporalium rerum cognitio rationalis, quid cui proependendum sive postponendum sit non est difficile judicare“*. Словом, до сих пор поэту было достаточно человеческих знаний, но теперь ему необходима мудрость божественная и наивысшая степень искусства.

17. «Арены», *atingo*, т. е. изображение славы праведников.

20-21. Марсий, *Marsia*, фригийский фавн, дерзнувший вызвать Аполлона на состязание в музыкальной игре, воспользовавшись флейтой, на которой играла Минерва. В присутствии Муз, как судей спора, Аполлон победил в игре на цитре (лире) самонадеянного фавна и, привязав его к дереву, содрал с него живую кожу. Эту кожу поэт называет влагалищем органов, подобно тому, как кожа ножен покрывает меч. Подобное же сравнение встречается в воззвании в Чистилище (I, 10-12), где упоминается о наказании несчастных Пиэрид (сорок).

23. «Тень», т. е. хоть слабое подобие блаженного царства (*beato regno*) праведных, которое запечатлелось в его памяти.

25-36. «Грандиозное, истинно поэтическое обращение поэта к самой поэзии. И священная поэзия не пренебрегает деревом Дафны, дорогим для Аполлона лавром, в который превратилась эта нимфа, преследуемая Аполлоном, тем более, что ни поэты, ни императоры (первый в этой канцоне политический упрек, направленный поэтом по адресу императорства) не стремятся увенчать себе чело этим победным венком, увлекаемые с прямой дороги земными лишь стремлениями! Но высочайшая для поэта награда состоит именно в том, чтобы «малой искрой произвести сильный пожар», т. е. своим огнем действовать на потомство и тем самым, может быть, способствовать появлению еще более великого поэта, — действие, которое Данте здесь не без права, в полном сознании своего гения, предсказывает своему творению». Флейдерер.

29. Лавром венчались не только поэты, но также императоры. *„Vatum ducumque decus laurus“*. Стаций. *Thebaïs VI, 73*. — Слово *цезарь* здесь употреблено вместо императора.

30. Этим Данте хочет сказать, что ни поэты, ни императоры его времени не заботились увенчать себя лавром.

31. Дельфийский бог, т. е. Аполлон, которому особенно поклонялись в Дельфах. *„Apolline Delphos insignes“*. Гораций, *Оды I, 7, v. 3, 4*.

32. «Пенейский дар», т. е. лавр, который растет особенно пышно в Фессалии, на берегах Пеней, мифологического отца нимфы Дафны.

34. Древнее изречение: *Parva saepe scintilla magnum excitavit incendium*, т. е. от малой искры нередко происходит большой пожар.

36. Цирра (Кирра) — город у подошвы Парнаса, недалеко от Дельф, посвященный Аполлону. У поэтов он нередко принимается иносказательно за самого Аполлона (Лукан, III, 172). «Вместе с тем, Данте подразумевает здесь и святой город Христов, небесный Сион, к описанию которого он теперь приступает». Копиш.

37-39. Отсюда начинается прерванное в конце Чистилища повествование. Теперь весеннее утро, когда солнце восходит в весеннее равноденствие в знаке Овна. Данте и Беатриче находятся еще на вершине горы

- 25 И узришь ты, как я под твоей зеленой,
Тобой любимый лавр приду, и ты
Почтишь меня его листов короной.
- 28 Так редко, отче, с лавра рвут листы,
Чтоб цезаря венчать, или поэта
(О стыд, о грех житейской суеты!), —
- 31 Что радостью ты, бог Дельфийский света,
Исполнишься, коль за пенейский дар
Хоть кто-нибудь прославит древо это.
- 34 За малой искрой следует пожар:
Так Цирра в голос лучший вслед за нами,
Быть может, ниспошлет священный жар.

- Исходит к смертным разными вратами 37
Светильник дня; но только там, слиты
Четыре круга где с тремя крестами.
- Средь лучших звезд, полн славы, в высоты 40
Восходит он, кладя полней и шире
На воск земной свой отпечаток красоты.
- И был почти уж вечер в здешнем мире 43
И утро там, и стало все бело
В полсфере той, а в сей — черно в эфире,
- Когда, налево вознося чело, 46
Вперила в солнце Беатриче око:
Орице ввек так не взглянуть светло,

Чистилища и готовятся вознестись на небо. Погруженный в созерцание высочайшего Блага, Данте забыл все на свете, почему и не упоминает, что случилось с Матильдой и Стацием, с той самой минуты, как почувствовал себя *può e disposto a salire alle stelle*. Беатриче вперяет взор в восходящее солнце; не будучи в состоянии снести его блеска, Данте переводит взор на Беатриче. С быстротою молний они возносятся в сферу огня.

38. «Светильники дня», в подлиннике: лампада мира (*La lucerna del mondo*), т. е. солнце. В различные времена года солнце появляется при восходе на различных точках горизонта, названных в подлиннике устьями (*foci*). Но ни одна точка не бывает для земли благотворнее той, в которой горизонт пересекается тремя другими большими кругами, именно: зодиаком, экватором и равноденственным колурием; при этом пересечение образует три креста. Для горы Чистилища горизонт пересекается этими кругами, приблизительно таким образом:

Подобное пересечение наблюдается, когда солнце вступает в знак Овна, т. е. в начале весны, когда природа пробуждается и оживает, а также в осеннее равноденствие, когда солнце вступает в знак Весов. Здесь разумеется весеннее равноденствие, а знак Овна получает символическое значение послушания Авраама воле Господней (Быт. XXII, 13); четыре линии обозначают четыре философские, а три креста — три христианские добродетели. Ландино, Ottimo, Бенвенуто Рамбальди и др.

40-42. «Средь лучших звезд» (*con migliore stella*), сравни Ада I, 38 и след., т. е. в созвездии Овна, когда солнце начинает приносить все лучшие и лучшие дни. Существует древнее предание, гласящее, что солнце находилось именно в созвездии Овна, когда Бог создал мир и когда родился Спаситель (Ада I, 38 и след.). «Воск земной» (*la mondana cera*), т. е. вещество земли, приемлющее отпечаток свыше (от солнца). „La terra come femmina e paziente è madre di tutte le cose, ed il cielo come maschio ed agente è il padre; e questo è quello che vuol dire in questo luogo il Poeta“. Варки.

49 И как второй исходит луч высоко
От первого, и мчится к высотам,
Как странник, в дом спешащий издалека, —

52 Так взором тем, переданным очам
Души моей, дана мне вдруг свобода
На солнце зреть, как лишь возможно там:

55 Там многое возможно, в чем природа
Здесь отказала: ибо те края
Бог создал в собственность людского рода.

58 То был лишь миг, но все ж заметил я,
Как все кругом пылало; так, расплавлен
Металл в горну, исходит из огня.

61 Вдруг, мнилось мне, был день ко дню
прибавлен:
Как будто Тем, Кто может все, вдруг был
Другого солнца в небе шар поставлен.

И, взор вперея в колеса вечных сил, 64
Передо мной стояла Беатриче,
А я, вне мира, взор в нее вперил.

Я чуял то ж, узрев ее в величье, 67
Что Главк в тот миг, как, трав вкусивши снесь,
Как бог морской, он стал волны добычей.

Сверхчеловечность как уразуметь 70
Из наших слов? Пойми ж в примере этом
То всяк, кому даст Благодсть небо зреть.

Я был ли дух, иль тело, мчась к планетам, 73
То знаешь Ты, Правитель сфер святой,
Любовь, вознесшая меня к ним светом.

Когда же глянул я на вечный строй 76
К тебе стремящихся кругов
всемирных
С гармонией, направленной тобой,

43-45. С минуты вступления солнца в знак Овна, следовательно, с начала поэтического странствования, прошло уже семь дней, почему солнце подвинулось вперед на семь градусов в знаке Овна; оно восходит на северном полушарии почти на четверть часа ранее, чем поднималось в день равноденствия. Следовательно, точка, в которой сказанные четыре круга пересекаются, уже не вполне, а только почти совпадает с той, в которой теперь поднялось солнце. Это слово почти показывает, с какою тщательностью Данте старается предупредить даже самые придирчивые возражения астрономов. Само собою разумеется, что здесь говорится о том восхождении солнца, о котором упомянуто в Чистилище XXVII, 133; а потому не должно заключать, что солнце теперь снова восходило над горизонтом; поэт хочет только сказать, что полушарие, на котором он теперь находится, совершенно уже осветилось, что указывает на время полдня и соответствует времени, указанному в Чистилище XXXIII, 103-105. Поэтому несправедливо заключают некоторые комментаторы, будто Данте оставался целую ночь в земном раю, на что нет никакого указания в поэме. По Vict. Bellov. spec. mor., душа после своего очищения тотчас же возносится к Богу. «Там», т. е. на горе Чистилища.

46. «Находясь в земном раю и, следовательно, на южном полушарии, Данте и Беатриче направляются, под конец, с запада к востоку (Чистилища XXIX, 12); чтобы взглянуть на солнце, Беатриче должна была обернуться налево, так как на Южном полушарии для обращенного к востоку восходящее солнце находится с левой стороны». Филалет.

49-51. Подобное же сравнение в Чистилище XV, 16 и след. Луч света, падающий сверху под углом на горизонтальную поверхность, отражается и под тем же углом направляется вверх, и это напоминает путника, сделавшего половину своего пути и стремящегося закончить свое странствование (сравнение в сравнении). Второй луч в физике называется отраженным. Взирая в очи Беатриче, смотревшей на солнце, Данте видит в них отражение солнца.

55-57. «Там», т. е. в земном раю, где Данте еще находится. «Находясь в земном раю как бы на родной почве, как в своем отечестве, подобно огню в его огненной сфере, — человек и телесно владеет большими силами и развитием, а потому и способен, например, взирать на солнце. Иносказательно — человек на высшей ступени своего земного совершенства способен постигать многие божественные истины, остающиеся для него закрытыми при других условиях». Филалет.

58-60. «То был лишь миг», т. е. он мог смотреть на солнце лишь одно мгновение, но тем не менее заметил, как все вокруг пылало, подобно расплавленному металлу, вытекающему из горна. Вообще эта терцина несколько темна и дала повод к различным толкованиям. По мнению Филалета, в этих стихах выражается

ПЕСНЬ I

<p>79 Увидел вдруг я ширь пространств эфирных
Во пламени: ни дождь, ни рек волна
Не создают таких озер обширных.</p>	<p>Лишь первого сомненья глас затих 94
От слов немногих, сказанных с улыбкой,
Как вновь я был сомненьем схвачен вмиг;</p>
<p>82 Великий свет и звуков новизна
Зажгли во мне желанье знать, какая
Причина этих звуков быть должна.</p>	<p>И я: «Прогнал я главный мрак ошибки; 97
Но все ж мне дивно, как я здесь пройду
Сквозь легких тел, как некий призрак зыбкий?»</p>
<p>85 И Та, Кто зрит меня, как сам себя я, —
Чтоб успокоить мой смущенный дух, —
Речь повела, вопрос предупреждая,</p>	<p>И вот, вздохнув, как будто мне к стыду, 100
Она в меня с тем видом взор вперяет,
Как мать глядит на детище в бреду,</p>
<p>88 И начала: «Смущен твой взор и слух
От лживых дум! Затем-то и не зришь ты
Того, что б мог, будь ты к тем думам глух.</p>	<p>И говорит: «Всю тварь соединяет 103
Взаимный строй; таков строй дивный тот,
Что он весь мир Творцу уподобляет.</p>
<p>91 Не на земле уж ты теперь, как мнишь ты;
Но молния, исшед из стран родных,
Не так быстра, как быстро вверх паришь ты».</p>	<p>В том строе зрит созданий высших род 106
След вечной Силы: в ней, как в идеале.
Тот общий строй в созданиях живет.</p>

лишь действие чрезмерного света на наше зрение, даже и наделенное сверхъестественною силою; во всяком случае здесь не обозначается, как думают некоторые, поднятия поэта в сферу огня. Поднятия Данте над сферой земли во всей поэме происходит лишь тогда, когда Данте взирает на Беатриче; такое поднятие описано ниже, в стихах 65-66, и только тогда (67) он чувствует себя совершенно свободным от земных уз. Итак, в этой терцине говорится лишь о взгляде на солнце земными, хотя и наделенными большими силами, очами. Ино-сказательно здесь выражается созерцание божества, которое человек видит на земле в минуты просветления.

64. «Колеса вечных сил» (eternae ruote), т. е. круги небесных сфер. Данте часто употребляет слово колесо (rota), как синоним круга.

67-69. Главк, сын Полиба, рыбак на острове Эвбее (см. О в и д и й, Превращения, XIII, 905 и след. Стаций, Theb. VII, 335 и др.). Однажды он заметил, что пойманные им и полужаснувшие на земле рыбы, съев какой-то травы, ожили и попрыгали в море. Он решился испытать на себе чудесную силу этой травы и, говоря словами Овидия,

Едва напилось чародейным соком тем горло,
Как я почувствовал вдруг, что внутренность вся задрожала,
И возникло в груди стремление чудной природы.

Превращения, XIII, 944, перев. А. Фета.

После десятикратного омовения, совершенного над ним морскими богами, он очистился от всего смертного и стал морским божеством. Это мгновение он описывает так:

Только досюда могу рассказать, что стоит упомянуть.
Только и помню досель; другого мой ум не учуял.
Как он вернулся, себя иным, чем был я недавно,
В целом теле нашел, и даже по духу не тем же.

Там же, 956.

Так точно, говорит Данте, почувствовал он себя преобразившимся при взгляде на Беатриче; преобразование этого он, как и Главк, не в состоянии изобразить; но оно будет понятно тому, кто когда-нибудь подвергнется такому же превращению.

70. «Сверхчеловечность» (Transumanar), т. е. превращение из человеческого в божеское. „Facultas videndi Deum non competit intellectui creato secundum suam naturam, sed per lumen gloriae, quod intellectum in quadam deiformitate constituit“. Фома Аквинский. Sum. Theol. p. 1, qu. XII, art. 6.

73. В подлиннике: *S'io era sol di me quel che creasti Novellamente, Amor*, буквально: имел ли я в себе лишь только то, что ты, Любовь, создала во мне после всего, т. е. дух. Здесь Данте, очевидно, намекает на слова святого апостола Павла (II Коринф. XII, 2). Переводчик держался здесь изречения апостола: В теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает.

75. «Любовь»; опираясь на авторитет Фомы Аквинского, Филалет под словом «Любовь» разумеет Святого Духа, но поэт обращается к Создателю, называя Его любовью, *l'Amor ch'è muove il sole e l'altre stelle* (Рая XXXIII, 145). Место это заимствовано у Боэция (Phil. Cens. I. II, m. VIII, 15), который называет Бога *Caelo imperitans amor*.

76-78. Здесь разумеется вечное круговращение светил небесных, или девяти небесных сфер, принимаемых Данте по системе Птолемеевой. Движение это вечно вследствие вечного стремления каждой из этих сфер соединиться с тем божественным, вечно спокойным небом (*che tu sempiterni Desiderato*), которое именуется эмпиреем. „*Omne quod movetur propter aliquid, quod non habet, quod est terminus sui motus. Sicut coelum lunae movetur, et quia pars quaelibet ejus non adepto quolibet ubi (quod est impossibile) movetur ad aliud; inde est, quod semper movetur et nunquam quiescit, ut est ejus appetitus et quod dico de coelo lunae, intelligendum est de omnibus, praeter primum*“. Ер. Кани, § 26. Итак, небо со своими светилами находится в вечном движении вследствие вечного стремления соединиться с Богом. Также и в своем *Convivio* Данте приписывает движение *Primum mobile* желанию его войти в соединение с каждой частицей вечно-неподвижного эмпирея, обители Бога. По учению Пифагора (Слич: Чистилища XXX, 83; Рая VI, 126), опровергнутому Аристотелем, небесные сферы производят сладостные звуки, гармонией которых улаживается Господь. Отвергнутое Аристотелем, учение это было принято, однако, Платоном и Цицероном (*Somnium Scip.*), а за ними и Данте, как символ грандиозной гармонии вселенной, в которой неравенство вещей исчезает в высшем единстве божественного плана мироздания.

79-81. Данте вступает в сферу огня, легкой и потому наивысшее место занимающей стихии, примыкающей к сфере луны. Сфера эта представляется глазам его в виде необозримого огненного озера.

85. Т. е. Беатриче, видящая в нем все помыслы, прежде чем он их выразит словами.

88-89. В подлиннике: *Tu stesso ti fai grosso Col falso immaginar*. Слово в слово: «Ты сам себя сделал грубым (неразумным) от ложных мечтаний». Дух Данте смущен по двум причинам: во-первых, от необычайного блеска и сладостной гармонии; во-вторых, — от непонимания источников этих явлений, ибо он еще не знает, что находится уже в небе, а не в земном раю.

92-93. По понятиям современников, настоящее местопребывание молнии — сфера огня, откуда, как из своего родного жилища (*proprio sito*), молния только в исключительных случаях, вследствие метеорологических условий, падает иногда на землю. — «Вверх паришь», в подлиннике: *riedi*, возвращаешься; это выражение привело некоторых комментаторов к неправильному заключению, будто, по мнению Данте, настоящая родина человека — сфера огня. Здесь дается лишь понятие о быстроте, с которой Данте стремится к небу, т. е. к Богу, из рук Которого душа исходит и к Которому жаждет возвратиться (Чистилища XVI, 85 и след.).

98-99. Новое сомнение: Данте недоумевает, каким образом он, облеченный в тяжелое тело, мог вознестись сквозь легчайшие тела, каковы воздух и огонь, так как по физическим законам он должен бы был упасть. Причину этого явления Беатриче объясняет ниже. Сомнение Данте основано на том, что он не знает (стих 73), что он? — тело и дух или только дух? Если тело и дух, то как он возносится вверх? Если только дух, то когда и как совершилось это превращение?

103-105. «Взаимный строй», в подлиннике: порядок (*ordine*). „*Est autem duplex ordo considerandus in rebus. Unus, quo aliquid creatum ordinatur ad aliud creatum, sicut partes ordinantur ad totum, et accidentia ad substantias, et unaquaeque res ad suum finem. Alius ordo, quo omnia creata ordinantur in Deum*“. Фома Аквинский. *Sum. Theol.* р. I., qu. XXI, art. 1. „*Mundus iste unus dicitur unitate ordinis, secundum quod quaedam ad alia ordinantur. Quaecumque autem sunt a Deo, ordinem habent ad invicem, et ad ipsum Deum*“. *Ibid.* р. I, qu. XLVII, art. 3.

106-108. Смысл: В этом строе (порядке) все существа, духовные и разумные (ангелы, святые и люди), познают проявление божественной премудрости и силы. Пьетро Данте приводит здесь стихи Боэция, которые, очевидно, имел в виду Данте:

. Tu cuncta supremo
Ducis ab exemplo: pulchrum pulcherrimus ipse
Mundum mente gerens similique in imagine formans.
Cons. Phil. и. III, m. 8.

109. Т. е. все существа сотворены так, что расположены примкнуть к этому порядку (строю). „*Quum omnia procedant ex voluntate divina, omnia suo modo per appetitum inclinantur in bonum, sed diversimode*“. Слич: Скартадини, р. 21. Фома Аквинский. *Sum. Theol.* р. I, qu. LIX, art. 1.

109 И в этот строй наклонны уж вначале
Все существа; но ставит разный рок
Тех ближе к их началу, этих — дале.

112 Всех к пристаням различным мчит поток
В великом море бытия; дарует
Он всем инстинкт, который бы их влек.

115 Там он огонь к луне стремится; волнует,
Как двигатель, в сердцах у смертных кровь;
Там землю в шар сжимает и связует.

118 И не на тех одних, в ком нет следов
Разумности, лук этот мечет стрелы,
Но и на тех, в ком разум и любовь.

Так промысл Божий, мир, устроив целый, 121
Дал также в небе свету колыбель,
Где высший круг свершает путь свой смелый.

И в этот край, родимый нам, отсель 124
Та тетива нас мчит порывом духа,
Которая все мечет прямо в цель.

Но в форму иногда неполно, сухо 127
Отлита мысль художника, зане
Материя противится ей глухо.

Тогда-то тварь, стремление к вышине 130
Покинув (выбора имея волю),
Спешит уже бежать не к той стране, —

110-111. Согласно божественному промыслу, различные существа занимают различные более или менее отдаленные от божественного источника места; причем каждому из них врождено стремление, ведущее их к предназначенной им цели. «*Quaelibet res ad suam formam naturalem hanc habet habitudinem, ut quando non habet ipsam, tendat in eam, et quando habet ipsam quiescat in ea; et idem est de qualibet perfectione naturali, quod est bonum naturae. Et haec habitudo ad bonum in rebus carentibus cognitione vocatur appetitus naturalis*». Ibid. qu. XIX, art. 1. „Nell'ordine intellettuale dell' universo sisale e discende per gradi quasi continui dall' infima forma all' altissima, e dall' altissima all' infima, siccome vedemo nell' ordine sensibile“. Convivio tr. III, c. 7.

112-113. „Non poteva Dante come poeta usare locuzione topica più appropriata di questa, perciocche l'essere è comune a tutte le cose che sono, e però lo chiama grand mare“. Варки. Эти дивно прекрасные в поэтическом отношении слова напоминают место из Фауста: „In Lebensfluten, im Thatensturm, wall' ich auf und ab“.

115-123. В этих стихах подробнее выражены действия этого врожденного стремления (инстинкта), при том в первой терцине (115-117) — по отношению к стихийному миру. Относительно стихий прежде всего указано на стремление огня вверх к сфере луны и на стремление земли вниз. В живых существах, наоборот, указывается на стремление *ad generationem* и *augmentum*, т. е. к актам, исходящим главным образом из сердца (Чистилища XXV, 59-60, прим.). В следующих стихах говорится о существах разумных — о людях.

118-120. Этот врожденный инстинкт (лук этот, *quest' arco*) устремляет к предназначенной цели не только существа неразумные, но и те, которые одарены разумом и волей, т. е. людей и ангелов.

121-123. Высочайшее небо — эмпирей, получая свет непосредственно от Бога, вечно неподвижно (здесь света колыбель). Ближайшее к эмпирею, им объемлющееся, есть так называемое *primum mobile*, или кристалльное небо; оно воспринимает свое движение непосредственно от эмпирея и сообщает его другим сферам неба. Так как оно обнимает собою все прочие сферы, то оно и есть между ними высочайшее и обширнейшее; а так как оно увлекает своим движением все остальные сферы, то, следовательно, и совершает самое быстрое (самое смелое) движение.

124-126. Здесь заключается ответ на вопрос, предложенный в стихах 98-99: мы поднимаемся сквозь эти легкие стихии в силу врожденной высшей способности нашего духа, увлекающей нас в область праведных, как к предназначенной нам цели.

125. «Та тетива» (лука), т. е. тот инстинкт, который всегда направляет существа к благой, Богом предназначенной цели. „*Ad illiud autem ad quod non potest aliquid virtute suae naturae pervenire, oportet quod ab alio transmittatur, sicut sagitta a sagittante mittitur ad signum*“. Фома Аквинский. Sum. Theol. p. I, qu. XXIII, art. 1.

127-129. „*Et quemadmodum perfecto existente artifice, atque optime organo se habente, si contingat peccatum in forma artis, materiae tantum imputandum est, sic, quum Deus ultimum perfectionis attingat, et instrumentum ejus (quod coelum est) nullum debita perfectionis patiat defectum, restat, quod quidquid in rebus inferioribus est peccatum, ex parte materiae subjacentis peccatum sit, et praeter intentionem Dei naturantis et coeli*“. De Monarchia II, 2.

130-135. Смысл ясен: хотя человек и тяготеет к Богу, побуждаемый врожденным ему инстинктом стремиться к Нему, однако, имея свободную волю, он может уклоняться и в другую сторону. Таким образом,

<p>133 (Так падает, стремясь к земному полю,
Огонь из туч), — отходит же, избрав
Путь ложных благ, чтоб пасть к земле в неволю.</p>	<p>Такое ж диво было б, коль свободным
Став от препон, ты б медлил до сих пор,
Как если бы огонь с землей стал сродным».</p>
<p>136 Дивись настолько ж (коль мой вывод прав)
Подъему своему, как токам водным,
С высоких гор бегущим вниз стремглав.</p>	И в небо вновь она вперила взор.

будучи обманут призраком лучших благ, он уклоняется от естественного пути, чтобы прилепиться к земным наслаждениям. Мысль эта встречается у Боэция (Cons. Phil. 1. III, pr. 2): „Est mentibus hominum veri boni naturaliter inserta Iupiditas, sed ad falsa devius error abducit“.

136-141. Смысл: здесь, в царстве праведных, нет больше препятствий к проявлению естественного инстинкта; обманы чувств уже не отвлекают от этой высшей цели. Здесь душа так же мало отклоняется от этого стремления к Богу, как и вода, которая, не встречая препятствия, падает вниз, или как огонь стремится вверх.

142. Предложенная в этой песне грандиозная и глубокомысленная идея вселенной может быть выражена так: «все во вселенной во всех частях своих, частью сильнее, частью слабее, частью бессознательно, частью с сознанием, различными путями, стремится возвратиться к Богу, повинувшись божественному, прирожденному инстинкту. Это стремление и составляет божественный элемент вселенной, двигательную силу всего гармонического целого и уподобляет мировой порядок Божеству (стих 104-105, 106-114). Он действует и в стихийных явлениях во внешней природе, и в человеке, проявляясь, например, в стремлении огня возноситься вверх, в тяготении земли книзу, равно и в физико-психической природе человека, основанной на движении сердца (115-117). Но он же господствует и в разумных существах, как высшая, духовная потребность возноситься к Богу (118-120). Он проявляется в эмпирии, как вечный покой в Боге, и он же неустанно вращает другие сферы в их стремлении к своей цели (121-126). Так как высшим существам дана свобода воли, то для них возможны уклонения от истинной цели, указанные в Чистилища XVI, 18-74, и здесь (127-135). Но такие уклонения невозможны для человека очищенного. Вполне очищенный человек, верный своему первоначальному назначению, всегда должен стремиться все более и более к своей цели, подобно тому, как теперь Данте, освобожденный от препятствий телесных, возносится в небо (136-140)». Флейдерер.

ПЕСНЬ II

Вступление. — Подъем на небо луны. — Пятна на луне. — Влияния небес.

<p>1 О вы, за мной пустившиеся в ломкой,
Простой ладье, внимательно следя
За кораблем, где мчусь я с песнью громкой, —</p> <p>4 Вернитесь вспять и, на́ берег взойдя,
Не устремляйтесь в океан, в котором,
Отстав от нас, утратите вождя!</p> <p>7 Никто не плаыл, где мчусь я в беге скором;
Мне вождь Минерва, кормчий — Аполлон,
И девять Муз Медведиц кажут взорам.</p> <p>10 Но вы, немногие, что́ от пелен
К небесному всегда тянулись хлебу,
(Насытив, голод снова будит он)</p> <p>13 В морскую ширь, почуяв в том потребу,
Вы можете пустить свой челн, держась
Моей бразды средь волн, ведущих к небу.</p> | <p>Не так дивил, в Колхиду устремясь, 16
Бойдов своих Язон, представ однажды
Им пахарем, как удивлю я вас.</p> <p>Почти так быстро, как из вас зрит каждый 19
Вращенье сфер, — нас в мир, принявший вид
Создателя, стремил дух вечной жажды.</p> <p>На Донну я глядел, она — в зенит, 22
И с быстротой такой же, как до меты
Стрела домчится, чуть с замка слетит, —</p> <p>Достиг я стран, где чудные предметы 25
Влекли мой взор. И Та, чей ум везде
Всем помыслам моим дает ответы,</p> <p>Вся в радости и в дивной красоте: 28
— «Пролей», рекла, «пролей Творцу хваленье!
Смотри: вознес Он к первой нас звезде».</p> |
|--|---|

1-3. Еще в начале Чистилища Данте сравнивает свое странствование с плаванием по морю. Но там он говорит смиренно о челне дум своих (*navicella del suo ingegno*), здесь — о корабле, величественно плывущем с песнею (*il legno che cantando Varca*). Это вступление напоминает Лукреция (*De rerum natura*, IV, 1-2): „*Avia Pieritum peragro loca, nulliū ante Trita solī*“. — «В ломкой, простой ладье» (*in piccioletta barca*), т. е. с малыми сведениями философскими и теологическими. Слич: Ада VIII, 16.

4. «Вернитесь вспять», подражание Вергилию: „*Procul, o procul este, profani!*“ Энеида, VI, 258.

7-9. Во времена Данте были в большом ходу видения ада и чистилища, но никто не решался поэтически описать рай и воспевать славу Того, Кто движет всем (*La gloria di Colui che tutto muove*). — «Мне вождь Минерва» (*Minerva spira*) — Минерва здесь символ знания (науки) вообще и в особенности знания вещей божественных; «кормчий — Аполлон»; этот бог служит, как и в большинстве других случаев, — символом искусства. «Девять Муз» (*Nove Muse*) — я придерживался текста К. Витте и др.; в некоторых кодексах — *пюве* (новые). Число девять имеет отношение к девяти небесным сферам. «Медведицы» (Большая и Малая, в хвосте которой первая звезда Полярная) суть созвездия на Северном полушарии, служащие путеводными звездами морякам.

10. «Немногие». «Ибо много званых, а мало избранных». Матф. XVI, 16.

11. «Небесному хлебу»: «Хлеб ангельский ел человек». Псал. LXXVII, 25. Хлебом небесным или ангельским Св. Писание называет манну небесную; здесь поэт разумеет знание вообще, и в особенности созерцание вещей божественных. Слич: Чист. XXXI, 78.

14-15. «Держась моей бразды средь волн», рассекаемых моим кораблем. Смысл: имейте постоянное, неусыпное внимание при чтении этой части поэмы.

16-18. Т. е. это плавание по неведомому до сих пор океану удивит вас более, чем удивился славный строй Аргонавтов при виде своего вождя Язона (Ада XVIII, 86), который, для того чтобы завладеть золотым руном в Колхиде, был вынужден вспахать землю при помощи двух огнедышащих быков:

И подводя под ярмо, принуждает, их тяжесть большую
Плуга тащить и железом чертить несвычное поле.
Диву Колхийцы дались; Минийцы восторженным кликом
Духу ему поддают.

Овид. Превращ. VII, 118-121. Перев. А. Фета

ПЕСНЬ II

<p>31 Казалось, облак нас покрыл в мгновение,
Густой и плотный, ливший свет вокруг,
Как бриллиант на солнце, в отраженье.</p> <p>34 И внутрь себя бессмертный тот жемчуг
Так принял нас, как, пребывая целой,
Вода приемлет луч, упавший вдруг.</p> <p>37 Коль я был плоть (и чей здесь разум смелый
Поймет, как можно два пространства слить
Так, чтоб из двух одно слиялось тело?), —</p> <p>40 В нас диво то должно бы жар вселить
Скорей постичь той тайны смысл искомый,
Как мог с Собою нас Бог соединить.</p> | <p>Там ўзрим то, с чем верой здесь знакомы, 43
Без доводов, как с истиной простой,
Принявшей вид первичной аксиомы.</p> <p>Я отвечал: «Мадонна, пред тобой 46
Того, Кем так взнесен я благодатно,
Как лишь могу, благодарю душой.</p> <p>«Но на луне что́ значат эти пятна? 49
На них взирая многие века,
Про Каина толкует люд превратно».</p> <p>И, усмехнувшись мне в ответ слегка, 52
Она: «Коль там ум смертных в мраке бродит,
Где чувств ключи не отпрут замка,</p> |
|--|--|

19. Изображение быстроты подъема на небо. Слич: Чист. XXXI, 129, и Рая I, 124-126 и 139-140. Подъем этот совершился почти так же быстро, как происходит движение звездного неба, совершающего свое кругообращение в 24 часа. В конце предыдущей песни они были еще в сфере огня; теперь они вступают в сферу луны.

20. Мир, принявший вид Создателя (в подлиннике: *deiforme regno*, богоподобное царство), т. е. созданный по подобию Творца (Рая I, 105). Здесь, собственно, разумеется эмпирей, который „*non è in luogo, ma formato fu solo nella prima Mente*“. Convitio II, 4. „*Deiformis, id est Dei similis*“. Фома Аквинский. р. I, qu. XII, art. 5.

21. «Дух вечной жажды» (*La concreata e perpetua sete*), т. е. врожденная человеку жажда познания (Чист. XXI, 1). «Пьющие меня еще будут жаждать», Премудр. Исис. сына Сирах. XXIV, 23.

22. Слич: Рая I, 142.

23-24. «Для того, чтобы яснее выразить быстроту полета, здесь с намерением показаны три момента полета стрелы из самострела в цель в обратном порядке, так что последний момент становится здесь первым». Филалет — Замѡк, „посе“, та часть самострела, где помещается стрела.

26. «Та», т. е. Беатриче.

30. Данте и Беатриче вступают в сферу луны, и даже, по-видимому, в самое вещество луны. Древние астрономы относили луну к числу звезд, которые они разделяли на подвижные и неподвижные; луна относительно земли считалась по этой теории подвижною звездою.

34. «Бессмертный тот жемчуг» (собственно, вечный, *eterna*), т. е. луна. Также названа планета Меркурий (Рая VI, 127). По Св. Писанию небо и звезды погибнут (Матф. XXIV, 35); но по схоластической теологии солнце, луна и звезды нетленны, следовательно вечны. „*Corpora coelestia incorruptibilia sunt secundum totum et partem*“. Фома Акв. *Comp. Theol. I*, cap. 170.

35-42. «Они вступают в тело луны так точно, как луч света воспринимается водой, т. е. не деля при этом своим телом вещества луны, тогда как по естественным законам одно тело, вступая в другое, вытесняет последнее с его места. Это такая тайна, для разъяснения которой человек должен удвоить в себе желание углубляться в созерцание божественного и вследствие этого углубления разъяснится самое непостижимое — соединение человеческой природы с божественной без взаимного исключения одной другою, и притом без всяких доказательств, напротив — само собою, подобно простой истине или аксиоме (ст. 45)». Штрекфусс.

43. «Там», т. е. на небе. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познаю». 1 Кор. XIII, 12.

44-45. Слич: Чист. XVIII, 55.

50-51. Слич: Ада XX, 126. Такое поверье существовало не только в Италии, но и в Англии.

52-53. «Улыбкой Беатриче хочет выразить, что не только темный люд, но и великие философы не чужды суеверия». Бенвенуто Рамбалди.

ПЕСНЬ II

55 То почему стрела сомненья входит
Здесь в грудь твою? Рассудок, данный вам,
Ты видишь, крыл вслед чувствам не находит.

58 Но как о том, скажи, ты мыслишь сам?»
И я: «Те пятна приписать бы можно
Сгущенным и разреженным телам».

И та: «Сейчас увидишь, как ничтожна
Такая мысль, когда твой ум отверзт
Внимать тому, что я скажу неложно.

«Вам круг восьмой являет много звезд,
В количестве и качестве которых
Различный вид их можно зреть окрест.

61

64

ПЕСНЬ II

<p>67 Будь сила в том, как густ и редок хор их, —
Полны б все были или равных сил,
Иль более и менее лишь скорых.</p>	<p>Но довод свой ты сам разрушишь вдруг 94
Коль сделаешь сей опыт: это главный
Источник ваш, начало всех наук.</p>
<p>70 Различье ж в силах звездных породил
Принцип формальный; кроме ж той единой,
Другие ты причины сокрушил.</p>	<p>Три зеркала возьми и стань на равной 97
Дистанции к двум первым, а вдали
Меж ними третье помести исправно.</p>
<p>73 Когда б, — как мыслишь, — пятен тех
причиной
Была прозрачность, — на планете сей
Являлась бы долина за долиной</p>	<p>И, взор вперея в них, за спиной вели 100
Зажечь свечу, чтоб трем светила
верно
И чтоб лучи к тебе от них пришли.</p>
<p>76 Без вещества, иль, как в телах людей,
Где тук иль плоть слоями, вся планета
Была б из тонких и густых частей.</p>	<p>Хоть образ твой от дальнего, наверно, 103
Придет слабей, но все ж заметишь ты,
Что все они светятся равномерно.</p>
<p>79 Будь первое, то видно б было это
При солнечном затмении: сквозь потерь
Материи мы зрели б проблеск света.</p>	<p>Теперь — как при влиянии теплоты 106
От мест, покровом снежным защищенных,
И прежний цвет и холод отняты, —</p>
<p>82 Но этого, однако, нет. Теперь
Второй разрушу довод твой: тогда я
Твой силлогизм расстрою весь, поверь.</p>	<p>И в помыслах, так точно измененных, 109
Твоих хочу разлить я свет живой,
Сияющий для глаз твоих смущенных.</p>
<p>85 Положим, что та тонкость не сквозная;
Тогда должна быть грань, где наконец
Не пропускает света часть густая,</p>	<p>В том небе, где божественный покой, 112
В движении круг, чья сила в нем хранимым
Субстанциям дарует жизнь собой.</p>
<p>88 Где должен луч свой отразить венец,
Как красок блеск от плоскости зеркальной,
За коей скрыт от наших глаз свинец.</p>	<p>Круг близ него, полн звезд в их хоре зримом, 115
Ту жизнь дробит по прочим существам,
Отличным от него, но им творимым.</p>
<p>91 Ты скажешь мне: тут луч первоначальный
Тусклее стал, чем на местах вокруг,
Быв отражен назад в стране той дальней.</p>	<p>Круги затем по разным степеням, 118
Различье сил, что из кругов исходит,
Приспособляют к делам и делам.</p>

55. «Чувств ключи», т. е. ощущения и познания, приобретаемые при помощи чувств. Смысл: «если в предметах, познаваемых при помощи чувств, люди нередко ошибаются, то ты не должен удивляться тому, что и по отношению к предмету видимому, к пятнам на луне, человеческий ум (замок) оказывается столь бессильным, что для их объяснения бывает вынужден прибегать к басням». Скартаццини.

56-57. Смысл: следя за своими чувствами, разум человеческий может понять не более, как только то, что ему указывают чувства; а так как чувства эти несовершенны (в подлиннике: с короткими крылами) и часто заблуждаются, то следует, что разум не может достигнуть познания истины.

59-60. Аверроэс учил, что причина пятен на луне — неоднородность ее отдельных частей, из которых одни сгущены, другие разрежены, поэтому первые темнее, вторые — светлее. В Convivio (II, 14) Данте доказывает, что там, где поверхность луны плотнее, она слабее отражает от себя лучи солнца. Так как здесь устами Беатриче Данте опровергает это мнение, то должно заключить, что Convivio явилось в свет раньше издания Рая.

ПЕСНЬ II

121 Си-то мира органы так сходят,
Как видишь, со ступени на ступень,
Что сверху вниз небесное низводят.

124 Заметь же здесь, как я чрез эту сень
Все восхожу до истин вождельных,
Чтоб ты один все ясно зрел, как день.

127 Движения и силы сфер священных —
Как молота искусство в кузнеце, —
Находят жизнь в правителях блаженных.

130 И небо в звездном пламенном венце
Из бездн Ума, — Чьей силою кружится, —
Приемлет вид свой и печать в лице.

133 И как душа, что в бранных вас таится
По разным членам, применяясь к их
Различным отправлениям, в вас дробится,

Так Разум высший благость сил святых 136
В миллионах звезд являет раздробленной,
Вращаясь Сам в единстве лиц Своих.

Различьем сил различно сопряженный 139
С бесценным телом, что Он сам живет.
Он связан с ним, как жизнь в вас плоти бральной.

Из радостной природы, в мир излит, 142
Дух смешанный сияет в теле этом,
Как радостью зеница глаз блестит.

Мильоны звезд и различает светом 145
Сей дух, а не состава плотность их;
Лишь сей принцип формальный шлет планетам

«Их блеск иль темь, по воле сил святых».

64. «Восьмой круг», по системе Птолемея, — небо неподвижных звезд.

64-72. В этих стихах вообще опровергается то мнение, по которому различие в блеске звезд объясняется единственно большей или меньшей плотностью их вещества. В стихах 73-105 разбирается тот же вопрос лишь относительно темных пятен на луне.

67-69. Смысл: если бы различие в свете звезд зависело единственно от различной их плотности, то их свет отличался бы только большей или меньшей степенью, а не специфическими силами, влияющими на все существующее. Здесь Данте примыкает к тогдашнему учению астрологов о влиянии небесных светил на человеческие дела и самого человека (Слич: Чист. XVI, 73; Рая XVI, 38).

ПЕСНЬ III

Небо луны. — Духи, несоблюдавшие своего обета. — Пиккарда Донати. — Императрица Констанца.

<p>1 Так логикой своею то светило,
Чтó некогда мне сердце страстью жгло,
Прекрасный лик мне истины открыло.</p> <p>4 И я, — чтоб высказать, как я светло
Все зрю теперь, — к ней, сколько подобало,
Чтób дать ответ, уже подъял чело,</p> <p>7 Как вдруг мой взор так сильно приковало
Одно видение, что память не могла
Мне подсказать ответа, как желала.</p> <p>10 И как на гладкой плоскости стекла
Или в воде прозрачной, без волнения,
Где дна глубокая не скрыла мгла,</p> <p>13 От наших лиц мы видим отраженья
Столь слабые, что белых перлов нить
На белом лбу заметнее для зренья:</p> | <p>Так много лиц, готовых говорить. 16
Узрев, я впал в обман, тому противный,
В каком Нарцисс источник стал любить.</p> <p>И я, когда заметил вид их дивный, 19
Мной принятый за отражение лиц, —
Чтób их самих видать, — назад порывно</p> <p>Взглянул, но, не увидя, взор зениц 22
Опять вперил в Мадонну, мне с улыбкой
Из глаз святых метнувшей блеск зарниц, —</p> <p>— «О, не дивись, что детскою ошибкой 25
Мою улыбку вызвал ты», рекла;
«Все к истине идешь стопой ты зыбкой,</p> <p>Все в пустоту стремишься, как сперва! 28
Здесь ссылака тем, кто не соблюл обета,
И, чтó ты зришь, тó, верь мне, существа.</p> |
|---|--|

1. «Логикой своей», в подлиннике: *Provando e riprovando*, доказывая и опровергая. — «Светило», в подлиннике: солнце, т. е. Беатриче. В другом месте (Рая XXX, 75) Данте называет ее солнцем своих очей.

3. «Истины», т. е. свойство пятен на луне и влияние сил небесных. Истину Данте называет прекрасной; в своем *Convivio* IV, 8, он называет истину первым из друзей, который сам собою заставляет любить себя, *di sè medesima innamorato*. Слич: Фоми Акв. *Sum. Theol.* p. II, 2-ae, qu. XV, art. 1: „*Intelligere veritatem cuiuslibet est secundum se amabile*“.

7-16. «Являющиеся теперь Данте души гораздо более чисты, чем души в чистилище. Они не состоят уже из земного воздуха, но единственно из божественного эфира, и потому не преломляют в себе лучей света и не препятствуют видеть других сквозь себя (слич: Рая XXXI, 19-24 и примеч.). Это имеет глубокий смысл: мы теперь в царстве свободы, где ничто не стесняет нашего зрения; здесь все прозрачно. Характерно то, что духи в этой низшей сфере неба светятся еще не так ярко, чтобы смертный глаз Данте не мог распознать в них некоторый образ». Копиш.

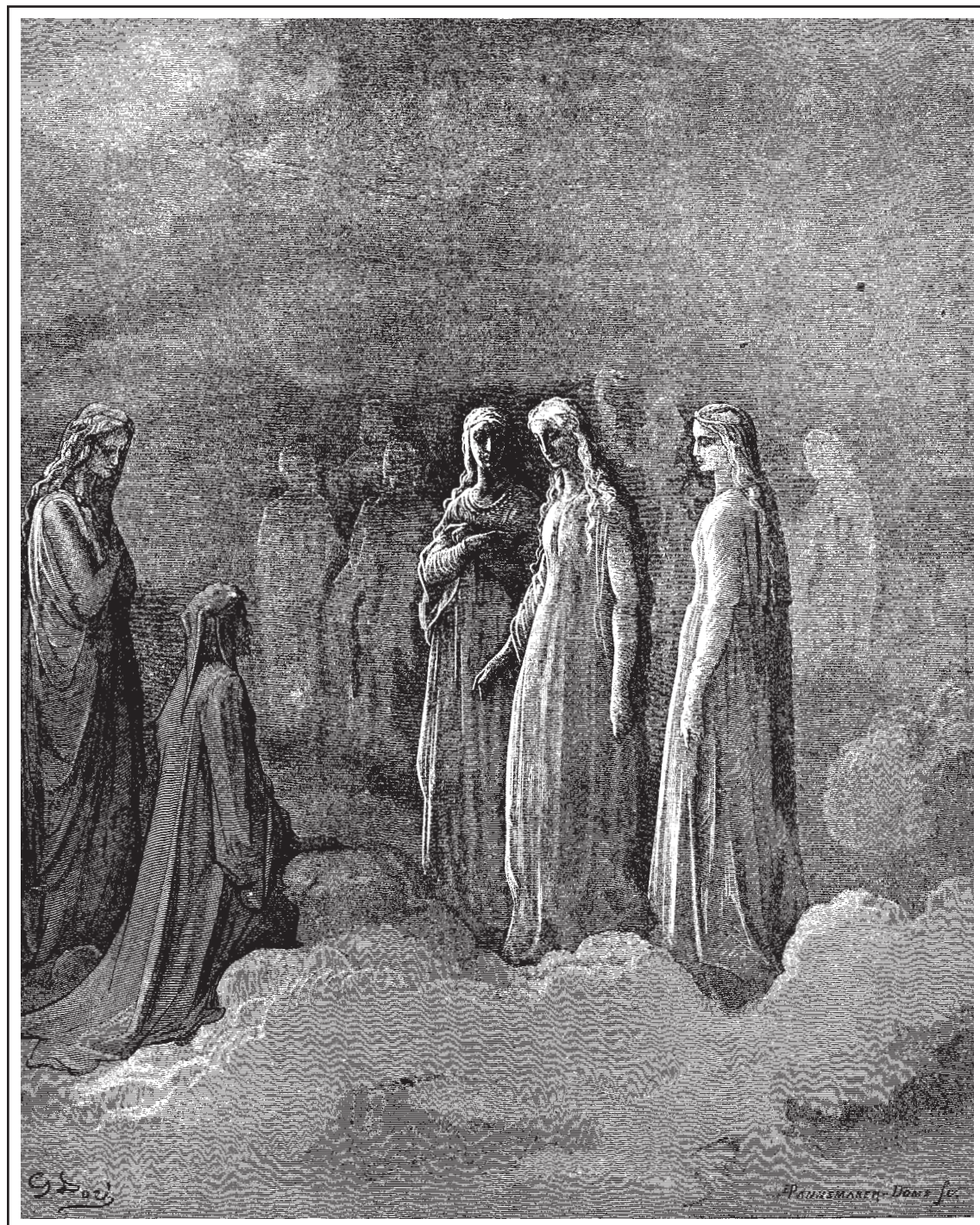
10-15. Глубокая вода или стекло на темной поверхности дают изображение с резкими очертаниями. Но то, что видит Данте, представляется ему тусклым и едва различимым, как те изображения, которые получаются на чистой, но мелкой воде, или на прозрачном стекле; следовательно, Данте видит сквозь эти души задний фон, образуемый самой луной.

14-15. Белые жемчужины трудно отличимы от белого цвета лба — сравнение чрезвычайно верное.

16-24. «Нарцисс» (Ада XXX, 128 и примеч.), видя свое отражение в ручье, принял его за реальный образ; Данте же действительные образы принимает за чьи-то отражения; следовательно, он впадает в ошибку, противоположную ошибке Нарцисса, и потому (ст. 21) оборачивается назад, чтобы убедиться, не стоит ли за ним кто-нибудь, чье отражение он видит перед собою. Не видя никого и убедившись в своей ошибке, он опять глядит вперед и, в недоумении, устремляет глаза на Беатриче. Улыбнувшись, она выводит его из заблуждения, объяснив ему, что то, чтó он видит, — действительные существа.

25. «Детской ошибкой» (в подлиннике: *pueril coto*, — *cogitatus*, мысль. *Vocabolario Dantesco*, Бланк), т. е. детским мышлением.

27-28. Т. е. размышление твое не основано на истине, но ты все еще заблуждаешься, следуя своим чувствам. «Ты привык прибегать к физике для объяснения причин явлений естественных, и потому прибегаешь

Так много лиц, готовых говорить.
Узрев, я впал в обман, тому противный,
В каком Нарцисс источник стал любить.
(Рай, Песнь III , тер. 16)

31 Начни ж к ним речь и с верой жди ответа:
Свет истинный источник их утех,
Порукой правды слов их служит это».

34 И тени, что беседы больше всех
Ждала, сказал такими я словами, —
Как тот, кого торопит мыслей спех:

37 — «О дух блаженный, ты, что под лучами
Сей вечной жизни сладость ту испил,
Что не пойдем мы, коль не вкусим сами!

40 Мне б было в радость, если б мне открыл
И имя ты, и все о доле вашей». —
Смеясь очами, дух заговорил:

— «Не запираем врат любви мы нашей 43
Желаньям чистым, как и Тот, Кто нам
Любовь Свою льет всюду полной чашей.

«Сестрой-монахиней была я там, 46
И коль сберег ты память в полной мере, —
Мой просветлевший лик твоим очам

Напомнит про Пиккарду. Здесь, по вере, 49
Причтенная к блаженным сонмам сим,
Блаженствую я в самой тихой сфере.

Мы все, горя желанием одним — 52
Святому Духу подчинить всю волю,
Счастливы тем, чем созданы мы Им.

к ней и теперь для объяснения явлений сверхъестественных, а для этого недостаточно физики, но необходимо богословие». Бути.

29. «Здесь ссылка тем» (в подлиннике: Qui rilegate, сюда изгнаны). «Выражение это указывает как бы на наказание, или, по крайней мере на понижение сравнительно с другими душами; однако, как видно из последующего, находящиеся здесь души блаженствуют по-своему, как и прочие, более приближенные к Богу. Эти души, как и все прочие праведные, занимают подобающее им место в небесной розе высочайшего круга (Рая XXX), как об этом говорится ниже (V, 34 и примеч.). Являясь Данте на луне, они тем яснее выражают степень своего блаженства». Ноттер. Очевидно, души тех, кто не соблюли обета, помещены на луну, как на планету (по Птолемею) непостоянную и изменчивую. «Беседа благочестивого — всегда мудрость, а безумный изменяется, как луна». Премуд. Ис. сына Сирах. XXVII, 11.

30. «Существа», т. е. реальные, действительные явления, а не простые отражения в зеркале, не обман чувств, не призраки, но чувственные представления, возвысившиеся до мира явлений сверхъестественных (Рая IV, 41). Каннегиссер.

32. «Свет истинный», т. е. Бог. Души, созерцающие Бога и проникнутые Его светом, не могут впасть ни в какое заблуждение или ошибку, Бог никогда не допустит их произнести что-либо лживое, неистинное.

36. Желание Данте узнать ее имя так велико, что приводит его в волнение.

37. «Дух блаженный» (в подлиннике: ben creato spirito, в противоположность изменникам: O sovra tutte mal creata plebe. Ада XXXII, 13), собственно, избранный, созданный для вечного блаженства, которого мы, смертные, не можем постигнуть, ибо, будучи обольщаемы земными красотами, не в состоянии вкушать его. — «Под лучами», т. е. созерцая Бога, вечный свет, солнце, ангелов и наше высочайшее благо (Рая X, 53; XI, 20; XIV, 47 и примеч.). Скартаццини.

39. Слич: Vita Nuova, с. 26, con. 15: „Che dà per gli occhi una dolcezza al core, Che intender non la può chi non la prova“.

43-45. Т. е. мы не можем не удовлетворить твоего желания, ибо мы исполнены любовью к Богу; любовь же Бога наполняет собою все, что собрано вокруг Него. Любовь праведных совершенно согласуется с любовью Божественною; она хочет, чтобы все царство праведных уподоблялось Богу, т. е. пламенело Его любовью: «Замечательно, что в Аду одна только женщина, именно Франческа, немного говорит с Данте; здесь, напротив, первая душа, вступающая в беседу с ним, женская». Ноттер.

46. «Там», т. е. на земле.

48. «На той низшей ступени блаженства, которую занимают эти души, они еще сохраняют, хотя и просветлевший и ставший более эфирным, свой человеческий образ. В более высших сферах они совершенно окружены светом, как бы сливаются с ним, и становятся снова видимыми лишь в самой высшей сфере неба — в эмпирее». Ноттер. Данте здесь следует Фоме Аквинскому, который, говоря о воскресшем Христе, примеру коего следуют все праведные, пишет: „Nemo putet Christum sua resurrectione sui vultus effigiem commutasse. Sed mutatur effigies, dum efficitur ex mortali immortalis; ut hoc sit acquisivisse vultus gloriam, non vultus substantiam perdidisse“. Sum. Theol. p. III, qu. LIV, art. I; ibid. p. III, Suppl., qu. LXXIX.

55 И этот круг, столь низкий, нам на долю
 Был дан за то, что мы обет черниц
 Не соблюли, отдав себя в неволю».

58 И я: «Черты всех ваших дивных лиц
 Божественным огнем блестят в святине,
 Преобразя в небесных вас жилищ.

61 Вот почему я не узнал вас ныне;
 Но мне теперь открылась ты, и мне
 Припомнить лик твой — не трудней латыни.

64 Но объясни: ликуя в сей стране, —
 Хотите ль высшего достигнуть вы предела, —
 Все видеть, быть любимыми вполне?»

Среди подруг, смеясь, она смотрела 67
 И с радостью такой дала ответ,
 Как бы любовью первого горела:

— «В нас волю, брат, любви смиряет свет; 70
 Того лишь жаждем, им руководимы,
 Что нам дано: другой в нас воли нет.

Желай достичь мы высшей диадимы, — 73
 Желанье в нас пришло б чрез это в спор,
 С судом Того, чьим оком здесь мы зримы.

Кругам же сим, как видишь, чужд раздор, 76
 И в них любовь должна быть в совершенстве,
 Коль в глубь любви проник твой ясный взор.

49. Пиккарда, дочь Симони Донати, сестра Корсо и друга Данте, Форезе Донати, у которого поэт осведомляется о ней уже в чистилище (XXIV, 10). Еще в юных годах она вступила по собственному побуждению в орден св. Клары; между тем братья просватали ее за флорентинского дворянина Розелино дела Тоза. Мессер Корсо, находившийся в то время в Болонье, узнав о вступлении ее в монастырь, тотчас же явился во Флоренцию, насильно вырвал ее из монастыря и выдал ее, против ее воли, замуж за Розелино. Рассказывали, что Пиккарда вымолила у Бога болезнь, от которой она будто бы и умерла через несколько дней. Ottimo Commento и Бенвенуто да Имола. Сличу у Филалета, III, с. 31, примеч. 5. О последнем обстоятельстве, т. е. о болезни, Данте, знавший Пиккарду, не упоминает; ниже, в ст. 57, он говорит в подлиннике: „fur negletti Li nostri voti, e vòti in alcun canto“, из чего следует заключить, что Данте не думает, чтобы она умерла девственницей.

51. Т. е. на луне; сфера луны, по системе Птолемея, совершает свое суточное обращение с востока на запад медленнее других сфер, так как описывает самый малый круг.

52-54. «Все праведные принадлежат как бы к ордену Св. Духа». Копиш.

57. «Отдав себя в неволю», в подлиннике: e vòti in alcun canto — намек на несоблюдение девственности (см. выше прим. 49). В подлиннике: perche fur negletti Li nostri voti, e vòti alcun canto — непереводаемая игра слов, из которой можно заключить, что Данте намекает здесь на несоблюдение девственности. «Быть может, Данте помещает эти души в сферу луны на том основании, что как луна не вполне проникнута небесным светом (темные пятна на луне), так и эта «ткань еще не доткана челном» (ст. 95), или потому, что луна с ее фазами — пример несовершенства, вообще недостатка постоянства, и это ставится в упрек этим душам (Рая IV, 82 и след.)». Филалет.

63. «Не трудней латыни» (m'è più latino), т. е. легче всего. В Средние века все образованные люди писали и говорили по-латыни, бывшей как бы родным языком Италии (Рая XII, 144; XVII, 35).

65. Вопрос, по-видимому, совершенно излишний после того, как Пиккарда объявила, что воля обитающих в этой сфере душ совершенно согласуется с волей Бога, поместившего их здесь; но Данте желает, чтобы это было яснее ему истолковано.

66. В подлиннике: „Per più vedere, o per più farvi amici?“ Смысл: «чем более душа возносится в благодати, тем более созерцает своего Создателя». Ландино. — «Блаженство же состоит в том, чтобы созерцать как можно ближе божество». Бенвенуто Рамбалди. — Вторую половину стиха комментаторы объясняют двояко: или — чтобы снискать себе большую любовь от Бога, или — чтобы приобрести себе более друзей между праведными. Последнее толкование напоминает слова Спасителя: «Приблизьтесь к себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» Луки XVI, 9; то же и Фом. Акв. „Videtur quod amice sint necessarii ad beatitudinem“. (Sum. Theol. p. I, 2-ae, qu. IV, art. 8). — «Степени блаженства различаются между собою большим или меньшим созерцанием Бога, большим или меньшим соединением с Ним и любовью к Нему (Сличу: Рая XXVII, 106 и след.)». Филалет.

70-72. В этих стихах излагается учение, совершенно тождественное с учением католических отцов церкви. Так, Гюго да С.-Виттор (Erud. Theol. de Sacr. fidei, 1. II, p. XVIII, с. 20): „Deus enim erit finis

79 Лишь в том и сущность бытия в блаженстве,
Чтоб всяк желал того, что́ хочет Бог,
И воли всех слились бы с Ним в равенстве.

82 Итак, коль мы с порога на порог
Восходим здесь, то для сего восхода
Свою в нас волю Царь сих царств возжег.

85 В Его-то воле мир наш и свобода;
То — океан, куда стремятся все,
Кто создан Им, все, что́ творит природа».

88 Тут понял я, что рай в своей красе
Повсюду в небе, хоть Податель света
Дары свои в той больше полосе,

91 В той меньше льет. Но, как меж блюд банкета,
Одним насытятся, мы другого ждем,
За то благодарим и просим это:

Так я в словах и на лице своем 94
Ей выразил желанье знать: какую
Там ткань она не доткала челном?

— «Та, что в рай взнеслась за жизнь святую», — 97
Она мне, — «нас превыше, — Клара-мать, —
Там повелела ризу нам простую

Носить, чтобы до гроба пребывать 100
С тем Женихом, Кто слышит все обеты,
На них же есть любви Его печать.

Ей следуя, от мира, в детски леты, 103
Бежала я и, в ризу облачась,
Клялась блюсти и крест, на мне надетый.

Но люди, к злу, а не к добру стремясь, 106
Похитили меня из тихой кельи,
И — что́ за жизнь, о Боже, началась!

desideriorum nostrorum, qui sine fine videbitur, sine fatidio amabitur, sine fatigatione laudabitur. Hoc munus, hic affectus, hic actus profecto erit omnibus sicut ipsa vita aeterna communis. Caeterum qui futuri sunt pro meritis praemiorum etiam gradus honorum atque gloriarum, quis est idoneus cogitare, quanto minus dicere? quod tamen futuri sunt, non est ambigendum. Atque ita etiam beata illa civitas magnum in se donum videbit, quod ulli superiori nullus inferior invidet, sicut non invidet archangelis angeli caeteri”.

76-78. Смысл: несогласие (раздор) с волей Божьей не может иметь места на небе, где обитает и царствует любовь (caritas), сущность которой есть успокоение в воле Божьей. «Сущность любви (caritas, божественная добродетель, отличается от любви вообще, апог, под которую могут быть подведены даже пороки человечества) состоит, по Августину, в разумном движении воли к Богу — ради воли Божьей, и к ближним — ради Бога; поэтому она не может существовать без полного согласования воли, так что никакой разлад не имеет места в небесных кругах. Поэтому-то такое согласование составляет сущность и форму блаженства, причем различные степени блаженства составляют как бы ступени такого согласования». Филалет. „Charitas facit homines deiformes“ (Фом. Акв. Sum. Theol. p. I, 2-ae, qu. LXV, art. 5); „tacit tendere in Deum, uniendo affectum hominis Deo“ (ibid., qu. XVII, art. 6); „est quaedam participatio divinae charitatis, quae Deus est“ (ibid., p. II, 2-ae, qu. XXIII, art. 2).

81. В подлиннике: Per ch’ una fansi nostre voglie stessee, чтобы все наши воли стали одной волей. „Sola divina voluntas, quae semper est recta, est regula humanae actionis... Divina voluntas est prima regula qua regulantur omnes rationales voluntates“ (ibid., qu. CIV, art. 1).

82. «С порога на порог», т. е. с одного неба на другое (Рая VI, 118; XXXII, 13).

84. Ибо самим Богом даровано нам не желать ничего более, как только того, что мы есть.

85. «Мир наш» (nostra pace). „Cum beatitudo nihil aliud sit quam adeptio summi Boni, non potest esse beatitudo sine delectatione concomitante et voluntas tunc quiescit; quod est delectari“. Фом. Акв. Sum. Theol. p. I, 2-ae, qu. IV, art. 1.

86. «Океан, куда стремятся все». „Il sommo desiderio di ciascuna cosa, é prima dalla natura dato, e lo ritornare al suo principio“. Convivio IV, 12. Начало же всего сущего Бог.

87. В подлиннике: „Ciò ch’ ella crea, e che natura face“, т. е. все, что непосредственно создано самим Богом, и все то, что сотворилось чрез причины посредствующие. «В растительном и животном царствах дальнейшего развития существующих уже родов не есть новое творение Божие, но развитие самой природы (Рая VII, 139). Бог творит, как уже было сказано, частью посредственно, взаимодействием формы и вещества, частью непосредственно, и к таким непосредственным созданиям принадлежит все, что вечно, а равно — человек (Чист. XXV, 70 и примеч.). Ноттер.

70-87. В этих терцинах решается первый вопрос Данте: «Хотите ль высшего достигнуть вы предела?» (ст. 65). Мы видим, что нарушившие обет свой помещены на луне, где праведные наслаждаются, так сказать, низшей степенью блаженства, не будучи, однако, лишены надежды и на высшее блаженство (ст. 52-54), и где они, хотя и в более прекрасном и духовном виде тем не менее позволяют различать в себе человеческий образ (ст. 48-49), который в высших сферах совершенно расплывается в свете, облекается в лучи света, и лишь в высшем небе, в небесной розе рая, становится опять зримым. Из последующих слов Пиккарды, а в особенности из IV песни Рая (ст. 28-39), читатель увидит, что Данте в поэтическом виде, и притом без внутреннего противоречия идее Рая, распределил всех праведников на девять восходящих кругов, сообразно большей или меньшей степени совершенства, приобретенного ими еще во временной жизни; блаженство всегда одно и то же, но индивидуально (рефлексивно) оно неодинаково у различных духов. Далее: сущность блаженства состоит в постоянно возрастающем углублении в море Божества, но на каждой его ступени отдельная душа исполнена блаженства и удовлетворена. Ибо единение с волей и порядком Божиими, нежелание ничего более, кроме одного Бога, составляет их блаженство. И так, если те монахини, которые впоследствии отреклись от своего обета, помещены в первом, низшем круге, то это значит, что высшая земная степень совершенства, по Данте, состоит в чисто созерцательной жизни; на низшую, напротив, нисходят те, кто, сначала избрав созерцательную жизнь, впоследствии оставляют ее. Поэтому-то мы встречаем святых жизни созерцательной в последнем, седьмом, монахинь же — в самом нижнем, первом круге, так что эти два круга составляют как бы конечные звенья кругов. Между ними, в разных местах поэмы мы найдем с подразумеванием высказанной общей идеи блаженства, еще пять дальнейших отделов. Два самые последние круга (8-й и 9-й) занимают апостолы и ангелы; наконец, десятое небо (эмпирей) представляет во всей совокупности всех без исключения святых в образе небесной розы». Флейдерер.

88. «Всяческое где», в подлиннике: *ogni dove In cielo è Paradiso*, т. е. каждое место, каждая сфера, высокая или низкая.оборот, часто встречающийся у Данте. „*Secundum diversos charitatis gradus erunt diversi gradi in gloria*“, Фома Акв. Sum. Theol. p. III, Suppl., qu. XCIII, art. 3.

91-96. Прекрасное сравнение. Словами и движениями Данте благодарит Пиккарду за решение его первого вопроса и просит ее разрешить ему другое сомнение, что и выражает другим сравнением: какую ткань, начатую Пиккардой при жизни, она не могла закончить? Т. е., каким образом она нарушила свой обет? и, говоря словами Ландино, «это второе сомнение, которое он хочет разъяснить себе, надобно разуметь так: какая была жизнь, начатая ею в религии и не доконченная ею; причем метафорически называет жизнь тканью (*tela*), в которой она не могла довести ткацкий челнок свой до конца».

96. «Там», т. е. на земле.

97-99. «Клара», основательница женского монастыря, родилась в Ассизи в 1194 году, в мире Клара Шаффи, богатая и весьма красивая женщина, с детства любившая уединение. Увлеченная примером своего согражданина Франциска, она пошла по его стопам и в 1212 году основала монастырь для девиц (клариссинок). Скончалась она в 1253 году. У балландистов-иезуитов рассказывается о многих чудесах, совершенных Св. Кларой Ассизской. Данте, по-видимому, верит этим легендам. О Кларе он упоминает, впрочем, только в этом месте поэмы.

100-102. Жених, т. е. Христос. В Евангелии Христос часто называется этим именем: Матф. IX, 15; XXV, 1, 5; Мар. II, 19; Лук. V, 31; Иоан. III, 29; Ефес. V, 25. Здесь Данте, кажется, намекает на притчу о десяти девах (Матф. XXV, 1 и далее). — «Кто слышит (собств. принимает, *acchetta*) все обеты». „*Ad votum tria ex necessitate requiruntur: primo quidem deliberatio; secundo propositum voluntatis; tertio promissio, in qua perficitur ratio voti... Votum est testificatio quaedam promissionis spontaneae, quae Deo et de his quae sunt Dei, fieri debet*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae, qu. LXXXVIII, art. 1. „*Vota quae sunt de rebus vanis et inutilibus, sunt magis deridenda quam servanda*“. Ibid. Сличу у Филалета, III, стр. 35, прим. 15.

103. «В детские леты», в подлиннике: *giovinetta*. Здесь Данте понимает, впрочем, не детский возраст, когда обет не имел силы, но вообще юный.

106. «Но люди, к злу, а не к добру стремясь», *Uomini poi, a mal più ch' a bene usi*, — намек на прозвище, данное фамилии Донати: *Malefammi*, *Malefami* и *Malefarai* (Джиов. Виллани Hist. Lib. VIII, с. 38).

107. «Из монастыря клариссинок в Монтичелли, основанного кардиналом Оттавиано дельи Убальдини (Ада X, 120) в 1260 г., находящегося у самых ворот Сан Пиер Гаттолини (*Porta Romana*), на теперешней дороге в Поджо Имперiale». К. Витте.

108. По словам Родольфо да Тассиньяно (Hist. Seraph. Relig. p. I, p. 138), Пиккарда молила Христа о помощи, чтобы избавиться от брака с Тоza, и все тело ее, к общему ужасу и жалости, покрылось проказой, от которой она и умерла через несколько дней. Данте, впрочем, не верит этой легенде; иначе не было бы нарушения обета, и Пиккарда, согласно с тем, что говорится об обетах ниже (Рая IV, 76-86), не могла быть помещена на луне.

ПЕСНЬ III

109 И та, — вся блеск, — стоящая в весельи
Здесь справа, свет такой вокруг лия,
Какой возможен в нашем новосельи, —

112 Все на себе извела, что́ я:
У сей сестры покровы тень святого
С чела была снята, как у меня.

115 Но, против воли в мир явившись снова
И силою наруша свой обет,
Все ж с сердца не сняла она покровы.

118 Великой то Констанцы чудный свет,
Кем от второй, от швабской, непогоды
Был третий вихрь, последний, вызван вслед».

Так молвил и запев, как гимн свободы, 121
Ave Maria, скрылась от очей,
Как тяжкий груз, что погрузился в воды.

Мой взор — настолько в глубь следя за ней, 124
Насколько мог, — как скоро след тот скрылся,
Вернулся к благу всей души моей

И к Беатриче снова обратился. 127
Но молнией она в мой слабый взор
Сверкнула так, что вмиг он ослепился.

Вот почему вопрос мой был не скор. 130

109. «Вся блеск» — императрица Констанца. В начале песни Данте называет обитательниц луны лицами, *fasce* (ст. 16), потом тенями, *ombre* (ст. 34), теперь блеском, *splendor*, ниже — светом, *luci*; вообще светлыми, в противоположность теням в аду и чистилище, он называет праведных; Рая V, 103; IX, 13; XXIII, 82; XXV, 106. Очевидно, он имеет здесь в виду слова Спасителя: «Тогда праведники воссияют, как солнце, в царстве Отца их». Матф. XIII, 43.

112. Т. е. все то, о чем говорится выше, ст. 103-108.

117. Т. е. в сердце она осталась по-прежнему монахиней (слич: Рая IV, ст. 98).

118. «Констанция, или Констанца, дочь сицилийского (нормандского) короля Рожера II и, по смерти бездетного своего племянника короля Вильгельма II, наследника Сицилийского королевства, она вышла в 1185 г. замуж за Генриха VI из дома Гогенштауфенов и была матерью Фридриха II. — Легенда о том, будто до брака она была монахиней, исторически не доказана; предание это, бывшее в общем ходу во времена Данте, очевидно вымышлено гвельфами, старавшимися во что бы то ни стало представить главного врага пап, Фридриха II, человеком, который при самом рождении был под гневом Божиим». К. Витте. «Похвала Данте этой императрице основана частью на его пристрастии к Вильгельму Доброму (Рая XX, 61 и след.), частью на его высоком мнении о швабском императорском доме». Филалет.

119. Упомянутые в предыдущем примечании три императора из дома Гогенштауфенов названы «непогодами из Швабии» (*vento di Soave*), может быть вследствие их быстрого появления и столь же быстрого исчезновения их блеска. Третий император, Фридрих II, назван последним венчанным императорской короной, ибо сын его Конрад не во всей империи был признан императором, а со смертью внука его, Конрадина, прекратился весь швабский род.

123. Образ Пиккарды, представившийся Данте в виде слабого отблеска света, как бы поглощается теперь веществом луны. Точно так же, по-видимому, исчезают и другие, живущие на луне души; ибо в следующей песне Данте остается один с Беатриче.

130. Вопрос этот и ответ на него находятся в следующей песне.

ПЕСНЬ IV

Беатриче отгадывает и разрешает сомнения в душе Данте. — Новый вопрос его касательно нарушения и восстановления обетов.

<p>1 Как меж двух блюд поставленный, — покуда
Они равно влекут его, — скорей
От голода умрет, чем вкусит блюда;</p>	<p>И начала: «Я вижу, как твой ум
Влекут две мысли разные, не позволя
Тебе в словах излить всю тяжесть дум.</p>	16
<p>4 Как агнец бы застыл среди полей
Меж двух волков, к обоим ужас чуя;
Как пес бы меж двух серн стоял смирей, —</p>	<p>— „Когда во мне, ты мнишь, благая воля
Жива, то как за то, что принужден
Другими я, заслуг мне меньше доля?“</p>	19
<p>7 Так я молчал; себя в том не виню я, —
Сомненьями двумя смущен, к сему
Быв вынужден, — но также не хвалю я.</p>	<p>Но сверх того в сомненье ты введен
Тем мнением, что души за могилой
Вернутся к звездам, как учил Платон.</p>	22
<p>10 Да, я молчал, хотя все то, к чему
Стремился я, в моем читалось взоре
Ясней, чем речь могла б помочь тому.</p>	<p>Вот эти-то вопросы с равной силой
Гнетут твой ум; начнем же разбирать
Мы тот, в ком желчи более постылой.</p>	25
<p>13 Как Даниил, в Навуходоносоре
Смиривший гнев, когда он стал угрюм,
Так в мысль мою проникла Донна вскоре</p>	<p>Ни ангелов ближайших к Богу рать,
Ни Моисей, Давид, ни Иоанны
(Возьми любого), ниже Дева-мать, —</p>	28

1-6. Этими сравнениями Данте желает изобразить нерешительность, овладевающую человеком, когда в его душе борются два одинаковой силы побуждения к двум совершенно противоположным действиям. В этом отношении Данте, очевидно, следовал Фоме Аквинскому, который пишет (Sum. Theol. p. I, 2-ae, qu. XIII, art. G): „Si aliqua duo sunt penitus aequalia, non magis movetur homo ad unum quam ad aliud; sicut famelicus si habet cibum aequaliter appetibilem in diversis partibus, et secundum aequalem distantiam, non magis movetur ad unum quam ad alterum“. Точно так же выразился несколько позднее схоластик Буридан (1298, † 1358), применяясь впрочем не к человеку, а к ослу. Для объяснения так называемого детерминизма он задается таким вопросом: что случилось бы с ослом, если бы он, мучимый голодом, находился на равном расстоянии между двумя клочками сена равной величины и качества и одинаково привлекательными? Естественный на это ответ: он издох бы от голода. Этот так называемый Буриданов осел (Asinus Buridani) с тех пор вошел в поговорку. «Странно», говорит Ноттер, «каким образом поэт, столь глубоко чувствительный к жизни духовной, так решительно стоящий за свободу воли (Чист. XVI, 67 и примеч., настоящей песни ст. 76 и примеч. и следующей — ст. 21 и примеч.), в отношении человека — и притом в самом начале песни, где с особенным ударением говорится о свободе воли, — каким образом он может придерживаться мнения, которое даже по отношению к душе осла унизительно».

7-9. Вследствие вышеозначенного закона природы молчание Данте не заслуживало ни похвалы, ни порицания; одинаково волнуемый двумя противоположными сомнениями, он, естественно, не мог высказать ни того, ни другого. — Похвалу и порицание заслуживает только то, что делается свободно.

13-15. Пророк Даниил (Дан. II, 11, 12) объяснил царю Навуходоносору сон, содержание которого царь забыл и которого не могли восстановить в его памяти мудрецы и гадатели. Он осудил их за это на смерть. Так же точно и Беатриче отгадывает невысказанные сомнения Данте.

19-21. «Первое сомнение Данте следующее»: „Если в человеке есть благая воля, то несправедливо умалять его заслуги за то лишь, что, вынужденный насилием другого, он сделал что-либо против своей воли“. Даниелло.

22-24. Данте видит в первом небе души несоблюдавших свой обет, и предполагает, что они вечно останутся в этом обиталище. Он вспоминает учение Платона, выраженное в его «Тимее», и ему кажется, что то, что он видит теперь, подтверждает это учение. По учению же Платона, души созданы прежде их тел и распределены по звездам, и затем, перейдя из звезд в тела, они по смерти тела опять вернутся на

31 Их всех места не более избранны
На небе, чем тех душ, что здесь вокруг,
И ни длинней, ни кратче век, им данный;

34 Но все творят прекрасным первый круг,
И разнствуют лишь тем, что в разной мере
Нисходит к ним в сей жизни Вечный Дух.

37 И здесь они не потому, что сфере
Лишь сродны сей, но в знаменью тому,
Что в небо меньше вознеслись по вере.

40 Такая речь понятнее уму
Людей: лишь то, что в чувства ваши внидет,
Вверяете вы смыслу своему.

43 Вот почему Писание, — да снидет
К понятиям вашим, ноги и персты
Дает Творцу, хоть смысл иной в том видит.

Дает и церковь смертные черты 46
Вам, Гавриил и Михаил и третий —
Ты, кем Товит спасен от слепоты.

Что ж о душах сказал Тимей, — в предмете 49
Несходно с тем, что видишь здесь везде,
Затем, что сам он верил в мысли эти.

Дух, он сказал, опять к своей звезде 52
Воротится, быв от нее отвеян
В тот миг, как принял вид свой на земле.

Но, может быть, тут смысл, не тот посеян, 55
В какой его ткань речи облекла,
И он тогда не должен быть осмеян.

Коль смысл здесь тот, что слава и хула 58
Влияний звезд вернутся к ним обратно,
То бьет как будто в цель его стрела.

звезд-ды. Слич: Платон, Тим. И вот Данте, видя эти души на луне, как бы склоняется к мнению, что души людей, покинув тела свои, возвратятся к звездам, но находится в сомнении: верить или не верить учению Платона? — Витте объясняет это так: «Если учение Платона верно, то значит души, сходя на землю для временного соединения с телами своими, приносят вместе с собою и свои недостатки; на каком же основании им назначено в таком случае низшее место в раю?» Мнение Платона Беатриче опровергает в последующих стихах. По поводу вопроса Данте, принесли ли души свое непостоянство (в отношении обетов) со звезд на землю при соединении их с телом, — она, однако, не говорит ни слова. 27. В подлиннике: *pria Tratterò quella che più ha di felle*, — т. е. вопрос о возвращении душ к звездам; «так как этот вопрос более противоречит учению христианскому и, следовательно, более опасен (более содержит в себе желчи), чем другой, о нарушении обета против своей воли, ибо первый касается сущности божественной и человеческой. Желчь вообще символ греха». Коппиш. — В стихах 19-63 разрешаются два сомнения Данте, причем сперва разрешается второе: находится ли распределение праведных по звездам в согласии с мнением, высказанным Платоном в его «Тимее», в силу которого каждая душа возвращается к звезде, где она находилась до земной жизни (ст. 22-24). Здесь, очевидно, не может быть речи о каком-либо очерченном в пространстве местопребываний душ и о большем или меньшем размере их индивидуального блаженства (25-48 и пес. III, 70-108). Ангелы (в подлиннике серафимы, *che più s'india*, которые наиболее углубляются в Бога), верующие из Ветхого и Нового Завета, даже сама Дева Мария, — все они собственно витают в наивысшем эмпирейном небе (34) и все одинаково блаженны и вечны (33). Одно только различие в роде и интенсивности их созерцания и погружения в существо Бога обозначается кажущимся их пребыванием в различных кругах неба (35-39; слич: Рая XXVIII, 106). Последние не более как образы, к которыми прибегает и Св. Писание, как к вспомогательному средству для нашего постижения (40-46). Таким образом, принятое в буквальном смысле учение Платона не верно (49-54). Но понимая его в иносказательном смысле, именно, что каждая душа находится под влиянием своей определенной звезды и что, возвращаясь к ней, она возвращает ей большие или меньшие славу и честь, которыми она была обязана ее влиянию, и теперь наслаждается блаженством на небе, — в таком случае мнение это имеет за собой нечто верное (55-60). Следовательно, Данте повторяет здесь свое глубокое убеждение в астрономическом влиянии светил даже на индивидуальную меру небесного богосозерцания; но вместе с тем он энергично восстает против возникшего из этого взгляда поклонения звездам (61-63), так как это влияние звезд подчинено установленному Богом порядку. Отсюда читатель уже сам может провести тонкую демаркационную линию между общим блаженством и его различными родами и различной славой (принимаемым, впрочем, и Св. Писанием и учением церкви (Иоан. XIV, 2; I Коринф. X, 41), так называемым *progressus in infinitum*). Не ме-

шает привести превосходное сравнение древнего комментатора Данте, Ландино, который уподобляет взаимное отношение праведных различным сосудам неравной величины, но совершенно наполненным. Как самые малые, так и самые большие, все одинаково полны, хотя большие содержат в себе больше, чем малые». Флейдерер. — «Замечательно, что это Платоновое учение о проэкзистенции души принимали некоторые неоплатонические учителя церкви, например Ориген, учивший, что все души людей созданы одновременно с мирозданием; учение это опроверг Фома Аквинский, категорически осудив его как еретическое и Манихейское (*Contra gentiles lib. II, cap. 83*), на следующем основании: если души были вполне бестелесными, это значит, что или они вышли из рук Создателя не вполне совершенными, или же следует допустить, что это состояние их более естественное, следовательно, более совершенное, а в тело они заключены в наказание, что в свою очередь противоречит той истине, что Бог, творя, все сотворил хорошо». Филалет.

28. В подлиннике: *De' Serafin colui che più s'india*, т. е. ни тот из серафимов, который всего более обожествляется.

28-33. Смысл: ни первый из серафимов, ни Моисей, ни Давид (в подлиннике: Самуил) и ни один из двух Иоаннов, кого бы ты ни избрал, т. е. Иоанн Креститель, или Иоанн Евангелист, ни даже сама Дева-Мария — никто из всех праведников не населяет другого неба, как и эти, которых ты видишь на луне.

31-33. «Т. е. все находятся в одном и том же небе, и не отделены от тех, которых ты видел на луне, и все они вечны; ни в пространстве, ни в вечности нет между ними никакой разницы, но отличаются они лишь мерою вкушаемого ими блаженства (см. примеч. к ст. 27)». Ландино.

34-36. Буквальный перевод: *Ma tutti fanno bello il primo giro*. — «Первый круг», т. е. эмпирей, где помещены все праведные и где вечная жизнь их разнствует лишь различной степенью блаженства, и при том не потому, чтобы они занимали различные места в небе, но лишь потому, что различно ощущают Дух Божий и, следовательно, блаженство, разливаемое Им везде.

37. «Здесь», т. е. на луне.

37-39. «Нигде, может быть, во всей поэме Данте не говорит так решительно, как здесь, что поэма его, и в особенности эта 3-я часть ее, имеет аллегорический смысл. Единственно ради наглядности, украшения и развития этой идеи восхождения от меньшего к большему, от меньшей к высочайшей способности ощущения блаженства — задумано им поэтическое распределение душ праведников по различным сферам. Но так как подобный вымысел не соответствует учению христианской религии, то он в этом месте поэмы прямо сам на это указывает. Но вместе с тем объясняет, что такое распределение необходимо было сделать для большей ясности изображения (40), и этим он придает картине вид действительности, другими словами — делает ее истинно поэтической. При этом он подчеркивает то, что и Библия выражает понятия образно, прибегая для достижения большой наглядности к поэтическим образам». Каннегиссер. — Впрочем, идея, что праведные, во всей их совокупности, обитают в Боге, или при Боге, различные же степени, в коих они приближаются к Божеству, могут быть иносказательно выражены различными их обителями, — идея эта заимствована из Фомы Аквинского, который слова Спасителя «в доме Отца Моего обителей много», объясняет так: что под словом дом надобно разуметь общее для всех духовное местопребывание; различные же степени, в коих они приближаются к этому месту, разуметь под словом обители (*mansiones*). Фома Аквин. *Sum. Theol. Suppl. qu. XCIII, art. 2*. Филалет. Слич: Витте, примеч. 39.

40-42. В подлиннике: *Peroc ché solo da sensato apprende Ciò che fa poscia d'intelletto degno*. При этом Ландино напоминает знаменитое Аристотелево изречение: *Nihil est in intellectu quin prius fuerit in sensu*. Чувство познает предметы чувственные; затем уже разум познает натуру нематериальную и неизменяемую, будучи сам нематериальным и неизменяемым. „*Intellectus species corporum, quae sunt materiales et mobiles, recipit immaterialiter et immobiliter secundum modum suum; nam receptum est in recipiente per modum recipientis. Dicendum est ergo quod anima per intellectum cognoscit corpora cognitione immateriali, universaliter et necessaria*“. Фома Аквин. *Sum. Theol. p. I, qu. LXXXIV, art. 1*. „*Anima nostra, quamdiu in hac vita vivimus, habet esse in materia corporali; unde naturaliter non cognoscit aliqua, nisi quae habent formam in materia, vel quae per huius modi cognosci possunt*“. *Ibid. p. I, qu. III, art. 3*. „*Operatio intellectus praeexigit operationem sensus*“. *Ibid. p. I, qu. I, art. 9*.

43-45. Говоря о Господних руках, ногах и пр. (антропоморфизм), Св. Писание употребляет эти телесные атрибуты лишь для того, чтобы приспособить их к лучшему пониманию умом человеческим. „*In Scripturis solent spiritualia per corporalia designari, ut ex his quae novimus, ad desiderandum incognita consurgamus*“. *Ibid. p. I, 2-ae, qu. IV, art. 7*. — Замечательно, что Фома Акв. делает по этому поводу совсем неожиданное по тому времени замечание: „*Sed considerandum est, quod Moyses rudi populo loquebatur, quorum imbecillitati condescendens illa solum eis proposuit, quae manifeste sensui apparent*“. Ноттер.

46. Т. е. изображая их на иконах.

47. «Третий», т. е. архангел Рафаил, излечивший Товия от слепоты. Тов. III, 25; V, 6, 18. — „Ecclesia admittit pingi angelos ut homines; qui non sunt... Quod quidem fit propter laicos, ut dicitur in Decretis, quod legentibus Scripturam, hoc idiotis praestat pictura cernentibus“. Пьетро Данте.

49. «Тимей», т. е. Платон в своем разговоре, называемом: Тимей. Данте, не знавший греческого языка, был, однако, знаком с мнениями Платона в его Тимее, не только по Аристотелю и Цицерону, но и по латинскому переводу с комментарием Кальцидия, бывшему в большом ходу во время Данте. Против высказанного тут мнения о том, что души сходят де со звезд, чтобы облечься в тело на земле, и потом возвращаются по смерти опять к звездам, — высказал свое сомнение Фома Аквинский. Sum. contra gent. lib. II, с. 47, 48; lib. III с. 73, 84. Скартаццини.

61 Но это миру было непонятно,
И весь почти он почитать богов
В Юпитерах и Марсах стал превратно.

64 Второго смысл сомненья не таков:
В нем яд слабей; здесь ложное сужденье
Увлечь тебя не может в стан врагов.

67 Что чтим мы правдой, — в этом заблужденье
Видать, — так смертным сродно, что скорей
Знак веры здесь, чем ереси прельщенье.

70 Но как доступна разуму людей
Здесь истина, то я, — как твой желает
Рассудок, — смысл открою тайны сей.

Коль гнет лишь там есть, где не помогает 73
Гнетомый угнетателю, то сим
Хор этих душ себя не оправдает.

Кто сам не сдастся, тот непобедим; 76
Он все пойдет вперед своей дорогой:
Так вверх порыв огня неудержим.

Где ж воля гнется, мало ли, иль много, 79
Там по пятам и сила. Так душой
Могли б и те вернуться в лоно Бога.

Будь воля в них столь твердою, с какой 82
Лаврентий на решетку лег иль предок
Твой Муций рад был жертвовать рукой

51. «Тимей действительно понимает это учение совершенно так, как выражено оно Платоном в разговоре, тогда как здесь Данте принимает его, как символ высшей духовной идеи. Так как все вершины философии в глазах поэта — лишь символы высшей истины, то станет очевидно, как несправедливо некоторые упрекают его в том, будто бы он в своем Раю бесполезно увлекается схоластической философией». Копиш.

53. «Отвеян», в подлиннике: *decisa*, отделен, отрезан. Бланк (*Vocabol. Dant.*) полагает, что *desisa* — латинизм, от *decidere*, упал, низшел.

54. «Вид свой» (*forma*); тело — форма души. „*Forma hominis est anima rationalis... Materia autem hominis est corpus*“, Фома Акв. *Sum Theol.* р. II, 2-ae, qu. CLXIV, art. 1. „*Anima rationalis est forma sui corporis*“. *Ibid.* р. I, qu. LXXVI, art. 1, 7, 8.

55-57. «Мы уже не раз говорили, что, по мнению Данте, звезды оказывают значительное влияние на человека и его судьбу. Если Платон, говорит поэт в этой терцине, под нисхождением душ со звезд разумел лишь это их влияние, а под возвратом их к ним — лишь только то, что души различают звезды по оказанному на них влиянию, определяя тем меру выпавшего им на долю блаженства, то в таком случае мысль Платона заключает в себе нечто истинное». Филалет.

59. «Слава и хула влияний звезд»: следовательно, Данте приписывает здесь звездам как доброе, так и злое влияние, впрочем, так, что эти влияния не могут остановить доброй воли.

60. Сравнение с луком — одна из любимых метафор Данте.

61-63. Смысл: преувеличенное представление о влиянии звезд породило обоготворение их. „*Deos enim octo esse dicit Xenocrates; quinque eos qui in stellis vagis nominantur*“. Цицерон. *De nat. Deor.* I, 13. Слич: Рая VIII, 10-11.

64-114. «В этих стихах Беатриче разрешает сомнение Данте относительно нарушения обетов. Сомнение состояло (19-21) в следующем: если обет нарушен не по собственной вине, а вследствие насилия со стороны другого, то почему чрез это уменьшается заслуга давшего обет? — Здесь и в следующей песне излагается теория религиозных обетов, направленная к тому, чтобы выяснить учение о свободе человека и доказать, что никакая внешняя причина не в состоянии удержать душу, если она со всей энергией стремится достичь своей цели. Слич: Фома Акв. *Sum. Theol.* р. I, qu. LXXXI, LXXXII; р. I, 2-ae qu. VI-XXI; р. II, 2-ae, qu. LXXXVIII). Скартаццини.

65. «В нем яд слабей» (*Ha men velen*). «По-видимому, здесь имеется в виду учение Фомы Акв., который различает: *dubitatio infidelitatis et incredulitatis* и *dubitatio admirationis et discussionis*. Уверенность в справедливости учения Платона более опасна, чем всякое другое сомнение. Последнее не может увлечь от Беатриче, как символа богословия, науки о вере, или, еще вернее, как символа авторитета церковного; учение же Платона, которого придерживается, между прочим, Ориген, было осуждено, как еретическое, авторитетом церкви. Придерживаться учения, осужденного церковью, значило уклоняться от церкви. Итак, второе сомнение, по Данте, *dubitatio admirationis et discussionis*; первое же — *dubitatio infidelitatis et incredulitatis*. Скартаццини.

85 Своей, — она б могла их напоследок,
Как гнет исчез, вернуть на прежний путь;
Но воли дух столь твердый слишком редок.

88 Так силой слов, коль ты постиг их суть
Как следует, разбито то сомненье,
Что уж не раз тебе томило грудь.

91 Но вот встает другое затрудненье
В глазах твоих, и здесь ты сам собой
Не вышел бы, не пав в изнеможенье.

94 Я истину внушала в разум твой,
Сказав, что лож чужда для духов света,
Зане они ввек с Истиной святой.

Но, по словам Пиккарды, во все лета
Констанце дорог был покров главы;
Откуда ж в нас противоречие это?

Как часто, брат, случается, что вы,
В часы, как выгод вам грозит потеря,
Бываете в поступках неправы!

Так Алкмеон, мольбам отца поверя,
Решился мать родную умертвить,
Из жалости безжалостней став зверя.

На это я хочу твой ум вперить:
Здесь воля с силой так слилась греховно,
Что тут греха нельзя уж извинить.

66. «В стан врагов», т. е. к врагам церкви, еретикам. В подлиннике: *de me altrove*.

67-69. Эта терцина относится к числу наитруднейших во всей Божественной Комедии. Каждый комментатор предлагает здесь свое толкование, и каждый более или менее неудачно. Скартаццини, в своем подробном комментарии к Раю, критически рассмотрел все доселе предложенные объяснения этого места и разделил их на три категории (с. 93 и след.). Считая излишним входить в эти схоластические тонкости, спросим: к какой терцине относятся эти стихи, к предыдущей, или последующей? По контексту речи видно, что спорная терцина относится не к предыдущей, а к последующей, и тогда смысл будет следующий: «Так как это второе сомнение не может удалить тебя от меня, то оно менее опасно. Если правосудие Божие кажется тебе несправедливым, то это есть знак (доказательство, *argomento*) веры в тебе, а так как чистый разум может понять эту истину, то я удовлетворю твоё желание. По Филалету, смысл следующий: «Твое сомнение относительно насильственно вырванных из монастырей монахинь не может быть опасно для твоего спасения, ибо такое противоречие между тем, что совершилось, и божественным правосудием, есть не что иное, как противоречие кажущееся. Оно может быть так или иначе разрешено; а если бы было неразрешимо, то это есть скорее побуждение к необходимому подчинению себя воле Божьей, чем еретическому сопротивлению истине. Но последнего случая здесь быть не может. Ответ на этот вопрос лежит в пределах человеческого понимания и он будет разрешен тебе. Совсем иное дело сомнение о мнимом возврате душ к звездам: здесь дело идет об еретическом учении, опирающемся на философские начала, а это прямой путь к ереси. Должно заметить, что ниже, в песне XIX, 70-90, где Данте также высказывает сомнение относительно правосудия Божия, Беатриче оставляет вопрос нерешенным, как выходящий из пределов человеческого разума».

73-75. Смысл: если предполагать истинное насилие, как такое действие, где насилуемый ничем не содействует насилувателю своей волей, то души, о которых здесь речь, не могут иметь оправдания в истинном насилии: они содействовали ему тем, что не вернулись опять в монастырь. — «Аристотель в своей Этике (lib. III, cap. 1) старается резко разграничить понятия добровольного и недобровольного и признает за собственно и абсолютно (*ἀπλῶς*) недобровольное только то, что совершается силою, причина которой чисто внешняя, причем действующий ничем не содействует (*ἐν ᾧ μηδὲν συμβάλλεται ὁ πράττων*). То же, что совершается из опасения большого вреда или ради каких-либо выгод, то, строго говоря, надобно всегда признавать за добровольное, ибо здесь всегда воля приводит в движение телесные органы.

76-78. В подлиннике: *Che volontà, se non vuol, non s'ammorza, Ma fa come natura face in fuoco, Se mille volte violenza il torza*. Ибо воля, если сама не захочет, не угасает, но поступает так, как природа поступает с огнем, хотя бы тысяча раз отклоняла его насилие; т. е. огонь, несмотря на всякое насилие, всегда обнаруживает свое естественное стремление вверх; так же точно и воля не может подчиниться насилию. Подобное же сравнение Чист. XVIII, 28 и след.; Рай I, 141. — «Весьма глубокомысленно замечает здесь Данте, что воля, пока она остается волей, не может, по-настоящему, подчиниться насилию и что это свойство воли, при надлежащей твердости ее, выражается именно тем, что по прекращению внеш-

него гнет, она тотчас же опять устремляется на прежний путь, если только нет никакого наружного препятствия. Но эти души не так поступили, ибо, будучи вырваны из стен монастырских, из страха остались в миру и в брачной жизни». Филалет.

81. «Те», т. е. Пиккарда и Констанца. — «В лоно Бога», *al santo loco*, т. е. в монастырь.

82-84. Оба указанные здесь лица выказали непоколебимую волю. Лаврентий, или Лоренцо, диакон Римской церкви, по преданию, претерпел страшные мучения, по одним — при императоре Деции, по другим — при Валериане (258 г.), за то, что на требование префекта выдать богатства церкви, он вывел нищих, сказав, что в них богатство церкви. За это он был палачами, после сильных побоев, растянут на железной решетке и изжарен на ней медленным огнем, причем перенес муки с необыкновенным мужеством, смеясь над мучителем. Данте выводит его как бойца за Царство Божие. — Другой, Кай Муций Корд, выставлен поэтом как боец за светский Рим. Намереваясь убить царя этрусков Порсену, он по ошибке убил его секретаря. Схватенный, он добровольно сжег свою правую руку на углях в присутствии царя, выказав таким образом презрение к смерти. При этом он объявил, что триста юношей, подобных ему, поклялись умертвить царя и, если ему не удалось исполнить свое намерение, то это непременно сделают его товарищи. Испуганный царь поспешил заключить мир и удалиться от Рима. С тех пор Муций получил прозвание *Scaevola* (левша).

91-93. «Затруднение», т. е. сомнение. Из сомнения возникает сомнение. Если эти души отчасти покорились тому, кто увлек их из монастыря, то каким образом могла утверждать Пиккарда, что Констанца в душе никогда не переставала любить покрывало монашеское? На это следует ответ: конечно, эти насильственные действия воли могут быть признаны и за произвольные, так как они представляют инстинктивное бегство от опасности, причем воля сама по себе здесь не участвовала и направлена была лишь к добру (100-105, 109, 112, 113). Но, с другой стороны, эти действия вместе с тем и произвольные, так как воля, столкнувшись с внешним насилием, предпочитает меньшую опасность большей (106-108, 110, 111, 114). Флейдерер.

96. «Истиной святой», в подлиннике: *al primo Vero*, т. е. с Богом. Смысл: души праведных не могут лгать, ибо видят в полном свете истину, любят ее и в ней находят блаженство. Слич: Рая III, 32-33.

99. Пиккарда как бы оправдывает, а Беатриче обвиняет Констанцу.

102. В подлиннике: *contro a grato Si fe' di quel che far non si convenne*, невольно делаете то, чего не следовало бы делать.

103-104. «Алкмеон, сын Амфиарая (Ада XX, 34 и примеч.) и Эрифилы (Чист. XII, 50-51 и примеч.). Он умертвил мать свою по требованию отца. Аристотель, рассматривая не дошедшую до нас трагедию Еврипида «Алкмеон», в которой поэт представляет поступок сына вынужденным, — находит смешным говорить здесь о насилии, так как есть вещи, где никакое насилие, даже с опасностью жизни, не может заставить нас действовать». Филалет.

105. В подлиннике: *Per non perder pietà si fe' spietato*. Образ этот заимствован у Овидия, который сказал об Алкмеоне в Метам. IX, 107, 108:

И матери сын отомщая

За отца по тому ж станет делу и свят, и переступен.

Перев. А. Фета.

Пример этот некоторые находят не совсем удачным, так как Алкмеону здесь не угрожала никакая опасность, но он вызван был на матереубийство из коллизии, сознавая свой долг перед отцом и пред матерью. Алкмеон выставлен здесь как образец преступного послушания воле отца. *Pietà* я перевел словом жалость, что не совсем точно, так как на русском нет подходящего слова для выражения понятия, заключающегося в итальянском слове „*pietà*“ или соответствующем ему французском „*piété*“. Цицерон, *De Juv. rhet.* II. „*Pietas est per quam sanguine junctis, patrieque benevolis officium et diligens tribuitur cultus*“. — Фома Акв. *Sum. Theol.* p. II, qu. CXXXII, art. 5: „*Religio exhibet. cultum Deo; pietas autem parentibus et patriae, quia eis homo maxime debitor est post Deum*“. Скартаццини.

109-111. Т. е. воля, когда к ней примешивается насилие, не поддается на злое безусловно (*assolutamente*), но поддается настолько, насколько страшится вреда, по ее мнению большего. Фома Аквин. 1 с.: „*Id quod per metum agitur fit voluntarium, ideo quia motus voluntatis fertur in id, licet non propter se ipsum, sed propter aliud, scilicet ad repellendum malum quod timetur. Sufficit enim esse non solum quod propter se ipsum volumus ut finem, sed etiam quod propter aliud volumus ut propter finem*“.

112-114. «Итак, здесь идет речь о двух различных видах воли: о воле, заслуживающей порицания, побудившей Констанцу уступить силе, и о воле, заслуживающей похвалы, воле, которую она сохранила

- 109 Не склонен к злу дух воли безусловной,
Склоняется тогда он лишь, коль мнит
Поправить вред уступкой полюбовной.
- 112 Итак, Пиккарда выше говорит
О безусловной, я ж — об этой воле,
И это нас обоих примирит».
- 115 Святой поток, исшедший при престоле
Всей Истины, лил волны так, что вновь
Внес мир в мой дух, взволнованный дотоле.
- 118 — «О дивная! О чистая любовь
Любви первичной», рек я, «слов потока
Твоих струей ты дух живишь мне вновь;

- Но чувствую не так еще глубоко, 121
Чтоб мог за дар твой принести свой дар,
Да наградит же Он тебя широко.
- Наш ум, я вижу, утолит свой жар, 124
Лишь просветясь той истиной от Бога,
Вне коей все — так призрачно, как пар.
- Ее ж достигнув, в ней, как зверь средь лога, 127
Почиет; может он стать близок к ней, —
А если нет — к чему вся дум тревога?
- Сомнения, как отпрыск близ корней, 130
Вкруг истины растут, а вверх направлен, —
С собой нас мчит природы клич быстрей.

внутри сердца, как говорит Пиккарда (III, 116-117). О воле, заслуживающей порицания, говорит Беатриче (IV, 79-87), о достойной похвалы воле говорит Пиккарда; следовательно слова и той и другой не противоречат между собой». Копиш.

115-117. Метафора, часто употребляемая в Св. Писании. Беатриче представляется поэту святым потоком (santo rio), льющимся из источника всей Истины, т. е. от Бога. Слич: Боэция. Cons. phil. 1, III, metr. 12: „Felix qui potuit boni Fontem visere lucidum“.

118-119. В подлиннике: „O amanza del primo amante, o Diva“. — «Эти эпитеты тем более приличны Беатриче, что она — аллегорическое изображение божественного учения». Филалет. — «Данте называет ее истекающей от Бога, как ручей из его источника, — божественной женой, любимой Богом, — той, чрез которую Господь разливает ручьи истины, восполняющие все желания смертных. Стихи 118-119 напоминают возлюбленного Песни Песней, который, по толкованию св. отцов, есть символ церкви». Скартаццини.

119-120. В подлиннике: il cui parlar m' inonda E scalda sì, che più e più m' avviva. — «Речь Беатриче согревает его, как солнце, и освежает, как вода, оживляющая растения». Ломбарди.

124-132. «В человеке врождено стремление к познанию истины. Но это стремление может найти полное удовлетворение лишь в одном познании божественной сущности; ибо дух наш хочет познать причину, как скоро он узнает действие; а потому это стремление может быть достигнуто лишь познанием основной или первичной причины всех вещей». (Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XII, art. I). «Цель же эта достижима для человека, так как сам Бог вложил в него томление по ней; но достигнуть ее он не может своими собственными силами (per sua naturalia), но единственно чрез божественное просветление и притом не прежде, как в той жизни (Ibid. p. II, 1-ae, qu. V, art. 3, 5). Из этого-то врожденного в нас естественного стремления возникает в нас, пока мы находимся на земле, желание исследовать, а это желание вызывает из каждой найденной истины новый предмет исследования, новые сомнения, до тех пор, пока мы не дойдем этим путем до высшего предмета всякого познания — до познания Бога». Филалет. — Этим указан человеческому духу единственный источник его силы, единственная основа его спасения, венец его назначения, высказан при этом приговор неведению стоиков и всех их последователей и отведено сомнению, действительно возникающему из желания и стремления отыскать истину, — его место у корней истины, по стволу которой оно нас возносит со ступени на ступень до самой ее вершины». Гешель. — «Жажда исследования возникает из врожденного нам стремления к истине и богопознанию, а потому, если наши сомнения и исследования вырастают, как отпрыски (rampollo) у подошвы истины, т. е. если они серьезные сомнения мыслителя, то они должны и могут развиваться в постепенно усиливающееся познание высочайшего: достопримечательные и глубоко обдуманные слова!» Флейдерер.

126. В подлиннике: Di fuor dal qual nessun vero si spazia. — „Deus est veritas, et equidem summa, maxima et prima veritas, et ab eo est omnis veritas“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, 2-ae, qu. III, art. 7.

127. Смысл: как зверь, достигнув своего лога, успокаивается в нем, так разум успокаивается в Боге. „La divina scienza, che piene è di tutta pace, perfettamente ne fa il Vero vedere, nel quale si cheta l'anima nostra“.

ПЕСНЬ IV

133 Сим вызванный, от робости избавлен,
Прошу смиренно, Донна, дать ответ
На мой вопрос, которым ум подавлен:

136 Я знать хочу, возможно ль или нет
Другим, не легким на весах, деяньем
Вознаградить нарушенный обет?»

Тут на меня с таким любви сверканьем 139
Божественный она вперила взгляд,
Что, взор склоня, весь ослеплен сияньем,

Почти без чувств я лик отвел назад. 142

Convivio II, 15. — Сличи: Рая XXVIII, 108. — Лог, в подлиннике: lustra. „Lustra ferarum“. Вергилий. Georg. 471.

129. В подлиннике: Se non, ciascun disio sarebbe frustra: А если нет, то тщетно всякое желание. — „Si intellectus rationalis creaturae pertingere non possit ad primam causam rerum, remanebit inane desiderium naturae“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XII, art. 1.

131-132. В подлиннике: ed è natura, Ch' al sommo pinge noi di collo in collo. — „Naturaliter accedit, quod cognito uno vero per intellectum oriatur dubium aliquot penes illum verum, et sic verum intelligendo et dubia habendo discitur scientia gradantium de gradu ad gradum“. Postiliatore Cassinese.

133. «Сим», т. е. этим естественным желанием узнать истину.

137. «На весах» (vostra statera), т. е. на весах небесного правосудия.

ПЕСНЬ V

Святость обета и возможность его изменения. — Подъем на небо Меркурия. — Юстиниан.

1	«О! Если здесь я пламенной пылаю,
Чем на земле, и страстью так горю,
Что силу глаз твоих я побеждаю,	Так эту песнь Мадонна начала,
И речь ее, как речь, что нераздельной
Течет струей, так дале потекла:	16
4	То не дивись и ведай: глубже зрю
Я Благо то, к Нему же
быстротечно,
Чем выше мчусь, свободней тем парю.	— «Главнейший дар, что дал вам
в беспредельной
Щедроте Бог, угоднейший Ему,
Как дар с Его любовью сопредельный, —	19
7	И вижу я, как блещет бесконечно
В уме Твоем, как отблеск, вечный свет,
Его ж, узрев, уж не разлюбишь вечно.	Есть дар свободной воли; потому
И был он дан разумным всем твореньям,
И только им, и боле никому.	22
10	И чем бы вы ни увлекались вслед
В любви своей, — на всем того сиянья
Лежит для вас непостижимый след.	Отсель пойми, как высоко значенъем
Стоит обет (коль он таков, что Бог
Приемлет то, что ты даешь с смиренъем).	25
13	Ты хочешь знать: чрез новые деянья
Возможно ли, чтоб снова ожила
Заслуга несдержавших обещанья?»»	Чтоб в договор с Творцом войти ты мог,
Ты клад, которого сам знаешь цену,
Несешь Ему как жертву, как залог.	28

1-6. «Более совершенное созерцание рождает более любви, а любовь, соединенная с созерцанием, порождает блаженство, изливающее из себя тем более яркий блеск, чем более совершенствуется созерцание. С каждым новым шагом вперед в созерцании является новый повод к дальнейшему прогрессу. Беатриче все более приближается к Божеству, а потому блеск ее становится все светлее и светлее, равно как и в Данте обнаруживается уже отражение Бога». Ноттер. — Сличи канцону Данте: *Amor che nella mente mi ragiona*, str. 4:

Cose appariscon nello suo aspetto,
Che mostran de' piacer del paradiso;
Dico negli occhi e nel suo dolce riso,
Elle soverchian lo nostro intelletto,
Come raggio di sole un fragil viso.

5. «Благо то», т. е. Бога.

9. Сличы: Convivio III, 14: „Siccome il divino amore è tutto eterno, così conviene che sia eterno lo suo oggetto di necessità, sicchè eterne cose siano quelle ch' egli ama“.

10-12. Сличы: Чистил. XVI, 85-93 примеч. и XVIII, 73 примеч. Смысл: душа человека естественно стремится к благу и истине; если же человек следует за злом и заблуждается, то это происходит оттого, что он позволяет увлечь себя кажущимся благом и истиной. — „Sicut intellectus cognoscit principia naturaliter, sic voluntas vult finem naturaliter. Unde voluntas naturaliter tendit in suum finem ultimum; omnis enim homo naturaliter vult beatitudinem. Et ex hac naturali voluntate causantur omnes aliae voluntates, cum quidquid homo vult velit propter finem. Dilectio igitur boni quod homo naturaliter vult sicut finem, est dilectio naturalis; dilectio autem ab hac derivata, quae est boni quod diligitur propter finem, est dilectio electiva“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LX, art. 2. — Аристотель (De anima, 3) учил, что душа никогда не заблуждается в стремлении к благу (добру), но заблуждается в степенях блага.

13-84. Излагается Теория обетов и возможность и невозможность замены их другими жертвами на оснований учения Фомы Акв. и Гуго С. Виктора. См. Филалет III, с. 48 и след.

17. В подлиннике: *E, sì com' uom che suo parlar non spezza*: и как тот, кто речь свою не прерывает.

ПЕСНЬ V

<p>31 Чтó ж можешь дать ты жертве той взамену?
Тем возмещать, что отдано, — не то ль,
Чтó краденым творить благую мену?</p>	<p>Последнее с вас может быть снято
Лишь исполненьем, и его касалось
Все то, чтó мною выше развито.</p>	46
<p>34 Речей моих теперь вкусил ты соль;
Но чтоб понять все, чтó вещает (точно
Вразрез со мной) вам церковь здесь, — изволь</p>	<p>Затем-то в долг евреям и вменялось
Свершить обет; но (как гласит Завет)
Менять предмет обета допускалось.</p>	49
<p>37 Не покидать стола, покуда прочно
Усвоится тяжелая та снедь,
Чтó принята тобою в час урочный.</p>	<p>Другое ж — тó, в чем состоит обет —
Не таково, чтоб в грех чрез то вошел ты,
Коль изменишь в обете свой предмет.</p>	52
<p>40 Прими ж в свой ум, чтоб в нем запечатлеть
То, чтó скажу: зане не в том ученье,
Чтоб лишь внимать, но в том, чтоб разуметь.</p>	<p>Но не меняй, хотя бы сам нашел ты
Себе удобней, ношу плеч, пока
Не отопрет и белый ключ и желтый.</p>	55
<p>43 Слагается то жертвоприношение
Из двух условий: первое есть то,
В чем дан обет, второе — соглашенье.</p>	<p>И верь, не будет мена та легка,
Коль не включится, как в шести четыре,
В обете новом тот, чтó дан сперва.</p>	58

19-21. *Primum principium nostrae liberatatis est libertas arbitrii... Haec libertas, sive principium hoc totius libertatis nostrae, est maximum donum humanae naturae a Deo collatum; quia per ipsum hic felicitamur ut homines, per ipsum alibi felicitamur, ut Dii.* De Monar. I, 12.

20-21. В подлиннике: *ed alla sua bontate Più conformato*: и все более согласный с Его благостью. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXXIII, Sum. contra Gent. II, 2.

23. «Разумным всем твареньям» (*le creature intelligenti*), т. е. ангелам и человеку. — „*Neque enim fuerit ulla rationalis creatura, quin eidem libertas arbitrium*“. Боэций. Cons. phil. I, p. 2. — „*Αὐτεξούσιον τὸ τε τῶν ἀγγέλων γένος καὶ τῶν ἀνθρώπων τὴν ἀρχὴν ἐποίησεν ὁ θεός*“. Just. Mart. Apol. II, 7.

25-27. Т. е. обет есть пожертвование великим даром свободы. «Свобода воли есть наибольший и наилучший из даров, данных Богом человеку, и в обете приносится свобода воли в жертву Богу, так как обещание связывает волю, и следовательно в обете приносится непосредственно Богу величайший и наилучший дар, какой только можно принести Богу». Бути. — К этому поэт добавляет, что обет только тогда высок значеньем, когда он приятен Богу. — Фома Акв. излагает такое учение об обете: Обет есть торжественное обещанье Богу. „*Ad votum tria ex necessitate requiruntur: primo quidem deliberatio; secundo propositum voluntatis; tertio promissio, in qua perficitur ratio voti. Superadduntur vero quandoque et alia duo ad quamdam voti confirmationem, scilicet pronuntiatio oris, et iteris testimonium aliorum*“. — Скап-таццини.

29-30. «Т. е. в обете Богу приносится наилучшее, самое драгоценнейшее, чтó имеет человек, и притом приносится добровольно. Следовательно, пожертвование свободной волей, делаемое в каждом обете, само уже есть действие свободной воли». Ноттер.

31-33. Смысл: Данным обетом ты приносишь свою волю в жертву Богу, следовательно, — она теперь уже тебе не принадлежит; поэтому все добрые дела, какими бы ты думал заменить неисполненный тобой обет, походили бы на милостыню, подаваемую бедным из похищенного у них добра, или, другими словами, это значило бы непозволительно грабить, чтобы подавать милостыню или воздвигать алтари и приюты с такою надписью, как говорит остроумный Вентури:

Fondò questo spedal persona pia,
Ma i poveri da starci fece pria.

А. Биаджоли приводит стихи из одной французской сатиры:

C'est un homme d'honneur, de piété profonde
Et qui vent rendre à Dieu ce qu' il a pris au monde.

34. В подлиннике: *Tu se' omai dei maggior punto certo*, т. е. ты утвердился теперь в главном пункте, т. е. что обет сам по себе не допускает возмещения.

35-36. В подлиннике: *Ma, perchè santa Chiesa in ciò dispensa, Che par contra lo ver ch'io t'ho scoperto*: но почему святая Церковь делает в этом разрешение, что, по-видимому, не согласно с истиной, которую я тебе открыла, т. е. почему Церковь освобождает от обетов? Это-то обстоятельство как будто противоречит словам Беатриче.

37. Т. е. выслушай мое дальнейшее объяснение. „*Oh beati que' pochi che seggono a quella mensa ove il pane degli angeli si mangia*“. *Convivio* I, 1.

38-39. Смысл: вышеприведенное важное сомнение похоже на трудноваримую пищу. Оно может быть переработано лишь с помощью дальнейшего объяснения со стороны науки (богословия). В подлиннике: *il cibo rigido ch' hai preso Richiede ancora aiuto a tua dispensa*.

43-45. В обете надобно различать две вещи: во-первых, самый обет или обещание (соглашение) и, во-вторых, предмет или существо (материю) обета. «Жертвоприношение» (*sacrificio*), т. е. прине-сение Богу в жертву своей воли или свободы. «Соглашение» (*la convenenza*), т. е. договор с Богом отречься от своей собственной воли. „*La promessa nella quale s'obbliga la volonta libera, la quale non può non volere poi che s'ha obbligato con la promissione; e questa è la forma del voto; imperò che dà essere al voto*“. Бути.

46-48. Т. е. договор должен быть выполнен; предмет договора может быть изменен замещением одной жертвы другою, но всегда большею, чем сколько было обещано, и притом лишь с дозволения.

49-51. О замене одной жертвы другою, по закону Моисееву, смотри: Кн. Левит XXVII, 9, 10; 28, 29. — «Как гласит Завет», т. е. Ветхий; в подлиннике: *come saper dèi*, как ты должен знать — намек на необходимость изучения Св. Писания.

52. Т. е. материя или предмет обета (в подлиннике: *materia*); это — не сама воля давшего обет, но то, что обещается волей. «По учению Фомы Акв., тут может быть разрешение, если обещанная вещь становится сама по себе нехорошей, или бесполезной, или исполнению ее препятствует какое-нибудь другое гораздо большее благо». Скартаццини.

55-57. Замена предмета обета может быть допустима в некоторых случаях, но она не может быть произвольной: здесь безусловно необходимо разрешение со стороны церковной власти; при этом узы, налагаемые на человека обетом, превосходно сравнены с ношей, которую возлагает на себя человек. «Белый ключ и желтый», т. е. серебряный и золотой, — слич: Чистил. IX, 118.

58-60. Смысл: если новая жертва не будет больше первой; если она, так сказать, не заключает в себе и первую; если первая не относится к новой, как, например, 4:6.

61-63. Смысл: если предмет, или материя обета так тяжеловесен и важен, что не может быть перетянут (на весах) никаким другим предметом, то здесь не может быть допущена никакая замена. Таково именно нарушение обета монашеской жизни и вечной девственности, — обета, которого не исполнили помещенные на луне души.

64-65. Поэт, по-видимому, хочет сказать: будьте верны во всем, но не думайте доказывать вашу верность произнесением, при всяком случае, неразумных обетов, пагубные последствия которых он приводит в следующих двух терцинах. Здесь Данте как будто не соглашается с учением Фомы Акв., который (*Sum. Theol.* р. II, 2-ae, qu. LXXXVIII, art. 6) сказал: „*Facere idem opus cum voto est melius et magis meritorium quam facere sine voto*“. — Скартаццини.

66. «Иевфай», один из судей израилевых, отправляясь на войну с аммонитянами, дал обет Господу, что «по возвращении его с миром от аммонитян, что выйдет из ворот дома его на встречу ему, будет Господу, и вознесет он сие на всесожжение». Вышла навстречу ему единственная дочь его и он, исполняя обет свой, принес ее в жертву Господу. Кн. Судей XI, 31 и след. Толкователи Библии спорят о том, убил ли Иевфай свою дочь или же обрек ее на вечное девство; но во времена Данте было общее мнение, что он убил свою дочь.

67-68. Уже Фома Акв. приводит этот обет как пример тех обетов, предмет которых сам по себе похвален, но может иметь пагубные последствия, почему блаж. Иероним сказал об этом Иевфае: „*In vovendo fuit stultus, quia discretionem non habuit, et in reddendo impius*“.

69-70. «Греков вождь», т. е. Агамемнон. Задержанный в Авлиде противными ветрами во время его похода под Трою, он принес в жертву дочь свою Ифигению; но Диана невидимым образом перенесла ее в Тавриду, сделав ее там главной жрицей своего храма. Слич: Ада XX, 113 примеч. Этого последнего обстоятельства, по-видимому, не знал Данте, хотя о нем говорит Овидий в своих Метаморфозах. Уже Цицерон приводит этот обет в пример того, что безумные обеты не должны быть исполняемы. Боз-ций, которого так тщательно изучал Данте, также говорит об этом (*Cons. phil.* IV, m. 7):

61 Итак, когда твои легки так гири,
Что даже чаш в весах им не склонить, —
Ничем обета не заменишь в мире.

64 Оставьте ж, люди, клятвами шутить;
Храните верность и не будьте слепы,
Как Иеффай, дерзнувший дочь убить.

67 Он, объявля: я дал обет нелепый,
Правее б был, чем долг сверша такой,
Как был неправ и греков вождь свирепый,

70 Лик Ифигении смутив тоской
И в слезы всех повергнув, — глупых, умных, —
Кто б ни узнал о страшной жертве той.

73 Так бойтесь, христиане, клятв безумных;
Хотите ль вы водой греха смыть цвет?
Иль быть, как пух, игрушкой ветров шумных?

76 Был Ветхий вам и Новый дан Завет;
Вас пастырь церкви всех пасет в покое:
Сего довольно, чтоб спастись от бед.

Коль злых страстей кричит вам глас иное — 79
Имейте смысл людей, а не овцы,
Чтоб жид средь вас не осмелял вас вдвое.

Не подражайте агнцам, что сосцы 82
Их матери забыли и, резвяся,
Вдали от ней играют, как глупцы».

Так речь ко мне, как здесь пишу, лилася 85
Из уст ее, и, вся в восторге, в миг
Мадонна в мир, где жизнь полней, взвилася.

Молчанье уст и светлый Донны лик 88
Вселили мир в алкающий мой разум,
Где новый ряд вопросов уж возник.

И как стрела доходит к цели разом, 91
Пока еще трепещет тетива, —
Так мы слились с вторым небес алмазом.

И просиял так лик ее, едва 94
Мы вознеслись, что блеск планеты зыбкой
Стал лучезарней, чем он был сперва.

Ille dam Crajae dare vela classi
Optat, et ventos redimit cruore,
Exiit patrem miserumque tristis
Foederat natae ingulum sacerdos.

71. «Глупых, умных» — «по-видимому, описательное выражение для обозначения всех; так, на миланском наречии до сих пор говорят: *Ghe voruu i savi e i matt a fa' ghela capì*». Скартаццини.

73. Воззвание к христианам в противоположность евреям, о которых говорится ниже, в ст. 81.

73-81. «Указав на опасность бессмысленных обетов (ст. 64), Данте вместе с тем указывает на пагубность легкомысленного разрешения или снятия раз данного обета. В ст. 74 он, по-видимому, намекает на некоторых бессовестных священников, готовых разрешать такие поступки. По словам Филалета, это место относится в особенности к некоторым монахам, называвшимся *frates de campanella*, — из ордена братьев св. Антония, носивших на одежде колокольчик, — готовым за деньги разрешать неисполнение данных обетов. «В то же время он прямо указывает христианам (ст. 76-77) на Св. Писание, как на верное руководство, и на Христа, как на истинного пастыря церкви, — место чисто реформатского духа, хотя чтение Библии во времена Данте и не было так строго запрещено, как после Тридентского собора». Флейдерер. 74. В подлиннике: *E non crediate ch'ogni acqua vi lavi* — не мните, что каждая вода вас омоет, — «не думайте, что всякое ваше приношение приятно Богу и послужит искуплением: здесь, может быть, заключается намек на так называемые очистительные обеты (*voti espiatorii*), бывшие в большом распространении во времена Данте». Скартаццини.

75. «Не вей при всяком ветре и не ходи всякою стезею». Премудр. Ис. сына Сирах. V, 11.

80. «Как бессловесные животные». II посл. Петра II, 12. — „*Questi sono da chiamare pecore e non uomini*“. Convivio II, 11.

81. «Чтобы не торжествовали дочери необрезанных». II Царств I, 20. — «Смысл: Иудеи, на которых их священники имеют мало влияния, так как им для руководства служат их законы, имеют основание вас, христиан, между которыми они живут, подвергать осмеянию, ибо вы более верите вашим священникам, чем слову Божьему». Штрекфусс.

<p>97 Коль и звезда менялась так улыбкой,
То что же я, которого чело
Изменчиво уж по природе гибкой?</p> <p>100 И как в садке прозрачном, как стекло,
К попавшим крошкам, их считая пищей,
Подходит рыб несметное число,</p> <p>103 Так тысячи сияний в том жилище
К нам подошли; был в каждом слышен глас;
— «Вот тот, кто жар любви зажег в нас чище!»</p> <p>106 И в каждом блеске, достигавшем нас,
Я душу зрел и в ней восторг являю
Блестанье молний, ослеплявших глаз.</p> <p>109 Представь, читатель, если б слов начало
Я здесь прервал, какое бы твоим
Здесь любознанием горе обуюло!</p> | <p>Отсель пойми, желанием каким 112
Я весь пылал услышать тех глаголы,
Что здесь очам представились моим.</p> <p>— «О благодатный, ты, кому престолы 115
Триумфа вечного дал видеть Тот,
Кто не решил еще твой бой тяжелый!</p> <p>Свет, им же блещет весь небесный свод, 118
Горит и в нас, и потому откроем,
Коль хочешь знать, кто мы и весь наш род».</p> <p>Так мне вещал один пред Божьим строем, 121
И Беатриче: «Говори смелей,
О, говори, и верь им, как героям».</p> <p>— «Я вижу, в светозарности своей 124
Витаешь ты, и свет тот вылетает
С улыбкой каждой из твоих очей;</p> |
|---|---|

82. «Не подражайте агнцам». — «Как упрямая телица, упорен стал Израиль». Осии IV, 16.

87. В подлиннике: *A quella parte ove il mondo è più vivo* — Туда, где мир исполнен большей жизнью. По мнению одних, к восточной стороне неба, которую последователи Аристотеля называли более благой; по другим — к экваториальной стороне неба, на том основании, что Данте в своем *Convivio* говорит: «чем ближе каждое небо к своему экватору, тем оно подвижнее»; по третьим — Беатриче обращается к зениту. По Филалету, второе мнение правдоподобнее. Слич: Скартаццини, с. 121.

88. Слич: Рая I, 66.

90. Какие это были новые вопросы или сомнения — поэт умалчивает, и тщетны все попытки отгадать их.

91-92. Быстрота подъема выражена тем же сравнением, как и Рая II, 23 и след., но в ином образе: стрела уже достигла цели, но тетива еще дрожит. „*Ut nervo pulsante sagittae, Prima leves ineunt si quando proelia Parthi*“. Вергилий. *Georg. IV*, 113.

93. «С вторым небес алмазом»; в подлиннике: *nel secondo regno* (второе царство), т. е. с планетой Меркурием. «Так как Меркурий оказывает большое влияние на жизнь активную, то по этой причине поэт помещает на нем знаменитых государей, обнаруживших в делах управления превосходные добродетели». Ландино.

94. «Лик ее», т. е. Беатриче; блеск Меркурия становится ярче от просиявшего лица Беатриче, сияние которого все увеличивается при переходе из одного круга в другой, по мере приближения ее к престолу божества.

97-99. Смысл: «Если и звезда, тело небесное, нетленное и неизменяющееся по своей натуре, ликовала и стала более яркою, то что же должно было сделаться со мною, который уже по натуре своей изменчив и способен воспринимать всякое впечатление: другими словами, я облекся в новый блеск и величие». Ландино, *Ottimo*, *Anon. Fior.*

100-102. «Мы уже привыкли к приемам поэта, умеющего с таким искусством пользоваться самыми обыкновенными предметами для сравнения с явлениями необычайными. Приближение рыб к бросаемому им в чистый пруд (*peschiera*) корму превосходно передает воображенью стремление блаженных душ приблизиться к новому существу, дающему как бы новую пищу для любви». Штрекфусс.

103-104. С такою же радостью, как и здесь, при все усиливающемся сиянии, принимают праведники поэта и во всех прочих небесных кругах. На это было уже указано в Чист. XV, 67-75. Слич: также Рая VI, 114 примеч. Ноттера.

105. В подлиннике: „*Ecco chi crescerà li nostri amori*“ — вот тот, кто увеличит нашу любовь. Слова эти, очевидно, относятся к Данте, а не к Беатриче. По мнению Каннегиссера, Вите и Ноттера, этим

Так тысячи сияний в том жилище
К нам подошли; был в каждом слышен глас:
— «Вот тот, кто жар любви зажег в нас чисте!»
(Рай, Песнь V, тер. 103)

127 Кто ж ты — не знаю, и зачем вिताет
Твой дух в звезде, которую наш взор
За блеском солнца тускло примечает».

130 К вещавшему мне свету так простер
Я речь мою, и свет, при слове этом,
Стал пламенней, чем был до этих пор.

И словно солнце, что́ чрезмерным светом 133
Свой кроет лик в тот час, когда покров
Густых туманов жар рассеет летом, —

Так в радости чрезмерной скрылся вновь 136
В лучах своих тот дух животворящий,
И, скрытый в них, вещал мне с облаков,

Как воспоется в песне предстоящей. 139

стихом Данте, так сказать, уже предугадывает себе место (по предварительном искусе в чистилище, — см. Чист. XIII, 133 и след.) на этой планете, как на более низкой ступени блаженства: помещенные здесь души затемнили это блаженство духом честолюбия, точно так же, как непостоянство сделало менее блаженными души, помещенные на луне. Но справедливее кажется мнение Беллутелло, который слова эти понимает так: „Ecco Dante, il quale aumentera la virtù della carità in noi, perchè di quella nel solve re i suoi dubbj, potremo usare“. Сличи: Скартаццини, с. 125.

106-107. На этой низшей степени блаженства души еще видимы поэту сквозь блестящую их оболочку и становятся незримыми лишь от избытка нового блеска при новой радости (ниже, ст. 136); но на более высших ступенях блаженства и небесной славы души совершенно окружены светом (Quasi animal di sua seta fasciato. — Рая VIII, 54) и потому невидимы для глаза.

115. «Престолы» — см. Рая XXVIII, 103 и примеч.

117. В подлиннике: Prima che la milizia s' abbandoni, — прежде чем ты покинул службу. «Определено человеку время на земле». Иова VII, 1. — «Церковь небесного Иерусалима есть церковь торжествующая; Данте же, как человек с живой плотью, принадлежит к церкви воинствующей, ведущей еще тяжелый бой. На небе неподвижных звезд он увидит триумф рати Христовой (Рая XXIII, 19), в которой серафимы, херувимы и престолы (XXVIII, 103) составляют первую триаду». Витте.

118. Свет божественной мудрости, разлитый по всем частям неба.

122-123. Сличи: Рая III, 31 и след. — «Как героям», в подлиннике: come a Dii — как богам.

124-125. «В своем Convivio Данте называет улыбку: una corruscatione della diletta zione dell' anima, — молнией радости души». Филалет. — «Эти души изливают из себя свой собственный свет; следовательно, ступень, которую они занимают на Меркурии, несколько выше той, какую занимают души на луне, где они являются в виде легких очертаний; эти же, изливая свой собственный блеск, составляют таким образом переход к обитателям высших сфер, являющимся в виде чистого пламени». Витте.

128-129. «Маленькая планета Меркурий столь незначительно удалена от солнца¹ и залита его лучами в таком изобилии, что бывает видима невооруженным глазом весьма короткое время, обыкновенно на утренней заре и вечером, после заката солнца, лучше всего во время весенних элонгаций. Говорят, что Коперник, будучи уже на смертном одре, сокрушался, что в своей жизни ни единого раза не видел Меркурия». Филалет.

130. Кто этот дух, будет сказано в следующей песне, ст. 10.

138. Tasso, Ger. lib. XII, 93: „Poi nel profondo de' suoi rai si chiuse“.

¹ «Только не по системе Птолемея», прибавляет Витте.

ПЕСНЬ VI

Жизнь императора Юстиниана. — История римского орла. — Против гибеллинов и гвельфов. — Души на небе Меркурия. — Ромео.

<p>1 — «Как против звезд царь Константин
направил
Полет орла, парившего им вслед
За Тем, Кто так Лавинию прославил, —</p> <p>4 В конце Европы сотни, сотни лет
Витал птенец Господень у границы,
Отколь слетел он с гор впервые в свет.</p> <p>7 Под сенью крыл священной этой птицы,
Из длани в длань идущий царский сан
От Августа достиг моей десницы.</p> <p>10 Я цезарь был, и я — Юстиниан;
Любовью первой двинут, уничтожил
В законах я излишек и туман.</p> <p>13 Но, прежде чем до сей работы дожил,
Уверовал в едину во Христе
Я Ипостась, и дух свой не тревожил.</p> | <p>Но Агапит, стоявший в высоте
Всех пастырей, святою силою
речи
Свет истины явил мне в чистоте.</p> <p>Днесь познаю, что был не человечесий
Тот глас ко мне, как познаешь что мрак,
Что свет и ты меж двух противоречий.</p> <p>Лишь с церковью я в ряд направил шаг,
Как Бог внушил Своей мне благодатью
Великий труд в охрану общих благ.</p> <p>Мой Велизарий стал вождем над ратью,
Храним Небес десницей, — в знак тому,
Чтоб я, почив, предался предприятию.</p> <p>Вот первому вопросу твоему
Ответ; но знай: предмет его так важен,
Что нечто нужно приобщить к нему,</p> | <p>16</p> <p>19</p> <p>22</p> <p>25</p> <p>28</p> |
|--|--|---|

1. В предыдущей песне Данте спрашивает явившегося к нему духа: кто он? и почему он здесь? На первый вопрос излагается ответ в стихах 1-27, на второй — в стихах 112-126. Блаженный дух начинает свое повествование с того, каким образом императорский скипетр достался ему, потом называет себя и говорит о своем обращении и своих делах. В этой песне, одной из прекраснейших и возвышеннейших во всей поэме, Данте поднимается до высочайшей философии в истории, которая не была для него только мертвой последовательностью разнородных и противоречивых между собой фактов. Скартаццини.

1-3. «Константин (Ада XIX, 115; XXVII, 94) перенес столицу Римской империи с запада на восток, из Рима в Византию (Рая XX, 55), тогда как Эней, женившись на Лавинии (Ада IV, 126; Чист. XVII, 34 примеч.), соответственно ходу всемирной истории (Ада XIV, 103 примеч.), направился от Трои, следовательно, от подошв лежащей недалеко от Византии горы Иды (Чист. IX, 22) в Италию, т. е. согласно с видимым течением звезд — с востока на запад. Известно, что Константин имел первоначально намерение основать свой новый Рим на развалинах Илиона». Витте. Итак, «против звезд» (*Contra il corso del ciel*) — значит с запада на восток: против видимого течения звезд с востока на запад. — «Полет орла»: орел — символ Римской империи, сделавшийся, впрочем, общим символом для всех римских легионов лишь со времен Марии. — «За Тем», в подлиннике: *all' antico* — за древним, т. е. за Энеем, женившимся (за 1200 л.) на Лавинии, единственной дочери царя Лациума, Латина (Ада IV, 126; Чист. XVII, 34 и след. и примеч.), и получившим через то в наследство царство Латина — Лациум.

4-6. Константин, ставший императором в 309 г. по Р. Х., перенес столицу империи в Византию в 324-м; Юстиниан (говорящий здесь дух) сделался императором в 526 г., следовательно, более 200 лет «птенец Господень» (*l' uccel di Dio*), орел, символ империи, оставался на востоке, в Константинополе, недалеко от той горы (Иды), откуда он слетел, — на оконечности Европы, которая только узким проливом отделяется от Азии. Эти две терцины звучат упреком Константину, который, как ошибочно полагали, с перемещением столицы империи в Византию отдал Рим во власть папе, — дар, по мнению Данте, незаконный и пагубный (Ада XIX, 115-117; *De Monar.* III, 10), так как, по его мнению, Рим и его империя утверждены божественным Провидением (*Convivio.* IV 5; *De Monar. lib.* II, *passim*), почему и символ его — орел — он называет птенцом Господним и священной птицей («птица Зевса»: Чист. XXXII, 112). —

«Уже в оде Горация III, 3, Юноной высказывается прикровенное предупреждение, чтобы столицу всемирной империи не переносить из Рима на воздвигнутый вновь Иллон». Копиш.

10. Т. е. на земле я был императором; здесь, на небе, где нет ни царей, ни императоров, я ношу имя, данное мне при крещении, — Юстиниан. «Юстиниан (527-565), из Фракии, из иллирийского рода Управда, вступил на престол после дяди своего Юстина I, из крестьян сделавшегося императором. Юстиниан уничтожил последнее прибежище язычества — школу Прокла в Афинах, и прославился своими реформами и изданием римских законов (Codex Justiniani, Pandectae, Institutiones, Novellae), к чему, по его выражению, он был подвинут «Любовию первой», т. е. Св. Духом. Так высоко ценился во времена Данте Юстинианов сборник римских законов, считавшийся верхом совершенства мудрости человеческой.

11-12. В подлиннике: „D' entro alle leggi trassi il troppo e il vano“, т. е. уничтожил излишнее (troppo) и бесполезное (vano); слова эти как бы воспроизводят слова самого Юстиниана в его декретах: de conceptione et de confirmatione digestorum: „omni supervacua similitudine et iniquissima discordia absoluta“. — «Юстинианов сборник, говорит Витте, заключал упрощенный существовавший в то время юридический материал». Что Данте придавал весьма важное значение такому упрощению, видно из Чистилища VI, 136 и след., откуда явствует, к каким дурным последствиям, по убеждению поэта, ведет запутанное законодательство, равносильное совершенному беззаконию: In corruptissima republica plurimae leges.

13-15. Ересь евтихийан или монофизитов, учивших, что во Христе было одно естество (или ипостась) — человеческое. Юстиниан был ревностным поборником православия; но тем не менее некоторое время он находился под сильным влиянием жены своей Феодоры, фанатичной приверженницы монофизитов, возведшей на кафедру константинопольскую последователя этой ереси, Анфимия. Придерживался ли сам Юстиниан этой ереси — вовсе не доказано. «Данте впал в эту историческую ошибку, следуя своему учителю Брунетто Латини (Тесого, lib. II, с. 25), а также, может быть, и Орозию и библиотекарию Анастасию, несколько двусмысленно выражающимся по этому вопросу». Скартаццини.

16-18. Папа римский Агапит, сын Гордиана, избранный в папы 3 июня 535 г., прибыл в том же году в Константинополь по настоянию остготского короля Теодата. Император Юстиниан, побуждаемый своей женой Феодорой, требовал от Агапита утверждения Анфимия патриархом, угрожая ему в случае отказа изгнанием. Но Агапит сказал: «Я полагал видеть в тебе христианского императора, а нахожу Диоклетиана». Тогда Юстиниан обещал сменить Анфимия, если тот не докажет справедливость своего учения; а так как он не доказал этого, то и был сменен Юстинианом. «Впрочем, замечает Филалет, все это место приведено здесь очевидно с тем, чтобы показать, что во времена Юстиниана отношения двух солнц Рима, императора и папы, были совершенно правильные, что он подробно развивает в своем трактате De Monarchia».

18. «Свет истины», т. е. что во Христе две ипостаси: божеская и человеческая.

20-21. Т. е. с такою же ясностью, с какою в твоём человеческом уме возникает принцип противоречия, т. е. что из двух противоречивых положений одно необходимо должно быть правильно (свет), другое — ложно (мрак). Каждое противоречие состоит из двух положений, диаметрально противоположных, из которых одно лишь может быть верно, другое — необходимо должно быть ложно. Положение Аристотеля (Categ. X): „In instantibus igitur ac praeteritis affirmatio aut negatio vera sit vel falsa necesse est“.

22. Т. е. уверовал в истинное учение церкви.

24. «Великий труд» (L' alto lavoro), т. е. улучшение законодательства.

25-27. «Велизарий» — знаменитый полководец Юстиниана, отнявший Италию у остготов. Замечательно, что Данте ни слова не говорит о несправедливости Юстиниана к Велизарии, может быть, потому, что он не знал об этом обстоятельстве, так точно как и летописец Виллани не упоминает об этом: по-видимому, им обоим не были известны сочинения Прокопия; а может быть, Данте и потому не говорит об этой несправедливости, что не считает это нужным; также точно он не упоминает о Трибониане, истинном реформаторе законодательства. Кроме того, по смыслу этой терцины выходит, что оба великие предприятия Юстиниана, законодательство и завоевание Запада, находились в зависимости от его соединения с церковью и высшим главою ее, тогда как, по истории, эти предприятия начались значительно позднее его примирения с церковью.

26-27. «В знак тому», — смысл: небо венчало оружие Велизария такою милостью, что это служило мне знаком воли Божией, чтобы я предался единственно делам мира, а войну предоставил моим полководцам. Скартаццини.

28-30. «Таким образом был разрешен первый вопрос Данте: кто был этот праведный. Но содержание ответа дает Юстиниану повод точнее объяснить о возникновении и великом значении Римской империи и высказать поучение двум партиям — гвельфам и гибеллинам, а именно: одним — что они неспра-

31	Да ведаешь, как был обезображен
Знак пресвятой орла как в стане тех,
Кем погран он, так тех, кем он уважен.	Чрез то Торкват и Квинций (по власам
Так прозванный) и Фабиев, Децев родов
Стяжали то, что вводит в славы храм.	46
34	Смотри, какою доблестью для всех
Он стал священ! И я начну с минуты,
Как пал Палант, чтоб дать ему успех.	Он в прах поверг арабов спесь в те годы,
Как Аннибалом переход свершен
Чрез Альпы, там, где, По, берешь ты воды.	49
37	Ты знаешь в Альбе триста лет без смуты
Гнезвился он, пока не вызвал гнев
Трех против трех из-за него бой лютый.	Под ним триумф стяжали Сципион
И вождь Помпей; но для холма, при коем
Родился ты, явился горек он.	52
40	Ты знаешь, что свершил он после дев
Сабинских до Лукреции, с своими
Семью царями всех преодолев.	К исходу ж дней, как Бог судил покоем
Украсить мир, — он снова пущен в ход,
По воле Рима, Цезарем-героем.	55
43	Ты знаешь, что свершил он в бой носимый
На Бренна, Пирра, и на страх и срам
Другим царям и всем союзным с ними, —	И что от Вара и до Рейнских вод
Свершил орел, то зрели Изер с Сеной
И Эр, и край, где Рона волны льет.	58

ведливо не уважают императорскую власть, другим — что они столько же несправедливо поступают, злоупотребляя для низких целей своей партии символом императорства, долженствующим служить всецело лишь одному правосудию, — символом, который ниже, на планете Юпитере, будет, как увидим, еще более прославлен в образе орла, сложившегося из душ мужей правды и закона. Действительно, во времена Данте обе партии потеряли свое глубокое первоначальное политическое значение и присоединение к ним служило лишь к оправданию укоренившейся семейной ненависти и другим страстям». **Филалет.**

33. «Кем поправ он», т. е. гвельфами, и «кем он уважен» (*chi'l s' arroporia*), т. е. гибеллинами.

36-96. «Здесь излагается история римского орла от Энея до Карла Великого. «Стихи эти, как выразился Томмазо, суть как бы зародыш всемирной истории, вроде истории Боссюэта. Слич: De Monar. 1. III и Convivio tr. IV, где перечислены те же события Римской истории». Скартаццини.

36. Палант, сын Эвандра, царя Лациума, основал на Авентинской горе город и был послан отцом своим на помощь Энею против Турна, в сражении с которым был убит. Вергилий. Энеида VIII-X. По мнению Данте, Эней наследовал права Паланта на царство. Он первый пожертвовал своей жизнью за будущий Рим.

37-39. Альба, т. е. Alba Longa, город в Лациуме, основанный, по преданию, Асканием, сыном Энея. После Аскания царствовал в Альбе сын его Сильвий, от которого произошел целый ряд большою частью неизвестных царей, в числе их Нумитор, отец Реи Сильвии и дед Ромула и Рема. Таким образом Альба как бы мать Рима, с которым впоследствии вступила в борьбу и была им разрушена, при Тулле Гостилии, и сделалась римской колонией. Ливий. I, 3, 30-33. Троя разрушена в 1184 году, Рим основан в 753 г. до Р. Х.; от Аскания до Ромула протекает более трех веков (почему в подлиннике: Per trescent' anni ed oltre). — «Трех против трех», т. е. Куриациев против Горациев. В Альба Лонге, построенной Асканием, сыном Энея, царствовали его потомки более 300 лет, до тех пор, пока три римских Горация не победили трех Куриациев, из Альба Лонги после чего она покорилась Риму. De Mon. II, 10-11.

40-42. Смысл: ты знаешь, какие триумфы он (орел) стяжал с того времени, когда произошло похищение сабинянок, до того дня, когда, со смертью Лукреции, были изгнаны из Рима Тарквинии. Лукреция — жена Коллатина, изнасилованная Секстом Тарквинием, Ада IV, 127; Ливий. I, 57, 58. — «Семерых римских царей этой эпохи Данте принимает как бы за воспитателей и опекунов детства Рима». Филалет.

43-45. Бренн, вождь сеннонских галлов, побежденный Камиллом. — Пирр, царь эпирский (Ада XII, 133 и 134), предводительствовал войсками тарентинцев против Рима, был побежден Фабием при Беневенте и принужден оставить Италию.

46-48. «Торкват», т. е. Тит Манлий Торкват, убивший галла на поединке и снявший с него ожерелье (*torques*), почему и назван Торкватом. Предводительствуя войсками против латинян, он осудил на смерть родного сына за то, что тот, вопреки его приказанию, вышел за линию укреплений и вступил в опасный бой с неприятелем, хотя и победили его. Ливий. VIII 3-12; *Convivio*. IV, 5: „Chi dira di Torquato guidi catore del suo figliuolo a morte per amore del pubblico bene senza divino aiuto ciò avere sofferto?“ Скартаццини. — Луций «Квинкций», названный Цинцинатом за свои густые курчавые и нечесанные волосы (*cirtus cincinnus*), в войне против эквов был призван от плуга к диктатуре. По миновании опасности он опять возвратился к своему плугу: пример древней римской патриархальности. Ливий. III 25. — О нем говорит Данте в *De Monar.* II, 5: „Nonne Cincinnatus ille sanctum nobis reliquit exemplum, libere deponendi dignitatem in termino, quum, assumptus ab aratro, Dictator factus est? Et post victoriam, post triumphum, sceptrо imperatorio restituto Consulibus, sudaturus post boves ad stivam libere reversus est“. Также *Convivio* IV, 5. О нем говорится еще Рая XV, 129. — «Фабьев, Децьев роды» — знаменитые фамилии Древнего Рима. Триста человек из патрицианского рода Фабиев пало геройской смертью за отечество в 477 г. до Р. Х. в войне против Вейев. Из фамилии Дециев трое: отец, сын и внук, погибли, храбро сражаясь за отечество: отец — в галльской войне, сын — в этрусской, внук — в войне против тарентинцев и Пирра (Ливий. VII, 34; VIII, 6; X, 27; *Flor.* I, 18). О Дециях Данте говорит в книге *De Monar.* II, 5: „Accendunt nunc illae sacratissimae victimae Deciorum, qui pro salute publica devotas animas posuerunt“. Слич: *Convivio* IV, 5.

48. В подлиннике: *Ebber la fama che volontier mirro*. Комментаторы различно объясняют глагол *mirro*: одни принимают *mirro* (от *mirare*, — созерцаю) или *ammirō*, с удвоением буквы *г* для рифмы; и в таком случае смысл будет следующий: стяжали то, чему я охотно удивляюсь; другие производят этот глагол от слова *mirra* (*мирра*), благовонная смола, употреблявшаяся при балзамировании трупов; „*mirro*, *id est*: *conservare victor ut mirra conservat corpora mortua*“, *Postulatore Cassinese*; и тогда смысл будет, как объясняет Пьетро Данте: „*mirro*, *id est* *conservo*. *Nam guttae myrrhae, arboris Arabiae, habent conservare res in odore*“; или, как объясняет Бенвенуто Рамбалди: «то, что я охотно прославляю, передаю бесмертно», так как мирра предохраняет от гнилости. Скартаццини.

49-51. Арабы, т. е. карфагеняне. По мнению Данте, карфагеняне происходили от арабов, именно от арабского царя Иффика, на основании слов Леона Африканского (*Africae descript*, lib. I, c. 1), где сказано: „*Ab Iffico Arabiae Felicis Rege, qui omnium primus hanc terram (Africam) incoluisse fertur*. *Hic quum adversus Assyriae regem bellum gereret, ab eodem tandem regno pulsus, cum toto exercitu Nilum transmisit, et Occidentem versus suas copias traducens non prius quievit, quam in eam partem Carthaginī vicinam perventum est*“. — Вообще, в этой терцине говорится о войне римлян с карфагенянами. Ада XXVIII, 10 и след., и примеч. Слич: *De Monar.* II, 11: „*Scipione vero pro Italis, Hannibale pro Africanis in forma duelli bellum gerentibus, Italis AM succubuerunt*“.

51. Воззвание к реке По совершенно в духе латинских поэтов, например, Овидия (*Превращ.* V, 350-351):

Но десную его Авзонский Пелор прикрывает,
Левую ты вот, Пахин: Лилибеем придавлены ноги.

Перев. А. Фета.

Река По течет с восточной стороны горы Мон-Визо в тесном горном ущелье. Ганнибал сделал свой знаменитый переход в Италию, по одним, через Мон-Женевр, по другим — чрез Мон-Сенис, но всего вероятнее чрез Малый С.-Бернард (Викгам и Крамер). По общему мнению современников Данте и его самого, он перешел через Мон-Женевр. — Слово «стремя» переводчик употребил в смысле водопада, быстрины течения, опираясь на авторитет Жуковского, который говорит (*Одиссея* XIV, 253):

... Мы в открытое море

Вышли, и с быстропутным пронзительным ветром Бореем
Плыли, как будто по стремю, легко.

Также у Державина («На умеренность»): «Течет в свое природа стремя».

52-53. «Год ним», т. е. под сенью римского орла. — «Сципион», т. е. Публий Корнелий Сципион Старший (Африканский), победитель во второй Пунической войне, о котором Данте в своем *Convivio* IV, 5, сказал: „*quello benedetto Scipione giovane*“ (потому и в подлиннике сказано: *Sott' esso giovanetti trionfaro Scipione e Pompeo*). — «Вождь Помпей», т. е. Гней Помпей Великий.

53-54. «Но для холма» — здесь разумеется холм Фьезоле, под которым построена Флоренция, где родился поэт. По словами Виллани, после поражения Катилины, происшедшего в этой местности, город

61 Но, Рубикон прешедши за Равенной,
В какую воспарил затем он даль, —
Не передаст язык то дерзновенный.

64 В Испанию он внес оружия сталь,
Потом в Диррахий, битвой при Фарсале
Повергнул весь горячий Нил в печаль.

67 Он зрел Скамандр, отколь слетел вначале,
Антандр и холм, где Гектора спит труп,
И, Птолемея сокруша, он дал,

70 Как гром, на Юбу грянул, яр и груб,
И к вам летит на запад отдаленный,
Заслышав звук вдали Помпейских труб.

Что ж он свершил, вторым бойцом взнесенный, 73
О том в аду Брут лает, аки пес,
И сетует Перуджия с Моденой,

И Клеопатра льет потоки слез, 76
Скорбя о том, что ей, бежавшей в сраме,
Злой аспид смерть безвременно принес.

До Чермных волн с ним внес войны он пламя; 79
С ним на земле так утвердил он мир,
Что заперся надолго Янус в храме.

Но что орел, мной чтимый как кумир, 82
Свершил как в сих, так после сих столетий
В стране живых, весь покоривши мир, —

Фезулы (Фьезоле), где утвердилась партия Катилины, был взят и разрушен римлянами, и на месте его, у подошвы горы, была построена Флоренция. В числе вождей при осаде этого города Виллани называет Цезаря, Цицерона и Помпея (Istor. Fiorent. lib. I, cap. 30). По контексту этого места, местоимение «он» относится, впрочем, не к Помпею, а к римскому орлу, чем устраняется спор комментаторов относительно этого места. — «Горек» (amaro), т. е. жесток, погибелен.

55-57. Смысл: около того времени, когда небу было угодно водворить мир на всей земле (в подлиннике: *il ciel volle Ridur lo mondo a suo modo sereno*), Цезарь, по воле сената и римского народа, поднял священного орла (*sacro-santo segno*) против Галлии. Следовательно, здесь говорится о времени, предшествовавшем рождению Христа, конце старой эры («к исходу дней»), и приближению начала царствия Божия. Слич: *De Monar. I, 16: „Et quod tunc humanum genus fuerit felix in pacis universalis tranquillitate, hoc historiographi omnes, hoc poetae illustres, hoc etiam Scriba mansuetudinis Christi testari dignatus est, et denique Paulus, plenitudinem temporis statim illum felicissimuin appellavit“.*

58-60. В этой терцине очерчен весь театр Галльской войны. Это место, по-видимому, заимствовано у Лукана, который, кроме Рейна, поименовывает все названные здесь реки.

Hi vada liquerunt Isarae, qui gurgite ductus
Per tam multa suo, famae majoris in amnem
Lapsus, ad aequoreas nomen non pertulit undas...
Finis et Hesperiae, promoti limite, Varus...
Optima gens flexis in gyrum Sequana frenis...
Qua Rhodanus raptum velocibus undis
In mare fert Ararim....

Лукан, *Boll, civil. I, 399.*

Вар — река, составляющая границу между Галлией и Италией, или, лучше, между Галлией трансальпийской и цизальпийской. Изар (теперь Isère) — река в Галлии, вытекающая из Грайских Альп и впадающая в Рону. Эр, или Эра, иначе *Arar Araris* (ныне Сона), вытекающая из Vogezов и впадающая тоже в Рону около Лиона.

61-72. «В этих терцинах резко и кратко очерчены подвиги Цезаря в гражданской войне, переход через Рубикон и завоевание Италии, поражение Помпея и Альфранция в Испании, нерешительный бой при Диррахии; и решительная битва при Фарсалах, после которой Помпей бежал в Египет, где и был убит». Филалет. — «Рубикон», небольшая речка между Римини и Равенной, впадающая в Адриатическое море; в древности она отделяла Галлию цизальпинскую от собственно Италии. Переход через эту границу в Италии во главе войск был запрещен всякому римскому военачальнику. Открытый переход Цезаря через Рубикон был явным знаком восстания против отечества и началом гражданской войны.

62. «В какую воспарил затем он даль», т. е. как прославился.

64. «В этом стихе упоминается испанская война против Петрея Афрания и Варрона, легатов Помпея. Здесь поэт как бы забывает, что и Цезарь, и приверженцы Помпея сражались под римскими орлами; в Аду (XXVIII, 96 и след.) он более беспристрастен, помещая Куриана между осужденными». Скартаццини.

65. «Дирахий» (прежде назывался Епидамн, теперь Дураццо) — замечательный приморский город Греческой Иллирии, место высадки прибывающих из Италии. В нем Цезарь был осажден помпеянцами. Цезарь, *Bell. civ. III, 13* и след. — Фарсал (теперь Фарса) — город в Фессалии, прославившийся решительной битвой, в которой Цезарь одержал окончательную победу над Помпеем (48 г. до Р. Х.). Цезарь, *Bell. civ. III, 90-99*.

66. Смысл: решительная победа при Фарсале повергла Египет («Нил») в скорбь и по причине изменнического убийства Помпея, бежавшего в Египет, и вследствие предчувствия близкой войны. — Вообще, как замечает Филалет, в изложении этих событий Данте следует более Лукану (Фарсалии), чем самому Цезарю, с записками которого он, по-видимому, был менее знаком, чем с поэмой первого.

67-72. Разбитый при Фарсале, Помпей бежал в Египет и там был убит. Затем Цезарь перенес оружие в Египет и в Малую Азию. По словам Лукана, Цезарь посетил местность Трои, где видел Симоис, реку Трои, и Антандр, приморский город Малой Фригии, откуда Эней вслед за своим орлом отправился в море (ст. 3 настоящей песни). Отсюда Цезарь опять вернулся в Египет, сверг с престола Птолемея, разбил нумидийского царя Юбу, поддерживавшего остатки помпеянских войск и умертвившего себя после проигранной битвы с Цезарем. Наконец, победил в Испании Лабиена и двух сыновей Помпея, окончив таким образом гражданскую войну, продолжавшуюся четыре года.

73-81. В этих терциях кратко говорится о войнах, веденных под римским орлом в руках императора Октавиана, бывшего вторым после Юлия цезарем. — В подлиннике этот знаменосец назван *baiulo* (латинское *bajulus*). Здесь говорится о победе Августа над убийцами Цезаря, Брутом и Кассием, при Филиппах, о поражении Марка Антония при Мутине (Модене) и консула Луция Антония, когда Перуджия была почти совершенно разрушена. — «Брут» и поименованный в подлиннике Кассий, после Филиппского сражения, умертвили себя (Ада XXXIV, 64 и след.) — «Хотя в ст. 66 последней песни Ада и говорится, что Брут «там корчится без слов» (*non fa motto*), однако ж лай его, о котором здесь сказано (ст. 74), выражает скорее не речь, а бессильное бешенство грешника против непреложного завета Провидения в пользу монархии». Филалет.

75. «Уже в 43 г. до Р. Х., незадолго перед учреждением триумvirата, Октавиан разбил при Мутине Марка Антония. В 41 г. Луций Антоний, брат Марка, поднялся на Октавиана и собрал войско у Перузии (Перуджии). После продолжительной осады, во время которой город терпел ужасный голод, он принужден был наконец сдаться Октавиану». Витте.

76-78. «Смерть Клеопатры от укушения аспидом известна всякому. По смыслу этого места можно заключить, что Данте помещает ее в аду, как самоубийцу, между тем она помещена в нем (Ада V, 63) за сладострастие и распутство». Ноттер.

79. Т. е. до Красного (Черного) моря, до берегов которого Египет был завоеван Августом. «Победитель в странах Авроры — на Красном побережье». Вергилий, *Энеида VIII, 686*, в перев. А. Фета.

81. Храм Януса в Риме запирался лишь тогда, когда народ римский не вел ни с кем войны. Ливий, I, 19. Известно, что храм Януса, запиравшийся при Августе несколько раз, до него был заперт лишь два раза.

82-84. «Орел, мной чтимый, как кумир», в подлиннике просто: *che parlar mi face*, т. е. который заставляет меня говорить о нем; см. выше, ст. 32 и след. этой песни. — «В стране живых», в подлиннике: *lo regno mortal*, т. е. на земле, назначенной (по учению Данте) самим Богом под власть Римской империи.

87. «Цезарь третий», т. е. император Тиберий, который был третьим цезарем, если считать первым Юлием Цезарем. В царствование Тиберия Христос был распят на кресте. В своей *De Monarchia II, 13*, Данте придает особенную важность тому обстоятельству, что Христос был распят по приговору законно установленного судьи империи, Пилата, — приговору, в силу которого совершилось искупление грехопадения Адамова. «Через это самое император римский является здесь как бы органом божественного правосудия, бросающего высочайший блеск на достоинство римского орла». Филалет.

88-90. «Бог прогневлен на всю землю за грехопадение Адама. Грех этот был искуплен смертью Христа, принесшего Себя на жертву. Смерть же Христа совершилась в царствование императора Тиберия». Витте. — «Главе всех адских сил», т. е. сатане, от коего произошло грехопадение; в подлиннике: *del peccato antico* (93) — древнее грехопадение.

91-93. «Диалектика совершенно своеобразная! Крестная смерть Христа для искупления нашего греха была необходимым попусшением божественного правосудия, а совершение этой казни законно поставленным судьей Римской империи указывает в свою очередь на Римскую империю, как на орган

- 85 Для ясных глаз все это блекнет в цвете
В сравнении с тем, что он тогда свершил,
Как взял его в десницу цезарь третий.
- 88 Орлу сам Бог, внушивший мне сей пыл,
В руках того, кто мной сейчас указан,
Дал честь отмстить главе всех адских сил.
- 91 Здесь дивное я возвестить обязан:
Он вскоре Тита с мстостью к тем примчал,
Кто мстил за то, что древний грех
наказан.
- 94 Когда ж святую Церковь растерзал
Зуб Лангобардский, — под орла крылами
Великий мститель Карл ей помошь дал.

- Теперь суди, сколь страшными делами 97
Все те, над кем изрек я выше суд,
Во всех бедах виновны перед вами.
- Те выше общего девиза чтут 100
Блеск лилий; этим стал он сам орудьем,
Так что не знаешь, кто виновней тут.
- Встань, гибеллин, встань с злым своим 103
безлюдьем
Под стяг другой; а этот — не таков,
Чтоб мог он быть в разладе с правосудьем.
- И с гвельфами не мчися на орлов, 106
О новый Карл, и помни: когти эти
Царапали и посильнее львов!

божественного промысла». Флейдерер. «Но это мненье со стороны евреев было новым преступлением, которое и было наказано Титом, разрушившим Иерусалим. В следующей песне это излагается подробнее». Штрекфусс.

94-96. «Как папа Стефан II призвал на помощь Пипина против Астольфа, так папа Адриан I искал в 773 г. помощи у Карла Великого против короля лангобардов Дезидерия. Карл Великий во время защиты Адриана не был еще императором и, следовательно, не имел еще в своих руках орла римского, ибо он получил его несколько позднее, и в этом смысле поэт мог сказать, что орлом совершено предприятие, повлекшее за собой возникновение Западной Римской империи, охраняемой сенью его крыл». Витте.

97-99. В этой терцине заключается порицание как гвельфам, так и гибеллинам — суд самый справедливый и беспристрастный над обеими партиями. С истинным великодушием ума и сердца поэт равно осуждает и ту, и другую: гвельфов за то, что посягают на священную императорскую власть, которая должна быть германская, но не французская; гибеллинов — за то, что интересы власти императорской смешивают со своими собственными, партийными интересами. Скартаццини.

100-102. «Общего девиза» (*pubblico segno*) — орла, символа Римской империи; «лилий» — символа французских королей и, в частности, Карла II Анжуйского, стоявшего тогда во главе гвельфской партии. «Те» — гвельфы, «этим» — гибеллинам, сделавшим орла орудием своих собственных интересов.

103-105. Воззвание к гибеллинам. Стихи эти напоминают Ада XV, 69 и след. Слич также о гибеллинах Рая XVII, 61 и след.

107. «Новый Карл», вероятно, Карл Валуа, названный здесь, в отличие от Карла II Неаполитанского, Карлом новым; «ему была дана надежда на императорский трон, если он сокрушит партию гибеллинов в Италии. Еще в Чистилище (XX, 71 и след.) Данте высказал свое презрение к нему». Ноттер.

108. «Вероятно, намек на льва, находившегося прежде в гербе французских королей (Ада I, 45 и след.); следовательно, намек на Карла Валуа». Ноттер. Другие комментаторы, например Бенвенуто Рамбалди, разумеют под этими львами вообще царей, побежденных римским орлом, например, Югурту. «Земные властители в Св. Писании называются львами, например, у Иезекиля XIX, 2 и след.». Витте.

109-110. «Не раз уже оплакивали дети» — намек на библейские слова: «Наказывающий детей за вину отцов». Исхода, XX, 5. «Тут Данте, по-видимому, намекает на посягательства Филиппа Прекрасного на императорскую германскую корону». Витте.

112-126. «Малой сей звезды чертог» — планета Меркурий. „*Mercurio è la più piccola stella del cielo*“. *Convivio* II, 14. «На этой планете помещены те, которые хотя и жили праведно, но преимущественно руководствовались любовью к земной славе. Поэтому они и помещены на небе ниже других, может быть согласно с Евангелием: желающие возвыситься — будут унижены. Слабые духом и занятые лишь своей собственной славой, они поставлены вблизи тех, которые по слабости характера не выполнили своего обета. Они были честолюбивы, честолюбие же состоит в погоне за почестями. „*Importat enim ambitio cupiditatem honoris*“, говорит Фома Акв., прибавляя, что „*illi qui solum propter honorem vel bona faciunt,*

vel mala vitant, non sunt virtuosi“. Sum. Theol. p. II, qu. CXXXI, art. 1». Скартаццини. — «Весьма глубокомысленная идея поместить в этой маленькой планете, которую, согласно Рая V, 129, наш взор за блеском солнца едва примечает, души тех, которые творили добро не столько из чистой любви, сколько из желания отличиться. В Чистил. XIII, 133 и след. и XI, 118 и след. поэт причисляет себя к честолобивым; поэтому слова в предыдущей песни Рая, ст. 106: «Вот тот, кто жар любви зажжет в нас чище» были истолкованы некоторыми комментаторами не одним лишь выражением радости, но и намеком на то, что поэт, как предсказывают эти души, по смерти займет свое место на этой планете, или, вернее, (Рая IV, 31-39), достигнет той степени блаженства, которая символически представлена слиянием с этой планетой». Ноттер. — «Окончив свое поучение об орле, Юстиниан отвечает в этой терцине на 2-й вопрос Данте (V, 127), почему он помещен на этой низшей ступени, на Меркурии? Ответ: души, здесь помещенные, при всех заслугах, не смыли с себя пятна честолобия, которое и не дозволило их христианским добродетелям получить полную чистоту и совершенство (ст. 112-114). Потому и на небе они не могут подняться выше (115-117); но тем не менее и на той степени своего поднятия они вполне счастливы, именно тем, что сами сознают, что по божественному правосудию им причествует именно это, а не другое место (118-123). А так как они, как и все праведные, довольны и блаженствуют каждый в отдельности на своем месте, то это именно различие отдельных тонов и образует тем более восхитительный аккорд небесной гармонии (124-126). Слич: Рая III, 49 и примеч. — К удовлетворению исторического правосудия служит то, что Юстиниан сам сознается в своей суетности и любви к великолепию, после того как Данте только что вознес его в сущности несколько выше, чем сколько он заслуживает. Из сопоставления этого места со ст. 104 предыдущей песни некоторые комментаторы выводят, однако ж неверно, будто Данте сам указывает себе будущее место на этой планете, — неверно потому, что он всего чаще относит себя к гордым (Чист. XIII, 133; XI, 118 и след.), гордость же и честолобие не всегда идут рука об руку; к тому же подобным образом Данте встречают праведные на всех звездах. Данте предсказывает себе только блаженство вообще. Рая XV, 31 и след.». Флейдерер.

117. «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите?» Иоанна V, 14.

118. Слич: Рая III, 70 и след.

125-126. „Domus est una, quia unum est summum Bonum, id est Deus ipse, sed diversitas mansionum ibi erit“. Петр Ломбардский. Sent. IV. Слич: Иоан. XIV, 2.

126. Намек на гармонию сфер. Рая I, 78, прим.

127. «И в этом перле», в подлиннике: *margherita*, жемчужина, т. е. в Меркурии; слич: Рая II, 34 и примеч. — «Блещет ярким светом». «Тогда праведники воссияют, как солнце, в царстве Отца их». Матф. XIII, 43.

128. «Ромео» буквально значит пилигрим (именно пилигрим, идущий в Рим, от слияния слов *Roma* и *eo*, тогда как паломниками, *palmieri*, назывались ходившие на поклонение Гробу Господню и нередко приносившие оттуда пальмовые ветви, а *regerini* — ходившие на поклонение гробу св. Иакова в Кампостеллу). «По преданию, этот Ромео, на возвратном пути из своего паломничества, появился, не назвав своего имени, при дворе Раймунда Беренгара IV, последнего графа провансальского, которому он так понравился, что тот передал ему управление страной, и в особенности расстроенными ее финансами. Чтобы приличным образом выдать замуж четырех дочерей графа, он не пожалел никаких усилий для того, чтобы приготовить старшей из них блистательное приданое. Она таким образом стала супругой французского короля Людовика Святого. Этот брачный союз побудил английского короля Генриха III вступить в брак со второю дочерью графа, Элеонорою, даже без приданого. Вскоре затем последовал брак брата короля Генриха, Ричарда Корнваллийского, впоследствии германского короля, с третьей дочерью и, наконец, но уже по смерти графа (†1245 г.), последовал брак брата Людовика IX, Карла Анжуйского, впоследствии короля Неаполитанского, с самой младшею дочерью графа и его наследницею, Беатриче (Чист. XX, 61 примеч.). Между тем Беренгар, как говорит предание, подстрекаемый завистливыми провансальскими баронами, вместо прежнего доверия стал оказывать Ромео полное недоверие и в строгих выражениях потребовал от него отчета в его управлении. К посрамлению своих противников, Ромео дал блистательный отчет в своих действиях и затем, не приняв ни малейшего подарка, как нищий удалился от двора таким же неизвестным, каким и пришел. Такова легенда; исторически верно здесь кажется то, что этот Ромео был провансалец из благородного рода Вильнёв; легенда же о его пилигримстве возникла от смешения его имени с словом *гомео* — пилигрим из Рима». Витте. Об этом Ромео упоминает Виллани (Istor. Fior. lib. VI, с. 92). Слич: Филалета, а также Скартаццини. — Замечательно, что Данте помещает смиренного, не ищущего славы и нисколько не честолобивого Ромео на Меркурии, между теми, которые слишком любили свою собственную славу и небрегли о славе Господней. По мнению

ПЕСНЬ VI

<p>109 Не раз уже оплакивали дети
Грехи отцов; не думай же, чтоб Бог
Наш герб дозволил изменить во цвете.</p> <p>112 Украшен малой сей звезды чертог
Семьею душ, что подвизались много,
Чтоб честь и славу приобрести в залог.</p> <p>115 А там, где мысль парит лишь сей дорогой,
Сойдя с другой, — возносится слабей
Луч истинной любви к престолу Бога.</p> <p>118 Но в соразмерности награды сей
С заслугой нашей есть и счастье наше,
Зане она ни меньше, ни сильней.</p> <p>121 И правый суд вливает полной чашей
Нам сладость в грудь, и здесь меж сих духов
Нет никого, кто б жаждал жизни краше.</p> <p>124 «Творится хор из разных голосов:
Так разные блаженства в царстве этом
Творят гармонию всех сих кругов.</p> | <p>И в этом перле блещет ярким светом 127
Ромео дух, чье честное чело
За все добро омрачено изветом.</p> <p>Но провансальцы, мстившие так зло, 130
Не посмеются: сам тот гибнет в столах,
Кто доблесть ближних чтит себе во зло.</p> <p>Бог четырех дал дочерей, всех в коронах, 133
Тебе, Раймонд, и — странник, не в чести, —
Ромео им помог воссесть на тронах.</p> <p>Но ты решил под суд того вести, 136
Кто в твой доход, к досаде всем пройдохам,
Внес семь и пять на место десяти.</p> <p>Тут честный старец прочь ушел со вздохом, 139
И ведай мир, что сердцем перенес
Бедняга, кланча хлеб себе по крохам, —</p> <p>В глазах людей он выше бы возрос». 142</p> |
|---|---|

Скартаццини, ответ заключается в последних трех стихах этой песни. Юстиниан представляет тип людей, ищущих славы и чести в великих делах, Ромео ищет того же, т. е. своей собственной славы, более чем славы Божией, но путем обратным, т. е. путем смирения: это тип смиренных честолюбцев. Хотя поэт и не говорит об этом прямо, но это очевидно явствует из того факта, что он помещает между честолюбцами эту личность — человека, по виду столь смиренного и далекого от притязаний на похвалы и славу земную. Сличи мнение Ноттера, полагающего, что на Меркурий помещены и те, заслуги коих остались сокровенными по их же собственной вине, и опровержение такого мнения у Флейдерера.

130-132. Смысл: враждебные поступки придворных против Ромео не послужат им на пользу. По Филалету, это замечание относится к Карлу Анжуйскому, который, благодаря устроенному при участии Ромео браку его с Беатриче (Чист. XX, 61 примеч.), получил Прованс и своим строгим управлением не мог быть приятен вельможам.

133. См. выше, в примеч. ст. 128. Из трех дочерей Раймунда Беренгара Маргарита вышла замуж за Людовика IX Французского, Элеонора — за Генриха III Английского, Санкция — за Ричарда Корнваллийского, избранного в короли Германии. Четвертая, Беатриче, вышла за Карла Анжуйского. Оскорбленная в своей гордости тем, что у нее одной не было короны, она, говорят, побудила Карла принять предложенную ему папой сицилийскую корону.

138. В подлиннике: gli assegnò sette e cinque per dieci. По словам Виллани, Ромео утроил доходы Раймонда, но Данте говорит, что он увеличил их лишь в пропорции 10 : 12 = 10 : (5 + 7).

Искушение.

<p>1 „Osanna sanctus Deus Sabaoth,
Superillustrans claritate tua
Felices ignes horum malachoth!“</p>	<p>— «Вопросом тем (то ясно вижу я),
Как быть могла месть правая правдиво
Наказана, — смутилась мысль твоя.</p>	19
<p>4 Вокруг себя так с пением, ликуя,
(Я зрел) вращалось это существо,
Два ореола вокруг чела волнуя.</p>	<p>Я разрешу сейчас тебе то диво;
Внимай же мне: глагол мой принесет
Великой тайны дар тебе нелживо.</p>	22
<p>7 И все, слиясь в едино торжество,
Как вихрь из искр над пламенной стихией,
Вдруг скрылись в даль от взора моего.</p>	<p>Не восхотев нести над волей гнет
(Себе ж во благо), — тот, кто не родился,
Сам осужден, — весь осудил свой род,</p>	25
<p>10 Я был в сомненьи, и мой дух: «Скажи ей»,
Шептал, «скажи, скажи ей», —
Донне той,
Кто мне была божественным витией.</p>	<p>Чрез что, больной, род смертных
в прах склонился,
В мгле древней лжи блуждая без конца,
Доколь Бог-Слово в мире не явился,</p>	28
<p>13 Но, дух почтенья, — им же разум мой
Охвачен был при звуках Б и ИЧЕ, —
Мне голову склонил как бы дремой.</p>	<p>Где естество, от своего Творца
Отпавшее, слилось с Трехипостасным
Лишь действием святой любви Отца.</p>	31
<p>16 И в душу мне проникла Беатриче
С такой улыбкой, что из-за нее
Я б счастлив был хоть стать огня добычей.</p>	<p>Впери ж весь ум, да видишь взором ясным:
То естество, быв в Боге, создано
Греху и злу нисколько непричастным;</p>	34

1. Следуя раз принятому правилу, мы приводим здесь эту терцину в таком виде, как она стоит в подлиннике, присоединив почти подстрочный ее перевод с удержанием рифмы второго стиха; таким образом русский перевод терцины может заменить подлинную, без нарушения цепи терцин. — Возносясь в небо, Юстиниан поет гимн на латинском языке, официальном в католической церкви, на языке, употребляемом и праведными на небе (Рая XV, 28). К латинскому языку в гимне примешаны слова еврейские, может быть, случайно, а может быть, и с намерением: гимн слагается из двух церковных языков, дохристианского и послехристианского. Еврейские слова здесь: *Osanna*, *Sabaoth* и *malachoth*. Первые два слова понятны каждому. Слово „*malachoth*“ подало повод к разным толкованиям. «Данте не знал по-еврейски и заимствовал еврейские слова, очевидно, из *Vulgata*, на первой странице которой в *Prologus galeatus* блаж. Иеронима читаем *Quartus Malachim, id est Regum, qui tertio et quarto Regum volumine continetur. Meliusque multo est Malachim, id est Regum, quam Malachoth, id est Regnorum dicere*. Отсюда Данте заимствовал свой *malachoth*, полагая, что это слово значит то же, что и латинское *Regnorum*». Скартаццини.

1-3. *Осанна*, Боже вечный Саваоф, / Твоим сияньем блещут, торжествуя, / Блаженные светила сих кругов!

4. «Праведники, одетые светом, выражают свою радость круговой пляской, которая становится живее, быстрее и блистательнее, когда им является какой-либо повод к проявлению более высокой любви и радости. Такое проявление блаженства может многим показаться слишком обыкновенным и земным, но пусть попробуют придумать для этого более достойное подобие, чем, напоминающее хоровод, движение звезд в беспредельном пространстве». Штрекфусс.

6. «Два ореола», в подлиннике: *Sopra la qual doppio lume s'addua*. Два ореола света вокруг головы Юстиниана обозначают заслуги его, как законодателя и завоевателя. Юстиниан в предисловии к своим Институтам говорит: „*Imperatoriam maiestatem non solum armis decoratam, sed etiam legibus oportet esse armatam*“.

7-9. «В едином торжестве» (*danza*), т. е. возобновили свое круговое движение вместе со звездой; сравнение с вихрем искр над пламенем выражает и блеск этих душ, и быстроту их исчезновения вследствие того, что планета Меркурий, где находятся эти души, теперь быстро удаляется от возносящегося Данте.

10-12. Смысл: по одним комментаторам, Данте мучило сомнение относительно того вопроса, который потом разъясняет Беатриче ниже, в ст. 19 и след., по другим — он находился в колебании, спросить или не спросить Беатриче. — Троекратное повторение «скажи» верно выражает нерешительное состояние духа; впрочем, такие повторения часто встречаются у Данте, напр., Ада III, 1 и след.; Чист. XX, 86 и след.; Рая V, 122. — «Кто мне была божественным витией», в подлиннике: *Che mi disseta con le dolci stille*, которая утоляет мою жажду сладостными каплями истины.

13-14. Имя Беатриче в разговорном языке сокращается в Биче (*Vice*), особенно во Флоренции. Благоговение Данте к Беатриче выражено здесь весьма характерным образом: все, даже начальная (Б) и последняя (ИЧЕ) буквы ее имени, вызывают в нем чувство глубокого уважения к его возлюбленной.

ПЕСНЬ VII

- 37 От рая же за грех отлучено
Само собой, понеже уклонилося
От истины и жизни в ложь оно.
- 40 Итак — та казнь, что́ на кресте свершилась
(С воспринятым считаясь естеством),
Из казней всех правдивейшей явилась
- 43 И, вместе с тем, безбожнейшим судом,
Коль взять Лицо, Что на кресте страдало,
И в мир пришло во естестве таком.
- 46 И вот два следствия того ж начала:
Бог и евреи смерть хотят одну;
При ней разверзлась твердь, земля ж дрожала.
- 49 Теперь легко проникнем в глубину
Речей, гласивших, что судом правдивым
Месть правая отмстилась за вину.

- Но вижу я, как ты умом пытливым 52
От мысли к мысли к тем пришел узам,
Из коих жаждешь вырваться порывом.
- Ты мнишь: что́ слышал, — то я вижу сам; 55
Но почему — мне остается тайной —
Сим средством Бог послал спасенье нам?
- То скрыто, брат, под мглою чрезвычайной 58
От взоров всех, чей разум не возрос
Во пламени любви необычайной.
- Но возведу (понеже сей вопрос 61
Решить — у многих тщетное желанье),
Почто то средство лучшим обрелось.
- Господня благодать, чуждая алканья 64
Злой зависти, от искр любви Своей
Творит в красе бессмертные созданья.

15. Смысл: «Дух почтения» помешал Данте задать вопрос, как будто бы он был удручен сном (*come l' uom ch' assona*). Некоторые (Вентури, Ноттер) находят это сравнение не совсем удачным, так как Данте не хочет сказать, что он засыпает, но только то, что он склонил голову вниз.

18. В подлиннике: *che nel fuoco faria l' uom felice* — что даже в огне сделала бы человека счастливым.

19. «Следующее (третье) систематическое учение о главных догматах христианского вероучения распадается на две части: 1) почему, необходимая для искупления, крестная смерть Христа была вменена евреям в грех, за который, согласно 92 ст. предыдущей песни, они понесли наказание от Тита (ст. 20-56 настоящей песни)? и 2) почему Бог избрал именно этот путь для искупления, тогда как (согласно с Григорием Великим, Фомой Акв.) могли бы найтись и другие пути (ст. 56-120 этой песни)? Ответ на оба вопроса, несмотря на всю их схоластичность и диалектику, легко доступен для знакомых с христианскими идеями». Флейдерер.

20-21. Сличу слова Юстиниана: Рая VI, 91-93. Данте кажется непонятным, почему крестная смерть Христа, с одной стороны, рассматривается как справедливое наказание, а с другой — как наказуемое преступление. „*Se Christo patendo morte sub legno della croce aveva giustamente vendicato in se stesso l' antico peccato de' primi parenti: come poteva Tito giustamente aver vendicato la morte di Christo negli Ebrei che lo crocifissero*“. Томмазо.

25-51. «Беатриче доказывает, что смерть Христа была справедлива (*giusta*), и что в то же время справедливо были наказаны виновники ее. Справедлива была смерть потому, что Христос облекся в плоть человеческую, осужденную в первом человеке, и эта плоть была справедливо наказана на кресте. Но так как Христос сохранил свое божественное естество вместе с человеческим, то это божественное естество было святотатственно гонимо и оскорблено. Другими словами: смерть Христа справедлива, поскольку он был человек, и святотатственна, поскольку он Бог. Тонкость мудрствования чисто схоластическая, забывающая единство лица во Христе: не два лица, человек и Бог, но одно лицо умерло на кресте — Богочеловек». Скартаццини.

25-26. «Над волей гнет». В подлиннике: *freno* (узды) *alla virtu*, т. е. *fraenum concupiscentiae*, техническое школьное выражение, для обозначения первичного (*originale*) правосудия, подчиняющего хотение плоти разуму, Фома Акв. *Sum. Theol.* р. I, qu. CV, art. I. Скартаццини. — «Тот, кто не родился» (*quell' uom che non nasce*), т. е. Адам, созданный непосредственно Богом, — человек, о котором Данте сказал (*De Vulg. eloq.* I, 6): „*Vir sine matre, Vir sine lacte, qui neque pupillarum aetatem, nec vidit adultam*“.

27. «Одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть; так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили». К Римлянам V, 12. Здесь не место излагать учение св. отцов и схоластиков

<p>67 Чтó без посредства излилось из Ней,
То без конца; чтó Ей запечатленно,
То снять с себя не может оттиск сей.</p> <p>70 Чтó без посредства Благодсть льет вселенной,
То все свободно и не подлежит
Ничуть влияний новых власти бренной.</p> <p>73 Ей тó ценней, чтó ближе к ней стоит;
Зане тот жар, чтó блеск свой в мир низводит,
В том, кто к ней ближе, жарче и горит.</p> | <p>Даров-то сих обильем превосходит 76
Всех род людской; утрата ж хоть один,
Он с высоты естественно нисходит.</p> <p>Лишь через грех он пал, как рабства сын, 79
И с высшим Благом стал уж тем несходным,
Чтó меньший свет его приемлет чин.</p> <p>И к высотам он не взойдет природным, 82
Доколь закон, чтó в нем нарушил грех,
Вновь не восполнится судом свободным.</p> |
|--|---|

о последствиях греха Адамова на весь род человеческий; достаточно заметить, что Данте придерживался здесь главным образом блаж. Августина и Фома Акв. Слич: Блаж. Августин. *Op. imperf.* VI, 23; Фома Акв. *Sum. Theol.* p. I, 2-ae, qu. LXXXI, art. 1.

28. «Большой» (*inferma*). «Вся голова в язвах, и все сердце иссало. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны». Исайя I, 5, 6.

29. «Все мы блуждали, как овцы»; Исайя LIII, 6. «Вы были как овцы блуждающие». 1-е посл. Петра II, 25.

30. «Бог-Слово» — т. е. Христос. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Иоанна I, 1. — «Не явился», в подлиннике: низшел (*discender piacque*), согласно с Иоанна III, 13: «Никто не восходил на небо, как только спешший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах».

31. «Где» (*U'*), т. е. на земле, в мире. «Естество» т. е. человеческое, удалившееся (*allungata*) от своего Создателя под действием греха. Слич: *Convivio* IV, 5: „Volendo la smisurabile bontà, divina l' umana creatura a sè riconformare, che per lo peccato della prevaricazione del primo uomo da Dio era partita e disformata, eletto fu in quell' altissimo e congiuntissimo consistorio divino della Trinità, che'l Figliuolo di Dio in terra discendesse a fare questa concordia“.

32. Для искупления рода человеческого от первородного греха необходимо было соединение божественного Слова с человеческим естеством во Христе, но это „*unio est facta in Verbi persona, non autem in natura*“. Фома Акв. *Sum. Theol.* p. III, qu. II, art. 2. Слич: Чистил. XXXI, а также Рая XXXIII, 141 и след.

33. Т. е. действием и силою Св. Духа. Слич: Фома Акв. *Sum. Theol.* p. III, qu. XXXII, art. 1: „*Conceptionem corporis Christi tota Trinitas est operata. Attribuitur tamen hoc Spiritui Sancto, triplici ratione*“.

34. Этот призыв ко вниманию опять повторяется ниже, в ст. 94.

35. «То естество», т. е. естество человеческое, воспринятое Словом. „*Non eodem omni modo Christus fuit in Adam, et in aliis patribus, quo nos ibi fuimus. Nos enim fuimus in Adam secundum seminalem rationem, et secundum copulentam substantiam... Christus non accepit active ab Adam humanam naturam, sed solum materialiter, active vero a Spiritu sancto; sicut et ipse Adam materialiter sumpsit corpus ex limo terrae, active autem a Deo. Et propter hoc Christus non peccavit in Adam, in quo fuit solum secundum materiam*“. Фома Акв. *Sum. Theol.* p. III, qu. XV, art. 1.

35-36. Смысл: человеческая природа была непорочна, пока она пребывала в Боге, т. е. в послушании Ему. В подлиннике: *fu creata, fu sincera e buona*, т. е. была чиста и непорочна.

39. «Я есмь путь, и истина, и жизнь». Иоанн XIV, 6.

40-42. «С воспринятым считаюсь естеством», т. е. с естеством человеческим, воспринятым божественным Словом, — естеством Адамовым, которое само по себе заслуживало наказания за свое грехопадение. «В лице Адама согрешило человечество, и потому заслужило казни. Христос, этот новый Адам, принял на Себя человечность и, как носитель этой человечности, подвергся справедливому наказанию». Витте.

44. Т. е. второе лицо Святой Троицы, воплотившееся в естество человека.

46. В подлиннике: *Però d' un atto uscì cose diverse* — итак, из одного действия произошли различные последствия.

47. Смысл: смерть Христа была угодна Богу ради правосудия, евреям — из зависти. „*Judaei peccaverunt, non solum tanquam hominis Christi, sed etiam tanquam Dei crucifixoress... Christus voluit quidem suam passionem, sicut et Deus eam voluit; iniquam tamen actionem Judeorum non voluit*“. Фома Акв. *Sum. Theol.* p. III, qu. XLVII, art. 5, 6. Скартаццини при этом замечает: „*Chi dunque doveva crocifiggerlo?*“

48. «Землетрясение в минуту смерти Христовой означало, что Богу неудобно было деяние евреев; разверзание же неба означало, что вольная смерть Христа на кресте примирила Бога с искупленным этой смертью человечеством». Филалет. «И земля потряслась». Матф. XXVII, 51. „Ad ostendendum quod totus mundus virtute passionis ejus erat in melius commutandus“. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, qu. XLVII, art. 4: «Per passionem Christi aperta est nobis janua regni coelestis». Ibid. qu. XLIX, art. 5.

50. Т. е. речей Юстиниана, см. Рая VI, 91 и след.; VII, 20, 21.

52. Первое сомнение Данте рассеяно; теперь разрешается второе: почему Бог избрал именно этот путь для искупления человека? Вопрос этот был предметом толкований у отцов церкви. Блаж. Августин называет его глупым: „Sunt autem stulti, qui dicunt: Non poterat aliter sapientia Dei homines liberare, nisi susciperet hominem et nasceretur ex foemina et a peccatoribus omnia illa pateretur? Quibus dicimus: Poterat omnino sed si aliter faceret, similiter vestrae stultitiae displiceret“. De agone Christ., c. 11. — Фома Акв., главный руководитель Данте в вопросах богословских, подробно рассматривает этот вопрос. Скартаццини (с. 167) делает подробную выписку из его Sum. Theol. p. III, qu. XLVI, art. 1: „Utrum fuerit necessarium Christum pati pro liberatione humani generis?“ Не считая нужным входить здесь в эти чисто богословские подробности, рассмотрим учение самого Данте. «Созданная непосредственно Богом, т. е. без содействия каких-либо вторичных причин, душа человеческая поэтому неразрушима (incorrutibile) и вечна. По праву своего происхождения, она обладает качествами, ей исключительно присущими, которыми, сравнительно с другими субстанциями, она более всех уподобляется Создателю, и луч божественной любви всего ярче в ней отражается. Но в силу греха человек утратил свои права на небесное происхождение, отрезал себе путь ко всем благам, лишился любви Господней и осужден Богом на вечную погибель. Для того, чтобы возвратиться к первобытному своему состоянию, необходимо стало восполнить эту пустоту (vuoto) соразмерным удовлетворением. Для возвращения божественной милости и восстановления собственного достоинства, было необходимо: или чтобы человек сам по себе исправил свою вину, или чтобы Бог исправил ее. Но человеку было невозможно исправиться своими собственными заслугами. Итак, осталось одно, чтобы Бог исправил ее. Но Бог мог сделать это двояким образом, а именно: или по милосердию, или согласно с правосудием. Ему благоугодно было употребить и то и другое средство. Милосердие понудило божественное Слово к воплощению, правосудие пригвоздило пречистое Его тело ко кресту. Всякое же другое средство было бы недостаточным для божественного правосудия, помимо уничтожения Сына Божия. С этим учением Данте почти тождественно учение Ансельма Кентерберийского в его знаменитом трактате Cur Deus homo, а также Гуго С. Виктора, De sacram, lib. I, p. III, c. 4.

58-60. «Средство, избранное в совете Божьем к искуплению человечества, конечно, остается для нас темным. Разум тщетно пытается различными способами разрешить эту задачу; но одно только сердце, согретое жаром необычайной любви, может уразуметь Божью премудрость и почувствовать беспредельную любовь, проявленную при этом». Филалет. — «Тщетно пытается разум разгадать божественную тайну, если он не созрел в пламени любви». Штрекфусс. — Слич: I Коринф. XIV, 20: «На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни». Также Ефес. IV, 14; Евр. V, 13, 14. Намек на слова ап. Павла Ефес. II, 4 и 5: «Бог, богатый милостию, по Своей великой любви, которой возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлению, оживотворил со Христом».

61-62. В подлиннике: Veramente, però ch'a questo segno Molto si mira, e poco si discerne.

63. Фома Акв. также не утверждает, что Бог не мог избрать для нашего искупления другого пути, но говорит, что этот путь был наилучшим (Sum. Theol. p. III, qu. XLVI, art. 2, 3).

64-66. «Дивно выраженные мысли, что создание (как и искупление) только действие ничему не зависящей и безгранично проявившейся любви божественной». Флейдерер. — «Чуждая алканья злой зависти» (che da sè sperne Ogni livore). Слич: Боеций. Cons. phil., III, metr. 9:

Quem non externae pepulerunt, fingere causao
Materiae fluitantis opus, verum insita summi
Forma boni livore carens, tu cuncta superno
Ducis ab exemplo.

Смысл этого места таков: «Божественная благодать, отметающая от себя все несогласное с любовью (carità), пылая сама в себе, блещет во внешности так, что проявляет при этом свою вечную красоту. Данте повторяет здесь неоднократно выраженную мысль, что все мироздание есть проявление божественной любви. Так Златоуст учит, что Бог сотворил вселенную δι' ἀγαπότητα μόνην. Блаж. Августин. De vera rel. 15: „Deus enim bono alterius non indiget, quoniam a se ipso est“. Также Петр Ломбардский. Sent. II, dist. I, c. „Dei tanta est bonitas, ut summe bonus beatitudinis suae, qua aeternaliter beatus est, alios velit esse participes, quam videt et communicari posse et minui omnino non posse. Illud ergo bonum, quod ipse erat et quo

85 Природа ваша, согреша во всех
Своих потомках, до последних родов,
Понизилась, утратив рай утех,

88 И не восстанет (коль ты мысли ходов
Моей не чужд) ни на каком пути,
Коль не пройдет одним из этих бродов:

Иль чтоб простил ей по Своей любви 91
Сам Бог, иль чтоб по своему почину
Покаялся в безумьи сын земли.

Но погрузи теперь свой взор в пучину 94
Совета вечного, и для зениц
Очей твоих я мрак над ней раздвину.

beatus erat, sola bonitate, non necessitate aliis communicari voluit". Ibid. F: „Deus perfectus et summa bonitate plenus, nec augeri potest nec minui. Quod ergo rationalis creatura facta est a Deo, referendum est ad creatoris bonitatem". Скартаццини.

67. «Без посредства» (senza mezzo), т. е. прямо от Бога, без содействия каких-либо посредствующих причин.

68. «То без конца». Существа, принявшие непосредственно от Бога свое бытие и то, чем он суть, естественно должны быть неразрушимы, ибо Им запечатлены, т. е. несут на себе отпечаток Его руки вечно. «Яви нам свет лица Твоего, Господи». Псал. IV, 7. — Екклес. III, 14: «Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек». Слич: Фомы Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXV, art. 1: „Omnes creaturae Dei secundum aliquid in aeternum perseverant, ad minus secundum materiam; quia creaturae nunquam in nihilum rediguntur, etiamsi sint corruptibiles. Sed quanto creaturae magis appropinquant ad Deum, qui est immobilis, tanto magis sunt immobiles". — Противоположность этим, непосредственно от Бога сотворенным существам, составляют существа, посредственно от Бога происшедшие, например, растения, получившие свою нутритивную, и животные, — свою сенситивную души чрез влияние светил (Рая VII, 133; XIII, 64)». Витте.

70-71. Второе свойство этих непосредственно от Бога сотворенных существ — то, что они неизменяемы и свободны и не подчинены законам никакого другого создания, в особенности влиянию небесных тел. «Где дух Господень, там свобода». II Коринф. III, 17.

73. В подлиннике: Più l'è conforme, e però più le piace, т. е. что Ей (Благости божественной) более уподобляется, то и более приятно Ей. — Наконец, третье свойство существ непосредственных — их совершенство и богоподобие, делающие их предметами особенно приятными Богу. Итак, эти существа первоначально получили три свойства: вечное существование (ст. 68), свободу (ст. 71) и богоподобие (ст. 73).

74-75. «Жар», т. е. божественная любовь. Слич: De Vulg. Eloq. I, 16: „Simplicissima substantiarum, quae Deus est, in homine magis redolet, quam in bruto; in animali, quam in planta; in hac, quam in minera; in hac, quam in igne; in igne, quam in terra" в песни I примеч. к ст. 3.

76. Т. е. бессмертием, свободой, подобием Богу и Его любовью к нему.

81. В подлиннике: Perché del lume suo rосо s'imbianca, ибо менее озаряется Его светом. «Когда человек согрешил и образ Божий в нем помрачился, он вместе с тем утратил и два другие преимущества: он до некоторой степени подвергся гнету сил природы, ибо свобода его уменьшилась с удалением от него благости Господней, тело его стало смертным, разрушимым». Филалет. «Из прежних преимуществ удержалось за ним одно бессмертие души». Витте.

82-84. Согласно с изречением моралистов: Non remittitur peccatum nisi restituatur ablatum. Очень хорошо развивает эту идею Фома Акв.: Каждое действие производит уже в естественных вещах противодействие. Каждое нарушение порядка стремится придавить того, кто этот порядок нарушает, и в этом-то и состоит наказание. Грех же нарушает тройкий порядок: порядок разума и законов, человеческого и божеского; поэтому и подвергается тройкому наказанию: угрызению совести и казни гражданской и божеской. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 1, qu. LXXXVII, art. 1. Цитата Филалета. — «К высотам», in sua dignità, т. е. к прежнему своему достоинству (бессмертию, свободе и богоподобию).

85-86. «В Адаме, как бы в зародыше, заключалось все будущее человечество». Витте.

90. «Бродов». В некоторых кодексах вместо guadi — броды употреблено слово gradi — ступени. Первое выражение, по-видимому, более поэтично, чем второе, и принято в большинстве новейших изданий, например: Витте, Скартаццини, Фратичелли.

93. В подлиннике: o che l'uom per se s'isso Avesse soddisfatto a sua follia. В Св. Писании грех назван безумием, глупостью. В Псалме CX, 10 и в Притчах I, 7 сказано: «Начало мудрости — страх Господень». Грех Адама коренился главным образом в гордости. Поверя словам сатаны: «будете, как боги», — он стремился уподобиться Богу неправильным путем. Человек, по натуре своей, конечно, подобие Божие, и стремление к такому уподоблению не могло быть само по себе греховным. Даже и в отношении знания и действия

<p>97 Сам человек внутри своих границ
Не мог спастись, зане не мог в смиреньи,
Унизившись, он пасть настолько ниц,</p>	<p>Но как творящему тем слаще дело, 106
Чем более на нем намечен след
Щедроты сердца, где оно созрело, —</p>
<p>100 Насколько вверх стремился в противленьи:
Вот потому-то он и не возмог
Сам по себе свершить свое спасенье.</p>	<p>То благость Божья, ею ж полон свет, 109
На всех путях Своих вознестъ решила
Его опять в верховный Свой совет.</p>
<p>103 Итак, одно осталось — чтоб сам Бог
В путях Своих вознес его всецело,
Единой ли, двумя ль из тех дорог.</p>	<p>И в сих путях с такой высокой силой 112
Свершенных дел между последней мглой
И первым днем не будет и не было.</p>

человеку, как цель, указано богоподобие, но такое, какого он мог достигнуть лишь при милости Божией. Поэтому человек согрешил лишь в том, что он, как говорит Фома Акв., предположил, что и того и другого он может достигнуть собственными силами, или, как выражается Гуго С. Виктор, тем, что он стремился не к уподоблению Богу, а к равенству с Ним. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae, qu. CLXV, art. 2; Гуго С. Виктор. Eudit. Theol. de Sacram lib, I, p. VII, c. 15; p. VIII, c. 4.

97-100. «Внутри своих границ». Гуго С. Виктор говорит: „Ad hanc plenitudinem oportuit, ut tanta esset, humiliatio in expiatione, quanta fuerit praesumptio in praevaricatione. Rationalis autem substantiae Deus tenet summum, homo vero imum gradum. Quando ergo homo praesumpsit contra Deum, facta est elatio de imo ad summum. Oportuit ergo, ut ad expiationis remedium fieret humiliatio de summo ad imum“. De incarn., c. 8. Также Фома Акв.: „Hominis puri satisfactio sufficiens esse non potuit pro peccato, tum quia tota humana natura erat per peccatum corrupta; nec bonum alicujus personae, vel etiam plurimum, poterat per aequiparantiam totius naturae detrimentum recompensare; tum etiam qui peccatum contra Deum commissum quamdam infinitatem habet ex infinitate divinae majestatis; tanto enim offensae est gravior, quanto major est ille in quem delinquitur. Unde oportuit ad condignam satisfactionem ut actus satisfaciens haberet efficaciam infinitum, utpote Dei et hominis existens“. Sum. Theol. p. III, qu. I, art. 2.

103-105. «Близок Ты, Господи, и все заповеди Твои — истина». Псал. CXVIII, 151. — «В путях Своих», т. е. путем милосердия и путем правосудия. — „Hominem liberari per passionem Christi, conveniens fuit et misericordiae, et justitiae ejus. Justitiae quidem, quia per passionem suam Christus satisfecit pro peccato humani generis; et ita homo per justitiam Christi liberatus est: misericordiae vero, quia cum homo per se satisfacere non posset pro peccato totius humanae naturae, Deus ei satisfactorem dedit Filium suum; et hoc fuit abundantioris misericordiae quam si peccata absque satisfactione dimisisset“. Фома Акв. Sum. Theol. p. III, qu. XLVI, art. 1.

110. «На всех путях», т. е. на пути милосердия и правосудия.

112-114. «Т. е. никогда, с первого утра мироздания и до последнего вечера перед Страшным Судом, милосердие и правосудие Божие не совершало и не совершит действия более высокого и могучего». Ландино. «Какой не было от начала мира донныне, и не будет». Матф. XXIV, 21.

115-117. «Предав себя», — Галат. II, 20: «Христос предал Себя за меня». Смысл: относительно милосердия, Бог явил себя более щедрым, предав Сам Себя, личным соединением с человеком, чтобы сделать его способным к совершенству, чем если бы Он только, по благости Своей, простил его. Что же касается правосудия, то для удовлетворения его не было ни одного достаточного способа, кроме вольного самоуничтожения Сына Божия. Б. Бианки, Фратичелли и др.

118-120. Сличি послание ап. Павла к Филипп. II, 6-8: «Он (Христос), будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, был послушным даже до смерти, и смерти крестной».

121-148. «Выше (ст. 67 и след.) Беатриче сказала, что то, что непосредственно вышло от Бога, — без конца, ибо отпечаток, наложенный Богом, не уничтожается. Теперь Беатриче возвращается назад, чтобы разъяснить это место. Стихии, хотя и вышли из рук Бога, тем не менее разрушимы. Они вышли из рук Божиих, но не созданы непосредственно Богом. Бог создал непосредственно ангелов и небеса, потому они и не подвержены разрушению. Он создал непосредственно материю и творческую силу (la virtù informante), помещенную в светила; поэтому сами по себе они неразрушимы (incorrutibili). Но четыре стихии и все то,

115 Предав себя, чтоб мог восстать душой
Сам человек, Бог благостней явился,
Чем если б грех простил Он Сам собой.

118 Другой бы всякий способ не годился
Для правосудья, если б Божий Сын
В смиреннии Своем не воплотился.

121 Но чтоб проведать твой ум сквозь всех глубин,
Скажу насчет всех сих вещей природы,
Да зришь и ты, как я, во мгле пучин.

124 Ты говоришь: я вижу воздух, воды,
Огонь и землю; и везде одно
Лишь тление, все дается только годы,

А между тем все это создано;
Так если то, что ты сказала, — верно,
То для чего же тление им дано?

Все ангелы, о брат, и край безмерный,
Где ты теперь, — все были созданы,
Как они есть, с их сутью соразмерно.

Но те стихии, кои названы
Тобой, и все, что из стихий возникло,
От силы созданной сотворены.

Создалось вещество, что в них проникло;
Создалась сила творческая звезд,
Дающая им ход внутри их цикла.

что от их слияния (*contemperamento*) творится, будучи следствием (*effeto*) уже созданных сил, разрушимы. Души животных, растений и пр. сотворены посредственно. От них остается лишь материя, а не форма. Напротив, душа человеческая исходит непосредственно от Бога, а не от вторичных причин, и потому она по необходимости вечна. Далее и форма человеческого тела вышла непосредственно от Бога, ибо Создатель собственной рукою образовал наших прародителей, почему и следует допустить, что тело человеческое воскреснет». Скартаццини.

124-125. Огонь, воздух, вода и земля считались во времена Данте стихиями.

129. «Сомнение, которое хочет разъяснить теперь Беатриче, могло возникнуть из ее слов в ст. 64-72. Именно по христианским понятиям все вещи созданы, все имеют свое бытие (*esse*) непосредственно от Бога. Между тем элементы (стихии) и все, что от их взаимодействия возникло, подвержены разрушению. Спрашивается, как это наблюдение согласуется с вышесказанной истиной и с утверждением, что все, что непосредственно исходит от Бога, не подлежит никакому разрушению?» Филалет.

130. «Край безмерный», т. е. небо; оно создано из чистой материи, и потому в подлиннике названо *sincero* (чистый). По учению схоластиков, небо неразруσιμο.

132. В подлиннике: *creati, Si come sono, in loro essere interno*, т. е. созданы так, как они есть, совершенными с их сущностью, без участия вторичных причин, непосредственно от Бога и всей их сущности. „*Nos autem dicimus quod materia et coelum producta sunt in esse per creationem*“. Фома Акв. qu. XLVI, art. 1.

133-135. Т. е. получили свою форму (вид) от силы, созданной Богом, следовательно произошли от вторичных причин. «Сотворены», в подлиннике: *informati*, облеклись в свою форму.

136. Создалось непосредственно от Бога.

139. Эта терцина была различным образом объясняема комментаторами как древними, так и новыми. Слич: Скартаццини, с. 178 и след.
При переводе я держался К. Витте.

Die Seele jedes Thieres und der Pflanzen
Empfängt von Kräften, welche selbst bedingt sind,
Der heil'hen Lichter Strahlen und Bewegung.

Во всяком случае смысл такой, как объясняет Ottimo: „Creata fu la materia prima, di che tutte queste cose sono. E creata fu la virtù de' cieli, che informa la materia corporea ch'è quaggiù. L'anima, cioè; la potenza sensitiva la quale qui chiama anima; e la potenza vegetativa ch'è negli álbori, è infusa in esse dal moto e movimento delle stelle, alle quali Dio ha data cotale potenza“. — О сотворении души чувствительной и вегетативной Фома Акв. говорит: „*Quidam posuerunt, animas sensitivas animalium a Deo creari. Quae quidem positio conveniens esset, si anima sensitiva esset, res subsistens, habens per se esse et operationem. Sic enim sicut per se haberet esse et operationem: ita per se deberetur et fieri; et cum res simplex et subsistens non possit fieri nisi per creationem, sequeretur quod anima sensitiva procederet in esse per creationem. Sed ista radix est falsa, scilicet quod anima sensitiva per se habeat esse et operationem; non enim corrumpetur, corruptocorpore. Et ideo cum non sit forma*“

ПЕСНЬ VII

139 Душа ж растений, всех зверей окрест,
Из сил уж созданных в себя приемлет
Луч и движенье сих священных мест.

142 Но без посредства вашу жизнь объемлет
Святая Благодсть и к Себе любовь
Влагает в вас, да вечно в вас не дремлет.

И заключить отсель ты можешь вновь 145
О воскресеньи умерших из гроба,
Коль вспомнишь, как когда-то плоть и кровь

От Бога праотцы приняли оба». 148

subsistens habet se in essendo ad modum aliarum formarum corporalium, quibus per se non debetur esse; sed esse dicuntur, in quantum composita subsistentia per eas sunt. Unde et ipsis compositis debetur fieri. Et quia generans est simile generato, necesse est quod naturaliter tam anima sensitiva, quam aliae huiusmodi formae producantur in esse ab aliquibus corporalibus agentibus transmutantibus materiam de potentia in actum per aliquam virtutem corpoream quae est in eis". Sum. Theol. p. I, qu. CXVIII, art. 1; ibid. art. 2; et qu. LXXV, art. 3, 6.

142-144. О непосредственном создании человеческой (интеллективной) души слич: Чист. XXV, 62-72, примеч. Это непосредственное происхождение нашей души знаменуется непосредственным нашим стремлением к Богу, — стремлением, о котором блаж. Августин сказал: „Tu fecisti nos ad Te, et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in Te. Quies apud Te est valde et vita imperturbabilis". Conf. I, 1. — Слич: Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XC, art 2 et 3. у Скартаццини, с. 130.

145-148. «В ст. 67 Беатриче высказала положение, что все, что сотворено Богом непосредственно, не умирает. При этом она отклоняет возражение, которое можно было сделать, видя, как много созданного уничтожается. То, что уничтожается, создано не непосредственно Богом, но возникло при посредстве сил, вложенных Им, как мы видели, в светила. Человеческое же тело, созданное в первых наших праотцах непосредственно самим Богом, — бессмертно, как и наша душа, и некогда при Страшном Суде восстанет из земли, чтобы снова соединиться со своей душой. „Omnia a Deo immediate producta, sunt aeterna et perpetua; sed caro hominis a Deo immediate fuit creata: ergo erit aeterna et perpetua". Глосса Postulat. Cassin. Слич: Фомы Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XCI, art. 2; p. III, qu. XLIX, ai't. 3. Цитаты Скартаццини.

ПЕСНЬ VIII

*Подъем в небо Венеры. — Души любивших. — Карл Мартелл. — Король Роберт. —
Почему дети редко походят на отцов.*

<p>1 Мир полагал, пока в нем вера никла,
Что бред любви Кипридой чрез эфир
Из третьего к нам льется эпицикла, —</p> <p>4 За что не только ей под звуки лир
Обеты с жертвами творил в дни оны,
В лжеверьи древнем, этот древний мир,</p> <p>7 Но был им чествуем и лик Дионы,
И Купидон, как мать ее и сын,
Что будто бы проникнул в грудь Дидоны.</p> <p>10 По ней-то, давшей песни сей почин,
И назвалась звезда под зодиаком,
Приемля свет то в лик, то в тыл один.</p> | <p>Как я взлетел в нее, покрыто мраком; 13
Но что взлетел я, — в том Мадонны вид,
Еще прекрасней ставшей, был мне знаком.</p> <p>И как в огне мы видим искр полет, 16
Как в пении отличен глас от гласа —
Там тянут ноту, здесь же трель звучит:</p> <p>Так в той звезде мне зрелась светов масса, 19
И все по мере им причастных благ
Неслись, то тише, то быстрее кружась.</p> <p>С холодных туч не мчатся быстро так 22
Порывы ветров, зримых и незримых,
Чтоб медленным не счел полет их всяк,</p> |
|---|--|

1-12. Вступление свое в третье небо Венеры Данте начинает опровержением ложного и пагубного мнения древних, будто бы прекрасная звезда Венера влияла своими лучами на возбуждение в людях плотской любви.

1. «Пока в нем вера никла», в подлиннике: *in suo periculo*. В передаче я держался толкования Ландино: «в то время, когда мир жил в языческом заблуждении и, стало быть, в опасности вечной гибели».

2. Киприда, *Cirpigna*, Венера родившаяся на острове Кипре, и потому называемая Кипридой (*Kυπρηναια* и *Kύπρις*):

Праздник Венеры настал, славнейший по целому Кипру
День.

Овид. Превращ. X, 270, перев. А. Фета.

«Бред любви», в подлиннике: *il folle amore* — безумную любовь, т. е. безнравственную, плотскую.

3. «Эпицикла». По системе Птолемея, принимавшего земной шар за неподвижный центр, вокруг которого вращаются звезды, нельзя было согласовать течение планет с движением прочих светил и объяснить нередко совершенно неправильный путь первых. Поэтому прибегли к предположению, что каждая планета вращается еще по своему отдельному меньшему кругу и, двигаясь вместе с ним и по нему, совершает общее большое круговращение на тверди небесной. Эти-то отдельные небольшие круги называли эпициклами. Таким предположением хотели объяснить движение планет, нередко идущих, по-видимому, назад, т. е. с запада на восток, тогда как вследствие *primus mobile* они должны направляться с востока на запад. «Из третьего эпицикла» означает с третьего неба планеты Венеры, занимавшей по системе Птолемея третье от земли место.

5. «Обеты», именно: *thura votiva, tabella votiva, ludi votivi* etc.

7-8. Диона, дочь Океана и Фемиды (Гезиод, *Theog.* 353) и мать Венеры (Гомер, *Il. V*, 370). По мнению Данте, древние боготворили интеллигенции, т. е. ангелов, называя их божествами. „*E chiamale (le intelligenze) Plato Idee, chetanto è a dire quanto forme e nature universali. Li Gentili le chiamavano Dei e Dee; avvegnachè non così filosoficamente intendessero quelle, come Plato: e adoravano le loro immagini, e facevano loro grandissimi templi*“. *Convivio II*, 5.

9. Дидона, царица Карфагена, жена Сихея, выведена Данте в аду (*V*, 61-62) как символ неверной любви. В первой кн. *Энеиды* (ст. 659) Вергилий говорит, что Купидон прильнул к персям Дидоны, принявши образ Аскания, сына Энея, и что он наполнил ее сердце любовью к Энею:

ПЕСНЬ VIII

<p>25 Кто б видел сонм святых огней кружимых,
Примчавших к нам, кругов замедли спех,
Начавшихся при высших Серафимах.</p> <p>28 И в том строю, что был к нам ближе всех,
Вдруг раздалось так сладостно «Осанна»,
Что не забыть мне вечно звуков тех.</p> <p>31 Потом ниспал один из них неожиданно,
Вещав: «Наш сонм весь пред тебя притек,
Да насладишься нами невозбранно!</p> <p>34 Единой жаждой мы слились навек
В единый круг, что вечно Бога славит
С князьями сфер, о них же ты изрек:</p> <p>37 „О вы, чей разум третьим небом правит!“
И всяк любви так полон, что на миг
Свое вращенье для тебя оставит».</p> | <p>И вот, как скоро очи я воздвиг 40
С почтением на Донны лик сиявший
И укрепил мне очи светлый лик, —</p> <p>Я вновь взглянул на свет, мне обещавший 43
Столь многое, и — «Кто ты, дивный?» — был
К нему мой глас, от сильных чувств дрожавший.</p> <p>О, как велик, как был в нем жарок пыл 46
От радости, все становяся шире
И пламенней, пока я говорил!</p> <p>Так, просияв, сказал он: «Был я в мире 49
Лишь краткий миг; но будь я дольше с ним,
Мир спасся бы от бед в моей порфире.</p> <p>Я, радостный, для глаз твоих незрим, 52
Весь потонув в лучах, палящих жаром,
Как тонет червь в шелку, спряденном им.</p> |
|--|---|

Он, когда повисел на руках и на шее Энея
И любви утолил родителя мнимого пылакость,
Тут к царице пошел; та взором, та целой душою
Льнет и на лоне его ласкает; не знает Дидона,
Что за бог к ней, бедняжке, приник.

Энеида I, 715-719, перев. А. Фета.

10. Т. е. по имени этой богини (Киприды) и назвалась Венерою планета, о которой я начинаю говорить в этой песне; в подражание Вергилиеву: „Unde ingressus cepit“, Георг. IV, 316, и «Какой сначала выберут приступ?», Энеида IV, 284.

12. В подлиннике: *Che il sol vagheggia or da coppa or da ciglio* — которой любитесь солнце то с лица, то с затылка, т. е. или спереди, когда Венера появляется перед восходом солнца, как утренняя звезда (Денница, Фосфор), или сзади, когда она является по заходе солнца, как вечерняя звезда, или Геспер.

13-15. Подъем от планеты Меркурия к Венере совершился так быстро, что Данте не заметил этого, и лишь потому заключил, что они вознеслись в новую страну, ближе к Богу, что красота Беатриче стала еще заметнее. Здесь ему являются души любивших, обитающих на прекрасной звезде любви (Чист. I, 19), но любивших не безумной любовью, а любовью ангельской и божественной.

16-18. «Два сравнения, отличающиеся необыкновенной верностью, наглядностью и краткостью, для обозначения отдельных светов (душ) среди общего блеска лучезарной планеты. Здесь всякое толкование послужило бы лишь к затемнению картины». Скартаццини.

19-21. Большая или меньшая быстрота движения душ — показатель большего или меньшего совершенства их любви, обусловливаемого глубиной их созерцания. — «По мере им причастных благ», в подлиннике: *Al modo, credo, di lor viste eterne* (в некоторых кодексах: *interne*), т. е. по степени их вечного созерцания и, следовательно, различной степени дарованной им славы и блаженства.

22-23. Приближение духов к Данте сравнивается с быстротой молний. «Зримые ветры (*visibili venti*), по метеорологии Средних веков, суть именно молнии. Брунетто Латини (*Tesoro*, lib. II, cap. 37) объясняет происхождение молний столкновением ветров в облаках и насильственным прорывом их. Такое мнение основано на Аристотелевой теории, приписывающей землетрясения, ветры и грозы одной и той же причине, именно — сухим парам (*χαλνός*): в земле они обуславливают землетрясения, над землей — ветры и в облаках — грозы (Аристот. *Meteorol.* lib. II, cap. 4)». Филалет. Слич: Чист. XXI, 49-57 и прим.

26-27. «Все движение неба исходит первоначально от движения *primum mobile*, а это небо управляется высшим хором ангелов, именно серафимами; так как эти души вращаются по кругу третьего неба, то

55 Меня любил ты много и — недаром!
Любовь к тебе, — будь жив я, — не листвою,
Иным бы разрослась — пышнейшим даром.

58 Тот левый берег, что омыл волной
Родан, по слити с Соргом, в государи
Уж ждал меня на трон старинный свой, —

61 Как и тот рог Авзонии, где Бари,
Гаэта и Кротон, где наконец
В моря свои и Тронт, и Верде
впали.

64 Уж на челе моем сверкал венец
Державы той, где льется по долинам
Седой Дунай, немецких стран беглец.

А дивный край Тринакрии с Пахином 67
И Пелором, где так в заливе крут
Восточный ветер, где все покрыто дымом,

Не из Тифея, но от серных руд, — 70
Доныне б ждал детей моих к их санам,
Что род от Карла с Рудольфом ведут,

Когда б тиранством, столь несносным странам, 73
Не вызван был отмщенья грозный бог
Поднять в Палермо крик: „смерть! смерть
тиранам!“

И если б то мой брат предвидеть мог, — 76
Он Каталонской, алчной к злату, голи
Чуждался бы, что б избежать тревог.

и движение их (прерываемое ими теперь из любви к поэту) исходит из желания и любви серафимов». Филалет. — «Примчавших к нам, кругов замедли спех», в подлиннике: *a noi venir, lasciando il giro* — прекратив свое вращенье.

31. «Один» — Карл Мартелл, о котором будет сказано ниже, в примеч. к ст. 49.

32-33. Т. е. мы все готовы исполнить твои желания, чтобы ты был обрадован нами; радость, доставленная другому, — и их радость.

34-36. В подлиннике: *Noi ci volgiam co' Principi celesti D'un giro, e d'un girare, e d'una sete*. Смысл: «он (наш сонм) вращается с небесными князьями в одной и той же орбите, в одном и том же циркулярном движении более или менее быстро (ст. 20) и с одинаковым желанием созерцать Бога». Скартаццини.

36. «С князьями сфер» (*co' Principi celesti*). По мнению Данте, каждым из девяти кругов неба заведует один из девяти хоров ангельских: кругом *primum mobile* — серафимы, небом неподвижных звезд — херувимы, небом Сатурна — престолы, небом Юпитера — господства, небом Марса — силы, небом солнца — власти, небом Венеры — начала, небом Меркурия — архангелы и небом луны — ангелы. Каждое небо воспринимает свое движение и силу от своего хора ангелов, смотря по тому, к какому чину ангельской иерархии принадлежит он. Все ангелы жаждут познать Бога, и это познание сообщается им в различной степени. В этой-то жажде и в соответствующей ей степени богопознания лежит принцип движения и различного влияния планет, оказываемого ими на светила. Слич: Рая XXVIII, 98 и след. По этой же причине ангелы у схоластиков называются еще интеллигенциями. „*Certe intelligence, ovvero per più usato modo volemo dire angeli, li quali sono alla revoluzione del cielo di Venere, siccome movitori di quello*“. *Convivio* II, 2. — Итак, «с князьями сфер» означает с «началами». Замечательно, что в *Convivio* Данте приписывает движение Венеры «престолами». Вообще, в *Convivio* он придерживается в делении ангелов учения Григория Великого; в Божественной Комедии Данте от него отделяется и следует учению Дионисия Ареопагита, исправляя свою ошибку в следующей песни, в ст. 61. Скартаццини, Филалет.

37. «О вы, чей разум», и пр. *Voi che intendendo il terzo ciel movete* — начало первой, объясненной в *Convivio* канцоны Данте: слова эти относятся к интеллигенциям, управляющим третьим небом (Венеры). „*Questi movitori muovono, solo intendendo, la circolazione di quello soggetto proprio che ciascuno muove. La forma nobilissima del cielo, che ha in sè principio di questa natura passiva, gira toccata da virtù motrice che questo intende: e dico toccata, non corporalmente per tatto, da virtù, la quale si dirizza in quello. E questi movitori sono quelli, alli quali s'intende di parlare*“. *Convivio* II, 6.

38-39. В подлиннике: *che, per piacerti, Non fia men dolce un poco di quiete*, т. е. чтобы сделать тебе удовольствие, минутная остановка в нашем круговращении будет для нас не менее сладостна. «Глубокая мысль! Любовь к Богу и любовь к ближнему никогда не могут быть в противоречии между собою; напротив, они обе в сущности одно и то же и только взаимно возвышают одна другую». Филалет.

40-42. «Прежде чем вступить в беседу с праведником, Данте обращает взор на Беатриче, испрашивая ее согласия. Они не обмениваются словами: все ограничивается одним взглядом вопрошающего и одной

*Тот левый берег, что омыл волной
Родан, по слити с Соргом, в государи
Уж ждал меня на трон старинный свой, —
(Рай, Песнь VIII, тер. 58)*

улыбкой вопрошенной. Затем поэт снова обращается к лучезарному духу, столь любовно явившемуся к нему с готовностью сделать приятное, и просит голосом, полным чувства, сказать, кто он. Это обычный вопрос, предлагаемый Данте душам, неузнанным им с первого раза. Но как все это удивительно выражено! Цитируя первый стих его канцоны, дух этот тем самым дает поэту понять, что он знал его на земле; вследствие этого желание узнать, кто этот дух, охватывает душу поэта сильнее, чем на луне, при виде Пиккарды, и на Меркурии, при виде Юстиниана. Вот отчего и голос его дрожит от сильнейшего волнения. *Si forte fu l'affettuoso grido: Ада V, 87*». Скартаццини.

42. Своим соизволением.

47-48. «Шире и пламенней»; в подлиннике: *quanta e quale*. По объяснению Ottimo, *quanta* означает количество и *quale* — качество света радости, т. е. его величину и красоту. Как у Вергилия, в Энеиде II, 274:

И богиню такой явила, какой ее видят
Небожители и какой она есть, и т. д.

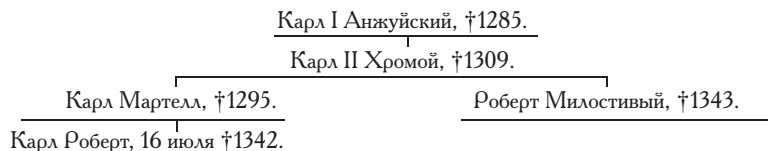
Перев. А. Фета.

или II, 591, о Венере:

Горе, — каков-то он был! Как против того изменился.

«Радость делать добро ближнему постоянно увеличивает блаженство праведников — идея, проходящая через весь „Рай“ Данте». Филалет.

49. Говорящий здесь дух — Карл Мартелл, старший сын Карла II, Хромого, короля Неаполитанского и Провансальского. Еще при жизни отца своего он был коронован венгерской короной и если бы пережил своего отца, то наследовал бы все его владения; но Мартелл умер раньше, и брат его Роберт Милостивый занял его место, нисколько не заботясь о законных правах сыновей умершего. Вот его родословная:

По другим (Гормайер *Geschichte Wiens*), Карл Мартелл умер в 1301. — «Когда Карл II Неаполитанский (Хромой) (Чистил. XX, 79 и примеч.) освободился из его арагонского плена, он оставил заложниками за себя двух сыновей: будущего короля Роберта и Дживанни. Заключенный в 1294 г. мир с Иаковом II сделал их свободными, и Карл поехал во Францию им навстречу. На возвратном пути они встретились во Флоренции со старшим сыном Карлом Мартеллом, ожидавшим уже три недели прибытия отца и братьев. Вероятно Мартелл в это время подружился с Данте. По матери своей, Марии Венгерской, Карл Мартелл имел права на венгерский престол, когда был убит дядя его Владислав (Ladislaus) IV. Венгерское посольство явилось поднести ему корону св. Стефана, и он был коронован в Неаполе 8 сентября 1290 г. Между тем в Венгрии явился другой претендент, Андрей, которого Мартелл никогда не мог совершенно устранить из Венгрии. Только его сыну Карлу Роберту удалось наконец утвердиться на троне». Каннегиссер. Витте.

50. «Карл II назначил в своем завещании, вместо законного наследника Карла Роберта, своего третьего сына Роберта наследником престола, и в его пользу папа Климент V утвердил в ленное владение Неаполь. Об этом ученом, но эгоистичном Роберте, годном скорее в попы, чем в короли (см. ниже, примеч. к ст. 147), Данте был плохого мнения, тогда как Петрарка называл его вторым Соломоном». Витте. — Так как завещание было обнародовано лишь по кончине Карла II, последовавшей в 1309 году, то Данте говорит здесь (1300 г.) об этом обстоятельстве, как о позднее совершившемся.

51. «Я бы устроил дела Сицилии и Арагона так, что не случилось бы войны, которая их так удручает». Ottimo. — «*Quia melius stetisset regnum de curialitate mea, quam de avaritia Roberti*». Post. Caet.

52-53. «Планета Венера — последняя, в которой праведные еще удерживают очертания своего земного тела». Витте.

54. «Шелковичный червь, о котором Данте здесь говорит, как о предмете общеизвестном, был введен впервые в 1130 г. сперва в Сицилию и Калабрию, а оттуда в остальные местности Италии, в том числе и во Флоренцию». Ноттер.

55. О дружбе Данте с Мартеллом нет никаких исторических свидетельств. Может быть, она завязалась в Неаполе, куда Данте два раза был посылаем из Флоренции к отцу Мартелла, или же, как выше,

79 Да, он был должен, по своей ли воле
Иль по чужой, сознаться, что беда —
Тяжелый уж корабль грузить все боле;

82 Из щедрых — алчным стал он без стыда
И рать ему не ту иметь пристало,
Что золотом грузит свои суда!»

85 — «Монарх! Ту радость (как мне ясно стало),
Какую льет мне речь твоя, — лишь там,
Где всех благих конец и их начало,

88 Ты мог извлечь, и я твоим словам
Тем боле радуюсь, что все начатки
Ты в Боге зришь, как сердцем вижу сам.

Дав радость мне, дай и ответ, хоть краткий 91
(В сомненье впал с твоих же я речей!):
Как сладкий корень плод дает несладкий?»

Так я, — и он: «Когда я с тайны сей 94
Сниму покров, к ней повернешься ликом,
Как ты теперь спиной повернут к ней.

Тот, Кто — покой и двигатель в великом 97
Сем царстве, где паришь ты, промысл Свой
Дарует в мощь всем звездам, как владыкам,

И ум Его, довольный сам собой, 100
Все естества не только прозревает,
Но все в себе вмещает с их судьбой,

в прим. к ст. 49, сказано, во время двадцатидневного пребывания Мартелла во Флоренции, когда он ожидал возвращения отца из Франции. По-видимому, Данте возлагал на Мартелла большие надежды.

56-57. «Бенвенуто да Имола говорит о Мартелле. — «Он был юноша с большими способностями, истинный сын Венеры, ибо был милостив, любезен и привлекателен и обладал пятью свойствами, которые заставляют любить, именно: здоровьем, красотой, богатством, досугом и юностью». Этими его свойствами он старается объяснить причину, почему Данте поместил его с душами, которых покори́л свет этой звезды». Филалет.

58-72. В этих терцинах обозначаются границы тех владений, которые назначались в наследство Карлу Мартеллу.

58-60. «Здесь разумеется прежде всего Прованс, наследие Карла Мартелла от деда, Карла I Анжуйского, которое он получил вследствие брака с Беатриче, дочерью Раймонда Беренгара IV. Прованс совершенно верно назван левым берегом Роны (Родана), начиная от впадения в нее к северу от Авиньона небольшой речки Сорга: Прованс именно в этих границах перешел в руки Анжуйского дома; прежде же границы Прованса были гораздо обширнее». Филалет.

61-63. «Также верно обозначается в этой терцине область Неаполитанского королевства, названного ро́гом Италии, или древней Авзонии (по имени Авзона, сына Улисса), ограниченного тремя морями, при которых лежат три города: Бари — на Адриатическом море, Кротон или Катона (в большинстве кодексов) — на Ионическом и Гаэта — на Тирренском море. К северу это королевство простирается до р. Тронто, впадающей в Адриатическое море и отделяющей Неаполитанское королевство от бывшей Папской области. В Верде надобно предполагать какую-нибудь реку, впадающую в Тирренское море; с большой вероятностью здесь должно разуме́ть реку Гарильяно (Слич: Чистил. III, 131 и примеч.)». Филалет.

64-66. Здесь говорится о Венгрии (Слич: выше, примеч. к ст. 49).

67-70. Тринакрия — древнее название Сицилии, названной так по трем ее мысам: Пелору, Пахину и Лилибею. — Пахин, ныне Пассаро; Пелор — Фаро. В этой терцине Сицилия характеризуется особенностями Катанского залива, ограниченного с севера и с юга двумя названными мысами. Катанский залив часто подвержен сильному юго-восточному ветру сирокко (у древних называвшемуся Эвром) и нередко покрывается дымом Этны, находящейся вблизи Катаньи и ее залива.

70. В этом стихе Данте объясняет причину извержений Этны. По понятиям древних, извержения, как и землетрясения, происходят вследствие поворачивания с бока на бок гиганта Тифея, свергнутого с неба громом Юпитера (Ада XXXI, 124; Вергилий. Энеиды III, 560-587). Овидий о нем говорит:

Остров просторный Тринакрии был на гигантовы члены
Навален, и своей громадной тяжестью давит
Он Тифея, дерзнувшего места искать средь эфира.
Все ж упирается он и силится часто подняться:
Но десную его Авзонский Пелор прикрывает,

Левую ты вот, Пахин, Лилибеем придавлены ноги,
Голову Эгна теснит, под коею навзничь лежащий
Тифоей изрыгает песок и пламя из пасти.

Превращ. V, 346-363; перев. А. Фета.

Данте приписывает эти вулканические явления зарождению серы (*per nascente solfo*). Очевидно, он имел здесь в виду то место Плиния, где он говорит о сере: „*Nascitur in insulis Aeoliis, quas ardere diximus*“. Плин. *Hist. natur. lib. XXXV*, с. 5. — Странная расстановка слов в этих терцинах удержана переводчиком согласно оригиналу.

71-72. Женою Карла Мартелла была Клеменца (Рая IX, 1), дочь Рудольфа I Габсбургского; под именем Карла здесь разумеется или его отец Карл II, или, что вероятнее, его дед Карл I Анжуйский. Дети от этого брака (сын Карл Роберт и дочь Клеменца) должны были наследовать престол сицилийский, если бы не случилась знаменитая Сицилийская Вечерня.

73-75. Намеки на знаменитую Сицилийскую Вечерню — известную резню, случившуюся в Палермо в понедельник на Пасху (31 марта 1282). Она началась дракой между туземцами и французами, оскорбившими одну сицилианку. Стоило послышаться первому крику: «Смерть французам!» — как началось печальное избиение французов, сперва в Палермо, а затем и по всему острову. По словам Виллани, при этом было убито 4000 французов. С 1266 г. Карл I Анжуйский владел Сицилией и жестоко управлял ею при помощи своих вассалов и французских наемных войск. Сицилийская Вечерня положила навсегда конец французскому владычеству на этом острове.

76-78. Данте влагает здесь в уста Карла Мартелла завет его брату королю Роберту не испытывать долготерпения подданных чрезмерной алчностью, подобно тому, как это делал дед его, Карл I. — По смерти отца, Роберт в 1309 г. взошел на престол в Неаполе, устранив законного наследника, своего племянника, сына старшего своего брата Карла Мартелла; племянник этот в то время находился в Венгрии. Во время своего долгого царствования (до 1343 г.) Роберт, пользуясь деятельной поддержкой крупнейших гвельфских городов, успешно воевал с императором Генрихом VII, а после его смерти — с Людвигом Баварским. Кроме того он неоднократно, но безуспешно пытался овладеть Сицилией. Каталонские наемные войска постоянно были у него на службе.

77. «Каталонской, алчной к злату, голи» (*L'avara rovertà di Catalogna*). Бенвенуто Рамбалди говорит по этому поводу следующее: «Роберт, будучи еще заложником в Каталонии, познакомился со многими тамошними синьорами, привел их с собой и возвел на важные места. Они, как голодные иноземцы, пожирали вместе с своим покровителем утробы несчастных бедных».

81. Рая XVI, 95-96. «Т. е. свою собственную алчность увеличивать еще алчностью других». Томмазо.

82-84. Относительно алчности Роберта мнения современников расходятся. Петрарка превозносит его неумеренными похвалами; Виллани же, писатель, хотя и с гвельфскими принципами, упрекает его, особенно под старость, в излишней скупости. — Об его алчности Бенвенуто да Ймола приводит следующий анекдот: однажды король сказал своему канцлеру: „*Spiritus ubi vult spirat*“, на что тот отвечал с усмешкой: „*et Robertus ubi vult pilat*“. (*Pilare* в средневековой латыни — грабить). Впрочем, прибавляет Филалет, противодействие, оказанное Робертом Генриху VII, и вообще политическое положение Роберта, как гвельфа, очевидно, имело влияние на мнение о нем Данте.

85-90. Эти две терцины представляют в подлиннике весьма темное место и, несмотря на все старания комментаторов объяснить его, остаются не вполне распутанными и, как замечает Скартаццини, вероятно долго не разъяснятся. В них, по Филалету, выражаются три вещи: 1) радость, вызванная в Данте ответом Мартелла, 2) удовольствие, ощущаемое поэтом, что Карл познал эту радость в Боге, где начинается и кончается все благое, и 3) новое блаженство Данте, что Карл почерпает эту радость из созерцания Бога, другими словами — что он находится в числе праведных. — По-видимому, первоначальный текст этих терцин очень испорчен. Сличу у Каннегиссера, с. 191.

92. См. выше, примеч. к ст. 82-83; т. е. каким образом от одного щедрого родителя мог произойти столь щедрый сын, как Мартелл, и столь алчный, как Роберт. Сличу: Чист. VII, 121.

93. «Вопрос, о котором здесь идет речь, должен быть так формулирован: как может из хорошего произойти дурное, и наоборот? Карл Мартелл обещает разрешить этот вопрос с такой ясностью, что Данте как бы станет прямо к нему лицом, тогда как теперь он обращен к нему спиной. Последующая аргументация (ст. 97-135) в главных чертах такова: говоря вообще, от подобного должно бы всегда происходить подобное (ст. 133), на основании слов самого Спасителя: «Потому что не собирают смок с терновника и не снимают винограда с кустарника»... «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый». Матф. VI, 16-18; XII, 33; Луки VI, 43, 44. — Но при рождении человека действует

103 Так что все то, что этот лук бросает,
Как прямо в цель летящая стрела,
В предвиденный предел свой попадает.

106 Будь иначе, то Небо все дела
Творило б так, что ярких звезд свирепость
Не к творчеству, а к гибели б вела.

109 Сего же нет, коль не принять нелепость,
Что разум слаб в правителях светил,
Иль что не мог Он первый дать им крепость.

112 Желает ли, чтоб дал я светил?³
И я: «Никак! С рассудком несогласно,
Чтоб не было в природе нужных сил».

И он: «Скажи ж мне: может быть, напрасно, 115
Что человек есть мира граждан?»
— «Нет,» я сказал: «без доводов то ясно».

— «А мог ли б жить он, если бы один 118
У всех был долг, а не разнообразный?»
— Конечно, нет, коль прав ваш властелин».

Так он дошел до сей посылки связно, 121
И заключил: «Итак, чтоб человек
Мог в мире жить, талант всем нужен разный.

Те как Солон, как Ксеркс, Мельхиседек 124
Родились; тот — чтоб крылья для подъема
Найти и сына тем сгубить навек.

еще нечто особенное, именно влияние светил, в которое Промысл Божий как бы воплощается (ст. 97-102). Мудрая цель, к коей приспособляет Промысл Божий сказанное влияние, состоит в целесообразном распределении способностей между людьми, благодаря чему единственно и может существовать человеческое общество (103-123). Но при таком распределении Божественный Промысл руководствуется не благородством и знатностью происхождения, а единственно своим свободным соображением (124-132)». Филалет.

97-98. В подлиннике: *Lo Ben che tutto il regno che tu scandi Volge e contenta*, — «Благо, т. е. Бог, есть один только двигатель и цель стремления всех небес, Он же единый и вечный успокоитель и удовлетворитель этого стремления». Филалет. — «Промысл Его проявляется, как посредствующее звено, в тех силах, которые Он дарует звездам, как владыкам, т. е. как интеллигенциям». Флейдерер.

100-102. «Не только бытием существ, но и их длительностью и благополучием озабочивается Бог. Поэтому в деятельности звезд нет ничего случайного, ибо такая случайность порождала бы одну лишь путаницу, а через то и гибель, разрушение, чего нельзя допустить при совершенстве мироздания». Штрекфусс. — «Фома Акв. очень хорошо определяет Промысл как *ratio ordinis rerum in finem* (идея упорядочивания вещей к цели). Поэтому, согласно с этой идеей, Промысл всегда — предначертание непосредственное, но осуществление его может иногда быть перенесено на подчиненные сферы, как здесь было сказано о звездах. Что определено этим Промыслом, то совершается несомненно; но тем не менее Он (Промысл) не налагает на предвиденные вещи гнета необходимости, ибо к совершенству всего целого принадлежит и то, чтобы существовали вещи всех родов, следовательно, и вещи, необходимо (*necessarie*), и вещи, случайно (*contingenter*) возникающие; как те, так и другие вещи Промыслом предусматриваются и входят в состав его мирового плана. Этот-то Промысл в отношении блаженства человека называется *praedestinatio*, а в отношении отвержения — *gerprobatio*». Филалет.

103-105. «Картина грандиозная! Все действия Неба изображаются, как стрелы, летящие с небесного лука». Копиш. — Сличи: «Как от стрелы, пущенной в цель» (Премудр. Солом. V, 12); — „*Sicut sagitta a sagittante immititur ad signum*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XXXIII, art. 1.

106-108. Если бы не существовало такого порядка (см. выше, объяснения к ст. 100-102), то влияние звезд не создало бы, а наоборот — вело бы к полному разрушению.

110. «В правителях светил», т. е. в интеллигенциях, или ангелах, управляющих светилами. „*E prova ancora che, se non fosse ordine le intelligenze che muovono lo cielo sarebbono manche, cioè difettive, lo qual difetto potrebbe essere imputato al primo motore, ch'è Iddio perfetto*“. Ландино, Anonimo Fiorentino.

111. «Он первый», т. е. Бог. „*Constat, quod habere esse a se non convenit nisi Uni, scilicet Primo, seu Principio, qui Deus est; quum habere esse non arguat per se necesse esse, et per se necesse esse non competat nisi Uni, scilicet Primo, seu Principio, quod est causa omnium*“. Epist. Kani § 20.

112. «Чтоб дал я светил?» — т. е. чтобы дал тебе надлежащие разъяснения.

114. „*Natura nunquam deficit in necessariis*“ — слова Аристотеля, цитированные Бути. «Под именем «природы» у Данте обыкновенно разумеется круговращение неба и его действие на элементарный мир». Филалет.

115-110. «Еще Аристотель называл человека животным, живущим в обществе, в государстве — *πολιτικὸν ζῷον*, на том основании, что человек, в отличие от животного, обладает даром слова. Животные имеют только способность издавать звуки для выражения ощущений приятного и неприятного, человек обладает речью, которой отличает полезное от вредного, справедливое от несправедливого. А на этих именно понятиях основано гражданское общество, которое поэтому и свойственно человеческой натуре (*Polit. lib. II, c. 1*)». Филалет.

120. «Властелин» (*il maestro*), т. е. Аристотель. „E questo modo tenne il maestro della umana ragione, Aristotele“. *Convivio IV, 2.*

122-123. В подлиннике: „Dunque esser diverse Convien de' vostri effetti le radici“ — итак, необходимо, чтобы ваши действия имели различные корни. «Корни означают здесь различные способности (таланты), зависящие от различного положения светил при самом рождении». Копиш. Слич: *Arist. Polit. lib. II, c. 2.*

124-126. Здесь, как примеры индивидуальных способностей, выставлены четыре человека: Солон, известный законодатель афинский, как пример законодателя; Ксеркс, как царь и завоеватель; Мельхиседек, царь и священник Салимский (Бытие, XIV, 18-20), как служитель и глава церкви (священник Бога Всевышнего и царь), и, наконец, Дедал, как ремесленник (Ада XVII, 119, 111; XXIX, 116), изобретший крылья, с помощью которых он спасся от критского царя Миноса, но погубил своего сына Икара.

127-129. В подлиннике: *La circular natura... fa ben sua arte.* Под именем вращающейся природы здесь разумеется влияние вращающихся небесных сфер на людские способности, причем Провидение не обращает внимания на происхождение людей, не отличает дом от дома. — «Воск» (*cera*) — понятие, часто употребляемое Данте для обозначения телесного человека.

130-132. «Исав и Иаков родились от одного отца и одной матери, в одни и те же роды и в один час; тем не менее Исав был воинствен, Иаков — миролюбив». Бути. См. Бытие XXV, 22-27. Слич: *Рая XXXII, 67* и след. — Квинт, т. е. Ромул, сын весталки Реи Сильвии и неизвестного отца; чтобы придать ему знатное происхождение, говорил, что он рожден от Марса. — По поводу этой терцины комментаторы весьма кстати приводят слова Роджера Бэкона, *Opus Maius*: „Singula puncta terrae sunt centra diversorum horizontum, ad quae coni diversarum pyramidum virtutum caelestium veniunt, ut possint producere herbas diversarum specierum in eadem particula terrae minima, et gemellos in eadem matrice diversificare in complexione et moribus, et in usu scientiarum, et linguarum, et negotiorum et caeteris omnibus“.

133-135. Т. е. натура детей всегда уподоблялась бы натуре родителей, если бы Провидение не распределяло способности иначе для лучшего порядка и благоустройства человеческого общества.

136. Слич: ст. 96 этой песни. Теперь рассеяно твое сомнение: почему дети не походят на отцов.

138. Королларий (общий вывод) — слич: Чист. XXVIII, 136 примеч. „*Corollarium est et dicitur ambitus orationis per circumlocutivam ostensionem*“. Пьетро Данте. — „*Et pulchrum, inquam, hoc atque pretiosum, sive porisma sive corollarium vocare mavis*“. Боэций. *Cons. phil. III, 10.*

139. «С Фортуною», слич: Ада VII, 68-96. «Фортуна определена от Бога в бластительницы земного блеска. Природа имеет здесь значение телесных и душевных способностей человека. Фортуна должна ей благоприятствовать, т. е. внешние обстоятельства должны содействовать развитию человека. Если такое содействие вовсе не имеет места, то человек не разовьется, точно так же как семя, брошенное на почву, не соответствующую его природе. К этому внешнему содействию принадлежит по преимуществу воспитание. Отсюда вытекает следующее заключение: человек не должен быть приневоливаем к занятиям, к образу жизни, не соответствующему его способностям. Такое приневоливание есть как бы преступление против Бога, ибо Бог, совершенно помимо родителей, действующих здесь лишь как посредствующие звенья, даровал каждому человеку его особенность и требует, чтобы он развил эту особенность и чрез такое развитие сделался бы полезным; кто препятствует ему в этом, тот действует против намерений Божьих. Это последнее рассуждение введено здесь недаром: оно частью относится к самому Карлу Мартеллу и его роду, и в особенности применяется к его отцу, не понявшему, как следовало бы управлять сицилийцами, и вообще — к воспитанию людей, и в особенности к государственной мудрости. Частью же все это рассуждение, как и вообще вся эта песнь, во внутренней ее связи с предыдущей, есть продолжение разъяснения божественной тайны в отношении человека: Бог создал душу человеческую, и притом дал каждому отдельному человеку свою собственную, отличную от всех других, душу. В этом Он особенно проявил Свою мудрость и любовь. Но люди не понимают намерений Господних и действуют без любви друг на друга: они угнетают там, где бы должна проявляться свободная воля, этот высший дар Божества. Слич: *Рая V, 19-24.* Каннегиссер. — «Природа (влияние звезд) сравнивается здесь с семенем, развивающимся лишь тогда, когда

ПЕСНЬ VIII

127 Вращенье сфер работает без грома,
Кладя печать на воск людских племен,
Но отличать не хочет дом от дома.

130 Вот почему уж в чреве отличен
Иаков от Исава, а Квирину
Дан Марс в отцы: так, низко он рожден!

133 И от отца путем все тем же к сыну
Природа вечно б шла, когда б святой
Господень промысл не менял тропину.

136 И вот что сзади — стало пред тобой.
Но чтоб ты знал, как мной любим ты нежно,
— Как в плащ, оденься в королларий мой.

Где входит в спор с Фортуною мятежной 139
Природа, там дурной родится плод,
Как всякий сев на почве ненадежной.

И если б вслед природе смертный род 142
Всегда ходил, в ее вникая недра, —
Рождался б лучший на земле народ.

Но вы того, кому был послан щедро 145
Талант военный, тянете в попы,
И в короли, кому удел — кафедра,

И тем с прямой сбиваетесь тропы». 148

попадает на благоприятную почву; так точно и индивидуальность человека нуждается в благоприятной обстановке, чтобы принести ожидаемые от нее плоды». Филалет.

147. Слова эти относятся, по-видимому, к брату Мартелла, королю Роберту, который, по словам Виллани, писал проповеди и вообще был „grandissimo maestro in teologia, e sommo filosofo“. — „Ut fuit iste rex Robertus, delectatus in sermone et studendo, et sic magis religiosus fructificasset, quam in regno tenendo“. Postillatore Cassinese. — Сборник стихотворений Роберта Анжуйского издал Убальдини (Рим, 1642).

Небо Венеры: души любивших. — Куница да Романо. — Фолько Марсельский. — Раав. — Римский двор.

<p>1 Когда твой Карл, прекрасная Клеменца,
Открыл мне все, повел он снова речь
О ковах тех, что ждут его младенца.</p> <p>4 — «Молчи», сказал, «и дай годам протечь!
Одно скажу: тот скоро час приспее,
Как вашу скорбь отмитит правдивый меч».</p> <p>7 И к Солнцу, Им же вся душа в нем млеет,
Возвел вновь взоры светоч сей святой,
Как к благодати, что каждому довлеет.</p> <p>10 О род людской, заблудшийся, слепой!
Зачем сердца, что полны суетою,
Ты уклонил от благодати такой? —</p> <p>13 И вот — другой, как светлый день весною,
Приблизился и выразил извне
Любовь ко мне блистанья красотою:</p> | <p>И очи Донны, бывшие на мне 16
Недвижными, своим благоволеньем
Мне дали дух все высказать вполне.</p> <p>— «О, снизойди скорей к моим стремленьям, 19
И мысль мою, блаженный дух, позволь
Узреть в тебе», сказал я, «отраженьем».</p> <p>Как склонный облегчать чужую боль, 22
Из недр своих, звучавших гимном славы,
Вещал мне свет, безвестный мне дотоль:</p> <p>— «В Италии, в стране ее лукавой, 25
Лежащей меж Риальто и вершин,
Источником служащих Бренте с Пьявой,</p> <p>Невысоко поднялся холм один, 28
Отколь спустился факел тот, чья злоба
Так памятна для жителей долин.</p> |
|--|--|

1-3. Когда Карл Мартелл рассеял сомнения Данте (ст. 93 предыд. песни), он продолжает речь о судьбе своих наследников, именно о том, как брат его Роберт противозаконно устранил от престола Апулии и Сицилии сына его, Карла Роберта, предсказывая при этом наказание похитителям престолов. По мнению одних комментаторов, Данте обращается здесь к жене Мартелла — Клеменце, дочери императора Рудольфа I Габсбургского, умершей в 1301 г., спустя шесть лет после мужа; по другим — он обращается к дочери Мартелла, тоже Клеменце, вышедшей замуж за Людовика X Французского и бывшей в живых еще в 1328 г. Кажется, однако ж, что воззвание это скорее относится к жене, нежели дочери Карла Мартелла.

4-6. Данте, имевший неблагоприятное мнение о Роберте, по-видимому, намекает здесь на великое несчастье, которое должно постигнуть за нарушение законного престолонаследия, но при этом умалчивает, в чем должно состоять это несчастье, чтобы не быть лжепророком, так как это касается будущего. Впрочем, случайно ли, или из верного политического соображения, поэт оказался в данном случае настоящим пророком: это отмиение последовало, но уже по смерти Данте, при дочери Роберта — Иоанне I. Филалет, Витте.

7. «К Солнцу», т. е. к Богу.

9. В подлиннике: *Come quel Ben ch'ad ogni cosa è tanto*. «Не наполняя ли Я небо и землю? — говорит Господь». Иеремии, XXIII, 24.

13. «Другой», т. е. другой светлый дух, — см. ниже, примеч. к ст. 32.

21. «Отраженьем». Праведные видят, чрез отражение в Боге, все, даже чужие мысли.

22-24. Удовлетворяя желание поэта, светлая душа, ему еще не известная, из глубины своей, исполненной перед тем лишь восхвалением Бога, отвечает ему как существо, любящее делать благо ближнему.

25-27. Здесь описывается местность, откуда этот дух родом (именно — маркграфство Тревиджанское), ограниченная реками Пьявой, Брентой и Венецианской областью, обозначенной здесь одними из ее островов — Риальто. «В стране ее лукавой», *terra prava*, слич: Ада XVI, 9; также Чист. VI, 76 и след.

28. «Холм», на вершине которого находился замок Романо, где родился жестокий тиран Эццелино (Ада XII, 110). «Романо — деревня в области Виченцы; построена недалеко от Бренты, близ дороги, ведущей в Бассано, Фельтро и Удино, отстоит от первого на три километра. Во времена Эццелино тут был замок». Лориа.

29. «Факел» — именно этот тиран Эццелино III да Романа, о котором сын Данте, Пьетро, в своем комментарии говорит: „*mater cujus, dum partui ejus esset vicina, somniabat quod parturiebat unam facem ignem*,

31 От одного мы корня вышли оба.
Куницца я, и здесь блещу тебе,
Звезде любви пребыв верна до гроба.

34 Но эту страсть прощаю я себе
Легко и этим здесь мне не смутиться, —
Хоть не понять того земной толпе.

37 И сей алмаз, что близ меня здесь мчится
На небесах, так славой был покрыт,
Что этот век пять раз возобновится,

40 Пока он будет меж людьми забыт.
Так пусть о благе род людской хлопочет,
И жизнь другую первой породит.

43 Близ Тальяменто, впрочем, мысль не точит
О том народ и, после стольких бед,
По-прежнему он каяться не хочет.

Но вскоре Падуя в багровый цвет
Окрасит вокруг Винченцы топь болота
За то, что в людях совести там нет; 46

А где Каньян падает в Силе, кто-то 49
Царит с челом подъятым в странах тех,
Но на него уж там плетут тенёта.

Оплачется и в Фельтро страшный грех 52
Епископа, — столь черный, что предстанет
Пред ним невинным в Мальте худший всех.

Столь емкий чан едва ли кто достанет, 55
Чтоб кровь феррарцев всю принять, и кто б
Ее по унцам мерить стал, — устанет, —

Кровь, что дарит учтивый этот поп 58
В угоду партии, и те крамолы
Во вкусе всех живущих там особ!

quae comburebat totam Marchiam Trevisanam; et ita fecit sua horribili tyrannide. Et tangit hoc auctor, dum dicit de facella“.

30. «Для жителей долин», т. е. для жителей области Тревиджанской и отчасти Ломбардин. О жестокостях Эццелино см. Ада XII, 110 и примеч.

31. Т. е. я, сестра Эццелино. Отец их — Эццелино II, прозванный Монахом, мать — Аделаида деи Конти ди Мангона, третья жена Эццелино II.

32. «Куницца» (Cunizza), самая младшая и красивейшая из сестер Эццелино, родилась в 1189 г. Благодаря своей весьма образованной матери, она получила отличное образование; из политических соображений ее выдали замуж за веронца Риччардо Санбонифачио, хотя она не любила его. Куницца вступила вскоре в любовную интригу с поэтом Сорделло (Чист. VI, 71 прим.), по убийении которого полюбила рыцаря Бонио из Тревизы, с которым покинула двор своего брата и долго скиталась по свету, пока не поселилась со своим любовником у своего второго брата Альберта в Тревизо, хотя там жила законная жена Бонио. Когда Бонио был убит, Куницца опять вернулась к Эццелино и вышла замуж за одного дворянина в Браганцано, который тоже пал жертвою жестокости Эццелино. Наконец, по смерти Эццелино, она еще раз вышла замуж в Вероне (De factis in J. Marchia Trevisana у Муратора Rer. Ital. Script, vol. VIII, p. 173). Из этого краткого очерка жизни видно, что Данте с полным правом может сказать, что она была предана звезде любви, т. е. Венере (perchè mi vinse il lume d'esta stella). Комментаторы все указывают на это; Post. Саети говорит: „fuit magna meretrix“; Ландино и Anonimo Fior. «La detta madonna Cunizza si recita che in ogni etade fue innamorata, ed era di tanta larghezza il suo amore, ch'avrebbe tenuta grande villania appo sè, averio a chi cortesemente glieb' avesse domandato“; Ottimo: „Questa donna visse amorosamente in vestire, canto, e giuoco, ma non in alcuna disonestade o illicito atto consenti“. Почему Данте, несмотря на все это, поместил Куниццу на небе, объясняет Бенвенуто да Имолла, говоря: „simul erat pia, benigna, misericors, compatiens miseris, quos frater crudeliter affligebat“. Очевидно, Данте смотрел снисходительно на слабости великодушной женщины за ее слезы сострадания к несчастным, страшно угнетаемым ее братом, кровавым Эццелино. К этому Филалет обращает внимание на сообщаемое одним позднейшим писателем, именно Цамбони (Gli Ezzolini Dante e gli Schiavi. Firenze, 1864) известие, что Куницца во Флоренции, в доме друга Данте, Кавальканти, упоминаемого в Ада X, 54 и след., документом за подписью Кавальканте ди Кавальканти отпустила на волю крепостных в своих поместьях. Очень может быть, что этот, совершенный в доме его друга, поступок благотворительности мог утвердить хорошее мнение Данте о Куницце. Как справедливо замечает Скартаццини, Данте, очевидно, применил к ней слова евангельские: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много», Луки VII, 47 и «Любовь покрывает множество грехов», I Петра IV, 8. Слич также: Притч. X, 12.

34-35. Для объяснения этого места служат слова блаж. Августина, которыми он изображает блаженство: „*Voluntas libera ab omni malo liberata et impleta omni bono, fruens indesinenter aeternorum iucunditate gaudiorum, oblita culparum, oblita poenarum, tamen nec ideo suae liberationis oblita, ut liberatori sit ingrata. Quantum ergo attinet ad scientiam rationalem, memor erit praetoriorum malorum suorum, quantum autem ad experientis sensum, prorsus immemor*“. De Civ. Dei XXII, 3. У Филалета эта цитата приписана Гуго С. Виктору, De sacram II, 18, 22. Смысл здесь такой: я вообще блаженна, хотя и нахожусь в низшей сфере (Слич: Рая III, 64-90). На земле каждая утрата вызывает печаль и зависть; этого нет у праведников. Даже совершенные когда-то грехи не могут огорчать обитателей рая, частью потому, что прощены в чистилище, частью же потому, что воспоминание о них потонуло в волнах Леты (Чист. XXXIII, 94-96 примеч.).

36. «Земной толпе», в подлиннике: *al vostro vulgo* — вашей черни.

37. «Сей алмаз», в подлиннике: *questa luculenta e cara gioia*. Это душа марсельца Фолько, или Фолькетто, о котором будет сказано ниже, в примеч. к ст. 94 этой песни.

39-40. В подлиннике: *pria che muoia, Questo centesim' anno ancor s'ingua*, т. е. прежде чем слава Фолько уничтожится, этот последний век, или, вернее, сотый год этого века, т. е. 1300 (когда совершилось загробное странствование), возвратится пять раз; следовательно, слава Фолько продолжится до 1800 г. Само собою разумеется, что здесь определенная величина принимается вместо неопределенной; следовательно, другими словами, это значит, что слава Фолько продолжится много веков.

41-42. Смысл: кто украсит жизнь свою славой дел добрых и великих, тот, покидая земную жизнь, вознаграждается жизнью славного своего имени. Во многих местах у Данте посмертная слава за заслуги и добродетели выставляется заслуживающей желания. „*Fama praeeminet divitiis, eo quod propinquior est spiritualibus bonis*“. Фома Акв. Sum. Theol. p. II, 2-ae, qu. LXXXIII, art. 3. — «И усомнимся ль еще делами доблесть расширить?» Вергилий, Энеида VI, 806, в перев. А. Фета.

43-45. Т. е. о славе добрых дел не заботятся жители области Тривиджианской и Фриули — местности, ограниченной реками Тальяменто и Адигем (как сказано в подлиннике). По словам Филалета, здесь собственно указываются местность, бывшая театром жестокостей дома Романо и тех событий, которые упоминаются ниже. — «После стольких бед» (*per esser battuta*) — разумеются именно злодеяния Эддиело, брата его Альберта и других тиранов Марки.

46-63. Как Карл Мартелл в предыдущей песне порицал брата своего Роберта и предсказывал ему, в начале этой песни, бедствия, так здесь Кунитца предсказывает бедствия родной области, а именно: поражения падуанцев, насильственную смерть Риччиардо да Каммино (см ниже, примеч. к ст. 49-51), вероломство и жестокость епископа фельтрского. Само собою разумеется, что все это только *vatium post eventum* — история в форме пророчества. Скартаццини.

46-48. После падения дома Романо, город Виченца долго оставался под властью падуанцев. Со вступлением императора Генриха VII в Италию он передал (1312 г.) город и область Виченцы Кану Великому дела Скала. Падуанцы не хотели покориться ему и стремились сделаться независимыми; отсюда возникла многолетняя борьба между ними, и после многократных побед (1311, 1314 и 1317 или 1318 гг.) Кан наконец усмирил падуанцев в 1317 г. Пророчество может относиться ко всем победам, так как «Рай» был окончен, по крайней мере, в 1318 г. Река Бахилионе (Ада XV, 113), протекающая около Виченцы, образует здесь топкое болото. Исторические подробности этой борьбы жителей Виченцы с Каном см. у Филалета, с. 98 и след. и у Скартаццини, с. 223.

49-51. Т. е. в городе Тревизо, где сливаются две реки, Силе и Каньяно. — «Кто-то царит» (*Tal signoreggia*), именно Риччиардо да Камино, сын доброго Герарда (*buon Gherardo*), о котором говорится в Чистилище (XVI, 124 примеч.). Он вступил в управление городом после отца, Герарда, управляя кротко и пользовался любовью народной, но был неумерен в половых наслаждениях. Обесчестив жену одного из тамошних жителей, он вызвал этим заговор последнего с другим тревизанцем, у которой Риччиардо обесчестил дочь. Заговорщики подкупили тайного убийцу, который и заколол Риччиардо во время шахматной игры; Ottimo Comento приписывает это убийство Кану Великому, но это невероятно, так как Риччиардо принадлежал к партии Кана, т. е. к гибеллинам. — «Плетут тенёта» — значит, готовят злой замысел.

52-53. «Фельтро» (ныне Фельтре) — местность в области Тривиджианской. Епископ фельтрский был облечен светской властью. В 1314 г. состоялся заговор гибеллинов против гвельфского правителя Феррары, именно против флорентинца Пино дела Тоза, наместника короля Роберта Неаполитанского. Заговор не удался, и многие гибеллины бежали в Фельтро. Епископ города (по Ottimo Comento, монах из Пьяченцы, мессер Джюлиани Новелло) сначала принял беглецов дружески, но потом выдал их Пино. Под пыткой они назвали еще тринадцать своих соучастников, так что всех было казнено тридцать человек.

51. Мальта — не остров, а местечко Марта (буква r переменялась в l) на Большесенском озере (Чист. XXIV, 24). Здесь находилась крепкая темница, куда сажались важные преступники духовного звания.

Так, по повелению папы Бонифация VIII, сюда был посажен аббат из Монте Кассино, выпустивший из своего монастыря предшественника Бонифация, папу Целестина V. По словам Даниелло, Данте разумеет здесь другую башню, Marta, в Падуанской области, которая выстроена тираном Эджелино, братом говорящей; на дне этой совершенно темной башни, покрытой водою и грязью, он помещал на всю жизнь кого хотел. 58. «Учтивый этот поп» (prete cortese), — горькая ирония, — вместо бесчеловечный. — «В угоду партии», т. е. гвельфской. — «Крамолы» в подлиннике: doni, дары, достойные жителей Фельтро, кроважадных и вероломных.

61-63. «В этой терцине поэт оправдывается, почему он влагает в уста праведников такие суровые речи, им как бы не свойственные; при этом надобно помнить то, что было сказано в Чистилище XVII, 121-123, относительно дозволенного и недозволенного гнева: гнев, вызванный сознанием справедливости божественного суда, по учению школы, истинный — ira per zelum. На этом основании Данте считает себя вправе именно в «Рае» делать беспощадные нападки на пороки своих современников». Филалет.

61 Зерцала те (для вас они — Престолы),
Где нам открыт Господень гневный лик,
Мне власть дают изречь сии глаголы».

64 Тут свет умолк и погрузился вмиг
В круг праведных, дав знать мне, что отныне
Весь помысл свой к иному он воздвиг.

67 Тут свет иной, уж мне известный ныне,
Полн радости, сверкнул мне в очи вдруг,
Как солнца луч, что отражен в рубине.

70 От радости на небе блеск вокруг,
Как смех у нас; в аду ж тем большим мраком
Темнеет тень, чем в ней прискорбней дух.

— «Все видит Бог, тебе ж Он правды знаком, 73
Дух светлый, видим», молвил я, «ничем
Не скрыт тебе весь помысл в сердце всяком!

Что ж голос твой, который в небе сем 76
Слит в хор один с источниками света,
Над чьей главой шесть крыл, творящих шлем, —

Не шлет моим желаниям, привета? 79
Будь ты ко мне, как я к тебе, влеком, —
Ждать моего не стал бы ты ответа».

— «Так далеко к востоку водоем, 82
Громаднейший (коль не считать нам понта
Вкруг всей земли)», так начал он потом,

61. По мнению Данте, ангелы, или небесные интеллигенции, суть как бы зеркала, воспринимающие свет непосредственно от Бога и затем передающие этот свет через отражение другим существам. Один из девяти чинов ангельской иерархии называется «престолы» (Рая XXVIII, 103; Колосс. I, 16). Почему именно «престолам» приписывается проявление правосудия Божия, это явствует из одного места у Григория Великого, который говорит, что трем высшим чинам ангелов, серафимам, херувимам и престолом, дано наивысшее созерцание свойств Господних, именно: серафимам — созерцание Его благодати, херувимам — Его истины и престолом — Его правосудия. „Throni dicuntur secundum Gregorium, hom. 31 in Evange, per quos Deus sua idic ia exercet; accipiunt enim divinas illuminationes per convenientiam et immediate“. Фома Аквин. Sum.Theol. p. I, qu. CVIII, art. 6. — Итак, чрез «престолы» совершает Бог суд свой, а так как в них, как в зеркалах, отражается суд Божий, то мы и познаем Его, созерцая эти престолы.

62. «Ты воссел на престол, Судия праведный». Псал. IX, 5.

66. «К иному» (ad altro vólto), т. е. к созерцанию и восхвалению славы Божией, откинув век помышления о земном. — «Праведные представляются Данте в виде вращающихся пламенных кругов. Выделявшаяся из такого пламенного круга, чтобы беседовать с Данте, Куницца снова к нему возвращается. Вместе с тем душа ее опять покидает все помышления о земном и вместе с прочими праведниками вся исполняется одним небесным». Флендерер.

67. «Свет иной», т. е. Фолько. — «Уж мне известный ныне», ибо Куницца уже объяснила Данте, как знаменит был этот дух на земле (в ст. 37-40).

69. В подлиннике: Qual fin balascio in che lo sol percota. Balascio (по-французски rubi balais) — особенный вид рубина, бледно-розового цвета, называемый балос (spinellus). Мистические свойства этого камня, по словам Кинга (Antique Gems, p. 419), следующие: «Балос укрощает высокомерные и страстные мысли, утишает ссоры между друзьями и дает здоровье телу». Лонгфелло.

73. Сравни выше, примеч. к ст. 61.

75. В подлиннике: nulla Voglia di sè a te puote esser fuja, — стих несколько темный и различно объясняемый комментаторами. Я передал его по своему разумению.

77. «С источниками света» (que' fuochi pii), т. е. с серафимами. Серафимы, название которых, по толкованию Дионисия Ареопагита, означает ἐμπρηγία, incensores, возжигатели, или θερμαίντες, calefacientes, согревающие, изображаются, по описанию пророка Исаии, с шестью крылами, Исаии VI, 2, 1. «Вокруг него стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал». Отсюда следует, что праведные в предыдущей песни, ст. 29, воспевали «Осанна» вместе с херувимами.

78. В подлиннике: Che di sei ali fannosi cuculla. — Cuculla, или cocolla, монашеский капюшон, также ряса; по-русски — куколь, или коколь (словарь Даля). Этим словом Данте передает библейское выражение «двумя закрывал каждый лицо свое». Исаии.

80-81. В подлиннике: S'io m' intuassi, come tu t'immii. — Глаголы чисто Дантовские: intuassi (от tu), углубляться в тебя, видеть мысль твою; immiassi (от mi или me), проникать в меня; как и в ст. 73 употребленный

85 Раскинулся, деля два чуждых фронта,
Что солнце здесь взойдет в меридиан,
С заката ж там едва у горизонта.

88 Поморцем был меж двух я рек тех стран —
Меж Эбро с Макрой, отделившей током
Тосканы край от Генуи полян.

91 Там под одним закатом и востоком.
Как Буччия, лежит и город мой,
Где кровью порт кипел в бою жестоком.

94 Меня звал Фалько мой народ родной,
И здесь звезда мой дух отпечатлела,
Как на земле летел я к ней одной, —

Затем что в мире страстью не горела 97
Так пламенно, как я во цвете сил,
Сихея и Креузы враг, дочь Бела,

Ни Филлида, которой изменил 100
Демофоонт, ниже Иракла сила,
Когда в груди Иолу он носил.

Но о грехах (их память истребила) 103
Мы не скорбим: мы здесь ликуем все
В той мудрости, что все так учредила.

Дивимся здесь искусству и красе, 106
Всему любовно данных, чтобы стремился
Ваш низший мир в сем высшем колесе.

глагол *inluiassi* (от *lui*) — погружаться в кого-нибудь мыслью или созерцанием. «Нельзя не найти несколько странным упрек, который поэт делает здесь Фолько за его недостаточную предупредительность и медленность, так как из всего того, что мы уже узнали о состоянии праведных, следует, что Фолько не может, созерцая Бога, сделать что-либо несогласное с высшей Его волей». Штрекфусс.

82-108. «Не выждав прямого вопроса от Данте, сверкающий алмаз (душа Фолько) отвечает поэту, сперва описывая, и притом очень подробно, даже научным языком, свою родину Марсель, потом скромно, в противоположность восторженному упоминанию о нем Кунишцы, называет себя просто по имени. Он сознается, что в жизни он находился под исключительным влиянием звезды Венеры, и оканчивает свою речь уверением, что воспоминание о грехах его жизни (о своих преследованиях альбигойцев он не упоминает) нисколько не уменьшают его небесного блаженства». Скартаццини.

82-87. В этих двух терцинах описывается Средиземное море. „*Magnifica descrizione del mare Mediteraneo e piena di profonda dottrina cosmografica*“, говорит Антонелли. К сожалению, переводчик не мог удержать всех подробностей сжатого текста. Первый стих в подлиннике: „*La maggior valle in che l'acqua si spanda*“ — самая громадная долина, по которой разливается вода; „*Fuor di quel mar che la terra inghirlanda*“ — после того моря, которое окружает венцом всю землю. — «Мысль, что океан окружает все материки и образует при этом четыре главных залива, — принадлежит Страбону; но поэт начинает свое описание, по-видимому, своим собственным предположением, подтвердившимся лишь впоследствии, именно тем, что так называемые морские бассейны — не что иное, как более углубленные долины материков». Антонелли.

85. «Деля два чуждых фронта», в подлиннике: *Tra discordanti liti* — между двух враждующих берегов («Берег против берегов»). Вергилий. Энеида IV, 628, перев. А. Фета), т. е. между христианской Европой и Африкой, населенной язычниками и магометанами.

86-87. Слич: Ада XX, 124-126; Чистил. II, 1-3 примеч. IV, 137-139 примеч. XXVII, 1-5 примеч. В подлиннике: *fa meridiano Là dove l'orizzonte pria far suole*. Стих этот различно толкуется комментаторами. По толкованию Витте, если солнце у сирийского (восточного) берега Средиземного моря на меридиане, т. е. если там полдень, то у Гибралтара (у западной оконечности моря) оно лишь подымается над горизонтом, т. е. там только утро. Данте следует здесь средневековой географии и определяет длину Средиземного моря в 90° долготы, тогда как она равняется 41°, так что разница во времени равняется не 6, а 2 часа 44 мин.

88-90. «В этой терцине еще точнее определяется местонахождение города Марселя при Средиземном море, — на равном расстоянии от реки Эбро в Испании и береговой реки Макра, составляющей границу между Тосканой и Генуэзской областью. Обе эти реки отстоят почти на 5° от Марселя». Филалет.

91-92. Положение Марселя еще точнее определено в этих стихах указанием для него одинакового меридиана с африканским городом Буччия (*Beggea, Budscheia*, на северном берегу Африки в Алжире): Марсель лежит под 23° 1' к востоку от Ферро, Буччия — под 22° 48'. Следует заметить, что один из комментаторов, Веллутелло, принимает родиной Фолько не Марсель, а Геную, откуда-де он переселился в первый город; но географическое определение Данте более согласуется с Марселем, чем с Генуей, лежащей под 26° 33'.

93. Как неотразимое указание на Марсель служит этот стих, намекающий на страшный морской бой, в виду Марселя, в котором Деций Брут, начальник флота Цезаря, одержал победу над массилийцами и помпеянцами под предводительством Низидия (Цезарь, *Comment. de bello civ. lib. II*, с. 4-6). Об этой битве говорит Лукан (*Phars. III*, 572-573):

Cruor altus in undas
Spumat, et obd ucti concreto sanguine fluctus.

Беллутелло, поддерживая свое мнение о Генуе, видит в этом стихе намек на кровопролитие, произведенное в 936 г. сарацинами в Генуе.

94. «Итак, дух, славу которого восхваляла в ст. 37 Кунница, есть Фолько. Петрарка в своем «Четвертом Триумфе Любви» называет его Фолькетто (Folchetto di Marsiglia, по-французски — Foulquet, или Folquet), провансальский поэт, писавший в 1180-1195 годах. Он был сын генуэзского купца, переселившегося в Марсель, посвятили себя трубадурству (*gaja scienza*) и вскоре занял между трубадурами не последнее место. Он жил при дворе Ричарда Английского, Альфонса Арагонского и старшего Раймунда Тулузского. Его любовные песни были главным образом обращены, хотя без сочувствия с ее стороны, к прекрасной Аделазии (Адельгейде), жене его покровителя, вицеграфа (виконта) марсельского Барраля. Более десяти лет Фолько, хотя сам отец семейства, продолжал любить ее; но по смерти своего благодетеля Барраля (или, как говорит Бенвенуто да Имолла, по смерти Аделазии) — поступил в орден цистерианских монахов, убедив сделать то же жену свою и двух сыновей, сделался аббатом одного монастыря, а в 1206 году был возведен в сан Тулузского епископа. В это время в Тулузском округе, под покровительством его графа, сильно распространилась так называемая ересь альбигойцев. Фолько выступил проповедником, и голос его с кафедры был столько же могуществен, сколько прежде он был нежен в песнях любви. К сожалению, он не удовлетворялся одним этим благотворным средством, напротив, он сделался деятельным и жестоким гонителем несчастных альбигойцев и непримиримым врагом графа Тулузского. Он умер 24 декабря 1231 года и был причислен к лику святых». Из этого видно, почему Данте помещает его в звезде Венеры; не совсем, однако ж, понятно, почему человеку, проводившему свою жизнь среди любовных пождений и инквизиторских жестокостей над еретиками, в истреблении которых он не уступал в суровости св. Доминику, — поэт дал не только место в раю, но и обещал продолжение его славы до 1800 г. (см. выше, примеч. к ст. 39-40 этой песни). Вероятно, замечает Филалет, его поэтическая слава, а с другой стороны — признанные церковью заслуги Фолько побудили Данте судить о нем так благосклонно.

95-96. Смысл этого места объясняется сказанными в IV песне Рая, примеч. к ст. 36.

97-102. «Фолько сравнивает любовь свою к Аделазии с любовью трех лиц древнего мира, именно: с любовью Дидоны к Энею, Филлиды — к Демофоонту и Геркулеса (Геракла) — к Иоле. Все трое, — Дидона, Филлида и Геркулес, — предали себя насильственной смерти (*s'ancise amoroza*, Ада V, 61); Фолько же, хотя и не убил себя, но зато покинул свет, затворившись в стенах монастыря по смерти своей возлюбленной». Скартаццини.

99. «Дочь Бела», т. е. Дидона, дочь тирского царя Бела («Страстью Дидона горит», Вергилий, Энеиды IV, 101, перев. А. Фета), влюбилась в Энея (Ада V, 62) и вследствие этого повергла в скорбь (в царстве мертвых) прежнего своего мужа Сихея («верности не соблюла я, обещанной пеплу Сихея». Вергилий, Энеиды IV, 552, перев. А. Фета) и Креузу, прежнюю супругу Энея. — «Во цвете сил» (в подлиннике: *infin che si convenne al pelo*, т. е. пока это было прилично моим волосам), т. е. пока я был молод.

100. «Филлида», или Родопея (названная так от горы Родопе во Фракии, где она жила), дочь фракийского царя Ситона, любила Демофоонта, сына Тезея, обещавшего на ней жениться. Когда он удалился в Афины и не вернулся назад, она с горя повесилась (Овидий, *Heroid. II*).

101-102. Геракл, или Геркулес, победив Эврита, царя фессалийского, похитил его дочь Иолу и влюбился в нее. Деянира, жена героя, чтобы вернуть его любовь к себе, прислала ему, как приворотное средство, одежду, смоченную кровью кентавра Несса. Отравленная одежда принесла Геркулесу такие страшные мучения, что он сам сжег себя на костре (Ада XII, 68).

103-105. Слич. примеч. к ст. 36. К сказанному выше здесь следует прибавить, что праведники не только не чувствуют раскаяния в прежних своих грехах (так как воспоминание о них потонуло в Лете), но ликуют и радуются мудрости божественного Промысла, создавшего влияние светил, в данном случае — влияние Венеры, и направившего его к благой цели. Скартаццини, Филалет, Ноттер.

106-108. В подлиннике: чтобы низший мир возвращался в высший. Эта тердина весьма темна в подлиннике; она объяснялась и объясняется комментаторами весьма различно. См. Скартаццини.

109-112. Сфера Венеры вызывает в Данте желание узнать, кто скрывается в прочих явившихся ему светах?

<p>109 Но чтобы мир скорее водворился
В твоих мечтах, возникших в сей звезде,
Необходимо, чтоб глагол мой длися.</p>	<p>А город твой, злой отпрыск супостата, 127
Что первый к Богу стал спиной и чьей
Злой завистью так вся земля богата, —</p>
<p>112 Ты хочешь знать, кто в светлой той среде,
Что близ меня, сверкает в искрах славы,
Как солнца луч в прозрачной воде?</p>	<p>Проклятый цвет развел на пастве всей, 130
Овец и агнцев сбив с пути ехидно,
Зане стал волком пастырь их злодей.</p>
<p>115 В ней успокоилась душа Раавы,
К нам сопричтись и высшую ступень
Заняв меж нас в пределах сей державы.</p>	<p>Теологи забыли там постыдно 133
Евангелие; лишь в декретах всяк
Вникает там, как по полям их видно.</p>
<p>118 В тот круг, куда земли доходит тень,
Своим концом, триумф Христов к блистанью
Ввел прежде всех ее святую тень.</p>	<p>С прелатами в них папа ум напряг, 136
А Назарет обходит мысль их мимо,
Где Гавриил явился дивно так.</p>
<p>121 В сем небе ей по праву, по избранью,
Довлеет пальму несть победы той,
Что правой Он стяжал и левой дланью.</p>	<p>Но Ватикан и все святыни Рима, 139
Где мощи воинов положены
Петровой рати, будут несдержимо</p>
<p>124 Через ее пособие в край святой
Вошел Навин со славою когда-то,
О чем не помнит папа ваш земной;</p>	От любодейства скоро спасены». 142

Фолько, видящий все мысли Данте, говорит ему: «исполню все твои желания, явившиеся у тебя на этой звезде. Ты хочешь знать, кто та душа, что так ярко сверкает вблизи меня?»

115. «В ней успокоилась» (*si tranquilla*), т. е. обрела вечный мир. — Раав, иерихонская блудница, принявшая у себя в доме и укрывшая соглядатаев, присланных Иисусом Навином для осмотра земли обетованной, вследствие чего Навин пощадил в Иерихоне только ее одну с ее домочадцами (Иис. Нав. II, 1-24; VI, 16, 21, 22, 24; Руфь IV, 21; Матф. I, 5; Евр. XI, 31; Иак. II, 25).

118. Тень, отбрасываемая ядром земли, имеет форму конуса, который обращен основанием к земле, а острым концом восходит в мировое пространство. По весьма неверному вычислению древних астрономов, вершина этой тени достигает до орбиты Венеры. Аллегорический смысл здесь такой: в трех первых небесных кругах витают души тех, на которых еще не уничтожилось пятно земной их жизни. Оно препятствует их полному блаженству и держит их на низшей ступени блаженства: на их светлую небесную жизнь ложится, так сказать, еще некоторая тень земной их жизни. У Мильтона, *Parad. Lost*, IV, 776:

Now had night measured with her shadowy cone
Half-way up hill this vast sublunar vault.

119. «Триумф Христов», слич: Рая XXIII, 19-20; Ада IV, 46-63. Так как Раав жила в ветхозаветное время, то она принадлежит к числу тех душ, которые были извлечены из лимба Христом во время его сошествия в ад, когда не было еще ни одного спасенного между людьми.

121-123. «Вступление сынов Израилевых в обетованную землю нередко считают прообразом победоносного входа Христа в небесный Ханаан. Итак, Раав, сыгравшая такую деятельную роль в этом прообразе, удостоилась победной пальмы по наступлении события, которому она послужила символом. Говоря, что Христос «стяжал победу над грехом и смертью как левой, так и правой дланью» (в подлиннике: *con l' una e l'altra palma*), поэт разумеет обе руки, распростертые на кресте и пригвожденные к нему, ибо мы спасены их ранами». Филалет. — В этой терщине игра слов, именно в словах *palma* (пальма) и в рифмующемся с нею: *l' una e l'altra palma* (ладонь). Лонгфелло находит эту игру слов прекрасной и в оправдание ее приводит аналогичное евангельское выражение: „*Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo Ecclesiam meam*“ (Ты Петр и на сем камне (petram) Я создам церковь мою). Матф. XVI, 18.

124-125. Евр. XI, 31: «Верую Раав блудница, с миром принявши согладатаев (и проводивши их другим путем), не погибла с неверными».

126. «О чем не помнит папа ваш земной» — т. е. не помнит, что Святая Земля находится в руках сарацин. Слич: Ада XXVII, 89 и Рая XV, 144. «Данте пользуется этим случаем, чтобы упрекнуть тогдашних пап в небрежении о делах в Палестине. После папы Григория X (1271-1276 г.), еще хлопотавшего о новом крестовом походе, исчезают всякие попытки в этом направлении со стороны папского престола. В 1291 г. пали Акры, последний оплот Франкского королевства на Востоке». Филалет.

127-138. Вслед за упреком папе за равнодушие его к судьбе Святой Земли, Данте приводит в следующих терцинах и причину этого равнодушия. Причина эта заключается не в том, что взгляды на крестовые походы изменились, а единственно в том, что все внимание пап поглощено их личными интересами в Италии. При этом Данте не щадит и родного своего города, Флоренции: в ней учредился главный монетный двор Италии, откуда распространились повсюду знаменитые золотые флорины с изображением с одной стороны лилии, а с другой — Иоанна Крестителя, патрона города (Ада XXX, 74); в своем негодовании поэт называет самого дьявола («супостата») основателем города, намекая при этом на то, что город был основан под auspiciями языческого бога Марса — в глазах поэта такого же демона, как и все прочие языческие боги (Ада XIII, 150). Эта-то чеканка флоринов и стремление к обогащению вызвали то, что теперь изучают не Библию, а церковные законы, или Декреталии, чтобы знать, в каких случаях священники могут вырывать деньги на индульгенциях, диспенсациях и пр. Филалет, Штрекфусс.

127. «Отпрыск супостата», т. е. сатаны; в подлиннике: *che di colui è pianta*, — который посажен сатаной; намек на Марса (см. предыд. прим. к ст. 127-138; Ада XIII, 144). «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, — искоренится». Матф. XV, 13.

128. «Первый к Богу стал спиной» — т. е. первый возмущился против Бога.

129. В подлиннике: *di cui è la invidia tanto pianta*, т. е. которого зависть так оплакивают. «Но завистью дьявола вошла в мир смерть». Прем. Солом. II, 24.

130. «Проклятый цвет», т. е. золотые флорины с изображением лилии.

131. «Овец и агнцев». — Иоанна XXI, 16, 17: «Паси овец моих; паси агнцев моих». — «Мирян и духовных». Бенвенуто Рамбалди.

134. «Декреталии» — постановления пап, вообще каноническое право. Григорий IX приказал собрать в 1234 году Раймунду Пеннафорту (*de Penna forti*) первые пять книг Декреталий. Декреталии ввели новую систему в церковную дисциплину. Это место особенно относится к папе Бонифацию VIII, который чрезвычайно усердно занимался каноническим правом; под его авторитетом и при его содействии была издана *Liber sextus decretalium*.

135. «Как по полям их видно» (*che pare ai lor vivagni*). По толкованию Бенвенуто Рамбалди и почти всех новейших комментаторов, это означает, что от усердного чтения этих книг поля их испачкались и изорвались. По Скартаццини, также Витте, это означает, что поля книг покрыты примечаниями и глоссами читающих.

137. «Назарет», т. е. Святую Землю, не думая о ее завоевании.

138. Лука I, 26 и след. Рая IV, 47.

139-140. В подлиннике: *parti elette Di Roma, che son state cimitero Alla milizia che Pietro seguette*, кладбище воинства, следовавшего за Петром, т. е. мучеников и святых, последователей Петра.

142. «От любодейства» (*dell' adultero*), т. е. от дурного управления пап, особенно папы Бонифация VIII. По мнению некоторых, Данте намекает здесь на смерть Бонифация VIII (1303 г.); по другим — на перенесение папского престола в Авиньон Климентом V; по третьим — на вступление Генриха VII в Италию. Слич: Ада XIX, 106, где папы-симонисты сравниваются с блудницей; также Чистилища XXXII, 149, где предсказываются великие перемены в римской курии.

139-142. «Согласно с примечанием к Чистилища XXXIII, 43, это — одно из чисто пророческих мест, в котором, с прозрением реформатора, Данте ощущает и предсказывает чисто духовное очищение и обновление церкви вообще, так же точно, как в других местах своей поэмы — политическое возрождение века. Когда, как и кем совершится это очищение церкви, об этом все споры неуместны и бесполезны; слово поэта от этого не теряет ни своей ясности, ни силы, ни смелости. В Раю мы увидим целый ряд таких прямых и косвенных пророческих мест, которые и будут своевременно указаны в примечаниях». Флейдерер.

ПЕСНЬ X

Подъем на небо Солнца. — Духи познания. — Фома Аквинский. — Теологи и философы схоластические и древние.

<p>1 Взирая на божественного Сына
С любовью, нераздельной с Божеством,
Неизреченная Первопричина</p>	<p>И если б был не косвен их полет, 16
То много б сил влияло в небе тцетно,
И как бы мертв для мира свет был тот!</p>
<p>4 Все, что́ ни зрим, ни познаем умом,
Так создала, что́ кто́ без восхищенья,
Вникая в то, — помыслил бы о нем?</p>	<p>И если бы их ход сошел заметно 19
С прямой стези, то во вселенной всей
Нарушился б порядок сей заветный.</p>
<p>7 Впери ж со мной, читатель, орган зренья
К колесам высшим, к высшей точке той,
Где пересеклись меж собой движенья.</p>	<p>Сиди ж, читатель, на скамье своей; 22
Обдумай то, в чем предвкусил ты слово,
Да не падешь под тяжестью сей.</p>
<p>10 И здесь начини вникать в природы строй,
В который век Зиждитель взор вперяет,
Зане любви к нему он полн святой.</p>	<p>Питайся тем, что́ на столе готово; 25
Мои ж все думы вновь к себе влечет
Предмет, к нему ж я приступаю снова.</p>
<p>13 Смотри же, как себя здесь разветвляет
Круг косвенный, планет несущий ход,
И силу тем свою усугубляет.</p>	<p>Владыка слуг природы, что́ кладет 28
На мир печать небесной силы спорой,
И светом меру времени дает, —</p>

1. «Этой песнью начинается вторая половина планетных кругов, — деление, на которое было указано в примечании к III, 70-87 и IV, 27. Аллегорически указано на это было и в ст. 118-119 предыдущей песни. Как конусообразная тень от земли простирается до Венеры, так чрез Луну, Меркурий и Венеру к населяющим эти планеты праведникам тянется тень земной их жизни. Здесь этого больше нет. Отныне мы не будем более встречать «задержанных» в каком либо отношении; напротив, мы встретим теперь только различные категории индивидуально достижимого в земной жизни христианского «совершенства»; мы встретим здесь достигших совершенства в познании (Солнце — символ теологов), в христианской жизни вообще (Марс — мучеников, героев веры), в правосудной власти специально (Юпитер — символ монархов), в созерцании (Сатурн — символ отшельников, монашеских орденов). Теперь совершенно исчезает сходство и узнаваемость по прежним человеческим чертам, и все растворяется в один чистый свет. Отсюда читателю самому, без особых указаний, станет понятен как способ появления праведников, вместе и порознь, так и различные образы и символы колес, крестов, орлов, лестниц и пр., которые они принимают в очах поэта». Флейдерер.

1-6. «Вот вкратце учение, излагаемое Данте в этих терцинах: неизреченная, первая Причина (сила, в подлиннике: *Lo primo ed ineffabile valore*) — Бог-Отец; в Нем в самом Себе лежит творческая сила; Он взирает на божественного Сына, который есть мудрость, мысль, Слово, *λόγος* Бога-Отца, и воспринимает от Него норму создания вместе с Любовью, т. е. со Св. Духом, который (по учению католической церкви) вечно исходит от Того и Другого (*Che l'uno e l'altro eternalmente spira*) — короче, Св. Троица создала все видимое и невидимое, и притом так, что всякий, размышляющий об этом, не может не сознать величия Божия». Скартаццини.

1. «Взирая на божественного Сына»: «Все через Него (Слово) начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть». «В мире был и мир через Него начал быть». Иоанна I, 3, 10.

4. В подлиннике: *Quanto per mente et per loco* (в некоторых списках: *per occhio*) *si gira* — все, что́ вращается перед нашим умом и глазом. Смысл: все духовное, невидимое (интеллигенции) и все видимое, телесное, находящееся в пространстве и видимое глазом.

7. «*Respicite coeli spatium, firmitudinem, celeritatem et aliquando desinite vilia mirari*». Боэций. *Cons. phil.* III, 8.

8. «Колеса», т. е. небесные сферы, которые Данте часто называет колесами (в подлиннике: *Чистилища* VIII, 18; XI, 36; XIX, 63; XXIV, 88; XXX, 109. Рая I, 64; 77; IV, 58; VI, 126). — «К высшей точке

той», т. е. к точке, в которой экватор пересекается эклиптикой, что достигается солнцем во время равноденствия. «Так как Данте с Беатриче вознеслись теперь на солнце, которое во время странствования поэта стояло в созвездии Овна, созвездия же Овна (весной) и Весов (осенью) — те точки, где эклиптика пересекается с экватором, то поэт приглашает нас обратить с ним глаза к созвездию Овна. А так как неподвижные звезды вместе со своим кристалльным небом движутся по кругам, параллельным экватору, солнце же и планеты — по кругам, параллельным эклиптике (зодиаку), то поэтому он и говорит, что здесь два движения пересекаются между собою, или, как сказано в подлиннике, ударяются одно и другое (*l'un moto all'altro si percuote*). Ломбарди. — Или: «Все планеты, следовательно (по Данте), и солнце, а равно и звездное небо, принимают участие в суточном обращении кристалльного неба вокруг земных полюсов, стало быть, — в направлении экватора. Но, кроме того, все планеты имеют еще и самостоятельное течение вокруг земли, происходящее в плоскости эклиптики. Последняя пересекается с экватором во время весеннего и осеннего равноденствия». Витте. — «Здесь Данте намекает на различное движение экватора и зодиака, именно — на движение звездного неба с востока на запад, наибольшее у экватора, и на движение планет по зодиаку, косвенно направленное к тому и другому полюсу и всегда к востоку». Понта.

11. «Зиждитель» (в подлиннике: *maestro*), т. е. божественный Строитель, Бог. «Да веселится Господь о делах своих». Псалм. СIII, 31. — «Бог так возлюбил Свое творение, хранимое Им в Его идее, что всегда созерцает его с благоволением и никогда не отвращает от него очей Своих: этим символом обозначается сохраняющее Провидение, столько же необходимое, как и движущее». Скартаццини.

13. «Здесь», т. е. в экваторе. «Разветвляет» (*si dirama*), т. е. делится на ветви, как ствол дерева. От экватора отделяется (так сказать, ответвляется) эклиптика, по которой движутся солнце и планеты, причем плоскость эклиптики пересекает плоскость экватора под углом в $23^{\circ} 30'$. Ломбарди.

15. В подлиннике: *Per soddisfare al mondo che li chiama*, т. е. чтобы удовлетворить мир, который их призывает.

16-18. Вследствие такого косвенного движения планеты приближаются к каждой части земли так, что могут проявлять данные им силы повсюду, и ни от одной из них не отходят так далеко, чтобы потерять свое влияние. Если бы путь солнца шел параллельно экватору, то зима не сменялась бы летом и жизнь была бы мыслима лишь в соседстве с экватором. Сличи: Витте.

19. «От наклонного положения зодиака, несущего планеты то к северному, то к южному полушарию, зависит правильная и последовательная смена времен года, большая или меньшая продолжительность которых зависит от большего или меньшего наклона зодиака. Здесь, следовательно, проводится мысль, что времена года, будь они слишком продолжительны или слишком коротки, произвели бы величайшее расстройство во всей природе». Понта.

22. «На скамье своей» (*sovra il tuo banco*), т. е. на скамье, на которой ты сидишь, изучая мою книгу. — «Теперь вдумайся спокойно в то, что я даю тебе, как предвкушение, а не как самую суть или ядро предмета, прежде чем ты выбьешься из сил в полете за мною. По толкованию некоторых итальянских комментаторов, все то, что здесь говорит Данте о пути солнца, имеет аллегорический смысл; экватор означает будто бы папу, или церковную власть, зодиак, или эклиптика, — императора, или светскую власть. Оба круга отстоят на 23° один от другого и только в точке, откуда исходят и оканчиваются, они соприкасаются между собою, что указывает на то, что Бог есть начало и конец обоих. Если обе эти власти смешаются между собой, то произойдет полное распадение всего человеческого общества; если же та и другая будут пребывать на своей дороге, то цивилизация достигнет высшей степени, а мир — благополучия. Такое толкование может быть несколько натянуто; однако высказанный в стихах 22-27 намек показался в высшей степени странным читателю, если бы за буквальным смыслом 13-21 стихов не скрывалось аллегория». Ноттер.

28. «Владыка слуг природы», собственно, старейший служитель (*Lo ministro maggior*), т. е. солнце, названное в Бытии I, 16: «светило большее». «По учению тогдашней астрономии, солнце сообщает свет и теплоту не только планетам, но и неподвижным звездам, которым не приписывалось никакого собственного света». Витте.

29. Т. е. запечатлевает на сопричастных ему естественных телах силу, получаемую им от неба.

30. Фома Аквинский (*Sum. Theol. p. I, qu. X, art. 4*) называет время „*mensura motus*“, прибавляя: „*Solum illud mensuratur tempore, quod habet principium et finem in tempore*“.

31-33. «Той точки», т. е. созвездия Овна, о чем было сказано в стихах 8 и 9 этой песни. «С весеннего равноденствия до летнего поворота (солнцестояния) солнце с каждым днем восходит все ближе к нашему (северному) полюсу, а потому с каждым днем все ранее. Такое движение, названное здесь Данте спиралью, в своем *Convivio* он сравнивает с винтом». Витте. «Движение солнца вокруг земли, по Птолемеевой системе, правильно названо винтовой линией, и теперь именно солнце стояло как раз в середине этих извилин, по мере прохождения которых дни все прибывают, и солнце с каждым днем восходит все раньше и раньше». Филалет.

- 31 Уже достиг той точки, о которой
Мной сказано, носясь в спирали, где
Он с каждым днем бег предвдвывает
скорый.
- 34 И был я там; но как я к той звезде
Стал близок, — я не знал: так мы не знаем,
Как первая рождается мысль в уме.
- 37 О Беатриче, кем я возвышаю
С такой, все к высшим благам, быстротой,
Что временем подъем неизмеряю, —
- 40 Как солнце, ты сияешь красотой!
Но то, что в солнце, где я был, блистало
Не цветом, светозарностью одной —
- 43 О том талант, искусство, гений смелый
Не скажет так, чтоб вы постигли то;
Так веруйте ж, ведь это веры дело.

46

И если в нас фантазия — ничто
Пред блеском тем, пусть в страх тó вас
 не вводит:
Ведь блеска солнца съесть не мог никто.

Такой к семье четвертой блеск низводит 49
Отец небес, что кажет тайну ей,
Как Сын рождается, как Дух исходит.

И Беатриче мне: «Излей, излей 52
Хвалу пред Солнцем ангелов, подъявшим
Ко зримому нас благостью Своей!»

Никто из смертных с сердцем столь пылавшим 55
Не возносил к престолу Божества
Молитв своих всем помыслом алкавшим,

Как я в тот миг, лишь вял ее слова; 58
И так, любовь моя Им поглощалась,
Что я о Донне помнил уж едва.

34-36. Данте возносится на солнце, но так быстро, что не замечает своего подъема, так же точно, как при появлении мысли человек не замечает, как она в нем возникла.

37-40. Текст этих стихов читается в кодексах различно: в одних: O Beatrice!; в других: E Beatrice (и Беа-триче); в третьих: È Beatrice, quella. Во всех трех случаях толкование дается различное. В настоящем переводе держались первой редакции

41-42. Т. е. не разнообразием цветов, но единственно большою силою блеска, как искра в пламени (Рая VIII, 16).

44-45. Такого блеска нельзя ни описать, ни вообразить (так как ярче солнца мы ничего себе представить не можем), но мы можем этому верить и желать увидеть (в подлиннике: e di veder si brami).

46-48. «Данте не может описать блеск солнца, ибо если глаз человеческий не в состоянии вынести солнечного света, то и наша фантазия не может вообразить что-либо более светлое». Флейдерер. Фантазия — такая способность души, которая может составить образы только о вещах, доступных чувствам; глаз же никогда не видел света сильнее солнечного, а потому и не может вообразить себе сильнейшего света. «Ἡ δὲ φαντασία χινησὶς τε δοχεὶ εἶναι καὶ οὐχ ἄνευ αἰσθήσεως γίγνεσθαι, ἀλλ' αἰσθανομένοις καὶ ὧν αἰσθήσις ἐστίν». Аристот. De An. III. 3, 11; ibid. 13.

49-51. Т. е. обитающие в солнце облечены в свой собственный блеск, превосходящий солнечный. — «Четвертая семья» (la quarta famiglia) Небесного Царя — обитатели солнца, духи христианского познания (теологи), для которых пищи (che sempre la sazia) и успокоением служит постижение Св. Троицы, тайны, как рождается от Бога-Отца Сын и как исходит (по католическому учению, от Отца и Сына) Дух Святой (come spirà e come figlia). — Схоластики, находившие и в этой жизни высшим блаженством тонкости мудрствования, полагали и учили, что небесное блаженство состоит преимущественно в обладании интеллектуальною, далеко превосходящей земную.

53. Солнце ангелов — солнце духовное, интеллектуальное, — то, которое дает свет ангелам, как наше небесное дает свет людям, т. е. Бог.

59-63. «Данте хочет уже совсем углубиться в Божество и полагает, что он может обойтись без помощи Беатриче (богословия). Такое желание не противно ей, но тем не менее она напоминает Данте своей улыбкой, что он еще не вполне приготовлен к этому блаженству. Эта улыбка пробуждает его и напоминает, что он наперед должен осмотреть другие предметы». Каннегиссер. — «В Боге человек видит единство, когда же он обращается к созданию, то единство раздробляется на части». Ноттер. — «Связь дум моих» (*Mia mente unita*), вернее: единство дум моих, сосредоточенных на Боге.

<p>61 Не гневаясь, она мне улыбалась,
И от огня святых ее очей
Связь дум моих на части разбивалась.</p> <p>64 Мильоны ослепительных огней,
Нас взяв за центр, сложились в вид короны,
Пленяя взор, но слух еще сильней.</p> <p>67 В таком венце мы видим дщерь Латоны,
Когда весь воздух влагой столь чреват,
Что нити той удерживает зоны.</p> <p>70 В дворах небес, отколь я сшел назад,
Есть много дивных камней драгоценных,
Но их нельзя извлечь из райских врат.</p> <p>73 В числе их был и хор сих душ блаженных;
Но кто без крыл — парит в мир этих мест, —
Пусть тем немой даст весть о сокровенных.</p> | <p>Потом те солнца надо мной окрест, 76
Горя, свершили с пеньем круг трикраты,
Как вкруг Полярной хор ближайших звезд, —</p> <p>Подобясь девам пировой палаты, 79
Что молча ждут, на миг остановаюсь,
Пока не вникнут в новый такт баллаты.</p> <p>И я в одном из них услышал глас: 82
— «Коль луч той благодати, что возжигает
Огонь истинной любви, чтоб век не гас, —</p> <p>Так, преумноженный, в тебе сияет, 85
Что взвел тебя сей лестницей к стране,
Отколь низшедший вновь туда взлетает, —</p> <p>Кто бы тебе здесь отказал в вине; 88
В том не было б свободы настоящей,
Как в недостижней до моря волне.</p> |
|---|--|

64. Первое колесо теологов; второе является в XII, 5.

65. Они располагаются в форме круга около Данте и Беатриче, которые оказываются таким образом в центре этого круга.

66. В подлиннике: *Più dolci in voce che in vista lucenti*, т. е. более сладостны своим голосом, чем светозарны для глаз. «Аллегорический смысл: сладость их учения превосходит их славу». Бенвенуто Рамбалди, Ландино.

67-69. «Дщерь Латоны» — Диана, т. е. луна (Чистил. XX, 131). Венец вокруг нее, или, как в подлиннике: пояс (*singer*), — радуга вокруг луны, являющаяся вследствие отражения ее лучей в окружающих парах, особенно, когда эти пары замерзают в мельчайшие иглообразные кристаллы. — «Нити», т. е. радужные полосы в этой зоне или поясе.

70-71. «В дворах небес» (*nella corte del ciel*) — выражение чисто библейское. Представляя Бога монархом (императором) неба, Данте нередко называет праведных Его двором, а первенствующих между ними — патрициями, князьями, баронами и проч. — «Камни драгоценные» (*gioie*) — вообще сокровища, Величие славы рая.

72. Т. е. «нельзя описать их словами. Метафора эта заимствована из запрещения вывозить из страны произведения великих художников, живописцев, скульпторов». Вольпи.

74. В подлиннике: *Chi non s'impenna sì, che lassù voli* — кто не снабжен крыльями, чтобы летать в небо. «Надеющиеся на Господа поднимут крылья, как орлы». Исаии XL, 31.

75. Здесь перифраз пословицы: кто пожелал бы узнать об этом от меня, — все равно, что стал бы расспрашивать немого. В такой степени невозможно передать человеческой речью сладость того пения.

77. В трехкратном обращении теологов Бути видит аллегорический смысл, именно: первое обращение вокруг памяти, второе — вокруг разума, третье — вокруг воли. Бенвенуто Рамбалди видит здесь символ Троицы.

78. «Этим сравнением поэт хочет сказать, что движение духов около него совершалось медленно, кругообразно и постоянно в одинаковом от него расстоянии». Антонелли.

79-80. Сравнение, взятое из существовавшего во времена Данте обычая танцевать под напев какой-нибудь арии, причем танцующие девушки, как скоро переменялся напев или ритм напеваемой песни, не прекращая танца, замедляли свое движение, как бы вслушиваясь в новый размер арии, чтобы сообразовать с ним движения своих ног. — «Баллата» (то же, что и баллада) — песня, под звуки которой танцевали.

82. Голос Фомы Аквинского. См. стих 99.

<p>91 Ты хочешь знать, что за цветы в блестящей
Гирлянде этой, что сплелась кругом
Прекрасной Донны, в рай тебя вводящей?</p> <p>94 Я агнцем был в том стаде пресвятом,
Что Доминик ведет стезей воинской,
Где все тучнеют, кто не сбит грехом.</p> <p>97 Со мной здесь справа пламень исполинский —
То брат мой и учитель, тот Альберт,
Кем славен Кёльн; а я — Фома Аквинский.</p> <p>100 Но чтоб о всех ты был в познании тверд,
Направь глаза вслед слов моих по гибкой
Той линии, где наш венок простерт.</p> | <p>Там третий огонь возжег своей улыбкой 103
Тот Грациан, кто рай пленил с тех пор,
Как двум судам опорой стал незыбкой.</p> <p>А тот за ним, украсивший наш хор, 106
Есть оный Петр, что внес с вдовицей вместе
Сокровище в храм Божий в общий сбор.</p> <p>Но пятый свет, прекраснейший в сем месте, 109
Такой любовью вдохновляет Бог,
Что на земле о нем все жаждут вести.</p> <p>В нем скрытый дух был в знаниях так глубок, 112
Что — истина коль истинна, то в мире
Не восставал второй такой пророк.</p> |
|--|--|

83-85. «Здесь прекрасно выражены предвещающая благодать, зажигающая в нас любовь к благу, и совершенствующая благодать, сообщающаяся нам при нашем содействии». Филалет.

86. Планеты, по которым возносится Данте, представляются как бы ступенями небесной лестницы.

87. В подлиннике: *U' senza risalir nessun discende* — откуда никто не сходит, чтоб не подняться вновь. «Кто раз достиг неба, не может больше потерять его: он может спуститься в низшие круги неба, даже сойти на землю, но место его на небе уже упрочено. Этим поэт как бы высказывает уверенность в будущем своем блаженстве. Впрочем, можно понимать этот стих иначе: кто хоть однажды вкусил небесное блаженство, тот никогда не найдет радости в чем нибудь-земном, а душа его будет вечно стремиться на небо». Ноттер. Слич: Чист. II, 91.

88-90. Смысл: «так как Господь столь благостен к поэту и так как праведники читают в Боге эту благодать Его к нему, а в нем самом жажду поучения, то они не могут желать ничего иного, как утолить эту его жажду: иначе они выказали бы в себе несвободное, несвойственное праведным состоянием». Штрекфусс. — «В вине», в подлиннике: *Qual ti negasse il vin della sua fiala Per la tua sete*, т. е. кто бы отказал твоей жажде дать вина из своего фиала. — «Премудрость растворила вино свое и приготовила у себя трапезу». Притчи Соломон. IX, 1, 5.

91-92. Возвращение к сравнению с короной или венком, как в ст. 66.

94. Т. е. я принадлежал к ордену доминиканцев, основанному Домиником (Рая XII, 46-126) преимущественно для борьбы с еретиками.

96. «Благотворительная душа будет насыщена». Притч. XI, 25. Стих этот подробно комментируется самим Данте в следующей песне.

98. «Альберт, прозванный Великим (Albertus Magnus), родился в 1193 году в Лауингине, в Швабии; он происходил из графского рода Больштедт, учился в Падуе и в 1221 г. вступил в орден доминиканцев. Приобретя, как преподаватель, великую славу в Кёльне и Париже, он был сделан в 1237 г. генеральным викарием, а потом и провинциалом этого ордена в Германии. В 1260 г. его возвели в сан епископа в Регенсбурге, но через два года он опять возвратился в свой монастырь в Кёльне, где и скончался в 1280 г. Его работы по философии заключались в комментировании Аристотеля и его греческих и арабских толкователей; в теологии он следовал по стопам Петра Ломбардского, о котором скажем ниже, в примеч. к ст. 107. Обладая огромными познаниями в области тогдашних наук, он считался современниками за свою ученость звездой первой величины. Католическая церковь причислила его к лику святых». Филалет.

99. «Фома Аквинский». «Этот великий доктор церкви, справедливо почитаемый за величайшего философа и теолога Средних веков, родился в 1227 году (по Филалету в 1224 г.) в замке (castello) Рок-казека, в шести милях от Монте Кассино, в графской фамилии Aquino (отец его был Ландольфо граф д'Аквино и мать Теодора де Карачиолли). В 1243 г., несмотря на сопротивление матери, поступил в орден доминиканцев и первоначальное образование получил в монастыре Монте Кассино. Отсюда, вместе со своим принципом Джованни Тейтонико, отправился в Кёльн, где учился у Альберта Великого, и когда этот последний был вызван в Париж, он последовал за ним и там закончил свое образование.

<p>115 За ним блеск светоча ты зришь в эфире,
Что ангелов природу и их чин
Из всех земных прозрел полней и шире.</p> <p>118 В малейшей там из пламенных купин
Смеется тот защитник христианства,
На чью латинь ссылался Августин.</p> <p>121 Днесь, оком мысли облетев пространство
От света к свету вслед моим хвалам,
Ты жаждешь знать: восьмое чье убранство?</p> <p>124 В виденьи благ небесных блещет там
Тот славный дух, кто благ земных измену
Открыл для всех, кто внял его словам.</p> | <p>И прах, отколь бежал сей дух из плену, 127
Почил в Чельсдэуро; здесь же мир навек
Душа его нашла всех мук в замену.</p> <p>Там, далее, в огне свершают бег 130
Исидор, Беда и Ричард, который
В твореньях выше был, чем человек.</p> <p>А сей, с кого ко мне вернул ты взоры, 133
Есть блеск того, кто, чужд земных сует,
Скорбел, что смерть идет к нему не скоро.</p> <p>В тот вечный блеск Сигьера дух одет, 136
Что в лекциях на улице Соломы
Дивил искусством силлогизмов свет».</p> |
|--|--|

В 1248 году он вернулся в Кёльн, где и был назначен учителем (maestro) студентов коллегии, открытой тогда в Кёльне по образцу университета. После того он преподавал в Париже как бакалавр, лицензиат и доктор и здесь познакомился с францисканцем Бонавентурой. Затем его призвали в Рим и оттуда в Неаполь, где он два года преподавал богословие, после чего, по повелению папы Григория X, был отправлен на собор в Лион. В дороге он скончался 7 марта 1271 г., как полагали, отравленный по приказанию Карла Анжуйского (Смичи: Чистил. XX, 69 и примеч.). Из многочисленных его сочинений самые знаменитые: *Summa totius Theologiae tripartita* и *Summa contra Gentiles*. По духу и глубокомыслию он далеко превосходит своего учителя и представляет, как ученый, одно из замечательнейших явлений Средних веков. Он получил название *Doctor angelicus* и канонизован 18 июля 1323 г. Куно Фишер говорит о нем (*Gesch. der neuen Phil.* 3-а Ausg. 1, 68): „Er vollbrachte die Lösung der scholastischen Aufgabe, er gab das Kirchenphilosophische System, in welchem Augustin, der Lombard und Aristoteles in einander gefügt waren. Er hat die aristotelische Entwicklungslehre im Geist der kirchlichen Weltherrschaft christianisirt, wie einst der Areopagit die neuplatonische Emanationslehre im Geist der hierarchischen Kirchenordnung christianisirt hatte“. Скартаццини.

101. Т. е. следуй глазами за моей речью и замечай тех, кого я буду называть по порядку, начиная справа налево от меня.

104. Франческо Грациано, учитель школы при церкви Санта Феличе в Болонье и знаменитый каноник из древнего тосканского города Кнузи, ныне почти разрушенного; умер в половине XII столетия. Он — автор знаменитого *Decretum Gratiani* (1150 г.) или *Concordantia discordantium canonum*, первой части *Corpus juris canonici*, который, как известно, кроме собственно церковных постановлений содержит в себе много постановлений гражданского права, почему и можно сказать, что он принес пользу и духовному, и светскому суду. Эта компиляция составлена из текстов Св. Писания, из апостольских и соборных канонов, из папских декреталий и из выдержек из св. отцов. Скартаццини. «Может быть», говорит Филалет, «Данте с намерением здесь указывает на Декреталии Грациана, в противоположность позднее появившимся Декреталиям папы Григория IX и *Liber sextus decretalium* папы Бонифация VIII, о котором поэт говорит в 134 ст. «предыдущей песни».

107. Петр Ломбардский (Petrus Lombardus), родом из Наварры, изучал теологию в Болонье, потом в Реймсе и в 1155 г. был возведен в епископы Парижа. После долгой преподавательской деятельности умер в 1164 г. Он приобрел величайшую славу своим богословским руководством *Compendium Libri IV sententiarum*, почему и получил прозвание „*Magister sententiarum*“. Хотя это руководство не что иное, как компиляция, нередко состоящая только из сопоставления различных мнений отцов церкви без собственно-го заключения автора, тем не менее учебник его пользовался великой славой в течение всего средневекового периода. Куно Фишер говорит о нем: „Er verhielt sich zur Kirchenlehre, wie sein Zeitgenosse Gratian zum Kirchenrecht“. Это был простой, благочестивый человек; мать его была бедная крестьянка. В предисловии к своему сочинению, посвященному церкви, между прочим, он говорит: „*Supientes aliquid de tenuitate nostra cum paupercula in Gazophylacium Domini mittere*“ (Мы желали от скудости нашей, вместе с бедной вдовицей, вложить нечто в сокровищницу Божию); на эти-то слова и указывает Данте в ст. 107-108.

109-111. Соломон, царь израильский. «Он по праву помещен здесь пятым между *doctores ecclesiae*, оставив нам три канонические, назидательные книги, которые Гуго С. Виктор приравнивает к трем наукам, излагаемым философами своим ученикам, а именно: Притчи — к этике: в них он учит правилам нравственности юношу; Экклезиаст — к физике: в нем он наставляет более зрелого мужа, и Песнь Песней, брачную песнь Христа и церкви, — к теологии. К этой последней книге, аллегорический смысл которой сильно занимал мистиков Средних веков, относится ст. 110». Филалет.

111. Этот стих относится к спору богословов о том, спасен или нет Соломон. „*De quo altercatio est inter sanctos quosdam et theologos utrum sit damnatus vel salvatus*“. Пьетро Данте.

111-114. Приписывая Соломону такую глубину знаний, Данте имеет в виду слова Библии: «Вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя и после тебя не восстанет подобный тебе». III Царств., III, 12. — «Истина коль истинна», *se il vero è vero*, т. е. если истинно Св. Писание, которое — сама истина.

115-117. «Здесь разумеется Дионисий Ареопагит, обращенный ап. Павлом в христианство (Деяния Апост. XVII, 34). Сперва он был епископом в Афинах, а потом, по преданию, епископом в Париже, где и претерпел мученичество. Ему приписывается много различных (большею частью чужих) сочинений, из которых особенно славятся две книги: *De coelesti et ecclesiastica hierarchia* (первая по-гречески: *περί τῆς οὐρανίας ἱεραρχίας*). Представляя из себя странную смесь христианских и неоплатонических идей, книги эти тем не менее пользовались большим уважением в Средние века, особенно у мистиков, но также и у писателей более строгой школы, например у Фомы Аквинского. В них излагается учение об ангелах, об их делении на иерархии, хоры и пр.» Филалет.

118-120. Большинство комментаторов разумеет здесь Павла Орозия, испанского пресвитера, жившего в начале V века и написавшего всемирную историю вплоть до своего времени; в ней он старается доказать, что бедствия, постигшие Римскую империю, произошли не от христианства, как утверждали язычники. Орозий написал свою книгу по настоянию блаж. Августина, который пользовался его трактатом для своей книги *De civitate Dei*. Помещая его между людьми, признававшимися звездами первой величины в деле знания, Данте указывает, однако, на его второстепенное значение, назвав его малейшим (*picciolletta luce*). Во всяком случае, здесь нельзя разуместь св. Амвросия, как полагали древние комментаторы, а того менее Лактанция (мнение, высказанное первый раз в 1829 г. Карлом Фее). — Об Августине слич: Рая XXXII, 35.

124-129. Это — известный Аниций Марций Северин Боэций, родившийся по одним в 470-м, по другим — 480 г. нашей эры; он был глубоким знатоком греческой и латинской литературы. Возведенный в сан сенатора при готском короле Теодорихе, он был заподозрен этим королем в тайных сношениях с византийским двором для освобождения Рима от готов; вследствие этого, по повелению Теодориха, был заключен в тюрьму в Павии, где провел шесть месяцев. За это время Боэций написал свою знаменитую книгу: *De Consolatione Philosophiae*. Затем, после жесточайших мук, он был казнен вместе с тестем своим Симмахом в 524 или 525 г. Он погребен в Павии в церкви *San Pietro in Ciel d'oro* (Cieldauro). Боэций, как известно, был любимейшим писателем Данте.

131. Исидор (*Isidorus Hispaniensis*), епископ Севильский (†636 г.), жил во времена вестготского короля Рекареда, много содействовал очищению Испании от арианства и считался у испанцев за пророка. Человек благочестивый и весьма начитанный, он написал много очень распространенных в Средние века сочинений; из них главнейшие *Originum seu etymologiarum libri XX* — род энциклопедии, содержащей много отрывков из сочинений, ныне потерянных; *De ecclesiasticis officiis libri II*; *Sententiarum sive de summo bono libri III*. Сочинения его впоследствии были сильно испорчены интерполяциями (вставками), отчего возникли пресловутые Псевдо-Исидоровы Декреталии.

Беда (*Venerabilis*), англосаксонский монах, родился в 674 г. в Нортумберленде. Сочинения его касались всех в то время известных знаний; он особенно замечателен, как первый историк церкви после переселения народов. Он написал хронику о шести эпохах (от сотворения мира до 721 г.) (*De Ratione Temporum*) и церковную историю Англии (*Historia ecclesiastica gentis Britannum*) в 5-ти книгах. Хотя и не причтенный церковью к лику святых, он пользовался великим уважением в народе, в котором ходило много легенд об его чудесах. Между прочим рассказывали, что, по смерти его, один из учеников Беды, которому поручено было сделать надпись на могильном памятнике, вырезал на камне эпитафию в латинских стихах, начинавшихся так:

Haec sunt in fossa Bedae ossa.

Надо было вставить в пустое место слово *sancti* или *presbyteri*; но так как ни то ни другое не соответствовало размеру стиха, он углубился в разные писания, придумывая более подходящее, и в это время заснул;

139 И как часы, которых бой знакомый
Нас будит в миг, как к утрени встает
Христа невеста звать нас в Божьи дома, —

142 Часы, где так частей устроен ход,
Что звук: динь-динь, как звуки струн на лире,
Порыв любви в сердца благие льет, —

Так я внимал вращавшимся в эфире
Славнейшим кругам: может гласом глас
Столь сладостно лишь в том сменяться мире,

Где вечное блаженство каждый час.

145

148

а когда он проснулся, то к удивлению своему нашел, что пустое место на камне было заполнено (ангелом, по его предположению), и получился такой стих:

Haec sunt in fossa Bedae Venerabilis ossa.

Лонгфелло

Ричард С. Виктор (Riccardo da San Vittore), названный Magnus Contemplator, мистический теолог XII века, родом шотландец, приор монастыря St. Victor, около Парижа, где умер в 1173 г. «В этом монастыре учредилась философско-богословская школа, стремившаяся до известной степени примирить противоположные направления мистиков и схоластиков. Ричард был одним из замечательнейших людей этой школы. Спекулятивно-схоластическое направление Ричард преимущественно преследовал в своем глубокомысленном трактате *De trinitate libri VI*; мистическое же направление его выражалось в двух сочинениях: *Benjamin minor s. de praeparatione animi ad contemplationem*, и *Benjamin major s. de contemplatione*. Он определяет созерцание как „libera mentis perspicacia in sapientiae spectacula cum admiratione suspensa“ и разделяет его на шесть ступеней, причем на последней ступени человек может, под сверхъестественным наитием Божиим, достичь до экстаза (*alienatio animi*). Но при этом Ричард предостерегает против мистицизма и мечтательности, не допуская такого умствования, которое не было бы основано на авторитете Св. Писания. Вследствие этого Данте и говорит о нем, что в созерцании «он был не человек», а вернее — более чем человек (*Che a considerar fu più che viro*). Филалет.

136. Сигьер из Бранбанта во второй половине XIII века учил с большим успехом философии в Париже на улице Фуарр, названной так вследствие производившейся на ней дешевой продажи соломы (*fouage*), или от мешков с соломой, на которых сидели студенты в аудиториях учителей философии, помещавшихся на этой улице. По-видимому, он по преимуществу был логиком и диалектиком. В 1278 году Сигьер был призван доминиканцем Симоном дю Валем пред судебным трибуналом в Ст.-Этьене по обвинению в ереси, но был оправдан. Из сочинений его наиболее известны толкования Аристотелевой Политики, *Quaestiones naturales* и *Impossibilia*; в этом последнем он излагает защиту неким диалектиком многих невозможных положений пред докторами школы. Первым защищается тезис: *Deum non esse*. Это вероятно и послужило поводом для обвинения его в ереси, хотя здесь имелась цель лишь предложить диалектические задачи с их решением. Филалет. Витте.

138. В подлиннике: читал или учил силлогизмам, приводившим к ненавистным истинам, в чем можно предположить намек на обвинение Сигьера в ереси доминиканцами, почему против него писал будто бы даже Фома Аквинский.

ПЕСНЬ XI

*Суета земных забот. — Два сомнения. — Жизнь святого Франциска Ассизского. —
Развращение монашеских орденов.*

<p>1 О люди, полные пустых забот!
Как нелогичны ваши силлогизмы,
Влекущие так низко ваш полет!</p> <p>4 Кто познает права, кто афоризмы;
Кто с кафедр, кто с трона хочет всем
Повелевать мечом иль чрез софизмы;</p> <p>7 Кто в грабежах, кто потонул совсем
В делах житейских, кто в плотской забаве,
А кто не занят, в праздности, ничем —</p> <p>10 Тогда как я в небесной той державе,
Всех сих забот далекий, сообща
С Мадонною, в такой был принят славе.</p> <p>13 Лишь свет вернулся каждого луча
К той точке круга, где пред тем вращался,
В ней утвердись как в свещнице свеча, —</p> | <p>Тот свет, который с речью обращался 16
Ко мне сперва, стал ярче и светлей
Улыбкою, и глас его раздался:</p> <p>— «Как я сияю от Его лучей, 19
Так, в вечный свет взирая, вижу ясно,
Откуда мысль идет в душе твоей.</p> <p>В сомненьи ты, и хочешь, чтоб согласно 22
С понятиями твоими, речи те
Я внятно изложил и громогласно.</p> <p>Как там сказал я: „где тучнеют все“, 25
И там: „второй не восставал на свете“, —
То здесь бы нужно все раскрыть вполне.</p> <p>Зиждитель, миром правящий в совете 28
Таких глубин, что смертных взор ничей
Не видит дна, стремясь в пучины эти, —</p> |
|---|---|

1-12. Это обращение к людям, по замечанию Веллутелло, весьма напоминает начало первой сатиры Персия:

O curas hominum! o quantum est in rebus inane.

Даниелло приводит, кроме того, стихи Лукреция:

Sed nil dulcius est, bene quam mutina tenere
Edita doctrina sapientum templa serena,
Despicere unde queas alios: passumque videre
Errare, atque viam palantis quaerere vitae;
Certare ingenio, contendere nobilitate;
Nocte atque dies niti praestante labore
Ad summas emergere opes, rerumque potiri.
O miseris hominum mentes, o pectora coeca.
(De rer. natur. II, 14 и след.).

«Все это место возвеличивает небесное созерцание в противоположность земному, бедному знанию и стремлениям к наслаждению». Флейдерер. — Различные ложные стремления человека противопоставляются в этих стихах стремлениям истинным: прежде всего указывается на науки умозрительные, совершенство логики или философии вообще; потом на юриспруденцию и медицину, затем на теологию или, вернее, на представителей ее — духовное сословие, имеющее в виду лишь земное счастье; на стремление завладеть властью (духовной или светской, ст. 5 и 6); на стремление к обогащению дозволенными и недозволенными средствами (7) и на земные удовольствия в плотских забавах и праздности (8 и 9). Филалет.

2. «Силлогизмы». «Силлогизм есть рассуждение, состоящее из трех предложений: большей посылки, меньшей и заключения. Люди часто ошибаются в одном из этих трех предложений или в заключении, рассуждая, например, так: высшее благо то, которое может дать все человеку; деньги могут дать все человеку; следовательно, деньги — высшее благо. Большая посылка неоспорима; меньшая, хотя и подтверждается опытом, но тем не менее ошибочна, ибо деньги удовлетворяют не всем нуждам». Бенвенуто Рамбалди.

4. «Афоризмы»; здесь разумеются «Афоризмы Гиппократ» (Ада IV, 143; Чистил. XXIX, 137), переведенные с греческого на латинский Константином Карфагенским, комментированные Галеном. Этот перевод послужил потом к основанию знаменитой медицинской школы в Салерно. «Изучать афоризмы» значит изучать медицину.

8. «В делах житейских». — «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику». II к Тимоф. II, 4.

13-15. После непродолжительного ликования и пения (X, 146 и след.), все двенадцать теологов первого венка занимают свое прежнее место в общем круге праведных, пламенея там как свечи пред престолом Господним.

16-18. Ясно, что это говорит все тот же Фома Аквинский. Он улыбается, видя заблуждение Данте, полагающего, что праведные не видят, что происходит в его душе, тогда как Фома читает в ней и знает уже, в чем сомневается Данте, хотя тот и не высказывает своих сомнений (19-21).

19-21. Смысл: так как я сияю блеском вечного света, то, вперея взор свой в этот свет, познаю, что вызывает и откуда исходят в тебе твои мысли. В некоторых списках вместо *risplendo*, сияю, стоит *m'accendo*, пылаю.

22-26. Данте желает, чтобы Фома подробнее и понятнее изложил то, на что он намекает в предыдущей песни, ст. 94-96, и ниже, в ст. 112-114. Последние стихи изыясняются в XIII песни Рая. «В упомянутых выше стихах (94-96) высказывается похвала доминиканскому ордену, к которому принадлежал Фома Аквинский, а вместе и порицание начинавшемуся в нем разложению. Чтобы обосновать то и другое мнение, Данте делает исторический очерк обоих возникших в глубине Средних веков монашеских орденов: доминиканского и францисканского. В последующих стихах он развивает мысль о церковно-историческом значении их, затем в этой же песне высказывает похвалу основателю одного, а в следующей — другого ордена, но оба раза заканчивает свой панегирик порицанием разращенности каждого института в отдельности. При этом весьма глубокомысленно то, что похвалу св. Франциску он влагает в уста Фомы Аквинского, украшения доминиканского ордена, а похвалу св. Доминику — святого Бонавентуры, одного из замечательнейших представителей францисканского ордена и жизнеописателя св. Франциска. Каждого из них Данте заставляет высказать порицание своему собственному ордену. Можно ли было тоньше и умнее осудить те враждебные отношения, которые возникли между двумя орденами в его время?» Филалет. «В этой весьма тонкой и благородной форме изложения легко усмотреть намерение поэта, пытающегося, ввиду возникших враждебных отношений между двумя орденами, склонить их к примирению, к единому стремлению к одной общей духовной цели (40 и след.). Рядом с поэтическими красотою, эти две песни, с их обличительными речами против двух могущественных монашеских орденов того времени, по смелости и по глубине евангельской истины должны быть отнесены к числу самых замечательных мест в этой поэме». Флейдерер.

31-35. Т. е. «чтобы невеста, церковь (Рая X, 140), с которой Христос (по прообразу Песни Песней) сошелся смертью Своей на кресте, утешилась и радостнее шла по своему пути, — Зиждатель мира послал ей воинов св. Франциска и Доминика». Копиш. — «При гласе звучном», слыш: Матф. XXVII, 46, 50; Марка, XV, 34, 37; Луки, XXIII, 46; Евр. V, 7: «С сильным воплем».

36. «И там, и здесь», т. е. «в жизни созерцательной, и в жизни активной». Бути.

37-39. К серафимам здесь приравнивается св. Франциск, а к херувимам — св. Доминик. «Свойство серафимов, имя которых у Дионисия (X, 115) переводится словом „согревающие“, *calefactantes*, *ἐμψροταί*, состоит в пылании к Богу и в сообщении этого пыла другим; свойство же херувимов, имя которых означает „полнота познания“, — *coria cognitionis*, *πλήθος γνώσεως*, заключается в одарении лучами божественной истины, т. е. в сообщении другим богопознания. Эти два свойства мы находим во Франциске и Доминике. Франциск, называемый на языке католической церкви *Seraphicus*, был человек сердца и создал орден, постоянно державшийся мистического направления в теологии, в котором Бонавентура сияет как звезда первой величины. В Доминике преобладало более умственное направление, почему и основанный им орден был главным образом орден ученый. Замечательно, что во всех великих движениях в духовном мире, как в язычестве, так и в христианстве, как в католической, так и в других церквях, почти всегда одновременно выступали двое, шедшие по этим двум направлениям ума и сердца. Припомним Платона и Аристотеля, Иоанна и Павла, Лютера и Цвингли, Фенелона и Боссюэ, Руссо и Вольтера. — «Впрочем, Доминик имеет и в другом смысле сходство с херувимом — стражем, поставленным Господом пред вратами рая с обнаженным мечом в руке. К саду чистого христианского учения был поставлен и Доминик, как охранитель чистоты этого учения (Рая XII, 72) и он охранял его даже с большей ревностью, чем это нужно (там же, 100)». Витте.

ПЕСНЬ XI

<p>31 Да даст невесте мощь идти смелей
За Женихом, что был, при гласе звучном,
Пречистой кровью Сам обвенчан с ней,</p> <p>34 Идущей с Ним в общении неразлучном —
Ей в благости дал двух князей в вожди
И там и здесь в пути благополучном.</p> <p>37 Жар Серафимов в одного груди,
А в мудрости другого отражался
Свет Херувимов на земном пути.</p> <p>40 О первом речь; кто б в них ни восхвалялся,
Уж и другой с тем вместе восхвален.
Зане их труд ни в чем не различался.</p> <p>43 Меж Түпино и вод, бегущих вон
Из-под холма, где жил Убальд в юдоли,
От гор нисходит плодоносный склон,</p> <p>46 Несущий жар и хлад чрез Порта-Соле
В Перуджию, а сади — слезы льют
Ночери с Гвальдом под ярмом в неволе.</p> <p>49 На этом склоне, где он меньше крут,
В мир вышло Солнце, как в середине лета
Из Ганга к вам восходит солнце тут.</p> <p>52 Итак — назвать коль хочешь место это,
Не говори: Ascesi, но — восток,
Чтоб выразить верней отчизну света.</p> <p>55 Сей свет еще не очень был далек
От своего восхода, как уж миру
Луч из него живительный потек.</p> | <p>В вражде с отцом, он, юный, как кумиру, 58
Отдался той, которую в свой дом.
Как смерть, никто впускать не хочет к пиру.</p> <p>И пред духовным с нею он судом 61
И coram patre обручился вскоре,
Чтоб с каждым днем любить сильнее потом.</p> <p>Разлучена с Супругом первым в горе, 64
Она уж тысячу сто лет пред тем
Была у всех в гоненьи и позоре.</p> <p>Что пользы в том, что, не смутясь ничем, 67
Амиклас с ней услышал голос грозный
Того, кто страх внушал на свете всем?</p> <p>Что пользы в том, что в час, как, плача слезно, 70
Пречистая внизу стояла Мать,
Она на крест взошла с Христом не розно!</p> <p>Но, чтоб неясных слов не продолжать, 73
Скажу: Франциска с Бедностью в обоих
Любовниках ты можешь отгадать.</p> <p>Их дружество, счастливое челó их, 76
И дивная любовь, и нежность их —
Все святость дум рождало, полон коих,</p> <p>Бернард решил, в порыве чувств святых, 79
Разуться первый, поспеша к ним в братство,
Боясь отстать и в спешности от них.</p> <p>О дивный клад! О новое богатство! — 82
Сильвестр разулся, обувь снял Эгид:
Так их влекло жены его приятство!</p> |
|--|--|

40. «О первом», т. е. о Франциске.

42. «Нельзя точнее, чем в этих стихах, охарактеризовать деятельность основателей двух монашеских орденов с католической точки зрения. К концу XII и в начале XIII века церкви стал угрожать раскол. Среди возникших тогда многих сект особенно замечательны вальденцы и альбигойцы. Последние, увлеченные манихейским учением, напали на догматы веры; первые, исходя из оппозиций против богатства клира, приобрели себе известность добровольной нищетой и обратили свои нападки на внешнее управление церковью. Особый способ поучения и даже крутые меры, принятые против сектантов сообразно духу того времени, нисколько не помогали. Тогда неистощимая жизненная сила старого ствола церкви дала из себя два отрпыска, спасшие ее: то были два новые братства — доминиканцы и францисканцы. Первые начали борьбу со злом, выставив из среды своей превосходных проповедников, и, таким образом, выступили со своим учением против догматических заблуждений альбигойцев. Впоследствии, особенно в Испании, они главным образом заправляли ужасами инквизиции, но в то же время этот орден дал таких людей, как Фома Аквинский и Альберт Великий, и нельзя отрицать великих заслуг этого ордена. Францисканцы

победили вальденцев, может быть и бессознательно, их же собственным оружием: осудив себя добровольно на нищету, они ближе подошли к народу и тем искали его доверие. Вот к этим-то двум направлениям и относятся слова „и там, и здесь” в ст. 36». Филалет.

43. Прежде чем перейдем к подробностям, приведем здесь жизнеописание Франциска Ассизского, как оно рассказано боландистами. Мы заимствуем это жизнеописание из *Breviarium Romanum* (Campod. 1872) I, 879 и след.: „Franciscus, Assisii in Umbria natus, patris exemplum secutus, a prima aetate mercaturam fecit. Qui quodam die pauperem, pro Christi amore flagitantem pecuniam, cum praeter consuetudinem repulisset, repente eo facto commotus, large ei misericordiam impertivit; et ex eo die Deo promisit, se nemini umquam poscenti eleemosynam negaturum. Cum vero post in gravem morbum incidisset, ex eo aliquando confirmatus, coepit ardentius colere officia charitatis. Qua in exercitatione tantum profecit, ut, Evangelicae perfectionis cupidus, quidquid haberet, pauperibus largiretur” etc. Скартаццини.

43-48. «В этих терцинах весьма точно и наглядно описывается местоположение г. Ассизи, родины Франциска, как этот город, расположенный на плодородном склоне горы, покрытом оливковыми деревьями, представляется едущим из Перуджии. Гора эта представляет отрог высокого горного хребта, вершину которого образует Монте Субазиио. Самый хребет лежит между двумя почти параллельными долинами рек, из которых Тупино, вытекающая невдалеке от Гвальдо и Ночеры, прорывает при Фолиньо горную цепь, а Кыяссо (Chiasso) вытекает из главного хребта Апеннин около высоко лежащего города Губбио. Обе эти реки, соединившись ниже Ассизи, текут потом на запад и впадают в Тибр. Город Губбио — родина и епископская резиденция святого Убальда. По другую сторону Тибра, на небольшой возвышенности, лежит живописный город Перуджия, переменчивый климат которого находится в естественной связи с таянием снега на Монте Субазиио. Ворота Перуджии, ведущие в Ассизи, называются Porta Sole (Солнечные ворота). Города Ночера и Гвальдо лежат, как сказано, в верхней части долины реки Тупино, на противоположной стороне высокого хребта гор. Поэтому Данте говорит, что эти два города находятся «под ярмом в неволе» (piange Per greve giogo Nocera con Goaldo). Мнения об этом расходятся: по одним, города эти находились под властью перуджянцев, бывших в то время во главе гвельфов в области Анконы; по другим, они стонали под скипетром Роберта Неаполитанского, нелюбимого Данте; наконец, по третьим (что не совсем правдоподобно), они сильно страдали от дурного климата вследствие близости горного хребта (giogo)». Филалет.

49. Т. е. на более плоском отроге горы Субазиио, на которой расположен город Ассизи.

50-51. «Солнце», т. е. Франциск (родившийся около 1182 г.), наделенный такой же силой, как и это естественное солнце (где теперь находится Данте), когда оно в середине лета, т. е. в летнее солнцестояние, восходит вблизи поворотного круга Рака, подымаясь, применительно к нашему кругозору, как бы из волн Гангеса. Филалет. — Солнцем назван Франциск, как великое светило добродетели и веры, — сравнение, заимствованное, может быть, у Бонавентуры, который в прологе к жизни св. Франциска применяет к нему слова Апокалипсиса (VII, 2): «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого» и т. д.

53. Ассизи на простонародном языке назывался Asceti. Здесь игра словом ascendere — восходить: «asceti» значит — я восходил. Следовательно, из Assisi возшло как бы новое солнце. По поводу этой гиперболы Ампер (La Grèce, Rome et Dante, p. 285) сказал: „Cette hyperbole qui nous étonne n'est pas trop forte pour exprimer l'enthousiasme qu'inspira au moyen âge cet héroïsme du renoncement, et, selon le langage énergique de Dante, ce saint mariage avec la pauvreté, veuve depuis douze siècles de son premier époux».

55-117. «Нижеследующее знаменитое восхваление св. Франциска основано на исторических данных. Человек этот действительно поражает своей чистотой и благородством, вполне заслужив, благодаря этим качествам, название «солнца» католической церкви (ст. 50). Сын богатого купца Бернардоне, он уже в молодости отказался, к досаде отца, от земных благ, обрек себя на совершенную нищету, или, выражаясь метафорически, обвенчался с нею, как со своей невестой, и дал в этом свой монашеский обет перед епископом в Ассизи в 1206 г. (ст. 55-63). Еще и поныне стоит расписанная Овербеком и украшенная под сводами громадной церкви древняя маленькая капелла (portiuicula), бывшая колыбелью всего францисканского движения. Эта капелла и начатый тотчас после смерти Франциска великолепный собор (с верхней и нижней церковью) свидетельствуют о том, какой могущественный толчок дало уважение к этому святому всей христианской жизни и, в особенности, церковному искусству. Великий Джотто (Чистил. XI, 95) стал в буквальном смысле францисканским живописцем и украсил нижнюю церковь в Ассизи своими чудными произведениями, между прочим изображением брака св. Франциска с Нищетой (фреска над гробом Франциска в нижней церкви Sacro Convento). Джотто был другом Данте, тоже принадлежавшего к францисканскому ордену в качестве терциария или послушника. От картин Джотто, составляющих эпоху в живописи, веет величавым гением поэта». Флейдерер.

55-57. Продолжение сравнения с солнцем. Поэт хочет сказать, что Франциск был еще юношей, когда пошли от него живительные лучи. Вначале он помогал отцу в торговле. На 24-м году в жизни его произошел перелом: он обрек себя на нищету и отдался делам милосердия.

58-60. Т. е. против желания своего отца Пьетро Бернардоне, Франциск, отказавшись от всех земных благ, отдался бедности — той подруге, которую, как смерть, каждый человек всеми мерами старается не допустить до своего дома, как гостью, не желанную на земном пиру.

61-63. «Отец Франциска, богатый купец, хотел сына своего Франциска, названного так потому, что он знал французский язык (настоящее его имя было Яков), посвятить торговой деятельности. Но юноша постоянно раздавалверяемые ему товары и деньги бедным, или жертвовал их на постройку церквей, объявив, что избрал себе в невесты бедность. Тогда отец привел его к епископу в Ассизи, требуя, чтобы сын в его присутствии отказался от своей доли в наследстве. Франциск сделал не только это, но даже сбросил с себя к ногами отца всю бывшую на нем одежду, и прикрылся одеянием, данным ему епископом». Витте. Ноттер. — «Пред духовным судом» (*spiritual corte*), т. е. в присутствии епископа; „*coram patre*“, по одним — в присутствии своего отца, по другим — епископа.

64. «Первый супруг», т. е. Христос: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову». Луки, IX, 58; также II Кор. VIII, 9. Это выражено яснее ниже, в стихе 75.

65. Франциск жил в конце XII века (родился, как было упомянуто, около 1182 г., отрекся от мира в 1207 г.).

67-69. Т. е. людей не примирил с бедностью и пример Амикла, бедного рыбака, который, будучи почти нищим, так был уверен в том, что его никто не ограбит, что во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем преспокойно спал в своей хижине, не запирая дверей. Во время бури Цезарь постучался к нему, и Амикл нисколько не смутился, увидев того, пред кем трепетал весь мир. Лукан (*Pharsal. lib. V, c. 521 и след.*).

70-72. В подлиннике: *Nè valse esser costante, nè feroce*, т. е. не помогло и то, что она осталась верной и мужественной в то время, когда, как образец нищеты и смирения, Христос вместе с нищетой вззошел на крест, а Матерь Его стояла, плача, у ног Его. — «Нищета осталась верной Христу даже на кресте, на котором Он, и нищ, и наг, испустил дыхание, когда даже сама Мария, Мать Его, сопровождала Его лишь до подножия креста. И несмотря на это, нищета осталась без последователей». Филалет. — «Это прекрасное изображение заимствовано из сохранившейся до сих пор молитвы, сочиненной самим св. Франциском». Витте. — Стих 72 в подлиннике: *Ella con Cristo pianse in sulla croce* — она (нищета) плакала со Христом на кресте. Во всех почти кодексах употреблено слово: *pianse*; другие, хотя очень немногие, употребили *salse* — «взошла». Последнее предпочитается некоторыми на том основании, что ни один из евангелистов не говорит, чтобы Христос плакал на кресте; впрочем, у Св. Павла (Евр. V, 7) сказано: «Он во дни плоти своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти и услышан был» и т. д. В переводе мы придерживались выражения *salse*.

73-78. «Здесь, не желая далее продолжать изображение этой жены и держать в недоумении душу поэта, Фома говорит, что один из любовников — св. Франциск, а другая — бедность, и что согласие между ними и веселие, и благотворительность, и чудеса, ими совершенные, послужили к тому, что видевшие их стали считать Франциска святым и последовали его примеру». Ottimo.

76-78. «Прекрасная картина того блаженства, которым дарит нищета!» Копиш. — «Вражда и несогласие нередко возникают между людьми вследствие искания богатства и зависти. При добровольной нищете не заботятся об имуществе, не возмущаются раздорами и бывают расположены делать добро». Каннегиссер.

79-80. «Бернард» из Квинтавалле, во Франции, был первым учеником и последователем св. Франциска: он заменил обувь сандалиями (как поступают и до сих пор францисканцы или капуцины), по примеру св. Франциска, который: „*Solvit protinus calceamenta de pedibus, baculum deponit e manibus*“ etc. (Томазо Челлано, lib. I, c. 3, § 22). Не должно его смешивать с родившимся во Франции в 1091 г. св. Бернардом, о котором говорится Рая XXXI, 59, 102; XXXII, 139; XXXIII, 49.

81. Выражение, обозначающее усердие и ревность.

83. «Сильвестр» и «Эгид», или Эгидий, первые ученики и последователи Франциска после Бернарда, о котором сказано выше; вторым, собственно, был некто Пьетро, не упоминаемый Данте; третьим — Эгид, присоединившийся к первым двум через несколько дней. Он автор книги „*Verba aurea*“; умер в Париже. — «Сильвестр, четвертый ученик, продал Франциску камень, приготовленный для постройки церкви св. Дамиана. Увидав, что Франциск раздает деньги Бернарда бедным, Сильвестр подошел к нему и сказал: «Франциск, ты еще мне должен за камень». Франциск тотчас вынул из-за пазухи Бернарда деньги и целую пригоршню их дал Сильвестру. Придя домой, Сильвестр задумал-

85 Тут их отец-учитель в Рим спешил
С женой и с тем отрядом, что, для казни
Грехов своих, веревкой был обвит.

88 И, не потупив взор от той боязни,
Что был он Пьетра Бернардоне сын
И что был презрен всеми в неприязни,

91 Он Иннокентию, как властелин,
Открыл устав свой, и его печатью
Был утвержден монахов новых чин.

94 Когда ж Господь умножил нищу-братью
Вслед за тем, чья слава в жизни той
Была б воспета лучше Божьей ратью, —

97 Гонория подвиг сам Дух святой
Мысль этого архимандрита снова
Венчать во славе почестью второй.

Потом, желая пострадать за Слово, 100
В присутствии Султана, бодр и смел,
Он изложил учение Христово.

Но, убедясь, что край тот не созрел 103
Для вечных истин, он, не медля в деле,
В Италию на жатву полетел.

Меж Тибра он и Арно, средь ущелий, 106
Христа печать последнюю приял,
Носил ее два года он на теле.

Когда же Тот, Кто так его избрал, 109
Благоволил вознесть его над прахом
За то, что он столь малым в мире стал, —

Он, как прямым наследникам, монахам 112
Всем завещал любить его жену,
Велев служить ей с верою и страхом.

ся, вспомнил этот эпизод, и сказал: «Какой же я жалкий человек! Я, старик, желаю денег, а этот юноша презирает их из любви к Богу!» Вслед за тем он вступил в орден к Франциску». Филалет.

84. Жена, названная выше невестой, — бедность, с которой сочетался Франциск.

85. «Отец-учитель» — Франциск. До 1210 г. он собрал вокруг себя лишь одиннадцать учеников. Он составил для них устав, так называемую Magna charta pauperum. В сопровождении всех своих учеников, он со своим уставом отправился в Рим, где добился аудиенции у папы Иннокентия III. Папа сначала отказался утвердить устав, но, убежденный словами Франциска, исполнил его просьбу. После этого Франциск возвратился со всеми своими последователями в Ассизи, где и вел жизнь строго аскетическую.

87. В знак смирения францисканцы не носят никакой обуви, кроме сандалий, одеваются в рясы из грубого серого сукна и опоясываются не ремнем, как доминиканцы, но простой веревкой или шнуром (Ада XXVII, 92; Рая XII, 132).

88-90. Ради смирения, Франциск обыкновенно называл себя просто сыном Петра Бернардоне, т. е. совершенно незначительного человека. Вначале он был презираем за свое смирение и бедную одежду. Сличь выше, прим. к ст. 58 и 61-63.

91. «Как властелин»; в подлиннике: regalmente, т. е. с непобедимым царским достоинством.

93. Предварительное утверждение от папы Иннокентия III францисканский орден получил в 1210 г. «Хотя все монашеские ордена прежнего времени давали обет целомудрия и послушания, однако не обрекали себя на нищету. Напротив, всем известны необычайные богатства бенедиктинских монахов. Франциск первый дал обет нищеты и притом чрезвычайно строгий; он первый основал орден нищенствующих монахов. Явившись к Иннокентию III с ходатайством об утверждении своего ордена, он встретил сопротивление со стороны кардиналов, которые утверждали, что такой обет превосходит силы человеческие». Витте.

95-96. В подлиннике: la cui mirabil vita Meglio in gloria del ciel si caterebbe. «Божьей ратью», т. е. хором ангелов. «Здесь Данте как будто забыл на минуту, что Фома воспевает славу праведника на небе». Филалет. Или, как понимают некоторые этот странный стих: здесь, на небе, лучше бы воспелась слава его жизни ангелами, нежели самими францисканцами на земле, в их церквах, как это было в обыкновении, или, как объясняет Бути, воспелась бы лучше в высшем эмпирее, в раю, где полный собор всех святых, чем здесь, на солнце, где находятся одни теологи.

97-99. После утверждения ордена францисканцев папой Иннокентием III число монахов этого ордена значительно увеличилось, и это побудило Франциска несколько изменить свой устав, который в этом новом виде был утвержден папой Гонорием III (в 1223 г.), подвигнутым к тому, как говорит легенда, каким-то чудным сновидением. На эту легенду и намекает здесь Данте. «Архимандрита», т. е. Франциска;

титул этот, собственно, принадлежит настоятелям монастырей греческой церкви; ἄρχων τῆς μάνδρας, — praefectus coenobii. — «Почестью второй», или печатью (ст. 92) второй, т. е. новым утверждением устава ордена (в подлиннике: seconda corona).

100-102. «В 1219 г. Франциск примкнул к крестоносцам, осаждавшим в то время Дамьетту. В сопровождении одного лишь ученика своего, Иллюмината, он переправился через Нил, чтобы попытаться обратиться султана Малек-аль-Камеля, цели своей он не достиг, но султан отпустил его со словами: „Помолись за меня Богу, чтобы Он просветил меня и присоединил к той вере, которая Ему самая благоугодная“. Витте.

103. «Край тот», т. е. Египет.

105. В подлиннике: Reddissi al frutto dell' italica erba, т. е. полетел к собиранию плода с итальянской почвы (травы), или, другими словами, к проповеданию в Италии.

<p>115 И на груди у ней в свою страну
Отшел пресветлый дух, и это лоно
Избрал, как одр, последнему здесь сну.</p> <p>118 Теперь пойми, как был во время оно
Велик и брат его, средь бурных волн
Проведший челн Петра в предел закона.</p> <p>121 Как патриарх, сей вождь ведет наш челн,
И ты поймешь, что всяк, кто поступает,
Как он велит, тот добрым грузом полн.</p> <p>124 Но если ныне новый корм сзывает
Его овец, то ясно, чья рука
По разным пастбищам их рассыпает.</p> | <p>Чем далее бегут от вожака 127
И чем сильнее рассыпалось стадо,
В загон тем меньше вносят молока.</p> <p>Еще теснится, в опасеньи глада, 130
К вождю кой-кто; но как немного их:
Для их одежд сукна почти не надо.</p> <p>Теперь, коль ясен смысл речей моих, 133
Коль в них вперял ты полное вниманье
И помнишь то, что я сказал до них, —</p> <p>Исполнилось одно твое желанье! 136
Вот древо то, что нагло рвут кругом;
Вот почему сказал я в порицанье:</p> <p>„Где всяк тучнеет, кто не сбит грехом“. 139</p> |
|--|---|

106-107. В конце лета 1224 г. Франциск удалился для сорокадневного поста на скалистую вершину горы Альверния, или Альверна, недалеко от Монте Форезе, отделяющего долину Арно (Казентино) от верхней долины Тибра; Альверн подымается еще выше самого хребта Апеннин. Здесь, по словам легенды, 14 сентября, в день Воздвижения Креста, ему представился в видении распятый на кресте серафим. Погруженный в созерцание, он почувствовал вдруг жгучую боль в руках, стопах и груди и, придя в себя, увидел, что эти части тела пронзены гвоздями и копьем. Эти, так называемые стигмы св. Франциска были третьей и последней печатью (ст. 92 и примеч. 99), полученной орденом. Витте. Филалет.

108. Он умер 4 октября 1226 г.; следовательно, ему было всего лишь 44 года. Он скончался в церкви S. Maria degli Angeli.

109. Т. е. Бог.

111. Кроме добровольной нищеты, отличительной чертой Франциска было еще смирение, желание быть малым в мире; поэтому он свой орден и назвал орденом меньших братьев, или миноритов. Слич: Матф. XVIII, 6, 10, 11; Марка, IX, 42; Луки, XII, 32; XVII, 2.

113. «Его жену», т. е. бедность (ст. 84).

115. «И на груди у ней», т. е. бедности, по толкованию Бути.

117. Умирая, св. Франциск пожелал, чтобы его похоронили между злодеями, погребенными на месте их казни, называвшемся Carnaio, или Colle d'Inferno, т. е. холмом ада. Впоследствии на этом месте была построена церковь, самое место переименовано в Colle di Paradiso, в «Райский Холм», и тело святого было перенесено в церковь в 1230 г. Бенвенуто Рамбалди. — Древний биограф святого рассказывает: «Умирая от тяжкой болезни, Франциск приказал, чтобы его раздели и положили на голую землю, чтобы в этот последний час, когда ему мог еще угрожать гнев его врага (дьявола), он обнаженный мог бы вступить в борьбу с обнаженным». Витте. — «В то время, когда Франциск не просил для своего тела никакого другого одра, кроме одра бедности, т. е. голой земли, ученикам его, как гласит легенда, представилась душа его в виде яркой звезды, возносившейся к небу». Филалет.

118. Здесь речь Фома Аквинского опять возвращается к тому, что было сказано выше, в ст. 41, именно: кто бы из двух основателей знаменитых монашеских орденов ни восхвалялся, похвала относится и к другому, и таким образом здесь он обращается к собрату Франциска, т. е. к Доминику (см. п. XII), и его ордену, порицанию монахов которого посвящена вся остальная часть этой песни.

120. «Челн Петра», т. е. церковь. Слич: Чистил. XXXII, 129; также Convivio IV, 4. — «В предел закона», в подлиннике: per dritto segno, к надлежащей цели или пристани, т. е. к небу.

121. «Патриарх», т. е. св. Доминик, основатель ордена доминиканцев.

124-126. Число доминиканцев постепенно уменьшалось вследствие того, что члены ордена домогались занятия мест прелатов и других высших духовных должностей. Под новым кормом (*nuova vivanda*) надобно, следовательно, разуместь почести и прелатство, а по *Post. Cass.*, светское знание: „*Nam libenter student in libris gentilium, quod per ejus regulam prohibetur, et non in theologia*“.

127-129. «От вожака», т. е. от св. Доминика, как пастыря стада доминиканцев. Смысл терцины: чем более удаляются от своего пастыря (Доминика) и чем далее от него блуждают, тем более уклоняются от его учения, которое, как духовное млеко, питает невежд, и тем менее проникнутые истинным учением возвращаются в овчарни, т. е. монастыри». Бенвенуто Рамбалди. — «Возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение». I Петра II, 2.

130-132. «Уже в 1243 г. Матвей парижский жаловался на развращенность нищенствующих орденов и их взаимные распри. Кроме того, он упрекал их еще в том, что они строят дома, похожие на дворцы, забыв о своем обете нищеты, что любят исповедывать богатых и сильных перед их смертью, чтобы понуждать их при этом делать тайные завещания в пользу их ордена, что они падки на привилегии их ордену, что они готовы помогать вельможам и папскому престолу в непохвальных делах, что они лживы в проповедях и выдают тайны, сказанные им на духу; словом, что они в продолжение двадцати пяти лет своего существования более отделились от правил своего устава, чем другие ордена в течение нескольких веков. Впрочем, Матвей парижский был бенедиктинец, и потому упреки его могут быть сочтены несколько преувеличенными из усердия к собственному ордену, тем более что несколько позднее Бонаventura основательно защитил ордена нищенствующих. Но, как бы то ни было, Данте не первый жалуется здесь на вырождение ордена». Филалет.

137. «Древо то», т. е. орден доминиканцев. Смысл: отсюда ты видишь ясно, что орден доминиканцев уподобляется доброму дереву, которое, вследствие повреждений, готово расколоться в щепки. Филалет.

138. Этот стих в подлиннике чрезвычайно испорчен и потому объясняется трудно и различно. В большей части списков он читается так: *E vedrai il correggier che s'argomenta*, в других *il correger*. Подробнее см. у Скартаццини, с. 300.

139. Смысл: ты теперь понимаешь, почему я, доминиканец, сказал о своем ордене (Рая X, 96): «где всяк тучнеет, кто не сбит (с прямой дороги) грехом»: это значит, что души тех, кто строго соблюдает устав св. Доминика и занят исключительно изучением теологии, преуспевают, как бы тучнеют духовным туком. И истинные последователи св. Доминика не должны увлекаться другими науками, ведущими лишь к суете и делающими душу тщеславной и надменной». Бути.

ПЕСНЬ XII

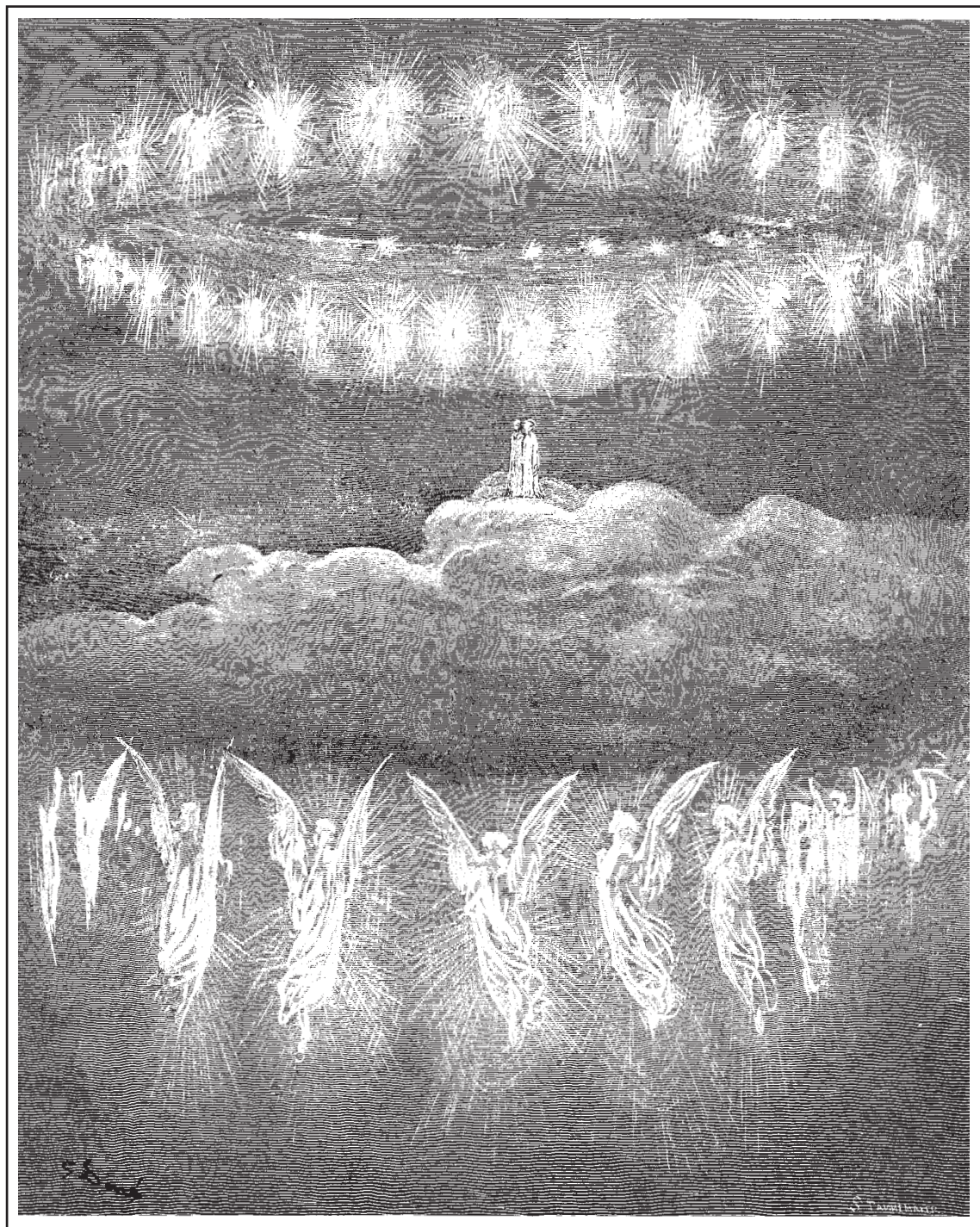
Второй венок теологов. — Житие Св. Доминика. — Прощание францисканцев. — Св. Бонавентура и его товарищи.

<p>1 Лишь вымолвил сей благодатный пламень
Последнее то слово, как опять
Кружиться стал святой жерновный камень.</p> <p>4 И не успел он круга описать,
Как был другим охвачен, чтоб круженье
С круженьем слить и с песней песнь слиять, —</p> <p>7 Ту песнь, пред ней же так бессильно пенье
Всех наших Муз-сирен, всех наших лир,
Как перед светом света отраженье.</p> <p>10 Как в тонких тучах кажет нам эфир
Двух пышных параллельных радуг арки,
Когда Юнона шлет Ирису в мир, —</p> | <p>(Причем одна другой есть отблеск яркий 13
Подобный звукам Нимфы гор, в любви
Истаявшей, как пар долин в день жаркий), —</p> <p>Шлет, да усилит веру меж людьми, 16
Что, по заветам, данным Богом Нюю,
Уж не бывать потоку на земле:</p> <p>Из вечных роз так вязью нас двойною 19
Две обвили гирлянды, и во всем
Согласовалась так одна с другою.</p> <p>Когда же ликованье с торжеством 22
И пенье гимнов Божьему престолу
И переливы светов в сонме том</p> |
|---|--|

К венку из двенадцати первых теологов присоединяется другой, также из двенадцати, охватывающий первый. Для наглядности мы прилагаем здесь схему, которая послужит объяснением песни X, 64 и др., а также и настоящей. Из этой схемы видно, как расположил поэт души святых, окруживших его и Беатриче.

1. «Благодатный пламень», т. е. Фома Аквинский.
3. «Жерновный камень», так называет Данте второй венец душ, вращающихся вокруг первого. Некоторые находили сравнение кругового движения венца с жерновом не совсем удачным. Но по толкованию

*Из вечных роз так вязью нас двойною
Две обвили гирлянды, и во всем
Согласовалась так одна с другою.
(Рай, Песнь XII, тер. 19)*

Копиша, «колесо это составлено из круга святых учителей, которые, так сказать, размалывают для людей небесный плод, духовную пищу, чтобы превратить его в удобоваримый хлеб небесный». — Мы уже привыкли к манере Данте употреблять для наглядного изображения самых возвышенных вещей предметы иногда совершенно обыкновенные». Здесь, например, круговое движение ликующих святых вокруг неподвижной точки (т. е. себя и Беатриче) он очень образно сравнивает с вращением мельничного жернова или, вернее, мельничного колеса, так как святые, составляющие круг, руководимые единой волей, сразу все вместе останавливаются, а также все вместе приходят в движение». Штрекфусс.

6. Т. е. движение и пение этого внешнего круга вполне согласовались с движением и пением внутреннего, как доказательство, что все эти души одинаково погружены в созерцание и славословие Божества.

7-9. «Всех наших муз-сирен», т. е. всех наших певцов и все роды пения. «Песни и искусство всех земных муз представляют как бы отзвук мелодии небесной музыки. Последняя относится к первым, как первичный свет к своему отблеску, как блеск солнца к блеску луны». Филалет.

10-15. Изображение двойной радуги. Здесь мы видим сравнение в сравнении: внутренняя радуга своим отражением рождает наружную, как крик рождает отклик — эхо. — Последнее сравнение облечено в поэтическую форму: нимфа гор, Эхо, дочь Земли и Воздуха, безумно любит Нарцисса, влюбленного в самого себя (Ада XXX, 128); истомясь от неразделенной любви, нимфа, как туман долин от лучей солнца, расплывается в воздухе; от нее остается один только голос (эхо), напоминающее о ней. Слич Овидия, Превращ., 339-510. «От внимания читателя, конечно, не ускользает в этих терцинах обилие перепутанных между собою образов и сравнений, доказывающих необыкновенное богатство изобразительных средств у поэта». Штрекфусс.

12. Ириса, дочь Тауманта (Чистил. XXI, 50 и след.), вестница богов, преимущественно Юноны.

В разноцветной одежде Ирида, предтеча Юноны,
Черпает воду и тучам приносит питание снова.

Овидий. Превращ. I, 270, перев. А. Фета.

16-18. Слич: Бытие IX, 13, 14, 15: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением (вечного) завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга (Моя) в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потоком на истребление всякой плоти».

24. Смысл: свет в гирлянде святых как бы переливается от одного к другому, в знак их взаимной любви. Слич: Чистил. XV, 67-75; также Рая V, I.

26-27. Движение наших век хотя и произвольно, но почти всегда совершается разом; этим сравнением выражается сразу наступающее спокойствие и движение этих двух светлых кругов.

28. «Из сердца», т. е. из среды вновь прибывшей гирлянды праведных.

29. «Какой грандиозный образ!» Копиш. — Как магнитная стрелка всегда обращается к Полярной Звезде, так и поэт устремляется слухом к говорящему из середины духов, — сравнение, заимствованное поэтом из незадолго перед тем сделанного важного открытия знаменитым его соотечественником и современником Флавиусом Джойя из Амальфи. О компасе упоминает уже Гвидо Гвиничелли (Rim. antic.): „Che si dirizzi l'ago vèr la stella“, также Маттео ди Рикко да Мессина и Петр дель Винь.

31. «Жар любви»; т. е. божественная любовь. — «Просветил мой разум», в подлиннике: *che mi fa bella* — который делает меня столь прекрасным. Говорящий здесь свет, как увидим ниже, в ст. 127, — францисканец св. Бонавентура, кардинал или генерал миноритов, или францисканского ордена (1256-1274), прославившийся безупречною жизнью и глубоким знанием теологии, красноречивый жизнеописатель св. Франциска. Как выше доминиканец Фома Аквинский говорил похвальное слово Франциску, так здесь францисканец, в благодарность (ст. 142), восхваляет Доминика. См. ниже, прим. к ст. 127.

34. Оба они жили в одно время, в конце XII и начале XIII века. Слич: Рая XI, 40-42.

35. «На бой» — за церковь Христову против мира и его заблуждений.

37. «Тот полк Христов», т. е. церковь Христова, — «ценой столь многой», в подлиннике: *che si caro Costò a riarmar* — вновь вооружить который стоило так дорого, потому что люди, вследствие грехопадения первого человека, лишились своего орудия — добродетели. Кровью, пролитой за нас Христом, они вновь обращены на путь добродетели, т. е. вооружены против дьявола.

38-39. «Своей хоругви вслед», т. е. шел вслед своей религии, своего креста, но шел неохотно, с тревогой колебания (*sospessioso*) вследствие еретических учений, и притом в небольшом числе и медленно, без всякой ревности. «Ереси, возникшие в начале XIII века, поколебали в христианах веру во Христа.

ПЕСНЬ XII

<p>25 Вдруг прервались по душ тех произволу,
Как мы, по воле нашей, веки глаз
То подымаем, то склоняем долу, —</p> <p>28 Из сердца вновь прибывших грянул глас
И, как иглу к Звезде Полярной, разом
Склонил меня к тому, чья речь лилась.</p> <p>31 — «Тот жар любви, что просветил мой разум,
Велит вождя другого мне вознестъ,
Уж если мой прославлен так рассказом.</p> <p>34 Где одному, там и другому честь!
Как оба шли на бой одной дорогой,
Так сообща должны и славой цвестъ.</p> <p>37 Тот полк Христов, что был ценой столь многой
Вновь ополчен, своей хоругви вслед
Шел малочислен, медлен и с тревогой,</p> | <p>Когда Монарх, кто устроает свет, 40
Дал щит войскам, не по заслугам чести,
Но по Своей любви, в годину бед</p> <p>Послав, как сказано, Своей невесте 43
Двух воинов, чтоб речь их и дела
Заблудшийся народ собирали вместе.</p> <p>В стране, отколь, полн жизни и тепла, 46
Встает зефир, чтоб дней весенних нега
Европу всю цветами убрала, —</p> <p>Там, близ тех скал, где волны бьют у берега, 49
За коим солнце с глаз по временам
Скрывается, сверша путь дальний бега,</p> <p>Встает счастливый Калароги храм, 52
Под мощною того герба защитой,
Где подчинен, Лев подчиняет сам.</p> |
|---|---|

Против них выступил Доминик. Всеобщая распущенность нравов ослабила религиозную ревность, возбудить которую было задачей Франциска». Витте.

43. «Своей невесте», т. е. Церкви.

46. Заимствуем из *Breviar. Romanum. ad 4 Ang. ed. Campod., 1872 г. I, р. 784*, жизнеописание св. Доминика, как оно рассказано болландистами — иезуитами, составившими «Жития Святых» (*Acta Sanctorum*): „Dominicus Calarogae in Hispania ex nobili Gusmanorum familia natus, Palentiae liberalibus disciplinis et Theologiae operam dedit; quo in studio cum plurimum profecisset, prius Oxomensis Ecclesiae canonicus Regularis, deinde Ordinis Fratrum Praedicatorum auctor fuit. Hujus mater gravida sibi visa est in quiete continere in alvo catulum ore praeferentem facem, qua, editus in lucem, orbem terrarum incenderet. Quo somnio significabatur, fore ut splendore sanctitatis ac doctrinae gentes ad Christianam pietatem inflammarentur. Veritatem exitus comprobavit; id enim et praestitit per se, et per sui Ordinis socios deinceps consecutus“ etc. Скартаццини.

46-48. Этой терциной определяется географическое положение Испании на западе Европы (откуда веет к нам зефир), а в следующей изображается берег Атлантического океана, куда на нашем горизонте как бы погружается солнце. Западный ветер, зефир, по мнению поэтов, — ветер, приносящий плодородие.

Вечер и от берега, что солнце садясь согревает,
Ближе к Зефиру лежат.

Овидий, Превр. I, 63, 64, в перев. А. Фета.

«Не без значения здесь сказано, что с родины Доминика восстает полный жизни и тепла ветер, одевающий землю цветами, или, как в подлиннике, заставляющий Европу одеваться новыми листьями (*ad argere le novelle fronde*)». Коппиш.

49. «Волны» — Атлантического океана (Кантабрийского, теперь Гасконского залива).

50-51. «По временам». Смысл этого стиха может быть таков: во время летнего солнцестояния, когда жар достигает высшей степени и продолжительности, захождение солнца видимо итальянцам именно в этой стране. Совершив самый дальний путь (бег) по небу, «солнце с глаз скрывается...», в подлиннике: *Lo sol talvolta ad ogni uom si nasconde*. Оно скрывается от всех, — так как, по представлению поэта, Южное полушарие земли необитаемо. В другое время захождение солнца видимо итальянцам не в этой стране. — Вообще этот стих объясняется комментаторами различно. Скартаццини.

55 Там родился любовник знаменитый
Христовой веры, пресвятой атлет,
Благий своим, врагам же бич сердитый.

58 Уж создаваясь, дух в нем был согрет
Такою силой, что, — еще он не родился, —
Как мать его уж шла пророчицъ вслед.

61 Когда ж в святой купели совершился
Союз меж ним и верой — в знак, что он
Взаимным веном с нею обручился —

64 Той, кто была порукой, снился сон
О том, к каким чудесным он победам
Со всем своим потомством был рожден.

67 И, чтоб по имени он был уж ведом,
Сшел ангел с небеси — его наречъ
Чтоб в честь Того, за Кем пошел он следом.

Он Домиником назван, и я речь 70
Начну о нем, садовнике Христовом,
В мир посланном сад Божий уберечь.

Он, мнилось, был послом — рабом Христовым, 73
Зане уж в первой он любви являл
Покорность первым словесам Христовым.

Не раз своей кормилицей бывал 76
Он находим, к земле главу склонивший,
Как бы твердя: „На то я жизнь принял!“

О, впрямь был Феликсом его родивший! 79
Впрямь Иоанной родшая его,
Коль вникнуть в те слова, их смысл открывши!

Не ради благ земных, — из-за чего 82
Остиец иль Таддей стал мил толиким, —
Но ради манны с неба самого

52. Каларога, в древности Callagurris, ныне Calahorra или Calahuega, город Старой Кастилии, на реке Дуро, недалеко от епископства Осма, и притом не так близко к океану, как бы следовало заключить из ст. 19. Он назван «счастливым» или потому, что здесь родился Доминик, или потому, что находился под счастливым покровительством королей Леона и Кастилии.

53-54. Намек на соединенный герб Леона и Кастилии он разделен вертикально на две части; в одной — вверх замок, внизу лев (он подчинен, *soggiace*); на другой — вверх лев, внизу замок (он подчиняет, *soggioga*). «Для усиления похвалы Доминику, Данте здесь щедр на образы: родился он там, откуда веет животворный ветер весны, где солнце заходит лишь после совершения самого долгого пути и притом в стране, на гербе которой лев гордости подчинен, а лев смирения (Христос) — подчиняет». Копиш.

55. См. выписку из *Breviag. Romanum* в прим. к ст. 46. «Доминик родился в 1170 г., почти одновременно с Франциском Ассизским. Отец его Феликс Гузман и мать Иоанна Аца происходили из благородных фамилий. Герцоги Медина Сидония до сих пор ведут свое происхождение от дома Гузман». Ноттер. — «Любовник знаменитый», в подлиннике: *l'amoroso drudo*. Слово *drudo* в нынешнем итальянском языке имеет унизительное значение, вроде чичисбея, потому оно и подало повод со стороны Вольпи к порицанию; но во время Данте в этом выражении не было ничего унизительного. *Drudo* на старом провансальском, а на французском *drut*, означало: друг, любовник. Отсюда старофранцузское *druiun* — наперник, а древненемецкое *trût, drûd*, женское *trûitin* — друг, товарищ, слуга. Скартаццини.

57. «Врагам», т. е. еретикам, врагам веры.

58. «Уж создаваясь»; сличи учение о зарождении человека: Чистил. XXV, 71 и след. «И Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей» (Луки, I, 15), — говорится об Иоанне Крестителе.

60. Намек на сон матери Доминика во время ее беременности. По легенде, ей снилось, будто она родила собаку, покрытую белыми и черными пятнами, держащую во рту горящий факел, которым она зажгла весь мир. Встревоженная этим сном, она часто ходила молиться на гробницу св. Доминика di Silo, бывшего аббата монастыря того же имени, недалеко от Калароги, и в благодарность за утешение, полученное ею там, назвала сына Домиником (Рорбахер, Истор. Церк. XVII, I, 71). В полном согласии с этой легендой находятся и внешние знаки доминиканского ордена: белый и черный цвета приняты им в одежде, а изображение собаки с горящим факелом служит гербом этого ордена. В знаменитой *Capella dei Spagnuoli* в церкви Santa Maria Novella во Флоренции доминиканцы представлены в виде бело-черных собак (*Domini Canes*), терзающих лисиц или волков, т. е. еретиков.

62-63. «Взаимным веном», в подлиннике: *di mutua salute*. Через веру стал Доминик участником вечной жизни, вера же нашла в нем могущественного своего защитника.

85 Он вскоре стал учителем великим
И обходить уж начал вертоград,
Что с злым садовником стал садом диким.

88 И от престола (он не виноват,
Что стал для нищих скуп, но фарисей,
Которые престол сей тяготят!) —

91 Он стал просить не первых мест трофеи,
Не сбор двух-трех для бедных из шести,
Non decimas, quae sunt pauperum Dei, —

94 Но прав борьбу с заблудшими вести
Из-за семян, успевших в круг сей милый
Двадцать четыре розана вплести.

97 С ученьем сим, исполнен грозной силы,
Он ринулся в апостольский свой долг,
Как горный ключ из сильной бьющий жилы.

Где в ереси глагол любви замолк, —
В те дебри он ударил тем сильнее,
Чем был пред ним врагов упорней полк.

И сто ручьев, водою не скудея,
В сад католический с ним заодно
Втекло, чтоб все росло там зеленее.

Коль колесо одно уж так сильно
Влекущей церковь Божьей колесницы,
(В войне гражданской было ей дано

Все победить), — то как же крепки спицы
В том колесе, о коем здесь Фома
Передо мной воспел не былицы.

Но брошен путь (а был там верх ума)
Той колесницы, так что где в осадке
Был винный камень, плесени там тьма.

64-66. По легенде, крестной матери Доминика, поручившейся за него при св. крещении, снился сон, будто у Доминика две звезды: одна на лбу, другая — на затылке. Эти звезды освещали одна восточную, другая западную части света. Пьетро Данте говорит, что звезда была одна, на лбу. «С потомством», т. е. со своим орденом доминиканцев.

67-69. «Из слов поэта следует заключить, что святой сам дал младенцу имя «Доминик» (принадлежащий Богу, равнозначительное с именем Кириак), — обстоятельство, на которое указывают и другие жизнеописатели Доминика». Филалет. См. примеч. к 60-му ст.

71. Поэт повторяет слово Христос в конце стиха в четырех местах поэмы (именно: здесь и Рая XIV, 104, 106, 108; XIX, 104, 106, 108; XXXII, 83, 85, 87); во всех случаях имя Христа рифмует лишь само с собою, как будто поэт не находит достойных рифм для такого святого имени.

75. По толкованию комментаторов, здесь разумеется совет быть бедным, данный Христом богатому юноше: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим», Матф. XIX, 21. — „E così fece santo Domenico, come appare nella sua legenda che, essendo nella sua puerizia a studio, vendette tutti li suoi libri e ciò che aveva, e distribuite il pregio in sussidio de' poveri di Cristo, essendo una grande fame in quel tempo“. Бути.

76-78. Обстоятельство, упоминаемое почти во всех легендах о Доминике. — «На то», т. е. для смирения и молитвы.

79-81. Отцом Доминика был Феликс (Felice) Гузман; felix значит счастливый; мать его была Джiovанна, или Иоанна, из фамилии Аца; по-еврейски lehochanan означает приятная, gratiosa, или, как толкует Пьетро Данте, gratia Dei; в этом смысле, кажется, понимает это слово и поэт.

82-84. Таддео, сын флорентинца Альдеротта, знаменитейший врач времен Данте, писавший комментарии на сочинения Гиппократ и Галена, отличнейший практик того времени. — Остиец (Ostiense) — это Энрико ди Суза, кардинал Остии, умерший в 1271 г., знаменитый комментатор папских декреталий, поэтому книга его обыкновенно называется Liber Ostiensis. Данте приравливает Таддео и Остийцу тех людей, которые ради приобретения денег и почетных мест изучают преимущественно медицину и каноническое право, в противоположность богословским наукам.

84. «Манны», т. е. небесной пищи, противопоставляемой благам земным, за которыми так гонятся люди. Слич: Чистил. XI, 13; Иоанн. VI, 58.

86. «Вертоград», т. е. Церковь Христову. «Я посадил тебя как благородную лозу, — самое чистое семя, как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы?» Иерем. II, 21.

88. Т. е. от папского престола. В глазах Данте он всегда священ и полон величия, хотя занимающие его и бывают по временам людьми недостойными.

ПЕСНЬ XII

90. «Под фарисеями Данте разумеет папу Бонифация VIII, которого он никогда не забывает и не пропускает случая нанести ему удар». Лонгфелло.

91-94. Смысл всего места от 88-96 ст. следующий: Доминик выказал свое бескорыстие тем, что не искал у апостольского престола, подобно многим другим, каких-либо мирских выгод, но единственно просил утвердить его орден и дать таким образом возможность действовать с целью распространения веры и истребления заблуждений. Тут же показана и разница между прежними и современными Данте папами. Первые заботились о делах благотворительности и покровительствовали вновь возникавшим нищенствующим орденам; вторые дали повод ко многим злоупотреблениям. В последнем отношении Данте в особенности имеет в виду папу Бонифация VIII, оговариваясь, впрочем, что он порицает при этом не самый престол папский, а обладателей его в это время, порицает домогательства выгодных мест: епископств, монастырей, аббатств и так называемый *dispensationes*, т. е. освобождение от возврата незаконно захваченного имущества под условием пожертвования на благотворительные цели части этого имущества.

92-94. «По словам Бути, в прежнее время прелаты обыкновенно делили церковный доход на четыре части: первую брал прелат лично для себя; вторая шла на духовенство, совершающее службы; третья шла на украшения церкви; четвертая — для бедных ради Христа. Такой раздел доходов теперь не соблюдается». Лонгфелло. Итак, смысл этих стихов такой: он не просил права захватывать места, ни права занимать первые вакантные места или бенефиций, ни получать десятину, принадлежащую бедным и убогим, но добивался права охранять и защищать веру. „Non decimas“ etc. — выражение техническое, заимствованное из канонического права. В Божественной Комедии часто, как мы видели, встречаются изречения на латинском богослужебном языке католической церкви, но всегда они влагаются в уста пап, ангелов, учителей Церкви и праведников.

95-96. «Семена означают ортодоксальное учение Церкви, а розаны (в подлиннике: *piante* — растения) — учителей Церкви, обвивающих Данте в виде венка. Из них двенадцать (Рая X, 99 и след.) составляют внутренний, и другие двенадцать, как мы увидим в ст. 127 и след. этой песни, — наружный круг двойной гирлянды». Филалет.

98. «Именно с того времени, как папа Гонорий III утвердил в 1217 г. устав ордена доминиканцев, поставивших себе главной задачей обращение еретиков». Ноттер.

100-102. Намек на Тулузское графство, где особенно долго и упорно держались альбигойцы.

103. Продолжение метафоры, сравнивающей Доминика с горным ключом (ст. 99); следовавшие за ним доминиканцы сравниваются с ручьями.

104. «В сад католический», — т. е. в католическую Церковь, согласно с Песнью Песней (по средневековому толкованию): «Запертый сад — сестра моя, невеста — заключенный колодезь, запечатанный источник». Песнь Песней IV, 12. Слич также Премудр. Ис. сына Сирах. XXIV, 33: «Полью мой сад и напою мои гряды». «Кусты», *arbuscelli*, т. е. «истинные растения христианского виноградника, составляющие противоположность колючим терниям с горькими плодами безбожных. Слич: Ада I, 2-7». Копиш.

100-107. Слич: Чистил. XXIX, 107. В двухколесной колеснице воинствующей Церкви Божией одним колесом служит Доминик, другим — Франциск.

108. «Данте справедливо употребляет здесь выражение «гражданская война», так как еретики тоже христиане, а все христиане суть граждане одного и того же города, т. е. воинствующей Церкви Христовой». Ландино.

109-111. Рая XI, 121. «Окончив похвалу Доминику, Бонавентура восхваляет величие и святость основателя своего ордена — Франциска, говоря, что если таково было одно колесо колесницы Церкви, то легко понять, каково было и другое. Порядок изложения здесь тот же, что и в изложении Фомы Аквинского в предыдущей песне (ст. 118 и след.), и точно так же, как там Аквинат порицает своих сочленов — доминиканцев, Бонавентура порицает здесь францисканцев, генералом ордена которых в то время был он сам. Стало быть — Данте недаром влагает в уста его эти упреки». Скартаццини.

112-113. В подлиннике: *Ma l'orbita, che fe' la parte somma Di sua circonferenza, è derelitta* — но колея, прорезанная высшей окружностью этого колеса, покинута, т. е. минориты не идут по стопам Франциска.

114. Согласно пословице: хорошее вино дает винный камень (сохраняющий вино), дурное — плесень, *buon vin fa gruma, e tristo vin fa muffa*.

116-117. Т. е. идут по направлению, совершенно противоположному тому, которое указано Франциском.

118-120. Намек на евангельские слова: «Во время жатвы Я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу Мою». Матф. XIII, 30 — Смысл:

115 И сонм его, что́ прямо, без оглядки,
Шел вслед за ним, уж повернул теперь:
Где пальцев след, туда он ставит пятки.

118 Но жатвы час уж недалек, поверь,
И плевелы заплачут пред нечистым,
Что в житницу для них замкнулась дверь.

121 Конечно, кто просмотрит лист за листом
Весь наш устав, тот встретит в нем листы,
Где он прочтет: „я все остался чистым“;

Но ты, Казаль, и Акваспарта, ты — 124
Не таковы: тот снял весь гнет цензуры,
А тот стянул ее до духоты!

Во мне ты видишь жизнь Бонавентуры 127
Из Баньореджьо: верный долга сын, —
Благ временных был чужд я от натуры.

Иллюминат со мной и Августин, — 130
Два первенца из нищих босоногих,
Веревкою снискавших райский чин.

скоро придет то время (именно с приходом предсказанного Чистил. XXXIII, 40-50, Ада I, 101, спасителя Италии), когда дурные люди, занимающие теперь главные места в Церкви, будут оттуда изгнаны. Витте. Ноттер. По Скартаццини, здесь намечается на уничтожение буллой Бонифация VIII в 1302 г. особого общества францисканцев, носившего название *Spirituales*, или *Zelatores*, объявленного ею еретическим, хотя оно и было дозволено папой Целестином IV в 1294.

123. «Остался чистым», т. е. верным уставу, которому следовали первые ученики св. Франциска.

124-126. Эти стихи очевидно относятся к возникшему уже во время Данте расколу в ордене францисканцев, разделившихся, как выше сказано, на так называемых *Spirituales*, или *Zelatores*, строго выполнявших устав, и на *fratres de communitate*, допускавших разного рода послабления. Поводом к расколу послужила затруднительность выполнения на практике строгого устава. Подробности см. у Филалета, с. 144. На строгость устава особенно обрушилась Сорбонна, парижский университет; защищали его Фома Аквинский и Бонавентура. Впоследствии генерал ордена (потом кардинал) Маттео д'Акваспарта решительно встал на сторону недовольных первоначальным уставом, тогда как ученик главы *Zelatorum*, Убертина да Казале, Пиетро Джованни Оливи, сделавшийся впоследствии сам главой этой общины, отличался необыкновенной строгостью в выполнении устава. Данте беспристрастен: он порицает обе эти крайности.

127-129. «Бонавентура», прозванный — собственно — *Doctor seraphicus*, Джованни Фиданца, родился в 1221 г. в Баньореджьо, ныне Баньореа, близ Орвието, недалеко от Больсенского озера. В 1243 г. он вступил в францисканский орден, в 1256 г. стал его генералом, а в 1272 г. был сделан кардиналом и епископом в Альвано; умер в 1274 г. в Лионе, во время собора, где он присутствовал в качестве легата папы Григория X. Богословское образование он получил в Париже. В своих сочинениях Бонавентура держался по преимуществу практико-мистического направления, в противоположность умозрительно схоластическому, следуя Ричарду Сан-Виктору. — «Жизнь Бонавентуры», вместо того, чтобы просто сказать — Бонавентура. Так в латинской поэзии встречается *Vis Hercules* вместо *Hercules*.

130. «Иллюминат» из Риети, один из первых учеников Франциска, сопровождал его в Египет, как сказано в примечании к 100-102 ст. X песни. О другом его ученике Августине ничего неизвестно.

132. Т. е. тем шнурком, которым опоясываются францисканцы.

133. Гуго Сан-Виктор, знаменитый богослов Средних веков, прозванный вторым Августинем, Дидаскалом (учителем) и пр., родился около 1097 г., по одним — во Фландрии, по другим — в Саксонии; первоначальное образование получил в Гаммерслебенском монастыре близ Гальберштадта, потом поступил в монахи знаменитого монастыря св. Виктора близ Парижа (Рая X, примеч.), умер в 1141 г. Его эпитафия гласит:

Conditus hic tumulo doctor celeberrimus Hugo,
Quem brevis eximium continet urna virum,
Dogmate praecipuus nullique secundus amore,
Claruit ingenio, moribus, ore, stylo.

Главнейшие его сочинения: „*Eruditio didascalorum*“ — энциклопедия всех тогдашних наук, со введением в книги Св. Писания; „*De sacramentis fidei christianae*“ — систематическое изложение основного богословия; „*De arca Noe morali* и проч. Все его сочинения отличаются ясным, чисто христианским,

практическим смыслом. Вообще он избегает бесплодного мудрствования и даже в своей мистике держится животного нравственного смысла; это подтверждается многими выдержками, приведенными в нашем комментарии.

134. Петр Манджиадоре, или по-латыни Comestor, священник из Труа в Шампани, потом декан собора этого города, впоследствии (1161 г.) канцлер Парижского университета; умер в монастыре Св. Виктора в 1179 г. по другим — в 1198 г. На гробнице его была такая надпись:

Petrus eram, quem petra tegit; dictusque Comestor
Nunc comedor. Vivos docui nec cesso docere
Mortuus, at dicat, qui me videt intumulentem:
Quod sumus, iste fuit; erimus quandoque, quod hic est.

Он прославился сочинением *Historia scholastica*, содержащим священную историю от сотворения мира до конца апостольского периода: это выписки из книги Св. Писания, а также из светских писателей. Долгое время его священная история употреблялась в школах наравне с сентенциями Петра Ломбардского, почему и говорилось, что Петр Ломбардский, Петр Коместор и Грациан — родные братья. — «Петр Испанский», сын врача Юлиана из Лиссабона, родился в 1226 г., учился медицине, потом богословию, возведен в сан кардинала и епископа в Тускулуме и затем в 1276 г. избран на папский престол под именем Иоанна XXI. Папой он пробыл всего лишь восемь месяцев, так как в 1277 г. погиб под развалинами обрушившегося дворца своего в Витербо. Он известен своим учебником логики, состоящим из 12 небольших трактатов, на что и намекает Данте. «Это единственный современный поэту папа, встречаемый им в Раю». Витте.

136-138. «Св. Иоанн Златоуст» (Χρυσόστομος), родился в Антиохии около 347 г., ученик Ливания и св. Мелетия, епископа антиохийского. В 397 г. он был избран архиепископом константинопольским; скончался в 404 г. в ссылке на пути в Пициус (Пицунда). Это был один из красноречивейших проповедников греческой Церкви, на что указывает данное ему название «Златоуст». — Пророк Нафан, укорявший царя Давида в его прегрешениях: II Царств XII, 1 и след. — «Почему здесь пророк Нафан назван рядом с Златоустом? Может быть оттого, что оба они говорили горькие истины великим мира сего». Филалет. — «Ансельм, архиепископ Кентерберийский, знаменитый автор сочинений „Cur Deus homo“, „Monologium“ и „Proslogium“ и др., родился в Аосте в 1034 г., был архиепископом с 1093 г., умер в 1109 г. После разгульной юности он переселился во Флоренцию, поступил там в монастырь Бек (Вессо), где был приором и аббатом, а затем получил архиепископскую кафедру в Кентербери в Англии. Он представляет замечательнейшее явление в области философской мысли Средних веков. — Элий Донат, знаменитый грамматик и ритор; жил в Риме в середине IV века. В числе учеников его был, между прочим, блж. Иероним. Он составлял грамматические учебники, пользовавшиеся большой славой в Средние века. Грамматику Данте называет «первым искусством», ибо она занимает первое место между семью свободными искусствами, которым учат Trivium и Quadrivium (Ада IV, 107 примеч.).

139-141. Рабан Мавр (Rabanus Maurus, Hrabanus) родился в Майнце в 776 г., поступил в монахи в Фульде, где получил образование под руководством славного Алкуина. В 847 г. он был возведен в сан архиепископа Майнцкого, умер в 856 г. Он написал много богословских сочинений; особенно известны его толкования на Св. Писание. — «Джованнин», родился в 1130 г. в Челико, недалеко от Казенцы в Калабрии (назван поэтому Калабрийским), постригся в цистерцианские монахи в Кураццо, где и был впоследствии аббатом. Любимым его занятием было толкование Св. Писания и в особенности Апокалипсиса, для объяснения которого он, с согласия папы Луция III, удалялся в горный монастырь Флора в Калабрии, проводил время в строгом посте и молитве. Скончался в 1202 г. Относительно его пророческого дара надобно заметить, что в толковании на Апокалипсис он много говорит о судьбе императора и королей сицилийских, но при этом часто употребляет неопределенные выражения: может быть, может случиться, так что Фома Аквинский видит в нем не дар пророческий, но donum intellectus. — Пьетро Данте говорит по этому поводу: „Multa propheticè dixit inter alia, et de Antichristo haec carmina prophetica tulit:

Cum decies seni fuerint et mille ducenti
Anni, qui nato summunt exordia Christo,
Tunc Antichristus nequissimus est oriturus.
Haec Cistercensis Ioachim praedixit, et anno
Quo Saladinus sanctam sibi subdidit urbem.

ПЕСНЬ XII

133 Гуг Санвиктор в числе сих двух убогих,
И Петр Манджиадор и Петр Гишпан,
В двенадцати блестящих книгах строгих.

136 Митрополит здесь Златоуст, Нафан —
Пророк, Ансельм и тот Донат, которым
Учебник первому искусству дан.

Здесь и Рабан, здесь блещет метеором 139
И Джьоваккин, Калабрии аббат,
Что наделен пророческим был взором.

Меня подвиг, любви огнем объят, 142
Воздать хвалу по столь великом муже
Своей хвалой Фома, мой райский брат,

И весь наш сонм со мной подвиг к тому же». 145

Et hoc est quod auctor de spiritu prophetio ejus“. Он уверял, что антихрист уже родился в Риме и взошел на папский престол. «Может быть, говорит Филалет, это последнее пророчество Данте считал осуществившимся в лице своего врага, Бонифация VIII. Церковью он никогда не был признан за святого (хотя народ почитал его таким) и даже одно его богословское сочинение было осуждено, как неправильное, на Латеранском соборе в 1215 году».

143-145. Т. е. воздать хвалу Доминику, названному в подлиннике паладином. Смысл: похвала, сказанная основателю моего ордена, св. Франциску, побудила меня и весь второй круг святых огней (составляющих, согласно со ст. 5-21, как бы отблеск или эхо первого) воздать похвалу и основателю ордена доминиканцев, св. Доминику.

ПЕСНЬ XIII

Беседа со св. Фомой.

<p>1 Чтоб то понять, что́ я увидел здесь, —
Представь, читатель (и держи, пока́ я
Не кончу, в мыслях твердо образ весь), —</p> <p>4 Пятнадцать звезд, что́, с разных мест сияя,
Льют свет такой, что блеск их превозмочь
И воздуха не может толщъ густая;</p> <p>7 Представь и колесницу, день и ночь
Ходящую средь наших звезд дорогой,
С которой дышла не склоняет прочь;</p> <p>10 Представь еще и устье того рога,
Что начинается в конце осй,
Вкруг коей ходит первый круг близ Бога;</p> <p>13 Свяжи их в два созвездья в небесй
Подобные тому, что́ дочь Миноса
В свой смертный час поставила в высй</p> | <p>Так, чтоб от них сияние слилось 16
И чтоб движение хора одного
Неслось вперед, другого — взад несло́ся:</p> <p>И ты почти получишь тень того 19
Созвездия и цепи той двоякой,
Что́ обвилась вкруг места моего.</p> <p>Там розно с нашим было все однако, 22
Как волн твоих, Киана, медлен бег
Пред кругом, упреждающим круг всякий.</p> <p>Не Феба с Вакхом там поют вовек, 25
Но сущность Божества без лиц в трех лицах,
В одном лице где Бог и человек.</p> <p>Свершилась мера счастья в сих станицах 28
И к ним склонились светочи сини,
Блаженствуя в сверкающих зарницах.</p> |
|---|--|

1-18. Для того, чтобы читатель яснее мог себе представить, как вокруг Данте вращались в виде двух кругов 24 праведные души, поэт, по своему обыкновению, берет пример из окружающей природы и говорит: представьте себе 24 прекраснейшие звезды, а именно: 15 произвольно взятых на небе звезд первой величины; затем 7 звезд созвездия Колесницы или Большой Медведицы, которые в Северном полушарии, вблизи земной оси, около полюса никогда, даже днем, не скрываются за горизонтом; наконец, две звезды Малой Медведицы, наиболее отдаленные от Полярной. Все эти 24 звезды вообразите себе соединенными в два созвездия, похожие видом своим на созвездие Ариадны.

4-5. «Птоломей и другие астрономы, разделившие звезды восьмой сферы на шесть разрядов по величине их, насчитывали 15 звезд первой величины». Ландино.

7. Созвездие Колесницы, или Большой Медведицы (Ада XI, 114; Чистил. I, 30), никогда не заходит на нашем Северном полушарии, что было известно еще Гомеру:

«Сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана».
Жуков. Одиссея V, 271-275.

9. Чистил. XXII, 119; XXXII, 49, 140; Рая XXXI, 124. Т. е. не исчезает с нашего неба.

10. «Созвездие Малой Медведицы сравнивается здесь с рогом. Вершина этого рога, Полярная Звезда (Супругус), названа устьем (в подлиннике — ртом, la bocca), потому что к этой части рога прикасались пившие из него». Витте.

11. «В конце осй» (in punta dello stelo), т. е. в самом полюсе, вокруг которого вращается первый круг (в подлиннике — первое колесо, la prima ruota), или primum mobile — небо неподвижных звезд, приводящее в движение всю вселенную.

14-15. «Дочь Миноса», т. е. Ариадна — Ада XII, 20. Бахус поместил венец Ариадны, после ее смерти от горя вследствие утраты Тезея, на небо в виде великолепного созвездия, носящего ее имя. См. Овидия, Превращения, VIII, 116-182.

<p>31 Прервал безмолвье дружной той семьи
Вдруг свет, — кем тот, кто нищ и беспорочен,
Был так прославлен в дивном житии.</p> <p>34 И рек: «Когда уж первый сноп смолочен
И в житницу воспринято добро, —
Я молотбой второго озабочен.</p> <p>37 Ты мнишь: в ту грудь, где вынута ребро
Для сотворенья той прекраснойкой,
Чье послушанье мир повергло в зло,</p> <p>40 И грудь Того, Кто, прободенный пикой,
Потом и прежде долг Свой так свершил,
Что легким стал на вес и грех великий, —</p> <p>43 В те груди свет, доступный лишь для сил
Людского рода, был ниспослан свыше
Творцом, Кто их обоих сотворил.</p> | <p>Дивился ты, — когда тебе я выше 46
Вел речь о заключенном в пятый свет, —
Что нету равных с ним других, услыша.</p> <p>Вглядись же в то, что я скажу в ответ: 49
Хоть ты и прав; но и в моем я слове
Так истиной, как кругом центр, одет.</p> <p>В чем смерти нет и то, где смерть в основе, 52
Есть только отблеск от Идеи той,
Что наш Господь рождает, полн любви.</p> <p>Зане тот Свет, что жизнь лиет струей 55
От Бога-Света, с ним не разлучаясь,
Ниже с любовью в Троице святой, —</p> <p>Слил блеск Свой, как в зеркалах отражаясь, 58
В сих девяти субстанциях вполне
Неразделимым вечно оставаясь.</p> |
|--|---|

Но оставленной и возопившей
Либер объятья принес и помощь; а чтоб вековечно
Славной созвездьем ей быть, с чела ее взявши корону,
Выбросил на небо ее. Летит она в воздухе тонком:
И как летит, то в огни обратились блестящие камни.
Стали на месте они и вид сохранили короны
Между склонившим свои колена и Змея держащим.

Перев. А. Фета.

16-18. Т. е. чтобы они образовали два концентрических круга, в центре которых помещались Данте и Беатриче. По толкованию Каннегиссера, внутренний, ближайший к Данте круг руководит движением, за ним следует и внешний, но в обратном направлении. Впрочем, комментаторы не все согласны относительно 18-го, довольно темного, стиха (*Che l'uno andasse al prima e l' altro al poi*).

19. «Тень», т. е. приблизительное понятие. «Явления этого мира суть только тени истины». Евр. X, 1; Римл. I, 20. Каннегиссер.

21. Т. е. вокруг того места, где я находился (*dov' io era*).

22. Намек на слова апостола: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». I Кор. II, 9.

23. «Киана» — река в Тоскане, недалеко от Ареццо, болотистая долина которой теперь совершенно осушена. Во время Данте она текла весьма медленно по этой чрезвычайно нездоровой долине. После произведенной здесь осушки, эта долина оздоровлена, имеет цветущий вид и прорезывается прямолинейным каналом, обильно и быстро изливающим свои воды в Арно (прежде Киана впадала в Тибр).

24. Т. е. *primum mobile*, вращение которого происходит быстрее всех прочих сфер.

25-27. Это значит, что здесь воспевают не Вакха или другие языческие божества, но Св. Троицу и Христа, соединившего в Себе естество божеское и человеческое. Две высочайшие тайны Откровения, в познании и созерцании которых, по мнению Данте, состоит сущность высочайшего блаженства праведных. «Без лиц, в трех лицах» (*tre Persone in divina natura*) переводчик передал это знаменитым стихом Державина в Оде «Бог»: «Без лиц в трех лицах Божества».

28. Т. е. эти праведные прекратили пение и ликующее вращение.

30. В подлиннике: *Felicitando sè di cura in cura* — с радостью переходя от одной заботы (петь и вращаться) к другой (к удовлетворению моего желания).

32-33. «Свет», т. е. св. Фома, поведавший славное житие Божьего нищего (del poverel di Dio), св. Франциска.

34-35. Т. е. после того, как я рассеял одно из твоих сомнений (Рая XI, 25 и след.: 133-139), любовь моя к тебе понуждает меня разрешить и второе сомнение. Возражение же, которое хотел сделать, но не высказал Данте, излагается ниже, в ст. 37-48, и заключается в следующем: так как в души Адама и Христа излит Богом весь тот свет, какой только доступен человеческому естеству вообще, то можно ли сказать, что Соломон, пятый из числа вышеупомянутых светлых духов, обладал столь глубокой мудростью, что второго подобного ему никогда не восставало?

37. «В ту грудь», т. е. Адама, из груди которого вынуто ребро для сотворения Евы. Бытия II, 21, 22. Рая XXXII, 5.

40. Т. е. Христа, пронзенного копием на кресте (Иоанна XIX, 34).

61 От них творя, нисшел Он к глубине
К потенциям, настолько в них слабея,
Что уж творит случайности одни.

64 В „случайном“ же я мыслю то в идее,
Что рождено, что ход небес творит
Без семени, иль семена имея.

67 Воск сих существ и то, что их живет,
Не сходствуют: чрез то и отраженье
Идеи той различно в них блестит.

Затем и плод от одного растения, 70
Смотря по роду, сочен или жестк,
И в вас талант различный от рожденья.

Будь совершен в своем составе воск 73
И действуй небо с силою в нем вящей,
Блеск оттиска имел бы полный лоск.

Природы ж труд всегда не настоящий, 76
Как труд художника, кто приобыл
К искусству, но творит рукой дрожащей.

41. «Потом и прежде» (*E roscia e prima*) толкуется различно. Всего естественнее понимать: «прежде» — Своим вочеловечением и «потом» — Своей крестной смертью для искупления нашего. По толкованию Бути, «прежде», чем был прободен, и «потом», когда прободен был копием, или, другими словами, до смерти Своей и по смерти.

45. Человеческое естество во Христе также сотворено Богом, согласно с посл. к Евр. III, 3: «Ибо Он достоин тем большей славы перед Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его».

47. Речь идет о Соломоне, составляющем пятый свет (*la quinta luce*) в Дантовой гирлянде. Рая X, 112.

49-51. «Ты понял истину в ее центре (ядре), но у тебя не хватает сил понять ее во всем объеме; этот полный объем ее я теперь покажу тебе». Каннегиссер.

52-54. «В чем смерти нет», или что не умирает, т. е. ангелы, душа человеческая, небо и стихии; «и то, где смерть в основе», или что может умирать, — отдельные формы вещей телесных, различные животные и проч.; другими словами — все неразрушимое и разрушимое. Смысл всей этой терцины такой: все неразрушимое, равно как и все разрушимое, не что иное, как отблеск той идеи, которую наш Господь (*Sire*) рождает Своею любовью.

55-87. Здесь снова вкратце повторяется теория, изложенная уже в Рая II, 112 и VII, 129 и др. о посредственном и непосредственном творении; особенно же подробно излагается отношение к творению трех лиц Божества, на что также уже сделан был намек в Рая I, 1 и след., X, 1 и след. — Первообраз (Идея) всего сущего, как смертного, так и бессмертного, почитает во Христе (*λόγος*), как свет, изливающийся Ему от Бога через Св. Духа (Любовь) (ст. 52-57). Девять ангельских хоров, или интеллигенций, представляют собою непосредственное изливание, лучеиспускание этой идеи; от них, в их посредственной творческой деятельности, исходяты первообразные силы на силы подчиненные, представляющие из себя стихии. Эти последние, при помощи семян, или без семени, рождают потом кратковременные, смертные, случайные вещи (ст. 58-66) с меньшим или большим несовершенством (67-78) в противность первичным силам, образующим бессмертные, совершенные создания. Так как Адам, как первый человек, и только он один вместе со Христом, в Его человеческом естестве, непосредственные создания Божии и то только они двое должны стоять превыше всех других, и, следовательно, Данте прав в своем сомнении относительно Соломона (46-48)». Флейдерер.

55-57. «Свет» (в подлиннике: *viva luce*, животворящий свет), т. е. божественное Слово (*λόγος*), или Бог-Сын, рождаемый Богом-Отцом (в подлиннике: *Dal suo Lucente*, как бы от источника Своего Света), или как в символе Веры: Света от Света, *φῶς ἐκ φωτός* — Хотя Сын или Слово истекает от Бога, но в лучах Его пребывают силы всех трех лиц Божественной Троицы. Иоанна I, 1-3. — «Бог-Свет» (*Lucente*) — Бог-Отец; «Свет жизни» — Бог-Сын; «Любовь» — Дух Святой.

58-59. «Ангелы, или интеллигенции, распространяющие свою деятельную, активную силу по девяти небесным сферам, — как бы зеркала почившей в Боге идеи. Сл. Рая IX, 61 и XXI, 17». Витте.

60. «В Боге все эти силы пребывают вечно неразделимыми; только лишь в интеллигенциях (небесных сферах) представляются они в своей раздельности». Витте.

61. О влиянии неба сл. Чистил. XVI, 73 и Рая VIII, 31.

62. Сл. примеч. 117 Чистил. XXVIII. — Чрез посредство этих девяти субстанций (ангелов, или небесных сфер) изливание живого света (*viva luce*), действуя сверху вниз, нисходит наконец до низших тварей, постепенно ослабевая в своей силе, так что наконец создает вещи тленные, разрушимые. Следовательно,

- 79 Итак, — где жар святой Любви подвиг
Мощь первую творить с виденьем ясным,
Там совершенство возникает вмиг.
- 82 Так древле прах был сотворен причастным
Всех благ, к каким способен тварей дух;
Так зачала и Дева словом властным.
- 85 И ты был прав, когда сказал не вслух,
Что нет таких, в ком выше в идеале
Была б людей природа, как в тех двух.
- 88 Но как ту мысль я не развил там дале,
То: «Как того поставил ты в высй?»
Вот что хотел ты мне сказать вначале.
- 91 Но чтоб ты зрел, чего не зришь, спроси:
Кто был тот муж? Спроси, на что он метил,
Когда просил, услыша глас: проси?

- Из слов моих, конечно, ты заметил, 94
Что то был царь, просивший мудрым стать,
Да царский сан на нем пребудет светел, —
- А не чтоб знать, как велика здесь рать 97
Небесных сил, иль: может ли *necesse*
С случайностью опять *necesse* дать;
- Иль: *si est dare primum motum esse*; 100
Иль: можно ль трехугольник начертить
В полкруге без „прямого“ при процессе
- Черчения. Связав всех слов сих нить, 103
Пойми, что мудрость царскую желало
В уме том наше слово восхвалить;
- А слово „восставал“ уж означало, 106
Что клонится оно к одним царям,
Которых много, но хороших мало.

«потенций», т. е. способности, — материя, вещество стихии. То, что образуется помощью этих созданных сил или потенций, — случайности (*contingenze, contingentia*). „*Contingens est quod potest esse et non esse*“, Фома Акв. *Sum. Teol. p. I, qu. LXXXVI, art. 3.* — В следующей терцине Данте сам делает весьма ясное определение «случайного». — «Случайности не являются непосредственными продуктами творческой силы, напротив того, они являются продуктами действия второстепенных сил на данное вещество; соединение этих сил и данного вещества совершается под влиянием и руководством звезд. Поэтому-то ни один отдельный индивид, за исключением первосозданных, не соответствует вполне чистой божественной идее». Филалет.

66. «Здесь идет речь о так называемом *generatio spontanea* или *aequivoca*». Каннегиссер. Сл.: Чистил. XXVIII, 68, 116.

67-69. «Воск», т. е. материя сотворенных вещей и сила небес, их образующая (*e chi la duce*), не всегда одинаковы, потому и отражающаяся в них идея, кладущая на них как бы свою печать (*sotto il segno Ideale*), блестит в них более или менее (*più e men*) ярко. Сл.: Рая VIII, 127, также I, 3.

72. Рая VIII, 121 и след.

73-75. Смысл: если бы вещество обладало совершенством и если бы влияние звезд обнаруживалось в наибольшей своей силе, то на вещах сотворенных оттиск Света (Идеи) впечатлевался бы во всем своем блеске, т. е. они были бы совершенны.

76. Смысл: природа, будучи вторичной причиной (ибо один Бог есть совершеннейшая первопричина), всегда дает лишь неполный отпечаток божественной идеи, подобно художнику, который понимает свое искусство, но не в силах народившуюся в его уме мысль передать дрожащей рукой материалу. Сравнение, напоминающее подобное же в Рая I, 127 и след.; там искусство не достигает своего намерения вследствие несовершенства материала: он глух; здесь же — вследствие несовершенства орудия, распоряжающегося материалом: рука художника дрожит. Сл. I сонет Микеланджело:

Non ha l'ottimo artista alcun concetto,
Ch'un marmo solo in sè non circonscriva
Col suo soverchio, o solo a quello arriva
La man che obbedisce all' intelletto.

Следует заметить, что «под именем природы здесь (как и везде) разумеется не непосредственная творческая сила, но общая сложность всех подчиненных творческих сил, в особенности же влияние звезд». Филалет.

79-81. «Когда Бог творит непосредственно, тогда сотворенное вполне совершенно». Оттимо. В этой терпине некоторые комментаторы видят указание на Св. Троицу. «Мощь первая» — Бог-Отец; «видение ясное» — премудрость Бога-Сына и «жар любви» — Св. Дух. Гешель. Сл. Ада III, 4-6; Рая X, I и др.

82. «Трах» (*la terra*), т. е. земля, из которой Бог сотворил Адама. Другие (ошибочно) разумеют под словом земля то место, которое избрано Богом для создания рая.

85. «Когда сказал не вслух», т. е. когда подумал, но не выразил мысли своей словами.

87. «Как в тех двух», т. е. в Адаме и Богочеловеке.

89. Каким образом, согласно Рая X, 113, Соломон вознесен тобою на такую высь, несравненно выше всех?

91. В подлиннике: „Ma, perchè raia ben quel che non pare“, — но чтобы казалось ясным, что ясным не кажется.

92-96. «И ныне, Господи Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я — отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа; и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть; даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» III Царств III, 7-9. И ранее: «В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью и сказал Бог: проси, что дать тебе». Там же, ст. 5.

97. В рассказе библейском (III Царств III, 11 и след.) повествуется, что Господь похвалил Соломона «за то, что не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов своих, но просил себе разума, чтоб уметь судить». Подражая библейскому рассказу, Данте вместо богатств, долгой жизни и побед над врагами, чего мог бы просить Соломон, иронически приводит здесь вопросы из метафизики, диалектики и геометрии, очевидно, с целью осмеяния глупости людей, занимающихся или вопросами совершенно бесполезными, или вовсе неразрешимыми, — вопросами, которыми (что можно заключить, читая его *Convivio*) он и сам одно время занимался.

97-103. Вопросы, разрешения которых не просил Соломон, следующие: 1) схоластический вопрос (который Данте предлагает в своем *Convivio* II, 5), столько ли ангелов, или интеллигенций (в подлиннике: *Li motor' di quassù, двигателей сфер*), сколько самих движений, или более; 2) в силлогизме из двух посылок, из коих одна — необходимое *ἀναγκαῖον*, *necessesse*), а другая — случайное или возможное, будет ли заключение необходимым? — это в диалектике отрицается на основании правила: *conclusio sequitur semper debiliorem partem*; 3) можно ли допустить какое-либо первое движение, которое бы не было обусловлено никаким другим движением? — Это отрицается в метафизике положением: *repergnat in causis processus in infinitum*; 4) можно ли в полукруге начертить такой треугольник, сторона которого составляла бы диаметр круга, а противолежащий этой стороне угол был бы не прямой? — Невозможно.

103. Если сличить то, что я сказал сейчас (ст. 95), т. е. что Соломон просил мудрости, с тем, что я сказал о Соломоне выше, в Рая X, 113, т. е. что он в мудрости не имел себе подобных.

104-105. В подлиннике: *Regal prudenza e quel vedere impari, In che lo stral di mia intenzion percuote*, т. е. стрела моего намерения метила в царскую мудрость с ее несравненной прозорливостью.

110. Т. е., поняв мои слова в указанном смысле, ты по-прежнему будешь верить в то, что не было никого выше мудростью нашего праотца (Адама) и нашего Всеблагого (Богочеловека), или, как сказано в подлиннике: Возлюбленного (*Diletto*), согласно с Ефес. I, 6: «В похвалу славы благодати Своей, которой Он облагодатствовал нас в Возлюбленном!» — «Богословский спор о том, был ли Соломон, как еврей, спасен, или нет, по-видимому, послужил Данте поводом войти в это суждение о нем и высказать общее предостережение против поспешности в произнесении решительного мнения, дабы не впасть в важную ошибку». Флейдерер.

112-114. Т. е. «никогда не будь поспешен в произнесении своего «да» (в утверждении) и своего «нет» (в отрицании) относительно других; но поступай всегда обдуманно, помня, что одна и та же вещь может быть различно истолкована». Оттимо.

120. Поспешное мнение нередко бывает ошибочным, а пристрастие к своему собственному мнению мешает рассудку освободиться от предубеждений.

121-124. «Неопытный рыбак возвращается домой без рыбы; неопытный ловец истины не только остается без истины, но еще обременяется заблуждениями». Каннегиссер.

125. Парменид и Мелисс, греческие философы Элейской школы, жившие: первый в конце VI века и в первой половине V века, а второй, ученик первого, — в V веке до Р. Х. Оба они учили, что все существующее неизменяемо и что кажущиеся изменения лишь призраки. Аристотель доказывал ложность их положений и особенно порицал Мелисса за способ его доказательств. — Брисс, математик, занимавшийся квадратурой круга; его доказательства Аристотель называл софистическими.

120. «Ходящий во тьме не знает, куда идет». Иоанна XII, 35.

ПЕСНЬ XIII

<p>109 Прими ж слова мои с различьем сим,
И с прежней верой можешь ты остаться
О Праотце и нашем Всеблагом,</p> <p>112 И пусть тебе то будет ввек казаться
Свинцом в ногах, чтоб сдерживать твой спех,
Где должно между „нет” иль „да” решаться.</p> <p>115 Из всех глупцов стоит тот ниже всех,
Кто там и здесь иль отрицает смело,
Иль утверждает вовсе без помех.</p> <p>118 Поспешное ведь мнение то и дело
Сбивается на ложный путь затем,
Чтоб страсть потом связала ум всецело.</p> <p>121 Кто ловит истину, а между тем
Неопытен, — тот более, чем тщетно,
Пустился в море; ибо уж не тем</p> <p>124 Придет, чем был. Число ж таких несметно:
Брисс, Парменид, Мелисс и тьма других
Блужданью отдавались беззаветно.</p> | <p>Так мнил Савелий, Арий с сектой их 127
Весь исказить Писанья лик правдивый,
Мечам подобно, в глупостях своих.</p> <p>Не будьте, люди, слишком торопливы 130
В суждениях, как тот, кто вешать стал
Зерно в полях, хоть не созрели нивы.</p> <p>Видал ведь я нередко, как стоял 133
Всю зиму терн, весь в иглах и негибкий,
А после розы на ветвях давал.</p> <p>И корабли видал, что́ прямо, шибко 136
На всем пути неслись среди пучин,
При входе ж в пристань гибли вдруг ошибкой.</p> <p>Пусть с монной Бертой видел сэр Мартин, 139
Что крадет тот, а жертвы сим даются;
Все ж, что случится, знает Бог один:</p> <p>„Тот может встать и может сей споткнуться“. 142</p> |
|--|--|

127. От философов Данте переходит к еретикам, от языческих заблуждений к заблуждениям христиан. Арий учил, что Сын Божий не одного существа и не равновечен с Богом-Отцом. Савелий отрицал тройственность Божества и допускал лишь одно лицо с тремя именами — Отца, Сына и Св. Духа.

129. Выражение «мечам подобно» не все комментаторы понимают одинаково; по Каннегиссеру, его следует понимать не в том смысле, что еретики как бы мечом изрубили текст Св. Писания, чтобы дать ему ложное толкование, а таким образом: подобно тому, как в лезвии меча (в данном случае — в режущем, увечащем духе этих истолкователей) образ человека отражается в искаженном виде, так же точно и сочинения этих еретиков представляют в искаженном виде божественное учение». Ноттер

136-138. У Тассо, Освоб. Иерус. XI, 84:

Ma qual nave talor, ch' a vele piene
Corre il mar procelloso, e l'onde sprezza,
Poscia in vista del porto, o su le arene,
O su i fallaci scogli un fianco spezza.

Но как корабль, что гордо средь мятежных
Плыл волн, кому везде был кроток рок,
Близ пристани иль на песках прибрежных,
Иль на скалах дробит свой углый бок.

Перев. Дм. Мина.

139. Монна (госпожа) Берта и сер (господин) Мартин, — имена самые распространенные среди итальянцев и приведены здесь для выражения той мысли, что мнения подобных господ, людей толпы, ровно ничего не значат, например, мы в подобных случаях говорим: «Иваны».

141. Баджиоли приводит здесь слова Боэция: „De hoc, quem tu justissimum et aequi servantissimum putas, omnia scienti providentiae diversum videtur“.

142. «Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». I Коринф. X, 12.

Блеск, в который облечутся праведные по воскресении мертвых. — Подъем на небо Марса. — Души воителей в образе лучезарного креста. — Гармония воспевающих. — Экстаз Данте.

<p>1 От края к центру и от центра к краю
В сосуде круглом движется вода,
Смотря, куда и как ее вращаю.</p> <p>4 Подобное произошло тогда
В моем уме, как скоро достославный
Фома изрек те словеса суда.</p> <p>7 Зане мой ум кружили с силой равной
И речь Фома, и Беатриче речь,
Так за Фомой воздвигшей глас державный;</p> <p>10 — «Желал бы он (хотя вопрос облечь
Не только в звук, но даже в мысль трепещет)
Другую истину от вас извлечь.</p> | <p>Скажите: свет, что блеск столь дивный мечет 13
Вкруг ваших душ, пребудет ли при вас
Во все века, как и теперь он блещет?</p> <p>И коль пребудет, то ужель и в час, 16
Как станете для взоров снова зримы,
Не затруднит сияньем ваших глаз?»</p> <p>Как, взрывом новой радости кружимый, 19
Возвысив глас, средь пляски круговой,
Приходит хор в восторг неудержимый:</p> <p>Так, вызванный святой молитвой той, 22
Живой восторг круги святых приводит
В быстрейший бег с мелодией святой.</p> |
|--|---|

1-9. Беатриче с Данте помещаются в центре двух концентрических кругов, Фома Аквинский находится в периферии этих кругов. Сперва говорил он; теперь начинает говорить Беатриче. Речь, следовательно, сперва лилась от периферии к центру, теперь от центра к периферии. Поэт уподобляет все это сосуду, в котором вода то устремляется от края к центру, то от центра к краю, в зависимости от того, в какую сторону ее заставляют двигаться. — «Глубокий аллегорический смысл этого сравнения станет понятен каждому, если вспомнить, что Беатриче, помещенная в центре, представляет собой символ божественной мудрости, круг же святых учителей составляет как бы стенки сосуда, вмещающего в себя эту божественную мудрость. Продолжая сравнение, мы представляем себе божественное слово (символом ему служит утоляющая жажду вода), которое то от учителей исходит к мудрости, то, движимое ею, подобно расширяющимся на поверхности сосуда кругам, направляется к учителям, поэт же, стоящий рядом со своей руководительницей, освежается и утоляет при этом духовную свою жажду, как это неподражаемо выражено в ст. 25-27». Коппиш.

3. В подлиннике: *Secondo ch'è percossa fuori o dentro*, — буквально: смотря по тому, потрясается ли она извне или снаружи.

6. «Те словеса суда», т. е. о торопливости нашего суждения (Рая XIII, 112-142).

10-12. «Он», т. е. Данте. — «Желание узнать то, о чем говорится в следующих терцинах, в душе поэта еще не обратилось в форму определенной мысли, иначе праведники сами прочли бы эту мысль в его душе». Филалет.

12. Т. е. навсегда ли вы удержите на себе тот блеск, в который одеты? Ответ на это в ст. 37-39.

13. В подлиннике: *Ditegli se la luce, onde s'infiora Vostra sustanzia* — который украшает вашу сущность такими цветами. Как выше было объяснено, образы праведников, помещенных в солнце и в высших за ним сферах, неразличимы для взоров: они совершенно скрыты облегающим их светом.

13-18. Первый вопрос Беатриче таков: «Свет, в который облечены праведные, останется ли при них и после воскресения из мертвых?» — Вопрос этот разбирает и Фома Аквин. и, несмотря на многие затруднения, дает на него утвердительный ответ, согласно со словами св. Павла: I Кор. XV, 43; Матф. XIII, 43. Второй вопрос (16-18) заключается в следующем: «Если этот свет праведники сохраняют и после воскресенья мертвых, когда тела получат свой видимый образ, то не помешает ли такой яркий блеск телесным глазам людей видеть друг друга?» Точно такой же вопрос разбирает Фома Аквин. *Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXXII, art. 4.*

19-21. Ликование поющих и быстро вращающихся праведников сравнивается здесь с хороводом танцующих (*che vanno a ruota*), вращение которых ускоряется от прилива новой радости.

25 Скорбя о том, что смерть к тебе приходит,
Чтоб в рай возвесть, не зришь ты, человек,
Как, освежая, вечный дождь нисходит?

28 Един и Два и Три, живой вовек,
И вечно правящий в Трех, Двух, Едином,
Все без границ объемля прежде век, —

31 Воспет был трижды каждым неба сыном
Столь сладостно, что глас мелодий тех
Для всех заслуг мог быть наград почином.

34 И в свете, самом пламенном из всех
В меньшем кругу, речь кроткую, какая
Благовестила Деве весть утех,

37 Услышал я: «Доколь блаженство рая
Продлится здесь, дотоль любви пожар
Лить будет свет, во блеск нас облекая.

Тот блеск тем ярче, чем сильнее в нас жар; 40
А чем сильнее в нас жар, тем глубже видим,
Тем благодати для нас обильней дар.

Когда ж во славе в плоть святую снидем, 43
Тем радостней мы будем для Него,
Зане во всем составе в Рай приидем.

Умножится и блеск наш оттого, — 46
Блеск, Высшим Благом данный нам не даром
И давший нам способность зреть Его.

Мы возрастет тогда виденья даром 49
И жаром тем, что зренье нам дарит,
И яркостью, рождаемой тем жаром.

И словно уголь, весь пламенем обвит, 52
Во пламени пылает блеском белым,
Так что в огне свой сохраняет вид, —

22. «Святой молитвой» (orazion), т. е. просьбой Беатриче.

25-27. «Смысл: если бы людям в их земной жизни было известно, какая радость ожидает их на небе, то они не стали бы скорбеть при мысли о смерти, заставляющей покидать землю и возносящей нас к такой блаженной жизни». Ландино.

28-31. Св. Троица. «Един» — Троиственный Бог. Един, т. е. нераздельная Троица; «Два» — божественное и человеческое естество; «Три» — три лица, Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Гимн этот воспет трижды, ибо Бог в трех лицах и царствует вовеки. — «Согласно с заключительными словами всех католических молитв: Qui vivis et regnas in unitate spiritus sancti Deus per omnia secula seculorum». Филаделт.

30. В подлиннике: Non circonscritto, e tuto circonscribere. Слич: Чистил. XI, 1 и след.

32-33. Мелодия тех звуков, коими воспевался Бог, была столь сладостна, что могла считаться началом небесных наград за земные заслуги.

34. Согласно Рая X, 109, следует предположить, что это речь царя Соломона, говорящего из внутреннего, следовательно, меньшего венка движущихся вокруг Данте духов.

35-36. Как речь архангела Гавриила, благовествовавшего Деве Марии: Чистил. X, 34 и след. — «С речью его не без основания здесь сравнивается речь автора Песни Песней, брачной песни Церкви». Ноттер.

38-39. «Любови пожар» — наша любовь к Богу, по другим — вообще наша любовь (charitas).

40-42. «Смысл: одевающий нас лучезарный блеск рождается из пламени пожара нашей любви и совершенно соразмерен с силой этой любви; любовь же наша соразмерна со степенью созерцания Божества, а это созерцание соразмерно с божественной благодатью, или, наоборот, божественная благодать дает, как награду (merito), соразмерное созерцание Бога, от созерцания проистекает соразмерная любовь (carità), наконец — от любви рождается соразмерный блеск и лучезарность души». Скартаццини. Слич: Рая XXXIII, 106.

43-45. Т. е. по воскресении из мертвых, когда души умерших соединятся со своими телами. — «Для Него», т. е. для Бога; «во всем составе» (в подлиннике: per esser tutta quanta), т. е. душа и тело. — «Следующее изображение дополняет окончание VII песни Рая и основано на Библии. Слич: I Кор. XV, 35-44 и 53, где говорится о превращении земного тела в духовное, телесного — в нетленное. Все непосредственно Богом созданные существа неразрушимы. Слич: Чистил. XXV, 37-108». Каннегиссер.

47. «Высшим Благом», т. е. Богом.

49-51. Смысл: блеск, облекающий праведных, не только останется, но еще и увеличится после воскресения мертвых. Ибо блеск этот — следствие божественной благодати, сообщающейся

55 Так этот блеск, служащий нам уделом,
В своем сиянии ослабнет сам
Пред тлеющим в могиле нашим телом.

58 И тягостным не будет он очам;
Тогда все члены тела будут сильны
Все вынести, что служит в радость нам».

61 И тот, и этот хор любвеобильный
Изрек так дружно „Амен“ речи сей,
Что понял я, как мил им прах могильный, —

64 Не их лишь прах, но прах и матерей,
Отцов и всех, кого любили в свете.
Пока не приняли здесь вид огней.

И вот, вокруг, не меньше яркий в цвете, 67
Над первым светом зарождался свет,
Подобный блеску неба на рассвете.

И как за ранним вечером вослед 70
Звезд первых блеск начнет мерцать в эфире,
Так что глазам то виден он, то нет, —

Так начал мне являться в этом мире 73
Сонм новых душ, свиваясь как венок
Вкруг двух венцов и становясь все шире.

О пламенный святой любви поток! 76
Так был внезапен блеск твой и так силен
Для глаз моих, что взор мой изнемог!

и воспринимаемой тем более, чем совершеннее существо, его воспринимающее. Слич: Ада VI, 111. Совершенство души человеческой обуславливается и тем, чтобы она была соединена с телом, имела бы оболочку телесную. Поэтому, соединившись с телом, душа станет чрез это еще более совершенной, а потому и более способной воспринять и затем отражать от себя внешним блеском свет благодати. Здесь, очевидно, поэт имел в виду слова пророка Даниила XII, 2, 3: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся: одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, вовеки, навсегда». Учение схоластиков по этому вопросу подробно изложено у Фомы Аквин. Sum. Theol. p. I, 2-ae qu. IV, art. 5; p. I, qu. XC, art. 4; также Contr. Gent. IV, 81; De anim. art. I, ad 2. — Слич: Скартаццини, также Филалет.

52-54. «И вид этих животных был как вид горящих углей». Иезекииля I, 13. Тело сравнивается здесь с пылающим углем, душа праведника — с огнем, окружающим этот уголь. «Смысл этого места таков: ослепительный блеск, облекающий праведных, не помешает их видеть, ибо над этим блеском будет первенствовать сверкание их тел, которое теперь заключено в недрах земли и которое сохранит во всей славе образы свои, подобно тому как огонь пылающих углей явственно отличается от блеска пламени, окружающего эти угли». Скартаццини.

55-57. Т. е. блеск, который теперь нас облекает, будет казаться более слабым в сравнении с блеском тела, теперь погребенного в земле.

58-60. «Здесь разрешается могущее возникнуть сомнение (см. ст. 16-18): не превысит ли этот блеск все силы (ogni confirmità), присущие человеческому чувству зрения. Ответ дается следующий: если (как было выше разъяснено) блеск праведников возрастает вместе с возрастанием любви к Богу, то и органы и силы их чувств соразмерно с этим тоже совершенствуются и приобретают способность видеть то, что было им раньше (по слабости и несовершенству сил) недоступно». Ландино, Аннунц. Фиор.

64-66. «Праведные ждут воскресения мертвых или соединения душ с их телами не только для себя, но и для всех тех, которые были им дороги до вознесения их на небо, прежде чем они облеклись в светлые одежды (прежде чем «приняли здесь вид огней»), следовательно, когда они еще были на земле, так как многие из этих дорогих им существ еще находятся на земле или в чистилище. Со дня же воскресения мертвых и Страшного Суда не будет ни земли, ни чистилища». Каннегиссер. — «По Фоме Аквин., согласно одному месту у блаж. Августина, праведные жаждут воссоединения со своим телом, потому что желают в такой мере насладиться в Боге, чтобы это наслаждение изливалось и на их тела. Желание же это не препятствует их блаженству». Sum. Theol. p. III, 1, qu. IV, art. 5». Филалет.

67-75. Комментаторы несогласны между собой относительно того, принадлежат ли вновь появляющиеся души еще к сфере солнца, или уже к сфере Марса. Большинство древних и многие из новых (например, Филалет) видят в них обитателей солнца. Бути говорит: «В этом третьем венце, объемлющем два первых, поэт помещает других ученых, занимавших на земле низшую ступень, чем вышеуказанные теологи, блистающие как звезды на небе». — «Появление нового блеска (nuove parvenze) в этом гран-

79 Но Донны лик красую так обилен
Явился тут, что здесь молчу я — в знак
Того, что описать все я бессилен.

82 Когда ж мой глаз окрепнул в силах так,
Что мог взирать, — я понял, что вознесся,
Я вместе с ней в обитель высших благ.

85 И понял я, что в край тот перенесся,
По пламенной улыбке в сей звезде,
Которой цвет, как зарево, разросся.

88 На языке, что общ для нас везде,
Я совершил Творцу всем сердцем требу,
Как надлежит, при этой новой мзде.

91 И не успел мой жар, душе в потребу,
Излиться весь, как понял я, что мой
Сердечный пыл благоугоден Небу.

Прекрасны, алы, яркие, — предо мной 94
Блеснули два луча, и я, встревожен,
— «О Гелиос!» — воскликнул — «блеск какой!»

Как, из светил больших и малых сложен, 97
Меж полюсов сребрится звездный луг,
О коем суд и самых мудрых ложен, —

Так в крест слились в пространстве Марса вдруг 100
Те два луча из звездчатых скоплений,
Как на квадранты разделяя круг.

Но памятью здесь побежден мой гений, 103
Зане сиял в кресте том лик Христа,
Ему ж достойных не найду сравнений.

Но кто, взяв крест, идет вослед Христа, 106
Тот мне простит за слабость описанья,
Когда сам узрит в небе свет Христа.

диозном месте, по-видимому, намека на то, что богословское учение еще не завершилось в этих учителях церкви, напротив — разливается в бесконечность». Копиш.

76. В подлиннике: *O vero sfavillar del Santo Spiro*.

79. «Донны», т. е. Беатриче. — В дальнейших трех терцинах описывается подъем на следующую за Солнцем планету — Марс. — Данте взирает на Беатриче и видит, что лицо ее стало еще прекраснее и лучезарнее. В этот самый миг он возносится в сферу Марса, не замечая быстроты подъема. Красота Беатриче сперва ослепляет Данте, но затем зрение его укрепляется и по пламенному сиянию (улыбке) новой звезды он узнает, что находится уже на Марсе.

84. «В обитель высших благ», т. е. на высшую ступень блаженства, в пятое небо.

87. В подлиннике: *Che mi pareva più roggio che l'usato*, т. е. которая мне показалась более красною, нежели обыкновенно.

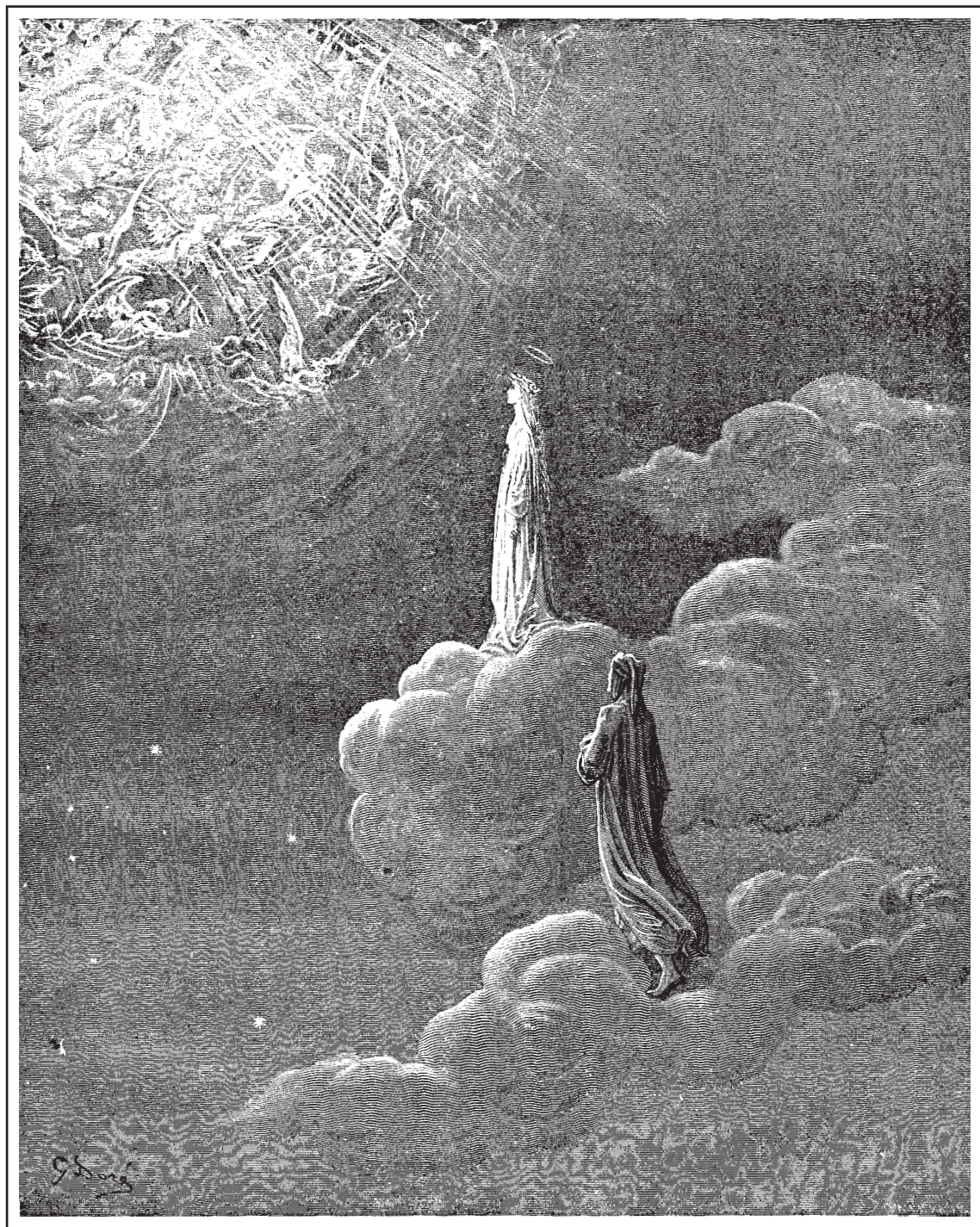
88-90. Т. е. на языке сердечного умиления и благоговения, общем для всех людей и народов. — Треба, в подлиннике *olocausto*, т. е. сердечное благодарственное жертвоприношение. Слич: Рая X, 52 и след.

94-117. Поэт находит на планете Марс, по системе Птолемея следующей в ряду планет за Солнцем, души Христовых воителей. Их соединенный сладостный блеск образует две полосы, взаимно пересекающиеся в виде креста. Эти светлые полосы с их большими и малыми светилами поэт сравнивает с Млечным путем (*galassia*). Эти светлы движутся в кресте подобно пылинкам в луче света, проникшем в темную комнату (112-117).

94. «Гелиос», по-гречески — бог солнца, ἥλιος, по-еврейски הַיְיִל = *eccelso, altissimo*; Данте, не знавший по-еврейски, вероятно, заимствовал это слово из Евангелия Матф. XXVII, 46: «Или, Или!», т. е. Боже мой, Боже мой, от Марка XV, 34: «Элой, Элой! — что значит: Боже мой, Боже мой!» и для стиха переделал это слово в *Elios*. — По мнению Филалета, Данте принял вначале эти святые души за звезды и потому обратился с таким восклицанием к солнцу (о Гелиос! О солнце), от которого, по тогдашнему учению, все звезды заимствовали свой блеск. Но такое мнение едва ли основательно. Лонгфелло приводит по этому случаю стихи из гимна Св. Гильдеберта „*Ad Patrem*“:

Alpha et Omega, magne Deus,
Heli, Heli, Deus meus.

97-99. Помимо мифологической басни о Млечном пути (Ада XVII, 108), в древности, как о том говорит сам Данте в своем *Convivio* II, 15, существовало о его происхождении несколько мнений; так, по одним, он признавался космическим паром, по другим — скоплением бесчисленного множества

*Когда ж мой глаз окрепнул в силах так,
Что мог взирать, — я понял, что вознесся,
Я вместе с ней в обитель высших благ.
(Рай, Песнь XIV, тер. 82)*

- 109 Меж двух ветвей, с главы до основания,
Носились светы, искрсясь сильней
В миг встречи их и в миг их пролетанья.
- 112 Так зыблются, то тише, то быстрее,
То вверх, то вниз, вращаясь перед глазом,
Пылинки тел то мелких, то крупней,
- 115 В черте луча, проникнувшего разом
В густую тень, какую в летний жар
В защиту нам изобретает разум.
- 118 И как в струнах настроенных гитар
И стройных арф нам ритм звучит интимно,
Хоть арии еще не слышно чар:

- Так на кресте из звезд, слитых взаимно, 121
Мелодию я слышал голосов,
Пленявших слух, — хоть слов не слышал гимна.
- Но понял я: то был хвалебный зов 124
Из долетавших слов ко мне: Воскреси
И победы; но всех не понял слов.
- И так пленил меня глас этой песни, 127
Что я доныне никого не зрел,
Кто б душу мне оковывал чудесней.
- Быть может, здесь в словах я слишком смел, 130
Забыв теперь стремление к взорам властным,
К которым я восторгом пламенел.

больших и малых звезд. Данте считает, очевидно, все эти мнения неудовлетворительными. — «Больших и малых», — „Per questo esempio ch'elli introduce, vuole mostrare essere quelle anime non ignali in gloria, si come si conviene alla giustizia di Dio“. Оттимо.

101. «Из звездчатых скоплений», в подлиннике: *costellati*; по объяснению Бланка, *Voc. Dant.*, составленных из созвездий.

102. Если разделить круг двумя перпендикулярными диаметрами, то образуются четыре сегмента (квадранта), причем из радиусов составится крест.

103. Смысл: но гений мой не в состоянии описать того, что я из этого видения сохранил в моей памяти. В I песне Рая 7-9, память не может следовать за гением (разумом), здесь, наоборот, гений побежден памятью.

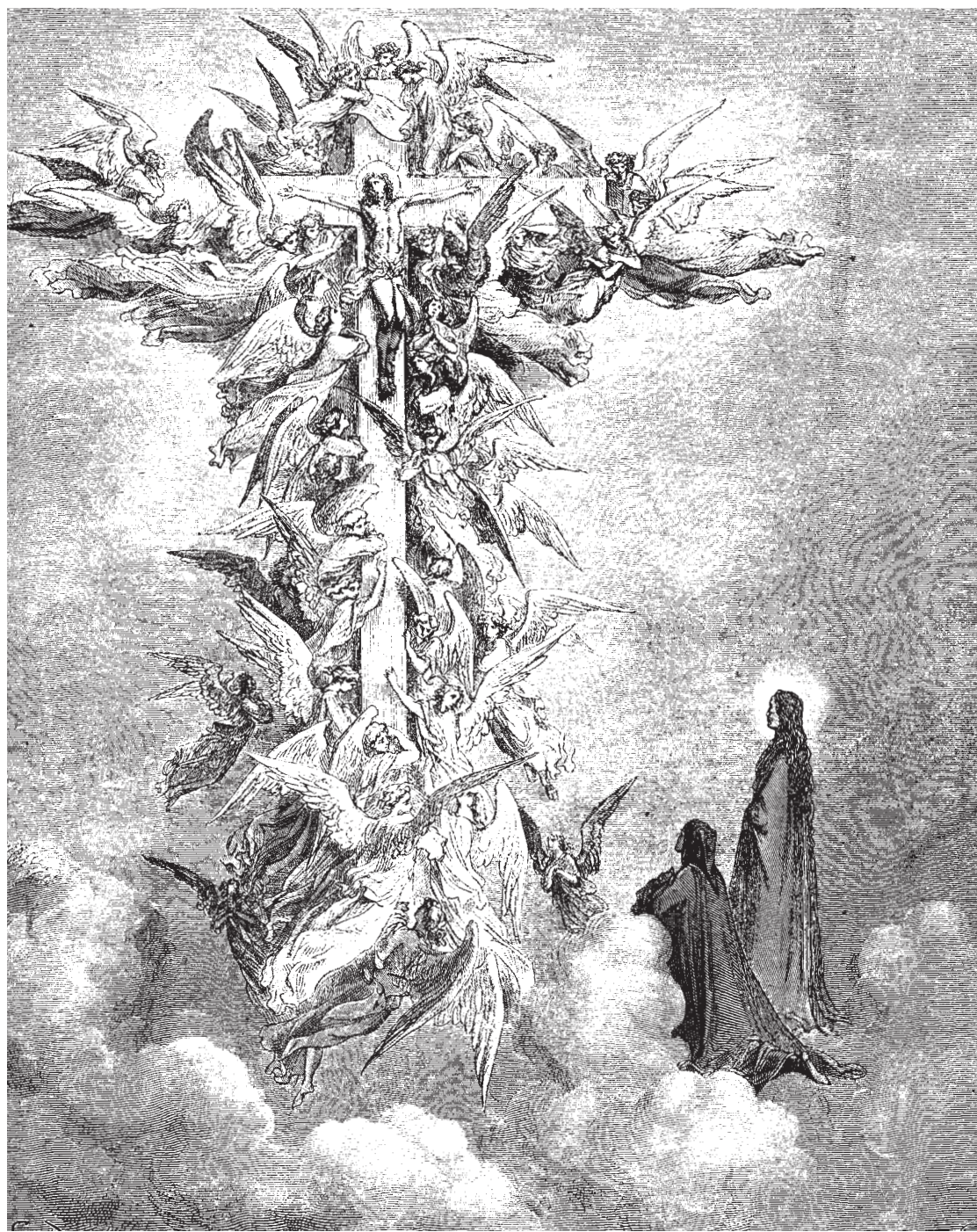
104-108. «Согласно со ст. 103, Данте, по-видимому, умышленно набрасывает некоторый мрак относительно того, как ему представился образ Христа в сияющем кресте. Всего вероятнее, что души праведников сами слагаются здесь в форму креста, подобно тому как на Юпитере души образуют подобие императорского орла, действительно, нельзя величественнее и прекраснее представить души героев, сражавшихся за веру, как на этой планете и притом в образе креста. В сонме этих героев помещены, главным образом, воители за дело Христа и его святую Церковь, в особенности воители крестовых походов, носившие на груди своей крест такой же именно формы. В этом же сонме помещены и так называемые мученики, ибо для них в Дантовом Раю нет другого более приличного места. На планете же Марс помещены все эти души потому, что эта планета, по учению астрологов Средних веков, сообщает родившимся под нею храбрость и все воинские доблести (Сл. Рая IV, 54)». Филалет.

106. Матф. XVI, 24: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною». Также Матф. X, 38; Марк, VIII, 34; Лука, IX, 23; XIV, 27. — Смысл всей этой терцины таков: кто сам вознесется на небо и узрит его, тот извинит мне мое умолчание, так как я не нахожу достаточного подобия для изображения этого блеска. — В этой и предыдущей терцинах слово Христос три раза рифмуется само с собою по той же причине, как и в Рая XII, 71, 73 и 75.

109-111. «Светоносные души носят от одной ветви креста к другой (Di cornu in cornu), от вершины его до основания, взад и вперед, сверху вниз и обратно; нисходящие встречаются с восходящими, несущиеся вправо с несущимися влево, причем в момент их встречи друг с другом, в горизонтальном и вертикальном направлениях, они искрсясь сильнее (по мнению Филалета, потому что взаимно сообщают друг другу увеличенное блаженство)». Бенвенуто Рамбалди.

112-117. Великолепное изображение так называемых солнечных пылинок. Сличи описание того же у Лукреция *De rer. natura* II, 115-121:

„Contemplator enim, quum solis lumina, quumque
Inserti fundunt radii per opaca domorum:
Multa minata, modia multis, per inane videbis

Как, из светил больших и малых сложен,
Меж полюсов сребрится звездный луг,
О коем суд и самых мудрых ложен, —
Так в крест слились...

(Рай, Песнь XIV, тер. 97)

133 Но вспомни — мы неслись к странам
прекрасным
Живых печатей всякой красоты,
И коль не обернулся я к тем, ясным, —

Признаньем сим вины мои сняты. 136
В словах моих лишь истины
жилище:

Не гас во мне жар зреть ее черты,
Зане чем выше, тем она и чище.

Corpora misceri, radorum lumine in ipso;
Et, velut aeterno certamine, praelia pugnasque
Edere, turmatim certantia; nec dare pausam
Conciliis et dissidiis exercita crebris“.

Также у Державина, в оде «Бог»:

Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

116-117. Вращение пылинок лучше всего наблюдать в темной комнате, куда проник солнечный луч сквозь щель в ставне или другом приспособлении для защиты от знойного солнца. Эти приспособления Данте называет остроумнейшими изобретениями ума, так как в его время они не были еще во всеобщем употреблении.

124-126. Вероятно, отрывки из какого-нибудь католического гимна. По Каннегиссеру, слова мессы: „qui mortem nostram moriendo destruxit et vitam resurgendo reparavit“ — «смертью смерть поправ и жизнь воскресением даровал», а также в одном гимне: „scimus, Christum surrexisse e mortuis vere: tu nobis victor rex miserere“: «Знаем, что воистину Христос воскрес из мертвых. Господь, Победитель смерти, помилуй нас!»

130-132. По вступлении в пятую сферу — планеты Марс, новые чарующие впечатления отвлекли взоры поэта от главной цели его стремления — Беатриче, одного взгляда которой бывало достаточно для рассеяния его сомнений и удовлетворения жажды познаний.

133-134. «Живых печатей всякой красоты»... в подлиннике: *i vivi suggelli D'ogni bellezza più fanno più suso*, живые печати всякой красоты тем действительнее, чем выше. По мнению одних, под живыми печатями следует разуметь глаза Беатриче, которые, по мере подъема поэта в высшие сферы, отпечатлевали на всем открывавшемся все высшую красоту. По другим (Бр. Бианки) должно разуметь небеса различных планет, нередко уже упоминавшиеся под этим названием, так, напр., в ст. 74 предыдущей песни. — «К тем ясным», т. е. к глазам Беатриче. В последний раз Данте смотрел на Беатриче при подъеме на Марс (79-87), но еще не в самой сфере пятой планеты; в следующий же раз поэт устремляет на нее свой взгляд в Рая XV, 32.

136-138. «Вины сняты», вместо: получено извинение. — «В словах моих лишь истины жилище», вместо: я говорю правду.

139. Любовь к Божественному учению становится все чище по мере того, как оно нас возвышает. В заключение заметим, что, по справедливому мнению Копиша и Ноттера, место это довольно непонятно и противоречиво. Смысл ст. 138 делается тем более загадочным, что встречающееся в нем слово *dischiuso* толкуется одними как — исключен, другими — отомкнут, открыт. При переводе держались первого толкования и передали его смыслом словом «гас».

ПЕСНЬ XV

Каччягвида. — Древняя Флоренция.

<p>1 Благая воля, в ней же дух любви,
Дух истинный нам веет вечно-юный,
Как алчность в воле злой кипит в крови, —</p>	<p>Как будто б там одна из звезд упала, 16
Хоть в месте том, где этот свет блеснул,
Не меньше звезд, и сам он длится мало:</p>
<p>4 Заставила молчать святые струны
Тех сладких лир, с которых Божий дух
Аккордов дивных мечет нам перуны.</p>	<p>Так там, где крест ветвь вправо протянул, 19
К стопам его от звездных куп, со славой
Блиставших там, мне свет звезды сверкнул.</p>
<p>7 О, будет ли к молитвам чистым глух
Хор тех существ, коль он прервал все звуки,
Чтоб преклонить к моим молениям слух!</p>	<p>Но не расстался перл с своей оправой: 22
Чертой промчась, — как светит огонь порой,
Сквозь алебастр, — сиял он величавый.</p>
<p>10 И по делам тот терпит вечно муки,
Кто, алча благ, которых век так скор,
С любовью сей стоит навек в разлуке.</p>	<p>Вознесся так Анхизов дух благой 25
(Как высшая поет, чем наша, Муза),
В Элизии зря сына пред собой.</p>
<p>13 Как иногда несется метеор
На небе, где покой царил сначала.
И за собой беспечный тянет взор,</p>	<p>„O sanguis meus, o super infusa 28
Gratia Dei! cui unquam bis
Ut tibi, coeli janua reclusa?“</p>

1-3. Согласно с Чистил. XVII, 18, всякая воля, как добрая, так и злая, исходит в человеке от любви. Дух истинной любви проявляется желанием делать добро другим, дух ложной или злой любви склоняет приобретать в свою пользу. Эта благая воля (ст. 4-6) побуждает теперь праведников прервать свое пение, чтобы узнать желание Данте.

4. «Святые струны лир», т. е. гармоническое пение святых, описанное в предыдущей песни. Слич: Рая XXIII, 100.

6. В подлиннике: *Che la destra del cielo allenta e tira*, т. е. струны, которые ослабляет и напрягает небесная десница. Струнами названы святые воины: поющий хор их на кресте представляет как бы лиру.

7-9. Уже сами по себе, даже без молитвы к ним, святые готовы исполнить желание Данте, еще и не высказанное; необходимо однако, чтобы это желание было чистым, но не греховным.

13-18. Сравнение с падающей звездой. Один из сияющих духов (Каччягвида, прадед Данте) нисходит с правой ветви креста и, пробега огненной чертой, ниспадает к основанию креста. Пробега по светлому кресту, эта огненная черта представляется взорам поэта как бы светящейся сквозь алебастровую лампаду.

15. «Беспечный взор» (*gli occhi sicuri*), т. е. взор, который не был ни к чему прикован до того момента, когда упала звезда, привлекая его внимание. «L'idea così giusta del batter che fanno gli occhi per l'inaspettato giunger di quel lume, è tutta di Dante, il quale cerca il vero nei suoi minuti particolari, e dal vero trae la novità, delle immagini». Л. Вентури. *Simil*.

... как иногда звезда со светлого неба

Хоть и не падает, но упдающей может казаться.

Овидий, Превращ. II, 321-322, перев. А. Фета.

22. Т. е. этот дух не вышел из пределов сияющего креста, следовательно, не уподобился драгоценному камню, выпавшему из своей оправы. В Раю поэт беспрестанно сравнивает души святых с драгоценными камнями.

25-27. «Высшая, чем наша, Муза» (*nostra maggior Musa*), т. е. Вергилий, который повествует в Энеиде VI, 684-691, как тень Анхиза встречает своего сына Энея в Элизии:

<p>31 Так свет вещал, и взор возвел я в высь,
Потом взглянул на лик моей царицы:
И там, и здесь лучи ко мне лились.</p>	<p>Что́ понял я, то были уст призывы: 46
— «Хвала Тебе, о Триединый Свет,
О семени моем благоволивый!»</p>
<p>34 Так улыбался луч ее зеницы,
Что, мнилось, зрел я в блеске тех лучей
Мой вечный рай и благодати границы.</p>	<p>И мне «Приятный глад мой стольких лет, 49
Рожденный чтеньем книги, где чернила
Не блекнут век, где вечен белый цвет,</p>
<p>37 Потом, восторг для слуха и очей,
Дух продолжал, вещая так глубоко,
Что я не мог постичь его речей.</p>	<p>Мне утолил ты, сын, внутри светила, 52
Где говорю я: ей хвала и честь,
Кто крыльями тебя в сей мир снабдила!</p>
<p>40 Не умысл — нет, а неизбежность рока
В них скрыла смысл; и все значенье их
За грани смертных унеслось далеко.</p>	<p>Ты мнишь, что мысль твою я мог извещь 55
Из первой мысли, как, в уме построя
Ряд единиц, выводим пять и шесть.</p>
<p>43 Когда же лук восторгов огневых
Настоль ослаблен был, что их порывы
Спустились в область помыслов земных, —</p>	<p>Вот почему и не спросил ты: кто́ я? 58
И больше почему горжусь тобой,
Чем кто другой из радостного роя?</p>

Как направлявшегося по траве навстречу завидел
Он Энея, к нему простер обе длани проворно;
Слезы текут по щекам, и речи из уст вылетают:
«Наконец ты пришел и тем, что я ждал, благочестьем
Трудный путь одолел. Твой лик дано мне увидеть,
Сын, и тебе отвечать, заслуша голос знакомый.
Так я в душе полагал и размышлял о грядущем,
Времени счет вывода, и своей не обманут заботой».

Перев. А. Фета.

Почти то же самое говорит (ниже ст. 49 и далее) своему правнуку Каччябвида.

28-30. Каччябвида обращается к своему правнуку со словами на латинском языке, с одной стороны, как на официальном языке католической церкви, что придает этой сцене особенную величавость и важность, а с другой стороны, потому, что латинский язык во времена Каччябвиды был господствующим среди образованного общества, пока Данте не создал народного итальянского языка (*volgare*), вытеснившего латинский. Перевод и смысл этой терцины таковы: «О кровь моя, о ты, на которого излилась благодсть Господня! Отверзались ли кому-нибудь другому, как тебе, дважды врата неба?» — Дважды, т. е. и после смерти (здесь, как в Рая V, 105 и VI, 114, сам поэт обещает себе небесное блаженство). Согласно однажды принятому правилу, переводчик удержал эти стихи как в подлиннике, изменив только расстановку слов, именно, вместо: *sicut tibi, cui Bis unquam*, — в *cui unquam bis, Ut tibi...*

31-33. Услышав голос Каччябвиды, Данте смотрит на него со вниманием, потом переводит взор на Беатриче и поражается двойным изумлением: там льется к нему голос праведника, здесь — блеск улыбающихся в знак благоволения очей Беатриче, и в полном восторге он думает, что достиг уже пределов высшего блаженства. „*Mi parve allora vedere tutti i termini della beatitudine*“. Vita Nuova, с. 2.

37. «Восторг для слуха и очей»; в подлиннике: *a udire e a veder giocondo*; для слуха — от сладости его речей, для очей от его блеска.

38-42. «Каччябвида беседует с Богом на языке небесного восторга; слов его не может постичь человеческое ухо: то были глаголы нечеловеческой речи». Копиш.

43-45. Т. е. когда речь его стала более понятной для человеческого разума. Сравнение с луком — одна из любимейших у Данте риторических форм.

49-52. Смысл здесь таков: «долгое и радостное ожидание твоего прихода на небо (о нем я узнал из книги божественного промысла, слова которой навеки неисключимы и неизменны), — ты осуществил, здесь,

61 Ты прав; в сей жизни, малый и большой,
Все зрим мы в зеркале, где прежде даже,
Чем ты помыслишь, виден помысел твой.

64 Но чтоб любовь святая, где на страже
Всегда мой взор, где радость — мой удел,
Свершилася полней, — я от тебя же

67 Хочу все слышать; пусть твой голос, смел
И бодр, заявит мысль твою, стремленье,
А мой ответ уже для них созрел».

70 Я устремил на Беатриче зренье,
И та улыбкой подала мне знак,
Тем воскреслив души моей хотенье.

— «Любовь и мудрость», — отвечал я так, — 73
«В вас равный вес во всех с тех пор имеют,
Как с первых Равенств снят пред вами мрак.

И здесь, под Солнцем, чьи лучи вас греют 76
Теплом и светом, так они равны,
Что сходства все пред сходством их слабеют.

Но воля смертных, смертные умы, 79
По разуму вам явного Совета,
Не равными крылами снабжены.

Вот почему я, смертный, зная это 82
Неравенство, благодарю одной
Душой за благость отчего привета.

в моей обители, точнее, — в блеске, окружающем меня, как светило. — «Где чернила не блекнут» и проч.; в подлиннике: *nel maggior volume U' non si muta mai bianco nè bruno*. — Весьма странно, что Ландино под упомянутой книгой разумеет Энеиду Вергилия.

53. «Ей», т. е. Беатриче.

55-57. «Все числа получаются от повторения единицы; так же точно и для праведных все возникает от созерцания Бога, от первичной Единицы, от первой Мысли, от того Источника, из которого истекает все существующее». Штрекфусс.

61-63. Т. е. все души, стоящие на высшей или низшей ступени славы, облеченные в большую или меньшую степень блаженства, видят в Боге, в Котором, как в зеркале, отражается каждый помысел, прежде чем он проникнет в сознание. «Ты разумеешь помышления мои издали». Псал. CXXXVIII, 2.

64-69. «Хотя Каччягвида знает желание Данте и уже готов исполнить его, но из любви к нему дает ему высказаться, так как возможность высказаться и выразить любовь свою — удовольствие, теснее связующее беседующих». Филалет, Ноттер.

73-84. «В Боге все Его свойства равномерно совершенны; вот почему Данте называет Его первым Равенством (*la prima egualità*). В Нем бесконечная мудрость, бесконечная воля, бесконечная сила. В этом «Равенстве» участвуют и праведные души; наслаждаясь созерцанием Божества, и они могут все, что хотят, но не хотят ничего, чего не хочет Бог. С людьми на земле не то: хотение их нередко простирается далее их знания и силы. В Боге все бесконечно, в людях все ограничено. То же самое, говорит Данте, происходит со мною теперь: я хотел бы благодарить Тебя, но не в силах найти для того слов, а потому и выражаю одно лишь ощущение своего сердца». Филалет.

73. «Любовь и мудрость» (*L'affetto e il senno*), т. е. любовь и способность выражать ее находятся у праведных в соразмерности, тогда как люди чувствуют нередко гораздо более, чем сколько могут выразить словами. По другим толкователям, *l'affetto* значит воля, и тогда смысл будет таков: воля и мудрость в праведных, познавших первое Равенство, т. е. Бога, в Котором полная во всем гармония, находятся в совершенном равновесии. Но человек не может сделать всего, что он желает. Так же точно и Данте не может вполне возблагодарить Каччягвида, как бы он этого хотел». Штрекфусс. — «Таким образом чувство благодарности Данте ставит в причинную зависимость от воли и мудрости: чтобы выразить Каччягвиде радость свою и благодарность, он не встречает задержки со стороны своей воли, но ему недостает мудрости, т. е. способности передать все это словами». Каннегиссер.

76-78. Т. е. под влиянием божественного Солнца (Бога), озаряющего вас светом познания и согревающего огнем любви, ваша мудрость и любовь настолько уравновешены, что нет нигде более сходства, чем между ними.

79-81. «В людях же мудрость их (знание) гораздо слабее их воли, ибо так установлено самим Богом, а почему — то ведаете только вы, души праведных». Копиш.

85. «В числе 12 драгоценных камней, из которых построен небесный Иерусалим, находится и золотисто-желтый топаз. Иезекииль (XXVIII, 13) называет его также камнем рая, также и у Моисея (Исх. XXVIII, 17) топаз — один из камней 12 колен». Копиш.

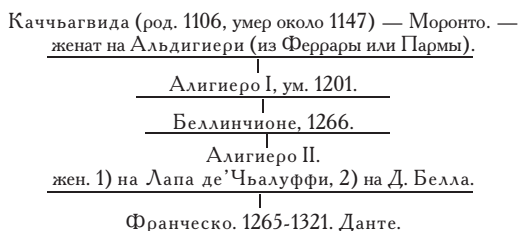
- 85 И я молю тебя, топаз живой,
Сверкающий в бесценном сем фиале,
Скажи, кто ты, и дух мой успокой».
- 88 — «О отпрыск мой, так долго не тебя ли
Я ждал, любя?» — так он вещал в ответ,
«Я корень твой!» И продолжал он дале:
- 91 — «Тот, от кого пошел твой род на свет
И кто досель в Чистилище не сядет,
Все обходя круг первый сотни лет, —
- 94 Был сыном мне, тебе же был он прадед:
Ты сократи ему тот долгий плен;
Твой славный труд пусть грех его изгладит.
- 97 Флоренция, в ограде древних стен,
Где бьют часы поныне терцы, ноны,
Трезва, скромна, жила без перемен.

- Корон, цепочек не было в дни оны,
Ни пышных дам в нарядах, в поясах,
За коими почти не видны жены. 100
- Еще отцов не приводило в страх 103
Рожденье дочерей: были всем знакомы
Размер приданых, должный срок в годах.
- Безлюдными не оставались дома; 106
Не приходил еще Сарданапал,
Чтоб показать, чем могут быть хоромы.
- И Монтемало видом не смущал 109
Ваш Учеллат, который, вознесясь
Вверх быстро, так же быстро и упал.
- Ремень, лишь пряжкой костяной украся, 112
Носил Беллинчон, а его жена
От зеркала являлась, щек не крася.

86. В подлиннике: *Che questa gioia preziosa ingemmi*, который украшает этот драгоценный знак креста.

90. «Я корень твой», т. е.: Я родоначальник твоего дома, Каччягвида. «Как в этой, так и в двух следующих песнях, Данте заставляет его одного исключительно говорить и влагает в уста три важнейшие речи: 1) о Флоренции и ее добрых старых нравах в его время (песнь XV); 2) о ее позднейшей истории (песнь XVI, 3), о собственной судьбе поэта (песнь XVII)». Копиш метко выразил все это в коротких словах: «В образе Каччягвиды мы имеем простое и полное отражение политических, религиозных и семейных идей самого Данте». Флейдерер.

91. «В этом месте, где Данте говорит о своих предках, удобнее всего привести родословное древо (согласно с Pelli в его *Memorie per servire alla Vita di Dante*):

Элизео,
предполагаемый
родоначальник
дома Элизен.

О предках Каччягвиды Данте не хочет говорить (Рая XVI, 13 и след.), но там же намекает, что они уже давно поселились во Флоренции, а Ада XV, 74 и след. указывает, что они принадлежали к древним флорентинским родам, которые хвалились римским происхождением, в противоположность выселившимся позднее из Фьезоле и окрестностей жителям, имевшим отчасти происхождение ломбардское и франкское. Род Данте, как известно, принадлежал к гвельфской партии; что же касается мнения о происхождении его от римского Франджиани, то это более чем сомнительно.

«Жена Каччягвиды была из фамилии Альдигиери: неизвестно только, была ли она из Феррары или Пармы, так как в обоих городах встречается эта фамилия, выражение же «с долины По» (ст. 137) может одинаково относиться к обеим местностям. По имени этой супруги сын Каччягвиды был назван (с небольшим изменением) Алигиери, и это имя сделалось прозвищем всех его потомков. О братьях Каччягвиды, упоминаемых Данте в ст. 136, ничего неизвестно. Некоторые полагают, что Eliseo был родоначальник фамилии Elisei; но Виллани говорит, что эти последние уже находились во Флоренции во время разрушения Фьезоле (1010 г.), следовательно — за 100 лет до Каччягвиды». Филалет.

92-93. Помещая своего прадеда в первый круг (в подлиннике: на первый карниз, la prima cornice) Чистилища, где очищаются гордые (Чистил. X), Данте тем самым обвиняет его в этом пороке, в котором укоряет и самого себя (Чистил. XIII, 136), и таким образом признает гордость как бы наследственным пороком своей фамилии. В этой терцине встречается цифровая неточность, не свойственная Данте, всегда очень аккуратному в хронологии, а именно: вышеупомнутый Алигieri умер в 1201 г., начало странствования Данте — 1300 г., следовательно, со времени смерти Алигieri прошло лишь 99 лет; между тем Данте говорит, что первый круг чистилища он обходит уже 100 лет и более. Может быть, предполагает Канне-гиссер, принимаемый год смерти Алигieri неверен.

95-96. «Твой славный труд», в подлиннике: con l'opere tue, твоими трудами; комментаторы разумеют здесь молитвы, которые (Чистил. VI, 41 и след.) сокращают срок пребывания в чистилище.

97. Знаменитое, великолепное описание древней Флоренции. Для сличения Скартаццини приводит слова Джованни Виллани, lib. VI, с. 69.

115 Была из кож одежда не срамна
Для Веккьо и для Нерли; не бежали
И жены их от веретен и льна.

118 Счастливицы! В родном погосте ждали
Они могил, и брачную постель
Для Франции мужья их не кидали.

121 Одна всю ночь, качая колыбель,
Младенцу пела песни те ж, какими
Баюкали их матери досель.

Другая, с прялки нить суча, с своими 124
Гуторила, как древних предков дщерь,
О Трое, Фьезоле, о славном Риме.

Тогда б таким же дивом был, поверь, 127
Ваш Сальтарел с Чьянгеллою развратной,
Как Цинцинат с Корнелией теперь.

В такой-то век, столь мирный и приятный, 130
Среди столь доблестных граждан, в такой
Обители, при воплях к Благодатной, —

97-98. Около древней стены Флоренции находилась существующая еще и доныне церковь монастыря бенедиктинцев, так называемая *Badia*, на башне которой, соответственно церковной службе, часы правильно били терцы, сексты, ноны и пр., и с ними соотносывал свои занятия рабочий люд (*ubi certius et ordinatius pulsabantur liorae quam in aliqua ecclesia civitatis*. Бенв. Рамбалди).

99. «Жила без перемен», в подлиннике: *Si stava in pace*. Первые кровавые несогласия, разделившие Флоренцию на партии, начались, по Дж. Виллани, в 1177 г., следовательно, более 20 лет спустя после смерти Каччябвиды. Они были вызваны высокомерием Уберти и их партии, не хотевших подчиниться власти консулов. Дж. Виллани. *Hist. Fior. lib. V, c. 9*.

100-103. Слич: Чистил. XXIII, 94 и след. Там — гневное порицание настоящего, здесь — похвала минувшему. — Вот как описывает Виллани простой наряд флорентинцев в 1259 г., следовательно, спустя 100 лет по смерти Каччябвиды: „*Le donne Fiorentine con calzari senza ornamenti, e pas. savansi le maggiori d'una gonella assai stretta di grosso scarlatto dipro, o dicamo, cinta ivi su d'uno scagiale all' antica, e uno mantello foderato di varo col tassello disopra, e portavano in capo; e le communi donne andavano vestite d'uno grosso verde di Cabragio per lo simile modo*“. *Ibid. lib. VI, c. 70*. К этому простому наряду, по словам Оттимо и Бенв. да Имола, прибавились многие украшения на груди, короны на голове, как у королей, тяжелые золотые и серебряные пояса, сандалии на ногах; а Виллани говорит (*lib. X, c. 152*), что флорентинки были невоздержаны „*in soperchi ornamenti di corone e di ghirlande d'oro, e d'argento, e di perle, e di pietre preziose, e reti, e certi intricciati oi di perle, c altri divisati ornamenti di testa*“. То же говорит Саккетти.

102. Этот стих напоминает Овидия:

Auferimur cultu: gemmis auroque teguntur

Omnia; pars minima est ipsa puella sui.

De reined, amor. 343, 344.

В подлиннике: *Che fosse a veder più che la persona* — на которые можно более заглядеться, чем на ту, которая их носит.

103-105. Тогда рождение дочери не пугало отца мыслию о преждевременном выходе ее замуж и о выдаче жениху чрезмерного приданого. По словам Виллани, в прежнее время приданое простой девушки не превышало 100, а девушки знатного рода — 200 или 300 лир: также и замуж выходили редко ранее 20 лет; впоследствии же выходили иногда в 12-14 лет.

106. Этот стих толкуется различно: безлюдными стали дома или вследствие частых междоусобий и убийств, или вследствие того, что прежние простые жилища заменились громадными роскошными дворцами, величина которых, рассчитанная на пышность и блеск, совсем не соответствовала числу их обитателей. Последнее объяснение легче связать с последующими двумя стихами этой терцины.

107. Сарданапал, последний ассирийский царь, сластолюбие и безумная роскошь которого сделали его имя нарицательным. По мнению Филалета, под Сарданапалом Данте разумел или кого-либо из своих современников, отличавшегося особенным сластолюбием и изнеженностью, или же символически указывал на изнеженность и роскошество своих сограждан.

109-111. Монтемало, ныне *Montemario*, гора около Рима по дороге в Витербо, с которой открывается вид на Рим с его дворцами. Уччеллатой («стая птиц») — возвышенность, с которой впервые открывается вид на Флоренцию, если подъезжать к ней по дороге из Болоньи. Этими стихами Данте хочет сказать следующее: насколько вид с Уччеллатой великолепием своим ныне затмевает вид с горы Монтемарио, настолько же падение этого города, видом его развалин, будет ужаснее падения Вечного Города. Слич:

133 Ниспослан я Марией и, в родной
Крестильнице помазанный елеем,
Я Каччагвидой стал с минуты той.

136 Мне были братья Мóронт с Элизеем;
Жену себе я взял с долины По,
Откуда мы и прозвище имеем.

139 Потом вступил к Конраду я в число
Его бойцов, и так покрылся славой,
Что возведен им в рыцари за то.

С ним вместе я сразился с злой державой 142
Тех нехристей, чей лютый меч гнетет,
По небреженью папы, ваше право.

Там нечестивый, гнусный сей народ 145
Снял груз с меня изменчивого мира,
К кому любовь так много душ гнетет, —

И перешел от мук я в область мира». 148

Чистил. XXIV, 79-81. Почти то же самое говорит Виллани (lib. VIII, с. 36) относительно Флоренции в 1300 г.: „*era nel suo montare, — siccome Roma nel suo calare*“.

112-114. Каччагвида указывает здесь на простоту нравов среди современных знатных фамилий. — Беллинчионе Берти, представитель благородной фамилии Равиньяни, отец Гвальдрады «человек жизни строгой» (Ада XVI, 37). По словам Бенвенуто да Имола, он носил простой ременной пояс с костяной пряжкой, в противоположность современникам Данте, украшавшим себя поясами шелковыми, с драгоценными камнями и эмалью; приблизительно во времена Данте у дам вошло в моду красить свое лицо: по словам Ченинно Ченнини, в его *Trattato della pittura*, на лицо накладывались даже масляная краска и лак. Очень может быть, что указанный автор говорит о гримировке для маскарадов и театральных представлений.

115-117. Здесь говорится о двух старинных гвельфских фамилиях: «Веккьо» (*Del Vecchio* или *Vecchiotti*) из квартала S. Pancrazio и Нерли, живших в Sesto altr' Aruo; о них упоминает Виллани, говоря, что представители этих фамилий одевались в толстое сукно, или в простой мех, не покрытый сверху сукном. То же говорит и Рикорбальдо из Феррары: „*Viri chlamydis pelliceis sine sperimento vel laneis sine pellibus utebantur*“. Их жены и дочери занимались прядением льна, что, должно быть, вывелось во времена Данте из обихода не только знатных дам, но и простых горожанок.

118-120. Т. е. каждая из флорентинских женщин могла надеяться умереть в своем родном городе. Вследствие начавшихся позднее распрей многие флорентинцы жили изгнанниками во Франции; изгонялись и женщины, на что указано, например, в Чистил. XIII, 109. Другие комментаторы объясняют иначе эту терцину: дух наживы в те времена еще не господствовал так, как теперь, заставляя многих ради торговли отправляться во Францию вместе с женами, которые или находили там себе могилы, или принуждены были оставаться дома без мужей.

121-126. Превосходная картинка мирного патриархального быта, когда женщины занимались воспитанием детей и домашними работами. Рим и Фьезоле — мнимые родоначальники Флоренции (Ада X, 61); сам же Рим, как известно, получил свое начало от Трои. — «Гуторила» — *favoleggiava*.

127-139. Современница Данте Чьянгелла дела Тоца, отличавшаяся высокомерием и распутной жизнью. Лапо Сальтарелло, плутоватый адвокат, изгнанный вместе с Данте из Флоренции, по словам Бенв. да Имола, причинявший ему в изгнании много неприятностей; очевидно, он принадлежал к числу тех сотоварищей по изгнанию, о которых поэт с таким негодованием отзывается в Рае XVII, 61 и след. — Бенв. да Имола называет его „*virum litigiosum et linguosum*“. — «Цинцинат», известный римский диктатор (Рая VI, 46), Корнелия, дочь старшего Сципиона Африканского, мать Гракхов, — люди, отличавшиеся добродетелями: любовью к отечеству, простотою нравов и бескорыстием. Смысл всей терцины таков: в мое время дурные люди встречались так же редко, как в твое — люди добродетельные.

133. В подлиннике: *Maria mi diè, chiamata in alte grida*, т. е. меня дала Мария, призываемая громкими криками. Роженицы, по словам Бенв. да Имола, зывали обыкновенно во время родов к Пресвятой Марии помочь им родить младенца. Чистил. XX, 19-21.

134. Крестильница (*Batisteo*) нынешнее *Battisterio di S. Giovanni* во Флоренции. Ада XIX, 17, 18 и след. — Помазанный елеем при святом крещении. Следовательно, Каччагвида — имя, данное при крещении, а не фамилия или прозвище.

136-138. Сличи примечание к ст. 91 этой песни.

139. В 1147 г. император Конрад III Гогенштауфен предпринял второй крестовый поход, проповеданный св. Бернардом Клервоским. Из этих стихов видно, что Каччагвида участвовал в крестовом походе и посвящен был в рыцари.

ПЕСНЬ XVI

Каччягвида продолжает говорить о своей семье и о прежней Флоренции. — Порча нравов благодаря пришельцам. — Знаменитые флорентинцы.

<p>1 Как твой почет ни мал, о наша кровь,
Но если ты велишь собой кичиться
Нам на земле, где стынет в нас любовь, —</p> <p>4 То впредь тому не стану я дивиться, —
Затем что я и в небе, где исток
Святой любви, тобою стал гордиться.</p> <p>7 Ты — плащ, что́ станет скоро короток,
И, коль его не поновлять, в нем по́лы
Как раз обрежет ножницами рок!</p> <p>10 Тем словом: «вы, что́ в Рим пустили школы,
Хоть в нем народ такому слову враг»,
Я слов моих возобновил глаголы.</p> | <p>Мадонна мне, поодадь став на шаг, 13
Улыбку той напомнила, кто, слыша
Женевры вздох, дала ей кашлем знак.</p> <p>Я начал: «Вы — отец мой! Вы мне свыше 16
Внушили жар все высказать вполне;
Вы надо мной меня подняли выше.</p> <p>Из стольких вы потоков радость мне 19
Вдруг влили в грудь, что рад я, что достало
Мне сил сдержать восторг мой в тишине.</p> <p>Скажите ж мне, о дней моих начало, 22
Кто ваши предки, и в который год
Рожденье ваше летопись вписала?</p> |
|--|--|

1-9. «В этих стихах Данте негодует на самого себя за чувство гордости, пробудившееся в нем, даже на небе, от речей своего прадеда. О фамильной гордости он говорит столь многозначительными словами, что и теперь они не совсем потеряли свое значение: благородство и знатность изнашиваются, как старый плащ, если не подновлять их постоянно собственными заслугами». Флейдерер. Еще глубже он выразил эту мысль в своем *Convivio*, trat. IV.

10-11. Данте обращается в Божественной Комедии на «ты» ко всем встречаемым лицам, за исключением Брунетто Латини (Ада XV, 30), Адриана (Чистил. XIX, 131) и Беатриче, которым неизменно говорит «вы». Здесь он делает такое же исключение для Каччягвиды и, очевидно, делает это из благоговения к своему предку, так же, как и к вышеназванным лицам. Употребление множественного числа вместо единственного встречается еще у римлян, впрочем, не ранее III века по Р. Х., с появлением так называемых панегиристов школы риторов. По мнению Филалета, все места из более древних римских писателей, которые цитируются в пользу раннего существования этого обычая, не доказательны; так, место из Лукана *Phars.* V, 383, 384.

Namque onmes voces, per quas jam tempore tanto
Mentimur dominis, haec primum repperit aetas,

откуда комментаторы выводили заключение о существовании указанного обычая еще во времена Юлия Цезаря, — скорее служит образцом вообще лстивых эпитетов императорам, нежели нужным в данном случае доказательством (хотя Данте, может быть, и имел в виду это место). По словам Ландино, жившего около 1500 г., «почти все народы говорят „вы“, кроме римлян, которые всем говорят „ты“» (Впрочем, в течение Средних веков этот обычай стал исчезать и в Риме и только в новейшее время введен опять в употребление). Филалет.

11. Т. е. народ римский.

13-15. Беатриче во все время разговора Данте с Каччягвидой стоит от него поодадь, чем дается понять, что во всей этой и следующей песнях Данте занимается не богословскими предметами, а вопросами, касающимися лично его и его отечества. Вместе с тем Беатриче улыбается, видя то уважение, каким Данте проникся к своему предку, возбудившему в нем некоторую родовую гордость, и это безмолвное со стороны Беатриче порицание, по-видимому, заставляет поэта в его дальнейших обращениях к Каччягвиде (Рая XVII, 13 и след.) снова говорить ему «ты». Женевра, жена короля Артура, о которой повествуется в романе Ланчелотт дель-Лаго. Первый преступный шаг, который повлек за собою ее падение, был поцелуй (Ада V, 124 и след.), данный рыцарю Ланчелотту. Этот поцелуй подсмотрела придворная дама Мальо (de Mallehaut), в свою очередь влюбленная в Галеотта, и кашлянула, выражая тем, по-видимому, насмешку или порицание. Впрочем, в северофранцузском тексте этого романа (изд. 1533)

25	Как многочислен был тогда народ
И кто в родной овчарне Сан-Джованни
Пред прочими снискал себе почет?»	Сего довольно о моих отцах!
Но кто они, отколь пришло их племя —
О том молчать приличней в небесах.	43
28	Как жаркий уголь пылает от дыханий
Могучих ветров, так во свете том
Блеск новый вспыхнул от моих ласканий.	Тот век всех годных несть оружия бремя,
Меж Марсом и Крестителем, едва
Даст пятую живущих в ваше время.	46
31	И как для глаз он ярче стал огнем,
Так звонкой речью слаще, величавей,
Чем говорят новейшим языком, —	Зато кровь граждан, с коей уж слита
Кровь из Чертальядо, Кампи и Фигтине,
Была в последнем ратнике чиста.	49
34	Сказал: «С тех пор, как провещалось „Ave”,
До дня, как мать моя, чей дух прият
Днесь в сонм святых, мне жизнь дала
ко славе, —	О, лучше б вам те местности доньше
Иметь в соседстве и не заключить
Галуцци и Треспиан в свои
твердыни,	52
37	Наш Марс пятьсот и восемьдесят крат
Со Львом своим уже сходился вместе,
Чтоб вспыхнуть вновь у грозных Львиных пят.	Чем мужика из Синьи вон сносить
И позволять рабу из Агульона
Свой жадный взор ко взяткам наострить.	55
40	Я с предками моими жил в том месте,
Где на годовичных ваших торжествах
Смиряют бег коням в последнем сесте.	Будь Курия, которой нет закона,
Не мачехой для Цезаря лихой,
А матерью, как сыну оборона,	58

ни слова не говорится о кашле Мальго. Там сказано (vol. I. fol. 66): „La royne vit que le chevalier nen ose plus faire, si le prent par le menton et le baise devant Mallehault assez longuement. Et la dame de Mallehault sceut de vray quelle le baisoit. Lors parla la royne“ etc.

16-18. В этой терции три раза повторяется слово «вы», обращенное к Качыагвиде. — «Свыше» и «выше» не есть повторение для рифмы. «Приходящий свыше и есть выше всех». Иоан. III, 31. — «Вы надо мной», в подлиннике: *Voi mi levate sì, ch'io son più ch'io*, слово в слово: вы подняли меня так, что я стал более, чем я.

26. «Овчарне Сан-Джованни» (св. Иоанна Крестителя): Данте так называет Флоренцию, находившуюся под покровительством Иоанна Предтечи — „Il Duomo fu il primo ovile e stanza della rifatta Firenze“. Дж. Виллани. IV, 9.

28. Подобное же сравнение встречаем в Рая XIX, 19 и др., также у Овидия в Превращ. VII, 79-81:

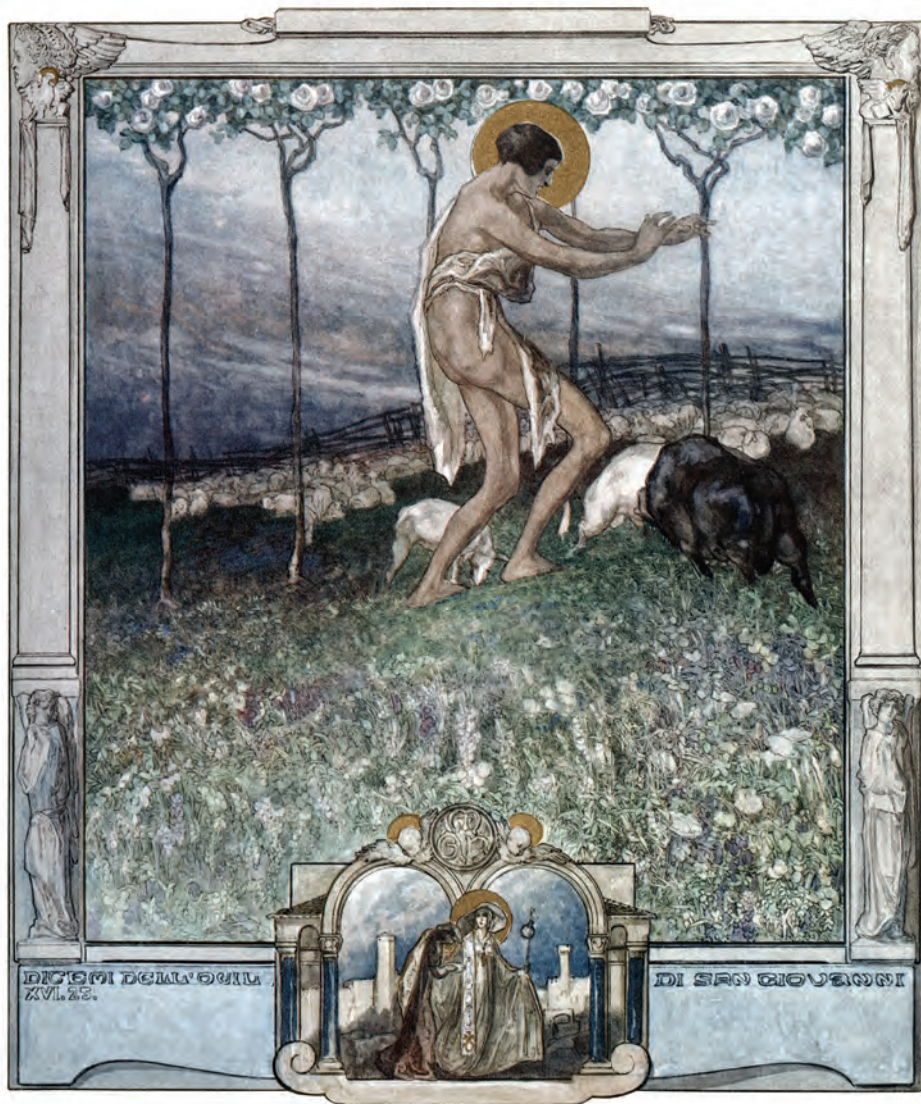
Как получает обычно от ветра питанье малютка,
Искра, которая все таилась, покрыта золою,
И раздуваясь, растет, воскреснув с силой давнишней.

Перев. А. Фета.

32-33. Т. е. не на новом, нарождающемся языке, итальянском (*il volgare*), но на латинском (Рая XV, 28).

31-39. «Каччягвида так отвечает на первый вопрос – в котором году он родился: „С того дня, как архангел Гавриил приветствовал Деву Марию: Ave Maria!“ т. е. со дня Благовещения (в этот день, 25 марта, флорентинцы времен Данте праздновали новый год), планета Марс, где находится Каччягвида, совершила 580 своих оборотов». Оборот Марса, по таблицам, составленным в 1252 г., по повелению Альфонса Мудрого Кастильского, вполне соответствующим нынешним (Линденауским), равняется 686 дней 22 часам 24 минутам. 580 таких оборотов соответствуют 1091 году с неполными (116 дн.) 4-мя месяцами. Таким образом ко времени второго крестового похода, в 1147 г., Каччягвиде было 56 лет». Витте.

38. «Со Львом своим». По средневековой астрономии каждая планета имела известное отношение к различным знакам зодиака; находясь под своим знаком, она становилась особенно деятельной. Эти

отношения планет к знакам назывались *dignitates*. Планета Марс вместе с другими планетами считалась властительницей знака Льва, причислявшегося к «огненным» созвездиям.

40-42. Эта и следующая терцины служат ответом на вопрос: кто ваши предки? — Флоренция того времени делилась на округа, которые назывались сестами (*sesto, sestiere*, т. е. шестая часть). Каччя-гвида, так же как и его предки, родился и жил в последнем из этих сестов, близ ворот Св. Петра. Здесь находился квартал домов между церковью Св. Михаила, Бадиа и небольшой церковью Св. Мартина, к приходу которой принадлежали Алигьери; здесь же жила семья Элизен — предполагаемые родоначальники Данте. В день Иоанна Крестителя, согласно старинному обычаю, сохранившемуся до наших дней, в городе происходят скачки, место которых ограничено теперь одной площадью Св. Марии Новелла; в Средние же века они захватывали большой район: от этой площади, почти от ворот Св. Панкратия, через старый Рынок до ворот Св. Петра, т. е. до того квартала, где жили Алигьери. Победитель на этих скачках получал роскошный плащ.

61 За флорентинца выдал ли б какой
Себя торгаш? Нет, шел бы в Семифонти,
Где побирался дед его с сумой.

64 Досель сидели б в Монтемурло Конти,
Вмещал бы Черков их приход Акон
И в Вальдигреве жил бы Бондельмонти.

67 Всегда лежит в смешении племен
Источник зла для граждан: так сугубит
Смесь разных яств в здоровый вам урон.

70 И вол слепой себя паденьем стубит
Скорей слепой овцы, и меч один
Порой верней, чем пять булатов, рубит.

Взгляни на Луни, Урбисалью, сын; 73
Их боле нет! И те же ждут невзгоды
И Кьюзи с Сенегальей средь руин.

Итак, узнать, как вымирали роды — 76
Такая весть не есть уж новизна,
Коль вымирают грады и народы.

Для ваших дел такая ж смерть дана, 79
Как и для вас; но тихий ход скрывает
Ее от взоров; жизнь ведь не длинна!

И как луны влиянье обнажает 82
Иль кроет край приморского песка,
Так и судьба Флоренцией играет.

43-45. «Каччягвида как будто делает здесь легкий упрек своему потомку за его фамильную гордость; в этих же словах, однако, проглядывает желание поэта дать заметить, что род его происходит от истых римлян. Вообще же генеалогия фамилии Данте более основана на преданиях, нежели на исторических данных. Сам Данте ведет свой род от римских переселенцев (Ада XV, 77). Элизей, или Лизей (ст. 136 предыдущ. пес.), по одним источникам, упоминаются в начале XI века, по другим — еще во времена Карла Великого. Сами они происходят будто бы от римской фамилии Франджипани». Филалет. Витте.

46-48. Здесь разрешается вопрос о населенности древней Флоренции: население ее равнялось одной пятой части теперешнего. В 1300 году Флоренция насчитывала 70 000 чел. жителей, следовательно, во времена Каччягвиды их было около 14 000 чел. «Меж Марсом и Крестителем», т. е. между южным концом города, где находилась статуя прежнего патрона города, Марса (Ада XIII, 143), и северным концом, где Batisterio, т. е. церковь Св. Иоанна Крестителя. Во времена Каччягвиды уже существовала вторая стена, но она заключала в своих пределах лишь пригороды, настоящие же коренные граждане, способные носить оружие, жили в более тесных, здесь очерченных границах.

49-51. Следующий вопрос: каково было древнее и новое народонаселение Флоренции (ст. 26)? «Чистотой гражданской крови очень дорожили в старинных городах; поэтому Данте порицает здесь устами Каччягвиды допущение во Флоренцию столь многих граждан из окрестностей города. Во времена Каччягвиды, говорит он, эти последние не сливались с коренными горожанами, а жили в пригородах (Borghi). Данте забывает при этом, что уже и в то время граждане Флоренции представляли смесь римских, фьезольских и выселившихся немецких родов». Филалет. — «Отклонение от принципа сохранения чистоты крови горожан допущением, ввиду увеличения города, чуждых элементов, — по мнению Данте, первая причина неудачного развития родной общины, сила которой коренится не в численности (ибо падение при этом бывает тем грузнее, ст. 70 и след.), но в единстве и замкнутости (ст. 67-72). В допущении чуждых элементов Данте усматривает причину непрерывных переворотов в правлении, от которых Флоренция страдает в течение многих веков, а отсюда и всех прочих бедствий его времени, в особенности же политического и нравственного упадка когда-то великих фамилий, и, наконец, всех ужасов гражданской войны. В этом и заключаются три главные идеи, на которых построена речь Каччягвиды о положении дел со времени его смерти и особенно в XIII веке». Флейдерер.

50. «Чертальдо, Кампи и Фиччине» — три местечка в окрестностях Флоренции, вошедшие во времена Данте в черту города. Чертальдо — мнимая родина Боккаччо (он родился в Париже в 1313), в Вальдельза; Кампи — между Флоренцией и Прато, впоследствии укрепленный флорентинцами; Фиччине — местечко в Вальдарно, на левом берегу Арно, по дороге в Ареццо. Бенв. да Имолла утверждает, что Данте намекает здесь на юриста Фаччио ди Кампи, большого плута (qui fuit magnus gibaldu), на своевольного и дерзкого флорентинца Чертальдо, заменявшего по произволу в продолжение нескольких дней подесту в его дворце на судейском стуле, и, наконец, тоже плута юриста Фиччине.

51. «В последнем ратнике», в подлиннике: nell'ultimo artista — в последнем работнике.

*И как для глаз он ярче стал огнем,
Так звонкой речью слаще, величавей,
Чем говорят новейшим языком...*
(Рай, Песнь XVI, тер. 31)

<p>85 Так не дивись же, если я слегка
Коснусь тех флорентинцев, чьи заслуги
И славу тьмой окутали века.</p>	<p>Был тот, в чьем гербе горноста́й пестрел, 103
Саккети, Джьоки, Фифакти, Баруччи,
И Галл, и тот, кто за подлог краснел.</p>
<p>88 Я видел Гречи, Кателлини, Уги,
Филиппи, Ормани и Альберик —
И в те дни славных мужей, как в их круге</p>	<p>Тот ствол, от коего пошли Кальфуччи, 106
Тогда велик был; были уж взяты
К курульским креслам Сици, Арригуччи.</p>
<p>91 Царило горе. Древен и велик
Твой дом, Саннелла, был и твой, Дель-Арка,
И ваш, Ардинни, Сольдандьер и Бостик.</p>	<p>В каком был блеске тот, кто с высоты 109
За гордость пал! Пестрят шары из золота
В Флоренции деяньях, как цветы.</p>
<p>94 У тех ворот, — где ныне в распре жаркой
Злодейства груз над всем так перевозмог,
Что будет им погублена вся барка, —</p>	<p>Прославились и деды тех когда-то, 112
Что так жирели в консисториях их,
Когда в церквах их не было прелата.</p>
<p>97 Жил Равиньяни, — дом, отколь истек
Граф Гвид и те, что приняли с охотой
Прозванье Беллинчюна в поздний срок.</p>	<p>Тот наглый род, что был к бегущим лих, 115
Как злой дракон, а с тем, кто кажет зубы,
Иль кошелек, бывал как агнец тих, —</p>
<p>100 Уж Делла-Пресса управлял с заботой
И с знаньем дела; Галигай имел
В дому своем булаты с позолотой.</p>	<p>Уж восставал, хотя из черни грубой, 118
Так что великий Убертин Донат
От сей родни в гнев приходил сугубый.</p>

54. «Галуцци и Треспиан» — тоже два местечка, Галуцци по дороге в Сиену, к югу от Флоренции, почти в двух милях от Римских ворот, отделенное от Чертозы рекою Эма; Треспиан почти в таком же расстоянии к северу от ворот Св. Галла, по дороге в Болонью.

55-57. «Синья (Signa)» — местечко на р. Арно, недалеко от Флоренции, там, где в Арно впадает Бизенция (Ада XXXII, 56); Агульон — старинный замок в долине Пезы, ныне развалины. Под именем «раба из Агульона» Данте разумеет судью Бальдо д'Агульоне, одного из заговорщиков против Джияно делла Белла. По изгнании Джияно, подестой города был назначен бедный рыцарь из Падуи мессер Монфиорито, взяточник и явный нарушитель закона. Он был свергнут народом и под пыткой компрометировал многих знатных граждан, в том числе Николо Аччайоли. Этот обратился к хитрому Бальдо, а последний приказал нотариусу уничтожить компрометирующие Николо места (Чистил. XII, 105 и след.). Обман, однако, открылся, Бальдо был оштрафован на 2000 лир и изгнан на год. — Под «мужиком из Синьи» некоторые разумеют другого юриста — Фацио да Синья. Бальдо д'Агульоне в особенности был заклятым врагом Данте; он более всех способствовал осуждению поэта и завладел его имуществом после его изгнания. Между прочим, он написал историю гвельфов и гибеллинов, наполненную грязными и позорными обвинениями против последних». Филалет. Каннегиссер.

58-60. Смысл: «Враждебное отношение пап и вообще папской курии к императорам поколебало значение и силу последних, а это вызвало расширение городов на счет земельного дворянства и вторжение сельского населения в города». Филалет.

62-63. «Семифонти» — замок в Вальдельза, разрушенный флорентинцами в 1202 г.; владения его были впоследствии присоединены к Флоренции. Торгаши, о которых здесь упоминается, — члены фамилии Сера. Смысл: Флоренция не была бы так испорчена торговлей, партиями и усобицами.

64. «Конти», т. е. графы; Гвидо, имевшие владения в верхней долине Арно: они в 1209 г. продали свое поместье Монтемууро флорентинцам.

65. Черки, известные главы партии Белых (Ада VI, 64 примеч.), происхождения не знатного, но разбогатевшие торговлей настолько, что во времена Данте они купили дворец графов Гвидо во Флоренции. — «Приход» (община) Аконе, откуда они происходят, находился между Луккой и Пистойей. Лежащий в этой местности замок С.-Кроче был завоеван после весьма продолжительных враждебных

действий в окрестной местности; в 1153 г. замок был разрушен флорентинцами, причем весьма много поселян (между ними и Черки) переселилось во Флоренцию.

66. «Буондельмонти» — старинная дворянская фамилия в Валь-ди-Греве, владевшая там, при слиянии рек Греве и Ема, замком Монтебуони. Замок был взят флорентинцами, и Буондельмонти переселились во Флоренцию. К каким печальным последствиям повело это переселение видно из ст. 140 и следующих. См. примеч. к ст. 49-51.

67-79. См. примеч. к ст. 49-51.

70-72. «Пять булатов» — этим определяется относительное количество населения, способного носить оружие во времена Данте и Каччягвиды (ст. 49). О пяти булатах слич: Барлов, „Athenaeum“ 1807, 2073.

73-76. Ответив на три вопроса Данте, Каччягвида приступает к разрешению четвертого: о более знаменитых фамилиях его времени. Своему ответу он предпосылает замечание, что не только отдельные роды, но даже целые города погибают, а потому не следует удивляться, если он назовет несколько фамилий, теперь более не существующих. Древнеэтрурский город Луни (Ада XX, 47), как полагали, существовал уже во время Троянской войны. — Урбисалья — город Сальвия в марке Анконской, ныне не существует. — Кьюзи, древний Клузий, столица царя Этрурии Порсены (Ливий V, 36), теперь маленький городок в Тоскане, на холме, омываемом реками Астроне и Чиана. — Сенегалья (Гальская Сена), город Анконской марки, на берегу Адриатического моря; во времена Данте он был почти оставлен вследствие нездорового климата и представлял одни развалины.

79-81. Смысл: «Долго существующие творения ваших рук так же смертны, как и вы; только вам это менее заметно вследствие кратковременности вашей жизни». Ноттер.

82-84. «Данте сравнивает непрерывные смены правления и партии, погубившие так много фамилий во Флоренции, с морскими приливами и отливами. Связь этого явления с луною была уже известна во времена Данте, как это видно из слов Брунетто Латини в его Tesoro (Lib. II, ст. 47).

88-90. Именитые древние флорентинские фамилии, уже вымершие во времена Данте. — «Уги» построили церковь Св. Марии Угской; — «Кателлини», которых Виллани называет „antissiehiissimi“, уже не вспоминались, „non è ricordo“, во времена этого летописца; «Филиппи» и «Гречи» также были весьма могущественны и тоже исчезли. «В дни их туги», т. е. во времена их упадка (gia nel calare).

91-93. То же самое должно разуметь и о фамилиях, упоминаемых в этой терцине. Некоторые из них еще существовали во времена Данте, но были уже в упадке и нищете. Об одном из Сольданыери сказано в Ада XXXII 121.

94-99. Один из древнейших родов во Флоренции был Равиньяни. Дом их с башнями находился недалеко от ворот Св. Петра. В 1314 граф Гвидо старший женился на Гвальдраде, дочери Беллинчоне Берти де Равиньяни (Ада XVI, 37; Рая XV, 114), которого Виллани называет „il migliore e più onorato cavaliere di Firenze“. Под именем графа Гвидо следует разуметь, по Филалету, или Гвидо Новелло, или Гвидо Гьерра VI, дядю упоминаемого в Ада XVI, 38, Гвидо VIII. Дворец графа Гвидо был продан впоследствии Черки (см. примеч. 65), и, кажется, ветвь этой фамилии Черкинери — жили в этой местности. Тут же неподалеку жила враждебная им партия Донати. Вследствие их нескончаемых распри, приводивших в расстройство весь город, Виллани называет квартал города вблизи ворот Св. Петра „il sesto dello scandalo“ («квартал скандалов»). — В стихе 96 Данте намекает, в форме пророчества, на изгнание, которому в конце 1300 г. подверглись вожаки обеих партий.

100-102. Дом Делла-Пресса и родственник ему Галигайи, весьма древнего происхождения, приняла посвящение в рыцари еще при Карле Великом; впоследствии же, по Оттимо, „sono di popolo, assai bassi“. — «Булаты с позолотой», т. е. эфес и шляпка его, означает рыцарское достоинство.

103-105. Из семи фамилий, к которым относится эта терцина, только пять названы, а на остальные две лишь намекается. Одна из них, Пильи или Билли, имела в своем гербе вертикальную полосу или колонну горностаевой окраски (Colonna del vajo); другая фамилия, Киармонтези, приобрела недобрую славу, как подделыватели хлебной меры (stajo, может быть, sextarius) и заставила своих потомков краснеть за себя (Чистил. XII, 105). Саккетти и Пильи были гвельфы, прочие — гибеллины. Один из Фифанти или Сифанти был в числе убийц Буондельмонте.

100. «Ствол, от которого пошли Кальфуччи, был, кажется, дом Донати, принадлежавший не к очень древним родам, но игравший весьма важную роль в позднейших расприх партий». Ноттер.

108. «Сици, Арригуччи» — гвельфские фамилии, вымершие к тому времени, когда жил Данте. — «К курульным креслам», т. е. к первым должностям в республике, дававшим в Древнем Риме право сидеть на курульных креслах.

109-111. Все комментаторы согласны в том, что здесь разумеются Уберти и Ламберти; в гербе последних были золотые шары, как впоследствии в гербе Медичи. Во всех политических переворотах Уберти

121 Уж был на рынке Капонсак богат,
Фьезольский выходец, и как примеры
Для граждан были Джьюда и Франкат.

124 Теперь скажу, что вне уж всякой веры:
В наш кремль воротами входили мы,
Носившими название Делла-Перы.

127 Все те, что приняли в свои дома
Барона герб — того, чье имя, звание
Вспоминаются в день праздника Фомы, —

Носили рыцарей его название. 130
Но тот из них, кто перешел в народ,
Герб златом окружить имел желание.

Уж Импортун там был и Гвальтерот, 133
И Борго ваш доныне б был в покое,
Будь заперт в нем соседям новым вход.

Тот дом, что породил вам горе злое, 136
Правдивой мстью смерть меж вас внеся
И вашу жизнь веселую расстрою, —

играли первенствующую роль во главе гибеллинов. Один из них, Скиатта дельи Уберти, участвовал в убийстве Буондельмонте. Они неоднократно подвергались изгнанию. Знаменитейшим предводителем их был Фарината, победитель при Арбии (Ада X, 32). Ламберти были всегда тесно связаны с Уберти. 112-114. Здесь разумеются члены фамилии Виздомини (Visdomini) и родственные им дела Тоза (Tosinglii), издревле считавшиеся старостами и охранителями (custodes et defensores) флорентинского епископства, вследствие чего они имели право, если должность епископа оставалась вакантной, жить в епископском доме и управлять его имуществом, до назначения нового епископа.

115-118. По мнению древних комментаторов, под наглым родом (l'oltracotata schiatta) Данте разумел Адимари (Ада VIII. 32 и след.), в особенности ту ветвь этой фамилии, которая прозывалась Кавиччиули. Боккаччо Адимари, чем-то обиженный Данте во время его приорства, по изгнании поэта, как говорят, завладел его имуществом и вообще особенно вредил ему во время изгнания, «был к бегущим лих, как злой дракон»; зато перед богатыми и сильными он сам готов был унижаться до крайности.

119-120. Уберто, или Убертино, Донато, по словам Бенвенуто да Иммола, был женат на дочери Беллинчионе Берти и очень был недоволен тем, что тесть его выдал другую свою дочь за одного из Адимари (в подлиннике: *Che poi il suocero il fe' lor parente*).

121-123. Капонсакки, фьезольские выходцы, жили на Старом Рынке во Флоренции и, хотя занимались торговлей, считались дворянами. О Джьюда и Франкати (Инфангати) почти ничего неизвестно.

124-126. Фамилия Делла-Пера, или Перуччи, получившая такое прозвище благодаря торговле грушами (pera). Именем этой фамилии названа, будто бы, калитка или небольшие ворота, обращенные к Арно и ведущие в центральную (самую древнюю) часть города, Ворота Перуччи. Данте кажется невероятным что демократический дух того времени мог допустить, чтобы городские ворота были названы по имени такой фамилии.

127-132. Фамилии Пульчи, Нерли, Гангаланди, Джандонати и Белла включили в свои гербы герб императорского великого барона (gran barone) Гуго, маркграфа Тосканского (около 1000 г.), наместника императора Оттона III. Мать его построила аббатство (badia) флорентинское, где и был погребен Гуго (памятник его существует доныне). В день Св. Фомы, т. е. в день его кончины, ежегодно говорились в память его похвальные речи. Некоторые члены упомянутых фамилий, приняв от своего покровителя Гуго посвящение в рыцарское звание, приняли вместе с тем и его герб. Все они считались приверженцами дворянской партии, и только один из них, Джано дела Белла, перешел на сторону народа, вследствие чего окружил свой герб золотым бордюром.

133-135. Гвальтеротти и Импортунни — древние фамилии, жившие в предместьях Св. Апостола и во время Данте почти угасшие. Под новыми соседями разумеются Буондельмонти, поселившиеся в половине XII века и давшие повод к гражданским несогласиям. Они переселились во Флоренцию в 1136 г., следовательно, почти за восемь лет до смерти Каччябвиды (поэтому и названы новыми).

136-139. «Тот дом» — дом Амидеи, который, мстя за оскорбление, нанесенное ему со стороны Буондельмонти, вызвали кровавые распри (Ада XXVIII, 103 и след.). Эту мсть Данте называет «правдивой», так как оскорбителем был Буондельмонте.

144. Ема, приток реки Греве. Буондельмонте непременно должен был перейти Ему, когда в 1135 г. шел во Флоренцию после сдачи своего замка Монтебуоно. Свадьба Буондельмонте с дочерью Донати была в 1215 г., следовательно, на 80 лет позднее переселения; поэтому последнее воззвание к Буондельмонте (ст. 142-144) относится не к младшему представителю этой фамилии (ст. 140), а к старшему, впервые переселившемуся во Флоренцию, имя которого здесь принимается как родовое для всей фамилии.

139 Был сам в чести, как и его друзья.
О Бондельмонте! Как ты неудачно
Расстроить брак совету поддался!

142 Была б там радость, где теперь так мрачно,
Когда б Господь судил тебя снести
В глубь Эмы в день, как шел на пир ты брачный!

Но, видно, камень, падший на пути
Чрез мост, хотел, за мирные години,
Флоренцию на жертву принести!

С такими-то людьми средь той общины
Флоренцию я видел в тишине
Такой, что не было для слез причины.

145

148

151 С такими-то людьми являлся мне
Народ, столь честный, славный, что цвет
лилий
Вниз опрокинут не был на копье

И не алел в дни распрей от насилий».

154

145. «Камень», т. е. остаток разрушенной статуи Марса, прежнего патрона Флоренции, стоявшей на Старом Мосту. «Бог мщения не успокоился до тех пор, пока не нашел своей жертвы. Поставленные, по совету одного умного человека, на мосту через Арно остатки разрушенной статуи хотя и защитили Город от внешних врагов, однако ж Марс потребовал жертвы за внутреннее спокойствие, и на том самом мосту, где стояли остатки статуи, был убит Бундальмонте». Ноттер.

148. Этим стихом Каччагвида возвращается к восхвалению своих времен, в противоположность позднейшим, хотя, как замечает Филалет, Данте вдается здесь в патриотическое заблуждение, так как Флоренция и в прежние времена не слишком отличалась своей закономерностью.

152-153. Т. е. герб Флоренции, являющийся не носим врагами ее в опрокинутом виде (это делалось после решительного поражения в битве), так как в описываемое время над флорентинцами ни разу не было одержано такой победы. Сражение при Монтеперти случилось позднее.

154. Точно так же цвет лилии не был изменяем по причине внутренних распрей, как это случилось позднее. Первоначально Флоренция имела в своем гербе белую лилию на красном поле, но, после изгнания гибеллинов в 1251 г., по требованию гвельфов, в герб Флоренции была принята алая лилия на белом поле.

ПЕСНЬ XVII

Горести изгнания. — Бедствия и надежды Данте. — Смелость, внушенная ему любовью к истине.

1	Как приходил для подтверждения слуха
К Климене тот, который научил
Родителей внимать их детям глухо, —	16	Так все случайности твой видит дух
До их свершенья, — видит их в том месте,
Где всех веков стоит недвижный круг.
4	Таков был я, и так я понят был
Мадонною и той лампадой вечной,
Что со креста спустилась для меня.	19	Пока с Вергилием всходил я вместе
На холм, где исцеляют душ семью,
И в мир усопший с ним сходил, — мне вести
7	И Донна мне: «Излей весь пыл сердечный
И речь свою запечатлей сполна
Души твоей печатью безупречной, —	22	Поведаны про будущность мою
Тяжелые! И хоть к ударам свыше
Себя я шестигранным признаю, —
10	Не с тем, чтоб просветила нас она,
Но с тем, чтоб жажду, что тебя тревожит,
Открыл ты тем, от коих ждешь вина».	25	Все ж дух мой успокоился б, услыша,
Какой мне рок назначен, потому
Что стрел предвиденных полет к нам тише».
13	— «О пращур мой, в ком Бог премудрость
множит!
Как ясно нам, что треугольник двух
Тупых углов вместить в себе не может,	28	Так я сказал светильнику тому
И, как хотела Беатриче,
прямо
Всю душу исповедовал ему.

1-3. Слич: Овидия, Превращ. I, 748 и след. — Данте сравнивает себя с Фаетоном, потому что оба они слышали нечто для них неприятное (Фаетон узнал, что он не сын Аполлона) и оба хотят удостовериться в справедливости слышанного.

5. «Вечная лампада» — Каччагвида, спустившийся со светлого креста для разговора с Данте (Рая XV, 19 и след.).

10. Ибо Беатриче и Каччягвида уже прочли желание Данте в его сердце.

11. «Жажду», т. е. сильное желание получить верное известие о будущей судьбе своей.

13-15. «О пращур мой», в подлиннике: *O cara piota mia*, в некоторых рукописях: *pianta*, даже *pietra*; *piota* означает ствол дерева. «Каччабвида как бы ствол дерева, на котором Данте подобен ветви. Как блаженный дух, Каччабвида созерцает в Боге все вещи, прежде чем они возникнут так же ясно, как человек, убежденный доказательствами, понимает, что в треугольнике не может быть двух тупых углов, ибо тогда стороны его разойдутся. Это сравнение имеет значение, кроме того, отношение к Троице, составляющей треугольник, который созерцается Каччабвидой». Копиш. — «Нам», т. е. смертным людям. — «Здесь излагается известная теорема геометрии, что во всяком прямолинейном треугольнике сумма его углов равна двум прямым углам, следовательно, в нем не может быть двух тупых, иначе сумма этих последних будет более двух прямых». Антонелли. Сравнение, заимствованное из геометрии науки „*che è senza macula d'errore; et cevtissima per sè*» (Convivio II, 14).

16. «Случайности», le cose contingenti. „Contingens est quod potest esse, et non esse“. Фомы Акв. Sum. Theol. p. I, 19, 3.

17. Блаженные духи, т. е. души, отделившиеся от своего тела (*animae separatae*), познают внешние вещи, по учению Фомы Акв., не так, как души, соединенные со своим телом: они не обращаются к чувственным, отражающимся в их сенситивной душе отпечаткам этих вещей, но непосредственно овладевают чисто умственными, отвлеченными предметами, например математическими истинами. Таким образом и чисто случайное, если они обратят на него внимание, они познают с такой же определенностью, с какой человек познает абсолютные, т. е. математические, истины, ибо они видят все в Боге, для которого нет ни будущего, ни прошедшего, но одно только настоящее (*A cui tutti li tempi son presenti* — для которого все времена суть настоящие, ст. 18). Филалет. Ноттер.

31 Не притчами, в каких оракул храма
Ловил ум древних, прежде чем заклан
Был Агнец, искупивший грех Адама,

34 Но в слове ясном, правильном римлян
Был отческой любовью, — осиянный
Ее улыбкой, — сей ответ мне дан:

37 — «Мир случаев, возвращающийся в данной
Вам, смертным, области, отпечатлен
В Зерцале вечном в смене непрестанной, —

40 Отнюдь не так, что Им он понужден,
Но как корабль, плывя средь океана,
Является в глазу изображен.

43 Оттоль, — как сладко музыка органа
Течет в наш слух, — так и мой взор годин
Твоих грядущих ряд зрит без обмана.

46 Как Ипполит был изгнан из Афин
Коварством мачехи свирепо-гневной,
Флоренцию покинешь ты, мой сын.

Уж то куют, того хотят душевно;
А кто кует, тот скоро и свершит
Там, где Христом торгуют ежедневно.

На пострадавших, как всегда, свалит
Молва вину; но будет грех деянья
Противу правды мнением раскрыт.

Покинешь все ты, вопреки желанья,
Что ты любил: вот первая стрела,
Которую извергнет лук изгнанья.

Как горек хлеб чужой и полон зла,
Узнаешь ты, и попить легко ли
Чужих ступени лестниц без числа!

Всего ж сильней отяготить в неволе
Тебе плеча — сброд извергов, глупцов,
С которыми падешь ты в той юдоли.

Восстанет он, — бездарен, глуп, суров, —
Весь на тебя; но вот спустя немного
Не ты, а он, — падет с позором в ров.

19-23. Слич: Ада X, 73; XV, 61; Чистил. VIII, 133; XI, 140, XXIV, 43-48, где Фарината, Брунетто Латини, Курадо Маласпина и Одеризи да Губбио предсказывают Данте его будущее. — «Где исцеляют душ семью», т. е. в чистилище, где очищаются и излечиваются души от всех грехов.

24. В подлиннике: *mi senta Ben tetragono ai colpi di ventura*. — «Шестигранный», собственно четырехугольный (*tetragonus*). Камень кубической формы, который ложится плотно и не колеблется, так что на нем можно безопасно возводить постройку. Это слово Данте заимствовал у Аристотеля, а последний — у греческого поэта Симонида. „*Virtuosus fortunas prosperas et adversas fert ubique omnino prudenter, ut bonus tetragonus sine vituperio existens*. Пьетро Данте, — Слич: Ада XV, 93.

28. Т. е. Каччягвиде.

31-32. Т. е. не двусмысленными ответами оракулов дохристианской эпохи, которыми эти авгуры запутывали ум вопрошавшего. Слич: Чистил. XXXIII, 46. — В подлиннике: *s'inviscava*, т. е. ловили, как птиц ловят при помощи клея.

33. «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот, Агнец Божий, Который берет на себя грех мира». Иоанн I, 29.

34-35. В подлиннике: *con preciso Latin*, т. е. по-латыни. — «Отческой любовью», т. е. Каччягвидой.

37-45. «Мир случаев», в подлиннике: *La contingenza*. «Под этим словом не следует разумеать то, что мы обыкновенно называем случайным или случаем. Согласно с тем, что сказано в первой песни, надобно различать вещи вечно необходимые (*aeterna necessaria*) от временно необходимых (*contingentia*), ст. 16. Только вечно необходимые вещи находятся в высшем мире, а временно необходимые — лишь в области элементарного мира и состояния из формы и стихийного вещества. Область элементарного мира (в подлиннике: *quadermo*) подобна книге, в которую рукою Бога как бы вписана форма земных веществ; так же точно в другом месте поэт называет элементарный мир воском, на котором оттиснута печать силы Божией. Все же случайные вещи, прошедшие, настоящие и будущие, отражаются, как в зеркале, в божественном всеведении, и в нем познаются праведными душами». Филалет.

40-42. Смысл: эти временные или случайные вещи, т. е. вещи, созданные посредственными (вторичными) силами (Рая VII, 124 и XIII, 64 и след.), находятся под божественным промыслом и предопределением, без ограничения, однако ж, человеческой свободы — воззрение, уже известное читателю из

Чистил. XVIII, 122 и след., Рая V, 18 и след. Будущие случайные вещи, по учению Фомы Акв., разум человеческий познает лишь в их причинах; а так как из этих причин сказанные вещи могут и не возникнуть, то, следовательно, человек познает их не с полной достоверностью. Совсем не то с божественным разумом: он и будущие *contingentia* познает не в их причинах, но в их действительном бытии, притом без последовательности во времени, а во всей их целости, одним разумом, ибо все, что существует во времени, — для него настоящее в вечности. Для пояснения отвлеченной мысли, Данте, по своему обыкновению, прибегает здесь к конкретному сравнению: корабль плывет по океану не потому, что он является плывущим в глазе, в котором он отражается; так точно и случайные вещи не потому существуют, что Бог предвидит их; напротив, Бог предвидит их потому, что они будут существовать. Таким образом, все это

<p>67 Его скотство́ сам путь накажет строго,
Им избранный, и лучше, если б шел
Вне партий ты один своей дорогой.</p> <p>70 Свой первый кров с пристанищем от зол
Найдешь в ломбардце, в муже, что́ всем ведом,
Чью лестницу покрыл святой Орел.</p> <p>73 В его дому ты будешь чужд всем бедам:
Меж просьб и исполненьем их у вас
То́ будет первым, что везде шло следом.</p> | <p>Того увидишь там, в чью грудь влилась 76
Из сей звезды уж при рожденьи сила
Свершить дела великие в свой час.</p> <p>Но молодость его не проявила 79
Еще тех дел; еще лишь девять лет
Вращаются над ним небес светила.</p> <p>Но прежде, чем великий Генрих вред 82
Найдет себе в гасконце, уж проявит
Презреньем злата он той силы свет.</p> |
|---|--|

место не что иное, как вкратце повторенное возражение против учения о случайности, а также против теории о предопределении, — возражение, в устах праведника представляющееся весьма уместным прологом к следующему затем изображению скорбной судьбы поэта, к его убеждению в том, что и малейшие события в жизни как бы рассчитаны в великом плане мира и спасения». Филалет. Флейдерер.

43-44. «Оттоль», т. е. из зерцала Божьего. «Как ни грустно в сущности все то, что предвидит Каччагвида, тем не менее оно кажется ему сладостным, ибо он созерцает это в свете божественного мирового плана». Филалет. — «Планета Марс, на которой в данную минуту находится поэт, как известно, считается планетой несчастий. Поэт весьма остроумно воспользовался здесь этим поверьем, чтобы объявить себя несчастным именно на Марсе, который вследствие этого, однако, не перестает оставаться местом небесного радостного пира. Вместе с тем звезда эта может послужить ему наилучшим нападением к тому, как следует переносить несчастья, ибо Марс служит местопребыванием героев». Ноттер.

46-48. Ипполит, сын афинского царя Тезея, был изгнан из Афин по оговору своей мачехи Федры, которая обвинила его в посягательстве на ее честь, мстя за то, что не хотел отвечать на ее преступную любовь. Как Ипполит был изгнан за верность своему отцу, так ты, Данте, будешь изгнан за твою верность императору. — Ср. с этим т. I, предисл., с. XXIII и след.

45-52. «Тот», — именно папа Бонифаций VIII. При папском дворе в Риме еще в марте 1300 г. начинаются козни против Белых вообще, а следовательно, — и против Данте — «Там, где Христом торгуют», т. е. в Риме, где занимаются продажей индульгенций, злоупотребляют диспенсацией и проч. Филалет предполагает, что этот упрек относится главным образом к Спины, заведовавшим папскими денежными делами, благодаря содействию которых мессер Корсо Донати так легко был допущен на аудиенцию к папе. — Ср. предисл., с. XX и след.

52-53. Тосканская пословица: *La colpa è sempre degli offesi*. Лучше всего смысл этих стихов соответствует значению известного афоризма: *vae victis!* В данном случае побежденными являются Данте и его сотоварищи по несчастью, и, следовательно, они виноваты.

53-54. Здесь предсказывается мнение, которое совершит высшая правда над партией Черных. По мнению некоторых, здесь имеется в виду страшный пожар во Флоренции в 1304 г., по другим — случившаяся в том же году катастрофа на мосту Карайя, когда погибло много народа (Ада XXVI, 10), наконец, по третьим — насильственная смерть в 1308 г. мессера Корсо Донати (Чистил. XXIV, 82 и след.).

55-56. Т. е. отечество, семью, друзей, родной очаг и достояние.

58-60. Даниелло цитирует здесь Сенеку: „*Omnium quippe mortalium vita est misera; sed illorum miserrima, qui ad alienum somnium dormiunt, et aliorum appetitum comedunt, et bibunt*“. Но еще более идут сюда слова Иисуса сына Сирахова: «Худая жизнь — скитаться из дома в дом, и где водворишься, не посмеешь и рта открыть. Будешь подавать пищу и питье без благодарности; да и сверх того еще услышишь горькое...» (XXIX, 27 и 28). — «Сын мой! Не живи жизнью нищенской: лучше умереть, чем просить милостыни. Кто засматривается на чужой стол, того жизнь — не жизнь: он унижает душу свою чужими яствами» (Там же, XL, 29, 30).

61-63. «В этих стихах высказывается гневное порицание тем из Белых, с которыми ему пришлось разделить ссылку. «Те, с которыми падешь ты в той юдоли» (*in questa valle*), т. е. те, с которыми ты будешь изгнан и будешь нести описанные невзгоды и нищету, кроме того, впадут в несогласия между собою, и дикие их страсти все направятся против тебя; они не оценят твоего усердия в общем деле, твоей

умеренности, и за все заплатят тебе неблагоприятностью». Очевидно, Данте имеет здесь в виду какие-то факты. См. предисловие, с. XXV, и Ада X, 79; Чистил. XIV, 58.

64. «Он», т. е. скоп.

66. В подлиннике: „Ella, non tu, n' avra rossa la tempia“ — не у тебя, а у него покраснеют от стыда виски.

68-69. В подлиннике: a te fia bello Averti fatta parte per te stesso — тебе было бы более чести, если бы ты самого себя сделал своей партией, другими словами: если бы ты совсем отделился от своих товарищей. Это и случилось с Данте, по одним (Тройя, *Veltro alleg.*) в 1302 г., по другими — гораздо позднее.

70-72. «Ломбардец муж, что всем ведом», в подлиннике: la cortesia del gran Lombardo. Нет никаких сомнения, что здесь идет речь о фамилии Делла Скала: в гербе этого дома была золотая лестница на красном поле; впоследствии, когда император Генрих VII сделал Кана Великого Делла Скала викарием империи, — к лестнице был прибавлен в гербе черный орел. Но кого, однако, из членов этого дома Данте называет великим Ломбардцем? В период времени от изгнания до смерти Данте владели Вероной три члена этой фамилии, сыновья Альберта Делла Скала: Бартоломео (1301-1304), Альбоин (1304-1311) и Кан Великий (1311-1329). О последнем упоминается ниже (ст. 76 и след.), поэтому здесь может быть речь лишь о двух первых. К которому из двух братьев отнести лестный отзыв поэта, — комментаторы расходятся во мнениях, хотя большинство древних (Пьетро Данте, Оттимо и Бенвенуто да Имола), а также новейших склоняются в пользу Бартоломео: характер и образ действий его, положим, неизвестны, но тем не менее по некоторым данным можно судить, что это был очень любимый народом правитель Вероны. Так, например, Ферат Вицентин про него говорит: „plebis favorem vultu blando adscivit“. Если это так, то первое убежище в изгнании Данте нашел у него в Вероне в 1303-1304 гг. Но с другой стороны известно, что Бартоломео никогда не имел в своем гербе орла, так как впервые получили его позднейшие правители Вероны, Альбоин и Кан Великий, в качестве императорских викариев (1310- 1311); правда, Codex Cassinensis Divinae Comediae уверяет, что и Бартоломео имел уже орла на своем гербе. Переходя к фактам, следует сказать, что и они говорят в пользу Бартоломео так: время, когда Альбоин управлял Вероной (1304-1311), не вполне соответствует времени пребывания здесь Данте, ибо, по общему мнению, он был тогда в Париже, и кроме того об Альбоине Данте отзывался неуважительно в другом сочинении (*Convivio* IV, 16); такими образом приходится принять за более достоверное то, что великим Ломбардцем Данте называет именно Бартоломео Делла Скала.

73. «В его дому», т. е. у Бартоломео в Вероне.

74-75. Т. е. он будет давать прежде, чем ты попросишь.

76-78. Здесь несомненно разумеется Кан Великий; он родился в 1291 г., следовательно, в 1300 г., в который нас переносит Божественная Комедия, ему был десятый год, что подтверждают и ст. 80-81. В последние годы управления Альбоина Кан стал уже его соправителем, и оба таким образом считались императорскими викариями Генриха VII. По смерти императора его могущество возросло, а в 1318 г. он делается главой гибеллинской партии. Особенно он отличался своими военными успехами, почему и сказано в ст. 76-77, что планета Марс при его рождении имела особенное на него влияние. После долгих скитальческих лет, в течение которых Данте более или менее продолжительное время оставался у единомышленных, принадлежавших к одной с ним партии, властителей, мы опять встречаем его в Вероне, при дворе младшего из скалигеров Кана Великого (1317-1320). Это были счастливейшие дни его жизни. В кругу образованных современников своих он мог отдалиться своим работам; здесь увидел он подле себя двух своих сыновей, и великодушный хозяин его не давал ему чувствовать, что он ест чужой хлеб. Поэтому-то Данте и ставит ему прекрасный памятник (ст. 76-90) своей благодарности в форме пророчества (*ex eventu*) из уст своего предка Каччабигиды.

82-84. «Великий Генрих» — император Генрих VII Люксембургский; Гасконец — папа Климент V, родом гасконец, креатура и орудие французского короля Филиппа Прекрасного, тайного союзника Роберта Неаполитанского, главных противников Генриха VII. «Наружным образом Климент V как бы содействовал римскому походу императора, но тайно действовал против него (Сл.: Ада XIX, 82). Обстоятельство, на которое здесь намекается, случилось между 1310 и 1312 гг. и относится к юношеским годам Кана Великого. Действительно, уже в молодости Кан обнаруживал великую силу души и презрение к золоту, в подтверждение чего Бенвенуто Рамбалди рассказывает: „dum pater duxisset eum semel ad videndum magnum thesaurum, iste illico levatis pannis minxit super eum“, вследствие чего все присутствовавшие признали в нем врожденную щедрость и презрение к богатству, и предсказание это оправдалось: ибо только этими столь редкими в те времена качествами можно объяснить его отношения к Данте и ко множеству других изгнанников, художников, поэтов и прим.» Флейдерер.

88-92. Здесь Данте, очевидно, намекает на свои надежды на Кана Великого в том, что он будет способствовать торжеству императорского дела, но не высказывает этого прямо, боясь оказаться ложным пророком. Ср. Ада I, 102, прим.

ПЕСНЬ XVII

<p>85 Величество так высоко поставит
Его потом, что даже самый враг
Немой язык свой говорить заставит.</p> <p>88 Жди от него, от дел его всех благ!
Преобразит судьбу всего он люда:
Вздохнет богач и оживет бедняк.</p> <p>91 Заметь еще о нем, и как отсюда
Уйдешь, молчи о том...» И то сказал,
Что очевидцу было б свыше чуда.</p> <p>94 Потом прибавил: «Сын, истолковал
Я все, о чем ты слышал. Вот те козни,
Которым час почти уже настал!</p> <p>97 Но не завидуй ближним, полным розни:
Дано продлиться доле дням твоим,
Чем их коварству придет суд не поздний».</p> <p>100 Когда ж молчаньем наемкнул своим
Мне дух святой, что доткана основа,
Которую я протянул пред ним, —</p> <p>103 Я начал вновь, как тот, кто, впадши снова
В сомнение, совета ждет от тех,
Чье сердце любит и помочь готово:</p> <p>106 — «Отец мой, вижу, как торопят бег
Ко мне беды — сразить меня ударом,
Тем злейшим, что я беззащитней всех.</p> | <p>И остеречься должен я, чтоб, даром 109
Свой милый край утратя, не пришлось
Моим стихом других обречь мне карам.</p> <p>Там, в бесконечно-горьком мире слез, 112
И на горе, с ее ж вершины трудной
Мадонны взор меня на небо взнес,</p> <p>И после в небе, путь свершая чудный, 115
Я то узнал, о чем коль расскажу —
Иных смутит рассказ мой правосудный.</p> <p>Когда ж трусливо правде послужу, — 118
Страшусь: от тех, для коих время наше
Уж будет древним, срам лишь заслужу».</p> <p>И свет, в котором улыбался краше 121
Мой ценный клад, готов меня был сжечь,
Как солнца луч, в золотой горящей чаше;</p> <p>Потом сказал: «Пусть тем, кто мог навлечь 124
Себе позор, острей и жгучей оцта
Покажется твоя сначала речь, —</p> <p>Все ж Расскажи, всю ложь отбросив, просто, 127
Без всех прикрас, видение свое,
И пусть себя там чешут, где короста.</p> <p>Пусть с горечью сказание твое 130
На первый вкус; но кто ту пищу сварит,
Найдет потом живительной ее.</p> |
|--|--|

90. В подлиннике: „Cambiando condizion ricchi e mendici“ — переменяя положение богатых и нищих; здесь, по-видимому, предсказывается революция в Италии, последствием чего будет то, что богатые и гордые угнетатели ввергнутся в заслуженную нищету, а положение угнетенных улучшится. Фра-тичелли.

93. Чему бы не поверили даже те, кои увидят это собственными глазами.

95. О чем ты слышал в аду и чистилище.

97-99. Терцина очень темная и до сих пор объясняемая комментаторами различно. Если под именем ближних (в подлиннике: *vicini*, соседи) разуметь вообще флорентинцев, то в этих стихах намечается на кару, ожидающую его сограждан, так как с его изгнанием распри во Флоренции не прекратились; если же разуметь его сотоварищей по изгнанию, то здесь заключается, может быть, намек на несчастливый поход белых в Мугелло в 1303 г.

100-103. «Предыдущие пророчества о судьбе Данте, упомянутые им раньше в ст. 22 и след., совершенно верно сравниваются с основой ткани, на которой сообщенные блаженным духом подробности образуют как бы узор». Филалет.

108. «Мысль, соответствующая уже выраженной выше, в ст. 27: удар бывает тем более жесток, чем менее ему сопротивляются, так же точно, как непредвиденная стрела опаснее предвиденной». Витте.

118-120. Т. е. если я не выскажу всей правды врагам моим, то, боюсь, пострадают мои честь и слава в глазах тех, которые нынешнее время будут называть древним, т. е. в глазах потомков.

ПЕСНЬ XVII

133 Так пусть твой крик, как ветер, сперва ударит
В те головы, что выше вознеслись,
И честь твою то в мире не состарит.

136 Представила тебе звезд наших высь,
И вся гора, и скорбные пещеры
Лишь души тех, что в славу облеклись,

Затем что ум людской вникать в примеры 139
Не любит там, где корень не открыт,
И речь о том, кто был безвестен, веры

В сознании людей не возбудит». 142

125. «Оцет» — церковно-славянское слово = уксус. «Наполнив губу оцта, и возложь на трость, напоюще его». Марк. XV, 36.

129. В подлиннике: *E lascia pur grattar dov'è la rogna*. Пословица, которую некоторые щепетильные комментаторы (Вентури, напр.) осуждали, как тривиальную на небе и в устах святого, говоря: „*Quandoque bonus dormitat Homerus!*“ Но, как справедливо замечает Филалет, этот стих может служить прекраснейшим, могучим оправданием для поэта за его нередко столь жестокие порицания отдельных личностей.

130-132. Слич: Боэция *Cons. phil.* III, р. I: „*Sensi, inquit, cum verba nostra tacitus attentusque rapiebas, eumque tuae mentis habitum vel expectavi vel, quod est verius, ipsa perfeci: talia sunt quippe quae restant, ut degustata quidem mordeant, interius autem recepta dulcescant*“.

ПЕСНЬ XVIII

Духи, сверкающие в кресте на Марсе. — Подъем на небо Юпитера. — Dieligitе justitiam. — Императорский Орел. — Алчность папская.

<p>1 Уж ликовал блаженный дух, весь радость,
В мечтах своих; я ж, преданный моим,
В их горечи вкушал и неба сладость.</p> <p>4 И та, кем был я к Богу возводим,
— «Рассей мечты», рекла, «и помни: вечно
Я близ Того, Кто всем отмщает злым».</p> <p>7 К моей Заступнице сей глас сердечный
Привлек мой взор, и, сколько зрел любви
У ней в очах, не выражу, конечно,</p> <p>10 Не потому, что здесь слова мои
Бессильны — нет, но мощь воображенья
Теряет здесь все помыслы свои.</p> <p>13 Одно сказать могу, что в те мгновенья,
Ее узрев, я вдруг свободным стал,
Все отложив земные попеченья, —</p> | <p>Доколь восторг небесный, что сиял
На Беатриче, лик ей озаряя,
Мне отблеском всю душу наполнял.</p> <p>Она ж, улыбки блеском поборая
Мой ум, вещдала: «Вслушайся, зане
Не у меня в очах лишь сущность Рая».</p> <p>Как здесь лицо являет страсть извне,
Коль та достигнет пламени такого,
Что душу вдруг охватит всю вполне, —</p> <p>Так я из молний светоча святого,
Пред кем стоял я, усмотрел следы
Желанья в нем повесть беседы снова.</p> <p>— «В ветвях», он начал, «пятой сей звезды
На древе, жизнь приемлющем с вершины,
Чтоб вечно днесь и приносить плоды,</p> | <p>16</p> <p>19</p> <p>22</p> <p>25</p> <p>28</p> |
|---|--|---|

1-3. Высказав свое пророчество, блаженный дух Каччягвиды снова погружается в радостное созерцание Божества, тогда как Данте, всецело занятый своими мыслями, находит в словах предка рядом с горечью услышанного и некоторую сладость утешения.

4. «Та», т. е. Беатриче.

6. «У меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день гибели их, скоро наступит уготованное для них». Второзак. XXXII, 35.

10-12. «Мы уже неоднократно видели, что Данте отказывается описывать некоторые свои впечатления, испытанные им в раю, не потому, что язык его не имеет к тому достаточно выражений, а главным образом потому, что память его, без особенной божественной благодати, не в состоянии удержать и воспроизвести всей картины. Райские впечатления подобны сновидениям: мы удерживаем в памяти лишь легкие контуры их, но не можем составить себе о них ясного представления (Рая XXIII, 49 и след.)». Филалет.

22-24. «Здесь», т. е. на земле. Каччягвида более ярким блеском выражает свое желание продолжать свой разговор с Данте, так же точно, как на земле сильная, всю душу охватывающая страсть выражается во всем лице и особенно в глазах. Сл.: Рая XIV, 19 и след.

25-48. Т. е. из блеска Каччягвиды. Обыкновенно Данте сам выражал желание узнать имена обитателей различных областей неба. Здесь не только не высказывает, но и в душе не питает этого желания: погруженный весь в созерцание Бога, он не помышляет ни о чем постороннем. Но, по слову Беатриче, он опять обращается к Каччягвиде и замечает при этом, что тот говорит с ним. Каччягвида называет ему восемь душ, сражавшихся за святую Церковь. По мере того, как Каччягвида произносит их имена, каждый из героев с ослепительным блеском и быстротой, напоминающей быстроту движений в битве, свергается с ветвей креста.

28-30. «Поэт очень удачно сравнивает весь рай с деревом, которое, в противоположность земным деревьям, извлекающим свои жизненные соки посредством корней из земли, — получает жизненную силу с вершины, свьше, из Божьего обиталища. Дерево это не роняет с себя ни одного листка, ибо праведные не могут уже утратить своего блаженства, но вечно приносят новые плоды, ибо вечно воспринимает в себя новые души». Филалет. — «Пятой сей звезды», в подлиннике: In questa quinta soglia, — на этой пятой ступени, т. е. на Марсе. — Символом этого дерева служит древо (Чистил. XXXII, 34-63). — «Листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться». Иезек. XLVII, 12.

31 Витают тех блаженных душ дружины,
Чьей славы гром так в мире был могуч,
Что Музы пели б их, как хор единый.

34 Смотри на крест, и ты узришь, как луч
Всех тех, чье имя стану называть я,
Сверкнет быстрее, чем молния из туч».

37 И я узрел, как брызнул свет с распятия
При имени Навина, и быстрей,
Чем в силах был то имя услышать я.

40 И лишь был назван славный Маккавей,
Как в радости скатился за Навином
Другой огонь, — как кубарь у детей.

43 Мой взор следил за Карлом с паладином
Орландом, вдруг сверкнувшими как жар,
Как глаз следит за летом соколиным.

46 Потом Готфрид, Вильгельм и Реноар
Блеснули мне, в моем сверкнувши взоре,
С высот креста, и вождь Роберт Гвискар.

Затем, взлетев, смешался в душ соборе
Вещавший дух и доказал вполне,
Каким певцом он был в их звучном хоре. 49

И повернул я к правой стороне, 52
Желая знать, что делать Беатриче
Иль словом, иль чрез знак прикажет мне.

Но взор ее был полн таких величий, 55
Так радостен, что все затмил навек,
Что видеть в нем уж было мне в обычай.

И, как добро творящий человек 58
Зрит с каждым днем в веселии сердечном,
Как быстр его на добром поле бег, —

Так, видя Донну в блеске бесконечном, 61
Я чувствовал, что больший с небом круг
Свершаю я в круженье быстротечном.

Как бледной девы лик меняет вдруг 64
Свой цвет, когда сойдет с него румянец
Стыдливости, — так разлился вокруг

32-33. Имена этих героев (Карла Великого, Орланда, Готфрида, Гвискара и др.) столь знамениты, что каждое из них могло бы послужить предметом для поэмы.

38. Иисус Навин, вождь сынов Израиля, который по смерти Моисея завоевал обетованную землю, недаром назван здесь первым святым воином. Сл.: Чистил. XX, 111; Рая IX, 124.

40. Иуда Маккавей, освободивший свой народ от тирании Антиоха Епифана, царя сирийского. «Вращательное движение его означает неутолимую ревность его при освобождении своего края от притеснителей». Копиш.

42. В подлиннике: E letizia era ferza del paléo — и радость была кнутом для кубаря: подражание Вергилию, Энеиды VII, 378-380:

Так волчок иногда под ударом кнута подлетает,
Если мальчишки его в большом круту по пустому
Гонят притвору в игре...

Перев. А. Фета.

43-45. За библейскими героями следуют герои христианской эпохи, частью из цикла мифических героев Средних веков: во-первых, Карл Великий и один из двенадцати его пэров — Орланд, или Роланд (Ада XXXI, 17, 18). «Их блеск в глазах Данте подобен соколиному полету, напоминающему в свою очередь дальше крестовые (мифические) походы, предпринятые этими столь известными героями». Копиш.

46-48. За ними следует Вильгельм граф Оринга, или Орвена (Оранский), сын графа Альмерика Нарбонского, и Реноар, сын сарацинского короля Террамера, оба из цикла героев-паладинов Карла Великого, весьма прославившиеся в войне с неверными сарацинами и напоследок вступившие в монастырь; далее — знаменитый Готфрид Бульонский, завоеватель и первый король Иерусалима, герой «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо, и, наконец, Роберт Гвискар из Нормандии, победитель сарацин в Сицилии и Апулии, основавший там новое королевство (Ада XXVIII, 14).

49-51. Т. е. кончив беседу с Данте, Каччагвида возносится от него и, смешавшись с хором прочих душ, сливает свое пение с их голосами.

- 67 Передо мной, как серебристый глянecь,
Цвет белый той умеренной звезды,
Шестой, куда был принят я, тосканец.
- 70 В сем факеле Зевеса, из среды
Витавших там, любовь их в искрах жара
Творила мне латинских букв ряды.
- 73 Как стая птиц, взлетев из крутояра,
Где ждет их корм, исканий долгих цель,
Приемлют вид то верениц, то шара, —
- 76 Так в искрах тех, оттоле и отсель
Слетаясь с пеньем, хор святых слагался
В фигуры букв то *D*, то *I*, то *L*.
- 79 Под свой напев сперва он подвигался;
Потом, сложась в одну из букв, на миг
Умолкнувши, в том виде оставался.

- О Пегасея неба! Твой язык 82
Дарует гениям век долгий славы,
Да будет род людской чрез то велик!
- Пролей мне свет твой, да представлю, правый, 85
Те буквы так, как их я видел сам;
В мой сжатый стих влей блеск твой величавый.
- Итак — явилось тридцать пять мне там 88
Согласных букв и гласных, и реченье
Я так прочел, как виделось очам.
- „Diligite justitiam“ — в мгновенье 91
Глагол и имя я прочел, потом:
„Qui judicatis terram“ — в заключенье.
- И в *M* сложившись в пятом слове том, 94
Построились все так, что мне казался
Юпитер в злато залитым серебром.

55-57. Лик Беатриче стал еще блистательнее даже сравнительно с тем, когда поэт сознавался в последний раз (ст. 7 и след.), что не в силах описать ее блеска. Вспомним, что красота Беатриче все возрастает и становится лучезарнее с восхождением в небо и с приближением ее к Богу. В настоящую минуту, как увидим ниже, Беатриче и Данте возносятся на планету Юпитер.

58-60. Т. е. «как из сердечной радости, ощущаемой на пути добродетели, человек сознает, что он преуспевает, иначе говоря, — возрастание радости в нем служит доказательством его успеха в делах добродетели: сравнение, достойное неба. Ср. Чистил. XXVII, 90». Скартаццини.

62-63. С каждым новым подъемом в небо становится все обширнее окружность его сфер, заключенных одна в другую (по системе Птолемеевой); поэтому Данте, кружась вместе со сферами, описывает вследствие этого все больший и больший круг.

64-69. «О Юпитере, где теперь находится Данте, он говорит в своем *Convivio* II, 14, что от всех звезд он отличается белым, как бы серебристым (*bianqua, quasi argentata*) блеском, тогда как Марс огненного цвета (*affocato di colore*). Поэтому переход из красно-огненного Марса в белый, серебристый Юпитера очень метко сравнивается здесь с бледным лицом девушки, когда покрывавший его румянец стыда снова исчезает». Филалет. — Терцина эта напоминает Овидия, *Превращ.*, VI, 46-49:

Но покраснела она, и вдруг невольная краска
Ей вступила в лицо и вновь исчезла; так воздух
Пурпуром станет гореть при первом движении Авроры,
И чрез краткое время бледнеешь за солнечным восходом.

68. «Умеренной» — *temperata stella*.

71. Прекрасный образ: «праведные души суть как бы искры вечной любви». Филалет.

73-75. Сравнение, напоминающее стихи Лукреция — *De rerum nat.* II, 345-349.

82. «Пегасея» — тоже, что Муза, потому что Пегас ударом копыта в землю образовал ключ поэзии — Ипокрену. Вероятно, здесь разумеется муза Каллиопа, или Урания (Чистил. I, 9), так как внушает Данте песнь о небе.

84. В подлиннике: *Ed essi teco le cittadi e i regni* — они же (гении) вместе с тобою дают долгую славу городам и царствам.

91-93. *Diligite justitiam qui judicatis terram* — возлюбите правду, судии земли, — изречение, действительно, состоящее из 35 букв; первые два слова: *diligite* и *justitiam* — глагол и имя существительное. Самое

изречение — начало Книги премудрости Соломона, по переводу Вульгаты, и указывает на то, что в этом шестом небе блаженствуют правосудные монархи и властители.

94. В пятом слове, т. е. в слове *tegram*.

95-96. «Белый цвет Юпитера образует серебряное поле, на котором являются золотые письма надписи, сложившейся из праведных душ». Штрекфусс.

100-102. Мешая головни в костре, мы поднимаем множество искр, по которым суеверные люди гадают, сколько они получат денег, сколько лет проживут, — «поверье, известное у римлян под названием *ignispicium* (Плиний Н. Н. VII, 56)». Ноттер.

105. Солнце, т. е. Бог, или, в более тесном смысле, наполнявшая их любовь и правосудие, которые их то поднимают высоко, то опускают долу, смотря по их заслугам на земле. Чистил. VII, 26; Рая IX, 8; X, 53 и др.

<p>97 Отвсюду хор других огней собрался
К вершине <i>М</i>, и стали здесь огни,
Воспев Того, Кем сонм их направлялся.</p> <p>100 И как в костре мешая головни,
Вздымает вихрь несметных искр, по коим
Привык гадать люд глупый искони, —</p> <p>103 Так здесь взвились миллионы светов роem,
Кто ниже мчась, кто выше к небесам,
Смотря, каким их греет Солнце зноем.</p> <p>106 И только светы стали по местам, —
Из их огней и го́лову, и шею
Орла небес мне начертала там</p> | <p>Кисть некая; но кто же правил ею? 109
Никто, как Он, Кто образ придает
И гнездам птиц премудростью Своею.</p> <p>Другой же сонм святой, что наперед 112
Над <i>М</i> собрался в лилию, — движеньем
Чуть видимым восполнил символ тот.</p> <p>О звезд краса! Сколь дорогим камнем 115
Ты блещешь — в знак, что Правосудье в нас
Есть дар с небес, где днесь ты украшеньем.</p> <p>Молю ж тот Ум, отколе излилась 118
Вся мощь твоя, — молю, да зрит, откуда
Исходит дым, мрачащий твой алмаз!</p> |
|--|---|

106-114. Новая перемена в распределении духов, начинающаяся из буквы *М*, представляющей своими двумя боковыми частями опущенные крылья геральдического орла. Большая часть праведников, спустившись на букву *М* между ее крыльями (ст. 97), образовала шею и голову, остальные — клюв орла (112). Таким образом водружается на небе символ императорской власти и вместе с тем правосудия на земле.

109-111. Терцина эта принадлежит к числу самых темных в поэме и составляет сущий *scix interpretum*, камень преткновения; ни один из комментаторов не мог объяснить ее удовлетворительно. Скартаццини. По Ноттеру, можно объяснить ее так: земной живописец нуждается в образце (Чистил. XXXII, 67), Бог же не только не нуждается в этом, но от Него каждая тварь во всем мире получает творческий инстинкт, который, даже бессознательно, побуждает всех творить (напр., в сооружении гнезда). Лонгфелло предпочитает простейшее толкование этой терцины мистическому. Архитектор, построивший небо, научает и птицу, как строить свое гнездо по тому же самому образцу:

The Power which built the starry dome on high,
And poised the vaulted rafters of the sky
Teaches the linnet with unconscious breast
To round the inverted heaven of her nest.

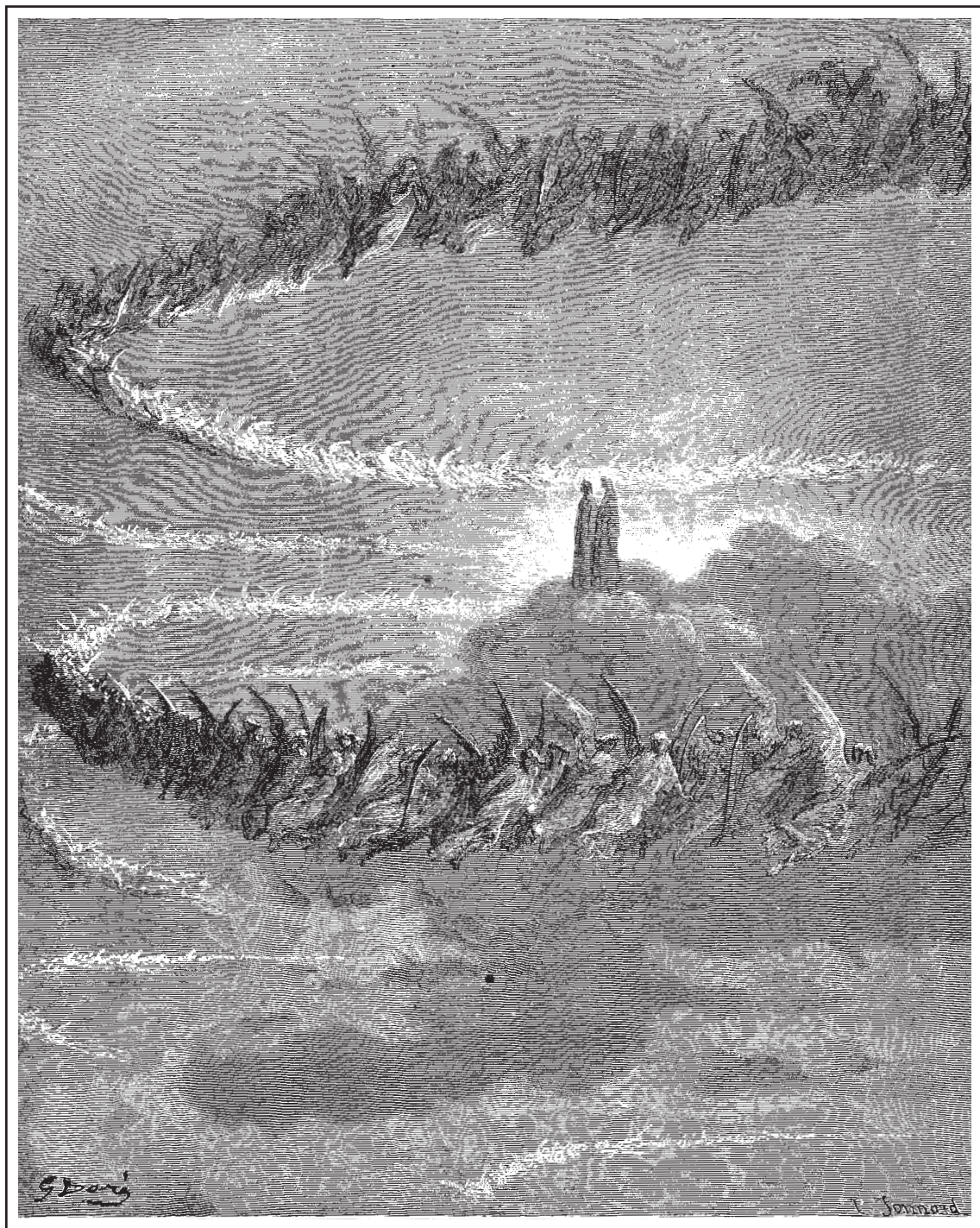
112-114. «Духи, спустившиеся, согласно ст. 97, в средину буквы *М*, следовательно, между двумя ее боковыми ветвями, образовали из себя острие, так что вся буква *М* стала походить на геральдическую лилию, подобную той, которая находится в гербе Флоренции (Рая VII, 69)». Витте.

115-117. «О звезд краса!» (в подлиннике: *o dolce stella*), т. е. Юпитер. Как планета Марс рождает воинскую доблесть, так Юпитер — чувство правосудия, символом которого представляется сложившийся теперь из бесчисленного множества светящихся точек образ орла. — «Дорогие каменья» (*gemme*) — светлые души праведных.

118-120. «Ум» (*Mente*) — Бог. Дым — противоположность правосудию, именно: алчность, партийность, своекорыстие. «Данте обращается к Богу, призывая Его наказать тех, кто, вопреки божественному порядку, суживают пределы императорской власти. Главнейшими виновниками дурного порядка вещей Данте, как известно, признавал пап, особенно папу Климента VII (Рая X, 82-84). Злоупотребление духовными средствами для светских целей поэт очень метко именует обращением Божьего дома в дом купли (*Del contragare e vender dentro al templo*) (Слич: Марк. XI, 15 и след., Лук. XIX, 44 и след., Иоан. II, 15 и 16), и притом дома (храма) более высокого, чем храм Иерусалимский, т. е. дома христианской Церкви, основанного чудесами Христа и Его апостолов, кровию Спасителя и Его мучеников (ст. 121)». Филалет.

126. «Гнусным образом» (*al malo esemplo*), т. е. папой, вообще прелатами Церкви.

127-129. Т. е. в Риме во времена древних воинственных римлян. Отлучение от Церкви, запрещение причастия бывали в то время весьма часты и составляли действительнейшее орудие пап к возбуждению народа против императора и его власти.

Так здесь взвились миллионы светов роем,
Кто ниже мчась, кто выше к небесам...
(Рай, Песнь XVIII, тер. 103)

ПЕСНЬ XVIII

121 Да грянет вновь он гневом против худа,
Чтоб домом купли не был Божий дом,
Сооруженный знаменьями чуда.

124 О рать небес, ее ж я зрю кругом,
Молись за тех, что в мире повсеместно
Увлечены все гнусным образцом.

127 Бывало меч служил для брани честной;
Теперь им рубят хлеб то там, то здесь, —
Тот хлеб, что всем дает Отец небесный.

Но ты, затмивший смысл Писаний весь, 130
Знай — падшие за сад свой без боязни —
И Петр, и Павел живы и поднесь.

Ты ж говоришь: «Я состою в приязни 133
С тем, кто в пустыне жил наедине
И кто плясуней приведен был к казни,

А Рыбарь с Павлом неизвестны мне». 136

130. Прямое обращение к папе Клименту V или Бонифацию VIII, или, вернее, вообще к папам с их сребролюбием.

133-136. Смысл: я уважаю лишь того, кто изображен на золотых флорентинских флоринах (монете, бывшей в наибольшем ходу в то время), т. е. Иоанна Крестителя (патрона Флоренции), который жил в одиночестве в пустыне и умер мученической смертью из-за пляски Иродиады (Ада XXX, 74; Рая IX, 130), о Петре же апостоле (рыбаре) и Павле я нисколько не забочусь.

О рать небес, ее ж я зрю кругом...
(Рай, Песнь XVIII, тер. 124)

ПЕСНЬ XIX

Поэт обращается к небесному Орлу. — Обсуждение вопроса: можно ли человеку спастись, не принадлежа к христианской церкви? — Преступления некоторых государей.

<p>1 Сиял, простерши крылья, предо мною
Прекрасный образ, сливший тьмы дружин
Ликующих в единый пир собою.</p> <p>4 И в нем сверкал дух каждый, как рубин,
Когда горит так солнце в нем, что глаза
Передаёт свой образ в миг один.</p> <p>7 И то, о чем я перейду к рассказу,
Никто досель не измышлял, — ничье
Перо, ничей язык ещё ни разу.</p> <p>10 Я зрел и слышал, как вещал свое
Мне слово клюв, и там, где Мы и Наше
Имел в уме, он пел мне Я, Мое.</p> <p>13 Он пел: «За то, что был я в жизни вашей
Правдив и благ, я в блеск таких лучей
Здесь облечен, каких нет в мире краше.</p> | <p>И о себе такую у людей 16
Оставил память, что и злых дружины
Ее все чтут, хоть и нейдут за ней».</p> <p>Как с многих углей пышет жар единый, 19
Так мириады любящих духов
Мне лили глас один сквозь клюв орлиный.</p> <p>И я: «О блеск негибнущих цветов, 22
Струящих мне одним благоуханьем
Все ароматы вечных сих садов!</p> <p>Глад утолите мне своим дыханьем, — 25
Тот глад, которым стражду столько лет,
Не находя улад моим желаньям.</p> <p>«Я ведаю, что если Правды свет 28
В зеркала царств других струится с неба,
То и для вас на нем покрова нет.</p> |
|---|--|

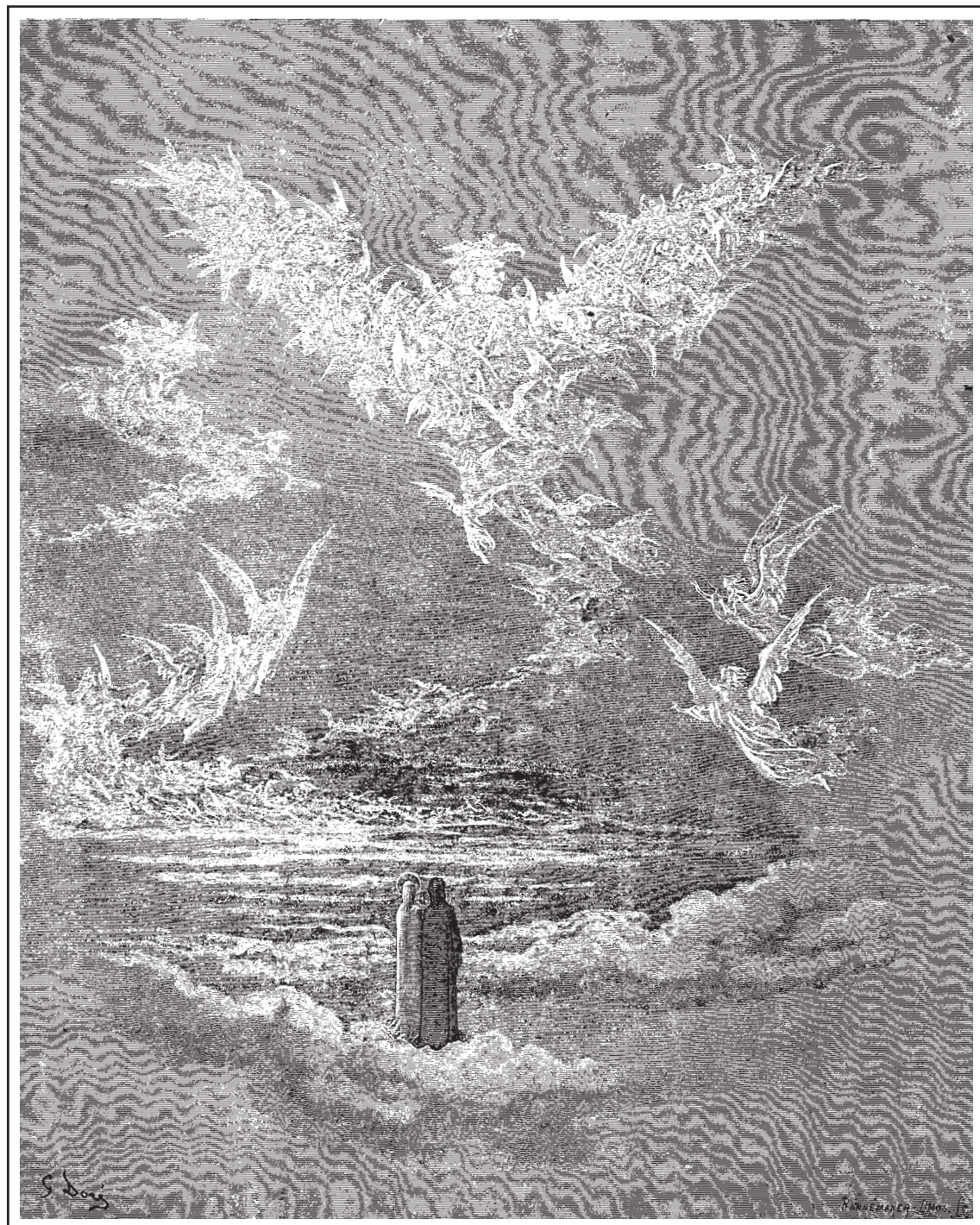
1-3. «В этом тесном сочетании праведных душ в одно великое целое Данте, по всей вероятности, имеет в виду свою грандиозную идею о соединении всего человеческого рода в одну всемирную монархию, идею, весьма глубокомысленно развитую им в его *Liber de Monarchia*». Филалет. — «Орел, в образе которого соединенные души здесь блаженствуют, есть символ божественного правосудия. Предзнаменовательно поэт уже видел орла пред вратами чистилища в сновидении, когда небесное просветление поставило его на прямую дорогу (Чистил. IX, 10 и след.). Этот знак орла на небе есть вместе с тем символ и прообраз самим Богом установленного римского владычества, которое так прославлено поэтом в VI Рая (1-я и след.), особенно в руках Тита, как исполнительное орудие божественного правосудия. Гармония соединенных в небесном орле праведных дает, кроме того, народам тогдашнего мира прекраснейший образец мирного их соединения под крылами Богом установленного императорского символа. Знаки Дантовой поэзии не могут не заметить, как дивно поэма Данте сливает значение вечного царства со значением царства временного, так что одно всегда указывает на другое». Копиш.

7-9. «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». 1 Коринф. II, 9.

10-12. Орел говорит, как единое существо, но в словах его выражается воля всех духов, из блеска коих сложился этот образ. — «И видел и слышал одного Ангела, летящего посреди неба». Апокалипс. VIII, 13. — «Это небесное единство душ, которого в таком совершенстве никогда на земле не бывает, создает то, что каждое отдельное существо тем более получает для себя блага, чем более таких существ находится там на небе (Чистил. XV, 55, прим.); такое единство и изображается здесь поэтом». Ноттер.

19-20. Сравнение с жаром, исходящим от многих углей, совершенно уместно для множества духов, любящих одну общую любовь.

22-32. В этих стихах Данте умоляет небесный символ правосудия разрешить ему давно томящее его душу сомнение. Он прямо не высказывает его, но говорит: вы его знаете. Сомнение это излагается ниже, в ст. 70 и след., и состоит в следующем: без веры во Христа и без крещения нет спасенья. Между тем миллионы живут и умирают, никогда не слышав о Христе и, стало быть, не имея возможности принять веры Христовой и получить крещение. Ужели они осуждены? В следующих стихах Данте не дает удовлетворительного ответа, он скорее подавляет, чем разрешает сомнение. Слич: Флейдерер. —

Сиял, простерши крылья, предо мною
Прекрасный образ, сливший тьмы дружин
Ликующих в единый пир собою.
(Рай, Песнь XIX, тер. 1)

- 31 Вы знаете, в чем дум моих потреба,
Вы знаете, как алчу, полный мук
Сомнения, небесного я хлеба».
- 34 Как сокол, сбросивший с себя кlobук,
Бьет крыльями, чело подьмает смело,
Прихорашась и озираясь вкруг, —
- 37 Так символ сей, сложившийся всецело
Из славящих Господню правоту,
Запел, как будто небо все запело,
- 40 И начал: «Тот, Кто положил черту
Вкруг бездны мира, тварью сокровенной
И явною наполнив бездну ту, —
- 43 Напечатлеть не мог во всей вселенной
Так мощь свою, чтоб данных ей щедрот
Не превышал Он Словом несравненно.
- 46 То доказал и первый Гордый, — тот,
Кто, твари всей быв выше без примера,
Не выждав света, пал как терпкий плод.
- 49 Коль это так, то те, чья ниже сфера,
Суть малые вместилища Тому,
Кто без конца и Сам Себе есть мера.

- И так ваш ум, который посеми 52
Есть только луч Того, Кто все вмещает
В Самом Себе, — по свойству своему
- Той силою еще не обладает, 55
Чтоб глубже мог прозреть в Господень план,
Чем сколько сам себя Он проявляет.
- Затем-то взор, который смертным дан, 58
Не глубже зрит в суд вечный, чем и око
Глядящего в глубокий океан,
- Где видно дно от берега недалеко, 61
В середине ж бездн не видно: хоть оно
И в безднах есть, но скрыто там глубоко.
- Где ясным небом света не дано, 64
Там света нет: там только тень от тела,
Там мрак один, там ядом все полно.
- И вот тебе теперь лишь просветлело 67
В том тайнике, где Промысел скрыт навек,
Его же ты так ищешь неумело.
- Ты мыслишь так: родился человек 70
На Инда берегах, — но к тем пределам
Свет истины Христовой не притек;

Схоластики тут прибегали к делению веры на явную и тайную (*fides explicita et implicita*) и учили, что только последняя безусловно необходима для спасения.

25. «Дыханьем», т. е. вашей речью. Здесь же он продолжает аллeгорию предыдущих стихов — сравнение с цветами.

28-30. «Правды», в подлиннике: *la divina giustizia* — божественное правосудие. «Хотя Престолы (θρόνοι), в которых преимущественно отражается божественное правосудие, управляют другим кругом неба (по *Convivio* — кругом Венеры, по Дионисию Ареопагиту — кругом Сатурна), но несомненно, что и для тех, которые особенно прославились на земле правосудием и вознесены за то на небо, должно быть открыто божественное правосудие; Данте и обращается к ним за объяснениями». Филалет.

34-36. Опять сравнение, заимствованное из соколиной охоты, так часто употребляемое Данте. Соколу надевают на глаза шапочку (*carrello*), которую снимают, спуская его на добычу. Переводчиком употреблено слово кlobук, согласно словарю Даля, где сказано: покрывка колпаком — кlobучок на ловчих птиц, наглазник в виде шапочки.

40-45. «Кто положил черту», в подлиннике: *Colui che volse il sesto All' estremo del mondo* — Тот, Кто обвел циркулем вкруг края вселенной — намек на слова Соломона, Притчи VIII, 27: «Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны». — Средневековая философия представляла себе вселенную в виде шара, вмещенного в необъятный полый шар, *primum mobile*, над которым простирается эмпирей. Поэтому Данте, применяясь к вышеприведенному месту Библии, совершенно правильно говорит, что Бог обвел границу вселенной циркулем. Та же самая мысль встречается у Мильтона в его Потер. Рае VII, 224-232:

Он взял златой циркуль рукой всемогущей,
Чтоб им обозначить пределы вселенной,

ПЕСНЬ XIX

А также веществ Им творимых границы.
Оставил один конец циркуля в центре,
Другим очертил в необъятном пространстве
И хаосу мрачному творчески рек Он:
«До этой черты Ты расширишь пределы,
Мир новый, то будет твоею границей!»

Перев. С. Писарева.

43-45. «Но и эта необъятная вселенная и все, что она заключает в себе, в сущности есть нечто конечное; в конечном же мире не исчерпывается, или не изливается все существо Божие, ибо Бог мог бы создать нечто еще более необъятное и более прекрасное. Мнение же, что Бог мог бы создать нечто бесконечное, столько же нелепимо, как и то, что Он мог бы создать нечто злое или неправо. В одном только вне вечности из своего собственного существа рожденного Слове (Λόγος) имеет Он Себя равного, но по существу Его от Себя неотделимого, который вследствие этого бесконечно превышает всю вселенную и все конечное». Филалет. Слич. Петра Ломбардского Sent. lib. I, dist. 41.

46-48. «Первый Гордый», т. е. Сатана, или Люцифер (Ада XXXIV, 121 и след.; Чистил. XII, 26 и след. «Даже тот, кто между всеми созданными стоял выше всех, был неизмеримо далек от полноты всеведения, которое, если бы он выжидал его с смирением, удалялось бы ему все в большей и большей мере; но он, вследствие гордости, вознамерился получить его насилем, поэтому, не дождавшись высшего света, отпал от Бога, как подточенный плод».

48. Выражение «терпкий плод» (acerbo), в смысле незрелый, несовершенный, Данте часто употребляет в противоположность сладкому (dolce), т. е. зрелому.

49-50. «Сам Себя есть мера», в подлиннике; e sè con sè misura. В Convivio Данте говорит о Боге: „quella somma Deità che sè compiutamente vòde“. II, 4; и „La Luce che sola sè medesima vede compiutamente“, II, 6.

52-57. Слич: 1-е посл. Коринф. XIII, 9: «Ибо мы отчасти знаем, отчасти пророчествуем».

55-57. «Человеческий разум никогда не может проникнуть в божественные тайны: они находятся далеко за пределами нашего разумения».

64-66. «Всякая истина исходит от Бога; всякое же мнение, не вытекающее из этого источника и противоречащее откровению, может быть только следствием либо ограниченности, либо испорченности, как результата первородного греха нашей чувственной природы». Филалет. — «Ибо тленное тело отягощает душу, и эта земная хранилища подавляет многозаботливый ум». Премудр. Солом. IX, 15. — «Тень от тела» означает человеческое невежество, «яд» — вызываемые дьяволом греховные страсти. Копиш.

67-69. «Ты видишь свое бессилие прозреть в приговоры советов Бога, следовательно, ты должен смиренно подчиниться тому, чего твой разум постигнуть не может». Филалет.

79. «А ты кто, человек, что споришь с Богом?» Посл. к Римл. IX, 20. Также Иов XXXVIII, 2. — «Сесть в трибунал», т. е. быть судьей. — „Oh istoltissime e villissime bestiuole che a guisa d'uomini pascete, che presumete contro a nostra Fede parlare; e volete sapere, filando e zappando, ciò che Iddio con tanta provvidenza ha ordinato! Maledetti siate voi e la vostra presunzione e chi a voi crede!“. Convivio IV, 5.

82-84. «Со мной», т. е. с духами правосудия, при посредстве которых решается сомнение Данте. «Одним лишь праведникам предоставлено наследовать и созерцать тайны божественной воли; человек же обязан преклоняться пред авторитетом Писания, иначе он падет под тяжестью своих сомнений». Флейдерер.

85. В подлиннике: O terreni animali, o menti grosse! — О земные создания, о грубые умы!

86-87. «Дух первой Воли», т. е. Бог. «Смысл: по существу своему Бог — высочайшее благо, поэтому воля Его всегда направлена на благо; подобно тому, как человек неизбежно стремится к своему благополучию, так и Он необходимо хочет только благого. Вследствие этого божественная воля никогда не может стать в противоречие с собственной благостью. Слич: Фомы Аквин. Sum. Th. p. I, XIX, art. 7». Филалет. — «Всегда с Собою един», т. е. благость Божия не изменяется. «Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь». Малах. III, 6.

88-90. «Наше понятие о правосудии есть только отблеск, только отдельный луч от покоящейся в Боге сущности правосудия. Если прототип и отраженный в зеркале образ его не согласуются между собою, то было бы безумно порицать за это прототип, как ошибочный, ибо причины несходства коренятся только в несовершенстве зеркала». Витте.

91-93. Сравнение, весьма верно изображающее круговой полет орла над поэтом и самого Данте, устремляющего к нему радостные взоры.

95-96. «Орел кружится по общему единодушному желанию всех духов, из коих сложился этот образ: опять типичный символ единства и правосудия». Флейдерер. «Аист, как птица прилетная, знает времена прилета и отлета, повинуюсь строго законам природы, почему у Иеремии VIII, 7 приводится, как

<p>73 Был человек тот чист душой и телом,
И, сколько зрит земная мудрость, — он
Не согрешил ни помыслом, ни делом;</p> <p>76 Скончался ж он без веры, некрещен:
За что же суд предаст его опале?²
Где в нем вина, коль жил вне веры он?</p> <p>79 Но кто же ты, что́, севши в трибунале,
За сотни миль творишь свой суд вперед,
А видишь сам на пядень лишь, не дале?</p> <p>82 Конечно, всяк, кто спор со мной ведет,
Не будь у вас Писания, — за прагом
Тех книг святых сомненья лишь
найдет.</p> <p>85 О род людской, бредущий шатким шагом!
Дух первой Воли, сущий всеблагим,
Всегда с Собой един, как с высшим благом.</p> <p>88 То́ праведно, что́ лишь согласно с Ним;
От созданных Он благ не ждет награды,
Но все творит Сам отблеском Своим».</p> <p>91 Как вкрут гнезда кружится, полн улады,
Птенцов насытя, аист в высоте
И как птенцы к нему возводят взгляды, —</p> | <p>Так, крыльями кружа, мой взор к себе 94
Влек благодатный образ, — в нем же столько
Советов направляли крылья те.</p> <p>Кружась, он пел и говорил: «Насколько 97
Непостижим тебе звук наших лир,
В той мере скрыт вам вечный суд». И только</p> <p>Лишь смолк в огнях бессмертных райский пир 100
Святого духа, что в тот символ влился,
Которым Рим на весь прославлен мир,</p> <p>Как вновь Орел: «К сим царствам 103
не взносился
Досель никто, не живший во Христе,
С Тех пор, как Он ко древу пригвоздился.</p> <p>Пусть многие зовут: „Христе, Христе!“ 106
Но от Него в день судный дале встанут,
Чем тот, кто век не слышал о Христе.</p> <p>И эфиопы обвинять их станут, 109
Когда всех надвое разделят там:
Те внидут в рай, а те в геенну канут.</p> <p>Что скажут персы вашим королям, 112
Как развернут тот свиток, где навечно
Уж вписано проклятье их делам?</p> |
|---|--|

символ правильного образа жизни; при смутах во времена Данте сравнение получает более глубокий смысл». Копиш.

97-99. «Звук наших лир», т. е. нашего пения. «Ибо какой человек в состоянии познать совет Божий? или кто может уразуметь, что угодно Господу?» Премудр. Солом. IX, 13.

101-102. «В тот символ», т. е. в знак орла, символ покрывших весь мир римских легионов.

104. «Не живший» — не веровавший во Христа. Слово «Христос» рифмуется трижды само с собою, как Рая XII, 71; XIV, 104.

105. *Nè pria nè poi ch' ei si chiavasse al legno* — ни прежде, ни после того, как Он пригвоздился к древу.

106. «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного...» Матф. VII, 21-23.

109. Эфиопы, т. е. вообще язычники, осудят дурных христиан в день Страшного Суда, когда отделить овец от козлищ, чтобы наградить первых, а вторых, если они христиане, подвергнуть тем большему наказанию. Слич: Матф. XII, 41: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его».

110-112. Слич: Матф. XXV, 31 и следующие.

112. «О персах здесь, очевидно, упомянуто благодаря превосходным правилам, употреблявшимся у них при воспитании царей, особенно для развития правдивости и правосудия, о которых говорит Геродот, а также Ксенофонт в своей Киропедии. Об этих правилах Данте мог знать из сочинений Цицерона, например «О старости», гл. 22 и след.». Ноттер.

113. «Свиток» (volume). Слич: Апокал. XX, 12: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах. Сообразно с делами своими...».

ПЕСНЬ XIX

<p>115 Увидят там, меж дел твоих, конечно,
И то, Альберт, что впишут в миг пером,
Как Прагу ты громил бесчеловечно.</p> <p>118 Увидят там, как скорбью и стыдом
Подделкою монет мрачит всем взоры
На Сене тот, кто сгибнет под клыком.</p> <p>121 Увидят там тот гордый дух, который
Шотландцам и британцам не дает
Внутри границ своих сидеть без ссоры.</p> <p>124 Записан там разврат, в каком живет
Испанский принц и тот Богемец низкий,
Что никогда о чести не блюдет.</p> <p>127 Записан там Хромец Ерусалимский,
Чьи доблести отметят цифрой I,
А оборот их цифрой M по-римски.</p> <p>130 Записан там грех скупости и лжи
Того, под кем огнистый остров плачет,
Где долгие Анхиз покончил дни.</p> | <p>И чтоб он знал, как мало здесь он значит, 133
Под титлами из букв короткий ряд
На малом месте много обозначит.</p> <p>И каждому докажет с Дядей Брат, 136
Как грязные дела и род их славный,
И две короны на земле срамят.</p> <p>139
И с Португальцем срам найдет там равный
Норвежский принц и Рашии князек,
Кто делает подлог в монете явный.</p> <p>Ты б счастлив был, край венгров, если б мог. 142
Снять гнет с себя! И ты, Наварра, горы
Поставь себе в оплот против тревог</p> <p>И, чтоб твои в том убедились взоры, 145
Смотри, как слезы Фамагоста льет
И Никозия от их пса из своры</p> <p>Тех злых собак, к которым он так льнет». 148</p> |
|---|--|

115. Как в XIX песне Ада Данте громит проклятиями пап, так здесь, в XIX Рая, он мечет громы порицания на современных ему монархов.

116-117. Об императоре Альбрехте смотри Чистил. VI, 97. Здесь Данте порицает его за дело, совершившееся в 1304 г. (почему о нем и упоминается в виде пророчества: «внимут»), которое заключалось в следующем: со смертью венгерского короля Андрея III (14 января 1301 г.) мужское поколение Арпадской династии пресеклось; тогда папа Бонифаций VIII признал законным наследником венгерского престола Карла-Роберта, сына Карла Мартелла (Рая VIII, 49). Венгерцы между тем признавали право избрания за собою и призвали на трон происходившего тоже из Арпадов Венцеслава, сына богемского короля того же имени (ст. 125). Император Альбрехт I, дядя обоих претендентов, объявил себя, по проискам папы, на стороне Карла-Роберта и вступил с огнем и мечом в Богемию, причем орда куманов (тюркского племени), признанная Карлом-Робертом, произвела громадные опустошения». Витте.

118-120. Здесь разумеется французский король Филипп Красивый. После поражения, понесенного от фламандцев (Чистил. XX, 46), чтобы иметь деньги для нового похода, он понизил наполовину и даже до одной трети пробу серебряной монеты, чем причинил значительный ущерб своим подданным и вызвал сильный ропот. Он умер 20 ноября 1314 г., по словам Виллани, вследствие падения с лошади, под ноги которой бросился на охоте вепрь. В подлиннике сказано: вследствие cottena (щетины), т. е. вепря.

121-123. Намек на продолжительную войну, в результате которой Шотландия сделалась, наконец, независимой от Англии. Под «гордым духом» (superbia) надобно разуместь не Эдуарда I (Чистил. VII, 132), но высокомерного сына его Эдуарда II. С этим-то именно королем состязался со времени сражения при Бэннокбёрне (24 июня 1314 г.) шотландский король Роберт Брюс». Витте.

125. Король Кастилии и Леона Фердинанд IV, управлявший страной (1295-1312 гг.) большей частью под опекой матери, известен большими неудачами в борьбе с маврами. — Богемец Венцеслав IV, о котором смотри Чистил. VII, 101 и след.

127-129. Подразумевается Карл II, прозванный Хромым (Ciotto), который, как неаполитанский король, носил также титул Иерусалимского (Чистил. XX, 79; Рая VIII, 49 и 82). Его добрые дела относятся к злым, как единица (I) (буква I уподобляется здесь 1) к тысяче (mille — M): весьма оригинальная характеристика!

130-132. Здесь подразумевается король Сицилии Фридрих Арагонский (Чистил. VII, 119 и след.). — «Огненный остров» (*l'isola del foco*) — Сицилия с огнедышащею горюю Этною. Согласно с Вергилиевой Энеидой, III, 707 и след., здесь, именно в Трапани, умер Анхиз, отец Энея:

Порт Дрепана оттолк меня на нерадостный берег
Принял. Тут столькими я бросаемый бурями моря,
Горе, отца своего, Анхиза, отраду всех бедствий
И судеб, утерля...

Перев. А. Фета.

133-135. Смысл: его дурные дела будут записаны с сокращениями (аббревиатурами) и под титлами, чтобы они не занимали в Книге Жизни слишком много места. Ср. Чистил. VII, 118-130.

136-138. «С дядей» Фридриха Арагонского, т. е. с Иаковом, королем Майорки и Минорки; «Брат» (того же Фридриха) — Иаков, король Арагонский (смотри Чистил. VII, 119). Иаков (дядя) не удовольствовался предоставленной ему братом его Петром Майоркой и претендовал, ссылаясь на завещание отца, на Валенсию, для завладения которой вошел в союз с французским королем Филиппом III Смелым, врагом своего дома. Об этом походе против Петра Арагонского смотри примечание к Чистил. VII, 103-104.

139. Португалец, не кто иной, как Дионисий, один из деятельнейших и благородных правителей своего времени, положивший начало могуществу Португалии. Было бы непонятно, почему Данте его порицает, если бы не разъяснения Оттимо, который говорит, что Дионисий всецело поглощен приобретением денег, живет как купец и ведет денежные дела со всеми значительными торговцами государства; в нем незаметно ничего царственного, величественного. Порицание Данте могло бы быть объяснено также отношением Дионисия к ордену тамплиеров, имуществом которого он завладел. Впоследствии (1319) он отдал это имущество ордену рыцарей «во имя Христа» (иезуитов), в который вступило большинство тамплиеров, о чем Данте мог и не знать. Наконец, Дионисий в молодости причинял неверностью много горя своей супруге св. Елизавете, в чем он чистосердечно покаялся на смертном одре. Подробности смотри у Филалета, 245.

140. «Норвежский принц», по мнению большинства комментаторов, король Гакон (1299-1319), известный по опустошительной, бесславной и продолжительной войне с Данией. — «Рашии князек» — жупаны Далмации, зависимые то от венгерских королей, то от Византии, приобрели наконец при папе Гонории III (1217) королевскую корону. Обещанную римской церкви верность они не сохраняли. Во времена Данте в Рашии, или Далмации, царствовал Урош I, который поддерживал отношения с Византией и чеканил монету, по внешности чрезвычайно схожую с венецианской, но значительно низшего достоинства. Эта монета, конечно, усиленно изгонялась из Венеции.

142-144. Комментаторы не одинаково объясняют эту терцину. Известно, что оба упомянутые государства, т. е. Венгрия и Наварра, подпали в начале XIV века под власть французских королей Анжуйского дома. Венгрия испытала на себе тягость продолжительной вражды между двумя претендовавшими на ее корону домами, Арпадским и Анжуйским, начало которой положили Карл Мартелл и Андрей III, а продолжали Карл-Роберт с Венцеславом, а также Оттон Баварский (Рая VIII, 49 и примечание 115 настоящей песни). В это же время Наварра находилась в руках дочери Генриха Толстого, а после ее смерти перешла к ее мужу Филиппу Красивому и далее к его сыновьям. Только после смерти Данте Наварра вновь сделалась самостоятельной. В 1300 г., т. е. в год поэтического странствования, оба государства пользовались сравнительным спокойствием, на что поэт, знавший их дальнейшую участь, по-видимому, и намекает. — «Горы» Пиренейские — в ограждение от брака Иоанны с кастильским или арагонским принцем.

145-148. «Фамагоста» — один из важнейших городов Кипра, «Никозия» — главный его город. «Пса», в подлиннике: *bestia* — зверя. *Che dal fianco del altre non si scosta* — который не отстает от бока другого. В 1300 г. корона Кипра принадлежала Генриху III (Лузиниану); при нем христиане потеряли в Сирии последнее свое владение, Птоломео. Слабохарактерный Генрих был устранил братом Альмериком и содержался в плену в Армении; по смерти Альмерика Генриху был возвращен престол, причем, в противность обещанию, он жестоко расправился с представителями партии Альмерика и с другим своим братом, сторонником Альмерика. Следовательно, существовавшие на Кипре порядки поэт приводит в подтверждение опасений за будущее Венгрии и Наварры.

Песнь правосудных. — Главнейшие блюстители правосудия в образе небесного Орла. — Вера и спасение. — Предопределение.

<p>1 Как скоро тот, кто светит в целом мире,
Так далеко на запад отойдет,
Что меркнет день со всех сторон в эфире, —</p>	<p>Когда же хор из камней дорогих 16
Шестой планеты, мне сверкавших в око,
В их ангельских колоколах затих, —</p>
<p>4 Лишь им сперва сиявший небосвод
Внезапно нам являет звезд скопление,
Которым блеск один лишь он дает.</p>	<p>Я внял как будто рокот от потока, 19
Бегущего по камням чрез наклон,
Являя силу своего истока.</p>
<p>7 Сей вид небес я вспомнил в то мгновенье,
Как символ мира и его вождей
Во клюве орлом кончил песнопенье;</p>	<p>И как творится в шейке цитры тон, 22
И как в свирели воздух от дыханий
Из скважины выходит в звуках вон, —</p>
<p>10 Зане была здесь хором всех огней,
Еще сильнее сверкнувших, песнь воспета,
Иссякающая из памяти моей.</p>	<p>Так, мне не дав сгорать от ожиданий, 25
Гул рокота вдруг подыматься стал
По шее орлей к области гортани.</p>
<p>13 О жар любви, горящей в ризе света!
Как пламенел ты в искрах огневых,
Чья песнь дыханьем дум святых согрета!</p>	<p>И се — вид слов лишь этот гул приял, 28
Как орлий клюв уж так их произносит,
Как ждало сердце, где я их вписал.</p>

1-12. «Сравнение состоит в том, что как за единственным блеском солнца следует многообразный блеск звезд, так за единственным гласом орла следуют песнопенья отдельных душ». Андреоли.

1. «Тот», т. е. солнце, от которого, по тогдашним понятиям, заимствовали свет все звезды. Convivio II, 14: „Del suo lume tutte le altre stelle s'informano“.

8. «Символ мира», т. е. орел, как знамя Рима, повелителя всего мира, «и его вождей», т. е. императоров, согласно с теорией Данте о всемирной монархии.

12. «Иссякающая из памяти моей», в подлиннике: Da mi memoria labili e caduci, как у Вергилия, Эклога I, 63: „Nostro illius labatur pectore voltus“.

13. В подлиннике: O dolce amor, che di riso t'ammanti, о сладчайшая любовь, облекающаяся улыбкою как ризою. Псал. CIII, 2: «Ты одеваешься светом, как ризою».

14. «В искрах огневых» — в праведниках, из которых слагается образ орла. — В некоторых кодексах вместо обыкновенных favilli (искры) употреблено failli, от латинского слова flare и, по Бланку, означает музыкальный инструмент, род небольшой флейты.

15. «Дыханьем дум святых», в подлиннике: spirito sol di pensier santi — дух христианской мудрости». Копиш.

16-18. Смысл: Как скоро праведники, составляющие как бы венец из драгоценных камней, украшающий шестую планету (Юпитер), прекратили свое пение, звучавшее, как благовест ангельских колоколов небесных. Флейдерер.

19-20. Дивное, поэтическое сравнение! В нем Данте с изумительной фантазией наглядно показывает, каким образом с прекращеньем пения устами каждого отдельного духа орел снова, как одно целое, начинает свое песнопение. Флейдерер. Уподобление рокоту воды, падающей с камня на камень, изображает смешанную вначале речь всех этих душ, прежде чем она примет определенную форму в гортани орла, — сравнение, часто употребляемое в Св. Писании: Иезек. XLIII, 2: «И глас Его — как шум вод многих». Апокал. I, 15: «И глас Его, как шум вод многих». Там же XIV, 2: «И услышал я голос с неба, как шум от множества вод».

22-27. Первоначальное сравнение продолжается: глухой гул многих голосов, дойдя до гортани орла, превращается в членораздельные и понятные для слуха звуки, как в шейке цитры под влиянием пальцев играющего на ней или как в отверстии свирели, то закрываемом, то открываемом пальцами, звуки получают тон и модуляцию.

*Зане была здесь хором всех огней,
Еще сильней сверкнувших, песнь воспета,
Иссякшая из памяти моей.*

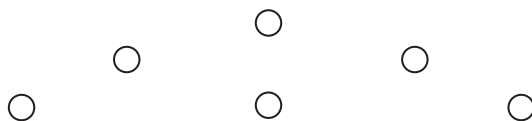
(Рай, Песнь XX, тер. 10)

<p>31 — «В тот орган мой, которым зрит и сносит
Орел земной блеск солнца», — начал он,
«Впери глаза, коль пищи ум твой просит.</p> <p>34 В числе огней, из них же я сложен,
Тот сонм, чьим пламенем мой глаз так блещет,
Был степенью всех выше вознесен.</p> <p>37 Сей, кто в моей зенице искры мечет,
Пел Господа и скинию носил
Из града в град, да всяк пред ней трепещет.</p> <p>40 Здесь видит он, что значит сердца пыл;
Зане, во сколько пел, палим любовью,
Во столько здесь награда он получил.</p> | <p>В дуге же сей, служащей глазу бровью, 43
Тот из пяти, кто к клюву ближе всех,
В утрате сына скорбь утешил вдовою.</p> <p>Здесь видит он, какой великий грех 46
Не знать Христа: он понял, сколь сурово
Та жизнь казнит и сколько в сей утех.</p> <p>А сей над ним в дуге, о коей слово 49
Веду я здесь, потоком горьких слез
Смерть отклонил, что уж была готова.</p> <p>Здесь видит он, что тем суда утес 52
Не рушился, что Бог для человека
Суд дня сего на завтра перенес.</p> |
|---|---|

25-30. «Орел также предупреждает здесь желание Данте узнать имена отдельных праведников, составивших этот символ империи, причем все, что говорит ему орел, поэт запечатлевает, как бы записывает, в своем сердце». Филалет.

31-33. «В тот орган мой», т. е. в мой глаз. «По общему мнению, орел может смотреть на солнце; — мнение это основывается на особенностях строения глаза у птиц, имеющего третье, внутреннее веко (*membrum nictitans*), защищающее глаз от солнечных лучей, или, точнее, ослабляющее яркость этих лучей, подобно темноволновому стеклу. У больших птиц, напр. у орлов, эта мигательная перепонка особенно заметна, почему об орлах и сложилось указанное мнение». Филалет.

34. Для лучшего уразумения того, как праведные распределены в глазу орла, приводим следующий чертеж:

Данте видит здесь голову орла не en-face, а в профиль, подобно тому, как изображался императорский орел на римских знаменах, поэтому к нему обращен только один глаз орла, и здесь перечисляются души праведных, помещенные лишь в одном глазу. Ломбарди.

36. Т. е. эти души, которыми блещет глаз орла, суть самые знаменитые из сонма, составившего весь образ.

37-39. Царь Давид, певец Св. Духа (*il cantor dello Spirito Santo*), перенесший скинию завета сперва в дом Амиодава, на холме, потом в дом Овед-Эдома Гиттеянина, наконец в Иерусалим. Сл.: II Сам. (II Царств) VI. 1-17; Паралип. XIII, 1-14; XV, 1-XVI, 1.

40-42. «Здесь видит он» (слова эти и в подлиннике повторяются шесть раз, *oga opoosce*), т. е. в какой мере его псалмы, собственные его создания, возникли в его сердце по внушению веры его в Св. Духа, в такой мере вознаграждены дела его веры. Флейдерер.

43-48. Римский император Траян, оказавший правосудие вдове, у которой был умерщвлен сын. Сл.: Чистил. X, 73-93, где в примечании рассказана эта легенда. Ниже, в ст. 106 и след. этой песни, упоминается о легенде, в которую верили все современники Данте, будто душа Траяна молитвами папы Григория Великого, тронутого его добрыми и праведными делами, была извлечена из ада, куда, как душа язычника, она была ввергнута после смерти, и снова вложена в его тело, и что Траян в течение этой второй краткой жизни на земле стал христианином. Потому здесь и сказано, что Траян знает по собственному опыту, сколь горька и мучительна «та жизнь» (в Аду, ст. 47) и сколь сладостна «эта», т. е. райская.

<p>55 Другой за ним, вняв папе в гибель века
(Столь вредный плод решение то дало!),
Принять решился вид и имя Грека.</p>	<p>Как жаворонок с неба, полн веселий, 73
Сперва льет трель и, смолкнув вдруг, душой
В восторг приходит от последней трели, —</p>
<p>58 Здесь видит он, что вытекшее зло
Из добрых дел ему здесь не вменилось,
Хоть целый мир к разгрому повело.</p>	<p>Таким я зрел и оттиск пресвятой 76
Предвечной Радости, ее ж веленьем
Все, что ни есть, приемлет образ свой.</p>
<p>61 И этот там, где вниз дуга склонилась,
Есть тот Вильгельм, чью смерть оплакал край,
Где столько слез от двух живых пролилось.</p>	<p>И хоть я виден был с моим сомненьем 79
Как цвет, укрытый под покров стекла, —
Все ж дале ждать не мог с таким терпеньем,</p>
<p>64 Здесь видит он, как взлетает в рай
Правдивый царь, и видит то, сверкая
Как молния средь этих орлих стай.</p>	<p>Чтобы вопрос: «Что это?» — слух Орла 82
Не поразил, прорвавшись ненароком,
Причем все небо Радость вновь зажгла.</p>
<p>67 Поверит ли ваш мир, во мгле блуждая,
Тому, что Здесь троянский вождь Рифей
Мог пятым быть меж светочами рая.</p>	<p>И Божий герб с воспламененным оком 85
Отвечил мне, да сердцу моему
Не даст страдать в томлении жестоком.</p>
<p>70 Здесь видит он (что скрыто от людей)
Божественной любви святые цели,
Хоть дна и он не видит в бездне сей».</p>	<p>— «Ты веришь мне, я вижу, потому, 88
Что я сказал; но, веря мне невольно,
Не знаешь ты ни как, ни почему.</p>

49-51. Благочестивый царь иудейский Езекия, которому во время болезни его возведена была про-
роком Исаией близкая кончина, но, вследствие чистосердечного, слезного его раскаяния в грехах,
жизнь продлена потом еще на 15 лет (Сл.: II, IV). Царств XX, 1-11; II Паралип. XXXII, 24; Исайи.
XXXVIII, 1-22. — «То», т. е. смерть.

52-54. «Суда утес», т. е. твердое решение божественной воли: теперь Езекия видит, что божественный
суд, снисходя к молитвам людей, если и откладывает на завтра то, что назначалось на нынешний день,
то вследствие этого не меняется суд его.

55-57. «Другой», следующий по направлению брови глаза, — император Константин Великий. Со-
гласно с легендой (Donatio Constantini), Константин подарил Рим папе из благоговения к Церкви и сам
удалился в Византию, где основал новую столицу Римской империи, названную Константинополем, или,
говоря словами орла, принял и заставил символ империи принять имя Грека (si fece greco), т. е. основал
Греческую империю. Сл.: Ада XIX, 115 и сл.: XXVII 94 и след. Рая VI, 1 и след. — Намерение при
этом было доброе, но плоды вышли вредные (Sotto buona intenzion che fe' mal frutto), ибо с удалением
императора из Рима последовало разделение империи, раздробление Италии между многими мелкими
властителями и бесконечные войны между ними. — „O felicem populum, o Ausoniam te gloriosam, si
vel numquam infirmator ille imperii tui natusfuisset, vel numquam sua pia intentio ipsum fefellisset!“ Данте,
De Monar. II, 13.

58-59. Фома Аквин. решает вопрос о том, можно ли вменять внешнему действию хорошие или дур-
ные его последствия, в том смысле, что непредвиденное последствие, если оно было случайное или нео-
быкновенное (per accidens aut in paucioribus), не может иметь значения при оценке этого действия. Sum.
theol. I², 20, 5.

60. Т. е. отделением власти императорской от папской способствовал возникновению партии гибелли-
нов и гвельфов, раздоры которых повели к гражданским войнам.

61-63. Вильгельм II, сицилийский король из нормандского рода, прозванный Добрым (Gulielmus
Bonus), родился в 1152 г. и умер в 1189. Оставшись после смерти своего отца Вильгельма I Злого 14-лет-
ним мальчиком, он, однако, не взирая на разные неблагоприятные обстоятельства, быстро установил
порядок, мир и правосудие. В продолжение своего царствования он покровительствовал Церкви, упо-

треблял несметные богатства, собранные отцом его, на благочестивые дела, между прочим на постройку великолепного храма в Монреале в Сицилии; помогал папе Александру III против императора Фридриха I Барбароссы и выдал из политических целей тетку свою и наследницу Констанцу (Чистил. III, 113; Рая III, 118; IV, 98) за Генриха Гогенштауфена. Смерть его искренно оплакивали даже во время Данте (следовательно 109 лет спустя) его подданные, чему содействовала, может быть, и неизвестность относительно наследования престола после его кончины. Филалет приводит конец народной песни, выражающей скорбь о его кончине:

Rex Qulielmus abiit, obiit,
Rex ille magnificus, pacificus,
Cuius vita placuit Deo et hominibus,
Ejus semper spiritus Deo vivat coelitus.

На могиле его была простая надпись:

„Hic situs est bonus rex Gulielmus“.

62-63. «Край», т. е. Сицилия. В ст. 63 в подлиннике упомянуты Carlo и Federico, т. е. Карл II Анжуйский, хромец иерусалимский (Чистил. XX, 79 прим.; Рая XIX, 127 примеч.) и Фридрих II, сын Петра Арагонского (Чистил. VII, 119 примеч.; Рая XIX, 131 примеч.). Смысл: Сицилийцы оплакивают умершего за его доброту и правосудие и проливают слезы от несправедливости и тиранства живых. — „La Sicilia piangeva d'aver perduto Guglielmo; e piangeva altresì, perchè Carlo e Federigo non morivano mai“. Ces. **67-69.** Троянец Рифей, или Рипей, о котором говорит Вергилий, Энеиды II, 426, 427:

... Пал тож и Рифей, справедливейший самый,
Бывший средь Тевкров один и надежнейший правды блюститель.

Перев. А. Фета.

Рифей — личность совершенно неизвестная, избранная Данте, может быть, для того, чтобы на основании такой высокой похвалы, возданной ему Вергилием, он тем свободнее мог высказать по поводу его глубокомысленную идею — именно ту, что благодать Господня может спасти и добродетельных язычников. Не имел ли при этом Данте в виду слова Нового Завета, именно Деяния Апост. X, 34, 35: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему».

70-72. «В бездне сей», т. е. в бездне божественной благодати. Хотя души праведных гораздо более смертных прозревают в ней, однако и они далеко не видят дна всей благодати Господней. — Блаж. Августин. Sermon. 38, De verb. Dom.: „Attingere aliquantulum mente Deum magna beatitudo est; comprehendere autem omnino impossibile“.

73-75. Дивное сравнение! Английский писатель Лэндор, Pentameron, p. 92, говорит: „All the verses that ever were written on the nightingale are scarcely worth the beautiful triad of this divine poet on the lark. In the first of them, do not you see the twinkling of her wings against the sky? As often as I repeat them, my ear is satisfied, my heart (like hers) contented“.

76-78. Эта терцина различно толкуется комментаторами. Буквальный смысл: В таком виде находился, как мне казалось, символ оттиска (imprenta) предвечной радости (piacere), по желанию которой каждая вещь становится тем, что она есть. По Филалету, оттиск вечной радости или вечного благоволения есть монархия в идеальном смысле Данте — монархия, делающая все человечество наиболее подобным Самому Богу и Его наисовершеннейшему творению — небу. Символ же монархии — орел.

79-81. Смысл: мое изумление, хотя и не выраженное словами, было так очевидно для орла, как цвет различим под стеклом; тем не менее я не мог выждать, пока он начнет речь ко мне, и у меня невольно вырвался вопрос: «Что это? Как могли язычники Траян и Рифей сделаться праведниками?»

84. Все небо, полное светлых духов, радуется, что ответом своим может удовлетворить желание Данте.

88-90. Т. е. ты веришь словам моим, но еще не понимаешь их. «Это напоминает знаменитые слова блаж. Августина: „credo ut intelligam“. Человек может приобрести милость силою, т. е. силою любви и надежды. Силою молитв Григория Траян был возвращен к жизни и уверовал во Христа; Рифей уверовал во Христа грядущего и был спасен верой, надеждой и любовью». Скартаццини.

94-99. „Regnum coelorum“, т. е. царствие небесное. Ср. Матф. XI, 12: «От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»; также Лук. XVI, 16: «Закон и пророки до Иоанна: с сего времени Царствие Божие благовествуется и всякий

<p>91 Ты сходен с тем, кто знает вещь довольно
По имени; но, коль не назовут,
Всех свойств ее не видит самовольно.</p>	<p>Один из адских бездн, где ничего 106
Нет доброго, в свои вернулся мощи
За дивный жар живых надежд его, —</p>
<p>94 Regnum coelorum силой здесь берут;
Берется здесь в плененье Божья воля
Огнем любви, с надеждой в Божий суд,</p>	<p>Живых надежд, вложивших столько мощи 109
В мольбы к Творцу во плоть его облечь,
Что Бог извлек его из адской ноши.</p>
<p>97 Не так, как в плен берется недруг с поля,
Но словно тот, кто сдался сам в любви,
Да сам пленит, себя в полон неволя.</p>	<p>Познал сей славный дух, о коем речь, 112
Вернувшись в плоть, где прожил он немного,
Того, Кто мог из тьмы его извлечь.</p>
<p>100 Огнь первый с пятым у меня в брови
Дивят тебя, зачем они, как всякий
В сем месте, — члены ангельской семьи.</p>	<p>Его ж познавши, возлюбил он Бога 115
Так пламенно, что, смерть прияв опять,
Достойным стал достичь сего чертога.</p>
<p>103 Ушли они из тел своих не в мраке
Язычества, но с верою в Того,
Кто придет взять, Кто взял уж гвоздий знаки.</p>	<p>Другой же дух, чрез Божью благодать, 118
Текущую из бездн такого тока,
Что первых волн никто не в силах знать, —</p>

усилием входит в него». Данте здесь понимает: царство небесное уступает (cede) любви и надежде человеческой, которые побеждают волю Божию, но не при избытке своей силы, а тем, что сама воля Божия хочет быть побежденной.

100. «Огнь» (в подлиннике *vita*, жизнь) «первый» (в брови), т. е. Траян, ст. 43 и след.; пятый — Рифей, ст. 67-69.

103-104. «Если, согласно с учением Фомы Аквинского, и для язычников не совершенно закрыта дверь к спасению, то все-таки с непременным усилием, чтобы и они уверовали, хотя, как было выше сказано, для этого достаточно одной веры тайной (*fides implicita*)». Филалет.

105. В подлиннике: *Quel de' passuri, e quel do' passi piedi*. Рифей жил до Христа, Траян после Христа, следовательно, Рифей уверовал в грядущего, Траян — в уже пришедшего Христа, или, говоря применительно к тексту, во Христа, долженствовавшего быть пригвожденным, и во Христа, уже пригвожденного ко кресту.

106. Т. е. император Траян. О легенде освобождения Траяна из ада, «где ничего нет доброго» (*ubi nulla est redemptio*), см. Чистил. X, 75 и след. Данте воспользовался этой легендой о Траяне и папе Григории для того, чтобы показать, что и язычники могут получить спасение по заслугам и заступничеству других праведных. Данте держался этой легенды потому, что она была в общем ходу в его время, и даже Фома Аквинский не сомневался в ее истине. См. *Sum. Theol.* III, suppl. 71, 5.

107. «Где ничего нет доброго»; в подлиннике: *u' non si riede Giammai a buon valer* — где никогда не возвращаются к доброй воле.

108. Живых надежд — чьих, комментаторы не согласны; по мнению Бути, здесь должно разуметь надежды Траяна во Христа (но в аду нет надежд); по другим, Оттимо, Ландино, Бенвенуто Рамбалди и пр., здесь подразумевается Григорий, питавший такую надежду в милосердие Божие, что умолил призвать к жизни Траяна, уже умершего.

118. «Другой же дух», т. е. Рифей.

119. «Из бездн такого тока», в подлиннике: *da si profonda Fontana*, источника, т. е. Божьего милосердия, или Самого Бога (Оттимо), или промысла Божия (Бути), предопределяющего, кому следует быть спасенным и кому осужденным, причем никто не может исследовать причин Его, или, придерживаясь метафоры поэта, «первых волн», истекающих из этого бездонного источника.

122. Благодать возблагодарить (*di grazia in grazia*), как в Евангелии от Иоанна I, 16: «И от исполнения его мы вси прияхом и благодать возблагодарить» (в русском переводе: благодать на благодать).

126. «Все это вымысел нашего автора, как может понять каждый мыслящий читатель», говорит Бути. — «Не без умысла называет здесь поэт двух язычников, которые не только не были врагами, но

<p>121 Над всем поставил правду так высоко,
Что благодать возблагодать обрел
Прозреть он искупление от порока.</p> <p>124 И оное прозревши, брань повел
С язычеством зловонным так сурово,
Что всех корил блуждавших в мраке зол.</p> <p>127 От трех он дев (у колеса десного
Ты видел их) крещения дар извлек
Задолго до крещения святого.</p> <p>130 О предизбранье Божье! Как далек
Твой корень для существ, которых взоры
Вполне не зрят, где первый твой исток.</p> <p>133 О смертные, не будьте слишком скоры
В суждениях, коль мы, кто Бога зрим,
Всех избранных познать не можем хоры —</p> | <p>И счастливы незнанием таким; 136
Без зависти мы любим и коварства,
И Бог как хочет, так и мы хотим».</p> <p>Так символом божественного царства, — 139
Да будет слабый взор мой здрав и чист,
Ниспослана мне благодать лекарства.</p> <p>И как певцу искусный цитарист 142
Аккомпанирует, чтобы струилась
Нежней мелодья, что поет артист, —</p> <p>Так, помню, сколько эта речь ни длилась, — 145
Как веки глаз согласно служат нам, —
Два светоча блаженных все искрились,</p> <p>Колебля пламя этим в такт словам. 148</p> |
|---|---|

даже охранителями Римской империи и римского права. Каждый правосудный должен быть, по Данте, гражданином светского и духовного Рима, так как и светский, и духовный Рим установлены Самим Богом». Копиш.

127-129. Т. е. от Веры, Надежды и Любви, которых Данте видел у правого колеса Колесницы Церкви (Чистил. XXIX, 121 и след.). Эти три добродетели заменили для Рифея крещение задолго до установления этого таинства. (От разрушения Трои до явления Христа считают 1184 г.). Таким образом поэт применяет к спасению этого язычника так называемую теорию *baptismus poenitentiae*, о котором Фома Акв. говорит: „*Adultis subveniri potest, per solum baptismi desiderium*“. Sum. Theol. III, 68, 3.

130-132. «О предизбранье Божье!» В подлиннике: О *predestinazion*, — о предопределение. — Слово «предопределение» здесь не должно смешивать с обычным значением этого слова, так как Данте не признает такого предопределения, как мы видели в Рая XVII, 40-42. — Пьетро Данте напоминает выражение блаж. Августина в его толковании на Иоанна: „*Quare Deus aliquos praedestinavit, aliquos improbavit, non est dare rationem, nisi quod Deus voluit*“. — «Поэт здесь, очевидно, придерживается этого толкования блаж. Августина, по которому Бог по Своей воле избирает тех, кого Он предназначает к блаженству, и затем Своей благодатью обращает их к Себе: толкование, которое в сущности мало отличается от предопределения, как оно понимается вообще». Ноттер.

133-135. Орел заканчивает свое слово выводом, что предопределение — такая пучина, в которую не может проникнуть взор ни одного смертного, и на основании этого дает совет не судить о будущей судьбе души человеческой. Таким же советом заканчивается XIII песнь Рая. Поэт вместе с тем завершает здесь начатое еще в предыдущей песне рассмотрение вопроса о возможности небесного блаженства и для нехристиан истинно христианским кротким советом — никого не осуждать, так как никто не знает таинственно-дивных путей Господних, причем, однако ж, остается в силе, как условие для будущего блаженства, необходимость веры во Христа. О том же, что и праведники не могут прозреть тайны предопределения, см. прим. к ст. 70-72. Филалет.

139. Символом божественного царства, т. е. орлом.

ПЕСНЬ XXI

*Подъем на седьмое небо Сатурна. — Души созерцания. — Небесная лестница. —
Св. Петр Дамиан. — Еще о предопределении. — Роскошь прелатов.*

<p>1 Мой взор, а с ним и дух мой, неуклонно
Стремясь лишь к Ней, прикован был вполне
К Ее лицу. Не улыбалась Донна;</p> <p>4 Но: — «Улыбнись я здесь», — сказала мне,
«Ты точно так погиб бы в злом погроме,
Как и Семела, пеплом став в огне.</p> <p>7 Блеск красоты моей, что при подъеме
В дом вечности тем большим жжет огнем
(Как видел ты), чем выше мы в сем доме, —</p> <p>10 Не уменьши теперь я силы в нем, —
Пылал бы так, что весь состав твой бренный
Листвой бы стал, куда ударил гром.</p> | <p>Мы вознеслись к седьмой звезде нетленной, 13
Что, подо Львом пылающим кружась,
С ним купно льет всю мощь свою вселенной.</p> <p>Впери ж свой ум по направленью глаз 16
И зеркалом их сделай для виденья,
Что явится в сем зеркале сейчас».</p> <p>Кто ведает, какие наслажденья 19
Мой взор вкушал, на дивный глядя лик,
И как влекли меня иные рвеня, —</p> <p>Лишь тот поймет, как радостно я вник 22
В веленья Той, кем я ведом в эфире,
Одно другим уравновеса вмиг.</p> |
|---|---|

1-12. «Причина, почему именно с подъемом на небо Сатурна красота Беатриче возрастает до такой степени, что Данте не был бы в состоянии вынести ее улыбки, заключается, конечно, в том, что именно в этом небе являются ему души созерцателей. Созерцание же возносит человека превыше его собственной (т. е. человеческой) природы, и потому потребен особенный избыток божественной благодати, чтобы человек стал способным к созерцанию; кроме того, необходимо пройти много ступеней прежде, чем достигнуть его. Вот почему Данте не может теперь вынести этого избытка неземного света: он приобретает способность к этому лишь после многих видений и предварительных испытаний (Рая XXIII, 45-46)». Филалет.

6. См. Ада XXX, 2 примеч. По злобному совету Юноны, Семела просила Юпитера явиться ей во всем своем величии и была превращена в пепел его молниями и громом.

..... Не вынесло тело
Смертное бури небес и сторело в супружеском даре.

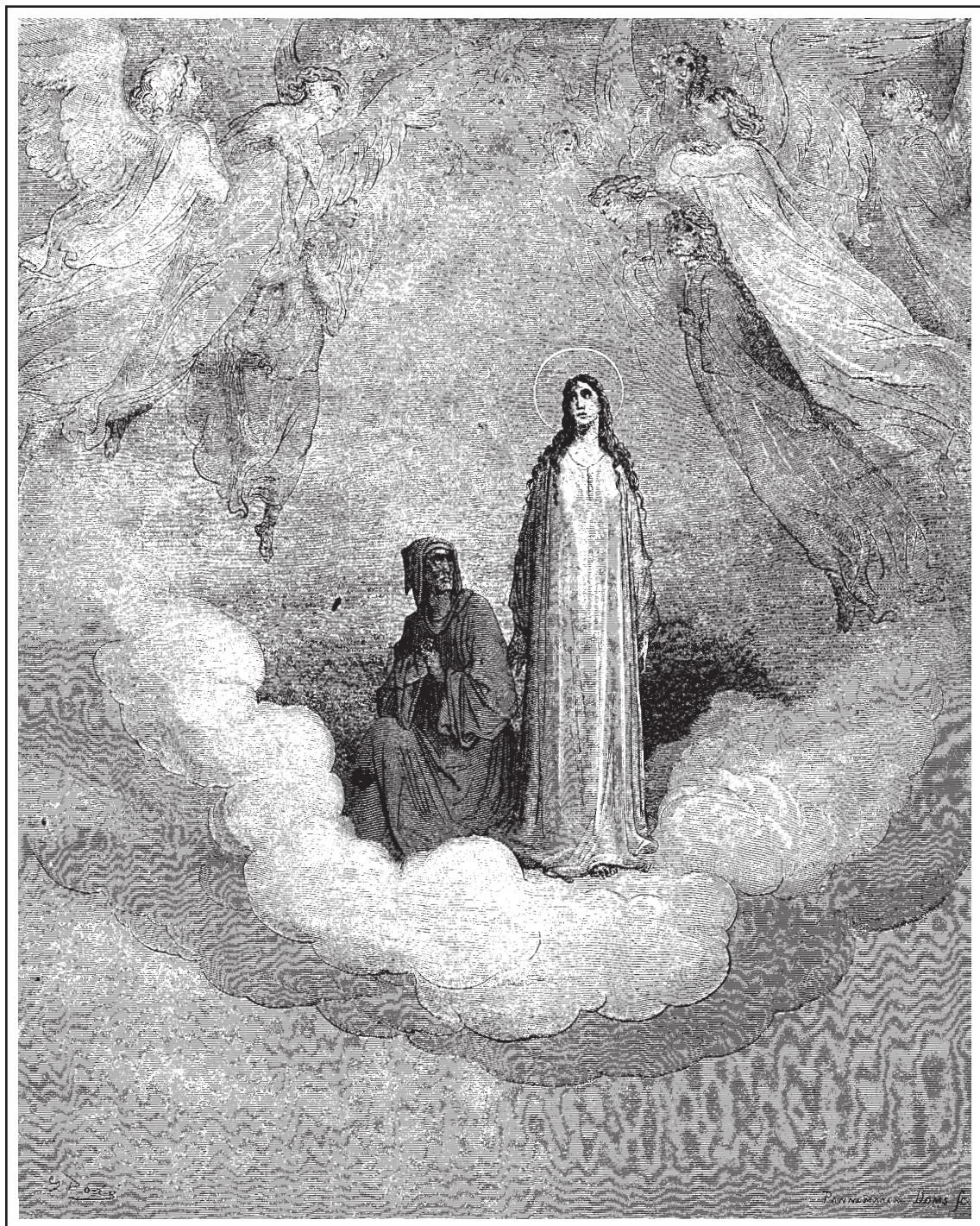
Овидий, III, Превращ. 308, 309; перев. А. Фета.

13. «К седьмой звезде», т. е. на небо Сатурна. Поэт прямо не говорит здесь о быстроте подъема с шестого на седьмое небо; подъем совершается незаметно для него, погруженного в созерцание Беатриче, но и таким косвенным путем дается вполне ясное указание на быстроту этого подъема. Уже не первый раз в этой кантике Данте не замечает процесса своего поднятия; обычным его признаком служит возрастание красоты улыбающейся ему Беатриче; но теперь Беатриче не улыбается, так как он, подобно Семеле, не в силах был бы выдержать этой божественной улыбки; не видя же внешнего, так сказать, проявления красоты Беатриче, ее улыбки, он без данного ему объяснения и не знал бы, что находится уже на Юпитере.

15-16. «Как было выше замечено (Рая XVI, 38), планеты, попадая в сферу сродственных светил или созвездий, приобретают усиленное влияние, доброе или злое; в обратном случае это влияние умеряется. В данную минуту загробного странствия Сатурн (планета холодная и сухая) находится в соединении с сухим, но пламенным созвездием Льва, умиряющим холодное влияние Сатурна, названного астрономами *maleficus* и принимаемого ими как *infortuna major*.

16-18. Т. е. обрати глаза твои, а вместе с ними и ум свой к небу. Пусть очи твои станут как бы зеркалом для отражений предметов, которые предстанут тебе на небе Сатурна как в зеркале.

19-24. Смысл: кто взвесит, с одной стороны, блаженство, которое я испытывал, взирая на лицо Беатриче, а с другой — равносильную ему готовность мою повиноваться ее воле, тот поймет, с какой радостью я отвел по ее приказанию глаза мои от ее лица.

Мой взор, а с ним и дух мой, неуклонно
Стремясь лишь к Ней, прикован был вполне
К Ее лицу. Не улыбалась Донна...

(Рай, Песнь XXI, тер. 1)

ПЕСНЬ XXI

*Я златоцветную, в огне лучей,
Зрел лестницу, в подъеме столь высоком,
Что взор не мог и следовать за ней.
(Рай, Песнь XXI, тер. 28)*

<p>67 Не больший жар любви явил я в этом;
Зане горят, судя по тем огням,
Иль равным жаром, иль сильнейшим все там.</p>	<p>Вот почему так радостью горю;
Зане насколько взор мой чист и светел,
Настолько ярким блеск я свой творю.</p>	88
<p>70 Но высший дух любви, велевший нам
Слугами быть Правителя вселенной,
Творит здесь выбор, как ты видишь сам».</p>	<p>Но ни один, кого б ты здесь ни встретил,
Ни Серафим, что лик Господень зрит,
На твой вопрос вовек бы не ответил!</p>	91
<p>73 И я: «О, вижу, пламенный священный, —
В чертогах сих любовью лишь одной
Творится все по воле неизменной!</p>	<p>Узнай: ответ на то в себе таит
Пучина вечности, в ее же мраке
Тварь ни одна ответ сей не узрит.</p>	94
<p>76 Но вот чего не видит разум мой:
Почто лишь ты из пламенных сих горнов
Предизбран был исполнить долг такой?»</p>	<p>Так и скажи земле, куда ты паки
Придешь, мой сын, да там не мнит никто
Прейти за грань, где меркнет разум всякий.</p>	97
<p>79 Едва успел я кончить, как, задержав
Свой лик сильнейшим блеском, светоч стал
Вращаться вокруг себя, как быстрый жернов.</p>	<p>Здесь разум — свет, а там он — дым, ничто!
Так рассуди ж: того, что небожитель
Не ведает, поймет ли в мире кто?»</p>	100
<p>82 И дух любви, в нем бывший, провещал:
— «Луч Божества, на мне остановяся,
Проник во блеск, где я досель витал.</p>	<p>Так мой вопрос пресек благовеститель
Глаголом уст, вознестъ лишь робкий зов
Дозволив: «Где ж была твоя обитель?»</p>	103
<p>85 И мощь Его, с душой моей сляся,
Так надо мной взнесла меня, что зрю
Я сущность ту, отколь та мощь взялася.</p>	<p>— «Близ родины твоей, у берегов
Италии, так гор встают подъемы,
Что снизу к ним несется гул громов.</p>	106

46. «Та», т. е. Беатриче, всегда указывающая Данте, когда и как ему следует говорить.

50. Т. е. Бога, видящего все и всех.

54. «Дозволившей» (colei), т. е. Беатриче. В некоторых списках вместо colei стоит Colui (дозволившего), т. е. Бога.

55. «О дух благой» (Vita beata), т. е. душа, как Рая XII, 127; XIV, 6; XX 100; XXV, 29.

61-63. «На Сатурне находятся те блаженные души, которые посвятили себя на земле созерцанию, или внутреннему погружению в самих себя. Беатриче — символ богословия вообще и в особенности высшей ступени богословия — созерцательной жизни и мистики. Чрез это все внутреннее существо религиозного человека, или религиозное созерцание, отвлекается от всего внешнего, человек в мыслях своих живет в едином Боге. Это-то и выражено здесь символически тем, что Беатриче здесь уже не улыбается. Точно так и пение несовместимо с созерцанием». Каннегиссер.

67-72. «Смысл этих двух терцин следующий: не большая в сравнении с другими праведниками степень любви, питаемой мною к Богу и тебе, внушила мне приблизиться к тебе; ибо такую же, и даже большую любовь, чем моя, видишь ты пылающею в других светах; но меня приблизило единственно божественное определение, исходящее из высочайшей отеческой любви Господней». Филалет.

76-78. «Здесь поэт снова возвращается к учению о предизбрании Божиим, заканчивая в ст. 94-102 свое о нем поучение такими же приблизительно словами, как и в XX, 130 и след.: смысл и значение которых, очевидно, указывают на абсолютную непостижимость, и вместе с тем на безграничную широту божественной благодати при незыблемости свободы воли в сотворенной твари. Сл. Рая XIX, 33 и XVII, 37 и след.» Флейдерер. — «Из пламенных сих горнов», т. е. из числа окруженных пламенем духов. «Данте делает этот вопрос, как полагает Бенвенуто да Имолла, намекая на бесполезные и неразрешимые вопросы theologов о предопределении. Отсюда ст. 97-102». Каннегиссер.

81. «Как быстрый жернов» — *come veloce mola*, сл. Рая XII, 1-3 примеч. «Сравнение с жерновом опять символизирует приготовление небесной пищи смертному. Кругообразное вращение душ обозначает блаженство созерцания Бога среди круговращающейся вселенной. Еще пророк Илия был восхищен крутящимся вихрем (*per turbinem*) к Богу. IV Цар. II, 11, Рая XX, 97-99». Копиш. — «Крут и кругообразное движение встречаются у Данте вообще часто и служат наглядным изображением, или как бы символом Божества; отсюда круги и круговые движения небес, круговая пляска или хороводы праведных в XI и XII песнях Рая, а также настоящее сравнение с жерновом, одинаковое с XII, 3; наконец, изображение Самого Бога в виде круга (Рая XXXIII, 116 и 127 и след.)». Каннегиссер.

82. Т. е. любящая, вполне проникнутая любовью к Богу душа праведника (Петра Дамиани), окруженная светом, как оболочкой.

85-90. «Степень блаженства, а вместе с тем и созерцание Божества зависят от божественной благодати. Эта-то благодать, как свет горний, проникает в светлую оболочку праведников и обуславливает яркость ее, чем и определяется ступень, на которую праведники поднялись». Филалет. «Почему тот или другой праведник предизбирается для того или другого подвига любви относительно братьев своих, находящихся еще в жизненной борьбе, — вопрос этот принадлежит к тайнам, не вполне раскрытым и для самых высших из небесных духов (сл. Рая XX, 72). Это такие вещи, которые, по Фоме Аквин., всецело зависят от воли Господней; так как все сотворено Им из ничего, то Его же волей, равным образом, одно существо сотворено выше другого». *Summa contra gentiles*, lib. III, cap. 161.

89-90. Сл. Рая XIV, 40 и XIX, 49.

103-105. Ответ святого положил границы пытливости поэта; теперь он ограничивается только одним вопросом: кто и откуда он?

106-108. Здесь разумеются Апеннинские горы между морями Тирренским и Адриатическим. Между этими горами, к востоку от Ареццо, подымается гора Катрия. Она высотой 1700 метров над уровнем моря, и с вершины ее нередко внизу можно видеть грозовые тучи. Гора эта лежит недалеко от истоков реки Эзимо между Губбио и Пергола. На северном склоне ее, у верховья р. Чезано, стоит знаменитый монастырь, или пустынь (*eremo*), ордена кармелитов (*Camaldolense*) Св. Креста у Авелланского источника. — Тройя, в своем *Veltro Allegorico*, так описывает его: «Монастырь построен на самой крутой горе Умбрии. Катрия, гигант Апеннинов, нависла над ним и кидает на него такую тень, что в некоторые месяцы года свет бывает заслонен ею. Крутая глухая тропинка ведет чрез леса в древний приют этих гостеприимных пустынников, которые показывают комнаты, где их предки принимали Алигьери. Во многих местах можно прочесть его имя, начертанное на стенах; мраморное изображение поэта свидетельствует, с каким уважением сохраняется из века в век память великого итальянца в этом тихом приюте. Приор Мориконе принимал его здесь в 1318 г., и летописи Авелланы повествуют с гордостью об этом событии. Но если бы они и молчали, то совершенно достаточно видеть Катрию и прочитать у Данте описание ее, чтобы убедиться, что он подымался сюда. Здесь, с лесистой вершины, смотрел он на свою родину и радовался при мысли о близости к ней. Сойдя с горы, он восхищался древними обычаями обитателей Авелланы, но показал мало снисхождения к своим жителям, которые, казалось ему, утратили свои прежние добродетели». Цитата из Лонгфелло. — Ампер (*Voyage Dantesque*, p. 265) указывает, как на особую достопримечательность Авелланы, на необыкновенно сильное эхо, явственно повторяющее целую строчку и даже полторы строчки стихов. Он забавлялся тем, что заставлял утесы, видевшие великого поэта, когда он бродил между их вершинами, приветствовать его его же словами, обращенными к Гомеру: „*Onorate l'altissimo poeta*“, Ада IV, 80. Стих был отчлениво выговорен горным голосом, казавшимся отдаленным и таинственным голосом самого поэта. Монастырь этот, по словам Бутлера (*Жития святых*, II, 212), основан в 1000 г. блаженным Лудольфом, товарищем Ромуальда (Рая XXII, 49), за 20 лет до прибытия в него Петра Дамиана.

111. «Молитве дом знакомый», в подлиннике: *latria* (служение Богу).

112. Дамиан говорил уже два раза, ст. 61 и след., 82 и след.

113. Петр, церковный деятель XI в., известный под именем Дамиана или Дамиани, родился между 988 и 1007 гг. в Равенне от бедных родителей, обремененных большой семьей, и брошен ими на произвол судьбы. От голодной смерти его спасла жена одного священника, приютившая его у себя (тогда священникам еще дозволялись браки). Здесь он должен был, подобно папе Сиксту V, долгое время пасти свиней, пока его не взял к себе его старший брат, архидиакон равенский клирик Дамиан, по имени которого он и стал называть себя Петром Дамианом. На тридцатом году своей жизни он окончательно отрекся от мира, постригся в монахи одного из монастырей Умбрии у Авелланского источника, где предался строжайшему аскетизму. В 1041 г. он делается настоятелем этого монастыря. Подготовив себя постом и умерщвлением плоти, он, совместно с только что народившейся в то время партией патаренцев,

109 От них отходит, Катрией зовомый,
Кряж гор, где храм, как пустынь, в прежний
век
Был освящен, — молитве дом знакомый».

112 Так в третий раз мне слово дух прорек
И продолжал: «К нему-то, устремлясь
На лоно Божье, с верой я прибег.

И соком лишь одних олив питаюсь,
И зной, и хлад я ощущал
едва,
Весь в созерцанье неба погружаясь.

Тот монастырь давал нам в рай сперва
Обильный плод; теперь он пуст, как вскоре
Поведает об этом всем молва.

- 121 Петр Дамиан, витал я в том соборе,
Как Петр Рессатор жил в дому святом
Царицы нашей при Адрийском море.
- 124 Уж век почти кончал я в мире том,
Как шляпу тѹ приял против желанья,
Что к худшим переходит с каждым днем.
- 127 Шел, Кифа, ты, и ты, Сосуд избранья,
На проповедь, и бос, и нищ, и худ,
Питаясь пищей всякого даянья.
- 130 Теперь духовных под руки ведут
И подпирают им бока и спины:
Так тунеядцам тяжек всякий труд!

- И чтоб в одной шли коже две скотины, 133
Их кони мантией покрыты, как они.
О, долго ль то потерпишь, Триединый!»
- При сих словах все ринулись огни 136
Со ступеней, и разрослися шире
Краса и блеск, что были им сродни.
- И, вкруг того столпившись в строй в эфире, 139
Столь громкий вопль воздвигли, что ни с чем
Тот страшный гром нельзя сравнить в сем мире:
- Так оглушен был слух мой громом тем. 142

ополчается против упадка Церкви, в лице ее развращенных представителей, в особенности против симонии. Действуя в таком направлении, он уже в 1046 г. открыто заявляет себя противником папы Григория VI, а несколько лет спустя и Льва IX. В общем, его проповедническая деятельность существенным образом содействовала будущему осуществлению теократической реформы папы Григория VII, лично к нему расположенного. Сторонник реформы, папа Стефан IX, возвел Петра Дамиана в 1058 г. в сан кардинала, епископа Остии; независимо от сего, на него возлагались многие важные поручения, например он ездил во Франкфурт отклонить императора Генриха IV от намерения формально развестись со своей супругой Бертой, дочерью маркграфа Сузского. Все это не мешало, однако, Дамиану мысленно стремиться в свой любимый Авелланский монастырь, куда он, кажется, и вернулся впоследствии. Он умер 20 февр. 1072 г. в Фаэнце, возвращаясь из Равенны (Слич: Brev. Rom. ad 23 Febr. Campod. 1872, I p. 622). Витте.

118-120. «Т. е. Катрия прежде славилась пустынножителями и созерцателями, переселившимися затем на нашу планету (Сатурн); теперь же не то: там уже нет подобных людей, и вскоре обнаружится, что Господь не попустит такой перемены без покаяния и наказания». Оттимо.

121-123. Эта терцина до сих пор служит предметом спора между комментаторами. Решение спора зависит от того, как правильное читать стих 121 подлинника: fui или fu. Из 28 печатных изданий, сличенных Барловым, в 14 стоит fui и в 14 — fu. Из древних комментаторов Оттимо полагает, что здесь разумеются два отдельных лица; Бенвенуто и Бути принимают одно лицо, дело в том, что наш Петр Дамиан часто смешивается с другим Петром — Благочестивым, приором монастыря Св. Марии на Портенском поле около Равенны, основанного им в 1006 г. по обету, данному Богоматери во время бури на море. В настоящее время монастырь этот называется Santa Maria in Porta fuori и находится в 2 милях от Равенны. Смешение двух имен произошло, по-видимому, оттого, что оба монаха ради смирения всегда подписывались «Петр грешник», с тем различием, что Петр Дамиан писал «Петр грешник монах», а Петр благочестивый — «Петр грешник клирик». — Мы в переводе приняли здесь две отдельные личности.

125. «Шляпу», т. е. кардинальскую шапку. По словам болландистов, ему было более 70 лет, когда его возвели в сан кардинала в Остии (в 1058 г.).

126. „Se l'uno cardinal è rio, l'altro che seguita poi è peggiore“. Бути.

127. Т. е. Апостолы Петр и Павел; первый назван был Кифа: «Ты, Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит камень (Петр)». Иоанна, I, 42; I Кор. III, 22; IX, 5; Гал. II, 9. «Сосуд избранья» — Апостол Павел (слич Ада II, 28), Деян. Апост. IX, 15.

129. Слич: Лук. X, 7: «В доме же там оставайтесь, ешьте и пейте, что есть у них»; I Коринф. X, 27: «Все, предлагаемое вам, ешьте».

130-131. Жесточайшая ирония, вложенная весьма кстати в уста такого обличителя кардиналов, каким был Петр Дамиан.

135. «Поистине велико долготерпение Божие». Бути. «Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели». К Римлян. IX, 22.

140. «Громкий вопль». Данте слышит этот глас, но не может понять слов. Значение этих слов объяснит ему Беатриче в следующей песне.

ПЕСНЬ XXII

Св. Бенедикт. — Порча монастырей. — Подъем на восьмое небо неподвижных звезд. — Созвездие Близнецов. — Взгляд на землю.

<p>1 Подавлен ужасом, стремил я вежды
К моей Вожатой, как дитя бежит
Всегда лишь к той, где все его надежды.</p>	<p>Здесь рубит меч ни медля, ни спеша: 16
Он медлен тем, кто видит в нем спасенье,
И быстр для тех, в ком в трепете душа.</p>
<p>4 И та, как мать, которая спешит
Рассеять страх в дрожащем, бледном сыне
Тем голосом, где нежность говорит, —</p>	<p>Но обрати теперь и к прочим зренье, 19
И если взор впришь ты в небеса, —
Великих душ увидишь там скопление».</p>
<p>7 Сказала мне: «Забыл ли, где ты ныне?»
Ты в небесах, где благодати лишь дух,
Где, что творится, все полно святыни.</p>	<p>В угоду ей возвел я очеса 22
И зрел сто сфер, в которых от слиянья
Их отблесков росла лишь их краса.</p>
<p>10 Представь же, как ты стал бы слеп и глух,
Когда б пел хор и я б здесь улыбалась,
Коль вопль один так оглушил твой слух!</p>	<p>Я был, как тот, кто острие желанья 25
В себе таит и, в страхе, чтоб не быть
Докучливым, молчит средь ожидания.</p>
<p>13 И ведай ты, что в вопле выражалось,
То понял бы, сомненьем не греша,
Что скорое в нем мщенье призывалось.</p>	<p>И украшавший тех жемчужин нить 28
Их больший перл предстал мне, чтоб напрасно
Души моей желаньем не томить.</p>

1. «Подавлен ужасом» — oppresso di stupore, подражание Боэцию, *Philos. Cons.* I, p. 2: „Sed te ut, video stupor oppressit“.

2-6. Подобное же сравнение в Чистил. XXX, 43 и след.

7-9. Ты на небе, следовательно, чего же ты боишься? Вопль, который ты слышишь здесь, есть вопль священной ревности (*da buon zelo*), призыв к устранению недостойных злоупотреблений. „Se tu hai a mente questo tre cose: cioè, che tu se' in cielo e ch'elli è tutto santo, e che ciò che ci si fa viene da buono amore e desiderio, come temi o ti meravigli tu?“ Бути.

10-12. Слич: Рая XXI, 4 и след.; 58 и след.

13-15. «Скорое мщенье» в подлиннике: *la vendetta*, Che tu vedrai innanzi che tu muoi, т. е. мщение, которое ты увидишь совершившимся еще до твоей смерти. В этом вопле заключался призыв к наказанию недостойных прелатов его времени, наказанию, долженствовавшему исходить от могущественного реформатора гибеллинов еще при жизни Данте; по Витте и Ноттеру, под этим наказанием следует разумеать пленение папы Бонифация VIII (Чистил. XX, 86), или унижение папского достоинства, вследствие переселения в Авиньон (Чистил. XXXII, 151 и след.).

16. «Меч» — выражение чисто библейское, *gladius Domini*, символ Божьего правосудия. Кара божественного суда всегда наступает своевременно; только нам, желающим или боящимся ее наступления, она кажется или слишком медленной, или, наоборот, очень поспешной. «Справедливы немецкая и французская пословицы: *Gottes Mühlen mahlen langsam, aber sicher mahlen sie — Dieu labeure en peu d'heure*». Витте.

23-24. В подлиннике: *cento sperule* — сто малых сфер; сто — вместо «много» — душ других созерцателей, окруженных лучами света. Красота их возрастает от взаимного отражения их лучей. „Figura Dante con tale invenzione che que' santi contemplativi s'informassero a vicenda, e facessero profitto del mutui consigli e soccorsi, come abbiamo per certo dalle loro vite“. Бенвенуто Рамбалди.

28. «Тех жемчужин», т. е. душ праведников. Выше Данте назвал жемчужиной луну, Рая II, 34, и планету Меркурий, Рая VI, 127. В Рая XX, 16 он называет души праведников драгоценными камнями; здесь они представляются ему в виде нити жемчугов, между которыми самый большой и драгоценный перл есть св. Бенедикт, вступающий теперь в беседу с поэтом, предупреждая тем его желание узнать, кто этот дух.

ПЕСНЬ XXII

<p>31 И был мне глас: «Когда б ты зрел так ясно,
Как я, ту благодсть, ею ж мы горим, —
Ты б выразил уж мысль свою мне гласно.</p> <p>34 Но, чтоб скорей ты с чааньем своим
Достиг высокой цели, — без расспроса
Решу сомненье, коим ты томим.</p> <p>37 На склон горы, где высится с утеса
Кассино, встарь заблудших шли стада,
Глядевшие на дело веры косо.</p> <p>40 И первый я внес Имя то туда,
Что пролило во мраке многобожья
Свет истины, вознесшей нас сюда.</p> <p>43 И благодсть мне так просияла Божья,
Что злых богов, прельстивших смертных род,
Я в городах окрестных сверг с подножья.</p> <p>46 Во всех огнях здесь блещет хоровод
Теологов, пылавших без измены
Огнем, дающим цвет святой
и плод.</p> <p>49 Здесь Ромуальд, Макарий; здесь сочлены
Семьи моей, соблюдавшие вполне
Сердца свои, аббатств замкнувшись в стены».</p> | <p>И я ему: «Любовь, какую мне 52
Ты льешь в словах, и блеск с благим приветом,
Который здесь я в каждом жду огне,</p> <p>Расширили так сердце мне, как летом 55
Дает луч солнца розе молодой
Всю мощь свою, чтоб цвести ей полным цветом.</p> <p>Вот отчего молю я, отче мой, — 58
Будь благодтен, дозвошь мне на мгновенье
Увидеть здесь открытым образ твой».</p> <p>И он мне: «Брат, столь жаркое моление 61
Исполнится в последней сфере; там
И я, и ты найдем всех дум свершение.</p> <p>Там совершен, безгрешен, свят и прям 64
Всяк помысл наш; и все, что есть лишь в мире,
Там в полноте предвечной зримо нам.</p> <p>Без полюсов, тот край — пространств 67
всех шире,
И лестница, верх коей улетел
От глаз твоих, исчезла там в эфире.</p> <p>И патриарх Иаков также зрел 70
Взнесенным верх ее к святому прагу,
Когда на ней сонм ангелов кипел.</p> |
|--|---|

31-36. Т. е. ты бы давно заговорил с нами, если бы знал, какая любовь живет в нас; теперь я отвечу на твой вопрос прежде, чем ты мне предложишь его, чтобы не задерживать тебя на твоём пути, возносящем тебя к Богу.

37-42. Говорящий дух есть св. Бенедикт, основатель знаменитого ордена бенедиктинцев. Он родился в Нурсии (Нурции) в 480 г. Возмущенный безнравственностью своих товарищей, он еще юношей покинул Рим, где занимался науками, и удалился в пустыню близ Субиако. Здесь он вел жизнь отшельника и предавался благочестивым размышлениям. Когда слава о его благочестии распространилась, монахи пещерного Виковарского монастыря избрали его своим настоятелем, но он недолго пробыл с ними, так как его строгие требования не понравились монахам, и снова вернулся в свою пустыню, где образовал несколько монашеских общин. Когда идея монастырской реформы окончательно сложилась в его уме, он основал (в 529 г.) близ Неаполя новый, столь знаменитый впоследствии монастырь Монте Кассино, где и скончался 21 марта 543 г. В той местности, где св. Бенедикт основал свой монастырь, народ коснел еще в язычестве; на высокой горе над городом Кассино (San Germano) среди священной рощи возвышался весьма почитаемый язычниками храм Аполлона и, подобно тому, как Бонифаций срубил дуб Водана, Бенедикт уничтожил эту рощу и языческий храм. Устав нового монастыря, не требуя особенно аскетических правил жизни, предписывал членам ордена, наравне с подвигами благочестия, также физический труд преимущественно по обработке земли и обучение юношества, и это, во времена грубейшего невежества Средних Веков, сделало св. Бенедикта хранителем цивилизации и в значительной степени содействовало распространению его монастырской реформы.

42. «Свет истины» евангельской. «Познаете истину и истина сделает вас свободными». Иоан. VIII, 32. «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы называться и быть детьми Божиими». I Иоан. III, 1.

73 «Но от земли никто не хочет шагу
Ступить по ней, и мой Устав для братств
Там пишется, чтоб портить лишь бумагу.

76 Обращены, всех ради святотатств,
В кули муки прогнившей капюшоны,
В разбойничий вертеп — дома аббатств.

79 Но лихоимством Божьи так законы
Не рушатся, как тем плодом, каким
Сердца теперь монахов заражены.

82 Встарь, что имела, Церковь лишь одним
Молящим ради Бога назначала,
А не своим иль худшим, чем своим.

85 Теперь плоть смертная столь дряблой стала,
Что для того, чтоб дуб свой желудь дал,
Уже благих начал там слишком мало.

88 Петр без серебра и злата начинал,
А я — молитвой и постом, и смело,
Хоть в нищете, Франциск смиренных звал.

91 И коль сличишь, как начал каждый дело,
С тем, что теперь, — поймешь, что на земле
То стало черным, что бывало бело.

Впрямь Иордан потек уж вспять в русле! 94
Но моря бег пред Богом бесконечно
Чудеснее, чем помощь в этом зле».

Так он сказал и отлетел навечно 97
В свой сонм, и сонм с ним слился в торжество;
Потом, как вихрь, все взвилось быстротечно.

По знаку Донны, по стопам его 100
По лестнице взлетел я: победила
Так мощь ее во мне все естество!

И здесь, где нас естественная сила 103
Возводит вверх и сводить, — с чем сравню
Я скорость, что меня здесь открыли!»

Читатель мой! Так верно, как горю 106
Вновь зреть триумф, о нем же, многогрешный,
Лью столько слез и, каюсь, в перси бью, —

Ты б из огня не вырвал перст так спешно, 109
Как быстро я вознесся в знак святой,
Что за Тельдом свершает путь успешный.

О слава звезд! О свет, чреватый той 112
Великой силой, под ее ж охраной,
Каков ни есть, возник весь гений мой!

43-45. Довольно точный перевод Григория Великого: „Et commorantem circumquaque multitudinem praedicatione continua ad fidem vocabat“. Greg. Magn. Dial. II, 2. Поклонение Аполлону, богу (солнца), воздействие которого сказывалось очевиднее, нежели влияние всех прочих богов, было труднее всего искоренить в народе, почему это почитание и продолжалось несколько веков после пришествия Христа.

46-48. «Теологов», в подлиннике: *contemplanti Uomini* — людей созерцательных. — «Во всех огнях», т. е. в тех праведниках, кои находятся при св. Бенедикте. — «Пылавших без измены Огнем». «Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь». Псалм. XXXVIII, 4. — «Цвет», т. е. речи, и «плод» — дела.

49. «Ромуальд», знаменитый основатель ордена кармелитов, или камальдулийцев, родился в 950 г. и происходил из дворянской фамилии в Равенне. Убийство родственника, совершенное в его присутствии отцом, ужаснуло его, и он удалился на некоторое время для покаяния в монастырь св. Аполлинария in Classe di fuori. С этого времени он начинает строгую жизнь отшельника, много странствует и всех призывает к покаянию и миру. То время, на исходе первого тысячелетия христианской эры, полное ожиданий второго пришествия Спасителя, как нельзя более благоприятствовало успешности подобных проповедей. Слава Ромуальда была настолько велика, что сам император Оттон в 1000 г. посетил его в бенедиктинском монастыре Classe, где он был аббатом, причем вынес из свидания с ним громадное впечатление, о чем свидетельствует до сих пор доска, повествующая о тяжком искусе, какому подвергся этот император под влиянием проповедей Ромуальда. В 1018 г. Ромуальд основал близ Арещо на Пеннских Апеннинах, между Казентиной и Романьей, монастырь отшельников, названный Камальдоли по имени некоего Мальдула, подарившего землю для монастыря (Campum Malduli: поле Мальдула, отсюда — Камальдоли). Здесь, как рассказывают, он видел во сне лестницу, ведущую на небо и сверху донизу занятую множеством

<p>115 При вас восход, при вас закат румяный
Свершил отец всей жизни — в первый раз,
Как воздух я вдохнул родной Тосканы.</p> <p>118 И здесь, где благодать так мне излилась,
Что я взнесен в тот крут, что вас вращает,
Мне суждено на долю видеть вас.</p> <p>121 К вам в этот час душа моя вызывает —
Дать силу ей исполнить трудный шаг
В тот мир, куда так сердце увлекает.</p> <p>124 — «Так близок ты к пределу крайних благ», —
Вещала мне Мадонна, — «что вначале
Ты должен с глаз рассеять всякий мрак.</p> | <p>Взгляни же вниз и прежде, чем ты дале 127
Взлетишь, смотри, какой обширный мир
У наших ног оставили мы вдале.</p> <p>Пусть с радостным ты сердцем, как на пир, 130
Войдешь в триумф, что в небе протянулся,
Несясь, как вихрь, чрез круглый сей эфир».</p> <p>Тут на семь сфер я взором оглянулся 133
И шар земной узрел; но, увидав,
Как мал он видом, горько улыбнулся.</p> <p>И лучшим я считаю тот устав, 136
Где он не ценится, и в чем предмете
Другая цель, поистине тот прав.</p> |
|---|--|

монахов в белых одеяниях (странным, что упомянутый выше, Рая XXI, 121, Петр Дамиан, его современник и биограф, ни слова не говорит об этом видении). Этот монастырь сделался очень важным пунктом клонийского движения, и, несмотря на строгости его устава, вскоре по его образцу основалось множество подобных же монастырей, под тем же именем Камальдоли, преимущественно в самых живописных местностях. Ромуальд умер в 1027 г. в Валь-ди-Кастро. См. Brev. Roman, ad 7 Febr. (I, 615).

«Макарий. В истории церкви под этим именем известны два лица: Макарий Великий или Египетский, прозванный за кротость и смирение отроком-старцем (Παῖδαριούγερον), ученик св. Антония; он родился в 301 г., на 30 году жизни удалился вглубь великой пустыни Ливийской, где и прожил 60 лет строго аскетической жизнью; умер в 391 г.; другой Макарий, Александрийский, иначе городской (πολίτης), прозванный так по месту своего рождения, городу Александрии, год его рождения в точности неизвестен; он подвизался в аскетической жизни в Нитрийской пустыне. Трудно решить, о котором из этих двух Макариев говорит Данте. Витте разумеет первого, Каннегиссер — второго, по Филалету — поэт не делает здесь точного различия.

49-50. «Сочлены семьи моей», т. е. мои собратья бенедиктинцы, созерцатели, не покидавшие никогда стен своего монастыря, причем Бенвенуто Рамбалди прибавляет: „Come il pesce muore fuori dell'acqua, così muore alla santità il monaco fuori della cella“.

55-57. Сердце поэта расширяется под действием лучей небесной любви, подобно тому, как лепестки розы развертываются под лучами солнца. „E conviensi aprire l'uomo quasi com'una rosa che più chiusa stare non può, e l'odore ch'è dentro generato spandere“. Convivio. VI, 27.

59-60. Блеск, окружающий праведников, как было уже разъяснено в нескольких местах, есть только оболочка души — отблеск радости, ими ощущаемой. Данте желает видеть лик св. Бенедикта без этой оболочки. Сцена эта напоминает описанную у Моисея, Исход XXXIII, 18 и след.: «(Моисей) сказал: покажи мне славу Твою. И сказал (Господь Моисею): лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». — «Следует вообще заметить, что небу Сатурна Данте посвящает только одну песнь; Беатриче здесь не услаждает поэта улыбкою; праведники — своим пением; возникающее в нем сомнение не разрешается; вопль приводит его в ужас, выраженное им желание не удовлетворяется. Можно бы сказать, что в этом небе более, чем в каком-либо другом, он испытывает на себе различие между бессмертными праведниками и им, еще смертным. Почему? — Кто скажет?» Скартаццини.

62. «В последней сфере», т. е. в эмпирее, составляющем действительное местопребывание всех святых; теперь же праведники являют ему на различных планетах для того лишь, чтобы нагляднее показать степени их блаженства (Рая IV, 28-18). Действительно, Данте видит потом св. Франциска в эмпирее (Рая XXXII, 35). — «И я, и ты», т. е. исполнится как твое желание увидеть меня, так и мое — открыть тебе мое лицо.

65-67. Эмпирей вечно неподвижен, в нем нет никакого желания, побуждающего другие небеса к вращению; он вне всякого пространства, не заключен в пространстве, как прочие девять сфер, а потому не имеет

полюсов и все части в нем остаются вечно на том месте, на котором были (*E' ogni parte là dove sempr'era*).

68. «Лествица», описанная Рая XXI, 28 и след. «Эта лестница (не без намека, может быть, на лестницу в видении Ромуальда, смотри примечание 49) во всяком случае символ созерцания, возводящего человека еще на земле как бы до созерцания Бога. Недаром же в позднейшее время называли наставления к духовной монашеской жизни *scala coeli*». Филалет.

70-72. В Бытия XXVIII, 12: «И увидел во сне: вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба: и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней».

74-75. «Мой Устав», *Regula Benedicti* в Gallandi bibl. Patr. P. XI, 298 и след. Ирония: устав мой переписывают не для того, чтобы следовать его предписаниям, а так, для перевода бумаги. Стихи эти, очевидно, намекают на упадок просветительной деятельности бенедиктинцев, вследствие неразумной переписки всяких рукописей без надлежащего выбора». Флейдерер. «По этому поводу Бенвенуто Рамбалди рассказывает о посещении Боккаччо библиотеки в Монте Кассино, которую он нашел в страшном беспорядке и запустении; двери и окна были настежь открыты, на них росла трава, пыль покрывала толстыми слоями книги, горами сваленные на полу и на полках, испачканные, разодранные, с вырванными страницами, с обрезанными и залитыми чернилами полями. На вопрос Боккаччо, почему книги находятся в таком небрежении, один из монахов отвечал: „*Alcuni miei fratelli per bisogno hanno tagliati quinterni, e formati psalteri da vendere ai ragazzi, servendosi de' margini per far brevi pei divoti*“. Скартаццини.

76. «Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». Матф. XXI, 13. — «Не соделался ли вертепом разбойников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя мое». Иерем. VII, 11.

77-78. «Слово капюшоны» (*cocolle*) употреблено здесь вместо «монахи»; капюшоны и монашеские рясы служат теперь отличительным признаком не благочестивых монахов, а разбойников. Учение, которым они проникнуты, не благое учение, а зловерное, испорченное, как гнилая мука: «Одежда бенедиктинцев была белого цвета, поэтому сравнение их капюшонов с кулями муки здесь особенно метко. Как из плохой муки выходит плохой хлеб, так же точно из злой воли монахов рождаются злые дела». Бути.

79-81. Смысл: не столько противен Богу грех лихоимства (*usura*), сколько противна Ему жизнь новейших монахов. Оттимо. — Папа Александр III в одном из своих декретов: „*Quod monachi, abbates et priores accipiunt, gravius est usura*“.

80. Здесь слово «плод» означает: стяжанье, сребролюбие и алчность.

82-84. Смысл: в прежние времена все, что приобретала Церковь посредством десятины, вкладов, заветаний благотворителей и т. д., как и надлежало, преимущественно обращалось в пользу бедных, просящих именем Бога (Рая XII, 93 и след.), теперь же все приобретенные богатства употребляются на содержание не только самих себя, но и своих близких родственников, наложниц, детей от них.

85. «Столь дряблой» (*tanto blanda*), т. е. столь склонной к земным наслаждениям. «Здесь поэт разумеет почти повсеместное и быстрое падение монастырей. Влияние учредителя (св. Бенедикта) не продлится так долго, сколько потребует времени, чтобы молодой дубок стал деревом и принес свой плод». Штрекфусс.

88. Апостол Петр; намек на слова Деян. Апост. III, 6: «Серебра и золота нет у меня».

91-93. Т. е. если ты сравнишь благочестивое начало этих учреждений с перерождением нынешних его членов, то ты подумаешь, что день сменился ночью. «Стало черным, что бывало бело» — опять намек на белую одежду бенедиктинцев.

94-95. Иордан и море (Черное), см. Исход XIV и Иисуса Нав. III. «Течение Иордана пошло теперь назад, т. е. поток святой земли, поток Церкви, принял обратное течение, но помощь против этого зла может прийти и без чуда». Коппиш.

99. «Как вихрь», в подлиннике: *cometurbo*.

100-102. «Быстрота, с которой Данте здесь возносится вверх, обуславливается уже неоднократно упомянутым законом, в силу которого, чем выше человек подымается на пути к совершенству, тем легче становится ему дальнейший подъем». Филалет. Поэт вступает теперь в восьмой круг неба, в круг неподвижных звезд, и притом в то место его, где находится знак Близицево, следующий за Тельцом в ряду небесных знаков.

103-105. «Одного знака, данного Беатриче, было уже достаточно, чтобы устремить поэта к высшему полету — так сила божественной мудрости превозмогла в нем телесную его природу! На земле, под влиянием наших чувств, такой полет невозможен, потому что хотя человека и подымает ввышину нечто более возвышенное, однако ж тяжесть его естества вскоре опять низвергает его на землю». Штрекфусс.

106. Воззвание к читателю для возбуждения большого в нем внимания, что поэт делает пять раз в Аде (VIII, 94; XVI, 128; XX, 19; XXV, 46; XXXIV, 23), семь раз в Чистилище (VIII, 19; IX, 70; X, 106; XVII, 1; XXIX, 98; XXXI, 124; XXXIII, 136), и четыре раза в Раю, именно здесь и в V, 109; X, 7 и 22. Это четвертое воззвание — последнее в его поэме.

107. «Триумф», т. е. райское блаженство. «Триумф есть радость победы над врагами, и потому слава райская может поистине назваться триумфом, ибо праведники торжествуют победу над диаволом, над миром и телом». Бути.

109. Весьма простое и оригинальное сравнение быстроты подъема! В подлиннике: *Tu non avresti in tanto tratto e messo Nel fuoco il dito* — ты бы не так быстро извлек из огня и ввел в него перст свой.

110. В созвездии Близнецов, следующее в Зодиаке непосредственно за знаком Тельца.

111. «Путь успешный»; переводчик употребил здесь библейское выражение: «и путь его будет благоуспешен». Исайя XLVIII, 15.

112. «О слава звезд!», в подлиннике: *O gloriose stelle*, — вспоминая, что он родился под этим созвездием, и зная, какое благотворное влияние оно имело на его гений, Данте взывает здесь к этому созвездию, прося подать ему особенную силу для изображения последней, нитруднейшей части его «Священной Поэмы» (*Poema sacro*). Это место весьма важно для приблизительного определения дня, в который родился Данте (см. ниже, примеч. 117).

116. «Отец всей жизни», т. е. солнце. „*Homo hominem generat et sol*“, Аристотель, по цитате *Post. Cass.*, Даниелло и др. Ср. еще *Convivio* III, 12.

117. На основании этого места определяется, как мы сказали, день рождения Данте. По общему мнению, он родился 14 мая 1265 г., почему и 600-летний юбилей его в 1865 г. праздновался именно 14 мая. Солнце вступило в 1265 г. в знак Близнецов 18 мая и оставило его 18 июня; следовательно, день его рождения, когда, по его словам, солнце стояло в знаке Близнецов, не мог быть 14 мая, как признано официально для юбилея. Витте. Сл. Франческо Лабруцци: *Quande nacque Dante Alig.* в *Propugnatore di Bologna* T. X, P. II, p. 6 и след., также Скартаццини. *Abhandlungen über D. A. I.*, p. 54-97; *ergo* же *Dante in Germania*, P. I, Mil. 1881. p. 298 и др.; Витте, *Dante-Forschungen*.

119. «В тот круг», т. е. в звездное небо, вместе с которым вы обращаетесь. «Поэт благодарит Бога, что ему назначено вознестись в высшее небо именно через то созвездие, под благотворным влиянием которого он родился. Старинные комментаторы, Ландино, Анонимо Фиор. и др., обвиняли поэта в идолопоклонстве за это воззвание не к Богу, а к своему созвездию, забывая, что Данте поэт и что в этих стихах заключается поэзия истинная, высокая (*sublime*)». Скартаццини.

122. «Трудный шаг», в подлиннике: *al passo forte*, т. е. в высшее небо, в эмпирей.

124. «К пределу крайних благ», в подлиннике: *all ultima salute* — к эмпирею, последнему из небес, к наивысшему месту спасения, к Богу; по-библейскому выражению: «Господь — спасение мое». Псал. XXVI, I, повторенному во многих местах Св. Писания. Данте просит созвездие Близнецов даровать ему силу; Беатриче теперь говорит ему, что он уже наделен этой силой.

129. «Вмале», в короткое время, слово церковно-славянское.

130-131. «Служите Господу с веселием; идите пред лице Его с восклицанием». Псал. XCIX, 2.

132. «Круглый сей эфир» (*questo etera rondo*), т. е. это шаровидное небо. «В этом приглашении Беатриче взглянуть на землю заключается тот смысл, что теперь поэт должен отрешиться от всего земного и кинуть на землю прощальный взгляд». Каннегиссер.

133. «Семь сфер», т. е. семь пройденных небес.

137-138. Ср. Цицерона, *Somn. Scip.* 6: „*Si tibi parva (sedes hominum) ut est udetur, haec caelestia semper spectato, ilia humana contemnito*“. — «О горнем помышляйте, а не о земном». Колос. III, 2.

139. Латоны, мать Аполона (солнца) и Дианы (луны); (Чистил. XX, 131, прим. Рая X, 67 и примеч.); следовательно, дочь Латоны есть месяц, называемый на земле Луною, на небе Дианой и в подземном царстве Прозерпиной.

140-141. Почему Данте видит теперь Луну без пятен, о которых так много было говорено Рая II, 49-105, — этого поэт нам не объясняет. Оттимо предполагает, что Данте представляются теперь все вещи в их истинном образе; но это едва ли так, ибо, по объяснению в Рая II, 49 и след., пятна на Луне зависят от формального принципа. «Всего проще это объясняется предположением: не было ли Данте известно, что месяц всегда показывает нам лишь одну сторону своей поверхности: тогда стало бы понятно, что пятна, видимые с земли, для зрителя сверху не будут видны. Филалет.

142-143. Т. е. солнце, отцом которого был Гиперион, сын Урана и Земли. Сличи: Овидия, *Превращ.* IV, 192 и 241:

139 Латоны дщерь там зрел я в ярком свете
Без тени той, которой я введен
В мысль ложную о пятнах в сей планете.

142 Не ослеплял твой сын, Гиперион,
Там мне очей; там Майя и Диона
Вблизи его вращались с двух сторон.

145 Там зрелся мне Юпитер, друг закона,
Между отцом и сыном, и вполне
Я понял там их ход средь небосклона.

Все семь планет являли, как они
Громадны там, и как в движеньях скоры,
И на каких пространствах в вышине.

Площадка ж та, где мы ведем раздоры,
Пока в кругу я Близицеов парил
Предстала вся — моря, холмы и горы.

В прекрасный взор тут взоры я вперил.

и: К чему ж, Гипериона чадо,
Служат тебе красота и цвет и лучистые очи?

Раскрывает лучами его Гипериона чадо...

Перев. А. Фета.

«Данте выносит теперь блеск его: так возвысило его божественное учение». Копиш.

143-144. «Майя» — одна из плеяд, дочь Атласа и мать Меркурия. Овидия, Превращ. I, 669 и след. «Диона» — мать Венеры (Рая VIII, 7 и примеч.). Подобно Овидию, Данте называет здесь Майю и Диону вместо Меркурия и Венеры. Эти две планеты вращаются вокруг солнца. «Что побуждающая к деятельности планета Меркурий и возбуждающая любовь Венера так близко вращаются от Солнца познания — указывают на то, что наша деятельность и наша любовь должны быть ведомы небесной мудростью». Копиш.

145-146. «Юпитер, друг закона», в подлиннике: *il temperar di Giove*, вращается между мирным Сатурном (отцом) и воинственным Марсом (сыном Солнца). «Таким образом на небе обуздываются деятельность и любовь мудростью, борьба и мир — правосудием». Копиш. — „*Giove... muove tra due cieli repugnanti alla sua buona temperanza, siccome quello di Marte, e quello di Saturno. Onde Tolommeo dice, che Giove è stella di temperata complessione, in mezzo della freddura di Saturno, e del calore di Marte*“. Convivio II, 14. Сличи Рая XVIII, 68.

151. «Площадка», в подлиннике: *L'aiuola*, собственно, ток, на котором молотят, что в переносном смысле означает здесь поверхность обитаемой земной гемисферы, ничтожной по сравнению с необъятным небом, — малая точка, из-за которой мы спорим: „*punctum est in quo bellatis*“, по словам Сенеки, названная Данте в его *De Monar.* III, 16, также *areola*.

153. «Быстрота подъема (ст. 100 и след.), гордый взгляд на семь пройденных кругов и горькая улыбка при виде маленькой земли (ст. 133-135), — все это признаки внутреннего развития и небесной зрелости», которую с каждой минутой все более приобретает душа Данте и которая в следующей песне окончательно завершается. Флейдерер.

154. Т. е. к Беатриче, чтобы спросить ее.

ПЕСНЬ XXIII

Триумф Христа. — Венчание Девы Марии.

<p>1 Как птичка-мать, в ветвях любимой сени
На гнездышке покоя чад своих,
Пока весь мир мрачат ночные тени, —</p> <p>4 Чтоб поскорей взглянуть на дорогих
И с радостью летать на труд тяжелый:
На поиск корма, чем насытить их,</p> <p>7 Предупреждает день на ветке голой
И жадно ждет, чтоб солнышко зажгло
Скорей восток огнем зари веселой, —</p> <p>10 Так и Мадонна, вверх подняв чело,
В ту сторону взидала со вниманьем,
Где медленней светило дня текло.</p> <p>13 И, поражен Мадонны созерцаньем,
Я то постиг, что ощущает тот,
Кто полн надежд и счастлив ожиданьем.</p> <p>16 Но краток был меж двух моментов ход —
Меж ожиданьем и надежд свершеньем, —
Как стал яснеть все ярче неба свод.</p> <p>19 И Донна: «Вот, приходит с ополченьем
Триумф Христа! Вот, полный сбор плодов,
Взледеющих всех этих сфер вращеньем!»</p> | <p>И лик ее как пламя стал багров, 22
И радостью так очи стали полны,
Что выразить ее нет в мире слов.</p> <p>Как в полнолуние, в полночь, в час безмолвный, 25
Лик Тривии смеется с горних мест
Меж вечных нимф, глядящих с неба в волны, —</p> <p>Так видел там над тысячами звезд 28
Я Солнце то, Что всех дарит их светом,
Как наше здесь льет звездам свет окрест.</p> <p>И Существо в живом сиянии этом 31
Светилось мне, столь яркий блеск лия,
Что долу взор склонил я в забытье там.</p> <p>— «О Беатриче, вождь, о жизнь моя!» 34
И мне она: «Тебя та Мощь сразила,
Пред нею же не устоит ничья.</p> <p>Премудрость здесь и пресвятая сила, 37
Отверзшая на небо путь с земли,
Где скорбь по нем так долго всех томила».</p> <p>Как с туч огонь срывается вдали, 40
Расширясь так, что в них ему уж тесно,
И в дол летит, природе вопреки, —</p> |
|---|---|

«Относительно XXIII песни, одной из прекраснейших и богатейших в поэтическом отношении, следует заметить, что эта песнь составляет, собственно, соединительный пункт во внутреннем, вообще весьма несложном, построении Рая. В III части Божественной Комедии изображается развитие полного индивидуального блаженства в душе поэта (следовательно, вообще в человеческой душе), притом в двух отношениях: со стороны познания Бога и со стороны созерцания Его. После того, как Данте совершил странствование по семи планетам (в общей их сложности они представляют сумму всего богопознания со всех сторон и со всех точек зрения), после всеобъемлющего обозрения их и земли под ними, он возводится теперь на вершину познания. Теперь он зрит уже Самого Христа (ст. 28 и след.), зрит Беатриче такой, какова она есть, в полном развитии ее красоты (ст. 46-48); дух его, так сказать, выходит из брэнной оболочки, возносится над его физической природой, все ближе устремляясь к Богу (ст. 43-45). То, что совершается в XXIII-XXIX песнях включительно, есть как бы анализ столь далеко подвинутого внутреннего его развития (XXIV, 37, 45, 58 и след.): Петр, Иаков и Иоанн подвергают Данте испытанию в вере, надежде и любви (излагается ряд поучений, завершаясь в XXVIII и XXIX песнях последней беседой об ангелах), и тем увековечивают зрелость его познания. — Пройдя указанный путь, Данте становится наконец достойным созерцать Бога, к престолу Которого он подходит в 3-м отделении Рая (XXX-XXXIII песни)». Флейдерер.

1-9. «Одно из великолепнейших сравнений во всей поэме как по нежности выраженного в нем чувства, так и по сладкозвучности стиха (в подлиннике), равно и по неподражаемой простоте картины». Скартаццини.

5. „In eo quod amatur, aut non laboratur, aut labor amatur“. Блаж. Август. De Bon. Vid. 22.

11-12. Т. е. в ту сторону, где солнце стоит на полдне: в это время тени от предметов не так быстро уходят, как это бывает утром и вечером, поэтому и кажется, будто солнце медленнее движется. Сличи: Чистил. XXXIII, 103 и след.

15. Уже одно ожидание, полное надежд, есть блаженство. «Здесь исходной точкой для сравнения служит, с одной стороны, терпеливое ожидание, а с другой — пламенное желание, спокойное пребывание в настоящем и стремление к будущему». Флейдерер.

16. В подлиннике: *Ma poco fu tra uno ed' altro quando, Del mio attendere, dico, e del vedere*, это значит: что промежуток между двумя моментами, т. е. меж моим ожиданием и моим видением, был невелик.

19-21. «Все добродетели на земле — плоды божественной благодати, изливающейся к нам, по воззрению Данте и его современников, чрез круги небесных сфер. Таким образом в триумфе или триумфальном шествии Христа — триумфе, в котором за Ним следуют все достигшие чрез Него небесного блаженства, преимущественно же апостолы и ближайшие Его ученики, — являются нам соединенными вкупе все плоды божественной благодати». Филалет. — «Здесь легко уразуметь основную идею всего строя мира и рая, именно ту, что все силы, все благодати и все плоды благодати изливаются свыше в нижние отдельные сферы, поэтому вверху все они собраны у своего источника и видимы как бы *in puse*, вместе с тем увенчаны полной наградой и блаженством (ст. 130 и след.). Таким образом являются здесь во Христе все небеса и все праведники, и первыми между ними исключительные обитатели восьмой сферы: Апостолы, Отцы Церкви и проч., составляющее Его триумфальное шествие (ст. 20); в Нем и в них выражается вся глубина благодати (ст. 21), вся полнота искупления, мудрости и силы, весь союз между землей и небом в полном сосредоточении, законченности и совершенстве (ст. 37-39)». Флейдерер. По словам Дидрона (*Crist. Iconogr.*), триумф Христа из всех мотивов всего более вызывал энтузиазм в художниках: Его можно видеть на многих памятниках; Он изображался как живописцами, так и скульпторами, но каждое такое изображение, по исполнению своему, всякий раз получало характер самостоятельной работы. В восточной части крипты в Оксеррском соборе, на своде той части, которая соответствует алтарю, сохранилась фреска, писанная в конце XII столетия, изображающая триумф Христа в наипростейшем виде. Эта фреска в Оксерре как бы иллюстрирует слова Апокалипсиса, хотя и с некоторыми легкими уклонениями от них». По цитате Лонгфелло.

25-26. «Тривия», одно из прозваний Дианы, а следовательно, и Луны, — название, очень часто употребляемое Вергилием. — «Вечные нимфы», т. е. звезды (Чистил XXXIII, 106). Об этом сравнении Вентури, *Simil.* p. 10, говорит: „*La similitudine è proprio un riso celeste. Si noti l' uso delle vocali, e la dolcezza degli accenti, e la vaga personificazione della Luna ridente e delle stelle pittrici*“. — Оно напоминает стихи Горация, *Erod.* XV, 1, 2:

Nox erat, et coelo fulgebat luna sereno
Inter minora sidera.

Сличи также: Прем. Ис. сына Сир. L, 6: «Как луна полная во днях».

28. «Звезд», в подлиннике: *lucerne*, т. е. праведников. Дан. VII, 10: «Тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним».

29. «Солнце», т. е. Христос. Иоан. I, 9: «Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир». В Символе Веры Христос назван свет от света — *φῶς ἐκ φωτός*. «Особенно высшее солнце для праведных душ (по Откров. Иоанна XXI, 23, — Христос) встречаем именно у Вергилия (Энеида VI, 638 и след.):

Достигают они до жилища блаженных.
Здесь просторный эфир, и светом поля облекает
Пурпурным он, и свое у них солнце и звезды свои же.

Перев. А. Фета.

Вергилий, как ученик пифагорейской мудрости, мог заимствовать эту идею у более древнего поэта Пиндара (*Оlymp.* II, 61 и след.). Но и раньше Пиндара Исайя LX, 19, говорит о божественном свете, который не только на небе, или в обители душ, но и на земле заменит некогда солнце и луну: «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой — славою твоею». Ноттер.

30. Наше солнце, которое сообщает свет звездам.

31-32. «Существо» (*sustanzia*) есть, очевидно, преображенное, лучезарное тело Христово, названное выше (ст. 29) Солнцем.

37. Ап. Павел (I Кор. I, 24) называет Христа Божией силою и Божьей премудростью (Θεοῦ δύναμις καὶ Θεοῦ σοφία); почему и Фома Аквин. Summ. Theol. p. I, XXXIX, 7, говорит: „Filius dicitur sapientia Patris, quia est sapientia de Patre sapientia, Uterque enim per se est sapientia, et simul ambo una sapientia“.

38-39. Грех наших прародителей заградил путь между землею и небом, т. е. нарушил договор между Богом и человеком; Мессия вновь отверз этот путь. Все века, протекавшие от Адама до Исккупителя, скорбели и вздыхали о восстановлении этого союза.

40-42. «Учитель Данте Брунетто Латини так объясняет в своем Tesoro (lib. II, cap. 37) явления грозы: «Случается иногда, что ветры встречаются между собой над облаками, гонят друг друга и сталкиваются между собой, вследствие чего возникает огонь в воздухе. Если потом этот ветер встречает поднявшиеся вверх и сгустившиеся пары, то он зажигает их и заставляет их гореть, и это есть то, что называют молнией. Но столкновение между собою ветров сжимает и гонит их так сильно, что они выходят

ПЕСНЬ XXIII

43 Так разум мой, от пищи той небесной
Расширившись, сам вышел из себя,
И чем он стал, то было мне неизвестно.

46 — «Открой глаза; смотри, чем стала я;
Ты столько зрел, что боле не опасно
Сносить мою улыбку для тебя».

49 Я был, как тот, пред кем парит неясно
Забитый сон, и кто, тревожим им,
Его припомнить силится напрасно, —

52 Когда я внял словам ее святым,
Столь радостным, что внес я их в скрижали
Тех вечных книг, где прошлое храним.

55 И если б мощь все языки мне дали,
Которых вкус млеком с ПарнаССких скал
С Полимнией все Музы услаждали, —

58 И тысячной я б доли не сказал,
Святую ту улыбку воспевая
И лик святой, когда он просиял.

Так я, как путник прыгает, встречая 61
Овраги, — сам с поэмою своей
Здесь делаю скачки в картине Рая;

Но кто поймет всю тяжесть темы сей 64
И как под ней бессильны смертных плечи,
Тот мне простит, коль дрогну я под ней.

Тот путь, где смело челн мой и далече 67
Летит средь волн, — тот путь не для ладьи,
Где кормчий хил и бурь страшится встречи.

— «Зачем влюблен так в очи ты мои?» 70
Взгляни на сад пленительный, где снова
В лучах Христа все ветви расцвели!

«Здесь Роза, в ней же плоть бысть Божье Слово; 73
Здесь лилии, чей аромат туда
Вам путь открыл, где небо всем готово».

Так Беатриче. Я же, ей всегда 76
Покорный, — слабых глаз борьбу с лучистой
Средою вновь повел не без труда.

из облаков, и тогда происходят гром и молния и падают с такой стремительностью вниз сквозь сильный ветер, что ничто не может им противостоять». — «Мы уже неоднократно говорили (Чистил. IX, 30; Рая I, 94), что Данте приписывает огню естественное стремление вверх, в область огня». Филалет.

43-44. «От пищи той небесной» (*tra quelle dape*), т. е. от созерцания, озаряемого Самим же Христом триумфа Христова. Исходной точкой для сравнения служит здесь выход из своих обычных границ с одной стороны огня с облаков, с другой — необычайно развившегося разума из телесной оболочки поэта. Разум его становится сильнее его телесных органов.

44. «Данте еще на шаг приближается к Богу: покинув небеса планет, он возносится во второе, главное отделение неба — в небо неподвижных звезд, где несметное число светил совершает один и тот же путь. Сверхчеловечность, которую он ощущает уже при подъеме в первое небо (Рая I, 68-79), здесь повышается в нем; высшую ее степень он испытывает в последнем, третьем небе, т. е. в небе духовном (Рая XXXIII, 49 и след.)». Копиш.

45. Слич: Рая I, 9; т. е. он сам не помнит, как он вознесся на такую высоту.

46-48. «Очи Данте узрели Христа. При подъеме в созвездие Близнецов, а также при подъеме на небо Сатурна, Беатриче не улыбалась, потому что Данте, прежде чем узреть Христа, не мог бы вынести блеска ее улыбки». Ноттер. — «Здесь, в апостольском небе, учение Церкви является во всей первоначальной ее радости и свете». Копиш.

49-51. Рая XXXIII, 58-60.

52. «Воззвание Беатриче вызвало Данте из того состояния, в котором он ничего не помнил, и в душе его пронесли некоторые несвязные образы торжества, виденного перед тем». Ноттер.

53-54. Скрижали книг, т. е. памяти, куда вписывается прошедшее. „In quella parte del libro della mia memoria“. *Vita Nuova*, Proemio.

55-60. Подражание Вергилию, Энеиды VI, 625-627:

«Будь хотя сто у меня языков и сотня же глоток,
Голос железный, а все ж объять все виды злодейства
И имена перечесть наказаний всех не смогла бы».

Перев. А. Фета.

<p>79 И мне, как бы стоящему под мгlistой
Грядую туч, прорвавшийся сквозь них
Луч солнца вдруг представил луг цветистый, —</p>	<p>Но лишь предстал очам моим в эфире 91
В величии и в блеске свет Звезды,
Все победившей в том и этом мире,</p>
<p>82 Явились вихри светов огневых,
Возженных свыше излинянем славы,
Хоть я не зрел, кто возжигает их.</p>	<p>Как светоч свергся из небес среды 94
И над Звездой стал в образе короны,
Вкруг начертав из пламени бразды.</p>
<p>85 О Сыне Божий, взнесся, величавый,
Ты высоко, чтоб в немощность мою
Влить силу зреть простор Твоей державы.</p>	<p>Сладчайшие земных мелодий тоны, 97
Ласкающие слух наш, как зефир,
Я б счел за гром, прорвавший туч препоны,</p>
<p>88 Прекрасный цвет, чье имя я пою
И вечером, и утром, взор мой шире
Вдруг отворил, да больший пламень зрю.</p>	<p>В сравненьи с музыкой небесных лир, 100
Венчавших звуками Красу сапфира,
От коей стал сапфирней весь эфир.</p>

У Тассо, Освоб. Иерус. IX, 92:

«Non io, se cento bocche o lingue cento
Avessi, e ferrea lena e ferrea voce,
Narrar potrei quel numero che spento
Ne' primi assalti ha quel drappel feroce».

«Хотя б имел я глас и грудь из стали,
Сто уст и сто громовых языков,
Я б не сказал числа врагов, что пали
От первого удара сих бойцов».

Перев. Дм. Мина.

55. «Все языки», т. е. все поэты, взятые вместе, не в состоянии были бы изобразить красоту Беатриче (божественного учения).

57. «Полимния» — одна из девяти Муз, представительница гармоний и лирической поэзии.

60. «Красота Беатриче возрастает не только с подъемом из одного круга в другой, но и по времени, когда она долго остается в одном и том же небе, в особенности теперь, при созерцании новых величественных зрелищ в небесах». Филалет.

61-63. Первый скачок, который принужден сделать поэт, — это изобразить неопишемое торжество триумфального шествия Христова (ст. 19-45), второй — изобразить лицо Беатриче (ст. 46-54).

67-69. Картина, как вначале Чистилища. Слича также воззвание Рая II, 1-6.

70. «Влюблен», в подлиннике: „Perchè la faccia mia si t'innamora“.

71. «Сад», т. е. сонм праведников (Рая XIX, 22 и след.). Греческое слово παράδεισος — рай, значит сад.

73-74. «Роза» — Дева Мария, в коей воплотилось Слово: «И Слово стало плотью и обитало с нами».

Иоанна I, 14. В католической церкви (в акафисте) она называется «Розой мира, мистической Розой». — «Лилии» — апостолы, отцы Церкви и другие праведные восьмого круга, благостью своего учения привлечшие народ ко Христу. «Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте, ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых... запах живительный на жизнь». II Коринф. II, 14-16.

78. Т. е. слабое его зрение повело борьбу с яркостью света. «Изведав глубину богоучения, Данте держит снова воззреть на Христа; но богоучение открывает ему сначала души Марии и апостолов; оно же дает ему силы предчувствовать высшее, но объясняет ему оное лишь постепенно, так что он непрерывно, шаг за шагом, подвигается от низшего к высшему». Коппиш.

79-81. Данте видит праведных, озаренных Христом, но не Самого Христа, уже вознесшегося выше, причем это зрелище представляется ему так, будто он стоит под тенью облаков и видит цветистый луг, озаренный солнечным лучом, прорвавшимся сквозь эти облака. Слича: Тассо, Освоб. Иерус. IV, 29.

83-84. Христос вознесся так высоко, что Данте не мог следовать за Ним очами. Слич: Откров. Иоанна XXII, 5: «И ночи не будет там и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их». Фома Аквин. объясняет это место: „*Ipsum intelligibile vocatur lumen, vel lux. Et istud est lumen de quo dicitur Арос. XXI, 23, quod claritas Dei illuminabit eam, efficiuntur deiformes, id est, Deo similes*“. Sum. Theol. p. I, XII, 5.

85-87. Воззвание ко Христу: О Ты, от Которого святые воспринимают свет свой, вознесся Ты, да не ослепятся светом Твоим очи мои, и да возмогу чрез то устремить их к Деве Марии. Каннегиссер.

88-89. «Прекрасный цвет», т. е. *Rosa mystica*, Дева Мария, названная так в ст. 73. «Вечером и утром» — намек на утренний и вечерний благовест в католических церквях, так называемый *Angelus*, когда поется *Ave Maria*. Ниже, в ст. 111, все святые призывают ее имя.

90. «Больший пламень» — также Дева Мария, превосходящая блеском своим все прочие светы, оставшиеся теперь перед Данте.

92. «Звезда» — опять Мария, называемая в католической церкви *Maria, stella maris matutina*, согласно с гимном (*Brev. Roman. II, 88*):

Ave, maris stella,
Dei mater alma
Atque semper Virgo,
Felix coeli porta.

Еврейское имя Мария можно перевести *Mare amaram* (горькое море). Мария является здесь Данте в виде пламени, самого большого из всех окружающих, подобно лучезарной звезде, но еще не в своих узнаваемых чертах. Черты Ее лица, как и прочих святых, становятся зримыми не прежде, как в эмпирее. Слич: Рая XXII, 58-63 и примеч. 59-60.

93. Т. е. славою своею на небе и благостью к себе Господа на земле.

94-96. «Светоч», в подлиннике: *facella*, факел. По всему вероятно, архангел Гавриил. Мысль глубокая: тот самый ангел, который на земле открыл Марии тайну воплощения, теперь на небе как бы предназначен к служению ей, что еще яснее выражено в Рая XXXII, 96, также 109-114. Чтобы нагляднее выразить быстроту пламенного, кругообразного его полета, Данте говорит, что он как бы чертил в воздухе круговые пламенные бразды, которые наподобие короны увенчали голову Мадонны. Сравнение в высшей степени грациозное. Ему подражал Тассо в Освоб. Иерус. XX, 20.

97-99. У Тассо в Освоб. Иерус. XIV, 5:

E in suono, a lato a cui sarebbe roco
Qual più dolce è quaggiù, parlar l'ndia.
И голосом, пред коим рокот дикий
Сладчайший звук в мир, провещал.

Перев. Дм. Мина.

100. «Лир», в подлиннике: *di quella lira* — той лиры, т. е. пение архангела Гавриила. Слич: Рая XV, 4.

101-102. В древней иконописи Дева Мария обыкновенно изображалась в синей мантии, почему и на небе она является поэту в синем сапфином блеске, от которого более синим становится сапфиновый блеск ясного неба — эмпирея, куда она и возносится (ст. 120).

103. Т. е. я предстою пред тобой и высказываю любовь всех ангелов к тебе, царице нашей. Слич: Рая XXXII, 94 примеч.

105. «Упованье мира», т. е. Христа. «Желание холмов вечных». Бытия XLIX, 26.

107-108. Следовательно, во веки веков.

109-110. «Песни круговые», т. е. песнь при кругообразном полете Гавриила. «Он заканчивает песню свою, как кончает письмо писец, прикладывая к нему печать». Витте.

111. «Огни небес» — все святые.

112-120. Под именем порфиры царской (*lo real manto*) здесь разумеется девятая сфера, так называемое *gipsum mobile*, в которое как бы изливается Дух Божий и Его творческая сила. Слич: Рая II, 105. Оно объемлет собой все прочие сферы, приводит их в движение и сообщает им непосредственно от Бога получаемую силу. Внутренний его край (собственно, берег — *l'interna riva*) настолько удален от неба неподвижных звезд, где находится теперь Данте, что он, когда Дева Мария вознеслась к Сыну Своему, не может следовать за Нею.

119. За Девой Марией, увенчанной, как диадемой, вращающимся вокруг нее архангелом Гавриилом.

103 — «Я, ангелов любовь, пою с эфира
С той радостью, какой пылала Ты,
Нося во чреве Упованье мира.

106 И буду петь, Царица правоты,
Тебе, доколь Ты с Сыном и в святые
Страны небес льешь славу с высоты».

109 Так гласом неким песни круговые
Вносились, и, вслед его похвал,
Воскликнули огни небес: «Мария!»

112 В порфире царской, ею ж одеял
Господь вселенную, и в ней лучами
Светлейшими Дух Божий просиял,

115 Край внутренний в такой дали над нами
Был утаен, что с точки, где я был,
Его границ не прозревал очами.

118 И следовать очам не стало сил
За пламенем, венчанным диадимой,
Когда он к Сыну в небо восходил.

И как младенец, матерью кормимый, 121
Насытившись, ручонки тянет к ней,
Чтоб выразить любовь свою к родимой, —

Так светочи вершиною своей 124
Тянулись ввысь, все изъясняя радость
Своей любви к Марии средь огней.

И предо мной взыграли тут, как младость, 127
„Regina coeli“ сладко так запев,
Что не забыть мне ввек тех звуков сладость.

О, счастлив пахарь, сбор пожать успев 130
Обильнейший семян там, где когда-то
Он совершить сумел их добрый сев!

Здесь познают, сколь то богатство свято, 133
Что собрано в слезах, о Вавилон,
В твоём плену, где брошено лишь золото.

Здесь, у Христа, Марией вознесен, 136
Заветом Ветхим и Заветом Новым,
Свою победу торжествует он,

Ключей хранитель к царствам сим Христовым. 139

121-123. Подобное же сравнение у Овидия, Превращ. VI, 624-626:

Но как сын подошел и матери отдал привет свой,
Да ручонками малыми стал тянуть к себе шею,
И к ребяческим ласкам еще прибавил, лобзая.

Перев. А. Фета.

124-126. Вознесение Мадонны вызывает и во всех праведных желание стремиться вместе с нею в высшее небо.

129. „Regina coeli“, царица небесная, — слова из антифона, который поется в католических церквах во время Пасхи.

Regina coeli, laetare, alleluja,
Quia quem meruisti portare, alleluja,
Resurrexit, sicut dixit, alleluja;
Ora pro nobis Deum, alleluja.
Gaude et laetare, Virgo Maria, alleluja.
Quia surrexit Dominus vere, alleluja.

130-132. Смысл: ора́таи Христовы и сеятели слова Его получают здесь, в небе, полные житницы, т. е. пожнут вполне ту радость, которую они сами посеяли.

134. Вавилонское пленение, как и египетское (Чистил. II, 46 и Рая XXV, 35), означает земную жизнь, исполненную грехов; из жизни же этой достигают жизни вечной лишь те, которые оставили золото и серебро, т. е. вечные блага предпочли временным.

138. Св. апостол Петр, которому Христос сказал: Матф. XVI, 19: «И дам тебе ключи Царства Небесного».

ПЕСНЬ XXIV

Апостол Петр испытывает Данте в вере.

<p>1 — «О, к вечери великой Агнца званный
Союз святых, да утолится в ней
Ваш глад духовной пищей невозбранной!</p> <p>4 Коль волей Божьей предвкушает сей
Лишь то, что с трапез ваших упадет,
Хоть и живет еще он меж людей, —</p> <p>7 То, видя, сколь безмерно он страдает,
Уймите в нем пыл жажды, ниспослав
Хоть каплю вод! Ведь он их ожидает».</p> <p>10 Так Донна к ним. И, образ сфер приняв,
Вкруг полюсов недвижных свету хором
Как сонм комет вскружились,
запылав.</p> <p>13 И как в часах колеса с их прибором
Так движутся, что чуть ползет одно,
Другое же летает перед взором, —</p> | <p>Так души те, вращаясь не равно 16
Стремительно, являли мне мельканьем
Своим блаженство то, что им дано.</p> <p>Но на одной, всех краше одеяньем, 19
Столь яркий огонь блаженства я узрел,
Что он затмил все прочие сияньем.</p> <p>И, трижды Донну увенчав, он пел 22
Божественно; и был так голос сладок,
Что смолкнуть здесь фантазии удел.</p> <p>Не приведет перо здесь дум в порядок: 25
Все краски дум, не только что речей,
Здесь слишком резки для столь нежных
складок.</p> <p>— «Сестра святая! В той мольбе твоей 28
Такой огонь любви, что, глас твой слыша,
Отторгся я от дивной сферы сей».</p> |
|---|--|

1-2. Намек на слова Откровения Иоанна (XIX, 9): «Блаженны званные на брачную вечерю Агнца». Также (VII, 10, 17): «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать... ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод». Здесь разумеются апостолы.

4. «Сей» (questi), т. е. Данте.

5. Намек на слова хананейки в Ев. Матф. XV, 27: «И псы едят крохи, которые падают со стола господ их».

9. Т. е. из Источника жизни — Христа.

11. Как здесь, так и в четвертом небе, праведники вращаются в виде сфер вокруг Данте и его вожатой, как звезды вокруг полюса. Слич: Рая XIII, 19-21.

13-15. Сравнение с колесами часов встречается уже Рая X, 139-148; но там говорится о звоне часов, пробуждающем к молитве, здесь — о быстроте их движения, для изображения различных степеней блаженства праведных.

16-17. «Не равно стремительно» — подражание необыкновенному раздроблению одного и того же слова *differente-Mente* в оригинале, что делают, впрочем, и другие классические итальянские поэты, например Ариосто, *Orl. fur.* XXVIII, 41:

Ancor ch' egli conosca, che diretta —
Mente a sua maestà danno si faccia.

20-21. Этот яркий огонь — св. апостол Петр, блеском своим затмевающий все прочие огни.

22. «Трижды». Древние комментаторы (Оттимо, Бути, и Ландино) видят здесь намек на Св. Троицу.

26-27. Смысл: «Подобно тому, как существуют в природе столь нежные краски, что даже самые тонкие краски живописца не в состоянии передать их, так и для дивного явления все краски поэзии, даже всей поэтической фантазии, слишком резки, чтобы вполне верно изобразить его». Филалет. Или: «Для изображения складок в одежде живописец прибегает к более темным тонам одной и той же краски. Чем глубже складки, тем темнее тон. Если в градитивной шкале тонов на палитре у живописца нет тона, который имел бы требуемую меру темноты, — значит он не в состоянии изобразить глубину складки». Витте. — «Следовательно, не слабость, но резкость и грубость человеческого воображения

- 31 Дыханьем уст, возвращаясь тише, тише,
Огонь благостный так Донне дал ответ,
Вещая то, что написал я выше.
- 34 И та: «О муж великий, вечный свет,
Кому вручил ключи к сим царствам чудным
Спаситель наш, на землю с неба шед!
- 37 Спроси его, по легким или трудным
Вопросам веры, ею ж утвержден
Ты по морю ходил пред Правосудным.
- 40 Как тверд в любви, надежде, вере он, —
Тебе не тайна: видишь в полной мере
Его — как бы в тебе он отражен.
- 43 Но как лишь вера отверзает двери
Гражданам в рай, то благо говорить
Во славу ей теперь ему о вере».
- 46 Как бакалавр, готовясь в спор вступить,
Молчит, вопрос магистра ожидая,
Чтоб дать ответ, а не судьбою быть, —

- 49 Так я, пока вещала неземная,
В уме собирал все знания свои,
Кто был мой вопрошатель дивный, зная.
- 52 И он: «Христов раб добрый, объяви,
Скажи мне: что есть вера?» Вопрошенный
Дыханьем света, взвел глаза свои
- 55 К нему, взглянув на Донну, весь смущенный;
Из сердца кладезей да пролию
Я мыслей волны, — знак мне был от Донны.
- 58 — «Та благодать, чьей властью предстою
Пред первым воином, да даст мне силы
Изречь» — я начал — «исповедь мою».
- 61 И продолжал: «Как пишет брат твой милый,
С кем, отче, Рим ты вывел из цепей
(Слова ж его суть истины мерилы!), —
- 64 Есть вера — сущность чаемых вещей
И аргумент невидимых; в сем смысле
Я понимаю свойство веры всей».

и слова берутся здесь за исходный пункт для сравнения, или, применительно к данному образу, бедность в тонах краски для тончайших оттенков, потребных живописцу для изображения складок». Флейдерер.

28. Слова эти говорит св. ап. Петр; он называет Беатриче «святой сестрой», потому что, по Бути, „Quelle anime che scrissero la santa Teologia furono sante e sono suore per carità“. Впрочем, праведные в раю не только друг друга, но и Данте везде называют братом (fratello). Слич: Рая III, 70; VII, 58; 130; XXII, 61 и пр.

35-36. Слич: Матф. XVI, 19: «И дам тебе ключи Царства Небесного: и что́ свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что́ разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Сошествием Христа на землю во образе человека небо сделалось доступным для нас, ибо ключи, принесенные Христом с неба, Он вручил Петру.

39. Слич: Матф. XIV, 28 и след. Но Христос назвал при этом Петра «малoverным» (Там же, 31).

42. «Там», т. е. в Боге, в Котором праведные видят все изображенным, как в зеркале.

43-45. «Смысл этой несколько темной терцины следующий: так как вера есть необходимое условие, чтобы сделаться гражданином неба, то «ему», т. е. Данте, следует («благо») говорить о вере здесь на небе, чтобы он, сам утвержденный в ней, содействовал распространению на земле славы истинной веры и тем все более приобретал новых граждан для неба. Нечто подобное сказано и в следующей песне (ст. 40-45) в отношении надежды». Филалет.

46-48. «Как в ремесленных цехах существовали мастера, подмастерья и ученики, так и в университетской организации различались: магистры, лиценциаты и бакалавры. Лиценциатам разрешено было учить. Звание бакалавра на богословском факультете парижского университета в свою очередь делилось на две степени: Baccalaurei formati, или dispositi, окончившие полный курс богословских наук, и baccalaurei cursores, которые хотя и не окончили полного курса, но имели право объяснять Св. Писание и мнения (sententiae) Петра Ломбардского, почему они и назывались еще baccalaurei biblici, или sententiarum. Во время прохождения богословского курса они подвергались так называемым disputatio tentativa перед магистром. Подобное испытание, по-видимому, имеет в виду и Данте в этом месте, так как

в ст. 37 он (в подлиннике) употребляет слово *tentare*, и большая часть последующего изложения заимствована из *Magister sententiarum*. Филалет.

48. В подлиннике: *Per approvaria, non per terminaria*. Тезисом назывался вопрос (*quaestio*); он провозглашался председательствующим в форме вопроса. Различие между двумя действиями (*approvare* и *terminare*) состояло в том, что бакалавр приводил лишь доказательства, не разрешая вопроса окончательно; ибо это последнее действие принадлежало магистру.

49-51. Слич. I Петра III, 15: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». — «Неземная», т. е. Беатриче.

51. В подлиннике: *A tal querente ed a tal professione* — перед таким вопросителем (св. ап. Петром) и о таком вопросе (о вере).

ПЕСНЬ XXIV

67	И был мне глас: «Мнишь верно!
Но размысли
И объясни: зачем отнес ее
Ты к сущностям и аргументам мысли?»	Так лился дух мне из любви святой,
И вслед затем: «Испробовав
Металл и вес монеты золотой, —	82
70	И я ему: «Те глубины и все,
Что мне воочью кажут эти сферы,
Так скрыты там, что все их бытие	Имеешь ли, скажи, ее в кармане?»
— «Да», — я сказал, — «и так она цела
И блещет так, что фальши нет в чекане».	85
73	Мы познаем лишь с помощью веры,
Надеждою венчанной; потому
Я сущностей даю ей все размеры.	Там воссияв, где глубь его была,
Так светоч мне: «Но камень драгоценный,
Чем зиждутся все добрые дела,	88
76	От веры этой надлежит уму
Без доказательств мыслить;
потому-то
Как аргумент — и веру я приму».	Отколь ты взял?» И я: «Тот огонь
священный
Святого Духа, Им же озарен
Книг ветхих, как и новых лист нетленный, —	91
79	И был мне глас: «Будь в мире всем
вдохнуто
Ученье веры в чистоте такой,
Затихла б там и всех софистов смута».	Есть силлогизм, которым убежден
Так сильно я, что пред его
основой
Уж всякий довод остроты лишен».	94

53. На вопрос «что есть вера», Данте отвечает определением веры, как оно сделано в послании к Евр. XI, 1: «Ἐστὶ δὲ πίστις ἐλπίζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων», или, по переводу Вульгаты, которого держался Данте: „est autem fides sperandarum substantia rerum, argumentum non apparentium“, или по-славянски: «Есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». В настоящем переводе (ст. 64-66) держались Вульгаты, так же, как и Данте (см. ниже). Для более ясного уразумения этого определения следовало бы привести здесь слова Фомы Аквин., но мы отсылаем читателя к его Summa Theol. p. II², 4, 1. См. Скарпаццини, также Филаалет.

54. В подлиннике: *io levai la fronte* In quella luce onde spirava questo — возвел чело к тому свету, от которого исходил этот вопрос.

55-56. Прежде чем ответить св. ап. Петру, Данте бросает взгляд на Беатриче, которая всегда указывает ему, как и когда следует говорить или молчать (Рая XXI, 46 и след.).

57. «Кто верует в меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Иоан. VII, 38.

58-59. Т. е. благодать Господня да поможет ему выразить свои мысли пред лицом св. ап. Петра, первого воина за Церковь (в подлиннике: *primipilo* — термин, заимствованный из римских легионов).

60. «Исповедь» — исповедание веры (*li miei concetti*).

61-62. Т. е. ап. Павел в упомянутой в примеч. к 53 ст. этой песни главе Послания к Евреям. Он назван братом милым, как и сам Петр называет его (II Петра III, 15): «Как и возлюбленный брат наш Павел по данной ему премудрости, написал вам». Оба апостола, и Петр, и Павел, трудились вместе в деле обращения Древнего Рима с ложной на прямую дорогу.

63. В подлиннике просто: *il verace stilo* — истинный стиль: орудие, которым писали древние.

64-65. Как выше сказано (прим. 53), при переводе мы придерживались, как и Данте, Вульгаты: „*Est autem fides sperandarum substantia rerum, argumentum non apparentium*“. *Substantia* — понятие, переведенное нами словом «сущность», означает сущностный (субстанциальный) фундамент вещи. По замечанию Витте, ни один перевод не выражает так верно греческого слова указанного места, как Вульгата, из которой поэт заимствует буквально свое определение веры. Слич: Бланк, *Vocab. Dantesco*, p. 501: «Слово *sustanzia* соответствует, по греческому тексту, слову *ὑπόστασις* и по Вульгате слову *substantia*, во все времена представлявшему столько трудностей для переводчиков, которого и мы не беремся объяснить».

97 И был мне глас: «Коль ветхою и новой
Посылкою ты убежден вполне,
То как ты в них прозрел святое слово?»

100 И я: «Ту истину раскрыли мне
Их действия: природа не ковала
Железа здесь, не грела на огне».

103 И свет: «Скажи, что ж ум твой убеждало
В тех действиях? Одно ли только то,
Что доказать еще должно сначала?»

106 — «Коль христианство в мире разлито
Без всех чудес» — я рек, — «то в чудотворном
Том действии все чудеса — ничто!

109 Затем что, беден, нищ, в посте упорном,
Ты насадил свой сад, хоть с давних пор
В нем виноград разросся диким терном».

Тут «Бога хвалим» весь небесный двор 112
Воспел с такой мелодией напева,
Как может петь лишь в небе райский хор.

И князь небес, кто искусом, без гнева, 115
Мне с ветви к ветви так помог влезать,
Что достигал уж я вершины древа,

Вновь проведал: «Господня благодать, 118
Ведя твой ум, тебе уста досюда
Отверзла так, как должно отверзать,

И выдержал ты искус свой нехудо; 121
Но исповедуй: веруешь в Кого?
И веру ту заимствовал откуда?»

— «Отец святой, ты ныне зришь Того, 124
В Него же так ты веровал, что спешней
И юноши нисшел во гроб Его!»

66. «Свойство», в подлиннике: quidditate, техническое выражение схоластиков. Это слово переведено у Филалета: Washeit. Лучше было бы, кажется, перевести его словом: «содержание» или «состав». См. Бланк.

68-69. Фома Аквин. приводит множество возражений, высказанных разными писателями против вышеупомянутого определения веры, и опровергает их, напр., что вера не может быть substantia, ибо она есть qualitas; что она не может быть аргументом, ибо аргумент делает видимым то, что он доказывает. Оба эти возражения встречаются ниже, в ст. 70-78. Таким образом этим местом, а также ст. 79-81, поэт, видимо, хочет сказать, что предложенное св. ап. Павлом, потом Петром Ломбардским определение веры, точнеешим образом рассмотренное впоследствии Фомой Аквин., которого Данте здесь придерживается, — не подлежит никаким возражениям». Филалет.

70-72. «Те глубины», в подлиннике: le profonde cose. Смысл: те глубины, или глубокие вещи, которые здесь, на небе, мне дозволено видеть, до того скрыты на земле от смертных очей, что признание сущности и бытия их может быть делом одной лишь веры.

82. Т. е. такие слова мне были сказаны ап. Петром, пылавшим ко мне любовью.

83-85. Вопрос выражен аллегорически. Смысл его таков: ты правильно определил сущность веры, однако имеешь ли ты сам эту веру? Здесь золотая монета означает веру, металл, из которого она отчеканена, и вес ее — сущность веры. «В кармане», в подлиннике: nella tua borsa, — в кошельке, т. е. в твоём сердце. Сл.: Посл. ап. Павла к Римл. X, 10: «Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению». В тон этой аллегории выражен и ответ поэта с ст. 86-87.

88. Т. е. раздался голос из глубины света, которым обильнее всех прочих одет был дух ап. Петра (ст. 19).

89. «Драгоценный камень» (в подлиннике: cara gioja) — вера, которую Фома Аквин. называет первою из всех добродетелей.

90. «Без веры угодить Богу невозможно». Евр. XI, 6. — «Все, что не по вере, грех». К Римл. XIV, 23.

91. Смысл всего вопроса апостола Петра таков: откуда ты заимствовал веру, на которой зиждутся все добрые дела? — «Огонь священный», в подлиннике: la larga pjoja — сильный ливень.

94. «Силлогизм», т. е. доказательство, как Рая XI, 2. Смысл терцин от ст. 91-96 такой: вера заимствована мною из книг Священного Писания, писанных по внушению Св. Духа; а так как книги эти слова самого Бога, то они мне служат таким несомненным доказательством, в сравнении с которым все остальные — ничто. В подлиннике acutamente противопоставляется слову otutta.

97-99. Продолжение метафоры силлогизма. Силлогизм состоит из посылок, большей и меньшей, и заключения. Посылками силлогизма названы здесь книги Ветхого и Нового Завета.

127 Так начал я: «В стране ты хочешь здешней
В нас веру зреть до самого конца
В источниках ее и форме внешней.

130 Мы веруем в единого Творца,
Предвечного, Кто небеса вращает
Любовию и волю Отца.

133 Нас физика так верить научает
И метафизика; но паче мы
Так веруем, зане нам то внушает

136 И Моисей с пророки, и псалмы,
И весь Завет, и ваши все посланья,
Где Дух Святой вам озарил умы.

139 И в три Лица мы веруем в слиянье
Во Троице, где три едино суть,
Где *sunt* и *est* возможны в сочетаньи.

Ту тайную божественную суть 142
Евангельским ученьем вашим в мире,
Я, как печать, приял себе на грудь.

Вот — тот исток, та искра, что все шире 145
Во мне растет, чтоб огонь воспроизвесть,
Да блещет в сердце, как звезда в эфире».

Как господин, кто, выслушавши весть 148
Приятную, объемлет с восхищеньем
Слугу за то, что поспешил донести, —

Так и меня, благословляя пеньем, 151
Апостольский венчал три кратно свет,
Пред кем я речь держал, его ж вельнем:

Так был ему приятен мой ответ! 154

100-111. «Почти изумляешься, как подобный вопрос мог быть предложен во времена Данте, а также тому, что поэт влагает его в уста ап. Петра». Ноттер. — Апостол спрашивает: «Из какого источника заимствовал ты веру?» Поэт отвечает: «Из Св. Писания, которое есть слово Божие». Но ап. Петр продолжает: «Почему же ты полагаешь, что Св. Писание есть слово Божие?» Ответ: «Божественность Св. Писания доказывается чудесами». — «Но кто удостоверит тебя, что чудеса действительно были? У тебя ведь нет другого доказательства, как само Св. Писание, божественность которого ты хочешь подтвердить чудесами?» — «Если чудес не было, отвечает Данте, становится величайшим чудом то, каким образом люди необразованные и без всякого принуждения, внешнего давления могли распространить христианство.

101-102. «Действия», т. е. чудеса, под которыми Данте разумеет все то, что не совершено стихийными силами природы, следовательно, дела сверхъестественные. „Miraculum voco, quidquid arduum aut insolitum supra spem vel facultatem mirantis apparet“. Блаж. Августин. De utilitate cred. c. 16. Также: „Miraculum proprie dicitur, cum aliquid fit praeter ordinem naturae“. Фома Аквин. Sum. Theol. p. I, 110, 4.

109-111. Опять намек на упадок Церкви, бывшей некогда плодотворным виноградником Божиим, который зарос теперь бесплодным тернием. «Не доброе ли ты семя сеял на поле твоём? Откуда же на нем плевелы?» Матф. XIII, 27. — «Беден», намек на слова ап. Петра, Деяния III, 6: «Серебра и золота нет у меня». Слич: Рая XXI, 127.

112. «Праведники поют здесь хвалебную песнь Амвросия в знак своего единодушия, а также для того, чтобы показать, что никакой упадок Церкви не может затмить славу Господню». Витте.

115. «Князь», в подлиннике: E quel baron, т. е. ап. Петр. Он назван так применительно к вышеупотребленному (ст. 112) выражению «небесный двор». Впрочем такие титулы давались очень часто в Средние века святым, так, например, итальянские писатели называли блаж. Иеронима — Messer Santo Ieronimo, святого Антония — Baron messer St. Antonio (Боккаччо. Decam. G. VI. Nov. 10); и у Иоанна Лоренцо в его Poema de Alexandro встречаются: Дон Иов, Дон Бахус, Дон Сатана.

116-117. «С ветви к ветви». «Ап. Петр, испытывая Данте в вере, помогал ему подниматься по дереву жизни как бы с одной ветви на другую». Копиш.

118. «Господня благодать». Вера человека не есть результат его собственных заслуг, но действие Божественной благодати. «Ибо благодатью вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар». К Ефесян. II, 8. Сл. ст. 58.

122-123. «Выше Данте уже изложил предмет веры вообще, равным образом указал и те источники, откуда она вытекает; теперь он должен указать еще и важнейшие догматы веры, обосновав каждый из них в частности». Филалет.

124-136. Ап. Петр видит теперь Того, в Кого он уверовал прежде всех. Хотя Иоанн Богослов, услышав известие от Магдалины, прибежал ко гробу Христа первый, однако во гроб Его прежде Иоанна вошел ап. Петр, Ев. от Иоан. XX, 3 и др. — Данте в своей *De Monar.* III, 9: „Dicit etiam Ioannes, ipsum (т. е. Петр) introivisse subito, quum venit in monumentum, videns alium discipulum cunctantem ad ostium“.

129. «В источниках», в подлиннике: *la cagion*, т. е. причину, по которой веруешь.

131-132. В подлиннике: *che tutto il ciel muove, Non moto, con amore e, con disio*, т. е. Который, сам недвижимый, вращает все небо любовью и желанием (т. е. стремлением неба к Нему). Сл.: Рая I, 76 и след., и примеч. Неоднократно было говорено, что любовь и исходящее из нее стремление к высочайшему Существо вызывает всякое движение во вселенной. „Dice che crede in uno Iddio solo; che è contra coloro che dicono, essere più dii; e dice eterno, contra coloro che poneano principio a Dio; e dice che tutto il Ciel muove, e non è mosso, contra coloro che teneano ch'elli ha in sè moto, conciosia cosachè elli sia principio di moto, e dia moto a tutte le cose“. Оттимо. — Сл.: Аристотеля *Метафиз.* XII, 6, 11, 7, 2, 8; XII, 77.

133-134. «Под физическими и метафизическими доказательствами существования Бога здесь разумеются, очевидно, те два доказательства, которые приводит Аристотель в двух своих книгах *Physica auscultatio* и *Metaphysica*. Первое доказательство сформулировано так: каждое движение должно исходить от какого-либо двигателя, потому необходимо признать существование недвижимого перво-двигателя, если мы не желаем подвигаться вперед in infinitum. Второе заключается в том, что ничто не может возникнуть без действующей причины (*causa efficiens*), и что здесь должно поэтому идти вперед in infinitum, если не принять первичную, уже самое по себе существующую причину. Оба эти доказательства приводит Фома Аквин. как в своем *Summa Theologiae*, так и в *Summa contra gentiles*. К ним он присовокупляет, также заимствованное у Аристотеля, следующее доказательство: В вещах мы находим более или менее доброго, благородного, истинного; поэтому должно существовать наивысчайшее доброе, благородное, истинное, каковое поэтому же должно быть наибольшее существо, *maxime ens*. Существо это и есть Бог. Наконец, он приводит из Иоанна Дамаскина такой аргумент: Многие вещи, лишённые всякого познания, стремятся однако к одной определенной и при том наилучшей цели; следовательно, они направляются Существом, сознающим эту цель, а это-то Существо и есть Бог. Данте имеет здесь в виду эти доказательства. *Sum. Theol.* p. I, 3-6; *Sum. cont. gent. lib.* I, cap. 13». Филалет. — «Уже апостол (Рим. I, 20: «Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...») сказал, что невидимое существо Божие видимо чрез рассматривание творений, т. е. созданий мира. Под метафизикой разумеются философские доказательства существования Бога». Витте.

136-138. «И весь Завет», в подлиннике: *Per l'Evangelio e per voi che scriveste*. В ст. 136 указывает-ся Ветхий Завет, как в Ев. от Луки XXIV, 44: «Надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом, и в пророках, и псалмах». — В ст. 137 указан Новый Завет, который уже с III века разделяется на *Εὐαγγέλιον* (*instrumentum evangelicum*) и *Ἀπόστολος* (*instrumentum apostolicum*). — Ст. 138 в подлиннике: *Poi che l'ardento Spirto vi iece almi* — после того как пламенный Дух облагородил вас. Здесь разумеется сошествие Св. Духа на апостолов.

141. Множественное число (*sunt*, в некоторых кодексах: *Sono*) относится к лицам или ипостасям Св. Троицы; единственное число — к сущности Бога. Потому и в Символе веры св. Афанасия сказано: „*Fides catholica haec est, ut unum Deum in Trinitate et Trinitatem in Unitate veneremur. Alia enim est persona Patris, alia Filii, alia Spiritus Sancti. Sed Patris et Filii et Spiritus Sancti una est divinitas, aequalis gloria*“ etc. „*Aeternus Pater, aeternus Filius, aeternus Spiritus Sanctus, sed tamen non tres aeterni, sed unus aeternus*“ etc.

143. Учение о триединстве отличается от учений о существовании Бога тем, что первое не может быть, подобно последнему, познаваемо разумом и верой, но единственно чрез посредство последнего, следовательно, чрез откровение. Поэтому Фома Аквин. говорит: „*Per rationem naturalem cognosci possunt de Deo ea quae pertinent ad unitatem essentiae, non autem ea quae pertinent ad distinctionem personarum. Qui autem probare nititur Trinitatem personarum naturali ratione, fidei dupliciter derogat*“. *Sum Theol.* p. I, 32, 1.

145. Смысл учения о Св. Троице есть средоточие и источник всего христианского учения и познания.

148-150. Поэт сравнивает себя со слугой в аду (Ада XVII, 89-90), но там он является слугой, пристыженным перед знанием человеческим, которое исправляет его; здесь он — слуга, радующийся со смирением перед знанием божественным, которое благословляет его. Слич: Вентури, *Similit.* 250, 148.

154. «Хвалящийся хвалился тем, что разумеет и знает Меня, что я — Господь, творящий милость, суд и правду на земле». Иерем. IX, 24.

ПЕСНЬ XXV

Рассуждение с апостолом Иаковом о надежде. — Евангелист Иоанн.

<p>1 Удастся ль мне священной поэмой
(На ней же длань и неба, и земли,
Так что иссох я весь под трудной темой)</p> <p>4 Осилить тех, кто в злобе заперли
Мне вход в овчарню, где я спал ягненком,
Как враг волков, что с нею брань вели:</p> <p>7 В другом руне я б был при клике громком,
Вернувшись, как поэт, во храме том,
Где был крещен, — увенчан в честь потомкам.</p> <p>10 Там в недра веры, в ней же познаем
Мы Господа, вступил я, и Петровым
Здесь за нее был осенен огнем.</p> <p>13 Тут огонь другой одел нас блеском новым,
Лиясь из сфер, отколь пред сим в огне
Нисшел глава наместникам Христовым.</p> <p>16 И, вся восторг, сказала Донна мне:
— «Смотри, смотри: вот воин, чьи заслуги
В Галицию влекут вас на земле».</p> <p>19 Как голубок, слетев к своей подруге,
К ней ластится, воркуя и кружась,
Чтоб выразить тем радость друг о друге, —</p> | <p>Так увидел я, как небесный князь 22
С другим вельможей — оба в месте этом
Сошлись, небесной пищей веселясь.</p> <p>И на привет ответивши приветом, 25
Стал согаи те безмолвно каждый лик,
Так что мой взор был ослеплен их светом.</p> <p>С улыбкой Донна молвила в тот миг: 28
— «О дивный свет, писавший нам всех прежде
Об изобилии наших базилик!</p> <p>Благовести с высот их о надежде; 31
Зане ты был ей символом в горах,
Где в светлой трем Христос предстал одежде».</p> <p>— «Подняв главу, рассея бесплодный страх! 34
Кто к нам грядет сюда из смертных страды,
Тот да созреет в наших здесь лучах» —</p> <p>Из пламени второго глас отрады 37
Так лился мне; я взор возвел к горам, —
Взор, что сперва поник от их громады.</p> <p>— «Коль в благодати наш Самодержец Сам 40
Ввести тебя до смерти соизволил
К Его князьям в таинственный Свой храм,</p> |
|---|---|

1-9. «Удовольствие, выраженное ап. Петром при обнаруженных Данте познаниях в вере, мысленно увлекает поэта туда, где он принял крещение в эту веру, т. е. в любимое им отечество. Он высказывает надежду, хотя и тщетную, что слава, которую он стяжает своей поэмой, сделает то, что его призовут обратно из изгнания туда, где он принял св. крещение, что там он будет увенчан лавровым венком, по тогдашним обычаям, в церкви, следовательно, в церкви Св. Иоанна Крестителя во Флоренции, где он был окрещен. Мог ли он начать ту песнь, в которой говорится о надежде небесной, с более прекрасной земной надежды? Мог ли он более трогательно выразить свою тоску по Флоренции, высказывая эту мысль о наивысшем земном благе, вызывающем в его душе всю тоску и всю надежду, — рядом с думами о величайшем небесном благе в загробном мире?» Штрекфусс.

1-3. Опять одна из многочисленных в поэме биографических подробностей, свидетельствующая как о высоком вдохновении Данте, так и о серьезном напряжении всех его сил при созидании грандиозной поэтической работы. Слич: Чистил. XXIX, 37 и след.; а также Рая I, 25.

2. «Длань и неба, и земли». «Слова эти имеют многообразное значение. Небо — это рай; земля — ад и чистилище. В поэме соединены и откровение, и история. Содержание поэмы лежит вне пределов чистого опыта, но вымысел поэмы — земной и человеческий». Каннегиссер. — „Poema, nel quale è trattato delle cose del cielo e di quelle della terra; al quale ha dato materia e soggetto il cielo e la terra: il cielo, con la santità de' suoi dogmi e la profondità de' suoi misteri; la terra con la descrizione de' suoi costumi e il ricordo de' suoi falli“. Оттимо, Бути.

4-6. «Тех», т. е. правителей Флоренции, которых он надеется победить своей поэтической славой и тем заставить их вернуть его из изгнания, однако не иначе, как увенчанным. — „Si per nullam talem Florentia

introitur, numquam Florentiam introibo“, говорит он в письме к своему флорентинскому другу (Epist. Tamico florentino § 4). Поэт здесь забывает на минуту, что фантастическое загробное его странствование совпадает со Страстной неделей 1300 г. — «Овчарня» (bello ovile) — Флоренция, названная точно также в Рая XVI, 26. — Данте называет себя ягненок (agnello), имея в виду слова Библии, напр. Премудр. Исис. сына Сирах. XIII, 21: «Какое общение у волка с ягненок? Так и у грешника — с благочестивым»; также Матф. X, 16: «Я посылаю вас, как овец среди волков». — «Волки», т. е. враждебная, гвельфская партия. Вообще эта терцина напоминает Дантову канцону: Amor, dacchè convien pur ch' io mi doglia, строфа 6:

O montanina mia canzon, tu vai;
Forse vedrai Fiorenza, la mia terra
Che fuor di sè mi serra,
Vota d' amore, e nuda di pietate;
Se dentro v' entri, va dicendo: Omai
Non vi può fare il mio signor più guerra.

7. В подлиннике: Con altra voce omai, con altro vello. Стих этот толкуется комментаторами весьма различно. Некоторые под словом vello (руно) разумеют волосы поэта, поседевшие в старости, и тогда слово voce — голос, слова, клик — будет означать голос Данте, ослабевший от старости ко времени чаемого им возвращения на родину. Другие, напр. Бути, понимают слово voce как fama, слава, vello — как опампенто, и относят то и другое к народной манифестации при ожидаемом возвращении поэта. Мы в переводе держались последнего толкования, как более поэтического и ближе соответствующего непосредственно следующему выражению Ritornelò poeta. — Руно употреблено здесь, очевидно, потому, что в ст. 5 Данте называет себя ягненок.

9. Поэт желает быть увенчанным не в римском Капитолии, где увенчивались другие поэты, но во Флоренции, в прекрасной Крестильне Св. Иоанна (Ада XIX, 19; Рая XV, 134), бывшей тогда главной флорентинской церковью, где он принял Св. крещение (in sul fonte Del mio battesimo). — Действительно, существовавший в Средние века обычай увенчивать в церквях перешел из древности. Это торжество близко подходило к докторской промоции, почему в подлиннике вместо слова согора употреблено capello (шляпа); в Италии и до сих пор получение степени доктора называют получением лавров.

10. Крещение — дверь веры. Слич: Ада IV, 36.

11-12. Как мы видели в Рая XXIV, 152.

13. «Огонь другой» — апостол Иаков, брат Господень; см. ниже, к ст. 17-18 прим.

15. Апостол Петр считается, по преданию, первым папой римским. В подлиннике: la primizia che lasciò Cristo de' vicari suoi.

17-18. «Смотри, смотри», в подлиннике: „Mira, mira, ecco il Barone“. Это ап. Иаков Зеведеев. Гробница его в Сантьяго-де-Компостелло, в испанском королевстве Галисии (Καλαχία, Callaëcia, Gallaecia), куда его тело, по преданию, перенесено в 829 г., и с тех пор этот город стал одним из наиболее посещаемых пилигримами мест в Средние века. По преданию, Иаков Зеведеев, брат Иоанна Богослова, проповедовал евангелие в Испании и, возвратившись оттуда в Иерусалим, принял там мученичество.

19-21. Сравнение, может быть, не совсем подобающее двум святым мужам, тем более, что ниже (ст. 38) они уже сравниваются с горами. Это сравнение напоминает подобное же Ада V, 82 и след.

22-23. «Небесный князь», т. е. Иаков. — «Другим вельможей» (grande Principe glorioso), т. е. ап. Петром.

24. «Небесной пищей», т. е. божественными словом и учением. «Пробудившись, буду насыщаться образом Твоим». Псал. XVI, 15.

20. „Coram me“, т. е. передо мной, как Рая XI, 62: coram patre — обычай писателей того времени мешать латинские слова с родным языком латинского происхождения. В Божественной Комедии часто встречаются не только отдельные слова, но фразы и даже целые стихи на латинском языке (Напр., Рая XV, 28-30).

27. Радость при встрече двух апостолов делает блеск их более нестерпимым для глаз смертного.

29. «О дивный свет», в подлиннике: „Inclita vita“, преславная жизнь.

30. В некоторых списках: la larghezza, в других — l'allegrezza. Первое, однако ж, принимается большинством комментаторов и издателей и, по-видимому, относится к начальным словам послания ап. Иакова I, 5, 17: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков — и дастся ему. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от Отца светов». Базилика (ἡ βασιλική — царское жилище), собственно, соборный храм; здесь — торжествующая

43 Затем, чтоб ты, кому Он зреть дозволил
Двор истинный, всем любящим душой,
Как и себе, надежду в сердце пролил, —

46 То объясни: что есть она? Открой,
Как цвет ее цветет? Отколе сила? —
Так продолжал все тот же свет второй.

49 И Добрая, кто перья укрепила
В крылах моих к полету, мой ответ
Своим ответом так предупредила:

— «В воинствующей Церкви сына нет,
Кто б был, как он, надеждою так полон,
Как вписано в том Солнце, где наш свет.

Вот почему узреть Сион пришел он
Из страшной тьмы Египта, прежде чем
Срок службы Церкви до конца довел он.

В других вопросах, заданных не с тем,
Чтоб знать его, но чтоб донес он тленью,
Сколь любишь ты надежду сердцем всем, —

Церковь на небе. В Риме вообще, как и в других городах Италии, базиликами называются более древние, более славные по великолепию и потому наиболее уважаемые.

32-33. «По мистическому толкованию Библии, в трех апостолах, коих Спаситель брал с Собою при различных случаях, особенно во время Его преображения на горе (Ев. от Матф. XVI, 1-6 и Марк. IX, 2-8), многократно старались найти глубокий таинственный смысл. Согласно такому толкованию, в них видели символы трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви, на крыльях которых мы возносимся к Богу. Апостол Петр здесь символом веры, Иоанн — любви, а потому на долю Иакова остается, без дальнейших доказательств, лишь символ надежды (Cornel. a Lapide Comment ad Ev. Matth. XVI, 1)». Филалет.

34-36. Слова ап. Иакова к Данте.

35-36. «Каждая земная добродетель, всякое земное знание должны здесь, на небе, очиститься и укрепиться от лучей небесного света» (Филалет), или «в лучах трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви». Лонгфелло.

37-39. «Блеск двух апостолов ослепил очи Данте, как сказано выше, в ст. 27; теперь, полный уверенности, он возводит к ним взор. Он сравнивает их поэтому с горами, которые сначала как бы подавили его своей громадностью и к которым он теперь возводит свои очи с надеждой, намекая на слова Псалма СХХ, 1: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя». Филалет. По Скартаццини слова Псал. LXXXVI, 1: «Основание его на горах святых», некоторые толкователи священных книг считают олицетворением апостолов. Сам он приводит здесь слова Спасителя к апостолам: «Вы свет мира. Не может укрыться город, стоящий верху горы». Матф. V, 14.

40-47. Снова слова ап. Иакова, говорящего Данте из пламенной оболочки, его окружающей.

40. «Самодержец», в подлиннике: Imperadore, как Ада I, 124. Подобно тому, как выше он назвал Петра князем (в подлиннике — бароном) (Рая XXV, 115), и здесь он называет апостолов — князьями (в подлиннике: conti, графы), составляющими как бы тайный совет небесного двора (aula più segreta), — выражение, встречающееся у Данте для обозначения собравших пред Господом праведных, подобно ленным властителям перед их сюзереном, по обычаю Средних веков; тем более, что в этом Данте видит прототип всемирной монархии. Витте. Флейдерер.

43-45. «Любящим душой», в подлиннике: La speme que laggiù bene innamorà, надежду, которая внизу (на земле) внушает истинную любовь. — Смысл: «Затем, чтобы ты, познавший истину, утвердил как в самом себе, так и в других, надежду там, на земле, куда ты должен возвратиться, — ту надежду, которая вызывает в людях такое сильное желание узреть небесную славу, и чтобы ты внушил им эту надежду в такой степени, дабы с ее помощью они могли достигнуть этой славы». Даниелло.

45. «Надежду» (la speme), т. е. надежду приобрести вечную славу.

46-47. Снова те же три вопроса, какие были предложены о вере в предыдущей песне ст. 51-53, 85 и 91. «Но так как, согласно с Фомой Аквин., надежда ordine generationis, sed non perfectionis (по порядку возникновения, а не по совершенству), предшествует любви, то поэтому за верой в этом небесном испытании Данте следует надежда, а не любовь, как обыкновенно». Флейдерер. — «Открой как цвет ее цветет», в подлиннике: come se ne infiora La mente tua, слово в слово: как душа твоя цветет ею, проще: имеешь ли ты надежду?

49. «Добрая» в подлиннике: pia, т. е. Беатриче. В Чистил. XXXII, 82, Данте так называет Матильду. Беатриче предупреждает ответ Данте на второй из трех предложенных ему Иаковым вопросов, чтобы не дать ему повода к самовосхвалению, ибо, согласно ст. 53, он, как никто, обладает этой богословской добродетелью.

61 Нет трудности, ни пищи самоменью, —
Так пусть же он решит их сам, и Бог
Да даст ему глагол к благовещенью».

64 Как ученик с охотой, без тревог
Учителю свое являет знанье,
Чтоб тот судить его успехи мог, —

67 — «Надежда есть», — сказал я, — «ожиданье
Благ будущих, которые дарит
Нам благодать заслугам в воздаянье.

Из многих звезд лиясь, мне в сердце влит 70
Тот свет всех прежде — тем, кто воспевает
Вождя вождей, верховнейший пиит.

„Sperent in te“, в псалме он восклицает, 73
Господне имя знающие все!»
С моей же верой кто ж Его не знает?

Надежды росу ты в своем письме 76
Мне пролил так, что орошаю в мире
Я всех дождем, рожденным в сей росе».

52-54. Данте чувствует себя особенно твердым в надежде, и действительно, вся его Божественная Комедия не доказательство ли того, как несомненны для него все обетования и угрозы Божия? Данте не хочет сам воздать себе в этом похвалу и потому влагает ее в уста Беатриче. Эта-то высшая твердость в надежде, говорит она, и снискала ему благодать еще до окончания его земной жизни увидеть исполнение своих надежд, ибо «у имущего будет и приизбудет». На вопросы первый и третий Данте может сам дать ответы, так как в них нет для него повода к самовосхвалению.

54. «Солнце» — Бог, в котором праведные видят все наперед.

55-56. «Снон», в подлиннике: Иерусалим, — небо. «Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов». К Евр. XII, 22. Также к Галат. IV, 26; Откр. Иоанна, III, 12; XXI, 2, 10. «Египет есть земной мир, страна греховного рабства, каким он был для евреев (Чистил. II, 46 и примеч.). По объяснению Гуго де С.-Викторе (in Gen. lib. III, с. 1), Египет означает мрак, а также век (seculum), не потому, что люди живут в нем, но потому, что живут дурно. В другом месте (De Arca Moral. lib. IV, с. 9), Египет, по Г. С.-Виктору, — символ земного мира, погруженного во мрак греха и плотского вожделения». Скартаццини.

57. «Срок службы» (il militar) — земная жизнь, или срок, назначенный ему оставаться в воинствующей Церкви. «Не определено ли человеку время на земле?» Иова VII, 1. — В этих двух терцинах Беатриче отвечает вместо Данте и на второй вопрос Иакова для того, чтобы не дать поэту повода к самовосхвалению (di iattanza) — см. прим. к ст. 49.

58. «Цель этих вопросов не в том, что Иаков хочет узнать, ибо он видит в Боге всего внутреннего Данте; равным образом он знает, что такое надежда и откуда Данте заимствовал ее начало; но цель этих вопросов та, чтобы Данте, по возвращении на землю, возвестил людям, как высоко Иаков ценит надежду». Каннегиссер.

67-69. Определение надежды у Данте — буквальный перевод из Петра Ломбардского: Est enim spes certa expectatio futurae beatitudinis Veniens ex Dei gratia et meritis precedentibus (Sentent. lib. III, с. 26), т. е. без сознания добра и без заслуг нет надежды.

70-78. «В этих трех терцинах Данте дает ответ на третий вопрос апостола: откуда исходит надежда? И, как на источник ее указывает на книги Св. Писания (звезды), т. е. на откровение, а не на разум человеческий, как сказано было относительно веры в Бога». Филалет.

70. «Из многих звезд», т. е. из многих книг Св. Писания и отцов Церкви, — намек на слова пророка Даниила XII, 3: «Обратившие многих к правде будут сиять, как звезды, вовеки, навсегда».

72. «Верховнейший пиит», т. е. высочайший воспеватель Господа царь Давид. Слич: Рая XX, 38.

73. «Будут уповать на Тебя знающие имя Твое», слова Псал. IX, 11; этому псалму Данте приписывает первое пробуждение в нем надежды.

74-75. Итак, надежда рождается лишь из веры и верою. Фома Аквин. говорит: „Fides absolute praecedit spem. Objectum enim spei est bonum futurum arduum possibile haberi. Ad hoc ergo quod aliquis speret, requiritur quod objectum spei proponatur ei ut possibile. Objectum autem spei est uno modo beatitudo aeterna, et alio modo divinum auxilium. Et utrumque eorum proponitur nobis per fidem, per quam nobis innotescit quod ad vitam aeternam possumus pervenire, et quod ad hoc paratum est nobis divinum auxilium, secundum illud Hebr. XI, 6: „Accedentem ad Deum oportet credere quia est et quia inquirentibus se renumerator est“. Unde manifestum est quod fides praecedit spem... Spes dicitur introitus fidei, id est, rei creditae, quia per spem intratur ad videndum id quod creditur. Vel potest dici quod est introitus fidei, quia per eam homo intrat ad hoc quod

<p>79 Так я сказал; меж тем в своей порфире
Весь трепетал того огня пожар
И вспыхивал, как молнии в эфире.</p>	<p>Для тех (сказал Исаия) готовы 91
В Его земле сиянья двух одежд;
Земля ж Его — в сей жизни вечно новой.</p>
<p>82 И дух: «Любовь, во мне питаю жар
К той силе, с коей, не смущен испугом,
Я встретил смерть и пальму принял в дар, —</p>	<p>Еще подробней брат твой, полн надежд, 94
В том месте, где о белых пишет столах,
Виденье то открыл для наших вежд».</p>
<p>85 Влечет меня с тобой, надежды другом,
Речь продолжать, и потому скажи:
Каким надежду очертил ты кругом?»</p>	<p>Лишь кончил я, как вдруг при тех глаголах 97
„Sperent in te“, раздался глас с вышин
И вторилась та песнь на всех престолах.</p>
<p>88 И я: «В Святом Писании ей меж
Очерчены, а здесь — ее основы!
Для чистых душ, в ком нет пред Богом лжи,</p>	<p>И блеск такой лился из тех дружин, 100
Что, будь кристалл такой же в знаке Рака, —
Весь зимний месяц был бы день один.</p>

stabilatur et perficiatur in fide». Sum. Theol. p. II², 17, 7. — «С моей верой», т. е. с верою, которую сейчас исповедовал Данте (Рая XXIV, 86 и след.; 130 и след.). — „La fede è sustanzia delle cose da essere sperate ecc.; sicchè chi ha la fede ha la speranza“. Бути.

76-77. Как в вышеприведенном псалме Давида заключалась основа, так в твоём послании заключается предмет надежды. Место в послании ап. Иакова (собственно Иакова Алфеева — действительного автора «сборного послания»), на которое здесь намекает Данте, есть, по-видимому, следующее: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что был испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его». I, 12, а также: «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» II, 5.

77-78. Т. е. «все, что я слышал, от тебя, я запишу и передам миру». Бути.

79-81. Великолепная картина, напоминающая трепетание от зарниц вечернего неба летом. Эта терцина напоминает слова пророка Иезекииля (I, 13): «Сияние от огня и молния исходила из огня». — «В порфире», т. е. в огненной оболочке, которой одет апостол.

82. «И дух», т. е. голос Иакова.

83. «К той силе», т. е. к надежде.

84. «Согласно с легендой, апостол Иаков первый претерпел мученичество при Ироде Агриппе», Лонгфелло, — а потому Иаков является здесь символом непоколебимой надежды среди страданий и гонений.

87. В подлиннике: „tu diche Quello che la speranza ti promette“ — скажи, что обещает тебе надежда? Словом, здесь задается вопрос о содержании или предмете надежды Данте, так же точно, как в предыдущей песне поэт должен был определить содержание или объем своей веры.

88-89. «В Святом Писании», в подлиннике: в Ветхом и Новом Завете определена ее цель (segno). — Вообще относительно этих двух стихов существует различие в толковании, зависящее от того, как читать их, а именно: ed esso (т. е. il segno) lo mi addita — нераздельно с текстом, или слова эти понимать, как новый вопрос Иакова, как бы прерывающий слова Данте, и в таком случае поместить их в скобках таким образом (ed esso: «Lo mi addita») и он: «где ж ей основы?» В переводе мы держались первого толкования. Вообще это место очень темно в подлиннике. Слич Скартаццини.

90-93. Место из пр. Исаии, которое здесь приводит Данте, следующее: «В земле своей вдвое получат; веселие вечное будет у них». LXI, 7. Под двумя одеждами (doppia vesta) Данте разумеет тело и душу, долженствующие принять участие в общем блаженстве, или, говоря словами Бути, белая одежда непорочности и алая одежда любви. Само собой разумеется, что «Земля Его» (Господа) есть земля живых, которую унаследуют кроткие сердцем по воскресении из мертвых.

94-96. «Брат твой» — апостол Иоанн Богослов, который говорил (Откров. VII, 9): «После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечест, из всех племен, и колен, и народов, и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих». Этими словами еще яснее указывается предмет нашей надежды — соединение с Богом.

<p>103 Как дева, встав, плясать идет без знака
Унылости, не ради суеты,
Но чтоб почтить невесту после брака, —</p> <p>106 Так яркий блеск спускался с высоты
К двум светочам, вращавшимся на месте,
Согласно с чувством дивной той четы.</p> <p>109 В кругу их с пеньем блеск слился вместе,
И Донна взор вперила в сей фиал,
Безмолвная, подобная невесте.</p> <p>112 — «Вот тот, кого на грудь Свою приял
Наш Пеликан! Вот тот, кого Бог-Слово
Сам со креста в великий сан избрал».</p> <p>115 Так Донна мне; но, говоря то слово,
Как и потом, все не сводила глаз
Со светоча, внимать ему готова.</p> | <p>Что с тем бывает, кто в затмения час 118
На солнце зрит, чтоб видеть, все ль затмилось,
И зрения лишается тотчас, —</p> <p>То ж и со мной, при блеске том, случилось. 121
И глас мне: «Зреть тебе так тяжело
За то, что ждешь того, что вам лишь мнилось.</p> <p>Как персть, мое там тело в персть легло 124
И будет там, доколь с уставом вечным
Сравниется блаженных душ число.</p> <p>Два Света лишь к блаженствам бесконечным 127
В двух одеяньях вознеслись, о чем
Так и скажи в том мире всем беспечным».</p> <p>При сих словах круг, пышущий огнем, 130
Пришел в покой, а с ним и сладость пенья
Триады душ, сливших голос в нем, —</p> |
|---|---|

98. Слова псалма Давида, провозглашенные сперва Данте (ст. 73 этой же песни, примеч.), повторяются теперь с высот, вероятно, апостолами Петром и Иаковом, а за ними и всеми праведниками в их огненных одеяниях («престолах»).

100. Этот вновь появляющийся свет есть апостол Иоанн Богослов. Данте сравнивает его с блеском солнца.

101-102. Зимой, когда солнце в продолжение целого месяца стоит в знаке Козерога, на небе ночью появляется созвездие Рака. Следовательно, смысл этого места таков: если бы созвездие Рака имело такую же силу света (в подлиннике: *cristallo* — кристалл), то его блеск превратил бы темные зимние ночи в светлый день, и тогда целый зимний месяц стал бы непрерывным днем.

103-105. «Не ради суеты» — не ради суетного желания веселиться, но единственно для приветствования новобрачной, только что пришедшей от алтаря. Это напоминает слова Песни Песней II, 10: «Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди».

107. «К двум светочам», т. е. к апостолам Петру и Иакову. Вращенье их ускоряется соразмерно усилению пламенной их любви к Богу. Все трое продолжают петь „*Sperant in te*“.

110. «Фиал», т. е. лучезарный образ Иоанна. В некоторых списках: *in lui*, на него — на Иоанна; в других: *in iugo* — на всех трех.

112-114. Евангелие от Иоанна XIII, 23: «Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса». — «Наш Пеликан», т. е. Иисус Христос, которого средневековые писатели нередко сравнивали с пеликаном. По одной из многочисленных легенд о пеликане, если змея убивала его детей, он клювом своим вскрывал себе грудь и кровью оживлял детей. В таком смысле пеликан может служить превосходным символом Христа, чем пользовались не только средневековые поэты, но и скульпторы в своих изображениях, например, на порталах церквей, — «В великий сан избрал». Иоанна XIX, 26-27: «и Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се сын Твой. Потом говорит ученику: се Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

122. Этот голос исходит из самого Иоанна.

122-124. Данте потому так внимательно вглядывается в ослепительно сверкающую огненную оболочку Иоанна, что надеется увидеть пред собою действительное тело апостола, ибо существовало мнение, что апостол Иоанн не умер, но был вознесен на небо живой, к чему подало повод одно место в Евангелии от Иоанна XXI, 20-23: «Петр же обратившись видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! Кто предаст Тебя? Его увидев Петр говорит Иисусу: Господи! А он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что

133 Так, чтоб избежать скал, иль утомленья,
Усердные гребцы бросают вмиг,
Послыша свист, все весла без движенья.

О, как мой ум взволнован был в тот миг,
Когда, взглянув, чтоб видеть Беатриче,
Я зреть не мог ее прекрасный лик,

136

Хоть был при ней и в мире сих величий.

139

тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие». Замечательно, что сам Фома Аквин. прямо не отрицает этого мнения и даже считает возможным, что некоторые особенными заслугами отличившиеся души, как Иоанн Богослов и Дева Мария, воскреснут еще до Страшного Суда (Sum. Theol. Suppl. ad. p. III, 77 и 79, 1). Но сам апостол, поняв мысль Данте, разубеждает его в этом мнений.

125-126. Т. е. пока не будет заполнено число предназначенных к блаженству душ. Намек, по-видимому, на слова Откровения, VI, II: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число». Ст. 132 в Рая XXX, очевидно, имеет отношение к этому месту Божественной Комедии. — «С уставом вечным» (Con l'eterno proposito). К Ефес. I, 4: «Он (Бог) избрал нас в Нем (Христе), прежде создания мира предопределив усыновить нас Себе... по благоволению воли Своей». Также там же, ст. 11; к Римл. VIII, 28; к Тимоф. I, 9, — Фома Аквин. Sum. Theol. p. I, 27-7: „Certus est Deo numerus praedestinatorum, non solum per modum cognitionis, sed etiam per modum cuiusdam principalis praefinitionis“.

127-128. «Два Света» — Иисус Христос и Дева Мария вознеслись на небо. «В двух одеяньях», именно с душой и телом. — Таким образом, слыша опровержение господствовавшего тогда мнения из уст самого Иоанна, Данте возвещает людям, что до Страшного Суда воскресли только Христос и Богоматерь.

132. «Триады душ» — апостолов Петра, Иакова и Иоанна.

133-135. Некоторые находят это сравнение не совсем удачным (Вентури, Simil.); оно, как кажется, представляет подражание Стацию, Theb. IV, 805 и др.:

Sic — — — per litora ponti
Nauticus in remis juvenum monstrante magistro
Fit sonus.

Ibid. VI, 799 и след.:

Sic ubi longa vagos lassarunt aequora nautas,
Et signo de puppe dato posuere parumper
Brachia — — —

139. Причина, почему Данте не видит Беатриче, заключается, как объяснено в следующей песне, во внезапном его ослеплении от блеска Иоанна, на которого он взглянул так пристально (ст. 118-121). В этом, по-видимому, лежит наставление, что в религии не должно исследовать менее существенное, как сделал Данте относительно тела Иоанна, ибо в таком случае зрение ослепляется, и тогда истинно существенное теряется из виду, так как оно познается лишь верою, надеждою и любовью». Штрекфусс.

ПЕСНЬ XXVI

Рассуждение с евангелистом Иоанном о любви. — Адам.

1	В боязни, что совсем мой взор погас,
Я из огня пылавшего, в котором
Потух мой взор, слышал тихий глас,	— «О, пусть же, рано ль, поздно ль», —
я сказал, —
«Спасет мне очи внесшая в их двери
Мне в грудь огонь, чтоб вечно в ней пылал!	13
4	Сказавший мне: «Пока прозришь ты
взором,
Который вдруг ослеп в моем огне,
Утрату глаз заменим разговором.	То Благо, что здесь льется в каждой сфере,
Есть Альфа и Омега книги той,
Где я постиг любовь в различной мере».	16
7	«Итак, начни. В какой, скажи, стране
Цель дум твоих? Сперва ж узнай, что зренье
Ослабил ты, а не убил вполне.	И тот же глас, который страх немой
Прогнал по мне, вдруг темнотой обвитом,
Вновь звал меня к беседе начатой,	19
10	Во взоре той, кто вождь твой в сем паренье,
Есть чудный дар, которым обладал
Анания, что Павлу дал прозренье».	Сказав: «Просей же боле частым ситом
Здесь мысль свою. Скажи, как ты постиг
Свой лук направить к целям столь сокрытым?»	22

2. Т. е. из огня, в который облачен евангелист Иоанн.

6. «Заменим», в подлиннике: *compense*. „È buono che, ragionando meco, per la vista corporate che hai perduta, acquisti la vista intellettuale“. Бути.

7-8. «Иоанн не спрашивает Данте, как два другие апостола, относительно веры и надежды, что такое любовь, но спрашивает лишь о предмете любви. Первый вопрос здесь не нужен потому, что любовь поселяется не в разуме, а в воле и сердце». Филалет. — „Charitas est amor Dei quo diligitur ut beatitudinis obiectum, ad quo ordinatur per fidem et spem“. Фома Аквин. Sum. Theol. p. I^o, 65, 5. — «В этом заключается первый вопрос Иоанна. Естественно, что тут нет речи об отвлеченном определении любви, но спрашивается прямо об ее предмете. Ответ на это (ст. 16-18): Бог, ибо природа, сердце и откровение указывают на Него, как на высочайший предмет всяческой любви. — Далее следует второй вопрос: Где основа любви и где источник, откуда она происходит? Ответ (ст. 25 и след.): основой ей служит разум, а источником — философия, поддерживаемая откровением». Флейдерер.

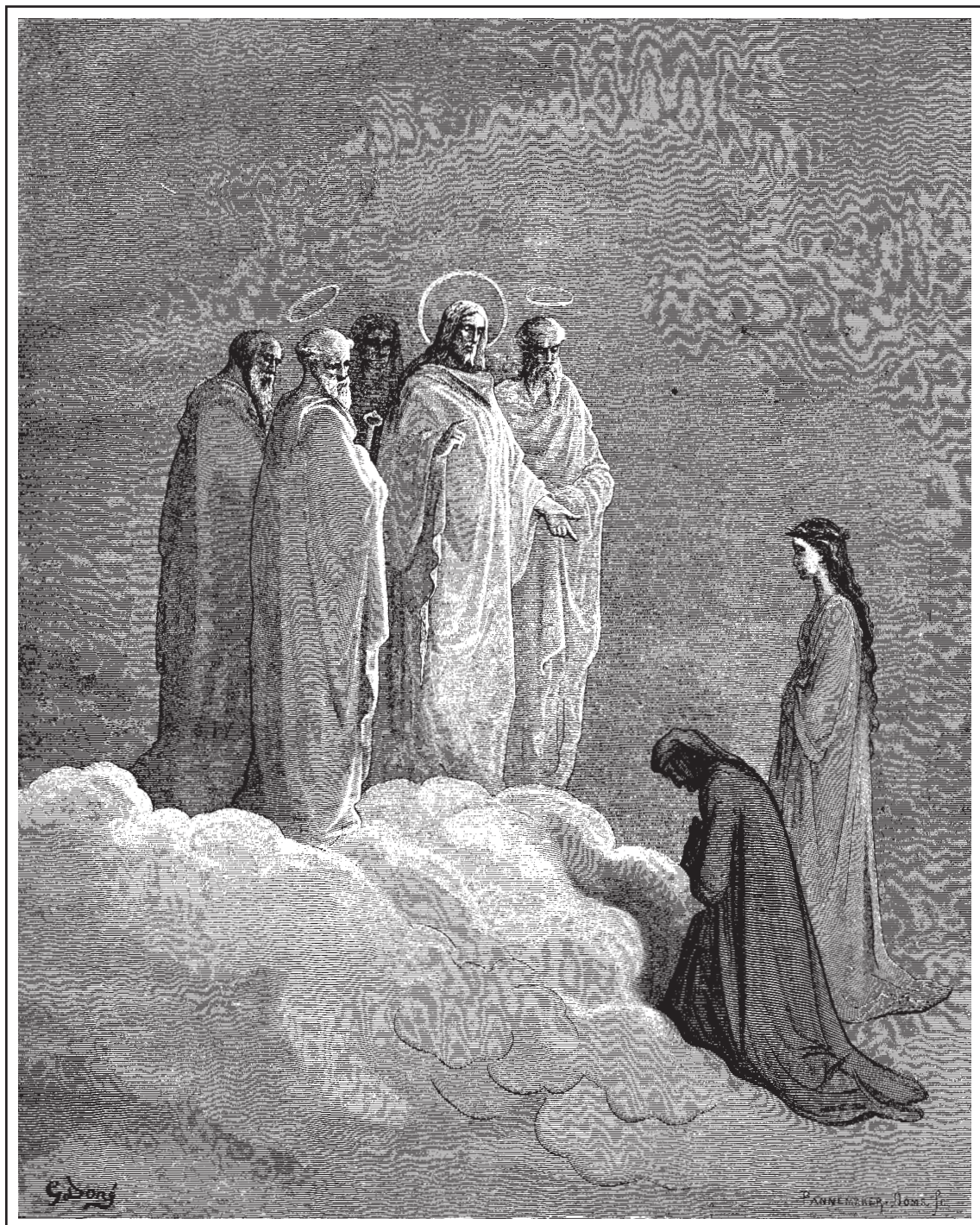
10. «Во взоре Той», т. е. Беатриче. «Если принять Беатриче за символ теологии, то аллегорический смысл будет здесь ясен: Данте потерял ясность зрения вследствие чрезмерного углубления в богословские тонкости; он может получить его обратно одним лишь изучением истинного богословского знания». Филаалет.

11-12. Деяний IX, 10, 17 и 18. «В Дамаске был один ученик, именем Анания Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: «брата Савл! Господь Иисус, явившийся Тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его; и вдруг он прозрел и встав крестился».

13-15. «Божественное учение (Беатриче) проникло через очи, т. е. путем созерцания, в сердце Данте; рядом с этим здесь припоминается очарование взоров поэта земной красотой Беатриче». Копиш. — Очи были здесь как бы двери (porte), через который пламя любви вошло в грудь поэта. — Петрарка, Rim. p. I. Son. 3:

Trovommi Amor del tutto disarmato,
Ed aperta la via per gli occhi al cuore.

16-18. «То Благо» — Бог, как предмет любви, составляющий блаженство этих небесных сфер (в подлиннике: *che fa contenta questa corte*), есть начало и конец той книги, или, собственно, того учения (*scrittura*), в котором я нашел то полное выражение (чрез откровение), то лишь намек на эту любовь (помощью доказательств разума). Буквально: то Благо, которое делает счастливым этот небесный двор, есть альфа и омега того писания (*scrittura*), которым мы то тихо, то громко читаем об этой любви (т. е. об ее

*«Итак, начни. В какой, скажи, стране
Цель дум твоих? Сперва ж узнай, что зреньё
Ослабил ты, а не убил вполне...»*

(Рай, Песнь XXVI, тер. 7)

25 И я: «Ученые философских книг
И голос тот, что с неба к нам взывает,
Мне той любви раскрыли светлый лик.

28 Зане кто благом Благо то считает,
Тот любит уж Его, и тем сильней,
Чем боле благ Оно в себе вмещает.

31 Вот этих благ, столь щедрых в мзде своей,
Что всякий дар, что с Благом тем не связан,
Есть только отблеск от Его лучей, —

34 Искать тех благ всего сильней обязан
В любви своей ум каждого, кто зрит
Свет правды сей, коль раз ему указан.

37 Свет правды сей в уме моем раскрыт
Был тем, кто мне сказал, что, как основа,
В созданных вечных дух любви разлит.

То мне раскрыл и глас Святого Слова, 40
Кто Моисею о Себе вещал:
„Мою ты славу узришь без покрыва“.

„Раскрыл и ты, когда ты возвещал 43
О тайнах неба весть всему живому
В Евангелие превыше всех похвал“.

И был мне глас: «По разуму людскому 46
И по Писаниям, сходным с ним, блюди
Любовь свою к Владыке пресвятому.

Но нет ли струн иных в твоей груди, 49
К Нему тебя тянувших? Чем явилась
Душа твоя, скажи мне, в той любви?»

Святая мысль Орла небес не скрылась 52
От глаз моих, и понял я, к чему
В сей исповеди речь его клонилась.

предмете — Боге). — «Альфа и Омега» — первая и последняя буквы греческого алфавита, — выражение, заимствованное из Откров. Иоанна, I, 8; XXI, 6; XXII, 13: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец».

19. Т. е. голос ап. Иоанна, рассеявшего в нем страх в минуту внезапного ослепления (ст. 4-12).

24. Т. е. кто научил Тебя любить Бога? — «Лук» означает здесь стремление, любовь.

25. «Данте приводит доказательства, частью принадлежащие человеческому разуму, частью заимствованные из Откровения». Витте. — „Veritas autem quaestionis patere potest non solum lumine rationis humanae, sed etiam radio divinae auctoritatis. Quae duo quum simul ad unum concurrunt, coelum et terram simul assentire necesse est“. De Monar. II, 1. — Два аргумента, главным образом, побуждают любить Бога выше всего прочего, а именно: аргумент человеческий и естественный, и аргумент божественный и сверхъестественный. Аргумент человеческий — доказательства философов, в особенности Платона, аргумент божественный — это авторитет св. отцов Церкви и theologов, озаренных Св. Духом, сходящим на них свыше. Даниелло, Велутелло. — «И голос тот, что с неба к нам взывает» относится именно к Откровению.

28-36. Аргумент философский может быть сведен к следующим положениям: 1) благо, как таковое, сознательное и ценное, возбуждает любовь к себе; 2) любовь эта тем сильнее, чем совершеннее благо сознательное и оцененное; 3) Бог — высшее благо, все прочие блага — не что иное, как отблеск Его; 4) следовательно, каждый, кто признает Его высшим Благом, должен любить Бога выше всего». Скартаццини. «Всякий дар» — все благое, всякое благо.

37-39. «Трудно решить, какие доказательства и каких именно писателей имел здесь в виду Данте? Указывали на Аристотеля, Платона и Дионисия Ареопагита». Филалет, — «Менее вероятно, что поэт ссылается здесь на Платона и Аристотеля, скорее, на одно место из Дионисия Ареопагита, где говорится о любви к божественному, к высшей Истине и Красоте, но и здесь сходство с Данте неполное». Копиш. «Создания вечные» — не что иное, как интеллигенции, управляющие движением небесных сфер. Смотри примечание к Чистил. XVIII, 49; Рая VIII, 34; XXVIII, 45». Ноттер.

40-42. В подлиннике: Io ti farò vedere ogni valore. «Здесь подразумеваются слова Исх. XXXIII, 19: «Я проведу перед тобою всю славу Мою», обращенный Богом к Моисею, сказавшему: «Покажи мне славу Твою», где понятие — все благое — представляется как бы равнозначным славе Божией». Филалет.

43-45. Здесь, без сомнения, имеется в виду первая глава Евангелия от Иоанна, где наиболее ясно благовествуется глубочайшая тайна христианства, тайна Троицы и рождения Слова (Сына) до века, в чем и заключается доказательство бесконечной благодати Бога.

<p>55 — «Явления все, — я отвечал ему, —
«Что клонят к Богу дух нелицемерный,
Любовь внушали сердцу моему.</p>	<p>Как сон бежит от нас при свете резком, 70
Затем что вновь мощь зренья восстает
С лиоющимся по тканям глаза блеском,</p>
<p>58 Все бытие мое, весь мир безмерный
И смерть Его, да оживу я с Ним,
И все, на что надеется всяк верный, —</p>	<p>И как нам взор в просоньи свет гнетет 73
(Так незаметно сон прошел), покуда
Суждение к нам на помощь не придет, —</p>
<p>61 Со сказанным познанием живым —
Влекли меня из волн любви превратной
К прямой любви, как к пристаням святым.</p>	<p>Так с глаз моих весь сор, как силой чуда, 76
Смела Мадонна блеском светлых глаз,
На тысячи сверкнувших миль отсюда.</p>
<p>64 Люблю настолько листьев цвет приятный,
Каким одел Садовник вечный сад,
Насколько благ Он льет им, благодатный».</p>	<p>И все ясней я видеть стал в тот раз. 79
И я спросил, испуган, чтоб открыла,
Кто был четвертый пламень подле нас?</p>
<p>67 Лишь смолк я, как наполнился весь град
Небесный пеньем, как немолчным плеском,
И возгласила Донна: «Свят! Свят! Свят!»</p>	<p>И Донна мне: «В лучах сего светила 82
Ликует в Боге первый дух из всех,
Когда-либо созданных первой силой».</p>

51. В подлиннике: „Con quanti denti questo amor ti morde“ — сколькими зубами любовь тебя кусает. Поэтому дальше, в ст. 55, сказано «явления все».

52. «Орла небес», в подлиннике: Del' aquila di Cristo. Как известно, из четырех животных в видении Иезекииля (гл. I, 4-13), орел считается символом Иоанна, бык — Луки, лев — Марка и человек — Матфея. Слич: Чистил. XXIX, 100.

55-66. «Орел желал, чтобы поэт исповедал перед ним, что кроме причин, заключающихся в нашем разуме и в Св. Писании, побуждающих нас любить Бога больше всего, к тому же приводят нас: жизнь Христа и все деянья Господни». Ноттер.

60. Будущая жизнь, на которую надеется всякий верующий.

61. «Познанием», что Бог есть величайшее Благо.

62. В подлиннике: del mar dell amor torto — из моря превратной любви, что соответствует, дикуму лесу в I п. Ада. «Таким образом смысл ответов поэта таков: доказательства философские (Вергилий), авторитет Откровения (Беатриче?) и размышление о благодеяниях Господних (Ада, I, 91 и след.) отвлекли его от превратной и направили к истинной любви». Скартаццини.

64-66. «Садовник» — слич: Иоанна XV, 1-2. Там же XX, 15. «Ранее, когда поэт был погружен в море превратной любви, он любил творения Божии ради них самих и более нежели самого Творца; ныне он их любит постольку, поскольку в них отражается Господня благодать». Ноттер. «Мы должны любить наших ближних ради Бога, т. е. ради добра, внедренного в них Богом. Любя грешников, мы любим сообщенную им Богом способность к вечному блаженству, а не грехи их. Фома Акв. Summa totius Theol. p. I^o, 26, 6». Филалет.

67-69. «Здесь изображается ликование праведников и Беатриче и прославление ими Бога после успешного испытания Данте в трех богословских добродетелях. «Свят» (три раза) — гимн серафимов — Исаии, VI, 3: Свят, свят, свят!, а также песнь четырех мистических животных, окружающих престол Господень. Откров. Иоанна IV, 8». Скартаццини.

73-75. В подлиннике: „E lo svegliato ciò che vede abortire“ и проснувшегося пугает то, что он видит, так, как не может прийти в себя от внезапного пробуждения. — «Суждение», в подлиннике: la stimativa — способность оценивать (aestimativa). Слич: «Очерк Психологии», приложенный к Чистил. XVIII.

76-79. «Восстановление зрения поэта отнюдь не случайно в этом месте, так же точно, как и ослепление в конце предыдущей песни. От случайного и несущественного он возвращается к рассмотрению необходимого и теперь не только выносит усилившийся блеск очей Беатриче, но даже, благодаря этому, вновь приобретает утраченную остроту зрения». Флейдерер.

<p>85 Как ветер клонит ветку, — но успех
Его недолог: рвется, поднятая
Упругостью, вверх ветвь та без помех, —</p> <p>88 Так, внемля ей, подавлен был сперва я;
Но был смущенно положен конец
Желаньем весть беседу с сыном рая.</p> <p>91 — «Отколь», — я начал, — «ты, кого Творец
Создал уж зрелым? Отче первозданный,
Всем женам ты и свекор, и отец!»</p> <p>94 Молю, ответь, прозрев в мой ум туманный,
На мой вопрос, затем лишь скрытый мной,
Что внять хочу скорей твой глас желанный».</p> <p>97 Порой, коль бьется зверь под пеленой,
Его шаг каждый знает любопытный,
Смотря, как зверь покров волнует свой, —</p> | <p>Так мне являл и дух сей первобытный 100
Сквозь огонь всю силу радости своей
Жар утолить мне жажды ненасытной.</p> <p>И огонь дохнул: «Едва ли б что ясней 103
Ты видеть мог, чем я в сем покрывале
Зрю мысль твою, хоть ты молчишь о ней.</p> <p>Я зрю ее в правдивом том зеркале, 106
Что отражает все стеклом своим,
Само ни в чем не отразясь кристалле.</p> <p>Ты хочешь знать, за сколько лет пред сим 109
Вселен я в сад, в который ты столь длинной
Шел лестницей, Мадонной возводим?»</p> <p>И долго ль сад мне тешил взор невинный? 112
Чем на себя воздвиг я в небе брань
И создал я какой язык старинный?»</p> |
|--|--|

80-81. Поэт удивлен появлением четвертого света.

82-84. «Ликует», собственно: зрит своего Творца первая душа, т. е. душа прародителя Адама. «Ангелы сотворены прежде человека, но Данте говорит о душах, а не о духах; животные также сотворены прежде Адама, но здесь имеются в виду души разумные». Скартаццини. «Первой силой», в подлиннике: *la prima virtù*. «La prima semplicissima e nobilissima Virtù che Sola è intelletuale, cioè Iddio . . .» *Convivio* III, 7. «Сотворение мира есть первое и высшее деяние божественной любви, поэтому Адам и появляется здесь, как «символ этой любви». Каннегиссер.

91-93. «Ты», в подлиннике «О ротом» — яблоко. — «Создали уж зрелым», «так как Адам явился в мир взрослым человеком». Каннегиссер. Значение слов «и свекор, и отец» таково: все женщины — дочери Адама, в то же время все замужние женщины, чрез своих мужей, сынов Адама, — его снохи.

91-96. Данте не высказывает своих вопросов, дабы не терять времени, зная, что Адам видит их отраженными в Боге.

97-102. «Признаюсь, что это сравнение всегда представлялось мне одним из немногих мест Божественной Комедии, невольно вызывающим восклицание: *quandoque bonus dormitat Homerus*». Филалет.

103-108. Согласно тексту, буквальный смысл первой терцины таков: без выражения тобою желания твоего, я его знаю точнее, нежели такую вещь, которая тебе наиболее известна. «Употребленное в подлиннике слово „твоего“ — *da te*, — старинными комментаторами (Пьетро Данте, Ландино и др.) читается „Dante“, чем устанавливается обращение Адама к Данте по имени; они усматривают здесь намерение поэта выразить, что Адам, как прародитель человечества, дававший имена всему существующему, должен был знать имена всех людей и их значение. Однако, основываясь на том, что в земном раю (Чистил. XXX, 55, 63) поэт, влагая в уста Беатриче свое имя, объясняет это необходимостью, нельзя согласиться с тем, чтобы и здесь его имя произносилось по необходимости». Копиш. — Бог всеведущ, поэтому отражением в Себе Он может сообщить познание всего тем, кто удостоен созерцать Его. Познавать же Его Самого во всем совершенстве не может никакое существо, ибо ни в ком Он не отражается вполне». Филалет.

109-114. «Адам прочел в мыслях Данте следующие четыре вопроса: 1) Сколько лет протекало со дня сотворения Адама? 2) Как долго он пребывал в раю? 3) Какая была настоящая причина тому, что Бог из-за вкушения запрещенного плода столь прогневался на человека? и 4) На каком языке говорил Адам и как возник этот язык?» Филалет.

115-117. «Адам отвечает первоначально на третий из этих вопросов, как на важнейший. Ответ достаточно уясняется сказанным в примечании к Рая VII, 25. Вкушение плода было само по себе одним из

115 Мой сын, не тем, что поднял дерзко длань
Я к яблоку, я изгнан в мир тернистый,
А только тем, что преступил за грань.

118 Скорбел четыре тысячи и триста
Два оборота солнечных я в мгле,
Отколь Вергилий вызван сей Пречистой.

121 И девятьсот и тридцать раз, в числе
Других планет, я солнца зрел движенье
Годичное, пока жил на земле.

Язык, что был в моем употребленье, 124
Стал мертвым, прежде чем Нимбродов род
Задумал дикое столпотворенье:

Затем что все, что ум ваш создает, 127
По свойству вашему меняться в деле,
Согласно с небом, долго не живет.

Природа хочет, чтоб вы речь имели; 130
Но ту ль, иль эту, — то она дарит
На выбор вам согласно вашей цели.

безразличных деяний, которые человек мог совершить или не совершать, но преступление заповеди, данной Богом, превратило его в грех». Филалет.

118-123. Слич: Чистил. XXXIII, 62, прим. «Адам так отвечает на вопрос, который Данте желал поставить первым: он пробыл 4302 года в преддверии чистилища и 930 лет на земле. Таким образом Данте принимает от сотворения мира до смерти Христа промежуток времени в 5232 года. Принимаемый им возраст Адама вполне согласуется с первой книгой Моисея (Бытия V, 5). Другая приведенная им цифра, по-видимому, заимствована из хронологии Евсевия, который относит восемнадцатый год царствования Тиверия к 5231 году от сотворения мира. Почему произошла разница на один год, выяснить я не мог. Во всяком случае Данте отступает здесь от основного еврейского летосчисления, по которому от сотворения Адама до потопа считается только 1656 лет, тогда как 70 толковников для того же промежутка установили 2262 года, а Евсевий — 2242 года; однако всеми принимается от потопа до Р. Х. 2989 лет. Брунетто Латини принимает в Tesoro от Адама до Христа 5144 г., но, как мне кажется, здесь вкралась описка». Филалет. Подстрочный перевод первой из указанных терцин следующий: там твоя Донна позвала Вергилия, пока я стремился к этому совету (праведных) в течение 4302 кругоборотов солнца». «Согласно учению Церкви, составляющие это собрание праведные вознесены на небо первоначально вместе с Адамом; затем апостолы и др. вознесены отдельно уже после него. Если мы будем буквально придерживаться выражений подлинника, что Адам стремился к этому собранию, то приходится вывести заключение, что, по мнению поэта, большая часть обитателей неба прибыла в рай до Христа. Каким образом Адам считал совершенные солнцем обороты в лишенном света его лимбе, он здесь не объясняет». Ноттер.

120. Слич: Ада II, 52 и след.

124-132. «В этом ответе на четвертый вопрос, по-видимому, Данте желает выразить взгляд, приведенный им в его книге „De vulgari eloquentia“. Там он высказывает предположение, что душе первого человека прирождена известная форма речи (certam formam locutionis a Deo cum anima prima concreatam fuisse), под формою же он разумет как слова, так и конструкцию, и произношение. Этим прирожденным языком люди говорили будто бы до вавилонского столпотворения и лишь тогда образовались различные языки, первобытный же язык сохранен только евреями, которые не участвовали в греховном деянии. Однако здесь Данте говорит противоположное, утверждая, что язык первых людей угас еще до столпотворения, что первому человеку была прирождена способность речи, а не определенная речь, и что эта последняя была скорее делом человеческого разума, изменяясь в зависимости от внушаемых движением небесных светил склонностей людей». Филалет.

125. Об отношении Немброда к Вавилонскому столпотворению см. Ада XXXI, прим. к ст. 67, 77-78.

126. «Дикое», в подлиннике: *inconsumabile*, т. е. которое не оказывается.

132. «Согласно вашей цели», в подлиннике: *secondo che v'abbella* — как вам нравится.

133-136. «Вместо „El“ в некоторых списках встречается „Un“, в других „I“, а также „L“. Мне кажется, первое заслуживает предпочтения уже потому, что Данте и в книге „De vulgari eloquentia“ высказывает мнение, что первое слово, произнесенное Адамом было „El“ (Бог). Данте, по-видимому, считает слово „El“, которое встречается в истории Страстей Господних, за позднейшее изменение того древнего слова, тогда как оно означает, собственно, „Бог мой“. Филалет. — Вышеприведенное мнение Данте относительно слова „El“, означающего по-еврейски Бог, т. е. Сильный, Герой, или Мощь, Сила, находит некоторое подтверждение у Гезениуса, в его Thesaurum. По его отзыву, почти все родственные языки

133 До моего прихода в адский скит
ЕІ назывался Бог, благоволивый
Мне радость дать, которой я повит.

136 Потом Eli Бог назван, и не диво:
Нрав смертных то же, что на ветвях цвет:
Один спадет — другой развился живо.

Я на горе, которой выше нет,
Чист и в грехе, жил с утра дней младого
До часа, что идет шестому вслед,

Когда квадрант меняет солнце снова».

139

142

имели это слово с указанным значением. Как кажется, оно первоначально принадлежало собственно евреям и финикианам и уже от них перешло к другим народам. В доказательство он приводит формы слов, служащие для обозначения Бога, арабского, сирийского, самаритянского языков. Отцы Церкви считают еврейское „Ei“ корнем греческого слова Helios, которое они считают равнозначим с еврейскими Elices и Elihu». Ноттер. — Скартаццини подробно разбирает все варианты и принимает сам, в ст. 134 „I“, а в ст. 136 „Ei“, чем устраняется указываемая Филалетом неточность в понимании Данте значения слова „Eli“.

137. «Цвет», в подлиннике: fronda — листья. Премудр. Ис. сын. Сир. XIV, 19: «Всякая плоть, как одежда, ветшает: ибо от века — определение: смертью умрешь. Как зеленеющие листья на густом дереве — одни спадают, а другие вырастают, так и от плоти и крови — один умирает, а другой рождается».

139-142. «Мнения св. отцов и позднейших теологов по вопросу о том, как долго Адам пребывал в раю, расходятся. Эти мнения можно разделить на две группы. По одним, Адам согрешил и был изгнан из рая в тот же день, в который был сотворен; по другим, принимается более продолжительный промежуток между обоими событиями. Этот промежуток принимается у последних в 1, 8, 40 дней и даже 34 года. Две последние цифры соответствуют продолжительности поста и жизни Христа. Такого мнения, по-видимому, держались: Василий, Дамаскин, Августин и Амвросий. Согласно противоположному мнению, промежуток между указанными событиями определяется в 6, 7 и 10 часов. Адам был сотворен в пятницу, в первый час дня, т. е. в 6 часов утра; помещенный в третий час в рай, он согрешил в полдень; в третьем часу пополудни пришел Бог в рай и час спустя Адам был изгнан. Если принять, что Адам был помещен в рай тотчас по сотворении своем, то получается десять часов пребывания в раю (от 6 час. утра до 4-х пополудни); допустив же вышеуказанный промежуток, от сотворения до помещения в рай, — получим всего семь часов; если, наконец, допустить, что изгнание Адама последовало тотчас за появлением Бога, то время его пребывания в раю сокращается до шести часов. И в этих часах заключается мистическое согласование с историей Страстей Господних. Христос предстал на суд Пилата в пятницу, с восходом солнца; в 9 час. увен из Иерусалима, с 12-ти до 3-х, т. е. в часы совершения греха, он был пригвожден ко кресту, а в час изгнания из рая он ввел в рай покаявшегося разбойника. Защитниками этого последнего мнения были: Иринеи, Кирилл, Епифаний, Ефрем и др. Что появление Бога в раю после грехопадения совершилось в послеполуденные часы — явствует из кн. Бытия III, 8: «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня». Данте выказывает себя сторонником мнения о наиболее коротком пребывании Адама в раю, а именно семичасового, относя, однако, начало этого пребывания к первому часу дня, а окончание — к седьмому, т. е. к первому часу пополудни. Вместе с тем он, кажется, считает, что между сотворением Адама и помещением его в рай, с одной стороны, и между появлением Бога в раю и изгнанием из рая первых людей, — с другой, промежутки времени были очень коротки, или же события следовали непосредственно одно за другим, причем слова Бытия III, 8: „post meridiem“ истолковываются им как «вскоре после полудня», ибо час, когда солнце меняет квадрант своего кругового пробега, соответствует седьмому или первому после полудня и лишь до этого времени, по мнению Данте, продолжалось пребывание Адама в раю, частью в состоянии невинности, частью по грехопадении. Этот поразительно короткий промежуток времени находится в соответствии с мнением, по которому ангелам, для выбора между добром и злом, был дан еще более короткий срок. Совершенная природа первых людей и ангелов, как полагают, давала им возможность тотчас же решиться на выбор одного из двух направлений». Филалет.

ПЕСНЬ XXVII

Речь апостола Петра против пастырей Церкви. — Созвездие Близнецов.

<p>1 Отцу и Сыну и Святому Духу
Весь рай воспел здесь „Gloria“ с святой
Гармонией на упоенье слуху.</p>	<p>И Тот, чей промысл водит Божьих слуг 16
Во всех делах, восстановил повсюду
Молчание в ликующих вокруг.</p>
<p>4 И то, что я увидел пред собой,
Казалось мне улыбкой всей вселенной,
Пленившей слух, и взор, и разум мой.</p>	<p>И был мне глас: «О, не дивись, как чуду, 19
Что цвет меняю! Будет изменен
Он здесь на всех, пока вещать я буду.</p>
<p>7 О радость! О восторг неизреченный!
О жизнь любви и вечно мирных дней!
О верх блаженств без алчности презренной!</p>	<p>Тот, кто похитил на земле мой трон, 22
Мой трон, мой трон, чрез что теперь, по знаку
Предвечного, как бы пустует он, —</p>
<p>10 Пылали ярко две четы огней
В глазах моих, и тот, что мне явился
Первее всех, вдруг запылал сильней</p>	<p>Тот превратил мой славный гроб в клоаку 25
Зловонной крови, так что, веселясь,
Ликует Изверг, обреченный мраку».</p>
<p>13 И наконец так в цвете изменился,
Каким бы стал Юпитер, если б вдруг
Одеждою он с Марсом обменялся.</p>	<p>И заревом, каким в вечерний час 28
Иль утром пышет Феб по тучам встречным,
Вся твердь небес при этом занялась.</p>

1-9. Благодарственный гимн. После исповедания Данте веры, надежды и любви весь рай воспел благодарственный гимн. Поэт упивается сладостью мелодии; ликование и веселье, которые он видит вокруг, кажутся ему улыбкой вселенной.

2. „Gloria“. По Бути, все праведные рая поют «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»; по Копишу: «Слава в вышних Богу».

10-11. «Что мне явился первее всех», т. е. ап. Петр. Слич: Рая XXIV, 19 и след.; XXV, 13 и след., 100 и след.; XXVI, 80 и след. Остальные три — Иаков, Иоанн и Адам.

13-15. О серебристом свете Юпитера, планеты правосудия, и красном — воинственного Марса уже было говорено. — Справедливый гнев апостола, вспоминающего о земле, выражается изменением исходящего из него света из белого в красный.

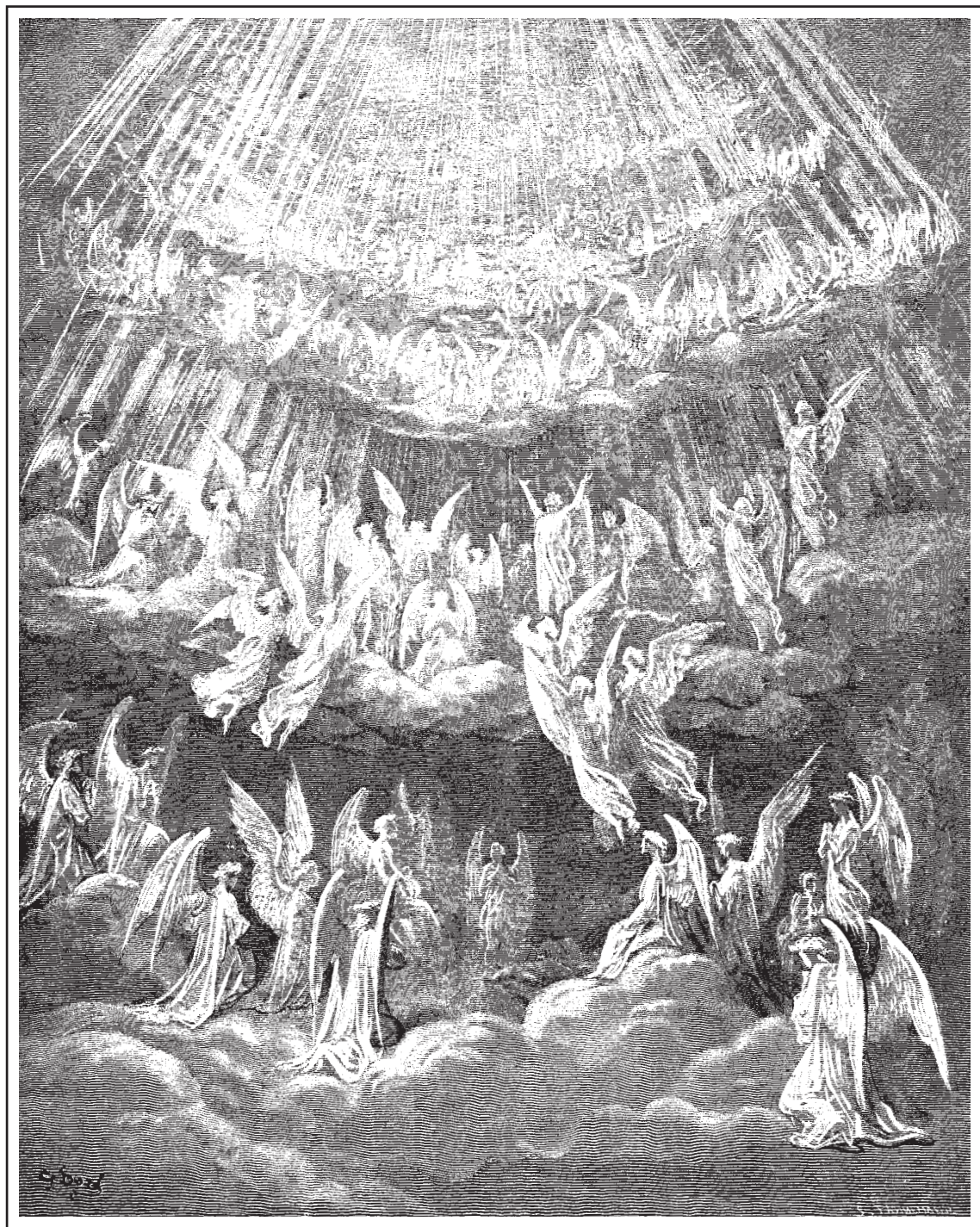
16-18. Вслед за пением гимна Св. Троице наступает торжественная тишина.

19-61. «В этой сильной и, если не считать XXIX, 89 и след., последней обличительной речи в преддверии высшего неба, где все жалобы умолкают, в которой сами папы, как преемники Петра, поставлены пред судом Христа и апостолов, — Данте завершает все свои прежние обличительные проповеди и свое сильнейшее алкание коренных преобразований. Излив давнишнюю ненависть к Бонифацию VIII и Клименту V, поэт обращает к папам четыре упрека: а) в алчности и в стремлении к светской власти (ст. 40-45), слич: Ада XIX, 115; Чистил. XXXII; б) в разобщении христиан и в пристрастии (ст. 46-48); в) в подстрекательстве к религиозным войнам между христианами (но не против неверных, ибо войны против них Данте поощряет, ст. 49-51), и г) в злоупотреблении духовной властью (диспенсация, симония и т. п.: ст. 52-54). Слич: Рая V, 73 и след.; XII, 88». Флейдерер. — В ст. 19 «глас» = апостол Петр.

22-24. «Тот» — папа Бонифаций VIII. В подлиннике: il luogo mio che vasa... — мое место, вакантное перед лицом Сына Божия. Поэт не признавал Бонифация и Климента законными папами.

25-27. «Рим есть погост ап. Петра, так как он там погребен. По замечанию Ампера „Cimeter“ (кладбище) долгое время обозначало церковь, потому что первые церкви вообще строились на местах, освященных останками мучеников. Самый храм Ап. Петра в Риме выстроен на месте цирка Нерона, где, согласно легенде, обрел мученическую кончину апостол Петр; там же хранятся его мощи».

28-30. «Глубокомысленная картина: божественное солнце облекается в цвет гнева, когда тучи противостоят ему». «Румянец стыда за грехи других (ст. 31-33) прелестно примешивается здесь к красному

*Отцу и Сыну и Святому Духу
Весь рай воспел здесь „Gloria“ с святой
Гармонией на упоенье слуху.
(Рай, Песнь XXVII, тер. 1)*

<p>31 Как дева с поведением безупречным,
Весть о вине чужой и чуждой ей
Порой внимает с трепетом сердечным, —</p> <p>34 Смутилась Донна так от тех речей,
И свод небес так, думаю, затмился
Лишь в час, когда был распят Царь царей.</p> <p>37 Глагол его, меж тем, из уст струился,
И более, чем цвет огня пред тем,
Вещавшего здесь голос изменился.</p> <p>40 — «Христовой в честь Невесте не затем
Лилась кровь моя, кровь Лина, Клета,
Чтоб золото сгребать орудьем тем;</p> <p>43 Но лишь затем, да снизут царство это,
И Сикст, и Пий, и Каликст, и Урбан
Кровь пролили свою в гоненьях света.</p> | <p>Мы не хотели, чтобы христиан 46
Одних налево, а других направо
Сажал с собой похитивший наш сан;</p> <p>Чтоб те ключи, что́ мне даны как право, 49
Преобразились в знак на стяге том,
Что брань с крещеными ведет неправо;</p> <p>Чтоб образ мой в печати стал гербом 52
Для скрепы лживых прав, безвестных прежде,
Так что горю я гневом и стыдом.</p> <p>На паствах всех мы зрим в небес одежде 55
Не пастырей, а хищных злых волков.
О Божий суд, когда ж откроешь вежды!</p> <p>Гасконец злой с Кагорцем уж готов 58
Пить нашу кровь! О доброе начало,
Как низко ты упало у врагов!</p> |
|---|---|

цвету гневающихся небес. Тот же багрянец мы видели озаряющим мрачную адскую бурю (Ада III, 134), которой не в силах был противостоять в ту пору еще обремененный грехами поэт; его же мы видим на среднем, сопротивляющемся Богу, лице сатаны. Ада XXXIV, 39». Копиш.

31-33. «Религия не виновата в испорченности Церкви. Она краснеет здесь, как невинный за чужие проступки». Штрекфусс.

35-36. Матф. XXVII, 45: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого»; так же и Марк. XV, 33, и Лук. XXIII, 44-45: «... и померкло солнце, и завеса во храме раздралась посредине». «После распятия Богочеловека (в подлиннике: la suprema Possanza), ничто, конечно, не вызывало большего негодования неба, как вырождение и порча его наместника на земле.» Филалет.

37-39. «Голос его, так же, как и цвет окружающего его пламени, изменился, но это изменение относится к его первоначальному голосу, а не к последним словам, произнесенным уже в пылу священного гнева». Филалет.

40-44. Все перечисленные здесь лица были папами первых веков христианства; Лин и Клет были даже первыми последователями апостола. Нельзя с достоверностью утверждать, что все они приняли мученическую кончину. Наиболее достоверные сведения имеются о Сиксте, который пролил свою кровь несколькими днями ранее своего диакона Лаврентия. Когда последний, обливаясь слезами, воскликнул: «Куда ты идешь без своего диакона»? Сикст возвестил ему, что и он за ним последует через три дня. Библиотекарь Анастасий в своем „Liber pontificalis“ говорит также и о других перечисленных здесь „martirio coronatus“, за исключением Пия и Урбана; о последнем, впрочем, замечает, что он был истинно верующим. Так как он жил во времена кроткого и расположенного к христианам Александра Севера, то едва ли вероятно, что он претерпел мученичество. Не следует забывать, что понятия martir и confessor не особенно строго различались, поэтому мучеником считался и тот, кто подвергался гонению и страданиям во имя Евангелия». Филалет.

46-48. Второй, обращенный к папам, упрек касается пристрастного отношения пап к различным партиям, в особенности гвельфов и гибеллинов, причем, игнорируя зачастую право и справедливость, они обходились с одними как с возлюбленными чадами, сажая их одесную, а с другими — как с врагами, ставя их ошую. Матф. XXV, 33: «И поставит овец по правую сторону, а козлов — по левую».

49-51. «Данте находит вполне правильным, что папское знамя с изображением ключей Петра развевалось в войнах с неверными; но то же самое, происходящее в войнах с христианскими народами, а также перенесение на борьбу с политическими противниками пап названия и привилегий крестовых походов, служит предметом третьего упрека папам, вложенного Данте в уста ап. Петра». Филалет.

52-54. На печати папы было изображение апостола Петра.

61	Но Провиденье, то, что защищало,
В честь мира, Сципионом славный Рим,
Как вижу я, на помощь уж
восстало.	Узрев, что взор от них я отрешил, —
— «Взгляни», — рекла Мадонна мне, —
«в пучины
И посмотри, какой ты путь свершил».	76
64	И ты, мой сын, вернувшись в мир к живым,
Открой уста и, вняв сему глаголу,
Не скрой того, чего мы не таим».	С тех пор, как я впервой взглянул с вершины,
Я по дуге пронесся до конца
Весь первый климат от его середины, —	79
67	Как хлопьями наш воздух сыплет долу
Замерзший пар, коль скоро Козерог
Коснется рогом солнцева престола, —	И видел я путь дерзкого пловца
За Кадиксом и берег тот, отколе
Похищена Европа у отца.	82
70	Так видел я, как горных стран чертог
Украсился метелью душ победной,
Промедлившей близ нас столь долгий срок.	И больше б я узрел земной юдоли,
Когда б вперед уж солнце не ушло,
У ног моих, на целый знак и боле.	85
73	Мой взор следил полет их неисследный, —
Следил дотоль, покуда их не скрыл
Предел небес, очам уж заповедный.	Ни разу пламя, что мне сердце жгло
Любовью к Ней, меня, как в то мгновенье,
Так не влекло узреть Ее чело.	88

54. В подлиннике: Ond'io sovente arrosso e disfavillo, т. е. почему я часто багровою и мечу искры.

55-56. Слич: Матф. VII, 15: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»; и Деяний апост. XX, 29: «Ибо я знаю, что по отшествии Моём войдут к вам лютые волки, не щадящие стада».

57. Слич: Псал. XLIII, 24: «Восстань, что спишь, Господи!»

58-59. «Здесь разумеются преемники Бонифация VIII — Климент V и Иоанн XXII; первый из них уже упомянут в XVII, 82, под именем Гасконца, а также в Ада XIX, 81-84 и Чистил. XXXII, 148 и след.; второй был родом из Кагора. Так как Иоанн XXII занял папский престол лишь в 1316 г., то это место поэмы наилучшим образом доказывает, что по крайней мере последние песни Рая написаны не ранее этого года». Скартаццини и Филалет. — «Уж готов», так как ни Климент, ни Иоанн в 1300 г. еще не были на папском престоле. Флейдерер. — «Нашу кровь» — родовое наследие Церкви, плод пролитой мучениками крови. Скартаццини; Слич: Откр. Иоанна XVII, 6: «Я видел, что жена упоенна была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых».

61-63. Слич: Ада XXXI, 116; Чистил. XXIX, 116; Рая VI, 53. — «Спасение Рима Сципионом Африканским во время второй Пунической войны упоминается также в *Convivio* (IV, 5), как одно из событий, ясно указывающих на предопределение Риму всемирного владычества. Известно также, из предыдущих мест поэмы, в какое отношение Данте ставил основание папства ко всемирному владычеству Рима и, позднее, к императорству. Тоже providence, некогда спасшее Рим при помощи Сципиона, вновь восстановит порядок и возвратит папство к его прежнему назначению». Филалет.

64-66. Напутствие к поучению, необходимое поэту как бы для оправдания своих нападок на пап. Бути. Весьма знаменательно, что ап. Петр, именую своих преемников-пап похитителями престола, а прелатов вообще хищными волками, к поэту обращается ласково и называет его «мой сын».

67-69. Т. е. зимой, когда солнце с половины января до половины февраля стоит в знаке Козерога. Сравнение с падающим снегом встречалось уже в Ада XIV, 28-30 (богохуители).

70-72. «Прекрасное сравнение, живописующее нам, как праведники, составлявшие триумфальное шествие Христа (XXIII, 83), все, вслед Ему и Деве Марии, возносятся теперь в эмпирей». Флейдерер.

78. «Путь свершил» — вместе с движущимся небом неподвижных звезд.

79. Первый раз поэт взглянул, по приглашению Беатриче, вниз, на землю, поднявшись в созвездие Близнецов (братской любви). XXII, 133.

81. «Первый климат», т. е. жаркий пояс. «Пределом его, по Птоломею, признавался 20° сев. широты, тогда как тропик Рака, составляющий действительную его границу, лежит под $23^{\circ}30'$ сев. шир.

Следовательно, над этой широтой Данте вступил в небо неподвижных звезд. Оба положения не противоречат указанному в XXII, 110 (см. примеч.), а именно, что вступление в восьмое небо совершилось чрез знак Близнецов, так как параллельный круг, проходящий чрез 20° сев. шир., западным концом касается этого знака и поворотный круг Рака касается его же своим восточным концом. Когда Данте вступил в небо неподвижных звезд, созвездие это стояло под меридианом Иерусалима, т. е. против середины обитаемого полушария, согласно общепринятым понятиям того времени. Затем Данте увлекается вращательным движением небес и находится теперь на западном краю обитаемого полушария, значит с тех пор протекло шесть часов, ибо он обогнул четверть земной периферии. В Иерусалиме теперь 11 или 9 ч. вечера одного из трех дней (1, 12 или 14 апреля); на горе Чистилища 9 или 11 ч. утра (2, 13 или 15 апреля). В месте нахождения поэта — одно и то же время, какое было при вступлении его в небо неподвижных звезд над Иерусалимом». Филалет.

<p>91 Все, чем природа иль искусств творенье
Прельщает взор, чтоб сердце в нас пленить,
В лице ль живом, в его ль изображение, —</p> <p>94 Все это вместе можно ли сравнить
С божественным восторгом тем, которым
Ее улыбка может подарить?</p> <p>97 Так мощь, мне влитая Мадонны взором,
С гнезда прекрасной Леды вознося,
Влекла меня ко сферам самым скорым.</p> <p>100 Все части в них, где высший свет лился,
Так сходственны, что я бы не дознался,
Какой в них край мне Донной избрался;</p> | <p>Она ж, узрев, что в думах я терялся, 103
Мне начала с улыбкою такой,
Что сам Господь в ней, мнилось, отражался.</p> <p>— «Движенье сфер, середине дав покой, 106
Все ж прочее в окружности вращая,
Как в центре, здесь почин преемлет свой.</p> <p>Другого „где” нет в этой части рая, 109
Как Дух Господень: Он здесь множит жар
Любви и мощь, всем здесь повелевая.</p> <p>Любовь и свет объемлют этот шар, 112
Как им объят весь мир, и ту загадку
Лишь Тот постиг, Кто дал ему сей дар.</p> |
|--|--|

82-84. «Дерзкого пловца», в подлиннике: Улисса. — «Похищена Европа у отца», в подлиннике: „Nel qual si fece Europa dolce carco” — где Европа была сладкой ношей (Юпитера). — «Как видно из примеч. к Чистил. XXVII 1-5, Данте принимает расстояние от Гибралтарского пролива до Иерусалима, приблизительно, в четверть земной окружности. Следовательно, он находится теперь близ меридиана Геркулесовых Столбов и обозревает земное полушарие, ограниченное на востоке меридианом Иерусалима, а на западе — меридианом горы Чистилища, т. е. обозревает половину населенного и половину ненаселенного полушария. Последнее обозначается злосчастным путем Улисса, рассказанным в Ада XXVI, 90-142, и представляется ему по ту сторону Кадикса, т. е. лежащим западнее пролива. Меридиан Иерусалима он обозначает финикийским берегом, где Юпитер, в образе быка, похитил и вынес на своей спине Европу, дочь царя Агенора». Филалет. По замечанию Копиша, Данте в языческих картинах выражает христианские идеи. Он взирает на землю, начиная с того пункта, где ослушавшийся Бога человек (Улисс) преступил положенные ему границы и потонул в волнах греховного мира, и оканчивает местом, где Бог безопасно перенес на своих плечах через море любящее его человечество (Европу, дочь Агенора), дабы заключить с ним союз любви. При виде Бога, идущего с востока в образе быка, следует вспомнить, что и Христос иногда разумеется под символом быка обреченного в жертву.

85-87. «На целый знак и боле». — Южнее знака Близнецов находится Телец, за ним следует Овен, в котором солнце бывает во время весеннего равноденствия. Так как мы теперь удалились от солнца на несколько дней, то Данте и говорит совершенно верно, что солнце двигалось под ним на расстоянии неполных двух знаков. При таком положении солнца часть обитателей земли, обозреваемой с места нахождения Данте, необходимо должна была быть погружена в ночь, что и видно из первых двух стихов этой терцины. Филалет.

97-98. «С гнезда прекрасной Леды» (Слич: Овидия *Heroides* XVII, 55 и слич: Горация *De arte poetica*, 147). «Поэт называет так знак зодиака, принадлежащий близнецам Кастору и Поллуксу, потому что они вышли из яйца, снесенного Ледой, принятого ею от Юпитера, преобразившегося в лебедя. Так же, но без отношения к яйцу (Чистил. XX, 131), остров Делос поэт называет гнездом Латоны, ибо она родила там Аполлона и Диану». Ноттер.

99. Т. е. «в девятое кристальное небо, существование которого принималось астрономами того времени на том основании, чтобы произвести от него дневное движение всех восьми сфер вокруг земли». Витте.

100-102. «Кристальное небо, в противоположность эмпирию, еще вещественное; поэтому понятие пространства еще применимо к нему, но при полном его однообразии не представляется возможным определить ни место, ни его протяжение». Витте.

106-120. Здесь определяется положение, занимаемое во вселенной уже упомянутым в Рая I, 122 и след. и II, 112-144 девятым, кристальным небом. Это небо получило название кристального оттого, что оно состоит из чистого и однородного сияния, а не из отдельных небесных тел (ст. 100-102). От него, именуемого *primum mobile*, берет начало великое мировое вращение, причем само оно получает движение от вечно неподвижного эмпирея, чтобы сообщить его другим кругам (ст. 106-108). Хотя оно

- 115 Движенью в нем иного нет начатка;
Но мера всем другим кругам лишь в нем,
Как два и пять — делители десятка.
- 118 Как коренится Время в грунте сем
И как листы ветвей его простерты
К другим кругам, — теперь уж мы пойдем.
- 121 О алчность смертных! Так слепишь им взор ты
Что уж ни в ком нет сил, твой сброся гнет
Дух перевесть, твоей волною спертый.

- Желанье в людях хоть и расцветет, 124
Но вечные дожди так цвет в них душат,
Что вместо груш червивый зреет плод.
- Невинность с верой там одни не рушат 127
Младенцы; но и тех они бегут,
Едва им щеки первый пух опушит.
- Пока лепечут, дети пост блюдут; 130
Но только возраст им уста развяжет,
Любую снедь в любой же месяц жрут.

и представляется пространством, но для нас неизмеримым. — «Другого где нет в этой части рая, как Дух Господень» (ст. 109-110). Он, как предвечный Разум (по определению Аристотеля, τῆς νοῦσως νόησις), возжигает в девятом небе тот экстаз любви, посредством которого оно, в вечном стремлении соединиться с эмпиреем, вращается скорее всех прочих небес и рождает ту силу, которая, будучи распределена на другие круги, увлекает их в общее с ним движение (ст. 110-111). Эмпирей, сам по себе находящийся вне пространства, должен быть, однако, представляем как круг, объемлющий кристалльное небо (подобно тому, как оно объемлет остальные) и есть неподвижное средоточие вселенной (ст. 112-113) — идея непостижимая для нашего разума (ст. 114). Хотя мы сами и не можем, как сказано, измерить протяжение и быстроту движения кристалльного неба, тем не менее само оно служит нам измерителем времени, так как другие сферы получают от него свою определенную, размеренную быстроту вращения (ст. 115-117). В этом смысле primum mobile само по себе — корень времени, частичные подразделения которого, наподобие ветвей, распространяются в другие небесные тела. Флейдерер. — В этих терцинах заключается воспроизведенное в духе схоластиков изложение одного места из Аристотелевой I книги. «Как кажется, позднейшие философы взяли отсюда их primum mobile и Данте, очевидно, имел в виду это место». Филалет.

106-108. В подлиннике: „La natura del moto, che quieta il mezzo, e tutto l'altro intorno muove, Quinci comincia come da sua meta“. Это в буквальном переводе означает: природа движения, находящаяся неподвижно посредине и движущая все вокруг себя, начинается здесь, как от своей границы, некоторые вместо La natura del moto читают «mondo» (вселенная), что, по Филалету, более отвечает общей мысли, что здесь начало вселенной. — «Поэт впервые говорит здесь, что primum mobile есть граница природы, где начинается вращательное движение. Под природой разумеется деятельность всех второстепенных сил, в противоположность силе Создателя. Эта деятельность начинается в круге primum mobile, причем от него исходят не только все частичные движения, но также и начала изменчивости: зарождения и размножения» Филалет.

109-111. В подлиннике: Che la mente divina, in che s'accende L'amor che il volge, e la virtù ch'ei piove, т. е. дом Господень, где воспламеняются любовь, которая его (т. е. круг) вращает, и мощь, которая из него изливается. Таким образом, употребленные переводчиком слова: «всем здесь повелевая» следует понимать, как primum mobile. «В этой терцине Данте говорит совершенно в духе Аристотеля, что этот круг не имеет какого-либо определенного места, ибо если вне его нет ничего, то и сам он не может занимать определенного места. Эмпирей, объемлющий его, как Данте говорит в Convivio II, 4, скорее заключается в предвечном Разуме, называвшемся у греков Νοῦς. Любовь к нему вызывает стремление соединиться со всеми частями эмпирея, откуда проистекает вечное вращение primum mobile. Именно этот предвечный Разум дает ему силу, которая от него изливается на низшие круги и мир вещественный». Филалет.

112-114. «И ту загадку», в подлиннике: e quel precinto Colui che il cinge solamente intende, т. е. и на то объемлющее (любовь и свет) почитает лишь только тот, кто его окружает. Данте дает здесь понятию эмпирей более определенное значение: это как бы круг из любви и света, на который не воздействует никто, за исключением самого Божества, причем и вращение primum mobile совершается при посредстве Серафимов и их любви к вечному. Слнчи: Рая XXX, 39-87. — «Лишь Тот постиг». *Già vol intendere*, по Бланку (*Vocabolario Dantesco*), употреблен здесь в смысле заниматься чем, управлять. Филалет перевел его словом *wirkt*, считая его относящимся к способу воздействия небесных интеллигенций, которые,

созерцая Бога, через это влияют на небесные круги. Переводчик, подобно Витте и Штрекфуссу, дает ему значение: понимать, постигать, в связи с употребленным им словом загадка.

115-117. «Начатка», собственно различия (в подлиннике: *distinto*), иначе — нет меры. «Девятое небо получает свое движение от Бога и не имеет меры, так как оно — первое движение. Движения других небесных тел слабее, менее быстры и могут, таким образом, измеряться первым. В сущности принято измерять большее посредством меньшего, но не наоборот. Поэтому можно принять такое объяснение: мы соизмеряем всякое движение с днями и часами, которые в свою очередь заимствуются из *primum mobile*». Каннегиссер — «Теория измерения десяти половиной и пятой ($10 : 2 = 5$; $10 : 5 = 2$; $5 \times 2 = 10$), служащая основой для всякого измерения вообще, яснее изложена в так называемом *Theologumena arithmetica*, мистическом средневековом сочинении неизвестного автора». Ноттер.

118-120. Подстрочный перевод этих стихов следующий: «И каким образом время имеет в этом горшке (цветочном) свои корни, а в других листья». По Ноттеру — «почти восточная смелость в сравнении!» Смысл: девятое небо заключает в себе корень всякого движения, прочие небеса — его листья.

121-123. Точнее: О, алчность! Ты так завлекаешь собою смертных, что никто не может поднять взора от твоих волн. — «После описания *primum mobile*, Беатриче внезапно переходит опять к земным делам человечества, рисует происходящую от его необузданной алчности испорченность (ст. 121-138), приписывает это зло отсутствию властителя (ст. 139-141) и предсказывает, наконец, лучшее будущее (ст. 141-148). Чтобы уяснить себе, каким последовательным ходом мыслей Данте наведен на это разсуждение, мы должны вспомнить раньше объясненное воззрение Данте на идею монархии, а именно: в монархическом строе человечество наиболее уподобляется совершеннейшему творению Бога, небесам; при этом строе оно направляется единым властелином, подобно тому, как небеса — единым движением, *primum mobile*. Поэтому вполне естественно, что Данте, вступая в *primum mobile*, вспоминает, как далеко род человеческий во времени отклонился от этого самим Богом установленного порядка. И если далее разнужданная алчность приведена как ближайшая причина существующего безначалия, то это находится в непосредственной связи с мнением, высказанным им в его знаменитой книге *de Monarchia*, по которому монарху потому и подобает быть высшим судьей, что алчность (*cupiditas*) не может в нем развиваться, так как все его желания бывают удовлетворены». Филалет.

124-126. «Душат», в подлиннике: *converte*, т. е. преобразуют. — «Вместо груш червивый зреет плод», в подлиннике: *In bozzacchioni le susine vere*, т. е. вместо настоящих слив — недозревшие. К Римл. XI, 18: «Не превозноси пред ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, а корень — тебя». Исайи V, 2, 4: «Он... насадил отборные виноградные лозы... и ожидал, что принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды... Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды?»

133-135. После обвинения в необузданном чревоугодии Данте приписывает своим современникам отсутствие любви у детей к родителям.

136. «Лик», в подлиннике: *la pelle*, т. е. кожа. «У дочери того», т. е. дочери солнца; причем под дочерью солнца здесь разумеется человечество или вся природа, что согласуется с принятым тогда мнением Аристотеля, согласно которому: человечество и вообще все живое рождается от родителей и солнца. Такое мнение о человеческой природе, часто приводимое Данте (наприм., в Рая XXII, 116), здесь, наряду с жалобами на испорченность человечества, долженствует служить напоминанием о светлом его происхождении и чистоте при рождении. Ноттер.

139-141. «Хотя к 1300 г. великое междуцарствие в европейских государствах давно окончилось, однако оно продолжалось еще в Италии, ибо ни у короля Альбрехта I, ни у отца его Рудольфа I сердце к Италии не лежало». Витте. — «Подобно тому, как в 8-м небе высказывалось строгое осуждение папской власти, так здесь, в 9-м небе, у подножия престола Божия, выражается настоятельная потребность в усилении императорской власти. Недостаточный для земли властитель есть не кто иной, как император. Это место имеет особенное значение, как доказательство политического смысла Божественной Комедии». Флейдерер.

142-148. Как известно, астрономический год не совпадает с календарным, который (по Юлианском календарю) превышает тропический год на 0,0078 суток. Позднейший, Григорианский календарь, сокращает эту разницу до 0,0003 суток. Имея в виду эту небольшую разницу (около $\frac{1}{100}$ суток), Данте полагает, что по истечении многих тысячелетий январь придется не в зимнее, а в весеннее время. Хотя он предполагает наступление ожидаемых им преобразований государственного строя и ранее наступления этой отдаленной эпохи, но, очевидно, воздерживается точнее определить это время. Видно, что это место написано им уже в последние дни его жизни, когда он в значительной степени разочаровался в своих былых надеждах на скорое наступление указанных политических событий. Филалет.

133 Пока лепечут, любят мать и кажут
Почтенье к ней; но лишь окреп язык —
Все мыслят: скоро ль мать в могилу ляжет!

136 Чернеет так прекрасный белый лик
У дочери того, кто, лишь родился,
Льет свет, — и мрак, лишь вечера достиг.

139 Но чтоб тому не очень ты дивился,
Узнай: нет больше на земле царя:
Вот почему с пути род смертных сбился!

142 Но прежде, чем хлад минет января
(В расчет вы сотой доли не берете), —
Так грянут сферы, гневом возгоря,

145 Что буря, коей так давно вы ждете,
Руль повернет туда, где ныне нос,
Чтоб плыли прямо вы на вашем флоте,

148 И чтоб цветок плод истинный принес».

144. «Так грянут сферы», в подлиннике: *Ruggiran si questi cerchi superni* — взревут эти высшие круги, другими словами: воззовут громогласно к земле. Голос Господа неоднократно называется в Писании ревом. Ноттер предполагает здесь намек на возведенную в Чистил. XXXIII, 40, constellation небес; она примет такую форму, вследствие которой наступит и установится новый порядок вещей. Эта constellation, явившись последствием движения сфер, будет сопровождаться мелодией, оглушительной для ушей смертных. Нечто подобное высказывает и Филалет.

145-148. «Буря», в подлиннике: *fortuna*. — «Данте ожидает в будущем лучшего направления рода человеческого к его цели, при посредстве могущественного властителя и путем нравственного облагораживания людей. Первое он предвещает под видом рассеянного противными ветрами отвлеченного от его цели флота, который, под управлением способного адмирала, вновь обращается прямо к цели; второе — в противоположность изображенному в ст. 124-126, — в виде настоящих плодов от древа человечества. Как мне кажется, из всего этого места видно, что Данте ожидает преобразований, прежде всего, от восстановления нарушенного равновесия между папской и императорской властью, путем усиления последней. Усиление это должно исходить от светского реформатора». Филалет.

ПЕСНЬ XXVIII

Девять кругов ангельских вокруг Бога, отраженных в очах Беатриче.

<p>1 Наш век текущий строго порицая,
Несчастливым смертным правду изрекла
Вознесшая мой дух в обитель Рая;</p> <p>4 И вот, как тот, кто в зеркале стекла
Увидел факел, коего лучами
За ним неожиданно озарилась мгла,</p> <p>7 И кто, чтоб в том увериться очами,
Глядит назад и видит: два огня
Так сходственны, как песни такт с словами, —</p> <p>10 Так, сколько помню, поступил и я,
Увидя блеск прекрасных глаз, в котором
Сплел сеть Амур, чтоб уловить меня.</p> <p>13 Когда ж от них отвел лицо и взором
То усмотрел, что видим каждый раз,
Когда душой парим к небесным
хорам, —</p> | <p>Вот — я узрел в них точку как алмаз, 16
Столь яркую, — от света же потока,
Как опален, сомкнул я вежды глаз.</p> <p>Малейшая из звезд там недалеко, 19
Как близ звезды звезда, явившись вдруг,
При ней с луну казалась бы для ока.</p> <p>В том отдалении, на каком вокруг 22
Луны и солнца зрим их отраженья
В густых парах, где начертился круг, —</p> <p>Вкруг точки той в столь быстром был круженьи 25
Круг огненный, что медленно пред ним
Быстрейшей сферы вкруг миров движенье.</p> <p>И этот круг был обведен вторым, 28
Второй круг — третьим, третий круг —
четвертым,
Четвертый — пятым, пятый круг — шестым,</p> |
|---|--|

1-18. «Глаза Беатриче, при постоянно возрастающей ее красоте, представляются как бы зеркалом, в котором Данте видит отражение нового блеска раньше, нежели сам к нему обращается. Это выражено сравнением в ст. 4-9. Аллегорический смысл этого места также представляется вполне ясным. Если Беатриче олицетворяет собою богословие, то, естественно, Данте видит на ней отпечаток величия небес, раньше нежели разумом познает его на опыте. Это познание становится тем яснее, чем более человек погружается в размышление о божественных делах, чем выше он поднимается по ступеням созерцания Бога. Подобный же смысл получится и в том случае, если примем Беатриче за *gratia perficiens*, так как через нее человек приобретает способность к созерцанию божественных вещей». Филалет. Слич: Чистил. XXXI, 115-129.

2. «Несчастливым смертным», в подлиннике: *De' miseri mortali* — выражение, заимствованное у Вергилия. Ср. Georg. III, 66; Энеида, XI, 182:

Свет отрадный меж тем Аврора горестным смертным
Вынесла...

Перев. А. Фета.

3. «Вознесшая», в подлиннике: *imparadisa*, т. е. осчастливившая, давшая радость рая, — глагол, созданный Данте; встречается также у Мильтона. Ср. *Paradise Lost* IV, 466: «Возвышен к блаженству, в котором мы были». Перев. С. Писарева. Скартаццини.

9. Сравнение в сравнении. Слич: Рая XII, 14-15.

12. Слич: Петрарки Сонет I, 3: *Che'l dir nostro e'l pensier vince d' assai*.

14-15. Слич: XXIII, 112 и след. В подлиннике: *Quandunque nel suo giro ben s' adocchi*. Подстрочный перевод: мои (глаза) коснулись того, что является в этом движении, коль скоро из этого вращения пристально смотреть вокруг. Ср. Псал. XVIII, 2: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь».

16-21. «Если эта точка, как мы сейчас увидим, обнаружившееся Божество, то, для олицетворения абсолютного единства и неделимости Бога, она должна быть именно математической точкой и малейшая

<p>31 А тот — седьмым, в такую ширь простертым,
Что вестница Юноны не вместит
Его вполне в своем пространстве спертом.</p> <p>34 Так и восьмой девятым был обвит,
И каждый круг тем медленней вращался,
Чем дале круг от круга отстоит.</p> <p>37 И тот мне круг всех пламенной казался,
Что к чистой Искре ближе всех вился, —
Всех более он Светом озарялся.</p> <p>40 И, видя, как я думе предался,
Сказала Донна мне: «От точки этой
Зависит небо и природа вся.</p> <p>43 Круг, сопредельный с сей предвечной метой,
Знай, потому так быстр, что вечно он
Вращается, огнем любви согретый».</p> <p>46 И я: «Будь мир так точно учрежден,
Как и круги сего святого пира, —
Я б сказанным вполне был убежден.</p> | <p>Но в мире чувственном, среди эфира,
Мы тем быстрее планеты зрим,
Чем далее они от центра мира.</p> <p>Итак, чтоб мир желаньям дал моим
Здесь ангельский храм дивный, сограничный
С любовью и светом пресвятым, —</p> <p>Я должен знать: зачем идет различной
Дорогою там отпечаток, здесь печать, —
Чего узреть не мог я самолично».</p> <p>— «Что узел сей твоим не развязать
Перстам — не диво! Тем трудней то дело,
Что не хотел никто здесь попытать».</p> <p>Так Донна мне; потом: «Обдумай зрело,
Что я скажу, чтоб ты упиться мог,
И после рассуждай и сам уж смело.</p> <p>Круг сфер телесных узок иль широк,
Согласно с тем, вполне ли иль отчасти
Разлился в нем небесных сил поток.</p> | <p>49</p> <p>52</p> <p>55</p> <p>58</p> <p>61</p> <p>64</p> |
|--|---|---|

звезда рядом с нею представлялась бы настолько больше ее, насколько луна кажется больше звезды». Филалет.

22-24. Сличи: Рая X, 67. Радужный круг, который часто замечается вокруг луны и бывает тем ближе к светилу, чем гуще испарения.

25-78. «Для лучшего уразумения последующих стихов излагаем вперед заключающийся в них смысл и логическое развитие мысли поэта. Приступая к последнему, из целого ряда ранее предложенных поучений о рае, а именно к поучению об ангелах, их иерархии, деятельности и падении, поэт противопоставляет девять кругов ангелов девяти небесным кругам. Эта в высшей степени глубокая параллель между миром духовным и миром физическим вращается около следующих, подлежащих сравнению, различий. Птоломеева система девяти небес имеет своим прообразом девять ангельских кругов (ст. 56). От них и их божественного средоточия зависят круги небес и вся природа (ст. 41), так как они, что мы знаем уже из Рая II, 113-144 и VIII, 34; Ада VII, 74, суть интеллигенции, двигатели небесных кругов. Данте видит здесь этот прообраз изображения (ст. 25-39). Видит он его именно здесь, в кристальном небе, потому что, как мы уже знаем, деятельность интеллигенций распространяется отсюда. Однако Данте открывает противоречие между тем и другим (ст. 43-57), так как в отношении последовательности их движения и силы они стоят в обратном порядке друг к другу. Здесь духовное средоточие Бог и, чем меньше и ближе к нему круги, тем они светлее и тем быстрее они вращаются, там — вещественное средоточие земля и, чем больше и отдаленнее от нее, тем быстрее и светлее круги. Это (кажушееся) противоречие разъясняется ему Беатриче (ст. 58-78). Оно основывается на необходимом мировом законе, который Данте далее не доказывает: мир вещественный заключается в пространстве и деятельность его происходит в пространстве; поэтому его невидимые силы связаны с обстоятельствами, имеющими место в пространстве (ст. 64-66), и возвышеннейшая сила, долженствующая подвигать к величайшему Благу, ищет себе по преимуществу простора и, равномерно распределенная, должна наполнить величайшее пространство (ст. 67-69); поэтому быстрее и величайшие небеса, в которых мы теперь находимся, — *primus mobilis*, вместе с тем и наиболее исполненные божественной силы (ст. 70); они же, в некотором смысле, соответствуют наименьшему и ближайшему к Богу кругу ангелов (ст. 71-72), так как у последних, в мире бестелесном, преобладает интенсивный, как тут экстенсивный принцип (ст. 73-75). Таким образом

противоречия нет, но дивное взаимодействие, в силу которого величайший и самый значительный физический круг, *primum mobile*, приводится в движение наименьшим и наиболее обладающим божественной силой кругом ангелов; следующий, меньший, небесный круг (неподвижных звезд) приводится в движение следующим ближайшим большим, ангельским кругом и т. д. (ст. 76-78)». Флейдерер.

26. «Круг огненный», как мы увидим ниже (ст. 99), первый круг Серафимов.

27. «Быстрейшей сферы», т. е. *primum mobile*. Сл. *Convivio* II, 4; Рая XXIII, 112.

28. Второй — Херувимы.

29. Третий — Престолы; четвертый Господства.

30. Пятый — Силы; шестой — Власти.

31-33. Седьмой — Начала, «Вестница Юоны» — радуга, Ирида, дочь Тавманта и Электры. Сл. Рая XII, 10, а также: Вергилия Энеида IV, 693-695:

Тут Юона всеильная, сжалась над долгою мукой
Трудной кончины такой, послала Ириду с Олимпа,
Чтобы та душу в борьбе и связь разрешила с ней членов.

Перев. А. Фета.

Овидий (Превращ. I, 270) называет Ириду „*nuntia Junonis*“ — предтечей Юоны;

В разноцветной одежде Ирида, предтеча Юоны.

(XI, 585) „*fidissima nuntia*“ — «верный глашатай» Юоны:

От алтаря (Юона) говорит: «Мой верный глашатай, Ирида».

(XIV, 85) — „*Iris Junonia*“ — «Ирида Юоны»:

Тут корабли, что едва не сожгла Ирида Юоны.

Перев. А. Фета.

34. Восьмой — Архангелы; девятый — Ангелы.

36. В подлиннике: *ch' era In numero distante più dall'Uno* — чем дальше по числу отстоял от единицы.

37-39. «Озарялся», в подлиннике: *di lei s'invera*, что, по Бланку (*Voc. Dantesco*), значит: проникаться, или наполняться, участвовать в существе другого. Бог Отец — источник света. Сл. Иак. I, 17: «Всякое даяние... нисходит свыше, от Отца светов». Чем хоры ангельские ближе к Богу, тем более они сияют божественным светом, и наоборот. Фома Акв. *Summa Theol.*, р. I, 55, Скартаццини.

40-78. В этих терцинах заключается доказательство сходства системы небес с девятью ангельскими кругами.

41-42. «Так говорил еще Аристотель, что чрез неподвижное, приводящее все в движение (*χίνησις*), создаются небеса и вся природа (*φύσις*). Это неподвижное не что иное, как Бог, от Которого зависит небеса и вся природа». Филает.

43. В подлиннике: *Mira quel cerchio che più gli è congiunto* — гляди тот круг, который с ней (точкой) наиболее связан.

44. «Огнем любви», сл. *Convivio* II, 4; Ер. Cani, § 26. — «Согретый», в подлиннике: *punto* — побуждаемый.

48. «Убеден», в подлиннике: *Sazio* — насыщен, т. е. удовлетворен.

50. В подлиннике: *Veder le vòlte tanto più divine* — видим вращенье тем более божественным. В некоторых списках вместо *le vòlte* — *le ruote*, т. е. круги.

51. «Центра мира», т. е. центра земли, по системе Птолемея.

52. «Мир», в подлиннике: *fine*, т. е. конец или цель.

54. В подлиннике: *Che solo amore e luce ha per confine*, т. е. который имеет границей только любовь и свет.

55-57. Подстрочный перевод этих стихов следующий: Я должен еще услышать, почему оригинал и изображение идут не однообразно, так как я сам тщетно стараюсь это понять. — «Под оригиналом поэт разумеет то, что видит здесь, а именно: управляющие движением небес интеллигенции (сл. Ада VII, 74, примеч.; Рая II, 130-138; VIII, 34-37) и вообще движение вокруг Бога представителей духовного элемента и духовной силы; под оттиском — вещественные небеса, в которые интеллигенции погружают свою силу». Ноттер.

60. В подлиннике: *Tanto, per non tentare, è fatto sodo* — потому что его не пробовали разрешить. Сл. *De Vulg. Eloqu.* I, 1: „Cum neminem ante nos de vulgari eloquentia doctrina quicquam invenimus tractasse“ etc.; также *Dantis Monarchia*, изд. Витте, lib. I, cap. 1, р. 4, где Данте прямо говорит, что он имеет дело с «истиной», т. е. с учением о светской монархии, об императорской власти, остававшей вполне скрытой до той поры, так что до нее никто еще не пытался коснуться. — «Эти места достаточно объясняют смысл слов: «не пробовали разрешить». Скартаццини.

<p>67 Чем больше благость, тем в ней больше власти;
Чем больше власть, тем ей и больше круг,
Коль все равно в нем совершенны части.</p>	<p>Затем что вдруг весь прежний сумрак в ней 82
Светлеет так, что в радостном сапфире
Смеется твердь во всей красе своей:</p>
<p>70 Чрез то — и круг, с кем мчится мир вокруг,
С тем кругом соответствен в полной мере,
Где боле знаний и любви заслуг.</p>	<p>То ж и в моем душевном стало мире, 85
Лишь в нем с ответом Донны разлился
Свет истины, как блеск звезды в эфире.</p>
<p>73 Итак, коль ты измеришь в этой вере
Достоинства, не внешний лишь объем
Субстанций сих, подобных видом сфере, —</p>	<p>И вдруг — лишь смолкли Донны словеса — 88
Как в горне сыплет искры меч булатный,
Заискрилась всех тех кругов краса.</p>
<p>76 То дивный переход найдешь во всем
От больших к большим и от меньших к малым,
Во всех здесь сферах с каждым их вождем».</p>	<p>И был пожар в тех искрах необъятный; 91
Число же искр обильней в сотни раз,
Чем клеток счет двойной в доске шахматной.</p>
<p>79 Как блещущим становится кристаллом
Лазурь небес, когда дохнет Борей
От той щеки, где дует с меньшим шквалом,</p>	<p>«Осанна» — песнь из хора в хор неслась 94
К недвижной Точке, Ею же держимы
Все те круги, как в их созданья час.</p>

67-72. В подлиннике: *Maggior bontà vuol far maggior salute; Maggior salute maggior corpo cape, S'egli ha le parti egualmente compiuti* — наибольшее благо (Бог) желает произвести наибольшее блаженства, наибольшее блаженство вмещает (объемлет) наибольшее тело (пространство). См. выше, прим. к ст. 25-78.

73-78. «Ангелы, *animaeobiles*, действуют на небесные тела по системе мироздания времен Данте тем, что применяют к ним формы, которые они извлекают из интеллигенций (божественных мыслей). Так как в силу своего стремления к высшему существу они находятся в духовном движении к сему последнему, то именно вследствие этого они суть источники вращательного движения неба, притом для всякого отдельного движения каждого из отдельных небес. Таким образом эти небесные духи представляют прообраз, по которому, как их изображение, устроено все движение небес». Филалет. — «Измеришь в этой вере достоинства», в подлиннике: *se tu alla virtù circonda La tua misura* — приложишь твою меру к силе. — «Объем», точнее — вид. — «Их вождем», в подлиннике: *sua Intelligenza*. Сл. Рая VIII, 34; *Convivio II*, 6. «Если здесь говорится об отдельной интеллигенции каждого круга, то это заимствовано у неоплатоников и их последователей, так как христианские схоластики приписывали каждому небу один ангельский хор и, по меньшей мере, для каждого движения назначали отдельного ангела. Под интеллигенциями вообще последние принимали отчасти божественные идеи, частью смешивали их с *animaeobiles*, т. е. с понятием об ангелах». Филалет.

81. «Борей» — «По Брунето Латини, каждый из четырех главных ветров имеет по два боковых, которые легко могут быть уподоблены дуновению из правой или левой щеки. Здесь идет речь именно об одном из смежных северному ветру (борею) и, собственно, о том из них, который дует с меньшей силой и прогоняет тучи и туман. Очевидно, здесь подразумевается восточный сосед борея, примерно NNO, так как Брунето Латини, говоря о смежных борею ветрах, поясняет, что западный приносит снежную крупу, а восточный удерживает тучи и дождь». Филалет. — «С меньшим шквалом», в подлиннике: *più leno* — устаревшее слово, означающее: слабо, нежно, легко. Далее в подлиннике (ст. 82-83): *e risolve la roffia Che pria turbava* — и рассеется туман, который сперва омрачал.

84. «Во всей красе своей», в подлиннике: *Con le bellezze d'ogni sua parroffia*. Смысл и происхождение слова *parroffia* достоверно неизвестны. Филалет думает, что это измененная форма слова *parochia* — приход и переводит его словом *Gefolge*, что значит «свита». Сопоставляя древних комментаторов и некоторые сходные по смыслу, но не вполне ясные места из Боккаччо, он определяет значение этого слова, как собрание многих, толпа, отряд; следовательно, здесь это собрание небесных тел, солнца, луны и звезд.

89. «Меч булатный», в подлиннике: *fetto* — железо.

92. Даниил VII, 10: «Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним».

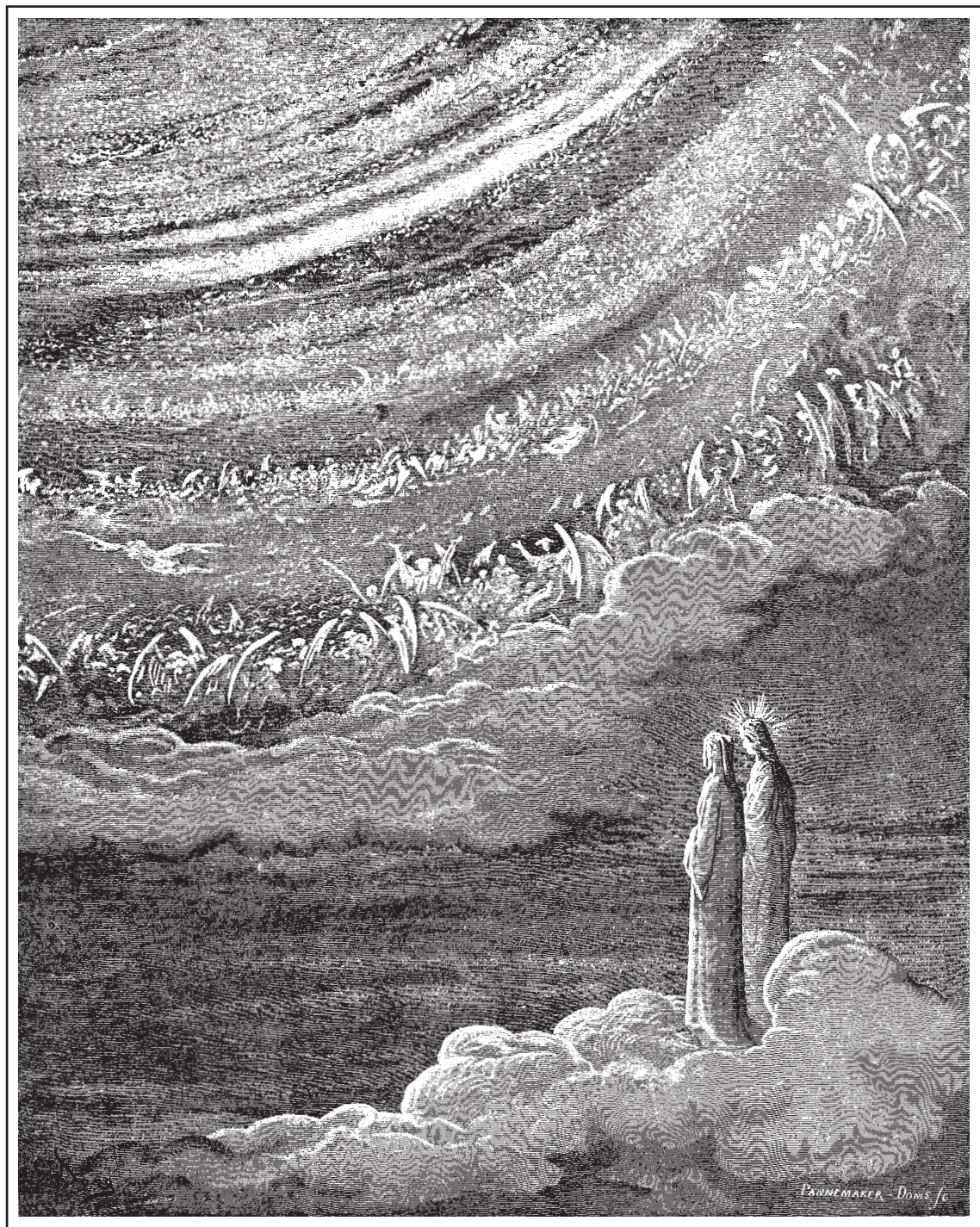
93. «Намек на известный рассказ об изобретателе шахмат, который, поднеся свое изобретение шаху персидскому, просил дать ему в награду столько хлебных зерен, сколько получится, если положить на первую клетку шахматной доски одно зерно, на следующую два и т. д., все увеличивая вдвое, причем получилась чудовищная цифра. Данте говорит, что искр было больше». Филалет.

94-96. Высказанная здесь мысль, что ангелы непрестанно пребывали и пребывают на одном месте, удерживаемые Божеством, так как их движение вокруг центра не есть, в сущности, перемена места, — эта мысль, по-видимому, противоречит предыдущим стихам (ст. 89-91), где говорится о дроблении кругов на бесчисленное множество искр, а также и тому мнению, что ангелы посылаются Богом для исполнения различных дел. Одно место у Фомы Аквин. *Summa Theol.*, р. 1, 112, 1 разъясняет это. Если исходить

<p>97 И Та, чьим взором все в нас мысли зрими,
Рекла: «Кругов ты первых видишь хор,
Где — Серафимы все и Херувимы.</p>	<p>Виденья ж меру шлет им благодать, 112
Плод благости и воли непорочной,
И дар сей льется здесь из рати в рать.</p>
<p>100 Полет любви их для того так скор,
Да с Точкой той, сколь могут, все сольются;
Возможно ж то, насколько чист их взор.</p>	<p>Триада — та, что здесь в весне бессрочной 115
Рождаёт так все завязи цветков,
Что не побьет их и Овен полнощный, —</p>
<p>103 Парящие вокруг них сыны зовутся
Престолами Господних вечных сил;
Триаде первой в них дано замкнуться.</p>	<p>Песнь вешнюю „Осанна“ в век веков 118
Поет в трех хорах, полных дивной страсти,
И радость трех слилась в единый зов.</p>
<p>106 И знай: тем жарче радости их пыл,
Чем глубже зрят и в большем совершенстве
Ту Истину, где каждый ум почил.</p>	<p>В сей иерархии три также части: 121
Господства в первом, Силы — во втором,
В порядке ж третьем воспевают Власти.</p>
<p>109 Отсель пойми, что сущность жить
в блаженстве
Заключена вся в свойство созерцать, —
Любовь же с ним не состоит в равенстве.</p>	<p>В двух предпоследних пиршествах 124
кругом
Начала и Архангелы вскипают
И Ангелы в кругу последнем том.</p>

из положения, что ангелы бывают посылаемы (mittuntur), то такое внешнее действие не должно ли причислять ущерб их созерцанию? На это Фома Аквин. возражает, что сие уместно лишь среди нас, долженствующих для внешней деятельности обращаться к чувственным силам, вследствие чего нарушается чистое созерцание. Внешняя деятельность ангелов обуславливается лишь интеллектуальными силами, отчего и созерцание их не прерывается. Если же созерцание длится непрерывно, не взирая ни на какую внешнюю деятельность в различных местах, — значит ангелы постоянно пребывают в известном духовном движении около одной точки, где бы, помимо того, их деятельность ни проявлялась». «Не следует также забывать, что, согласно учению того же Фомы Акв., если идет речь о пребывании ангелов на одном месте или об их передвижении с места на место, — все это совершается в ином смысле, нежели с существами телесными. Если говорится о присутствии ангелов в одном месте, то это означает, говорит Фома, не прикосновение в протяжении, но применение силы к известному месту, точно так же и его передвижение есть последовательное употребление силы в различных местах. Поэтому, если Фома принимает, что ангел одновременно может быть лишь в одном месте, то это все-таки не исключает того, что рядом с деятельностью его в известном месте вселенной не прекращается постоянное его духовное движение вокруг Божества, ибо это движение не есть деятельность ангелов, а, скорее, воздействие на них, составляющее причину всей их деятельности». Филалет.

97-98. В подлиннике: *E quella, che vedeva i pensier' dubi Nella mia mente, disse* — и та, которая видела в моей душе смущенные мысли, сказала. К лучшему уяснению последующего места поэмы может послужить выработанная теологами теория о различных чинах или хорах небесных духов. Первоначально мы встречаем эту теорию у ап. Павла: в послании к Ефес. I, 21, говорится, что Христос возвысится «превыше всякого начальства и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем», а в послании к Колос. I, 16, говорится: «ибо Им (т. е. Богом) создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое, престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли». Таким образом мы встречаем здесь уже пять классов небесных духов; к ним следует прибавить часто встречающихся в Ветхом Завете серафимов и херувимов, и ангелов и архангелов; последнее наименование встречается несколько раз и в Новом Завете, напр. в 1-м послании к Фесс. IV, 16 («при гласе Архангела»), в Иудиним посланий I, 9 («Михаил Архангел»). Так пришли к предположению о существовании девяти хоров ангелов. Это было однако недостаточно для созерцательных умов; они хотели также знать: в каком порядке следуют эти девять делений в их взаимном отношении, в отношении их блаженства и совершенства; какой внутренний смысл заключается в этом делении на девять, каковы

«...Порящие вокруг них сыны зовутся
Престолами Господних вечных сил;
Триаде первой в них дано замкнуться...»
(Рай, Песнь XXVIII, тер. 103)

особенности различных хоров и каково значение их наименований? Наибольшим авторитетом в этом вопросе пользовалась ошибочно приписывавшаяся Дионисию Ареопажиту книга «О небесной иерархии» (περί τῆς οὐρανίας ἱεραρχίας); рядом с нею приводят обыкновенно Lib. II Hom. in. Evangel. Григория Великого. Оба автора несколько расходятся в разделений хоров; иное распределение принимает Данте в Convivio (II, 6). Вот они:

Дионисий	Григорий	Данте в Conv.
Первая иерархия		Первая иерархия
1. Серафимы.	1. Серафимы.	1. Серафимы.
2. Херувимы.	2. Херувимы.	2. Херувимы.
3. Престолы	3. Престолы	3. Власти.
Вторая иерархия		Вторая иерархия
4. Господства.	4. Господства.	4. Начала.
5. Силы.	5. Начала.	5. Силы.
6. Власти.	6. Власти.	6. Господства.
Третья иерархия		Третья иерархия
7. Начала.	7. Силы.	7. Престолы.
8. Архангелы.	8. Архангелы.	8. Архангелы.
9. Ангелы.	9. Ангелы.	9. Ангелы.

Как видно отсюда, Григорий пропускает деление на три иерархии и меняет лишь место сил и начал. Разница произошла, вероятно, от того, что Лже-Дионисий принял к руководству вышеуказанное место из послания к Ефесеям (I, 21), предположив, что апостол указывает здесь порядок снизу вверх; Григорий же держался послания к Колос. (I, 16), сделав обратное предположение и произвольно вставив непоименованные там силы. Данте принял, по-видимому, порядок, указанный в послании к Колос., но снизу вверх. Это одно из многих мест, приводимое, ввиду противоречия с Божественной Комедией, как доказательство подложности Convivio, но, в сущности, ничего иного не доказывающее, как только то, что Данте Божественную Комедию писал позже и свои взгляды на некоторые вещи изменил. Очень может быть, что эти изменившиеся взгляды с намерением помещены им в виде поправок в Божественной Комедии. Фома Акв. Summa Theol. p. I, 108, сопоставил и развил обе системы — Лже-Дионисия и Григория и нашел главное различие у них в том, что Дионисий, при разделении хоров, имел в виду, по преимуществу, духовную деятельность, а Григорий — внешнюю. Подр. см. у Филалета и Скартаццини.

99. О значении слова «Серафимы» см. Рая IX, 77, примеч.; Слич: также: Гуго де С. Викторе, De arc. moral. I, 1.

100. Подстрочный перевод подлинника: которые быстро следуют за своей привязью. — «Любовь, которая вечно держится вблизи Бога, составляет вместе с тем духовную связь, удерживающую их у вышеприведенной точки, и чем крепче эта связь, чем туже она натягивается, тем быстрее должен быть круг движения». Филалет.

101. «Сольются», в подлиннике: simigliarsi — уподобиться.

102. «Насколько чист их взор», в подлиннике: quanto a veder son sublimi, — насколько высоки они в зрении. Намек на Посл. Иоанна III, 2: «Еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть». Слич: Иов. IV, 16: «Он стал; — но я не распознал его, — только облик был пред глазами Моими». IV, 18: «Он и слугам Своим не доверяет, и в ангелах Своих усматривает недостатки». Рая XIII, 37 и след.

103. Подстрочный перевод подлинника: Те другие любви, которые вращаются вокруг них, называются престолами лица Божия, потому что заключают первую триаду. — Поэт неоднократно именует ангелов любовию. Рая XXXII, 94; XXIX 18, 46; так же он называет и праведных, Рая XIX, 20. — «Престолы» — Слич: Рая IX, 61, примеч.: Дионисий „De coelesti hierarchia“, 7. Скартаццини.

106-113. «Истину» — Бога. Слич: Рая IV, 125; Convivio II, 15. — «Свойство», вместо действие, акт. — «Не состоит в равенстве», в подлиннике: che poscia seconda, — которая следует после. —

127 Порядки эти все горе взирают
И, действуя на нижних, в те края,
Влекумы к Богу, прчих увлекают.

130 И в тайну их святого бытия
Так сильно Дионисий углублялся,
Что разделил и назвал их, как я.

Григорий с ним затем не соглашался; 133
Когда ж ему отверз здесь очи Бог,
Сам над собой он в небе посмеялся.

И не дивись, что земнородный мог 136
О тайне сей так правильно поведать:
Так тот открыл, кто видел сей чертог,

Кто много мог о небе истин ведать». 139

«Шлет им благодать», в подлиннике: *mercede* — заслуга вообще, добрые дела в частности. Бланк, *Vocabolario Dantesco*. — «Созерцанию Бога принадлежит первое место в понятии блаженства, второе место принадлежит любви, поскольку она вытекает из первого. Познание составляет высшее достоинство и цель человека, поэтому высшим ангелам любви, Серафимам, приписывали и наибольший свет познания, Рая XI, 37-39, тогда как Херувимы обладают знанием. Все же одно не бывает без другого». Каннегиссер. — «Если здесь высказано, что степень блаженства устанавливается подобно тому, как у людей, соответственно их заслугам, проистекающим от взаимодействия благодати и свободной воли, то это противоречит учению Фомы Аквината, которое гласит следующее: все ангелы созданы в состоянии невинности, одаренными различной степенью духовных сил и свободы воли. Чтобы достигнуть блаженства, стоящего превыше всякого созданного существа, они нуждались в сверхъестественной божественной благодати, но не оправдательной, так как они не согрешили, а содействующей. При содействии этой благодати они могли добровольно обратиться к Богу и заслужить таким образом блаженство. Итак, если само блаженство заслуживается, то степень его, равно как и дарованная благодать, устанавливается соразмерно первоначальным природным способностям, соответственно которым отдельные ангелы предназначены Богом для высших разрядов». Филалет.

115-120. Подстрочный перевод: «другая триада, которая так пускает ростки в этой вечной весне, что и ночной Овен не лишит ее листьев, — непрерывно поет «осанна», в трех мелодиях, звучащих в трех разрядах блаженства, в которых она (триада) трогается». — «Для объяснения смысла, употребленного в подлиннике (ст. 116), слова *germoglia* Скартаццини приводит старых и новых комментаторов и находит толкование первых предпочтительным и более естественным». Ландино. «Весной, находясь в знаке Овна, солнце восходит и заходит вместе с ним, причем он невидим. Ночью он показывается над горизонтом осенью, когда солнце находится в созвездии Весов. Смысл: имеющее здесь место блаженство не знает перемен». Штрёкфусс.

121-123. «Три также части», в подлиннике: *le tre Dee* — три богини.

124-126. «Пиршествах», в подлиннике: *tripudi* — слово, заимствованное из латинского языка, означающее танец. — «Вскипают», собственно, возвращаются.

131. Дионисий Ареопагит. Слич: Рая X, 115.

133. Григорий, папа VI века, согласно легенде, освободивший душу Траяна из ада. Чистил. X, 75; Рая XX, 106. — «Не соглашался», в подлиннике: *si divide* — отделяться, отклоняться от чьего-либо мнения. — «Что Григорий, как кажется, сознательно отклонился от учения Дионисия, ясно из того, что в своем труде (*Regula pastoralis*) он ссылается на Лже-Ареопагита». Филалет. — «Во времена Данте считали, что Григорий Великий жил после Лже-Дионисия, предполагавшегося современника апостолов (настоящий Дионисий Ареопагит был учеником апостола Павла); Григорий мог быть моложе жившего в неизвестные времена Лже-Дионисия». Ноттер.

138. «Тот» — ап. Павел. «Отсюда видно, что Данте признает учение Ареопагита исходящим от его учителя апостола Павла, который приобрел эти познания при восхищении его на третье небо (наивысшее, ибо девять считались тоже сгруппированными по три)». Филалет.

139. II Кор. XII, 4: «Он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».

ПЕСНЬ XXIX

Рассказ Беатриче о сотворении ангелов и небес. — Злые и верные ангелы.

<p>1 В тот час, когда и сын, и дочь Латоны
Войдут в Овен и в знак Весов, и свит
Вкруг них, как пояс, горизонт, — в час оный</p> <p>4 Как долго в чашах весовых зенит
Их держит там до той поры, как снова,
Сняв пояс с них, места им обменяет, —</p> <p>7 Так долго, блеск лия с лица святого,
Молчала Донна, взор вперив туда,
Где мерк мой ум; потом рекла мне слово:</p> <p>10 — «Вот мой ответ на мысль твою, всегда
Мне зримую, зане все там взыскую:
Слились же там все где и все когда.</p> | <p>Не с тем, чтоб мощь снискать себе иную 13
(Что невозможно), но да, блеском вновь
Вспросияв, заявит: „Существую“, —</p> <p>В предвечности Своей, вне всех веков, 16
Всех постижений, вольно проявилась
Любовью новой первая Любовь.</p> <p>Но и пред тем не в косности таилась: 19
Ни пред, ни после не была, пока
Вверху воды она как Дух носилась.</p> <p>Материя и форма в те века, 22
В связи и чисты, в бытие восстали,
Как три стрелы от трех тетив лука.</p> |
|--|---|

1-9. «Данте хочет выразить, что Беатриче лишь одно мгновение созерцала Точку, от которой зависят небо и вся природа, чтобы затем вновь обратиться к нему. Желая изобразить краткость этого мгновения, он говорит, что оно продолжалось не более того, как если бы солнце и месяц, находясь (в весеннее или осеннее равноденствие) в противоположных созвездиях (Весов и Овна), одновременно, с одной стороны восходя, с другой — закатываясь, находились, так сказать, в равновесии. В таком положении оба светила касаются горизонта, зенит же представляет высшую точку весов, к которой устремляется стрелка, когда обе чаши находятся в равновесии». Филалет.

1. «Сын и дочь», в подлиннике: *i figli* — дети, т. е. солнце и луна, Латона — мать Аполлона и Дианы.
2. «Знаки зодиака, служащие чашками весов, указаны здесь не без особого значения. Овен есть символ послушания и искупления. Весы — испытующей справедливости. Вся констелляция также имеет глубокомысленное отношение к настоящей песне и ко всей поэме вообще, ибо при ней началось сотворение мира, при такой же констелляции пришел Данте к краю дикого леса (Ада I, 37-40, примеч.), в сопровождении полной луны (философии) (Ада I, 14-18), которая его покинула, когда восходящее солнце познания осветило вершину горы». Копиш.

4. В подлиннике: *Quant'è dal punto che il zenit inlibra* — с мгновения, когда зенит удерживает их в равновесии.

6. «Места», в подлиннике: гемисферы.

7. «Блеск лия» и т. д., вместо: с озаренным улыбкою лицом.

9. «Где мерк мой ум», в подлиннике: *che m'aveva vinto* — который меня покорил, победил.

10-12. Подстрочный перевод: «я говорю, не спрашивая, что ты желаешь знать, потому что я вижу это там, где сходятся в точку (*s'appunta*) все где и когда». Как мы уже неоднократно видели, Беатриче не имеет надобности спрашивать поэта о его желаниях: она предупреждает их своими ответами, так как видит их в Боге, для Которого нет ни пространства, ни времени, вернее, в существе Которого в одной точке и в одном мгновении одинаково соединено все пространство и все время. Вопросы, которые Данте желает предложить, и ответы на них (ст. 13 и след.) касаются сотворения ангелов, а именно: где, когда и как созданы ангелы, что ясно выражено в ст. 40-48. Точно такие же вопросы ставит Петр Ломбардский в *Sententiarum libri II, distr. 2*. Вообще для уяснения последующего, а также того, что говорит по этому предмету Петр Ломбардский и подробнее Фома Аквин., следует заметить:

а) относительно времени сотворения ангелов прежде всего возникает вопрос: были ли ангелы сотворены ранее или одновременно с миром. Здесь, прежде всего, сталкиваемся с авторитетом блаж. Иеронима, который в одном месте своей книги «Послания к Титу» говорит: «Шесть тысяч лет нашего времени еще не исполнилось. Сколько времен, сколько столетий должно принять, в течение коих Ангелы, Престолы, Господства и другие разряды служили Богу без перемены и меры времени и по повелению Божию». Это воззрение соответствует ранее приведенному нами относительно интеллигенций, *animae nobiles*. По мнению

других Отцов Церкви и богословов, сотворение Ангелов было не до времени, но имело место при сотворении мира. Тогда возникает другой вопрос: когда именно, при последовательном сотворении мира, имело место создание ангелов? Здесь все зависело от того, как вообще понимать последовательность сотворения в изображении, данном Моисеем. Относительно этого вопроса существовало два мнения. По одному, исходившему от блаж. Августина, все то, о чем повествуется, как о созданном в шесть дней, в сущности совершилось одновременно, чрез единый великий акт творения, при этом ссылаются на изречение Иисуса Сираха I, 4: «Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости — от века» и Притчи Солом. VIII, 22: «Господь имел меня (Премудрость) началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони». Вытекающее отсюда противоречие с рассказом Моисея, который говорит об одном, как о случившемся ранее, о другом, как о происшедшем после, — старались разрешить предположением, что слова *simul* и *prius* и *posterius* не исключали друг друга безусловно, подобно тому, как луч солнца, касаясь наших глаз и достигая их в одно мгновение, все же должен прорезывать одни слои воздуха раньше других. Последовательность дней сотворения мира, поэтому, для Творца, в сущности, не более как естественный порядок различных сотворенных вещей, лишь ради человеческой слабости представленный распределенным во времени. В строгом смысле слова, Он применяет это к вещам, остающимся неизменяемыми, значит к природе неорганической, к небу и его звездам и к ангелам. Растения, животных и самих людей Он создает тем самым совершившимся в начале времени общим актом творения, так сказать в их причине (*causa*), действительное и видимое их появление последовало затем через творческую деятельность, не прекращающуюся во времени. Первый акт обозначен по отношению к человеку словами: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Быт. I, 27. Напротив, следующее повествование о сотворении человека из праха земного, вдунувание в него духа (там же, II, 7) и сотворение жены из ребра Адамова (там же II, 22) — обозначает творческую деятельность второго рода. Этим взглядом сам собой разрешается поставленный выше вопрос, или, вернее, он не нуждается более в ответе: ангелы созданы в первый день творения. — Но не таков взгляд, к которому, по-видимому, склоняется Петр Ломбардский, не отвергая безусловно приведенного мнения блаж. Августина. По его теории, Бог сотворил вселенную первоначально, так сказать, бесформенной, — хотя и не так, чтобы она вовсе не имела формы, ибо без таковой немислимо ничто вещественное, но она имела *formatum confusionis*. Это выражается словами Быт. I, 1, 2: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста» и т. д. В шесть дней Он впечатлел формы отдельных вещей в элементы, или закончил творение. Тут-то и должно было быть отведено ангелам их особенное место. Самым обыкновенным мнением по этому вопросу было то, что в указанном месте Библии под небом следует разуметь ангелов, причем настоящее видимое небо, свод небесный, сотворено лишь во второй день. Однако это сотворение последовало также в некотором роде бесформенным, в таком именно состоянии невинности, которое не было совершенством. Настоящее их довершение они получили тогда лишь, когда, восприимчивые благостью Божией, они обратились добровольно к Богу, и это выражается словами: «И стал свет — и отделил Бог свет от тьмы». — Фома Аквин. старается, впрочем, доказать, что оба взгляда довольно близки друг к другу, так как при сотворении бесформенного первоначального мира в нем так же были как бы созданы в зародыше силы всех прочих вещей; существенное различие касается лишь упомянутых выше не подлежащих изменению вещей, которые блаж. Августин признает действительно сотворенными одновременно, позднейшая же школа — происшедшими с некоторыми промежутками времени. Что Данте отдает предпочтение мнению блаж. Августина, это видно из ст. 22-30.

б) На второй вопрос: где были сотворены ангелы? Данте отвечает в ст. 32-33. Они творились в высочайшем месте, значит в эмпирее. Точно то же об этом говорит Петр Ломбардский, а за ним и Фома Аквинат.

с) «Наконец, третий вопрос: были ли все ангелы, равно и падшие позднее, сотворены добрыми? На этот вопрос Петр Ломб. и Фома Аквин. отвечают утвердительно, и в словах Беатриче заключается такой же ответ, потому что если ангелы, как и все творение, — истечение Божественной любви, то первоначально они никак не могли быть дурными, да и ничего подобного быть не могло». Филает.

13-15. «Мощь», в подлиннике: *di bene*, т. е. добро. «Иную», — вместо «большую». «Существую», в подлиннике: *subsisto*. — «Смысл этого предложения следующий: Божественная творческая деятельность не заключает в себе цели присвоить Себе самому какое-либо преимущество, потому что Бог не нуждается в Своих делах, но эта деятельность есть излияние Его бесконечной доброты и общительности, посредством которой Он лучеиспускает Свое совершенство на другие существа, дабы в отражении блеска открыть Свое бытие одаренным разумом творениям Своим». Филает.

17. «Постижений», в подлиннике: *comprender*, которое возможно понимать двояко: или в том смысле, как оно принято переводчиком, или в смысле: измерений, ограничений, как понимает это слово

25 Как в янтаре, в стекле или в кристалле
Луч блещет так, что промежутка нет
Меж тем, как он проник и как шел дале, —

28 Так от Творца трехвидной силы свет
Отбросил в бытие свой блеск лучистый
Так целостно, что скрыт начальный след.

31 Был соврожден, введен порядок истый
В создания, и им-то быть дано
Вверху миров, как силе самой чистой.

34 Простой потенции путь дан на дно,
В средину ж — той, что силою так дышит,
Как бы навек слилася с ней в одно.

Иероним об ангелах вам пишет,
Что создались за множество веков
Пред тем, как мир возник, из бездны вышел.

Но подтверждают верность наших слов
Святого Духа книги в разном месте,
Как узришь сам, когда твой взор здоров.

То подтверждает и ваш разум вместе,
Не веря, чтобы сонм вождей светил
Так долго жил, коль нет в нем полной чести.

Днесь — где, когда и как бесплотных сил
Был создан сонм — твоим открылось взорам,
Чем трех огней в тебе погашен пыл.

Филалет, дающий здесь такое толкование: «Сотворение мира последовало с началом времени, так как мера всякому времени — движение; до сотворения мира не было движения, следовательно, и времени, но лишь вечность; точно так же не было до сотворения мира ограниченного пространства, но лишь бесконечность».

18. «Любовью новой», или, как в некоторых списках, девятью, т. е. в девяти ангельских хорах. Данте нередко называет ангелов любовью.

19. «Пред тем», т. е. до сотворения мира.

20-21. В подлиннике: *Chè nè prima nè poscia procedette*, буквально: потому что никакое прежде не предшествовало, никакое после не следовало. «Вечность исключает понятия начала и конца, следовательно, исключает и понятие последовательности (*successionis*), — прежде и после. Поэтому нельзя сказать о Боге, Который живет не во времени, но в вечности, что до сотворения мира Он был как бы недейтелен, так как перед ним вообще нет прошедшего и будущего, но лишь вечное настоящее». Филалет.

22-24. «Здесь подразумевается разделение созданий на три класса: на ангелов, людей и телесную природу. Первые, т. е. ангелы, представляют чистую форму без настоящей материи; у людей соединены форма и материя: в телесном мире преобладает материя; его форма, которой в нем нельзя отрицать, связана с временной материей и прекращается с ее распадением. Поэтому телесный мир в известной мере можно назвать чистой материей». Филалет. — «Поэт, по-видимому, следует здесь учению блаж. Августина (*Sup. Genes. IV, 22; De civit. Dei XII, 9; Ad Oros., 26 etc.*; см. прим. к ст. 10-12 а), что сотворение вселенной было одновременным действием, и лишь для человеческого понимания оно представляется распределенным на дни божественной деятельности». Ноттер.

28-30. Точнее: «Так трехвидное действие испустило от Господина свои лучи в бытие, одновременно, совершенно (целостно), без различия в его происхождении». — «Сравнение с лучом, в одно мгновение пронизывающим сосуд из прозрачного материала (ст. 25-27), напоминает уподобление блаж. Августином творческого акта лучу солнца, в одно мгновение проникающему многочисленным слоям воздуха». Филалет.

31-33. Точнее: «Одновременно был сотворен и установлен порядок этих субстанций и те сделались вершинами мира, в которых возникла чистая деятельность». — «Первую часть терцины можно было бы отнести к сказанному во второй, отчасти из-за слова «порядок», отчасти же согласно взгляду блаж. Августина, по которому некоторые создания, великим единым актом творения, произведены лишь *potentialiter*, следовательно, их дальнейшее развитие предоставлено акту творения, имеющему наступить в будущем». Филалет. — «Им-то», т. е. ангелам, или так называемым интеллигенциям, вращающим небесные сферы.

34-36. «Простой потенции путь дан на дно», в подлиннике: *Pura potentia tenne la parte ima* — чистая потенция (вещество, без всякой формы, способное к образованию материи) заняла самый низ. — «Что силою так дышит» и т. д., в подлиннике: потенция, соединенная (или связанная) с деятельностью такой связью, которая никогда не развяжется, т. е. материя, организованная в отдельных индивидуумах. —

<p>49 Скорей чем двадцать счесть при счете скором
Возможно, как уж этих дѣхов часть
Смутила ваш стихийный мир раздором.</p> <p>52 Но в остальных зажглась так сильно страсть
Вращать, как видишь, свой полет крылатый,
Что им вовек от хора не отпасть.</p> <p>55 Виновником паденья был проклятый
Дух гордости: его ты видел в том,
Кто скрыт в Аду, всем грузом мира сжатый.</p> <p>58 Но эти здесь в смирении своем
В себе той Благости создали долю,
Что создала их с светлым столь умом.</p> | <p>За то им взор внесли к святому полю
Луч благодати и заслуга их,
Как твердую вполне соблюдавших волю.</p> <p>Не усумнясь, верь в силу слов моих,
Что восприяли благодать в той мере,
В какой для ней любовь отверзлась в них,</p> <p>Коль примешь речь мою, как твердый в вере,
То можешь сам без помощи понять
Уж многое о сонме в этой сфере.</p> <p>Но как там, в школах, стали поучать
Об ангельской природе, что де сродно
Ей созерцать, хотеть и вспоминать,</p> | <p>61</p> <p>64</p> <p>67</p> <p>70</p> |
|---|--|---|

«Слова „порядок истый”, ст. 31 (в подлиннике: *otto*), у переводчика „сила” и „потенция”, согласно сказанному в примеч. к ст. 10-12, должны быть понимаемы не в строгом, научном их значении, но как синонимы формы и материи. Равным образом и выражения: „Вверху миров”, „на дно” (в подлиннике: „в самый низ”) и „в средину”, — следует понимать скорее в смысле естественного порядка, но не в смысле указания занимаемых ими определенных мест, хотя относительно ангелов местом их сотворения, во всяком случае, Петр Ломб. определенно называет эмпирей. Если о людях сказано, что форма и материя связаны у них нераздельно, то это, в буквальном смысле, может относиться лишь к тому состоянию невинности, в котором Бог создал людей, к состоянию же после грехопадения лишь постольку, поскольку позднее, при воскресении плоти, это соединение будет восстановлено в неразрывном виде. Слич: Рая VII, 29». Филалет.

37-42. Слич: примеч. к ст. 10-12. — «Следует добавить, что после 13-30 ст., в которых трактуется об одновременном сотворении мира, со ст. 37 речь снова идет о создании ангелов, причем развиваются доказательства одновременности их создания с прочими действиями сотворения мира, равным образом опровергаются существующие против такого мнения возражения». Филалет.

43-45. «Вожди светил», в подлиннике: „*i motori*” — двигатели. Слич: *Convivio* II, 5, и Фома Аквин. *Summa Theol.* р. I. «Нет в нем полной чести», в подлиннике: „*Senza sua perfezion*” — без их совершенства, законченности. — «Отвергнув учение блаж. Иеронима на основании Св. Писания, Данте, в опровержение его, приводит также соображения человеческого разума. Если по системе, которой держится Данте, принять, что ангелы — двигатели небесных сфер, то доказательство одновременности создания ангелов с миром необходимо вытекает из невероятности того предположения, чтобы Бог создал ангелов раньше, нежели их деятельность могла найти себе применение». Филалет.

46-47. «Бесплотных сил», в подлиннике: *amori*.

48. Три его желания, относительно ангелов, небес и земли.

49. «Двадцати». Слич: *Convivio* II, 6; Фома Аквин. *Summa Theol.* р. I, 62, 5; 63, 6; — «Цифра двадцать употреблена здесь, по-видимому, оттого, что злые ангелы низверглись чрез девять ангельских и девять небесных кругов в девятнадцатый — землю и представили сами как бы двадцатый круг. Они возмутили основание наших элементов (Ада XXXIV, 121-126) и продолжают препятствовать веществу земли к более совершенному его развитию, пока опора однажды вновь будет создана совершенной, и всяк дол заполнится. Откров. Иоанна XX, XXI и XXII.

49-51. В подлиннике: *Turbo il soggetto dei vostri elementi* — расстроила основание ваших элементов, т. е. землю, выше которой находятся прочие элементы: огонь, воздух и вода. Скартаццини. Некоторые читают *alimenti* (вместо *elementi*), что значит пища. Бланк и др. объясняют эту неправильность тем, что древние флорентинские писатели не делали различия между слогами *al* и *el*. Не следует забывать, что, по учению Аристотеля, земля — один из четырех элементов. — «Кроме вопросов о сотворении ангелов, Данте, кажется, имел также наготове ряд вопросов о их падении и возвышении (*aversio* и *conversio*)

и, прежде всего, о времени, протекшем от сотворения ангелов до отделения добрых от злых. Все ангелы были сотворены добрыми, но это еще не служит доказательством тому, чтобы они не могли пасть в момент их сотворения, ибо сотворение их может быть принято как нечто мгновенное, неопределимое никакой последовательностью времени, как и направление свободной воли ангелов к добру или ко злу. Многие держались этого мнения, ссылаясь на слова Христа (Иоан. VIII, 44): «Он был человекоубийца от начала». Однако Петр Ломб. отрицает это и еще определеннее Фома Аквин., ибо вещь при своем возникновении может иметь природное движение лишь от того, кто ее создал. Так как создателем ангелов был Бог, то первое их естественное движение и деятельность могли быть направлены только к добру. Оба писателя принимают одинаково, что этот промежуток времени был весьма краток, Петр Ломб. называет его *aliquam morulam* (маленький промежуток), а Фома Аквин. говорит, что сейчас же после сотворения добрым ангелам за первое достойное деяние уделом стало блаженство, злым за первое греховное деяние — отвержение. Первый свой взгляд ангелы обратили в себя, и тут они были еще все хороши; второй они направили к Богу; и здесь последовало разделение. Это также совершенно отвечает природе ангелов, которые получили естественную законченность не так, как люди, постепенно, но одновременно, и точно так же должны были получить в один момент законченность чрез благодать или отрешение от нее. Слич: Рая XXVI, 139-142, конец примеч.». Филалет. — «Причиной падения ангелов была дерзость прекраснейшего из них, Люцифера, который подстрекнул некоторую их часть завладеть светом, вместо того, чтобы дожидаться получения его от благодати Божией (Ада XXXIV, 121-123 и Рая XIX, 46-48, прим.). Но равный Богу (Михаил) одержал верх над похитителем света (Люцифером)». Копиш. — Расстройство основания самого нижнего из элементов — земли, падением злых духов, объяснено в Ада XXXIV, 121, примеч.

52-54. В подлиннике: *L'altra rimase, e cominciò quest'arte, Che tu discerni, con tanto diletto*, — другая часть осталась в небе и начала это искусство, которое ты видишь с таким наслаждением. «От хора», в подлиннике: *da circolo* — от вращения, хоровода. «Блаженство ангелов в созерцании Бога, символически выражающееся вечным кружением около одной точки, началось, собственно, лишь с этого второго момента их существования, с *conversio*». Филалет.

55-57. В подлиннике: *il maledetto superbir di colui* — проклятая гордость того, и: *Da tutti i pesi del mondo*, — всей тяжестью мира. Ада XXXIV, 111-128. — «То, что первая причина падения ангелов была гордость, согласно с учением св. отцов: Оригена, блаж. Августина, Евсевия и Ансельма». Скартаццини. — «Грех падших ангелов не мог произойти от недозволенной любви к предметам вещественным, почему им приписали из семи смертных грехов лишь два — гордость и зависть, простирающиеся и на духовные блага, притом прежде гордость, из которой уже вытекает зависть. Они могут совершать также и другие грехи, делаясь виновными в них (*secundum reatum*), когда побуждают, например, людей к действиям нецеломудренным; однако, *secundum affectum*, они им не подчиняются, так как они делают это лишь из зависти к благополучию людей. Гордость же, которая привела их к падению, выразилась в желании быть такими же, как Бог. Хотя желание быть такими, как Бог *secundum aequiparantiam* (по равенству), не могло прийти им на мысль, потому что подобное желание заключало бы в себе нечто противоречивое, именно: чтобы конечное стало вечным, желание немислимое при их неомраченном еще никакой страстью взгляде, но они могли желать быть такими, как Бог *secundum similitudinem* (по сходству). Такое желание дозволено, если оно простирается на то, в чем творению предназначено быть похожим на Бога, и если оно надлежащим путем к тому стремится, т. е. с помощью Божией. Если же кто-нибудь стремится быть подобным Богу в вещах, в которых ему не предназначено такое уподобление, например в сотворении Богом земли и неба, или если кто-нибудь стремится к этому собственными силами, — тот впадает в грех, и это именно случилось с отверженными ангелами. *Summ. Theol.* p. I, 63, 2-3. Что грех первого ангела был, кроме того, причиной греха остальных, — это Фома Аквин. выводит из слов Откр. XII, 4: «Хвост его (дракона) увлек с неба третью часть звезд». То же в Еванг. от Матф. XXV, 41: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелами его». Хотя грех первого падшего и не мог принудить к тому же остальных, но принудительным он признается в той мере, в какой этот первый падший как бы подговорил к греху остальных. Это, по-видимому, противоречит вышеприведенному мнению, что все ангелы согрешили тотчас же по их сотворении, т. е. вслед за сотворением. Но так как ангелы, подобно человеку, не нуждаются для мышления, уговаривания и избрания в известном промежутке времени и в словах, передаваемых голосом, то ничто не препятствует тому, чтобы в то же мгновение, когда ангел сообщил свое мнение путем духовной речи, прочие с ним согласились. Филалет.

58. «Эти», в подлиннике: *которых ты видишь*, т. е. добрые ангелы.

73 То я еще скажу, да зришь свободно
Всю истину, что искажают там,
Двусмысленно уча, что с ней несходно.

76 Хор сих существ, лишь только их очам
Блеснул лик Божий, уж очей не сводит
С Того, Кто все в природе видит Сам.

79 А как их взор преграды не находит
В других вещах, то, стало быть, к чему
Им вспоминать, коль помысл их не бродит?

82 Итак, внизу там грезят наяву
И те, в ком есть, и те, в ком нет сей веры;
Но грех последних тягче, к их стыду.

85 Вы, философствуя, как малoverы,
Идете врозь: так восхищает вас
Страсть чем-то быть, к уму любовь без меры!

88 Но этот грех не так велик у нас,
Как грех того, кто ясность слов расстроил
В Писаниях иль кто отверг их глас.

Не помнить мир, сколь многот крови стоил 91
Посев тех слов, и как Господь хранит
Того, чей ум смиренно их усвоил.

Всяк пыжится казаться и творить 94
Ряд вымыслов, и вот вошла их сила
Уж в проповедь, Евангелие ж молчит.

Тот говорит: „Луна назад ступила 97
В часы страстей Христовых, ставши так,
Что солнца свет земле загородила“;

Другой — что „свет сам по себе иссяк, 100
Чем для испанцев, как и для арапов
С евреями простерт затмения мрак.

Меж флорентинцев меньше Биндов, Лапов, 103
Чем сколько басней в год содержит бред,
Что кафедра подносит вам, сострапав.

Овечки же, в неведение, ей вслед 106
Идут домой, пустым насытятся паром.
Но за незнание прощенья здесь им нет.

59-60. Подстрочный перевод: «признававшие себя творением Благости, создавшей их способными к столь высокому усмотрению». «Здесь яснее выражено противоположение вышесказанному. Добрые ангелы считали себя одаренными способностью к созерцанию Бога, к высшему усмотрению и, вследствие этого, к уподоблению Богу не собственными силами, а путем Божественной благодати». Филалет.

61-66. «Взнесли к святому полю», в подлиннике: *furo esaltate* — возвышенно, или, как у переводчика «взнесли», но без добавления «к святому полю». «Мнения всех сходятся относительно того, что ангелы заслуживают высшего блаженства — созерцания Бога, взаимодействием благодати и свободной воли. По двум лишь предметам мнения расходились; относительно того, во-первых: созданы ли ангелы в благодати или нет. Фома Аквин. держится первого на том разумном основании, что Благодать не может проявить принудительного влияния на свободных духов, т. е. ангелы могли ей воспротивиться, а исходя отсюда, ничто не мешает принять, что и падшие ангелы были в ней сотворены. Петр Ломб., по-видимому, противоположного мнения: он принимает, что благодать просто дана добрым ангелам в момент их *conversio*; злые же заслужили отвержение тем, что они не устояли, не дождались благодати, которая, без сомнения, была бы дана и им. Во-вторых, некоторые, между прочим и Петр Ломб., предполагали, что заслуга ангелов не предшествовала их *conversio*, но последовала позже и заключалась в услугах, которые они стали оказывать людям. Но, весьма верно замечает Фома Аквин., это противоречит понятию о заслуге вообще, которая, как таковая, должна предшествовать награде, поэтому он видит заслугу ангелов и людей в самом факте добровольного принятия благодати для *conversio* и, следовательно, в добровольном содействии ей». Филалет.

67-69. «О сонме в этой сфере», в подлиннике: *consistorio* — собрание ангелов. Сличи: Чистил. IX, 24.

70-72. «Там» — на земле, — «Сродно», т. е. свойственно. — «Созерцать», в подлиннике: *intende* — понимать.

75. «Что с ней несходно», в подлиннике: *in si fatta lettura* — в таком учении.

76. «Хор сих существ», в подлиннике: *Queste sustanzie*, т. е. ангелы.

79-81. В подлиннике: *Pero non hanno vedere interciso Da nuovo obbietto, e però non bisogna Rimemorar per concetto diviso* — таким образом их созерцание не прервано новыми предметами, и они не нуждаются

в воспоминаниях, так как их мысли (внимание) не отрываются от настоящего. Бланк. Voc. Dant. — Остается разъяснить еще один вопрос относительно природы ангелов: можно ли им приписывать разум, волю и память, как полагал Фома Аквинат. Но Данте расходится здесь со знаменитым богословом и после *conversio* ангелов совершенно отрицает у них память.

83. В подлиннике: *Credendo e non credendo dicer vero* — веря и не веря, что говорят правду.

84. В подлиннике: *Ma nell'uno è più colpa e più vergogna* — но и первом случае больше заблуждения, чем позора.

85-87. «Идете врознь», в подлиннике: *non andate giù per un sentiero* — не идете по одному пути, — «надлежащему, ведущему к истине». Скартаццини. — «Страсть чем-то быть, к уму любовь без меры», в подлиннике *L'amor dell'apparenza e il suo pensiero* — желание казаться (*apparenza*) чем-то необыкновенным, приверженность к своим мыслям. «Многие усматривают здесь такой смысл: любовь блистает светским остроумием и мнимой ученостью! Но слово *apparenza* могло бы обозначать и внешние, вещественные представления, которые весьма часто, и как бы в противоположность вечному, рассеивают дух человеческий, долженствующий быть обращенным к божественному Единству. Если бы те философы действительно имели целью пустую напыщенность и блеск, то это вряд ли было бы выставлено (ст. 88) как нечто, не вызывающее в Вечном особого гнева; но тяготение к явлениям внешним легко может быть принято, как нечто извинительное перед Богом, потому что оно без злой воли истекает из человеческой слабости». Ноттер.

88-90. Подстрочный перевод: И это еще там, наверху, переносится с меньшим гневом, нежели когда пренебрегается Св. Писание или когда (смысл его) извращается.

91. «Крови» — мучеников христианства, а может быть, также крови, пролитой в крестовых походах, столь дорогих сердцу Данте. Ноттер.

92. Сл.: Чистил. XXII, 77 и след.

92-93. В подлиннике: *E quanto piace Chi umilmentc con essa s'accosta* — и сколь угодны (Бору) те, которые смиренно к небу (Св. Писанию) примыкают или держатся его.

94-96. «Вошла их сила уж в проповедь», т. е. вымыслы сделали предметом проповеди.

97-99. «Упоминание гипотезы, по которой луна становится впереди солнца, — приобретает здесь более глубокий смысл, когда мы опять представим себе, что под луной разумеется философия. Свет познания заслоняется вносимой мнимыми учеными философией». Копиш.

100-102. Некоторые, в том числе и Филалет, вместо: *Ed altri* (другой) читают: *E mente* — и жет. «Иссяк», в подлиннике: *si nascose* — спрятался. — «Существовали различные мнения о том, каким образом произошла великая тьма после кончины Спасителя. При этом все соглашались, что собственно обыкновенного затмения солнца тогда быть не могло, ибо было полнолуние (евреи праздновали пасху в полнолуние в первый месяц их года). Ориген объясняет тьму густыми тучами, закрывшими солнце, и принимает, что слова: *per universam terram*, означают, по обычному в то время способу выражаться, не всю землю, а лишь Иудею, пожалуй, с прилегающими странами. Иероним говорит, что большое светило оттянуло свои лучи назад, чтобы они не видели Распятого на кресте, и богохульствующие иудеи не наслаждались бы его сиянием, что Фома Аквинат так прекрасно объясняет: это оттягивание произошло не от произвольного действия солнца, но по воле Божией. Другие же принимают, согласно сведениям Лже-Ареопажита, который будто бы наблюдал эту тьму в Египте, что это было действительное затмение, для произведения которого луна была чудесным образом передвинута перед солнце. Замечательно, что Фома Аквин. вторит этому странному мнению, основанному на столь слабом авторитете, и пространно разбирает четыре или пять различных чудесных особенностей этой тьмы. *Summa Theol.* III, 44, 2. Напротив, несколько старейший теолог, Петр Коместор, говорит: это не было затмение, как врал некоторые, ибо луна стояла почти совершенно против солнца». Данте, вероятно, имел в виду это место, столь решительно отрица взгляд Лже-Дионисия. Его взгляд сходится с взглядом Иеронима, более других разумным, ибо ничего не пытаться объяснить в тех случаях, когда причина не может быть обнаружена, представляется наилучшим. Основание, из которого исходит Данте, опирается на буквальный смысл слов *universam terram*, т. е. всей освещенной гемисферы, ибо во всяком случае перемещение луны отнюдь не могло бы произвести тьму на всей земле. Если ст. 100 вместо „*e mente*“ читать „*ed alti*“ — другой, то получается совершенно иной смысл, именно, что Данте отвергает, как глупость, подобные бесплодные и тонкие вопросы и не высказывается ни за одно из подобных мнений. Но как бы подобное толкование ст. 100 ни казалось привлекательным, так как ставит Данте выше схоластических мудрствований его времени, однако любовь к истине заставляет отдать предпочтение противоположному толкованию, так как, во-первых, чтение „*e mente*“ опирается на лучшие авторитеты, во-вторых, из ст. 89-90 видно, что Данте желает лишь опровергнуть ложное толкование, вроде, напр., объяснения Лже-

109 Апостолам Христос не молвил с жаром:
„Идите в мир на проповедь лганья“,
Но верный дал фундамент им недаром.

112 И так гремела с уст их речь сия
В борьбе с врагом, что стала под доспехом
Евангелья им в щит и в сталь копыя.

115 В проповедях лишь басням да потехам
Теперь простор, и, хохот возбудив,
Надулся капюшон, гордясь успехом.

118 Но ведай чернь, какой гнездится див
В мешке попов, — к покупке индульгенций
Не стала б так бежать наперерыв.

Но глупы так земные поселенцы,
Что без проверки с помощью ума
Всем отпущеньям верят, как младенцы.

Вскормил свинью Антоний, дабы тьма
Других свиней, и хуже той, жирела,
Плата за то монетой без клейма!

Но как мы слишком отошли от дела,
То взор спешу к прямой стезе возвесть,
Чтоб поскорей достичь того предела.

Так умножается сей род, что несть
Ему числа, и смертный ум не знает
Таких идей и чисел, чтоб их счесть.

Дионисия (ст. 97-99); наконец, все содержание поэмы указывает многими своими местами, что Данте не были чужды подобные тонкости, занимавшие в его время величайшие и проницательнейшие умы». Филалет.

103-105. «Биндов, Лапов», особенно употребительные во времена Данте собственные имена: Лапо — сокращенное от Giasoro; Бинди — от Ildebrando. Скартаццини. — «Что кафедра подносит вам, со-страпав», в подлиннике: in pergamo si gridan quinci e quindi — возвестили с кафедр тут и там.

108. В подлиннике: E non le scusa non veder lor danno — но неведение несчастья не извиняет их. — «Христиане не могут оправдываться своим неведением, ибо имеют откровение в Св. Писании. Это место служит новым подкреплением в пользу замечания, сделанного уже в Чистил. XXIX, 100, что чтение народом Библии во времена Данте отнюдь не было обставлено затруднениями». Ноттер.

109. «Апостолам», в подлиннике: convento — собрание, общество.

110. «Лганья», в подлиннике: ciance — глупостей, вздора.

111. «Фундамент», в подлиннике: verace fondamento — истинный фундамент. Ср. Перв. посл. к Коринф. III, 10-11: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос».

112. Подстрочный перевод: и это так прозвучало в их ушах, что в борьбе для распространения веры Евангелие послужило им копьем и щитом. Сличи: послания к Ефес., VI, 17: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие»; к Евреям IV, 12: «Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого»; Откр. Иоанна I, 16: «Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч...»; II, 12: «Так говорит имеющий острый с обеих сторон меч».

115. «Забавные проповеди капюшинов и прочие подобные вещи, помощью которых старались убедить в силе индульгенций, по-видимому, были в то время уже в полном ходу». Коппиш. — Таким образом, не одно тщеславие, но и низкая алчность порождали лицемерие и басни духовных, которыми обманывался свет.

117. Слова в подлиннике: e più non si richiede, означают: и большего не требуется.

118-120. «Див», в подлиннике: uccel — птица. — «В мешке», в подлиннике: nel beccetto — в капюшоне. Подстрочный перевод последнего стиха: узрела бы отпущение, которому верить. После бессмысленных и недостойных шуток, Данте порицает легкость, с которой обыкновенно раздавались отпущения грехов, и высказывает предположение, что при таком образе действий в капюшоне священников прячется адская птица, диавол (сл. Ада XXII, 96 и XXXIV, 46); одураченный народ не видит его и полагается на разрешение, выдаваемое без необходимого условия его действительности — исправления намерений и поступков.

121. В подлиннике: Per cui tanta stoltezza in terra crebbe — чрез это глупость так возросла на земле.

122. В подлиннике: Che, senza prova d'alcun testimonio — без доказательства чьим-либо свидетельством.

121-126. «Св. Антоний-отшельник (его отнюдь не следует смешивать со св. Антонием из Падуи) был,

как известно, основателем отшельничества в Египте. Его останки будто бы чудесно найдены через 100 лет после его смерти и перенесены в Константинополь. В XI столетии часть их перенесена в Виенну, в Провансе. Об этом перенесении существует следующая легенда. Могущественный граф той местности, по имени Joscelyn, дал обет паломничества в Иерусалим, но все откладывал исполнение обета. Однажды, смертельно раненный в схватке, он был принесен в маленькую старинную церковь Св. Антония; когда он уснул там, ему приснилось, что пришло множество бесов, дабы овладеть его душой за неисполнение обета, но святой явился к нему на помощь и приказал ему перенести его святые останки с Востока. Чудесно исцеленный, граф поспешил отправиться в паломничество и, на обратном пути, выпросил у византийского императора, которому он оказал услуги, мощи святого. В продолжение некоторого времени он и его наследники возили эти мощи с собою, как залог счастливого исхода во всех своих походах. Наконец папа потребовал, чтобы мощи были помещены в каком-либо священном месте. Вследствие этого некий гр. Гуго выстроил с этой целью большую церковь недалеко от Виенны. Вскоре стали распространяться слухи о многочисленных чудесах. Особенно действительной считалась молитва святого о страдающих так называемым антоновым огнем. Даже для скота, страдавшего этой болезнью, призывалось имя святого. При этой церкви у Виенны возник поэтому госпиталь для страдающих подобными болезнями и орден, занимавшийся попечением о них. Известно, что св. Антоний изображается со свиньей возле него. Основанием для этого символа, может быть, первоначально послужила власть над нечистыми духами, которую приписывали святому, в его известной борьбе с ними; а может быть, поводом к тому послужила приписываемая ему сила защищать скот от болезней. Из этого верования возник потом во многих местах странный обычай содержать на счет прихода свинью, называвшуюся свиньей Антония. На это намекает Данте и порицает, очевидно, всяческую эксплуатацию суеверия в целях наживы, когда при помощи обещания сверхъестественной помощи и прощения грехов рассчитывалось на кошелек, труд и землю народа». Филалет.

125. «Тьма других свиней», т. е. монахи ордена, основанного Антонием, торговцы индульгенциями. Ноттер. Витте.

126. «Монета без клейма», в подлиннике: *moneta senza conio* — монета, не имеющая цены. «Монета без клейма, подобно вышесказанным обещаниям, неподкрепленным никаким свидетельством, есть не что иное, как индульгенции, или удостоверения о помиловании, в которых недостает или внутреннего клейма — их действительности, или внешнего клейма — церковного авторитета». Филалет.

127. Беатриче продолжает прерванное со ст. 85 поучение о природе ангелов.

129. В подлиннике: *Si che la via col tempo si raccorci* — так, чтобы сократился путь вместе со временем. «Намек на приближающийся конец поэмы и странствования». Флейдерер.

130-135. «Начиная со стиха 130, разбирается вопрос о количестве ангелов. Ответ, согласный с учением Фомы Акв., разъясняет, что это число превышает количество вещественных предметов, не выговаривается и не постигается средствами людей. Некоторые предполагали, что число ангелов не могло быть очень велико, так как они стоят ближе всего к Богу, а Бог — высшее единство; следовательно, количество их должно более приближаться к единице, нежели число прочих созданий. Кроме того, так как ангелы существа нематериальные, то луч божественного света не может разнообразиться в них соответственно различию их материи, воспринимающей его, но лишь соответственно их деятельности, т. е. движение небес, число которых ограничено. Опровергая такой взгляд, Фома Акв., ссылаясь на слова Даниила: «тысячи тысяч служили ему и тьмы тем предстояли пред ним» (VII, 10), приводит следующие возражения: 1) Подобие ангелов Богу заключается в простоте их природы, но не в ограниченном их числе; скорее отвечает намерению Божию, направленному к совершенству творений, создать наибольшее число совершенных созданий, подобно тому, как и небесные тела существуют в большем числе сравнительно с созданиями тленными. 2) Вообще следует отвергнуть мнение, которое ищет причину несходства вещей в их материи; скорее оно заключается в божественной премудрости, измыслившей различные виды творений. Кроме того, количество ангелов не определяется только числом двигателей небес, но по вопросу об их деятельности остается еще широкая область для умозрений, что мы уже видели из прим. к Рая II, 111. В *Convivio* II, 6, мы находим об этом следующее глубоко-мысленное место: «Никакое действие не бывает больше своей причины, ибо причина не может дать того, чего она не имеет; поэтому, если божественный разум — причина всех вещей и человеческого разума в особенности, то последний не может превышать первого. Если же мы усматриваем из вышеприведенной и многих других причин, что Бог мог сотворить бесчисленное множество разумных существ, то становится очевидным, что Он сотворил их в еще большем количестве». Предлежащее место поэмы вполне согласуется с этим взглядом. Ст. 133-135 относятся к вышеприведенному месту из пр. Даниила (VII, 10), объясняя, что там указывается неопределенное

ПЕСНЬ XXIX

133 И коль взглядишься в то, что возвещает
Вам Даниил, то в тысячах своих
Он точное число их, верь, скрывает.

136 Первичный свет, всех озаряя их,
Воспринят ими столь разнообразно,
Сколь для вхожденья встретили блесков сих.

А как к принятию мощь их сообразна 139
С их веденьем, то и любовь сладка
И пламенна во всех их столько ж разна.

Отсель пойми, насколько высока 142
Мощь Вечного: зеркал столь беспредельно
Создав и в них дробясь во все века,

Он пребывает Тем же нераздельно». 145

и неограниченное число, ибо количество тысяч, стоящих пред престолом Божиим, не приведено. Само по себе это число, во всяком случае, должно быть конечное, но какое именно — не выражено, ибо это заходит за пределы нашего постижения. Филалет.

136. «Первичный свет». — Бог — источник вечного света.

137. «Воспринят», в подлиннике: *St riceve* — принимается. Сл.: Рая II, 35.

138. «Для вхожденья», в подлиннике: *a che s'appaja* — с которыми он спаривается, т. е. соединяется.

139-141. В подлиннике: *Onde, però che all'atto che concepe Segue l'affetto d'amor la dolcezza Diversamente in essa ferve e tepe* — так как за созерцанием следует аффект, то сладость любви в них разнообразно горяча и тепла. Сл.: Рая XXVIII, 106-114. «Это значит, что каждым из ангелов воспринимается большее или меньшее блаженство, соразмерно уделенного каждому из них любовного и деятельного созерцания». Копиш.

142-144. Ефес. III, 18: «Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота». «Зеркал» — ангелов.

145. В подлиннике: *Uno manendo in sè, come davanti* — единым пребывает в Себе, как и прежде, т. е. до сотворения ангелов.

Эмпирей. — Светоносная река. — Роза.

<p>1 Быть может, за шесть тысяч миль от нас
Шестой уж час горит и тень от нашей
Земли на дол склоняет. В этот час</p> <p>4 Средине неба столь глубокой чашей
Становится, что мы уж с наших мест
Не зрим всех звезд, и вслед затем, чем краше</p> <p>7 Рабыня дня лить станет блеск окрест,
Она тем боле блеск у звезд отъемлет
До самой той, что ярче всех меж звезд.</p> <p>10 Так и триумф, чей глас вовек не дремлет
Вкруг Точки, помрачившей разум мой,
Быв Тем объят, что как бы сам объемлет, —</p> <p>13 Стал понемногу гаснуть предо мной.
Тогда любовь и хоров удаленье
Велели мне воззреть на лик Святой.</p> | <p>Все, что досель ей пелось в восхваленье, 16
Когда бы слил в одну хвалу певец,
Все было б малым для ее сравненья.</p> <p>Такой я зрел на ней красы венец, 19
Что он не только выше нас, но, мыслю,
Его вполне постиг бы лишь Творец.</p> <p>Себя здесь боле побежденным числом, 22
Чем автор, — трагик он, иль комик, — в час,
Когда с своей вотще он бьется мыслью.</p> <p>И, словно самый слабый глаз, 25
Так мысль о сладости ее улыбки
Весь гений мой лишает сил зараз.</p> <p>Со дня, как сердце задрожало шибко 28
Пред ней в сей жизни, я досель везде
Шел с песнию за ней стопой незыбкой;</p> |
|--|---|

1-2. «Явление, изображаемое Данте в нижеследующем прекрасном сравнении, имеет место пред солнечным восходом, на рассвете. По Бруно Латини, *Tesor.* II, с. 49, периферия земли равняется 20,427 милям. В таком случае, расстояние от того места, где полдень, до места восхождения солнца составляет 5106 миль. Но так как место, где в это время только начинает рассветать, лежит еще несколько западнее, то приблизительное определение этого расстояния в 6000 миль будет вполне соответствовать астрономическим представлениям того времени. Нельзя согласиться с мнением Бенвенуто да Имола, предполагающим, что Данте принимает здесь периферию земли равной 24 000 миль. Такое предположение не соответствует намерению автора, желавшего изобразить время, предшествующее восходу солнца, и, кроме того, противоречит мнению его учителя». Филалет.

2-3. «На дол склоняет», т. е. тень падает почти в горизонтальном направлении относительно места, где наблюдается рассвет. Таким образом и это место подтверждает сказанное выше.

4. «Глубокой», в подлиннике: *profondo*. Вергилия, *Georg.* IV, 222.

7. В подлиннике: *E come vien la chiarissima ancilla* — и как светлая прислужница солнца (утренняя заря) идет дальше.

8-9. «Ярче всех» — утренняя звезда.

10-12. «Триумф» — девяти ангельских хоров. В подлиннике: *che lude sempre dintorno al punto che mi vinse* — который играет (ликует) постоянно вокруг точки (т. е. Бога), меня покорившей. Сл. XXVIII, 15.

12. Премудр. Солом. I, 7: «Дух Господа наполняет вселенную и, как всеобъемлющий, знает всякое слово». Сл. *Convivio* IV, 9; *Рая* XIV, 30; *Чистил.* XI, 1. «Бог объемлет и правит целым миром, но все же здесь кажется, что небесные духи, в своем вращательном ликовании, окружают таинственную точку. Бог одновременно является как бы центром и периферией вселенной». Филалет.

13-15. Подобно тому, как меркнут перед солнечным восходом звезды, стали исчезать пред поэтом и бесчисленные светящиеся точки. Удаление ангелов и любовь к Беатриче побуждают поэта обратить взор на нее.

21. В подлиннике: *Che solo il suo Fattore tutta la goda* — что только ее Творец вполне ею восхищается.

22. «Число» — переводчик подражал Державину («Фелица»):

Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести.

31 Но здесь мой шаг вслед дивной красоте
Уж отстает невольно, как не в воле
Художника достичь вершин в труде.

34 В красе своей — ее ж да славит боле
Могучая труба, чем та, с какой,
Кончая труд, иду в сем трудном поле, —

37 Она рекла, как некий вождь святой:
— «От большей сферы мы взнеслись к верховью
Святых небес, где чистый свет живой, —

40 Свет умственный, исполненный любовью, —
Любовью к Благу, полному утех, —
Утех, ведущих к Божью славословью.

Здесь райских воинств ўзришь сих и тех, 43
И тех из них здесь ўзришь в их одежде,
Как в день суда, когда осудят грех».

Как молния, блеснув внезапно в вежды, 46
Так взор слепит, что меркнет для него
И тот предмет, что всех ясней был прежде:

Так жизни свет вкрут ока моего 49
Блеснув, повил меня, как тканью, светом,
Так что уж я не видел ничего.

— «Всегда Любовь, луч мира в небе этом, — 52
Чтоб был готов светильник огонь приять,
Приемлет всех в себя таким приветом».

26-27. «Мысль», в подлиннике: воспоминание, которое умаляет мой разум. Сл.: Рая I, 9; XXIII, 44 и след.

28-30. Подстрочный перевод: «С того дня, как я увидел ее лик в этой жизни, до этого взгляда мое пение ни разу не было прервано».

33. В подлиннике: *come all' ultimo suo ciascuno artista* — как каждый художник от своего последнего. «Под последним художника следует понимать его недостижимый идеал. Эта последняя степень возрастающего преобразования Беатриче обозначает поднятие в эмпирей. Данте всеми способами старается превзойти прежние свои выражения о красоте божественной Беатриче. Еще раньше много раз Данте объявлял себя неспособным изобразить красоту Беатриче (Рая XIV, 80-81; XVIII, 8-12; XXIII, 22-24). Тем не менее он каждый раз вслед за этим вновь изображает ее, здесь же он и на будущее время совершенно оставляет это намерение. Никакой художник, говорит он, никогда не может достигнуть своего идеала, так же точно и он сам относительно изображения Беатриче на высшей степени ее совершенства». Филалет.

34-36. Подстрочный перевод: «став таковою, что я должен предоставить ее более могучему голосу, нежели звук моей трубы, которая спешит довести до конца свое трудное дело».

37. Подстрочный перевод: «С жестами и голосом усердного путеводителя, она начала».

38-39. «Сферы», в подлиннике: *сого* — тела, т. е. из *primum mobile*, самого большого небесного круга, составляющего границу вещественных предметов. «К верховью святых небес, где чистый свет живой», в подлиннике: *al ciel, ch'è pura luce*, т. е. в эмпирей — нематериальное небо. Посл. I к Тимоф. VI, 16: «Единый, имеющий бессмертие, обитающий в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная». «Если эмпирей находится вне пространства, то, очевидно, он не может быть вещественным и наибольшим между вещественными телами и будет таким образом *primum mobile*». Филалет. Слич: Рая XXVIII, 64-69.

41. В подлиннике: «вечному Благу». — «Утех», в подлиннике: небесного блаженства — радости.

42. В подлиннике: *Letizia che trascende ogni dolzore* — радости, превышающей всякую сладость, блаженство.

43-44. В подлиннике: *l'una e l'altra 'milizia Di Paradiso* — добрые ангелы и праведные люди. Первые воинствуют против злых ангелов, а вторые — против греха. Скартаццини. «В их одежде», в подлиннике *in quegli aspetti* — в том виде.

45. В подлиннике: *all' ultima giustizia* — при последнем суде. Ангелы вовсе не подлежат суду и не изменяют своего вида. Праведные духи, наоборот, представляются в эмпирее уже в их преобразенных телах, хотя они вновь получат их только при Страшном Суде. На это и указывают слова подлинника: *e l'una in quegli aspetti* (и одну из небесных милиций, т. е. праведников). Ст. 46-81. Видение реки Божественного света.

49-51. Деян. апост. XXII, 6: «Когда я приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня ведущий свет с неба». Там же 11: «А как я от славы света того лишился зрения, бывшие со мною за руку провели

55 Едва успел я сердцем звуку внять
Тех кратких слов, как ощутил стремленья,
Готовые сверх сил меня поднять.

58 Во мне зажглась такая сила зренья,
Что яркости столь сильной в мире нет,
Какую б я не снес без затрудненья.

61 И в образе реки я видел свет,
Весь в молниях, меж двух берегов, богато
Одеянных весною в дивный цвет.

64 Вихрь искр взлетал с реки, пылавшей свято,
И падал вокруг среди цветков живых,
Как бы рубины, вделанные в золото.

Потом, упившись ароматом их, 67
Вновь погружался в волны; где же, вышед,
Взлетал рой искр, другой там падал в них.

— «Великий жар, которым ум твой дышит, 70
Желая знать о всем в державе сей,
Тем мне приятней, чем сильнее он пышет:

Но, чтоб ты жажду утолил, испей 73
Сперва от вод сих, светлых как алмазы».
Так Солнце мне рекло моих очей.

И вслед затем: «Река и все топазы, 76
Над ней и в ней, и роскошь сих лугов
Суть истинных их свойств лишь прообразы.

меня в Дамаск». — «Ограниченный дух, даже дух интеллигенций, сам по себе все же неспособен познавать Бога в Его сущности; он нуждается для этого в особом божественном просветлении, которое и подразумевается здесь, как свет славы Божией, сообщаемый всякому вновь вступающему в сие божественное место». Витте.

52-54. В подлиннике: *Sempre l'Amor, che queta questo cielo, Accoglie in sè con si fatta salute, Per far disposto a sua fiamma in candelò* — всегда любовь, которая умиротворяет это небо, принимает в себя с таким приветом, чтобы приготовить свечу (т. е. душу человека) для своего огня.

55-60. «Данте приближается к своей высшей цели, созерцанию Бога в Его существе. Для лучшего понимания последующего глубокомысленного изложения и тех удивительных картин, которые он рисует, необходимо уяснить себе, как думали об этом предмете теологи времен Данте. Что блаженные духи (люди и ангелы) познают Бога в Его существе, или созерцают Его духовно, такое заключение делает Фома Аквин., во-первых, из прирожденного людям стремления к этому познаванию, которое не может остаться неудовлетворенным, во-вторых, из Св. Писания. Труднее было доказать, каким образом возможно подобное познание. Не вдаваясь в тонкости схоластической гносеологии, можно указать, что рационального познания Божества не существует, так как ограниченный ум человека не в силах охватить бесконечного божественного существа. То же относится и к блаженным духам. Они могут познавать Бога в Его сущности лишь тогда, когда Бог им сообщает сверхъестественную (хотя бы и сотворенную) способность, которая их поднимает над их собственным существом, и эта прибавленная способность, в отличие от настоящего света интеллекта, называется светом славы (*lumen gloriae*). Под светом, сиявшим Данте при вступлении в эмпирей, и подразумевается *lumen gloriae*, которое делает преобразуемых духов способными к созерцанию Бога, или, как говорит Беатриче (ст. 54), приготовляет свечу (интеллект) к восприятию огня, долженствующего возжечься на ней непосредственному воздействию божественного существа), причем обыкновенный свет при сиянии божественного созерцания как бы исчезает. Это *unio beatificans* совершается затем постепенно в остальной части поэмы».

61-63. Идея реки света почерпнута из Библии Дан. VII, 10: «Огненная река выходила и проходила пред Ним». Но поток света у Даниила, по мнению толкователей того времени, долженствующий истребить грешников, в Божественной Комедии преобразился в реку света, делающую глаза способными к созерцанию Божества. Затем река света напоминает некоторые псалмы: XLV, 5; XXXV, 9, 10 и Откров. Иоанна XXII, 1: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца».

64-65. «Искры потока света, как видно из следующей песни (ст. 1-18), означает ангелов; цветы — праведные души, которым ангелы сообщают блаженство». Копиш.

66. Вергилия, Энеида X, 134: «Словно камень цветной, что в золото желтое вделан»; I, 592, 593:

Как украшает рука слоновую кость или желтым
Золотом обведено серебро или мрамор паросский.

Перев. А. Фета.

79 Не оттого, что вид их слишком нов,
Но потому, что ты не весь очнулся, —
Так высоко ты видеть не готов».

82 Ребенок бы так быстро не тянулся
К родной груди, коль слишком в поздний час
Против обычья он от сна проснулся, —

85 Как быстро я, — дабы зеркала глаз
Очистились, — припал тех волн к потокам
Струящимся, да просвещают нас.

88 И только лишь краями век с их током
Я сблизился, как вдруг — о чудный вид! —
Из длинного он круглым стал пред оком.

Потом — как тот, кто, маской быв прикрыт, 91
Становится не тем, чем был, как скоро
Прочь снимет то, что в нем меняло вид, —

Так изменились в больший пир для взора 94
Цветы и искры, так что я узрел
Вдруг два двора небесного собора.

О блеск Господень, им же я узрел 97
Триумф в сем царстве истины, — с эфира
Пошли мне мощь поведать, что я зрел!

Есть в небе свет, творящий зримым мира 100
Зиждителя для тех, кто все века
В виденьи сем находят пристань мира.

67. В подлиннике: Come inebriate — как опьяненные. Псал. XXXV, 9: «Насыщаются от тука дома Твоего, и из потока сладостей Твоих Ты напоешь их».

68. В подлиннике: Riprofondavan sè nel miro gurge — вновь погружали в чудесную пропасть.

69. В подлиннике: E s'una entrava, un'altra n'uscita fuori — и когда одна (искра) погружалась туда, другая оттуда вылетала.

70-71. Подстрочный перевод: «Высокое желание, воспаляющее тебя теперь и помогающее тебе понимать, что ты видишь, тем более восхищает меня, чем более оно тебя возвышает». Беатриче опять видит желание Данте раньше, нежели он его высказывает.

73-74. Подстрочный перевод: «Но прежде ты должен испытать этой воды для того, чтобы столь великая жажда была в тебе утолена». Слич: Чистил. XXI, 1, примеч.

78. В подлиннике: Son di lor vero ombrefieri prefazii — суть слабые тени (или образы) действительности.

79-81. Подстрочный перевод: «Не потому, чтобы эти вещи сами по себе были трудно понимаемы, но недостаток заключается в тебе, потому что твое знание не может до них возвыситься». — «Раньше нежели Данте вкушает начало unio beatificans, царство небесное, как говорит Беатриче (ст. 78), представляется ему как бы тенью действительности. Разница между этим предварительным изображением и действительным, как оно представлено в конце этой песни и в следующей, заключается в том, что свет, который (как сказано в ст. 100) делает Создателя видимым творенью, здесь является в виде реки, а там — в виде светлого лучистого круга; праведные души представляются здесь цветами, ангелы же, то несущиеся за праведными душами, то поднимающиеся к Богу и погружающиеся в Него, — живыми искрами, как бы светляками. Очевидно, в душе Данте должно вследствие этого сложиться предчувствие царствия Божия, каким человек, будучи еще на земле, чувствует его в часы высшего созерцания. То, что Божественный свет является здесь в виде потока, как мне кажется, имеет еще то значение, что душа, на той ступени, когда она еще ни в каком отношении не причастна блаженному соединению, может созерцать Бога все еще лишь в его делах, следовательно, в известной степени, во времени, символом которого и служит текущий поток; она не может еще созерцать Бога в Его сущности, в его вечности и бесконечности, что, как известно, символически представляется в виде круга. К началу unio beatificans Данте приходит, погрузив веки в этот поток, причем его интеллект соприкасается со светом, который и делает для него видимым Создателя». Филалет.

82-83. I Петра II, 2: «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение».

85. В подлиннике: per far migliori spegli — чтобы сделать лучшими зеркалами.

87. В подлиннике: perchè vi s'immegli — чтобы в нем делаться лучше, совершенствоваться.

90. «Автор очень остроумно при этом пользуется обстоятельством, согласным с действительностью, а именно: если бы кому-либо случилось видеть относительно небольшую часть неизмеримо великого круга (как Данте до погружения в источник), то эта небольшая часть круга представилась бы ему прямой линией». Ноттер.

91. Слич: Чистил. XV, 127.

94-96. «В большой пир», в подлиннике: *in meggior' feste* — в большой праздник. Цветы превратились в души праведников, а искры — в ангельские хоры. «Поэт, не видевший, начиная от планеты Венеры, очертаний духов, но лишь свет, вновь видит теперь настоящие образы». Ноттер.

99. «Что я зрел», в подлиннике: *com' io lo vidi*, собственно, как я его зрел. Поэт так потрясен сообщенным ему чудесным зрением — конечной целью всей поэмы, что троекратным повторением слова он указывает на то, что он узрел, чрез что он узрел и что именно он узрел!...

100-101. «Для тех», в подлиннике: *a quella creatura* — для тех созданий.

103. В подлиннике нет слова «река»; речь идет о необъятности света, упоминаемого в ст. 100.

106-108. Подстрочный перевод: «Вся его *parvenza* (т. е. вид круга) образуется из луча, образуемого первым двигателем, который получает через это жизнь и силу». Слич: Рая XXIII, 113; XXVII, 110.

- 103 И в виде круга светлая река
Так разливалась, что ее окружность
Была б, как пояс, солнцу широка.
- 106 Все, что я зрел, всю светлую наружность
Творил тот луч, что, в первокруг лиясь,
Давал ему и жизнь, и всеоружность.
- 109 И как гора, в зеркало вод глядясь
У ног своих, любитесь собою,
Когда в цветы и зелень убралась, —
- 112 Так в свете том, подъямаясь вкруг стеною,
Мне отражались в тысячах рядов
Все те, кто в рай взнеслись от нас к покою.
- 115 И коль в ряду уж низшем был таков
Великий свет, то какова громада
Сей Розы в внешнем крае лепестков?

- Но высота ее и ширь мне взгляда 118
Не затрудняли: ясно зреть я мог
И весь объем, и роскошь Божья сада.
- Что́ даль, что́ близь — не знает тот чертог; 121
Бессилен там земной закон правленья,
Где без посредств Сам управляет Бог.
- В центр Розы вечной, пышной без сравненья, 124
Что́, вечно ширясь, льет перед престол
Светилу жизни аромат хваленья, —
- Ввела меня, как бы изречь глагол 127
Готовая, святая Беатриче,
И: «Зри, сказала, сколько белых стол!
- Зри, как обширен град наш, полн величий! 130
Уж так полны, ты видишь, в нем скамьи,
Что мало мест для новых здесь отличий.

Фома Акв. Summa Theol. р. I, 66, 3 — «Что же это за свет? Есть ли это существо самого Бога? В таком случае Данте должен был бы достигнуть полного вкушения visio beatificans, которое имеет место лишь в последней песне, ст. 55 и след. Он напоминает тот fulgur и radius, посредством которых, по мнению некоторых, Бог дал Себя зреть по существу Своему, праведным. Еще более он напоминает fogna, которая, по Альбрехту Великому, есть орудие, посредством которого сила небесная, находящаяся в неподвижном эмпирее, действует на низшие вещи. Со своей стороны я склонен принять, что под этим светом разумеется божественное λόγος, второе лицо Троицы, так как он обозначен почти словами посл. к Евр. I, 3: «Сей (Сын Божий), будучи сияние славы и образ Ипостаси Его и держа все словом силы Своей...». Это отвечает также сказанному в ст. 107-108, так как именно чрез Слово все сотворено, и может быть, его же имел в виду Альбрехт Великий в fogna. В таком случае, при его посредстве сообщалось как людям на земле, так и праведникам на небе первое непосредственное откровение Божие, и просветление оным действительно было бы началом unio beatificans. Оно же, в свою очередь, повышается и доходит под конец до созерцания тех тайн (троичности и воплощения), о которых на земле мы получаем чрез откровение Христа только как бы предчувствие. Но высшая ступень достигается только в последней песне». Филалет.

113-114. Подстрочный перевод: «Я видел отражающимися, более нежели на тысяче ступенях, всех из нас, сколько вверх имело возврат», т. е. души праведников, которых Данте раньше видел в образе цветов. О святом граде, или небесном Иерусалиме, см. Откр. Иоанна XXI, 18: «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу», — Душа, вышедшая из рук Божиих (Чистил. XVI, 85) и вознесшаяся в небо, возвращается к Богу.

115-117. Если окружность блеска Господня, а следовательно, и ближайшей ступени, на которой стоит Данте, занятой праведными душами, больше окружности солнца, то каковы же должны быть размеры тысячных внешних, крайних ступеней! — «Ступени и составляют лепестки розы. Идея небесной розы не нова, но никогда она не была так смело и прекрасно изображена, как у Данте». Флейдерер.

119-120. Подстрочный перевод: «Но совершенно воспринимал (мой взор), сколько (il quanto) и как (il quale) этого блаженства. Стих переводчика объясняет значение этого «сколько» и «как» в подлиннике.

121-123. «Вещи, созданные Богом, или которые Бог мог создать, праведные познают более или менее в Боге, или, выражаясь точнее, «в Слове», в мере сообщенного им света славы. Все, что Бог творит или может сотворить, знает Он один. Но что праведные познают, они познают не постепенно, а сразу, ибо они познают это в их единственной причине, т. е. в Боге. Отсюда в этом познании никакое время не составляет разницы, а равно и пространство. Естественный закон, по которому ближайшее бывает видно отчетливее более отдаленного, — сюда неприменим. Последнее, т. е. то, что расстояние не имеет

<p>133 На троне том, где очи ты свои
Вперил в венец, возложенный там, прежде,
Чем в брачный пир ты явишься с земли,</p> <p>136 Как дух воссядет в цезарской одежде —
Великий Генрих, кто придет помочь
Италии, не склонной к сей надежде.</p> <p>139 Слепая алчность так мрачит, как ночь,
Вас уподобя детям, что голодной
Мрут смертью, а няньку гонят прочь.</p> | <p>142 За ним придет на форум всенародный
Такой Судья, который с ним тайком
И явно не пойдет дорогой сходной.</p> <p>145 Но долго он божественным судом
Терпим не будет: в ад его низринут —
Туда, где Симон-вохв палим огнем,</p> <p>148 Чтоб вохв Ананья глубже в печь
был вдвинут».</p> |
|--|--|

никакого влияния на познание или непознание, Фома Акв. предполагает во всех *animae sensitives*, даже принадлежащих осужденным грешникам». Филалет.

125-126. «Льет перед престол Светилу жизни аромат хваленья», в подлиннике: *redole Odor di lode al sol che sempre verna* — к солнцу, которое производит вечную весну, т. е. к Богу, который вечно проявляет полную свою деятельность, как солнце весной.

129. В подлиннике: *Quanto è il convento dello bianche stole!* — как велико собрание белых одежд. Слово «стола» вместо «одежды» уже неоднократно употреблено переводчиком. Ср. Откр. Иоанна VII, 13, 11: «Сии облеченные в белые одежды кто?... Они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца»; там же III, 5: «Побеждающий облечется в белые одежды»; VI, 11: «И даны были каждому из них белые одежды»; VII, 9: «Множество людей... стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах».

132. Подстрочный перевод: «Что мало людей теперь здесь желается (ождается)». — «Данте, по видимому, ожидает скорого конца мира, так как заставляет Беатриче сказать, что места, уготованные праведным, почти все заняты, т. е. число избранных почти полно». Филалет. Впрочем, в других местах поэмы он говорит о том, что память о нем самом продлится на земле столетия, и Фолько Марсельскому праведная, следовательно, всеведущая, Куница возвещает пятисотлетнюю славу на земле. Рая IX, 40. Ср. Матф. XXIV, 36: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один». Фома Аквин. *Summa Theol.* р. I, 23, 7.

133-144. «Это последний памятник, поставленный поэтом благородному императору, и последняя хула, направленная к Клименту V, бывшему папою при Генрихе VII. Ада XIX, 82». Филалет. — «Наконец, это последнее краткое повторение, перед лицом Бога, политической программы поэта». Флейдерер.

135. Слич: Откр. Манна XIX, 9: «Блаженны званные на брачную вечерю Агнца».

136. В подлиннике: *Sederà l'alma, che fia giù augusta* — воссядет душа, которая внизу (на земле) будет величественна (будет облечена императорским достоинством), „*vaticinium post eventum*“: Генрих VII, о котором идет речь, умер в Буонконvento 24 августа 1313 г.; императором он был избран 27 ноября 1308 г., а видение Данте относится к 1300 г.

139. «Слепая алчность». Слич: Ада XII, 49; Рая XXVII, 121 и след.

142. В подлиннике: *E fia prefetto nol fôro divino* — и станет председателем божественного суда.

145-146. Климент V занимал папский престол в 1305-1314 гг. и умер 12 марта 1314 г., т. е. через несколько месяцев после Генриха VII.

148. Из «Ананьи» происходил Бонифаций VIII. Ада XIX, 52-57, 76-87. О наказании, ожидавшем Климента V в восьмом круге ада, в третьей яме — симонистов, см. Ада XIX, 66-87, примеч. — «Такая страшная угроза папе Клименту V — последнее слово Беатриче в Божественной Комедии». Бути.

Беатриче возносится от Данте на место, ей назначенное. — Св. Бернард — дальнейший спутник Данте. — Матерь Божия.

<p>1 И так, предстал мне в виде белой Розы
Небесных воинств тот святой синклит,
С кем обручен Христос чрез кровь и слезы.</p>	<p>С скамьи к скамье когда он нисходил, 16
Парящий сонм лил жар и негу мира,
Приемля их в себя волненьем крыл.</p>
<p>4 Другой же сонм летающих, что зрит
И славит Свет любви их непорочной
И благость ту, что их животворит, —</p>	<p>Но меж цветком и областью эфира 19
Летающих всех этих сонма след
Не преграждал очам всех блесков пира:</p>
<p>7 Как пчел рой, что к чашечке цветочной
То спустятся, то отлетают вновь
Туда, где сладость сот приемлет сочный, —</p>	<p>Зане по всей вселенной льется свет 22
Божественный, насколько где достойно,
Так что ему ни в чем преграды нет.</p>
<p>10 Слетал в цветок, слиянье лепестков
Бесчисленных, и возносился снова
Туда, где век витает их Любовь.</p>	<p>Весь этот мир, и радостный, и стройный, 25
Ветхозаветных душ и новых полн,
Вперял горе с любовью взор спокойный.</p>
<p>13 Был лик у всех светлей огня живого,
Из злата крылья; весь же образ был
Так бел, что в мире снега нет такого.</p>	<p>О триединый Свет, что в райский челн 28
В одной звезде им блещешь лучезарный,
Блесни и нам средь бурь житейских волн!</p>

1-12. «Бога лицезрят праведные души, после земного искуса достигшие блаженства чрез искупление Христа, и ангелы. Первые изображены в виде лепестков духовной розы; последние поют и витают, то спускаясь к праведным, то возносясь к Богу, парящему над розой. По аналогии с тем, что было сказано выше, при появлении в первоначальном виде потока света (XXX, 61-69), можно подумать, что ангелы, побыв некоторое время среди лепестков, погружаются затем в море света, составляющее средину розы; но такому предположению противоречит слово *risaliva* (возносились снова) в ст. 11, а также сказанное в ст. 19-24 о появлении Бога над цветком. Слич: XXX, 12 и примеч. Значение этого летания ангелов может быть вообще таково. Хотя все праведные души и лицезрят Бога, но все же степени их познания различны; наиболее глубокое познание в Боге высоких и общих причин составляет удел высших духов, т. е. ангелов, так как они участвуют в божественной благости, которой, по ее сущности, свойственно сообщаться другим, они просветляют низшие порядки праведных, причем, с одной стороны, увеличивают своим влиянием их силу познания, с другой — сообщают им те истины, которых, по своей природе, они самостоятельно постигнуть не могут. Тем не менее эти истины никогда не будут постигнуты в столь совершенной мере низшими порядками ангелов, как их постигают высшие. Это говорит Фома Аквин. о различных порядках ангелов, но с большим даже правом это применимо ко взаимным отношениям ангелов и праведных душ. Поэтому мы видим их здесь постоянно погружающимися в созерцание Бога и подносящими затем размещенным в розе праведным то, что они там почерпают (Фома Аквин. *Summa Theol.* p. I, 106, 1-4)». Филалет. Мнение это Флейдерер не разделяет, полагая, что это летание отвечает библейскому призванию ангелов служить Богу и людям и согласуется с особым положением их в системе Данте (см. также ст. 11 и 18).

1-3. «Праведные, искупленные кровию Христа, представляются находящемуся в экстазе поэту в фоме необъятной розы». Скартаццини.

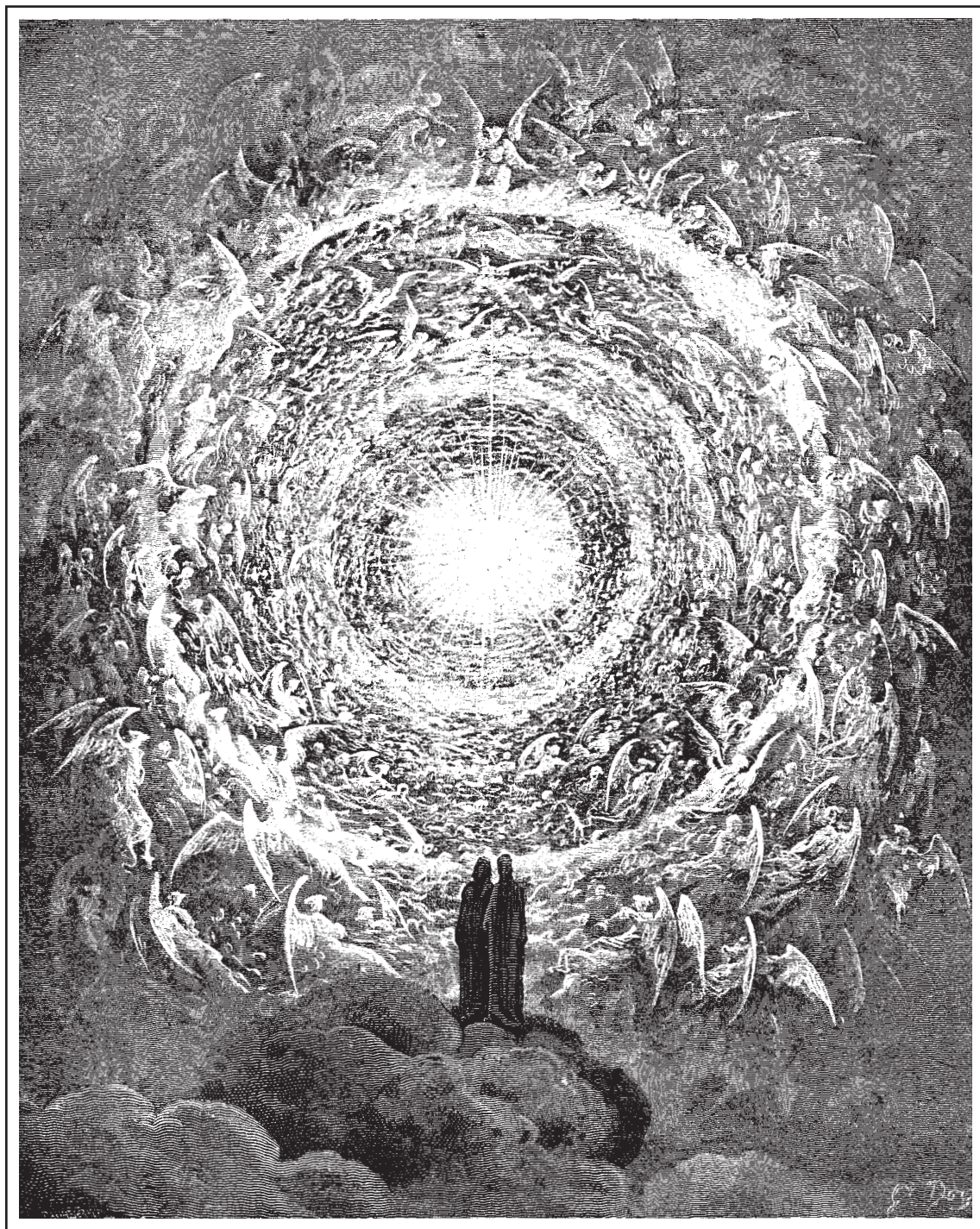
2. «Небесных воинств». Слич: XXX, 43 и примеч.

3. Деян. апостол. XX, 28: «Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую он приобрел Себе Кровию Своею».

4. Летающие ангельские хоры, а не сидящие на месте, как праведные.

5. «Славит свет», вместо «поют славу»; в подлиннике: *e canta gloria*.

6. Подстрочный перевод: «и благодать, которая сотворила их таковыми».

*Итак, предстал мне в виде белой Розы
Небесных воинств тот святой синклит,
С кем обручен Христос чрез кровь и слезы.
(Рай, Песнь XXXI, тер. 1)*

- 31 Коль и дикарь, пришлец страны полярной,
Где Гелика с возлюбленным своим
Арктуром ход творит свой светозарный,
- 34 Дивуется, увидя славный Рим,
Где Латеран меж зданий величавых
Возносится над смертным всем иным, —
- 37 То я, пришед к небесным от лукавых,
От временных к бессмертным и от врат
Флоренции в мир праведных и здравых, —
- 40 Как должен изумленьем быть объят!
И если я стал глух и нем от дива
И радости, тому и сам был рад.

- И как паломник, вшед благочестиво 43
В обетный храм, все озирает в нем,
Чтоб весть о нем принести другим правдиво, —
- Так, проходя во свете здесь живом, 46
Я взор водил с ступеней на ступени
То вверх, то вниз, то обводя кругом,
- И лики зрел, полны благоволений, 49
В лучах Творца, с улыбкой уст святых,
С осанистым величием движений.
- Уж ясен стал вполне для глаз моих 52
Весь общий строй божественного Рая,
Хоть в нем нигде не приковал я их.

13. Иезек. I, 13: «И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня».

14. Дан. X, 5: «И поднял глаза мои и увидел: вот один муж, облеченный в льняную одежду, и чресла его опоясаны золотом из Уфаза»; VII, 9: «Видел я наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днами; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь».

15. «Весьма возможно, что огонь выражает здесь любовь, золото — неизменяемость и белизна — ангельскую чистоту». Филалет.

19. «И областью эфира», в подлиннике: *il disopra* — высшим, или находящимся сверху, т. е. Богом.

21. Подлинный перевод: не препятствовал созерцанию и блеску.

22. Слич: Рая I, 1 и след.

23-24. «Так же, как пространство и время, всякие находящиеся в них вещи не могут стеснить истечения божественного света. Он проникает туда, куда, смотря по достоинству создания, долженствующему его воспринять, он желает проникнуть». Филалет.

25. «Стройный», т. е. безопасный, надежный, верный.

27. «Горе», в подлиннике: *ad un segno* — к одной цели, к Богу.

28-51. Здесь описывается очарование поэта при созерцании славы небесной.

28-30. «В райский челн» и «волн» — этих слов в подлиннике нет, они употреблены переводчиком для рифмы. Восклицание напоминает подобное же в Чистил. VI, 76 и след. Слич также у Боэция, „*De consolatione philosophiae*“ I, met. 5.

31-33. «Дикарь», вместо «варвар». «Гелика (Овидия Превращ. II, 401-450; Чистил. XXV, 131, примеч.) — созвездие Большой Медведицы, или обращенная ревнивой Юноной в медведицу нимфа Каллисто, которую однажды встретил на охоте ее сын Аркас; в момент ее приближения с устремленными на него полными желания глазами, он едва не пронзил ее копьем, если бы не вмешался Юпитер, предупредивший матереубийство и обративший обоих в созвездия (Большой и Малой Медведиц, называемых также Арктуром), которые и доныне, вращаясь, как бы стремятся друг за другом. Страны, ежедневно находящиеся под Геликой, занимают северные широты земного шара, откуда пришли в Рим варвары». Филалет.

34-36. «Латеранский дворец (резиденция пап) подарен папе Константином Великим. Позднее, когда вестготы, которые, по-видимому, подразумеваются под северными варварами, покорили Рим под предводительством Алариха, Латеран действительно был еще превосходной постройкой». Ноттер.

37-39. Подстрочный перевод: «Я, пришедший к божественному от человеческого, к вечному от временного и из Флоренции в народ праведный и здравый. — «Последний удар, направленный в неблагоприятный родной город, выставленный в противовес граду праведных». Филалет.

41-42. «В удивлении и восторге Данте желает осмотреть окружающее и не требует еще никакого объяснения». Филалет.

55 И, вновь огнем желания сгорая
Спросить о том, чего рассудок мой
Не постигал, к Ней обратил глаза́ я.

58 Я ждал Ее, ответ же дал другой,
Ждал Беатриче, и вот — Старец честный,
Одеянный как прочий сонм святой.

61 Разлит в очах и лике был небесный
Блеск радости, свет Бога Самого,
Как с нежностью родителя совместно.

64 — «Где, где она?» я спросил его.
И тот: «Чтоб дать конец твоим недугам,
Я вызван ею с места моего.

И коль воззришь под самым верхним кругом 67
На третий ряд, ее ты ўзришь там,
Где ей престол назначен по заслугам».

Не отвечав, я взор возвел к рядам, 70
И там увидел образ мной искомый
В венце лучей, взлетающих к небесам.

Ничей взор смертный, в глубь морей влекомый, 73
Не так далек от высших тех небес,
Где наичаще раздаются громы,

Как был далек тот образ для очес; 76
Но и на том безмерном расстояньи
Он для меня в пространстве не исчез.

45. Слич: Ада XVI, 84.

49-51. Подстрочный перевод: «Я видел лица, способные уговорить (склонить), любить (в подлиннике: *di carità vedea suadi*), украшенные чужим светом и своей улыбкой и действиями, полными достоинства, приятности, т. е. лица праведников. — В подлиннике (ст. 50): «чужим светом», или, точнее, «светом другого» (*D'altrui lume*), т. е. божественным светом. Копиш.

55-60. Данте намерен обратиться за разъяснениями к Беатриче, но вместо нее видит старца. Ниже (ст. 102) он называет себя Бернардом, который родился в 1091 г. и умер 20 августа 1153 г., от роду 62 лет. См. примеч. к ст. 101.

61. «Разлит», в подлиннике: „*diffuso*“. Псал. XLIV, 3: «Благодать излилась из уст Твоих».

62. В подлиннике: „*Di benigna letizia, in atto pio*“ — кроткая радость, в действиях, полных благоволения. Матф. III, 17: «Сей есть Сын Мой возлюбленный»; Вергилия, Энеида I, 590-591:

Сыну прекрасные мать волоса и пурпурный отблеск
Юношеский придала и очам веселую прелесть.

Перев. А. Фета.

65. «Недугам», в подлиннике: *disiro* — желаниям.

70-93. Прощание Данте с Беатриче.

71-73. Подстрочный перевод: «И увидел ее там, образующую себе корону, отражающую от себя самой вечные лучи», «Фома Аквин. посвящает особое *Quaestio* (*Summa Theol.* III Suppl. 96) сиянию святых (*aureolis*) и его значению. По его мнению, праведным бывает двойная награда: согопа или *aurea*, венчающая заслугу, поскольку таковая вытекает из корня любви и состоящая в достижении высшей цели — совершенного соединения с Богом; и *aureola*, даруемая за победу, достойную особенной похвалы, и заключающаяся в радости совершенных деяний. *Aureola* присуждается девственницам, мученикам и святым учителям, потому что они одержали полную победу против трех родов соблазнов: искушений плоти, искушений мира и искушений дьявола; а именно: девственницы — над плотью, причем они противостоят могущественнейшему из чувственных побуждений; мученики — над миром, так как противостоят гонениям его до самой смерти; наконец, святые учителя — над дьяволом, которого они изгнали не только из своих сердец, но также из сердец других людей. Из этих венцов Беатриче не могут быть присуждены первые два, а последний лишь в аллегорическом смысле, поскольку она представляет символ божественного учения и служит Данте учительницей в небесах». Филалет.

77-78. Подстрочный перевод: «Но ничто мне не вредило, чтобы ее изображение снизошло ко мне чрез смешанную среду».

79-90. По мнению Копиша, основная мысль этих стихов почерпнута из Премудрости Соломона IX, 13-19: «Какой человек в состоянии познать совет Божий? Или кто может уразуметь, что угодно Господу? Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны, ибо тленное тело отягощает душу, и эта земная хранина подавляет многозаботливый ум. Мы едва можем постигать и то, что на земле,

79 — «О Донна, в ком мое все упование!
Ты возмозгла, спасая жизнь мою,
След стоп твоих оставить в адском зданье.

82 Во всем, что зрел в небесном я краю
При помощи любви твоей и воли,
Твою я мощь и благодать познаю.

85 К свободе я тобою из неволи
Был выведен чрез средства и пути,
Какими лишь достичь той можно доли.

88 Твою ко мне щедроту соблюди,
Чтоб и мой дух, через тебя лишь здоровый,
Тебе угодным вышел из груди».

Так я молил, и образ величавый,
Взглянув, казалось, улыбнулся мне
И взор вперил к истоку вечной славы.

И Старец честный: «Да свершишь вполне
Свой путь, — зачем и послан был мольбами
Святой любви на помощь я к тебе, —

Вкруг облети весь этот сад очами,
Да укрепишь тем взор, который слаб,
Чтоб вверх взнестись с небесными лучами.

Царица неба, к Ней же не ослаб
Я в пламени любви, нам да поможет;
Смиранный я Бернард, Ей верный раб».

и с трудом понимаем то, что под руками, а что на небесах — кто исследовал? Волю же Твою кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святого Твоего Духа? И так исправилесь пути живущих на земле, и люди научились тому, что угодно Тебе, и спаслись премудростью». «В этой прекрасной молитве, содержание которой не требует пояснений, весьма ясно выражено, что Беатриче есть символ божественной благодати; она просветила поэта, сняла с него узы греха и возвела к созерцанию Бога. Под покровом божественной благодати он желает и умереть. Ныне она окончила свое дело при нем и передает его Св. Духу, которого мы сейчас увидим в лице Бернарда, по-видимому, олицетворяющего *unio beatificans*». Филалет.

81. «В адском зданье», т. е. в лимбе. Ср. Ада II, 53, 82-83; Чистил. XXX, 139.

83. «Любви твоей и воли», т. е. не моими знаниями и не моими заслугами. Ефес. II, 8: «Благодатью вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар».

84. В подлиннике: *Riconosco la grazia e la virtute* — признаю приобретенные благодать и силу.

85. «Из неволи». Фома Акв. *Summa Theol.* р. II², 173, 4. Слич. Чистил. 1, 81, примеч.

89. «Чрез тебя лишь здоровый», вместо исцеленный. «Грех есть болезнь души; примирение с Богом — ее исцеление». Скартаццини.

93. Псал. XXXV, 10: «У Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет». Иерем. II, 13: «Меня, источник воды живой оставили»; XVII, 13: «Отступающие от Меня будут написаны на прахе, потому что оставили Господа, источник воды живой».

96. Слич. ст. 66; Ада II, 72.

98-99. Подстрочный перевод «созерцание его (т. е. сада) сделает твоё зрение более способным (подготовит) для подъёма к божественному лучу». — «Если созерцание творений Божиих на земле составляет достойную подготовку к лицезрению Бога в Его существе, то тем лучшей подготовкой служит созерцание здесь высших и благороднейших творений Бога — ангелов и праведных». Филалет.

101. «Св. Бернард Клервосский родился в 1091 г., умер в 1153 г.; его отец был французским рыцарем и владел замком в Фонтене, близ Дижона. Вступив в 1115 г. в суровый орден цистерцианцев, он около 1115 г. уже пользовался всеобщим почитанием за свою правдивость и благочестие, которые едва ли не внушали к нему страх. Несомненно, что он был благороднейшим и достойнейшим между мистиками-созерцателями Средних веков. Занимая в течение всей своей жизни скромное положение клервосского аббата, он тем не менее принимал очень деятельное участие в современных ему политических событиях. Когда во время выборов папы голоса разделились, его голос решил избрание в пользу Иннокентия II. Как известно, его вдохновенная проповедь двинула Европу во второй крестовый поход. Известны также его удачные богословские споры с философом Абеяром и Арнольдом Бресцианским. Бернард в особенности был предан служению Богородице и прославил Ее в своих мистических сочинениях. Копиш. Витте. — «Если Беатриче, в противоположность мирской мудрости, представляет мудрость божественную (теологию), то св. Бернард служит символом особой части теологии — мистицизма, просветительного и усердного благоговения, при котором знание соединяется с чувством и внутренняя

103 Как тот, кто из Кроации, быть может,
Чтоб видеть Веронику, в Рим проник
(Так древний слух о ней в нем дух тревожит!)

106 И в сердце мнит, едва ее достиг:
— «О Иисусе мой Христе, Бог вечный,
Так вот каков был Твой пречистый лик!» —

109 Так мнил и я, взирая на сердечный
Восторг того, кто предвкушал с земли
В видениях мир жизни безконечной.

112 — «Сын милости, блаженств в сем бытии», —
Так начал он, — «ты не поймешь, коль долу
Склонять все будешь очи здесь свои.

Взведи же их чрез все круги к престолу, 115
Где восседит Царица всех щедрот
И весь сей мир ведет по произволу».

Я взор возвел. И как поутру свод 118
Небес восточных ярче блещет взору,
Чем тот, где солнце сходит в лоно вод, —

Так я, глядя как бы с долины в гору, 121
У края Розы в месте зрел одном
Светлейший блеск, чем по всему простору.

И как восток, отколь мы дышла ждем 124
(Что Фазтон ведь дурно), пламень мечет
Светлей, чем окрест, где он слабнет в нем, —

религиозность проявляется наружу подобно тому, как это изображено в ст. 61-63. В сочинениях Бернарда отсутствуют схоластические тонкости, почти все они назидательного содержания и свидетельствуют о самоанализе, о примирительной детской вере, о глубоком чувстве и восхищении, а также о справедливым гневом автора по поводу неверия». Каннегиссер.

103-108. «По преданию, одна женщина протянула Христу, ведомому на Голгофу, пелену, дабы Он могтереть пот и кровь, струившиеся по Его лицу; в награду за это Он вернул ей пелену с впечатленным на ней своим образом. Этот образ называется *vera icon* — истинный образ, а отсюда той женщине дано имя «Вероника». Однако, по древнейшему сказанию, женщина называлась Вереника. Такие пелены показывались в разных местах, здесь же, вероятно, подразумевается пелена, хранившаяся в Риме». Филалет.

105. Подстрочный перевод: «который не может насытиться древней легендой», т. е. созерцанием пелены.

109-111. На вопрос, может ли человек, пока он живет на земле, достигнуть лицезрения Бога в Его сущности, Фома Аквин. отвечает, что это невозможно не только при помощи наших естественных сил, как оно само собою понятно, но невозможно даже при помощи созерцания, подкрепленного божественной благодатью, до тех пор пока продолжается пользование чувствами. И пророки не видели Бога в Его сущности; в их душе лишь вызывались божественной силой различные образы, которые не вытекали из вещественных ощущений, а просветляли их разум сверхъестественным светом. Но это мыслимо только при так называемом восхищении (*raptus*), или экстазе, при котором человек уже не пользуется чувствами. О таком состоянии рассказывает нам ап. Павел, когда он был восхищен на третье небо и, может быть, Данте также во время своего видения считал себя погруженным в такое же состояние. Приписывает ли поэт в предлагаемом месте подобное восхищение св. Бернарду, мне кажется по меньшей мере сомнительным, так как он, всегда строго придерживающийся схоластического языка, не говорит здесь ни о *raptu*, ни о *contemplatione*. Итак, я думаю, что слово „*gusto*“ — вкушал, должно быть истолковано не в строгом смысле, т. е. не то, чтобы он действительно достиг на земле лицезрения Бога, но чрез созерцание он имел как бы предвкушение его. *Summa Theol.* p. I², 173, 175, 1; 180, 5. Филалет.

115. В подлиннике: *Ma guarda i cerchi fino al più remoto*, т. е. посмотри на круги до самого отдаленного. «Розу следует себе представить наподобие концентрических кругов около моря света, в виде амфитеатра, на высших ступенях которого восседают высшие и наиболее просветленные души». Филалет.

116. «Царица», т. е. Св. Дева Мария, именуемая Церковью Царицей небесной.

117. Подстрочный перевод: Которой это царство подчинено и предано.

120. Лукан, *Phars.* II, 119.

125. «Дурно», слич: Чистил. IV, 70, примеч. «Пламень мечет», в подлиннике: *S'infiamma* — воспламеняется. Овидия, Превращ. XV, 192 и 193:

Даже и божеский щит, когда подымается с земли,
Красен с утра, и когда под землю уходит, он красен.

Перев. А. Фета.

*«Взведи же их чрез все круги к престолу,
Где восседит Царица всех щедрот
И весь сей мир ведет по произволу».
(Рай, Песнь XXXI, тер. 115)*

127 Так здесь в сей мирной орифламе блещет
Сильнее центр, и от него крутом
Блеск постепенно все слабей трепещет.

130 И на простёртых крыльях в центре том,
Казалось мне, тьма тем духов взвивалась,
Отличные все видом и огнем.

133 На игры их и пенье улыбалась
Краса небес, и радость та стократ
У праведных во взорах отражалась:

Будь так богат я словом, как богат 136
И мыслями, я счел бы дерзновеньем
Изобразить хоть искру тех усад.

Бернард, узрев, с каким в душе волненьем 139
Я взор вперял в предмет его любви,
К Ней взор возвел с таким благоговеньем,

Что новый жар влил в помыслы мои. 142

118-129. Место, где восседает Мария, светлее, чем весь прилегающей к нему край розы, в середине же этого места снова обозначается особенно светлая точка. Все это уподобляется небу перед солнечным восходом, где восточная сторона представляется более светлой, а здесь снова выделяется особенно ярким заревом место появления солнца (где ожидается появление дышла колесницы солнца). Филалет.

127. Орифлама, т. е. золотое знамя, искаженное *aurea flamma*. Так называлось знамя, поднесенное будто бы ангелами сыну императора Константина, как предводительский значок христиан. Позднее под орифламой разумелось знамя, несомое за королями Франции ктиторами монастыря Св. Дениса, обладавшее будто бы особой победной силой. Оно было красного цвета, с зелеными кистями (но не с золотым пламенем по красному полю, как утверждали некоторые) и носилось на золоченом копье. В таком виде оно следовало за Людовиком VII во втором крестовом походе, вероятно, Данте называет Марию мирной орифламой не столько из-за красного ее цвета, служащего подобием утренней зари, с которой она сравнивается, сколько потому, что Мария подобна знамени, под которым верующее воинство Церкви одерживало свои мирные победы. Филалет. Ноттер. Каннегиссер.

130. «В центре том», т. е. около того места, где восседала Дева Мария.

134. «Краса небес», т. е. Дева Мария.

139-142. Св. Бернард, увидав, с каким благоговением поэт отдается созерцанию, собственным примером побуждает его стать смелее в созерцании Небесной Царицы.

Седалища святых Ветхого и Нового Завета. — Младенцы. — Архангел Гавриил. — Святые жены.

<p>1 И начал так, взор к небу вознося,
Сей Созерцатель, в добровольном сани
Учителя, святые словеса:</p> <p>4 — «У ног Марии, утоление ране
Принесшей древней, зришь в красе ты ту,
Кто разбередела ту боль заране.</p> <p>7 Под ней воссели в третьем том ряду
Рахиль и Беатриче, в эмпирее
Там Сару зришь, Ревекки красоту</p> <p>10 И Иудифь, кем спасены евреи,
С прабакою Певца, кто, каясь сам
В грехах, воскликнул: „Miserere mei“.</p> | <p>Всех их ты видишь, книзу по скамьям 13
Сидящих так, как я, их именую,
Схожу по Розе вниз по лепесткам.</p> <p>С седьмой скамьи и вниз и вверх, ликуя, 16
Еврейки там воссели, из себя
Как бы гирлянду в Розе образуя.</p> <p>Они, — насколько, с верой возлюбя 19
Христа, к Нему шли, — сели там, как куща,
Скамьи святые надвое дробя:</p> <p>С одной руки, где лепесткам присуща 22
Вся пышность Розы, тем даны места,
Кто уповали во Христа грядуща;</p> |
|--|--|

1. В подлиннике: *Affetto al suo piacer, quel contemplante* — полный любви к своему благоволению (радости) сей созерцатель, т. е. Бернард, исполненный любви к Деве Марии.

4-5. Подстрочный перевод: «Язву, которую Мария закрыла и залечила, та женщина, столь прекрасная, которая находится у ее ног, когда-то раскрыла и окровавила». «Ниже Марии, непосредственно против нее, во втором ряду сверху, помещается Ева, послушание которой было искуплено чрез Марию воплощением Слова». Филалет. «В красе», ибо Ева сотворена непосредственно Богом.

8-10. «Рахиль» — дочь Лавана, жена патриарха Иакова. Сл.: Ада II, 102; IV, 60; Чистил. XXVII, 104. «Здесь, в конце поэмы, Данте вспоминает сказанное им в Ада II, 102, что Рахиль восседала рядом с Беатриче. Аллегорический смысл этого соседства выясняется примечаниями: к указанному месту Ада и заключительным к Чистил. XXVII. Кроме того следует представить себе Беатриче восседающей по правую сторону от Рахили, ибо, как мы позднее увидим (см. прим. к ст. 31-33), все святые Нового Завета помещаются справа от вертикальной линии, на которой покоится Мария. Сарра, жена патриарха Авраама, мать верующих в грядущего Христа: «верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший, к Евр. XI, 11. Ревекка, жена патриарха Исаака: сл. Бытия XXIV, XXV: «И молился Исаак Господу о (Ревекке) жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его». Юдифь, дочь Мерарии, убившая Олоферна и освободившая иудеев.

11-12. Прабабка Давида Руфь, жена Вооза. «В грехах, — против Вирсавии и ее мужа Урии. Сл.: II Царств XI и след.

18. В подлиннике: *Dirimendo del fior tutte le chiome* — разделяя все лепестки цветка. Роза делится на две половины: одна заключает в себе святых Ветхого, другая — святых Нового Завета. Обе половины разделяются рядом еврейских благочестивых жен. Из них поименованы лишь семь, от Марии до Руфи. Причина, почему им отведено такое место, заключается в том, что они, как прародительницы Христа, некоторым образом составляют переход от Ветхого к Новому Завету. Каждой из указанных жен придается также аллегорическое значение, касающееся главным образом взаимного отношения обоих Заветов. Так, по Гуго де Сан Викторе, — Ева и Сарра означают синагогу (хотя Павел, например, считает Сарру изображением Церкви); Ревекка и Руфь означают Церковь из язычников, тогда как Рахиль, как известно, считается прототипом созерцательной жизни. Труднее объяснить появление Юдифи среди прочих, но и она у Гуго де Сан Викторе объявляется как прообраз Церкви. Мы не должны также упускать из виду, что в Юдифи находят прототип матери Спасителя; по крайней мере, слова Осии, которыми он прославляет Юдифь («Благословенна ты, дочь, Всевышним Богом более всех жен на земле...») Церковь обращает к Богородице в день страданий Марии. Сл.: Юдиф. XIII, 18-20». Филалет.

25 С другой руки, где зрится пустота
Меж полукружий, сели те по праву,
Чей взор узрел пришедшего Христа.

28 И как отсель престол одетой в славу
Царицы неба и скамьи граждан,
Под ней сидящих, делают всю державу, —

31 Так и оттоль великий Иоанн,
Святой везде: в пустыне, и в день страсти,
И в двухгодичном мраке адских стран,

И что под ним сидят, по высшей власти, — 34
Франциск, и Бенедикт, и Августин,
Весь рай с другими делают на две части.

Здесь Промысл Божий восхвали, мой сын; 37
В числе здесь равно двух Заветов слуги
Весь этот сад наполняют в день один.

Но знай, под гранью той, что две округи 40
Державы сей делит в середине их,
Сонм душ воссел не по своей заслуге,

19-21. Подстрочный перевод: «Ибо, следуя взгляду, направленному верой на Христа, они образуют стену, разделяющую святые ступени».

23-24. «Пышность», — ближе к подлиннику было бы слово «зрелость». «Число святых, уверовавших в грядущего Христа, уже пополнено, чего нельзя еще сказать про святых Нового Завета; хотя здесь Данте считает пополнение числа недалеким. Сл.: Рая XXX, 131-132». Филалет.

31-33. «На противоположной стороне розы высшее место по достоинству занимает Иоанн Креститель („Великий Иоанн“), который, таким образом, помещается как бы посредине между пророками Ветхого Завета и святыми Нового (см. примеч. к ст. 8-10). О нем сказано, что он возвестил Христа грядущего и указал на Христа пришедшего. Может быть, Данте имел при этом в виду слова Спасителя: „Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя“, и потому поместил его на важнейшем месте. Если, кроме того, сказано, что Иоанн два года пробыл в аду, то здесь следует, конечно, разуметь лимб, в котором он должен был ожидать завершения искупления, т. е. крестной смерти Христа. Он умер на Пасху, в третий год своего учительства. На Пасху, во второй год учительства Христа, Иоанна в живых уже не было (Матф. XIV, 1 и след.: „В то время Ирод четверовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых...“). Сл. с Иоан. VI, 4: „...Приближалась же Пасха, праздник Иудейский“). Но так как усеменение главы Иоанна Крестителя, по церковному циклу, установлено на 29 августа, то, вероятно, Данте считал пребывание Иоанна в лимбе с 29 августа первого года открытого учительства Христа до Пасхи третьего года, причем получается если не два, то более полутора лет». Филалет.

34-36. Св. Франциск Ассизский (Рая XI, 43 и след.), основатель ордена нищенствующих, св. Бенедикт из Нурсии (Рая XXII, 28, примеч.), основатель монашеской жизни, и блаж. Августин (Рая X, 120), основатель научного богословия, были в некотором смысле как бы продолжателями дела Иоанна Крестителя, имевшего целью «представить Господу народ приготовленный». Лук. I, 17. «Трудно определить, почему Данте выбрал здесь именно этих мужей? Скорее можно было предположить, что здесь найдут место типические личности Ветхого Завета и прародители Христа, Авраам, Иаков, Давид. Быть может, как там выражены указанными лицами главнейшие моменты в истории избранного народа, так и здесь, по аналогии, намечаются моменты, имевшие наибольшее влияние на историю Церкви, и нельзя отрицать, что блаж. Августин — основатель научной теологии, Бенедикт — деятельной в мире монашеской жизни и Франциск — нищенствующих монашеских орденов действительно представляют существенные моменты в истории Церкви.

37-39. Подстрочный перевод: «Теперь виждь высокое божественное провидение, что как один, так и другой вид веры равно наполнят этот сад». — «Хотя схоластиками и установлено положение, что число избранных не только предвидено Богом, но и определено заранее, однако я нигде не нахожу у них указания, соответствующего предположению, лежащему в основании этого места, а именно, что число избранных, живших до Христа, будет равно числу тех, которые жили после Христа; они все скорее объясняют избрание по благодати как нечто, основание чего покоится единственно в божественной воле и недоступно человеческому разуму и разуму какого бы-то ни было созданного существа. На первый взгляд и первое положение представляет нечто странное и, как кажется, почти уничтожает следствие искупления. Но при ближайшем его освещении нельзя не усмотреть в нем глубокого смысла. Если Христос такой же искупитель живших до Него, как и тех, которые жили после Него, то не будет невероятным, что и деятельность Его в обоих направлениях имела одинаковый результат. К тому же, по

<p>43 А по чужой, в условиях иных:
То сонм исшедших из плотской темницы,
Когда еще был выбор чужд для них.</p>	<p>Царь, в царстве сем разливший благодать 61
В такой любви, с таким безмерным светом,
Что выше благ нельзя и пожелать, —</p>
<p>46 В том убедят тебя и душ тех лица,
И голос их младенческий, коль слух
К ним напряжешь и в них вперешь зеницы.</p>	<p>Творит все души с радостным приветом, 64
Но милостью дарит их не одной:
Сего довольно, чтоб судить об этом.</p>
<p>49 Но высказать ты дум не хочешь вслух,
И я сниму теперь сию преграду,
Чтоб тонкость дум твой не томила дух.</p>	<p>И дан Писаньем вам тому прямой 67
Пример в тех Близнецах, которых злоба
Уж в чреве матери ввела их в бой.</p>
<p>52 Внутри сих царств и по всему здесь саду
Не может быть случайно данных мест,
Как места нет здесь скорби, жажде, хладу.</p>	<p>Как разный цвет волос имели оба, 70
Так, по их свойствам, светом пресвятым
И благодать венчала их особо.</p>
<p>55 Законом вечным создано окрест
Все так, что достигает все равенства
Одно с другим, как с перстнем равен перст.</p>	<p>Так и они не по делам своим 73
Прияли здесь блаженство в разной мере,
А по исконным свойствам, данным им.</p>
<p>58 «Затем-то сим ушедшим в мир блаженства
До срока их, <i>non sine causa</i>, дать
Различное хотел Он совершенство.</p>	<p>«Для этих душ невинных в первой эре 76
Довольно было, дабы им спастись,
Принадлежать к родительской их вере.</p>

весьма распространенному учению Средних веков, мир должен был простоять по Рождестве Христовом всего лишь около 2000 лет, следовательно половину того времени, которое он уже простоял. При таком предположений число избранных после Христа, относительно, должно было быть все-таки больше, чем в прежнее время». Филалет.

40-45. «На нижних ступенях розы, с половины ее высоты и до низу, помещаются души тех детей, которые скончались раньше, нежели стали располагать свободной волей. Они не могли бы достигнуть спасения собственными заслугами, так как о таковом без благодати и без свободной воли не может быть речи; оно могло последовать только по заслуге Христа. Это присвоение заслуги Христа без собственной заслуги может произойти лишь при известных обстоятельствах (ст. 43-44), изложенных подробнее в ст. 76 и след.» Филалет.

49-83. Св. Бернард разрешает сомнения Данте относительно того, почему души младенцев, не имевших свободной воли, все-таки наслаждаются неодинаковым блаженством. Здесь Данте, таким образом, вновь касается вопроса о божественном предопределении или избрании, и ответ, как и раньше (Рая XX, 130-148; XXI, 73-102), состоит в том, что таково желание Божества, которое одному дает меньше, другому больше. На это указывают ст. 64-66. Проникнуть дальше в божественную тайну невозможно.

53. О случайном сл.: Рая XVII, 37; XIII, 53 и примеч.

54. Откр. Иоан. VII, 16: «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной»; Исайи XLIX, 10: «Не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце; ибо Милующий их будет вести их и приведет их к источникам вод». Откр. Иоанна XXI, 4: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

55-57. Подстрочный перевод: «законом вечным установлено, как ты видишь, все соответственно своему месту, подобно тому, как перстень соответствует персту».

59. «До срока их», в подлиннике: *festinata gente* — рано или поспешно пришедшие души, т. е. души детей, умерших до наступления сознательной деятельности и допущенные в рай.

59-60. Подстрочный перевод: «не без причины здесь, более или менее, превосходны между собой».

61-63. Подстрочный перевод: «Царь — Бог, чрез которого это царство покоится в такой любви и таком блаженстве, что никакая воля не дерзает желать большего».

79 Когда ж века́ той эры пронеслись,
Потребно стало детям мужска пола
Обрезанье, чтоб в небо вознеслись.

82 Потом, как Милость в мир сошла с престола,
Невинность без крещенья во Христа
Умерших мрак уже не поборола.

85 Воззри ж на лик, что образу Христа
Всего подобней, — блеск его единый
Даст мощь тебе увидеть лик Христа».

88 Я зрел: такой дождь радости с вершины
Струили к Ней святые существа,
Рожденные летать чрез те пучины,

Что, сколько чудного ни зрел сперва, 91
Не приходил в восторги я такие,
Не зрел таких подобий Божества.

И та Любовь, что пела Ей впервые: 94
„Ave Maria, gratia plena“, — здесь
Пред Ней простерла крылья вновь святые.

И песне той неизреченной весь 97
Блаженный двор окрест ответил в небе,
Став лучезарней, чем он был поднесь.

— «Святой мой отче, ты, кто, вняв потребе 100
Души моей, покинул светлый дом,
Где восседать тебе дан вечный жребий, —

67-68. Еще ап. Павлом, в послании к Римлянам (IX, 10-15), как пример божественного предопределения, приведены близнецы Исав и Иаков, которые бились во чреве матери (Быт. XXV, 22) и которым было предсказано, что больший будет служить меньшему (Там же, 23). Если можно принять предопределение относительно окончательного спасения или отвержения (однако без ущерба свободной воле), то тем с большей несомненностью можно принять свободное предназначение Божие по отношению различия в даровании благодати и зависящей от того степени славы для тех душ, которые никогда не достигали самостоятельного выбора. Филалет.

69. Подстрочный перевод: «которых в утробе матери подвигала злоба».

70-72. В подлиннике: *Però, secondo il color de' capelli, Di cotal grazia, l'altissimo lume Degnamente convien che s'incappelli*, — поэтому-то верховный свет должен награждать венцами благодати сообразно окраске волос, т. е. как цвет волос зависит от воли Божества, так и различная степень блаженства.

77-84. «Здесь приведены условия, при наличии которых можно было сделаться причастным заслуге Христа в различные времена (См. выше, примеч. к ст. 40-45; Рая XX, 103-105, примеч.) мы видели, что вера и крещение поставлены условиями спасения взрослых и даже, в случае, если таинство крещения не могло быть получено, одна вера заменяла то и другое, но в таком случае подразумевалось так называемое желанное или искупительное крещение. У детей действие (actum) веры, выполняемое при посредстве крещения родителями, восприимчиками и всей Церковью, заменяло веру самого крестника. Но этому действию посторонних строгие теологи Средних веков не желали придавать силы действия, заменяющего действительное крещение в том случае, если оно не могло быть совершено. Здесь они тотчас же встречали затруднение в отношении детей, умерших до Христа, которых они не желали погловно предавать погибели. Поэтому в существенном они придали обрезанию действие крещения, с той лишь разницей, что оно отверзало двери небес не тотчас, но лишь по совершенном искуплении Христа и не давало такой полноты благодати, как крещение». «Древнейшие схоластики, например Петр Ломбардский, приписывают обрезанию лишь истребление наследственного греха, но не положительные благодатные действия крещения; напротив того, Фома Аквин. признает их за обрезанием, но лишь другим порядком. Именно, при крещении благодать даруется самой силой таинства, так как крещение есть орудие, при посредстве которого страдания Христа на нас действуют; при обрезании же действует сила веры. Но что имело силу по отношению к детям женского пола, а также во времена, предшествовавшие введению обрезания? По мнению схоластиков, здесь было достаточно веры родителей, при посредстве которой они молили Бога за детей, или каким-либо образом посвящали Ему своих детей. Этого было и в ту пору достаточно, когда еще жило непосредственное откровение Божие, первым людям и еще не наступила позднейшая испорченность нравов. Но со времен Авраама уже потребовалось внешнее отличие, дабы выделить детей Господа от прочих. Этот знак распространялся лишь на мужской пол, что весьма понятно, так как первоначально он был применен к Аврааму, который уверовал, что будет прародителем Христа по плоти, и знак этот должен был служить для истребления наследственного греха, происходящего более от отца, нежели от матери. Изложенным учением достаточно объясняется

<p>103 Кто ангел тот, с блаженным торжеством
Вперивший взор свой в очи сей Царицы,
Так полн любви, что, мнится, стал огнем?»</p> <p>106 Так я тому, чьей мудрости страницы
Красой Мадонны так озарены,
Как блеском солнечным звезда денницы.</p> <p>109 И он мне: «Все, что Божии сыны
Должны иметь, — и прелесть, и отвагу,
Имеет он, что мы желать должны.</p> <p>112 Он — тот, кто с пальмою предстал ко прагу
В Марии дом в тот день, как Божий Сын
Понест скорбь нашу восхотел нам к благу.</p> | <p>Но, следуя словам моим, на чин
Возрев весь здешний, в сей заметь державе
Патрициев правдивейших дружин.</p> <p>115</p> <p>Те двое там, сидящих в высшей славе,
Ближайшие к Монархине своей,
Корнями Розы сей назваться вправе.</p> <p>118</p> <p>Ошую восседающий рядом с Ней
Есть Праотец: вкусивши в дерзновенье,
Он горечью насытил род людей,</p> <p>121</p> <p>Но одесную, весь в лице почтенье,
Есть Пастырь Церкви, коему ключи
От Розы сей вручил Христос в хранение.</p> <p>124</p> |
|--|---|

рассматриваемое место поэмы. Следует, кроме того, заметить, что именно св. Бернард, которого Данте заставляет здесь говорить, не исключает, как кажется, более снисходительного мнения о детях, умерших некрещенными. Точно так же Бути устанавливает нечто в роде крещения кровью у детей, отнятых у родителей и убитых неверующими. На самом деле во мнении, которое приписывало вере родителей до пришествия Христа большую силу, чем после Него, — заключается непоследовательность». Филалет.

85. «Лик» — Пресвятой Девы Марии. «Лишь после того, как Данте познает покорную, преданную Богу Марию и делается одинаково смиренным и преданным, может он лицеизреть Бога». Копиш.

«Праведный требует, чтобы поэт, непосредственно вслед за прискорбным замечанием, сделанным в предыдущей терцине о печальной участи умерших до крещения детей, — взглянул бы в лик Матери Милосердия и любви, которое одно только сообщает необходимую способность к лицеизрению Христа. Все это, быть может, не без глубокого смысла. Может быть, этим делается намек на то, что, вследствие любви Христа, эти дети после Страшного Суда все же еще попадут в рай». Ноттер.

83, 85, 87. Троекратное повторение имени Христа, само с собою рифмующееся, подобно Рая XII, 71; XIV, 104; XIX, 104.

93. Как лик Св. Девы.

94. «Та любовь», т. е. архангел Гавриил, который, как уже было сказано в примеч. к Рая XXIII, 108, по-видимому, предназначен для специального служения Марии.

95. Лук. I, 28; «Ангел, вошед к Ней, сказал: „Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами“».

98. «Ответил» подобно — эху.

102. «Вечный жребий». Сличи: Матф. XXV, 34: «... наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»; Ефес. I, 45: «Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей»; I и II Петра I, 2: «По предведению Бога Отца... благодать вам и мир да умножатся».

105. Иезек. I, 13: «И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходило из огня».

106-108. Подстр. перевод: «Мудрость того (св. Бернарда), который делался прекрасным, глядя на Марию».

109-111. Подстрочный перевод: «Отвага и прелесть, сколько их может быть в ангеле или душе, находясь в нем, и наша воля хвалит это». — «Отвага заключается, по-видимому, в том, что он осмеливается приближаться к Св. Деве более, чем все другие ангелы, и, быть может, всюду сопровождать ее. Рая XXIII, 94-108. Вместе с тем он и прекраснейший из всех ангелов и, как кажется, он теперь то, чем Люцифер был до падения (Ада XXXIV, 34-35), ибо чрез принесенную им Марии весть было уничтожено вызванное Люцифером бедствие. Сл. ст. 7-9 следующей песни и 4-5 настоящей. Он противоположность Люциферу». Ноттер. — «Опять следствие нередко приводившегося закона, по которому все, что установлено Богом, доставляет праведным духам отраду, даже высшее блаженство наиболее одаренных благостью». Филалет.

112. «С пальмою», — в знак того, что ей оказано предпочтение перед всеми. Витте.

114. «Скорбь», вместо «бремя»; в подлиннике: salma — человеческое тело. Скартаццини, Бланк, Вос. Dant. По мнению Копиша, — наши грехи.

119. «Монархине», в подлиннике: Augusta — Царица небесная. XXIII, 128.

118-120. «Корни розы»: Адам — первый из верующих во Христа грядущего и Петр — первый из верующих во Христа пришедшего. Скартаццини.

122. «Праотец» — рода человеческого; «вкусивши» — от запрещенного плода.

123. «Горечью», т. е. житейскими горестями и муками смерти.

123. Подстрочный перевод: «Одесную ты видишь престарелого отца св. Церкви», т. е. ап. Петра.

125-126. Матф. XVI, 19: «И дам тебе ключи от Царства Небесного». Слич: Фома Аквин. Summa Theol. p. III suppl., 117, 1.

<p>127 С ним — тот, кто зрел при жизни слез ключи
Невесты свергнувшего весь ад коварный
Гвоздями и копием; одет в лучи,</p>	<p>Но как твоей дремоты час бежит, —
Здесь остановимся, как швец привычный,
Кто, сколько ткани, столько и кроит.</p>	139
<p>130 С Петром он рядом, как и лучезарный
Тот вождь, при ком от манны вновь воскрес
Жестоковыйный род неблагодарный.</p>	<p>И очи возведем к Любви первичной,
Да, на Нее взирая, воспарить
Возможешь в Свет, столь блеском необычный.</p>	142
<p>133 Против Петра там — Анна, что очес
На миг не сводит с дщери светлолицой,
При пении «Осанна» средь небес.</p>	<p>Однако, чтобы ты не мог возмнить,
Что воспарISH, свои лишь движа крылы, —
Молитвой нужно милость испросить</p>	145
<p>136 И против Праотца семьи великой
Лючию зри, кем двигнута в твой щит
Мадонна в миг, как в ров ты падал дикий.</p>	<p>У Той, Кто дать одна нам может силы;
Следи ж за мной, чтоб от моих речей
Не отставал и в сердце ты, бескрылый».</p>	148
	И начал так святой акафист к Ней.	151

127-129. Подстрочный перевод: «И тот, который видел, раньше чем умер, тяжелые времена прекрасной невесты (т. е. Церкви), которая приобретена чрез копье и гвозди (Христом)». — «Св. Евангелист Иоанн предвидел судьбы Церкви и записал их в Откровении. Смертию Христа, чрез гвозди и копие, была завоевана невеста, т. е. основана христианская Церковь». Копиш.

130-131. В подлиннике: *Siede lung'h'esso; e lungo l'altro posa* Quel Duca — восседает около него; и около другого покоится тот вождь, т. е. «Св. Иоанн, первый пророк Нового Завета, восседает около Петра, отца новозаветной Церкви; около другого, т. е. около Адама, отца рода человеческого, покоится Моисей, первый пророк Ветхого Завета». Ноттер.

133. Св. Анна, дочь священника Матфана, жена Иоакима и мать Девы Марии. — «Таким образом выходит, что Анна восседает не возле Марии, но на противоположной стороне Иоанна Крестителя. Так как Петр диаметрально ей противоположен, то, следовательно, Анна находится в направлении по правую руку Марии (по левую руку от Крестителя). Значит поэт не причисляет ее к тем, которые уверовали во Христа грядущего, но к веровавшим во Христа пришедшего, из чего следует, как гласит, насколько нам известно, и легенда, что она жила некоторое время по Рождестве Христовом». Ноттер. Мнение это о месте, занимаемом Анной, не разделяют Копиш и Филалет. См. прим. 138.

136. «Праотца», т. е. Адама.

137. «Лючию», сличи: Ада II, 97, 100; Чистил. IX, 55 и след.

138. Буквально: «Когда, падая, опускал брови (т. е. глаза). Ада I, 54, 61. «Значит Лючия восседает около Крестителя, диаметрально противоположно Адаму. Что она, христианская святая, помещена с левой стороны от Марии (по правую руку от Крестителя), — очевидно, составляет недосмотр против порядка, указанного в ст. 121-124». Ноттер. Но Копиш и Филалет не придают столь строгого значения слову «против» — «contro» (133, 136) и помещают Лючию по левую руку от Крестителя, а Анну — по правую, что вполне соответствует ст. 121 и 124.

139-141. «Здесь так же, как и в XVII, 128 и XXXIII, 61, Данте называет свою поэму видением, или сновидением. Кроме того он намекает на заранее принятое решение, в сотой песне окончить Божественную Комедию. Однако сравнение, в которое он облачает этот намек, не отличается особым вкусом». Флейдерер.

142. «К любви первичной», т. е. к Богу.

144. «В Свет необычный», в подлиннике: *per lo suo fulgore* — в ее свет (первой Любви).

145-146. Подстрочный перевод: «Однако, как бы ты, воображая, что двигая твоими крыльями, подымаешься, не пошел вниз».

148-150. «У Той» — у Марии Девы.

ПЕСНЬ XXXIII

Молитва св. Бернарда к Матери Божией. — Поэт взводит взор и в трех цветных кругах видит человеческий образ. — Нежданный блеск ослепляет его, и видение кончается.

<p>1 — «О Дева Мать, дщерь твоего же Сына!
Смирренная, Ты выше твари всей,
Предвечного Совета цель едина!</p> <p>4 Ты еси та, что естество людей
Так вознесла, что жизнь подавший деве
Не возгнушался жизнь принять от ней.</p> <p>7 Любовь в твоём так воспылала чреве,
Что дивный жар её раскрыл цветок
В сем вечном мире, здесь на райском древе.</p> <p>10 На небе Ты полуденный исток
Нам благодати, а долу — до могилы
Для смертных Ты живой надежд поток.</p> <p>13 Владычица, такой полна Ты силы,
Что кто ждёт благ без помощи твоей,
Тот мнит летать желаньями бескрылый.</p> <p>16 Не только всех молящих ты людей
Помощница, но часто и моление
Ты упреждаешь благодатью своей.</p> | <p>В Тебе любовь, в Тебе благоволение, 19
В Тебе могущество, в Тебе одна
Достойная часть Божьего творенья.</p> <p>Сей смертный муж, вознесшийся со дна 22
Вселенной всей к сему небес селению
И духов жизнь всю видевший сполна,</p> <p>Днесь молит Тя, да дашь под сею сенью 25
Ты мощь ему, чтоб выше возносил
Он очеса к последнему спасению.</p> <p>Я ж, что́ вовек так жарко не просил 28
Себе тех благ, как днесь ему, шлю паки
К Тебе мольбы (о! не лиши их сил!):</p> <p>Рассей своей молитвой смертны мраки 31
Последние с очей его, да зрит
И высшего блаженства здесь он знаки.</p> <p>Ещё ж молю Царицу, Что́ творит 34
Все, что́ восхощет, — да по созерцаньи
Свое стремление здравым сохранит.</p> |
|---|--|

2. Луки I, 48-49: «Что призрел Он на смирение Рабы Своей; ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный».

3. Буквально: «предопределенная цель вечного совета». Притчи VIII, 22: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони».

5. «Что жизнь подавший деве», вместо буквального, — чего (т. е. человеческой природы) Творец. Иоанна I, 3: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Колос. I. 16: «Ибо Им создано все, что на земле, видимое и невидимое». Евр. I, 2: «... говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил».

6. Подстрочный перевод: «Не погнушался сделаться ее (т. е. человеческой природы) творением». К Римлян. I, 3: «О Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти».

8. Буквально: «Чрез ее жар (любовь) в вечном мире так возрос этот цветок (небесная роза)», т. е. «столько душ достигло рая». Скартаццини. «Воплощением Христа в девическом чреве Марии были вновь восстановлены узы любви между Богом и человечеством, которые сделали лишь избранных способными возвышаться до этой славы. Эта любовь, подобно солнечной теплоте, возростала в раю небесную розу из зародыша». Филалет.

10-11. «Исток нам благодати», вместо буквального — светильник любви для нас.

12. Древние комментаторы цитируют здесь слова св. Бернарда.

13. «Владычица», в подлиннике *Donna*; далее (буквально): ты столь велика и столь много значишь.

19-20. «Любовь» — вместо «милосердие»; «благоволение» вместо «сострадание»; «могущество» вместо «слава». Смысл дальнейшего таков: в небе соединятся все, что есть доброго в создании.

24. Т. е. осужденных, очищающихся и праведных.

25. «Как видно из ст. 31, это не должно понимать так, что Мария может сообщить такую благодать своими силами, но Она приобретает ее своей молитвой за него». Филалет. «По милосердию» (*per grazia*), но не по его заслуге.

37 Земным страстям поставь свои в нем грани,
Зри Беатриче, зри, как светлый хор,
Молясь со мной Тебе, слагают длани».

40 И пал очей, Творцу приятных, взор
К молящему, явив мне, как сердечный
Молитвы глас к Благой в полете скор.

43 Потом он вновь во Свет вперился вечный,
В тот Свет, в Него ж немислимо, чтоб кто
Из сущих зрел, столь чистый, безупречный.

46 И, чувствуя, что близко царство то,
Где думы все кончаются, в мгновенье
Я пыл желаний обратил в ничто.

49 Мне намекал Бернард улыбкой — зренье
Горе направить; но мой взор воздет
Был сам собой, как делал он внушенья.

Уже мой взор, летя за ним вослед,
Вступал, все чище становясь, в луч света,
Что сам в себе есть истинный наш свет...

Отныне впредь сильнее взор поэта,
Чем наш язык; он пред виденьем нем,
И память не дает уж здесь ответа,

Как тот, кому сон снится; но затем,
Как сон пройдет, одно он впечатленье
Хранит от сна, забытого совсем, —

Так был и я: исчезло сновиденье,
Но по сердцу струилась сладость нег,
Рожденная в то дивное мгновенье.

Так солнца луч уничтожает снег;
Так ветер листы Сивиллы нес далеко,
И смысл их слов терялся уж навек.

27. «К последнему спасенью» (l'ultima salute), т. е. к Богу.

31. «Своей молитвой», т. е. своим посредничеством пред Богом. Скартаццини.

34-35. «Творить все, что восхощет» (сличи: Ада III, 95-96; V, 23-24). «Это также не следует понимать в буквальном смысле. Праведные как бы принимают участие во всемогуществе Божиим тем, что они желают того лишь, чего желает Бог, поэтому и случается все, что они пожелают. При надлежащей преданности Богу это имеет место и у смертных на земле». Филалет.

36. В подлиннике: *Dopo tanto veder* — по стольком созерцании. «Дабы он никогда не покидал истинной любви и не следовал ложным стремлениям». Копиш.

37. Буквально: «Да победит твоя защита человеческие побуждения». «Именно, по возвращении его к земной жизни, так как он все же остается смертным». Флейдерер.

40. В подлиннике: „*Gli occhi da Dio dilette e venerati*“ — очи, Богом любимые и почитаемые. «Христос, человек и Бог взирает в очи Марии, без сомнения, с сыновним почтением». Филалет.

42. «В полете скор», вместо приятен (*preghi le son grati*).

44-45. «Тот свет» — Бог. «Никто не должен мнить, что может сам по себе также ясно созерцать Божество, как сама преданность Богу, т. е. Мария». Копиш. Слич: Рая IX, 78.

46-48. «Где думы все кончаются», точнее: у конца (цели) всех желаний. — «По достижении действительного лицезрения Божественной сущности, что составляет цель всех стремлений человеческого духа, стремление это, конечно, должно прийти к концу». Филалет. — «Не по внушению Марии или Бернарда, но по внутренней необходимости, согласно всему предшествовавшему, поэт обращает свои взоры к Богу, и в это мгновение дух его, безустанно ищущий и стремящийся, чувствует в первый раз окончание всех стремлений. Чудные, глубокомысленные слова!» Флейдерер.

54. Слич: Иоанна I, 9: «Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир». — «Истина есть сочетание познавания с вещью и вещи с познаванием. Но Бог не только согласуется со своим познаванием, но Сам Он есть Свое познавание, и Его познавание есть мера и причина всякого другого бытия и познавания. Из этого следует, что истина не только в нем, но Сам Он есть первая и высшая истина». Филалет.

58-60. Слич: Дан. II, 1: «Во второй год царствования Навуходоносора снились Навуходоносору сны, и возмущился дух его и сон удалился от него». Рая XXIII, 49-51.

63-66. «Данте сравнивает несовершенство своей природы со снегом, который исчезает от действия солнечных лучей, а также с разносимыми ветром листиками, на которых Сивилла писала свои предсказания». Копиш. Вергилия, Энеида III, 441-452:

67 О высший Свет, парящий так высоко
От смертных дум! Дай памяти моей
Хоть часть того, как ты блеснул мне в око.

70 И в мой язык хоть столько силы влей,
Чтоб искру лишь от всей Твоей он славы
Оставить для грядущих мог людей.

73 Вернув в мой ум твой отблеск, величавый,
И отзвук твой в сих пробудя стихах,
Я б уяснил победу сей державы.

76 Я думаю, что в ярких тех лучах,
Сносимых мной, я б зренья вдруг лишился,
Когда б от них отвел мне очи страх.

79 Но, помню, я смелей все становился
От блеска их, снося их до того,
Что с бесконечной Силой взором слился.

О дар безмерный Бога Самого! 82
Ты дал мне смелость в вечный Свет воззриться,
Так что мой взор угас в лучах его.

В его пучине зрел я, как таится, 85
Слиянное с любовью в круг един,
Все то, что во вселенной вновь дробится:

Я сущность зрел, и случай и их чин, 88
Слиянные все в круг так неразрывно,
Что все, что рек я, — слабый свет один.

Но общий образ этой связи дивной 91
Я, мнится, зрел, затем что все сильней,
То говоря, ликую беспрерывно.

Мной в миг один забыт тот вид быстрее, 94
Чем в двадцать пять веков забылось диво,
С каким Нептун зрел Арго тень с морей.

Тут, когда проплывешь и в Кумейский вступишь ты город,
На озера божества и Аверн, шумящий лесами,
Ярую вещь ты узришь, что судьбы изрекает
Под скалой и кладет имена и знаки на листья.
Все изречения, что на листьях дева напишешь,
По порядку сложив, оставляешь заперши в пещере.
Те неподвижно лежат на месте, порядка не руша.
Но лишь только крюки повернутся, и ветер чуть слышный
Станет их гнать, и дверь взволнует нежные листья,
То никогда уж она не ухватит летучих в пещере,
Иль разобрать их опять, иль речи связать не захочет.
Кто без ответа уйдет, ненавидит жилище Сивиллы.

Перев. А. Фета.

75. «Победу сей державы», в подлиннике: di tua vittoria — победу высшего света — Христа над дьяволом. Бути.

76-78. «Непосредственно от Бога исходящий свет не ослепляет, но укрепляет взор, если он надлежащим образом к этому свету приготовлен». Ноттер. Слич: Луки IX, 62: «Иисус сказал ему: никто возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия».

76-81. Проникнутый божественным светом и превознесенный над самим собою чрез lumen gloriae, Данте вступает в состояние полного наслаждения — visio beatificans. Филалет.

86. «Круг», в подлиннике: volume, который в данном случае означает узел.

88. «Сущность» Sostanza; «случай» accidente; «чин» costume, вместо отношение, взаимодействие.

89. «Слиянные» — conflati.

90. В подлиннике: Che ciò ch' io dico è un semplice lume — то, о чем я говорю, — слабый свет, или как бы тень действительности.

91-93. «Выдающееся место Божественной Комедии! Как вся вселенная и все, что в ней заключается: вещи и их свойства, сущности и случайности, — исходят от Бога и являют Его совершенно разнообразно и раздельно (multiplicem et divisum), так все это в своей действительной причине (causa effectiva) однообразно и просто (simpliciter et uniformiter) заранее содержится в Боге и связано бесконечной благостью и любовью Бога в одно великое целое. Праведные познают таким образом вещи в Боге, как их causa

<p>97 Так дух во мне, дивясь без перерыва,
Усердно созерцал и, недвижим,
Сам пламенел, все созерцая живо.</p>	<p>Не потому, чтоб не в одной печати
Был свет живой, его ж я созерцал
(Как был всегда един он в благодати),</p>
<p>100 При свете том становишься таким,
Что мнить нельзя, чтоб кто во всей вселенной
Взор от него отвел к вещам иным.</p>	<p>Но потому, что взор мой все крепчал,
Глядя на свет, и в смене безграничной,
Меняясь сам, мне образ тот являл.</p>
<p>103 И все добро, цель воли неизменной,
Все в нем слито, и что не в нем лежит —
Ничтожно так, как все в нем совершенно.</p>	<p>В своих пучинах светлых свет первичный
Три круга мне тогда представил вдруг
Из трех цветов, но меры неразличной.</p>
<p>106 Теперь о всем, что помню, возвестит
Язык мой хуже, чем язык
дитяти,
Что у груди еще уста поит.</p>	<p>Был отражен, как отблеск радуг двух,
Один в другом; был третий — огонь
трехсложный,
Из двух кругов равно лиясь как дух.</p>

effectiva; они как бы заглядывают в ту великую систему мироздания, в которой весь мир представляется единым органическим целым (Слич: Рая XXX, 100-108) и это познание необходимо составляет некоторую часть их блаженства». Филалет.

95-96. «Одно мгновение погасило в душе поэта воспоминание о божественном лицезнении; следовательно, вызвало в нем большую забывчивость, нежели промежуток времени в несколько веков от древнейших, но все еще памятных событий из всемирной истории. Как, например, Данте указывает поход аргонавтов, когда первый корабль взбороздил море и тени от него заставили дивиться Нептуна. 2500 лет от времени Данте до этого события исчисляются следующим образом:

1300 лет до Рождества Христова
750 лет до построения Рима
431 год до разрушения Трои
42 года до похода Аргонавтов

Итого 2523 года

101. «Чтобы доказать, что человек никогда не может утратить приобретенного однажды блаженства, Фома Аквин. доказывает сначала положение, что человек, узревший однажды существо Бога, никаким образом не может желать не видеть Его; ибо все хорошее, чего человек желает себя лишиться, или неудовлетворительно, так что он желает взамен чего-то более удовлетворительного, или оно связано с неприятностью, из-за которой оно ему противно. Лицезрение существа Божия наполняет душу всем благом, связуя ее с источником всяческого, как сказано в Писании: «Я насыщусь, когда он появится в своей славе», и «все благое пришло ко мне зараз с ним», — именно с лицезнением премудрости. Равным образом, лицезрение это не соединяется с неприятностью, ибо о созерцании премудрости сказано: «Ее обхождение не имеет ничего горького и ее вкушение — ничего противного». Филалет. Сравни: Summa Theol. I², 5, 4.

109-111. Тайна Святой Троицы. Буквальный перевод: «Не потому, что было более чем одно изображение (sembiante) в живом свете, который я созерцал и который всегда остается таким, каким был прежде».

115-120. «Здесь Данте излагает, как он достиг лицезнения глубочайшей тайны троичности Божества. Лучшему пониманию этого места несомненно поспособствует изложение этой догмы, в особенности согласно учению Петра Ломбардского и Фомы Аквинского, которые, в свою очередь, почерпнули его у латинских отцов Церкви: блж. Августина, св. Илария и др. Бог в Своей сущности и природе един, но троичен в лицах. Три лица суть один Бог, и единый Бог есть три Лица (ср. примеч. к XXIV, ст. 141). Слово лицо выражает обстоятельство не совсем для нас понятное; по-гречески оно передается словом ὑπόστασις, которое по словопроизводству почти равнозначуще латинскому substantia.

По-латыни также избегают этого слова, потому что оно обыкновенно употребляется вместе со словом *essentia*, для выражения подобного же понятия, хотя, по-настоящему, относительно Бога не может быть речи о какой-либо субстанции, но лишь об эссенции; ибо он не субстанция, которой могут быть приписываемы различные случайности; в Нем все необходимо. Его бытие есть Его сущность, Он есть то, что Он имеет. В крайнем случае употребляют относительно Лиц Божества слово *subsistentia*. Три Лица отнюдь не должны быть принимаемы как три части, которые лишь сообща образуют единого Бога; скорее в каждом из них имеется налицо вся божественная эссенция. Они также не относятся к ней, как вид к роду или как особи к виду, и божественная эссенция не есть как бы нечто четвертое, высшее, наряду с тремя лицами. Еще того меньше Они суть три эссенции, три существа, три Божества, так как они вечно нераздельны — Отец в Сыне, Сын в Отце, Св. Дух — в Обоих и Оба в Нем. Все субстанциальные свойства, духовные совершенства, вечность и т. д. принадлежат трем Лицам

121 О, как слова тут слабы, невозможны
Для дум моих! А для того, что я
В то время видел, — боле чем ничтожны.

124 О вечный Свет, вместивший Сам в Себя,
Себя постиг Ты и Собою постигнут
И, Сам постигший, царствуешь любя!

127 Сей ход кругов, что, быв Тобою двигнут,
Предстал к Тебе как отраженный свет,
Едва моим он взором был достигнут,

130 Внутри себя и в собственный свой цвет
Одеянный, наш образ мне представил,
Так что мой взор был весь к нему воздет.

Как геометр, что весь свой ум направил, 133
Чтоб круг измерить, и в уме своем
К тому найти не может нужных правил, —

Таким я был при новом чуде том: 136
Желал прозреть, насколько соразмерен
Наш образ с кругом, как вместился в нем;

Но был бы крыл моих полет потерян, 139
Когда б очей моих не поразил
Блеск молнии, и им я был уверен.

Мечте высокой тут не стало сил; 142
Но все желанья, дум моих все бездны,
Как колесо, уж дух Любви кружил, —

Тот Дух, что с солнцем движет хоры звездны. 145

в равной мере. Эти качества, как принадлежащие божественной эссенции, причисляют им настолько сообщая, что если мы думаем о трех лицах в отдельности, то думаем о трех вечных, всемогущих и т. д. лицах; если же мы выражаемся по существу и абсолютно, то говорим лишь о едином всемогуществе, вечности и т. д. — лишь об одном всемогущем, вечносущем и т. д. Это выражается еще так: Отец есть другой (*alius*) сравнительно с Сыном и т. д., но не нечто другое (*aliud*). При всем том, у каждого Лица имеется своя особенность, и эта особенность есть нечто реальное, а не отвлеченное, как учил Савелий. Она заключается в известных отношениях, в которых стоят друг к другу три Лица Божии. Особенность Отца есть Его нерожденность (*innascibilitas*), что Он причину своего бытия содержит именно в Самом Себе, и Его родительство (*paternitas*), посредством которого Он родил Сына до века. Особенность Сына есть Его сыновность (*filiatio*), то, что он рожден Отцом. Особенность Св. Духа — его исхождение (*processio*), то, что Он исходит от Отца и Сына. Это учение, на первый взгляд, как будто бы противоречит двум свойствам Божества, — Его простоте и неизменности. Но это неверно. Мы называем существо простым, когда оно не имеет ни частей, ни случайностей. В Боге же нет ни частей, ни случайностей, так как все свойства, которые мы ему приписываем, принадлежат Его сущности. Быть благим, быть великим для Него все равно, что и быть вообще. Он есть, как мы сказали выше, все, что Он имеет. Но когда мы говорим о Лицах Божества, что Они имеют нечто, или что Они не суть нечто, например, что Отец имеет Сына, но не есть Сын, то это нечто условное, выражающее отношение ко второму Лицу, но не что-либо существующее в Нем Самом, и потому оно не нарушает простоты. То же самое и с неизменностью. Чрез рождение Сына и исхождение Св. Духа Существо Божие не меняется, ибо это рождение и это исхождение было до века, даже, можно сказать, оно постоянно продолжается. Сын был всегда рожден и будет всегда рождать, Св. Дух всегда исходил и всегда исходит, Отец — вечно основание бытия Сына, и Отец и Сын — бытия Св. Духа. Мы находим как бы следы или отпечатки этих отношений в собственном нашем духе, в котором память, разум и воля составляют таинственное триединство; все же это подобие всегда останется лишь слабым отпечатком, ибо этим трем противостоит отдельное существо человеческого духа, что не имеет места у божественной эссенции. Наш дух обладает теми тремя силами, но они не наш дух. Мы более приблизимся к этому отношению, если представим себе дух, который познает самого себя и, познав себя, себя самого любит. В Боге это познание и эта любовь должны быть совершеннейшими и, при бесконечной реальности божественного Существа, должны быть также чем-то реальным, и они-то именно и суть три Лица.

«Если мы, после этих рассуждений, перейдем к разъяснению частных особенностей предлагаемого места, то прежде всего должны заметить, что в ст. 109-111 указаны оба свойства — простота и неизменность Божии, которых необходимо твердо держаться, дабы предохранить учение о троичности от ложных толкований. Ст. 112-114 могли бы дать повод к ложному истолкованию, а именно, будто Данте склоняется на сторону учения Савелия, по которому троичность Лиц не есть что-либо реальное, но лишь различный способ рассмотрения единого Божества. От этого он, без сомнения, весьма далек. Он скорее желает здесь сказать, что тайна трех Лиц лишь при более глубоком, озаренном высшим светом проникновении в существо Божие, особенно же, как говорят многие отцы Церкви, при благочестивом, чистом сердце, — доступна людям. Слово субстанция (в переводе «пучина») в ст. 115 имеет, без сомнения (в подлиннике стоит даже *sussistenza*), смысл, одинаковый с *essentia*. Три круга, очевидно, три лица и, подобно тому, как их одинаковая величина выражает их отличия — личные свойства, особенности, равенство их могущества и славы, так их различные цвета выражают *proprietas personae*. Если круги движутся на одном месте (иначе я себе не могу представить), то это символизирует, что Лица Божества заключаются одно в другом. Что следующая терцина (ст. 118-120) выражает отношения *generatio* и *processio*, — объяснять едва ли нужно, прибавлю лишь к сказанному, что слово «равно» (*egualmente*) указывает, что Данте принимает, что Св. Дух исходит в единой мере как от Отца, так и от Сына. Это также согласуется со взглядом Петра Ломбардского, который в противность Августина, полагающему, что Св. Дух по преимуществу исходит от Отца, допускает это лишь в соответствии с той мыслью, что Сын имеет все от Отца, следовательно, и исхождение Св. Духа». Филалет.

121-123. «Так же, как и в ст. 68-74 и 90, Данте вновь напоминает здесь, что изложенные им мысли не соответствуют его представлению виденного, и еще менее полному его видению, относительно которого оставшееся представление само по себе бедно и ничтожно». Флейдерер. «Здесь указывается на недоступность для человеческого понимания тайны троичности, делающей для поэта невозможным сохранить в представлении хотя бы частицу виденного, краткое и слабое изображение которого остается позади представления». Филалет.

124-126. В подлиннике: *O luce eterna, che sola in te sidi, Sola t'intendi, e da te intelletta Ed intendente, te ami ad arridi!* — что буквально значит: О вечный свет, покоящийся на себе одном, сам себя постигаешь и, постигнув себя, любишь себя и улыбаешься себе! «Опять указание на взаимное отношение трех лиц Божества. Отец покоится один на Самом Себе. Причину своего существования Он заключает только в Себе; Отец рождает Сына, познавая Самого Себя, а Св. Дух исходит из обоюдной любви Обоих». Филалет.

127-141. «В этих стихах изложено откровение второй великой тайны христианской теологии, а именно — тайны вочеловечения Слова. Данте представляет себе дело так. Во втором из упомянутых выше трех кругов, который является отражением первого (Сын — рождающийся от Отца), более внимательно взору Данте открывается изображение человеческого естества (*nostra effigie*), имеющее тот же цвет, как и сам круг. Понять тайну соединения божественного и человеческого естества Данте может так же мало, как геометр разрешить квадратуру круга. Только действие божественной благодати, которое Данте сравнивает с ярким блеском молний, дает ему понимание тайны, но передать это откровение людям он не в состоянии: видение его окончено.

143-145. Подстрочный перевод: «Но любовь вращала мои желание и волю, как колесо, равномерно движимое, — любовь, которая движет солнце и другие звезды». В этой третьей части поэмы много раз указывалось, как блаженство начинается созерцанием и достигает своей полноты в любви (Слич: Рая I, 66, примеч.; XXVIII, 109 и след.). Также и здесь, в конце песни, мы видим, что Данте, достигнув глубочайшего лицезрения Божества и Его таинства, становится участником совершеннейшего согласования с ним своей воли. Его желание и воля приводятся в движение той любовью, которая вращает *gigium mobile*, а с ним и все прочие небесные круги, любовью и стремлением к вечному, неподвижному и единому. Здесь, в конце, следует, кроме того, заметить, что Данте оканчивает каждую из трех частей поэмы словом „*stelle*“ — звезды. Это вполне согласуется с существовавшими у древних поэтов обычаем заканчивать цикл находящихся во взаимной связи концов (а концоною сам Данте называет первую часть Божественной Комедии — Ада XX, 3) одним и тем же словом. Но выбор именно этого слова имеет глубокий смысл. Если звезды, местопребывание праведных, представляют символ слиянной с Божеством блаженной жизни, то Ад подобен тому состоянию души, когда она и не подозревает о существовании той святой жизни. Таким образом, Ад оканчивается в то мгновение, когда человек мог сказать: «И вышли мы, да узрим своды звездны», т. е. когда чаяние и стремление вновь проникают в душу. Чистилище есть символ состояния борьбы между земными вожделениями

ПЕСНЬ XXXIII

и небесным стремлением; но заканчивается, как и подобает, в то мгновение, когда последние одерживают победу в человеке, или когда он чувствует себя очищенным от земных вожделений. Рай есть результат того стремления, которое тогда достигает своей цели, когда наши воля и желание движутся любовью, «что с солнцем движет хоры звездны».

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ ЧАСТИ I «АДА» К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ 1855 г.	7
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ	9
АД	25
ПЕСНЬ I Темный лес. — Холм. — Три зверя. — Вергилий. — Борзый Пес.	27
ПЕСНЬ II Опасения Данте, рассеянные Вергилием. — Три небесные жены. — Начало странствования.	37
ПЕСНЬ III Двери ада. — Преддверие адское. — Ничтожные. — Папа Целестин V. — Харон. — Переправа через Ахерон. — Землетрясение	43
ПЕСНЬ IV Круг первый: Лимб католической Церкви. — Младенцы и добродетельные язычники, не очищенные крещением. — Патриархи, поэты, герои, философы и другие знаменитые люди древности	49
ПЕСНЬ V Круг второй: плотские сластолюбцы. — Минос. — Франческа из Римини.	58
ПЕСНЬ VI Круг третий: обжоры. — Цербер. — Чьякко. — Плутус	70
ПЕСНЬ VII Круг четвертый: скупые и расточители. — Плутус. — Фортуна. — Круг пятый: гневные и завистливые	77
ПЕСНЬ VIII Круг пятый: гневные. — Флегиас. — Филиппо Ардженти. — Город Дите. — Вергилий и демоны	84
ПЕСНЬ IX Город Дите. — Эрихто. — Три фурии. — Посланник с неба. — Круг шестой: ересиархи.	90

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ X

Круг шестой: еретики. — Фарината дельи Уберти. — Кавальканте Кавальканти. —
Император Фридрих II. 98

ПЕСНЬ XI

Круг шестой: еретики. — Гробница папы Анастасия. — Разделение адского города 104

ПЕСНЬ XII

Первое кольцо седьмого круга: насильователи ближних. — Тираны и убийцы. —
Минотавр. — Кентавры. — Несс. — Хирон. — Эццолино. — Обиццо д'Эсте. —
Гвидо-да-Монфорте 110

ПЕСНЬ XIII

Второе кольцо седьмого круга: насилие против самого себя. — Гарпини. —
Пьер делле Винье. — Сиенец Лано. — Рокко де Моцци. 118

ПЕСНЬ XIV

Третье кольцо седьмого круга: насилие против Бога. — Капаней. —
Старец Критский. — Происхождение адских рек. 125

ПЕСНЬ XV

Третье кольцо седьмого круга: насилие против природы; содомиты —
Брунетто Латини. — Франческо д'Аккорсо. — Андреа де'Моцци. 131

ПЕСНЬ XVI

Третье кольцо седьмого круга: насилие против природы, содомиты. — Гвидо Гверра,
Тегьяйо Альдобранди и Жакопо Рустикуччи. — Гюйльельмо Борсьере. —
Водопад. — Герион. 137

ПЕСНЬ XVII

Третье кольцо седьмого круга: насилие против искусства; ростовщики. —
Герион. — Скровиньо. — Буйямонте. — Спуск в восьмой круг 140

ПЕСНЬ XVIII

Круг восьмой: Злые-ямы. — Яма первая: сводники и соблазнитель. —
Венедикто Каччяннимико. — Язон. — Яма вторая: льстецы. —
Алессио Интерминей. — Таида 147

ПЕСНЬ XIX

Круг восьмой. Яма третья: симонисты. — Папа Николай III 155

ПЕСНЬ XX

Круг восьмой; яма четвертая: прорицатели и чародеи. — Амфиарай. — Терезий. —
Арунс. — Манто. — Эврипил. — Михаил Скотт. — Асденте 161

ПЕСНЬ XXI

Круг восьмой; яма пятая: менялы. — Сенатор из Лукки. — Злые-Лапы. —
Злой-Хвост. — Комическая сцена у дьяволов 165

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ XXII

Круг восьмой; яма пятая: менялы. — Наваррец Чьямполо. — Фра Гомита. —
Микель Цанке. — Драка демонов. 171

ПЕСНЬ XXIII

Круг восьмой; яма шестая: лицемеры. — Веселые братья. — Каифа. — Анна. —
Фрате Каталано 177

ПЕСНЬ XXIV

Круг восьмой; яма седьмая: тати. — Ванни Фуччи 185

ПЕСНЬ XXV

Круг восьмой; яма седьмая: тати (продолжение). — Какус. — Аньель Брунеллески. —
Буозо дельи Абати. — Пуччо Шьянкато. — Чанфа Донати. — Кавальканти 192

ПЕСНЬ XXVI

Круг восьмой; яма восьмая: злые советодатели. — Улисс и Диомед 197

ПЕСНЬ XXVII

Круг восьмой; яма восьмая: злые советодатели (продолжение). —
Гвидо да Монтефельтро. 203

ПЕСНЬ XXVIII

Круг восьмой; яма девятая: сеятели смут и раздоров, гражданских и религиозных. —
Магомет Али. — Фра Дольчино. — Пьер да Медичино. — Курион. — Моска. —
Бертран де Борн 208

ПЕСНЬ XXIX

Круг восьмой; яма девятая (продолжение). Джери дель Белло. — Яма десятая:
поддельватели всякого рода. — Алхимики. Гриффолино из Арещо и Капоккьо. 217

ПЕСНЬ XXX

Круг восьмой; яма десятая: поддельщики всякого рода (продолжение). — Мирра. —
Джьянни Скикки. — Мастер Адамо. — Синьор из Трои 224

ПЕСНЬ XXXI

Колодезь гигантов. — Немврод, Эфиальт и Антей. 231

ПЕСНЬ XXXII

Круг девятый: изменники. — Отделение первое: Кайна. — Графы да-Мангона. —
Камичьон де Пацци. — Отделение второе: Антенора. Бокка дельи Абати. — Буозода
Дуэра. — Уголино 238

ПЕСНЬ XXXIII

Круг девятый: изменники (продолжение). Отделение второе: Антенора. —
Уголино. — Отделение третье: Птолемея. — Монах Альбериго. —
Бранка д'Ориа 246

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ XXXIV

Круг девятый: изменники. — Отделение четвертое: Джьюдекка. — Люцифер. —
Иуда, Брут и Кассий. — Центр вселенной. Восхождение в Чистилище 255

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 263

I.

БОНИФАЦИЙ VIII

(К XIX песне «Ада») 264

II.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРОДОВ РОМАНЬИ В 1274-1302 ГГ.

(К XXVII песне «Ада» и XIV «Чистилища»)..... 266

III.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОБЫТИЙ В ПИЗЕ ВО ВРЕМЕНА УГОЛИНО.

К XXXIII песне «Ада» 273

IV.

КОСМОЛОГИЯ ДАНТОВОЙ ПОЭМЫ 277

V.

ДАНТОВ АД КАК МЕСТО НАКАЗАНИЯ ГРЕШНИКОВ,

ЕГО АРХИТЕКТУРНОЕ ПОСТРОЕНИЕ,

ДЕЛЕНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ В НЕМ ОСУЖДЕННЫХ 285

VI

РАЗМЕРЫ АДА;

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАМОГИЛЬНОГО

СТРАНСТВОВАНИЯ ДАНТЕ 298

ДАНТОВА СИСТЕМА МИРА 304

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИСТИЛИЩЕ	309
ПЕСНЬ I	
Воззвание к музам. — Четыре звезды. — Катон.	311
ПЕСНЬ II	
Преддверие чистилища. — Ангел кормчий. — Казелла. — Катон.	321
ПЕСНЬ III	
Преддверие чистилища. — Души умерших под церковным отлучением. — Манфред, король Сицилии.	328
ПЕСНЬ IV	
Преддверие чистилища. — Подъем на первый уступ. — Нерадивые. — Белаква	336
ПЕСНЬ V	
Преддверие чистилища. — Нерадивые и погибшие насильственной смертью. Якопо дель Кассеро. — Буонконтэ да Монтефельтро. — Пия де'Толомеи.	343
ПЕСНЬ VI	
Преддверие чистилища. — Другие души погибших насильственной смертью. — Сила молитвы об усопших. — Сорделло. — Воззвание к Италии.	351
ПЕСНЬ VII	
Преддверие чистилища. — Сорделло. — Долина государей, не радевших о спасении души своей. — Император Рудольф. — Оттокар. — Филипп Смелый. — Генрих Наваррский. — Петр Аррагонский. — Генрих III Английский. — Гюльельм Монферратский	357
ПЕСНЬ VIII	
Преддверие чистилища. — Нерадивые. — Цветущая долина. — Ангелы-хранители. — Нино Висконти. — Змей. — Куррадо Маласпина.	365
ПЕСНЬ IX	
Преддверие чистилища. — Цветущая долина. — Сон и сновидения Данте. — Орел. — Лючия. — Врата чистилища. — Ангел-привратник. — Вход в первый круг.	373
ПЕСНЬ X	
Первый круг. — Гордые. — Примеры смирения.	385
ПЕСНЬ XI	
Первый круг. — Гордые. — Молитва. — Омберто Альдобрандески. — Одеризи д'Агуббио. — Провенцан Сальвани	392
ПЕСНЬ XII	
Первый круг. — Гордые. — Примеры наказанной гордости. — Ангел смирения. — Подъем во второй круг.	399

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ XIII

Второй круг. — Завистливые. — Примеры любви к ближним. — Сапия из Сиены 407

ПЕСНЬ XIV

Второй круг. — Завистливые. — Гвидо дель Дука. — Риньери ди'Кальболи. —
Примеры наказания зависти. 415

ПЕСНЬ XV

Второй круг. — Завистливые. — Ангел братолюбия. — Подъем на третий уступ. —
Третий круг. — Гневливые. — Примеры кротости в видениях 422

ПЕСНЬ XVI

Третий круг. — Гневливые. — Марко Ломбардо. — Свобода воли. — Порча мира. —
Куррадо да Палаццо, Герардо да Каммино и Гвидо да Кастелло. — Гайя. 428

ПЕСНЬ XVII

Третий круг. — Гневливые. — Выход из дыма. — Примеры свирепого гнева в видениях. —
Ангел мира. — Подъем в четвертый круг. — Ночь. —
Любовь как корень всех добродетелей и всех пороков. 439

ПЕСНЬ XVIII

Четвертый круг: грех уныния. — Любовь и свобода воли. — Примеры редкой деятельности. —
Аббат из Сан-Зено. — Скалиджери. — Примеры пагубного греха уныния. — Сон Данте . . . 446

ПЕСНЬ XIX

Четвертый круг: грех уныния. — Символический сон Данте. —
Ангел любви к Богу. — Подъем в пятый круг сребролюбивых. — Папа Адриан V 454

ПЕСНЬ XX

Пятый круг: сребролюбивые. — Примеры бедности и щедрости. — Гуго Капет. —
Капетинги. — Примеры скаредной скупости. — Гора сотрясается при освобождении из
чистилища очистившейся души. 464

ПЕСНЬ XXI

Пятый круг: сребролюбивые. — Стаций. — Причина сотрясения горы. — Встреча
Стация с Вергилием 474

ПЕСНЬ XXII

Подъем в шестой круг. — Стаций, его грех и обращение в христианство. — Знаменитые
люди древности в Лимбе. — Шестой круг: чревоугодники. — Мистическое дерево. —
Примеры воздержания 481

ПЕСНЬ XXIII

Шестой круг: чревоугодники. — Форезе Донати. — Нелла — Флорентинки 491

ПЕСНЬ XXIV

Шестой круг: чревоугодники. — Форезе Донати. — Пиккарда. — Бонаджионта
Урбачьяни. — Папа Мартин IV. — Убальдин делла Пила. — Бонифацио. —

СОДЕРЖАНИЕ

Мессер Маркезе. — Джентукка. — Корсо Донати. — Второе мистическое дерево. —
Примеры неумеренности. — Ангел воздержания 499

ПЕСНЬ XXV

Подъем в седьмой круг. — Теория зарождения человека. — Наделение тела душой. —
Бесплотные тела по смерти. — Седьмой круг: сладострастные. —
Примеры целомудрия 509

ПЕСНЬ XXVI

Седьмой круг: сладострастные и содомиты. — Примеры сладострастия. —
Гвидо Гвиничелли. — Арнольдо Даньелло. 523

ПЕСНЬ XXVII

Седьмой круг. — Сладострастные. — Ангел Чистоты. — Переход через пламя. —
Подъем в земной рай. — Последние слова Вергилия. 529
Заключительное примечание 536

ПЕСНЬ XXVIII

Земной рай. — Река Лета. — Матильда. — Происхождение воды и ветра в земном
раю. — Природа божественного леса. 539

ПЕСНЬ XXIX

Земной рай. — Данте и Матильда. — Мистическая процессия, или триумф церкви. . . 551

ПЕСНЬ XXX

Земной рай. — Появление Беатриче и исчезновение Вергилия. —
Упреки Беатриче Данте. 566

ПЕСНЬ XXXI

Предварительное примечание. 578
Земной рай. — Новые упреки Беатриче и новое покаяние Данте. —
Переход через Лету. — Пляска четырех прекрасных жен. —
Беатриче без покрывала 579

ПЕСНЬ XXXII

Земной рай. — Таинственные судьбы священной колесницы. — Символическое древо. —
Превращение колесницы в чудовище. — Блудница и Гигант 588

ПЕСНЬ XXXIII

Земной рай. — Прорицание Беатриче. — Пятьсот и Пять и Десять. — Данте и Беатриче. —
Река Эвнэ 604

ПРИЛОЖЕНИЕ К XVI-XVIII ПЕСНЯМ.

ОЧЕРК ПСИХОЛОГИИ ФОМЫ АКВИНСКОГО 615

СОДЕРЖАНИЕ

РАЙ	621
ПЕСНЬ I	
Приступ к третьей канцоне поэмы. — Воззвание. — Данте и Беатриче возносятся в сферу огня. — Беатриче объясняет причину этого подъема	623
ПЕСНЬ II	
Вступление. — Подъем на небо луны. — Пятна на луне. — Влияния небес.....	632
ПЕСНЬ III	
Небо луны. — Духи, несоблюдавшие своего обета. — Пиккарда Донати. — Императрица Констанца.	637
ПЕСНЬ IV	
Беатриче отгадывает и разрешает сомнения в душе Данте. — Новый вопрос его касательно нарушения и восстановления обетов	644
ПЕСНЬ V	
Святость обета и возможность его изменения. — Подъем на небо Меркурия. — Юстиниан.	653
ПЕСНЬ VI	
Жизнь императора Юстиниана. — История римского орла. — Против гибеллинов и гвельфов. — Души на небе Меркурия. — Ромео.	660
ПЕСНЬ VII	
Искушение.	669
ПЕСНЬ VIII	
Подъем в небо Венеры. — Души любивших. — Карл Мартелл. — Король Роберт. — Почему дети редко походят на отцов.....	678
ПЕСНЬ IX	
Небо Венеры: души любивших. — Куница да Романо. — Фолько Марсельский. — Раав — Римский двор.....	688
ПЕСНЬ X	
Подъем на небо Солнца. — Духи познания. — Фома Аквинский. — Теологи и философы схоластические и древние.....	697
ПЕСНЬ XI	
Суета земных забот. — Два сомнения. — Жизнь святого Франциска Ассизского. — Разращение монашеских орденов.	705
ПЕСНЬ XII	
Второй венок теологов. — Житие Св. Доминика. — Прощание францисканцев. — Св. Бонавентура и его товарищи.	714

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ XIII	
Беседа со св. Фомой.	724
ПЕСНЬ XIV	
Блеск, в который облекутся праведные по воскресении мертвых. — Подъем на небо Марса. — Души воителей в образе лучезарного креста. — Гармония воспевающих. — Экстаз Данте.	731
ПЕСНЬ XV	
Каччягвида. — Древняя Флоренция.	739
ПЕСНЬ XVI	
Каччягвида продолжает говорить о своей семье и о прежней Флоренции. — Порча нравов благодаря пришельцам. — Знаменитые флорентинцы.	746
ПЕСНЬ XVII	
Горести изгнания. — Бедствия и надежды Данте. — Смелость, внушенная ему любовью к истине.	756
ПЕСНЬ XVIII	
Духи, сверкающие в кресте на Марсе. — Подъем на небо Юпитера. — <i>Dieligite justitiam.</i> — Императорский Орел. — Алчность папская.	763
ПЕСНЬ XIX	
Поэт обращается к небесному Орлу. — Обсуждение вопроса: можно ли человеку спастись, не принадлежа к христианской церкви? — Преступления некоторых государей.	771
ПЕСНЬ XX	
Песнь правосудных. — Главнейшие блюстители правосудия в образе небесного Орла. — Вера и спасение. — Предопределение.	778
ПЕСНЬ XXI	
Подъем на седьмое небо Сатурна. — Души созерцания. — Небесная лестница. Св. Петр Дамиан. — Еще о предопределении. — Роскошь прелатов.	785
ПЕСНЬ XXII	
Св. Бенедикт. — Порча монастырей. — Подъем на восьмое небо неподвижных звезд. — Созвездие Близнецов. — Взгляд на землю.	793
ПЕСНЬ XXIII	
Триумф Христа. — Венчание Девы Марии.	800
ПЕСНЬ XXIV	
Апостол Петр испытывает Данте в вере	807
ПЕСНЬ XXV	
Рассуждение с апостолом Иаковом о надежде. — Евангелист Иоанн	814

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЬ XXVI	
Рассуждение с евангелистом Иоанном о любви. — Адам.	821
ПЕСНЬ XXVII	
Речь апостола Петра против пастырей Церкви. — Созвездие Близнецов	828
ПЕСНЬ XXVIII	
Девять кругов ангельских вокруг Бога, отраженные в очах Беатриче.	837
ПЕСНЬ XXIX	
Рассказ Беатриче о сотворении ангелов и небес. — Злые и верные ангелы	846
ПЕСНЬ XXX	
Эмпирей. — Светоносная река. — Роза	856
ПЕСНЬ XXXI	
Беатриче возносится от Данте на место, ей назначенное. — Св. Бернارد — дальнейший спутник Данте. — Матерь Божия.	863
ПЕСНЬ XXXII	
Седалища святых Ветхого и Нового Завета. — Младенцы. — Архангел Гавриил. — Святые жены.	871
ПЕСНЬ XXXIII	
Молитва св. Бернарда к Матери Божией. — Поэт взводит взор и в трех цветных кругах видит человеческий образ. — Нежданный блеск ослепляет его и видение кончается	878

Данте Алигьери
БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

Подбор иллюстраций
К. Козлов

Верстка, обработка иллюстраций
М. Судакова

Дизайн обложки
подготовка к печати
обработка иллюстраций
А. Яскевич

Сдано в печать 14.08.2020
Объем 56 печ. листов
Тираж 2100 экз.
Заказ №4266/20

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Дмитрий Егорович Мин (1818–1885) не был профессиональным литератором. Всю свою жизнь он отдал врачебной науке — был видным экспертом в области судебной медицины. И в то же время критики XIX века считали его одним из лучших переводчиков своего времени. Мин переводил с итальянского, немецкого, английского; работал над произведениями Байрона и Шиллера. Однако заслуженную литературную славу ему принесла работа именно над «Божественной комедией», перевод которой он шлифовал до конца своих дней. Глубокое знание этого великого произведения помогло Мину передать дух подлинника и многие его тонкости. Не случайно за ним утвердилось слава русского истолкователя Данте.

Франц фон Байрос (1886–1924) был великолепным иллюстратором. За карандаш он взялся уже в шестилетнем возрасте, а в семнадцать лет поступил в Венскую академию изобразительных искусств. Поиски собственного оригинального графического стиля привели художника в Мюнхен, который в то время был столицей немецкого искусства. Широкую славу Байросу в начале XX века принес его сборник эротических эстампов, который вызвал у публики того времени настоящий шок. Работа над акварелями к «Божественной комедии» Данте стала последним творческим взлетом в жизни художника. Эти его работы с успехом демонстрировались на персональных выставках не только в Германии, но и в Италии.

Гюстав Доре (1832–1883) не получил классического художественного образования. Однако природный талант рисовальщика и длительное время, проведенное в Париже за изучением картин и гравюр в Лувре и Национальной библиотеке помогли ему самостоятельно отточить свое мастерство. Гюставу Доре было всего пятнадцать, когда вышел первый альбом его литографий — «Подвиги Геркулеса». В своих графических работах Доре мастерски использовал игру света и тени. Его рука узнается сразу — будь то рисунки к Данте, Рабле, сказкам Шарля Перро или приключениям барона Мюнхгаузена. Не случайно критики справедливо причислили Доре к величайшим иллюстраторам XIX века.

ISBN 978-5-9603-0549-5

9 785960 305495

